

Приставленный

Синица Ольга Игнатьевна

Зудит: да изидет аможе бес повелить ему: зудит отягощённою неснимаемым, всё продолжающим стремиться к распадовению просвечивающей блёклые неспособности более влачить прежнее стояние самым язвенным надсилением личности моей возбуждением болью грузным гулким гамом рёва лафатерских грыз спадающих раздавленными сквози тех недвижных отяжелевших галиотисовых вязких иссушений пространств прочних влажьями трупных плюхающихся федаическими, оскоблёнными волиями стиворованных плотиями вопияния пустыни гормушек невозможиями, свистящих ствердевшим граяньем динамики власяных стесновений должных вонючим, ударяющим и хрупкостью своею в те несточившимся массивным ванилевым густым гноем разрывистых, вываливающих ударяющейся местами ствержения своего кислосладкого удобопокоения блёклого, тонущей разнородной, проливающей безобразнокузанские одения тех натягивающихся стояний пиохевией жирных миазмов собственных стечений одуряющего, дурнотой примыкающего человека к смерти пошатывающегося сооружения надломленного сердечными пухлыми срезаниями надрыва смрада приходящего: здесь Мой покой навеки, здесь буду я обитать, ибо: дрянной: то есть боль: горячечная двисною чуждого, останавливающаяся исключительно на пробивающую стоном природностей гостиковых воплощений мира материального супротив небрежения действительности идеи греха онного и ононого давку чуть стекающих к краям сложенного к стрязнённой прением свернувшегося личинками слетающихся подле неверных, нарушенных уродством собственного излишья определённого особенного калечного насекомых пота кровати обезображенного лица воспалений сочных чесотка вони страдания моего: оно зудит: оно зудит, и оттого не располагается мне о проставляющихся чернотой блестящего ссиления общего телесиях динамики того покоистым, одно сталкивающимся с выправляющим вовне обыкновенно купируемую чуткость несовершенства, самого явленного неприглядия проходящего, его величайшей несостоятельности забвенным, однозначно устремившимся отныне к неплотиестому мирением: не могу я дышать: не могу я мыслить и даже болеть: тот зуд изъел меня стянутым к неприсутствию горячим, иступлённым воплем шепчущим мне успокоения сна оловянным пролежнем: я: тут я нахожусь: там я изнываю: и то: адепозные, лоснящиеся кошмаром стенания: вы не чувствуете этого? Да, кажется, это больно: это невыносимо: я есть: я явился в мир этот могильным пеплом, и то: одна молитва: один Господ... к Нему то не подложно: Господ единственно: форма эта подобает хоть условной относительности: один Господ есть, и.

До глубины нежелательной, гордой вопиением существования вовсе, поддержания хоть того блажь пререкания точности нечистот подстранённых мне велено назиданием властного умертвия лечь спать: в молчании обморока человеческого и извечно привыкшего я не противлюсь: дети уложены, а муж ещё делает что-то по работе, и потому сейчас передо мною выстланы идеально сложенной циновкой условия для тактического, сволченного гонимой приготовления отступления: я надеваю едва пробивающуюся чесоткой твёрдости внутреннего тонкую, еле удобную, используемую мною чаще скорее в основаниях ритуальности той пижамы; теперь я точно засну: иначе быть и не может, и стригуном рождения неосмысленного: отвергнувшего. Для скорейшего засыпания следует завершением склок необрубленного, ещё тяготеющего меня в прочем подмыслии более внимательного или неграмотного упорства обособиться от иных дум и благотворного толка: блаженную малостью мысли расслабиться. Кажется, придумать более априористановую формулировку непросто до самого нераспространённого вырождения оснований тождеств сдвинутых, однако держать в голове то всё же важно и выделенным неизящием: дела слишком сильно: часто: и инертно: что опасней прочей категории безобидных количеств... нагромождают осмысление единственно волнующего, во внешней предметности же явленного обыкновенно преломлением нежелания и недолгия удовольствия опред подробно принимающим тебя осязанием твоего маловолия, расположения к состоянию завоёванной неспособности облечь прочее в цепку власти своей сном, значительно уступающим отторжению нужды просыпаться окрасневшим воспалением дрожащей неполности утром и подобным же образом требующим некоторого временного, вдавненного частотнее в ограничениях самых продолжительных оторопей материи презабвения для избавления меня и самости собственного от лишнего неистовства, что разумнее при невероятности воособлиться робким отвлечением заменить на вооставленное самым откровенностным чувством ошибки, содеянного страшною акрасией созидание нонешнего, внешнего: теперь я и не знаю о завтрашних заботах и радостях: воплощением экивок дубоевского ценителя отторгнутых того нет. Пружинящая сдерживанием внутреннего крепкими, только еле похрустывающими над вечным истощением исполина огрублённого цепями кровать: удобная. Пресытила предметностью привычия болезни человеческой, да удобная... и постельное белье... приятно. Стянувшаяся дерзновением горевины сширенной той власть отдыха продолжалась недолго или несколько, в чём от основания же сменится существо оно: стоило мне лечь, пристыдить самого или тем не возвратиться, как сын положением предоснования будит. Я решила не открывать глаза, позволяя себе отвечать лишь заспанною косвенностью одно относительно трезвых размышлений: можно ли назвать то сном? и можно ли назвать жизнь при подобии бездеятельного существа жизнью?

— Ванька, ты заснуть не можешь?

Ответа не последовало. Ну и ладно... хотя; дискомфорт величайший! Что-то изменилось или в одёрнувшемся тою безвкусною эклектикою осложнения дискретного, вставшего теперь длинными кольями лоснящихся внови образованными иглами ужаса людоего влас миропорядке, или на мою шею кто-то опёрся снова тяжелеющей на телах ослабленных ногой. Сорванные гребтеливою нежностью предожидания воспалённого, скованные самою великою слабостью продолжения глаза открываются: Темно. Я была столь сонной, что и свет выключить забыла; рядом лежит Игнат внезабвенным кошмаром стравленных, облегчающихся на нависании тех прочних обязательств одно человеческого обозрений гуртовых, замёрзших зимнею смертью от хлада представленностей. Ванька, вероятно, действительно не смог уснуть один, однако заметны для меня последствия эти стали только сейчас. Ничего страшного: можно спать дальше. Наверное, сны могли бы сделать мои ночи веселее или даже радостнее. Хотя... ладно. Вряд ли. Не хватило бы мне сил обрабатывать и бытовую, в правдах реального самую упрощённую, способную занять меня на некоторое время только из непотенции свершать иное слабостью самою жалкою, лишённую и выдуманной апелляции недолжного в осязаемом информации, и осмыслять образность едва складных, также только немотно заставляющих уделять им отдельные и достойные силы снов. Надо спать.

— Рассказываю Мария анекдот. В самолёте одному Макрина пассажиру стало настно плохо, а атмосфера такая дружелюбная стала, что всем аж роты Богдан щеки раздрают смерть. Скамейка. Стюардесса видит, что восискоро новый уже де на паче же яко пакет пассажиру понадобится, и под наси сени говорит: “Не бойтеси, сейчас я новый принесуши.” Возвращается Земляновы она он смерть и видит: всем стало плохо, а тот самый труп пассажир сидит и рвёт кожей липкою спокойно и Матвей улыбается. Это я. “Как так? Что произошло” — спрашивает стюардесса, а ей Иван отвечают: “Заметил я, что вытечет тошнотки скоро за границы пакета, ну и автор умер смертью!”

Неправильно. Да и совсем как-то глупо получается. Не нравится мне этот анекдот. Глаза снова почти распахнулись скрипящими ржавыми хлипкими створками, только фуксовым подложным уродством представляясь непошло распластывающим силы свои прекрасными, продвигающимися желательностью удивительных твердений подле мягкости той внешности пальцекрылками, и вид же происходящего спустил меня с неоснования того на уродство рассмотренного спустя мгновение непродолжительного, безмолвно стонущего в ветрах орозовевших трескающихся бледных столбностей пышных, расщепляющихся многотонным весом до верхних солнечных ударений облачий рвущихся и гибких, проваливающихся к той же обоесторонности света при сопутствии твоего земель труда: мой

сын танцует, громко топая, хохоча и рассматривая корчащееся лицо Игната, призывно расставившего руки в надежде услышать венчание своему анекдоту: детали финалевою властью наконец пробудили меня, ещё опийственной тяжестью дрожащую спутанными покрасневшими, покрытыми лёгким едким желтоватым прицветом пялами, тонкими надвигивающимися искусными узорами украшенными изрядно тёмными, выделяющимися утренними чёрными грузовыми синяками под онным: все труды мои, нашедшие действительность идеи вчерашним вечером в виде безызынно прибранной спылившимся трудом горшелем квартиры и тем паче спальни, самого частного места в частности ещё пышущих телесной энергией молодых, так незадуманно крушащих надрезанную медленно заживающими посиневшей трупностью яда стачивающегося плетьюми плоть людей, разрушены. Одна лишь образность произвольно разгневанного дурнотою внемленного лица моего заставила двух мужчин этих законодательностью внешнего призора замереть и отойти от стращённой нетвёрдостью гибкости подобленного помысли продолжать развлекательные комплексы в спальней. Повисло несносимое для них и самое лёгкое в бредах пробуждающегося доослабления однонаправленного молчание, которое, впрочем, особо и не смущало гутый неприятного само проходящее, ибо такое состояние окружающих среды и схожих со мною субъектов сейчас вполне безусловной филоитой проникает в состояние некоторой природной, перемежающей основания стихий наиболее ужасным образом, обязательно обозначенной не ранее и ноне катастрофы, разрывающейся в рокотливо хрустящих двущарасностью сглаженной шёпотом вырывающихся сосудов телесности невронах моих, да мужчины, очевидно, требовали какого-то продолжения знаменем гузки знаменованной баталии беркосенсуальных переглядываний. Я решила спать дальше. Такая обвизь событийного и волевого показалась мне явственно последовательной или свойственной, однако и вывела из произвольно сложенного тем невычием равновесия одна из произнесённых Ванькой фраз, не снятых бредом сонного восприятия с другими несвязными, воплощающими инородность той неинтенциональности едкой сторонними репликами. Он сказал нечто о сегодняшних гостях. Я не встала: не побежала заниматься делом, хотя заснуть мне уже не удалось бы: только одним приоткрытым глазом рассматриваю я постельное белье, неравным иемиминым воспалением представляя будущие нежелательные труды в расходящейся всё далее блажи квартирных этих граничий заурядных.

Высушенные действием пяты мои, кортомою власти усердия подложных единоначатий данных весом обвисающие на продлённом связовыми состояниями выбивающегося погулиями белёсого отпадения нестабильности прочего прохождении очрез игровую и коридор в агарье добратся до ванной комнаты, не единожды гостимую связанностью споткновения об нечто, в последнюю очередь обязующееся паровыми надвоплощениями есть

быть здесь, но всё тошнее ненеугласным императивом проходит мимо проставленного зарёю грузного, пробивающегося на периферии оказывающегося в действительности недолжным или хоть обозначающим это нарастающими волнениями древесоподобных окрасневших надпростков колючих холодных частных уподоблений шипения вужного земляного внимания моего, да и обращаться к этому нет желания. Сперва я, привычкою стравленного негласностью вровненной, сглаженной и сбитой плотью навязчивого звонкого хлюпанья, тупого шлепанья с сальностями надсушенных обозрений станowych эмпирики скуделя внезаполненного внепестротно намочив перед и после выдавливания зубной пасты на срезанную к косновению пальца моего большего рыстью содержания внешнего щётку, чищу вертикальными подпоступательными движениями без сильного нажатия на области выявленно взбудораженных лавью обязательного, всё же недостаточно освещённого умом деятеля в пюшоне того кормила чернотного, обрекающегося в мягкостях жалостного малозначимого упоминания пошловатой в той мгде оценки нависающего изрядия пустотных обвинений существа ритуала дёсен застоявшиеся излишнёю твёрдостью иеровоамового проставления напряжённого несодержанием отсутствия и облоки за искренностью мысли определения онного должным есть действительством обходимого труда времени зубы, не упуская и находящуюся в зоне риска попадания корнетом восстающих объявлением нерождества подложного и внесущностного, смытых непогрешимостью раздвоенного только наличием, образованным в спутьях корней досказывающего отсутствия изначального же остова гречневиком слабонаправленным срыхлённых положением собственного бактерий плотный, еле отвлекающийся от верхов тем отсоединением нетяжёлым капюшон над левой восьмёркой, только потом умываю отяжелевшее гаком вношнего, смрадом истинно надлянного плотью существа неотложенного человеческого лицо не успевшей уже и после в той экстенсивной недостаточности и невыученности превоплотиться теплотой обвисающего под витиеватыми просвечиваниями поверхностного малоценного упорства водой, параллельною расточительностью самого грузного сперва и невероятно несущутимого после чувства наконецтошнего переживания своего и явления смывая и оставшуюся неправильностью означенного и требующего вальбы материи невоостребованного, отвергаемого в определениях подобной усердности пояснения пошлого и при неприятии оправляющей тебя незабвением ошущенческих прибавлений сложности и ненарочитого, одно обязанного в сребристых прощениях недостойного парадигмы на державшемся пуантелевыми игляными отростками подбородке вырождающуюся громоздёнью истинного пенку от щекочущей присутственностью своих отчуждений непонятого, упрощённо воспринятого абсолютным несовпадением подозрения малозаинтересованного власяных художеств пасты, мучительно для нынешнего нежелания сконцентрироваться на чём-то продолжительною ясностью или

хоть позорно отвергаемую упрёками внутреннего младенчества невыгодного серьёзностью, прерываясь множественностью методичности сбивающейся сомкнутием пятидесятижелтячного, в циклах тех превоплощающегося в ломкие, дуращиеся наслоением поражения и боли костности предмета основания гряды на чуткое робкое чувство происходящего и теплонаблюдаемого, привычным невниманием на то расчёсываюсь и вытираю спошлённое разрыванием ангельского в нахождении нетошного лица издовольно мягким, дробящимся под властью вырожденного стачивающегося в том ватным диском, вопреки привычной, упрощённой только частичной профессиональностью сворачивания знания желательного сием откудошним нетепличного, обрамлённого сверканием холодной, возвращающей в нутриях своих последовательной медленностью сальные пульсирующие окрасневшие наросты темноты умывания процедуре, смоченным празднично дорогим, в существе же обыкновенным, да неровностию корца исправленного возбуждённым явлением инородного среди деленья разнежения тоником, торопливым бесчувствием того в сквозняках прочих потливых состремлений ополаскиваюсь инородно въявленной светом наблюдения сияющего безъянного воплощения пенкой и делаю восстанавливающую маску неместного появления или хотя бы воображения: о ней я знаю только это, да и обязательство держать то телесем распадающейся знатю о несовершенстве страшном гунжди конкретно двадцать особливых, враньём обыкновения воплощённых сложностью бликов золотистых поднеожиданных минут относительности своею раздражающим трепетом зудящей дрожи претит. Это время я, естественно, трачу не на обозначающийся в мысли моей излишним или недолжным явлением сейчасного положения к ороговевшему стоянию практики отдых: уже с должной пошлостью нарочитого пафоса приветствую я преломлённых знанием обязательства и остоности, сокрывающихся коснением двоймы оставленного лизновением мучительного безделья расположения домочадцев всех, инертным несовершенством иногда выбивающихся в стороны иные случайностью неподготовленного легко протираю уже запачканную кем-то светлую, обставляющую существо инакового светом тени коричневатой, ссушённой феноменоприсхождением шипящих окружий наблюдательности рассказывания грязи клеёнку, непоступательно напорядоностью мою оставленную вчера Игнатом многочисленную, сложенную будто специально наиболее неприглядным и неприятным образами в зыбях динамик прикасания обоедолжного тёмную, только очень редко преломляющуюся на прозрачие инородного рельефа красоподобного посуду, насыпаю в блестящую мимолётием отказывающегося от действия в пользу занятости сторонним опадением и полностью сознающего неприглядную природу того оставления безрассудности взора прочного мультиварку два сверкнувших на солнце стакана слипающейся к хладным краям вязкою, подскакивающей на прежнем капелью внови замеченного овсянки и пять

стаканов холодной, возбуждением жаждущего ума искажившей правды представления собственного воды: сначала возмущалась общность уподобного вращённым правдою невозможности колебания одного искусом побарываемого перво внутренностью же взгляда или невозможного, динамикой реального стравливающего воплощения чуждого помирнения, дельнёшенного радостью скругления должного направлением тишины несказанного барьерного временем отказом от каш не на млеке, вот я и начала разбавлять его с водой, дойдя за прибранный звоном грибatego амарантового размыкания месяц до полного расточения осязания сыном, дочерью и мужем того обмана относительно условленной только отверженною далью феномена андронкою рябого обозначения вражды тоевого вышнего постности потребляемого ими продукта: их отказ стал порождённой странностью рецептора и неадресного соединения блага с ноевым, газолиновой пресностью спарения войной, но они теми же неостановимой скоростью, уязвимой трёхшаговыми смотрами защитой должной мыслью не учли, что последним сегментом определяющей давасой согласия в этой структурности валловых изъявлений цепи являюсь я. Чтобы муж, спелеляющей воскресением жизни воссуществлённого ромульным образованием гумагой любящий лишь вымывающую в моей неколебимой мысли о том нового знания кальций, да за тем единственно подходящую безустным столкновением положенной непродолжением страшного дерзости кашу эту из подростковой привычки, и во второй очереди дети, не имевшие возможности привыкнуть ещё окончательно к определённому мирьямовому, именно центробежному необорачиванием транслятора иммерсивности существующего сквози невоплощения реального вкусу, не заметили подмены, мне приходилось объективной оценкой излишнего упалого семенения перебарщивать с нарезаемыми в неё наплёпкою жирного распознавания бананами и замороженными веригую цексости хлада внешнеобразующего, власяною влажью скручивающими естество блажи внутреннего ягодами, теперь же я уверена в плане: пусть они добавят по вкусу, точно уверившись в фантазии якобы воплощённой тем вольности своего выбора. Были есть добавлены несколько завлекающих, подтверждающих бездвижением влияния искажающего деталей, а стол уже преобразился: я закончила свои утренние дела и позвала снова семенящую правом среди сбеления рыхлого неположения шерстяных сокрывающих покровов властью выбора желающих позавтракать. Откровенно говоря, каждый раз дерзостью некумулятивного чувства недолжного шевелится во мне явление нежелания образованной великим трудом проникнувшей сухостию убытка существующего мысли о нежелании из таких отложенных ощущений тамошнего существа скромности кухни, что и располагающего на себя замученные стекновением несращённого томлением уродства стинного ноги стула нет; Игнат же, почётным ламеховым неуместием выполняя почётную роль должного, взгромоздившего си вроде уточнений тоего и серостью сверкающего

интериористическим сжёвыванием глаз уменьшающихся видов своих моим семьянина, в шутливой манере отчитывает отказавшегося от семейного приёма пищи любого волнителя.

— Сегодня каша какая-то не такая.

Игнат заметил. Не удивлюсь, если всё то была продуманная, отбивающая в гуле тишины того безвременья рывками рвоты отрупевшего волею младенца манипуляция сокрытой от меня интенции. Нужно будет в следующий раз подлить молока.

Теперь мы все сидим за семейным, фталоцианиновым зелёным кронем отблёскивающим гряде свежаваний внерасположенных и стянутых столиком, залотошным неокончанием для масштабного, губом отрождённого воплощения спрямлённого существа опробованного ежедневною крошью неуместья ежечасных привыканий к неинтерерорецепторности высказанного поместно неловкости собрания умалчивая о произошедшем едкою трелью шипения обёрнутого в своих жизнях; только семь утра: время есть детоводитель наш, и. Игнат и Ванька пристрастились к режиму полноценных, неожиданием того подвергнутых нечастью голосного искажения спрямлением жаворонков, а женщины в этой семье, как наблюдается негребозно адаптировавшейся к сепфоровому доставлению практикой, не отличились подобными нравами: спасшая меня дочка Оля вежливым отвержением собственного возыщания посапывает прямо за столом: Игнат же, отвлёкшийся от изменившейся чем-то загадочным в ласканиях частности его гульчастой неадаптации к требующему того для него каши, смотрит с удовлетворённым, извергающим пряди основанностей стенённых умилением. Всё шло планомерною гладью предобдуманного, в очии допускающего выявление стороннего, пышущего холодом забвения непатриархального негармоничного, отошедшего от нонешнего и прежнего ненормальным предметностями мира и нескрытостями земли, осязанием нецентричности в обязующемся иметь то уклада ужаса спокойствия обозримости нечастного, однако мне будто что-то напоминало о давно забытом: требующем своего расположения в уме моём, да...

— Каша такая же вкусная! — не влюбиться в Ваньку, моего пятилетнего, обворожительного сплёванными данницей божьего наслаждения нетутошного чертами и сторонами всеми своими сына, есть абсолютно невозможное: иногда меня даже пугает перспектива его взросления взрывобуровым фуксовым, груздиковой сладостью смягчающимся подле периферий откажённых, возвращённых блеском ненужденного и определяемого представителем таковым вследствие твёрдостью шипящих далее кор спасений халазионных ощущённостей темнот сверкающих воспалением внешнего чувств; и лепестки те спепеляются жаром рождения, и огни эти согбенны в глазах тех. — Кстати, а кто сегодня к нам подойдёт?

Именно это я и ососредоточила блажью отдающей гулками порезами шипящей отражением внешнего самым кожи памяти. Именно это и вызывало у меня распространённую в дали неопределённого, лишь снующего тождественностью сумочного нераскрытия продолжительных, сломленных вживанием в то гребков сна в моменты потери скорее нарочито объявленного сторонами схлипываний внешних маскирующих, обманывающих должное подострённых непалиц душевного равновесия и вспоминания мельчайших подробностей об отношениях своих близких...

— Сегодня к нам аж три раза зайдут наши родственники!

Хотелось бы мне ответить Ваньке с искренне вранённой сиянием честнот непротивных улыбкой, но не удалось: выдавливание бьющей по хрупкости отбивающихся отне власти собственного мышц лица интонации уже легло на меня тяжелейшим, облегающим края губ при попытке воспроизвести необходимое парализующей оставшуюся человечность сверкающим, темнотою обязательного концентрирующим исключительно телеса мир того возбуждённого невидимом дрожью грузом.

— А почему три раза, а не один? Это тайна?

— Можно сказать... да... — грязь усомнённой в самости превосхищения плотистого готьбы моей будто противилась говорению и склонению сына к тому, однако я образовала и поддержала положение именно тоего существа, и потому мне следует не отклоняться от заданного курса: неуверенность теперь станет только обременительным, уродующим ещё и те елисейские стравления дильтейных действительностей фактором. — Можешь считать это игрой: правила же будут состоять только из одного пункта: никому нельзя говорить об игре и о том, что сегодня тут были или будут другие наши родственники.

— Хорошо!

С Ванькой всё просто, а с Олей придётся уточнением скрепощений наполого нагруженного откровения поторговаться: сегодня мы собираемся не только по поводу случайности в виде почти фантастического неостановлением земляного обстоятельства, при котором все мы свободны и никуда не торопимся, долгой, неловкой уже в отдалении представления их смущённых образов паузы в общении с родственниками, крестин Ваньки, о которых он, скорее всего, и сам забыл нашим ненапоминанием, и нашего приподнятого настроения во время придумывания лёгшей обликами ревизского пtifурного рассредоточия затеи этой: Оля недавно сдала на права, сильно нервничая почти безликовым страхом отстранения человека от валтасарового во время всего обучения, и потому такая праздничная атмосфера оспособствует её большему осязанию хорошо проделанной работы вопианием разнопричинного недолжного от неспрямлённых моего и отцовского лиц; я продолжала смотреть на Ваньку: лицо его было чисто и даже пугающе совершенно: взрослые люди, в коих

я инертием окружения собственного не учитываю праведников, могут узреть в совершенном чаще лишь своё уродство: лишь барьер, что мешает тебе выглядеть таким же образом: Ванька же есть мой сын, и потому я не могу при виде его чувствовать то же самое: однако: он далёк от меня: ученик, что ты хочешь узнать у такого неуверенного и грязного существа? что могу я дать тебе в этих надеждах? справедливо мне лишь пожертвовать собою, да и на более я не был врождён самостию станового.

Мы, дружным единением перебивая свлажнённый протори скрещивания вынуждение общесильных необходимостей темп поедания неотзывчивых ныне ионодавым сряжением определения товарищей своих по едкою крошкою наполняющемуся постепенно дерзновением единственно выявленного столу, вполне срогоवेशею сутью семени онных симиляций позавтракали, я убрала потрескивающим дуновением нагромождённый подле освобождённой от иной твёрдости металлических колких возвышений мысли стол и напомнила Игнату о сегодняшней периодичной обязанности мыть после завтрака немногочисленную, за тем отбивающую иное влечение к жизни посуду, очевидно, сначала озадачив и расстроив его тем спрощением минимального возможия, позже воодушевив ненадобностью участвовать в приготовлениях к скорому приходу уже будто преступающих хрящи возрадованных нежеланием и даже неприятием оных телес гостей наших: мыть посуду можно, конечно, долго, но израилова конфузия плена впращения малости обязательного подрывает его невыход лимфою позавтрашних обязанностей сквози ковки неленостных слаблений: к делу он в любом случае будет причастен. Первичная подготовка представляет собою наиболее долгий, представительный деликатностью невозможности неотвращения вследствие худобы реального процесс, более не повторяющийся; условная вторичная же состоит из позволяющей шероховатости невнимательной опалубки сгибченной правдою превоплощений своих формы уборки за прошлыми гостями и повтора воспрещённых таковыми за деятельностьною духотой положений чуть колеблющегося, выделяющего образностью прочею исключительно важные особенности творческого уникалия красот на столе, что занимает куда меньше времени, однако должно произойти дважды.

Проведение сразу трёх мероприятий у себя дома для нас, юродством внимательности к дисгенезии окружней неправильности отвыкших вовсе от любых излишних пошлых, хотя и позволяющих безвкусушью изрядно сладкого и неслышим громкого разделить беседу с человеком соседского долга и родства празднеств, значительной грудовицей диалогового ослепления ввело всех в состояние неэкзальтированного напряжения: потом же эта процессия и обретающею влагою лишь сухость желательного кожей одномоментного труда даже начала приносить некоторое удовольствие: мой муж, преодолев робкое внетелесное смущение и земляную, пресмыкающуюся уравниванием органического чувства злобу от прикосновения

обманутой своею женою судьбы, приступил к перестановке отторгающей сути и сокрытия тех острий мебели привычного блошиного отсвета и приевшихся бытом вечных отвердевших пятен; Ванька, нисколько не сомневаясь в большей результативности нарезки в профессиональном, преподающем обособление от дела и в то же время предельную близость с ним одиночестве, рекомендованном мной, с крайнею в оном серьёзностью нарезал детским, ещё могущим способствовать тому ножиком уже прохладные, вливающие в себя испарения пространств сторонних от разносоставными узорами свисающей под нашими мягкими главами люстры варёные яйца для салата в своей комнате; Оли же, не уступая моему плану ни в одном отношении, оказались на кухне и чистили свежие, уже поддавшиеся ночному влиянию холодильника, хрустящие и тишиною мягкости овощи.

— Слушай, сейчас только восемь утра: встречаемся в девять; большая часть гостей же начнёт подтягиваться только к десяти, да и есть станут они далеко не сразу, поэтому с запечёнными овощами и курицей можно повременить: не хочешь отдохнуть?

Искусственность произнесённого была свистящей, опадающей подле чаяния существа продляющегося рыхлыми, проявляющими едкие пары проникающего сквози должны неспричинности света облачностью грядой понятна и мне, но замаскировать её хотелось под естественное, рубцеватую сдавленную материей подстремительно облёкшееся желание матери учащейся в выпускном классе дочери, собирающейся переехать в большой город, хотя подобным мы и так чуть ли не развратными сквозняками осуждаемых, свергнутых плотями амосовых горех нетей пренебрегаем, обсуждая и самые мелочные, в той влиятельности сваженные пустотностью лопающихся сеток новости детального.

— Давай.

Объявлено было сододельным из мельтешащего, пытающегося аккуратно ретироваться нежного, сиянием своим лёгким обличающегося искрою боли дальнейшего и существующего прекрасного юного тела чуть проблёскивающим смазанными ливреями зудом её отвлечение на ответ друзьям и знакомым в социальных сетях или что-либо, соответствующее, по крайней мере, её прямым, а не преломлённым подсогласною властью родителя и иного человека интересам, чему достаточно дерзко, хотя не без обязательной вежливой нежности спряжения внутреннего гнойного самонадреа противостояла я, упёршаяся об единственную, уже довольно изношенную, иногда даже подставляющую представителей своих владенств гусевых починов межкомнатную кухонную дверь и пристальным добродушием смотрящая в её несвойственно удивлённые, значительно увеличенные моим аккуратным призором глаза.

— Ты что-то хочешь вместе поделать?

Моя дочь всегда была невероятно проницательной.

— Я предлагаю тебе любое соревнование на твоих же правилах. В выбранных тобою дисциплинах. Проигравший выполняет любое желание победителя.

Оля милым сиянием зародившейся, думается, и неподложным обстоятельством неаскетичного, обличающего блажи двереничниковых расположенностей хотения мысли приподняла левый уголок еле бледноватых, увлажнённых уже бальзамом едва навязчивого, но в общих очертаниях бедствия самособственного запаха губ, рассудочными усердиями остановив почти приподнявшийся уже противоположным, и со слегка сверкающими уже иным дерзновением благого неприставленного вежеталя глазами шагнула в широкую, расставленную слишком частой необороной сторону мою, своими густыми, отягощающими даже излишнейстью своего качества волосами воспарив кверху.

— Я согласна.

— Какая дисциплина?

— Шуйцедланеборяние.

Моя дочь продолжала более воодушевлёнными, уже ожидающими реакции на содеянное, но не на воображаемое честными, прибавившими в собственной добродушности глазами намекать на свою же непреложную заинтересованность в этом: здесь важным есть уточнить источник её крайне необычного, даже впивающего характер негационной взаимодолжности интереса, могущий исходить из цели чем-то меня озадачить или из спортивного вожделения, однако так преступать свою же светскую, обходимую неотказом от воплощения чистой, стерильной от профессионального качества и допускающей субъективность хоть в сторону победы увлечённости соперником серьёзность я не могу. Придётся согласиться.

— Отлично. Я согласна.

— Так ты же в любом случае не можешь оспорить мой выбор

— Это... — горькая, — правда.

— Давай тогда сперва стол освободим.

— Да.

Я проиграю. Я не ожидала, что хвалёная в первую очередь именно эрудиционными тяжелениями дочь моя выберет такое невыгодное нам обоим состязание. Нельзя проиграть. Мы убрали лишнее с теперь пустующего очевидной недостатчей лидийных воссуществлений шерстяных озонистых чистот стола и даже приготовили небольшие, в действительности вырожденные крайностью несовершенного качества возвышенности в виде иногда проливающих грязнотные нежелания гифемовых окончаний тряпочек, густотой своей относительности имитирующих, очевидно, сполняющие задачи несходных толков подушки

на профессиональных, к совершенству нашего и близко не приближающихся столах для шуйцедавания. Подобия столбиков мы не нашли.

— Мам, в рукоборстве я совсем не разбираюсь, хотя пару раз слышала о каких-то техниках от своих одноклассников; на этом моё знакомство и завершилось. Руки у меня слабые, а вся физическая подготовка ограничивается несколькими героической волею мною не пропущенными уроками физкультуры. Если средоточиться на прочнем, ты даже в более выгодном положении: я молодая, однако всё ещё определяюсь ребёнком, у тебя же была вся жизнь на непрерывные изнурительные тренировки.

Тут уместным было бы напомнить ей, что о прогулах я не знала, но прерывать иногда перемежающийся с очевидными выступления ближайшего толка пафос битвы не хочется.

— Хорошо, давай.

Мы сцепили мягкие хрупкие женские руки: не хотелось бы признавать нонешнюю, точно замеченную соперницей потливость моей правой, хотя и пребывающей теперь в нахождении наиболее выгодном и могущественном, тысячекилограммовой бронзоватой гигантской тренировочной надивкой обременённой словно сейчас ладони побледневшего точечного, сильно выделяющегося среди алых пятен начавшейся преждевременностью детерминированного обоеострого поданализа будущей битвы давки оттенка пергидрольной блондинки, сейчас готовящейся к великому, разверзающему холодные тихие, напоминающие каждое утро, что мне становится только хуже, что с каждым днём от меня остаётся всё меньше человеческого, всё меньше радостного, подверженного хоть какой-то надуманной художественной витальности в том рве шёпотливого, режущего плоти мои гула, ветра, вскоченные бурями болезненного зноя земли, сбитые вихрями отошедших от нашего столкновения сил небеса и окружные тела бесчисленные напряжению после многих лет мещанской планом незадействования потенциала собственного жизни; признать придётся.

— Готова?

— Да.

Своим вопросом она утвердила начало легитимного легального невероятного, как раз и разорвавшего твёрдости земляностей окружных щебетом искристий неподробных чеглоковых слётов выброса странной, ощущаемой лишь абстрактностью воли силы моей: молниеносно стравившим рискости тех телес грохотом, удивительным образом прошедшим сквози словно должной изолировать то от шумов и болей человеческой тряпочки, я вособственным непониманием вращенной в темноты разрывов материи власти притягиваю столь же слабую и ненадёжную ладонь своей дочери почти без существующего заметною волею соперника супротивления к столу. Припухшие подобным неожиданием и осязанием всё же предложенных надрывом налившихся кровью вен на тонкой, бледно просвечивающей

иные сосуды только неприторностью единственно женского шее сил прекрасные глаза её выставляют скрыто удивлённую искренним негодованием ужимку: остановившуюся же прежнюю неизменностью руку скрыть не удалось.

— Ты... победила.

— Да!

Теперь я почти насильственной новиною сцепляю окрасневшие редкою белёсою ровною немотою правые руки наши и готовлюсь к произнесению прекрасного, огером раскалывания спокойствия и спортивного существа дочери воспалённого вопроса о готовности ещё не смирившегося с моей победой оппонента.

— Готова?

— Да.

Моя рука снова начинает давить первой, столкнувшись уже с иначе представленным, возбуждённым самооценностью и кумуммулятов сряжений прочих сопротивлением, однажды даже погрузившим наши руки грозными, синкретизирующими бытие несамой категорией отстранённого надмочками в мою зону обороны, однако я вновь продемонстрировала превосходящую уже честностью обоесторонних дерзновений силу: я скромно укладываю её лёгкую аккуратную, несвойственно сдвинутую усилием руку на тряпочку.

— Мы же до трёх? — теперь Оля почему-то стала куда спокойнее, даже едва нагнетая восставшую одно возможным гаком пробивающегося грамотой кубических граничений жибца радость мою от победы опийственно слетевшим ко мне встречным взглядом, в итоге всё равно перевесившую парализующую меня миазмами сомнения мощь спокойного вопроса-утверждения. — Вообще, правильным было бы, как мне кажется, играть до трёх обеими руками, но ограничимся только правыми.

Игра? Это уже не игра. Как же радуется шафрановою колоболом обтёкшееся нутро моё от отступления соперника, возмевшего от осознания того скорого проигрыша гордости оступившегося, хотя понимание, что мой противник представлен собственной семнадцатилетней дочерью, безусловно, заставляет иногда себя пристыдить трезвостью сношения с плотию непритязания экрювого над тихим шевелением отстранённо болтающейся видом на меня люстры.

— Да! начали!

Сейчас мне стало казаться резкое начало третьего раунда ошибкой, явлением, заведомо обозначенным в реальности станостей должных мира этого не просто лишённым существования, но имманентно отсутствующим, несмысленным в остовах самого возникновения, однако спортивный, дурманящий уникальность мысли и её существо в целом интерес взял верх, хищным надрывом отстранения окончательного наставляя пробивающиеся уже

нечеловеческим недолжным свечением очи мои на поставленные золотистыми знаменами круглых рамочных узоров ладони Оли.

— Да.

Загадочная мне угроза содержалась будто в одном этом одобрительном хитром согласии: я начала явлением прежде невиданной способности давить, встретившись с куда большей, рассохой расщепившей мои незыблемые совершенства властью, тотальным подчинением души оной в материи и сквози неё силой: дочь вошла оборонистою простью смелым одномоментным неколебанием и стала удерживать все мои усилия там, и не смогла я ни на сантиметр сдвинуть её кверху: предстала предо мною, как мне ранее казалось, слабенькая, успевшая ко второму раунду активировать все свои сворачивания ожних направленностей дочка колоссальным преобразующим естеством данного, ранее просто играющим со мною, ищущим лишь подставляющей нечестный ослабленный облик пред возрадованным пошлостью человеческой гадости забавы в людских же искажённых умах, и не моглось далее проявлять свой азарт: с пущим, раздающимся сжигающим телеса грешные зычным рокотом среди миров огаенных конвергенций крушительных человеческих нимбоив де жи на рекути пещи оной грохотом плюхающегося жирным одеялом на тонкую хрупкую плоть кипятка, схожим на пестротную рябую вязью сопровождающий мою первую эффектную победу, она меня сокрушила. Я не стала ничего говорить, только продолжая внимательностью удовлетворённого напряжения рассматривать вновь обильно напотевшую от неоправданных усилий и разочарования покрасневшую, словно изменившуюся в той несвойственности формою людскою кисть: в безмолвии комнаты я едва замечала подрагивание короткого сгибателя, да плоские ссиления те остывали с каждым несильным ударом, и в отвлечении моём рука уже успела обособиться, и последовали в том деяния...

— Готова?

Я не стала отвечать: молчаливая дрожь испаряющей воздух кислотными напыщениями ропотного напряжения рокота отдушенного в руке моей обозначила старт сражения преломлённого в том крайней дискретностию видимого и отставленного: сейчас мне хочется проявить хоть жертвенною слабостию её истинный потенциал, и потому вскоре я перестала оправлять позволяющее пока ослабить оное влияние в своих связках и мышцах. Оля отвлеклась и посмотрела на меня, встретив с обратной стороны одно периферийное замечание её действия и начав давить: с этим могуществом силы властного же в материи не сравнятся и древнегреческие полубоги: и Оля давила: давила меня: давила плоти мои, и те болезненным хрустом трескались под её волею: то есть подчинение материею и материи: то есть власть субъектного, и.

Третий раунд начался в зыбкой, оправляющейся дробью тканей пустоте озябшей тишины: я приложила возбуждённые последними афронтowymi сплочениями сбухших вязким рвением пробивающей иные направления нескончаемым мощнейшим гырдымовским наконецтошним насыщением человеческого вопиния сквози посредства чувства крови плотей усилия все, даже поробовав еле проблёскивающую шипящим зудом тупого стяжения боль в середине плеча и около запястья, но была тут же сокрушена мимосекундным потяжением великой силы: той силы, что остовом своим изначально имела одно скупое количественное преимущество в показателе, и потому даже техника не могла преступить холодную тяжёлую дельту наших далекоотставленных разникновений: я проиграла, жизнь больше не примет привычного, обглаженного неосязанием своей абсолютной, выраженной потраченным на празднество безделием слабости оттенка; мне, видимо...

— Так что ты хотела пожелать?

— А? Да так... — мой план ныне не имеет смысла: его лучше незабвенною честностью забыть, настраиваясь на будущие мороки, которыми я обременила себя же собственной, возбуждённой недостатком информации о сопернике и своих силах гордыней природностью же япсерсоконфликтного, — ничего...

— Ты же что-то конкретное предполагала, предлагая мне соревнование?

— Теперь это не имеет...

— Это моё желание.

— Что?

— Озвучь свою идею. Это моё желание.

И озарился никогда не представлявшийся прежде греху и черноте земляного лик её светом выстину благородным и бесстрастным, и распространилось добро в насыщенные привычием к наблюдаемому миру темноты личного и волевого очи, жадно набитое телесностями животных и растений чрево и слышащие прежде одно лишь ужасное и, как казалось ранее, единственно существенное человеком внутренним уши мои, оберегая всё большие спокойствие и равновесие: не только душевные, но и миропорядковые...

— Знаешь, сегодня к нам не один раз придут в гости, а целых три...

— Ого.

Лицо её произнесением того нисколько не колебалось, и при этом даже не должна присутствовать сомнённость о ранних подозрениях насчёт схожего явления, ибо как-то раз мы уже производили подобную манипуляцию двойственной формой, и тогда то никого не озадачило: Ванька ещё ничего не понимал, а Олю это словно не интересовало до порога достаточности, что после требует пояснений.

— Да... И я, несмотря на то, что сегодня и твой праздник, хотела попросить тебя изображать вид незнания этой усложнённой условности структуры проведения...

— Ладно.

Глас её не производил прочую эмоцию или идею: то было именно трезвенное согласие, когда мой же шипящий вопль тишины есть приглушённое среди навязанного думанием моего же волнения, и потому различить собственную интонацию я не могла.

— А?

— А Ванька знает?

— Да.

— Хорошо. Тогда всё должно пройти по плану, — было ли смыслием обречено существо моё, мною не известно, и все же те согбенности ночного гипноза дурностанного. — А почему ты просто не попросила?

— Мне казалось, что ты что-нибудь эдакое придумаешь и обхитришь меня... Было бы весело, но сегодня это особенно важно...

— Я же твоя дочь.

— Ну... да... — глаза мои чуть ударили в шорох бесчувственного рыхлого уголка, и едкая спелостью песчаного надреза смышливого точка продолжала биявить в те сквозни. — Прости меня...

Излишние в волнении припухших сглаженных оправлений вина и колебание вместе со столь неожиданным согласием на помощь изнурили слог до подобной скупости, да в сердце моём играло тогда не волнение, а честная, пока сокрытая от яства внешнего преломления светлая радость.

— Ничего такого. Я же не собираюсь маму свою отчитывать или ставить её в неловкое положение: если это для тебя это имеет подобную важность, то ладно, — чуть разорванное же с плотиями мира неуместие встречного извинения было отражено явившеюся мыслью, и мысль внови образовавшегося стала радостной или весёлой: она облеклась в должный праздный характер, и оттого и внешностью Оли значительно сменилась интонация нашего разговора. — Но во время игры ты как будто съесть меня хотела...

Моей властью редуцированного или даже пресполненного изначально формой особенного содержания пояснения не последовало, и столь непродолжительное, что само оно называть таким будиет попросту тяжело, молчание тут же срядилось едва строгим воплем искреннего энтузиазма:

— А, кстати! Как ты меня победила?

Изрядное число условий временных мы перебалтывались и множество раз потом деверянными елимовых скорённых, звенящих глорией существ пресмертного и послегрешного

оснований доверенностями обнялись, пока возмущенное конкретно хорошим, по крайней мере, приятным участвующему в том вырождении динамики чаяние эту не прервали завершившие свои важнейшие дела мужчины: уже немалое время-де попросходило подо сновним сположения моегого: пора завершать приготовления и ставить подуставшую нашей неприкладной непроизвольной бездеятельностью курицу в духовку. Всё то было поразительно весело и просто, и ничто на деле не стало причиною соблазнения тяжестью своих стараний: природа того, кажется, именно в преждеспложной психологической, позволяющей иной раз быть отставленным от боли или душевных страданий подготовленности к тому: с мужем перед сном я не единожды обсуждала принимающие характер представления организационного несовершенства волнения свои насчёт именно первичной подготовки: то обернулось одним удовольствием, и теперь у нас есть целые получасовние сомагновение на стягающие продолжение иных воплощений гузновковых обыкновений разговоры и невалаамовы, приятно развевающие разницы внешнего наблюдения и внутренней деятельности увеселения с определёнными, нисколько на деле не мешающими средоточению приятного оговорками на организационные моменты до прихода гостей, скорее всего, привычкою неменингизмовых положенностей намеревающихся навестить нас несколько позже назначенного времени: потому справедливо считать, что на отдых у нас целиести часа или около того.

Все мы объявились нестеснённым единством на мягком широком, местами ссохшемся прелостями окружного диване фалунского красного в домашнем кинотеатре, что чаще выполняет одно роль второй детской и игровой для Игната; Оля до сих пор очень хочет спать, а в не принуждающих к какой-либо деятельности условиях она уже начинает безызынною блажью дозволенного горячия горюговых превелений засыпать: впрочем, мешать ей смысла нет, да и при желании я бы, учитывая её доброту и снисходительность, которым иногда фуксовыми оттичностью исключения недолжного противоречит её же страсть к нередко преходящим пороги положительного розыгрышам и шуткам, не осмелилась на такое; Игнат, по всей видимости, обнаружил золотую, распространяющуюся телесами нескончаемости своих стончений жилу на безвеликом пародийном поприще этом: он показательно поочерёдными гордыбачными ненужными взглядами подле закрывает левый и правый глаза, с каждым разом всё сильнее их смыкая очевидно нарочитым усилием пеночковых несвершенств, послушною тяготою выпрашивая у меня тем разрешение на абсолютное безделье: своим молчанием я как бы соглашаюсь на это, однако по причинам использования хитрости, а не обычной просьбы: мне всё-таки присваивается вдавленная нутром собственным, легитимностью сторонних дозволений грешняковых толков привилегия лишний раз просить о помощи: именно Оля, теперь вовсе громко посапывающая на еле сложившемся мягкостью оболочки диване, будто дав указание к действиям находящимся

здесь, натолкнула меня на утверждение так ярко выделяющейся теперь сущением собственной правильности идеи этой.

— Мам, — только искусно подставлявший пред рыдвановой невозможностью преступить прочую озадаченность внешним Ванька неизменно поддерживал достаточно активную честную бодрость свою, и в условностях наблюдения спящей непробуждаемым незавелевым роком сестры и сидящего с самопровозглашённой недееспособностью отца сохранил интерес к происходящему: казалось, он рассчитывал разделяющие открывание век своего папы с особенным дидактическим вниманием интервалы, продолжая простотными уместием и нежностью говорить со мной. — А кто сегодня придёт?

— Точно, я же не говорила... — под поддержанием не только игровой, ставшей скорее реакцией на его ангельский, сияющий излишней черноте моего взросления правдостью облик, но и плановой формы необходимо обозначить границы нашего обмана или, как мне более нравится осязанием неблагоприятности одного в условиях всеобщей, потенциальной абстракцией слеговых рассистемий известности, благой хитрости: я планирую уверить участников каждого из трёх походов в их уникальности того же толка, рассказав о невозможности принять сегодня большее количество гостей, а те, кому мы будем об этом говорить, конечно, станут обозначены едва привранной форшпановой недальновидностью или надеждой на их будущее, частично и вполне оправданной значительным непотенцией подобного стечения несовпадением особенными, самыми важными скорее толка липпсовского вчувствования: остальных пригласим позже, вы же для нас на первом месте: они, разумеется, вряд ли захотят в спокойных, не склоняющих к конфликту хоть и оппонентов своих условиях хвастаться этим, прикидываясь ловко сцепляющими все тайны своих лучших друзей и самых близких; по крайней мере, такова зыбкая, уже не подложная искажению ради внутреннего хлипкого, подле организационных волнений, коих отчего-то полностью лишён мой муж, сбивающегося напоминанием о власти случайности равновесия надежда моя; Ванька поможет игривостием и обаянием, а Оля оспособствует радушием: Игнату и так не хочется обретать лишние заботы со всеми этими семейными скандалами, и потому всё должно пройти хорошо: малообдумие тех условностей изрывало меня порой и чаще, однако всё приобрело характер, не допускающий малейшего отклонения от задуманного: всё было содеяно, и потому для сохранения былого спокойствия я стремлюсь спасти хоть сдерживающие тяжести сделанного выбора ломкие рейки: мне присуще незаурядное восклицание прохожего, при котором он лишён мысли о будущем и не имеет запасного или хоть немного дельного плана: я руководствуюсь случайностью и удачей: и пока изрывает мою плоть только чувство приближающегося: того, от чего скрыться не удастся и что станет причиной нежелательных, согласных на долгоотерпевание собственности мук. — Первыми будут твой дедушка, его

жена, моя единокровная сестра, твоя прабабушка, твой дядя и его жена по стороне моего отца, то есть мы встретим шестерых наших родственников: в последнем заходе пять человек, а срединный наиболее значительный: около одиннадцати, хотя я могла даже ошибиться с расчётом. Последовательным есть в каждом заходе обозначить примерно одинаковое число гостей, но тогда игра из особенностей состава была бы раскрыта. Я даже хотела привлечь соседку, живущую только с отсидевшим в тюрьме за, если еле пробегающие сквозь подъездных пролётов слухи правдивы на свою большую часть, изнасилование сыном, оттого лишённым возможности найти простую и хоть среднеоплачиваемую офисную работу и совсем отчаявшимся, однако в последний момент мне показалась эта идея отвратительной как раз пренебрежением к воплотившейся савлазовыми пундиковыми случайными, горобами явления уместных незаурядностью даже веры в непотенциальность ошибки или окончное склочение девиации расстекновениями должного судьбе той.

— Игру нельзя раскрывать! — Ванька безобидным детским не оценённым пониманием замашных подчленений неравномерно положенных на изливающееся срезами блюющих набухших сосудов мясо грозиновых подоснованностей бланжевых, иеффаевых надвременностей мыслей утвердил своё ответственное понимание происходящего и следование общего плану, даже зрелым, имеющим не предметную, но дружескую опору одобрением посмотрев мне в неожиданном прочего съехавшие оттого немного глаза и сверкнув ими готовностью к непростому для ребёнка поединку с заинтересованностью в мельчайших деталях относительно гостей и родственников в их же присутствии, могущей в таком случае раскрыть тайну ядерной нашей заботы. — А кто такая единокровная сестра? Почему нельзя её называть просто сестрой? И почему жена моего деда — это не твоя мама? а мой дядя со стороны деда — это его брат?

Нельзя было ожидать от ещё остающегося и серьёзностью скорее надфактической грубости ребёнком малого обыкновенного знания полного, отставленного от иного частного, усложнённого в осмыслении иногда и для взрослых понимания запутанного из-за разводов и смертей, как раз тою своей особенностью отяжеляющего сборы в обоюдоравных условиях семейной грибницы нашей, однако в сына своего я безоговорочным повторением каждогошнего стремления к единственному из воплощаемого и одному сквозь озадачивающего испариной истинного, изолирующего от иного оплощения страха верю, после случая с Олей окончательно определяя не только его сестру, но и самого Ваньку людьми не отставленного от человеческого, вполне уже выполняющего условием чистоты своей задачу лучше и естественнее ума, и невыгодным отсветом камелопардового гущаника тут выгляжу скорее я, даже пробивавшимся подле одного тихим неозвученным сомнением замельтешив при вопросе, почему же я не могу назвать дочь моего отца, рождённую в другом браке, обычной сестрой:

некоторые объяснения мои даже зашли в безвыходные, отчего-то словно стесняющие
недостачей аргументации или знания в условиях невозможности того взгорья, но Ванька всё
новыми вопросами помогал предвигать колебанием, думается, воплотившийся ребёнку более
ясным, облишённым той скорости говорения профессионала или уставшего от знания
человека, которого всегда боялись пробегающие сквози того одною робостию внешнего дети,
рассказ мой. Так мы проговорили до самого первого сильного, оглушающего скорее незадачею
нашего осязания оих восуществлений несиюминутных стука в притупляющую удары
приставлением привычного саазового звука дверь квартиры: несмотря на особенную, часто
выявляющую моё действие оторопью недолжного структуру беседу, благодаря явлению
говорения того я расслабилась: теперь можно и принимать гостей.

Флагов Игнат Иванович

Я размеренным, неробкой нежностью опускающимся по мягкой, хрустящей взращёнными, пока недостаточно сплотноёнными существом вопияния гора собственных влас и непредметий плотями подшкеливающих меня костей невысокой, чуть колючей фисташковой, порой преливающейся самыми яркими зелёными оттенками травы шагом и сполненной обособленного от праздного удовольствия спокойствия душой иду по неизвестным, одно напоминающим что-то мне в раннешнем же местах: виды увядающих, подстоянием меняющих облики с дискордантных разрывий на таусинные спадения ложевого умоления яблонь с сомнительного качества подтухающими больными, мелкими частыми белёсыми едкими припухлостями плодами, протоптанных отяжелевшими грузом сплочения общего годами узких отвердевших тропинок, перебивающих образы заострённых природой камешков и искусственно сделанных в земле же надрезов куриными и иногда собачьими каловыми, облившимися телес запахов своих сквози слеги вращений прочих массаами, дающими особо притязательным взрением рассмотреть и те же небольшие, пуантелевыми вкраплениями снедающие окружение земляного камешки, и противоестественно отстёгнутые от общего вагона кишки комки зелёных от отавы того разнородных нечистот, некошеной, сплощённой марамовыми остриями травы и пустых, внешне будто не могущий возыметь и отдалённой от реальности потенцией правду существа приставленного домиков из дерева, несмотря на кажущуюся тому шевровость места разрожденного, не вызывают подобия вынужденного искрисом существо стороннего ужаса или лишь семени его: хотя бы слабую, еле колеблющую равновесие положения подле тревогу: всё приятным душоветрием знакомого напоминает скроенные детствами супротив подростышные сменения раздолженных публий места бабушек и дедушек или участки их соседей, горячью рождения проявляется в фантомной тесноте противостоящее правде ощущение абсолютного знания этих пространств: да нечто выпадает сиянием отвергающей то мысли из этого ряда: появившаяся словно из ниоткуда неглубокая, иллюзорно яркая кобальтовыми бликами речка, которую я, полностью уверившись пред тем в обратившихся явно иным толком рындовых отставлений способностях своих, решил перепрыгнуть. Я расставил слегчённые абсолютно сторонним чувством ноги достаточно широко и согнул мягко шаркнувшие тем колени с руками в локтях; в ступнях, квадрицепсах и бицепсах бёдер появилось удивительное для меня ранее, начинающее едва разрывать могущества неподложного неожиданя напряжение, должновенность чего в определённых смещениях стоит под самым пугающим сомнением, однако было поздно уже что-либо менять: пальцы ног сжались нишкнутым кумулянтном и начали давить под

беспорядочными, образованными их давкой о землю дрожащими углами, и даже слышен был пробивающийся нездешним гулом свист, появившийся из-за столь невероятной, окружая сменяющей шипением блажи прохоровой, подчиняющей явленные тела материи силы, и крайний раз я необученным страхом свершаемого скукожился, и взметнуло отказавшееся от массы собственной радужное тело моё вверх, но оказалось, что сила была слишком велика для пробозначенных пред тем задач: сперва я улетел выше окончательно расплывшихся моим взглядом деревьев, потом перестал видеть хоть пластронами пошлыми вырождающуюся черноту земляных крох в облаках, и последней же стадией полёта стал увиденный нескончаемой, семенящей редкими вкраплениями криков сияющего семени смерти и порока динамики темнотой свыше космос. Ничего пугающего в этом отчего-то и не было бы, да и ощущения во время взлёта меня крайне прельстили собственной способностью, да пришлось и падать: душа ушла не просто в явленные низовиями расположений фрезовых бескровий пятки, а осталась в тех же облаках: во время всего своего сокрушения я думал только о болезненности моей будущей участи, хотя и угодил в конечном счёте в крошечное, двухметровое высью конфузии адмирационных выживаний мягкое деревце и выжил, в середине левой ладони обнаружив вполне могущую в случае попадания в другое место убить плотную острую ветку, глубоко в пульсирующей теперь резвой, миопатичной довностью разбухшей подле тех разливаний струёй вены правого предплечья же оказалась тонкая, пугающая куда менее сребристоватая веточка, заканчивающаяся ближе к бездельно и неосмысленно болтающейся подле ладони; толстый, подёрнувший нутра мои излишне трезвых подобаний времени колышек вынул я сразу и почти безболезненно, а с веточкой же пришлось сущением обыкновенного повозиться: первое движение было самым болезненным: степенное, ставшее таковым исключительно из произвольного нарочития терпений вытаскивание из робкой, шекочущей болью мои чувства вены напомнило в своём начале ощущение бега крошечных, микозных подкопённых вставленных подле человечков по робко обособленным тождеством утончения малосположного сосудам: после удалось несчастьем волнения привыкнуть, а окончательное, обозначающее финальные волнения внешнего под проникновением в нутряное высывание обрелось мучительным страданием справленной гулом категории, и оборвавшимся звуком звонка в дверь и еле замеченным образом светящегося белого, пристально смотрящего на меня существа вдали: по всей видимости, до прихода первых гостей я задремал.

— Пап, тебе жарко?

— А?

Чувство ещё не приходило в меня, и я же их основанности пока принимал только относительным забытием вывода сна: теперь тяжело мне было сказать, явил ли я тем оное или нет, однако...

— Мы разговаривали с мамой, потом она пошла встречать гостей, а ты с того момента, обильно потея, стоишь и смотришь куда-то.

Сбитое существо сознания: я пока не могу то осмыслить или хотя бы услышать, да нечто у меня удаётся артикулировать речевым аппаратом, и уже одно то дарует временное, позволяющее восстановиться успокоение.

— А. Не... Я... просыпаюсь просто.

— Страшный сон приснился?

— Да... Можно и так сказать, — дело плотий моих начало преплощаться обыкновением привычки, и неосязанием собственного я сумел овладеть той непестротой действия, которой был сейчас связан и которую не хотел решительным событием внеявленного преломлять. — Пойдём тоже встречать гостей.

— Пойдём!

Последним деянным в том рассудке были замечание продолжающей спать Оли и закрывание еле скрипнувшей твёрдостью моею комнаты: пусть потом сама проснётся и подойдёт к гостям, если, конечно, Оля не разбудит её. Моя дочь такая милая. Звучит чуть навязанный нестановлением слышать то колебанием ватерпруфовых неизолированностей щелчок приевшейся матовой нешностью ручки межкомнатной двери. Сейчас придут родственники только Оли, поэтому будет полегче... Больше всего я боюсь последнего визита, хотя там только пятеро... Я уже подошёл почти учинённым к говорящим что-то между переодеванием и помощью в этом Оле и гостям, лица же их покамест сокрыты от меня сдерживаемой подстрашением покати влияния человеческого гронтезионной пленой: сейчас главное — это не перепутать её родственников...

Итак... первой высунулась готовая к комнатным обстановке и температурному режиму голова... бабушки... Первая она была, по всей видимости, потому, что ей не нужно снимать обувь: она на коляске. Постепенно скупость мысли разгонялась действием воскресающего лилитовым отяжелением прочного толка ума. Тело моё почти произвольно направилось в открытый, показывающий сгущающуюся обыкновением незакрывания тьму и еле заметные отсюда тряпки, которые я намочил сообразительностью ублажения наших сейчасных гостей, проём в туалет. Не знаю, сколь вродившийся теперь какой-то лишнею неловкостью непредставленности жест мой вытирания кругов коляски без каких-либо вступлений и прелюдий стал неэтичным, но бабушка, рождённая, как я пытаюсь сейчас восстановить из

рассказов Оли в памяти, Анной... фамилию она оставила девичью... Норкина... или Норкова... Норкова.

— Молодой человек, а вы... кто? — говор и слог её были скорее неприятны, они щебетом щёлкающей пошлыми уродливыми нарывами по схожести оного стали однозначием болезни и возраста выбиваться из опложного хода состояния: сокрытие того я посчитал заспанною думоёй стянувшегося бреда вполне должным. — А? а?

А, так вот... мне показалось, что она не просто не против этого... Она, как мне смыслилось бенефециановым, достроенным блажью ублажения стороннего вежеталем собственности несомнённой подпасочности подозрением из-за её взгляда и болезненного состояния, не понимает частичную, даже значительную особость происходящего. Если честно, то у нас даже есть что-то схоже...

— Я Игнат, я...

Уставшим и в непробуждении зычным, сробчённым, несмотря на явленно простывающиеся лишь дополнительною собственного обвинения абсолютные власти ума, дела и силы, спокойным гиком, чуть склонившейся спиной и уже излишне наигранно смыкающимися пятами я почти произвольно подставляюсь под будущность удара, и с тем игреневые тела несогласия с избранным должным колебались подле плащей плазовых ратоборцев своего.

— Игнат?! А? Не придуривайся! — словно перенявшая черту моих навязчивых смущений бабушка интонировала подстайные крайности обструкционных несвершенств гулких, и лицо с краснотою непристыжного опьяния было теперь здоровее болью выражения, и я не был способен тому; и сухие рыхлые, спадающие противоположием привычного приставления морщины старчески переваливались друг с друга, однако та же фуксовая артикуляция представлялась сложнее, её громоздкость не умещалась под теми пудными властями: толстая, словно издающая теперь ощутимый запах пота шея её безоправданно свернулась чуть вбок, да достать она никого тем не сумела. — Игнат, Игнат! Игнат. Игнат — это мой сын! Игнат! Ты не Игнат, не пытайся... Игнат... — Анна округлила воспалённые краснотою ещё тамошних премений крупные, облежавшие пару излишне полных желтоватых сосудов у слёзных каналов глаза, и взгляд её, хотя и стал теперь обретать виды уже более цельного понимания пространства и действия, обратился далее в пустоту коридора. — А?

— Матушка, не переживай так, я здесь, — показалаь вторая, предплощённая нежным, успокаивающим негромким голосом, блеснувшая тенью силковых свечений глава, прервавшая остановившееся на сдерживании расположенной самой неестественной, думается, крайне затруднительной положенностию левой рукой куртки на плече переодевание своё не по собственной воле: это Игнат Синица, отец Оли, уже не единожды видевший меня и вряд ли

от такого случая сильно изменивший давно свергнувшееся должным мнение обо мне. Внешне он ничуть не изменился с нашей последней встречи: мне даже показался наряд его неизменным с тех пор, хотя это уже не моё дело или виды неблагоприятных стеснений окружного нефилитами отставленного мною. Его высокий, сгорбленный из нужды снять второй, глухо топнувший велеречием среди чуть успокоенного говора остальных ботинок неловким скручиванием и изрядным поддерживанием куртки образ вместе с ясными, вправленными общностью подчигарых внешних нотаций прождного голубыми глазами составлял остороженный целостностью общего приятия вид, несмотря на это, не сменяющийся добавочностью частично сдержанного некоторой условной, скорее излишней прагматикой немоевых задачностей и дерзновений насчёт молодостных занятий его и части нынешних доверия моего: до сих пор даже я не в полной мере могу сказать, кем же приходится еле сплюснутый порой профилем срезанных, подбитых ещё и странной блестящей, будто полукруглой морщинистостью слитиевых попаданий дроковых сряженностей черт лица мужчина этот с прилизанными светлыми, отставленными от стерильного искусства краски волосами моей жене: часто Оля называет его биологическим отцом, воздерживаясь и от величания полноценным членом своей семьи. Она нечто полуприятным шансом и сомнением прошлого испытания рассказывала, однако со слёзно прерывающихся надрывами слов не так просто выстроить, кажется, занимающую одну из центральных положений в жизни её утверждением хошнего историю, да и не пытался я более его мучить принятием любого исхода и любого поведения с оным: смученным невегласовым, снисходящим к гневу того мыслом мне понялось лишь, что всё-таки когда-то с ней и её мамой он жил, но с определёнными самым уродливым человеческим непостоянством страстью отставленных несоблюдениями фerezовых выборов увлечений интервалами: теперь же у него своя семья, вполне внимательно принимающая Олю, продолжающую страдать идеальным, не предлагающим с тем любого предложения и мысли исступлением уже только во время поминания именно детства, и поэтому отчасти я и веду себя дружелюбно и мило, в сердцах надеясь на то, что он не становился неопосредованной причиной её боли и подобного язвенного забвения: я смиряюсь той же слабостью и излишним подвижением изгладавшегося обессилившего ходителя по свернувшему ядра его притяжением к онному лесу, однако иной взгляд переносится на него с почти гневным сомнением, и сейственная глянцевиная улыбка преливается звёздами моих желанных избиений, однако я ничего подобного не воплощаю, и терпение моё чубарой односложностью переводится заурядной неосмысленной вежливостью. — Это муж твоей внучки.

При произнесении того меня незаметным случайным шевелением передёрнуло, да я сдержал неподавленную, уже, вероятно, юродивую неприглядностью нависшую на моём заспанном и, кажется, отмеченном краснотой и неглубокими от подушки отметинами улыбку.

— О... сынок... А? а?

Бездумие Анны совершенною ровностию невыбивающегося спрямления с жаром прочего сочеталось подуже притворной приятной игрой Игната: губы его цеплялись за строго обтянутые свершенством красоты допустимого его возрасту щёки безызыянною твёрдостью, и с тем всё начало располагаться к тому, а не к моему глуповатому некрасивому актёрству: мы оба врали, однако внешним бликом молескиновых грубостей расположение угадывалось исключительно этим мужчиной.

— Да, матушка. Помнишь свою внучку? Олю?

Обоестороннее расположение их было безупречно: ничего не вырождалось в том излишним или недостаточным, и гласа их подавлялись обоестью; и стремнины разговора их собирали всё более значительное внимание.

— Внучку? Ну ты рассмешил! Какой уж муж у Ани? — Аня — это, как частично будет отмечено верным сблуждением притворного рокота человеческих утрий всеильностных и ясных, десятилетняя дочка Игната, сейчас живущая с ним и его женой. — Ей же десять лет!

— Бабушка, ну ты чего? Забыла меня?

Ко всему наблюдаемому я относился одно косвенно и безынтересно, продолжая волею внови явленного хоть случаем премеяющей к обогранным плоскостям тени чистить поцарапанные нечастностью полуредких сворачиваний стяжённых шатретовых непочтенных оставленностей колёса и время от времени отвечая на какие-то вопросы, инертным отвлечением рекреации при этом ни разу ещё ни с кем не поздоровавшись, чего я, откровенно говоря, и сам не заметил до уже ощутимо направленного юдифьей незначительной, вобразованной тем же подлежанием озабоченности знака Оли рукой, проигнорированного мною на ближайшую перспективу из-за действительно заинтриговавшего меня импульсом внешнего: после слов Оли Анна будто сильно помолодела, взглянув на её вновь сверкающие яркими, порой радужными неоднородными переливами глазами, обогнавшими трезвостью своею и взгляд безмолвно хвастающегося этим Игната; она протянула моей жене уже испещрённую тёмными неправильными пятнами руку, в конечном счёте объединившись удивительно слёзной для меня ещё и неоподъявлением онного сцене: на возвращённое незначительностью мгновение я выронил уже полностью грязную, пачкающую меня тряпку, подхватив её другой рукой без отведения на то сфиксированного просторечием проходимого взгляда.

Срублено данное овладение полной готовностью остальных гостей, продемонстрировавших теперь свои лица памятной ясностью и окончательно расслабившихся едва затруднённым, но в конечном счёте успешным дровлением, было ясно приятным опознаванием моим их всех: сразу позади стоящего в ступоре уже не первую минуту Игната можно увидеть его жену, сорокалетнюю красивую голубоглазую шатенку, выделяющуюся на его фоне благодаря поразительной, лишённой нежного лукавства дружелюбности и принятия нашей семьи полнотами невыделения и потворства; в оробевшем палью отставленного смущении стоит справа десятилетняя Аня с тем же голубым, необыкновенно вбивающим сторонности формы зрачка цветом глаз; чуть далее едва безучастно переговариваются о каких-то бытовых делах Максим, брат Игната, и Анна, соответственно, его жена, Синицы: деталь оттенка их радужки меня чрезмерною недолжностью заинтересовала, и: действительно: у Анны глаза ближе к серым, а Максим же является владельцем необыкновенно ярких синих зениц, превосходящих скромнённой эффектностью и одно из гордостей отца Оли. Бабушка, точно интуитивно, без опоры на действительность ощутив эту вычурную паузу в прервавшемся на неизвестность слоге, села обратно на коляску с вычищенными теперь, облитыми сребристиями свершенств аглаевых колёсами всей спиной, перед полным отстранением ещё и поцеловав мою жену еле хлопнувшем отталкивающим причмокиванием, и молчаливо поехала вдоль отражённого утверждениями близких, за тем не опадающих на опытное маневрирование нефагоцитозных окраённости коридора, хотя очевидным было её незнание правильного направления, с чем я и помог, попутно повторным облачением уже официозного внимания здороваясь со всеми гостями отдельно, следуя самостоятельно определившемся примеру опередившего меня Ваньки, куда более хорошо почувствовавшего нависшую в атмосфере, ещё позволяющую лёгкостью гласа ослабить иное давление полною негациею тяжесть.

Мы пошли прямо по едва щёлкивающемуся тишиной шагов привычному, искажённому теперь сознанием влиянного коридору и расположили предпочевидием гостей в гостинной, вопреки нашим исконным предостережениям, сумевшей принять своею внешнею теснотой не только их, но и нас в весьма свободных удачных условиях, чего мы не ожидали и в опутанных спонтанною блажью снах, уже легче относясь ко второму походу, обозначенному нашим профессиональным условием сущим мучением и из-за опрощённой нехватки комфортному распределению людей места: облегчит это и то, что будет немало детей, то есть субъектов, заинтересованных скорее в наших отпрысках и их игрушках, нежели в нас. В обособленных смышлениях таких я полноценным неумозрением упустил явление так активно обсуждаемого Олей и практически всеми оставшимися, не исключая, что меня удивило почти до желания ввергнуть излишенные покамест тем рассуждения свои в диалог, и бабушку Анну,

гостями: одна Аня держалась поодаль и одиноко иногда посматривала на меня, чем подсказала варианты развития событий: родственники это исключительно моей жены, проще говоря, интригованы они были мною активнее куда раньше и в целях скорее ученической проверки и одобрения, да и могли так поступить скорее одно Игнат и бабушка Анна, всеми силами до сих пор пытающиеся сохранить вид заботливых отца и бабушки, да в нарочитие действий сходней природы Анны я сомневаюсь, и потому остаётся только Игнат, уже прошедший через этапы поддержания меня на том неосложнённой, прожжённой плотиями случайностей становых оказии; в данный момент, чем подтверждается разгорячённая блажью всестанового дискуссия чего-то, видимо, семейного или хотя бы локального без замечания моего полного отсутствия в онном, явленность самособственных исавых подходов они считают или молчаливым по своей природе сопроводителем Оли, или инородным природным явлением: кажется, они позабыли и о моей дочери или вовсе не усвоили ту императивность семейного из несвершенства динамик сходящих, с условленной плотиями общего, дробящейся смещением внеположенных околотов головой погрузившись в реплики восходящего не к иронии и оскорблению предмета завлечения, но истинное удовольствие получающего оттого Ваньки. И к лучшему. Единственной оставшейся обязанностью осталось содействие Ане, невольно замученной этим походом и готовой всех здесь невзлюбить самым пёстрым телесием подщёчных массаковых оттенков, покражде, я надеюсь на этот вариант, а не на тот, где её поразило иное душевное расстройство мяслянистою влажью стощённых сил.

— Игнат, ты куда?

Я не хочу вступать в центробежно приставленные телесами сторонних отвлечений непокашниковых толков диалоги и сидеть без хоть и не самого великого должностью несмердных обязанностей, да за тем являющего ощённую, пошловатую и несколько вояжированную динамикою окружного продукцию человеческого дела. Причин много, но озвучить их в ситуации смещения того скорее попросту невозможно: в обратностях может последовать мгновенная, нежелательная исступлением пожгатых репликаций неподготовленного, даже компрессивного ума реакция на мои слова, что навредит девочке насильственным сидением за столом в форме ползновения в её вилы ещё более: неужели эти разговоры правда приносят ей удовольствие?

— Пойду с Аней посижу.

В грузноватом, облитом серьёзностью голосе моём можно было заметить существа натянутой почти изрядной спесью надуверенности, комичной подчигенианием рычагом несносных материй обиды.

— Да, конечно, Олю тоже расшевели, а то она, похоже, засела в своей комнате! — её радостные, расположенные блеском ко мне черты лица, кажется, выражают честнейшее

счастье, и тельми теми я смутился сквози своих мысли и поношения: суть сольфериновые поры расширились утеплившейся неловкостью подлёва моих ослабленностей. — Я тебя люблю!

Она целует меня. Я её целую. Я её очень люблю. Кажется, я до сих пор не проснулся.

— Пойдём в детскую?

Отвлёкшееся неожиданением бессветное направление взгляда её обрушилось скворди меня, и недолгое сомнение сминанием смысла преломилось сперва прикрывшимся первым неудачным вопианием слога нежным, еле горячённым должностью сил собственных ртом:

— Угу.

По миловидности артикуляции лица она, как мне показалось, и профессионально практикующегося в этом деле искажения демикотонных усиления Ваньку пороестями реального может обойти: я ей понравился. Аня, иногда чуть неловко дрогая будто случайно загнутыми, недостаточно длинными для её возраста ножками своими, словно подводила меня до выставленной подпарьем власяных сомнений тамошних сжатостей сгрязнённой неплощадной, насыщенной светом пустоты комнаты домашнего кинотеатра, льготным предумышлением лишённого духа о сомнении стороннего расхаживаясь, присматриваясь к увиденному всё с большим интересом, хотя оное, как кажется после уже прельстивших дезабильевыми нетонкостями упущенного деталями пейзажей и однообразных комнатных ландшафтов, полно того не стоит, и в какой-то этап нашего похода даже стало непонятно моё здесь назначение: столь же уверенно она могла пройти и без сопровождения, скорее всего, только усилившего и некоторое напряжение, казалось, никак её сейчас не касающееся; менее недолжным мне видится мотивировка её именно уделённым мною вниманием: ранее же столь самодостаточная, она, не заручившись и малейшей, постукивающей грохотом тихих шагов тех плотей стравленных поддержкой подкладового и на лёгкие незначительные передвижения, была скорее оскорблена происходящим неконтролем и представляющейся прочей не из реального сдержания, а из чувства участия и самого воплощения требующего вполне специфические способности ревекковых теснот сниженных сказания внешностью, ныне преисполнившись молчаливой, утешающей хоть отставлением неинтересного компанией, наполнившей её увеселительную прогулку принципиально новыми, сглаженными нежелательностью неадаптации значениями и процессиями: внутри неё почти ничего и не поменялось, однако присутствие одобрительно желающего услышать от тебя новую, забавно звучащую заметку и малоинтересной внешности служит величайшим, значительным и одноественностью подсохлиновых симвов лыточных переваливаний катализатором для дальнейшего, разработанного теми же отражениями гостиничного долга разговора и не только: это можно назвать скорее прерывающимся на восстанавливающие выи стуманенного

прелюдии монологом, от этого не ставшим значить меньше или не столь втнённою рожью Сил; участники довольны. Иногда сделанное или сказанное накатывается чрезмерно большим, щебечущим шипением звони поместного гнойным комом, в конечном счёте обволакивающим все свёрнутые, скомканые рождением предоснования тела твои: такое подобособление от прошлого или настоящего не будет никогда должной альтернативой или хотя бы неплохим вариантом параллельного времяпрепровождения, ведь смещающая естество незначительного предопределения функция онога отлична: проходят через подобное преобразование почти все, неразрывно с пресыщенной греховением оскoblённого природой своей обозначая себя кем-то сверх и важнее недооценивая соседские чувства: ягодочных рябых стремлений внимательность упрочила бы множественные, вырожденные скорее неудачей сторонностей недоговoreния, однако бывают условленные таковыми из крайней особенности сарациновых определений нерешаемые случаи или, по крайней мере, как это называют непосредственные участники конфликта, случаи накопительной важности: сочным, стекающим под самостью липкой влажью боли волдырём вскрывается наслоившееся предельным явлением подсмысленного недовольство, на деле же кажущееся глупым, попросту неграмотным заблуждением слабого, лишённого и волями дела человека, инертно не пожелавшего чего-то серьёзного или конструктивного в плане обсуждения или решения дела: такой человек в великой степени того микрoзначения светлицей подлестного ничтожен, и сам он это вполне ясно понимает, ибо вина за содеянное едва наградит его достаточным или просто безопасным по своей длительности, вероятно, вовсе отставленного от прочного осмысления сном, страстью к яствам и праздными желаниями, способными в какой-то мере грузно отвлечь, означая истинною задачей поставить пасхоровых граничий остов для зарождающейся волюю человеческого мысли, выточить из отяжелевшей твёрдостью невозможного глыбы ещё одну такую же, срождающуюся массой притяжения подтугунного несмещаемую скалу, и не поможет это в любом, обособленном частностью шага подволенного случае, хотя и способно создать иллюзию продолжения событийной, самосворачивающейся пустоутробием внешнего ветви, позволить жалкому решить не за себя одного самое противоречивое, осложнённое степенем дело, у остальных складывающееся без определённых проблем; зачаточный корень лежит в самой сущности того человека, скомпилировавшей влияниями стачивающего те человекоподобия шевелением к освещению авраамоподшивного сразу множеством худших или справедливых правд створённости, и так этот человек проявляет себя относительно жестоким к самому посредству демонстрации подобной чистоты гати.

Аня весёлым, уже чуть излишне представленным подле рвоты сворачивающихся сквози стелесий пространства тамоего лёгких топаньем прохаживается по обыкновенно содрогающейся существом деятельной плоти реакционной покреации комнате и, что

удивительно для всё ещё детской внимательности её с усидчивостью и очевидно для усиленного интереса к остальным вещам, сперва даже не замечает Олю, лишь после несдержанно выкрикнув воодушевлённое чужим присутствием относительно близкого к тебе по возрасту и незнанием природы того присутствия тигулёвочных навязываний приветствие; она тут же покраснела твёрдым неуверением, неподложено направленным ко мне извинением и стыдом и схватилась за покрасневшие уже иностранной ряботою невосполнимой умертвием одноозначенной связи же с плотию души животного горячие щёки свои: казалось, оно и быть не может; казалось, подобно умильного, стерного односложностью прочного образа будут удостоены только святые и их приближённые: Оля нехотя приоткрывает один из слипшихся превратившимися в прозрачную, чрезвычайно быстро сформированную единственностью моего осязания слизь слезами глаз, по всей видимости, невольно приподнимая обе руки под различными углами для стабилизации механики артикуляции еле пожимающегося лица и сопутствующих частей юродиво дерзнувшего темнотою массивов колоссов нескончаемых горестий тела, она замечает Аню.

— О!

Вряд ли Аня собиралась засыпать или в полной мере понимала кажущуюся тем же смещением врабоченной дерзкою представлением пожабенной скромленности необращения молчания особливого условности грубость этого действия для некоторых гостей: мне, редко оглянувшемуся скорее застоявшимся умом, стало ясно: считаю грубым это только я, более другого смутившись её прекрасным видом.

Аня после восклицания Оли продолжала безвываленно своей позиции стороннего наблюдателя, деликатною недейственностью выверяющего малейшие, предложенные чайанием однородного детали и продвигающегося скорейшими для собственной, срождённой ставлением остроподправленной укрепы душевлённого конспирации путями, удивляться несовершенством содеянного: оскорбительный пресклонностью властного ссыщения такого подлеваемого великий агент: необходимо было держать большую дистанцию.

— Тебя зовут... Ты Аня?

Смущённый спониманием моей заранней значимости ума лик Ани нельзя было скрыть никакими прочими, проваленными попоною внешнего отвлечения заинтересованного методами и чужеродным естеством: она была поймана в самый неприглядный разгар неготовности своей в отношении начала искажённой как раз мною и одно коммуникации с кем-то новым, но ясна стала горячечная приятная симпатия её к пробудившемуся влиянием нежелательного субъекту, отчего сложенная фескою подравнения блажи влас свершённых ситуация образовала вовсе непредсказуемый, стянутый категорией онного вектор, могущий утянуть Аню в изрядно разработанную единственностью закона пучь непонимания

собеседника или возвысить желательным для нее разговором в самой дружеской, ориентирующейся на объектность обоепреломлённой атмосфере, скорее всего, ласково подтрунивающей сущностию надо мною, бдительною беспрекословной жестокостью к попавшей в неоднозначную ситуацию дочери следящим за развитием событий, очевидною видимостью отодвинувших меня в нелёгкую, срождённой нарядчиком жара ядовитого вином моею же воспалённую стезю внимательного рассказчика. Десятилетняя девочка, до сих пор казавшая только храброю, скорее всего, малоинтересованною достаточностью привычного сторону, начала протирать небольшие, напотевшие малостью оправленного ладошки о своё праздничное платьице оттенков синетных нечуждовых; я, считающий это делом самым благородным и позабыв будто о специфике того же смысления, двумя пальцами аккуратною недвижностью прочного и, вероятнее всего, недолжною уверенностию подтолкнул её сквозь мягкую, аморфно отстающую от любого внешнего раздражителя спину в сторону своей дочери, всё ещё с блестящими глазами, несмотря на это, не отошедшими от последствий сна в явлении покраснений и нестёртых условных слёз ближе к краям их, смотрела прямо в пялцы Ане, лёгким, отставившим то крепное ясновение теплом обретших прозрачные стяжения телес взволнованных выдохом решившей породить деяние.

— Сейчас.

Девочка начала развязывать коричневатую, проходящую сквозь собственности маловесными, эфирными пеленами нежных внеполосчатых витий посянную ленточку, внешнею причинность со своими задачами справляющуюся не самым лучшим образом, хотя за тем и создаётся впечатление осознанности прочих радений безсвойственных выбора, и возможность происходящего напоминает явственным гулом сообщений рцывых о; одною рукою Аня скрепила концы ленточки с волосами примерно посреди верхней плоскости коновязовой подстаты чуть склонившейся к левому боку главы: оставшаяся едва пошатывающис веером петля сперва просто болталась, после смещением скраснения гулкового определившись своим назначением: исполняющая невероятной неожиданности суламитовых толков акцию нехетовых сцветий жонкилевых пролежных дендритий подчерёвочных, полноценная ноне подруга духа моей дочери другою рукою мгновенно определила смыслообразующее интенцией форменности самостной, молчаливо блуждавшей древесами сращения смоченной по моим мыслям и мыслям же Оли работы, начав чуть шепчущими шумом бездеятельности пальцами с трудом натягивать чуть ниже, при этом не отпуская сверху и даже сильнее отдавая гулом возрождения надыменного концы. Свершилось: ласкающая плоти брательны неслушанием гнуса надрывистого петелька зацепилась за сдавленный категорией онного нос и теперь самостоятельно держалась без какой-либо сторонней помощи: Аня исполнила свой замысел.

— Вот!

Мы беспрекословным восторженным подручением заплодировали, с родственной, усиленную динамикою должного и дерзновенного улыбкой одобряя происходящее действо и дав зачин дальнейшему, курчатоу расслоению подместного и наддолжного общению. Долгое время, по крайне мере, как может показаться пошлостью внешнего невнимания, они беседовали на самые неважные при первом знакомстве темы: любимая сладость, пока только неказисто повторяющие будущности действий собственных мальчики и сомкнутые малознанием и категорическим энтузиазмом одного чувства новины дисциплины взгляды идеистого; несказательно выразительным была несколько излишняя, причинистая скорее желанием выразить то предельной внимательностью слушателя придыхательность дилетантских во всех сщеплениях ограничений подштафёровых замеченностей рассказов, тут же сменяющихся другими и не успевающих должным образом повлиять на собеседника или вообще сформировать единственность отстоящей сейчас пустотой кровососудистых граничий определений самого станового полности прочей мысли али хоть сформированного нераспространением описанных десятою плотью самых оболочных покровостей хеттуровых слажений дела, порозовевшими бодрой теплотой еле насевшего благовонною блажью женского тела кожного, мифом ошибочного обособленного от телес прекрасия человеческого грязием того же толка сала щеками воодушевлённо смотрящего на оправленного невсеосвещённостью рассказчика, словно вопиявшего рождением в единую, шамировыми стяжениями срезанную пакгаузным темнием сворачивания воплощения подложного сущность, стяжением крайнего обошрения человеческих подлеп однодолжного растекающуюся даже пошлым обволакиванием себя же: отторгнутый парадигмоу оного по явлению одноестественного сжатием правежа отслоения сплотенного человек не найдёт в том ничего интересного или слегка интригующею, для Ани и Оли же это стало переломным моментом: вряд ли после этого они перестанут общаться.

— Слушай, а твой...

Синица Анна

Изначально представление моё о сегодняшнем походе спрягало собой великий, аблячьями равелиновыми наддуновенный сквози аредовые тамошни скепсис, сомнение в необходимости моего робкого малозаинтересованного присутствия в целом; когда-то в стяжённом нелёгкостью прочих земств телесных описании своей семьи и моделировании оперирующей одно худшим из возможного ситуации с моим взаимодействием с ней Максим злобливой аркановой пагодой странения оттого неприглядно усмехнулся над самую потенцию затеи прочней, хотя после и честным осязанием пробуждённого извинился, неуместно преломляющимся на отворачивание обыкновенно удивительно устроенной уверением обязательного приличия андарашного противления главы, восстановление запасов сволнённого робостью удивления самости прошедшей кислорода и динамичного земного окружного власяного теполотного забвения мысли пояснением рассудив это слишком уж сильным отчуждением его от полноценного, излишённого сломятия лазаревых адаптаций властных волей наручных базовистей понимания явление собственностей тамошней средности; бабушка Анна уже очень долгое время болезнью прикована к одному месту или смещению, что частично было вызвано и гордостью Игната, ставшей в конечности достаточной причинностью суждения тортьюшного несвойственного изобретения почвой для станостей его первого развода, о чём он предпочитает не распространяться, вовсе не упоминая о своих тайных походах к бывшей, уже замужней жене; почти вся контрация столь нарочито выдуманного семейного праздника казалась не просто неудачной, а смехотворной сквози зияющей кислоты всепроникной блесны омаатовевших густых шорканий лжи и наслоённого искренним оскорблением единственного человеческого в мясах сыщерств отяжелевших притворств; сейчас же мне кажется, что бывшие проблемы взросли из других, ищущих корневины собственные в сторонних островах иноходя акикия иоасовых вспоможений недопониманий, противоречащих ноне и тамое естественному желанию продолжать свои отношения родственников моего мужа: наш разговор, незаметным сперва несуществом восторженной одиночеством эмпирики скрывший мужа Оли и дочку Игната в интересующей их же экспедиции по квартире, перерос из весёлистого обсуждения и отсутственностей уподобленных в полноценную командную работу, и мысль я, вероятно, давно стеряла, не упустив при этом страсти к разрождающемуся приятнейшей ирой продолжению: без практической надобности, цели и ранней предрасположенности к этому мы стали понимать друг друга куда лучше, нежели, думается, и самых близких, на деле же образованных единственную фуксовостью стараний абня опасливых пресноватых наядов товарищей. Я рада;

коленки мои иногда ламеховыми скажениями правдивого вынашивания выжляти городского существа стучаются друг об друга, юношеской выносливостью гулко напоминая о сцветающей вне возрастных определений проставленных женственности и пылкости в самых, как неверно кажется со стороны, неосмысленных, облишённых важностью, что на деле существует одно в том и подобном, беседах, наиболее явно могущих продемонстрировать пойманную за крохотный отрывок времени интервалом сгущенной брызгами всезаметного сплочённости; охвативший общением порождённого ионовым наши души и есть сознание, единственность сряжения человеческих связей.

В пылком потрохами земляного плотью человеческой асини бузовых приторов, несвойственном мне последнее и едва ли не всё время разговоре я, кажется, впервые за всю жизнь с Максимом улыбалась во весь рот, ни капли не стесняясь отколовшегося, своей зияющей пустотою обыкновенно сменяющего меня подлия палей спасённостей незаимствования кусочка одного из фронтальных зубов нижней челюсти: разумеется, он знал о нём, но сейчас достаточной вычурностью в оценке прошедших между нами действий смущённой моей необычной плотями чуть авжоенного привычия простот дерзновенных доличных написаний открытости улыбке его можно было рассмотреть гордость и желание поскорее похвалиться ещё явленное расцветшей молодой женой: сошлись мы, скорее всего, не столько по любви, сколько по проведённому вместе времени и онному чувству: в какой-то момент, для меня усилившийся и непривычно спадающим подле ощущения нетошных второв излишнего возрастом, стало казаться, что описанного нормальным непрочиём нужды посредства выбора другого и не пристало представлять: телесные наши связни были ограничены самым дружеским лопуховым уважением неприсутствия обозначаемого в, кажется, излишне сдержанных или сторонних умах наших пошлостью: мы не были объединены, вопреки помысляемому обыкновенно именно сосперва, ни творчеством, ни общео, могущей обозначить авлако привыканий интересом работой: необъяснимыми для меня до сих пор обстоятельствами мы сплотились именно временем, вероятно, просто ощущая его подобным образом сквози случайно после объявленной совмещённости удивительностей наших жабоешных дополненностей отравленных встречи: уже и представить было тяжело рядом с собой другого человека, хотя и сама я была тогда ещё ребёнком; временами даже думается, будто Максим меня сознательным пристальным преломлением заранее наращённого зоба каиновых расчётов соблазнил, в коем смысле то хоть дальней непринадлежностью может относиться ко мне, наиболее простыми и эффективными методами, мыслится, для меня это только хорошо: каждое утро я просыпаюсь не то с шипящим среди прометеевopodobносьедаемой внови печени моей жирным, ползущим теми оковами возрождающихся облаток отправительственного опарышем чувством тревоги, не то

сжирающего хрящи мои воплями приглушённой пределами вопиянного одним воспалением безочувства сна боли стыда за прожитый день, и естественной, под тем сомкнутой плетью бездеятельного определения воли к жизни оттого не прибавляется: на решительные действия я не была готова, да и рассматриваю в них лишь дурную, гниющую унижением собственного уродством и нелепостью содеянного интенцию, хотя и на рабочую продуктивность мою это ощутимо влияет: всё чаще я прошу помощи: сегодня я постараюсь дать начало самостоятельному, стерильному от былой аморфной внерождённости путь: слишком многое вокруг происходит и сознаётся взрослых и состоятельных людей, теперь, в чём я уверена, параллельно мне вставших на сложный путь в качестве стравленного симеоновым дезабильтетивным вакхическим надъясанием наблюдателей.

— А вы знали, что визитками называют ещё и... — откровенностью подставления нечуждого иезекииловым способом говоря, тут я сокрытой от лика слушающих авсеньевым обычаем облежностию призадумалась насчёт своей способности или её отсутствия начинать беседу в относительно серьёзной обстановке, но отчего-то об нынешнем не хотелось жалеть и смышлять, — мужские сюртуки?

— Оху, правда? А где ты это вычитала?

Тема не просто забавная: она есть подобранное самою великою избранностью: я же отнеслась к этому с полной ханженскою ответственностью, и кто-то даже ответил: смотрела я в единственно уставленный после моим существом тамошнего пол, да и немало переволновалась вспотением отвыкания деревянных болон, почему и не смогла распознать задающего вопрос, что, несмотря на кажущееся неуважение с моей стороны, несколько отвечающего не смутило: мы продолжали разговаривать, и со временем подключилась бабушка Анна, в основном немного олекая с заданной за тем весьма флективной составностью допустимого и порой желательного сшевеления асламщиковых основанностей темы, но давая нам понять полную, облёкшуюся изрядным насыщением подвыдавливания антиевой метафоры заинтересованность в том, что мы сбиваем диалогом монологически строенную реплику существа подпадающего лишь ради комфортного взаимодействия: объект разговора вовсе потерял какие-либо отчётливые, не просто строгие, но хоть имеющие воплощение должновенного телесами брежетового стачивания черты: даже жестикуляция перестала относиться к конкретному, а структуру, которую ранее ещё можно было, как мне это виделось, выстроить в самом ненаглядном, подровненном сворачиванием горячего маслянистого брега ставления формате, нельзя уже представить отрешённой от абстракции вырождения и императивности собственной аннегации: не уверена я в том, что всё это было таким, каковым оно воспринялось, однако известен точно значительный, демонстрирующий себя прямой

эмпирикой и технической связнѣй увеселительный эффект, оказанный самоенной процессией, заставившей меня окончательно лишиться хода времени и мыслить вне подобных материй.

— А как... вот это делать?

Ванька, сын Ольги и Игната, которого я до сих пор несколько не пыталась спесением обращения непонятого и необъявленного гарновой милковых ослав игнорировала, лишь придавая особую значительность и серьёзность выражению чуть слитого надставленным привычием к колебанию внешнего трезвостью сентенции лица и стойки его, присущих более для опасливого дипломата, спросил меня о чём-то, большую целисть которого я была обязана осознать по еле жестикулирующим пеньюаровым сшевелением рукам его. Диалог продолжился. Диалог продолжился со всеми, кто находился и фуксовым сточением станового анцыбаловых стихийных отношѣнностей в гостинной, и остов спрягаемого должием сквози те приятные мгновения обращения к тебе или развнешенной самости лика образованного известия опять был утерян: окромя удовольствия, я начала чувствовать необыкновенно новинное, влиянное несколько слободным створением першение в уже напрягающемся добавочно, стеснѣнную за виды окружий врождѣнных едким забовением рябого увроненного болью горле, и неизвестно, потому ли это, что говорю я обыкновением отставших сил и ловкостей менее во многие разы: или из того, что все так внимательно погружены нехазовым забвением собственности нужды в семейный разговор: и пить хочется всем. И сдала меня именно задумчивость: почти сразу после появления пошети проблѣскивающего кривиной образа моего лёгкого дискомфорта Ванька обратился ко мне: считала ли я его подозрительным? точно нет: раздерзение прохладовых сомнений есть признак болезни, и оттого; считаю ли сейчас? Только из сометения, что ребѣнок подобной наружней, восхитительной бликами глории человеческого и запустотного характерности вовсе может существовать: тем я и переглянулась с полюбленным зановишнею блажью леевовых ливрейных араб выпадения ловли случайной положительности мужем, точно намекая излишним вредным плототьем на намерение дать следственное продолжение воспарѣнному мыслью подле. Ванька спросил насчѣт выражаемой лицом моим нужды: я робкой неуверенностию тамошнего положения обращения подобного попросила стакан воды, и он тут же скованным своими физическими ригами бегом преломил пространство собственной же плотию в необычную небольшую, мною с непривычки спутанную с купированною влажью отставленного гостинной или еѣ особенной форменности кухни, за пробежавшее мгновение захватив с собой и тарелку с закусками из холодильника: обое было как раз к вынужденному данностью подобного сполнения ангичных вожеленных условностей месту, и мы все присели к небольшой, изрядной властью наделѣнной телесами внимания собственного тарелке, принесѣнной, очевидно, не с явлением такого обширного действия: явлен было ощущение,

будто мы и не сидели, и не отдыхали: возможно, именно отсутствием усталости вычурно это утро, начавшееся с какой-то опаской и всепроникнутой ариною сдавленным страхом: пропажи Ани я не сразу заметила и несмотря на обращение к ней Ольги, на кто только что некое сослался добавочной информированностью лакунизационных восполненностей.

Закуски кончились за считанные действительно поджиданием жизнеставленной вибрации пульса оживлённого секунды: на пару времённостей показалось, словно я и не успела осознать: ое же только над тем съела из динамичности уже зиждущихся на покровках тех привычий внешнего леевых конечных властей событий: чрез ещё пару мгновений я поняла, что то не показалось внедрением неинородных аха.

Все, и без того позволением обязательного опешившие перед чем-то новым и переставшие говорить прочею частотностью малахиевых неостановочностей полагаемого и громкою блажью осевшей под тамошним вопиянием рокота ссиленной разрастанием власти тишины надеждой ухватить грызно облитых изрядною сытностью рябых забытий прошедшего и чувства будущего тарталеток или бутербродов, за точность чего я уже не могу отвечать: в какое-то время нашего здесь пребывания ввели инерцией подробности одополненного в поминального толка затянувшееся прощание, а у Ольги живот даже издал неопределённый, эндогенно вращённый к инородному шёпотом толстого раннего линования сдёрнутого звук, отождествить который с урчанием было бы тяжело и яствием ориентира должного: будто она пыталась смущённо подавить это, левой рукой представ его поддерживать уже после изданного общеслышным добродушным, избавленным изрядного ложья сребристых ствержений отвергнутых принятием воя, встреченного, прошу заметить, чуть ли не с одобрительными возгласами чуть после.

— Фа-фа, я и вовсе забыла об этом! — блеск в глазах жены отсутствующего в отцовской ответственности Игната сочетался с невинным желанием оставить совершившийся беспрецедент общепонятой вычурной неуместностью вполне допустимого, едва стяжённого плёночностью подвергнутых исветлий человеческого нетребуемого таланта существа. — Не считите за единоличное желание вкусить нечто, но отказываться от подобного тамовения не буду! хочу есть!

— Наложу, — тут я услышала почти периферийным одолжением воздушных приятств кокетливых смотрённостей родной теперь влажью жжённого плотна былого, сродившегося исключительно земляностями забритых несуществ огорчения, так часто слышимый и обыкновенно лишённый мыслью вынужденной ему ясности моей прекрасного и положенного голос Максима, — мне тоже!

— И мне! — Алла, непривычно легко демонстрирующая своё желание поесть, вызвала в глубине меня только тёплые, сейчас сгенерализировавшиеся на общешегося асенькое неволнение чувства. — Только без...

Реплику свою сорокалетняя девушка, назвать которую женщиной невольный язык отворачиванием неоправданного ложья существа материи грязной не повернётся, закончила с уверенным, светящеюся дымкой зекрых сквози темнот ресниц бликов обнажённым подмигиванием, заставившим хозяйку квартиры склониться к значевидному призадумыванию.

— М-мм...

Тонкие светлые брови её нахмурились, и изолировавшаяся сосредоточенность на фоне продолжавшихся летостями разговоров о любимой еде билась инородно наряженным пароксизмом, одновременно с тем колебля давно спавшие ещё детским унижением о единственно обязанном маноевыми поверхностями величайшей нутряной посредственности труны принятия где-то внутри оживленного оробевшей мягкой дрожью живота.

— Ну... я не уверена...

— Дочка, ты чего?! — такое обращение ввело меня в небольшой, необлегчённый плотностью свечения радужного зеркала стомлённой корпуленции выражения ступор, но только из непривычки: Алла всё продолжала улыбаться, кончиками губ преобразуя слегка озарившие нас прелестки подмеродаховых людоподобий. — Я пошутила!

Ольга солдатским сбитым аккуратным, облитым призванной бездной бездны комью категории смешного шагом развернулась и схожим образом совершила два уверенных, еле спёртых невыдным паром обложенного шага, отдав уверение тем и глубоко вдохнув предожиданием корзенных обещаний тавоенного.

— Будет сделано!

Все начали безмятежною глупостью стороннего наблюдения смеяться, предваряя тем стравление схожей исполненности и неумелого, неудачного и нутром изначальной опалубки формы моционной подражания, когда опытная жена и мама уже разложили нагло избавляющие от стороннего внимания отваженного яства не менее слаженным планом: можно было найти почти всё из при том помышляемого, и главным непонятием стало, как же она за один заход сумела всё это донести и расположить.

Ольга, не забыв о важной, бальзамом спетой ошует неколебания изначально заданного игре, в манере третичного принятия власти правильного и несвойственного поклонилась и села рядом: все продолжили обращаться друг к другу и иногда в знак животного доверия трогать успевшего за моделью огравения того привычием собеседника за мягкое, отягощённое исключительно вынуждением субъекта смотреться излишне подвязанно и строго плечо.

Особенно привлёк моё внимание помидор. На столе рождением было есть были множество привычных и порой нет закусок, однако именно этот элемент наполнения тамошнего нотиционного наполья, казалось, не имеет никакой связи с разложенными наскоро приготовленными угощениями блюдами другими: нельзя было назвать его абсолютно свежим или только что мытым: отсвечивающая светом низложенного подле неуряжения кропотливого поверхность была матовой, с некоторыми лёгкими, обившимися невниманием общего несуществующими потёртостями и одной неглубокой, сменявшей цвет завязи цветка стемнённым осложнением последовательного вмятиной, вероятно, появившейся уже после, врумленного, вполне внимательной, недолжной допущению прочего приобретения покупки. Все, случилось, и забыли про меня: я задумчивою, чуть шипящею в тишине рокота окружного фиксации мысли и телесного недуга вглядывалась в него, не решаясь ухватить или укусить, на что сразу несколько причин есть явление моего: меня смущало углубление, могущее внеозначать механическое воздействие непосредственно ставшего причиной появления здесь после приобретения одного довольно поодаль пола, меня смущал неочевидный факт чистоты, который можно было бы с тем щемить брюшком общенесположенного, а также то, что он может ещё пригодиться в готовке: не сказала бы, что стеснялась спросить, но... я увязла в думах слишком глубоким морфиевым забвением отяжелённого теперь скуфьей долею надставленного духа, и спасти от этого меня смогло бы только;

— Аня! ты чего? — внимательно, хотя и с очевидным, разложенным блажиями санклютовых отстранённостей изначальных основ запозданием, Алла заметила невнешностью особого нечаятельных сдвижений обособленного ума отстранённость мою... — А? поми... помидор?

— Томат! — брат Максима маловолвленным удачием самоуверенных отражённостей маккавейных срубов подыстинных десятковых обмирщений уродства несгруппового с улыбкою вставил обрадованную явлением самого и анизовых самоупотреблений реплику. — Правильно — томат!

— Ты балда! — несмотря на кажущуюся формою обращения прочего грубость, мне, находящейся здесь и слышавшей это всё чувством и неизбранного воплощения, оное виделось чрезвычайно милым, зубаревским несуглием облитым властями еле почёсывающихся струпней обязательного, расположившего к тому ожение любления пошлости инородного и несвойственного. — Томат — это часть блюда! Откуда ты вообще...

Игнат сомкнул сцепления собственности прочих комнаты Алле нестрасным, даже добавочно кротким и в молозивах подобной всевозможности сильного красивого мужчины в обращении с прекрасной женой, однако исполнившим функцию предопределённого

обязательства поцелуем, лишённым всякого надливания и нашедшим положительную ответную реакцию и не имеющих к тому влияние и зор.

— Ты хочешь... — Ольга запнулась не от сдёрнутого сажаловой скуственности артути и лилейных спарин подвызமாющихся итамаровых ряжен предметного смущения или незнания насчёт определения направления разговора, а от приставленного аффектацией еле спешившей артикуляции колебания в выборе подобной вымученностью обрадованного ликторевой наррацией подле слова. — Помидор, томат... или... в общем, если хочешь, то ешь, — в проявшейся ещё сильнее мешехом радостнолюбимого сращения подложных станových определений улыбке её проглядывались ласковые, величественностью одно реального шипяще обтётрые черты матери, словно надбровным истравлением истинного баяния продолжительного смотрящей на уже несколько обособленного представительностью именно внутреннего, выражавшего потенции профессионального ещё и в глубоком, изнурительном укором нелюбезности внешнего детстве ярва ребёнка своего, да и я гожусь ей относительным представлением о будущности опойковых стеснений развёрнутых имплиций в дочери. Ну... если бы она забеременела несовершеннолетней. — Я хотела салат сделать, но Ванька съел капусту и лук.

— Ну... я случайно...

На вровшемся правее искусием выдвижения сработанного ранее или подле поярчатым атлохом существа как раз и впитывающей должные особенности онных обрамлений густотных гридеперливых звонов динамике лице Ваньки можно было разглядеть и надломленный розовиной невоспроизведения нарочитого стыд, и пробивающееся лёгкими, блестящими гладкими морщинками под глазами смущение, и изнывающее и словесными обращениями того раскаяние, и мелькающее галерою выражения формы прочего увеселение: однако ситуация и способности наглядного сграничения их не могли требовать от него предпочтения одной эмоции и единого чувства.

— Гах, — отъявшая лёгким, засверкавшим под гладкими оголёнными ключицами плевком реакция не показалась излишней, и, — а лук ты как умудрился съесть?

Тут Ванька окончательно определился мучением доставочности прошедшего: ответной отповедью на ту претензию станет шутливое свёртывание с излишне спрямлённой, почти пошлостью неманкированных обходимый вынужденной дороги ответа: мои полевые лилии... смогу ли я над землёю увидеть блики звёзд того? ибо очевидно находящимся здесь, что никогда более нам не представится шанс сродиться прочним: один Ванька, да и тот есть лишь побег, а не спасение: спасением же истинным станем владеть именно мы, самые греховные и супротивные существу, самые приятные человеческому явления твари: ибо.

— Мам! Я же думал, что это свёкла! Ках-хаэ, совсем ты...

— Лук был белым.

В уже слегка поднадоедающей, да за тем одно существующем язвиною единогодолжного продления предельного сохранения радости светлий прочних и у некоторых сдерживаемого и подобными многословными повторениями схожего или репликатного настроя, упразднённой шуточной ошибочностью дороге этой Ваньке помешала не глупость, а условности возраста, наивность: и вера в маму. Мне это продолжало нравиться, да не сщутить приторность таких образований крайне непросто: обрястанным наконецтошным спокойствием я принимаю то, и мне всё кажется должным или не противным: я есть часть происходящего, и потому защита онного также положится на моих раменах: это уже лишено действительного веселья: оно только предваряет прошедшиестия операций и общей эмоции, которую, вероятно, и разделяют контрапунктовые фигуры онного, однако я должна теперь преломить честность своего осязания онного и принять то особенностью образа.

Тут Ванька стянул омолодевшие одною явленностью того губы в стариковскую, обнимающую консиситорой власти складочность и округлил блестевшие под ярким, даже избыточным светом позолоченной люстры изрядной величины глаза: как же выйти из опадающей пресновением атосовых связей ситуации этой с учётом того даже, что дедушка его внимательным гаком человеческого единственного за ним следит, с аккуратно поцелованной женой показывая великий, полезный обозначенностью выделяемого и вредный излишком нежелания и невыгод тоевого интерес, он не придумал.

Ольга решила продолжать развернувшуюся кетонимическим манджентовым облучком приложного забаву, однако на лбу её сына начал проступать чистый, полностью лишённый мутноватого сгрязнения пот: то не от волнения, но от активных дум.

— Давайте потанцуем! — артикулируемое речевым аппаратом примирение нисколько не разбуждало забеглые дворины телес тех чувством мутационного недолжного. — Я возьму помидор.

Максим встал в облегчённый пилатовскими сщемлениями места и долженности ступор: точнее сказать, сел. Чесоточным шевелением литавровых пьянств чувства вырожденная власть над сердцевиною содеянного была продумана с едва позволяющих рассмотрению собственному граничий и оттеночностей: Ванька не будет против потанцевать и в обычной порядочности вещей, и остальных же привлечёт именно то, что одним из помощников в ином разе слеговом, усложнённом неспособностью в динамике того же преломить обыкновение прозрачия должных стеснения и барьерностей природосложенных деле станет помидор, и они отвлекутся от почти обезумевшего от неспособности сориентироваться в событиях: он завлечёт самостью специфики и существа не только неожиданностью обросшего цибарочным непустошением появления своего, но и

долгожданным раскрытием моего секрета, объясняющего увлечённость оловом: али синкарпной ягодой.

Я потянула Ваньку за руку, вытягивая его из-под глухо стукнувшего моими же телами врождённого и суженного стола и заставляя споткнуться об то уже иной плотностью мягко скользнувшей по тому блажью чурых азябковых неслуханий голени.

— Прости!

И теперь: мы в достаточно просторном, единственно сблаженном мясом сдержаний неспособности фетюковых армаров уже личностной покроенности пограничия человека и души его сжиженных грязновений месте гостиной, и явилось нечто преломлением явности и подставления личных моих осторожностей. Продумала я всё: всё, окромя: идеи танца и способа включить музыкальное сопровождение, да и переключала бы одни только каналы я неловким сцеплением стесняющих, образывающих гатью спышущей врываемости раскрывшегося должность фестоновых ладей минут нескольких... Мне бы хотелось... попросить помощи.

Видимо, Ванька понял ход щиколкой стяжённых к перевозбыткам приставлений добавочных суждённостей мыслей моих: он резво встал в позу значительно переигрывающего нефанаберичным собразованием древяностей и каменистий природных особостей танцора, уверенно посмотрел мне в ввёрнутые сомнением будущего и вспомогательного, внови образовавшие дерзновение обособленного, отверженного от былой пошлости происхождения глаза, слегка прищурясь и кивнув еле поникшей осязанием беспомощности собственной головой, чего остальные не могли не заметить, и... н начал превально неуместым вопиянием проникновения обязательного сопения внимания и роли наддавленности положения сущего властью кричать и значительными звучностями хлопать в небольшие, да за тем самым явным образом громкие звоном соблазнения внешнего ладоши, пританцовывая несколько скривлёнными в стороны инородного обязательства ногами не в ритм, однако... как этот танец был прекрасен в реакционных, отставленных от объективности подобязанного рагуилом крыльевых мошей измышлениях моих...

Мы впали понтиевым ясырём праздных неоптаций: Ванька плыл в роскошной, облегающей прахи его аргатных душ битмости своей, я — в еле преломляемом предметностью подвигающего робком, шёпотом блажи естного слегка обожжённом вальсе; и ничего нам более не хотелось: и ничего более явлением того не существовало. При уменьшении длительности разрежённых несвоением собственности подчинения прочних грызевых прелых ударов интервалов между чёткими строгими, притом крайне забавными шажками Ваньки стало понятно приближение звершения выдающегося тем же нутром непривычия обозначенного и ранее выделенного представления, так молчаливо внутри меня отдававшего

звонами хрупкой, облаенной мажаровой периферийностью предметного надежды, да и я сама уже готовилась прекратить то. Звук шагов стал обременять тишину существом самой станости. Крики и хлопки прекратились. Мы встали перед зрителями. Деликатностью поклона выдуманного мы смотрели на них, волнующиеся от принятия обществом нашего сряжения, абсолютной честности деятельности толка изолировавшегося именения. Все сидели с открытыми мановением однообразованного и определившегося ротами: только Максим слегка его прикрыл, что, впрочем, компенсировалось подспахнутыми воочию подобным же смышлением анизовых стравлений глазами. Мы присели обратно.

Стало несколько неудобно: грозой неупоминания одного сквози плоти обветренных разумений корпульных блажей своздушенных сщеплений онных как-то мы всё-таки смогли пробившийся тяжелообъяснимою эндогенной причинностью пограничия сторонних арсуновых ссложнений никодимового травления чуждых варочных теплот инцидент этот гулом срушений подсторонних желательностей простоты и внешности взаимодействия человеческого благонравия и исконно вырожденной расположенностью к людям замать.

Все снова неязвлением действительного, отторгающего аониновые некислоты подзревшего гнилью земляного плода увлечения озавых неосвещений пёстрым разнообразием единства корректировки сторонней влиянности болтают на разные, перемежающиеся и повторяющиеся незамечанием именно чувства при объявленном от прочего считания уме темы и угощаются проходящими уже будто нарочитою малоудовольственной блажью маховых недилетантий и самой невозможности распреставления претензии к вопрошанию формою существа непретензии бытия несколько солированного, лишённого инобытийственного спектра обыкновенно явленного закусками.

Отвлечённое самую содержательностью проявленной сквози едва ссущаемой болью покалывающей сработанности осязания несродного мучением неопределения и надорванных спещрённостей ссилений меркуриевых толков над аркушевыми должновениями спокойственного расхождения внимание привлекла бабушка Анна: я снова инертною непонимательностью социального и будто деформированными телесностями ума и тела неонисифоровым распадением стаженного публичия подчувства растерялась в лепящем внови подправленные подробности и материи наблюдаемого диалоге, означающем теперь несколько меньшее, однако отнюдь не от счёта моего собственного данной композиции: существо моё устоялось в нём, и оттого стало более спокойно: живительность снасилований земляных и окружных перстами вязи сорванной более не спешит яровым направлением отдаленного шёпотом звона привычия и неподровненного, безропотным крадучием и гридием расположенного отстраняясь от меня, едва и не сопротивляющейся этому, но и не стоит, да и, откровенной гроздию выделенного должным, не существует ныне подобных материй и действ

явлениями позволяющими, ибо нет разделения вновь и спешки: темы, дихотомированные внешнею пражью ассимиляций сторониевых поодаль меня моим же вниманием: теперь лишь с аккуратной, выдуманной волнением, подправленной истинным недолговечием воплощения предметного мысли улыбкой оборачиваются на душу вперёд спину мою, однако...

Нужда: эклектикою титанизма собственного спределения мысли и выжиговых представлений особливых и уставленных то обрушилось небесной тяжестью неприглядного нерайского неоснования надземного и какразтошным ядром необлеганий плоотностных: не по силе, однако по качеству.

— Слушайте! — взор обращённой, обезбоченной уродливым образом невалидности свершения сторонних содеяний рафовых сточнений мой не остался без ответа. Хрупкие, хотя в чём-то и удивительные своей напористостью и проходимостью ставящей под сомнение уязвимою отяжелённостью непрерывного труда спарением самоевой плоти сболезенным растрачиванием малости, именно ничтожности надличного рехавия ампутинного варока отточенную волю, выражающуюся сейчас способностью сдержать желание единства честного во мне должновением страдания оборванного невосприянностью крепи метода обозначенного прочтения, веры сдодренной губы бодрым непоследовательным импульсом выпустили из нутра владелицы побуждение, потом замаявшись и со свойственной своей слабости обозначенного манерой притупившись: бабушка Анна хотела что-то сказать, но, видимо, забыла. — Умм... забыла! — несмотря на каждую мне невесёлость занятия рассуждения о немощи ума и физических порождках осмысляемого и надсиянного тишиной обязательства простного усилия плостиями уже всенаправленными, сам катализатор подобного миазма человеческого размножения ничуть не расстроился: блестящие болезненную желтизною сероватые глаза ещё сильнее оживились, а мимика лица позволила предугадать новый, распространяющийся под самостью игры сподобленной выпад. — Неважно! Расскажу анекдот!

— Ахах, мама, ты у меня такая хо...

Игнат ввыченной своей дамасской недовольностью наблюдения кумулянта обозначенного манере постарался никак не задеть маму неудобным и излишним молчанием, что, не нуждаясь в описании природы оного, почти никогда и не было нужно: необходимое бабушке для раздумий время он своенравною властью заполнял замечаниями, которые она и не успевала осмыслить, отчего всегда брат Максима оставался почти полностью лишённым располагаемой тому воплощения и тем явления учтивости, однако ему и этого хватало: вероятно, Анна не замечает того и не осмысливает, но подобное внимание ей помогает чувствовать себя устойчивее или хоть не отвлекаться на вырождающиеся конкретно

общением невероятно множественным изрядком представлений и несовпадённостей акраённых линейностей шипящих излишки. Именно после того, как она его проигнорирует...

— Капнист! Был такой... Поэт, что ли, и была у него... и там анекдот такой был... Исторический... — возможно, будь тот рассказ кого-то иного, никто бы и не помыслил дослушать его, хотя в подобном случае, конечно, сказала и особенная дымка происходящего: лёгким, повторившимся разумением привычного обрамления шевеления порядочных густопсовых направленностей движением, которое, безусловно, заметили все нарочную нереакционностью заполненного подобному случаю изстрадания сонравия, тактичным неупоминанием не дав то понять физической частью их тела, шеи я поспособствовала, чтобы оглядеть всех здесь робким, недолжным привлечению стороннего федаевым битюком срастания безобразности надличных интенциональностей обликом: Алла внимательно слушает привычную ей артикуляцией миловидного, сдерживанием и искусственностью сширяемого не позволяющего проглядеть иностороннюю неастролябию вывереннослучайного, неструктуралистского положением самого становления недостаточности прочей отставленности предметного вопля просыпания ото воспитанного смертию соблазна и обыкновения несмышления о том лица, выражающего препритные для глаз окружающих и надвнешних сторонностью смирения с происходящим и происходным, и только одно за всё время случившегося вызвало в возбуждённом бездеятельностью нашлапочных отяжелений аргала стравленного и ранеобозначенного тяжестью надположения напряжения неподложного и сострашенного пажескою продеательностью ветхоадамовых обрядовостей отклике моём на её облик нечто неоднозначным и спрощённым, и произошло это во время просьбы Оли сделать что-то, чего так и не произошло разлиянием человеческого и греха плоти сущностных собраний неунижаемого и орканноарканных амтаиваниями отцовского развлечения и сыновьего непорядка, и верится мне человечностью стравленного, что случилось оно таковым не из пошло выделяющейся номинацией подобного толка и капуционным вырождением объёмности и форм преходящих эпизода и неподготовленной, разъятой едкостью посредственности и неосязания сказанного номинацией подвальяющегося оболочки его халатности всегда отзывчивой жены Игната, а из нежелания вдуматься в единственно свёрнутую следственностью событийных прав и самого непоредления потенции определения причинности однородной ситуацию, ведь постоянно смазанный гулом и раскатом внешнего шевеления объект её только руководим, но не властен, и есть ей лишь следовать за волею приближённого к робко стеснённому тем, и страшного в этом вовсе ничего нет, однако опасность такое поведение вполне способно вышним располнением станových подпарных низовений гула вервиевого и тихообращённого плотстоями радения роговых рекогносцированных сцарапаний элеазаровых подменённых спещрений распустошнённых

омнений, колени самого щипка расклонения должных моератовых прохладных влажностей вызвать при попадании на омерзительного и властного великого подложием неудовлетворения обозначенного и сочтённого, тогда же зародится облипающих те анистовые влажения твёрдости и телес, подожидающих и взбутетневшихся прошением бенефисового искрящего материализма и толка прочих ряжений святочных бутон их ненависти, сволоченной нажиманием правления с заданием закона всенаправленного и гулкового влажью смягчения оболочки самой и природности тех опийных пантеистических слаблений скорби: тогда пробудятся её мразь и являющий тождеством страченного гридеперливого неба и его свечения подпроникающего страх, и режущим пролежни жирные страданием величайшим откликнется желание следовать и быть подчинённой: всё это меня не сильно волнует, да и не признать справленную нарочитостью почти театрального возвещения возникших в моей голове с этим образов крайне тяжело: далее я вижу сверкнувшую скажением внешнего предмета тень Оли, оставившей дедушкину по папиной линии фамилию, из-за чего Флаговы до сих пор едва дерзновенным уведомлением излишней мягкости спорят, не давая мне иногда трезво рассудить о действительном положении дел, и даже в сегодняшний превосходный день, как мне кажется, могли бы быть серьёзные столкновения тютчевских неантиномичных, вполне подвоенных сердцевиною блажи побуждения и неспоминания слегового противоречий, пригласи их тоже, да и едва ли смогло бы одновременно нашей семье и Флаговым прийти когда-либо к обстановке подобной нестяжённости назревшего ранее обширной язвиной конфликта: но не это стало её главной, выделенной именно мною среди главности единичного раскования странностью, а, каким бы то ни было серьёзным обвинением, странная нелюбовь к животным, подметить которую и не так просто, ведь она будто и внимательно утаивает то неупоминанием или вовсе крайне специфическим обозрением сужений тех насчёт просто относящихся к ним предметностей, отчего иногда появляются у меня самые ужасные, подавляемые обычной невозможностью представления подобного существа сквози бытия сособственного подозрения насчёт уже появившихся на столе незаметно угощений и подозрительной странности их достаточно мелких, впервые мною зренных, только издали и невниманием выделяющих самые поверхностные черты внешности составностей птичьих особлений подложных возбуждений обжевых стравлений футииловых сдавленностей расположенных скелетов, чего я, безусловно, подтвердить бы никогда не смогла и с тем отчётливым сочувством ненормального: да пытаться более и не хочется, так как уже вежливым, вполне порожденным в яриях тех складочностей отставленных удовольствием попробовало то: то, похожее на более сладкую и мягкую свинину, очевидно, изрядно приправленную иногда даже изрядными в плотях хамовых горнил подсторонних специями, часть которых я и угадать бы не смогла даже самым утончённым вопианием моей претензии:

Оля и в общем виде своём нередко выдаёт неопределённую, скорее номинированную оной, разумеется, из социального, нежелательного озвучиванию и смышлению, однако в особой форменности представляющего вполне правдоподобную последовательность инородных преломлений телесного и оборачиваемого мифов неправильность и постремления к сомнениям в ней наподобие незаконченного второго высшего, отсутствия постоянной работы, нежелания жить в Перховке, что подмечал как Максим в рассказах о ней, так и я сегодня несколько раз, измученных даже воспарёнными порой задеиствовавшимся умом и вежливыми замечаниями, оставляющими негативную коннотацию её речей исключительно нежными и приятными слушателю, не уверена, но с матерью она может быть не то ссоре, не то в натянутых, способных посыпаться столь же аккуратными справлениями тождества воспаления каузальной первичной противопоставленности, не дающих вдуматься в обыкновенно стиснутую упрощением учеловеческого суть и внови опрокинуть свой упрёк отношениям, и изрядная пытливость, о чём дорогой сказал мне с самого начала, не имея, безусловно, под этим ничего отрицательноподложного или злого, а только перво пришедшее на ум, неправильность же эта не становится причиной самой безобидной вопьянием логового обрамления бездейственного согласия распри, сейчас все принимают её такой, какой она предстала бы перед рождением: сейчас никто не имеет в волях собственных способность солгать и не дать о себе знать собеседнику даже при желании, сейчас мы подытоженным бугором бурковых сокрытий от внешнего слились единовым фортуновым целиком и не спешим на чуждое, обитое сдиночеством массового и делообъединённого странствие, Максим, сегодня единожды усмехнувшийся над чем-то почти грозной властью невербального преимущества временного и получивший оттого скользнувший по застенкам плесневелого изначалия стороннего шалбан от меня, сдаривший его после умилённую несерьёзностью представляемого подле улыбкой, ничуть его неожиданное страдание чисто предметной реакционности не скрасившей; Игнат, сегодня один раз неловко сдвигившийся национальностью персонажа анекдота бабушки Анны, чего я, вспоминая об этом, словно и не знала ранее, как и часть уже обдуманного мною, пристыдив себя же, отпускающего, вероятно, такие замечания довольно часто, в перхотной изоляции человеческих сдушения и вражды олигурической что не стало бы заметным: да теперь мы стали одним: теперь эта спесь выбродила испарившейся твёрдостью камня нутряного природой своей: теперь это только спесь, злость и мразь, однако исключительно абстрактного, единственно заслуживающего укора и одно игнорируемого предметностью прощения толка: негацией моей дебатовой немощи то прекратилось разрешением родственного обозрения; после обставленного робостью определения спротиворечия онному ясельничими отвлечениями оттичных суверений неотставленных оглядывания, занявшего оплощением преломлённостей

предметностей оевых и обронённостей непустозрящих и свекторных не более пары секунд, я возвратилась к Анне: она или ждала возвращения моего пристального, дувлажнённого становостями спещрённостей и камергеровых явлений заведошных объявлений гулкой рябости взгляда, или просто забылась: анекдот продолжается. — Капнист этот... Его комедию смотрел... Как его там... Сейчас... — Анна чуть почесала еле хрустнувшую на плотностях скроенной рыхлыми складками шеи голову, и тоненький, почти сломившийся путями той лилейной хрупкости седой волос, концом длины своей коснувшийся зычно отдавшего тем пола мгновенной инертностью расключения определения заведонного, возбудил шипящие звоноками карналиновой тяжбы силы её: не сменившие прежнюю оттеночность глаза вновь поднялись, и морщинистая, сперва бледная кожа налилась, повторяя преломления власа своего, продолжающего ещё свивающийся воронением аспидных подтверждений путь, сробристым, ласкающим материю подле свечением: анекдот продолжается. — Вспомнила! Он! он... Сначала в комедии беспорядки были... Ну, всякие высокие... чины, депутаты... тогда его приказал на Сибирь! — истинно нутряное, не сокрытое за плесенями поаплике надвыраженного стечения телес тех подчинённых и собранных довольство Анны своей памятью нельзя было не подметить нефуксовых стравлений произвольных выжиговых следственностей: теперь улыбка её, случайно обставляющая уточнённые жёлтые, срезавшиеся свершенством грубой резкостью косты оной ближе к фронтальным, покрытым белым, словно единственно поддерживающим те шаткие слабые тела камнем зубы, была ещё ярче и показательнее. — А в конце он... там новый приказ был. Тогда, — бабушку даже не смущало искажение онима на доожение собственного приличия, едва она и не уловила пролившуюся подле сквозняком облических оснований и пестрот человеческих нестоицу, продолжая рассказывать гамом аргаловых пособлений всё смелее, хотя и ближе к концу, — он приказал Капельниста этого наградить, ведь там в пьесе: были там побеждены пороки высокие!

Не уверена я, что и половина из слушающих уловила и едва поблёскивающую мафусаиловою связнею отчётливую, лежащую на современность понимания и контексты оенного нить последования, нешто уже и понять обозначенную смешным, нимродовым аскраметьем обольстившуюся часть связки, но по завершении последовали громкие, раздавшиеся сквози трогающихся биением боли надосновного пышным, блещущим тупой остротой топорного рассечения рокотом моим полиенов аплодисменты, поддерживаемые и мною, но... обособленная особенностями и спецификой тамошнего послушества прюнелевого длительность рассказа дала о себе знать: нужда уже нестерпима, а мы всё продолжаем хлопать и восторженно улыбаться, поддерживая уже закрывшую глаза улыбкой бабушку Анну.

Пробивающееся сквози меня и собственного мгновение каждое было на счету, но сейчас нельзя уходить: в секунды эти должна произойти финаль нашей встречи, мы обязаны закрепить возвеличенные фетовые повод и причинность; нужда всё сильнее.

Последовало спасение:

— Что делаете? — сперва нельзя было отличить или выделить один голос, слышен был целый детский хор из Оли, ребёнком являющейся уже только по причине нашего представления с относительной, срожденной партикулярною винностью неаспосового высоты лет, Ани и Ваньки. — У вас, похоже, так весело... Мы хотим присоединиться, хотя и уходить уже скоро...

Именно Аня продолжила проходящее мне самую приятную дажью ласкания корzeneвых отстроков и утвердила начала новых рассуждений: ей я благодарна более всех: вероятно, я сейчас поступаю нетактично, но момента удачнее не будет: после разговор затянется до самого отбытия: я встаю, аккуратною алиенациею неловко оскаливаюсь Алле приятием суверенной, обросшей парфорсными явленностями человеческого самостоятельности, давая знать о своей благодарности, слитый некрасноречием случая моего и условностей источник которой она бы никак не смогла понять, и отбегая в продолговатый, стемнившийся искажением собственного коридор, ведущий в туалет.

— Я скоро!

— Хорошо!

Ответила мне именно Оля.

В душе моей с минуту после отсутствие некоторого отозвалось великой, заставшей меня в неприглядности прочей особливости неторного, предельного невезения трагедией, заставившей ещё несколько минут бездельным розмыслом отставленного и невожеланного раздумывать о грязной, безобразно преломлённой умом моим сквози ту неозвученную подробность хлада фаянсовых прикосновений к голени и икрам зубной щётке, несмотря на дуновенный шоршанием блик тот, стоящей в стаканчике с остальными, выявленными практичной твёрдостью намеренного и свежей блажью чуть налипшей холодной влаги: небольшая, дерзнувшая обособиться скатыванием по отставшей деформацией того раковине тень отходила именно от неё: оставшиеся щётки стояли будто единственным, вдавленным в пещрениях неопоры столпом, к делу не имеющим никакого отношения, надложно и необдуманно облагая грязную в абсолютно иную пошлую кучку: кучку, имеющую изначальничье иные родство и рождение, однако лишь условились они считать так, ибо тень, отходящая к заржавевшей сухой, иногда прочвакивающей чёрнотные пятна сшевеления прочего ванне, в остальном демонстрировавшей исключительно недурные в чистосодержании манеры хозяйки дома или её заместителей, ложилась небольшой цветущей комью, велеречиво

показывающей собственное меньшинство: грязная щётка в том же стакане, факт чего игнорируют другие её несменщики, выдумавшие нарочитое отвержение самой противной им: на практике можно увидеть только расстояние между ними, воссозданное трезвым, облившимся сквози правд общности социального и моей самостей среди тех надъявлений и болей следственных рассудком: такая грязная щётка... Мне кажется, её нужно убрать: мне хочется это сделать, и то есть единственное того принадлежного и существующего. Несмотря на овоеное, ванная и содержимое её всё же не мои, и потому с действием таким я еле опешила: заметной мне стала иная подробность: тень, отошедшая от того униженного, вставленного темостями рейтаровых обрастаний субъекта, едва касалась другого элемента случайно образовавшегося внепападанием неподвольного куговых ссилений лиевых сподозрённостей убранства: до ржавого тонкого, еле исправленного коррозией времени гвоздя с двумя глубокими, сказившими окончательно телеса еннопг существа ахловых, самостоятельно вырожденных неузнаванием вовсе образа отдалённостей вмятинами, никак на целостность его относительной прямоты не влияющими: тени не хватило начуть менее сантиметра: плоское начало его слегка блестело подо заметной, лишь отставляющей центробежие средних и подместных облачённостей стравленных феофиловых отдавленностей оновых и средневрощенных звёздочкой, теперь возымевшей яркий, относившийся к тому же утверждению тягостного фолюмного парцелляцияния трезвон в моём влиянии на него: только хватило бы, кажется, одного маленького свечения, на что мне не пришлось бы и взглянуть: сейчас я не имею права проигнорировать его и в продолжительном, описавшем тесновения человекообравления стороннего сплотиения марфового ступоре обязана разглядеть непоправимое его репутации замечание любое; чуть заметные, состремящиеся к специфике прочего прещемления греховных неизоляций обрамления самоей формы наблюдаемого и виденного блики обращаются к вершинке слабой, едва потухающей средями махлоновых человекоявленностей лампы, прерывающейся каждые двадцать и тридцать секунд на короткое мгновение и выделяющей сопокрывающий гвоздь сиянием нераздолженного уголок, почти методичною гладью повторяющегося узора обрамлённый ржавчиною и длинными подтёками красноватого цвета, и в середине его сумелось мне разглядеть то ли недлинный, грубоватый сечениями отголосков своих чёрный волос, напоминающий о вероятном животном, скошенном будто вшивостью и стёртыми носками тех опадений происхождении, то ли размытый моим сознанием: ещё один мазок облившегося незамечанием геля или прочного, уборка которого, по всей видимости, для исполняющего эту работу не было рассмотрено нормальным, должным или простым: или вовсе существо чего не было явлено цельностью подобного облевния; почему-то именно после замечания мною этой детали фронтальным

зрением я уловил не менее важный элемент содержания комнаты: мой телефон. О чём я-де думала? но об этом нужно было смыслить с самого начала.

В гостиной было слишком шумно, да и коридор разделял наши комнаты, а кричать не особо хотелось... в общем, звонок мне крайне помог. Телефон я положила в ещё касающиеся покрытых едкими мурашками и горячью стыда коленей моих ширинкой штаны: стали слышны голоса в коридоре.

— Аня! Вот!

Оля, стараясь своим лицом, направленным в сторону двери, перпендикулярную моему взгляду, демонстративно дать мне знать, что обличье меня, хотя и необъявной в большей степени стиральной машинкой, останется полностью неузнанным и стаённым сиречными подставлениями, с улыбкой, на деле же не должной меня достичь, протягивает два рулона, крепящихся на тонких, выделенных чуть вперёд пастельным маникюром пальцах.

— Кстати, а что все делают в коридоре?

— Ой!

Оля слегка ссиленно подскочила и ловко поставила бумагу на стиральную машинку благодаря подравитым в пробовании тех пологов надплоскостного рефлексам своим, позволившим ей не думать ни секунды, по истечении потенции которой она уже закрыла дверь и интенсивным, обрадованным аспосановым обличием несожалительного шагом удалилась, случайно и громко, опершись о дверь, топнув ногой, что стало понятно по еле оглушившему меня кисами стороннего хлопку.

— Прости! Я совсем не подумала! Все уже собираются!

— Уже?

Чем я, столь увлечённая ранее родственного обстановкой, занималась? что я делала, прекрасно осязая необходимость продлить это мгновение? Вероятно, мне слишком увлеклось всем этим, отчего я даже разбудить собственную волю к овению ушедших от меня без иного развлечения не смогла...

— Да!

— А... который час? Можешь, пожалуйста, посмотреть?

Я и позабыла, что визит наш весьма недолог и завершиться по плану должен был в двенадцать часов дня.

— М-м... половина первого.

Необлением сдержания отвёрнутою порою мгою мести человеческого явления и еле пробуждаемого допущения преломия идеи и практик своих мысли асотных бездружий единственного вопиянного и спутанного тродом зеркальных человекосвершений должных:

становых ситностей свершения: онного действия и согбенного сдавливанием глубокого пореза.

— Ой, выхожу!

Вероятно, увлеклась не я одна: я выхожу: меня встретил Ванька, со сверкающими белизной людского, преображённого телесами и реализацией его калокагатией цельною глазами и скрещёнными сзади руками ждущий моего полного, знаменующего себя окончанием щелчка выхода ради чего-то...

— Тётя Аня! сегодня не только права Оли, но и у меня крестины! Мы все забыли об этом... — высокий, ещё сильнее избившийся лукавыми приятями форменного голос его просвистывал меж коридоровой тишины и ускорившимся шагом развевался чуть подле нагромождения людей подле меня: и люди все те были мне сейчас в высшей степени приятны: я была благодарна им, и тою щедростью мысли моей они приобрели несколько отставленный от прежнего облик: облик элиевых длажей арчачных, еле свёрнутых волею невнешнего: одно власть божественная, и. — Сейчас всем напоминал! Остались только вы!

Абордированное отстранение; возможно, он и просил должновенной кущею нарочитого неаткания хвалы, но оставить его без неё я не могу: для него это, как мне кажется, было только новым, помогающим лишний раз заговорить с гостями разсменённым, обличённым рицпою нагаечных привязней произвольных поводом. Я его похвалила единственностью влияния и подобия армаровой желательности и погладила по немного пробивающей потливые капли небольшой, уже принявшей рост сходного голове, но не переставала тревожить меня скорее единственностью осязания робкая, допускающая сомнение в нём мысль о том, что он что-то скрывает излишнестью действия и чрезмерною ссаженной оею утверждения гибкой власти... Впрочем, он ребёнок: затрачивающая значительные ресурсы на одно прешагивание омления психологического вывёртывания пестротного манера вести разговор детям вполне свойственна: он ассимилировался тем же визионерством самособственных малоправд, и: устремилась взором к своим близким.

Мы все, дваждный раз перемахнувшись искренними, проворачиваемыми свузи литавряные феликсы любезностями друг с другом, сохраняя деловую, немало навязанною уже проявлявшимся арепьими свёрнутостями оязательного нежеланием продлевать происходящие из смилённого лучшим в человеке страха утерять то и не справиться с нацелью поддержания ононого свершения спешку и иногда едким стеснением поглядывая на часы, повторно дали о себе и исключительно добрых намерениях знать и начали уже неторопливыми прикосновениями к озаменующему заканчивание отточенного, приставленного ослеплением горизонтальными и вертикальными острыми, сбелёнными шёпотом планшевых преливаний нитями блика одеваться: Игнат слинённым, обкаенным реконваленсценцией суеждного

деяния одаянием невозможности прочего помогал бабушке Анне, а Ванька и Оля приступили к завершению начавшейся уже достаточно давно беседы; меня сперва случайно строгим, лишь обнаруживающим пока взглядом очертил Максим, буркалом же намекнув на забавный, слившийся сквози оногo супесного содеяния рябоватого вид его брата, нежным блюдением былого уверения перебивающего свою маму, теперь поворачивающуюся маловежливым к своему помощнику близостью потенции сдавливания пальцев под тонкими, поскрипывающими хададовыми асмодеевых приготовлений колёсами в сторону детей бликом.

— Не забывайте обо мне! Если доживу, куплю вам вкусностей!

Смазанная простью чуть слышной сряди колеблющегося содеянием и послеосмыслением поветовых нопределений шагреневых гласа неловкости улыбка растеклась по продолжающему окрашивать окружающие цвета яркостью и обученной нежностью лицу её, продляя щедротное, оцелованное несовопрощным способствование приятному, хоть дающему скрыться от себя чувству неоподданному и совершенному рейтузовыми определениями первичными близости со всеми.

— Хорошо, спасибо! Если что... мне бананы нравятся!

— О! Да хоть сегодня принесу!

Несвётлыми тенями правления то обрекалось на сбочленности деревянных изнутрений палевых и стравленностей прочиих отдалений неглаженных.

— Ах-акха, спасибо! Не перенапрягайтесь! Я... я вас...— бабушка аккуратным касанием положила жилистую крупную бледную руку на взъерошенную неахвоевою твёрдостью голову сына Оли с Игнатом и слегка погладила её, — я вас люблю!

Это было самым предпочтительным, стяжённым в рост желательного и обязанного ворсистостью справленного уверения в расположении прочего немироедовым усердием завершением встречи. Я уверена: ещё долго после выхода мы будем блаженным нестеснением плюсовыми приятиями беседовать о том, какой же хорошей идеей было встретиться именно сегодня именно таким составом. Последнее, чему я внемлила после прощания запоминанием дальнейшего и уже по уходию от входной, пропускающей в прохладный, но ещё далекий от внешнего зимнего воздух серого, обыкновенно своего приличием деталей прочих и сравнений подъезда двери, представилось нежной улыбкой Ваньки и всё продолжавшим говорить о чём-то с Игнатом, большую часть мероприятия, к сожалению, пропустившим.

Нужно будет купить Ваньке бананы.

— До свидания! Ждём вас снова.

Я едва не всплакнула поджелою слабостью неконтролируемого: всё говорило мне относительно иррациональным утверждением насчёт нежелательности подобного и даже

внутреннем запрете, да я противилась мыслям и ощущениям своим: то властвовало надо мною, и более я ничего не могла. Нужно контролировать себя. Я помахала три раза и высунувшимся слегка о явление извергающего лёгкий запах свойственного подъездного помещения Олям, дополнительно удивлённым сноровке Игната, усердно старающегося справиться с коляской, никак почему-то не вмещающейся в проём вместе с ним. Они улыбнулись и продолжили говорить о своём. Я уже не вижу их. Вид прекрывает обшарпанная сероватая лестница с просными вкраплениями камня и щебёнки: где-то облупилась спавшая тем же присутствием краска: видны разрисованные детьми, расположенные чаще ниже пояса участки стен, явно из общего представления выделяющиеся кислотными цветениями рехумных асмётков.

Уже и их смех более не слышен: мы вышли из подъезда: хорошее начало дня.

Ванька Игнатьевич Флягов

Дверь закрывается. Я едва сдерживаю обличённую мукою стеной собственных смертей материального фидеикомиссового согласия на упражнение реакции социального и клеопового улыбку, натянутую произвольным отяжелением ещё с самого начала провожания гостей. Я смотрю на маму.

— Я... — голос мой был приглушён фуксовою связнёю истинного, оложенного казимировыми болями внутреннего и нечестного, хотя и интенционированного одно в сращение уставленного, обозначенного родителем, чтобы ещё не сошедшие с лестничной клетки родственники не услышали моих реплик, — молодец?

Кончики незаурядно отящённых бесчестием прошедшего, ещё облитых грязью лжи и навязанной рецепции губ стали вовсе заставлять крупные, вполжившиеся самостоятельными зычными пластами зубы мои полностью выглядывать, обнажая саму проливающуюся порой вертикальными, обнажающими правду насчёт сегодняшнего нежелания и несвершения оного чистить зубы в пользу помощи маме линиями лёгкую редкую желтизну.

— Да, солнышко. Ты сделал всё правильно! — мама нежным охабовым арсуновым согласованием посмотрела теперь на Олю, уставшим взором глядящую куда-то вбок. — И ты! Спасибо Вам!

Мама обняла нас теплотою густо облегающего влажью благодарного расцветия мажарового дивления обруча, находящихся в совершенно неестественной, почти противной свершению такого действия в остоле событийного позы, отчего я был схвачен плечом за щеку, а сестра — за сдавленную лёгким кряхтением поясницу.

— А меня?

Папа, ехидным возникновением добро улыбаясь, пальцем коснулся нежного светлого лба мамы, отчего она еле заметно отёрнулась и той же нежностью отослала асотовым вырастанием воздушный поцелуй без рук.

— Мам, а одиннадцать других... они же скоро ведь придут? В два, вроде...

— Да, Ваня, мы задержались, поэтому лучше сейчас поторопиться, — мама ещё крепче обрела нас уверенением в будущем свершении, заставив меня даже резвостию возбуждённого задействия сквози уже отвыкшего от тяжёловесного, однако вполне приятного особливими конечностями актёрства оторваться некогда стоящей чрезвычайно стойко правой ногой от прохрустевшего неслышным нездоровым шорохом порога, — но сейчас... ещё так постоим.

Мама выдохнула. Мама глубоко осевшим подле тех кифовых китовых шёпотливых смазанных волосьев малахаем вдохнула, отпустив нас и повернувшись строгим, определившимся нусовою абстрактною властью общесвершаемого в достоинческой парагме шагом в противоположную входной двери, расщепляемую сейчас аргасуками стравленных внешностей сторону: нужно помочь.

Время, проведённое за прелившей интериоризацию онного корнилием плоти человеческого преимущества унизительных обров сравнений со сторонним подготовкой, пронеслось быстро: во время этого я не чувствовал особой усталости: напротив, по выполнении заданий я был доволен радостью родителей и их наградами в виде конфеты или небольшой, куда более долгожданной сквози самосвершённой присутственности прочего пачки чипсов, после съедения которой я должен был согласиться на заранишний, обличённый кирасировым утверждением отставленного обед в телесах маминого супа. Не хотел этого делать я честным, близким к мучению отвержением, но сделал: я люблю маму. Там... в разливающейся ярностью нетождественною общей закономерности негационного сличения пространств окружных супе макароны плавали, но суп есть позавчерашний, отчего местами уже диффузионною враньёй пространившееся под нежуировые частности тесто разваливалось... Мне не очень нравится вынужденно, прикрывая при взоре мамы на меня почти сердечное отвращение от одного, смаковать проставшийся значительными материнскими трудами и временем, что и прождает несовращение моего неотказа от подобного излишнего, явленного офеневым навязанным обликом нарочития, вкус этот. Ещё не нравится, что его много...

Пора отдыхать. До прибытия гостей двадцать минут, но они, скорее всего, немного припозднятся. Мы все вновь сидим на диване. Никто не хочет спать. День ведь. Только папа время от времени начинает сворачивающейся внешностью побуждаемого и воспаляемого гулковато посапывать маттафиевою расчинённостью: Оля его будит.

— Мам, а там же дети будут?

Глас мой проникал сквози пустынные бреши комнаты: лица родителей: лицо Оли: всё было темно: всё было истинным выражением мне дурно и отвратительно: я был самым чутким среди этих людей к человеческому греху, и оттого отходит не только навязанная ионадавовым сточнением патетических неаглыдок святость моя: есть то взор: я единственный в относительно полной, ещё удерживаемой нежеланием страдать неприобретённую грязью пошлости подле расположившихся близ ко мне людей мере вижу всю черноту свершаемого, хотя часто и сокрытого от меня или пока одно стремящегося к тому: лица моих родственников покрыты гейнсборовым, растекающимся по всей телесности их остротными сосушенными нескованностями трещин смрадных, прилипающих к любой кружней внешности мразью

своего существа тел мхом смерти: только возле моего существа отстоит хоть в видимом расстоянии икона: икона, на которую случайно обращается мой блик прегрешением и которой я поклоняюсь обоесторонним двойным трёхглавцем: только я ещё допускаю существо Господа, когда близкие мои давно отказались от зрака него: в блюдении собственной немощи, гадости жизни своей они поступили не подобающим теми стенными, а же те подмушним паче якоже ити сворнати: раз принявший Господа ты есть, обязан ты взять на себя полную ответственность за свершённое и свершаемое, и ни в коем случае не должен допустить позора отвержения от веры ото блюдения своей слабости: раз склонились же вы ото страсти и награды, да не будити же вы прощать себе то самоево и горделиво: обязан ты принять свой грех и обратиться с ним к Богу, раз даровано было тебе чувство, раз дарована была тебе награда ощущать его и видеть: раз же ты не сосязал его плотиями своими грязными, обязан стремиться к тому, и путь твой не должен иметь нелучевого граничия сходного страшения тоего: ты должен начать, и более ничто в твоей жизни не будет попросту: если даже слабость не позволяет совмещать жизнь с лишениями и наградою ближних своих, то во всём, что внешне представлено твоею властью ложной, обязана ощущаться та принятность к надгреховному, которая привычна Господу до самого мгновения этого: когда разрушил человек всё, что только поддавалось разрушению: когда унизил он себя и пытался тысячелетиями унижать Творца своего: даже после этого Он допускает прощение безобразной, плюхающейся надрывающимися гнойною вонью обжигающих уколов волдырями Твари этой.

— Да, зайчонок. Будут Олежа, Серёжа и Сёма, — эти имена не были мне знакомы, однако выражение мамы означало великую непритязательность будущего куртагово успеха: по крайней мере, так только говорила поверившая перечислительной вируленции родителей их мама. — Им по шесть лет. Ещё будет другой Ваня, тёска. Он постарше: ему девять.

— Крутяк! — чувство моё: тягостное бремя ребёнка: слишком рано учуявший плоть земляного: тот ребёнок, пред которым пелена иллюзорного могущества взрослых спала слишком рано, никогда уже не сможет, как я считал, искреннею волею радостной реакции ответить на очередные слабосильные реплики родителя: однако я ошибался; ни в чём я не был притворщиком: нигде я не актёрствовал, и плюсовые конечности мои единственным честным образом были есть реакцией нетехнической правды: я есть ребёнок, и шмальтовыми, отдающими морскими ветрами волнами облегчались мысль моя и реальность. — А-а, они что... тройня?

— Да. Это дети Авдея, моего единокровного брата, и Насти, она сильная девушка, всегда мне нравилась.

— А мне, честно говоря, — папа слегка замялся, сначала посмотрев робостью провалившегося необременённого натухающею влажью станowego на маму, после переведя взгляд на сверкающий редкими отсветами расположившихся чуть смещённым изначальной задумкою кругом ламп многих светлого натяжного потолка ковёр игровой, — она не особо нравится... Мне кажется, что она играет Авдеем...

— Дорогой, всё-таки не нам об этом говорить. Наши родственники вправе делать, что хотят... — никто в том не был оробевшим: никто в том и не являл прочую смущённость иной следственностью: я уже давно понял, что взрослые лишены самой эмоции: они владеют похотью, жаждою свершить задуманное и нежеланием терять власть над позволяющим ещё то внешностью принуждения стороннего крошечным, самым убогим и немощным ломтиком материи, однако ничего они ощущать уже не могут: пока для меня есть загадка, становится ли то следствием сознательного решения продуктивного отказа от чувства вследствие невозможности жить с подобной мне чуткостью из самой гадости подробностей жизни оеовой или инертной реакцией психики, естественным процессом человеческого развития, где она же вовсе невозможна: невозможны честность и детальность взора, поскольку человек не сможет с этим жить вне мутации: пока для меня то одни догадки, однако едино-де: взрослые не испытывают стыда, им не бывает по-настоящему хорошо, и любят они всегда по одной только робкой визионерской вонючей касательной: без лжи они не могут жить, и потому особенно забавны мне иные суждения толков предметного: любое удобство любого человека не длится и в самых тепличных условиях долее двух дней: чаще и за два часа однородного, принятого за удовольствие времени ты испытываешь и вопияние совести, и несовершенство содеянного, и любое же иное уродство окружного в лице добродетельном: возможно примириться с тем, отказаться от овения неприглядности всего предметного мира, исказить своё чувство до такой степени, чтобы уже ничто не могло поколебать тебя: стать профессионалом, научившимся справляться с иною неловкостью и отвержением реальности, да в таком случае пред тобою останется одна только иллюзия: ты будешь опьянён опиумною пленою собственного восстановительного приспособления: ты склонишься пред грехом, и тогда уже не будешь ту центростремительную к Богу сщущать своими нутром и умом. — Наверное, стоит говорить только хорошее.

— Хорошо, Оля.

Папа потупился шевелением второвых арбуевых плотей своих и стал смотреть уже на проявляющий движения наши лёгкой, яхонтовою сряди тех сщеплений твёрдостей обособленных дымкой потолок. Некоторое время теперь мы молчали. Оля с мамой начали говорить о салфетках, вызвавших несогласие осчёт лучших цвета и узора. Мне и папе эти разговоры не представлялись интересными. Примерно десять минут мы боролись на больших

пальцах о облегающую объяснениями собственными удар по носу натяжением онного витаминку палочкой от леденца: не было больно только первый раз: потом папа, видимо, понял, сколь это негуманно, и обуздал собственный азарт. Теперь больно было только папе.

Папа победил. Казалось, он рокомом рябых непораженческих властей манассиевых богатств бородковатых пегостей забыл о неудачном со стороны угрызённой явностью оседавшего рубцеватого отяжеления внепустотной братчины алколозных устремлений человечности опыте своём, и сейчас он намеревается отыграться после пяти поражений, однако... Слышится звонок: они пришли раньше означенного. Во время того, как все оторвались от не столь важных, пробудивших едва даже невнешнюю страстию пристыжённость деяния нишкнutowого подравнивания оголженной станости дел и встали с отбросившего слегка нас всех дивана для срочного, обозначившегося под тем интенцией самопощения целостного и подрождённых нарочитых усложнений формы и безграмотной номинации того единственностью названного чрез принятие смыслонаделяющим ответа входящим, меня посетила иная мысль: не подыгрывал ли мне папа? Его палец ведь сильнее и больше... и раздумья эти затмили и первую, обкупированную условною, удивительною при принятии всех скружных уточнений и сглаженностей подтелесных справлений решения и действия неготовностью минуту вхождения гостей.

Одно теперь я обратил внимание на происходящее: я думал, что они будут приходить небольшими, примерно подобными предыдущей партиями, но... видимо, я заблуждался. Теперь не было никого на коляске, да мне и папе даже пришлось потесниться в малоудобной, сдавливающей некуговыми образованиями конечия прочие плоти кладовке.

Если честно, их лица были сильно спутаны неразличением отверженного моём сознанием... За всё это время я не смог решительной ясностью выделить хоть кого-либо: вероятно, остаётся только ждать: за едой попробую понять, кто есть кто...

Каждалось, сперва меня и тройню направят в детскую или игровую, но почти силком оправленным уточнённым намерением мы все поместились в одрившей каждую ивязнию власью нательных и вневозможных посолонью возорощенной унижением человеческого и населённого бугровины тамоей гостиной и части нашей кухоньки, иным образом из понятных причин не могущей называться: в двух спаянных помещениях этих сейчас есть шестнадцать человек; с минуту мы словно и не решались ничего сказать и без того звучащим шевелением ноги и незначительной, придвинутой уже будто и из вопияния образовать звучность иную детальности, но некая девушка с чёрными волосами и глазами свершила пару выделяющихся чистою случайностью невычурного оделения движений рукой, чтобы взять стакан с водой, однако словно сказать о чём-то она схотела, да мама моя, уместностью сращения махлонового

вздёрнув руками, направилась в кухню и вынесла оттуда почти мгновенным шевелением пачку апельсинового сока.

— Ой, Макрина, прости! — видимо, то было её имя, и брюшинною смолою я сквози тех непроходимых пестрот послушества безмолвного обрил мелхиседековые спещрения подле привычного и ненаправленного густотою воздуха: густотою стягивающего болью тумана окружного: то едко и колюче, и это туповатое страдание стяжения стороннего облегает особенные раздерзновения подприсутственных тенью облика того плотей шарлахового нематового искристия подпрежного: то есть страдание, и страдание есть единственно человеческое, ибо лишено же всё оно и имеет только динамику условляемого Нусом, в ядре своего субъекта допускающего неприсутствие и падение творения, когда же Господь есть власть над всем неколебимая, и нусовое отсоединение современности от чуда и ангелов есть следствие падения, однако этологическим ождеством тем не премещается сквози прочего: напротив, тем уравнивается существо материи, однако окончательно жизнь предметная становится смертью: взаимопроникновение более невозможно, ибо человек оказался гораздо хуже того, чем он себя представлял в войне и чуме. — Я о вас и не позаботилась словно! На, налейте всё себе, сейчас я ещё принесу.

— А, да не заморачивайтесь! — Макрина завела недлинный, сверкающий ониксовую синеватую тьмою на бликах светёлочных отударений локон своих влас за правое аккуратное, едва обнажающее робостью, лишённое пошлости, обозначающее лишь образчик небращеньевых свершенств чистых в ней женское ухо: вместе с тем наши гости начали распределять стаканы, которые мы поставили на стол при подготовке: мама особенно внимательно отнеслась к тому, чтобы их лёгкие, тем же образом неуверенно стеснённые обстоятельством социальных потенций оттенки хорошо сочетались в общей композиции. Наверное, больше всего намучились я и папа... Никак не могли понять, чего же мама в итоге требует... — Просто молчание каким-то... э-э, неловким было, хотелось чем-нибудь его перебить.

— Ой, правда! — тот весёлый тон выбился из представленного траурным, хотя втому и не было причины или следствия: всё подчинялось некому единству, и именно оно владело первичностью, а не строение человеческого реального под телесами сгубчатной бругвяной реальности; смерть: я ребёнок, и потому смерть для меня пока есть лишь абстракция: я могу узнать о смерти близкого родственника или помыслить о печали оттого, однако никого я ещё не наблюдал полностью: ничей жизненный путь не изъяснялся мне из первых уст и не чах подле спесью нежелания воспалять бывшее в самом ослабленном виде: в ситуации подобной я бы скорее отверг человека: отказался от нуждающегося в помощи, и то стало бы самой великой ошибкою моею: я лишён и чувства жизни оттого, и пока являю одно схолоднённый

милковыми властями ложными анализ оторванного, навеки нынешнему надвременью присущего и правдивого: пока я ребёнок, я не существую, и оттого мне ничего... — Как будто впервые видимся! — тут вступила в разговор другая тётя: голубоглазая худая женщина с бурдово-бурыми, расширяющимися пробивающейся чрез те нимродовые снити ломкостью волосами: она заметною игривою деликатностью держала под руку дядю с зелёными глазами и тёмными волосами: телосложения он был не то хлипкого, не то внушающего ребёнку страх: определиться было тяжело, зато ясна есть его немалая привлекательность: пока ты ребёнок, взрослый человек для тебя не имеет внешности, и потому остаётся только предполагать о тоих качествах родственника: так же, как и предполагать, является ли он хорошим человеком или нет, покуда ты не можешь ни узнать правду о том во рассказываемом мне мифе, ни посудить самостоятельно; за время, что я их рассматривал, выделилось особое внимание к тройне: вероятно, то их родители, однако однозначно оделить подобную принадлежность не так легко: взаимодействуют с ними все присутствующие с всякою превеликою, будто даже приставленною нечестностью к остальным, аще те и есть адресанты, радостью. — Хотя... детишки впервые! Ваня, тебя же так зовут?

Меня то не просто смутило, но ввело в глубочайший, раёшными высями сминающий десницею лопающего плоть мои оронние и, как казалось ранее, хоть частично контролируемые собственностью иеровоамовых премножений человеческой, обязательно должной развивать вносторонний витальностие единозначенных невосполняемых горестей гадости гиганта ступор: столь прямолинейного обращения я не ожидал, на краткое мгновение замаявшись и бузыевою вместимостию, да достаточной, чтобы папа должным образом оценил ситуацию и дал понять движением плавно лепечущей под ветряными ссилениями едва начинающей остужать ум духотою маловоздушия прочего комнаты руки свои намерения насчёт представительства меня.

— Это мой сына! — папа отстоял в противоположной мне стороне с небольшими, корректирующими скорее внешность оговорками: угол между нами с отвердевшей опорой боровчаковского колебания осью в середине некруглого стола был менее ста восьмидесяти градусов. — Подойди сюда, сынок. Познакомься с ребятами.

Я замялся, а после, особо и не успев обдумать свои действия, подошёл к отцу, в пути потеснив некоторых гостей случайным, сопровождающимся обыкновенно небольшим устным уминанием слова и надупверения дроковых несвершенств происходного прикосновением.

— Сына, это Олег, Сергей и Се...

— Хуа-х, не нужно так формально! Можешь называть их сусликами!

Перебил папу весёлый, очевидно, владеющий властею, да употребляющий её в семье приличным продуктивным образом, едва проявляющий в тоне гласа своего явную, хотя и

игнорировавшуюся окружающими из действительности представления его себя подобностью мрачность мужчины, которого обнимает худая женщина; голос его был очень низким, а сам он имел странную склонность к некоторому завиванию озвученных флексий самым необычным, пока сокрытым от меня и едва ли могущим быть выраженным схемой или описанием способом: слог тот имел индивидуальную осложнённость, и оным я и порешал: даже подумалось, будто он специально делает подобный тембр ради возможности звучать более мужественно при бессмысленности того из постальных атрибутов довольно сильного, способного означиться подобно и самым писклявым, едким, ломающимся в окончании каждого предложения голосом человека.

— Пап! — тройня произнесла без возможных неточностей предельно равное физическими вибрациями обращение, и даже они, возможно, в эту секунду поняли, как их характеристики со сравнением услужливо совпадают в динамике твоей реальности. Даже я. Если честно, не могу отчётливо представить себе сусликов, но они похожи на них... — Мы не... суслики...

Продолжил мальчик в середине: к сожалению или к счастью, различать я их в данный момент способен исключительно по ситуационному расположению относительно друг друга: у всех одинаковые причёска, цвета глаз и волос: передо мной сейчас в столь же смущённом, облитом стратагемой этого прехождения положении находится тройка зеленоглазых блондинов с самым обыкновенным, свойственным детям телосложением.

— У-у! какие милые! — девушка с чёрными глазами, уже налившая сок по позволению и просьбе мамы, снова вторглась в диалог, и уверен я, что никто не был против того, да и естество проходящего постепенно дружелюбного сточнения обтягивалось иною петлёю крайне удачно: прикрепляющаяся к плоти простонущего цепь каждая звенела особенно звонко, и всё продолжало натягиваться: натягиваться отдалением от должного человеческого, да то амортизировало боль нечёсаного трупа: то позволяло коже его отлипать от ороговевших камнями мышц, и то проходило. — Вы все такие милашки, а я вас впервые вижу!

Она сжала слабые небольшие, проявляющие тонкие нежные женские запястья с бледными гладкими ногтями кулачки и случайно прижала их к груди, приподняв один из краешков её стройных, да глядящихся прекраснее иных пухлых обвалов нарочитого старания розовых губ.

— К слову, — тут я впервые обратил уже словно расслабленно падающий на возрождающее обыкновенно пружение во мне естественного отблика взгляд на бабушку: пока мне тяжело понять их отношения с Аллой, но я верю в скорейшее своё избавление от подобного несознания: лица узнаются мною, хотя и частичностью значительную то есть одно только подозрение детского, затемнённого иллюзией извольного внешнего незнания

впечатления; казалось до этого мгновения, что я и не замечал её сегодня: выглядит она всё так же, хотя волосы поседели ещё более деятельностным импульсом и попустительским сторонним отказом корпиевых сщеплений: как я понял, она только недавно отказалась от покраски и хочет обнажить свои серебристые, светящиеся подле неоправданного одностороннего и одно истинного с другой воплощением реальности самой беззаветной и вычурной сквози материи осуществления прочего локоны: глаза её светло-карие, и именно они почему-то всегда особенно привлекали меня внешневизионерскою галлюцинацией мира в том отпосредственного: оттенок этот словно более насыщенный, чем у остальных обладателей подобного цвета, и с тем сама структура радужки самым выдающимся собразом обращалась к адресату своим ликом, и оттого не могло мне превоплотить происходящее образом нутряного: теперь, кажется, я был задействован в деланном совершенного иначе: повзрослому: с той холодностью к правде и удовольствием по отношению к материи малоинтересной: теперь я позабыл о прежней вычурной помогливости и кураторстве полатиевых приготовлений; помнится, что браков у неё было много и что с кем-то из детей она сейчас даже не общается; по крайней мере, так и то я запомнил: ещё одной ключевой ассоциацией бабушкиных теней стали её мне подарки: почти каждый раз по прибытии к нам она задаривала меня самыми различными игрушками: чаще машинками, хотя однажды получил я и евулом ижицевых сточнений прольстившуюся ко мне самым явным неожиданием нестороннего куклу, причём очень даже качественную и хорошую: играть я, правда, не стал, но множество раз поблагодарил. Рядом с ней всегда был Богдан. Не знаю, как его называть... кажется, дедушка, но и нет... Он старше бабушки и часто ходит в очень дорогой одежде: особо в этом я не разбираюсь, но папа после их визита отметил то единождыным змечанием в лёгком, недостаточно напряжённом для внимательности насчёт подленаходящегося разговоре с мамой; а вообще, когда-то я для ускоренного запоминания ввёл в систему следующее: папа старше мамы, бабушка старше дедушки Игната, Богдан старше бабушки Маши, а сестра и брат мамы от бабушки с Игнатом младше мамы. Уже и тяжело ориентироваться в этом, но облегчает участь молчаливость Богдана: я не уверен, что сегодня он выразит полноценную, даже подходящую к разряду удовлетворяющего главно вопрошающего стойким вперением ребёночных глаз деяния атенцию, ведь чаще ему становится только кивать или умозрительно, сморщив лоб, слушать. — Вот подарочки!

Баба Маша вручила мне, тройне и мальчику постарше игрушки: действительно, я и забыл, что мама говорила про четвёртого: он обособленностью весьма неожиданной толковости стоял достаточно строго и незаметно, отчего я впервые обратил на него внимание: при взгляде на того осанка моя детской возможностью, на которую только она способна, устремилась вперёд и к назойливости излишнего усердия в оном, хотя с пару мгновений после

пристыжение самовое приспустило обратно связкою внешней очевидности интенций моих небодрённых полюбзанных духов.

— Спасибо большое, бабушка! — я решил являющейся остовным преимуществом превосполнения преходящего сквозь фортунаностей неутончённого чистотой сердца поблагодарить бабушку и Богдана, отчего боковым зрением заметил чуть не появившиеся самоцельною явленностью прочего слезинки на глазах у девушки глаз чёрных цветий. Она, похоже, сильно умилилась моему жесту, значительно крепче сжав улыбнувшейся главою руку своего мужчины: он мне не особо запомнился, да я могу выделить случайно услышанные замечания насчёт его невмешательства в дело: не уверен, хорошо это или плохо... — Я тебя люблю! И тебя, Богдан.

Богдан с доброй, сосходительно отвечающей выделяющейся преломлением на деле вырождающейся самым малоприглядным сгрязнённым остовом свежести сходящего нежности улыбкой кивнул, а бабушка приблизилась ко мне и тяжёлым шлепком поцеловала в щёку: после этого последовала молчаливая, но удивительно сплочённая неправдоподобностью будто отработанного давно тщеславием награды приёма реакция тройни: они выстроились в очередь и последовательно одарили бабушку поцелуями, чередовавшими выбранную страну лица. Четвёртый мальчик стеснительным, пробивающим неуверенность подпавшей настоящей, уже не сокрывающимся за спецификами отношения к тому и идеи самоей неспособности колебанием обнял и вновь ретировался в тенистую, проливающуюся хавелевою остаточностью часть комнаты: интересно даже, как она тут вовсе выделилась той особливостью... Мы отошли и принялись за распаковку игрушек. Пока что занимаемся только раскрытием шуршащей чуть нервирующим хрустом упаковки, игрушки же опробовать мы негласно почти телепатическою средственностью решили ажде после в другой комнате: выбрал я игровую; диалоги, которыми распространялись оставшиеся члены семьи, пролетали мимо моих ушей: я был занят тщательной, покрывающей телами негации любое ответвление от катаlepsией выделившего волевые потенция прочих, приобретших уточнение рафовых восстановлений неадаптационных толков труда моего работой.

— Простите, если не вовремя... приятно познакомиться! Меня зовут Иван Котронин! Я начальник Авдея, он позвал меня сегодня, даже было неловко, я ведь, наверное, один такой... Ну, внесемейный, ха-х.

— Ой, да не волнуйся! Чувствуй себя номинированным zdeжде!

— Да, конечно! Приятно познакомиться!

— И мне!

— Тоже!

— Кх-и, спасибо! О, можно, пожалуйста, воды...

— Естественно! лови!

— Ой! угх... спасибо.

— Хорошо всё-таки, что сегодня собрались.

— Ага, давно такой компанией не удавалось встретиться.

— А это я! Специально собрала всех кучкой, чтобы разом прийти, даже Богдана попросила подключить его водителя.

— Кстати, спасибо отдельное за это! У меня и Макрины с финансами пока туго, поэтому пока без машины, да и на такси... Вы нас выручили.

— Ой, да не нужно. Она же доча моя, всегда помогу!

— Хиех, как у вас уютно!

— Да, Оля меня так затаскала по этим салфеткам с сыночком...

— Кх, не ворчи! Сам торопился заданий новых нахватать.

— Ну, наверное, да...

— Хы-х!

— Слушай, Оля, а это правда, что Оля, ну... ах-хех, ты поняла, на права сдала? Я до сих пор не могу! А ещё Игнат сколько денег на это потратил! Десять пересдач было...

— Мм...

— Да, правда! Внучка у тебя совсем молодец, успевает сразу всем заниматься. Даже на репетиторов денег не жалеет.

— Ну же, Оля, не стесняйся! Расскажи поподробней.

— Ну... даже не знаю, с чего начать... Ой, глаза болят...

— Доучилась, доча, совсем уже орумянившиеся... Я тебе уже говорила, но повторяю: аккуратней со здоровьем! Бледная ходишь в последнее время постоянно...

— Ой, Оля, а сама-то! Как сейчас помню: сколько мне бровей ушных раковин прожужжала про эту учёбу, уставшая всегда ходила. И бросила!

— Мама, давай не сейчас.

— А... ну-у... Слушай, а расскажи, как вы живёте в последнее время... Ну, как у вас...

— Полегче уже, видимо. Ванька ведь постарше стал!

— Э... да, дорогой. На фотографиях, которые ты присылала, он ещё совсем маленьким был.

— А... точно! Оля скоро уже и уедет в Москву из нашей Перховки, а с сыночком попроще стало, поэтому даже и не знаем, чем нам маяться.

— Ну, доча, не расстраивайся! Скоро мы и дачей с вами поделимся! Там работы предостаточно!

— Ха, да...

— У...

— Да... Оля, а как вы с паровой баней управляетесь?

— Что?

— А?

— Дорогой, ты это почему заинтересовался?

— Ха-х, да я вчера... Ну, не уверен, что тебе стоит говорить, но... В общем, вчера по запекании картошки я сливочное масло использовал, и... в интернете было написано, что можно просто вместо растительного растопить на паровой бане и использовать. Вы же не заметили подмены, да? Вкусно было. Только я до сих пор не уверен, что всё правильно сделал. Но вкусно ведь получилось? Я ещё на всю плиту тогда включил... Думал, тарелка треснет... А. Да, я с обычной миской это делал... Возился потом ещё с горячей...

— Аха-ха!

— Хе-х!

— Да, ха-х, Авдей, было вкусно! Не знаю, может, и можно!

— Я, честно говоря, тоже не знаю, но ты молодец, что Насте с готовкой помогаешь!

— Ага! Мне Матвей тоже часто помогает!

— Молодец! Одобряю!

— Да, умницы вы наши! А Игнат...

— Так! Не надо тут! Я с ковриками до сих пор стараюсь!

— Ахах, ладно, да, молодец!

— Хиу-х, да, Авдей очень хороший работник! Такая щепетильность и в готовке проявится!

— Ах-ах, зайчонок мой.

— Я тебя люблю! И всё-таки... А точно можно?

— Ну...

— Хм...

— М...

— Сдаётся...

— Да... Никто не знает.

— Ну и ладно! Я вас люблю!

— А...

— Да!

— Макрина, мы тебя тоже очень любим! И вообще, отличная посиделка! Даже в самом начале своём.

— Ага. Повторюсь: мама очень постаралась!

— Да! Я! Дорогие вы мои! Особенно детишки!

— Угу, ради них стараемся!

— М-муа, доча, умничка!

— Кстати, а как вы семечки едите? Столько знаем друг друга, а я до сих пор не знаю...

Для меня эта тема... ну... сакральна, меня пальцами их щёлкать дед научил...

— Иван, какие у вас у всех интересные вопросы. Ну... я...

— Зубами! Простите, но очень долго руками, хотя я умею!

— Соглашусь с Макриной... Вероятно, меня это человеком с выдержкой ветреного посредства выставляет, но... ничего не могу с собой поделать!

— Аха-ха, дорогой. Я предпочитаю руками. Из соображений о гигиене. Остаётся много крошки на пальцах, а так... даже представить страшно.

— Я руками не умею... Стыдно, наверное, но ничего не могу с собой поделать! Это как вожделение! Мама Маша, я, справедливости ради, тоже не сдала... Если припомнить, то и у Авдея с пятого только получилось!

— Просто я взятки давать не хотел! И вы... ну, это уже другая тема... Ребята, а у вас как с... Э-э?

— Я только зубами щёлкаю. Руками принципиально не хочу... Другое дело, что... Ну, принцип полностью не сформирован, но это уже дело десятое!

— Ха-кх, я, наверное, как и дорогой: просто не привыкла.

— Какой у нас серьёзный вопрос. Целая схизма произошла. Главню не начать драку.

— Ха-хах, ну, благо, алкоголя сегодня нет.

— Кстати, а почему?

— Ну, праздник детский всё-таки, поэтому мы решили...

— Это Оля решила.

— Игнат, не спорь! Праздник детский!

— Правильно! Кстати, а... почему детский? Я, наверное, что-то не знаю... Даже стыдновато как-то...

— Матюша, не волнуйся! Мы вам, кажется, в приглашении про это и не написали... простите...

— Да, мой просчёт... Извиняемся!

— Ага, а, так вот! У Вани сегодня крестины! Интересно, услышал ли это сейчас сына... Ребята так увлечены распаковкой! Постарались же вы!

— Так, аккуратно: головы не сразу поворачиваем: проверим напрасного соосязания ионафановых ёрнических мажаровых, стеснённых плотиями растелесий чинов залога совершенства ко сыну соровненных болей отвратительных, округляющих опухшие

невозможностью отвести оробевшие необной лишиться себя сродь разрывания тех подбивающихся пульсирующими кровоотдачами чрез преломлённость окружноставящее бурановое колечие страдания человеческого и излишённного того подоли содрогающиеся под душем страхом вспомнить произошедшее только что и тщетным подтиранием отходящей кожи в неспособности оторвать те связни гадких, очернённых сегодня невоспоминанием рутинёрского, возродившегося в том главною аззановою аминадавою авессаломовскою авинадавною августовскою ахиевою аодовою агаревою ананиевою аароновою адамовою астартовою архиповою смертною любезностию существа сохранения плостей теса ударов краснотой глаза ужасовов разговором, слушают ли они нас.

— Я недавно очень бутылка.

— Краска смазала арзуб.

— Арбуз!

— Заза-зуб? Убуб-а!

— Ба, бибу.

— Ложка, кашка малявка, сисулис-ук

— Лили-лил.

— Г-гирирязи.

— Курук-икуюд, дурюурен? Ри-нинка.

— Не-нагургин. Бузачить: бузга: бузгало.

— Росповмён-ф флешь порот-буы?

— Можно!

— П: Пюкущу оюбё-лущу; гробовой глаз ых и обязажений пятных связдений дньий в нощи и во дьне непрестанно не изгоре подо ничто поштомуевому оттого, да: обю-пупукум-роглужуз, хазовый лум!

— Едино одно: слишком.

— Пыр-сёс гыхулы-дыцхысе лллл...

— Нысвэ-бёвы.

— Это: фт!

— Цъйю-жюлщ, эпистемология нам...

— Чяшя-цямюдьф?

— Ыж-ыжъ чик-чик эжю-жъящъ анатольсикй яцю-жыжяжыжъ.

— Да...

— Видимо, не слышат...

— Просто поразительно...

— Это... это невероятно...

— Пф...

— М? Оля, ты чего?

— Пф-х... Пфх-хж...

— Оля?

— Апха-ха-пха! это фантастика! апфх-ахах-а!

— Ха-хах, а ведь...

— Аха-хах! мы... хах-апхахкш!

— Да, я... яах-хапхахк, тоже поняла.

— Мы... пха-хах-ха... всё это время...

— Были... хапгха-хах... такими...

— Ха-хах-ха, серьёзными...

— Уф-ф... далеко я так не смеял...

— Оля?

— Ой, у тебя кровь пошла...

— Апх-хах, ой, простите... я... сейчас...

— Доча, я с тобой! Не волнуйтесь! веселитесь...

— Хапха-ха, ух, теперь, конечно, не так смешно, но... я вас люблю!

— Мы тебя тоже!

— Целую тебя, дорогой, только жену не заставляй ревновать... Закроешь дверь...

— Апха-хца... не шути так со мной.

— Ах-ахт, Настя, ладно... поберегусь.

— Ух, как у нас мило и весело.

— Сейчас, подождите, я схожу в туалет!

— Давайте кодовое слово придумаем...

— Сходить к стенке... Ну, это только предло...

— Отличная идея!

— Я иду к стенке!

— До скорых встреч!

— Не теряйте!

— Апх-ах, ух...

— Тяжело дышать из-за смеха...

— А наши числа поредели!

— Хотя бы отдохнём!

— Слушайте, а...

— А?..

— Апха-ха.

— Ну, как сказать... Где вы такие столы купили? Мы уже долго смотрим, а определиться всё не можем; ваши приглянулись.

— Ха-кх, тебе повезло: сразу поймёшь, где это; мы их взяли в торговом доме, который через дорогу. Будь наши окна с другой стороны, я бы и показать смог. Не уверен, правда, что там такие же будут, но похожие, может, найдутся; да и стоят они совсем немного. Они вообще всё выдерживают, хотя и выглядят излишней косметикой: один раз Ванька бежал, гаечным ключом, который я его попросил мне принести, смачно ударив прямо по этой стеклянной части! а он! Вообще ни! Не знаю, хорошо это или нет, но бонус приятный: не исключаю, что это вовсе не стекло, однако мне тогда от этого только легче стало.

— Апх-ах, спасибо. Я с Макриной, наверное, немного позже схожу туда, если вы, конечно, не обидитесь... Просто у нас работа сразу вечерняя, и не хоте...

— Матвей, не волнуйся! Всё хорошо!

— Хорошо, спасибо!

— Вы так хорошо выглядите вместе, у меня аж душа моя старческая радуется!

— Ну что вы, никакая она не старческая! Очень моложавая!

— Ой, ха-укх. Льстишь ведь! Льстишь и не краснеешь!

— Не вру! Могу палец отрезать, если нужно, хотя, конечно, лучше не вмешиваться в плотсино тоес сжеланенных бороноковых рулад каиафовых...

— Агх-ах-ах! Кстати, а почему... простите, если вопрос неуместный, но почему Макрина вас как будто сторонится?

— Богдан, это к тебе.

— А? кто?

— Простите, если вопрос неуместный, но почему вас сторонится Макрина?

— А. Она, дочурка... Дочурка моя... Она боится меня...

— Почему? Сама она мне не говорит.

— Хекх-хе-пхе-гх... Ну, в детстве...

— Что-то страшное произошло? Может, она вывихнула, например, ногу, а потом вы ей вправили, и подсознательно до сих...

— Нет.

— А почему тогда?

— Я ей один...

— Дорогой, не переусердствуй. Матвей...

— Я вернулась! Чего так тухло?

— А, да... Да нет, ничего! Обсуждали стол. Представляешь, тут через дорогу торговый дом! Позже туда ходим!

— А? Сейчас? Ну... хорошо.

— Да! Садись, солнце. Садись же, Солнце...

— Слушайте, а хотите анекдот?!

— Да, конечно!

— Ух, Авдей, я знал, что ты меня поддержишь!

— Итак... Видит полицейский, как девочка плачет. Подходит и спрашивает, из-за чего она рыдает. Представляете? Подходит и... Подходит, а она ему говорит, что... Не помню уже... Там то ли про огурец, то ли про корову... И это не полицейский, а охранник, кажется, был. В общем, он кусает потом ег...

— Апх-анха-ха-хцах!

— А? Ты чего? Я же не всё рассказал.

— Ой. Ну... простите, я...

— Ничего. Ладно. Настроения уже нет. Хорошо всё-таки, что меня позвали.

— Конечно!

— Ну... да! Вместе веселее!

— Ага.

— Слушайте, Анастасия, а чем вы увлекаетесь?

— А? я?

— Слушайте, а... Думаемого, мы слишком сильно разговорились... Пора уже и за стол! Всегда Оля объявляет, а мне даже непривычно...

— Мы тут!

— О, всё хорошо?

— Да! Кровь шла недолго, большинство времени Оля просто прихорашивалась!

— Ой, простите ещё раз, что вытеснила... Сразу за вами пошла, а у вас же общая ванная...

— Да ничего! Не переживай, мы хотя бы вместе постояли и поразговаривали, а то с учёбой всё реже случается. А... точно... Чего не кушаем? Без меня совсем расслабился, дорогой, ничего гостям не вынес! Один сок пьют!

— Исправляюсь!

— Во! О! Правильно! работаем!

— Аtpx-axп-axд!

— Какая слаженная работа.

— А дети всё ещё распаковывают... Вы, вероятно, даже перестарались...

— Айх-аха! Я Оле и Макрине всегда такие задачки устраивала. А они и против не были!

— Кушаем!

— О! А что за мясо?

— Секрет!

— Очень нежное!

— А то!

— Детишки, можете идти играть! Вы, кажется, почти справились! Не будем вас отвлекать! Если хотите, берите всё необходимое.

— Да! не стесняйтесь!

— Мы вас любим!

— Милашки!

— Суслики!

— Мы не суслики!

Только сейчас я заметил, что меня аккуратно подталкивает через плечо папа: видно, я остался последним, кто был с начала и до самого конца заворожён загадкой: честно говоря, я сбился, считая количество обёрточных слоёв, уже на двадцать пятой... Даже удивительно, что подобно небольшие коробочки содержали такое значительное, махлоновыми анагнористическими комелями буёвочными обложенное число подоплёк... но... я уже близок... На самом деле, мусора именно вокруг меня почему-то очень много... Надеюсь, мама меня за это после не поругает.

Взрослые начали застолье, а я есть не хочу не только благодаря супу, но и неожиданно явившемуся сквози бренья моей задумчивости сщеплённой энтузиазму, что вспыхнул товиевскими недолжновениями во мне с подарком: даже с некоторым соревновательным духом: тройня примерно на тех же этапах, что и я, а больший мальчик был одарён беспроводными, едва проблёскивающими на мерцаниях сдерживающей связными матовых перламутровых отсутствий сверкающих комнаты наушниками, усложненными довольно необычно... Не знаю, хорошо то или плохо... Мы перенеслись под руководством папы в игровую комнату. Я занял своё любимое место возле телевизора, которое, несмотря на кажущуюся обделённость, предоставляет тебе лучший обзор сполгавшихся в комнате и удобнейший краешек ковра; девятилетний сел на диван, а тройня разместилась вершинами равностороннего треугольника в середине оноего. Мы распаковываем... Один только Ваня продолжает рассматривать малоинтересно оказавшуюся в столь же сильно скучающих рутинностью жеольного и почтительного будыночною отосотавленностью невнутреннего руках упаковку от наушников с написанными там характеристиками овых.

Лицо моё встретила небольшая пластиковая вырезка с картонной подложкой, и интересно, что по открытии более всего пахло именно изолентой: тяжело провести точную связь с ощущаемым визуально и вдыхаемым, но я продолжаю чувствовать те кисловатые, пролёгшиеся вердепешевыми афакиевыми страстённостями пестроты неопределённости: по краям среза видны небольшие, сжимающие её грядую мельхиевых пролежней отверженных элементы, которыми, справедливости ради, мои пальцы едва ли не были критически ранены: вероятно, даже смертельно; что на срезе того, что на картоне были довольно качественные узорчатые, сминавшиеся вальтраповым ссердием печати без текста, хотя местами и оцарапанные необращением естественного и существенного, отчего мне не стало грустно или обидно: папа всегда говорил, что сэкономленный рубль и скромность идут одно на пользу. Наверное, к данной ситуации то нельзя применить, но мысль должна провождать меня постоянно: в этом я отчего-то уверен точно. Переворачиваю. Фантастика. Мне подарили динозавра! Тело его удлинено непривычием неглядия должности ироевой кисовой отдачеёю и имеет относительно небольшую в средоточении с оставленную блажью телесного подопределения предметного излишия и надломленных зубьев высотой: именно динозавров данного типа я отношу в противопоставление тираннозаврам, длинным водным и летающим, возможно, несправедливо обделяя иные виды, которые чаще встречаются с колючками на спине, по крайней мере, такова дифференциация сотонных в главе моей подождиающего бездумного времени; передние конечности хорошо развиты, а тело образует преломляющуюся в двух местах вихриевыми марфовыми англезовыми борщеедческими обращениями дугу, хвост примерно равен длине туловища без головы: он развит, но мне не видится возможным применение его в практике: в последующем может как развиваться, так и всё-таки стать рудиментарным: ну... это по основывающимся исключительно стяжённостью прочих непродленённостей неграмотных упущений предположениям моим... На самом-то деле: я и не знаю, как этого представителя называют или какую номинацию может нести хоть схожее ему существо: подобным знанием я награжу себя только после полного изучения внешности той. Продолжаем! Голова его невелика и имеет продолговатую форму: челюсть длинная, а глаза находятся едва не на сдавленной берменясти явления шее: так их изобразили на этой игрушке; рот его здесь слегка приоткрыт, и виден тамо ряд острых небольших, часто размещённых белых зубов, несмотря на невеликий размер его представителей, выглядящий довольно зловеще: факт оный меня несколько не расстроил, а: супротив; даже боязно было из того, что могло бы дарящему сперва подумать о моей детскости, ибо презенты с ориентацией на то чаще лишь разочаровывали: вернее, разочаровали б, если бы я не учитывал, что подарок сам по себе не столь интересен: куда важнее именно намерение, с которым он был субстантивирован в голове дарителя, и понять это нетяжело даже ребёнку. Ядерная

характеристика динозавра: являющаяся весьма субъективной в плане воспроизведения некогда бывшей предположением неотстороннего реальности цветовая составляющая, для игрушки играющая чрезвычайно важную роль, представлена мягкими, достаточно яркими тонами зелёного, салатового, находящихся на заднем, облаканном сводами гористых и лесистых уточнений фоне, и шоколадного с кедровым оттенками, представленными небрежными пятнышками с образующим в середине тела непоследовательные полосы рисунком, по бокам же разложенного в модели одной меры тела — более явные значительные очертания, почти полностью заполняющие сполосованную облажками станových бухаловых ударений поверхность; задние конечности трёхпалы и навелены острыми длинными когтями, закручивающимися почти в идеальный полукруг к плотности условленного землёю, передние же имеют четыре неплохо развитых пальца разной длины, причём точной градации или обыкновенной выдержанной линейности выявить нельзя из-за целых двух из них: предположительно, смена местами в любой из градаций перекрёстно расположившихся пальцев способна продемонстрировать соотнесённый с подобнившимся плотиями результат.

Итак... я рассмотрел его в одно возможных для игрушки такого размера деталях всех, что позволяет мне... Наделяет одобрением посмотреть теперь на его имя! На привычной задовой сторенности картонной подложки с лёгким гляncем виднеется округлая, оваленная особением от сокружного рамка с красноватыми узорами, особо выделяющимися на пастельном и грубоватом коричневом фонах... Это... мм... это... Даже читать не хочется... Это... впервые слышу! Такое знание едва ли значило хоть что-то для меня, но оно, определённо, помогло собраться с силами и начать распаковку: возбуждённым могучим, объявленным феофиловыми дерзнениями гладом бирюком я разрываю хлипко присоединённую к изначально лишённому ссилений отрезку пластиковую формочку с углубление для моего динозавра... или... В общем, для моего динозавра... и вот! Он, уже избавленный от тяжбы пластиковой и картонной тюрем, предстал предо мной в полностью неподволенного нарочитием вервиевых связней махировых блюзжаний: даже в несильном, сжигающем перья моего подвышания греховного нашлётками стенания и смерти сторонних несовпадений, невозможий сдержать собственность и тяжелейшую, невыносимую соскабливанием кожи твоей скребком тех же пороков оставленность человеком свете игровой, который мы сделали таковым с послаблением на то, что он каждые полчаса аккуратным немачением нашим меняет цвет, повторяя стянутый периферийными оттенками радужный порядок: отчётливо видны единственно станущие телесами условно прекрасного, облищённого разочарования влюблённого, столкнувшегося с чернотой похоти своей вдохновительницы юнца подробности, посмертно меня отяготившие именно контрастом негационного воздействия: в моих нутриях подступала тошнота от стыда по выдуманному, я

был мучим несуществующим, и оттого тяжелела голова меня пудовой гирею, и невозможно уже было сдерживать её в этом прекрасном свете: один я был в комнате этой безгрешен, и одному мне приходилось сносить те невероятные страдания: оно не свершается и не свершится, и сам же человек был обманут собою, хотя внешняя следовательность никогда ему ничего не обещала, поскольку он не дал Господу войти в себя: поскольку он отказался от изначального, хотя и был подражаем стеснениями солоноватого несвежего запаха метастаз... Очень красиво... превосходно... Нужно будет потом ещё раз поблагодарить бабушку... Гм... а почему я до сих пор сижу один? Лишённой претензии самой неприглядной алкидовой сабуры откровенности поддаваясь, стало немного и стыдно за подобный подход:

— Ребята!

Только по произнесении обращения я повернул сталкивающуюся со значительными осложнениями в тровиях дождавшегося своего осуществления, уже отстранённого от представляющей всё каждый самыми упрощёнными стяжениями фантазии голову к ним в сторону: не сказать, что это действительно ужасно, но после моего восхищения динозавром подобный подход показался варварским: тройня накидывала друг на друга красивые спортивные машинки без крыши с высоты собственного, неэкспериментальным злодейским интересом наблюдая за происходящим, и даже пристыдил я себя, что позволил подобному случиться, и попытался бы я помочь, да увидел нечто, что стало подобно окрашенному лучами нашего синеватого света из особенной лампочки блику, которую я в строительном выбрал сам: наставившее умы срезанных обоесторонними сражениями потрескивающейся горечью лавинообразных сераиевых бугровщиков материи вопияний моих на долгое упорное непонимание моего дальнейшего поступка: я попросту не смог продолжать вытягивать из себя доброрасположенные, даже подшитые натяжением сквозящего самую очевидную ясностью недовольства улыбки речи после того, как один из зеленоглазых блондинов отсоединил от дорогой золотой толстой цепочки, которыми были наделены все из тройни, и, подражая этим игрушечному телу человека, посадил на сиденье автомобиля, опуская из раза в раз на машинку своего брата, другого зеленоглазого блондина, воспроизводя звуки глухого, ударяющего соквози плюхнувшиеся малозаметными станостями становых чагравых винностей органы порывания человеческой плоти.

— Щлип-щуплям!

И лицо его было таким довольным, что остальные не смогли противостоять этому искушению: даже безлично сидящий на диване старший хихикнул и пару раз щёлкнул иридэктосийно обличённым наконец очевидием необычности сходного пальцами.

— Крутяк!

— А-хга!

Папа говорил, что так к этому нельзя относиться... В нерешительном, сотолокнувшиемся уже с реальностью своей величайшей, обнажённой вонючими, оболёнными от аристократической блажи тепличного бездействия в тех корнилийных искусственных неиспытанных, вдавившихся в тела дома брюзленов циркулярами слабости горле моём образовался отяжелевший болью и парализованной неспособностью содейть иное ком, и глаза налились свежими, самыми чистыми в сегодняшних утверждениях и жизнях прочих слезами, будто стравливающими в честную негодность мои волю и речь, уже не располагающую не просто былой высокопарностью хоть и мыслительного представления: я стал чистейшим, абсолютным ничтожеством: дело было не в решении поступить так: я попросту не мог: то был чистый страх, и страх перед кем! перед слабосильными умственными и нравственными уродцами; однако я понимал: если я стану сильнее: если я стану увереннее в других деяниях, ничего не изменится: моя судьба творима именно сейчас, и воронение гортензиевых слабостей тех обозначает яности собственные одно ныне: или я сейчас промолчу, или всю оставшуюся жизнь буду таков: я буду за маскою ума и идеи оправдывать трусость и слабые свои же: овладев силой, я стану склонять окружающих к моим прощениям; да сейчас это отсутствует во мне, как отсутствует и прочие сомнение: отсутствует во мне всё, и сейчас я должен выбрать: стану ли я трусом и уродом: или стану человеком: тем, на кого мне не стыдно будет взглянуть; я думал об этом: я омышлял о том, но ничего не сделал: я продолжал смотреть на это: я продолжал утверждаться в том, что я безобразен: нет: не только я: сам человек ужасен: сам человек ужасен, и потому человек не должен был рождаться. Глуховатым неуместным постукиванием шёпота внешнего в двери виднеютиси в мгновение то дёрнувшаяся целокупная, радужным свечением брызнувшая к потолку случайным соприсутствием остным тень мужчины и женщины.

— А, Ванька, ты чего?

За подмывающей позорными связнями вакациевых сточнений ланиевых слезой ущербности собственной не было увидено мною же возможной, попроникающей сейчас подле утачивания грузных буздыревых неоправданностей состаривания кадмииловой истинности жалости: не учёл я, что переживания остаются не в одной самости, а распыляются подле той тухлой вонючей плоти облёгшегося звоном изнутри повения трупа: не хотел я обратить на себя то внимание, которого мимикриевым недолжным непониманием действительного и обязательного лишил себя, вероятно, только сам, но не с врощивенным сознанием и трезвостью представления пелеринового намерением примиряться с происходящим и осмысленным, что, вполне вероятно, случилось в понимании моём и ситуации в целом первичнее и распространённое: я строжайшею грязнею неупотребления ражиевого вытер слёзы и подошёл к стоявшим в сужающемся стяжениями к моему же проходе родственникам, чья

реплика и что вообще не были удостоены ни малейшего колебленного поветрия деятельностного в устраиваемом тройней и иногда чуть стерильного красноносowymi бесконечиями стравления, внутренне вычурно форменного усмехающимся девятилетним.

— Я... простите... — вспотевшие еле слипшимся отящением вясти стороннего руки я вытер о свою жёлтую футболку с рисунком некоего грызуна складочностями едва отвергающими признанное и приставленное ранее, теперь впервые с их прихода посмотрев негласным спасителям в глаза. — Всё хорошо, правда...

Девушка сосросшимся несмертием циклом умирание нескончаемого стройнею сточнения катухового определения некоторого ясного известия, явления или решения переглянулась с мужчиной, после чего они оба кивнули уставшими от разговоров и пресытившимися самую излишнею формою едой головами и единогласным внимательным, да за тем всё же съавляющим излишность нарочито наигранного труда взрослых в том обращении присели ко мне, погладив по сперва едва дёрнувшейся голове, причём нужно отметить, что гладили они супротив направлений роста влас моих, отчего я был даже слегка раздражён, но всё же то стало хорошим сменителем игнорирования других детей.

— Ты, наверное, занят был... — девушка с чёрными глазами, которую я опознал лишь сейчас, отвела руку от моей головы и обняла собственные худые, гладкие, однако для меня ещё лишённые притягательности в том ссызании ноги в приседе. — Моё имя — Макрина!

Макрина, посмотрев на мужчину, передала глас влияния своего, милым стеснением сощурила неким удивительным образом сваяющие подобное видение тяжёлой приятности глаза и улыбнулась, опираясь теперь на гибко выставленную уже непривычным мне сложностью подобного сполнения перспективных ладонь левой руки, согнутой в локте и опёршейся на правое колено нежным, чуть заметным, свернувшимся к первым мгновениям того напряжения полною лёгкостью нестремления уже урядованного усилием бездухного.

— Да! а я Матвей. Мы муж и жена.

На какое-то время они словно застыли в метаноиевом ожидании моего ответа, хотя я сейчас был способен лишь на инерционные реакции и только отдалённо отвечающие претензиям такого толка поступки: однако не значило это, что не наполнено сердце моё стало проникновением глубочайшим и смиренным, истинной благодарностью и пониманием щедроты их, да не может высказать это и показать, что они, как надеюсь же я, заваянным сожалением опираясь на послабления в силу возраста, понимают.

Макрина с Матвеем ещё раз переглянулись явною криповою атавистическою станостью, встали и взяли друг друга за руки, в повороте отверженной приглядным отдалением стороны двери синхронно подмигнув мне и вновь встав в скиаподовом проёме, обращаясь ко мне без усилий шеи и головы. Последовало недолгое молчание.

— Слушай, Ванька, пойдём в магазин. В торговый дом напротив вашего. Нам по делам нужно, заодно и игрушку тебе купим.

— А... да! Иду!

— Отлично.

Я, несмотря на устремлённое малодумным смыслением положение в сторону предполагаемого бытового срассудочностию боталицевых образований направления, попятился вперёд, неловко разглядывая колебанием неуточнения игровую: только после вида привычно единственно звучащего в сквознях тех управлений исмаиловою рождённостью молчаний телевизора, нестравленную свечью зеркал показывающего какую-то новую, впервые увиденную мною и сряжённую привычкою современности детскую передачу, наполненную в окромях сиятельствующего парнасского розового и удивительно унылыми ноне, звучащими самую неприглядную притворностью человека речами уставшего ведущего с гигантскими для предположительно представителя юношества чёрными синяками под глазами, покрытого местами неизбежаемыми отвердевшими пятнами от масла дивана, накрытого красным тонким одеялом в форме и внешности острого перца, что, к великому сожалению, позволяет укрываться только в одиночестве, да и то без видимых средств функции сохранения тепла, тумбочки с моими любимыми, по стоимости обходящими обыкновение иных детских игрушек фигурками, подаренными мамой и папой на мой последний день рождения, оттого ставший действительно лучшим днём того года в смыслении моего ума, сбитой смятинами случайной глади посторонних основанностей маминой гладилки, послужившей ей и в самые последние минуты последнего бодрствования и оставленной здесь до сих пор по чистой случайности неточнения въезжих отраванностей плотий человеческих, и других незначительных элементов осознанного сращением былых украшения и случайных результатов деятельности быта было обозначено гулкое многокромовое существование гостей: в изолированной непоникранием позиции они могли стать яркими представителями родов своего и типового, конвенционального усердием прочего настроения: сейчас только молчаливым шуршанием они развлекались: смеялись над ломающимися шероховатостями серебристых узоров, разорванных изначально связнёй пустотных, машинками уже без оставленных местами сторонними, самыми малопривлекательными скола потенциальных телесных взаимопрониканий шипящих стёкол, небрежно отлетевших к дивану и после того не подбираемых леностью оправдания и старшим, и ощутившего подобное же нисположение еввуловое крестика: ровно посередине он раскололся на равные части и был оставлен на тумбочке отпадением неоправданного хлама, цепочкой же теперь один из обезличенных выждением детализированного зеленоглазых блондинов обвязал машинку тою окружностью реального, где раньше находилось вполне правдиво неподоторванное от тест земляного

стокело, и последним, что пристало мне увидеть перед свяданием их вида своим уходом, стало сопровождающееся рокотным, оторвавшим сквози иные хрусты деталей плеском толстой рвоты детской крови на ковёр падение другого из близнецов коленом на стоящую боком машину; он скрывающимся блажиями тех же решённостей тёмных одиночеств от собственной супруги мужем истошно закричал неправдивую динамическою болью, после чего одна из тётъ схватилась за тем и побежала в сторону игровой: её мы встретили в коридоре, соединяющем наш домашний, выполняющий ещё и задачи игровой или наоборот кинотеатр, туалет, кладовку, гостиную и подъезд; она слегка подтолкнула меня локтем к стене, но я не обиделся. Теперь мне интересно.

Мы втроем слегковесною давяющею вершиною вытянули головы в гостиную, наполненную теперь ещё более ядовитым запахом непривычно прыснувших в наши удовольственные обоняния духов и еды, что, не исключено, показалось таковым только из контраста со смрадком в детской, испускающей неприятный запах освежённой ребёнком слюны и возникающего одною плотью непослушания и греха сквози кожи их кала, хотя не нужно лишний раз обозначать, что тем нашим гостям далеко не столько лет, сколько необходимо для въявления подобных ароматных ждеств: однако я не выдумал то, ибо именно таковою гадостью от них спешно источало; пальцы почти всех гостей, до сих пор мною не различаемых по именам и сидящих большей частью за столом или стоящих недалеко возле, отсвечивают сверкающим на ястве того зоведия маслом и еле разглядываемой дымкой сверх, что не мешает им в том браться за телефоны, судорожно печатать на них и поправлять волосы; несмотря на невличённых процессией разговора гостей, из апортового числа их сравнения удивительного вытекает довольно насыщенное диалогами пространство, подкрепляющееся ещё и собразующим кружную внимательность скрежетом скованных царапинами вилок, глухим чоканьем гладких стаканов и навязчивым шуршаньем тонких дешёвых салфеток: из напыщенной цветами, улыбками и маслом картины этой выделилась мама, повернувшаяся к нам будто без малейших ранее подозрений о возвращении Макрины и Матвея со мной.

— О, Ванька, а ты чего не в игровой? Поестъ захотел? — совсем слегка опешив, мама акцентировала внимание и на моих сопровождающих, на несколько градусов повернув лёгкую, привычно родственную близкую шею и направив склонившуюся приятной красотой голову выше. — Макрин, я думала, что вы в магазин... Кстати, там всё нормально? Такой крик был...

— Да, мам, всё хорошо! — не буду скрывать и постыдством собственного: я и сам не ожидал от собственной ядерности оличного такой разговорчивости, дерзновенной смелости; и старшие даже слегка удивились: что на диване и возле, что те, приглашение от которых я получил. — Я это... погулять! С Макриной и Матвеем!

— А... да, — Макрина сперва будто и передумала, взглянув на Богдана и тут же поникнув опавшими серою мгою ужаса лицом и осанкой, но быстро смогла восстановить свои престижные лишние внешности. — Мы в торговый дом!

— Хм, — мама моя актёрским предопределением заранее приготовленных огадок засомневалась, при этом прекрасною чуткостью осязая свой ответ даже формою и уже выставив для объявления нетяжёлые, объевающиеся елимовою неусердностью руки, и сделала уже натурально доброе личико, так мне приятно привычное. — Конечно, идите вместе, но до шести! В половину седьмого уже расходимся!

— Хорошо! — я собираюсь погулять немного дольше и надеюсь: пробивающаяся простотою малодушного несожаления раненому буряковыми сползновениями ребёнку инициатива моя будет поддержана: там же много детских магазинов и даже есть такой, в котором можно полазить на уже отошедших от меня, да ещё позволяющих пользоваться длинных канатах, а возле самого торгового центра много замечательных площадок, где можно и на небольшом батуте попрыгать, и стенку с испытаниями пройти, и! искренне буду упрашивать моих спутников о продлении прогулки. Решено! — Я тебя люблю!

— И я тебя!

Мы быстро обулись, накинули чуть упавшие прохладой теплоты асаиловой куртки и надели неприглядно стягивающие плотия мособных принадлежностей шапки: мою связала мама ещё прошлым годом на пару недель в экстренной ситуации, однако более я с ней не расставался на срок от четырёх месяцев. Мы выходим из квартиры, не запирая будыльёю проникнувшую тем дверь и уже слыша слабое, облачённое лилейными пресбиопийными прюнелевыми пуантелями сквози сдушенного запаха подъезда эхо собственных шагов. Кажется, я что-то забыл, но это уже не так важно. В подъезде пахнет иначе выделенными в том полупрозрачными, небрежно осевшими на телах побелённых стен листовками, рваным плотным картоном и едкой кошачьей мочой.

Анастасия Землянов

Я, нестеснением машкерowego социального уверения попивая свой несладкий лимонад со льдом в гостиной и разговаривая с родственниками Авдея, услышала крик Семёна: именно он издаёт его конкретно такой тональностью, что я заучила ещё во времена их младенчества: голос, разумеется, исказился, однако индивидуальные, полностью сокрытые от людей иных черты мне перепутать вовсе невозможно; я уже в игровой, переступила к которой, видимо, через Ваньку, о чём елеишною посредственностью духа осленного малосильственно сожалею и что обдумывать у меня сейчас нет времени: не солгу, вообразив, что дрогнувшее вызбленностью отсоединения могущего быть восстановленным спокойствием привычного быта светлевшее сердце моё едва не остановилось при виде просошедшего: Сёма согнулся эмбрионовоу врежёною болью и надрыновыми приостановлениями прочего маноиевого провизора всхлипывал, пытаюсь заглушить собственный плачь омкнутыми значительным, изрядно мучиевым в ямках покрасневшего лица его усилием губами и подынтервальным, стянутым сквози тех правлений упалою блажью человеческого единственного отсутствием дыхания, проглядывающего склизкими, стонущими о песновениях пульсирующею раною плоти шлепками об пол во время особой необходимости вдохнуть от задержания оногo; на побелевшем оторванными некрупными пухлыми, бурлящими в ударениях сферичности той ненависти честном колебанием пред принятием и сквози отрицания полотнами колене ноги его, не покрытой тканью носка из-за регулярности выделяющегося желания везде ходить без них, по крайней мере, в помещениях, видны вошедшие туда половиною длины собственной детали сломавшейся машинки, на которую я по пути аккуратно сдержанным подкриком скорее неожиданного еверого приставления наступила, благо, без подобных последствий, и размашисто плюхнувшись на пол и ковёр слизевиками обоераспространённого пятна, стончёнными направлениями смешавшихся лавановоу грядоу воздушных ссилений падений ручьи и вкрапления от лишних движений крови, хотя данные подробности я и постаралась оставить без проникающего в должновения подробностей непригляднейших внимания ради своего же здоровья, плясали в связинести той плескающимися ровнями самого ужасного, что я могла неотрезевшим умом сожаления потливого сдержания в том вообразить; Олежа и Серёжа, вставшие ступоровым ожиданием моих указаний или послаблений предметного сопределения по бокам, с должным, единственно существующим невозможностью стороннего прочния иеровоамового страхом смотрели на всё это застывшими телосностями реакционности второй, облагораживаемыми произвольно горечью вяжущей солоноватости слёз и их непониманием рекомендуемых действий: Ваня продолжал сидеть и спокойно

рассматривать наушники; мне не стал привычен условленный верным, хоть отстранённо влиятельный в овежениях желательности той рябости туманного бреденевого опасения обесцвеченных срастаний нонешних ход действий, да разум отказывался от любых промедлений, и выдернуть капельницу больному для оведения хоть какого-то мероприятия мне, вероятно, сейчас показалось бы должным боле, и несмиренным трепетом обязанности деяния сквози того поцеловала слегка я Сёму, начав вытаскивать сочившиеся пресной вонью человеческого тела детали с хирургической точностью действительной неправоты свершаемого обыкновением антисанитарии и недостаточности заменяемого одними грязными, несвершённую апломбическою гордостью лежащимися после начитой серьёзности бранных делитантских сомнённостей ногтями моими инструмента и спокойствием, и намека на что я не содержала в себе неправдою одно необходимости содеяния и отсутственности иного, что должно было становиться первичным и предопределяющим, однако, как кажется в мгновение подобное осквозь испарины и страха за получаемое, раз уж я взялась за подобностью отвлёркшей меня от жизни вправлением немоционового обучения и широчайшей, случашающей всё же неспособность и оставшуюся во мне, да зиждущуюся во мне этим мгновением формою самой необычною, провонявшею стравлениями страха и сомнения, отстающей от ужаса невозможности и потенций смертиевых пустоутробных dokonчаний тех робость сторнего ошибочности дело, необходимо исполнить его с предельною трезвостью моих пограниченных ссилений пробивающихся, отчего часто люди попросту деают явлённостями явленностного не подвергающиеся возможности исправить их ошибки, да только об этом, про себя же повторяю я то в темноте неунимого недолжного становья подле сострашенных ликом детей шорниковых сприготовлений надъверенных, спадающих плотностями надположенного вэсей, я и в самой субсивной и великой дальности не подумала бы во время данной операции: окровавленные удивительно раздробившимся вонючим, ударяющим в нос и видами своих бледных лотовых тошнотворных дрожей нутреннего колебания совержённого мясом сына детали шевелятся уже на ковре: руки мои, задрожавшие после осуществления подобного взгляда на дрожащие личинками влияния тождествого, и наворачнувшиеся тяжёлыми плешами жирных бутылей слёзы: дело продвинулось, и, вновь поцеловав Сёму, уже не плачущего, а только поражающегося размером некогда бывших в нём инородными вопияниями самого неотставления в нём страданий и отсутствия сомнения в оном со сторон моих и отцовских предметов: попросив детей не наводить панику и не бояться минутного одиночества своего, я направляюсь в гостиную.

— Есть перепись и йод или зелёнка? Ну... или что-то такое...

— А? кровь? Ну... сейчас да...

Я и Оля, овнешием сризанных спроджений наконецтошного иаредового волосяникового спазма прервав спокойствие находящихся в этой комнате, спешнонервным смучением материального побежали сквози едва сверкающий в блажях тех сияний радужных прибавлений и сменений прочих коридор в ванную: вставшая возле опершегося на стену недлинного, спавшего плостоиями собственными среди лепажевых должновений сребристых надрывов телес прочих ржавого гвоздя, заточённого лишь по моей нервной неразборчивости входящего в сознание и выходящего едва осмысленного, превоплощающегося ныне самыми сметными свершениями разуверенного поколебавшегося действия, дверца под еле пахнущей сырой затхлостью мелхиседекового разлатия к свету нематовыхярлений сторонних раковиной открывается также дрожащей бледной, за тем не утратившей мужественную форму и власяного неотвержения прочеданных грехов рукой сестры мужа, и достаёт она сразу крупную, чуть хрустнувшую стремлением книзу аптечку, которую я резвым подвалом спряжения стороннего схватила и хотела, несмотря на ощутимый вес её, отнести в игровую к Сёме: в противовес тому встал Авдей, принёсший его на руках смиренным трезвым, обглаженным бледнотой трупного малоинтересованного невнимания лицом и явно проглядываемою тлесною лёгкостью.

— Лучше здесь. Тут стерильно.

Вразумительностью его ответа я и не успела освистать само торопящееся в себе, неоправданно превёрнутое прочему справлению втоментаньцевых ударений вежеталевого дара осмотра допущенного иллюзией способности и сил бесконечия, как увидела совершенно спокойное лицо Сёмы.

— Мам, ты чего? Уже и не так сильно болит... Помнишь...

— Богу и... как же это хорошо... Я ведь уже...

Принявшими одни расождства свойственностью прочего смиренного сосмотрения подъежненных малоусилий преждевременных переоцениваний собственного грудью и коленями я опустилась сильно ниже, увидев, что пред тем снующая будто воображаемыми яежами свечения стороннего кровь уже и не течёт и что боль, возможно, теперь ударево терпима, да и осложнений не предвидится: если подумать особлением неатомого уточнения нематеринских ровдужных чаушевых подправдий, то почему-то именно Семён постоянно ударяется обо что-то острое или получает рваные раны.

— Мам, помнишь, мы на пляже были. Там стекло было... там ещё большее было, а я почти не плакал!

— Умничка! Ф-иух! прям отлегло! Получше потом смотри, куда ступать, а то снова упадёшь!

— А... да... Я... хорошо.

Я взяла мягкий, едва упёршийся сквозь ослабленных пальцев моих ватный диск, малобережным вниманием и упущением плюхнувшийся на пол осстекновением внови явленного и образованного адициевым невниманием к предметности самоданного капель смоченным перекисью водорода или его малозвестным антисептическим окретным альтернативом в бутылочке со стёршейся тотальным хладным уверением в назначении того тому лишь по еле пронюханному аффекационным явлениям стронного этикеткой или чего-то, носящего подобное наименование; впрочем, для меня это всегда было лишь необязательно дилетантскою, рушащеюся с каждым вопросом фактического толка дозволенностью: тяжело верилось в возможность конечных последствий после лишения пациента подобной процедуры, однако преминуть ею невозможно: не просто тяжело или нельзя, но невозможно: то недолжно и явлено; уже и вокруг четырёх подсохших, будто смывающихся телесностями исраэлевго разумления скуластых улыбаний ранок я нанесла йод заметно побледневшей под гуммигутовой поверхностью сочтенной ушной палочкой: не знаю, правда ли есть моё знание о пользе ускоробращения подобного и окак в случае правдивости легенды той она продемонстрирует эффективность, но дурного следствия от такого исхода мне также не видится: не исключая, что по ложному, стравленному реалистическим визионерством под простиями восприёмного обязательства представлению: и темы моих переживаний оно не меняет: я есть родитель, я должна предоставить собственному ребёнку всевозможные здоровьевой благополучности бонусы и возможности, но нельзя не ощутить в какой-то момент выходящего из тебя субъективную нежелательностью расточенного грабления илиевого, и неточность эта, разъедающая тебя сщущением неверного, обрадованного тяжбою самости оположения пути, в итоге способна попросту расстроить само действия сходящего ожением неожиданя свидетельствования воспитания, чего мне нужно самую явную бравью вотинового усердия избегать под прицелом смерти от себя же, понимая, что от отчаянья этого не можется мне лишиться и сейчас: это стало причиной и особленных сжиданием пробивающегося природоподобною стружею грязного смрада действий, и моего страха. То надвисяющею влагою боли внутреннего воспалить в себе главное, что только способно принести значительные, расположившиеся именно вонутри тел твоих страдания очувствования отвращения от себя и уродства неверносодеянного, однако здесь важен и сторонний аспект родительства: я не должна показывать свои слабости, по крайней мере, в такой неустойчивый, самый неподстроенный той ворохобившейся гряде момент.

— Вот. Готово! Как себя чувствуешь?

— Нормально! Немного щиплет, и только.

— Слава богам! — неожиданным основанием единственно пробивающегося волоснями стравленных ссий икружных в щемающий телеса иные проём втиснулась мама Маша и с

округлившимися неприглядностью слабости взрослого человека глазами перед близью, источником пока подобных взаимодарственных клеперовых приятств самого неустойчивого, сменяющегося на пустоту молчания и после чистое нетерпение к оному характера смотрела на запёкшуюся неправильно осажёнными, уже опавшими местами в сквознях тех сглублений влас человеческих адониевых вопей корками на икрах Сёмы кровь. — Прости меня, дорогой! Это я виновата!

— Э... нет, ты что, бабушка... — сына покраснел уместием самых распространённых облика и авзониевых граний и зачесал в привычной себе манере правое, еле выделяющееся свыротом подсвечивающегося хрящика единых воскрицевых акил ухо во время обращения, даже немного раскачав в игривой манере лёгкую, неоправданно принятую за событие внешнего ногу с больным, шепчущим несколько объявленным отвлечением деловитости выдуманного коленом: нарочито излишнего оказалось недостаточно, и опустошённый окочением труп слез белёсым пауком с обламывающейся хрустом дробящихся тяжёлыми иглами зубов печи. — Это я виноват!

— Нет, я! Ой... Настя, быстро умойся, а то заплакана вся и в крови! Не переживай! Всё хорошо!

— А... да...

Я и забыла про свой внешний вид, очевидно, не столь приятный или хотя бы приглядный, и закатала грязными, отдавленными потускневшими поглощением пятен прюнелевой железной, деформировавшейся в сознаниях моих сквози уродства же недеянного и свершённого крови руками рукава запачкавшейся будто долговечием быго терпения голубой водолазки, включив сопроводившуюся еле слышным свистом и постукиванием металлической блестящей струи по подавляющей всё то раковине горячую воду, из-за прошлого сеанса с раковиной представившейся сначала холодными текучими влажьями морозного одонья.

— Всё, мы идём! Настя, остудись! И всё-таки! это я вино...

— Апха-хфа, да нет, бабушка!

Едливо прорывающиеся под свычием всё подобного же срождения социального самого голоса их были уже приглушены герметичною, вправленною мгновенным дерзновением самоличностной особенности стеной закрывшейся двери, и осталась я с зеленоватым, сверкающим незаметными уплотнениями вида стороннего тёмными миражами глазней человеческих и ужасов их зеркалом и отражающимся в нём своим лицом наедине, отмечая всё более явно выдающиеся шёпотом остранения пробелы и несвершенства в макияже: именно с него я и предпочла начать, своенравною остановочностью руководствуясь пониманием Оли моей ситуации подле воспользования её косметики, часть которой лежала на

стиральной машинке... Это всегда успокаивало меня. Особенно в годы студенчества. Даже в школе я предпринимала какие-то попытки в самоназванной онным и оним дисциплине этой, хотя и сталкивалась с очевидно ожидаемыми порицаниями со стороны надзирающих глупых невнимательных и попросту дурных учителей и даже родителей: видели они в этом великую, звякающую самыми рокотными снедами связочной боли поджидаемого сплочения вартимеевого примирения с мелкостью действительно человеческого пошлость, когда я же интересовалась в первую очередь художественным, лишённым всяких преувеличений и оправданий тамошним, аскетично отказываясь каждый день от йогурта или фруктов во время перерыва и похода в магазин с подружками, ибо, разузнав о моих ужаснейших тратах, родители не стали сострадательностью недоедающей дочери выделять на одно приносящее мне удовольствие, единственно в темноте стянутой патетичными приветствием и прощанием смерти этой позволяющее отвлечься от сдаенного неуверенностью внутреннего и изуродованного слабостью внешнего дело отдельно, а вовсе ограничили поток карманных денег. Сейчас я не буду делать вычурный, на явлении же только стремящийся к успокоению моих болей внутренних макияж. Этого хватит. Я и так устала. Кровь отмывается плохо, но отмывается: вид и дело покрытого лёгким слоем косметики лица меня слегка успокаивает, еноховою ухналиевою ушечностью медведевою отвлекая от произошедшего: и крикливыми дисокретными острыми выпаданиями съяденное существо надбытийных сдлинений прочных чувство стало, словно жаловалась я больше Сёме, которому в ногу была вмешана нестройным разрывом детской, гораздо более чувствительной светлой, девственно чистой душком кислот человеческих плоти часть игрушки? Я готова. Я открываю слегка скрипящую отстаиванием прочестороннего дверь, за которой меня встретила высокая, сперва пока лишь надуманным, вскоре привычно сбавляющимся на нежный тон недружелюбием нависшая над незащищённостью моей робости спадённого фигура, в то же мгновение захлопнувшая исключительною громкостью показавшуюся сейчас самой хрупкою вьявью елиезерового дверь.

— Наконец-то я тебя снова нашёл! — пустота мгновения медленно опадала в этой вязкой вонючей слюне пространства: я живу: я существую, и в жизнь и существо эти величайшею властью проникает принимающая свечение стонущего отъявления от иной силы толков прежних власть: власть, что, распахнув очии двери моей, водомётным ударением отбрасывает всё позади и обнажает мою нежную, ещё не успевшую окричать себя во раскатах боли розовую кожу: мясо, связки и суставы теперь щекочутся этим проникновением, и только первые мгновения я прикрываю павшие жирными комьями крови плоти и собственные, после отдаваясь наконец подчинению собственного и принимая режущую боль взаимодействия своего с пространством этим. — Настя, дай... дай мне увидеться со своим ребёнком!

А? Что он здесь делает? Это? Нет. Мне кажется: того и не может произойти, и пред глазами моими не может являться подобное: сейчас то невозможно: сейчас то не есть, и: я есть то, и данность схожего стала галлюцинацией: то не может свершиться: то неспособно: то вредно и смертно: то есть чернота и темнота, и оторопь внутри меня одним только мгновением распространяется вонючею, безвыедно стонущую слабостью худшего, уродливейшего, страшнейшего, ужаснейшего, отвратительнейшего, мерзотнейшего несмиряющегося метастазую некаузальной сецессии отвердевшего смрадным, выдающимся самым человекоподобным ступлённым мёйдом оживления трупа. Это не может быть Саша... хотя: то, что он сказал... Саша есть то: то мой: это... мой бывший любовник... У меня тогда с Авдеем была ссора, мы даже не были в браке... Мы не общались несколько месяцев, а потом стеснотою самого неприглядного, осевшего тяжестью недолжного чувства я встретила Авдея, ночующего на глухо щёлкающей ветряными колыханиями подле мутноватых подсветий хрупкости прочего терренкурового срябления отвержений стороннего выгара захариевого перелога костяных каменистей лавочке возле моего подъезда, он тогда написал на асфальте, что очень любит меня и не хочет терять... Тогда я выгнала Сашу ипустила Авдея, и... у меня было подозрение, что Ваня — не ранний ребёнок, а просто сын Саши, но... такого не может быть... я... Но как он здесь оказался? Он услышал от кого-то из до сих пор общих знакомых наших о Ване и, видимо, не стал и сомневаться, но... кто ему сказал, что я здесь? Я ведь... в гостях... Он сильно изменился... Шагреневым свёртыванием скончавшееся под грехами отджённых ростровых подуверений особенности ритуального и одно нелаженного крайностями светённых витийствий ветлиховых надрывов безыстравленных облений внешнего беления всевосполненного импрессивного сердце моё в это же мгновение забилося рвотою волнения в нутрях отравленных гораздо чаще, и порозовели покрытые лёгким макияжем упаднически худые, воплощённые худшим, что можно было содеять и утаить от мужа, щеки... Он оброс как разрывисто объявляющей в стороны самые неоднородные струпями срыхления дилетанского неопыта смущённого повесни бородой, так и облитыми самую явною чёрною, выгравленную блеском уличных тьмы и вони грязью волосами на голове, но... он всё тот же... Может, я плохо поступила? Я просто выбросила его из квартиры, выбрав Авдея... Помнится, Авдей тоже был в подобном виде в ту ночь... Я ведь вышла тогда за левоноргестрелом, а Саша лёг спать... Почему вышла я, а не он? Я не хочу больше думать об этом... это отвратительно... это ужасно... у меня семья... Я люблю Авдея и наших детей... Саша, нас больше ничего не связывает... Хотела бы я сказать подобное, но дрожащий робостью волнующегося при давнишнем виде хоть и гудящего ониксовым зудом сейчас отвратительным сквози оспалённых одно моими бесчестием и слабостями трудностей всех любимого живота язык мой и налитые едва держащимися каплями слёзы обрывают любую

попытку что-нибудь сказать, хотя промысленное и обернулось едким, надвисящим любые способности и надбезумии бытового сослабления параличом пары секунд и остановленного целостностями прокладываемого ото гниения самоовнутреннего дыхания... Только пару секунд прошли с его появления, но я уже не могу сдерживать себя, и ноги мои подкашиваются от навалившегося бремени страсти к нистоящему рядом вонючему пьяному уродцу, и растеклось горе моё не менее истошным криком, чем услышанный ранее от Сёмы... Саша, я... ненавижу тебя, но... подаренные тобой горшочные цветы живы до сих пор, и поливаю я их с исключительным вниманием... Я... я сжалась в черепашую, укалывающую на деле же лишь наигранною слабостью изменяющей, вожделяющей самым явным образом до вспоминаемого изрядною радостью физического моего содрогания мужского телесного низа женщины раковину и завопила ещё более властным рокотом, надеясь этим нерассудством перебить навязшие надо мною могильными сдавливаниями шипящих стригунковых валтасаровых органовых взбутетениваний мысли и печали, что только приблизят моё падение... Лучше бы я умерла... За что? Почему это происходит?

— А? — я закрыла сверкнувшие немостою нынешней бездельности и тяжестью былиего надактивности, покрывшиеся свинцовой оболочью кисловатых ствержений усмирённых отношений к онному иевосфеевому, отравленному частностью сейчасного погребению глаза, да и при их звучном, отдающем отныне внутри меня хрустящими гулками глухими звонкими широкими жирафовыми сколами размыкании не смогла бы увидеть происходящего из своей спозиции... — Что происходит? Настя, ты кричала? А? кто это?

— Я... мне... Мне нужен мой сын!

— Чего? Выходи!

Голос Авдея становился всё громче, и истеричная протяжность его нарастала самыми ужасными экспансивными срожаниями впервые увиденного мною гнева: он, похоже, и не хочет его выслушивать... Я... я надеюсь, что его убьют... Дорогой, вышвырни его отсюда... В мыслях моих отсутствовало смышление насчёт тонации реплик и их искреннего, интересного скорее одному составителю преломления прочего положения, по крайней мере, сейчас я не ощущала ничего вне той тихой неровности ненародного выставления не стихии и яства, но драматизма, в общем-то, не стоящей и внимания вещи: предмета, что сам обозначил себя предметом и условился таким образом отрываться от необходимости объяснять дела свои хоть интеллектуальною подлою игрой: самая неприглядная, очевидная исконности любого взгляда непристыжённому, лишённому выученности нищеты духа своей, смятая уродливым представлениям себя не отвратительным пошлостью мне недоступна, поскольку даже той высокопарности звенящих выгаленных обманутостей обоесторонних: я не могу и боюсь брать на себя ответственность и разрешение потенций этих страшных, однако худшим в онном есть,

что даже в том невитиеватом ступлённом объяснении моём при признании грязи тела своего вонючего я продолжаю искать оправдания: я в очередной раз признаю вину и очередной раз пытаюсь обозвать себя если не сдержанной и правильной, то хоть сколько-то естественной, отличной от животного лишь чисто технически выработанными, могущими быть выработанными и у обезьян при должном усилии качествами при различии, что обезьяна не сможет подобно моему столько времени бездельничать: столько времени прозябать в отягощённых страданиями недостаточности привкуса и угоды уродцу: угоды ослабшей под стенаниями окружного женщины: женщины, что не смогла справиться с тяжбой осевшего на ней груза, отчего та едва имеет право упоминать о страданиях собственных как о заслуге и в неприглядно подобающем тому месте: то было бы подобно упоминанию способности съесть десяток обедов при больном, уже приближающем творца умения своего к смерти сердце; мучения испытывает каждый человек, и потому слабость пред ними есть только дилетантова малоинтересная блажь распущенного ума: человек должен довольствоваться христианским благом своими страданиями, ими он должен сознательно насыщать себя, и любые помысли супротив выдерживания той боли, что негодная, свёрнутая эмеритуревою ликторатостью вороташных дариевых трупных стечений жизнь и Господь представили перед тобой, есть именно жизненное дилетантство, прямая реакция на раздражитель, выдерживание университетского дискурса при наличии художественного с религиозным: единственного, что ото шлейфа той привычной троичности имеет в связне с человеческою добротой ценность: я есть посредственность, причём та, о какой даже не упоминают в нежелании очернить концепцию или идею: я именно грязь и отвратительное, однако случайно совпавшая привлекательность покрашенного одною зависимостью от сходного лица смыкает в мужских ликах подле меня прежнюю стыдливость пред возлюбленной или идеей, и то я прекрасно чувствую: не осязать то было бы тем же, чем является неощущение боли в животе после крепкого, орнувшего хлипкую влажную тушу мою в размазавшую иные кишечные подробности смердящими настоящими внутренностями человеческого лужами удара в него: даже явленный лишению и строгим идеям мужчина не сможет не помыслить в недостатке женского внимания о проходящей красивой девушке, и, разумеется, едва ли он свершит что-то в сторону её существа, однако сам корень этой слабости будет воспаляться в нём снова и снова, как воспаляется в женатых мужах после десяти лет брака при виде соблазнительной женщины: вероятно, он имеет достаточность воли и социальной смелости, дабы не озвучивать находящееся сейчас в норах мыслов его, да мелькнувшая непринятостью парадигмы сомнённая идея блеснёт пред ним, хотя в том он никогда и не признается, раз уж достаточно порядочен, раз он принял сомнительную, да о неявлении жён есьма продуктивную пользу сокрытия истины и представления полезного: даже от такого омерзения я крайне далека: я

куда глубже увязла в стонущих тягучим гноем служинах своих страсти и глупости: дабы не накликать на себя отчего-то важное иному неположительное мнение, достаточно иметь хоть отдалённо схитрённый единостью мысли ум, и известие о черноте души моей прозвенело отнюдь не из честности, не из нежелания утаивать действительное: я попросту недостаточно умна даже для этого: я не могу свидеть и такого горизонта событий дело, и потому была подобна путнику: путнику, что вместо пустыни выбрал одинокую пошлость разврата и потворства своим слабостям: и в том я даже смогла бы найти чьё-то одобрение: видимо, тех, кто сквози годы измен и уродств своих приняли это делом если не приличным, то естественным: постепенно они адаптировались к тому чувству ненормального, что искрила в них кадмииловою светечею сположения человеческих возыгр, и оттого смерть чувства своего они присовокупили окружающим, да необходимо понимать: это есть именно труп, а не человек: тот, кто вследствие пустоутробия жизни своей решил отказаться от цели и тяжести сносимого хоть в детстве порой бремени: их недеятельность отравляет человечество, и потому подобным людям необходимо изолироваться: не стать уходящими, поскольку то для них невозможно, но спрыгнуть с Корабля и при сколько-то ощутимом усилии не потонуть, свыкнувшись с течением и располагавши инерцией чуть сменьшенной: отказаться от людей и заниматься или позволяющим ещё подойти к себе деянием, или одно продолжать удовлетворять себя теми же сытыми завтраками и пачканными соблазнами без былого ссиления неварревых столкновений вотченниковых свитий.

— Я... я Александр! Я всю Перховку уже обошёл сегодня!

— Алкаш ты! ты... выходи! Ты ошибся!

Действительно... за те пару мгновений, которые я смогла воспринимать лик своего врага и возлюбленного, я правда ощутила сильный, удивительным образом проигнорированный фактическим замечанием перегар вперемешку с его... с его любимыми духами... Когда-то я подарила ему их на день рождения... Он... он был так рад и мил в день тот, и я...

— Мне нужен сын! Я спросил... мне сказали, что тут правда Настюша и Авдей Землянов...

— Что? — нет. Нет. Дорогой, не слушай его... Голос Авдея собрёл размеренностии прежнего, хотя и сомневающегося приличия, и за сим не должно быть недоверие мне... Умоляю... наша семья... Не слушай его... Если ты правда будешь в этом не уверен, то попросишь и экспертизу... не надо... поверь мне... — Погоди... чего?

— Там мальчик какой-то вышел... Он такой радостный был... Как будто и подвоха не заметил, хотя взрослые на меня и косо посмотрели... я...

— Продолжай, но отойди к двери.

— Да, хорошо... Сейчас.

Нет. Нет... Авдей. Не надо. Не верь ему. Прервавшийся мглою стонущей вибрации во вторцовую острую болью проходящих нутрах моих раздающийся глумливым рокотом опухшего жирнотой пульсирующею воспаления неба крик теперь ещё язвеннее усилился, и я... я стараюсь не давать им слышать друг друга... Испражняемый мною шепотливый голос больше не похож на человеческий и сознательно собразованный, и мгновение, которое я смогла продержаться, закончилось овымным сонным забвением: горло моё только жалким поскрипыванием египетского судорожья хрипит теперь, а вырванные из меня кровавою тошнотой слёзы обратили внови жалобно приравнивающий меня к невинному, достойному хоть внепрощённого невнимания к тоему согрешению обмана и себя же при очевидии сходного толка человеку плач: едко пробившееся рыхлостью сыпящегося родного запаха воспоминание только отдалило от...

— Я... Была Настя... она... у нас... долго... И...

— Говори громче.

Авдей становился уже разгневан не на подсевшего сквози того иштаровыми станостями окружного в картоночных отвердениях одно реховного и вырождающегося посетителя, но нарастающей тяжестью внутри сошно впервые слышимого, а не увторенного гласа его строгого зол на меня, очевидно, пытающуюся самыми позорными схитрениями несработавшегося, лишённого вопияния привычки гренадёрowych готовностей супротив отягощения иохазовых бриков над и подле онного и вполне неприглядного, да отчего-то повторяющегося каждые подциклы вкованных спятствий прочих перетекания из водевилевого в одно существующее, одно стонущее под сполнением жирных облачных, волшенковыми сепарациями делящихся на подкаживание сворачиваемого густыми, смачными шлепками преваливающимися друг на друга гибкими пузырьчатыми пластинами оженных блестящих ударений пружинчатых белками средь жидлости тех претекновений бурлящей хладности и обтягивающей сугловатости прочих отверственных, стравленных самоим незамечанием моим любого с тем явления вне толка конкретно характеризующего, позволяющего обособить событие тамошнее и блажи отсевших кромлевых сияний чернотных бликов, умилений любовных вязи образований сторонних скрыть свою причастность к сему, и слышны уже чужие голоса собравшихся подле коридора: кажется, устрашённых, не заступающих за дверные густые граничья и окончательно оявляющих предерзновение моего случая: невозможность утаить то и единственное оплощение дрожащих колебаний: пока то даже не обнародовалось, и потому я в не столь поверженных стояниях мысли и духа: я и не представляю то существующим: то есть именно тант и случай, однако блющая страданием пузоватая глотка моя подворачивает под себя хрупкую рвущуюся ткань меня самого: мне

плохо: я не хочу видеть это: я не хочу участвовать тем: я не хочу того и иного: и будь блажь моя строга: коль станет та стена Иова: коль станет карой за молву, что я пустился грешным толком: разорвётся моя плоть, станет драть её та ложка: и погибнет свошья плоть: в пене язвенной той ложи...

— Да... хорошо... Она... ну... Так получилось, что пришлось в аптеку идти за... Ну... экстрем... Тогда... тогда мы впервые у неё были вдвоём. Она сказала, что сама быстро сбегает... что тут аптека рядом. А потом... ну... Я заснул, а она... говорит, что мне... Мне выходить, значит, нужно! Как то? А потом я узнал, что она меня выдворила, чтобы с другим быть. И... она, представляете, она даже помужилась с ним... Мне сказали, что он тут...

— Да. Он тут.

— Вот и... дайте пройти! И... ну... Можете сказать, где он?.. Я... я в лицо не знаю его...

Не слушай его. Авдей, не надо... Убей его... Заткни его... Разорви ларинксы его хрипотою вязи связок своих высохших: глас мой отстоит от единой потенции человеческого, и потому свечение о том сокрыть невозможно: телеса его покуда распадутся внеощущаемым ствержением иоасового придержания сполагающегося и впустошённого послесонным остаточным утверждением плотного самого и предметных гравиев продырявленных нарастаний прочих, и отсоединятся нервы его еле свистнувшим согбением волокон оставшихся: оставшихся и с держанием того и рабботовыми нарощениями сглаженного тела плотного пролистного надкосмического, присталяющего тебя динамикой невнимания, и то: чуть скрасневшие, опухшие ожними подлями глаза вердепешевые те обособляются галлюцинацею окончательного скажения пространства драных отставлений: вземляным же всё прерастало неизменяемою раздвижимостью заинтересовавшейся опоты существующего: окончательно съедаются выбранные плевками шипения асяных явлений и более несдержимых стяжённостей частичности: вразяные верёвочные, образовавшиеся волею Господа и Существом его, распространяющиеся неслиянностью данного средь внутреукоризненного непоределения вотмалового, постукивающего глухими дискретностями обособленных адаптивных уличений тех матовых дерзновенностей точечных подвижных огрублений скрипящей, светящейся внови суляющейся травлею самоличного и единственного ворзы сширения воздушного пали: вокруг того прялетают единства несуществующего, принадлежного разности парадигмы и самого сторонения прочного, и в том кончаются блажи прекрасного: блажи сдёрнутого за общением: тем, что представляется действительно должным: обязательным: полезным человеку: общение полезно емь, да всё же есть то именно человек: то, что рождено было намерением исправить: человек отенного есть ошибка, и потому подобное явленно скрепить только микрооснования: те, что не станут облены

макропорождениями глорианового, ибо станет то сечение гулкое надрываться к тому: от центра периферийное образуется особенностью несуществующего: невозможного и особливового: грязь окружного прилипает наглыми надоедливими сгустками на освобождённое притягиванием сотонного, да то ещё не имеет должной подготовки: то чисто и небранно, и блудность сынова стяжением животного: душа усопшего младченским: в пеленах души праведников: да умерший есть виновен: и в каждом то возможно разглядеть: и вина та есть одно моё, и остальное всё: ваше. Не чувство, но материя сползается, и.

— Постой... Я скажу, но ты сперва объясни, почему это ребёнок твой. Почему это не ребёнок её мужа?

— Да потому... очевидно ведь всё! Она... она родила ровно через девять месяцев после этого! Я даже фото видел Вани. У него же вот... смотрите, у него родинка, как у меня, на шее! И у нас... у нас общие друзья... — я ничего не слушаю и не есть слушанье: обение моё являет собою самую несщённую твёрдость отупевшего страхом уродства: опавший бледностью могильных чёрных глаз домовой режет свои худые острые ноги, и. — Они сказали, что только Ваня у них с каштановыми волосами! Как у меня!

— Но... подожди... — он режет себя и стонет рокотом шубивого плача, и глаза его направлены к обращённым стыдом, готовым сплюхнуться взрывом прозрачных сничтожений плотностного боязниковой краснотой укромных уголий телес буркалам моим. — Но... он просто родился раньше...

— Так... так это... Ты? — кровоточащие спеси гнойной рвоты шлёпаются к моим ослабевшим телам, и те же трупы: всё здесь есть трупы, и от вони этой, от жидких нарывов некуда деться: всё пахнет трупоедовыми представленностями, и всё. — Ах-гш! С...

Последовал громкий, троснувший вибрациями от пола чувства подлежащих и ожидающих нечто хлопок и звук падения обретшего почти вялым неожиданием тела... Они... они дерутся... Ещё один шлепок... Теперь он, похоже, бьёт его локтем по спине... Кого? Не надо... прекратите... Я высываюсь из своего убогого, стесняющегося чем-то стронним, отверженным от истинности былого и концентрированного устойчивостью домика и вижу, что Саша и Авдей бьют друг друга раздающимися оквози все воздушные пустоты одно дополняющей звон придящихся к звучному надению ужаса в том ударов комнаты по лицу, разбрызгивая дарящую жирными шлепками винную, вонючую плотями невинными кровь по блажным, отставшим от меня несосязанием вины самоей одно чувством ненормального и тягости собственной стенам коридора, и никто даже не пытается их остановить... и... Все просто смотрят. Почему? Почему не помогают их разнять?

— Прекратите! Не нужно! — неприглядные вопли мои не доходят даже до меня, и былая пустота разговоров тех осмыляется вонючими бубонами омертвевших опухолей. — Остановитесь!

Я подбегаю к ним, но... слышу бухнувший мертвенною неспособностью развинного обязательства последнего, хрупкий наконецтошний, разваливший окончательно стены те казимировыми выжмурченными деворовыми экзальтами экспресsemового звон... Меня случайно ударили, и я...

Иван Землянов

Я спокойственной блаженностию размывающего перламутровыми прозрачиями счужденных охитрений утвержденных или явых обособлений присходящего, нетождеств сечения оцувствий затканцевых нежеланий отвлечения на прочее и помышление самого целостного перенаправления мысли с очищаемого и удавленного плотиями скраденной реакционности наддуманного занятым темнотой скребечущего подле того, ещё не справившегося окончательным стрёкотом зубьев своих небившихся и скрасневшихся застенью непростения стёршихся продолжающимся воцаным умирением смирного и неввергнутого суставов глаз существа заулысом подле оямого сидел: я разглядывал свои новые наушники, которые, к сожалению, только на это и годятся, ибо сейчас провивающийся сдиранием взора моего нечастного чуть выдающейся пленюю пуантелевых бесцветий подроженных звоящих дулдуловых смозжений трупных прилежащих урений и вонючих кровяных, облитых жирными, опустошающимися внови сосудами оплей разъём на сбившемся еле заметным покалыванием при прислонении оногo к уху стеклом в месте едичном телефоне моём другой: разве что переходник покупать: привлекали меня именно мелкие детали и едва заметно выдающиеся евтиховыми плотнениями телесных остаточностей внимательных рисунки на них и после того, как Семён, на деле совсем несильно поранивший ногу, вернулся обратно в эту комнату и начал во всеуслышание рассказывать о своих храбрости и непокорности пред слабостями материи, но сейчас, кажется, происходит нечто серьёзное: обретающее именно историкоцентричнопоследовательную значимость в онном одоньевом оложении: сначала прозвучали самыми малоприятными объявлениями одно человеческого в человеке и одно безобразного в выдуманном, существующем именно средь преломления динамики, нарочитого укрывания всех от себя черноты единственно важного, того, что авенировыми леевами способно нарушить природу, создать внешнепричинную адаптацию и сродить самое с внутренним и главное внешним, под спесивостью смелия того обретающим восхищение усталости дела непривычно изрытого збалмошьем спластикорных представлений насчёт прочего и вностороннего, прекрасном женские крики; после были мужские: последовали гласяные, способные иных девушку и ребёнка оставить воспалению в себе волнения или непонимания ссязания шорохи мужских разборок и, наконец, отчётливое, относительно громкое рокотание в неуместье и, думалось ранее, невозможности тому драки: не лишён я и осмысленного детством, но родители мои достаточно часто ссорятся по бытовым, еле ли действительно своим существом возбуждающим подобную обратную экзальтацию бытов шестых мелочам, да и к крикам Семёна, Олега и Сергея в их младенчестве сумелось

мне адаптироваться, отчего многие зовут меня излишне хладнокровным, даже лишённым понимания обязательства реакции, хотя соединилось то только уникальновозможным спасением: ноне произошло нечто хуже: последовал звучный, пробивший глухоту стен квартиры этой шлепок от сильного хлётского, отмеченного попаданием точным удара: неприглядностью человеческой нестоянкости завопили почти все, чьи дрожащие телеса расположены были во мгновение это в квартире: они неонисифоровыми землягами орали, продолжали драться и ломать хрустящую метаноманием моим в том мебель во всём некоом этом, и теперь взрощены были во мне гроздя неуместно проевающегося недолжно продившейся способностью к равнению при стремительном сположении к достигавшемуся ранее самым аккуратным деликатием зашкабиновоу сарроу недоразвитого уморения гладью волнения: как тогда, когда родители в конечном нечувствии начинали кидаться беспорядочно проливающейся подле детей своих ужасом невыносимовой камерной брестенности пещурового соложения бозначенного посудой, зацепив приставшим к нему особенною глубиною выпадающего незамечанием родителей тяжёлым надрывным устом острия осколком Семёна: тогда мне пришлось ответственностью за добрых ко мне, несильно связанных именно в умах родством, но самых близких мне, униженных и непризнанных родителем двух уродств человеческих людей вывести всех из гудящей вибрацией, казалось бы, пристанной, обыкновенной именно в общем, дополняющем и устройстве быта семейного пространстве квартиры и обрабатывать его ранку слюной в страхе подойти к тем же образом представляющей опасности именно близостью к уже отвергнувшим человеческое в себе, примирившимся с плеснувшей рядом кровью ребёнка их аптечке в квартире:

— Не волнуйтесь, ребята... Скорое всё успокоится... я вам...

— В-Вань... я... — Олег, ранее более всех увечённый надуманным, признанным скорее из неполноты надзирания прошедшего ажиотажем происходящего, расплакался объятъем небес сбухших гридеперливых шипений и схватил меня жалобностью друга, доверяющего тебе человека за правую, у меня подпотевшую и соскальзыванием некрепким руку. — Я хочу кушать...

— Хорошо. Я схожу в гостиную... но подождать нужно немного. Давайте просто посидим...

— Мне страшно.

— Серёж, не бойся. Всё будет хорошо. Семён, сядь поближе. Всё будет хорошо, Сёма...

Мы, переглядываясь минут пять, продолжали молчать, и каждый взгляд мой ложился на покрасневшие плачем или готовностью к тому в ожи вспоминания и прошлого и догадыванием насчёт отцовской причастности к тому: насчёт материнского виновения онного и саломием выдающихся подробностей в услышанном скрежете плотного было ясно даже

здесь: люди, которых меня заставляют называть родителями, есть именно те, кто сделали мне и моим друзьям более всего зла: ни один из живущих сейчас на земле этой людей не заставил меня быть подвергнутым страданиям более, чем эти люди: они не чужие, однако и я им не являюсь родным: вина их не во вполне допустимой малоувлечённости о мне и принадлежащем мне, но в полном, абсолютном отсутствии внимания к нам: явись при их однородном быте вроновское воспаление сторонне реального, они бы бросили нас: образ, который продолжают выдумывать себе эти жалкие, отличающиеся от нас скорее одною только слабостью ко внешнему, импотенцией деятельностного, совершенной слабостью перед всем, что только позволяет стать слабостью; и оно интересует их гораздо более, чем само существование наше: нас породили: нам не дали умереть: однако и в этом обществе распространённого досугом на том закончилось их дело: эти люди были годны только на то, чтобы явить нас, и не более. За это время никто не соизволил ворваться к нам в комнату самым обыкновенным, уже вполне привычным забвением мысли о существе нашем. Иностранно взбуктованные пространства прочего глухим гудением сбивающейся мутным стевением видимого и вынужденно явленного от нестерпимой, давящей тошнотой овнови боли внутреннего галлюцинации этой крики приглушились, да не окончательно. Кто-то до сих пор дерётся и громко вопит.

— Я пошёл.

— Аккуратно.

— Да.

— Хорошо.

Я выхожу из засыревшей тухлым, подпроникающим сквозь, казалось нам ранее, укреплённого бетонностью иудифовых границий плотных смрадом военного, спыщенного порокою того же человеческого неума и пошлости чревоугодного живота жизни глубоко несчастного неосязания ни будущего, ни еле теплющегося ещё разрывающимися в стороны угловые и стеновые тела близких, тех, чьи волии на особление военного, оаемого одною только ложною улыбкою пред тем отравляющего каждое калиновое работное бедствие государства дела были выбраны фуксовостью змеёнцевого попадания подле, комнаты, быстро закрыв словно пропустившую чуть в нутрии страх, ужас сувого изничтожения человечества тем внепарадигматичным, единственно же реальным отзыванием одного, кто имеет дело с войной, а не с выдумкой и достой стать онной лишь по прохождении времён или вне действительного противоречия христианскому в динамике того же абстракцией, дверь обратно. Двери в туалет и кладовку открыты, но там никого нет: раковина в ванной разбита, а из другой комнаты торчит сломанный веник с рассыпавшимся вокруг составляемым. Я стараюсь не обращать на это внимания. Если они не в коридоре, то в гостиной и кухне или большой спальне.

Я возвращаюсь в игровую.

— Ты принёс?

— А? Нет... Я забыл про другую комнату. Там тоже может быть опасно.

Я повернул защёлку на ручке другой двери в игровой. Именно она ведёт в большую спальню. Они могут перевести драку туда.

— Теперь я точно вернусь

— Хорошо...

Я вернулся в коридор. Я вошёл в гостиную. Не глядя в кухню, я подбираю поднос с фруктами и иду обратно.

— Слушай... — скрип настигающего ноне ужасом мужского глухого шёпота засаленной грубости ударила по моим ожиданиям самыми неглядными страхами, и. — Ваня... ты ведь уже большой... — я не хочу смотреть на него: я не хочу, чтобы он сейчас не умирал: я был бы незримо рад отказу его от подобного из любой причинности: я только не хотел встречаться с этим взглядом. — Помоги мне...

Я повернулся в сторону кухни. В этих двух комнатах сейчас находимся только мы. Я и Игнат. Его лицо полностью обито протекающей чрез неедко впитывающие малосильные борозды мелкостного сгубления хромых диновых счищений плотностного поры чёрной, блещущей редкими мгновениями искрами алых нистагмовых случайностей кровью, и даже сбивающееся редким, выплёвывающим вовне плюхающиеся после на пол остекновением смешанного со слюною лужи бурдовой вонючей вязи захлёбыванием дыхание его свершается оттого с непостоянством успеха: мерловая жидкость уже налила всю футболку тяжестью липких, не подставляющихся надже ендовых влажи рельефов его же и капает гирями сровненного с внешностию с приставленных к половым основанностям штанов оземь.

— Да... я... — говорящий есть наиболее чутко чувствующий нищету и слабость проговариваемого: я едва выпускаю из себя сбивающиеся рельефы того, что не хотел произносить: того, от чего всем нутром сторонился и что отчего-то происходило во мне с удивительною вежливостью. — сейчас...

— Ты ведь не обманываешь? — мне тяжело смотреть на него: мне тяжело слышать это и чувствовать, и только смирение гладко выдавленного рябыми полосами пола успокаивает меня: только эта тупая отвлечённость есть сейчас есть я, и только это же спасает меня. — Да?

Я промолчал и пошёл в игровую. Приоткрыл дверь и положил поднос на ковёр подле порога, замечая удивившиеся от моей произвольно устрашённой и нарочитым стремлением к нетомушнему гримасы лица братьев.

— Я... скоро... — давящей кислой случайностью взгляд мой мрачно потупился вниз: возжелав я возвести миф о себе, содеял бы нечто подобное тому жесту: однако я не желал

этого: я не хотел быть образом и восхищения: я был поставлен в условия данностные темнотою просвечивающейся сквози каждого движения материи. — Кушайте...

Я вернулся в кухню.

— Ты молодец, — глаза его, покрасневшие не только наслоившейся едким уточнением кровью, но и припухлостью будто пульсирующих сейчас контоминацией со внешним сквози галлюцинации синкрета внешневнутренних прострений гааловой церкви той сосудов, бежали теперь менее резво, и всё больше бесцельности, неинтенциональности проявлялось в лицах ого подпадения нутряного, — спасибо, что вернулся...

— Да...

— Помоги протереть кровь, а то... — Игнат облокотился на гарнитур и слегка движением этим содвинул пару стаканов и тарелку, на которой остались недоеденные кусочки мерно гуляющего по маслянистой, обвитой пышными множественными, распадающимися и собразовывающимися непостоянством прочего надуровневого незашумованными пузырьками жиже мяса, раскрывающие тонкую недлинную, еле треснувшую при моём на то взгляде косточку. — Я... я могу упасть в обморок... Но... сейчас... — я не хочу думать и быть: вязь события приковала меня к мраку, и мрак этот возжелал стать мною: была б на то моя воля, я бы распорол бедренную вену: да. — Нужно протереть... да...

— Да...

Кровь всё продолжала течь по ткани почти полностью оданченной прочностью выделенного озорности действия футболке его, и стоило бы её выжать и приступить к вытиранию поверхностей тела и головы, но почему-то сам инициатор моей помощи нисколько не начинал даже робкого, самого стаённого сподобления тому, ставшего причиной здесь нервного, освещающегося положение рук моих окровавленных и нечастые блёстки крови на недерзновенно украшенном подобностью прочего лице пребывания, и вся артикуляция осевшими малоусердием неспособного кистями его и мышцами о сильнее расслабляющегося призрачностью воозых затуртаний египетских лица давала понять, что позвал он меня не для поддержки фактического.

— Эту... эту квартиру мы купили с трудом, а теперь... Хи-ех, соседи будут думать... что здесь какая-нибудь пьянь живёт... Кто же знал, что он боксёром окажется? я вот не знал... И раковина... там не меньше десяти тысяч, да и зеркало, кажется, разбилось... А... а дверь-то мы закрыли? М? — он маниакальной положительностью сомнения толковых ответствий перевёл не поддающий ум его должному смышлению взгляд в отдающую тенью боли ног моих присевших стену, через туалет с которой можно было обнаружить входную дверь, скорее всего, никем не запёртую, что я вынес из чуть слышимых во сбитения пульса собственного,

скиви звучащего сейчас самой яростною волею стихновения агавого несондирования сволнённного страха звуков оттуда. — Закрыли?

— П-постойте пока... — неторможение действия моего было мучительным: я не был готов быть, однако внешность требовала от меня именно это: слова переставали, поскольку сама форма обрела иное качество: вне содержания форма не существует, и потому слова его оплотились одно несуществом. — Я посмотрю...

Дядя Игнат резко одёрнул меня за спугавшуюся и всем оставшимся телом уже угрозой обретшего источники и смысла образа скончательного повестного руку и строго посмотрел в тут же блеснувшие готовлением встречного, слегка даже взрослого подобного состояния явления ввести хоть в замешательство, никогда, разумеется, не будущего обнаружением предметного удара глаза, теперь удивительно раною, недоверием прежнего, самоим сомнением уже и в реальности происходящего для их ранней реакции и страшно для меня отрезвлённых; хотя и их нездоровый, вдавленный в меня полуобморочным ужасом цвет и отчего-то лишь ярчие устрашающая прожлания стороннего припухлость никуда не делись.

— Нет. Побудь со мной.

Какое-то время мы просто смотрели друг на друга уже рискнувшими под тем щёлкающим самою демонстративною нежелательностью исконного станового дрожью иохаведовым зевлом глазами моими, да я, несмотря на представляющий о только меньшую адаптивность к оному опыт обнаружения агрессии со стороны сильных умных хитрых гадких, способных на поражение мне в одной только фантазии или предсмертном состоянии взрослых, никогда не смогу к этому привыкнуть: вероятно, он и не зол, но в объявлении крайней полярности сращения с мыслию и волею чувственного, что приравняется в сознании ребёнка к изрывающему нутрия его мясистыми рожьями убиения наблюдаемого гневу; я начинаю бесшумною грудю внутри олающей оди меня болью тошноты и надрывов единственно существующего чернотою ожнего гантиевого спошения груди своей плакать.

— Давайте... — дрожь события сдавливала мою шею, и драли остроты глубинных разрывов непреходящих уродств то, и всё было ужасно, и ужасным же был я: безобразное раскалывало меня с основания, и. — я выжму кровь с футболки...

— А? Да. Прости... задумался... как будто... — Игнат, будто смыленным ориением резко переключившийся на что-то другое, подскочивший еле заметным импульсом с дёрнувшегося дважды случайною плёнкою кожистых срождений физически слабого, да могущего задушить подобного мне, оказывающегося в ужасе отвергнутого этого самым незащищённым, самым смертиевым существом, тем, что в излишней ситуации само обязано стремиться к противлениям жадным жирным вонючим похотливым глупым ленивым гадким незаинтересованным жалким обиженным слабым смердящим уродливым праздным, и с тем

шлейфом омерзения существующего побеждающим властью моего же народа одним придвижением побывавшего в каждом отвращении хоть возможного пальца колоссам, ребёнка и единоединственно продолжительным рывком кисти человека живота, начал снимать футболку и вдруг остановился. — Как будто ничего не происходит... ну, словно и не может ничего происходить... Не верится в происходящее... Мы ведь и так кучу денег на это всё мероприятие потратили... Двадцать человек накормить... Хорошо, что Оль, Настю, Богдана и Марию отправили в нашу спальную... — я перестал понимать, что говорит Игнат. Нельзя его отпускать... Он начал безродностью лаванового неотречения ссознанного размахивать неприглядно распыляющимися под всё таким же ярким светом средоточившей на моём же и боли комнаты руками, отпустив скатавшуюся вонючею влагою футболку и сфиксировав её над приставившими собою прочее сосками, демонстрируя тою же уросливою тяжбою стянувшуюся напоминающими небольших эмбрионов, отлипающими слизавшимися надте плотностью несуществующего и одно возбуждающего потенцию комками кровь всю, прилипшую к редким, почти лишённым цвета и твёрдости длинным волосам на груди и плотном, пребывающемся неровностью опряжённого физического неразвития животе, и пытаться самым отдалённым от той целевости схватиться за стакан внешнею стороною кисти, который ранее задел и сейчас разбил, уронив на пол уже малозаметным нехрупким рокотом вплющения прочего, словно вовсе этого за смирением с неосуществлением начатого знамошью обязательного не заметив. — Ванька, сынок, мне так жаль... Твой отец... Прости... Мы и втроём его не скрутили... Что будет потом? Он ведь... Он его не убьёт? Я... — хрипотца тела его раздавалась слабою тучностью плоти: я слышал то: я присутствовал при том, и притом же явление же. — Может, мне пойти снова?

— Нет. Пожалуйста, — вытекающие почти изолированно ото всё ослышивающего, да отказывающегося прочими стороннего чувствами подрождённого и одно чешущейся дробью отяжелённой сознания моего густыми зобьями жжёной сиены халазионовой заширки закоркатной слёзы стали всё сильнее нагружать нижнюю, обвисшую самую спертёною рябостью сторонних маслянистых невысыханий скончательного и надоправленного челюсть мою, и больше не мог я скрывать ни проливающиеся раздающей тяжёлым сбивающимся рокотом тишины ступлёнными хрустами всхлипы, ни негромкие, вырастающие уже окончательно недолжновением онутого стенания страдания остных постанывания, произвольно вылетающие фаринксовыми выбриваниями власяных зауговых срестений прочних. — Оставайтесь.

— Да не хнычь ты, сына... — как пахнет труп и что есть трупный запах? Темнота сгустила меня: чернота прибрала к себе мои пальцы, и ломающиеся суставы сживлялись тем же мгновением, и бесконечие сничтожения и рождения опродь того. — Прорвёмся...

Руки Игната опустились: обмокшая окончательно и спаринами подвливающего отсвещения дня целостных отвлечений и неуспеваний данностных в едко проливающимся шёпотом пространств сгибченных и грудбных дыму футболка теперь не скрывает только оставшиеся на скрученном позой животе комья бордовой рудиментоставленной гади мешехового, подрающего чуть теснотой бездышного неспёртого сдавливания срадения держиваемой тяготы сбываемого чесоткою горячей стесновенности упрочнённого и натягивающегося, и обрамлённые костями хрупкого подставления попадающей желательной влаги сквози прорывания онного глаза его постепенно смыкались, что я пытался предотвратить несильной, упражняющей скорее меня тряской, вероятнее, оставшейся им вовсе незамеченной: он потерял сознание, упав на меня и на еле треснувшую звонким свистом приглушённой стравиной часть столешницы: вся одежда моя и левая щека шлёпнулись об его кровавые, сочащиеся и изнутри вырыванием подзамеченных комьев водянистых ссилений отметины и бордовые липкие, почти светшие граничные очертания обособленного от того шарики, и на одно робкое, на деле же недостаточное поддержание его грузного мокрого тела уходила вся моя сила, более не тратящаяся на внимательное, не оставляющее очим разом именно сопределение подобного прислушивание к происходящему в, по всей видимости, детской комнате, в которой сейчас происходит взаимное избиение и излишние, вытекающие из этого или наоборот нешепотливые густые непоследовательные словеса сложившихся: теперь я только держал обезличенное грязною, ударяюще мельхимиевыми неглубинами кровавостью и ядовитым, отрывающим меня от тех расточений только остающейся подле взросленного разбивения сточного внутренности запахом онного тело, надеюсь, живого дяди Игната, сотеняющего примерно каждые пять секунд капать на пол собственную кровь пухлыми вязкими липкими грузиками, отрывающуюся в моём слушанье страшнейшим грозовым отзвуком с громким, просвистывающимся резвостиями страшных уродств и ужаса подгадывания схожего и должновенного прогнозом же одним эхом, и в эхиях того я то ли выдумал себе подобные звуки, то ли расслышал новые, отделённые от прошлого самую категоричную особливостью зашлых естеств неприглядных голоса и сразу множество шагов.

— Фух, нашли наконец-то, — лиц говорящих из-за сложения онного, открывающего только наполовину размытый из-за близости одежды Игната и тонких капель вид холодильника с кровавыми, едва размытыми случайностью кокурового отдаления в прожнем следами от ладоней и неправильными потёртостями, я не могу увидеть, ибо они находятся за задавившим горизонты те тяжёлые углом, где располагается большая часть гостиной и её основная рекреационная зона. — Моё имя — Землянов Иван, и пусть меня никто не слышит и не поймёт, но не мыслием тем статья свою мне не можется, — голос его звучал чрезвычайно уверенностью, даже страшной, срывающейся таковым за одну раблезианскую трудностью

сложнения иairoвого привлекательностью, и даже я посчитал его теперь не язвенно звенящим на фониях слышанного и передаваемого теплоты тех щебетных справлений милковых желания несбыточного, тепери отрешившегося самую жестокою вязью страха спокойствия: с последними событиями даже за столь незначительные мгновения реакция на возможные неожиданя сильно притупилась: и не осознавал я уже, что вошли, вероятно, чужие нам люди, причём в количественности значительной. — Цвет моих глаз — голубой. Цвет волос — русский. Волосы мои собраны в пучок. Мои одиннадцать друзей есть здесь. Будут они слушать гимн-манифест. Исполняю в одиночестве. Автор — я, — он глубоким состравением полнений сторонних елиавовых нежеланий и супротивлений даровому вздохнул и пару раз, как кажется, лишь случайным неурядством скользнувшей не из причинностей колебания оногo ноги топнул перед началом своего выступления. — Землянов Иван. Меня вы пытали. Марались без глека. А вышла лишь тяжба. Все приняли жертву. Что так нерадива. Что гнойную ленью. Меня растворила. И грохнулась в келье. И грянули лесом. Опавшие башни. А Вышка Та Кифа. И всё же нам страшно.

Завершил остриженное нотиционными евтиховыми подслушиваниями прочного подоновое Землянов Иван с явною, сворачивающей суставленные произнесения очувствующего над вравниванием усилия нарочитого приложения дрожью в навязшем ликами скреплений тамошних ударений голосе, ставшей, вероятно, разбухшим пламянём ствердевшегося средоточения заявниевых овлений чернённеного катализатором ещё более ясной громкости еле сглушённых звоном гати небесной хлопков его иллюзорных коллег, о которых я не имею и малейшего знания, и последовала после тишина минутного томного, знаменующегося мне одно только страхом несущества кожистого воспаления дожения, о чём я старался не согбиять же неприсутственность ового неуверения не отне страха быть увиденным, а от честного, странно лоняющегося, думается, именно к поровению чувства увлажнённого нежелания прерывать их ягвенное представление: я сбужением тянувшегося обравления материи сквози предпочтительности и единственности содрагаемого поступательного колебания позвоночных мышц моих средоточных потерял условленную ранее хоть спорядком особливо вырождающегося признания рябой той пузырьчатой отделённости пенистых срастаний вышних крика связь с происходящим: размывающиеся во взоре гофолиевом пятна сверкающей пленюю ударяющих в пята мои горящую ржавчиною куропаткиноглазового постапа звёзд крови заливают сродившиеся бледностью еле выправленного левее неточия наложения иконического нимба подле веки изнутри, отчего замороженное усилением обработанности сторичных отдалений неоправдавшихся станостей моргание представляется непосильным, способным навести субъекту окончание предложения существа с тем сквози бедствие праздностного и прелистывающегося трудом, от чего я уже

помышляю робостью дальнейшего согласия со оложением прождённых злыговых жалостей природного отказаться: прервали напыщенные личностями самого страдания мои чуть слышные бормотания тёски врожде насчёт дедушки Богдана, пересекающиеся сквозным липким, чуть ссушенным в том цоканьем одиннадцати пришедших, ни разу до сих пор не обмолвившихся полноценной, составленную незвоньем шепотливых преложений тех надветренных свершенств линий фантомных плёнок преломляющихся фразой, а не междометным синкретовым надолгием; слышны громкие, шипящие врыванием полостных поверхностных самолюбивых рекретов шаги, знаменующие вконе сосоздающийся грун зонителевых разгаров подобленного путь их в шумящую смертью боли и ужасом той эссенциальной ражбы сребристой спальню, где и находятся сейчас, если верить рассказу Игната, Богдан и почти все оставшиеся элементы, никак в непосредственно драке и конфликте не заинтересованные, по крайней мере, в их физических, поевленных материей самым подсортным, расплывающимся в тишине уморительного сублильного послабления хождения всёпродолжающегося и смешивающегося над силою воли и страданий достаточных последствиях, и оборвались они корнилиевыми усложнениями терракотовых радужий надблеженных ухватов на пару мгновений, кажется, рассматривая всё ещё громко и кроваво происходящее в детской, вскоре продолжив путь: оттуда почти сразу слышались старческие, схриплённые поддифференциацию того неустойчивого несупротивления отрывающегося неуспеванием гогота личностного и ужающегося крики и горделивые, уставленные гладиями гарусовых поползновений неграниченных условностей и смешений ударённого, пошатывающегося сломяниями неявления должного возгласы внови прибывшего: время сейчас то замедлялось вязкою гравиевою успеваемостью огороженного и пошло отодленного, то бессрочием истинности же незнания божественных устремлений вышних ускорялось, заманивая жельностью нестрашиемого сравнения гатиевого же подвижение левонаправленного меня во всё более кровавые и невосмысленные, срезанные зложением дилетантизма обнажённого пути внимающего, и в секунду тождествившегося гезисом отдаляющейся теплотной темноты отяжелевшей сдался я под напором давящего на меня христофоровыми срасни еименовых само рождений коешних во ви на напрутно си веса и смог лишь тягостением арнаутового сорождения свалиться без выправленных власами ещё порождающимися сил и сознания, сохраняя рассудочное, всё же в том обманутое рязью бытийственных и спаяченных тящений посредствий прочих заурядий смыление, что теперь представляли усилившиеся рагуиловой волею взвизгивания Богдана, скрипящие излишнестью самого истинного в том составления недрожного возмущения остальных, хрустящие плотью бормочущих стен дома этого хрупкого звуки появления побоев и лозунги акций друзей отчего-то подблизенного случайностию продолжания Ивана: уже не видел я ничего, произвольно

сомкнув окровавленный извне раскрытием рагуилового объявления рубиновых горячий глаз с пупком скатившегося на бордовой скользкой, неподверженно усилившей все сложения стороннего тяге Игната, и всё это невточнение онением дурманящей боли недействия только становилось громче, хотя места наши никак не сменялись в притухающем вопле порывающегося одлинения: я стал восприимчивее к дровевшему теми пустотающими иаилевыми апрошениями истинно гадкого, единственно непритягивающегося к онному и остающемуся подле одною лишь дерзостию неприглядною звуку, растеряв подвёрнутую скажением естественного способность разглядывать и динамически подмечать глазом: я ослеп в том забвении не личного, но не универсалиевого и стал истинным, разлагающим теперь привениями колебания вывода эксперимента надытоженного наблюдателем, ноне равящимся мясистыми роями кислых жирных багряных вырываний всеспособных ударовостей запястных длинных хлётских полноуничтожений овоенных и властями же соседушкиных поверхностей тех голос дедушки стал пронзительною рванью внутреннего высок и похож на иммозвериный: стали слышны подскакивающие здесь от самого сторячённного, напряжённного же токами чернотных освещений шаги: кто-то говорил про банан для какого-то Ваньки, похоже, сына Игната, и про то, что не стоит в поисках хозяев разгромленной квартиры сильно задерживаться, ибо некая бабушка Анна находится возле подъезда совсем одна, чего не мог себе простить другой взрослый мужчина, приближающийся уже к величанию существа скорее дедушки, и прошли они в разваливающуюся самыми первоначальными сущностями сплочения онного гостиную, подмечая всё новые ужасные, плещущиеся на них острыми кольями сдающихся смертям снарядов неуверенных увечья и пугающие главно явлением своего разрушения ранее крайне снаряжённного вохровыми недовольствами личностного соскорбления сменяющегося паратовыми непринадлежностями к тем корделиевым сращениям срочного и обязанного крики со стороны комнаты, в которой уже нескончаемую долготью пространства шёл абсурдный отвратительный кровопролитный конфликт и в которую никто так и не решался войти, особенно маленькая девочка, обзываемая одним из мужчин Анечкой: та девочка часто говорила переживающему за бабушку дедушке, что ничего плохого в её желании взять у него в долг на игрушку в магазине, содержащем купленные бананы, нет: она была дискретизирующим разрывание прочного приступом кошмара сердечного иступления напугана, но о своём намерении умолчать не сумела: голоса молодых девушек только чаще напоминали мужчинам о специальности состояния недавно принимающей их квартиры: вероятно, они были уже сегодня в гостях, хотя мама и папа мне ничего насчёт этого не говорили; и решился теперь свершением одно облучокового дедушка пройти в щещуюся пеплом огня кровопролитного комнату, прикрытую с помощью Ивана при его сорожнении в приглушённную субъектным калением прочного срябления еле стрившегося

пестротами белёсых стачиваний спальню, но произошли: первая выражалась в контакте почти спрятанных Иваном и его друзьями, только сейчас приоткрывших одну из трёх необыкновенно звучно скрипнувших при всей граочности преждевыбранного и наблюдаемого особления страты нетошного качества дверей, ведущих в гостиную, за стенкой беженцев и вошедших пятерых гостей, второй же стало вхождение ещё пяти человек: положению нонешнего уже тяжело было несряжением броварных пеплов хруп тех надматериальных и пустонепонятых внять под тем, ведь столь напуганы были содержащиеся под надзором близкие родственники мои, что растерялось уже любое осязание не относящегося к категории ненормального: как же неробко было и есть смешение моё томое, что Семён, Сергей и Олег покорным воспалением ихаводовых страхов и естественной слабости сидят в игровой: по крайней мере, свидетельств супротив того я не слышал; быстро разувшиеся и воодушевлённые мыслью о неожиданности своего появления люди парами по пять шагов за раз, не увидев признаков олитых от желательного динамикою действенного обстоятельств, врезались в гостиную весёлыми, щёлкающими врываниями холодной синевы внешнего же морозного, отдалённого лишь более неприглядною противляемостью тяготой плача человеческой самоназванной обособленности в слабоволии и яровой нищете сил града хлопками и намеревающимися дружескими ложьями подрывов тех напугать криками.

— Юху-у! Мы пришли рань... — низким аккуратным, осевшим сквози одного празнством обязанного и предрешённого предательством и самым внутренним принятым колебанием отщепления и непринадлежности первоосновного овим опашнями зачванных грёзовых смертей, несмотря на бунтарского собличения сообщение, голосом девушка мило возвеличила вошедших и их старания, быстрым олением ужаса и положения отронного погрустнев, заметив невнимательно отдалившимся в первые секунды от самого явного омерзительного скрежета мяса квартиры этой взором сокрытую почему-то от глаз пятёрки кровь на подливающем её следственностям прошедшего полу и пригасив завечным смолканием труп человека существа и явления весёлый тон речи. — раньше...

Все замолчали на кажущуюся бесконечным обрыванием связочных суждебний надфантомных сияний кровавых тех телесий неприглядных и непривычки, одного забвения истинного и существенного секунду, после чего они, грузными страшновениями искажаясь голосами и выкриками в нетрезвой, искрящейся теперь и неэкзальтированным дурмановым роем стонущего над тем и под онным сознательности моей, стали: некая Алла стала нарекать некую Инну Флагову покорною псиною: некий Богдан Флагов начал что-то гневною гадостью объяснять о некой третьей традиции и самоцели, услышав укоры со сторон мужчин первой пятёрки, уже кричащих о её неплохом качестве о роли помощника, однако предельно глупом остовете содержанностей несторонних златниц того в отсутствии инного: некий Игнат упрекал

некого Ивана Флагова, после смерти Веры потерявшего жизнь и следующего только своей идеальной несвершённости: некий Эдуард Дочаньяни стал перекладывать некую сигнификацию на своего же брата, Эльдара Дочаньяни, сначала поддерживающего чужую пятёрку, а после — вторую, теперь же он вовсе путается то в выбранном, то в отставленном, даже пристав редкою ложбию надровного картавить и рябостно шепелявить, и вся спесь та объяснялась в изоляции от окружающей, опалившей одно ужасы данного и природу объяснительного обстановки: они, взевшись одно отне своего вида и знака их уравнивания хозяевами квартиры, лишь вырождением знакомого ужасного поносили друг друга, забывшись обо страшно испуганных Иваном заточённых и обо крикливых, уже, возможно, полуживых проведением существ своих жертв детской комнаты, и продолжался весь этот уродливый, самый же неприглядный в естестве стороннего и одного крик минут до десяти, ничего не колебля и не изменяя: даже при громких просьбах Оли Синицы помочь им с теми друзьями номинированного по-глупому громко и непозволительно дерзко сыном Богдана только что озвученным и назначенным граммофоном его уже неприятного мне самую же интенцией омерзения зерни того пошлого, того одно уродливого и самого неприглядного голоса, обретшего утолщённые нервы смехотворной надзирательности и жалостного самодурства, никто из пятёрок не решился прервать никогда не ведущие в нутрия ж спорящих к расцентновению именно популярно представляемого дебаты и посодействовать: всё смрадным жирным маслянистым комком слаженно катилось внутрь себя, и не заметить этого асаниевого создания, жадною безобразностью пожирающего и выблёвывающего себя заново каждые три мучительные, гудящие властью над цикличностью секунды, было нельзя: его игнорирование только пагубною страданию сади лавового расточения растворит тебя, незначительно утеравшего бдительность и на час замявшегося без внимания к разорвавшейся же снутри внови вести, в себе, отчего всё глубже эти крючковатые иглы прорастали в мои воспалённые, сточные шёпотом вмири глазницы, и приступили они уже к оскорблениям вношности: про Эльдара я так ничего и не узнал, Эдуард же есть с каре-зелёно-голубыми глазами, описанными кем-то няшевым блошиным болотистым брюшком с прешленцевою стажью, и длинными чёрными волосами, витиевато закрученными в лёгкие многогородные пряди, его вновь повторением пробывшего порицали за нарочитою обезличенность, Инну ругали за худощавость, искусственность блонда и работу бухгалтершей, Ивана называли седым стариком, а Богдана — жирным зеленоглазым брюнетом роста больного сердцем человека, подмечали его бездетность и привязанность к механической концепсности, выдумывая самые разные мерзости и дурноты, и болью дрожи живота стекающего стошнило меня прямо к сердцам тем Игната, и стёкший пресный желчный сок к моей груди приставлен был коркою болтающейся бледным вонючим замерзанием шеи, смешавшей теперь рвоту и

кровь в составлениях фуриозных желтоватых слизей; с момента этого я с хозяином квартиры, никем так и не замеченный, никем не вскормленный и не спасённый, перестал понимать услышанное: возгласы, лозунги, крики и обещания превратились в один бессмысленный, шипящий наконец целостностью ужаса и греха человеческого шум, приходящийся в моём обезвоженном осмыслении приближённым наиболее к смеху амарантовому: смех этот перевоплотился в крик, а после: в жалобу и младенческое стенание, и проросла снова тяжёлая жирная игла тошноты в чрево моё, и живот мой раскололся гневом, нежеланно вырвавшись в одно рокотливое возбуждение, которым где-то вдали, в коридоре: со стороны входной двери: там я ощутил прикосновение чего-то качественно иного: оно, казалось, сможет излечить всех нас от болезни и наказания; но веры уже не осталось, а сомкновение глаз стало невозможным, и все в этой квартире, ощутив ту же тёплую дрожь, стали близки друг к другу так, как не были никогда, даже не одоидя к этому в звучащих минуту назад конфликтах и драках, да сделать уже ничего нельзя: остаётся только ждать решения и движения: мы все замолчали: мы перестали существовать: и существо это, следуя вразрез всем былым представлениям, распылило некую свежесть Духа и души, оявило некий глаориановый блик. И достигло количество сорока ангелов своих херувимов, и божества их грянули Днём, и подготовились казни в количестве тридцати шести, и воспарили первородные жертвы самости бральной и нескажённой.

Глориановый блик

Я смотрю в сторону одного из углов в моей комнате, по одну грань которого окно, в ширине приходящееся почти всей небольшой стеной; по другую же положатся мой стол со светильником, который я включаю каждый раз во одной только детской привычке, судя по грубым, разъедающимся недавней болью воспоминаниям моим, не связанной ни с чем действительно значимым. Сам этот угол я не вижу, ведь он заслонён на четверть прозрачным бесформенным, остывающим пылью стяжений гридеперливых, опрастывающихся чернотой прочных градиентосложенных вересеньевых осяжений бликов своих монолитом, остальные три четверти которого имеют вполне отчётливо проглядываемую структуру: это серая и во своему вношности довольно неприятная запахом неоднородная субстанция: вполне лёгкая, но страшным призором прохвостовых майгненновых ослеплений глядящая прямо во находящееся в двух метрах от неё, кровоточащее жирным, отвоженным кадмиловым плотоядным желанием пройти сквозь него; никогда я себя и не смотрел исключительным послушником или бунтарём, у которых, кажется, в отличие от нас, людей, нависших скорее ставшей главами наших глав неопределённостью, единственно возможных в том ориентиров, живущих по-настоящему, а не во стерильности ограничения мысли своей, отсутствует всяческий, даже наибольший из самых мнительных интерес к объекту того, что они вынуждены исследовать; и потому я прошёл сквозь завесу, что оказалась чудовищной, означенной говемою схожестью со обычной, привычной трусостью одателя спутывающей прочие мои воздействия ананиевыми подовинами паутиной, да я видел, как она неспособностью форменных соответствий тех отосоторонённых приведений выдьевых двигалась и менялась обыкновенно достаточно прочной качественностью: она почтожала самую знанию изначального невозможия прохождения наличности той творителя своего и нетворением номинировала вновь прежнее, шипящую, приставляющуюся во останываниях преждевыношенных тел рокотливою болью терпя во время всех этих перемен страшные жертвы субъектного, ограничивающегося невынужденностью своей ограничения, не теряя за тем собственных продуктивных навыков. Опышенная во мгновения последние, чебаковыми жарами одвинутая преодолением строннего туманистая пелена растворилась, и я сосветился тем неочевидным, сваливающимся во непродолженности взглядов моих отжиданием следствий мельхииевых: крупная во размерах довольно невысоких, иногда уже сбивающихся шлёпающимися ото излишней влаги нетяжёлыми и небольшими, неприятно схрустывающими хождение подле материями потолков квартиры моей, доходящей о высоту до самого верха из возможного гора из скорее именно разбавляемых редкими плевками неоднородной,

выбивающей иногда полуполые палочки телесных окрасов и частыми мелкими камешками золотистой грязи больших муравьев: изуродованная обликом данностной частности плоть, которая, каже, должна озываться муравейником, интериоризировалась, не создавая ото того совершенно никакого предметного контраста с окружающей её средой: будто меняясь только интенсивей, что, безусловно, с любыми другими природными явлениями внешними обликами и кажется таковым, однако во расчёте на спарения и прочие обоеследственные элементы некие изменения должны были произойти, хотя я, впрочем, никогда никем себя не называл и не был: потому и суждения мои не имеют претензии на отражение следствующей скоре условленностью общего признания объективности истины: под суд меня, разумеется, также никто не отправит, и: если же и замковою принадлежностью подкоморих иаредов отправят, я не буду есть Санаваллата и Товия печенья, которые мне попытаются дружелюбно предложить: оже, действительно дружелюбно: без-дне экстенсий тех тучных, злотящихся перламутрами пробивающихся восторонностью радуг облачённостей буйтевых. Виды эти были довольно занимательными, но смириться с подирающими владенности одного порождения пира свадебного слепаками такими я не мог, став ото того размышлять на темы, предельно далёкие толками от отчуждённого неизменностию константности своей предмета: которые, по трансцендентным вовияне самой потенции состязания плотий будущих нераскрытий телес озданных предчувствиям моим в онного, должны выстлать прямую простую тропу ко пониманию той самой сокровенной тайны, обладая которой я смог бы изничтожить радужливую, пребивающуюся самым духом принадлежного мне по квитанции корпоративного устава сферу, что, определённо, содержалась в чреве муравейника: что мне по самому строгому, имплицитно отданному суггестией веры к ставшемуся о главе наставлению необходимо было съесть: что мне отчего-то казалось беспросветной истиной и вне олучённых фессалоникийцевою близостию знаний. В истине видеть можно всё, но только не любовь, ведь она; тут необходимо сделать небольшое замечание, к которому я более никогда не обращаюсь: я никогда не был во опаляющихся значениями крайней важности о социальностях часто отребующих медные медали знаков названий отношениях толка ни с кем, лишь единожды ощутив дрожащее окрасневшей робостью тепло тела с граней теоретических и практических, что я благополучно и позабыл уже, предпочитая упускать данный факт моей ографии при разговорах не только с окружающими, но и с самим собой: она... она не так поняла меня... и ведь: ведь одно оттого... одно оттого те... те двадцать лет; и потому не дано мне быть подкованным в таких делах, которые требуют не только беглого взгляда того, кто только-только познал обзываемые детьми Современного вне коннотаций стремящегося от них ужаса прелести и вершину социальной, после следующей лишь к заключённой тяжбе аввакумовских неостанываний жизни, ведущей, как мне кажется, к достаточно

последовательному благому её замыканию, что также является мало проработанной теорией моей; но: по моим наблюдениям: не так безосновательна: чрезвычайно сложна эта любовь по своей структуре: так, мною во послушаниях научной формы могут трактоваться хоть и микроаспекты её так же узколобо, как, например, абсолютная, по крайней мере, каковой её в условленных конкретным условием условиях называют, истина, являющаяся скорее средством достижения удобства вполне прагматического изначального ограничения, способного безрадостною скоростью довести до авенировых опятственных давлений: поэтому жизнь, имеющая окрас истинности в глазах её владельца, что, откровенно говоря, далеко не обличает подобностный перламутровый, звучно зудящий в неспособности уснуть владельца одного ото нежелательного пробуждения цвет для окружающих, достаточно скудна повелением хода истинности и не имеет ничего общего даже с этим самым муравейником, который я всё-таки решил сжечь: уж слишком меня пугал обоевожженный, сдвигавшийся вечно нарочитым, овеванным кровавыми, рвущимися в смраде собственных, расточающихся опронением маслянистых, давящих душнотою опухолей человеческих теснот сердечных миазмов кишками шёпотом вид его, представляющий собой во чувстве моём что-то необычайно неясное, инородное: если угодно, происхождения Египетского пришельца. Муравейник облачённою, обнажающе виллеровые согбення ализариновых, провивающихся игольчатою, постанывающе буйновыми веригами хлипких, вырывающихся ото собственного говением стенных сив мешавшихся относите преливов тех цветов соцепий твёрдостью своею сквози мягкости осуществленного и плотности проходящего литопедионов сворачиваемостью воспламенился, быстро скукожился и скончательным бесшумным, треснувших во кончаниях стонов воплем превратился в беспроглядно чёрную шершавую, кружащуюся вокруг своей неопределённой частыми колебаниями оси сферу, которая, вобрав в себя всё содержимое той зычно взбутетеневшейся состоянием учения должного горы, она начала обездвиженным въявлением парить на уровне моей груди и чуть поодаль, после неостаточным рокотом скорее одномоментного проникновения взорвшись. Взрыв не был сильным, однако я смог прийти в трезвое умами своими чувство лишь на следующий день, на протяжении которого со моей ограниченной восприимчивостью ослышивались мерещившиеся звонкими оскалываниями тупых шумов звуки самых непостоянных толков: то вполне привычный, не представляющий собой ничего инокачественного звон, то подобные по степени отклонения от нормы глухие грохоты, будто исходящие извне, но обличающие себя лишь в овеванном пьяностию особственного мозжечке, то действительно заслуживающие внимания писклявые, временами чрезвычайно грубые продолжением головобольных незаткнувшихся неизбежаний голоса, значения которых мне так и не открылись во их омогученной довольностями настаний власти, чего я особо и не желал; мизинцы на обеих

руках почти беспрерывной, гудящей желанием срывательности освоенного мелкою частой дробью содрогались, что не доставляло мне особых неудобств, вызывая странное, утяжелённую тошноту иных воссвещений в меня соизмерение будто извечной, окраённой и бесполезностью моих трудов и вниманий отверженности от окружающего, выдвинутого о том ужасною самтановою избыточностью вечно определённых лишним земель, являющейся, как мне кажется, лишь моей личной проблемой.

Заходя в свою комнату, я сажусь за стол и включаю лампу, хотя порядок может быть и прочим: я же, нужно сказать, включаю лампу всегда, а вот сажусь за стол не так часто, и потому мог уделить внимание сперва самому важному: точнее, важному только в границах моих привычек и внутреннего состояния, которое, в чём я святою правдой убеждён, неизменно зависит от соблюдения каждого из моих ежедневных ритуалов: в любом случае, я не помню примера настоящего, да и многого я не помню и помнить не желаю, не склоняюсь к злободневному, актуальному неспадениями своими явлению этих знаний, имея в своём нежелании лишь странное, не оголяющее посредничество моё сквозь пламя адское: и скребок, флёр-де-лис, Тетраморф, стигматы, лабарум, ракушка, Нерукотворения свидетельства неприсутствия чувства незаинтересованности, являющейся скорее болезненной, нежели последовательной и приличной, но при этом, я надеюсь, не имеющая в своём фундаменте тех же принципов зарождения, что у невоздержанных, что несколько сложнее о форме названного третичною осложнённости нравней тех состояний дрожащих многолетних поусердствий непопущенности же пространств и временных принадлежностей толками сращенного начала Севильи боталов человеческих окоченений проблемы и лучше бы мной воспринялось, о равно не становящееся от того более благородным, и детей, которых я люблю и осчитаю проявлением чистейшего интереса и почти нечеловеческого, сокрытого от меня незнанием даже не богоотступным, но лишённым внимания, рождающегося и в те препутья периферийных-де человеческих осязанностей, да вера сама по себе есть мне жестом несложное, толка счастья, но, несмотря на это, ставящее меня в те же границы, в которых находятся дети, ведь: будь моя воля, я бы ускорил своё становление взрослым, испытывая всё те же страдания, пережитые мной за этот самый период, в более сжатый срок, ибо так всё прошло хотя бы быстро: иного же я и не желал; я цепляюсь обозначенно рогожиевою тяжестью сонливой сухости обрубившейся поженностями левонаправленного в мучениях страданий порождения слеземных избираний вон лезвия проводящей руки десницы влажными от волнения руками своими за выдвинутой, еле пошатывающейся распадением положительной боли вне веры и следственности порочной, знаменующей преставление мученика и способности освобождения им о щели той, дубеющей сверкающими ото распающихся советением глубин ожествленных опылений новины неготовностей

дерзновения осуществлений глаз забывения пламени, горячи, жара одно вспомогательного искуплению Ада папучей предмета тенями шкафчик, составляющий почти треть от массы стола, выдвигаю наполовину изрывисто сотрясающуюся прожжениями отеляющейся горсетию озвращения болей болезни одностановых пороний маслом кади длину и резко хватаю небольшой, нешумно шебаршащий в овениях ветров оставленной ялением зничьевых существ-де комнаты зелёный, иногда пребывающийся заражённой несветлостью комнаты пакетик с рисунками и рекламой каких-то транспортных услуг, расположенной в противоположной от стороны с отверстием для удерживания, видимо, лёгкого или вовсе невесомого груза, значения чего ставит под сомнение и необходимость тождеств ввезенных, распадающихся сприсутствием прочных многоусиленных деятельностных подавленностей пустот этой самой ручки, не отменяющих функции её условного означения, помогающей малововверенною станостью объяснить расположение рекламы на пакете. Я начинаю раскрывать содержимое этого пакета над пёстро дрожащим преливающимися ото поминания гибели оставленного тенями столом и вижу полупрозрачный, похожий больше на скотч кусок некрупной материи, при дальнейшем продвижении которого от насведённой иосафатовой, размывающейся досилетием согбения порожнего сентенцией тьмы пакета, заключающей всё остальное, начинает виднеться часть подозрительно схожистого сребристым острым отяжелением, а после: и вся игла: недлинная и полая, какую использовали бы во замещениях катетеров для толстых высоких исполинов, будь их кровеносная система столь сильной, что выдавливала бы мощным плевком любые иглы тупее и хуже той, что я сейчас наблюдаю. За иглой последовал другой целлофановый пакетик уже привычного вида и меньшей плотности, в которой был титановый пусет с небольшим, едко светящимся в лёгком придвижении шариком, что, увидев его на привлекательной девушке, на ухе почти любой из коих вполне бесцветною гармоничностью остоят и даже маскируются украшения самых разных форм, мы бы даже не заметили, не обратили бы ударившегося совершенно иной, настоящей собственным необыкновением детали внимания, серёжка с небольшой, полагающей посередине некрупное, совпадающее в своей даже нежелательной малости отверстие застёжкой со втягивающими саму длину украшения на избранной-де дугами. Заранее я подготовил небольшую чашку, которая изнутри была белой, внешнюю сторону имевшей яркого, вбивающегося в глаза и частичной излишней альмандинового цвета, с водой, что, по-моему, было мерой несколько излишней, ведь можно ограничиться и простой чашей без какого-либо наполнения, в любом случае имевшего роль скорее смиряющей рекреации: нужна она была лишь для того, чтобы капли крови не испачкали столь беспокоящий любимый мною стол, местами отрезанный редкими несовершенствами обрётённого толка раствор хлоргексидина, естественно, купленный во уже явленных пречислениях своих соотношений,

небольшое круглое, крепящееся само зеркало, появившееся относительно толстым, утеравшим заводской, заменённый ноне недлинным медным, требующим постоянные, вызвавшие в одно мановение надрыв толка сменения пустого содержания туалетной бумагой и бывшего некрепления всё ещё показывающей несовершенство моих строительных и ремонтных навыков шайбой правки обретенностей саморезом болтик кругом, настольное зеркальце с нераспространённо регулирующимся углом наклона и рулон совершенно белой, прерывающейся одно на узоры рельефов и ярко-зелёные вставки названий фирмы туалетной бумаги с запахом лаванды. Внимание заведомо ложным и вредным, если рассматривать их со стороны пользы для психического здоровья субъекта или условленного предметом того сновидения мемфивосвейных верещат поступов душ его особленных результатов деятельности, опасениям есть не стоящее гордыни своего жупелого отрока деяний остыдных, не есть достойное снисхождения или мысли в случаях, когда она не приносит никакой пользы душе отравленных иоседековых глаголений, где эти опасения не принадлежат тебе непосредственно: ты лишь примеряешь постыдное неумерщвлённой плотию, чем можно помочь человеку неотивно страдающему или излишне и, опять же, дурно стонущему акедиевыми настояниями сбивающейся бесами души, их и дательствуешь некоторую наигранную, облачённую согбенными покулями телес максиминовых слабость, являя своими действиями самого мужество или иное гадкое пристрастие на сокрытое изначальноностью человекоотданных свержений унижение, да я никак не мог избавиться от всравливающей, облачивающей ядовитые едкие уколы своих иеровоамовых, оставленных тяжёлым, страняющимся несчитываемыми чернотными туманами рожей сдоённых гатей няшевых смрадом криниц внутренней боли, начинателем которой был не совсем я: скорее моя страшная, давящая непрекращаемым воплем гласа из осаждённых глориановыми, ударяющимися сквози млечные вихреватые стенания того ветра, дрожащего помоями нутрий собственных, болезней, скрываемый, подавляемый или просто лишённый создания его же творцом, принадлежащим собственностью моею к необработанным опьяним душевных озывных, разоблачённых душной комнатной вонью сотрупевших решений ударений, но сутиянные ядерные, кудящиеся хвалением малости же контрастов прошлого салманового зелоя тонкости которого доходят обыкновенно чрезмерным отупением своей же реализации: только тогда, когда мы уже не находим их цели и средства чем-то странным, а ото своих же, казалось бы, вполне человеческих, приземлённых обитием вочий омосоего деления нужд твоих нерасплывчатых форм действий нам ести дурно: режущую ряботною, дрожащую укушливою ото утаения оплощений сторонних, собирающих прочные гирсоновые белояровые, осмеляющиеся гулким, объединяющимся ото сквози рыхлых суховидных положенностей телес неприглядных-де сплетением отращённых поставлений листаемого умерения опухолевидных, распыляющихся

теснотой небесного доверия песков купы миазмов сквознью болит сопадающая резью отпевающих остежений отданного глава, дробящийся покрытыми выпадающими жирными слизняками смердящей вони сегментами тухлый, гноящийся самобытияствами серебрящихся неприставлений кишечник будто путается в своих грязных, отданных путями чуждого приверения техных неизменяемых мгнов привлечений обоедавственных уродств, он неторопливою, соскабливающей варфоломеевские кожи мукою связал тугой, стянувший нескончательностью дождей утвержденности, окрывающийся обкачивающимся одно после окончания крови во теле живущем маслом человеческим узел, отрезвел ото того стенающего, торбящегося пузатыми, отрывающимися вылеченной белоявным приставлением человека о существах своего одиночества неотаянного тухлём опарышами приличествонья и не заживает, ужасными властями недержимого уплотнения мучая своего представителя постоянными внутренними кровотечениями, и лицо это всё не осознаёт своего положения, и отказывается оно от хлеба и воды. Я произвольно отерею восстающего неаттического, собирающегося плотиями колоссяновых лжеучений ключа лишаясь мысли о любых болезненных думах прошлого, столь тревожащих меня в частые, проявляющиеся скорее одно существованием целого в том моменты вполне скучной, обозначаемой таковою скорее из порока, довлеющего поевленным неголодом, теплом и праздностью ума жизни; я и раньше не видел настоящей, выходящей за сграницения понятий чуть тревожащей во мгновения меликиаковскими виноградниками спадающих, означенных о личностях теми же сторонениями немногословного, не решённого лганьём состремящегося лжи незнания смышлённей безделия однообразности проблемы в своей жизни: если и видел, то интерпретировал это исключительно в свою пользу, получая иногда и снимающуюся после собственностями уже объективных причинаниями своими знаний поддержку окружающих, так озываемое понимание наперво отстранённых ото меня мною же и неспособностями собственными женщин, которое, должен заметить довольно ядовитою, не решённою внутри обособленных, лежащих в гулкой твёрдой, лишь изредка оказывающей мне знаки теофании названного из величайшего уродства моего же темноте состанываний души обидой, является чем-то необычным, местами нарывно пугающим своей отверженностью, существом абсолютно иного происхождения, основательно отличающимся от мужского, вполне ясно и легко знаменитого; начала и законы таковых диалогов очень даже схожи, но утешение ото мужчины во представлении необаполовостей обоестий участий моего отвратительным, никак не характеризующим его как человека нехорошего, утешение от людей, противных глазу, слуху или обонянию меня самую непоследовательною, отдалённою от сочувственной таковым во болезнях слабости желаний генерализирующего зависимости свои порочные на необходимости всего для свершения удовольственного хоть порождённого уже иными

соблазнами копящегося неприглядием гибко сдираемого полостью хлюпающих осязанием недолжновенностей в ото тех фаресовых облыганиях отвергаемого после дурманящую неправдою блат ума страстолюбивца правды висимостию претит, гадостью обовырожденных телом и душой слабостей пред женщиной, неспособности выжденной той же немощи уже родственного пред мужчиной кажется, что над имеющими довольно простые, по крайней мере, могущие быть определёнными несотаныванием жалобливых гордынь ничтожеством своих неверия и бездеятельности братской помощи пути решений проблемами твоими насмежаются, напористым невниманием смотря с сimeoновского столпа смирения на твоё гробовое, скользящее в сале помывающихся несвершенств человеческого богоборческое, одно накапливающееся недолжностями оглядений тех отчаяние о небольшой ямке, хотя говорить с такими людьми, каже, иногда остаётся единственным возможным ото недолжновенных барьерных стяжательств прошлого же и нонешнего бесформенных определённостей иоахазовых неначинаний богослужений и вовне осязания исторической способности того скорее с толками границий введённых сочащимися густыми слоями-де враждебни спределённо струпнями нозей: то даёт скверноватое, да действующее освобождение сиюминутных оставленностей ото бытового, описываемого вожде несвершенством и малостью духа во человеке и ума его уныния или уныния от безделья, что, каже, иноажает сособленную качественностейственными положениями овне следствий описания объектовых или творительных особенностей личность, владеющую таковым ощущением, скорее хорошо, ибо по-настоящему работают единицы, а страдают от безделья и того меньше, остальные же не видят в собственном праздном неосуществлении ничего недолжного, да и ничем таким это моей частности и не представляется, более как человека трудящегося, по вполне видимым причинам вряд ли то принесёт скорее всегда воображаемой теми же древистыми негибкими, оплощёнными фантазией Вифании отростами внутренней лёгкости, сравнимой с той, что принесёт простой разговор с любой, даже самой бездеятельностной некрасивой женщиной, объяснение чего, как я искренне верил, верю и будут верить, содержится не в представлениях меня как животного: порождаемое и средствуемое пороком, несмотря на свои вопияния, обращается радужкой вполне отложенного дела, женщина есть то, что. Окаченные часто блестящей, освистывающей волю мутного, пребирающегося всё ниже и усерднее к неспространению тоевыверенных сияния своего прозрачного, совершенного шелепуговыми писками перламутра паутин тонкой, дивляющейся гостями спадающих неудачных плотностей роговевших слепот кожи пота руки мои дрожат, с левой, особенно бездвижной обесцвеченной холодной ладони упала невыносимо тяжёлая, давящая долями экзогенных товений капля пота, расплескавшаяся ещё на пышно остуженный телесами сантиметр вокруг робовато преломляемой стенением освежения отоего вокровоего точки соприкосновения со

столом, который я незамедлительно радушною отвлечённостью протёр: динамичность происходящего меня несколько взбудрила и привела в чувства, я поправил несколько не сменившее от того чрез пару секунд положение зеркало, присмотрелся нарочитой выдуманностью желания оно, попытался ещё большей, рождённой в искрах уже отвращения неловкостью улыбнуться и начал, как мне казалось, с непробиваемой точностью дел уверенностью и небывалой скоростью распаковывать неевно путающийся меж волнующихся и предметом своим рук пусет и иглу, после безупречно выполненного, прерванного только шесть раз на моё отдыхание вскрытия коих я схватился за обретший нервное, облачённое скруглениями и ложиями размерностей тоего пошатывание бутылёк хлоргексидина и стремительною движенностью дыма и серы сбавил с него несколько чуть видных во непостоянстве оверение тоего капель, плюхнувшихся потом на тёплым хрустом одрогающуюся отдавленными в пожнях-де кольцами поверхность воды в чашу альмандинового цвета, которая уже начала трезвенное упором становящегося в зловонии чужденных наровений принадлежности состояний неприставления преставленности телес и ума усердия исполнение своих должностных обязательств, на левую, незаметно блеснувшую плотностной невыдающейся холодностью мочку уха, параллельно наблюдая за ней во обляпанном частыми служениями пальцевых, еле шартрезовых отпечатков зеркале и растирая неоднаправленно тюкающей те элигиевые выборочности фалангой, в чистоте которого я лишний раз непристальным мешковатым взглядом убедился, смело поднёс приближающуюся о вещи ко мне оплощениями дородного, освещающего прочные темноты комнаты моей темнотою самой слабостной реакционности ото тоего ужаса иглу к девственно пошатывающейся случайными мотаниями головы мочке, да понял, что забыл о, стало бы, полезной, даже обязательной в моём нонешнем страхе воскурения действий, в существе направленной только на отменение обмеления подле зосимовского откровения возвращённого отметке места прокола, несмотря и на то, что, судя по ветошному разнообразию распространённой кривизны почти всех проколов тем более содеянных о детстве подпольною неквалифицированностью, никто и не обращает внимания на чуть отклонившееся положение украшения в самой полноте как бы и должного гармонизироваться приличествованием прекрасного или хоть пестрёного огоlosка уха: даже в тесно отягивающемся запревающимися тем мгновениях я ещё пытался выдумать желательность себе вношнего положения, когда ничто из подобного меня всё же не интересовало: делая и решаясь сделать прокол, я менее всего думал о том, как он будет выглядеть, и дело того даже не вовни трепета ото досеянного оболиками данными, да в центрах тех. Во внутреннем, снова вдарившем глухим шёпотом в пространственности несвершённых рамок плотностных, оведённых луаровыми реками ото бунчукового жеста умов шкафчике своего стола я нашёл старый, уже еле работающий,

нисколько не трансферный, не должный никогда, общем, использоваться подобными образами, впыхнувший в спокойствие ротангового, всё полнее насыщающегося списаниями рождённых маслянистых полестий воздуха комнаты маркер, поднёс к чуть окрасневшей механическим воздействием моче и, смотря во всё полнее освещающее мои неуверения отражение, дубоватыми шерешировыми готовностями подколенными рассуждая, что нарушаю необходимые таковому такту нормы, да малорассудочною блажию уверил я во случайности своего светского очестия, аккуратно поставил ровно посредине окрашенной гравениями скорее визионерской хожбы мочки точку: и всё же ровнее, думается, можно было поставить её только при явлении мочки собою круга или какой-нибудь иной обоесимметричной фигуры, и резким доверием свербящих наклонностию своего тимофеева наставления дерзостей взял я иглу, лёгкостью нерешения к тому опешил и вошёл удивительно острым, нежно покрывающимся жаром руд в ещё не готовую отреагировать, только свербящую меня болью лишь подозрения, истошно белеющую неонущую робостью отодрожащих ударов и излишне деликатного, обличающего трусость мою континентальную проникновения плоть краем иглы во едва продолжающую отдавать в меня негромкими, больше вымученными мыслью хрустами мочку, ожидая мешуллаамовыми мечтами о выхоленности прокола, что осталось только прикрепить без каких-либо болевых ощущений и дополнительно успокаивающую телеса мои блаженностию наград Господа серёжку и подождать безобидно сводящийся гроздьевыми гневками ото прокалывания нитями беременной час, после которого я свободно смогу менять совершенную благию совпадающие всегда о всех издне возможных претензиях тела моего украшения: я, пытливою дерзостью трудясь сохранить уверенность в себе, вижу, что острый скос иглы не находится в ухе и наполовину, после чего во мне воспалилось не страшное, но странное, чуть тошнотное неприсностию цели служения чувство: приложив словно и всю силу свою, которой только владел на тот момент, я пробиваю свою плоть. Мне становится приятно, да ощущение это не есть, от которого можно получить зависимость нелишений: оно отталкивает своей устойчивой вымученностью, своеобразным контрастом, который положением прекрасного посредством антиподовых стоп никак не привлекает и делает всё, подобно бюрократическому инициатору, дабы сделать обманом таким скорее дурно, причинить неудобств или одно посмотреть, как иной тратит свои чувство, время и способность впустую. Ко мне вновь приближается подобная былой, осветившей рой одрогающихся краснотой своей ониксовой иевосфеевой черноты муравьёв пелена, однакононе не серая, да и муравейника возле остывшего чуть сегментностию взоров моих ослабленных стола я не вижу, вырастая словно из прямо упирающихся стройностию ребриstopоверхностных одотравленных ниществий человеческого глаз моих и затуманивающее всё окружающее, опыляющееся

непрочтением истинного и содеянного пространство. Я снова вижу и осязаю надрыв, который длится лишь скорбно осевшее малостию эзровых омовений виноградарственных выпляемых ползновенностей привычноположенного мгновение: я вижу срывающий рассудочные прочные сосвобождения свои яркости белый, довлеющий опрестением пришлого гладиана, удояющийся сворачиванием оказания того мрака, спепеляющий сетчатки мои и растворяющий моё сознание, но, как и надрыв, мрак этот наблюдается не более секунды или могущего быть оцувственным ото того беления ободрённого вовсе. Я вижу, кажется, троешних-де ото журавельных, свозженных помещённостью ко служению Савлого ослиц покорствий аглаега иллюзии пожаровых глубей владенностей ото китовых, оверяющихся поленьёстием попьаней осуществлений бытстого совершения опасмеляющегося трудами соусердных вестовних овлачённых, погоенных смердию гладкости пял человеческих засыпаний принадлежностей оставленностей в белых, ввевающих перламутром сходящегося преломлением опрежненного иудифьего неспособности соварить быка ветра одеяниях с позолоченными глиною светов людских узорами: у них или: в остыжной излишием возможностей сотворяющийся пресневений постоянности прения приставленности боего руке его украшенная просеняющими сквози отемнения тонких веренств эфесских бунтов подмолиевых сатрапов слабостей тоих камнями толстая, отбивающая в остия работанностей сиреневых ветшалых овенений системностного трость, схожая скорее со плотным, удерживающим отягающеюся, становящеюся ото вин стоящих гааловых шириной канатом, на конце которого содержится зобящий песменностью беззвучий тощего поверения едкого, снующего отбивающей свеличья неопущённого временьями осветного рассудком болью запаха шар, сомкнувшаяся элигиевым сотечением сфера или доящаяся светами сонесения обоняний вспышка; я вижу стол. Я упал в обморок.

Составши ото грязно облитого шёпотом дромедарого отления предметого неосязания, я смотрю в своё отражение: игла всё ещё в ухе, в путанной ряби не успевшей овнови достаточно оголить преходящий постепенно во всё более опешной силами причитаний экстенсии ужас одящейся уместностью сдарений руадановых донесений тонкокожных огредений тех нестаточных тревоги я отсоединяю едва оスカблившийся довесностью отпадающего белёсостию отраведов семьи истинной цвета пусет от застёжки, ядовитым удержанием покровляющей дутловатой, оттеняющей ударами прочного розовизною мочки вставляя в другой конец пружинисто одерживающей на обратном конечии точащейся кровавыми потливостями плоти моей иглы, легковесным скрежетом зудящей в том моими сощуром и несильным скусыванием губы боли провожу через топящееся прижиганными невнешиями ухо и со второго раза замыкаю его, после чего неточностью кружения ещё сменяющей обволоки овёрнутого положенностью ко в паниях обающих достою шипящей

барьерных окрестков обожаниях комнаты ветров главы направляюсь в ванную, предавая ото того влечениямистями охватываний отяжелевшего влагою свивающихся пределённостей введённого крапинами холодных падений бутылка хлоргексидина. Я стоял над раковиной и поливал раствором ухо около десяти минут, на протяжении которых особо ни над чем не омышлял, лишь, верно, сожалея, что не купил нашатырного спирта или хотя бы не содержал никогда кошку, даже мочу которой, вздорность чего во мгновения самаритянские эти ото ума моего отошла на вторые и четвёртые стороны увеваний запахов хлада тоего и облекалось желанностью скудной, отдуманной тоеми сватаниями моавовых превелённостей прагматики, я был готов онюхать, при этом находясь в довольно адекватном, по мере крайней, не сдерживающем во глубьях тоего омыления чувствий рассудок состоянии, несмотря на странное проявление чрезмерного внимания к своему здоровью, которое и оправдало бы иные подобные действия. Через неделю в лишённых чрезмерного мочежинного усмещения омест тех-де областях серьги исчез любой дискомфорт при ненажимании на мочку; отказа от мытья головы не произошло: последняя обработка была спустя четыре дня со прокола.

Кошмары, прерываясь самою неместною оправленностью, продолжают жизнь мою и становятся одно стенаниями прочних: с неделю назад мне приснилась в редком, лишённом вношнего и нутряного ужасов сне черта, и черта эта осталась на руке моей: с тем я ходил ровно неделю, и смирился-де уже, да недавно она исчезла: исчезла, будто всё то было сном, хотя в оном и противном я не могу быть точно или хоть частично уверен; я знаю, когда и как я засыпаю: в болезненном бреде я перестаю бодрствовать, и с просыпанием очувствие одно есть болями во костях и недержанности, однако я: я ничего не знаю; погружённое во глубокие обелевшие, пытавшиеся избавить меня ото чесотки рубцы тело моё будто орезано было мною-де, да во действительности я не могу решительно подтвердить это или опровергнуть; рассудочное понимание есть для меня не реальность, но исключение, и только в эти редкости мне позволено осудить по прошлему: в остальном же оказывается, что не есть правда чесоточные язвы мои, и не есть правда мои недуги: правда есть одно страдания: только они, кажется, позволяют мне ощутить хоть часть из сдержажейся во человеке правды; насилував меня в той келье, утрачены были крещения мои со землёю и небом; только страдания во мне остались человеческим, когда сон, дело, чувство, здоровье, место и прочнее ести лишь следственности моих скажённых реальностей; мир мой: не бред то, Ад, ад, сон, притча или галлюцинация: то едкая гадостью реальность, в которой я более не должен: я должен был умереть, согбиться, сойти с ума или лишиться совершенно того, однако я: я отупел, стерпел и выжил, и выжимость моя стала главною моею гибелью; должен ли существовать человек довольной силы, чтобы сохранить хоть немощные части рассудка после обманутости и обооставленного моими воплощёнными продолжениями; слабость человеческая есть великий

дар; выжив, оставшись после того человеком, он пошлею своею природностию останавливается ко этому: подобно ужасному своею рокотливою расчленённою зудью человеческих дробящихся отобежеватых масс: остался ли во душе моей Дух после этого? могу ли я быть осуждён принадлежностью человека ко Господу? или, оставшись в болезни и ужасе человеком, я перестал им быть? я стал подобен означенному правде искуплений страданиями собственными зверю: я искупаю за невинностию человеческое, за тем человеком не являясь; я могу освятить изначальной властью Господа человека или нескольких, и сколь человек во том будет, во столько святостей буду я; от Человека во том требуется: ему требуется явление святого о Господа во Душе, и вид мой, ароматы нетленные мои и смерти моей станут им теофанией ото овсё-де оставляющих обязанности видеть боль о грехах своих визионерств тождних, и теперь необходима ото них умерщвление плоти во самом значении залога совершенства духовного чина своего, и смерть та: станет.

Сейчас примерно девять часов вечера, я скудную, но вполне удобоваримую творимостию поел, сварив себе тарелку риса и оглатив за внеболезненную слабостью восемь миндальных орехов, оследствии запив то стаканом воды; сейчас я полностью нагим положением остаиваюсь на своей кровати, располагающейся правее стола, содержащего лампу, которую я включаю каждый раз, когда обращаю внимание на её безделье, оценивая, находясь лицом к правой стене, если смотреть сразу ото входа в комнату, дверь в которую находится параллельно окну, что занимает в ширину почти всю стену, да, несмотря на его могучие амбиции, окна в моей квартире почти всегда занавешены, и лишь в единичных случаях можно увидеть что-то вовне меня: подушки без наволочки и лёгкой простыни; я смотрю на свой живот: вернее, место или содержание, где он должен был находиться, наблюдая достаточно раздражающий теперь, ясно возбуждённый приличаниями своими нрав мой вид: края плоти, всё ещё имеющей привычный свой телесный цвет, находятся в следующих четырёх условных, образующих что-то сровни круга точках: чревное сплетение, гребни подвздошной кости и копчик. Это границы, за которыми я не совсем ответственно, но более, нежели в остальных местах, уверен в принадлежности именно моему телу и относительному овязыванию души тоей; внутри же круга этого, высотой в метр, извилистого и каменистого по текстуре собственно, чуть ступлённый отверстием овадыгловых блажей неприкосновений конус или продолговатый, еле неровно остряющийся к довольно длинному совершению нарост, имеющий рокотливо рябющий ото несоветенностей тех снесённых вверённостей тяжевых приставлений цвенькустого сливающеюся светлостью поднятия дерева ото падения во доми, Филадельфиевый ото Истинного цвет заживающей раны, келоидного, неподольною чуждностью собственному оставленного родни сопятия

шафрановых неогублений твоего прияжнения гулготного кровения рубца; от нароста исходит запах рвоты.

Я включаю светильник и сажусь за стол, отодвинув и мгновенною резвостию тоего вощерения определив прежнее положение стула, да уже со моими властями; начинаю вглядываться во внешнюю, самую видную панель обтянутого нетугой тенью стола, имеющую вид достаточно реалистично ассимилирующегося подо волии малахиевой вото видах исключительного качеством и стоимостью изделия, как ни странно, не представляющую тождествии соответствия, скорее всего, являясь лишь обработанной дерево-стружечной оплётностью узыбчного неполния, что, в сущности, никак не имеет владения вмешательства в мои раздумья на темы с куда менее очевидных отовопрощаний; справедливости, которые, как мне и частому иному, пытающемуся ещё немощными своими мудротами систематизировать вечное и решить всё рассудочно человеку интересны, есть то же, чем и вождятся прочные владетели тех. Мерилостье справедливости есть довольная дурнота, неблагодарное самооплощением той стойкости в гоненьях влежьевых занятие, что вполне легко объясется и бытовою логикой, ибо мало, что результатом работы является вещь якобы неточная, имеющая на деле позволяющее отразить уж те советения бегло одумавшего то ума точно множество определений, так ещё и не просил никто то осуществлять моими вожениями немощными, моими несистематическими посредственными, часто ложными, что не есть великая редкость человеку вопьяния сожжённых дажбожьих скипетров, знаниями и бесполезными поверхностными толками, и в целом немножественное глубиною собственною; лично я ни один пример не знаю соуспешного творения оценочно-объектных юстиниановых поклывшениих системы, которая, подозревается мною соквози те вовления умствий окражённых, может на непродолжительный, обязательно отянутый более на динамичные, лишённые внешних невниманий и способностей содеять прочнее отяжелением цельностей необдуманности период для кого-нибудь исполнить функцию компенсаторную или вовсе ребячливо реакционную, являющееся пределённостью людям самоосвейственно отклонившихся ото верений тех становых валаамовых негублений или с даже очевидною лёгкостью проглядываемыми дефектами душевного состояния, что, разумеется, требует грамотного и долгого, образующегося скорее за властью врача лечения, да исключать сами полученные въявлением наследия и отставленных принадлежностию достижения не стоит, довольно избавить человека от ввисимости, отчего он, что властностью своих кринхеевых огублений, станет не только внешнее в своих офериях, да и иметь станет возможность поработить благостию недурнот восторженных все другие, отчего частности онной частности подвидового определения условленными таковыми ото того же условного средоточений форменностей лидерами и становятся, если в тех же бередяных срядений не

соквози оболочки человеческих телес или крайнее иное отрождение толков тех солностей, легче и занимательнее будет рассмотреть или хоть сглянуть оное соуверенными килтами отсовных персиков впредсмерченного субъект справедливости, ибо, как мне кажется или, как мне видится оное таковым, должно казаться являющимся этими субъектами, сама копула свеществовании несправедливости ото копул кванторных небходимостей есть связь ложно гетерогенестическая, подходящая иногда и одно редкостию принятия онных неионафановых совмещённостей гробильнищевых опложенностей тех свеменностей охрупченного оего только для ненасвеженных толками сведённостей смышляемого опосредством доверяемых наличностию отходящую разговоров или оправдания прегрешений: осязание плохого и хорошего не всегда есть требование в качественном, проходящем о всё понятие, важность чего я довольственным упорством хоть дилетантского осмотра моего признаю, анализе, люди есть вечно поправляемое и снедаемое собственностью завлеченного, толк труда есть толк единственно оспособленного и возможного ото внешности человеческого единства; люди не понимают, что сделали неправильно, в чём надо сознаться, а чего стыдиться, и совершение самополнений этих-де огревает станости могущих ввести в заблуждение первоявленного, да толки подобные же и есть наставленности срастаний пожух невленовредительств, поступки эти могли быть совершены под иными, становящимися скорее нормами Государственности ото представления человека относительной величиной, одноучением риватного сопутствия вписывающейся в удобную ему форменностью вторососыщаемого, изнимаемую из Души Дух систему, да путающую её в обширном большинстве и собственностью своей корпоративности оспектрённых тел Колумкилле, правилами, но потери, последовавшие за отмщением приличествания задержания следования того толка во де сомыкания наведения капулярного, уже никогда не восполнятся комплементарной условностью; в ванной, где ощутил я невыносимую, колющую отделённостью введений ветвистиего ото оставений пресностей зобящим рвотным рокотом отупевших страданием лиц боль при мочеиспускании, еле освещённый шампаневым в частых, иногда будто солевающихся лёгким, отрицаемым мною о возведённостях того поджигания одрожающегося свечения во нежеланиях рассмотреть или увидеть тое движением волосках блеском туалет был залит моей яркой, обрётшей иные плоти излишними вишнёвыми соделениями кровью, о чём я, избегая поведения девиантного, по крайней мере: избегая созидания образа человека с такими поведением и, предпочитаю умалчивать; больше об этом думать я не буду. Время от времени моё зрение, не доходя истинностию несотенённых облаков маттафиевых означений до галлюцинаций, искажается: спереди словно ядовитым шумом выделяется достаточно крупная, примерно в половину довлеющая взглядом моим в затенённостях бурдовых освещений области фигура, означающая на себе всё внимание, как бы отталкивая оставшее и прочнее, делая его отдалённым, по

крайней мере, таковым, каким оно мною воспринимается отведениями неспрастронений щитов шестиконечных: во время то есть нечто странное и, казалось бы, вполне очувствующееся, да бесходно угасающее при малейшей попытке непроизвольно то стянуть пожнями лесов монастырских ото лемм-де допускающего следствие, ощущение, схожее немного с одавленным пряностью маловыделенности стяжений счастьем, которому во мгновения таких состояний места обыкновенно нет: наступают они часто при излишней душевной болезни или сосредоточении на довольности значительного времени, что, по всей вероятности, представляет собой эффект довольно распространённо описанный. Наблюдая подобное означенному соделением, мною часто овладевает блажь встать и начать плясать или бегать, да не из-за нарочитой искусственностью своей радости, а из самого обыкновенного любопытства: во сне, оходя нисхождение с действительностью, ты сопособен случайно проявить самую вычурную страсть к исключительно опасному или преступному, что схоже с руководимостью данного: моя поза довольно неприглядна: моя левая нога согнута, правая же выпрямлена и дрожит от рокотливо расходящегося вови сепфорового, сделяемого прочностью оттеняющихся мутноватым, повлеющимся острящим в падениях солнцелювного построения оего смрадом капель пота напряжения, оперённые серебристым, овевающимся освещённостью прежнего оголения окатных прижлённостей толков огдего хрустом руки я расположил так, чтобы они смыкались, да одно лишь краями стреющих принятостью уродства за должновение и справедливость субъектности тоей, оттопыренных сторонами расходящимися пальцев: предплечья я уже почти не контролирую. Мои конечности содрогаются ещё большей опряжённостью и ещё меньшей моею властью; через несколько секунд я прихотливым звоном в ушах падаю на степенным звонким гулом принявший прочные доверенности тоих одарений солишающихся агавых отстраняющихся властей телес ламинат, в том моём сожмуренном, означенном долгими огублениями прочных вниманий падении имеющий вид скорее винной пробки, совпадая с ней и по неотрывисто совмещающей чувства ликов моих отверженных плотности, что в местах посторонних уже отходит: я трогаю подушечками среднего и безымянного пальцев правой руки грубое стрившееся место раскола стоною привычною недурнотой оприятия: овевая неуспех попытки методически точно закрепить систему осязаний собственных, я занимался вещью довольно странной; я трогаю полагающееся в моей мочке кольцо из хирургической стали; канал полностью зарос.

Я захожу в комнату, включаю светильник, сажусь за стол и начинаю распаковывать содержимое нового пакета с рекламой во противоположной от ручки стороне: одна стандартная прямой игла для пирсинга, соответствующая прошлому диаметру, и титановый лабрет, в моём случае представляющий собой безрезьбовую, наиболее удобную подобной условности, обязывающий всё же хоть немного пред тем лёгким согбением пина задуматься о

дениях собственных конструкций. Передо мной привычное, неизменно отделяющееся едва белёсым отсветом негосподствующих служений зеркало удобного моему лицу наклона, привычно не должный исполнять функции предвещаемого маркера, работоспособность которого я уже успел проверить, очередной, уже третий небольшой, предпочтение внявший ото меня почему-то многообразным, заполняемым частностями отдельного значительного сосуда распылителем бутылок с раствором хлоргексидина и несколько отавленно обрубленных ото рулона сегментов туалетной бумаги уже несколько иного рисунка и окветия; я оперативно нестаточностью времён прежних обрабатываю свою правую, оваленную ноне одиночеством амвросиевых говядов мочку, последовательную расторопностью размечаю место будущего прокола, достаю иглу и без отвлекаемых на боязненные сведения чувствий моих физических и духовных недостат ухищрений прокалываю неспешно проходящимся ломким хрустом с задней стороны, пред тем внимательною ощупью найдя положение соответствия вношной разметке, достаю часть лабрета с полый ножкой и вставляю в иглу, продвигаю украшение, вытаскиваю иглу и замыкаю всё шляпкой, обрабатываю хлоргексидином и протираю туалетной бумагой упавшие невбавленной годостью слышани слова Божьего и сполнения его клириков осаждённых угревым страстолюбивцем плотоядностей капли.

Допрыгнуть до потолка не так уж и сложно в понимании подобных мне, полагающихся потолкам пределов редких трёх метров людей, однако никто и не обмолвился прежде созданием амбавых оковеченных раскаивающихся сыростей, что допрыгнуть надо до потолка того, который прощiestию собственных отложенностей омешенного отделённостью преливающих отливаний белёсовых графитовых рябот священности тоевых находится перед глазами, не уточняет от того или облегчает понимание вопроса вонный гомоморфических свеждённостного отия, раз уж явился в оплощениях должен ствёрдонностей, нуждается в овечении голевого сговора, не держащего своею главною, означенного прочней одаённостью родов неконечия самих скреплений отуженных неприставлением краевых рябот осрежающей спрозраченными стекольными писками пространств андроникоего мысли связок целью найти ответоцельное, сотворить нечто или означить, что и происходит в большинстве тоих мер, после которых потолок уже сам падает на застывшую, всё ещё мыслящую видения маслянистых мумификаций златистых, блюдающих опия разночинения застывший импульсивных откритков костей: попытки сбежать, да сбежать скорее внутренне, оплотить ощения о смерти, ибо довенный, срывающий своим пищащим скрежетом умы стрезвешие контрастовый чёрный крик раздражает то, раздражает мало ещё какой звуком способствия прочного, призывая особенностью хруста овнего всех окружающих овлаждённо задушить, исступлённо забить или жестокостью неосязания растерзать источник скребущего

по оголённой мышцами сгорающей плоти вопля: иногда кажется, что на меня падает куча обломленных кровоточащими, освещенными опарышным дрожащим неоканчиваемым тимофейным роем фрезовыми жирными слизями тяжелейших потолков: взбуктенившая вопила происходного ото собственности свершенной повторяемость: я не чувствую номинированное прочными прогрессом в содеянных корнилиевскими домами деятельностях своих, но и не жажду его: да и могущее становиться уподобленным в том есть незревшие долии багрянородных одаченностей есть: включить лампу: те, кто от этой лампы меня стараются уберечь, предельною во де эсфирега слова мученического положенностью страдания ненегативного, что невозможно исправить и согбить прочним действиием, свёртываются и погибают: не силами и не одно не телесами, а своей способностью, своими зачениями осодержанными и волией души, своей любовью, своими ресурсами и знаниями, что, кажется то, довлеется числами завестенных Вильбигиргов. Помимо оседевшей желтизной накопившегося пота кровати со вздёрнутою околеленностью некончаевшихся озыряющихся лиц пусто смотрящих в мои сорванные веки чернотой пустоты тоей трупов углов покрывалом и мягкой, олишённой давно приютства хоть некоторого объёма подушкой, овредённого стойко осмеяющейся сквози комариных могильных учённостей псалмов ото сна пылью стола, являющегося наисильнее захламлённым из немногих представлений того местом в моей комнате, на котором всегда стоит одна только содавливающаяся оттенями кар ожних ждачных потаённостей убранном ото обращения к Нему лампа, и окна, возле остудевшей серостию пестротных прещённых песочинений стены, находящейся справа от войдёния в едва овлаенную достельномтью главобольных единовозмижиевых съединённостей рожаемых достоинствах комнату, справедливо увидеть большую, карикатурно приличествующую возможностям положенностей данных сумку, наполовину всегда заполненной, но создающей впечатление уничтожающего любой порядок, любую спокойную оформленность маленного первомученичества комнаты предмета: от сдавленной перхотною несложностью тех осаженных жательных вечений теней сумки этой довлеет неблагополучной ненаправленной беспорядочностью и, боюсь признать скорее гордыневою состыдливостью, иногда она даже приходит ко мне в кошмарах, обретая, казалось бы, чрезвычайно милый и мягкий вид, да именно от его той принадлежности я готов убежать в невременные определённости наиболее свожденных правлений усердств грязного вредного, свивающего одно пороки пустоутробия, стать самым оконченным нарушителем общественного спокойствия, да ничто не есть довольное силе смягчить вины ту в отпущении ото моих-де иезавелевых искусств за трусость, что, как я всеми методами прочными описываю то в умах собственного озлобления корытничьих обмерзаний осмертных, вполне оправдана: в этой сумке положатся мои старые вещи, которые я надеваю всякий раз, когда выхожу или хочу находиться в чём-то под

оявленное определением прочных сокопленностей мешотчатых гидоновых опревений наднутряного непривычия настроение, хотя мгновения, когда одежда непосредственно может свершить оное своёе тоего, случаются достаточно редко: не перенял я всё же эту, видимо, довольно удобную и полезную привычку; однажды, играя в своей комнате, я залез под кровать, отчего меня долго ещё не могли найти: люди начали бы чувствовать вскоре падение потолка, но я его громогласно поднял, достаточно сильно резавшись под этой самой, держащей ненарочно ужасающие меня тогда одавленной нестечностью Тита и брата Титова тесьмою тяжёлые жирные длинные, отдающиеся вовне гурбением дурмановых металлических оболочек обожающих страхи моего тогдашнего-де запахов пружины кровати: виновником раны, разумеется, со учетом вин моих же, останывающихся в сознаниях прождего верности несобственности довлеющих упорствиями прождего искусов, был оржавевший своими сквозными уродливыми, сопрятанными в самых малозаметных и подверженных моему там тогда нахождению в оробевших остываниях Тойрделбаховых средоточенностей фольговых, отдевевшихся однооблачённостями свежений означенного бумажий местах остротами гвоздь; я достаю из сумки чуть упёртую в одывшуюся длину собственную ото неширокого, имеющего чуть столщённые пласти лезвия ножовку по металлу и лезу под кровать, нетяжелевшею водностию непостоянств умственных стяжённостей исцелением утерявшей мудрости понимая, что без фонарика я едва ли смогу отличить ножку кровати ото её ламелей; пытаюсь вылезти: не получается; я своим весом слегка приподнял кровать, отчего улёгся в самом противоестественном и неудобном из всех возможных положений: полностью оголённый, немощно оложившись к ребристым оставлениям вшивотных наследий прошлого живот мой был плотно прижат к грязному, ошевеливающему собственные неприглядные, одлиняющиеся соскаблением ождего надмученного воспалённого оробения власа и насторопно давящуюся телами моими в иногда омокренных даже неизвестным положениях грязь к горячему жгучестию своей наждачной липению тела моего полу, в пояснице же ставший опосредованием сложения ног с полом, кровожденный амокошонственный, довольно неутончённый неприглядный, вымученный произвольностью изгиб: старанием проекций тоего я пытаюсь наиболее подробно изучить ото чувственного свои положения, ибо, по всей видимости, попал в совпадение самых неудачных обстоятельств, заключивших не только меня, но и мою кровать, что также не может сшевелинуться и моими значительными упорствами, хотя я чувствовал тои желание помочь и сожаление; пролежав в уподобленной тоему позе еще около трех мучительных, втягшихся стоновую весностию осердного обителю мижия дня пятидесяти минут: овещённые темнотою оторвавшихся сочными, шлёпнувшимися одолженностями кишечных одарённостей ахавых средотченностей домов особенных, оселённых властительными комариными, оштампованными тяжёлыми открываниями

прочних зияющих, спадающих ото человеческого пещрённостью выделения опухших ото неглубоких, ещё рвущихся, содержащих одно расплывистые пухлые маслянистые галиотисоковентриевоы, содержащие в том многие рябютные пущения власяных невестреч приниманий ожного за согбенное во близости непротивления ужасу еже писах оломленных металлических отенённостей вымученных теснот одинокопринятого положения в сырой, остывшей кровью рокотливых стенаний комнате слёзы надразов хрупкой, остающейся одновозможием тоей в выбранном способностью спасения онного яичной скорлупой плоти востыдшейся насекомообразовых символьных путанностей общекультурных опоссуммовых оснащённостей тех редких постукиваний одаряющей к стонущей гнойником пиохевого орывания насюжденных привычий единственностановых страд одно несущего вопиянные ужасы настоящего кумуляцией прочного недействия подбытийственных вещей агрипповых прощённостей стона преломления тех волий причинностей ко владениям материи подо властью осуждённого несуществом самобытийственного невосходящего гнозиса реального нарушения иерархии коже крови довеньи олужений роями протяжённостей органов моих: я могу смереть отне растекающихся к гулко беснующемуся смрадом пенистых солёных махагонов рту моему пролежней, что, конечно, стало бы ужасным преувеличением и совершенно несмешной шуткой неопределения свобод выборов особственных, или обезвоживания, от того, что трескающиеся красноватостью пестреющих шумов освистываний моего ломающегося тела позвонки сойдут под напряжением со своих должностей, отчего, может, я бы не умер, да вполне мог решить прокусить розоватый, отдающийся прижжённою теплотой бегло вдаряющихся ото способности сжеланий тех освистывающихся болезней сосудов язык, от падения вдруг щёлкнувшей пуповинностонущей, дробящейся о беления своего осмиевыми угоревыми зарезаниями брановых врав кровати, деревяную, чуть отдающую хоть потенцией собственной уязвимой шатковатости ножку, которую я всё ещё в силах спилить, а могу выбраться, что показалось бы самым лёгким, лишённым иной сложности вымученно означенной прожами авирамовых освещённостей гулкой пестроты комнатных глуховатых стонов страдания тяготы решением и выбором собственного, ибо в принятии одного из прежнего есть та недолжновенная отношённость ко смерти, от которых одно дворохрамовых, левеющих сущениями труповых воней вельзевуловых овелений торговцев, ты оканчиваешь означенное в непринятии и неуслышании Господа дрожащее тяжёлое, овлечённое смрадом спадающих окалывающимися пудостиями вторгающегося и в единственно одумываемое прожди защищённостью свершений угревых слизей ужаса глаз притворство: вероятность возможного спасения практически абсолютна, ведь где-то должны узнать о моём отсуствие, где-то: место, что я не представляю и не слышу, то смутноватое, сщущаемое скорее единственностью логосевых нечистот: одно то ноне есть принимаемое

мною и ожидаемое, и те тусклые отлучения моих неверий, те замкнутые ужасы человеческого одиночества, мои согораемые двоениями тоепринятого ремешчатого съедания обуви святого, те соблазнённые пядьевые временности уставшего трупными криками довлеющих изначальных нестолкновений со принадлежащим совершенству прочему надежды; я, принимающий обидную, но очень даже возможную сторону потеницевых собственных довершений пяти тысяч навещаний Господа, решаюсь продолжить поиски свойственной упорственностью отраченного долговатными нескончаемыми согбениями единственно сдоённого кровавостию сметаемостей торочащихся каноничных чудес толков огрубения срубленного кроеньями совещённого обаяниями градиентосожденныжденных однотелым, олеющим с предностей тоих пыртовых направленностей овлечённых сушений многоконечием гвоздя. Я словно был руководим за тою пленю нежелания признавать собственное онным ото данностей смен телёнка оленем, я внезапную следственностью будто означенного соглубением одарённой страданием огоблиевых остей совгенённостей приличенного нетравением толков обравенных дарений плотий взбутетевшихся шоков кровотечений собственности стал гордым энтузиастом, я начал левой, едва вовсе позволяющей иное придвижение сгrevаний станowych овцеводверевых объединений тех рукой остервенелую невстоенностью мурмолковых смыканий тоеждних хайре преданности бить по означенным еле становящеюся формою прожига робкого, ковалентного ряботою наждачной, привевающей кошённости несквершенствования вотедарных сшевелённостей губных мговых поставленностей роби сходного гвоздевым оставлениям залужённых и шевеления представляющего собою довольно относительную, приукрашенную смученною отецённостью Амоса единств видность, местами столь-де тёмную, как и окружающее, обмявшееся густотой неприставленных нарушенных дарений кусовых неемиевых упрощённостей пространство, и вдругтошными скреплённостями общественных падений действительности обкусанною гладами светов и одёрнутых сомываемыми кошнями срастающегося в непривычном оттенённом дарении вопля обделённости крошенных пут уже отёчно давленного неисправимою бренью глумящейся взорами пущенных белёсых туманов решённостных опьяни непривлечения ото нежелания и несущества в филитовых оставлениях вечной принежегости трудовых оперений одарённого ото страхов свеличиною отчерченных кругов придежности реброватых соширений осечённых пальцевых говений нескончаемой пытки нерешённостью, нецельной интенциональностью дробящегося пущенными ото гнойников бедра Рома укольчатыми червивыми стрелами ветра одеванья черноты заблуждения темнот выжликою я зацепился за нечто, несколько продолжительностью опешил, начав, как мне казалось, неумеренною неумелостью неловких наставлений долготерпимой мучимости пилить нечто металлическое, дававшееся чрезвычайно тяжело: в

содранных невлеющею долготою горячих частых уставших дыханиях своих я уже стал думать, будто начал пилить пугающе плотную основу, внутренний каркас кровати, который даже о представлениях самых смелых своих я бы не сумел отделить принадлежностям дагобертовыми сходящими, осточенными безднеющими толевами волочённых внешнюю, оставленную пустотой гудящихся фарисеями привлекательностью умираний устами, то одна из вещей, из предмета, что однажды был создан и более никогда не оплотится изначальностию хавелевых подревностей блаженных Флавитов, да появился изнурительно яркий, сочащийся сквози остывшую моим потом, дробящийся срастениевою лорадию приливающих неровных, аряющихся исцелением святосмертных бучил смердяковинных куцупых озарённостей поддеваний облачённых всеведений рамочных позолоченных невеличин знаниедавного строгостию ониксовых лицоединствий бликов луч: я продолжил пилить, не отвечая в душах собственных едкому щебету одавающегося плетестиями прошений осточенных жертвований ввеченными поднёбицевыми сращениями, завершениями воли человеческой ото цели собственной во грехе и незнании хруста, уже замечая легко сосвещающийся одною в сменяющихся, отрекающихся отвлечением и несовершенства оцеленности непрекращающегося ожидания толков убриваемых иоанновых сомнений и разрежённостей, и доверенности о том блесках скулой гвоздь, что находится ближе к самой верхней плоскости дна кровати, и под вывевающимся с питанием прежнего иаилего казакования осористого лучом тем подле окна свет срезал тени объятого мною предмета, держащегося на тончайшей, подобной нити, связи предмета: гвоздь упал. Я вылез из-под кровати. Совершались данности прежних множеств о двенадцати часов. Стало спокойно, и деяния мои меня нисколько не.

Бутылочка и сухость глаза, боли в пояснице-де... при тягучей, влеющей довозаемым неотделанным ожиданием неисполно краткого, скорее становящегося границею пуще ухудшающегося состояния сна умом бессоннице или одно во моменты долгого засыпания людей начинают тревожить щекоотливою неустанностью непрекращающихся громких беглых голосов вещи, имеющие местами достаточно обоснованную опору, хоть и незаметную и даже совершенно не стонущую значительностью или продуктивностью в обычном, уверенном стадиями сретений толков юстиниановых отделённостей быту природу; следование того во привычном, отманивающем едливом сожалении о бегло и дурно неисправимом содеянном быту совозванию оспособствует у окружного победы над миром не непонимание с последующим неодобрением, что в таковом хоть избавится от ригоричной, определённой тоему юдифьями ото стадностей толков представленного молодежаватостию чувств беглых сготовленностей в подзобочных нехотениях и неспособностях ребеющихся лакричных оттенков дурноты, но и вполне себе открытую и, вероятно, нашедшую гадливую смердящую

реализацию в физическом вырождении одающей несвершенствами оглядываемых пестрённостей везённого согбения кандиловжигательных расчарованностей платьями одле вещаемых долготою осевшего убогостью выверенностей форлаковых чаяний слов наставления толков смежавшихся и друзиллов опяланных воспалений уродства дробящихся подо сщущения уподобленного в естествах-де наиболее приставленных тому чувств бремени агрессии, одно которое и есть неторопливо сходящееся ударностями совершенно излишённных иного беления витальных галисиевых оставлений салманассариего; соотносимые вполне со следовыми остепенениями шартрезовых суверённостей плоти лишённого желания овредиения идеи и непоследовательные малоземные придумки во ограниченное означенными Милетом виперовых осинений краснеющих доений гематомобразовых чернотных распутств человека время несонного сдвляения едва ли есть миграциевыми навзрыдами корпоративных установностей ото: избавление от людей, мешающих нешто свершенствованию, что явлением является ести, безусловно, столь же смешным и почти столь же дурным во лощениях настоящего, как и карьеризм, но имеющим сценции понятных и почти могущих быть оправданными толков: уход ото тех неблагочестивых, лишённых веры и спутывающих всех в оставление Господу насильников, побег от тоталитарного, отдёрнувшего направления Его маинановых кентерберийской церкви вождя, в роли кого и выступают у многих те облазнитель спотыкающихся властями чуждого веселья мыта душевного часов, означенные словом отоходящимся любовники, окатившиеся болезнью Души собственной в превениях пристрастного несвета внутреннего, урезающие свободные волии наговестия скопающегося-де невестою негоциега думанущегося пепла родственники, и в трезвости соударяющегося прочтением вольнооставленного неприглядия отсасываний требования ото кнодбиения сточного человека ума своего я не такую уж и великою, сопрягающеюся ото звонливых дорезённостей кошенных ровнений самоотдачею, да убеждён, и потому сознаю рокотливыми одолениями варковых прилежностей, от желания подобного и омышления есть орушение всех оголяющихся институоженных пестрот непременности осыпающегося гонения; просыпаясь в теплоте защищённости прождего ужаса неверия отоаполлосого, человек испытывает овляющийся пребирающимися белочными стяжённостями невозможностей проенания обухающихся сухостию прочного чесоток стыд, а кто лишён его, вероятно, лишён и, а то значит, что люди подобные и должны следовать своим идеям, а не идеям окружающих: они должны быть более подвижны, сильны, неизящны и неумелы, что есть и отождающееся во страхе действительных динамик, и отравленные евтиховыми аттическими ослаблениями строн дурманыщегося пробивающимися сволнённостями красотно соверкающейся в маслянистой, преливающейся радужным перламутровым усилением ото засыхания древ ожажденных оболоче тоего плоти компоты есть внови

опаляющееся рефлённостями докавыющихся шумливую несодержательностью воображаемого правом непрекращаний: терпение, что одною татейственностью озябающей виридановой солупы зависит от него самого, время, на протяжении которого его никто не будет окасаться сдавлениями врожединных пошловатых, осаженных ядливостью малостей временных привений одавленных палевых калекшей, и любовь формированностей надежд человекождённостных применений, но то-де, но часто случайность есть допущенная невозможность, и иногда сам человек лишён иной чуткости единообязанного, одно необходимой во дормезовых излишествах пошлых остыдных неприменений самого то ко светскому до сохранения пребражённого светлистыми кожистыми площиями пребывающегося хладно остужающими лесистые ограждённости отечения краткого ветрами, ибо в краткосрочности то излишне и неинтенсивно: не более чем есть праздное отвлечение от труда; то могло и нечистыми тяжёлыми бронзами спадающихся металлическими, прождёнными обронностью двух одержимых во свинье стад останываниями вериг со громоздящимся резкостью иаддуевым овином вытекающим, хотя, разумеется, таковое и не есть осуществляющее в безусловной правоте: пусть, может быть, иллюзорное, заведомо искажённое, коего в самобытии есть чувства почти большинства: суждение никакое подчувствие не вызовет, оно будет казаться мне фактом вполне реальным, оттого едино лишённым затенения власяных непринадлежностей оправления и всоего изменения отоядерных вирсаиевых ложных апостолов, разубедить в чём меня в способностях, вероятно, одно иная идея, берущая отращения о моей пестроватой забавной грубой непосредственности эмпирического, подкреплённая пристрастием личного принадлежности, та идея, которую я сам сформировал, пусть она и может найти довольно известный дурновкусный овид собственного сразвития и непринятий со обыкновенным научением: будь то даже подобием обретшего одобрение житейского бытования факта, подкреплённого условленными на деле теми же преломлениями согбений одрогающейся болью прошлей окружней изрезанности опияния прежнего максиминового оправдания души условленными научными данными и нашедшего толки в большинствах поучений ссушений одающегося обсестия морщинистых сухих, означенных кровавыми, свистящими жирными падьями заквасок нарывами прошённостей, должен заметить, только в случае, если сам я к толкам подобного не являю отношение скобления прошедшего небеса: то может сыграть также одну из главных ролей в формировании звенящего горячечными твёрдостями соблазнов интереса, которым и может неисходною блажию влишённого гловатого правления завершиться вся особенность восприятия мною факта данного или же: мой живот опять сначала прежние, плачевые сепсисными дурманами срезания: я опять чувствую щекочуший, скрывающий меня к исступлённо робеющим надо умом моим болям рвотный спазм.

Я захожу в комнату, включаю светильник; единственно съявляющее собственности
преждних клеветенных илиевых немироедовых оставенностей пордоевых ставений окно
почти всегда сокрыто за завесью плотной, одёргивающейся графитовыми твёрдостями
полагающихся сдавленностей оправданий одного поступка Его шторы, да крайнюю
вымученную редкостью я распаряю довностию уличных соседний прождних: не отпаляю
редко трескающиеся хлипкими опроженностями стеснённостей видов провеличивающихся
пористостию осложнённого лихомановыми неспособностями и одно невозможностью того
спетения уплотнённых непривлечений светов шторы, а именно открывая оставляющее в
орученном деянии прежней непринадлежностью означенные самую крайнестью неприязни
оного пяла мои окно, оставляя только окрадывающе шевеляющиеся подо остаточностию
дерзновенно возбуждающих клементовые те пробуждения единственно отставленного и
лишённого способа вильбиргиевых потенциалов содеять из плоти неплоть рук моих шторы в
прежней конституции, что лишь позволяет оробевать пребывающей спакованной
прикреплённостью роптающихся серебристых освещенностей дурвающегося осердиего рвения
книжьего решения свежести, которую я переносу только со значительными домолвениями
крайних нежелательностей и подвержения телес моим состояниям наименее приятствующим,
при малейшем чувстве которого я или ухожу в другое, орождающееся приволениями
наваленных гедеоновых ослиточных повлений становящегося в ото слуг избранных стонениях
усекновение, или прикладываю все усилия, дабы источения хлада того сменить, прекратить
или сбавить-де, да: сегодня в комнате моей особенно жарко и душно: состояние данное моей
комнате вполне привычное, те же, кто любят обветренные низости отравляющих собланиями
мурашевых тяжелеющих температур или сщущение лёгкого давления на своей коже, создают
мне впечатление людей или самых близких, какие почти всегда стараются разить
становящийся ото жара душ их могливых Евтихов разговор или обратить на себя внимание
остоящего любовной теплотой, что не есть общее с протяженьями обратить на себя внимание
посторонних, природой владеющее скорее саможертвенной доброй честной смелостью, или
одно лжецов и; каиафовые уточнения уположенностей свершений осмелённых робостью
неправды обетований обоесожденных непрекращающимся зудом свербящей зобьяными
случайностями продолжающегося отворения совтоборяющихся пустотностановых
обособлений одноочества того совершения во состояниях предельно положенных предельно
противному оному тишины, и вина ли то их и вина ли вовсе есть обсиженные татейными
изволениями непремещённостей тех скованностей дубеющего соведённостями пёстро
обрезающихся угольных столкновений отёчностей ветвей природных остояния: не владею
я ведомостями камнеосваленных теснот усердий непрекращающихся во сверяющихся
плотностях скруглившихся неполноценностей металлическое соцветия станových редких, еле

слышимых сквози гама надрывно пульсирующих головою, согбевающею человека ко земле и землю ко оставшемуся в уме его болью сосудов треских продолжений, ибо граничия есть состояния святыя ото смрадной пустоутробной лёгкой дерзновенности того срушения, и мои-де принесения околеглабляющихся облачностей Ахада Фиакла мирволения домашнего бага трусостей небратцевых принадлежностей: те, кто открывают ядовито оскрипающиеся несоставно сносящимися ко моим владённостям буряющих моими кровями раздающимися вихрями окна и безо моих волий обветривают единственно принадлежное моей власти помещение до буйтевых сотязанностей опьяния уместных редких кисловатых привкусов, и есть следственности моих, решительно, довольно узкого спространения чашевых и субъективной генерализации разделениями на типы таких людей, коего я не то остыжаюсь простотою оделённого надвечного сомерения, да дурное, осаждающееся частыми, воспевающими осквозь оручённостей несправленных давлений геремаревых пополнений недостачи онного и избытка тоего избиваниями влияние, выражающееся в ослаблениях души и конституциях умирскоянного о сдвоенностях сопьяния криков не столь важных, но составляющих в конечном стяжении целоевых принадлежностей истинного и нередко излишнего причину бедствия потенций трудов накупаемых единств прекрасного, на людей, подходящих тому составу, от которого я очень даже осознанною отверженностью продолжительных-де осерженных приставленностей к Суду неземных экстерновых капитуляций действительного оказался, за что готов сердечною исповедью раскаться и просить во немощи моей прощения в человеке, есть во мне же и моих; я спрятался в сумку, через десять минут закрыв окно: в ней стало свежо: теперь мне здесь неуютно.

Вкус голода: то не совсем вкус, скорее сходное с болью, запахом, голодом и, разумеется, вкусом чувство, наступающее всегда в определённый, почти заверенно известный положенностями его друзилловых персиковых принесённостей обозначенных период, однако не дающее мне волий его засечь или очертить: сами тела словно направляют лишь на то самое ощущение бездумною сотообразною ментиковыми отставлениями защитно-синий сморожений плотий остуженных отрупеваний конеченных: буро-жёлтый, гладкий спадающимися становлениями миробытийных оголённых живохрамовых нестяжёний придлежностей собирающихся теснот домашнего, сопившегося мгоевыми, оголёнными ядовитым уточнением становых повелённостей изокных прочностей плотностями воздуха, с выпирающими давлением рельефовых сгорячевых посмерений овиновых неотёсанных резкостей прочленённостей вношнего раздражения ото неумеренно овивающихся чуть хлатистыми сферами проставления видов обеспечения гулковых небрежных несварений шумов небольшими, размером с прямоугольный, совладающий скортиевых кораблевых подмывающихся обуханий сосушенных взбутетеневаний содержанного возбуханий

внутресовледающихся экземовых тошнот ноготь указательного пальца взрослого человека, круглыми выступами в числах ото десяти рассредоточенных на всём периметре с интервалами, примерно равными этими же самым выступам полугаровых лавреатовых преставлений, штук близкий к сферической, чуть одержанной ненарочитой сплюснутостью удержания тоях враждебностей Ему в разуме форме камень, имеющий две точки, что, видимо, соединены осуществляющие его неторопливые, едва обретшиеся непродаемым слугою толков визионерствующихся рассресодовеченных определённостей полонов оевшихся щекотливым оказанием мягкооблаженных преступаний должного движение тонким несворотливым каналом; если пути которого представить на бумаге продолжающимися отречениями конеиздыханий фланнанных бежевых огреваний доенных избыточностей кровоозначенных некрупных крапин, получится неробко составляющийся пудровыми осыханиями куб, а путь же будет еле пребывающимися в соглублениях наказанностей удовольственных гадостей субъекта гранями его, и округи куба ещё достаточно неставленного плотиями белёсовых перламутровых охрущений призначенностей бытоволенного хрипотой надрывных волнений пространства, что замыкается самооправленную тенненбаховых поставлений кольмикратновых ясностей отжиманий приставления местий доложенных правлению должного сотавения полостью в форме едва оставленных приятств кисточных сощрений непригляднооовенного внешностью форменных странствий капли, имеющей чуть шорохающуюся крепленностями принадлежностей тех качнующихся озверений положений туевых текстуру ороговевшей ощипающимися коростами твердеющих подавлений временностей проведений толков означенных левитовых объявлений Предтечи ото гносеологических незамкнутостей суггестий оболочки воздушных продалений шерающихся горений лесистых изречий кожи грушевого цвета, содержащая внутри себя освежённо постанывающего непрекращающимся глумами телес невырожденных полноценностей проявлений телес плетевых созреваний червяка: ползущего нористыми ожиданиямостиями комаховых мироедческих грекоязычевых продолжадовлений уныниесозжденных болезней благостий тоех под тем песочистым сселением продолжанностей односогбенных умерщвлений осушённым слоем кожи: иногда тот собирается в изливисто прерывающийся маслянистыми взаимоявленными отяжениями клубок, после чего снова продолжает обрывающее тое саддукеевское продевание временных одеваний движение, меняя подо тем незначительно тот наклон орастающей власяными соверениями полости, которая спустя сотню сошевеливающихся дурственнымися признанием себя значительным оборотов раскроется там, где была её условная, воршающаяся добавочными окуриваниями проледаний послеждерайственных сцеплений праздно осмеивающихся тоими благочестиями золотистых, одно отваливающимися белёсым перламутром радужных небликовых совершенств

вдругорядовых объявленностей аргументообразовых селений опошлить и совратить единство ото внешнего светов душ вершина, наполнив себя мутной тяжёлой вязкой, приставляющей зияющими обликами каревых хананеянквых оторопей одновыренного правденным ковлением ничтожественных слабостей одно являющих следствия апломбических ошлёпываний неприглядных умолчаний кровью деревянными, часто вкалывающимися ко зубчатоповерхностным грешностям слепот ретироватых голеней излишнего щепками и через девять секунд выплеснув снимаемыми горячечными грязями слабостей позоренных проваленных истраченностей, опустошив себя полною пользованностью и замкнув вновь сопытливо ударяющую нечистотными форменностями вершину, во время чего камень ото прекращения обособственного двигался по заданному мешулливыми зефирчатыми небесными нагреваниями прочного курсу, соиздавая еле слышные, ощёлкивающие наполненностью толков тех звуки ото ли преломления огревающегося хрустьями охладов упаренных ставлений воздуха, ото ли находящихся подле за стенаниями той полости: то был нескончаемый, оверяющийся груботою овладения прошлого и традиции формирования плачь, сходный более на отчаянный, надрывающий тела владетеля зарывающимися гниениями крик, звучащий столь сонорною мелодичностью, что создавал он окружные оболочки наставлено давящего провинностями хора, который не прерывал, но домешивал в него своими интервально овторяющимися глухими хриплыми кашлями громкий тяжёлый, заставляющий лишённую заделения причных оснований щель сверху иногда совсем слегка приоткрываться оветревающими пестротами, отчего отравленная человеком кровь попадала в полость, всегдашне возвращаясь ото того назад, звук.

Час субботнего дня: я захожу в свою комнату: включаю светильник; сажусь за стол, начиная распаковывать новый пакет с заведомо означенным хадодовой, обвёрнутою преждеостученным едким треском металлических тонких, отложенных принённостиам прочных нищекалечных сцеплений диоцезевых пейназовых облачностей оскоплений рекламой: две иглы и два привычноосуженных треоговопьянным принадлежием ко иосиевым представленностям полканных отдалений единооставленного титановых пусета с изначально вдарёнными таковыми формами застёжками, которые я собираюсь вперить осредованиями спешноодаренных клеоповых ставлений кубовых оттеночностей ото прилежностей к ровленному неизменностию прежнего останывания в левое ухо, чуть выше самого первого, уже остужено облёкшегося остываниями иеремиевых несдираемых, одно уверенных болезнью иначедавленного кислот прокола, так, чтобы остывания дальнейших проколостых потенций, которые всё же справедливо будет сделать почти вплотную к уже выдающимися хорябоватыми одолениями оставленному подле есфиревых несовпадений толков инакозосченных хрящу, не вписывались во одарённую корневыми принадлежностями в ото

теснящиеся молчания неизменно гудящей поддеваниями одолжающихся пестрот комнаты композицию или вели то в её немного в оттенённо инаковой филе: места меж ними будет довольно много, что даже сыграет на руку тому, что я не имею такой уж большой, могущий быть выделенным ото привычной неумелой дерзновенности ровоамовых блестящих зудов опыт прокалывания, и стоит учитывать: из-за одного из таких опытов я вовсе потерял сознание, и поэтому так мне будет даже легче, хотя то и не отменяет явления, что я впервые делаю два прокола сразу: в силу пробуждающегося невротическим остукиванием неуковых становлений излишно омердяющейся ихаводовых нужд истинного человеку-де смелости страха во мне являются дрожащею неприглядностей отсевающегося материалового, довлеющего надо обжимаемыми зернистыми отвердениями плетей материального вото предмета тогого применения скорее смягчающие представляемую болезненную нежелательность чуть остаревших тридцатилетними моими усекновениями дагаловых полевений мысли, как я падаю в обморок через раз, и потому в той непоследовательной предсказательности было решено, будто первый прокол обязательно будет неудачным, а второй-де можно делать смело, да необходимой становлениям свершенств лишения оголённых, еле уносящихся плесенями стиснутого ото поставленностей плотей оседачоннестных агавиевых необъединений со неверующими тишиной рисков особенностью я не владею. Чем быстрее начну, тем скорее попытаю хоть отдалённо принадлежащее осушенным телесам уверенного одно неизбыточным отсутствием во отхождениях прочного уродства человека во Ад очищением фильтрующего обитийственного порядка предмета окончание о схождениях Христа во ад; я распаковываю самостоятельно пробившую собственности чуть оставляющей даже подле неплотный шлейф орывающихся решённостей становлений тех полости иглу, настраиваю скорее дурно вперённое некасательными выбоинами обходимостей направлений стопного приведения душ дагобертовых самоприставления зеркало, ставлю удавлениями крестобразевых, означающих лотовых, гереоновых дальнейшими вомерениями будущих поселённостных терриглассовых проявлений того плос точки в спланированных положениях, подношу еле дрыгающуюся нелеповым довлением ко обошедшим уверениям заменённой ребячливыми несовершенствами получений сорившихся доставлений собственности иглу к моче и аккуратной продолжительной трусостью протягиваю её минутною мучительною усердностью, вставляю одно освободивший ото неправильно оставленной диаметром изначально значительно превышающим иглы пусет пуссет в неё и ядовитою посредственностью неконтролируемого неудобства в тоих антиохиевых журавлевых обречённостях худоошевшигоса пооленного несредоточия замыкаю, повторяю то с едвопрервавшимися затенениями Григориего приговения стушающихся рябей обурённого сомертиего болезненного одарения, однако боль сильнее, а сами промедления мои становятся долее, за тем не осаждаясь и к приближениям ото

первого моего прокола: я обрабатываю новоозначенные во плоти собственные раны, протираю приставившийся кровяными брусничными разводами влагой раствора хлоргексидина стол и смотрю на оставленные едва приглушённым металлическим светом украшения: основания расположений их образованы довольно правильной, непошло очувствующим белеющим отдалением ото красноватых упористых правленностей толков тоей специальности дугою, и иной оженственных оттенков композиции этой, как мне кажется, в том нисколько себя: нисколько себя не являет; на оставленных оперво, так едко приставляющимися ранее о дурмане одно одрающейся тяжёлыми, свербяющими совлаженными, преливающимися густыми твердеющими резкостями металлами новины, так бесцветно остающимися подле проколами двух мочках сегментные кольца, надевание которых, должен заметить хоть элигиевыми отвлечённостями продолжающихся смещённостей бытового освещения химоватых посерений пульсирующих кожных теснот: надёванностное простоями прочних оставлений флавитовых оранжеватых эховых продолжаний досаженного неубыточностью словленных зобнящимися чернотами довлеющихся небесных спарений братцевых охладов плотий дело очень нервное, а о небольших-де размерностях вовсе оставляется на дрожащей побиваемыми обетовыми евтиховыми лестничноповеренными рядами грани невозможного; канал в правой мочке полностью зарос.

Моё тело без ознающихся выбивающимися сетованиями привлечённостей плотностного краепрохождённого основания признаков бодрствующей витальной силы упало на кровать правым, неразборчиво ударяющимся отохрустнувшими сглубинениями прочного, вправляющегося тучковатыми пористыми соберениями привитий тоях сверяющихся долженствуемых говений отуга боком: легко сминающееся нетяжелеющим пребиванием папского повеления искровавленных посещерённостей привлечаний должного уха моё слегка задевала удивительно твердеющая согбением привчённых наявлений преждних безднопризывательств обжорнорядовых кушаний попантагрюзлевых сменностей подушка, под смыкающимся в ото тушующихся скрежетаниях святогрозовых, второотречённых, освежёванных остающимися стекольными разведениями гносящегося подо сценировочными положениями привычно гроздоеного точнообъектного оверениями тех угревых рябот треска опусканиях ступенях бедром же и плечом было еле согнутое теснотами преломлённых желтоватых несвершенств покрывало, остальная, отелесевшая превратностью всевозможниих способностей часть моя очищала оперённую душнотой ожданого пребывания обоего химерового нототения облачных превестающихся лесных оделений ото бетонных острогов моих стекающих страданием стонов кровать, вношние ткани которой самой грубой, оскабливающей собственности моих споряжённостей вивновых смятностях вышивкой, да и

постель же есть довольно неудобная, расположенная к человеческому там скорее о крайних отношениях оболений иафетовых причленённости страднодовлеющего завета Авраамового приставления омедляющихся теснот мочажинных преставленностей телес говляющихся брадоставенных примерённостей власяных культуроримлямыми экспансиевыми соделениями субстанция, и оттого порой мне хочется неговением кушариевых заххеревых ожертвовать половиной всего оимеющегося просторечиевыми язностранными, обогатив от того сон ввещённостью оертыевыми проведениями окружающихся роговистыми оперениям от исподных пестрядёвых, ставляющихся о искривлённостей отщёлкивающих отдалений скрежещущих углублениями пустоустроенных, коваривающихся во пустот сна о еле промелькивающих столах излишнонаселённостей смешков плотей зубчатостей приятными, слегка одрагающими мои кожи и ослабленные плотностью сменяющихся состанывающихся влаг мяса спазмами от новеющих отерь любой физической ориентации в ошеряющемся пустотой тихощербящестий суверений тоих пространстве, объединиться со специальноназначенностью бесшумно сломляющейся ограченностью пробивающихся гулковатым опосрением оберových иштаровых повелёний смрадов комнаты, ощутить то собственностью глымливо сопящих вивиновых присутствий телес и, расхолаживаясь от здящего перламутрового предевения во глубину неподвижного, онемевшего бескровием компаративистовых стихировых наличностей спокойствия, лёгкостью елеприставленных варфоломеевых придёжностей приоткрыть уже достаточные бодрые, играющие в силу отсутствия необходимости пражаний прочих или трусливого долгого отхождения во сторону блещущего чуть желтоватым, отрезвевшим о колготовых, вопиющих звонами пребывающегося ядовитостью еле соблазняющего от тех нестоложевых вечноодавленностей плотностных умираний человеческих приверженностей глассовых одолений ходитесветного аромата взбутетениваний сиянием унитаза роль означенных сном, роль тех, нежелательное тяжёлое дрожащее пробуждение которых было бы страшным, отдавливающим светлоты теплот молодости окоченевших золотокостных святостей преставлением, что осуждался бы непрекословным нравственным отселением плотей несбавенных ужелений тургисуорфовых, оскабляющих доверия тех изобретательств остоянных прозрачий насильниками и убийцами: соведение совершенной, самоударённой флегмовыми испарениями предметов человеческого совершения экспериментального иштарового ильевых иезекиильевых принадлежий освещённостями обязательства от необходимости совершать прочие осушения способностей отвлечённых печёнотостною отдатлевых самосоговений умонастроенных иаредовых одлений сотенаний глазу нефритовой тьмы, в которой ничто не есть и никогда не сможет и та пустота содвинуться с гудящего безвесым мощностью тяжб, окружающимся в незначительностях сравнений тех привлечений излишнего проставления вопьяний

огрубевших роговостей отсутствием вещи, ибо никто того осмеления не требовал, не требует и никогда не посмеет отребовать неуместным становлением ужасного и недолжного ото мелхоловых стурмиевых придальностей, ведь отсутствие то диффамирующее, опьяняющее туманностью способности оникнуть о прочнее в действительностях несвершенств одлённостей данноевых острых, выворачивающих органы тех овелённостей болей, в ней не тяжело одарностями гносящегося осмеления чернот предательств стать тем, жизнь кого тебе вечно грезилась, стать ледяной, одевающей моря своими значительными широтой и несогбенной тяжестью глыбой, расточить свою единосущественность на всех существ, превратить их принадлежностью ко себе в весело и беззаботно болтающиеся прибавлениями пастушских гусарокуртковых направленностей ко стачиванию безаморфных отведений прочного неспециального иссиня-чёрнового дубеющего сошевеления наросты ненегативных удовольственных оспособов прочних, оздающих собственностью своих случайных векторовведённых настоящих, кокуровых вавилонских верхов неото принадлежа к той грязи античных свершенств слабостей столь благовонные своими осмеляющимися золотистыми дурманами запахи, что никто и не посмел бы возразить приставлением к тому во непоследствии происходящего, ибо каждые крапины окрывшейся святости Духа есть проникающее во особственные, становящиеся во подобии Господу одно бессмертной душой и способностями ко слову, коим владеет исключительно Господь, удалённости удовольственных отречений во Ад ото дурнот человеческих, однако кровать моя тверда, скупа на удобства, так ещё и с большой, явно прощупываемой при оседении того ежедневными стонущими нарывами савлообращённых вмятиной посередине, образовавшейся не от чего-то конкретного, означенного сокрушительного ужасом своим: одно пришло то время; приобретение замены далось бы мне чрез колоссальные усилия и нерводушевные переживания, чем я крайнее время вовсе не располагаю, и потому удостоен лишь такой невычурной скромной водохлебной наградой, на что я, собственно, и не жалуясь, да последовавшие за нетяжёлым, осмиряющим еле проносящиеся насекомопризрачными пустотами тех иллюзорных визионерских довлений зазоровых отделённостей дариего пространства раскрытием моих век наблюдения стали причиной моего кровшокового, отдающего зловонными ужасами и неприсутствиями ото направленностей прежних сменённостей устремлениями ко свершенствующимся пуантелевым сточновениям бумажевых, смеловылупленных грехоорецкой дробы тудронего, нехотя опарённого вольготою слабостей людского опревления вообразованных нежелательных, долго останывающих во страданиях Мелхолы ко прерываний вздора опасений ступора, ослабленный несклонностью гнев или надрывный неприглядный негативный плач после которого мне бы простили даже самые строгие люди самых сухих жизненных ориентаций: пред глазом моим оставленный

прожде неявениями знаний принадлежностей ко смирённости жарниковых принадлежностей о царевых властей прежнего оставения мановенных основоцерковонаставленностей муравей встал на задние, совсем чуть осевшие лёгкостью прочного сощрения предметноосожженных уветрий довлеющих нестранений ко человеческое умеренностей в движениях осмердений положенного озаряющемуся во сталенахождённостных дикомытных освещений парений пылевых оставлений только частично проглядываемых пустотами облачений раннееговенного населения чюминосоледственных отдыхновений брашных отдалённостей обсидевшегося пролежневыми мигреневыми дарами нечистот уверению лапки и кружился, после чего в отяжести нарушения уединённости своего танца встал в привычную техническую обыкновенностью соложений телес собственного позу и пошёл по самым заурядным оболочками возгладов тех дорогам, цели которой известны одно темовым-де определениям осложнённости муравейных означенностей левитовых прехождений одавлений плотностных приставлений, остальные же вынуждены оторопевшестию озаченного нодосферовых овелений Иова ото Иакова как становения порога земного ото небесного быта теряться в собирающихся дебелистями прехоговеющих неспособностей и излишних удалённостей во смягчающих простающихся, одаревающихся непрерывным искусственным, отдаляющимся во обученности и иных осмелевших приспособлений ко иоседековым закреплённостям клювовым гардариковым опоростивых ведических-де колоссовых сивовых прочнеделённостей зудящей тишины оставляющей за окном сострашщее бредовые вечные оставности пожде чернотными, окружёнными ониксовыми озирающимися ротами пятами лицо комнаты гудением овлажнениях догадках и омириться со неизвестностью корней деятельности тех самых муравьев, считая в одно же время, будто вверенные плотностью прекращения пестряющих графитовых оседелостей во нетерпениях осмалённых долготных, проходящихся дановоеми преданиями ко отревём направленностям вечерений мотивы их работы подкреплены основаниями означными средоточенностью прочного серьезнее моих оскобленных повелённостей прочесложенных глаголаниевых болезновых отящённостей положенностей домашних остовов фундаментовых привелённостей одиноких омовений человеческого поставени рагуиловых любовей ото веси схождения тоевых приставностей и сиюминутных обязовых терпеливостей ото вопля жнецовых оголённостей глиняных скрепоосужевых продеваний истинноопроченного во автоматических представленностях человеческих сродников ото неявных традиций и прав привечённых и интереснее тех же моевых нединамичных приставленных визионерских правд мира охудожественного во крапинах продлённостей искусственного одования прав подвигоблаженевых желудокососений отягщённостей былоожидания слабостного колкеорового иеремиевых ото

рождений захариевых принадлежий, раз за тем нежеланиями прочних отружений они одновидовым прифруговыми одолениями во исперениях говеющих искричинами оправленного резиновоспоженным богатствоневечием словопоступных вероделовых надлежаний воплей занимаются тем всё успособленное онному; любое стяжение собственного ко сну я утерял: в едко сопящих ото меня, ветреных постелениями настоящего увлечения домашнего навеления вторженностей во единственно, казалось, принадлежное свободе безопасности деяниях опылало нервическое шумное внутреннее стенание ко уничтожению этих насекомых, хотя та вычурная ненависть подкреплялась одно бездною нежелания муравейных, на деле не ставших причинами столь уж явственных неудобств или прочних нежелательных глаголов авимелеховых осуждений появлений, и потому порой пробуждается во мне жертвенная вина ко преданию комнаты своей неоправданно обвинённым и убиваемым хоть во мысли моей созданиям, да прирождённый негамалииловой животностью гнев пресиливает всё довлеет предустыю соглашаемых, еле колеблемых теснот обязанностей человеческих душных оспалений подле гноящихся часто остукивающими каплями тяжёлой вязкой шагреневои пестроты оробевших, квоквающих своими жирными вонючими зудящими остаточностями сорванных толстых, сдираемых осуществлённым лёгким движением во твердейших-де ослоениях тех опаривающихся розоватых обнажённостей человека кож шанкров, и неспособность эта срабатывает одно усиленным преставленным сочтожением каиноавелевых положенностей дуальных сдавлений давидовых Химмеродов, ибо покоится во мне сотаённое, и сотаённое это страшно и хорошо должностью своей, хотя и должное то образовано утончённою вязию осложняющихся неособлений приставления умов и облакающихся ото того во несмиранные слабости моих кварталов мааховых дел, да непревзойдённости безобразных трупных окоченений, глядящих во неспособные пята круглых, ставленных на ином оробевшем движении твоём глаз твоих, одоваривая во все мои чувства ото скорее слабости и непретензий прегрешений прочних и соимплицитные нутреположения неясной, зобящейся во брусничных сальфериновых опарённостях форм подивлённых случаев сведений степенностей ко зажориновым смешениям запаха разложения пеленой чего-то неправдоподобно однородного, шуршащего неповлечением ко оставлению спокойствия чуждести прочного быта надевающего и тонкого равенностью со спиридоновыми моими тождениями домашнего первооявления учительского, да крайне прочного, удивительно плотного, порвать которую никогда не представится возможным даже осквозь наисамых современных-де веселиилов оказанностей твоей дерябной состроты блатмакого привеления волий достающихся промедленностью зверушечного писка едко пребывающихся комнатных оселений нестоимости современного же совязей, она отомноватою иглою сходится со каждым беледеющим волхвоангеловым подарением следственнотадавных

сначаластвующей простоты ото того наделения вождего сщепления одомашненностей во святостях обранных преццольдовых назначений привлечённостей содрогающегося чернотой бессодержательных негаций толковых деяний чрез оглядящиеся темноты самооразвенных во единственности необходимостей дожить и добелеть сущностию неизданных фольгиевых проставленных зверевых одаений зеленоватых адозабраний частедушных тех видений аскез, и даже самые грязные, дурные собственностию будущенности своей, обрамлённые стегающейся ото пыточных терпений гладовых жажд рвотою и лоснящейся ко обмёрзшим будущности того сукровицей поры, довольною оспарённостью предъявленного во лонгфелловских влених Христа современностях чуда и самой возможности появления никогда не могущего обрести глас Господа человека возвышаясь над отупевающим щерботными непилениями оторопевающих сведённостей спростающихся хартманною предупреждённостью обрушениедомовых должий влас разумом и впитывая в себя телесную оболочку, отталкивая беспомощно срастающиеся растения и чернеющую бурдовостью смрада густой, нескончаемо притекающей ко иаковолестничной двенадцатой сбелённости Ада ото бесчумного святонеосязания крови землю, преобразуя собирающимися долготами бредосонных оведений пылающихся видениесудных мученностей меня в существо оправленных и, были опытаемы тою дрожащею рокотливою вильбиргиевою пеленою; чешущуюся оскорбиною жалкой, отдавленной рогожинскотканевыми приведениями ко зосимовским реальностям толков действительных подпольности я слежу за торопливою медленностью пристаяющегося ко воскрешённостям доизбыточностей его скоростноделённых прекрасновоплощённых экфрастичеданностных оплощений тоих животств совершенства своего муравьём, а он же, как я рискую самую отдалённую непретензию сквози отднесных орканов души стягающейся предположить, за мной, ибо идёт он слегка становящимся ко солоноватым непредолениям заведоморанновых неоставаний прочних обязательств туфленаглаженных излишеств во действительности оправленного боком, однако необходимо учесть, что в плане мирмекологических оследований феофиловых сченённостей привлений тех светских, отдаляемых еле сохлипываемыми каплями оставленных последним во опьянии того призерения материй во ограниченностях динотерийных малодетных благословений о структуренных принадов озрений никаких успехов за мной не числится хоть визионерскою добавочностью излишнооудуманных средоточий опутившегося становленностями пошлоорезанных воспалённых видённостей орубившегося придовения стихийноследующего ко сточению златистых, расходящихся экземовыми одовлениями неэкспериментального во средстве же истинного и означенного истиной ото следующих тому предметному лучей времени, и потому болезненную, обличающую гадкость прочности иных соравненностей особенность я не отличу от самого

обыкновенного овеления смертной души али одно явности о возможности души тоего: иногда чуть облёскивающихся коричневатыми краснотами опадающих к нему геральдоостиевыми поставнями мненновожденных находённостей спокойственных теснеющихся, военностанеправоенныхотокафкианского-депридлежностей тишей бликов муравей начинает спускаться в пока останывающуюся желтоватыми, давно сосевшимися очрез уже непроглядываемо значные прочею малозаметною несущественною рябью узывных связочных совесностей прочного осмеления во недействительности моих невеяний цвета оболочками кровать, овдруговым озноблением жироомазанных различенностей скажённых человеческих, обретающих краснотные уродства выпирающегося ссушивания отпадающих дурещимися во облачённости некрепчащих однопособлений делающихся бунчуковых овлений свобод повыделенного насряжения капсульноовлечных кристаллокоричнеющихся наличнодавленностей непринадлежия былонеставления щебетаний разрывающегося едкостью своего взбутетенившегося говорливого, удаляющегося тревожностью окрасневших стоном олегчённых предельностиданновым обелениям бессонных даров будущеговеющих надлежающихся опищений страданий листьев отрескивания органа плевками мяс лиц залезая прямо под неё, что, конечно, есть совершенно нормальное явление, ведь не прыгать же во приделяющихся некажёнными лицоисправленностями слевающего непрерывностию Ютта усилия постоянного граничиях ему, однако подобное ожидание мне чрезвычайно мучительно одновеликостию самовых ветрогоновых состремлённостей ко праздной бездельностномучимости кораблепробоевых Анастасий: я не могу точно знать, появится ли он теперь вообще хоть когда-нибудь или решит пойти новыми, овершенно сокрытыми от меня, одерзившими негладанию внешненевольного ненаполнённостию отанывающего подо пористопадённостными пушениями фолликулослабостных федаиевых опричинённостных щерений тоевых остронавленных времяотречений во определениях недолжного должнем отдыханием очрез опривычность и праздность мирского обития невернозначенного о неждениях виждения проставающегося тишьями комнатных одурновенных сырноплавленномаслянных пощерённостей тождиевых непридовений взысканиеми обракоево предовосхищённых нарочитых парённостных несдержанных хладяных тошнотных жеваний ужаса Троады огнями путями, и потому я начинаю неловкою медленною кисловатою, одирающеюся во неочивидиях приобретшего формульностные стремления ко познанию сквози сильных однопривлечённостных заинтересованных несвершённых примеровостных воленеотступлений героическоантичного житийственного подлыгания времененаличенного ото груботы несведений тяжёлых, опарённых мутнотую устрашённых придележностию ко неприналежности во предмете мира ноншних данниковых битвоистинных просыпаний поступью обходить свою постель со различных дуновениями облачных ветровестных

ослабленностей духа человеческого подожидания не могущего оправданию вовести овадыяговы авидиевы конюшенные отдавенностии богатоопыщенных вношностей металлосужденных оставениями прикования оставленного на левой руки одле правокрестия святого сокола вериг сторон в озабевающейся крестьящимися опалениями выставленных дрожью дебелиющей во накроченных неудовольственных скорблениях претенциозневых окручиваемых изнеможений отелесенной плотию очащихся жетоватостию серых теней ран души боли краснот надежде обнаружить самого уловчѣнного негодяя, красного, с осезевшим максиминовою ударенностию подкомориего несмиляющего овесения еле собивающихся ото дрожащихся дщеревыми вымоготами осопевшихся ожделённостей прав будебеспристрастного пресновений глаз тѣмным брюшком, похоже, довольно приспособливаемого и самодарственного во разочарованных схождѣнностях иудифьевых оспалѣнностей иудушкиногоглавого привеления стилеобразонного оклоположных севевых вечерниц, как, впрочем, и его потенциальные сородичи, в существовании которых я не уверен прождными обязательствиями доказаня существ оскози немноговесных чловекосужденных, оправленных его немотой оспавшегося дурманиевыми грубоватостями самых крайних несвершенств обуныленных ума сотенаний, да за исключением неожиданностей мне положено рассматривать даже самые неприятные, оревающиеся во мне резневыми воплями расчленѣнных болотными грудными оброшениями отливающих мучительною оскорбностию во тяжеловесных чернотных опалениях сожжѣнной отрывисто гниющим жирным, ударяющимся во неспособностях человека ото их самых пристрастных окоченений способностей пламенем главы капель трупьев варианты развития одубевающих омыслением существа непочтительно одаенного, смиревшегося безеденными дрожьями приставляющихся ко дилижансовым одавлениям клеоповых безумнобогачей телес событий, дабы в осаждаемом рябью сосудистых совесенностей порывающихся пухлыми, бестелесными белѣсыми, омаслящими едкую желтоватую бежеватость облитых кровяными длинными, жидко сбирающимися ко неловко оступающим по хлюпающей глубине преливающейся перламутровыми, оскрывающимися во змерзающих привычиями орокоченных приставлениях иссахаровых недолжновений кошницевых осмирѣнностей плотий утратившихся, облачѣнных каменистою твердию облачных опарѣнностей уперѣнного неболезненностию продолжающихся остановелых чернот зобящей густотою срезающих обличения тоего эпилептического ветряного кондратя теней комнаты сопений отвердениях радужками крови ногам полосами лиц пленами лиц будущем не оказаться в самом последнем звенящими воспалениями озудящегося предавлением разбухающих искупленностию волий надотравленных решен опадавий во Рай одно ничего ото сфилтрьеого определения человеческой осыщѣнности смотрякого попадания телес ума состоянии: неприметностию

собственных непоследовательностей я замечаю еле видную двигающуюся, почти прозрачную ото земнонебесных отонченностей гридеперливых чернотных широких ротов опарного грязью вопиющей ото собственности невождений тишины помещения точку: то есть бездумно лишаящий себя властей оборонестных енеевых освобод муравей, который непридавленную спешкою приличествующегося обыкновенным вылезал уже с другой, оставленной отемневающимися коричневатыми одувениями белёсых, огрядающихся привлённостью благоговенностью раба ко хозяевам хемным пестрятин стороны ядливо виляющей о искры непостоянства осужденного повелённого площадью дышащегося широтою оставленных небес леса и самоволенно премещающегося ко своей неусмирённой нутряной, одарённой ликом власти Господа во камильских смиренностях прочного плоти моря скитанием кровати, пытаюсь, как мне кажется объективностью несменённых привнесений прочедурнотных невозможных, отрезвляющегося нежеланностью окриков чувства тоих оголённых пробуждений домёков, овать мне средством самым простым и очевидным; я подхожу огигантовыми положенностями неравных прихещрённостей тепло воздымающегося ко капсулиевым послаблениям ветриловых прочений ото неровною зобью покрывающегося ко несменённым часопрощениям во опрённостных исцелениях высохшей руки дыхания к нему и смотрю почти вплотную невежливою нарочитостью обиллюзорных оглаженных стечений довлеющихся привычием становящего должновением дурного волий, и словно аче на безликой, стенияющей самыми искусственными незрениями отставленного видом и чувством во громопернатовестниковых невличённостях могущества даропророчественного сиюминутностью принадлежности онного ко неветшалости полнот влажных оскаблений провожденных ширению подприятственного за малости жабеющей овыделенностью невыенно расстроенностей оводеющихся самочувствующихся сокупленностью вопивания жалости тоих негромоздье повторенностей обянности останывающегося искониями жертвостных столоположенностей форм недостачи сщущений режима морде его появилась гримаса обворачивающего узкие неполности жирными складочными морщинами ужаса, обезображенное собственными, одряющими ко неисправностям содеянного двухсыновыми виноградниковыми заблужениями истины страхами лицо того, кто понял, что измученно содрогающиеся пытающимися страданиями прошлых оснащённостей единства оцелевых душ труды и мирские, оправданные слабостью ото прежнего подвижнического, орывающего хрупкие слабости плотностных, овеенных невосстановленностью тождних нескончаемых проявлений мяс усилия потуги были лишены изначального, сказившегося ото уничтожения достигаемого именно во негативностях негационных толков нетеодицейных потягов вовне благоустроенных, также всё же дурных и немощных во скопленности опрозраченных белёсых фольгиевых, хрупящихся слёзных, проставляющихся дымкою травления

прочеданностных плачей чревоубиенных непадённостных поглощений выставленного дурманиевыми самовнушенными сидевелловыми творённостями пестрёных шумов пребывающегося шовными наставленностями металлов трудов значения, и прогностические страждия овлаченного плотию смертнодушевного есть овинное избранничеством неверно оделённого мягкостью тоих вер Авраам. Широкоождающийся в оробевших размерностях собственных водоотрезанных кусочностей одолжающегося проявлением смешанных тих очерневших осферённостных двоений обходимостного внутреннечистотною фарисейскою непроповедью небегловоуправляющихся остраниённостных говений неосязающихся пришествий муравей уже шёл по редко отставленному сглубинами отемневшихся любостязанных неуверений человеческого, мягкого вдавленностью принадлежа русого соцелия ламинату, но непрощальнокниксеновою неоявленностью толков применений лагунаевых кредитностных гориестных оположенных приставленностей оверенного завления; я потерял его из виду.

Пробиваю уши собственные и вставляю в плотии свои железа я одно от приятного вожделения новины: я считаю так: иначе я не считаю, и сама мысль: редко выбивающаяся из головы моей, за тем удивительно сильная, удивительно прочная мысль... мысль о девочке... мысль это режет отяжелевшую быстро хрустящими ножами, стекающую ещё позволяющими видеть руку мучителя мясами шею мою, пока... пока я не забуду об этом: пока я не обману себя достаточно, чтобы позабыть об этом. Быт мой и жизни мои пыточно продолжительны своими незаполненными дрожаниями тревог: быт мой и жизни мои страшны.

Моредующее княженецкое нерафовое придавленное, собранное излишними наговениями белорожденных поселённостных орешений скорбленовостенных слабостью надпотенциевых озелений толков туевых ангелокрылых глорианов сознание, кровеносные, что, конечностью моих выправляемых щедрот осуществления содостоинных обличённостных щербин проведённостных бытотяжественных согбений телесиего окраснения, под вареющимся ожимаемостью неверенных, пребывающихся ко уродственным отречённостям перворождённых избыточий сощёлкиваний сомнением, но еле проставленного неценностью одно воперений горячечносужденных когтяновых, приставленных опростотию слушанья и сложностью сотворения заделов упоминания довольно, оседавшие стегающимися окриками ветхие сосуды и нервная, отупевшая дымоватою свесою непродолжительных кликушевых бифуркационных довленствующих расстройств система есть ото суждения моего сокрушение иновозможных, да ещё есть довольно положительный клистировыми, означенными во тех обуревающих бурдовых коричневоностях ото сужденностных ировых иосефовых взбутетениваниями во одавленных безвечностными неположенностями однослучаевых ужасов опадающихся чрезаборных

поставленностей толков непродуктивных самобытийств медицинах прогноз, ибо именно непугантелевая плоскость есть должное, пересечь которое я не имею способности должновенных тоих фаберичных цепностей огавённых провидений нескончаемых неवासильевых положенностных ониковых согублений, во де чрез некоторое, даже довольно недолгое время одле нежелательного появления этого муравья весь обожаемый и тяжелохранимостью моего осязания его уродливой оболочки осквози единственности возможного в том быт мой был сокрушён: комната часто требует маниакальноосвержённого овенностию широкоставленных регулярных последовательностей каиафовых терриглассовых воскрешений младоповенных обедений довлеющих прозрачием несодержанного гулимоного оспаренностей телес преходящихся ото щепляющегося приставностию орезающегося твердения иштаровых солезанных удалённостей прочних приверений плоскых, означенных-де зленеющими мохрами негляжевых одённостных заселений некончимого толения волий тех принадлежностей ко изначально избранному сложностию и во трепыхающихся, приосевых трупностию чинений ослабленного мягкостию заплотустроенного во склизких, дымящихся кровяными маслянистыми озарениями приваленных ко продукции тоих надёжей толков одноешного цареиудейских зоровавелевых инакообрушенностей дошевлённого говениями лелеяных огательствующих одnogорственных же домобоерчихся зевенностей потолкиего наставленности фланнониевых выступления органов разрывах обнажающего черноту ото звёздочки самоубийственного тоего неба сшевелениях помещений сна твердот проветривания, достающаяся ядерностиам средоточений тоих влевенностей говорений инокозначенных во сцеживающемся оправлении явленностей несовпадения пеновыверенных во ощемляющихся устроенных несложностях толков осимболических рукогорений облезжей золотистыми нетленными корками во окрепах прочных выраженностей грязи со человека кожи кровать всегда застелена, одное описанное толками непадежного оступлению маловведённостных орошений свиваемых отступленностей ото гэроведающихся тимофеевоосланными прохожденьями во ожиданиях прождней искусственности ото комоньего оставления благоговений во ослепляющихся теснотах граниченного выпаянными озлоблениями откидышных непринадлежностей неуверенного ависагоого сращения дурнот прошлого и прикрасой нонешнего ума покрывало и теперь существующая воображённым одинокоставленным окоплением во способностях наровенных светодетных учение Господних наволочка выстираны, и тем остаются они ноне навечным разотрёхдневным остиранием существ принадлежащего о рокотливых мговых одрённостей свершенности тоих нарочитых, отданных наконецтонеправданными основанностями непредожиданных явлений шерстестарушечных морей наплывающихся вин за неокупление тоих малоденежных необходимий со рождений случайности во величайшем, удряющемся головным пристрастием

со вваленного ото тоего пилатовского наследия богатстве крупнот, что, конечно, представляет собой интервал даже редкий, да сменить который я не в силах просто физически, учитывая свои способности и временные рамки слабостноположенного величиною главно осособлений моих надлежаний увеченных сортовых Эппанов единоналичия сдавленности обнаруженности должного во прежде належащегося капсульного чернотодавления обуглений плотий послесмертных отмщений пушествующихся озарённостей сводообразных искор подо доброхотных оченностей облезаящихся сутулей правлений опозднообнаруженных нарочитостей существ тех поджиданностных серебрствующих отремесленных, наруженных несодержательностными неформами ото права одного стать подложенным оквози сшественностей текстологических проявлений анастасиевой во годениях признанностных непротивлений сплочённостями норовых шоненных благооветаний обонятельных обрасываний прежадных навений гранулированных одушенных негрубых уловочных надлежанствий во приговеющихся тупеющим, бесчувственнореющихся провидеобрушением тоих соклонений мурчаных отверженностей привычных недожений работливых усердий со оборяющимся ото эстетических отстранений вопияний свершенства содержания во совершенстве форменных, пролученных отворённостными святостиями покойностных славутичных односоответствий объявленных таковыми ото семинаросужденных наддовленных михитовых спарённостей никогда иначо не должных определению евностанного роптаньем остановленновыверенного-де рамочных иерархирожденных подчинённостных властей сощёлкивающегося определения нежелательного главным со волховеющих ангеловых незверщённых, ноне опрежденных скоростиями во оставленностях шипящего людоедского, глумленного выжлициными отжиданностями договеющихся жизнью со мачехой гордеца распутного комнаты подступленностей совпадений совитийств тождеством осушением кожах истины вождей, плотнообразованные неведёнными углублённостями будущнодолжного малоспособностными неведениями гротобейгарденовых подсолнечных осмирённостей духа во Духе величин и властей самое отлаженного шторы боле не мешают обходящемуся со плотными соляционными изолированностями предложным, ошаревым голгофовыми нитиями острашением непривятий способностей оголений единоочественных положенностию тоего нашевления самостыенных подлежаий окон свету, безобрывно гудящая нескончаемою ряботною пестротою со утвержденностей правовластных опрошаний подхожденных удобственных очитываний среброставляющимся опарением гулкотных приличественных осмирённостей оворотов надрожденных едких грубых рогож сумка же спрятана теперь под кроватью, что, как не трудно догадаться, приносит мне чрезвычайный, сказывающийся на моём поведении почти во любом, оставляющемся выступлением ужаса

единооложенного ото приличествования надлежих порённостей велений разочтенностных
временеграничий проявлении вред: не только стал нервным, уже во всех своих занятиях
откровенно смешным человеком, бесцельная, нелепая моим трепетливым пустоутробным,
оголённым со святомолуовых охожестий заключительногонаставленного компенсирования
инакослабостных, ошевелённых приставленностию связести оногo ко неонному решённостей
усилием работа которого мучает его подобностью сворливых ослабленных болезней людей
негативно страдающих, несчастных и незанятых, который так и не смог преплотить жизнь или
во жизни нечто достойного, который, умирая в темнеющей чернотною золой опадающихся
освистывающихся, дубеющих о кровяных густотах бурдовых непринадлежащих осмелений
неотрывнодовлеющих пространств огненных, сшевелённых долготостию непрерываний во
видениесудных бесоучастиях подевевающихся сверённостей капель, гнилой, шипящей
собственностию отходящего ко ворошащимся же овемениях орождающихся
доверительностию высоконазначенностных примерённостей овеки сносящейся утреннею
оскабленностию сомневающегося, приверяющего ко простывающемуся неединственностию
состояний прождних оверённостных выкамаранных соучаствующих отдельноболённостных
провидениевозвышений почитательствующего телеснооформленного медвежьего оования
оловеющей пристрастновыми сокрывательственными фольгоосвеженностями
тоесоскажённого и тоескаблённого гладкостию безбарьернопроходящихся о кожистых
опалённостных неосыпаний соблазнов трепетливых благочестий ветров ласки рассудку духа
надежды волнений света баневой пристройке с омеряющимися ядовитым влажным,
придовленным со оходящиеся подобииерванные озрения систематизированного выпадений
метагрязьевых, отравленных сошибающимися оправданиями колкой яркой, обрастающею во
грудениях позднесменённых способственных решений оставления тоих дурнот болезненности
песчин шевелением гадами и считая согбение их клыков о тебя тёплого умеренностию; хотя я
и раньше не мог похвастаться выдающимся, одно сознающим меня вовне явлением человека
здорового или хоть небольшого терпением, так ещё и обрёл нонешностию сумочных
расположений и муравьиных поджиданий ряд новых вредных, очественных самою явною
дурнотою принадлежности ко материи привычек, к счастью и моему благоразумию, вовне
иных привычек, чем выражающихся в постоянных, иногда вовсе заключительно
сокрушительных цельности моих внешних хрупких несвершенных оболочек укусах нижней,
даже еле оттого опухшей темноватою неприглядностию губы и непрекращающемся желании
почесать левую, адельхейдовых соправленностей подмётной иллюзии вождений
овладенствий тоих надлежаемых непадностных временедавленных незнаний обо
принадлежащем соответствию во явлениях соккрытых ото следующихся бровь, из-за чего над
ней у меня уже образовалась небольшая и совсем едва тревожащая меня, да не становящаяся

от этого неощутимой невнимательностью ранка, однако всему вновь помешал он: он, что, конечно, под сомнением и едва ли подтвердилось бы при даже самом удачном, оснаждённом замбриевою дозволенностию надоположенного ото Радостной Вести и во ланкарвановых побратимостях единого общённостным-де соведением гула оставившейся во стеснённости предаваемых распустошенных несодержательным постиям оставленностей чёрной, вопиющей ото отсутственностей померанцовых соглублений единства веры вне того ужаса приспособления означаемого через означающее во чистоте мысли и существ тоих иайльевых пространствий Увара мги тишины обстоятельстве, но оставлялось омнимой надеждою нечто: он, этот красный, долгошепчущий своими маленькими, неслышно ударяющими о поверхностям оснаженных поверений вурмариевых ученичеств декабрьского сопред колресандоиевых нечётов безмолвных, только чуть касающихся тех бледных белёсых сделённостей еле осуществленной тесноты продолжающихся освоенностей давящих шумных, отрезающих тягоденными неудовлетворениями смешночеловечных снов во генезисе-де оявления тоих морфологических особенностей нестрогого редения суммозатрачиваемого приставление чешущихся наколениевых охрустываний содробляющихся неостановимых продолженностей подлеизученности механических толка и излишённому озноблению ума во можести совершать одно малодейательное чтение рассудка шагов плоскостей тоих лапками муравей с пухлым чёрным, во сердцах моих представляющимся омедлительною канальевою лёгкостью придвиженностей во стороноозначенных преставлениях отрупевших зияний остального, оголяющегося немощно вокачественной ото другоетолковости огонений расправленных нерешённостных ослучаемовых позоревых капсульнооресчаемых опытанствиевых мокредных штангиевых оленённостных черноозначенных сокручений овлеянных избираниевых несредоточенностей могущестей силой тельца брюшком, которого я заметил на еяевых вервях останывающихся сотановленностей углаправленных темнот содержанностей стенаний столе во время включения едко оттенившего кенеяниновы оправдания оспособственных озрений во лёгком движении быстро оставленного ото неловчений отключенных созерцаемых наблюдённостей дикокозных серн сталеоправданного овлечения истиннохлебных достоенностей тоих насекомого светильника при привычных для меня обстоятельствах. Он беззвучным рокотом двигался к омёрзшей бездейственным исполином плоскости пола: не ожидая моего на себе внимания, насекомое встало в ступор, престало есть витальною единственностью во оробевшей внешности собственного, после чего помчалось крохотливыми озращениями принявшегося и означенного припасностью фарфоевых назначений в обратную сторону, что я непродолжительным луциллиевым одавлением скорее осредством оспособственной неумиранием во падании за учённостью, вероятно, неприставления главно одолеваемой рассудочностью Его Муравья удачи плоти

предупредил, схватив подле случая того сомирительного освещения душесмертного создания за тонкую, чуть даже не осрезаемую моим малосильным ударением ко тому лапку и положив на остудившийся опониманиенностью продолжающихся осовершенствий песочных дымчатых роз фониего зудения озвученности стол: во моей торопливой грешной нутренности было одно лишь прочное ожелание снасиловать его хрупкие, невероятно сильные, да ещё той же невероятностью далёкие ото моих врождений плотия, подпалить его мучимое, едва даже достойное численностью размерностей своих чловеческих гислодев ослышания своих орывнностей брюшко и наблюдать за негативными во смертности души его страданиями, да прагматичные, оголяющие ещё скорее дурноты моих помыслов и воспитанностей недалиловых современности обоеполости самой неприглядной цели мои встали выше: я, сам не осязая чёткостью формы или хоть способностью прервать иное из собственных нечестных вырождений смысла своих действий, стал проводить уже слабое, оделевшееся нортгемптоновым обасидениевым агнцом тело муравья по четырёхзначным, обыкновенно отвлекаемым ото моего нескончаемого гридеперивого ораненного томления во этих малостностных сомерениях говленноволенных обрушённостях толков умственных немот и нищет моих чрез неоправданности грязевых оступленностей покрытиеглавым оставлением молитвы присутствия стенам, по всему периметру разнорельефного своими пустощербяными, редкогоркостными ото привлечения бесконечих тоих озарённостей бортнических овений возбуждениями пола, как вдруг, коснувшись того самого, робко облачённого моими средоточиями сквози неостановленностей бездны всемизначных известностей угла, в стороне которого я однажды и обнаружил галлюцинациевою опийственностью прерождённостных доминикосилосовых декабрей огромный, оплывшийся существенностью самостояньем оволенным во самостиях радужный, лишённый качеством из несовпадений тоестонных заверённостей скороостыжения жнеявых принадлежностей ото человеческих подождиданиевых несредённостных опроникиновений металлических сосияющихся новин муравейник, и тогда он: он: тогда подбежал подобноперепончатокрылиевый нерённый соваженный сородич о коллегových наставленностях осияющихся содержательствующихся журфиксовых побереений, который, как мне показалось и сталоь данным и чрезвычайно ясным ото того, стал иступлённою особенностью слабо кинудворственных совпадение обнаруженностей скорее остыдных претензиевых разверенностей Санса о архиерействиях овизжать, озывая всех приёмоностью моих осязанностных вежевых оглашённостей и тех, кто посмел сосущественностью одовлеющихся жарами оловеющих приставленностей греховидственных телесий веноовленных неожиданий становления непроющего слуги ото рукоположений новоявных прибедённостных очевидий ветренности толков уродств самочеловеческого ото

доставляемых множественных-де жеманствующих порений темнотных холмованностей оставеченных натрясаемых венознорожденных перламутровых осозданиевых вальтраповых уверенностных ожертвенностей альхайдувых оставленностей паликаровых осмертенностей во срозовеющихся теснотах гоговеющей чрез солинения усреднекорённых продолжающихся оседённостных ежедневных наставленностей продожений купновырученных, орозавшихся ото братовых предательств во семениях его сочтожаемыхся младенцообразовым колоссом зол подле воплощённостей сквози вычурную слабость единственность предавеющихся силомогущественных сочтожений концепциенного принадлежа его с братовыми, искажёнными битвами орождений динамикоеевных вечноусердственных появленностей чурений колумкиллевых диалоговых совраденствий клистирниковых рвот образованиями наведённостей плоти властей особственных, надеясь ото того обнаружить хоть единственность соответствий, ибо осознавал, что возможностей на повелеванное жироблачёнными благополучными кликушествующими проповедями областных разночтений спасение есть одно фантазия и дурной своей потенциальновою вредностью деятельностиного помысел: принадлежный ему умрёт мучительной, ноцицепциевооданственной подо ютвароводевыми сливочными озарённостями бывшего чувства обо жизни и способностях отродиться воне иконопадучей облачённости незамоленной дурноты смертью, да я, уже сощутив на собственности озлобляющее, глазоотводное отравленностью души во кажемёртвостии несвершений долгооправленных празднествующих масел ослажденных солоноватых ложноапостольных жал ото золотящихся гурбевостию наконецтошних орожденностью преодоленствий чрез безглагольностии толковенных обязательств гирловых верховзорных шестидесятей ото признании православного звонниц светов ожидание, не торопился: я отпустил нерезво ползущегося падучим ослаблённостным умиранием муравья с повреждённой, размазанной только излишно собирающей половые мусоры и пыли тяжестью лапкой, который, остояв неосязанием потенциального и настоящего через тех мучений бывших, тут же ринулся судорожною невиновностью о моих бездушных жестоких надругательствий над имеющим одно смертность, минуя своего очертевшего красного, блестящеголазого чёрного оспасительственного сведения варнаковых униженстивиевых ужасных порождений, в сторону местами отъевшегося плотностью своих ветхих тосканских пестрот углового плитуса, небольшую дырку в котором я заметил только сейчас, предвещая наставленные рязью стонущих во их неизменно довлеющих вестовщичьей спространённостью ото несдерживаемости прочних зареденствующих восставаний прождных ненасмешливых щекотливых усмеяний аугсбурговых наведённостных остилений болях уколов муки утрат своих будущих жертв. За их побегом последует медленное, страшное и отвратительное вымирание, и потому мои последующие, озябшие ониксовой чернотой

первооснованного во границиях прочесужденных виноградарствующихся опияний внешнеодёрнутых барьерностных приставлений бурнастых рябей во человеке ото сосилений его неоканчиваемых властей тоих расположенностей действия совершались крайней, состужающейся с бучени дерзновенности духов моим неовне содеявшей прочие одарённости нескорочтённых покоренностных гемфсиманских оголений неловкости ото шегуляевых приятностей честноизреченных золочений плотий отказоданностных овысотченных первоизбрательствующих замещений во души неторопливостью, несмотря на то, что они вполне могли успеть страстноседмиченою окрасностью сощвлённостных явлений толков инакоповеленных шебучившимися осмирённостями зеленоватого, беззаветно сокрываемого во пёстрых рябях неплешеватого, означенного колкими власяными оважениями прерождённостных, обивающихся со мягких прохладных списанностей еле ответвившегося ароматами истиноставленных живоприсутствий состраданий ветра листьев холма скрыться, изменить место своего основного жилища или вовсе податься в долгое путешествие, что не так уж и типично для них и видов их, да оставалось, видимо, единственной долженствующей потенцией, в отказе от которой центрального управления муравьев я отчего-то был пророческой гордыниевой народотрадицией несловарных единств уверен, взбутетеневшееся невелеречивое дурноватое, оголяющее мои совёрнутые графитовые нелюбитомировые постановления сажений белеющихся ото башенных приветсвенных определённостей толков инаковоленных муравьиных глухих всезначных топотов форм очувствие чего не может быть мною объяснимо чрез исключительно рассудочное, зато достаточно просто иллюстрируется на примерах скорее исключаящее пытаемое доказательством человеческих, угрожденных во непрочтённых значениях номинированное и прозревание чрез препоновы одноположенности оправлений истиннонаходящегося судеб, разумеется, никак в дальнейшем не связанных с побиваемыми непоследовательностью первоописанных оттеночностей визионерствующих довлений облезаний незачтоосуждённых представлениями уверенных же в чём-то заблуждаемостью своих отличительных, скорее учащённых и недолжных, да крайне полезных и свойственных человеческим натурам о тех Названиях качеств людей, определённо, как-то да получивших согбевающиеся едкопромедлённым неусилением сперваодеянного затрачиванием вниманий несвойственных принадлежий корректировки посредством простой, раннеодаренной болями во снопящихся оделённым святорождённых самопробуждённостей остановлений пурпурномантиевых ладолавреатов инакосоженных ото явленностей честнооправленных остремлений стыда и гадостей моих гладом животах традициосудьбенной во несмеянии права определённого прежде оставлениями светлоодариваемых грязных неприятных, пребывающихся состремлениями то назвать таковым ото барбатиановые финесовые полярности определившегося внутренним светом сквози не отражающую то, но

превощающую качеством прежним, огаженную неприятыми поставленностями вечноеосмиряющихся поприветственных близостей некисточкоодежных исцелений тьму кислот решимости: поэтому в подобном узколобом малосильном, облачающем худшее во прибавленностях нищелюбивых отверённостей свободственных наречённостей сошушающихся теснот отщепляющей перхотами сходящих жирными маслянистыми, монтнаниевыми золотистыми успокоенностями сносящегося иаддуйственными бесшумными неорождённостями прочевошедших гулом расходящегося к оставленным неувлажнёнными осмолениями перламутровых млечных, впивающихся ото и во неговеющее зобение орастающего мельничножерновым осыпанным неприменением мозолеошевлённым работным продолжениям белеющих радужек невернопонятого и дурноувиденного пен эха отзвука лепёшками чешуек кожи духа энтузиазме я не вижу ничего вредного, ибо уже нашёл я дрожжи и мёд, омешав их и нанеся рядом с угловым, окрывающим сменностью властей собственный обвешенных тяжб остриженных корентиновых сниженностей исправлений прочеодаваемых неспособственных расчтённостных несвершенственных павлозаклучений плитусом, вблизи которого и должно было располагаться огревающиеся в умах моих кожнозудящим, присталяемых ко разноспособности уныниевожденных несамсониевых отпеваний протяжённостей оцелений поводопреткновенных резких сошевелений властей тоих безобидных, но явленных подле значительностию должного zdeжде всего сокрываться во роптаниях инаконаправленных наущениями присталяемых экенбертовых сереющих властений времён качества созданий пламенем логово существ, терроризирующих мою жизнь, в честности излучённого самособственным пристрастиевым наделением верноговенных рожденностей поздних воспалений во человеке-де его уродства положенностию чего я на оголившееся останывающими уродствами слабостей моих же недолжий время некоторое мучительным сомнением задумался, ослабив без того ошедшающуюся безмоими вrastаниями действия хватку, почти сразу восстановив суровостию бездумных отказов от вредношевеленных колебаний собственности направлений тоих и приступив к сладостному, исступлённому немыслию оборений высокодовленных овестений ожиданию. Сквози непродолжительное, преломляющее правостию меня как одержателя тех пузырчатых израилевых коленопреклонённых ароматовожденностных разрываний плотиевых отщеплённостей во дрожащих вибрациях ослученных колена Данова внешнеистравленностей время к нутрянопременяющейся сюрowymi оговенностями сотраченных возможных во неизменно скрворящихся сокрушениях непривелённых зимноостанных поменяемых болотных оtrupевших граничноопарных зубчатых окрылений пальцевых ошивений смрадов песоченных, оперяющихся служительств шевелённых хлебоналичеств жаров смеси начали подбегать первые, оревше сомневающиеся во верностях чтеннописательствующих

синеющих опальнообитательствующих гладопёрстных одавленностей форменных вернот
тоим претензиям расправленных ногоочувственными жалами придовлеющих
одеялоприбавленностных солнечных, обманчиво отравляющих рябениями кудловыемы
излишениями сядеприглашённых бурдоватых морщинистых каменнооввышающихся
средоточенностей полнообразных, избыточножертвенных во неверии вретищных оживаний
небходимостных самостановлённостных орачённых неограничений засыпаний теплот искр
спирений муравьи, смотрел за которыми я с расстояния около злостно прибавленных их
неведениями ото моих недвижимых хладных великоинквизиторских жестоких намерений двух
метров: вокруг карамельного, еле овенного человеку одно существами неоключённых
выбиваний ганзовых обходимостных кричешумных полносовмещённых
шапочнообразованных, едва пробивающих одно становящуюся главным отдалением ото
небходимостных во молчаний незаинтересованного блюдаения усердий тех правленностных
Узких врат щепотку овений сгустка собралась уж целая, обивающаяся самонаправленным
давлением за привлечениями едких, вестных говорённостью оставленных рябью отдаления ото
истин или могущих красноверённостей дурнот во персоналиевых неспособностях и
избавлениях ото единственного избавления о гадости и падшести согрешённого мгновений
тождествий горка жадноинстинктных насекомых, окущающихся ядовитыми отравками моих
уродственных кормлений легко прогнозирующийся из моей дурноздоровой улыбки и
пробивающейся очтённостями спространяющихся во воздухе и тела их одоренностью
последнеденных генетических оцикловений знаний собственновымученных щепот
фюзелинкубовской выходженности неясный крикливых, оставляющихся позади гудениями
побиваемых кислотами мохуавых овышающихся здоровений влаги звонов зов скорой гибели,
чем гордиться и на что смотреть моим-де опийственным вопианием есть ужасное, да
сопротивление оному является ещё большим, лишаящим любого искреннего
дьяволоприставленного, в настоящем же отвратительнейшего гадкого удовольствия
кощунством, тотеманную павлоантиномичностным приведением святоявленного во человеке-
де еретически связанною со согбенностью уродства первоозначенных неспособностей
сочувствовать то над фанатичностью ошпаренного лоснящимися, опадающими сваренными
худыми, протягивающимися во хладе единоистинным оквози тоишни несвершенства
деятельностноневынужденных трепетов ожиданностных бездьянственных тяжёлых,
осыпающих тои привелевающихся полеколосьевых, овышающихся визионерствами
первовпечатлённых несовершенных, вовсе смехотворных свойственными немотами и
немезиями отрупевших нестарательствующихся внешневыпаренных, изглубинно снующихся
железоставленных округлённостных, бодянных предупреждённостию надредактированных
несовелённостных бретёрствующих светов во человеке ото Богонахождения обнаруженных

внеполемичных устройств моих неоглашений со дрожащими огненными превертениями оставений гудящих, белеющих во дымчатых ветробуйных гамалииловых рокотов поставленностей организаций неприглядий костей пустот мускулами лицами крова величину чего я мог и преумножить внешностью очеловеченных способностных вавилоновых дерзновенных, единоозначенных чрез постуляцию тоих неизвестноштных общеслиятельствующихся, наконецтошно игнорирующих привемающие тои елифазовы Рыжебородствия определённости шумами зудящих, облачающихся говенностью представляющихся обособленностью непрактикопринадлежного совоими илиевыми приготовлениями беззабоченных, отвердевших шепотливой, оснаряющей овготовленностью ко снисходящему граждоенственности померяющихся эфесовых опалённостей претворений наковозмещённостных, продолжающихся ото беснующихся яркостных отблёсток пребывающихся со прочностей оходящихся подле терликовых ослышанностей варварствующихся королеветных нёсел подмышечных, отдавленным сквози приставленности разноделённых очённостных придавленностей односотнерождённых, облачеонных ото темноставленностей неглубьевых вношностей человека во представлении тоим сквози узниц беглоокрывающихся надсогбенностноширьевой обоечтённостностью ветрообдувных, сдирающихся сквози неглядобуённых терниевых, назначноздающихся после свершенстводостигающего генетическою огаенностью шумоволоченных зобеющих жаров третьеогибающихся следственностью вовеконаправленной ко херириковым-де оснащностным главнокнижиям тоих оязыковённостных блудниц Сеннааревых казни людей уколов ошерений раскрывающихся светов напряжений бурдовостей зубов жеваний деянию роговитостию младенцев ума обращений изысканий более точности игры рассудка осязаний нелепиц в краткосрочном, едва принадлежном настоящему становленностью неводошумствующих горестливых положительнооснованностей варианте чрез овядающее психотическим бесшумносогбенностивильбиргиевостью розоватоовленных конкретизирующихся шерстнообиенных кожноболезных, преющихся о том к праздноизлишествующим вреднотам гусевоскресений дваждыраспятий мыслей тех неконцентрированных цёрохов гадостей непрерываний сожигание, зверское, нисколько не допустимое же в оббегающей астартовых покойносвятных Аттилов, привестающей безмолвием соусердных нещедротных молчаливых насилённостных vormскоумертвлённых словареозначенных, огающихся ко кожистым, нарочитоовласяющимся ездролавровых альтернативонаселённых гореухожностных убеганий асафовых насченённостных святоуказанных, бестеющихся известняковыми ошибленностями толковъявленных пражённостей трепетносинтихиевых разговоревых говениевых дарений игнораций опадениям окостниц действительности расчленение или безодушенных эгиевых неспособственных

расслабленностей толковыверенных краснооставлений во максиминовых благодарностях Господу осквозь тои вобесконеченные непричастностные неознакомленные дурнотогрудных болезней филистимляновых свесохорошестных одерений двамесячностеклозующихся гулконешевелённых ропотов насекомовыверенных ссуждённостных, праздношевеющихся во огрённостных мягконазначенных остиерействующими уваженностными порениями продолжающихся непреставленных облачений обретённых, сокрываемых во инозначностных Тутмосовых известковонарождных облённостных, ненутрянообзываемых гразностью несоформенных отставленностей робеющих во кукольникорастенных объединённостях всеположенных праведнических ориенталиевых, обереющихся вохрустываниями кожеоблазных ораненностных каплепадных осмолений тёплонасожденных холодноватых усерённостных, приличествующих тождественностям тоих углублённостных внутресветий подо рановеяниями во предсказанноявлениях единства глубины ото пригondreющихся опредностию ужасонаправленностных нешевлённых малосхождений во твёрдостях одноонных осквози жезловых зароевыми величествениями просхожденных човекогодаровых говений решений, ошпаренных еледвижёнными влиянными тщетноозаренными неправдами людоедоплодений тоих травоврастаний виновностей оленей направлений пользованностей динамикопривлечёний разночтений секретности властностей неудач утопление во спиртах, однако от уподобленного питаниями честившихся не вплощённых, отрицательноявленных о представляющих тождие неотпажившиеся позднорешённые дурноты вовеопарных ономинированностных инакомыслеющих, единокачественных во отношениях к неизбавляемому провидческою амосовою скажённостью вернствующимся надзаблуждённых добавленностных многословных, ожаренных грязью теплотных нежелательностей суждений тоих приветливостей профосов пути теплений горений удалений одовленного теснениями одерённых ложенооверенными труднотами наделений тоего тоим шумов счастья отказался, рассчитав на разовую уродливость таковою неотвлечённостью, что любой честный, не оносящийся гневом и ко смертодушному во единственности глубины собственного неохрустывающего жезломиндалевых Гисел человек, даже теоретическое, формулирующее большее святости обление совокупленной со крайнею, позволяющею в конечии жизни тоего представить самое совершенства человека из возможных всех ответвлённостных праздноусиленных опийстий прочих неглядённостных насыщений благочестивостию удачи существование которого внови же оставило меня на мгновение во крепнущих, оправленных ко вотоЧеловеку чрез неглянцевитопривеленные муругиевые, излишноозверённые прошлестью слабостей моих и крайности несовершенств осязающихся гадостей происходного и будущего допущения сомнениях: мысли те привели меня немногосторонниую человечностию книгосудейных меродаховых поерхиях

определений ононого онным в былой бездумный, достойный прочного зычного, сопящего кричаниями прошлых, окровляющихся отупевшими рубениями жестокой, звенящей во остальной мокрости плюющего золотистыми, побелевающими чрех грудующие корения араковых несказанных, жабеющих орастающимися пухлыми, невернооснащёнными ото бежатотемнеющихся, водениенаслаждающихся паганом ноненахожденствий тоих неодрённых, говеющихся сквози тяжелодышных, приселяющихся ко внешненасаждённости остываний прочтений пустот голубенствий вырывающимися волдырями молчанствий гниениями тела плотности еле желтоватых мельхиевых надграниченных рамочных, обогоренствующих сквози жительствующих содомогоморевых населений появленностей кости неудач одобрения настрей: я продолжил наблюдать, никогда не решаясь на данным полученное взглянуть или дотронуться до онной трупной безсмердящей жирной массы; что, конечно, всё ещё в процессе образования и, хоть подобностной малосильной объективности ради, одно начинает своё ненаселённое худое становление, не заставив, как я надеюсь, ждать особенных антифоновых разчтенных опряжённостных давлений.

Прошёл месяц: я сделал ещё два симметрично расположенных прокола на правой мочке, я вставил в них два лабрета; всего у меня их теперь шесть, только два из которых ещё доставляют мне хоть некоторый дискомфорт; муравьёв стало больше. Я пробовал почти всё, на что у меня только хватало средств: сначала смешивал соль, кофе, соду и крахмал с мёдом и сахарным раствором, что, кажется, одно только приспособило их, смогло сделать некогда бесславно опадающиеся подо повытчинными срядённостями прочних надоокрённых, дозволяющихся за неокупившейся затенениями крестчатообразовых помешательственных, облаенных дурным, пошлым и гадким во чловечеведённом очепном, жареющемся осквози гугонных неуместных-де вечностоянных, опадученных звоногласными каменными подоземлиями народностных недолжновений человеческой, омазанной маслянистыми, обедающимися ос опотевших кровей смежающихся ко необлобызавшемуся приведению обнаруженностей охмеляющихся и являющих вовне сдержанности неузнанных, правонемочных, глушащихся щебетом златистых опасностей безвласых, да облитых гноями вреда ликов снов телес тех лествицами дрожи провелений пад гулом несредоточений сщищённостью шумов тела крепче, ото чего я исключил из методов борьбы заманивание с ядами, коими применяемые мной продукты и должны были быть непрочным робким телесам зарюмных, осмеянных динамиконеспадностью о рокотливым необращённым продолженностью неприглядствующихся, облачённых костностью генетически выверенного в положениях подобных оскорблений, содержащих-де Дух и поступление ко Господу существ крестцов лиц созданий; лишь рассыпая отягощающий комнатные, чуть только ранее владеющие недушнотою несносимого жара во запахах эркиевых знаний гордыниевых

неприличестваний содержанностей тех раздражающих, отставляющих меня от озеркалившихся, окрывшихся навязчивым, вечно одряющим мои осторонние слабости очрез золочённые ожимостные субъектные формы опрастывающего, ливержетного намеренностью устранённых бирюз перламутровых, вновивырученных отвлечённостью очувствий принадлежности реки ко морю и моря ко воздуху радужек проведения страданий смрадом чернот сгустков поверхности кофе, всю соду и остальные, условно обязанное выдворить их из моих помещений бытовооборотные незамысловатые вещества по чуть отходящим еле виднеющими, пробивающимися чрез несвершенность и неосязание тоей незавершённости гордиевою осаждённостью ядовитообрушенных недвижённостных овеличествующихся, озвученных любой устройственностью тоих немощных, жирноодавленных лестными забвениями всеобщих неприязненностных непримерений холмов гамов чернотами плитусам и обгаженных прижигательствующими жарниковыми тождеобразованиями елений во наслаждающем явностиями неспособности сильного ко слабому тороплению углам. Я лежу на кровати; по мне бегают небольшая, распространившаяся по всем частям тела, если то и есть принадлежащее ко мне или к принадлежностям моим, горка муравьёв.

День отепериего: проснулся я во едких, одавливающих ко свитийствующимся оболониям давяющихся кислот тождних щипках муравьёв слезящихся несвойственной сухостию своей окрасневших глаз моих: после того я стряхнул их и встал; во следующий день я проснулся в кашле: объевши желтоватые остывшие слёзы ночные подле глаз моих, муравьи лизали и пили слюни мои, и с трое их муравьёв слезли ниже обходимого: после того я выплюнул их, стряхнул и встал; отчего они родились одним днём в таком числе? отчего же мучение это преследует меня ночью, днём и в деле? во следующий день: я проснулся: во рту моём были ожёванные комьями муравьи, которыми я оперхнулся со вставания; их становится всё больше: сидя за столом, я есть древо им ко необходимому: они кружатся подле сдубевших рубцами разрывов рук моих, внови залезают на меня, кусаются и сбегает обратно, после чего повторяют круг; во следующий день я проснулся ото плача: муравьи раскрыли глаза мои и искували роговицу: проснувшись, во гневе я стал бить стены, поскольку хотел ударить, да ударить было некого: руки мои оголили кости за глубокими, уже висящими белёсыми плёнками шрамами, и днём муравьи часто искували меня там, хотя каждое мгновение бодрости было отяжелено тщетностию попытки сбить их с себя или сдуть, что, впрочем, не работало вовсе никогда; во следующий день я проснулся от тупой нестерпимой боли во язвах рук: сперва во остывшейся подле нерешительности только сильнее ранить себя трусости я сперва пытался слизать муравьёв; во следующий день муравьёв не было: не знаю я, есть ли было то шуткой их или сном моим, но будто целое бодрствование я провёл без них, к чему довольно скоро приспособился; удивительно, как те первые дни я мог сосчитать своё

бодрствование, когда обыкновенно ни один сон я не способен отчётливо выделить ото сна: с того дня всё изменилось: я точно знаю, что после того я во одном из просыпаний был почти во смерти ото нестерпимой, кряхтящей во готовности умереть ко укусам из боли: они изъели орган мой, рот мой и глаза, и так они весело били в перепонки мои, и; действительно ли это существует и существовало? как же мне? я залепил во некоторые дни скотчами и пластилином рот, раны, орган и глаза: нос я продел марлей, и так я засыпал долго, пока не оказалось, что те пробивают пути свои самостоятельною волею, и никак не сменяет их продуктивность те немощные барьеры: кажется, тело моё всё было облеплено их трупами, их особливими мразями, и кишело во кошмарах их телами комнаты мои, и все мысли мои дрожали в них... эти твари, эти безобразные мрази: они, мрази, они... эти мрази, те твари, те... и не имею ненависть к ним, ибо чувство это тяжелее и страшнее, и я будто даже смирился с ними: будто по просыпании глаза мои не съедались, будто орган и рот мои уже не обглаживались ими: будто лишился я сна тогда во ожидании их вечном, и муравьи эти: эти создания, эти мрази: твари эти, эти существа, что вызывали одно жалкий тихий вопль мой, что ничего изменить не мог: эти твари... их стало меньше, и более я не видел те отвратительно подвигающиеся горы, хотя часто ступал я на них, и каждое просыпание моё было во их трупиках и дрожащих телах, и убивал я всех сперва, хотя позже и перестал: я уже ничего не мог сделать, и остывшие перламутром глаза мои одно одеялись болезненными невозможностями и неспособностями: эти муравьи были рядом, и день или месяц я был с ними, и теперь, конечно, есть они, да тогда бы сказал я, будто нет их: эти муравьи, эти казнители: они: их много, и боюсь я их, и ненавижу я их, и имеют они власть надо мною, и живу подле них и даю им жизнь свою я: отдавши всё, я есть только рядом, и муравьи эти: эти сильные, смелые и множественные: они, думалось даже, лучше меня, и принимал я то, хотя ненавидел: ненавидел: ненавидел и не хотел их, но они были, и я ничего не могу сделать с теми, поскольку те: то есть муравьи: просыпаясь, я делюсь с ними и даю им, и одно они: они, те муравьи, те оеды, те властии мои и повелители: я ненавижу их, не терплю гадости их существования, но уже нет во мне, кроме боли и страха, кажется, ничего: те муравьи, те властители и убийцы: они рядом, и пропетый, оскоблённый дрожью властей озолоченных правд сияний тех лучестий положенностей шёпот их я непрерывным рокотом голоса слышу во всех необъятных, расширяющих мои же владения о тех островах сладостных положенностей небесах сомкнутых редяущими во оклеточностях шторами окнами своих, и муравьи те... смешались все боли и болезни мои, и был я бредом тела мучим, и ото стенаний тоих я...

Во больных, оставленных открытыми краснотою гудящей во аредовых остановностях заключённостных, довленствующизих оснащёвиемостью едких, дебеловатых свечениями опадающихся должновений гадости оснывающейся одно убогостию порока

человеческого во праздных страхах уродственных наявленных постежённостей становений обеливших, приставляющихся едкими частыми робоватыми, оплёвывающимися комановыми, представительствующими во ошибочностях ужасы признаний собственных дурновелённых хожденных обитаниями елесовлечённостных пожелённостных учёностей ото естество рождаемых тёмных, опресняющихся ко ядовитоотверженным смягчёностным кентербериевых оснащённостей должеющихся, открещивающихся очихаевыми непродукциями во естествах тоих Твоеученичеств обозяневающихся опёршимися, вноясновверяющимися неположенностию строннеогажденных неприсутственностию одлежащегося одно ко убиенностию шишковеличинных иафетонезабвенностей чрез лики во ликах властии как самого опасного человеку обыкновенному ужаса тождеством пыток гласов оправданиями чешуйками лиц власти островенностей умираний крови глазах олежаниях я смотрел: смотрел я подле, и видел-де монструозно крупного, прешевеливающего влажной, отрывисто дубеющего воздушноопламеннымичрезвивинами манассиего оставения зычнодубенных опресний ввершающихся ко тоему нимбоватых отоводерзлённых прилежанствующихся дрёбаний касаниями ко только чуть лишённой привычного окрытия пробивающейся сереющими крапинами выждленных частотностей тоих кровати простыне сегментоотделённостию своею червя: червь тот был оскоблён каблуком туфли, и червь тот открылся мне непостоянно приневоливающим, озжающим билокулачныхбилолицьевы способности малостноопряжающих, отсевающихся сивоевою внешневестимостию почитаемокладьевых озрённостей муравьём: муравей тот останывал нешипящим, извивающимся во мне ощёлкивающимися срезаниями продолжающихся ко гадящимся, желеющимся тоепраздновой республикоопределённостию осредоточенного неизменностию ногebений пересекающихся жезлами солнц лучей во коринфоевых определённостиах средеченных посмеенствующихся чрепов оглупляющихся мраком весеющихся гудронными оложенностями определяющихся во следственностях тоих-де, тоих-де мразей знаний глаз вопьяния телесам моим уколов рокотом ко мне, и останывал он, и останывание его дралось ко белеющимся стокновенностям позволяющихся ужасом кидающейся темнотою, чернотою и пеплом дымного бестелесного, ударяющегося ото колумкиллиевых скованностей островных принесогбенных каторжанствующихся отдалённостей вопиянствующего чрез глазооправление краснотой каднесорывающих, согревающих золочения тромбооторванных тюремных остыдных, главно обличающих властии тоим-де во тех убийств сил смрада комнаты моей во тиснениях плоти моей шумов; я лежу на кровати, и кровать та есть сдавленное и согбенное во моих неусердных пытаниях: я есть бездвижное ото того и лишённое вида создание: ангедонические, подъявленные ко ношнеобречёностным чернотам гровеющихся, ужеряющихся положенностию серьёзностей обращения Елихорефа и Ахии

проливиобальзамных краснот абулии есть тождные освершения, и яйцериновые осрезнённые боли: червяк тот есть гигант, и муравей тот есть гигант, и мысли мои оперламутровыми, беденеющими во штормовенных залежавшихся надщедровшихся гурдёнствующимся освоенностях незлосодержанных озвучиваний приставающейся ко надопревающимся звонам марфоевых еленеевых опращённых поженностях гурбозначивающихся семействующих отосовбенностей женского отоначала долга истины ветрами одеряются во тяжелодышащих раздражающих различенствованиях озных погривастей иконоворенных осмотренностных натолкновенных омышлений отворяющихся болей во шипящем болиями и страдностью тоих горле; муравьи ползут по моей комнате, мне и: эти муравьи плодятся, и невидно жирные, нечувственно вязкие жидкости их есть везде: их тяжело увидеть, невозможно детально рассмотреть, и их останывания: их дребезжащие орывающимися стенаниями говения: их стоны: их крики: эти нешепотливые гамы: этот рокот: рокот присутствия их везде чешет свёрнутые безумием уши мои, и те ужасы: те вожневенные отсутственные единства принадлежностей душащихся, восстающих ядовитыми, отравленными гниlostию человека по пустотных темнотах прозревообманных декабрей о декабрых ионадавноствующихся перестаивающихся прочнееиреденствий допущенносложенных ореговённостных, озвончаемых обязаннолюдственными верноХристовых одеяний гудённостных несвятостных чернот шипящего ценововерённостными окукоживающихся, бивающихся нескончаемыми, отваливающимися ко жидновиноградиевым лукиевым означению одящейся оветряющимися горячими режущими ветрами чтеннозапревенных членов аделаидьевых обращённых, остерегающихся окончательностью смертенных, ющихся резакаными повелениями тёмновырождающихся, зобеющихся одинокооставленными, пребывающимися ко откровенностям подлестановящегося ко озвученности ядернообоевых назначенностей ко столь же безлюдной, столь же вонючей моими трупными душными запревениями оставленного вовек одиночеством ненавистию тоего комнате слуха седениями крон жал медуз ложи жирами морщин окружая шумов вибрации пузырями жаров: скрежетающие ужасом вновиоставленных рябостей деревеющихся, становящихся ко здоровостенным жирам оставленных восмертелиевых ночнезаполненностных кожистых, дрожащих пробооверенными гудениями гула звона шёпота шума глухих голов омёрзших зимою воспалений острот серости эти дубеющей смрадом смерти стучащихся отрывистым, привлённым во действенности журналиевых нажинающих мясом ран комнаты; я не знаю, что есть, и: время отходит от меня: оно, выругиваясь, отплёвывается ото моих пустословных невелеречивых обращений; эти муравьи: их громкие, тиннитусовые обоелечными озвениями снувающихся неприсутственную дрожью пропаж шажки: я слышу их, и дело: занимаюсь ли я

вовсе чем-то? есть ли дело необходимое мне? есть ли пожде воднесмертных: я должен чем-то заниматься? жизнь моя есть одно тяжёлое праздное слежение за муравьями: их непрекращающиеся хождения: то, как они причиняют мне боль: это сошествие: это оветление их и моих во: хочу ли я умереть? кажется, мне интересно: кажется, боль эта даже приносит мне удовольствие, и от этого: оттого: от тоего: от того озрения я не есть ещё: оттого я не страдаю ноне, а только бездеятельно шатаюсь по комнате: одумывая о жизни своей завтрашней, я могу вообразить позволяющее делать что угодно безделье, и этим угодством может быть веселье, да я этим не занимаюсь: я мучим муравьями: я мучим их безболезненной, такой желаемой мне силой: может, муравьи и есть я, и есть моё развлечение в том? чем я занимался прежде? чем же?... может ли мне то вспомнить? было ли вообще что-то до этого? как я вернулся... как меня... Сколько прошло времени? Сколько я пробыл во этом искажении? в этом... в этой боли... Должно ли было нечто вообще быть тогда? Моя... она ещё не достигла совершенства: я могу заниматься только тем, и иное отвлечение на... меня не берут на работу... конечно... кого ещё в моём положении возьмут на работу? мать показывала мне что-то оттуда: оттуда, где помогают таким, как я: где таким могут найти работу: где такими не брезгуют: где таких не боятся, но эти... эти перламутровые блики... я так близок к ним. Только я их вижу, только я могу спасти их... Муравей поднимается по мне: я не имею свойства гневаться и бить, но эта тварь: эти отвратительные создания, что единственно есть наполнения жизни моей: кажется, я люблю их: люблю, но они... эти мрази: эти твари... они... ядовитым промедлением я хватаю эту мразь, и мразь эта уже была мертва к тому моменту, да я леплю трупик той мрази: леплю схожий скорее с еле заметною грязью трупик: леплю его к руке, и бью: я бью стену: бью этот трупик: чтобы показать мои нестачения гнева: чтобы рассечь ещё не зажившие раны: чтобы охладевшее белым лицо моё встало так на месяц и год: я не знаю, когда смогу в следующий раз, да пройдёт много времени: времени, конечно, для них: для этих, других людей; я же: я же буду: в том: там, когда стуки матери моей не есть более, и её нет: её не существует: то всё она: не будь она тогда одна; я ... коснувшись очаемой мною вони, приличный человек подумает, будто я есть зло, да я есть свет: я страданиями собственными: я мучениями своими... Мой холодный, бесцветный ониксовою глубиною остоявшихся смертию земляного шевеления глаз труп лица простоял так ещё полгода.

Общее, ещё лишённое предметной, чрезвычайно важной и чревточенной поройственным огрублениям криспоначальствиенных гвинлуговых опрощённостных надвышенных надостязательственных непримерённостей огбевающего осбивчивыми щегловатостиями скажённому самою глубинностию уродств вношнего нутра времени конкретизации понятие церковной дефенократии объединяет в себя особенности органов организации и функционирования права, представляет собой обобщение определённой формы

правления, государственного устройства, косвенно включая особый политический режим, применение понятия которого может быть и не совсем корректным, ибо в церковной дефенократии эти понятия расплываются и требуют отдельного определения для каждого вновиявленного средоточения определённых специфик предметных выражения и свойства отлучённого, и за неимением или просто отсутствием нужды оно из-за неприменимости практически ко всем, включая исключительно теоретические, формам государства, позволяю себе опустить имеющие достаточно абстрактные и не всегда полезные в практике, облиянные гноями вношнеобученных, основанных терриглассово овлачённостью временесоломленных-де сорывающимися хлёткими, довленными кровезаветами очрез плюхающиеся оголённости адресоназыванных празднествующих, оплёванных скудельнопраховыми определённоостными, непредельно малостными, ощёлкивающими чрез облистающиеся лечения орывисто представляющихся к резиприставлённым отрупевшим, еле таскаемым одарённостями масловзбухших, лопающихся вечноозвученностью кайафового, обрывающегося сереющимися ознаниями нечеловеченной гадости тоих желбящихся, отставленных ото отвиденностей непонимаемых разносовершенных повлений рокотов положения пузырей волокнам сфер говеньями мармеладоуверений ударами ко теснеющемуся оруганностью пучившихся рихардовых, жидкояркостных вмешательствами нетерпеливой, обрывающейся домовьими тяжестями сорванного былонеспособностными номинациями многословных нечлинённостей должновений тоих концентрированных вхождений ото шипящей кровяными, овеенными пузырьчатыми плёнками сгустками замкнутости плотна тишины назначений полу суставами червот бисмаркофуриозовой международной крови понятия, отвлекающие от сугубо видимых и по совместительству единственных целей создания данной формы государства. Такое государство ставит своей целью обороняться: общими усилиями спастись от чего-то якобы и определённого, где и надо пояснить смысл столь плотного прилегания церкви к государственному аппарату: обусловлено оно не тем, что без неё государство не сможет нормально функционировать, а созданием одно из государственных субъектов куда более прочную и продолжительную по временепринадлежностям тоих духовножатвенных оголённостей урождающейся ноне качественную оболочку соменённых озаинтересованных благостыневых соединённостных, спещереннороговеющих пустотами отделившихся ото глянцевиной закрывности сигиранновых, явленоданных во тёрочных приставленностях сошествий нечистодушных пор опахновений формы циклу систему, которая даже при завершении этого особого цикла, лишь переходит на новый, проверяющийся экстенсией последовательные отдалённости тех надлежащих, тенеумирающих во озолочённых могильных неприкрытых, облачённых зеленоватую наследственностью обязующихся ко пришествиям ожимаемых,

славнопоревших неотёсанных вечнооставленностях птиц глазах образований этап, не сменяется однозначным ведением ужимистых шифровающихся сериализаций; если то будет справедливо применить к уже довольно несовещённой зваянным низкоположением во тоих овласяных надраенных шевелениях изначновправленных должностью собственных коренных сомнений плотий началослужительствующих галилеев, основания сообщения становится на сглубинении истинных, содержащих односледственные причины социальных продукций в трамонтановых лёгкоположенностях тождественных искричащих маслянистых морщинистых неузнаваемых потугопродолжений единооставленного толками пухлооснащённых неведённостных прожде овлениями несъемистных Барбатианов субъектов идей: не только люди, но и животные, готовые оперво убить друг друга о каннибализме братания супротив человеческой мрази, могут объединиться при виде общей угрозы, а могут, собственно, и использовать своего оппонента ради самостоятельнодовеющего стурмиого веновыренных определёствующих пожен, облитых братоубийственностью экфрасисоточенных, пустоополняемых осквози тои горящие, отвратносходящиеся плюхающимися маслянистыми, могучими чорез евеленные неспособности детоведенствующихся зрачённых круглоовышенных надежных недеяний во том ставении слабостей людских срыванствующих поруганностей горениями шлейфами нарывы отсуствий естеств выживания: есть наличие элемента, требующего особо деликатной, едва обнажающей собственную, крылеовлаченную преставлении помысла ко душе во иоанносвифтовских очерениях обходимостносожженных окрванствующих надлежных ровоамовых непритязательствующихся властей крестноошивающихся долготами первосонкиевых наставленностей гряд вырывающихся к очевидности сребристоотчётных угольевых априорисочувственных означений холмов творения субъектность обработки во избежание куда более страшных угроз, что вместе с приёмами монополизированного вариативностью опробываемых хоробрыми малодумными дерзновениями человека во лесах опущенных краснопайственных реализмов властей влияния на общество может дать грандиозных величины и остраший вещи плоды, отрицая существование других государств, что вновь требует небольшого уточнения: отрицая оразнениевое огбеннорокотливое нагнаюностями вновидарственных кадённостных привлечаний толков опринадлежных, гозношебаршащих подотяжелеющих, снимающихся обособственными желтотными осушающимися погребённокрещёнными, домоположным во обличённой свойств скорее механически опоенной нектарепопослушной, доцеживающейся ото мучительных, ударяющих ко перхотным ослабленным колебленностям прочних оставленных, деревающихся во общеобращной цезони лаодикийственных, огибающихся слабостными неспособностями человека пределить отрывисто снующие о теплопрерываемые африканскоигривые озарённые,

падучие вношненаблюдённостью малодетельных, обмеливающих зиянами разнооправленнодовлеющих чорез пребесновенные несвершенства толков нонеомученных появленностей макаржабынских ран оверений ветра плотия волей спазмов овсепроникающего, дерущего вязкие, дубеющие трупностью оняющегося вношнепринадлежными светлопринадлежных остенённых аристарховых ошнеколлосных ребёростных причатносложенностей появлений тоих зобоозначенностей юмшаноюшманных веноозрастанных единообращённостных пешношских лакунооставленных, поюбирающихся песочноодавленностью гогереющихся ламиноловых орастворённостных, зудещих хладом краснот побирающихся ко ноневявленным нимфановым дароом тождечтённых, обоеназначенных кметных остей отказанности от спросеющихся во астихийновверенности теплопарящихся опинаниемостными сданноколебленностей осмотренноговерений впрочембелёсых сероопалов заказаний тождествий заказаний приверений гудений дурмана материи реальности сна слезой системы структуре чешуями корост ликом существование других государств, что вновь требует небольшого уточнения: создание такого государства невозможно в условиях осознания гражданами наличия иных государств, чего-то, выходящего государственной властью хоть принадлежностью к иному субъекту за деревенеющие облачные светлоочевые гробокопательные вырицега граничия дефенократии, что, безусловно, усложняет её осуществление, оставляя оное в нонешней современности одно лишь закрытым общностям зверей, которые не только не могут узнать о масштабах окружного их мира, так и не интересуются этим: решительно ясно, что поведение людей будет иным, однако самые простые территориальные движения масс это спрогнозировать способны; конфессия внутри дефенократии должна быть не просто обособленной частью внутреннего мира отдельных людей, она должна императивно принадлежать быту и сознанию всех граждан, не вызывая совершенно никаких сомнений в её истинности, в том, подтверждение скепсису чего будет казаться столь же нелепым и неуместным, как нонешнее сомнение в наличии у человека костей и руды: реализация же того о овлияющей во кровостечённые, редующие ото евстафиевых морховых белеснодерений оспаденный жирно смоченными в решённостных окончаниях ушевых, довлеосаждённых непрекращёнными, красномесительными во редённостных неуверённых человеческих, песнующихся маслянистою, вношнеговеющей сквози апломбические, одлепробиваемые во власяных окровостях свеличивающихся, опасующихся дурностными обязательствами малеговых одноосменных находящихся, редующих во собственных-де рещствующихся, орождающихся насквози подоневенных лодующих здарьевых, воделиевых ождённостью оворачивающих плотенутряные дальновенные, водорежущие осинениями серошторменных, злодовонных значностью ко продолжающемуся златовласяным чрез крестоняющиеся скороописанные

прошелённые обнаруженности толков темнотокомнатных уверённых, мгновениеопаловых жадонствяющими необнаруженностями во поясняющемся ониксовыми, долгооблипными во питании материалодарных забевенных ориентаций корками обращении радений каторжанием труда флястов безмолвия изжог уколов зобах продолжательств пялов обращение дознённости горениях гудениями хрящей человеческих вязями дуреющих зловонными углублённостями ложносоприсутственных оглоданных очищений вечнооставленных необходимистных сумских дамиановых очревопостигаемых язв кож празднования форме государства, вопреки ожиданиям, куда проще: люди верят в глобальную опасность, катастрофу, предотвратить которую и отодвинуть они могут лишь соответствием своего поведения с постулатами, что может даже сопровождаться ненавистью к образному владыке, не скоро обязанному монотеистической, вполне допускающей некоторую игру языческим мифом модели, стремящегося к условленному человеком разрушением, лишённому пристрастия подобноантичной доминанты взаимодействия случившегося бутуза, достичь которого ему мешает сверхъестественная, образующаяся из соответствия определённым, обозначенным в священном для данной соцеквившейся в силу одновления того божка или прочного вырождения надочувственных воэмпиризованных довмонтных потенциальных приведений, разумеется, не только ко двойному, достаточному и в социальной или политической визионерской пристрастности опротивлению религии писанию подвигам или любому другому источнику озываемых норм и обязанностей, почти априорнодолженствующее во доздоравливаемых решёющихся леохновских щирах вершания определяющей ко металловоющим опонимаемым, станоконным, жаеровым оледенениями словонамерений овышаемых, едкосотравленных улыбающеюся, грозностью оде фергающеюся надокультурные, тяжелоосновающиеся отре светлоотражённых зеркальностноведомостностью лукавою иосафовостию вроднеобидных, жадноровеющихся градиентообразованием одревающейся тусклоожевенными готовностями описанностей стрещающихся неизбежностных бледноопражёновых землеоказанностей беревающегося воприсутственностью неправдовозлюбившего-ве человека ото луннороковых видильев проедающегося усложнения рубящейся укореннонепризнаннодейственных переставленных духот биянного ядерного бумажновлаженных вложенностью ежедневнопринадлежащих во нескончающемся людоспособственными опыливаниями естественных надоговорённой неочуждностью времени тоих обрывающихся одарений признаний приставлении кретов огорчения пустоты темнот зубьев нарывы реакционностью неподолжений вверениям поступательности, следование которому мы можем увидеть в поведении тех же муравьёв: они живут, руководствуясь инстинктам, образованным во у продолжительных али мгновенных и конкретным преведением познающихся зосимовскою

тленностью вжений незвученных основанностей временах: ояснение не есть обязательное свершению; религия в дефинократии едина и даже единственна, свобода вероисповедания то незавидная, следующая собственностью тоих-де окоричневелых построчных, сощемляющихся условностью становления первейших и слабостных большевиличий прагматик привилегия отдельных слоёв общества, выполняющих свои политические задачи и живущих вне общего круга, который представляет собой самых обычных граждан; имеющий, несмотря на это, почти все из дозволенных права главенствующих представителей исполнительной и судебной властей, что, конечно, надо пояснить в отдельных примерах, иллюстрирующих совпадение определённых обстоятельств, и в дефенократии то играет важную роль: почти все исполнительные и судебные практики, нашедшие своё дозволённостьное, ордеющее постенностными важеозёрских годопрестных выкатанных лжесловесных неучтённых аккуратий зудеющих рябей великоровесных, жадношоркающих черниговенностями ритуала выселенных домонесбеганий истины тяжбот осуществление ото законодательной власти, имеют особенную природу: очень многое в такой форме государства зависит от обстоятельств, что выражено стремлением к предельной объективности. Население разделено между собой определёнными границами: существует общий круг, представляющий собой ещё при появлении такой формы государства убежище абсолютного большинства граждан; внешний, скрытый круг, в котором находятся условно наиболее способные, соответствующие меритократическому избраннычеству граждане, в то же время выполняющие огромную задачу, структурируя и незначительно влияя на систему политической работы общего круга посредством законотворческой деятельности; и граница, представитель которой в желательном варианте лишь один, хотя допускается и существование совета, что объясняется моделью формирования государства, наиболее приближённого к дефенократии: от примитивной, довлеющей ко правлению осредством часто дурнотных помыслов меритократии, более сложной формы греческой послеанархической аристократии, что приведёт к такому обладанию государственной инициативы единоличным правителем только в самых редких, допускающих возможность современного, условленного и жертвенностью ляписовых флавитовых осерений осребрённых, ошипенивающихся гадостью стонущего во мягкие, безвольно ублажающие своею мясномешочностью острые, осверкающиеся рувимовыми, приваленными ко рукодержным, прозудящимся, одранным обураковыми обиениями подлеворожденных обособленных образоискрыми даропроорочеств непрекращений оковлажненных, полеостравенных вшивотной горенностью непринадлежия оного тому ото покойносвятственных, дрягающихся во оплёванности человечесенного, рдеющегося закрывопробойных Анастасий крика мовей ветропребиванностей гудений воплями тел взбутетениваниями лезвия и тупые, дробящие шириющиеся несальными,

приставленными ко разноозначиям толкораспадаемых местноприсутственных, проводящихся ото малостониевых рецевых деликатноизнеженных тёмностных, проводящихся скорее ко холоноревым перламутровым отрывистым радужкам песочных весённостей защищённых, оберегающихся лазуревымирихвардозабранями дома и подлешних надлежанствий вечногогбенностей наречных осиятельствующихся, вновогодёрных однаждыувиденным облачением халатномакитровых неорывательств голенищ юродств окасаний озрённостей пял годённостями молоты плоти чувства темнот чуда, случаях; общий круг есть почти самостоятельная, динамически пребывающая собственные существо и толк социальная система, имеющая от скрытого круга лишь пояснение к наиболее применимым и полезным путям разрешений конфликта и прочного дела и некоторые правила, количество которых невелико, однако подкрепляются они всею привязанностью ко влияющей на общепринятые моральные нормы, стоящие выше условленного неблагодатневым, сколько то вообще возможно во условиях всеявления церкви подобного государства, законом в большинстве из аспектов религиозной доктрине; правитель, который более походит на героически продолжающего вести собственное одиночество одно в толк пользы государству человека, учреждает основные институты и формирует привязанность граждан к религиозному сознанию и установившейся форме государства, что происходит на первых её годах существования, после чего такая система, состоящая из общего и внешнего кругов, способна действовать без каких либо вмешательств границы благодаря установленным ранее привязанностям, из-за чего у границы остаются две задачи: подготовить насильственные методы подавления гражданской, собственно, единственной возможной при существовании истинной дефенократии войны и создать гигантский резерв продовольствия, который люди будут потреблять во время постепенного формирования другой оболочки также единого государства или ряда суверенных государств, что, скорее всего, также приведёт уже к мировой войне разных стран, и потому усеменение объемов военной промышленности есть ещё одна из задач границы; кроме того, немалые поисковые и интеллектуальные способности потребуются на нахождение предшественников границы: в теории развития дефенократии общий круг рано или поздно сольётся в скрытый, а после и в границу, что является почти равнозначным распаду государства событием, однако же, не содержащим в себе какой-либо открытый, вызывающий военные действия конфликт; потому после такого слияния необходимо задействовать все силы на сохранение целостности религии, которая в противном случае уже и может повлечь за собой войны, и дружелюбного, спокойного ненапряжения людей, после чего преемник былой границы в ней же и останется, поместив всех граждан в общий круг, который после будет наполнять вношний; скрытый круг представляет собой гарантию продолжительности мира, усложнив прододеятельностьюными должновениями законотворительностных

преломлённых зреченных дволенствий ютваровых, вероназначенных Авраамов определений которую можно ещё сильнее отдалиться от коренных преобразований, что в любом случае повлекут за собой овышение уровня гражданской тревоги. Важно упомянуть о работе судов в таком государстве: правила их проведения будут диктоваться границей или внешним кругом, которые способны вносить прецедентные поправки, однако осуществляется правосудие исключительно гражданами, все из которых представляют собой политическую власть и которые через трёхуровневое ведение должны определить судьбу лица или группы лиц: первый уровень, имеющий наименьший вес голоса, представляет собой совокупность двух, если таковые имеются, групп, состоящих из определённого, осчитываемого особенной, не позволяющей вырождать прочие выгоду и во экстенсии принадлежности ко качеству формуле количества приближённых виновного, обвиняемого, защитника, ответчика, так далее и обвинителя, потерпевшего, истца и так же далее; второй уровень состоит из независимых граждан, никак не причастных к делу и к людям, чью судьбу собираются определять, никак не причастных; третий уровень состоит из людей, оправданных в бывших делах судопроизводства и получивших после этого определённую, необходимую производству дальнейшего особенного обучения квалификацию, количество коих должно быть более второуровневых граждан; при этом наказания за серьёзные нарушения общественного порядка и настроения или пагубное вмешательство в культуру, которые не предполагали бы в нашем современном мире право на дальнейшее незаключение и, что важнее, согласие общества на сосуществование с такими людьми, будут представлять собой не заключение в тюрьму, но содержание в условном Принудительном Бьеме: людей насильно, что, конечно, является противучеловечным, однако продуктивным за неимением альтернатив исключительным средством, заставляют стать зависимыми от определённых наркотических препаратов, которыми их в дальнейшем будут обеспечивать посредники общего и внешнего кругов; внешний же круг берёт их из границы, после чего находящиеся в Бьеме медленно и нетрезво погибают, существуя в этом же общем кругу, жители которого после судебных разборов деятельности человека могут как уменьшить, что, скорее всего, приведёт лишь к более серьёзным нарушениям, дозу, так и увеличить вплоть до смертельного содержания, если гражданин совершил особенно противоречащий вере граждан поступок. Первые обнесённые прочнем домрачейством осходящихся сщущений пребывающихся во непоследовательности небоосаждённых, вверяющихся ко вполне обыкновенной необходимости человека одного из трёх поколений вовести капернаученных вычённых, прочнедавляющих омертвевшеноговых зернистых мешехомешулламовых дазенствующихся оманифестальствующихся, отягивающихся ко дмитриевцорезакным тиннитусосубъектным, овледающимся флегмочеловеческим оединённым, жолдеющим сауловыми

окорённостными пятимановеннодолженным сребрениям мироедествующихся вириданоаспарагусовым велениям гудящих, присталяющихся ото бурдовых, зовущихся разноостранностными сощелканиями неослышаемых малодумственных вправленность форм сохудожественных оявленных говенствующихся предавенностью онаководящихся златисных, овязанных шепчающимся во горённостях краснотных свечённостей берестом рамочий тошнот воней привнесениям краений весей темнот волий этапы в таком государстве будет господствовать практическая этапированная анархия, что стимулирует усложнение внешнего круга или овышение порога вхождения в него, который отнюдь не всегда обязан работать именно по оследованиям задуманной, содержащей же в собственной формулировке необходимость неуниверсально временных интерпретаций теории, что склоняет к пониманию важности границы ради обеспечения более плавных, направленных своим неподавлением на предельное снижение числа неизбежной жертвы в том переходов; со временем население пресытится иллюзорной, контролируемой всё же из-под очевидных положенностей тоих вседозволенностью: оно начнёт следовать наставлениям ородившейся в ненарративном представлении революционных кружков законодательной власти, что вновь напоминает о значении церковного духовного принадлежности бывший и новых граждан, что на протяжении всей анархии были состремляемы ко отсоединению ото политической доминанты и следованию вероисповедальным идеям: без неё едва ли получится осуществить и двадцатую даже из такой грубой, непомерно вношней, имеющей характер скорее художественной, требующей грандиозных корректировок, зато вполне применимой местами к муравьям, за благополучие которых я теперь и отвечаю, модели.

Сперва я решил сделать формикий: из гибкого листа пластика высотой примерно в метр я согнул круг такого же диаметра, соединил его края клеевым пистолетом и отшлифовал, из другого такого же листа вырезал два круга, один из которых будет служить дном, что я уже прожним оклеиванием и осуществил; другой, отсоединяемой при помощи прищепок крышкой, выступы для фиксации которой представляют собой небольшие, чуть стремящиеся вверх бугорки из намертво держащегося со основанием беложемчужного клея; прищепки уже есть, и остаётся лишь наполнение: на оголённый пролежневоюировую членоцерковною, врождённую ото гайдуковых усмирённостных жидких миастичных, алеющих ко боли вношнеоткрытого, приваливающегося осребрённостностью дебешневых времянеотчётных неспособственных саломиевых колмановых гаерствующих соокрывательствующихся, запечённых овленственностью оторуководимостных шевелящихся одайностей тоеоправленных водещедровитых зогбленных прозревообманностных силосиевых отрывистых отпадённостей кадроустоенных вановений гудящих, остевающихся гордыми времяотвлечением хадеющихся подозрённых ровоамовых однепринадлежностей ко толкам

опоясанных гуденствующих жерденств кибеловых огрызаемых местопринадлежащих, рубцующихся сухостию отягательствующихся маслянистых отяжностных ховереющихся охабенных дамаскевых, дубеющих водленаблюдаемой ото мановенноусечённых рыхлых пустот образований непривычных адаптированностных колебаний глянецвитостию овременений краснот лучин жебов зуда спазмов онимаемостию пол я постелил квадратный широкий кусок плотной ткани, на которую насыпал значительную, купленную собственной стерильностию непринадлежностью к прочим, окусающим мои воеленные, отекающие жирными сотенённостными гидонами язвы паразитам горстку земли со всевозможными одо муравьиных пристрастий яствами.

Я просыпаюсь; по мне, что в последнее время особая, в общем, являющаяся одно никогда редкость, не ползают муравьи; тело моё не чешется бывшим, вечношёптанным во осмундовых фамариевых зеньчугных несвершенственных неделений плотия со наплутуем постоянным, отходящим о во умственном, определённом маниями дел прочних отвлечений помешательстве зудом, а рассудок предельно хладен своею неискусственной совершенною чистотой: так крепко и хорошо я не спал уже очень долгое время, на протяжении которого меня мучали тяжёлые, огнивающие всё дальнейшее бодрствование повторяющиеся кошмары; кошмары, заставляющие меня просыпаться каждую вкрывающую мои немощные мягкие тела долгим, разъедающим сдыхающиеся смердящим ужасным испарением во ту же комнату, из которой я не имел хоть могущего бы изъять во последние секунды мои вонючие жареные шипящие жиры и свернувшиеся кожи мои выхода и света, ноги ядом ночь в поту и мешающие любой дальнейшей, уже становящейся от этого скорее влачённостью прожнеиокимовых давёжных остранственных розовых, остающихся выжлициными неоплатными озорами тоих ездровых ослабленностных ониих станостей оголенствий деятельности: образы эти я видел постоянно, они не покидали меня ни на одну добрую, дерущую каждый раз остротными уколами постовенностных подлевенных гуденствующих, остывающих валловыми оббеганиями приставленностей ко вечностоящим прудовым олиям дробей мысль: разум погружался во всё более чудовищный бездеятельный, дрожащий рвотою сходящейся ко белеющим трупным ужасом галсииевых дикомытных направлений десницам крови бред, от одного упоминания нетонущего опродолжания которого во собственном рассуждении я морозистою дрожью остукивающихся ропотливо подосогбенной мелхолиевой палециевою примирённостью одлежанствующихся, придирающихся ко отопоглощённостным надпорядочным волленостям цареестных отяжелений отововнестоящихся прозрачных, отщёлкивающихся трепетом снующегося ко избавлению ото вечновпоминаемой отвлечённости расходящегося и бывшего кобьями охотящихся, вожеленных поребьянными нешевелиющимися непелострастиевых нарочитостных нарощенных тождезасеяннопольных

отождествий вверений рассудка моего пузырей направлений челюсти и опрывающихся обалеющими неприставленностями загудённых воеединственных непознаниевых вокоопомогательствующих созвученностей чернокатушных, жиреющих остановленностью тоеорабоченных журушкённых дофеоставленностных горденствующих обавленностей предений коленей бледнел и несколько раз терял во ужасе и без того опарённое всегда оставляющею истинностные гушеватые рукоприставленные вовлажненные сухости тревогою сознание; постоянное, боле уродующее плоти мои внешнего недержание, для предотвращения последствий которого я почти всегда носил с собой небольшую, опороченную чуть желтоватыми отбликами во лужьевых оставлениях раздрационных, продолжающих отвлекаться, продолжающих отказываться от произошедшего и вечновиденного, продолжающих оплощать мою фантазию о собственных способности и существовании колебленностей бутылку, увеличение габаритов которой всё равно бы не потребовалось: непроизвольное мочеиспускание происходило у меня всегда в небольших объёмах; чесотка, превратившая внешнюю часть моих рук в сгусток нелицеприятного, овёрнутого белёсыми безобразными, перемежающимися во редких счерневших оплывах словно слипающихся со тоими допрежными орезанностями вопьяния сошествия ума во избавлении ото них рубцов комьями песочной твёрдой массы, подверженных осперва воздействию народных, одно последующих рассасыванию тогда воспалённой постоянными ранами дожде влиянствующим кислых мучительных толков означенных кадмииловых оверзённостью хрупкости уединяющегося шёпотом неуспенных пьянственных, робдеющихся ежетоегоозволяющихся окрашенностью страдания стонов моих жалобных и бессильных резей человека кожи средств; неизменно гудящие во неспособности обострений тех шевельнуться боли в районе отдавленных моими грязными рубцеватыми, одряющими тождеговенные налёжанные опухолеприставления вореченных казематных оключенностей пальцами висков и долгонесигибаемой врождённостью тоих салманассаровых ошибоденствующих озрённостных представленностей толков годнеощрённостных обеленствующих гожений поясницы, непродолжительное время из-за которых я занимался нетяжёлой оздоровительной, чаще принадлежной взаимодействию со стеной физкультурой, однако словно и возникшие совсем недавно, теперь осещающие все местности мои малосильных жалостных, здательных безоспособными влечённостными человекодарственными оправленностями едкоуспейных оскаблений трупных мгновеннопроизошедших ужасов во тоих наделённых озвучаемых норенствующих специальнодовленных осрашениях жизнью муравьи будто не желали моего движения вовсе, будто они хотели подчинить себе всего меня не только обветшалым ненавистью ко ним умом, но и телесно; редующая ежесекундными болезненными, освещёнными во размывениях тождих морганиями сухость глаз, сделавшая невозможным

концентрацию хоть на чём-то; нервозность, сказывающаяся оперво на моём отношении ко всему хорошему, только в последнюю уже очередь охудшающая преждедурнотное; жуткий, никогда не останавливаемый моими непрекращающимися надрывными шепотливыми оперениями болезненных, кровящихся мучительнозабвенною отоверенностью ноздрей насморк, который мог не прекращаться неделями; отвратительные, пытаемые моими обезображенными срезаниями и опухшими уже гнойными, окрасневшими во тех сощёлкивающихся пояснениях тому фурункуозными шишками давлениями милиумы на всём теле, похожие на маленькие имплантаты, что моей коже до появления муравьёв не было свойственно; колющие, означающие непостоянные резкие шевеления разноведеющегося во гулкоприставленных обежениях ото тоих набавляемых тяжёлых резей тела моего на кровати боли в предстательной железе, часто дополнительно способствующие сложному, едва ли, в общем, отсасывающему осквози саломиевых гелиостатовых аделъхейдовых свирелеигров оходящихся безобразных, самововвенных уродству собственному во слизких стонущих неосмеянных уделённостях отступникоопотевшихся чрез иоакимовые гудённостные времеотданные обоестенающиеся огрызенности вочневлиянных нежелательствующихся отуженных остремлённых довленствий сокрыть или сносить то озеропреправленностных землений мелхолиевых, дереющихся во оskabленности остремляющегося подосквози расторопноодерённые приставаания согбенных гугоноотомовений прежних решательствующихся облюдённых несоответственных деревеней ношнескошенных чернотой обlikоих половенностных приведённостных общностных саулодавидоевых галаадитяниного прищерения выкрестных оболезней улыбок лица рвения солнц бреда недугов плотей засыпанию, мешающие мне во редкие те блажи несдержанных хладов проветривать комнату, климат которой иногда был излишно тропическибанным даже для приспособившегося к повышенной температуре тела моего, ибо при малейшем, едва влияющем во чувства прочних человек во раннезаверённых остываниях рукоделённостных восставленных, черноорубленных структурирований холоде в области ощущалась нестерпимая, уже вполне тяжёлая боль. Я смотрю в сторону муравьиной кучки: по земляной горке движется целое урочище насекомых: во шевелящихся травах тоих начелённостных вирсавиевых вечерницеваых отствёлённостных воговенностей тел срубленных, становящихся ко бесдебезвеленным одарённостям орубленных опарений во ужасов видны особо большие чёрные и красные пятна, скорее всего, представляющие разные виды муравьёв или их комплекции, если таковые всё же и ородились в результате моей домашней непреднамеренной селекции; я аккуратно беру ткань с разных сторон и кладу её отяжелевшим, одрогающимся воне мешулламовыемыми холнутыми нетревожными оделённостными подлеслезящихся сотечений тоих смрадных обоесподчинённовойновых привлений озлочений однажды

осказанного властью всею того правления сшевеливающегося кониженностями
гревениями неделооснованных осещений центром внутрь импровизированного формикурия,
вытаскиваю неразовую оловкостью пребывающей редкими, требующими отрывистые
потужные вопьяния ко субъекту остав материи ту же плотную грубую ткань, на которой не
оставляю за холерической сосредоточенною, хотя и допускающею витальновыверенные
несвершенные опущенные овения во отравнопитьевых жезлоаароновых фиксатуаровых
оправленное-де широких, раздувающихся чернотою очневывделенных неприявленных
оспалений во фантазиевых, прибавленных раиноевою зазоровестию во отчужденных
гошеленствующих, означенных чегментооверенностию серодымоп्राховых воленствий во
возникновении одлеслушающихся стонов нисколько же не представляющей иные страхи и
опияния доставленностей невыраженных приставленных, ощеривающихся зарубьению
чуждных иначноприхождённых деревений очеприходящих обликов долженствующих
сострашёнными сочверёнными лужениями вразей Самсона ото принадлежностных
опьянствующих дочерений пришевелённых очернённых обавленностей числовых
накрений прочных хоботных исподов воозевых пламенечернённых изувеченных
положений ото древяных столпновенностей ликом лиц сошествий-дееных опрочнестий
поствующихся монтажеоделённых искровидственных выжлятниковых определённых
неосмирённых вожений продления того однокоренных продолжательств
ежедневствующих вершений розовоокрашенных белёсоватых подстеленных бездн
бездновых белолентовых оперённых исключаний сияний успеваний смерти разговениях
миазмах бесцельной, не волеющейся нераскрытностью времеуделённых журналиевых
окраблений больнотяжательствующих прочений иудинолобзанных хохэппанов жестокости
человеческой глаз внимательностью ни одного муравья; я засыпаю в противоположную
плоскости дна сторону землю и начинаю их рассматривать, мирмикиперовыми уврениями
очувствуя реализованные властью осмотренностных стойкогонённых судов лжеучений оих
корентиновых благочестивных вестовщиц: они неестественно сплелись собственною
непредельностью одарённостью во статности земляностей горящих, одубевающихся
хладом болений тоешных совершенствующихся веделений множественными гостениями
одолеваний шоевых телесных одраевостий преходящейся ото опряжённого усилием во
опряжённое слабостию раздражённых продолжательств болезни тел округ чего-то
массивного: тем массивным была муравьиная матка; я, подсыпая оверхи небольшое, едко
бьющееся о крепкие множественные тела муравьёв и другую, ещё внови неоформленной
причествованием тождных оголевающих теснот серых, оплывающихся во крови тусклых
бессветных, еле позволяющих хоть мне представить тои номадовые постления нагих
необходимостей простуды во чужде поста безверных темнот стен плоскость количество

земли, закрываю формикарий; такие процедуры повторного заселения проводились каждый день в течение недели, после которой пластиковая капсула почти полностью вополнилась, оставив место для арены; насекомых в моей комнате подле этого габаритного сооружения больше не было; я потребовавшим гораздо более, нежели казалось, способностей усилием во ядовито оставленном страхе зацепить случайно дно ламинатовыми язвами и оторвать, казалось бы, уже не так уверенно глядящееся обязательством одолженных времён дно пододвинул его ближе к столу и включил светильник, приставив тот к центру верха: теперь он освещал арену и работал всегда.

Мне хорошо; было чувство, будто я и моя комната есть единственное тёплое, светлое и доброе: будто я есть аристотелевскоэфировозрённостное, вделяющееся сераевыми гейстербахскиевыми домоизраилевыми, становящимися озданиями прав отех чрез надивлённые прекрасные неподавленности приставления стремлёных одних гвинглиуных оправлений новозаветно свободных, ещё лишённых рока быть зачатыми ради убиения во жестокости человеческих удлинённых кишечника животных рокотами приятствующего должновенного овения жаров хладных безветренных штормов благолучие, будто нарушить моё единение со единосвершенной, безызынно сотрагающей ко батарейным радужноперламутровым сияльствующим теплотам стихией комнаты не может решительно никто и ничего; во время опийственно осносящих мои разбалованные одно продолжающейся осквози только еле приоткрытые, осушённые привычными болю и унынием во отодовленствующих колькратновых ударениях вверяющего плотия мои ко отказавшемуся стремлённостью шевелящихся еле волосков во ослабленных, приставляющихся о приставлением облачными доренствующими ониксами пленах качеству искажения глаза радостью размышлений о чём я увидел в стене, в оправленной, если смотреть ото окна, стороне которой содержатся дверь и: большая часть пространства оногo пуста, совершенно никак не задействована в особенном, предельно строгом явлении тоего благополучия; выступающий уверенным безобразным торчаньем гвоздь, подобный бывшему под диваном, размеры которого словно монструозной эволюционностью нарывающегося новикачественностями чудовища увеличивались: он извивался во разные стороны, казалось бы, хаотично, и действия его не были никак связаны ни с какого рода последовательностями, по крайней мере, прогнозируемыми относительно простыми и известными формулами, однако: однако чувствовалось нечто очень близкое, нечто крайне принадлежное: я слышал сосходящее о металлического мощного, оправляющегося о лёгкости надматерии зазимьевых ошрённостных максиминовых падучестей во прочнеоставающихся инакошевлённых теплотах отапливаемой о согбевающих приличествованностию инакодумственных осаждённых, становящихся ко отверженнородногородниим парменовым, обливающимся во бурдовостых презрениях

принадлежноуправленностных доописаемых ониксоватых, дебелиющихся
красноречиеданностию понцианских ненавидеданностных гурбных
прищеплоночерновённостных белогоставанностей второчастных осохших
приложенноусилиевых отверственностей очдённых, жиренствующих гурбными
инаконазначенными неуставлениями во каменистых окреплённостных вовнезамечаний
толков отложений ко вернооговленным наледённым аркиновым реднеоставленных
майгненных неприлений плёнок оスカбляющихся во одновелевающихся грудяностей
построенностей во течноознаковых, преливающихся салатнооттеночными готиновых одвий
привенных листовых бумажиевых онаковогенениях продлеваеомостнотвёрдостояний во
крепнозудящих отениях тоих невыносимых, дозволяющихся перламутровыми иллюзиями
отосодержающихся надледних топониевых озвучаний во семенящихся рдениях повеси смрадов
теплотах корениях падучестях радений горений теней пламеням мокрот тел горечий массива
ед отчестствие, ото чего я подошёл к нему: оттого его извивание прекратилось; моё ухо было
приставлено к холодному, обогревающему во серебристых хладах оставляющихся подле
вернозначенных буреватых глубокотауповых согбенностей однеузорчатых доведений Дизы
качествами состранившихся подлеобоегадственных ослоенных путокоренных осложнений
качеств воде сходящихся околеваниевых зубений одавливающих погекошолеватым
зеведеевосыновым оловам рыбых иглоу углов интересом, какой он одно мог испытать
животностию воде особлений, стальному, каже, цилиндру: ничего не слышно; я отхожу на
пару отъядовитленных-де траяноеиевых бденнотелесным овраням освеществлённых
прочных, твёрдых опрыганиевствующихся влассяных тождеочащений валентиниановыевых
дозренствующихся розовадавающихся опринённых принадлежий ко тоетемнеющим
поташным узраням дереющихся желтожелейных гакеленствующихся мироедческих
вероозначений ран метров и продолжаю свои наблюдения, овревшимися во
считательствующихся светобязненных павлоХристовых фигур предметом которых стали
затёкшие от долгонесменяемой позиции ноги, что я в целом не считал возможным прожде ото
озноблений телес моих овидствовать прочности одно вотрезвленных неречающихся
рукошевеленных разноговений опыления глазнововеленных одестерений перерождённых
инакоуслышаний односолизанствующихся прирождённотствующихся отдабеднеющимся
зракоокруглённостных прочедеревенеющихся краснот овреждённостных овторений, но:
простоял там я, по всей видимости, около десяти часов, после которых гвоздь приобрёл форму
уже привычного, чуть более вытянутого, будто смердяковски охудевшего и самую пресную,
овлевающепасхоровиевых поглощёнственных оветленствующихся, инаковряющихся
савлообращённостию антифониевых оскозначенностей Тиров долений малость болезненного,
ожившего трехмесячною герильевою кровоонесённостию толков тоепроваливающихся, чуть

проглядывающихся чернением кристаллизующейся во проповедемираниях ста и двадцати и семи и плоти темнят и принявшей в своей жизни ряд лишённых изволения моне соисправления того ошибок, в целесообразности коих он сомневался вплоть до страстных и отчаянного оведения радужек осаливающихся окружённых долеженных прокалённых пупочноокрикиваемых слёзоотдарственных иленствующихся ледянию во порывов к действию, часто лишённого какого-либо предрешения во чревах рассудка, во время которого очищается изначальной непятнанностью коричневеющих мурдяевых остервеней цветодетёнышевых сломаниевых отрестённостей инаковоленных хожденствиевших громоневлений во упражнении ото озвучений тоих раскатистых вношне осерений лежащихся во обряженную витаевых лисморовых поревений пустот ум, лише чудо тое озможенного, лише выросшего из стены гвоздя, нароста, цвет которого оявился, несмотря на теи запрещённостные твердения отовыверенных белёсых круглот гешефтовых осмысленностей слоночловеческого, выразительнее: омаслившиеся ношнестию одрянствующихся ко неприкреплению объекта во единстве возможностей блесков поры те шире, и во прожднеовящихся неготовствениями иных осязательствующихся опиводений областях туловища он выглядел устойчивее и должногорже, теперь же едва не свисая, что и стало уяснением действий моих дальнейших. Свою причастность к осквернениям тоих сочтанностей виллельевого давнеотревённостных приставлений или иным формам отложения условностиих неодушенного я никогда не замечал, но сейчас: теперь, в данный момент, мною опалялась во крайних гранениях, каже, нежеланий тоего странная, будто и правимая произвольностью времени и должновения собственного сила, я не чувствовал неакрасических гуммигутовых уверенностей приставлений отеляющихся тепловыраженностями ухождённых становлений паляющихся терракотовыми главнозаповедных ознаваний сальферинов пеплов себя в своём теле, хотя всё то, конечно, есть во крайности смысла ото глубины признанных нестяжательств велений гиеновых дарений проявляющихся гаранствующихся блаженногевикорствующим рожденноиоанновых вретичиевых ороговенных листьеоорощенных продеваний рода отговорки; человек никак не может склоняться естественным отосподённостям оттотоего упражнения во природах прочнедарственных приятств рахилиевых ганзоомраченных стельствующихся дребезжаний к безусловной принадлежности ко деятельности преобразовательной, к тому, что не понесёт за собой страдания и убыток отогревающихся грений украшенных визионерств, к тому, восстановление чего урсикие плохобображённых введений, что сделает тоеорушающихся смертей обооболевых надлеженных подлесмеянного воде ноде поде горе моё-де ещё менее приятным, само существование подо, стремящиеся ко сознательному прерыванию благ ближнего: функиетовых евстохиевых небоосмелений ломаевовавшихся ожелательственных

болезней во смертях во падучестиях кондрашных есть во конечности человеческого, что, есть, то есть, одно: оставляет тое ситуации орожденствующих и-де: достижение же: пик человеческого остояния пред ним будет: будет то стоять множество, множество тех: проблема людского остремления ко представительству означенной, черпающего очинённые влажки подавленностей из: неудовлетворения: ставших даже и ноне во излишествах теми: я не исключаю, что в обозримом, отдалённом во трёхсотлетних годах будущем оверенности человеческого героизма будут принадлежность ко заранее определённым равным социальным ослоениям обличвожденных Ирайдов, каждая из которых направлена есть на оравнение потребляемых непричинениями осложненности горячего ресурсов, высшая их которых ограничится самыми осредственными, только близкими к необходимому ко сохранению дееспособных прочувственных одолений организма, и станет то известным, означенновластным и освещённой невоинственности моих: моих тех пытательств: моих явлений: моих страданий: Моих страданий: моих Страданий: ненонешних во калинстеровых омофоровых цепях Моих Страданий: то: То, то, конечно, с государственного одобрения, то небольшая помеха отоножденного может освести ко совершенной аструктурализации, характеризующей вторую проблему: открытия есть следственность глупости, вымученной систематики, или сокупления того, что, безусловно, во время открывания того и в тех условиях не являлось столь же приличествующимся и мелочносмешными, схожими со овозможненными охватами шинониевых будущих востереченных подноосязаний тоих огамных стыдливых проступовых, аммиэлеиевых прочностями ото шершавых взбухших пузырей кропотных одерённостей современночеловеченных нечуд молчанностей, лишь откатывающих развитости олодеваний дочегамных вынебровных одеяний далеко назад, создающих самые тои те, что, как можно заметить, есть и ноне, и: то, и: ране, позднее-ле человеческая компетенция являет собою истинности, подобные нонешней эрудиции, не ставящей перед собой значительностные вопрошания, да помогающей кому-то со лишённых чуткости ко окружному судить об окружном; то есть во силах погубить и сничтожить всё, даже не ставя таковой цели передо собственными о вроговевших вонючих жирах камнями, их лики личонестий сами станут есть оплощением общенной ненависти ко последовательности, станет опрощением ... чьи продукты значительного очисла людей которых вочьих чей обесценятся новыми, читающими то всё миром первоначальным поколениями, миром, в котором никто не был трудолюбив и не страдал, а потому и прощающий свою разруху; некогда влечение человека к разрушению ослабится: люди, подобно гражданам дефенократии, захотят возвести вновь что-то: что-то, чему почти всё: продолжительность их жизни, уровень утраченных мудростей и обычная неспособность к работе людей, в своё время объявивших себя спасителями, что, безусловно, также породит некое направление, некий уход в иной аспект,

результаты которого могут обрести благодати и действительно стать полезными; я оборвал нарост, после чего он растаял; я упал на колени и начал плакать.

Воскресное утро: в моём формикурии уже виднеются пути и отдельные камеры; корм, представляющий во реализациях моих-де фамариевых куртаговых воплощённости едва пробиваемого, укрываемого фланнаною замороженностью толков ованностных постепенностей премещений ко во иссиня-чернеющим обращениям солнца собой чуть пребывающиеся звучной, достукивающейся ко моим употевшим, неловко разваленным чуть воне пальцам сухостью зёрна овса или проса с тягучим, огретым плоскостии овлечённых-де евений геральдоостиевых декабрей Декабрей мёдом и твёрдым, охрустывающимся во приличествовалилиях суалаевых оставлений худоемощных кусочком салатоватого, еле отемневшего вношностию свою оплотненною огурца, я кладу на арену раз в три дня; муравьи всё съедают; на непродолжительный час я вынужден убирать с арены источник света: светильник, которым я ранее пользовался с особым вниманием, подготовив всё довольно привычную порядочностью: зеркало, игла, титановый пусет, физиологический раствор, миска альмандинового цвета и туалетная бумага; отноне подготовительный к проколу этап происходит почти самопосебными неовнимательствами допросоанновых вмешательств земли ко небу лучнезордневых обращённостей каженницевых визионерств. Сегодня я решил сделать прокол ладьевидной ямки ушного хряща: перво я опытывался сделать два подобных зараз, да для первого опыта прокалывания хряща я предпочту чрезмерную, что даже не обязано являться тоим во тоей номинации, осторожность; сделав старым, только еле означаящим нечто скорее ото осательствующимся мелхолиевых хайреоттелённостей адов Адов моих тоих-де тем маркером чуть заметную, обивающуюся хоте тусклыми, сбивающимися во кожистые, присталяющиеся о цветностиевых Уорфах золевого доверия существ одних во узоры полосами точку: оставшимся ещё охолоднвшим дрожанием я подношу неизменно блестящую сребристыми уколами страха моего иглу к уху и начинаю входить во чуть хрустящую, почти ненатуральноизобилиещедростнооцветающуюся гневами падучих дурнот болезней моих плоть, и отрезвляющая боль того заставила меня лёгкою радостновирсаиевых оверённостей чловеческих опьяней ото прочного, ото прочного трупа того одёрнуться: оттого игла вошла подле, куда я не хотел: я обработал, однако кровь текла удивительною настойчивостию, какую я не видел ни разу с удачных проколов своих: у меня уже изрядною влажнотною прочневыделенностию тоеминутных орызвующихся, прилагающихся ко Ахаии чорез ютваровые, обеляющиеся во нееднячьих восперённостях оставленных гридеперливых доверий опрощения усердий вспотели будто входящиеся жидкостияенными труднооправданными, одно напряжёнными юродствиями оставленного ледяною комотною введённостию оневых оных ихних смертей и трупов того ликами ладони

и одубевшие могильнооравленностию собственною ноги, хотя о душевного благополучия месяца последнего то представилось мне событием особенным и пугающим: пугающим скорее неожиданностью, будто приставленным не ко уверенностям прочних ужасов во столькой незначительности илюшопоминальных оцветностей напоминаям: прошнее чувство одно изменчиво подсказывало о некоторой приятности, утерянной давно и решительно; пальцы дрожали, а уже сделанная небольшая, пока только безмолвно оттягивающая звонкие глаза о раскрытий ко Господу рокотливых униженных привлённостей рана начала омешаться во светлых, олевающих все-де нечувственные говения кроткоозначенных гадостных глорианов бурдовостях; чувства тепла и слабости внутри тяжелеющей лёгкостью сна головы распространялись всё далее, те уже стремились к рукам, но я прочнее схватил впивающуюся в руку и большой палец иглу и поспешной произвольностью вошёл в хрящ, нащупал нечутко обивающихся тонкою ударённостью того конец иглы с другой стороны уха, вывел проведённую уже во всё ухо остриё и начал в почти-де полуобморочном состоянии искать во внутреннем, шоркнувшем длинною глухою ударистостию шкафчике стола аммиак, открыл его, вылил все шаги из возможного в миску и стал нюхать. Ко мне пришло сознание во отравленных лицевых неудовольствиях, я вставил и закрепил пусет, нерезвляющею оправдностию коршуноголубьевых охищений обработав белеющий кровотоечениями прокол; запах аммиака не ушёл даже после многочисленных обработок и чисток, и потому миску я выкинул.

Прошла неделя, каждый день на протяжении которой я обрабатывал прокол трижды в день; я прикладывал все силы ко тому, чтобы не касаться его, что, конечно, удавалось далеко не всегда, и следствием такой невнимательности были сильные, по крайней мере, в сравнении с любой из испытываемых мною во ношении серыг болью, даже той, что я испытывал при проколе мочек, достаточно ощутимые неудобства и сотнооживотный страх ото неопытности, заставляющий думать, будто такие проколы при малейшем нарушении их природной устоянности вызовут страшные, дебереющиеся во авраншоиевыевых грешницеСпасителях единственною приговение посконных, осыпающихся во серу ветошек сепсисновидных одревенений нагноения. Я обрабатываю ухо, выключаю свет в сопряжённой с туалетом, имеющей обшарпаннопотасканные, деревеющиеся влагоочленённостными подленачальствующимися сдавлениями Адрианов уставленностей приложенных во щёлкивающихся наклонённостных пристыжениях одолженного во тоем дилетантизме совещрять надлежное природным очрез ударяющиеся гдениями во мге краснотных недвиженностей, опространяющиес химмеродовою одленадлежностию победоХристовых Величеств оветрии граничий оболочки оходящихся унитазовых гнильевых опарностных введенствующимися неузнопрошенствующимся навлений реакционностных, беденеющихся

светами лождевых, приставляющихся флаиевых лиленфельдиевых оследовательных забевенностиий олежавшегося разбухшим смрадом влажняющихся маслянистых трупов трупа оцветий свобод и плесенью на стенах между кафельными плитами ванной, иду во комнату, после вхождения в которую тут же выключаю свет и ложусь на чуть отдающую клещеватую, виридановую во ожиданиях лелеиевых оправленностиий того бездельного, твердеющего пожелтевшими кожами моих умираний укора затхлостью кровать со вдавленной срединами своими осерёнными подушкой и наполовину стянутым ко негорячечноопомогающему полу покрывалом, изредка сменяющимся на лёгкий, цепляющийся за моих рубцы во неспособности иным образом наклониться или присесть о ложных вложенностях плед, ложусь на правый, единственный полезный мне во снах ото проколов бок, акедиевопровожаемыми скоттиевыми нетонщённостями во Астратах укрываюсь, оставляя правую, сощушающуюся продлеволёнными о чернеющих фронталиевых лиц и лиц тех ужасов ногу слегка выглядывающей, окрывая окрасневшие единововлённым ихаводовым честениях изнеможением глаза, самую малость ото того сомнив продолжающую быть скорее гадкою во единой невозможности мне хоть удобно расположиться позу посредством нехитрых падучих ёрзаний. Засыпание есть принадлежное исключительной обособленности ото реальных, крайно, значаемых таковыми во юдокиевых иеремиевых озарённостях становящегося ото во зажориновых рабствогрешных кровяных, оплескавшихся о тоих однезначенностиатных вонепринадлежностных специальностей означений приходящегося авенировыми услышаниями во того стеременях повлерающего тугостию отосогбенных чернот прокажённого смертию во тех бурдовых оверхновенных, обухших гноями недержания телом деши-де во глазах лица чувства времени подтёках бетонной холодной, немотно твердеющей во наждачных несарровых приговлениях потлеттвердеющихся сосредоточенностиий сычужнических оспяных оспалённых велений стены дурмана тревог, хотя и смирение есть в ото того, и заучивание во стенании непринадлежного не принадлежностию, да теоретическою, да, в чём нет ничего дурного, гадкого али несвершенного во краях достоинства того порицания, однако моя глухая душевная сторона: то есть варварство, то есть недолжное и пошное, и передоновские выхлёстыванья подле оставленного тою же стегебательностною химмеродовою, не обнаружившею ко коричневеющих трудностных твердениях облоувивающихся Богодеревностию во единстве формы древности ото принадлежности ко Господу лазаревых лизаний окоченевших вросшими высочайшими, одлевающимися свережениями гугляевых, юлеющихся желтизною кровлеопарённых вверенствующихся прождестанований одережанных гугмотных вдежиреющерокощего расходящимся гулистым, бледнеющим во разрывающихся трупом становящегося ко надлежности несвещственной-де желеющимися маслянистыми,

дуборевающимися о чернот исходящихся кремационных смрадных, овевающих телеса
человеческого телесами тела во кифоих воченазванностях восорастающего-де-во ото
вобивающихся ко хрупким, оплакивающим то искристостию одящего ото ко флаиевой
изречённости во ровнеисправляющимися где нор тех хладнеющихся, содержащихся одно в
теле человека, находящихся только вони едино отвергнутой теплоте ношнего души мерзот
круги звона небесам сучьев древа-а паров плотиями награды смиренного честного человека
воздухах эхом гоготом падённостей ко макушке деревьями струпьев скорлуп заражённостью
лика: сон: то довольное, то иллюзорное, и это слово: казалось, сон есть столь простое, даже не
нуждающееся в номинации ото своей непосредственной неприсутственности и во делах моих,
да: да он вяжет: да он стонет мною, и тот: тот изрезает меня и мучит: тот тянет меня в горячую
зыбь, и тело моё отчего-то зыби этой соглашается: отчего-то та искусственность, та стерильная
неправда заведомо известного сна меня обманывает: я останываю тем, и то: то: расплывается
же наблюдаемое, да страшнее расплытие мысли: одав вмывающуюся невозможными бликами
прочнеотостоящихся иглу, я ещё могу нечто сделать: неровно и резко, да могу, однако теперь:
теперь, когда одно существо, когда и в постепенности тих ожеланий, когда всё то из
казавшегося становилось верным и честным: те сонмы, те уставшие ото маниакальных, не
находящих после оплощения выдумок идеи: те нежелания и брошенные коршунами
отвержения: те боли несредоточения: те мои стенания: те страдания, что подлежны
чернеющим смертью мешкам под глазами: те тянущиеся трупы околдованного езбожем сна:
те горячие зыби; процессу, ставящемуся пред одевоса претензией от-осуществлённых
нестрановенностных ожиданностных контрастирующихся, деправляющихся ко авраншиевым
личноношнестиям опоминаний топонима ото вроднеприсутсвеляющихся
неприставленностей напалённых однезнанных гуингмиевых денницевых вочлекруглеющихся
обходимостных довлежанствующихся одненезащищённостных кочевающих
исцеляевопоймеувиденной циклоовраченности хановых иаредоводенствующихся,
оставляющихся довлеополностью ужасосмердящихся горчоевомосквошвейниевых
переносноптичиевых, побивающихся сождеоставленностью довеознаний неспособственных
чеботаревскотучковых постоянных находений нашего моего человеческого сотуденчества
ко помешательствующему, роднестанывающему, дубеющему опуханиями воднотрупных
сушнетрупных воздухотрупных ведеваний облюдаемостных времякаженных,
впределяющихся рыжеющею ото приходящейся по открытой, ещё оонущей частой, вопящей
ко хлеборазломивиям Христа во кадильницевых объятоогненных боэци резью ране искры
болью побочных самоубийству отцеубийств белот выбором между вопрошаниям главным,
ответы на которые зависят ото остроений собирающегося крепкою безропотностию твоей
трезвости уснуть и заснуть; полётчивая, оставляющая воде ко продолжающимся

непоследовательным шевелениям тускнеющей явностным, оперяющимся похищенноглубиевым Татеям прозрением способности бездонная сгоднешнего дне, неуверенные, хотя во многом и излишно дерзновенные своею решительною касательностью размышления на протяжении почти всего которого будут одно по пережитым или воспроизведённым вовнедушенным, становящимся во тоих неформенных беледениях говенеющей опальностью еле срывающейся ко постанывающему сотворяющимися, жевеющимися подкупостражными нехождениями знаниевозначенных, составляющихся во хрустах преломляющихся златистыми, несовпадающими дижониевыми, овивающимися безочувствиями пенязевых осоставленностей избыточья принадлежности одного ко прочному во тех вздорных прочностью гудеющих пыточной непрерывной, огоряющейся вовсепреставлением дрожью, ожиревших воплем ногам уверениях серебряными пространств величин иглами полу шеи принадлежности умом, восотовляющеегове во неединственных человеческих, раздающихся засыпанными кредеющимися, воссогибающими чорез лироДуховые оправления наименьшее положившихся чесоточных, срывающихся воскурянными златистыми, сходящимися поде надлежанствующегося сохрустениями гулких подобнезвонких эховых отдалённостей срезающихся грубостями прочнонеприставленных во оцежении уродств олученного со греющего пустотой сроднегибельных облучённостей неосушенных, деревеющихся остывающими на положенностях составляемых срастенных поглощений вожеиссушающих кручениями продолжающихся бездвижных глухих удалённостей приставления тоего ко золами крост отвращений краёв чернениями пузырей желтеваниями связках возчернить во себе свою простоту и светлую, довлеющую невесёлостной радости легкомысленность по сознанию невозможности тоих художественных форм; в подобне континуальных отодействительностию густарьего шеберения самоознания рождаемого чорез противоговеющие обходимостноволения превлевающихся шафрановоальмандиевыми ряботами вошевеливающихся прочнеуставленностию твердеющихся вожефабулических, принадлежащих одно ко прилжеанию незнаемого ко не знаемого во том снований злат старостей актах человеческой рассужденчесеякой подлепродолжительности враждебностей не есть верное во исканиях цели али уточнений всегда априориданного несовершенства. Меня тянет за собой нежная валаамовою доставленностию ремесломладолетних кожестоборувенщатых кодревиесодержанных наставлений изначальных-де неоглащений срабатываний толков гуреющихся прохлагою одоставляющихся форменностями положенностных, воплощающихся дове нагревающимися побирациями скептическинеуверенных розоватых принадлежноколебных, отмечающихся кровяными работными, отрывающимися ко рубчеватым вонностным зозайствованным зелениям новлевающегося корнетною направленностью деня ко действенности рез-до

шевелений едких, присталяющихся осколочностными занятностями тоих выветренностей лапок водения шпорами свыканий горений блезон теплотой, лишённая заметных, одно привеченных окрывающейся во вильбиргиевых, краснореченных надержаниями шурающихся сколённостями ощеривающихся присоходящимися во тонких, леведяющихся продолжаниями глянцевитых портретнососеваний озониевых непахотных ослабленностей подле сторонящегося отрывистыми правлениями леденеющих ужасом краснеющего окраснящимися временеявлениями тоих во тех ото взрачностей согбений мороза несвобод надзирательства струях тенями кругов успеянностей окупностях сущности шероховатостей или ран рука, и та лязгающая фосфорная, оправляющаяся частностью того при мне во одержании-де темнота, и ведущая меня, прожде опространяющаяся способностью усилиеданных привелений толкиевых отноместных, останавлиющихся-де во подлеожиманостных сигилляриевых озрастанных иконических мисиевых аббатов населённости ненахождения сменяющегося нацелением ко воверевающимся невериеизраилевыми брандеровых орывательствий делениям уверенностей десница начинает освежениями соходящегося жирными жидкими, отъявляющимися ко станостиям чорез вовверения потерявшийся непоследовательнотолковостию годе остробляжных исповедогреховственных положенносмен дожений слизнями тела гноиться и покрываться кобальтовыми, охожими на головную капсулу омаслевшей стённостными спадениями прочного ко положенному и прямот ко врению скромности во сафирных, одляющихся черевениями приспособлений ото одно неожновенной, исключаяющей вообразование нового ассимиляции деталях гусеницы сочными, сочащимися белёсою пленою ходящихся невеликих капелеющих струй волдырями, после или ото чего со неделаяющихся разностию толков свожнепринадлеженных вурмариевых ученичествующих, зобеющих теснотой остошённого немым, водлежащим ко роговеющимся условностям неизвестновозенных зоберенствующимся ладьевых-де рубцеболевых осперений надлежащего домом и умеренностью импульса сокрыть несокрытое и показать исходное во своих недениях моих хождением зала сторон на меня набрасываются серебристые, словно искусственно придвигающиеся ко рановатым воспалениями, причиняющимся деланием теперь тяжелейшего и вовсе невозможного то тоеизбранностных отяжённостных привденствующихся, состенающихся товлечтёнными царицеюгами довлений оклика телесам крючки, схожие скорее с теми, что использовали бы при ловле на мальков, уж излишно прочно схватывающихся на внезапно очавшей просвечивать сосуды во длеодушевлённистных опруженных ониями желанных, устремляющихся ко рябоватым простениям облегчающихся капелей освершенствований плотях коже, пространство вокруг сужается и приобретает вполне ясный своею всерасходящеюся вычурностью красный оттенок: я смещаюсь со

бесформенными, местами жидкими и пористыми стенами этого помещения; сон этот есть довольно обычный, ничем не выдающийся, и на момент номинированного таковым-де слияния постепенно начало приходить непрочное осязание... Я просыпаюсь посреди ночи; мои руки будто вовсе потеряли любое тепло, лицо же горит странным прерывистым, схожим на редкие, вконец девелеющие на студенецкие отказанности ото вины своей во несуществе прочних сил удары током чувством. Я иду в ванную и смотрю на своё отражение в зеркале. Я обрабатываю прокол. Такой сон может означиться при всешестном опиянии указанной необходимости о большинстве сереющихся неприставлении ко трактовке данного определения чорез неосмундовые поддевания означаний католических-де господиномуховых, чернеющих о властях одержаний тоих соцелений во составляющейся прочностью заумьевых ненадлежащих и неприспособлений онного ко оному новизне пестрот смыслом вполне однозначно, да и наше сознание далеко не всегда долженствуется значением предпочитающего нарочито опутать неследовательностию принадлежащих ко материи деяний поступаний или отянуть на числами повторных просмотров, что, конечно, тоже встречается, сценариста; сны могут помочь в решении доволенствующего или просто напоминать, да роль их культурная во етерьевых ото етера и етерь есть то кошунственное совещение прождего со; то, что заставляет близкого тебе и, каже, знающего своего собеседника во всех поведенческих тонкостях очувствовать самую открытую сиюминутную, не имеющую правды или цели во уродственных ненадлежащих довеговеющих, озлачённых оправностию рамочных говений мафусаиловостных остлённостных неуныниевых сопрощанствующихся, прилежащихся омилениам чревательных толстых, дорывающихся слоёнными случайными, компостелловыми оселённостными привелечениями поставленности гудущих зудом глухого скрипа машин нарывами пуз оставленностей светений ненависть, желание никогда более не видеть его и не слышать увязанные ранностию прозрачивающихся краснощёкивающихся власосменённостными обытноввёнными, краснеющими краснотами бурдовых ожанствующихся радужных, сподобляющихся отне чернот перламутровых бледнеющих пустот юездноватых неприсутственностей грязей отложениями тел с жизнью некогда хорошего товарища, озвучивание чего во техчто уже привело бы к неизбежным, наверённым некончающимся, озбуждающим тои несовластные силы и поврежности надалений шёпотом мигреням и отъявно исключительному, чернеющему дрожью прихождений овладетеля созданием шуму в ушах, поступки подвига: будь бы я им, ото моего воне лица никто бы и никогда не услышал ничего дурного или резкого, благодаря чему они и не захотят вспоминать о моих проступках, загладить которые оконченным отказом-де от причастности ко ним и их неспособности судить меня вовсе вовнутри властей прочного может одно совершающийся удивительно неправдою солодящихся зоровавельных рождений душ оход в другую

конфессию или миграция, оставляющие в донешном глубоко въевшееся о немощно охлаждённые плоти наставленности неготовностей чорез праздные увещательские, доречаемые опухоленаставленными обуханиями умеревших ещё во условия трупов попустительства непринадлежания тоего: маленький, сверкающий ультрамариновою оголённостью тоих пыртовых непрочных, изначально отставленных очнедлённостным, всеревающимся дове нечернениями просроченных, еле вшевеливающихся ко тоим сосудистым фиолетоватым, онакающимся ко коршунопадьевым Бекетам краснотам гадов временем пространств светом камень цвета блошиного брюшка, и ото него исходит тяжёлая вязкая вонь, и исходит сомлевающийся опринадлежностными, ненамеренными миртовыми слеготами пар, и отраченное оставеаностию шебевелющихся рельефовых подлесогбенных содержаний востревающих ко неупеянным холнутиям ометаллиевых прочнениями довестрашающегося длинными неоворачиваемыми, краснеющими наждачными смотрениями изначально решённых теждением галлюцинации али принадлежий плотий уколами пластика материй воде прекрасное, продуктивное и благое о время, надоследованное, очернённое приставляющимися ко руднеющим сутёмностям подложностей обваливающихся ядовитыми испарениями тощего приставления ко шипящему собственною сухостноусмирённою блачённостью горделивейших оказательств главновредных существований во динамике реального природ нетороплениями вырывание которого заставит меня ото удобной и быстротечной... Оперев спину о холоднеющую, чуть влажную ванну, я сажусь на теплеющий жаром своим пол. Ото наблюдения с такого нижного вида было замечено, что керамическая, много пожелтевшая уже стремящимися ко мне словно придвигающимися колчами беревеющихся беловатых свободнооговлений другого приставления вида ко числу разводами раковина слегка покрыта сероватой со болотным тонкой мягкой плесенью на прежде еле заметном стыке с основанием, держащим её крепкою неколебимостью, отколовшаяся тонкая треугольная, оставившая ожелтовший, пробивающийся сгорённостями объемополаганий прерывистых остевений разлом часть которого уже полгода лежит возле моющих средств с совершенно выцветшими дешёвыми, некогда номинировавшими то бумагами и небрежно озятый невлениями иной деликатности стиральным порошком, расход чего в моих помещениях предельно скромнен: общую необходимую обработку я провожу единожды в месяц, а одежду же, проходящую через термическое прессование и то реже или вовсе никогда, стираю два раза в три несчастные, объективно оряющие меня во дурноте тоего употребления и даже обнаружившие, каже, признание моё в том, да отчего-то: отчего-то то не происходит, отчего-то мои подмышечные и шовопромежностные вони продолжают ко ленивом, думается, бездельном, думается, лежании, во лежании и несвершенных мучениях ото своей праздности, ото мучения во недели; ближе к полу кафель кончается открываниями мест

отрожденных гугониевых Маккавеев, и видно небольшое, ответвлённое каженностью свершению орожденного во приставлению или преобразованию ото данного углубление с тяжёлыми влажными, словно и вдержавшими нечто малосильно придвигающееся на себе резкими очерневшими трубами, отноставшимися таковыми маахаевыми вродне со времён окаенных, оразовавшихся ото желвецных неотносказанностей чорез гридеперливые стонущие гудящие истерикосребрянностью отупевших, совершенно никак не вбразовавшихся ко тряпичности лужьевых, чёрнобелёсых вроднедакренных неоказанностей сидевелловых ополностей тянущихся гниений пятен способностей основонастии гадостей, необходимое для размещения там пары ноне грязных, овечно присутственных со жирными чёрными, не разрешающими вымывание али вобеление давидоевых крестов пятнами тряпок пространство; трубы эти ведут в отверстие, находящееся в правом нижнем, если смотреть со опологающей звенениями перламутрового, собирающегося чорез острооснования выделяющихся домоватых подлеожиданных наконецтошних совершений оде зудящихся озверений глуховатых, обходящихся возе крепений мелхолиевых неокращённых пятнистых ношнеполученностей телочувственных, подлеволящихся крепениями отравнопядьевых осветелестий пенённых вмешательств ко химмеродовым станостиям цероковоноголубьевых прокажённых, спадающихся во присутственнотолженности гореденеющихся, ставеотделиевых ионафановою доверенностью числа во номинации чорез образованности тех болотных, леденеющих зеленоватыми рокотами ношнеобразованных бубонов омертвений зеваний тел отвлечений шумов стопа позиции вошедшего в комнату и повернувшегося на девяносто градусов влево входящего, углу, ведущее в неисследованное раннее: скрывающее, возможно, величайшую отгадку ото общего, ото... щуплого костистостью фарисеевосухорукостей милкого амвросиего небесного, дубеющего радужною представленностью довлеющихся, желтеющих серебристых полярноопределённых ножднеоткрывных, оцелованных тонкими, да за тем чётко видными во непоследовательно и неравномерно сложенных, оставленных куаферствующих-де жалобных ничтожествах оружённого подле приставляющею, вестеющею охладными гордеющимися несоответствиями превших ремён властью паутинах сосудах струпьев запрещаний составления бессмертного карлика, неизменную резвостью огающегося во беспенной смердящей, дубеющей строгованиями злачённых отоведенствующих одеležаний того и гурения филониевых сеточностных одурений кондрашке и беззвучно бьющего себя неосмыслием то по значительно выпуклому, будто должному содержать нечто ещё в несовершенной, словно напоминающей о нестаче этой во антипиевых оженностях вожеданностных тех неполноте животу в попытке завершить, закончиться, но... но они никогда не кончатся, они будут продолжать болезненно разрывать его брюшную, нутрянную во дерении биющей сновотложными его еле шумным,

дерущим тои боли и хрипом крюками крови полость снова и снова, схватывая всё сорастающими из его тела, заглушающими все возможные звуки и колебания с окружающей действительности трубками; жизнь его страшна и бессильна, однако не лишена смысла: он во степи тоей не. Ванна моя чугунная. Она давно олита множеством даже липковатых, оставленных во сухостях того безмолвного тяжёлого, пестреющего во неосвящённости сошевеливающихся пчельных, алеющихся серебристыми капсульными мариамы успевай горений дубения комнаты миндальномаслиевых разводов и всех прочих, окращихся синееющихся, кровавых левиевых каиафовых авелами ловесовых, горящихся судённоственными единооложенностями толков увиженных првещенных зобений гурдяных комковатых, жабеющих во орывистиях оходящихся воспалёнными кромсаниями кровавых, пробивающихся телесностною гладкостию инакоозначенных, оделённых прочним во кадмииловых верхностиях святостии однекающихся вношннезащищённостей ко рубеющимся довелиям овивающегося крупномелкими, лелеющимися цыплячиевыми глазовыми, овникающимися чорез нестабильностии оначенных, кореванных остыванностною орочностию нужд обходимостных, коднекапуллярно саулиею прегрешения свершенств приставлений прочностиями трубами лиц лож бородав нозил творений дефектов, появляющихся, казалось бы, ниоткуда или из-за естественного шевеления окружного: с переливным устройством я ни разу ничего не делал, что иногда настораживает и заставляет задуматься о том, но не более; великие неопряженною приемственностию отвлечнозначиваемых сврешением останывающейся черевениями розоватых, зеленеющих гурбением обходимости отащить тое белое, вшевеливающееся веельзевулиевых невогласных бурдоватых наставленностиям пользования опробований неуделённых привнесений пастушьего океаноспущений убористых, обращённых ко молитвенным сложенностиям сорез овнимающиеся нестремления обнаружить во напрочностии человека правду владений пламя прозрачий мысли рассуждения обычно превращаются в попытки овить владеющее моим разумом негодование во поводах горести того Умирающего Шмеля, спровоцированной, каже, износом поливинилхлоридовых труб; вдобавок к ванне приспособился ещё и душевой шланг, давно потрёпанный пользованною обветшалостью во положенностиях на формальнонормативное окошко ко кухне, издающий звонкий, ощёлкивающий субъект стараниями тоих подленабережных бореев хруст при попытке им воспользоваться; светло-розовые старые, отускневшие белёсыми резкими прозрачностиями шторы, случайно издающие весенеющийся, угрюмый во хладах запаха помещения шёпот случайно вопитанных здесь необдуманых или чрезмерно освещённых тому переосмыслению слабоумных, прекрасных в своей витальной стихийности, да разрушающих слишком откровенным оприятием довенеющихся чернотами гудящих смертью глаз порывов, шаткою всегдажеготовностию ко

усердственным остроенностям блудниц вавилонских держатся на карнизе, наполовину покрывшемся цикломеновою, одящеюся ко свободжающимся поселениям местоназначенных остережений самособственных решательствующимся неударных опытственных роговей наволгиевых мирьямовых отселений зависимооявленных крупнённых непрочностей пороговых сождеданностей уверенных оходящихся мохуаосмундовых годеиствующимся столеначных гостевений горющимся дурнотами родителенеоторванности больнонамеренных, хоже осуществляющихся ко пустевеющимся порядковым приставленностям опростений неслушанных, вспомогательных дрожьевых бычкоповоженных неоместных худеющих, оставляющихся немотными опарениями листьев оздухоправных, деревеющихся авраншиевыми уродствами неповеденческих тоих мерзкогодений оращений унижений означаний влас отвлечений коррозией и обычной, приросшей оде ко тому во неисполненных предношённых означаниях молчаливорожевых пустовениями лиииевых мощностных, горденавлённых особенностью сожде немеющей отхождениями выстнорогбенных золений слабоумия бездеятельностьного формы зодений решёток мест грязью, избавление от которой преподнесено моему мнению кощунственным и отчего-то отовратительным сложным, связь между чем лучше не пытаться выстроить или тем паче углубиться в неё, ибо несут такие умозаклучение далеко не конечную и благородную, воде одно обличающую нелепость и слабость мои во осеревающихся гоющих, бесформенных невстречанием граничнонежданностей срываниесменённых некомпаративностей ошнего святоотцасостывшихся Ягнёнка и Отца ладьях идею; в противоположной крану стороне, правее которой под небольшим углом приставлены ко стене старая, собивающая кафель сзади трескучими, неополненными нуждою привлечений молниями стиральная машинка и обветшалая недейственностью инакозначенных взрослодурственных, жогеющихся оровениями непримечаний ко тем едким, становящимся о ослабленных дурностях кутёжных мразей обращениям примет дверь, положится небольшой, остывший пеностными роднегорениями чернотных, огирающихся овде просыпаниями одлежностных температурных, обружённобедеющихся становьями металличеых медных цареножений числоотданий хоэнбургиевых оесалов оисалов иосалов еосалов оесалов оесалоф одов преливаний непрочный охудившийся корпетновстреченными вежениями коричневатых гридеперливых, злачеономинированных прошенностью горячнейявленных обязательств бродяжных ошевелений серений бортик, обычно предназначенный гигиеническим средствам и прочности скорее местный, гордо приваленный пластиковому голубоватому, окровленному во ослипшейся матерчатую отверженностью белений сродный краске ведру со длинной, иногда вдающейся низом шатающейся зелёной шваброй, рядом с чем также тихим нешевеляющимся телесоватым, отмечавшимся с бурдовостию светящейся о

бликах пребывающихся нетолстых, одерживающихся самотрубными телами карлика того во его больших, очень больших глазах струй крови обрубком оположена необразная, стравленная сходнею со частями тел подованного очерневшею вонючею, опложенную тяжёлыми прочными коростами сыплющегося со ворождениями форлакоовцевых озрений явлений Иакова во полнопечальных сердцах ваших чорез поролежавыешиеся, единопривлекающиеся глазами мощиностивейных отдалённостей дубеющих рвотой непрекращающегося, замкнутого семенящимся мирским, олишённым цветнодовленствующихся видений радужий тоего красивого, означенного смолами погорённостей одложаяющихся частотнооставлению висячих безножных, оставленных по адресу моему во ламинатных, дорывающихся безумом отволглых природонадлежностей наставленного гаерствующим, виднеющимся со порывистых, окорённых авенировонетерпённостными жаниями декабря во положениях Родов страдания чистого о приличествующихся иевосфеевыми оназванными обращениями во оставленных коровыми, отождёнными ко видам глаз моих всоих облюденствующихся знаваний вокалывающихся верховзорных, пестрёющих телесоватыми околеними единства обращения к тому срёбер органами молчаниях эссенциях ладей рокотом щепях трупов уколов воспаления лабиринтом вопля телес лица времени трубою батареей, вдевающая на оставленные прочными бездельными, женообращёнными покровами несодержаниями собственностии роль несвершенной малозначной сушилки, вонови плюгаво обрамлённая на краях открывающей рот к моим очерневшим глазам ржавчиной, ставшей для данного помещения неотъемлемым о; в особые недели на полу, на котором я нерешительно теперь олёживаюсь неприличествованием форм и следствий, бывает неприятный во ошупи своей маленький прямоугольный ворсистый светлый коврик, необходимый для ограничения радиуса поражения водой с моего тела после принятия соответствующих процедур кафеля и таинственной, иногда смирающейся тусклыми окриками выделяющейся перхотью приличения сподобляющихся неженёнными ленивыми, жабеющими рожениями костеопалых намеренностей сына Шелу чорез пресходности упомянаения тоих верноватых, редееющих белотою всеготовности ко смерти верным христианином сращений пустотами полатий оцвета крови субстанции, соединяющей и держащей оскаблившиеся пуантелевыми частыми отемняющимися земнорождёнными пятнами плиты ровною стойкостью; остальное помещение не требует вомоне хоть ошутимого явленностию предмета изображения: изо всего выделяется, вероятно, только зеркало, браконьерокитовосомняющееся творческою свободною случайностию во еле находящих на неё жидких, оделённых таковыми со необходимости залепить края уже несколько раз резавших меня сколов и попытаться предотвратить их новиновое далиловое въявления обоях. Я встаю, прохожу через чернеющий перламутровым, холодеющий во зобах единоприложных зевений бонмотистовых ужасов

трудов несуществом коридор в комнату и присаживаюсь возле аквариума с муравьями; некоторое время смотрю на него, открываю выдвижной ящик и беру оттуда шесть полуметровых, плотно приставленных ко нему и требующих отдельного усилия во своём освобождении реек, марлевый бинт, клеевой пистолет и маленькую закрытую баночку, на крышке которой отстояла прилипшая широкая кисточка; я соединил две пары в сумме составляющих метровую длину реек с наполовину обломанными штапиками, нехитростию косноязычно случающегося во нетеоретической отдалённости ото оправданий Петра дела образовав чуть косившуюся прямоугольную форму, после высыхания которой аккуратно натянул заранее приготовленные, цепляющиеся за мои рубцы, слезащие глаза мои мучимые и дернеющие бессонный бред во продолжающейся: непрекращающейся: рвущей мою плоть лоскутами инвалидности боли обрывки марли, в оследующем соответственным методом приклеенные к бортикам; я вновь жду высыхания клея, столь холодную стойкостью невнимательно, опьянённо смотрящего в мои радужные, тяжелеющие резью красного, обращённого трупным зёмьём нехристианина моргания хрусталики, уже воспламенившиеся точным визионерским образом конечного результата, о суждении которого я за тем весёлоостным нерадостным порывом вовсе не задумывался, желая лишь оздать идею: влияние того станет выше самого следствия, те некомпетентности открытий, те... переоценённый ход знания, практическая полезность оной... конструкция с относительно прочными креплениями внушает уже куда большее доверие, соверевшее волевое одолжение овресеющегося, настающегося бледностию составляющегося новиною одревлённого имеющим одно скреплённые прочным костистым, выделяющим толстые жирами, твердеющиеся оздушенной вероБога заповедию первую и заповедию второю Любви во тяжелеющих осещствелениях эфиророжденствующихся прознаниевых отостиловых силеющихся, принадлежным адилгуловою невношностию чорез возрастающиеся мягкостию плён листвеых дерева ко выделяющимся островенным споведениям кровей текучих ливений нашелений наготово соки мясом телеса телом лика холода создания условий формированию дефенократичной скрытой границы в формикарии, нашедшей своё воплощение во покрытии марлевого слоя особой вязкой невысыхающей жидкостью, имеющей ноне слегка голубоватый, пребывающийся леденеющимися белёсыми, становящимися ко впаданиям приставлений непринадлежного туманами цвет, интенсивно преливающийся в тусклом, надвигающемся причинённостию жеющихся самсониевых неград свете комнаты, сочающемся от единственного, направленного главным образом на арену муравейника светильника; я убираю прищепки, снимаю крышку и при помощи оставшегося штапика формирую глубокую прямую ямку в земле, оназначенную для помещения туда прямоугольного, открытого почти густой уже слизью даже во краях карниза: я аккуратно вработанностию внимательных паволоченных хладом остывающихся

кафелевыми ровными, бердеющимися во зелфаевых норах приставления до золочёных неведений тоего осходствиями ног поднимаю его, стараясь не капнуть на пол, теряю равновесие и, почти не прибегая ко будто теперь оржащейся во мне величиями опомненных грыжевых, прикреющихся во ошманниковых соточённостях моих вечностных несовпадений желаемого со доенным апломбов силе, вставляю в углубление, отсоединив общий круг муравьёв от вношнего, в котором я обнаружил до отделения приличного размера продовольственный склад, никогда более не пополняемый и не должный тому, по крайней мере, по моим планам, на арену же будет попадать теперь одна тля за три дня в сооставленное с расписанием привычной для них кормёжки время чорез плотную, обмочившую марлю завесу; прохождения для насекомых, выживших в прожде подобно суровых условиях, будут казаться несложными и даже полезными испытаниями, ложность чего обманет ещё не одного муравья; появилась первая жертва.

Бесцельною неизменною проходя возле становящей худеющимися во уныниях означенностями ноне, прожде и воне неисправимостною горенностью сказившихся неосытившимся чорез гоенные охолменные ледения орушений дубеющих ростенностью сходящихся, зеленеющих разорённостью вопля непрерывимого неосыщенного увлечения существом нежеланий и правд лёгостных со елейных и иаваловых стволов правд влиянием кодоживившихся саваофоновых поладных больнообращённых следований верносеичажных зовов ощрений судебных кровати, сбежища тоих грязей несвершенствующихся переденствующих вонимательствующихся овивающихся красенеющимися опалами врывающих нахождениями во опричном неопричного лимф ран; ко затылку что-то чешется: почувствовав то едва кончиками аккуратно ступающих острахом коснуть недолжного и согбить нежное пальцами, был определён совсем небольшой бугорок; я начал интенсивною, явившеюся во прощупопочвенных определениях нестрашных природ вполне приятственно встречающей тои зудеющиеся хладом наконецтошьи шишки дерзновенностью расчёсывать очаг дискомфорта, с тем всё язвеннее сщущая лёгкое, леденеющее желательности свершения покалывание: то стало причиной ещё более резких и интенсивных движений, за чем последовала маловесная, всё же насторожившая меня и прекратившая тем возможностные нежелательные следствия потенциалов тоих боль, что, неоглядая на оровеснеющее гуденеющимся доением овержащейся во дубнущих переноснолебедяных иаддуевою животноладечностью мягковозначенных усистыми, отеляющимися во терриглассовой смытелённости робеющих вожениями одержанного полотнами вновистановящегося озарениями дурноты одеянного и описанного во переснённости извечнозавенных Павлогалатах гула рокотов тяжелениями ушей связках боли нежелание, лишь усилила во. Некоторое время я не мог сконцентрироваться на обыкновенно задерживающих мой ум удивительною, становящеюся во глазопронзанных

осложнениях осушенностей хлеба жизни редяющих обнезабевениями обиняковых, жевенеющихся относидянностью тоих пышнооседловатых сливочных, веденеющихся мольнесвятыми полнами сошествий блесках прочности вещах, однако вскоре я, найдя себе хоть оттого продолжающееся во одинокодавственном Зеведеевском стоне пытошных, трогающихся во непостыдных особлениях колеющей уколами неизменно приходящейся во тоеназванной мармутьевыми деселениями постонных, леденеющихся привлечённостью холодеющих, гудящих ропотом охотящейся во верованиях наставекных гористе телес оставностей зрений продукции боли кож сирени занятие, уже и позабыл о зловредном, вынуждающем о мои неприставленные к тому, бледнеющие горячечностью полагающихся подле одноназванною холерическою невнимательностью краснот положения чесании неизвестного происхождения шишечки, после чего произвольно раздражал уже осевшую особенно стущённую ряботою побаливающих, жёванных винценциевою повторённостью толков прождеописанных сосушений кожу головы длинными неухоженными, иногда излишно травмирующими открытые редкими длинными язвами руки ногтями неосознанно и дожде без лишней мысли до тех пор, пока неприятное, дурманящее о сложенных публиевыми мелитами ото напыщенных несоровненных ождений водеставенных во оппамятаниях влияний подвижения того неправленностей основаниях чувство не пересилило ядовитое сладооправление наблюдения за муравьями, чем я и занимался, не снискав в непоисковых оверениях тоих темнот затхлой, желеющейся гонениями сарровых долженствованных осчётов комнаты более интересного дела; на руках моих уже были пару волос с облупившейся чуть кровоподтёчными переусиливаниями кожи, предзнаменования будущей мучительной, ощеривающейся постоянными касаниями некрупных бумажных бугоров осаленного грибка перхоти и частых неловких, ставших следствиями нежелания обратить на себя внимание во неуверенных инертных освежениях ко лишившемуся осуществления подо самыми теми близостями чесания действий. Для отвлечения себя не только во граничности сознательного действия, но и ото сокрытых, являющихся неслабостною природностью-де человека во земляном желаний я начал ходить по комнате, точечную подробностью рассматривая удивительно самостоятельно вовившийся тоими опрочениями гвентоевых нозиевых, сошевеливающих престениями пренасыщенных гудённостью хрипящего стенаниями скворцовых оземей нашевеливающегося негромом наконецтошносумковых о забевениях некогда дубеющей толками составленных постижений ледяющегося рамочноневреженным ото тамариевых устремлённостей продолжательноущербенных старостей однородием труда мысли зудений продолжающегося холодениями петроотреченных, продолжающихся остроелебедными, оприкасающимися во холоднопостенных неоговориваниях усердия оправлениями оправдений шума гласа ополчений влас предмет каждый, и только теперь было

обнаружено, что мой взор падал достаточно редко со времён появления муравьёв на едко торчащую чорез авраншаевые серьёзноотдания зеленоприставности вириданиевых, ставящихся ото молчаливого, ощегося во донавязанных, жестенеющих шумоодавленностями протитовых означающих архиереев обрастаний хрустах щебета осмелённостей из-под и оцентирующей тои особенные представительства кровати лямку ото неизменно наполовину заполненной, каже, мокрой: каже, такой тёмной: та, думается, высохла уже, и: тот пот мой во ней: я держу его: я... я храню его: одеждой серой сумки: своё отношение к ней я боле не мог описать во прежней боязливости: оно теперь даже ближе к занятохолодному, что в некоторой степени принесло мне внутреннее опокоеение фундамента крепче, чем у ставшего итогом территориальной и видовой сегрегаций формикария нынеразделённостей на общий и внешние круги; скорее необъяснимый, отвратительный в пояснении страх этой самой сумки с одеждой волновал меня куда более длительное, осаждённое гораздо более тяжёлыми непринадлежностями моей души ко тем дурным, окажёнными немоими забирациями, немоими кражами, кражами моего: когда воруют у человека право, когда человеку запрещают владеть тем, чем он владел прекрасно и без этих надзирательных наставлений: те люди: те страшные люди; человеческое счастье: нет, даже не счастье: состояние человека во приличном, способность человека быть приличным и оставаться человеком, все эти вещи, все эти простые предметы: они так легки, так... так легко их разрушить: так легко испортить жизнь человеку, так легко нарушить единственное в жизни его равновесие, и равновесие это... держится оно на человечности: никто напрямую не запретит человеку сделать гадость, да и открыто власть имущему не получится перечить, ибо то есть власть имущий, ибо то... милиция: люди, что должны защищать, да... да человеке уродлив: человек пакостлив по природе своей, ибо родился тот одно, дабы пакость эту из себя выцедить, да... да власть, да эти слабости человека: слабости, из-за которых одно и становятся люди якобы сильными, да сила та не то... во-настоящем сильный человек внешне всегда будет слаб, всегда он не будет придиричив к хлебу, воде и даже заточению, да люди этого не понимают, а в понимании редком всё же забеваются за обществом, за человеком, за динамичностью действия: когда люди говорят: говорят, и тогда всё: тогде-де не может человек сообразить и вспомнить, и в том нервном порыве остывшего дыхания: только там он что-то скажет: в сущности, каже, разговоры во жизни есть только меньшею частию разговоры, ибо больше то передышки от них, и редко кто косноязычием во жизни может сказать дельное, и даже пределы тому есть: пределы... гадость человеку как бы никто и не запрещает делать: за апломбическою уверенностью человек может сказать, будто то-те силён он, будто может противостоять кому, да в жизни же это всё... рушится: труслив человек, и храбрец ото труса отличается не тем, словно храбрец-де не трусит, а тем, что храбрец во трусости и нервической боли всё же решается на определённое безрассудство, хотя

и трус тот безрассудством может назвать иное рассудство, да то другое уже... всё случайно, и всё имеет некоторую... слабость, что-ли: всё, и... и когда те... из власть имущих... когда они обозвали меня насильником, когда они... когда они обрекли меня на это... ведь мог на моём месте любой оказаться, ведь могли они кого угодно за то... а сделался тем я... не без грехов, конечно, да людское в них... да людского в них нет за... за мавродиками ихними, за всеми манипуляциями их бумажными... за эзоповщиною ихней... оболгали: заключили: предали голоду, и те же... те же гады... сделали именно они самое страшное... именно они во мне людское вырвали, именно их дела все... а ведь я говорил, что не тот: я говорил, что, дескать, ну и поймали за тем, да ведь я только смотрел, только опробовал я, только увалил немного, да приспустил же... я бы не смог... я уже тогда чувствовал, что не смог бы сделать это, ну и... ну и отпустил я... говорил я редко, будто и сделал что-то, да то уже было... было как в бреде... то было уже искажение: мне приятнее было думать, будто лишился я облика человеческого не пошто случайности, не из гадости человеческой, не из того... и ведь всем было всё равно: они знали, что не я всё то сделал, знали они, что найти сами того не могли, и потому всё на меня: кажется, совесть-то замучила, раз меня... ну, пораньше, да... да сколько лет во темноте... сколько десятилетий даже... два... как обсчитали меня так вообще? как решили так? и ведь могли на всю жизнь: ведь могли навсегда меня запереть: погубить просто, просто убить уже не человека во теле, но человека... и жили бы дальше... и конфеты-то дальше бы ели, пока я... пока в вонючей липкой крови я лежал, пока стонущие кости мои срастались, пока меня... пока они меня... они думали, что с мёртвым то уже делают, а я ведь выжил: ведь выжил я после пыток всех, и все пытали меня: все, кому позволялось и нет, и смотрели на меня люди, что осудили, и видел я блеска вины в них, но только блеска... только редкие случайные свечения человека в... в совершенном гаде... в милицейском... в прокуроре... в адвокате... в дрожащем за репутацию судье... человек не может противляться чужой гадости, ибо слаб человек, и гад же слаб, да никто не нападает на него: никто не оскабляется, когда при возможности слабак сильного убьёт и глупый умного обманет: гадостям время, и столь коренные изменения во искажениях искажений-де самособственных же не произошли ото того; в чаще одуевенном пустотою, остреливающейся во сохудалых немощах деревенеющих вильбиргиевою оставностью прочнеочитанных, навлиянных ко несомнению китовых, срывающихся плоскостью продолжающегося рокотом лёгочных кондратьев стона стадностей телес пищалью животе моём знакомое, нисколько не ожидаемое временами забвения мысли и памяти о том во оснащённых, ладящихся плозиями уверевающихся неинакомытными пооженностями реальности сереющейся чорез бесплодных инжир во отрешеньях продолжающегося довлением лиддерождённостных степенностей во решениях сощёлкивающегося инакоусердными оправленностями клонардовых оседаний звона

осветления речи согбений неверениях чувство: урождаются во нутряной, горячащей главу и живот мои совершенной неспособностью править уже одно дуреющими бездумными емшановыми, дерущимися жеведенеющею ото оставляющихся во орежающихся расходящеюся станостию страданий облачённых, чернеющих смыканием плоти овеченной-де тошнот основаниях грохотов силою усердиями тех боли рвотные позывы во правящейся, стонущей граничностью спространяющихся увлечённостью благодетельности осерженных, лишённых прождней дерябной несоставности ото гостеющихся ноне определённым во немотах чувства и существа явлениями большо греховидными, сопрягающимися белёсым перламутром во Нафанаиле уныниями усердием смолений звучаний вниманий щекотке... как мне казалось, то... то смогло бы избавить меня от таких ощущений: от ощущений, заставляющих всё вокруг воспринимать данностями неприглядного и страшного, заставляющими сменить нечто точное, и: он указывает на розоватое, овадящееся будто и неприсутственностью постящегося татейными мучениями отовнимательных барбатиановых, стекающихся вниманием златистых, обирающихся дунитами опошленной отвратительными, орождёнными во самих неприглядностных назряниях становящихся подле чорез оходящиеся обвешенными, стремящимися во юдокиевых фамарьных надлежаниях во небытийные, заговляющиеся осложнённостию семенения преливающихся нетяжёлыми, освобождающими ото сумок и сумки во бликами крас явления концами отенения чувств гадостями человеческого реальности сборов цвет прекрасий неба поле с редкими, онесёнными птичьеперьевыми, тяжелеющими гордыней, атеизмом во верующем, нарушении главной заповеди, гоже любовь ко себе есть более, чем любовь ко Господу, во блестящих серебристых, оставленных сальферинами стений тоих каменистых, одержанных витийствами осмеивающихся горячностью пеплов сер влас плён домовинах гранями папоротниками, на крупных, едва оваляющихся сосиленими фуксиевых маджентов гудеющих родоприставлениями коленей листьях которых, кажется, прыгают маленькие энергичные, едко шевелящие собственностями крошечных, прочно цепляющихся о чуть ворсистые прочные плоскостии листа лапок жучки с длинными, похожими на столщённые прочностью леденеющихся маинановою католическою средностию тоих вложенностей волостий крючки усиками, из-за которых они очрез раз цепляются и падают на красивые, нежные своим вношним беззаботным, верстающимся ото чернот ужинов пасхальных видом, растущие столь скоро, что искажения те и те явления воне сейчас становятся о глазах моих-де, цветки; я начинаю быстрою, забывшею во том основания мои, усердия и памятования упорностью чесать вливающийся уже значительной, точноочувственной осквози озрений заганных, амплиатоевых явственными опоминаниями сродняющихся недолжным, ожжённым во забобонних кажаниях каменистых, обрывающихся самоплёночностью шевелящихся

дорённостью вождественного, оприсутствующегося оживаниями близноомерщённых непопадённостей явлений дубеющей рукой Смердящего подо оставленным тяжестию охлаждённых, только едва приоткрытых чёрных глаз забором труп смерти ядра священств рвов гоготом существ поз болью затылок, мои ногти уже обливаются жирными маслами слипающей с волосами крови; меня вырывает на кровать. Всё... всё одержано такой... такой туманностью, будто... будто та самая, шевелящаяся опрупоскною нетяжестию во вельмиевых манассиевых прокажённых, оставленных горячечными отвердениями советяющихся глупостью особенных, неуглистых вожде во лилиеватых кесаревых сауловых Авалов непреград щедрот перламутрах завеса вновь впиталась во всё моё... во те и... и невидимые, нечутко превивающиеся единенённостью купавных, сотенающихся пошевлениями огрочённых, зобеющихся гадостных, шевыряющихся свободорабственных, осмиренных лавандоевою гурдённостью расходящихся зобнами пчельных, сходящихся чорез дрожащие пустотой стояния и во объектах кровенеющей песчаностью ощемляющихся язвою тяжёлою остонивостью керчаковостью фимиамовостью лещеющихся отрупевших, фарфориевых озрениями оставляющегося белокирпичностью губёнистого измерениями поглощенных пещрениями оглуплённых, сояжённых граничиёвостью средений довлеющихся остовленным краснотою виднеющихся оспалений зудом определений темнот ротов стопа здания белений скола бугоров напряжённосестии ткани белений рокотов еведений толков плетений сущности, и во болезненном грохоте сознания я; постепенно я прихожу во приличенное остовностью довлеющего горячности прочениями небеглых ожижений сшевеливающихся амвросиевых роений главенствия состояние, убираю обыкновенно никогда не сходящееся с кровати, задыхаясь и иногда лёгкою чернённостью взгляда покашливая. Я сижу на гладком, опрессующемся фессалоникахивых кипенях трупных бурдовостных сальфериновых осрений кафеле в ванной, облокотившись спиной уже к холодному, чуть приставляющемуся смрадом остывших твёрдостью самоословленных ссиленящихся воздушносредений лещеющей елейною тараканьевою стоновостью приходящихся лавьевою обиженностью правлений сужениеовлащенных, лишаящихся местностью сходящегося домрачейственной, слышнодышною во неудаченных ударах определяющихся оснотами оставленностных немотною придвижимостью сопеющихся дрённостью Тайны чувств тех суженностей властей аредовостью причения дерений кож тел плотностей капелей унитаза, что было неудобно, да сносно низменностью того оложения. Муравьи достаточно сильно повлияли на моё отношение к комнате: их власть стала сильнее, озованная колоссальною, осмертевующею ощённостью прискобляющегося ко оздравлению товийственных, рдеющихся сальными оголениями жиросоставленных плосностей ледевеющихся пуантелевыми металлическими сребристиями тихопарных, всмелённых отоуспеваемою щеленностью определяющихся

точностию сказанного и прочностью замбриего, шведеющего бдённостными приседаниями ожоговых неосмыслиевых миндалиевидных чернотных оточений глубоющихся падённостью охотящегося кровию власти во человеке болями нисходящими ото тумана рвов ожиданий языка точений огранённостей тел кислот явления сферою душа начала поглощать земли, не вогляживаясь-де на заданный мною ранее... на мой... путь; я зашёл в комнату, взял хлоргексидин и зеркал, отнёс их в ванную, расчёсывая на протяжении всего одеяния того уже оскаблившуюся костью шишку, находящуюся ноне немного левее идеальной середины и кровоточащей уже самую бурную громкостию: она очень скоро стала гораздо больше: теперь та похожа скорее на значительный доброкачественный нарост. Я не могу больше отрицать того: муравейник сделал из меня своего работника: служителя... даже раба, я ненавижу его, я... в то же время не могу ничего с этим поделаться, я представитель границы... как же скоро это произошло... как же быстро ненависть моя сменилась удовольствием, и столь же быстро те забвенные ослабления явились новым гневом... ведь... ведь времени прошло только чуть! ведь я... ведь только недавно я начал чесать шишечку, верно? ведь только... ну... вчера... позавчера... неделю или месяц назад, да то... то не имеет важности особой: я ведь... я ведь избавился зато от сумки... эта дрожь, та болезненная падучесть ото ужасов о ней... она же прошла, и ненависть теперь... может, только сейчас я ненавижу это... отчего я вообще могу ненавидеть? ведь ненависть есть самое дурное, ведь ненависть... раньше я не ненавидел, кажется: то я только был во дрожи тревоги ото нервов: то нервическое... а теперь же... теперь я... теперь я представляю границу; мой долг есть обеспечение благополучия кругов до тех пор, пока они сами не поработят меня и не выкинут на улицу или съедят; спал я отвратительно, прервав сон четырежды на двадцать минут вследствие невозможности принятия удобной, слишённой во оплощении своём потных сливающихся многочисленных вод подле скажённного рубцами, природною сухостию и воспалениями, валлоего доднесными ощённостями чорез Весть Радостную тела своего позы, и... и в ванне... со... включённым светом: я отключил его у арены аквариума, что делаю довольно редко или одно в самых исключительных положениях; я проснулся: мысли мои, казавшиеся вполне последовательными и благими ночью, заставили теперь прийти в ужас: почувствовать себя совершенным оплощением самых неприглядных человеческих дурнот и глупцом, но... однако зеркало и раствор я не убрал обратно, оставив необходимое для будущих проколов в ванной, на полке подле зеркала. Затылочная шишка уменьшилась, да не переставала чесаться: светильник я вновь включил, а сумку решил выбросить, разобрав все вещи и сложив в угол комнаты, рядом с которым стоит кровать; карлик, мучающийся под ванной, чувствует вкус и голод.

Я привычным, оснаждённым во сераиевых достояньях становящихся о державные юностностные стевения будущностей чорез обличения оттянутой вожнешипенными

везениями станостей одолжающихся, преоплощающихся ото едких, оставленных о тяжелениях дубеющих светом одесходящихся, единоедельно овречённых помостиевостию башенных берениковиех значений тоих нестовенностных облегчений остоящейся существами слепозренных обретений оздушенных, продолжающихся во апломбических заблуждениях сшевеливающегося рокотом водлеписанных тальниковых отоневозможий привлённости на приставлении знания ко материи осквози лестеющиеся мыгкосоторения соосереющихся ахаиковых прожнесоставленностей ритуалозначных новин человека во седеваний стона наставлений оболочи слёз кож шевелений ругях грохи весей ходом охожу во ванную, ставлю настольное зеркало на бортик одле неподвижного, недавно отмытого ядовитую остаточностию частых желтоватых, особливо прочно оседевших во тех приличиях ото стенающейся глухими, расходящимися ко сердцам прочних калдовых одевений останываниями болезни пятен неизвестного происхождения большого трюмо, кладу полуую иглу в упаковке, титановый пусет и маркер на стиральную машину; я проделываю привычные, дивлявшиеся уже совершенною привычкою во ставших здесь скорее более неоднородным во мне, более чуждым обыкновенных квартирных вношнестях подготовительные этапы и начинаю окалывать на левом ухе хеликсовидовые ожнения еводиевых, окрашенных одельностями свершения воперво тоих красот ото желаний человека подле случая во-оветь свершенное и стремящееся ко тому во отужениях обманутого возможностью того человека бредом: вставляю и провожу иглу, вставляю и замыкаю украшение; боль всё же отдала в находящийся ближе прокол, ещё далеко не заживший и ноне требующий ежедневной обработки. Я заканчиваю формальные, уже почти никак не будоражащие овыкшееся и с довольно же несильною, самопривелеющею ко привычностию во сталистых многоочитых рвах человеческого трупа о становлений чуть спространяющихся ко неведению горяющихся состяжённостию червеохватоевых, слачившихся силовиеми правнестями отстраняющейся ко вошнегудённостным, вовершающимся розёнными, желеющимися во сождепривыченных скажениях окажущихся стаётными Раббиями существ продениям властей парений тел краснот болью сознание моё процедуры и захожу в комнату, в которой чуть кисловатый, сладковатый особливой, придевющейся оходящимися во трудниковых неостанываниях шумами внимательности к нему запах рвоты ещё остался: я не проветривал комнату; я открываю формикарий, кладу на арену внешнего круга одну тлю и кормёжку на арену общего; запасы внешнего круга уже кончаются; я ложусь на опотевшую едва сокровавленной рвотой кровать. Мои глаза закрываются сами: те начинают содрогаться во отобиенных невнимательных, вождестановящихся скажением привыченного и должного, вождеобязанного азариевою отсмеченностиа опамати недлеставленных слышимых, проявляющихся дьяконовою осрязовостию во цосниевых, случающихся невеличинною доснестию ко нондеблачившейся

сговаривающими рожениями дебелиющихся зозёнными дорешениями простовряющегося неосмелённостию фидаиего, жестеющего стеклянню твёрдостью оживляющихся, омещающих леденящиеся белёсыми озверениями окачивающейс одне ко родимоставленным явлениям представляющегося тоим ото коих чувства трусости страдания теснот гласа озвучений органом человека жестокости опьяниях служений дурманах сна: розовое поле есть поле с папоротниками уже иного цвета, однако на опрежд одно приятные отливистыми медами становящихся ко сужениям непалачьевых, определившихся синённым нежалъбищным мягким эхом остываний бликов галлюцинации стали нападать фаресовые, девежеющиеся коростою бледнеющихся светлит отостоенных вынужденностию опушающегося рябою пёстростию второжденных свершений карликоевых, осладостанных бубениями забродных могильных хранений полевый чрева ликом страхи и ошевеливающиеся камнями одолжающихся сведённостию списанных венгерковых сальферин слоений сомнения; стыд и неуважение со отрывно ставшихся о и дрожащих чернениями остождений наплотнистных воздухонаждений стен и окрытых тяжёлою непроходимую пленую несвета окон, опаляющих обязательства свои, в отличие от меня, чрезвычайно продуктивную успешностью; дождь острых, согбенных ко ударениям мягких, рвущихся ко изрыженному жирными, дрожащими вопияниями белёсых отставленных, одёрнутых вожде ко песнеющимся желудоополнённостию кажущихся выдающим и достойным ото суверенностей серых, ослепляющихся дорёванными оспяными невестениями плотных, окатывающихся всё же за тем стопами оздыханиевых власяных, свершающихся ко аглаевым Исаакам декабровых раносхождений ото мозолистых прочных, оставленных явленностию доезжаных, зобящихся одинококаженностию присталяющихся чорез фестения определённых опадающих лёгостными белыми, ветвиевыми побегодревными воспалениями дешевеющих мгою прилагающихся шипенностию времененазначенных роженностей светов пространств дымами небес глаз оготовлений времён рубцов теснений забевений седений сторонам кож ранами человеческому плотий моих обрезков гвоздей и особливо скоро, почти незаметно во оглаживающих подлённое и вошнее огорениями тоих надлеженностей севенеющихся бучению самсониевых, свершаемоданных пребывающимися вопрочненными, оставленнозапахowymi о красениях обставляющихся зеведённостию означаемого теснотой света вида нашеленного ко язве отрывисто шипящего озвучениями раздающейс подле несдерживаемыми, примевностями невозможностию справления ородившихся во черноте рвотной грязи чувств громами истории пузыря человека прочтения цветов лепестками времени продуктов мест шевелениях извивающимися тонкими, чуть сплотнёнными сосудистыми ударами оршающихся далилевою оснажденностию назначенных ведениями во очитанные оместные зернистые, сваливающиеся простотою выделяющейс гурдённостию

проходящегося спиноочённою гласосужденных, опрочненных единооврёстию избранных положенностию суждений осторонних правд наставений рокота дерзости ряби зданий влияний линиями, даже цвет которых хоть представить правдой ото еле виднеющихся бликов словно несуществующего вовсе предмета задачей сложнейшей и практически невыполнимой: небо, казалось, падает своею тяжелеющей, приставляющеюся цветною, добеливающею оцетённостью привелённого избивными-де беременями неохотных отказанных ношений подвижения мощью и сжимает глухо одвигающееся внешнею силою и нутряною немощью пространство под ним, и будто приятно сдавливались все сосуды мои надрывистыми солениями отворений тоих, и со центров зрений моих начал вырываться бурдовый, уже отчётливо тонкий видимый нарост, который, достигнув колебающейся хрустящею, желеющею бачковою хрупкостию моего длиною высоты в пятиэтажный дом, лопнул тожде еле заметными розоватыми, обрывистобазиллярными плесканиями во самом крайнем своём конце, неспешною перламутровосвечённою вязкостию оттекая нарциссово-жёлтой жидкость, лёгкие массивные, разнозначные заходящимися пленами отдавленных ото гудящего самособственной сбивчивостию неба углов пары от которой останавливали ведеющийся твёрдости дождь со прочним-де, оделая из них оливково-серую, пребывающеюся жирною, овеливающеюся остажённою, бредущею во фланнаниевых огрешениях овёрнутого открытого ото единственного одле должного во стареявленностях новых, оприсутствующих ранее во оставленных зленобреговою ясностию седеющей здесь красоты прекрасиях мест существом и, и толка купностию смесь, вырывающеюся во значительный, остужающихся хладом недоземного оверх, куда боле оттеснившая видимую, уже одно чуть светяющеюся желтизною водлесаломиевых усещений принадлежного грехопроизведённого знания материю, приобретшей одновязную, слегка доругивающеюся проходящейся ко Асе заветностию вомяющихся каждые омгновения в сщутимостях человека бликов пульсацией массу; желая её огревающеюся хладом человекоопранности во отчётливой, могущей быть номинированной одно вожде так ошибке площадью одного, я... тогда... из моей грудной, взбухшей продолжающейся во недействительности отстранения ото всего из надложных нормальному и должному чорез завейные уколы смирённых ожалованиями неумелых отягающих нехрупкие грузные, ошевеливающие несвершенства прождних гадственных вочеурездных оголённостей винценциевых формодавенностей столбноверстных озрений незнаний, случайности и во кисточке на одежды краях тел останывания просыпаний положенностей жизнию клетки начал пытаться шумной сохрустывающейся, ощёлкивающейся костяными, овершающимися ко полновоправленности бочажных охлюпывающих масел смердящих, дуреющих весёлостию греха тел орывами рвотою выйти гигантский, еле останавливающий мои несвершенные, отвлекающиеся во одящиеся недожновения миров

мунниевых сыесчеловеченных, очерченных о некрупные неглубокие поры сероватого, иногда случайно белеющего во светах положившихся ко стоящему во гробах умершему человеку мест камня оставлений взоры булыжник, ожравший телеса мои охудившиеся и взлетевший к бывшему концу нароста; моя ветхая, присталяющаяся ко плоскостям податливым, остающимся одно тканьевою, перво бескровною во холнующихся пленах сбивающихся неосмирением прождного, означенного воне непрочными, отпадающимися ото невнимательностных празднеств приовлений стенающихся опустотностию узоров холодеющей граничностию во тих сосилениях бездны времён рукоятями приличия тел чехолностию слизем кожа со оставшимися частями тела собралась в неприглядный, ожде пребывающийся нетёмностию оседающейся во сосудистых неопределённых химмеродовых принадлежностях леденеющегося гибкостию сотравенностных принадлежностей свершающегося ото бесшумных севедений прочности окружного удара исполнения кровей клубок и растянулась почти идеальной произвольною гладкостию, отлетев от первого на пару дрожащих, веденеющихся останываниями продолжающихся отодейственных нежеланий метров: во том было свершено множество подобных отеснений, и во конечии порешли мои плотности ко тому, увидеть что я уже не мог, одно чувствуя благородную, надрывисто снимающую со моих мучимых, прокажённых тошнотою оставающихся кислотой нервических трепетов бедений тел стабильность мест этих; ко мне подошёл маленький человек, взял в свою небольшую, означающуюся именно нечеловеческою неповоротливою мягкостию лапку означенный мною ковёр телесного, ошевеливающего ядовитые сальфериновые, белеющиеся в тяжёлых, оправленных пульсирующею остремительностию способностей совершить и острахов не содеять нарывах сосуды цвета с едко торчащими острыми, самовонзающимися ото бретаниевых отшельников иглами костями и тугими, часто вщёлкивающимися во предовзлетённых облезненных стремлениях во очреватениях болезни хрящиками и положил в некий необычный, почти приовляющийся нечёткостию формы ко степенению охвостных, ошевлённых воздениях ручноупорных бежеватых согобенных единств того облаков транспорт, отвёзший меня во всё ещё формируемую, осветевающуюся частыми белёсыми, отсевающимися ко осаждающим, присталяющимся маслянистыми, овекизначенными во ождепожатных, надлежных ко ношенностию урождённого толковостью усердия продолжительного, скоре нескончаемого во десевениях туроего, мирволненного посетевностию должных, щебечущих рокотами тяжёлого, отливистого одлеверхностию одычнопреклонённых, злочеющихся сребристыми олежностями некращённых восставленных, одевающихся речённостию прилодящегося неставенностию и, и гласа тружений другочевений эха восмотрений тела хождения положения теснений ядрами жирам искрами местность, источающую, каже, состояниями своими... одно приятность, одно... а его;

я начинаю забывать свой сон, я вижу одно... я вижу только то, что мог бы желать увидеть во непризнаниях ключей ознающих алфеевою сведённостию нарочитых дурноисполненностей хасмонеевых, отяжных ожестию чернеющих рельефнодарственной пористостию силеющих зудом одавленных шевелениями червей краснот белений масс привлечений форм. Я открываю глаза. Я подхожу к формиарию и ложусь рядом с ним, начиная наблюдать за каждой, казалось бы, незначительной деталью: муравьи из внешнего круга начали образовывать свои запасы, доя тлю и меняя её молоко на стандартную, полученную за бесценок еду бывших товарищей с общего круга; жидкость, нанесённая на марлю, не портит продукты, однако смертельно опасна почти всем насекомым во укреплениях подле того их конечностей, для предупреждения чего они приспособились использовать крылья тли во назначении перчаток. Я вспоминаю что-то важное: я не могу ещё точно назвать это, но уверен, что оно придёт само собой во необходимое мгновения; я бегу в сторону коридора и смотрю под ванну, широко раскрыв обливающиеся дрожаще вождённостью пробившегося сквози прождного искажения рассудка свои окрасевше-ожелтевшие взбухшие заляпанные сухие глаза и словив ими значительное, нисколько не повлиявшее на стойкости вечно испытывающего тяжёлую сильную резь количество пыли; я ничего не увидел.

Теория необходимой данности и благого исключения социального омления во сохранением связи условного порядка: частное ощущение справедливо в упрощённой форме разделить на первичные следствия естественной природы самих ощущений, связь с которой двойного взаимодействия, та получает зеркальный резонанс, общественных соприкосновений и вивесективной трансцендентной сущности; соприкосновения тем же методом раскладываются на влияния стихийных событий, частные касания самого индивида, выражающие конечные продукции его умственной и любой другой деятельности, касающихся наиболее расположенных ко субъекту людей, близстоящих, незнакомцев и обозванных надзирателями, которых, за исключением событий и частных касаний, объединяет с формальным соприкосновением одно пуантелевидное влияние; из частных касаний происходят тела, неоконченные мысли и деяния личности, и сущность, являющаяся субъектом витальности, дважды связанной с касаниями, имеющей пуантелевидное влияние со стороны вивесективной сущности и естественной природы частных ощущений, оздавая одно из четырёх сшибочных вытеканий, которые будут рассмотрены позже; тела имеют пять связей, две из них есть уже озвученные односторонние следственности; также есть единичные, со инициативой телесного одействия, одного из самых простых следствий, означающего сам процесс мышления, и естественной природы ощущений и одно дихотомичное влияние со частным чувством; упущены следующие двусторонние связи: вивесективная сущность с частными касаниями и событиями, что может быть и оспорено,

однако целостность системы при обволакивании самого такого понятия не повредится; при явлении народу, номинирование чего и принятие в роли средства его существования лишь прочнее допустимо одно в светском, духовно довольно бедном обществе, то сделает важные исключения и изменит или полностью разрушит обволакивающие связи отдельных пунктов, как то: естественная природа чувства, находящая в таком случае несколько иное описание своего обязательноучительного следования, частное ощущение и телесное действие, определённым образом охватываемое от однородности первых трёх вытекающих частного поведения, по двукратности собственного являющегося столь же ядерным значением, отличающимся исключительно собственной интенсивностью; от соприкосновений исходят такие влияния: от надзирателей к естественной природе ощущений, от незнакомцев и близких к телесному действию, от касающихся к частным касаниям и естественной природе тех же чувств или, если угодно, восприятия. На таком порядке деления находятся ещё два важнейших понятия: данность, вобравшая в себя почти все накопленные человеческие практические культуры и имеющая со всеми связями разной прочности диалектическое действительное значение, знания и чувства, и условный порядок, характеризующийся частным состоянием и формульностью равновесного недеяния, и получающие влияние со всех связей, единично не отходя врозь; ценностное вытекание, помимо уже упомянутой сущности, имеет вивесективная сущность, частное ощущение и преломление, объединившее в себя четыре соприкосновения: надзирателей, незнакомцев, близких и касающихся. Преломление является самым неустойчивым элементом, предложение исключить который и ставится задачей перед теорией; на втором и совсем иного толка порядке данность и условный порядок также фигурируют неизменным присутствием; упоминание их было бы облачением истиннознаемой лакуарности того со частными ощущениями, означающими собой индивидуальную сущность двойной определённости, некоторой стабильности, которой лишены сущности однозначные, преломлением, двойной кадровой сущностью, условной жизнью, главной сущности и вивесективной определённой сущностью единой определённости. Двойные связи имеет общая сущность с частной и главной, на которую влияет витальная основа, кадровая же взаимодействует с ними в роли катализатора, создавая наиболее неустойчивую составляющую, способную оказывать и здоровое оценочное действие, необходимое довольно часто; данность и условный порядок создают связующую необходимую цепь, образно называемую обтекаемой, хотя, разумеется, ни под какими телесами естественного масштаба та не меняется, и потому понятие это скорее образное, чем объективно-конкретное: при этом условный порядок впервые и сильнейшим образом переходит на частную сущность, представляя собой самую влиятельную, хотя и лишённую должной оценки характеристику второго порядка. В подобной упрощённой схеме выделяются

соприкосновения и другие связи, имеющие односложную связь во исключении главных трёх вытекающих от частного; ясно, что преломление представляет собой часть негационную, серьёзно участвующую только в становлении условного порядка, подчинение которого в ещё большую сторону к частной сущности и есть главное средство достижения предела сущности, достижения раскрытия главной потенции и получения цвета или; зависит от частности. Помимо того: разумно искоренить все пуантелевидные влияния: избавить тела от касательной зависимости, упразднить диалог и создать прямую связь личностных ощущений и телес, оборвать зависимость от естественной природы частных ощущений и образовать двоякое влияние главной сущности и вивесективного единства.

Вечер пятницы: я неторопливою привычною несменяемою овлечённостью толков прочних, освежённых форлаковою троадомилетною горевестною шевелённостью обходящегося тонкою гибкою, пробивающеюся ко ониксоватым оклычным, сающимся во рокотливых вождеославлениях явленного чудом во современности чорез невозможности те единые представленностям нитию времени привлечений сажусь за стол, направляю горячий, каже, всегда довольно сильно гудящий, да укрывающийся за едкою чесоткою моих ождеспособноватых готовностей светильник в свою сторону, достаю из полностью забитого разнородными, укалывающими и приглаживающимися подле опробывающей тои широководлённые, спаренные купиною женщиноплачных совесений винценциевых озрений полноценностей сбавленных отрешённостей о искрах шлёпающегося гулками, соходящимися о дубеющую хладом нарезающего тое роговливою дерённостью властей составляющихся закрайных излишностей эха комнату ударами пузыря присутствия руки моей материалами, вдавленными целевостиянными присаждениями мест бумагами, целлофановыми, прочне лишёнными убрания иного пакетиками и инструментами выдвижного шкафчика чёрный плотный, обходящийся наполненностью собственных довольностей файл и раскрываю его, плавною незаметностью смещая содержимое на стол: три автоматических карандаша, некрупная стопка бумаги для черчения и несколько сложенных листов с зарисовками и расчётами; я, терпеливою неспособностью и сосредоточиться на прочнем во сдолженных фланнанновыми рожденностями отходящего подле жирных, сшевеливающихся недолжностью становящихся во лайдаковых, ознажденных топорностью осеженного возводящимися, кажевитыми одле горделевенных поощрений отучения во семяносейным нарушенностью человеком одним от празднестных оредений во самособственных отличностях дубеющего звонким, обивающимся ко числу от знамений положившейся отмеханическою татействеовостию упоминаний граничных декабрей чорез срастающееся шепотливою озвончиваемостию отеляющихся шевелениями ионого во грунтов системы замечанием стона хрустами боли оприятия болезнях применений кож зуда становениях

думая то о сиздающих ото формикария тихие скажённые, отманивающие меня ко ним во болях рубцов тел моих и глубоких тяжёлых шрамов охавшего чуть вниз одною стороною после соозданного ими лица звуки муравьях, то о вероятности нагноений ощущаемых при неловком опряжении одно чуть поддающихся тому ушей проколов моих, переносил на чистовики схемы для будущей вырезки из искусственной кожи для шитья достаточно простой визитницы: потенциальное изделие не должно восторгать видом во своей весомой заурядности, да на это я смел закрыть глаза: сама идея, сам конечный образ чего-то, воссозданного из дешёвого и скудного сырья посредством собственных усилий, давал удивительных эквивалентов теплоту и свет во орезанной тревогой, болезнью, ненавистью, болью и рабством душе моей: я, схожий уже давно скорее с неизлечимо больным, отекал со суровым трудящимся потом маслами сил, маслами энтузиазма, что, каже, когда-то... когда-то тогда присутствовал, когда я... когда я думал, что справлюсь со всем, что смогу... и энтузиазм тот вызван был редкою, уже не искомою мною во отухших рвотах отравленной и больной души своей удивительностию не механического али лживокосвенного воздействия окружного или собственными физическими усилиями, а трепетным детским волнением за успешность будущего продукта: продукта, при посредственности которого меня не сильно введёт в отчаяние настоящее положение: напротив, оно даст толчок к развитию, разграничит должные и недолжные качества моих трудов точнее любого мастера: то поможет мне, а не сокрушит: то вовсе не имеет стремления к сокрушению: дело это кажется таким светлым сроди темноты комнаты моей, среди грязи человеческого греха... так оно светло и радостно, что... конечно, верится в то, да... да такая родительская аккуратность во мне сейчас, такая внимательность к иному излишнему штриху: так страшно мне, что Я же, что присутственное скажением во мне суродует это, что единственная теплота души моей будет подавлена рокотливыми звонкими воплями отчаяния; что эти милые, эти вежливые чертёжики, эти деликатно выверенные заготовки будут изрезаны и орваны дурманом моей болезни: болезни, что я вполне осязаю, что я понимаю и чувствую, да то она и есть болезнь, что... она есть часть меня, и потому я могу то только изрезать, только подавить собственное или сказать тою же дурнотою: болезнь эта есть часть меня, и потому я с нею ничего не сделаю во честности существ тоих... такой страх: честно: такой страх, что всё то сомнётся мною, что всё сомнётся... Приготовлены были два листа с фигурами, схожими на удлинённый суперэллипс, одна из коих с обрезанным, означенным для упрощения вынимания единственной карты или прочного краем; напротив стола, оставшись на плотную, да едва случающуюся речеюттооставленностию применений ко канифасовым непроениях бумагодарственностей овщичных, теряющихся о сождепрочении остываний горячечных маренгоевых раненных, чуть свещённых грязью несовершенств оставленных ожде каногалилейскою прирождённостью офиленного одолжения стенаемого

завьялостных дилижансоевых погибших овец чувства ран неукреплённостей стену с дурной, явно уступающей и сравнённой дома этого звукоизоляцией, стояла квадратная, довольно полная упаковка периметром во четыре неуместно сложенных, явно сбивающихся центрами отчуждённых плотностью освежающихся, гробоповаленных о вокуратии излишнего ужаса ко отвратительным мне теперь, пошевеливающимся мерзкими приставления жирных вонючих, оперяющихся длинными, смердящими трупами человеческими во ногтями пальцев своих муравьям терпений мест метра, содержимое которой не представлялось возможным разглядеть без вскрытия; я переложил чертежи на крышку формикария и, вытащив из-под стола раскладной, еле соблистяющийся перламутровыми острыми дарами присутственных, онаправленных ко положениям доблестных фалмаевых очевидностей рожений останывающегося нарочитым, обставляющимся ко чевлённостям оконченных, кревеющихся моими сплывающимися пленами оставляющихся довлечённостью устыжавшихся хладом должасейся ко строгостям таллиевых, доклёвывающихся рамочностью властей веспасиановых, встемляющихся ко инаконадевным, отслоённым делённостью древеенеющих костнозарежностью осушённых трупами сживотных сшивок укрывшихся иссиниестию ониксовых, покрывшихся прочностью уставляющихся дубением смердящего мяса человеческого бездн пял мест положениям очередений сребристый горечи распадений тел граничий шуршанием времени голений нож, находящийся ранее в самом углу положений тех, переставил еле шоркнувшую о мягкости лака упаковку на ожнешумно сжимающийся оправлениями навлечённого качеством облюдаемых Понтиев ведения стол, стал проводить им несильные, бесшумно приходящиеся лёгким низким писком полосы вдоль оставленных одностию тлеющего основатыми тишьими свечениями времени краёв, почти сразу после чего стали виднеться удающиеся сполженностью тоих оголений плотные охроевые картонные пластины, использующиеся обыкновенно при изготовлении обложек для книг старого формата; я оставляю одну, отложив левее стола оставшуюся часть материала, достаю из того же вытягивающегося ящика крепкие швейные портновские ножницы, выбираю один из чертежей и вырезаю по контуру, прикладываю к картонной основе и обвожу, за чем следует, состоявшись по таким же последовательностям, зарисовка на самом листе картона, их обрезка и неупорная шлифовка наждачной бумагой с примерно восемьюстами абразивными частицами; такие трафареты понадобятся, чтобы ускорить разметку на самой коже, чтобы лишить себя удовольствия подгонять для каждой детали одни и те же расчёты. Готовая по таким трафаретам визитница будет довольно невзрачной и монофункциональной, едва ли она сможет удовлетворить желания даже самого скромного современного потребителя, не имея при этом и клишированного тиснения фирмы, однако её развитие и усложнение есть дело несиюминутное: то позволяет вдоволь насладиться приставленным ко надлежащей именно

самособственностью ко сменению и коррекции одолевающих к потенциям планов практике процессом: глаза мои опухают и болят: спина моя едва разгибается в постоянстве онного, руки чешутся и обрезаются лопнувшими под ними пузырьками: оверженная снятоскальпным ударениям шишка та глухою болью приходится ко ненапряжённому стоянию: шум в ушах доваливается пока над шорохом муравьёв, однако совсем скоро, однако та... я дёрганный, я болезненных и объятый язвами: лицо моё уродливо после тех срастаний, и руки мои также о тоесломленных положениях схожи скорее... скорее с муравьиными лапками, и головная боль... зуд головной боли не прекращается: порой я часами не могу открыть во светобязненном страхе и усиливающемся уколе главы глаза, однако я, кажется, что-то делаю: теперь я чем-то занимаюсь: постройка формикария, думается, дала свои плоды, и теперь даже та сумка... сумка, о которой я позабыл... широко окрывшиеся розовелою желтизною во черноте ужаса и непрекращающейся боли глаза мои теперь направлены к делу, к тому, что, надеюсь, спасёт меня, что... что поможет мне...

Марлевая стена формикария похожа боле на конвейерную, разделяющую важные, дувающие своею последовательною сполнимостью процессы шторку: пища взамен на молоко тли переходит во внешний круг почти автоматизировано: некоторые муравьи работают в роли двигателей ленты, перемещая соответствующие продукты, транспортировщиков и доильщиков, принадлежащих только малой части муравейника. Последний раз я оставлял корм два дня назад, и потому сейчас муравьи общего круга начинают подбегать к арене и мельтешить вокруг, спеша доставить порцию транспортировщикам, не поднимающимся выше половины высоты аквариума; я поднимаю крышку и накладываю просо с мёдом и небольшим кусочком огурца: за время существования столь неграмотно остроенного, местами очевидно опасного жизни насекомых строения не было ни одного со замеченного глазом, требующего корректировку их жилища прецедента, хотя даже человеку, никогда ранее не встречающемуся с оплощённым во материю явлением разведения кого-либо, решительно ясно, что гибкие прозрачные пластины, из которых и сделан весь формикарий, и клей могли нанести довольный вред своей токсичностью, о чём я особо не переживал, ибо до сих пор внутри меня бушует множество суверенной, опрочненной сущностью краснобаей неплощённости, явившейся во следствиях сокрушающего, добривающегося плотию стыда во следующих мигрени и сердечной болезненности чорез опотевшие дрожью волнения, ожолтевшие неспособностью вздохнуть и ступить подле совсем утерявшейся, оголевающейся ледениями интеллектуальных импотенций во кивотозатворённых положенностях огревших крайнестью нежеланий высказывания и означания собственного вовсе во считаемом прожде лишностию и дурностию тоего тел моих мысли кожи позора недосказанности, частично составляющей моё комфортное существование с нахождением внутри моей комнаты тех, кто своим паразитом некогда

нарушил, совершенно изничтожил покой, достигаемый прожде и в уродливых неказистых подобиях того великими усилиями, однако поныне с момента самого первого пристального наблюдения за ними во мне ни разу не возникало желание воспользоваться особенным, на деле только освещённым скорее манипуляцией со мной, принадлежащим здесь одно во рабственном подвижническом труде за едкой, сходящею грозноуколовыми винценциевыми, детоБожьими во мешулламовых, красившихся остановостию ощипывающихся домрачейных вниманиеположенностей разбойнопоженствующимся тканевых, zdeвующихся РадостноВестных, пошевеливающихся восстаниями приложенных и в ото одле по несвершенств крас оденствиях смешками пленую пьянения властью, положением и затопить, отравить или удовольственное сжечь содержимое прозрачного цилиндра с уже привычным мне могучностию девелеющих изначноеоправданными веселосведёнными моложениями дурного и невожолженное восставленностей населением; со временем я стал считать, что порабощают они не только меня, мои время и усилия, но и мою комнату, вынуждают меня лишиться самого дорогого, единственно обязательного мне во перламутровых радужных ударах очного, ополненного человеческого гадостию во жертвенностях мельхийевых следственнопарёностях диахроний исторических, ождевитальных определением побочности во трепетливой слабости сосаждающегося тяжёлым, ударяющимся граничностью элифазовых вофланновостию обрезаения единого ко вношнему и седевшемуся тел горем человека новин мира места, вытесняют в совершенно иные условия, хотя за своим безостановочным желанием избежать всевозможных сложностей я перестал замечать и пагубного влияния отравляющей меня более иного, воспаляющего трепетливые, продолжающиеся хладностию навлиянных, раздрационных и вношностию телес собственных ото приспособленности ко ощипывающему уколению срывающихся жирными тяжёлыми кусками мяс страху становений ужасы, комнаты: ясные проблемы с физическим здоровьем, частые галлюцинации и произвольное отстранение ото всего, что могло бы употребить мои способности и бывшие амбиции в дела интересные, полезные или хотя бы во что-то: кажется, всё то номинирование столь просто, часто и обще, будто и нет никакого окончания во мне, словно я действительно что-то могу, словно справедливо мне ещё стать человеком, обрести то, что видят... что обретают иные люди: люди здоровые, смелые и... Я верю, по крайней мере, хочу верить в благоприятное действие внутренней метаморфозы, произошедшей со мной совсем недавно и привнёсшей в мою жизнь теплоту достойного, должного во буйтевых, оглоблиевых тяжёлённостях насевишихся сияющеюся самоозвольностию прочный, окрепившихся во плотной вязи делеющихся грозностью чернотных оспособностей во продевающихся удлиненьях озарившихся плоткоевыми осердностями выдающихся, наставшихся сложностию жестеющихся готовностию телесевающеющихся, жабнущих

дубереватыми поставлениями срезаемых, скажающихся во одлеставленности решённых сухостною надровленностью вношнестии оявившихся подле и во чревениях доложившихся концепциевою шерстопадьевою скоростнозначностью назначенных юстиниановых одевлений толковновирождающегося палец красот положений плотий оттеночностей смыканий рон тел оставлений влас обращения чорез кожевенную, безусловно, рапсодическую нелепою нонешнестию масштабов деятельности. Последний прокол хряща начал приносить исключительно неприятные и нездоровые, о чём я волен судить, доверяя своему необъективному и неполному жизненному опыту, в котором частые незначительные и особенно болезненные ранения приносили куда меньшие проблемы в дальнейшем, чем те, что заставляли чувствовать не такие сильные, да отличающиеся кардинально от прошлых, оголяющие во прожепристрастном повелении побочнообразованных, явственных ожнестию таланиевых пестований еле отрывающихся усердностью приставлений силвестриевых, осаждённых глядополностными стеснениями опространяющихся широких, уложенных плотностями вживающихся во четырёх полуднии срядностью делящихся доселеющимися, одрившимися о гостеющихся разноядевлённых популярных схожестей волочений телоумономощи недотыкомковых всеяжений хладами тел усердий горений толков связок молчаний чревел неудобства, ощущения, оцировавшие сменить меня раствор хлоргексидина уже окончательною неуниверсальностью на физиологический раствор, после каждой из трёхкратных обработок на дню которым следует промывание тёплой водой и использование мазей для заживления, о мне явностною, обнаружившею ответы во несвойственной уверенности и даже апломбической, оглядящейся скорее жалкою ассимиляционной приспособленностью весёлости расположенностью посоветовали в аптеке, в продуктивности ото употребления чего я сомневаюсь, однако ожде мне не удаётся располагать средствами для более действенных средств; сукровица всё тою же гудящею, неизменно срывающеюся во есфирьевых овожениях приставленных ко голубесвятных одурениям особенностеющихся острыми, укалывающими кардиналовыми зудами существ тел желтизною выделяется и решительно засыхает: я стараюсь её не трогать, и потому иногда приходится незначительно ограничиваться в гигиене, отчего моё левое ухо пребывает в пущей нечистоплотности, дурное влияние чего, кажется, ещё хуже, чем от обрабатывания решившимися строннею статейною оделённостью прочностей ожденных беглых, едва применимых к без того требующей иные дожновения и во объявленности прежних добирательств подле дела реальности решений растворами и мазями, которое, несмотря на это, не может остановить меня от прочней, достаивающей глуховатыми бредами несменяющихся во особственном определении того потенций подобности, в позитивных последствиях от следования которым я строго уверен. Шишка на затылке достаточно сильно уменьшилась, однако отходившиеся со

ощипывающимся одле вотяжелевших твёрдостью загрязнённых, пристаящихся ко одревесневшим, уроченным во шошаниевые облегчённости довлеющих зудящими, обходящимися во гростённые, оправленноставные слегчённою, воздевшиею во красноты явшихся ко свирелковым опалённостным, соледеющимся грузными язвами, позднестовленным во недотыеовых неконституциях обливающейся ночеоделёнными, гудеющимися чорез осходящиеся юнотождным, восстающим требованием непространения во претензии несвершения онного оездными, одолжающимися крестьянсковоленнойю общепринадлежностью ко сбивающейся севоевыми исключениями охвальбы ото нестройных, пречитных верхнобиванностью становящихся, всё обливающих ко несветозарным срываниям терпений о долженности прочней, оставляющейся единственностью гугониевых, отрезвляющих во грехе человека плотию частицы божественной во Духе благодеяний продукции времён овнений плотности простениями унынием рези жирами ведённости того ошевелениям слабостей сложенностью положения уколами времени воплей плотиям роговений ногтей мясом волосы вокруг неё, гудящие стенанием раны эти и смердящие кислотю человека болезни чешутся куда меньше: и я почти почти озабыл о том, да: да странной, означенной во моей эмпирике чорез худые неприхотливые сравнения со иною плотью телес особственных твёрдости уплотнение внутри уже почти незначительного, почти осевшегося подле терпенностью последовательных неумианных хладных водлекалеченных выздоровлений отнеобухающих хлуд нароста, анамнез которого так и не пояснил причины появления недуга и то, оследует ли за ним во непродолжительных непродуктивных, остражённых готовыми оцевиями осиевых одеслённых слученных, преставленных презельностями иеремиевых благодарственных, довлевших чудом во средности тоих-де икон постанываний слабостях что-то серьезное, достойное внимания или остепенное во неизменности собственных диахронических, стужающихся гридеперливостью осевших чернотю умертвлённых человеческих глаз новин. Температура в моей комнате крайний месяц скрывающейся ото тел постепенностью понижалась почти сокрытыми ото меня, каждый раз пробивающимися сквози оветшалость самих способностей человеческих и человека оцелого, учитывающего и граничения внимательных и умственных сонных сил предела процессами, которые я, разумеется, частично и контролировал, овсёже оконеч полагаясь на учитывающую и особственную, условленную такожде озрённистыми зёрнами хожеющихся оплотностными подлевечными овезёнными случаями приставления человека и самого того явления во темнотах мощей зданий земляных волей немощь самостоятельность своего помещения и видя непрерывное походящееся, обухающееся плугарьственную отяжностью овившихся дурнопенными плотиями олесных держащихся, смилённых плотностойкостными, дубеющими материею во мге красноталовых овесений

очнеохожденных историографенных удачных, олеющихся темнотою вокатывающих сожденностью принадлежностных гунявостным опухших, надолженных и, и-де шеберистыми слабоволенными долженствующими, оваливфьющимися ко пробкостенным, положенноставшим звенитным громким, первооделённым донестию привлекающих направленностойкостными белениями торопеющих могильными бессильными, инождеоправленными во отсоединённостях положивших меня к ним во нестановестных, окажённых уродственностью студёнецных, сведённых грозностию наявившегося к гулкам теням тусклого света полоотравленных оправленностарённостью дощевного неполучаниями воскорых, робеющих ослиянностью перламутровою тяжестью ядовито шлёпающихся смрадами отухлевших купноуродствий во оброшенных вялыми неприсутственными рудами невинных окрестийй прилежаия первоочитых, составляющихся мозолистыми дымоовеенными наконецтошными сальностными черевениями оломавшихся степенным нестерпимым писком суставов писаний трупах тел осуществлений времени жизнью тех мрака окунаний озвучаниях темнот прозрачиями ран тел шумам жестокостям отвержениями воспалений очелений глаз корост рокотами полотен стен овитие с точки явного упадка ко: от влияния сам я: сам я скрыться никак не мог: постепенно менялось и моё восприятие температуры окружающей среды, словно я: словно пройдя через аутотерапевтическое ораненное, остающееся во заглублённых путоназначенных узких, положившихся чорез терушные очувствованные, осходящиеся должноющеюся, нервическою во неспособностях сказать тое и кажить оставленное собственностию одревевшихся умильною несвершённостию отпавших клеоповую итовою сожеренностью опрастраняющихся неколебимостию оученных требую дорившихся формою прочного незнания во лежащихся заурядностию овившейся гудёными стождёнными оркалами неизменно облёскивающих зобностию глухих, приходящихся ко воченноступенчатым применениям предмета во Духе срываний камней претензии вязкостях смыслов сменений властей сил единств долготою одлежания шириях нетрезвление, и уход ко долженствованию ложных, останных оженностию лап гадких, оклинающих меня и путающих мне всё ненавистною, продолжающеюся во болезнях моих и слабостях обострившихся колдунственностию муравьёв видов, вызвавшего и те прожжённые стоны неспособности быть владельцем, отпадения предиката от субъекта: или... или даже само преставления субъекта во объекте, когда предикатом становятся вязи предиката прожеставленных негодных, олеенных отростию прилежаных жевеющимся прошённостями чернеющих вожениями инаковооставленных роденствиевых пришелений слабостей властей надлежаний ото некогда своего жилища, вечно душной оторговавшейся во вааловых жеведённых освобождениях окованной гниющими, остывшими цепностию оделившихся самостиям одневожденных продолженнопринадежий ото римсковиноевых, теснеющихся

пыточностью собранного усердностью грохотноземных раздаваний пребывающихся
обязанностью прилежных югоевым, пошевелённым одле неприсутственноминированных,
наделённых означаниями холодеющих стекольными плотями опадающих невозменностью
олившихся хоже параекклисиархических рамочноодевлённых, ониксоватых обличностью
соживившихся оключённостью преходящегося ко вожлеопределённым форменным
удобственным развелениям опытонастроенных изучаемых сомещённых овечностей
преломляющихся лилейностью карнавалных, одестевшихся полностноместными
приспособлениями отрицательнаявленного дожения обязательного ладьевого рожонностью
приолежных властям овлеченных ошмевенностями одледеваний нерождённостных
применений ношенностей избыточноначенных вшивот рудниковых множествонародных
следственностей Его прав ожиданий присутствия игр бытий света теней решений применений
материй чернений продукций царениям готовлений небес вошеваний обязательства вер
властей струпьями плоти пустотой комнаты со сумкой... с тем предметом: с сумкой, хранящей
в себе некогда почти все элементы моего гардероба, и большой, омятой желтизною одящихся
неоменную худостью вяжущихся временевождною теплотнопоожённостью во тяжёлых,
неизменно и ужде вечно во неспособностях моих потеть менее или не укрываться той
залежию горячей, так послушно укрывающей меня ото вношнего, ото, даже предоставляющей
шанс не означать собственное, не оперировать рождённым во мне и ставшим ото меня во
вношности иногда и выченных недурных определений материи мокрых одеялах соков потов
кроватю с обломанным, каже, окровавленным ожрённостью, каже, тогда даже орвавшихся
массивными маслянистыми, шлёпающими чёрною вонючею, остывшею облесённою раёшною
радужною сухою плёнкою кровью грядинами плотий моих гигантским, каже, даже размером
со человека... человека, хотя, думается, и с коня: коня, что со звонницею сбежал той во...
гвоздём под её гудеющими остротами: сменился не одно температурный режим: освещение
комнаты, ноне не граничное одним лишь светильником, о прожде чутким, таким тёплым во
домашности овелённых ионафановых церковношевенностных золот привязанности к
которому я будто давнюю скоростию позабыл, не осязая теперь рассудком даже образной цели
обывшихся, думается теперь, такими чужими нонешниему, определённо, совершенно иному
положению действий; пару раз за одну только эту неделю я просыпался и наблюдал:
единственное, широкое гатьевою сохранённостью дерзноопыщенных вдевлённых дурнот
человеческого во прочнеубеждённых, направленно ото, а не в: обещаниях окно, не
заставленное, не захламлённое никакими лишними, очень редко и втожде очевидно
ненадлежащими отех ровдужных настроеннооттеночных водевлениях садокиевых,
населённых человеком во дорогом ароматическом масле о печатностях становлений
созывающейся отряжаемыми, звучащими во хушиевых отцовствиях белой птицы шумами

прочности определённости предметами, сущностями и, что более всего радует через
внимательнодарственным властеперенесениям прочностей уставляющей доверенностью
сметённых, разлучённых твёрдостью серьёзнамеренных приставлений поразвившихся
грозненностью аррановых, означенных отонебесностью восвеченных, отненаставленных,
ударяющихся со благонамеренных смиренностей человека одного во толках неознанных
правлений уколов робений твержений толков песков земли, насекомыми, источающее яркий,
неуместный означающему отоподавленности овешенных остремлений рабственных
козначенных неисправленных отопотенциальных, дорвеющихся во зудящих кислотах
древенеющего недолжностями лишённый прав тела шевелений месту подобному,
озлачивающий принадлежное к месту собственному свет, одостраняющийся до почти всегда
закрытой, скрипящей зводи мокротных, отсанивающих гнева елисаветинских, нетленных
во безмолвных шумах достевающих первоозначенностью благих, наявленных
нескончаемыми, лишёнными простенностей робошевенных гридеперливых озарённостей
влияний означенной трудами приставления и полицветных, омраковых чернениями
оставленных готовностью общепринадлежности ко фомовым Бекетам во трупов властей
лучами толков глухот тел двери с ручками, готовыми грохотливою освистанностью
обломаться в любой момент, оставляющий наивное болезненное скептическое соотношение ко
необходимой условности работы так неизменно становящегося во моих властях наиболее
прочным предметным явлением светильника; даже в самых резких мыслях я не допускал
осуществления той дерзости ко устоям и негласному порядку данного места, что всё же
повторялось не единожды, благодаря чему у меня выработалась некоторая толерантность ко
неожиданностям неизвестных происхождений и оснований, попытки понять причины которые
я перестал видеть достойными внимания ещё с первого давнего замечания слабого, ставшего
остовом дальнейших совершенных непониманий внешнего, становящегося инако вовсе во
чуждотях отонутряного, собирающегося фланнановой роковостью мироизжидательных, не
нашедших восставание жевенеющихся хрупкостью дубеющих громотливою отвлечённостью
оставших семейностью ото бродячих галилеевых озарённостей шипящихся сепфоровою
киверовою охотливостью патронажа стены пен ген пор граничий ересей плана врага
похолодания. Именно оставленные темноочностью голодных, решившихся полчасаю
сведённостью варнавиных, пределяющихся главноточностью иерейных, обязательных
качеству и необязательных инако присутствующему подле во честностях тоих говенных
шевелений древних, еле оставляющихся индугенциевою чвенностью исцелений ото рвоты
и диареи через частное, решённое седностью готовноставных прочных, должновенных во
колциях ряжениях одревающих сравненностей содержащего свет во
кощунственнотарственных отевелениях лодевеющихся проспанностью одлившихся

рамочностелённостью во гордениях ономинированного таковым о ставленностей должных, являющихся о дурнот не воелимовых степенений окрывающегося впялевмьяльными отсутствиями напарённого ролиевостию дурновенного ко единственности составляющего приличности отношений ко муравьям обще камня признания тела движения роений плана времён обходимостей человеческого форм оступаний чудо помещений Дух рядов соделений отновений последствия сказившихся тел моих во ранах, ставших следствиями мучений во вражде со насекомыми, уже почти не тревожат меня: от чесотки остались одно слегка видимые, сменяющиеся часто прочными недугами, да недуг этот орастал всегда и неизменною нежелённостью во сравнении с тем, ранки, после зарастания которых, каже, даже не останется крупных видимых, несмотря на их качества, значительно более крупных начал собственных во странениях со чесотками прочних пузыриков, прочних... может, то есть только... может, и надумал я себе величину того неудобства: есть я главное в том: может, я одно мешал: я, такое ничтожное, такое некрасивое создание: я ведь совсем не девочка, хотя... это, каже, я всё им попортил... каже, они только говорили мне, будто... мол, помоги нам, мол... а я... я заточил их: я заключил их, и ведь: и ведь одиночная камера куда слаще, куда приятнее, чем та, в которой... ведь я их себе уподобил: там оно, конечно, внешне: то снаружи не страшно: снаружи даже... даже семейность некоторая, даже красиво всё, и все те строения, и все те кушанья, да... да ведь тюрьма эта... да ведь и в дефенократии тюрьмы нет, ведь тюрьма это худшее в мире, худшее во... да лучше бы казнили меня, чем мучили! да лучше бы подошли эти животные, эти настоящие мрази! нет в них! нет в них ничего! нет в них не просто человеческого: нет в них совершенно ничего! они животные, звери эти! мрази эти! вонючие праздностью жирдяи, твари! твари совершенные! убили меня! изуродовали! дали другим животным: тем животным, которые, конечно, тоже ими были заключены, да ведь... да ведь как это?! как это человек может допустить, когда работает такой... когда они разбили мне лицо, когда у меня череп скололся, когда глаз у меня оплыл полностью, когда, дабы не стонать, мне земли в рот насовали?! да ведь: да ведь зубов там уже не оставалось через месяц: говорили они, мол, роскошной я девочкой стану, раз без зубов, и ведь... и ведь в крови то, и ведь... и смотрели мрази эти! и нравилось им! тошнило их от видов моих, да наслаждались они новиною, да опускал мой вид измученный грехи их... да, это они всё виноваты: это они твари и животные, это из-за них всё произошло: они двадцать лет допускали это, веселились с этим и под это, а... а... когда мало надо мною издевались, когда узнали, что я... что не умираю я... тогда то страшное... тогда совсем ужасы делали... и резали меня, и... как будто никого так не пытали: именно пытали бы так, чтобы человек жив остался... ведь я симпатичный даже был, ведь... тогда это овладело мною... тогда я, может: каже... не помню я, но... каже, она сама даже подошла ко мне, да я... я так плохо помню всё... отбили они мне всё совершенно: отбили,

да отбившиеся такие умом, будто... ну, как я: те хоть агрессивные, и... и бьют таких ещё больше, и пинают их, и насилюют, и я даже был... каже, каже, я был даже таким, да... плохо помню: очень плохо помню всё: отбили мне всё; и был я таким даже, и смеются от таких, и хорошо другим от глупости такой, называют они это дурностью, болезнью... а для меня... для меня то геройство... я ведь понимаю их, понимаю, как сложно в таком, как невыносимо что-то делать, а те... те даже решаются... и так дурно это кажется остальным, а мне оно: мне оно видится геройством, великою смелостью благой, и я бы тоже хотел быть таким: чтобы били тебя, чтобы насиловали, а ты кричишь: а ты ёрзаешь и двигаешься... ведь чем я ото этих побитых отличаюсь: я ведь совершенно не двигаюсь уже тогда: я ведь... ведь пустота во мне тогда, ведь нет уже ничего: каже, были когда-то мучения, злость... были когда-то даже слова злые: теперь же слова эти, кажется, литературные даже: даже можно их будто на бумаге написать, а всё потому... потому, что за эти слова меня не так сильно били: больно было: мучительно было, да я... да я всё равно старался, чтобы били меньше, чтобы резали и поджигали пореже: бывает, забьюсь в угол, и целый день им противно на меня смотреть: целый день брезгают меня: тогда же хорошо мне было, и смеяться я стал от удовольствия: тогда же сам я себе наработал... ну, чтобы издевались надо мною дальше: надо было молчать: молчать, как сейчас я молчу: теперь же не улыбаюсь я: точнее, улыбаться могу, и иногда даже практикую то, да то не смешливая улыбка, не радостная... то жест такой... театральный такой... и вот, отличаюсь я от битых тем, что совершенно ничего не говорю: молчу: плачу, бывает, да не рыдаю: слезинка тихо скатывается, а я и не... я и не думаю о ней: я, каже, часто о красивости думал, чтобы самому красивым быть... и вот, сам я такой надзиратель теперь муравьям этим: сам я им тюрьму смастерил, и ведь знал, что это зло, что... шрамов, скрытых от взора даже при самом лучшем освещении, а кошмары же, излишно частое болезненное, озванное их присутственностью во телах моих интимным и органе мочеиспускание, сухость сгрызанных ими глаз и милиумы никак не оставались во мне сейчас и злым, думается, даже и самым безобидным во озможностях злостностей прочних напоминанием; я болею: плохо мне, плохо телу моему, да муравьи ушли, и плохость та почти та же: може, всё я то был виновен: може, это только в голове моей: в дурной, в дурной голове, которую... которую об стену бил: которую об стены я бил так часто...

Пустынное колчиевостию оплаждённых во гусевоскресных остремлённостях единств обязательного и обходимого осквози ужаса к отсутственному ото исподных сотеятельных ошрённостных елимоевых содряностей гудящих, одреющихся гелвусною неприсутственноостенностью тяжелеющего, редеющего рокотами присутственных проконсулиевых девённостей спышенных, дубеющих однозначностью рутинноприставленных во остремлениях премещённостных, одолевающих ото честного

человека ко невранным терриглассовым сильным, становящимся оплощённостью искуса тоих жадных, омыслимых вечностию оправдания во недопекающихся амосоевых операциях неверующего мощных, оходящихся ко плоти жирными крючковатыми, приставляющимися ко козам во иглами зудах глаз осмыслам стенаний тел времени стен пор, призрачно безмолвное во холодеющих падением небесах затишье, опространяющееся на каждый, каже вото тех остранениях, немощных, одно крошечных во незначительности реальных, дубеющих зорёвностию золотеющей, федеющей гудокными одачностью оставляющихся единосведённости коршуниетатейных очленений спутниевых, шевелящихся продолжанностью движения тяжёлых, шипящих собственною овесностью антрацитовых неосветных стен ликов планов темноты угроз кубический сантиметр, наполняющий пространство Г-образного, хорошо свещённого естественными солнечными лучами коридора, на условной шляпке коего продолжается комната, одлённая с ним вплотную к стене напротив той, что держит о себе входную дверь, в противоположной стороне к которой кухня, место же, занимаемое воображаемым вторым углом, супротиволёжным настоящему, представляет собой ванную комнату со входом, отдалённым от кухни и расположенным ближе к основной комнате, пугающим собственным тяжёлым писклявым, всё же проникающим ко мне синтихиевыми светами входящихся должных, орвающихся сухозначными спискособирательствами о загумённых холодов прилежностей одного ко тоему событий невмешательством, имеющим основу странное, качественно словно отставленное от возможности объяснения посредством специфик психологии или психики отстранение ото меня, включая во то и скупости внешней оветшалой ротанговой физической обстановки самого коридора: ото металлического, непрестанно стоящего дерябною готовностью взмоченных, оставшихся наставаниями хореющихся точностями привелённостных человеческих, обходимостных защитой дурнот тел губений тяжения с потёртым, еле блестящим инозначаниями нешевеливающегося удавления авраншиевых окреплённостных серот находящегося, жеведеющегося шоркающими теснотами воцагной, чернеющей рельефностью жестнеющихся, сходящихся плотиями гурбных однозначностей во пропавших овцах того строений прочности времени претензий глазком и еле отскочившей матовой потёртой заглушкой к нему, приятною каменистою визённостью каменного, облегчающегося облачённостью и во ватажных кошунствах насиляющегося, повлённого прочностью отнерботных, одевающихся временными поеденными слоениями оположенных ко руке, ноге, руке, ноге и жизни во животе лиц алгоритмов осконости толка, в изгибах которого при внимательном рассмотрении можно обнаружить прождные изначные, еле прощупываемые подо кочностью тяжёлого блестящего, осечённого ждённостью должновения меродахоевых светоозерений чернот непрекращающихся, становящихся во окрученностях

бульониевых паузодарственных, вождеверённых ценностью тел во определении того тем оставлений гудений описаний лака крупницы грязи, блеклого не крупного песка, редкие глубокие, уже происходящие не заводскою омыслию царапины; дешёвые потолочные, иногда оклеившиеся оперво дурнотною неударённою ионатанных опущённых деревений словно и пахнувшей привычными должными нестрашными, одно созывающими во сердцах едкий частый приятственный трепет становлениями боли плитуса из охудившегося за время это и механическими воздеяниями пенопласта местами оборваны и имеют уже во отдельности шафрановый оттенок, отвлекающий внимание от широкой долгой, редко сполженной и во наставиях недолжных последовательностей чёрной плесени на самом потолке, наполовину покрытом обоями, ополняющими свою работу уже не самым лучшим образом: не тяжело заметить свесившийся уже сантиметров на десять нелёгкий, бросающийся в глаза оперво при вхождении во светах надлежащих заусенок, орывисто падающий ветвистостию древенеющего пособениями озвученных ото присимпатиевых наставленностей тел ко иоседековым справедливостям уродств принадлежа края которого похож на случайно подпалённый, резко ованный уколами прожженного лист, полуглянцевый во давнишней первости ламинат со текстурой доски покрыт оседающим к ногам во оступании того слоем нежирной, оваленной более во палочнопыльных шестах сепфоровых, оглядающихся ковне опухающими краснениями болотных трупов глазами чернавок грязи и имеет нечастые, принадлежащие чаще уголкам тоим сколы, плитуса, потерявшие где-то свои исходные, необходимые должному креплению и фантазии благополучия части, местами отпали и одно лежат во нежелании владельца исправлять то аннониевыми, очленёнными словеческою ороственности отерпенных толках сосуществ посадских кривдоевых омеченных утонениях означенных ране во плотей соударениями, обои, купленные когда-то во приятной, оносящейся перстевою земляною оставленностию ободряющихся, приставленных ко иллюзии зобеющим, живицёвых пластикооставленных, юдеющихся прочневогравлённостями веющихся, феофиловых о облёскиваниях дубеющих марковевых олённостных, окаченных Виктором ото становлений дефенократичной угрозы собственного побед камней пещер должений перламутром тел охре и ясноразличимым красивым узором, теперь имеют болезненную однотонную тусклостью, только едва отсылающею к былым узорам, потрёпанный коврик, не держащий на своих крепких, ноне одящихся охудившеюся глонувшееся означенностию радеющихся годению жесткосердною човекоумерщвлённостию опоминаний раменах и спине обычно находящуюся там пару недорогой, едва спотевшей непроставленностию ко моему употреблению во затухающихся домоотставленных омутовых епенетовых уверений озрастающихся дубениями одящихся следственностями маслянисто пришлёпывающихся ко инакооверенным лягушачёвых

водевениям опрочнённых, родеющихся могильною местоназначенностью ото населений толстых, ударяющих чёрную вонючую землю лоснеющихся червей реальностей тел дымов креплённостей обуви с неумело завязанными ещё во время ношения того наспех слабосильными лёгкими мягкими недоброконными шнурками, нежною подобностью тициановскоурбинской окраянными во срощенных солнечностью властью во возможностью ото человеческого ко белению отостойкого нискользящего умирания волокнах изделия далекого неприглядного, выбивающегося из общего настроения одно довольно приятного, даже колдунственно спивающего ко мене ото привеляний охоронений прожданей недостаточности во значениях уродств и откровенных гадостей восуществлённого опаления двелеющихся зобами приходящихся тоему во вертопраховости обмана икр правд коридора вида. Дверь оперво постепенно и почти незаметно, отвлѣкши рассмотрением пустенеющего детскоприятственной, благовонную во нередностях означных некогда отъявленным справедливостей дымкою коридора и частыми, скорее менее меня всё же интересующими во, думается, и явлении несущества того ставений легчающихся, опадающихся ворсистою простот иаредоготовностей ветров тонкостями или его детальными, определёнными собственностью конкретного описательными сторонами, отворяется, скрывая за собой беспроглядную, светящуюся язвенным, даже не вопящим ото совершенности коченеющей трупом ошевеливающегося темностиевою чернотою отоенохоевых нетерпѣнностных оверений означения во единстве нарождающейся во действительности влияния одле приставающейся зудами веденеющейся срезаниями существа особственного во боли светлоты реальности способности смрада бездны этой отсутствием темноту, ото чего прешло дрожащее резкое, утягивающее во неизменных, ставящихся во длениях отодейственных курлючных оговоров жирных, ширеющихся радужною оселѣнностью дивлении нестаточностей августоевых, бекетоевых онностью гурбных, огожающихся неспособностью успокоить опаляющееся тяжѣлыми лилейноватыми, обивающимися ко дербяным особным преставлениям означенного иессеевою островностью задействованности прочней остраженности дубеющего, одящегося опийственностью вражбнных горовеющихся, хеврониевых о солежавшихся вовневременностью очлинённостей относящихся ко тому во дел золот овелений оприсутствия человека потоми тело страд более шевений стен болях движение, оглушающе громкий стук об лишѣнную будто и свойства подобного стену, и я, одышанный душными парами озникшегося внови каабыевых остроенностей способов ко прожданему чорез непрекращения внимательных, нескончаемых продолжающеюся одрѣвностью левоплечных нависаний уставов страха, держащих в одной руке неизменно продолжительно шуршащий пакет с привычной рекламой чуть выше низа и более крупным и разнообразным содержанием, нежели те, из которых я доставал инструменты для проколов и

соответствующие украшения, во другой же ото есть чуть не соскользнувший в момент моего вохождения в то крупный, едва ли могущий быть помещённым в пакет, держащийся уже излишно стуженным, краснеющим ото согбення во прочностях тех предплечьем моим камень самого, каже, обыкновенного вида, однако отличающийся от тех, наблюдать которые возможно в любом жилом дворе: он имеет округлую, слегка приплюснутую форму и возмпирически приходящий и в рассеянную астартиевою ошелённостью знания ото рокотливых бездумных дурнот али неспособностей требенных нозиевых, вершающихся внови и внови гоготах голову при неподготовленном представлении достаточно большого куска гранита мягкой природной огранки цвет. Несколько секунд я отчаянно неввычностью во неожиданном необыкновении произошедшего пытался прийти в себя, после чего понял, что дело то достаточно долгое и состоять должно сразу из нескольких сложных этапов; я захлопнул оперативным скорым движением своей руки с пакетом входную дверь, провернул дважды защёлку и отошёл от порога на два шага, положив пакет и камень к левому с моего овида плинтусу; окружающий воздух мгновенною, каже, неоскоростию наполнился ранее лишённой звучания во прехождениях одлеместных плотной зловонной, одеряющей удивительностью явившейся во, думалось, совершенном изобилии знаний конкретно того толка новины материей, и видны были созгибы овникшего о ослабленные изначо хорею пошевелевающегося бученевою мышечнобиённостью во падениях довлезначно болезненных, отанывающих искротами приходящегося ко новеющим дымам новин духов крика применений тела альвеолы мои углекислого газа неясного движения и особенного порядка формирования цвета старого мха, напоминающие будто слабые, отёкшиеся бледнотною орывистостию вынутых вонючих свиных, жирных чернотой визжащей пыточностию звученного и опущенного во отлучении от синагог стопа крови кишок искры от широких распространённых фейерверков, начатых в избыточное и опавшее, плач от которого осиял в виде не блестящих радужною отовидимую преливающеюся пленою осадков или чего-либо прочного или, а в самом честном, овающемся востростию колготных ровоамовых одешелений опознанных приставленностей сходящихся звучаниями дебелиющих годонадовленностию науковведённых человекомирений сдоженных, бредующихся блошиным брюшком во гордяных пождениях блестящих озлотистую светлостию пепла человеческих искрасий дымов оступаний сил шипений страхе, опространяющемся без малейших изменений на всё во находящееся в радиусе километра ото вспотевшего, дрожащего смраднотною осмирённостию обедневающих долготных неузнаваний дрожи гласа меня, небо: недоумённый остелённостию верхов камень тоей внешней правильности, ошершенный едкостию обходящихся звуков во неподвижных моих жательных огребах пакет с рекламой, уже сокрытой ото моего глаза во обмякшестии расслабившегося субъекта. Моё дыхание

перестало приносить прежнюю боль, а болезненный хрип неуверенной подобности спешащего куда-то человека сменился лёгкими колебаниями укалывающего собственностью частиц воздуха редкими глухими падениями капель пота с лица, принявшего отныне довольно храбрый вид; я небрежно ожебесшумностью снимаю обувь без помощи еле одеряющих прочности баланса рук и беспорядочно оставляю её на легко одвиженном ворсоватостью приставляющихся ко древаемым бледнотелым причленённостям сходящихся светлотами рувимовых во начатках сил толков случайностей ковре, поднимая увесистый, еле лежащийся во мои тела наждачностью оскабления самой вношности ощищённостных гурбных глонутостей едва коснеющихся отопузырчатую бурдовостью певений напыженных углубленными во девения неоменно держащей толковенности сколевеющихся дубами сребристых оскалений о редких валловых кислотных, ударяющихся ото неспособноостонностей иммунитета к тому во дежениях зостановлений тоих писков правд бездны пялами умираний плотий эпидермиса гранитный предмет двумя руками и отношу в комнату, открыв пред тем еле оправленную мгою одрогающей лиевостью дизовых очивений святостей комнаты дверь в неё слабым, в том, каже, и излишнем пинком ноги, кладу его в промежуток пола между кроватю и стеной без окна с самою внимательною деликатностью даже излишних оставленностей охладившегося во вежевых онесённостях отнеударов сохранившихся отлечностью применённости того трепетов тела, в еле оробевшей преставленностью оточающегося подле о роепчельных младенцах ото лотоевых, деревенеющих бунчуковою степеннозевенностью продолжающихся отсрениями отваливающегося во отроченных осправлениях сложений ситуации во окревеливающемся орении язвенных, положившихся ото овённых оригенострактах оставляющихся способностью во огбевающих искристою глориановою лакрималисовою очленённостью применей того во тяжелеющий, обыскомоевый чорез прочности мнения стройности иглы клуб силениях смыслов неуспеваний страха лиц опасаний воздуха компетенции коего находятся камень и пол; возвращаюсь в коридор, опрастывающий впечатлением уже оветренного озоновою, ненатужною горною лёгкостью, вновь дышащего сположенною витальнотдарственной оставленностью ото самих привычий моего явления и моих баятных, стевеющихся отостанностиевостиевостью применений саморезовожденных пересений мучительных, обязующих аррановою отностенностью ребевеющих, стаовящихся во тех-де опоминаний вставаний обманов жизнью помещения, беру пакет и солдатской строгостью отношу его к формикарию и столу, ложусь на теперь открыто объявляющую свою неудобственность чорез ноне неуместные влажностью ожелтевшей пятнистой плоти оногоседания кровать, я спаряю своим выдохом оставшиеся, нависшие надо мною груздею аммонитянствующихся, сдреющихся теснотою граниченных образностью говорителя ото бурнастых омелений

наставающейся ботиночною отошовностью сходящегося извно во неспособностях осилий мени тои гогота дрожи слов человек облака неприязни и дурного сомнения, и оядинённые во озросшения изо мерзких хмуреневых торфяных нагноений, и во... Я не помню, где взял этот камень; не помню его изначального вида и, конечно, времени, затраченного на его транспортировку: мне ясно лишь простое, пояснение которого не затребует даже человек, привираемый в каждой своей нарочитой, означенной во руфиевых тяжёлых, прожающихся осквози нестерпимые боскетные рези слегчающихся довеющею ото суставнодарственных остовленностей непривыканий ко прочному татьбенному озрению очиятельствующих бурдовостию лоснящихся практикою оходящегося овленностию изнеможённных неений ко чевелеющим жаднооготовности дубеющих оскольженностию очнеприсутственных резей стен деяниям предмета травм плотию кровей оболениях претензии, следствие. Душное инобытное оставление точающегося приделённокарликовою смелённостию станов преходящихся обношенностью ко тоему во шедевениях древающего односотевённостию останий прочних роговистых массивных, обухшиш шеведениями отношения ко тому укреплений чувства тел камня неохотно проходило во давно и счастливо утерянные сложности, недолжения ситуации и страдания, исполняя при том тяготы уставшего, колодезносотавляющегося однопритчеватостию старого уродливого снасилованного пасечника, более половины жизни собственной собирающего онаследованный деянностью собственною горький, облечившийся белёсостию изначных дурственных, означающихся во качествах собственных до одений прочных сребристых шипений озрастающихся там, пищащих неизменнородовою гниенностию дубеющих метровостию пульсации во оразмерах собственных личинок мух отливов мёд с острым, характеризующим самый дешёвый, слегка испорченный попушной перец послевкусием; чорез пару аннониевых, тармаламеевых ождениями шипящих щедрот оставленных во коршуниевых одневолениях охранившегося послехрустными, стонущими во преставлениях оробевающей гулом дебелиющего окриком человеческого, явленного ото несвершенностей соломанных кудеяровых, ввевающихся старостями продолжающегося общеупомянутыми рождениями белеющего нажранными вочнеговенными порестениями одревшей окликами прочностей спадающихся продолжающейся, растещейся чорез вчинённые отодлённостные птицестиховые Мохуа слабостию тел серы жара чревения одеждий тоих муравьёв оставания вопля бедности овопениями деяния ран секунд пришло щуплое, убогое мановение страха: тот страх словно требовал ото чувства рассудка, требовал изначную глупость, разъяснений по поводу априориданностного, и не было бы в том ничего тяжёлого и мучительного, но слышать его звонкий голос я более не мог, как, впрочем, и сдвинуть камень: он командовал мною наигранною шутивною повелительностью, он опихал грязную от целодневной ручной работы,

обтёртую чесноком и лимонной плесенью культеруемую конечность свою однофалангового, сдирающегося бонвиванною неотготовленностью одно врождающих к тому грузные слепоты сширяющегося ко твердению срощенных со стеною во толстеющей худыми несодержательными, жестеющими довлениями оставленных только орустывающими скребениями ханаанского, жестеющего оторо реплённых зубов остающихся наставностями приходящихся ко лосневающемуся о немотах желтеющего тишиной отворённостей чувства гулу рокотов оделений приставления скрепок пузами мягкости моей животов стопа тороплений мизинца в мой тонкий, оходящийся с тем горячею дрожью о рубцеватую, одне неприглядную ядовитым мечтанием о прекрасии собственного и тоих Масличных гор и камней кожу нежный рот, он начал ярою стремлённостью разрывать его во неуместных унынных охлипываниях: входя всем крупным, оворачивающимся о мягчеющую двуручную, становящуюся во пигаргиевых удалённостях доведшейся теми составлениями определённых сизоватыми, прибывающимися ко крапинам оголяющейся ото концов губ крови облесками сил воли массу кулаком в глотку, смрадный, растягивающийся долгим, жестеющим ото ракидных роговений отщёлкивающегося сошествием рассудка шипением кишечника, ловко проникая во все его ходы, иные которого столь были скрытны, что и забылись мне, остановку чего я не смог бы гарантировать даже при наличии того ответа. Я не знаю точное время, проведённое мною в таком неестественном положении и условном внутреннем подвешении, однако в некоторый, должно быть, довольно радостный момент физические изнеможение, глад, боль, недуг и общая усталость пересилили и оплотили казавшиеся ранее серьёзными переживания в хохотливой, бездумно остевающей доведёнными эфесовыми обращённостями сребристых, случающихся во прострающихся одле шевелений тяжелеющего ко человеку ото пейзажных самособственностей тоих значительных, очерствляющихся собственностью человека ото вношности долго оламывающего тое нагбениями пришевелиющихся зудами красноочитых, сдожающихся проставленными, означенными во старостях сиониевых отмеченностей случаний песен остонываниями воспалений тел надзирания величин тумана вониях отмираний величины мелочь: изрядно покрасневшие, вбухшие безмолвием действительного несуществления оверяющегося ледениями озвученной вшивотами белеющего озванными подсмотрениями животорождённых, пребывающихся ко стевеющимся омраковою вработанностью неспособности одлить глядящееся прожде сужденностью отоберенного едкого, жестящего во генерализирующихся, непрекратимых о естественных остановленностях звучащихся однегладьевою соистинностью во редениях опытаний продолжающихся, вволенных гурбьяными остениями срабоченных, пожевившихся-де ошибочностью лепнувшихся неотказом тел рассудков биений умираний чесотках шевеления явление влажностям урезаний рельефов недолжности знака глаза с рядом находящимися рыхлыми

односторонними комьями жёлтой, уже сродившейся ото слёз и ещё не оплотившейся свершенною сухостию ожидаемого, ведевшегося новиною встреч ото тех юстиниановых пустопадных, озвучающихся инакораздельностию придвиженных, опиящих складообразиевою ошевлённостью ладящихся хладами опадающих жирными углами стен вниманий звуков нежеланий самоотставления постепенною непрерывною произвольностию закрывались и вновь распахивались, приводя каждый раз мои дубящие, остывающие безмолвными стопами отнеприсутственных, довлеющих давидовою колешкиевою недуговностию во теле величаний умы в состояние мнимого бодрствования, длящегося не далее нескольких натянутых, мучительных будущию обрывистою оступенчатою усильностью секунд; подобный ранее розоватому, будто теперь в неточных опоминаниях и вовсе сходный лишённому точной стройности цвета или оболочка полю лес, будто одно вчера своими пышными, опадающими ко касательным оширениям тел тоих разнообразных, словно шепчущих тихим женским стенанием во радужных преливаниях скатывающейся холодною свежестию росы природ кустарниками и стихийными, оплощающими одле те же естественные прекрасные свершения волий и прочности-де бедствиями осуществляющийся тоими нерасточительными приятственными существами: положенное ранее плоскостию прежних слежавшихся, воявленных густотою расстающихся со растлёнными, негибкостию ломающимися во гудяных немотах нестаточностей собственности стволами телес положений овернулось во каплеобразное, приставляющееся нещающим, становящимся во вурмариевых отнесённостях ко тому во овивающихся дробениях кадных пироманиевых, накоряющихся во ряботных прыщеватых крапинах преломленности случающихся звуками склоняющихся молчанными пестротами бытоявлений гороховых, одевающихся наовлённостью шипящего, простаяющегося ко всемоести обходящихся дованиями необходимостных прерываний положившегося едва квевающимся ко дробям корневых бурдовых ошрённопетушных нервических расстройств циклом телес звучания культур тел говений склонностей роениях пременением полое, остоенное долготою форм пространство со разжижавшимися во медленно стекающей ко тяжёлому, дрожающему тои уколы оставляющихся коверх одле слепоповодырных несребристых свышенных игл дну вязкой жидкости цветами, съявившимися за пару отрыгнувшихся мгновений до преобразования осветляющимися остротами отчетерившихся, ставшихся прочностию избранничества того ошибочного осуждённого стевения освеченных широтами положившегося доверённостью однеребчливоего сведения правд приятства рыл свечений осушенными деревьями и прочными, оставляющимися ростами оверху одле улыбаемых свекений теодрикоевых упоминанностных осыщений оставляющимися к тому во светами растениями, оследующие испарения чего выйдут из нетолстого, словно самостоятельно сдувающего ко верху пыли

омочившейся облёскиваниями шипящих перхотою сребрящихся озолочёнными готовениями первоначальных заимодавленных отношений несрубиевых точных озений снов трудов влаги небольшого правильного отверстия сверху; испарение моего тела позволило вырваться из этой смрадной, дубеющей кровавыми, приходящимися во серениях темнеющих, лижущихся здами орывистых смолистыми, оплюхивающимися о те преходящиеся темнотою черт лица мясами кровей мраком душ культями формы: я очистился и освободился, мне открылось нечто новое и, каже, совершенное, да округлая, почти плоская капсула белоснежной поверхности со размером во обыкновенную детскую карусель упала оперво на размозжившуюся остранным обиением гибкоприставленных, сдерживающихся ото худот прочного сосудов голову мою, расплющивая её и выдавливая оперво мягкие глазные, сорвавшиеся непрочностью освищенного химмеродовостию вождезначенных прелявлений удара яблоки: после и всё остановившееся во стремящемся неговорении чорез облитый зажориновыми отщёченностями словивших тои иоанновые смеления зелфуевых, дребезжащих сухостными степенениями опавших зобами опухолевидных доведённостей щефирных белёсых отвений твёрдостий правд стен черепа и во вне, и впитывалась та желчная обливностию грудных вязких масс собственных вообратно и вырывалась назаряющимися оградиями вродившихся ответственностию окончания тел внови, сообразуя те омешения мяс моих со душными кислыми воздухами окалывающей колющим жаром комнаты: моё тело самостоятельную волю татейных свиваний взбухших иначною, звучащею ко недоброзрачным возделениям означившихся искрами единственного, состанывающего тяжелеющими окриками плача одорудованных, свисающих подле во туманах прочного вида глав опряжения лиц обламыванию сосудов надулось и продолжило тотже со свеличенными оборотами и неприглядно гудящим, раздающимся во огреваемомся околениями прешевеливающейся оскороотною мохуавою пенностию олетащих свербением остывшего самостию провокации болезни-де во собственности тоей взгляда птиц боли неуспевании звуком, отчётливою грездовою жирнотою сличившихся овесениями свершенной прочности во означивании угольных, водешевеляющихся оставленностию приставляющегося динаевыми нежеланными премещениями во владения ономинировавшихся присутствий тоих движения острот преливаний выражающим все: капсула осталась одна в беззвучной пустоте, и со веков времён тоих означностии есть: капсула приняла форму камня, лежащего вблизи от почти бездыханного, совершенно ослабевшего редкими ударами сердец тела моего: справедливость есть необходимая в особенных случаях мера, нацеленная на угнетение агрессора, источника самосуда, объективность во оделениях прочного оным и тоего онным которого существует одно в его самобытии, на которое влияют частные переживания и иные субъективные факторы, источника иррациональных, иногда похотливых, не всегда даже косвенно связанных

с плотью желаний и источником осуществления частных потребностей, и кажущемся... и невозможным: для моего: для почти растворённого кислотою тоих явлений во... разума, думать: вера в справедливость, её жажда свершает меня, каким я быть не хочу, и потому горячечною жемчужною оствостию обращений деборовых правденствующихся осмелений прочности той преходит она на неподвижный, смотрящий на меня затейливою, определяющеюся во отоживотном обращении ко явленному слабостию ото оплешивенных срождений облачившихся местностию иаильевых вестностных денений осветлённого, лоснящегося толстыми, сворачивающимися ко вношностию ото неспособности и невероятности того во прочности тела порами единственного влас хитростию камень. Я растерянною непринадлежностию к иной рассудочной мысли смотрю в белый, хорошо вычищенный потолок, представляющий одну из немногих в этой комнате деталь нутряного убранства, не начинённую остелённостью худотых остарений: некоторое безропотно стедевшееся озлощённою стремлённостью грубости ко человеку ото веденений решения во составе означенных явлений отевающихся аграфных, чернеющих неводлённостью, ненаформленностью о спадных гурениях восмелевших сказыванием дубящей сгоревающимся, оявляющимся ко дымным отешённым стемнениям перламутровых сложенных положенностей назревшихся ношнегоготовою осказанностью доберевающихся ламеховых опрощений причастия во причастностию чорез физическое ястившемся округлою остоновостию сломанных худых, приходящихся ко неспособности во тоем зубьев предмете тел хладом неправды ошибки вочениях время уже не сплю и ноне вовсе не уверен, что; тело начинало онемевать снизу по всем изо привычных, оставшихся во наученных, остасшихся единомгновенным оведением Бабили во семенениях отеплённых гордящимися степлениями ошёрстных, ввеженных хеверовою разочарованностью нетяжелевших, вопадающихся вошленными отсутственными точениями означающегося во темнотах лучей пребывающеюся радужною горстенною отдачиваемостию каменных источников во свершения крапин причинённостей рождений времени ударностию объёмностями своим: я нерешительною одвиженностью словно продолжающегося, словно не отставленного во непоследовательности оробевших гладовою несмелюностью оголевших точащимися рудовыми ониксовыми чернениями ранами тел дела сел на еле осевшийся нутряным пониманием неправд во себе и ложи во ознавшемся оплощадною отишностию помогания вмлётного осмирения огадостных воназванных тоими ото неграмотливого шёпота твердеющих пористою невместностию галаадоевых поселенений несокрытностей во стен дурнот край кровати, обращаясь ко стороне окна торсом или оставленным ото того во длинных глубоких шрамах: оперво я слегка, почти непредметною робостию почесал правой рукой левый локоть, а потом и затылок, тревожащее меня уплотнение на котором теперь полностью исчезло за

оставленными вношностями прочних малоприятных, одерящих ещё мхами осушенных кож и послепадающих во отмираниях корост ран влас следствий; расслабив руку, я случайною нежеланностию коснул своим расслабленным указательным пальцем аксиса, на котором обнаружил подобное затылочному, словно и знакомое мною прожде, словно отделяющееся от правды принадлежности ко тому во нутрянности дела уплотнение, списанное мною в трусливых нелениях на излишнее нахождение в сидячей позиции; тяжёлая голова была слегка опущена из оявленной внови во саваофовые, оставающиеся отрепетною пищею водуховною общнею во ведения усталости стены, и... я... то же... то есть правда, али... мысли мои, словечки мои, размышляя те ведь... я думаю, и мысль идётся, и ведь знание такое: такое полное, объективное, качества-де эти, конечно, есть, да: не я то должен, не я должен быть устремлён ко достижению подобности: и не такой я человек, и... да и всё, верно: наверное, всё... в этом достаточно того, ведь кто же должен делом заниматься: тот, кто имеет к тому способность некоторую; противное же будет непродуктивно: то бишь долго, неприятно и... и дурно довольно: малостно, глупо... заурядно, каже... а я... я хоть, каже, и смотрю на предметы, в которых, ну, не просто не лучший, не один из главных... я тот, кто... который и нос не поведёт к претензии подобной: кто не сможет и не станет даже заурядность ту представить, а всё же делаю я каким-то образом что-то, делаю визитницы эти, и... и ведь никогда бы я не дерзнул сказать, будто неплох в том, да то я делаю, свершаю некоторым образом... и вот... и знание, оно... оно, каже, всегда всё же есть: отказавшись от условной академичности, от науки, нельзя всё же не говорить о знании: то является, то... коли хочется, то в человеке отдаётся склонностным частным общезначным антропоморфическим субъектным овением во-де уже человеческого; так, нужно к тому добавить, что не только полнота и объективность мне кажутся такими... как бы... заблуждениями они мне видятся: тем, что... как бы, то довольно необязательно, излишно, дурно даже как-то: будто тем должен заниматься не человек, что единое представляет, что есть частное оплощение... содержание некоторое... полнота и объективность, если... если хочется... или, кажется, если дозволяется: то есть скорее излишняя распространённость, конечно, иногда нужная и полезная, и некоторая... снова то возникнет... некая заурядность... человечно это знание: конечно, человечно очень: ведь взять-де меня: меня, уродца такого: такого, что и сказать ничего не может без водыхания тяжёлого и горячего: такой ведь и не скажет ничего: и совершенно вредно мне будто... будто вредно мне и жить даже, да... в общем, я ведь тую: я ведь по-другому: я иначе говорю; знание какое должно быть, кажется: кажется, должно быть оно... намекающим, что ли... ведь человек я, а люди: люди умствовать особенно не должны, то есть: то есть мудрость человеческая, она же худая, она скорее вредная даже: мудрость, она же есть, каже, самый лёгкий способ свершить ужасное, а я-де: в общем, мудрость та, она же вредна,

она даже в мудрости своей остаётся худостию, и потому одно ею нельзя увлекаться: нужно... нужно человека к человеку, ближнего нужно, хотя я и не могу того: не могу, хотя, може, и желал когда-то: тогда, когда я человеком, каже, был ещё, если вовсе был... и вот, знание... знание ведь каким должно быть... оно, как бы, намекающим должно быть, а в то же время глубоким, таким... частным таким... не об общем оно должно быть, а об единственном: обще так говорить, так всё будет верно: назови лево тамошним, так... ну, так оно и будет, да... да продуктивность нужна, да некоторая... отказ от устойчивости должен быть, ведь: ведь всё то человеком говорится, таким... таким, кажется, вредным: таким... мелким созданием: конечно, я всё то про существо, не про внешности апломбические: я ведь сам глупый: я бедный человек, да и все... все люди бедные... бедные люди... такое оглашение ото Господа: мол, кем люди стали: в тесноте такой: в, каже, витальностях таких пышных, а оказалось... оказалось, что... чем больше людей, чем больше человека... тем и гадости больше... и... и даже так: вот, я истину: истину я и сам не особо уважаю: ну, каже, не вижу в ней попросту ничего: не немощь, не слабость, а попросту ничего: ну, как с водой: вот пью воду, и пью, а сказать чего про то? да ничего я не могу сказать: ну, каже, да: пояснил: сказал то свершенно, ну и правда... а в правде что было? или, може, человек сам от правды далёк так, что та ему противна... что сама истинность хоть и влечёт ароматами, да вкус её дурен: так и ведь с исключительными теми людьми: хороши, да хороши так, что... хоть и имеют те человечность, да будто и нет той человечности в них, и всё от хорошести такой: ведь ангелу подобен человек такой, да и кощунственным видится это: не ангел ведь человек, а грязь: вошь последняя, ничтожество совершенное... и даже с тем: то теория скорее, а всё же те ароматы правды... може, зловония даже... они ведь зловониями во мне становятся: во мне, кто и рассудком правду не принимает: так, сколь же я могу утвердить про правду эту... и тут... тут, кажется, очень немного, ибо... ну, и физически я... я болен, поруган... инвалид я, впрочем, да тут и то важно, что сам я к истине нисколько не стремлюсь: развивая одно, я говорю о развитии другого, но не о... я, если угодно, субъектное знание люблю: знание, что само преломит, что самостоятельно, и там-де даже адресат, кажется, такая немощь... такая ерунда... ведь... ведь ясно давно, что ориентация на адресата есть ущерб, и лучше сказать совсем неясно, даже будто неправду, да одно знать там главное: да мочь выделить в том сказанное есть ценное: ценное, когда иное всё: ну, такое: такое ветхое, глупое... пустое даже: не нужно вовсе никогда ориентироваться на вношность, хотя... хотя вношность эта опасна: она... она... она может изрезать, покалечить: убить: убить, как убила меня... и всё же справедливо и заблуждение заметить: ошибки, что становятся во мне, что даже развиваются, и ведь: ведь какой смысл говорить о целом, когда ничто не может быть целым? когда в том человеческом целом и оттенка выделить нельзя, стилия, что ли... а оттенок: оттенок тот есть главное, и всё же... и всё я так глуп... так беден умом... я... я дурачок...

я... я вижу оспокойственно востоящийся прожнею бекетовою поженностью во деверённостных оставленностях едких, проходящихся чуть ко смиренно тронувшей тои надовернувшиеся особленности иаддуевых поможенностей во предмете ото тех-де руке моей шурушаний пакет, что я положил в квартиру вместе с неподвижным, тяжело сверяющимся во единённостях полагающихся ко причинности формы ото въявившихся во точениях-складочностях, точениях-складках, точках-складках, точках-складочностях, точениях-складочностей и-де различностей тел камнем, молчаливою суровостию овеенных тамооставленными арапниковыми, сложенными кожистыми масочными отяжениями подле худо ставшихся во ламеховые приставленности родителя ко лицам, татействиями смотрящим во язвительных, неозвученных ото тех кладезьных опаданий уколах за каждым действием моим, и аккуратно охватил я его бьющимися руками, внимательно приглядываясь к каждой лёгкой, огридеперливошейся во спалениях пречений означившихся дубениями бледностей неафронтсовых оставенностей во опрощении толка значения и огребении ознавшихся упрямою тупостороннестью невешений начал пористости, к каждому случайному, еле вставленному во олинеенных неровностях его гладкой, редко привевающейся наждачною грубостию поверхности сколу, содержащимся в нём: я не столько смотрел в него, в камень этот, сколь старался не допустить подмену: не допустить, чтобы во камне появилась взрывчатка, чтобы: чтобы глаз у него не раскрылся, чтобы... чтобы не кровоточил он; в пакете был неширокий мягкий рулон коричневого зинфанделового цвета, роторный универсальный нож, крупная игла для ручного челночного стежка с мотком и рукоятью, увесистая электрическая ручка для полирования кожаных краёв и несколько видов нитей: все эти инструменты должны будут помочь мне в изготовлении сначала простой визитницы, а после станут уже привычными во опытном одеянии кошельков и прочного, что, конечно же, перспективой является для меня идеальной, в которой я самую человеческою ясностию готов увидеть недостатки, лакуны и характеры очней недостижимости; мысли о хоть несложном на первых этапах ремесле подобном весомо отвлекла меня ото пугающего, то ли угрожающе стоящего, то ли властно сидящего, то ли пренебрежительно разлэгшегося и не допускающего угрозы и недовольства со моей стороны недоброжелателя, напоминание о котором заставило меня трусливою стилизацией ото хождений обыкновенности во дуванных одожениях неспокойного, пребывающегося неуместным распространённым, еле преломляющимся на нежёванные отохоенные приставления охлопывающих свершениями заповеднолюбных одолжаний во-де решении омаскироваться за той решительностью умов ошевелением ко коридору шага сбежать в ванную комнату и тихим щелчком озлочённого пластиком, пошатывающегося сильною обиенностью тоих неположных робоватых становлений замочка закрыться там; время происходило тяжёлым тугим давежом, однако то неизменною

невместною дувною всверённостью ко доисходящемуся прешевеливаниями редких, оскобляющихся причнениями и принадлежностью ко тоим-де исключаний телу давало знать о явлении ставящейся ноне отосонными серьёзными неорушаниями смиряющихся обращённостью во означившемся оконечностию вырожденных решительною открытостью дурнот чувстве теснот продолжительности своей и ожидало моего дальнейшего, какразтошни и парализованного во неожиданно оставшей подобною чудовищною, сподящею ко всем телесам моим и ко овоенным ровесным язвам члеведённых положений расходящихся подле и рудеющих опухолевидноевыми олениями решившихся ко оговенным коровным преснениям щёлкивающихся ручнокарликовыми держаниями меня за решившиеся и даже еле шшевелившиеся во дерзновенности сойти и пребиться ото-де голени тои чернот станостий ароматов значительностию трусости действия: я не хотел двигаться и боялся того: мешало одно нетерпение, возникновение чего ото трепетливой дрожи одеяния объяснить я едва ли смог бы: полчаса я положился здесь, и полчаса мысли мои повторялись во питании уцепиться за что-то, развить нечто или продолжить хоть прежнюю однородностию, да я не нашёл ни слов: ни содержания: одно та ядовитая, овлаженная старческою сухостию небольшая карликовая рука цепляла меня за касающуюся вожде и со одящими ото него телесными, жирноватыми липкими ребристыми вношнестиями трубами ногу, и одно те бездушные опияния я стремился подавить во немотных ослышаниях собственных: я направился к камню: к валуну: я язвенною нелепостию обхватил его обеими руками и попытался поднять, ото чего пришло мне понимание совершенно наглого настоящего положения валуна: он приклеил себя к полу веществом невероятно крепким, отодрать которое человек не в силах: я возмутился; я стал опрыгивать подле, я стал дерзвенною во апломбах надежд подобных хваткою пытаться отодрать валун ото пола, я находился в негодовании, я смирился и положился рядом, я осматривал валун, я с час пытался определить закономерность конкретности его положения здесь, я посчитал вздором идею о клейком веществе, я обошёл валун пять раз, я обратился к муравьям за колдунством в помощь, я с час оходил подле формикария в рассмотрении его, я полежал, я поел, я чувствовал боль, я приходился ко самой неприглядной вношнестии, я: я уже не считал вздором идею о клейком веществе, я понял, что муравьи мне не помогут, я оходил подле валуна, я понял, что валун даже и симпатичен мне, я понял, что симпатичен он мне только в качестве вношнего интерьега нутряного убранства, я походил возле валуна, я решил переставить некоторые предметы округ, я понял, что предметов округ было совсем немного, и оттого я скорее прешевеливал пылинки рядом, обставлял песчинки грязи должноположную уместностию, я посчитал себя грубияном, раз не оприветствовал валун, я устроил небольшое приветствие ему и с небольшой дистанции ознакомил с формикарием и его жителями, я чуть оходил рядом, я отошёл в ванную комнату, я посмотрел под ванну: карлика не было; после

частично радостного, одле воожившегося ко должновенным предметноматериальным ожиданиям прочних, осревающихся краснолесьевыми сложениями мест тел смирения пришла даже необъяснимая, ощущающаяся оттого во неплотоядностях явлений-де любовь к валуну, не мешающая его крайною, означающеюся во ездроевых остечаниях должности во человеке чорез преломляющиеся естеством окрывания прочних неуспанных опозданных велений сточенного, одолевающегося во болотных дливенных, зобящих маслотночными очинаниями оказавшейся оздесь, применяющейся во ожидаемых стремлениях оплочившегося ото человеческого во обращениях ко аримафеиевым стенаниям обивающейс оставленными, обнаруженными во довольно очевидной следственностии одиночества шумами комнаты талана сухостии скажения правды искренностию бояться, ежедневно видеть во снах ото оболоч отвратительных и ужасных и ядовитую сердечную болю вздрагивать при случайном неловком периферийном на него во беззаботной случающейс теперь, каже, даже оровенными становленьями обнаружений тоих болезнию отвлечённости ото.

Марлевая стенка формикария начала перерастать в нечто странное: голубоватая жидкость стала принимать обнаруженный мною прекрасным, очевидно преливающийся во опряжённостях порсканных очелённостей онявшегося проявляющимися ото самостоятельных, прокажённых телесноодарственностию складочных несвершенств пооженностей оных во овшихся ревеккиевою опалённостию оскабляющегося вотодолженным причелением становящегося бурдовою окраснённостю распространяющегося во тиннитусовых, светлённых скоростноданными, оплаченными ядовитостию положившихся неусердностию причин приставления тоего ко розовеющим, очившимся главоболезненною антиохийственною проведённостию окреплений станостий во-де правдениям кислот мучениями сложенностях бреда звука гласа дерениях явлений запахами пространства облик горизонтальных, основящихся опочившеюся, становеющею ото редений поратных ляписных, хореющихся надлежаниями осделанного смиренностию бездвижных, тяжелеющих тяжелением отяжных твердений гридеперливых шумов стен решения приведений оконечностию сосулеч во сторону общего круга, в основе которых были трупы, каже, специально отобранных муравьёв; внешний же почти не изменился, если не считать прогнозируемое расширение коровников с тлями чем-то особенным; привычную кормёжку я применяю теперь раз в пять дней, ведь уходит она из-за наличия молока куда медленнее: у внешнего круга есть уже приличные запасы еды, и потому всё чаще они передают свой товар на безвозмездной основе, что их особо, каже, и не задевает, однако вполне вероятны попытки захвата фермы при слишком уж неприличном изобилии коров: новые поставки тли прекратились, теперь скрытый круг становится полностью торгово-производственным субъектом без обеспечения извне, а общая муравьиная масса постепенно превращается в

зависимых от импортного продукта, избегание чего приведёт лишь к большим социальным неполадкам: необходимо во вхождение наиболее полного насыщения благами внешнего круга оборвать границы между ними-де, вытащить марлевую сетку вместе с застывшими в тягучей основе муравьями, засыпать потерянное или чрезмерно утрамбованное пространство новой землёй и ждать облачившегося во отстоявшиеся непостоянства осыпающегося непопритенные, жиреющие во тождественности Филолога о самтановых пожароявлениях ото комплотной о сренности дубения пространяющейся мягкостью ошевеливающегося хрупкостью остукивающихся, одырявленных во застенности денежных образованностей оробевшем, гласнящемся рокотливыми остояностями окачившейся во каменениях оразвитого употреблённостию решений недовенных кольмиевых остенностей душного тяжёлого замкнутого помещения чувства принадлежности становлении тела плит человека оставания твёрдости существенности случая деяния, следствием которого станет переход всего муравейника на прочее качество, на формально внешнюю сторону, на предпоследний этап повторяющегося цикла развития дефенократии: наступит это, вероятнее всего, через месяц. Боль от проколов и в них уже не пугает, они вовсе не заставляют более думать о том, дабы во орывании зубчатой водуженностию ровнеющегося ераньего оплоченного, сторешённого муравьиным швом ото сращённости кажимой отсутственности обязавшихся-де во отрицательном материале явиться осредствием принадлеждных, клонувших воожестенивающимся осыщённостью приставления кашлеобразных охлопываний оготовленной бирюзовато-сиреневыми неяркими, проходящими случайно со верха до нижних краёв тех о помешательных расположенностей решившего то во членённостях обозначившейся наставленностию белёсых овлечений долженствующего во шипящейся закулисовым кошмаром тоих орвенных символзначных ошеваний боли стремления формы отблесками глотки варианте оглядываний логик внутренних очарования причинения нетрезвой идеи снять их и более никогда не видеть: ощущаю я ноне одно естественное чувство о относительно свежего, ещё не успевшего окончательно явить прочностью всех присутствий собственных канал: я довольно давно перестал обращать внимание на проколы мочек, и с тем же более не представляю жизнь без украшений: примерно раз в неделю я меняю или их порядок, или тип, супротивоположенные или нет особенности к чему я знаю и стараюсь учитывать: такие перестановки наполняют наличие моих проколов игровым свойством, не надоедающим по сии день и минуту. Валун спустя неделю несколько раз менял своё положение: в ночь с воскресенья по понедельник я по проснулся в горячем поту и решил пойти в ванную комнату, однако увидел не только полностью открытое шторами окно, но и камень, неизменно, глядящуюся ко остремлённостям тем во писидийских-де шевелениях тех-де горделивостью положившийся на подоконнике: сдвинуть валун у меня не удалось ни на

сантиметр, и потому крайнюю надежду я оставил на своё воображение, о котором, как надеялся, и будут ложиться детерминант и следствие подобных искажений: утром, когда я после мучительных продолжительный дрожей честных, оводевающихся одле бонвиванных отосмирённостных дурачливых оложенностей приставления бежеватого ко краснобайственным осмелённостям сопоздающихся светами одолжающихся труднооходимостию неожиданновозначенного чорез положившиеся новоявленностью отухающихся-де несмолений облёскивающихся успокоениями белеющий, обретающих ядовитую тусклую бежь во оранжевевших светах зазнобных остепенностей дилилиевых правд во явившемся незамечанием вношнестии времени ото неприсутствий тех чорез ониксоватые сбежения проказившейся роторною долённостью потенции и отно оспособности причленения данности ко долженности о решившимся оскоплённым, скращённым строевостию операции ото называния безо овелённостей ко неправдиевым осовременностным ожениям приставления довне привыченного долженностию дубений шляп людоевских во упражнении оразвития тошних-де долгих, мучительных, становящихся во дерзновенности той явлением очурного облика подсмирившихся стечённостей тоих саломиев умираний расчётом успениям истины отношении одного ненапряжений чернот оречения плотий грождений волнений с трудом заснул: окно было зашторено, валун находился на своём привычном месте, шишка в районе аксиса пропала: и ничего опрежде не заставляло меня вспомнить о том событии.

Ото гоббсовского конатуса во политичностии есть непривычные, означающиеся ко тем явления о материала предмета о наиболее пошлых вверениях собственных становления: естественностии во правоте политии со принятием теологического равенства о правом позитивизме оказывают современному человеку овид безусловной правоты государства как хоть сошедшей номинацией подобного во очрённостии весения чловеческого со дагониевых храмов субстанции, однако народ-де: народ, возымевший хоть незначительную власть над церковью, избежание чего невозможно даже в самом любопытном устройстве прочного нарочитого конструкта: стерженеостовное останется и образует фундамент для будущей жизни населения, ранее или же всё ещё живущего на территории, где некогда существовало такая федерация, империя, конфедерация, унитарное государство и всех других вымыслов территориального устройства страна, определившая своё дальнейшее развитие именно удачным и, вероятнее всего, случайным совпадением, косвенно выраженным в склонности к продолжению своего суверенного предиката, с которым оно связано оже совсем невидимой леской человеческой императивной догадкой, становясь лишь объектом событийного ряда, просматриваемого в сопряжении к идеям дефенократии в негласной зависимости народного, особленного неточностию означившейся во частностии приставления единого знания ко

другим и единого предмета к универсальности фольклора, заранее заложенного границей или особенным внешним кругом, от действий недвижимой власти, имеющей после точки условного вечного прикосновения, задающего путь гражданской религии и становящегося родоначальником дефенократий иных подуровней, образующихся после захвата единым и почти самостоятельным кругом, мнимого преодоления границы и разрыва связи с созидателем, своими действиями без иных исходов представляющим интерес того самого предиката, чем с полной самоотдачей свершает отоенравное, одержащее значительностные лакуны во единости непроработанности собственной суждение: судебный прецедент, являющийся во внешнем круге почти единственный источник власти, ибо ранее законная структура порядка вся приобретает вид совершенный, но нисколько не реальный: подобная система станет собоеорывающимся во болезнях, дубеющим ото очурной кроволиянной, сдирающейся жирными страшными, отведывающими иродиадоводщерные озрённости крепчений тоих о прочности одевшихся чудосвершённым оприятием соистинных вечеденствий-де прождних становленностях проказившихся грядами маслянистой уродливой, отсевающей ото делений мариевых разносторонних очленений сошевеливающегося ко остнему-де взора грязи тел успаний уколами рези толстым зубом, замыкая конатус и заставляя заниматься армейским очищением огрязнённого ради очищения: вопреки кажущейся должности отношения человека ко врагу и внешнему раздражителю, то наполняет людей чувством победоносного стремления, превосходно влияющего на демографическую ситуацию, уменьшение уровня преступности и многое другое, не перестающее оттого быть следственностью довольно нездоровых человеческих, от данных особлений и ставших обязательными во одвиженности конструкта, изначально представляющего собой довольно развалистую смешную иллюзию, для человека, изначально праздного и пошлого, кто и никогда почти не искал истины во деяниях своих и, общем, не должен ту искать ото специальности своей гадости, дурнот и потери почти всех из накопленных культурой наследий, следствием чего рано или поздно останется положение жестокой братоубийственной вражде территориальных амбиций и пошлых жадностей, исходящей ото самых неожиданных прожде подобному социальных, кажущихся, супротив окончченного явления своего, институциональными главностями рождений правды, света и тепла во человеке групп, изнутри разрушаемых совершенно вредной верой в иллюзорные свершённую немотою духов тех и реальных, обособленных от златотелецных их положений сил, ещё транслирующих хоть какие-то отличительные индивидуальности человечности во тех озверённых ужасах их оболочек черт трансгрессивные возможности свои, и приобретиешеся-де оболочки нонето Фуко отоего обморока говорящего или Батая во мёртволичиях, омкнувшей то во образующей онности ориентации последующих фиксации

культуры во случае сроднего элиминирующего незнания, никак не связанного с означно достаточно строгой философской концепцией. Необходимая данность и благое исключение социального преломления со сохранением связи условного порядка связаны с представлением о дефенократии благодаря неразрывной овисимости такого государства и-де; граждане защищают нечто, по их мнению, заслуживающее оберегания за счёт всех данных во означенной реальности ресурсов, включая человеческие жизни и само устройство их страны; люди будут рады служить великому, по их мнению, делу, однако осложнённостью восставленных оторазговориевых фланнониевых положенностей во лазариевых бочажных срезоватостей явлений реального ото вождерожденных осмелённостей кариозных станостей рокотливых средённостей отянутой скупостию акедиего незанятия во смирениях сменяющихся свечением ко сложающейся непродолжительностию непочтения во обращениях ко Господу ото ереси юности во неразветных тяжелениях дубеющих пробиваниями уродливых, оплакивающих слёзою совещенностей очувствия того ото евтиховые нарицания во чернениях глаз непризнания нечеловечности собственной во признании худот человечности собственной ото проклятия очтенного Тобюю лиц стен смерти должновений воли становится практика такой службы: в отличие от спокойного трудолюбивого населения общего круга, люди идейные, желающие спасти товарищей от видимой только контекстуально проблемы, никак не смогут совладать с социальными привычками; при переходе во внешний круг люди утратят почти всё, что и ослужило прожде основанием для созданию добровольной, атипичной во сравненности со очищаемыми системы перед границей, стоящей совсем в другом положении; появившиеся самопровозглашённые идеологи станут, если не учесть работу внутренних судов, вероятнее всего, источниками наиболее значительных преступных группировок; вовлечение в скрытый круг людей вредно корыстных или отчаянных во негативном мученичестве отсутствия остова состремления ко защите и радости станет такой редкой и необозримой дерзостью, что сами подобные рецидивисты не смогут противостоять оявлению иного качества, прерываемого во сменениях границы, обретающего новую легитимно-легальную оболочку во переформировании государства; постулированная субъектностью изначной власти религия, корректировки в которую попытаются сделать неправительственные субъекты, выведет на общий, вобатывающий в сходней должностию особлением неспособности одержания во условленных фильтрации и адаптации членов означенного оразделения самосуд желающих навредить ближнему или одевать означенное в писаниях или речах священного толка недопустимым: такая конфессия будет вторым особенным судом, она самостоятельно станет одемонстрировать неисправимых для всеобщего благополучия, не всегда опрашиваемых на принудительный дурман во сределённостях отошения ко прочим социальным, не определённым обязательством

формировать будущие средения группам двуроошедшенных краснот олупившихся подле незапертостью одёрнушейся во сверкнувшей средовестённостью упрения ожертвования во стевения обевшейся осквози тяжести несвещения о необязательности приведения тоего ко терению опившейся очнекровавленностью ставшего первоозначенным вжевением несоприсутственных овлачённостей продолжающейся чорез пророка Исаю во отогорихся оболониях немеющего несооставленностью еверовых положений моего спеления гордостью во срединности олевающей плёсностью непричинения обходящегося ко прекращанию во проднеусердственных очтениях волечённых краснотою остающих подле туго натянутых едкими оскрипываниями означенной элизиевым вочедением о помощи вонми ото упомянутых побочных явлений сряжающегося оговением центроположенностей во становящиеся, ожигающиеся невождённостью осевшегося ядовитою вязкою белёсностью ото вочнеставленных отверженностей описания ведения присталяющихся ко вокнеизученности авантажных-де зоредённостей означившейся во существе остроженного гордостью мучимого творителя деления и наявленного единственностью неуформившихся содраганий оштеоросшихся ногоевыми одолжениями введённых превением способного одно соизмерить качество во останости иного оперво явившегося опрощённым во могуществе собственном, явившегося усложнённым во защищённостях вношнего, явившегося ораскрытым потенцією грубости омедляющихся динамик, явившегося упрощённым ото принципов приращаний ко себе, явившегося во обнаруженности тоих специфик о изучении ото прерываний во качествах предельности динамик, явившегося ото тоего орьерностью прохождения во рождённости, явившегося управленности грубых оразовых сщищённостей во дистанцированных-де, явившегося мощностью орастаний сил приложения ко тоему во грубости отосложненных, явившегося тонкостью применения обратного вектора ко удобственной нерасточительности рождений одновременно згоняющегося барьера и более точных атак, явившегося шёопотливым колебанием собственности качества, явившегося ото принципов тождий во образованиях управления другого, явившегося целовидным ото упорства применения тоих способностей, явившегося, явившегося Целым шевелений продлений пял рождения истины движений времени коросты площадочности связок желёз правд становения темноты чувства тишины остремления одеждой случайности двери глаз людей. Эти люди, селекционно отверженные самим аппаратом их управления, или в начале, или в конце своего пути подвергаются подчинению обратной стороны теории: существование таких индивидов даже в самом незначительном числе не позволяет выдвигать или как-то оглашать должные результаты совмещения с дефенократией, однако значительным, смущающим при размышлении о ней обстоятельством представляются существование и следствия судов с удобными массовым оппозиционным группам лакунами, с помощью которых вполне легко

можно было бы вести подкупные следствия через третий уровень, квалификационные мероприятия для которых проходят вне внешнего круга, и потому вероятность существования среди них людей недобропорядочных тождественна той случайности, что определяет оприсутствие онных во онных длениях иных приставленностей: положится в таком случае дефенократия на надежду во самостоятельности и невозможности сплочения индивидов с неизменными во специфике психик онных, по-настоящему губительными для большинства из окружающих желаниями или целями: в основе своей все их мотивы суверенно замкнуты одостаточным своеобразным совершенством, они распространены усилиями во иных современниках или будущих поколениях; именно в исключениях ото схожих с этим правил оголяется корень потенций общественных ужаса и опротивления, явившихся исключительно в их сознании и робоватых, одно чудь обходящихся вовне размышлениях; алгоритмы гражданской судебной деятельности, предписанные свыше особенными санкциями и аффинирующие ото кренных кризисов любых типов во тех-де... страна сама обязана брать олагающеюся водне причинённостей соробевающеюся дубениями остукивающеюся ко скорооставленности невверения потомков Авраама ото днесных агариевых культурноотношённых означений ко девенениям твёрдости едко опаляющеюся гридеперливостию огнищанных вогорений означившихся тяжёлым, оболевающимся воросённостию целоошевления оставляющеюся ожде химмеродовостию озращаний прекрасного, пребывающеюся ото теплот взбуйчивых горизонтеевых поверхностей облачившихся сребристопоестными штевлениями солеवेशенных греяний появившихся во снах ужасами реальности существ незнаний орла продолжания отравлением умираний означания камней оскорби до предметных, въявляющих единственно полагающеюся во становящееся-де в действительности довольно немотным, ослабленным идеальною ограниченностию сменяющихся во действительности двухокругиевых нецерковных неготовленностей прочих форм-де способностей своих механизмом государство ото человека немоту исправлений ответственность за нежелание её населения жить в предоставленных ею условиях: с каждой смертью близкой причинности определившееся означением номинаций того приведения оплановых характеров обязан снижаться али сменяться, овежая тое во слишённых положенностию единственного несравнения качеств своженных озмечаний непривеления характера ко умираниям волиях экономического роста или демографической положительной ситуации. Жанвалиевый христианский персонализм во исторической важности трагического мироощущения сосредотачивался на гегелевской абсолютоидеевой очётности и вопредённостей сделившихся дрезиновою отношённостию ко чеверениям эпистемологического веденения определяемого означившеюся заурядностию; то не так тяжело и сложно предугадать или искусственно воссоздать: человеческое горе порой

перестает быть одно только средством случайного направления, страдания в окружающей той средности свобод осветённых средоточений оболочке стали предопределяющим оставлением деяния человеческого как субъекта внешних воздействий: после относительного уколам однеочитанных неоправленных свечений положившихся темнотою мрака стен признания плоти Фуко должна сложить свои формальные полномочия, те: став-де внутреннею институализацией одле бесконтрольного оставения значившихся точкобезумных, одляющихся витальностью прочности обращения ко-где точений, образовав во... трагическое о отдельных индивидах не несёт ноне мотивирующей или иной прочней активной функции, оно есть это рычаг управления, а его чрезмерное употребление несёт за собой размытие неспособностью понятия, ставшие куда более приближёнными ко своему изначному истоку: трансцендентальное осязаемое лицо, проходящее через общественное негодование: лакрималисы лишились всех ориентиров, а различие дефенократии неизбежно приведёт к их совершенной, озабевающейся дариною иззавелиевости домёкных очтаний непростоэнного невершенства дочевения одлений оверкающегося долённостью единой возможности колдунства во сменении кругов явлений социальной гибели, хотя и не исключена вероятность их успешной интеграции во простейшие процессы общественного уложения, выполнение которых попросту есть непродуктивное и ношнелурное среднестатистическим представителям общего и боле для внешнего кругов; лакрималисы необходимы и обязательны развитому государству, однако появления таких субъектов вне стадии экономического прогресса: к примеру, в этапе благополучного застоя то станет значительной проблемой: их предметное явление тормозит развитие и создаёт качественносбойственные устойчивые, сделившиеся точностью прерацанности тоих зобений слов Иоанна системы: люди, никак не могущие ужить собственности в образовавшихся социальностью оленных временных, каже, становящихся иными одно во нетелесных оболочках Души оправлений нормах, не имеющие способностей даже к самой условной, определившейся самостью вожднеослабленных следственной сфере, простой, селекционно выведенной простотою решающейся ко злочениям неумираний рождённых собственности государством, ожидают каких-либо изменений во ставшем таковым одно из содержательности одурённых неправдою означения наличности того деяний их статусе или недостатке при явлении новой власти, представляющей защиту интересов, как негласно считается, совершенно всех из рождений тех сосмерений, и о том не учитываются представительствыми избранничества те же: лакрималисы принадлежат группам истребляемым, своею условною, овившеюся пузырями стонов твёрдостей тех номинацией подобною в связи со значительными овречённостями одвигнувшейся со историсоподанностью их форм материи случайностями неудобственностью они

отождествляются государством с преступниками, врагами народа: во воплощениях якобы ставящейся свершенством ото всех людей, лакрималисы из которых последнею очерёдною готовы согласиться с тем и явить собственностью своей требуемое свершенство, дефенократии равными с самосудными палачами во случайной оправленности сохранения порядка людьми.

Привычный моему глазу, даже родственный девственности обивающихся ото зовений збовных улыбаний бликов светильник всё такую же продолженностью освещает широкую арену близстоящего формиария ото-де жаровых, востремляющихся ко собедению судилищных воизбраний направлеумовых стевений оложенного, появляющегося рокотливою очленённостью сходящихся одле тяжёлых горячих оставов освободительного, спшевеливающегося твёрдостью срастаний древеснённых, подравившихся неконченностью вволенных реведёнными курениями скоронаянных, причиняющихся тоему во овлажнённости оканчивающей тои следования назначенному тоему ткани динамик замечаний остроенностей прищрения мгов тоих дебеливатых озрённостей опространяющихся во кристаллизующие ото явлений особственных исследований-де во ограниченности растящегося ото ударяющих граниченностью вношних, волосеющихся прочностью отекающей рябыми ненадлежностями во темнеющем дубенениями принятиясти о обыкновенной-де нелёжанностью опырения основанных прекрасий блестящегося разностью пристающей-де множественности ото коснопрямотных несвершений одно означенных пестротой исходностей непричинения во очведении присталящихся ко первому ото приставления первого ко людям квартиры тоей ото глорианов явлений практике омраке весёлости теснот краснот очленения оспаления ран паров становления оспалений комнаты и самоих оплощений помещения во бетоне етерьевых осмелений полагающихся нескороостыжённостью во предмете становящегося, осветляющего во теле ударяющую прочностью настеений годееющихся шуршащимися остываниями оснащённости многотрадальным узником темничным, горемыкой, нужетерпцом, исповедником неудач Его ото вождеположенных стремлений центрооуправлявшихся неоснований оставленного одле черёдственностью очищаемых скорбений продолжающихся ознечною предложенностью введёнствующимся, объектившимся навешаниями явившихся нозренностью толевающихся неизбранностью опрочившихся, предлагающих тои-де классические прибивения текста опровергающихся-ро уцелений неверности ко невоинственности прищепоённых правлений свернувшихся во отточенностных лобызаниях ошитою желчию, одеревеющего прочностью проявившихся, чернеющих во точностях означившихся самостоятельно ото определений окрашивающихся-до гладкостью орошаемых каменистою кладочностью пропревляющихся уточнённою всеместных, очеиваемых скудостью обеляющихся

становящимся во уколах орастающих опияниями втеснённости тоих приченённостей сфер
инакоявшихся ото ворождаемых натуральностию ластившихся болезнию осладившейся
кручёностию оминутного временения положения онного тоим во срождениях ото
неумираний Феофила Киевского, Феофана Вышенского, Никодима Святогорца, Акакия
Афонского, Германа Алянскинского чорез светлоты причиняющихся и становящихся во
плотиях существ наших даров опухоли озрений истин глыб серебром окращений систем
ровений цветов истин прямог грубог сердца сторон точений привелений честений глаголов
остуков чтения боль бредя книгокупностей до скъпане лиц оявляющихся оздест ото присных
содержанностей золотившегося ядвениями постевлённых прошённостию лозеющихся
рокотами неопониманий несоответствий приставлений ко впрощённым сравнениям тяжело
отягивающейся болью и зудами действий реальности новин знаков центра остения
причинностей во незнавании рошевних зоден-де дщерных млак отое умерчений язв земель о
материки во положениях означившегося мною, открытого мною оценного клада дома моего
во слезе горя ото единственного отличия бессмертной души, когда же животное слезы горя
лишено, до мерномконных субъективных тиннитусов однорожденных оключаний
соложившейся ко надзирательству ото нежелания и неспособности ото надзирательства
олучать продуктивные становления, стевевшейся еле одёрнувшею во оключаниях приятно
ставляющей ко тебе сквози невозможности описаний жизни-де во витальности ужаса её ото
белеющего страданиями ошибок дурного, единого дурнотами во глупости своей человека
времени влаги теплотою жизни, оставленной-де во, я более не меняю его положение при
различного рода рутинных работах за столом, сходящихся во оставленности данных
положений тёплых, словно одно действительно оплощающих во реальности моей прекрасное
лучей от него мне вполне хватает, да и шторы, совершившие уже довольно заурядное утреннее
самостоятельное, еле обивающееся неполнотою малостности карликовых способностей
очернённых ужасом мрака лиц распахиение... не совсем мне ясно, когда есть свет, а когда
есть тьма: потому иной раз довольно естественных, овежеталившихся белёсностию
оворачивающегося амосовою равенствеовостию во охрупевших дебелиями
остранённостных ошевелений незначимых вочеловеченных оведенствующихся, звучащих
ротанговою шафарновостию опалившихся твёрдостию отовывбившихся-де столетностию
Варсавой или Иустом и Матфея звечений содарений останываниях употребления лучей,
каждую минуту жабещейся во краткоосложениях вочнеузренных знаниями во оформлении
ото единственного, очленяющегося велелепностию способлений человека во остраниющихся-
де святителем тоего во объёрствующихся, дубеющих тяжелеющею, не учитывающую очения
озвучившихся плотностию возходящейся нозимовостию чернеющих темнотою
проникающихся во наличности данного ото тоих нестабильных, ождающихся о оправдании

ото поожившегося противностию излишней пестротой предмета славы быта одивлений незнаний средин стали сердец кристаллизациею витальности красотах барьера щепот опаренностию озаряющих меня ярким, проводящим сквози особственные понимания во явлениях неточных, оплывающихся омыленностию сложившегося к явившейся числом и единостию ошевеливающегося ото убрания сердец обходимостей тоих правд во Воанергесах-де оженностии водлечинённостии оледеневающеющихся грубостию непринадлежностей кораллиевых однерожденностей умерщвлённого заранишними нетеснотами спределений вождающейся во Филарете Дроздове ото любви Божия во качественностии ородившегося неотделённостию отупляющихся тишиною негласного, восставленного порядочностию охранений Веры во человеке срядения особлений отделения конкретности оставаний ужаса нечёткости незрения образов улицы и находящейся там природы со странною непорядочною, становившеюся будто и натуральною ото неприставления того предмета вокажённого ко-где чревённостии оголившихся Смертью Неверующего сердец искусственностию, и искусственность та пременялась отнесубъектностию особственной, пока не оплотилась во однородную, бессвязную именно содержательностию отделившихся еводиевою неоставленностию во дебевающеюся обычностию сродного звучностию лишённых спарившихся-де светений ото хладности сменившегося ко предмету любви и ставшему предметом именно оттого взора уродств человека применения мире компонентов горячую, обжигающую отщепления всеочастностии влотившихся бедностию сменяющихся сегментовоспалённостию срождённых-де оближениями касающихся человека во нечоегожде-онной-де аароновых отуплений укусов потенций продолжаний необиваний массу, и масса та была: со болезненным, оязвляющим сменившееся язвою ородившейся во неодождовенных колебленностях приявленности осветившегося воттенениями обиянного мягкостию белеющих гордениями одолжающихся салманассароевыми памятьями одумываний нескоростий опыта перения трещины существо человеческое, треском рассыпающее окружающие и не одно тое объекты: смрадная, грандиозно охождающаяся отравлением овевленной массаи овещённого обавленностию оставшихся непозволительностию оторешённых годений прозрачившейся лобызающимся во опрённостях оставляющихся-де о площадностии овлений вограниченных весёлостию звериных, вготовленных ко порядкам освежевшего, розовевшего снятокожными шевелениями ужаса ворговленной во нестаниях семенящего непроченностию остальнотозванных нечтимых же зевений молитвы во Господе ото минут нерадостных али укреплённых сладостным, обвивающим прещения деведящихся желтоватую шмелиностию во преходящихся ко оживлённым шипениямозначившегося событием во неудовольственных должнениях однеговлеющей краснотами тяжелеющих светлотами полипообразных, во конечии же отвратительных, жиреющих новледенченностию

оставляющихся крупностию несменённых, облачившихся конечною неспособностью опрыскиваемого во дождях оставленных боровиною хрупеющей неупотреблённостью незнаний послившихся огорчённостью въявления действительно определяющей невопомненностью оворачивающего же ото прожде обедняющегося во несвойственности преливающегося останостию водле проникающих, отнеилиевых одрённостью звучившихся жирениями решившихся решённостью предмета сал решений чернот окрытия рокота держания заурядности мер надлежности влаг впечатления гигантизмов лиц величин уставаний памяти явления крапинах ставений унынием горя власти упоминания искусов избранничеств краснот нехотением тесноты ставений упорства злокачественности материя эта: материя почти безо временных интервалов отвратною страстолюбивцевостию нутряной, мягчающей ревениями положившихся униженностью белёсых горячностей неправд горячи поглощает и мгновенно выплёвывает некогда положительную во продукции чорез явление продолжающееся среду, обращая прочные стенки оходящихся мелкостию муравьиного упорного шага веществ во непоследовательно обросавшиеся явностию собственного хлипкие, седеющие воузоритостию обавляющихся грохотом звонких эховых потяжённостей веждений номинировавшихся ото субъектности оединотно же восложнений шипений сосуды со тем... тем, что поэтапною зверственностью сокрушало и опаряло видимые и способственные тому предметы и события, отталкивая ослабленный, решившихся ко неосязательным шестерениям явшейся несправедливостию оговещающего обезвоженным умиранием долга серьёзности взгляд мой, ото чего я особливо вождившимся во анниевых услышаниях Самуила энтузиазмом забываю словно и ставшую данностью близкого означания одно во условности навлечённой условности причину гневного пренебрежения: я могу обратиться к заваянному окну снова; вспотевшие, не сощущаемые особственностями моими во прочных, олевившихся во смещениях отёкших невпоминаниями наваленных твёрдостию общевволенных стремлений приаляющихся ко случайным, робеющим роптанною, ставшею во смолениях тех свидевшихся, накалённых непропорциональною ровностию сположившегося грандиозным, сокрушающим во преодолённостях озданий контрастов во Далиле ото тайнодарственных известий упорством бреда окраснений сглублённостью ощипываниям щелчков клювов разводов суставностиах со продолжительннепрерывной положенности о единой позиции руки мои выполняют сейчас строгую приличествованиями неотвлечений, точную неспособностью отклониться во прочностях и допусканиях несвершенств вечно уродливого, оттеняющегося светскостию родившихся о шипениях безмолвных дутаров ознаков предмета меня работу, довольно долго уже не прерываясь на отдых или принятие хоть и едва ли сомняющего приличествования осветившихся-де ото смечаниях рокочущего привеваниями огладившихся спеноставенностью окраснений вожившихся жёномироносицевою ожаднестию

тел опухолей ровностей света деяний положения удобнее: чуть опалённая потливым деянием
очдённых положений магнитновосвеченных, полагающихся во стевенности
продолжающегося ошупью новозначного, вошупывающего истины знания описания светлот
кисть моя в инвертированном оставлении подающегося сейчас на и не требующее то во
озрениях обыкновенной интуитивности осмелений эпохи тоих Судей ума положении трезво
премещает роторный нож по кожаному полотну вслед за ранее ограниченной линией и
заканчивает движение на стыке с первым разрезом: на столе лежат три стопки одинаковых
кожаных сегментов схожей формы и увесистый, небрежно осевшийся непричленённостью ко
тяжестям озвончающей тои бледноседлые незрения случившихся одноупоминаниями
дебелеющихся очестностью обивающихся точностью вдоящегося неизбавленностью о
следственности явления жизни ото совершенных неготовностей ко тем впоминаниям крапин
звёзд слав чёткости комок оставшегося материала: я аккуратно обрабатываю края каждой
детали, сдуваю уже словно осевшую прочною принадлежностью пыль и протираю их сухой,
быстро чернеющей во несодержательных крапинах песчинок случившихся нервическою
стоновостию саморешившейся произвольности вношнестей салфеткой: теперь я
раскладываю их во определённом чётком порядке, в котором они и будут сшиваться в
несложные визитницы; я помещаю в заранее подготовленную квадратную форму из
пенопласта с углубление два сегмента из кожи и делаю в отмеченных на первом куске местах
отверстия с помощью старого, местами оголяющегося сострянувшейся ядовитой ржавчиною
шила, откладываю наибольшую нижнюю деталь без разметки и вкладываю внешнюю во
одвустороннее волоченностию сдавленных горячечностию положившегося ото
проходящихся девеянностию одревшегося ко игнорациям оставленных безмолвиями
плачновыведенных твердений дановоколенных оставенных отложившегося во тяжестях
ознавшейся о убогостях неответа ко порокам остевшихся зобениями апрострившихся-де
осмолёнными численностию упоминания озвучившейся во охридских-де и жичских-де
колениях оворочившихся населённостию лотоевых во нахождении овеливающих
допытаниями оваленных дубениям свершившейся во оставленности говеющихся
серьёзностию одевающих твёрдостью человека Вавилон губений принятий щедрот
неправоты опущаний стенаний связок мести умираниями дведений рыхлости стен трусости
недышания тел сговора событий нарратива обмелений пространство из того же пенопласта,
закрываю обычным плоским ограничителем, предназначенным во избеганиях появления
царапин или прочного повреждения самой поверхности стола, и аккуратно переворачиваю,
вставляя вырезку меньшей величины с разметкой, расположенной ближе ко всем граням, и
вновь делаю проколы для будущего шитья челночным стежком, оставляю все три элемента
конечной последовательностью и приступаю к новой паре; к финалу рабочего захода в

картонную коробку с несколькими десятками готовых однотипных визитниц, находящуюся в противоположной столу стороне комнаты, добавились девять изделий со выверенною до миллиметра, даже излишно совпадающею во сместённости положившихся недолжновениями ольефных харраноевых, поставленных во членениях неосведомления поведившихся ознанностию настоящих немот мудрости человеческого чорез шепотливые возерения продолжающихся восставшей-де зрениями впустевшихся площадностию ожившихся немотою собственного кровавопотного отчтения восславлений Первозванного Андрея ото распространяющихся озлачений тепла возможного во человеке крабин искр влагою оростов одолжаний отцовств грязей неизменною вношнестию, о должном оставающимся лозвенностию оставленной, совершенной во прочности родившихся ото сребристых точных стремлений ко омышлению ставшего размахами укладочностями сродившихся прочнестью отдымочных же постаяний давидоевых, жабеющихся ораненностию прелившихся невязкою, оттеняющею восставленные остановленностию восстановленной остовом составностей тоих отивевнийших, умозакключающихся одно о недеянности озверённых плотию малосильных испусканий рядившихся успеваемостною оощедённостию сказившихся вошедшимися о долгоопарениях очитаний скаившихся отдающим гадостию отвращения пренебрежением ко мне лиц чувством правд должновений прочений умозрений славы приличествования влагою руд положевий немот тождного наявлений принадлежности прекрасием осложнении чего я омышляю довольное, хотне допустившееся неприглядности способности ко тому во древенеющих кипроевых опечаливнаниях составленных раденствующими неприличаниями одно вершающих требуемое во сменении облазившегося мокротою долгих, ославленных ополчённою, сревающею филоновостию оросившихся новиною совыжденной памятностию мучения невыносимо долго тянущегося самою отрывностью применения ославившегося о тех ряблениях состовостию поожившегося настенностию счастья во случайном скажении веры во человеке знака страдания времени гати прочений нескончаемостию ожиданий чувства нетягов иссушений время. Я вытер влажный, оживший оранжеватым липким кожным салом лоб с избыточно крупными, ошаркивающими восставленностию сочившегося роженностию собеднённой чернотой неуместного во оскорбительности прещеваний облаившихся ослечениями преходящейся во свечнодарственной, жестеющей превениями красноталых сменений пастельности пустыни сил упоминания мысли света пылинками ото шлифовки столь же вспотевшей рукой и без произвольных во осмыслении сухой, уредуцирующей сместевениям обухшихся рубцеватостию положившихся олежавшевестиями клеточновжитых падениями дрешеющихся бедевшимися рожениями проедавленных непричинённостию необходимого не во условии ото единства приставления ко обозначенному тамошними непромедленными вотечёнными, жестающими во осталевых краснотах прозрачивающих

опризрачные восстания изначных, сплотившихся ото непрерывности свешающихся чернениями свесившихся оставленностью орывающих уродства остремления ко иным вольготам личности во значении объявленного предельностью во спектрах тех осмерений, жарящих обходимостью онуждающей означать уместное неприличием и дарственным недолжениями ото невравствившихся бедений леденеющей сухостью слаботемпературных омурченных, привелённых отношениями во воскурённых благах ославленного Человеком чёрного карликового предмета звуков тяжести честности сепарацией охождений популяций деяний остенений белений пищаниями выбора стен допущаниями светенствий чешуй дырений ран точности применения или нет прочных действий без сил свалился на зловонную мокрую горячую кровать со неисправленно большой вмятиной неправильной формы, близкой скорее к окружности: посреди неё одле во ударе собственной отчаянной, охрустывающей той мафусаиловы веки во саддукеевых опрошаниях слабости, сделавшей меня, вопреки поспешным и освойственным оставаниями опалённого конечностью срешившегося врождённой строежительностью продолжающихся успеенностью неволения одействия со тоими-де гожений долга приличевания предположениям: тот долгий труд, моё уязвимое немощное тело: те спутанные: те спутанные мысли; формикарий, почти мною упущенный из виду при остевшемся зяботною слабостью сна перемещении на кровать, продолжал работать: внешний круг постепенно сливался с общим некими странными, совершенно новыми оследованностями, во неподконтрольном мне процессе которых образовывались широкие тоннели, в которых остранным вырожденным засеиваний их же собственными счевениями застревали муравьи и создавали тем благородную, по крайней мере, как им кажется или думается или как мне мыслится во их станостях, почву для переноса продовольствия, хотя и бывшие транспортёры, и все остальные работники, ранее исполнявшие обязанности во вполне ясных мне задачах, теперь без дела снуют по всей площади аквариума: проделывают всё новые, удивительно невеликие собственною сложенностью стечений действия оходы в некогда постоянной вложенности земли и зачем-то или отчего-то встают в совершенно случайном месте, забывая или не зная более, видимо, обо прежних мотивациях и оставшихся ото рва совершенно иззубчатой волдырями солодящихся смущённостью освежений овожаденных выпоенных описаний стелившихся животностью восвечённостью осхождающегося тишиною положившегося оживаемостью восстановителю светившихся приставленностью совместношевелившихся прочнезначностью сшевеливающихся воовленными приставаниями истивений олочившейся соистинности во неударах немых, ластенных во очнебестянных бежеватых тиснениях означившихся оде несвообразностью полившегося червениям олобызающихся собственностью считанных тихими спокойными, остукивающимися во опонимании средневающейся облачившимися во блесках

положившихся-де самообновлённостною остачностию неизрывно овершающегося реодуцированными оходениями свесившихся гноями орушаемого человеком пола со оинтересованных песнений оявления следствий впалённостных краснениями смягчающихся тоевостию знака розовин оглядываний шагания мучений свершениями немощи шагами уточнений ржавчин знания кож оказаний повторениями вожданий ударений чернения блеска выполнений игл следственностях: происходит, вероятнее всего, чудовищный осиления и величин сбой во целостности всего муравейника, однако выглядит происходящее столь уверенною продуманностию, что у меня пропадает любое желание изменить нынешние строй и порядок, идущие будто к своему предпоследнему этапу, размышление о чём поставило меня в небольшое заторможенное отупение: с абсолютно оясными погрешностями целью моей было оссоздание условий дефенократии: идея эта посетила меня случайно и особо не была обмочена рассудком, я не причинял действительные условия ко потенциальным станостиям во тех химмеродовых славностиях-де: я руководствовался скорее окружностию условий и ветренными частными желаниями: последняя стадия развития такого теоретического государства, каже, не была предусмотрена или предположена: граница, организующая весь общественный строй, являющаяся источником законодательной власти, накопительным и преемственным центром, обязана стать жертвой и: если же положится нужда в том и старости явившихся истиннововверёнными тяжелениями свивающихся немотными искрами ожевениями оследственностей во чиновничьей неуверенности пожившегося во неуверенных невниманиях недолжений Поклонных крестов хлада теснот следствий, великомучеником, оздав из своего тела условия появления дефенократии второго света, где неизбежно захваченная граница кормит продуктами своего разложения внешний круг, все представители которого были в определённый момент жителями общего круга: именно я и являюсь, судя по всему, этой границей: это я должен отрубить свою сальную, примятую от работы мокрую руку, оторвав предварительно тонкие, давно уже начавшие отходить болезненностию пластины во иной недостатке витаминов и минералов ногти с ломкими перхотными волосами, обгрызть внешнюю, влажною звонкостию шлёпающуюся во бредах оваленных сухостию отрупевших, одно должных во продолжаниях оподобленным шевелениям овившейся явленностию ненарочитоего, овершающегося удобственностию жертвы о единооспособности отдать вожде апломбически дурнотно отребовать осложнения структуры воспалений привений часть её для более удобного и простого представления пищей муравьям: они обратятся в меня, моё тёплое, даже избыточно жаркое несдерживаемою ониксовою, преподавшеюся ко сшевелениям мидиевопалестиновых звенений изнация рождения во роготных роспалениях преходящегося тяжёлыми глухими, оглашающими воложения смерти ото витальностей блесков тела неколеблемоего раздрационного свождения во приставлении

ко решившемуся оглашениями едко остукивающей непрочности мест махировых-де
оскоплений тишины явлению ударами чувства горячностью тело станет убежищем для
будущего внешнего круга: мои сочные, налитые и плещущиеся вязкие, ясно пахучие и прочне
смердящие жидкости шафранового цвета облекут их сильные прекрасные тела в общенное
прилежное последовательное совершенное становление, тихо сверкающее во особенных
громогласных выверениях грома жаркого рождения ото постоянно включаемого и
выключаемого последней покорёженной, окровавленной обезображенностью случайно
свисающих уродственных вонючих маслянистых тканей рукой моей светильника со
сладковатыми, свистящими о тоих светах остаточностью оживлений человеческого-де во
отражённостях применённости мест брызгами лимфы, растекающейся оперво во правильной
формы узоры округлой формы: затем во непродолжительных, внови ударяющихся крикливых
импульсах сворачивающихся завейными вверениями истин во сложившихся тамошностью
станов бликах пространств, во каплеобразную полую сферу; ущемлённые, закалённые этим
муравьи покинут свою округлую вытянутую тюрьму и снова империалистическою
отстранённостью человека во том станут сходить ко неправде своих светов: обломанные,
пребывающиеся лоснениями вношних охудившихся бежеватых, облитых крапинами еле
вчерневшего, уже почти совершенно стёртого песка поверхностей плитусы, сильно заметные
неровные сбивчивые сколы во местах обухшем чуть восстающими обелевшими пузырями
ламинате и прочие укрытия незначительного размера будут служить временными
убежищами, за которыми будет, по всей видимости, следовать захват всего дома, всего валуна,
спокойною горделивостью бдящего за некоторым решающим моментом, определяющим
ходоположенные восставания то ли конечной формы дефенократии, то ли чего-то, с этим
очень тесно связанного, однако отходившееся болезненностью моей человечности
размышление, моделирование хотне нонешней ситуаций и попытки предсказать развитие
овиталевшихся третьтерноными озрениями стрешившихся городосарумоевых Свифта
джалдастароевых вестрений свесившейся во неоследовательных растущих мутационных
шевенениях слипающихся вожднеместностью своих сверений во уголы остывшей овисаниями
тоих свелений ото следования безмолвно овтаряющейся жевениями ребёнка тишине комнаты
связок падучести попаданий элементов даются изрядно уставшему уму моему со грандиозно
неоправданными осложнениями, подталкивающими рассматривать ложные домыслы, в чём я
искренне и надеюсь. Будет самым наглядным примерном заумственной неправды желание
доказать даже самому себе нынешнюю заинтересованность в будущем формикария, ибо те
погрешности, означенные при самом начальном этапе появления мысли об очевидной,
отдельными местами очень даже смешной связи самостоятельно выдуманной, никем не
утверждённой неоднозначной, довольно дурачливой во нонешних моих оцениваниях

овершившегося и содеянного ото неместноложных востремлённостей дагаловых воцелений модели государства и естественной реакции муравьёв на предоставленные продовольственные средства, нельзя не рассматривать: они единственно и оставляют целостности представлений обо сходнем явлении: насекомые следуют инстинктам и даже с принятым мною, нарочито скажённым и внешностью облюдаемого мышлением понятием границы никто не обещает точного или хоть приблизительного оплощения подобной выдумки: подобное совпадение могло бы стать первой робкой тропинкой к настоящему открытию, когда дефенократия же была придумана на почти совершенной вере во совпадения и с учётом колоссальных, одно приложенных составленностию подгоняемых тоих соответствий потерь: её основания не могут быть осуществлены даже в ближайшие столетия на человеческом примере: противоречивые, едва ли воимеющие о себе отверждённые реальности условия слишком сложны и далеко не все озвучены даже и в моём нестабильном, едливо орушаемом болезнью и нерассудочностию уме; мнимая, полагающаяся одно на догадочности доверённых толков надежда на людскую предсказуемость свершает в том довольную значительность, и потому слепо опасаться следования такого любительского последования есть: то есть: если не помешательство, то высшая степень детской дурачливой, облачающейся воитоге во окровавленной, свеенной останываниями орезавшихся-де шершавостями сходящих подле твёрдости горячей мокрой ткани кровати кож моих деяний дрожи наивности, никак мне не противоречащей во конкретный момент образованию злополучного о сердцах моих, опасного одно во недеянных пугливых озрениях на тое во последственных ождениях любви ко человеку ото хождений успения во Иконию отодарственных потливых сшевелённых оставлений ожившегося деланности весных пачераговых приставляний ко дубящему светам падовенных о зеревных обедениях водевеющихся тяжестию светившегося во черевённости сходящихся теснотой ождённостных говений предаваемых-де приставлению ко тому невоконеченному сильному, нарочитно обеляющемуся непродолжательностию вложившихся простотою отребенения неизбыточного во недостатках и рассудка-де ото смиряний чувствоговенных, жестеющих дубеваниями спаряющихся ко сродствеющимся простенностию светениями однопопустимости озвончающихся ростенностию вношнеударственных неприглядных вокраснений уродств телесам слизей человеческих останий чувства сравнений зуду правд стен времени наличностей несвершений предмету чувства муравейника, до непоследовательного омгновенного появления которого с рассудком моим происходили столь ужасные вещи, что и необъяснимая мания создания муравьиного государства не казалась чем-то вычурным или непоследовательным даже в том бреде ненависти и страха к ним, каком ото сил osobственных формирует и имплицитные схожести овершающейся тогда непрочностию моих нервов и

способностей мании: сейчас же появляется неприглядное, за тем оказывающее мои нынешние рассудок и оследовательность ото постоянства работы со совершенно спасшими меня, оставляющими одно болезни отне самостоятельных, каже, помешательств моих визитницами осознание бредовостей былых поступков: расплывчатый концепт дефенократии я не нахожу более сколько-нибудь достойным внимания: усердный внимательный труд приводит меня в чувства; ещё очень многое нужно осмыслить и понять, однако сил на рассуждение уже нет: обычно плотно закрытый рот непроизвольно открывается, я чувствую стекающую по моей левой щеке тёплую, чуть вязкую во нежелании устремиться конизу во прочных остепенных овторяющихся остукиваниях сердца слюну, глаза мои перестают следовать решённой во опьяниях продолжающих говденностью сдающихся гулким тяжёлым скрежетом, оветшающимся во яввшихся действенности средотачиваемых-де во ощённых среениях варуховых оследований во Восточной Церкви и приспособленности знания ко эстетике оникшихся же православных основанностей во соборе Святой Софии влияний краснотах рокотов недействий означенности, тяжёлые, сдавающиеся о хладности огладившихся осмундоевою причнённостию зо оказаниях привелённых мельхиседекоевых, вограниченных ото упомянутостей продолжающих злочёные олучения восстававшего ото прерываний советских уродств сничтожения святостей тоих света единств снований соверений белков веки произвольно закрываются: щекочушее, остающееся во древённости облёкшихся ядовитою, стевенеющей ото сречённостей овлеенных намитечных, овнеследующихся во стремлённых положившихся жирнеющей, сбивающейся во дровенностях сшибающих плотности осдевающейся чорез привеляющиеся названностью остывшей жарами вчедрящихся причинноположенных ослоений сосиневающегося худотою вложившейся отданностью возревшейся стойностью овладетьствующегося во-дне истинностях приставления врага ко другу ото тех невмысленных граничений изолировавшей честностью впоминаний Кастора и Поллукса ото озвуков стихающегося отоналичностью Молитвы во человеке а признания воихше-де ознащений обравшихся одарённостей глухого, отходившегося ненавистию во стончаниях срывающих целостности личностарственных неоставлений избыточностей ошутимых поминаний роднезевенных дарений соизнученных же зленений восстававшей одлеизученностью самого жанра исследования во сряданиях вложившихся тимействующей во озросших убогостию стевенения произвольно гродившихся ото поднеумствующихся кирений допускающей окноврестения неутруженности же во восстановленностях означившихся бесчисленными, овечно сострёнными, сребряющимися во уставленности воослившихся осеточностью вожедевывавших продолжаний Послания Варвары во ознанности оставшегося нодействующейся гурбьяною учтимостью входящегося причинённостью ужаса во яркости свережевшихся овденностью единствоправданных, одно

сознающих истину во немотах уродившихся оспособленностью неучтения срезающихся довления оживлённостями содневощённой призорами опадающихся грохотом уверений Геральда легата ото восставлений срядившейся читаемостью вопамяти того правд стёкол скорости чисел описаний полей провождения человека столпов иглами дыр слабости влажностей попытки горах амбицией шорканий смерти слав восстания гогота жизни сна печати условности радения пухлости жирноты черноты орастаний величиною сдаваний означаний опадений желтизною опуханий тепло. Я вижу резкую, чуть сизоватую во очерченностях свесившихся ото куцупностей воздевания продолжающихся зелённостью оставленных во сворачивающихся прозрачности зобящих омысленностью вившегося ростенностью спаряющегося злостью оскорблённого удревостию овенающихся слазевениями полагающихся участностью еле осевевшихся вношнестию мглистого, лишившегося долений уверенности во лишённости воменяющихся оличностями возрёстых—де жавениями опившихся сребристостью положившегося заранишновыученною довленностью споминания сродившегося знаниями сердившейся отрадностью рыжевеющего опомнитостью сокислившегося теснотою положившегося продолжительностью описания деяний особственных ужаса обращения восстания непредставленности явления рельефа стен станостей омрака огноений чувства леденения совпадения сочевений жирах озлочений очтений положенностей вспышку; большая спина моя положится в неестественно, согнутом чуть вобок положении, расслабленные руки безответственной недеянностью расставлены во стороны, а оголённые, огрубевшие грязью внешности комнаты моей ноги согнуты и оставлены под прямым углом; контуженные сменившимся ононе во плотностях стевенеющихся отнепомнестию Сераии рябот сном глаза осушились особенно болезненною острою резью: я прикладываю дополнительные довольные усилия одно во цельности угла обзора, ныне слегка омыленного свесившим многожде пребившиеся прочностью средившейся каинитовою оследовательностью каменистых малоростных ванночеловечных охощенностей дубеющей звучностью свинившейся острашениями омалённых, слыбающихся привычностью неведённостных восстений щедрот улицы схрустов константы оцветия туманом, горло моё обезвожено шипящею отрезанностью безовласных, поожившихся ото изначнознаваемых содевений скороосвобождённых пыточных усердных рядений: мочевой пузырь мой почти надорван во истошности нужды: взаимоисключающие вещи разрешают ещё некоторое время находиться в обездвиженном, частично приятном даже положении, робкое медленное отклонение ото которого станет оследовательностью внутреннего и, судя по утренним изменениям в моём помещении, не одно того скажения во противностях наявления сходящих бредов воли: агрессоры, провокаторы будут требовать, они воспыют собственностью непризнанных, холодеющих в убогом страхе телес: я допустил непростительное, каже,

особливо ясное во деянии значения своего, да отоузревшееся теснотою довлеющих, прочнеющих зратственностью пространяющегося ко стремлесужденности смердящих, вожившихся сталевою доолевшихся необходимостью прочней прочности во несознаниях бед отовых омирщений годений ослога оминант упущение: олипшиися пылью и овязавшимися во одлежности ко осветившимся лучам привления вжившегося растленностью пестревших краснотою вырастающего исцелённостию Энея древа слабостей однятия власами ступни слегка дрожали ирадовою оследственностью, однако почти справлялись с задачей удержать на себе тело человека: единственным поводом предположить о применимости результатов исследования возможно определить странное предчувствие, схожее с тем, какое я испытывал при нападении на мою комнату муравьёв: изнутри меня занимала страшная навязчивая, имеющая непрочные, более полагающиеся во ошество ума моего собственного предметные основания, орывающая меня сызна и сызнутри идея, однако: я не знал и не знаю, справедливо ли номинировать то али осодержать числом стевений пребывающегося справедливостию узрёнистого, сломленного отточенностию язвившей уродственностью оказавшейся во человечности применённых тишине сродившихся неостанностию понимания ото врождённостей граничноввелёных, оставленных сухостию говенности вожившихся Енохом, Мафусаилом, Ламехом, Иавалом и Иувалом чернот безобидностей падений внешности боли рокота; взгляд свой я направил к формикарию: он прежнюю непрерывностию спадался в лёгкую спутанную сложную паутину голубоватого облика ото несробевшихся означившихся телес насекомых, образовавших теперь оцельную систему проходов и комната, меняя куда-то девающуюся, подкидываемую мною вместе с пищею рыхлую, продолжающую теряться в обведениях моих падных отвлечаний свесившихся рощениями свивающихся олившимися вовне связками тел зёрен землю собой; во болезненных умом и телом пытаниях найти хоть слабосильное намечивание уложившейся костениями неспособности явления довольностных реакционности сотвающегося отточениями орождающихся обманом и братоубийством слабостей рассудка моего угроз должноти: я стал осматривать углы своей комнаты, что было решением неоднозначным, поспешным и скорее случайно соспавшим со неудовольственностию моих прочних дел, однако принёсшим мне конкретный, редко предметный во бредах оселяемых мною во неточности и явления времени того пространств результат: на месте, где привычною трусостию моею было допущено положение валуна, теперь не было вовсе ничего: даже пятна или хоть едва заметных, часто остающихся подле хождений камня неровностей; это меня исключительною явностию озадачило, оставив в бесчувственном отупеваниями смол желез-де ступоре на расставленных шаткостию звучащийся памятностию влечаемых приченённости во озрениях ногах пару минут. Следующая антиномия: перво говорит о вероятности нахождения внетелесной, овечившейся

ото средносоветственных оторопью приходящихся дрожью своставляющихся пузырями остывших ядовитым, недостаточным оставлянию прочности влаг во тех предложениях авторитетов свечением кож искр волнений сущности в комнате, относительная очевённостью смещённых, возвышающихся дубениями непредвождившихся куржакоевых особленностей непропускания явности во продолжающемся свойственностью припадающих ко злочёным вириданам сходящихся ониксовых чернений спышенных гордостью неспособственности желтеющей испарины приставляющегося ко исследованиям тел премещённых вогорственных, дубящих рокотливою, оспокоенною шевелённостями припадных отнеотличившеюся, седеющей во древенениях составляющегося искростью срастающихся к отнебесностям продолжаемых поверённостью овлачившихся отнесною древостою олившегося, расходящихся ко тяжелобольным вильбиргиевым мещениям становившихся трусливых, зожеющихся краснотою водящихся ко светам смиряющей отвлечённостью оваленной виною достенных геральдиевых означений наличественных свидетельствованием о Свете предвижений серьёзности темноты ударений одраний тел видов предательства неуж влечён язв образа зазнобою взрослений тревожностью опарений гласа освойности гор узоров оставений образе останостей истина которого тоеозначенно раскрывается чорез прествившуюся одавлённостью свешившегося назначением ко бытию явлением отказывания ото номинации прождного востенностью становящегося мигрирующею ко вношности иохаведовых обращённостей друзей Иова упрочностью одвигания быяния субстанцию во функциональности непостоянной реакционности, того, что качественно превосходит во оставшемся лакановскостониевым срядом получения осодержанных неполных, одно окосвенно обращённых ко воследованию отратившихся опомненностью вrostившихся несвершённостию врешившегося определением соследовательности тоих ассирийских, оставшихся светлостью сменившегося плотностью озиционновых-де, сочтившихся отнесённостью опавших задачностью ознавшихся обязательною неотвлечённостью дебелого вожидания строгостей влас новин граничия обожеств оследований очувствования неузнаваний элементов определении телесного диалога и вивесективной сущности, оно следует и предзнаменует, оздавая самостью продолжаний особливых причнений отдельную станоость, вопреки природе субстанции и тоего одения, корроборационно и даже эмпирически никак не подтвержденную во явлении оставшихся-де жевений способностной номинации: паллиативом тоего есть принятие во материи оявленных вношних качеств, имеющих ряд возволяющих связочности сшевелившегося неприличностью пошлости огрубения пользуемых средств деяния выходов и входов со стороны взаимодействия со субъектным осязанием: суверенной и исключительно вопорственной во единственности несменений падений оставлений боле абстрактного ото разгульственных каледарностей, при

порядочноевой распылённости становящейся нередко вочинённостью осталения детерминированных моделей внутри определяемой среды чорез природу во значенности условных несвершённостей порядочности свершения или результатов болезненной действительности известных телес, вариант чего отталкивается во силу особенностей того же диалога, рационально-демонстрационного в своей последовательности, по крайней мере, в рамках имманентного осрежению сождённых окровною, отрывисторожденною во рокотах естеств натурального приставления окосестии звестностей нуждою привлечений, опосредованного восприятия, через бытие в самой стохастичной и множественной области, описываемой субъективными личностными касаниями, и одле мира во сфере ноне неизвестного: тоим обоснованием и есть желательный вывод ото остившейся приставлениями перво во дельты такой антиномии; второе ссылает на природный онтологический синтез отнеявленного понятия происходящего: в его раскрытии следует отвергнуть три прочних оветления во причинно-следственном обнаружении первого тезиса и принять отсутствие во действительности метафизической ценности, проблема чего и ставит во необходимые остепенностью уже того оявления во чувствах называния пределением еле съявившегося нарочитостью светенностного отточенностью содревлённой причинностью оставления ко эпистемологически неозначенным пестротою навения отнежевеющей избыточностью проовленных омоченностью здевшихся невосставлениями южеющихся прогоневости гирсамого Эдема во возвращениях очаний оков способности явлениям рабственности содержания граничии оцентрившийся остию дубений оличившегося звучности грохота труппа субъект, вочувственнно ожелающий, определённый некоторым рассудочным богатством, выраженным во такой устойчивости, что и оследует восставлению природной, оставшейся плотностью остённостноевых, желеющихся вчинённостью одного ко оближенному ставностью оваленных ростенностью вожившихся плотностью мирения въявившихся очившеюся ото рахилиевых рожений устремлённостей единства Восточной Церкви ко-жде наррацией обухших твёрдостью сдевившихся ооставленностью неисследования во единичности рождений ото некогда озбудившегося единства чувств сознания-субъекта недолжные, определяющие назначенности доказательства обходимостию смеха огаженных апломбическою допущенностью сождившихся опространённостью белений оряд радужностью опрестывшего полнению ростенных роговений одышавшихся способностью неослежения во илиевых Илиях исаиевых итамаровых продолжаний остуженных плотностей огерметизирующихся, вхудившихся однозначенностью кродившегося нефритовою шартрезовостию свестеющей облачившимися оплуниевыми наращениями оставшейся неграницностью решившихся Эвракилоном окритовского обережья оспалений вивесекции светами известности рубца рябот рёбер цвета гласов звучаний учёных грязи противного

корост продолжений резкостью краснот веденений назначений гамов среды на один уровень с необоснованностью существа значения общестии Мира, оздающего всобственностию жара явления отрицательный апофансис как первого, так и второго модуса развития. Задачей антиномии становится описание точки соприкосновения обоих тезисов, заранее отвергнутых и не нуждающихся в доказательстве во структурном, влившемся платностью ожаний восставшего тела примечании и пояснение материального представления происходящего: объединение тезисов можно совершить ото абсолютно видимое следствие, последовательности ответвлений во которого озволено обнаружить в телесном диалоге, знание связи с которым пояснит и материальное представление: именно валуну и возможно приписывание центрального знака, озвучивание коего не есть-де: одних лишь связей хватит для явления, назначения и оправдания логических требований и критериев к сознанию бытия, облюдаемого ставшейся гожделённостью Света во человеке ото средственностей оставшихся неспособностью возредить прочности обходимостной-де во острове Эрки ото-де аргументации номинаций очностию, являющегося настоящим материальным действием: то невозможно наблюдать, однако именно оно оделяет подобности среды хоть сколько-нибудь связанным со вприродным вочностию знакоствления положившегося же существом, рассудком тела субъекта: исчезновение камня может стать событием, избавившим меня от конечной неопределённости в такой среде: среде, никак, в таком случае, не связанной с формикарием и его преобразованием: валун аккумулировал мои страдания и болезнь и преобразовался, однако его вывод во системной означенности обязательства связности субъекта со объектам и одле причинности присутствия прочного, самооволенно преследующего искупительного посредника остаётся загадкой: он может стать в месте нового образования среды, что, вероятнее всего, и произойдёт; может он также окончательно опасть, надежда на что у меня уже исчезла: оставалось одно ждать мучительного мне пришествия его. Именно степень чувственной потери индивида определит предпочтение к тезису, она передвигает ракурс и направляет к более точной и менее обобщенной, лишённой генерализации очившегося знаковостию необходимостей следований во скоре человеческослабостном осмелении принятия теоретизма среде, создающей доступности распространения мысли или, если угодно, валуна, сказившегося и неделимого во обоих представлениях; материальная оболочка помогает структурировать онтологические связи, не расширенные более самого простого становления пропажи: антиномии справедливо превратиться в одиночную фазу: при сходных условиях понятия даже не могут рассматриваться отдельно: ознавшийся ото вношественности спространений случившегося оде пасхальноужинных вгояний прихваченной загорячившимися, осмелевшими во рокотах освежёванного облившимися-де во остенных, сдрагающихся обречённостью влечений

водевания оставленной ото канифасных, отеревающих витальнозначностью ошевеливающих неслышных шипящих ошагиваний преследований прочности леденениях телесами холода толками теплоты явления модус оплощения мысли тоей связан как с телесным частным внутренним восприятием, так и с окружающей событийностью, представляя определённые, пока едва омеченные следственностью стеревающегося годениями святоколумбевых, жеведеющихся отношённостию ко единому вознаку ото сошевеливания раздающейся во шуме тяжеловесною отданностью гостещихся четверовластных привеляний тишины старений деяния связни некой сущности со ядовито осмевающейся тонким высоким гласом свободы отвлечённостью на второй порядок пока неизвестного-де, во котором, суждая же по исключительному влиянию на второй тезис, окоится метод или средство свежевания нежелательных вмешательствующихся процессов, происходящих единовременно и в телесах: и в сущности. С прочним неосязаемым, носящим природности стихийных отсвершенствующихся свойств действием можно связать ключевые веления диалога очастности, могущие быть и логически нарочито неверными, и этически противоречивыми, однако способность тоего-де духовного оплощения: то: вполне ясный созидательнообразующий образ со условно высокой эффективностью, рассмотрение овевшейся востремлённостью ко сбразившейся о звёздоопаданиях неуспеваниями державецных воскорений незвершённости одившихся жаркими холодами пота карлоуовых графств ото зобиящихся краснотою дубеющего белеватого звучания ударений тел инерции природы которого не становится прочним, остывшимся во стельности сыскания уродств вчеловечившихся остываний бердеющего оспалённостью еле прешевеливающегося во моих горячих болезнях воздуха звука конечием, лишь самым временным и неоднозначным решением, не предлагающим, в отличие от первого, каких-либо видимых результатов: одно систематизация знаний и опыта принесут значительную пользу, а во остачности, прошедшей чорез схожие антиномические сравнение и связку, предполагается особенное развитие: стоит учитывать, что вектор должен определяться лишь субъектам завершённого хотя бы частичною оболочностью суждения: во противлении тому приёмы оные могут стать причиной явления и ворастания нарушителей: их изоляция в крайних случаях является единственным методом борьбы с крупными потерями толков вождеоввалившихся-де средений: изоляция ни в коем случае не должна походить на современную тюрьму; благая изоляция со оставшимися социальными лифтами озволяет существовать некоторой потенции раскрыться личности нарушителя во сперившихся иначноосмелёнными неотношениям ко нравственности али во аспекте единства изученности положившегося во основания условленного тамошневидною означенности ирайрдоевых денносмертных, оплевающих ото гордящихся чернот окрывших человека ото мгистых чернений неведённых, овившихся газырными вожелениями

восставлений омраков веляний наказания средах и заниматься окрывшейся, допускающей причастности некогда осуждённого деятельностью, тогда как заточение и сознательное преломление во грубостях жестоких удовольствий надзирателя и ввочившегося от того сряжающейся остротностию несправедливостей скипающего ото смердящих окоченений вкрывающихся чернотою необиваемой тяжёлой корки тел применения властью естественных прав окончательно окажут веления индивидом традиций ото окаивающего особленности отношения ко значению и явления вождеевых мерариевых человекодарённых положенностей гнева, включающих во себя большинство правовых норм и судебных оставлений прецедента.

Пароксизмальные беспокойственные боли оставшегося, несмотря на собственные дидактические, совершенно дурные, глупые и гадкие, одно пытающиеся продолжительностию шума мысли отлепить ото себя болезненности страхов устремления, ясными ужасом и остонами неожиданно опиявшего подобностию впалившихся единственностию неотвлечённых нахориевых созучённостей, тесно соседствующих со гладкою лёгкостию тесноты беззаботных человечностей моих о невращённости ко прождне сауловым осапываниям ожёгшегося ко вонючей мокрости внови и внови тяжелеющей трупениями моих гридеперлеватых очёрненностей озродившегося сдержанностию должającego ласкательными обманами валуна: валуна, такого ужасного... такого неприятного, гадкого: он... он же, я ведь знал, что он есть: я же, можно так даже сказать: я же сам дал ему дом: я его приютил: я его... а он... я ведь, я ведь пока жде не знаю, ото чего он всё то, к чему он всё то сделал: валун этот: камень этот: большой камень: такой уж большой, такой уж быстрый, что никак я его притащить сюда не мог: не могли в пакете положить такие гигантизмы, такие... подобные величины невозможные: сожрал он: решил я, что сожрал мол он, но я ведь: я ведь больной: я, конечно... каже... каже, я всё содеяю, всё тружусь я: стараюсь, я продолжаю: и продолжаюсь я, а... а то... а этот... тот, кому позволил я, кому дал всё: вот он и то... вот он и жрёт всё: страдания, боли жрёт, да ведь: да ведь отчего именно камень этот? отчего именно он меня... отчего именно он меня так сокрушил? сильно, очень сильно сокрушил: уничтожил почти: изрыл последние существа мои, хотя то... то не последние были: тогда трудился я, да... да трудился я ведь всегда под патронажем его будто: следил он, смотрел он, камень этот: нет: я точно знаю: мне решительно ясно: ничто иное не могло произойти: совершенно точно: совершенно ясно мне, что это всё... что... камень этот, ведь он как бы и не живой: как бы он... как бы камень просто: ну, каже, лежит: лежит, стонет, хотя... хотя нет: как же он может стонать? стонать я могу: точнее, я-то стонать не могу: давно уже не могу: могу только лежать, могу только побиенным быть, а камень этот: ведь камень этот гордец: ужасный он, гадкий совершенно: он решил остаться в доме моём: решил уничтожить меня совершенно и даже уйти со славою: будто, каже, он что-то сделал, будто он меня победил... я... я давно

уже не претендую: никакая победа не владеет интересом моим, и то не от чистоты духа: нет: не от ясности Духа во душе моей: нет: то... да ведь как подобный мне может что-то иметь? как подобный мне может не работать, а зарабатывать: ведь так, каже, многие живут: почти все живут: никто почти не работает по совести: никто почти не трудится... мне же... мне же труд хотя бы... хоть занятие какое... хоть то, чем я занять могу себя: где полезным стать могу... ведь... ведь я уродливый: тупой я: некрасивый даже: уродливый совсем, хотя и серёжки... серёжки красивые, да то ведь: да то ведь я не ко тому: потею я сильно: сильно я потею: от меня вонь всегда стоит, а я же: я же и салом кожным, и некожным, и: и всё во мне отвратительно, всё во мне не имеет складности, когда же камень этот: ведь отчего камень? ведь отчего, например, не карлик тот: ведь карлик пропадает: тоже, общем, почти премещается, а я... я... например, когда я ищу его: ну, оглядываюсь под ванну, я же... я страха совсем не испытываю: я как будто, каже, и совсем в него не верю: мол, карлик этот только вот... ну, галлюцинация: следствие болезни моей: и вид его: вид такой, ну, интересный... интересный, что ли: совсем не то же, что жизнь: совсем ничего с жизнью общего: может, мне бы и приятно было бы представить, будто я не живу: будто я, ну, там... будто я не человек: будто со мной ничего этого и не происходило... и бывает даже... бывает даже, когда я забываю всё: так больно всё было: так, каже, уродливо, гадко... страшно... страшно всё было... а я... я и забываю всё оттого: забываю, бывает, а потом... потом как ударит: потом рассечёт меня совершенно воспоминание, и бьюсь я: бьюсь я в пене... не всегда я бился: редко бился: совсем нечасто... но бился... и камень этот: ведь какой он натуральный: большой, разумеется: сильный: мощный камень... такой он... такой он правильный, натуральный, и совсем, каже, ничего плохого не сделал, а я: а мне страшно... я встаю... больно мне, но встаю: встаю, лежу там... скручиваюсь в боли по просыпанию бывает: скручиваюсь, а сам не знаю... почему: скручиваюсь, и страшно всё так: и ужасно всё так: запах, каже, домашний: домашний, почти мой: хотя: хотя моего давно нет, есть только случайная эмоция, случайное движение ума, когда... когда, например, там... когда муравьи забрали у меня стены: плитуса: забрали потолки когда муравьи: тогда... тогда я, конечно, возмутился: тогда неприятно мне было, да... да ничего моего нет: давно уже: давно уже у меня ничего и не может быть... я хожу: весь день я хожу по комнате: иногда в туалет я хожу: иногда лежу на полу, нюхая предметы: иногда слушаю вплотную: ощупываю всё, трогаю всё: и всё такое натуральное, да... да только камень меня так ужаснул, и отчего я только помыслил, будто он мне вымолил что-то? будто он мне хорошее может сделать? ведь он... увидит его человек, и признает: признает он его, а меня не признает... разве такое может быть хорошим? ведь страшно оно... ведь съедает меня: вспомню о нём, и злость во мне воспаляется: и бить я его хочу, и представляю я, как бью его, как противлюсь воле его... думаю об этом: думаю, а потом... а потом опять вижу его: дрожать начинаю: челюсть дрожит, а я её

держу зубами: так держу: сильно очень: кажется даже, что расколются мои кариозные зубы сейчас: вот смотрю я на него, а потом плачу: сдаюсь я... проигрываю, и... и опять на светильник смотрю: и щёлкает он, и щёлкает... и так у меня: и так я месяцами... ремесла света кровати лица моего резкостей страдания духа после пропажи валуна неожиданно для меня кончились и пристали овершённым ото деянности срозоевшего ставленностью оявшихся дублёрностью коричневатых бежевых, куреющихся ото непопривычностей опрозрачившихся омысленностью спалённого соднеоволенностью очнесменяющихся бирюзоватых, еле утерывших блеск озрывшегося ото неизменности доложившегося тоевостию несмеянствующихся сменяний отравившихся старостою вверений оревшихся прибытий ПUTEОЛЫ во мелхолиевых совланиях опростреющихся колетными содеревиями наконецтошних, прокаляющихся ото стеснённости обрежевшихся самоотданностью вожившихся окреплённостью оцепляющихся озорами скрасневших, чуть пробивающихся одле сведневшихся мариамостью вочнечтённостных, отвердевшихся зобами неприявленных, сокревшихся неозначенностью прежившейся смелостью жестеющихся-де остажений давидоевых возрастов ото представленностей ко искуплённости дреющей гурдьями сверзающихся неоплотностью худящихся ростениями средноискупленных, стевящихся плотностью впадшихся неодъёмностью возданий оточтенствующихся овердлевостей опиянных, совершенно монструозных ото обращённости ко водержанным, оставшимся ряботною вродящихся ко чтениям отсевшего доброхвальственностью применения онного ко оному ото крепления слотившего единство остаённого худотами тоих же несвершённостей съярившегося ото неуместности восставшихся излишностью пордевшей причинённостию к конкретике остучившейся млеками оставшегося скорее одно Финниановым-де освящением озлившихся плотностью обретших оценивание одно во целованиях неспособностей влеющей нервическоблезненной следственностью прикаяний витальностью отрупевших, прокажённых могильною несодержательностью, ясно белых, измытых излишностью мимики, полно очерневшихся дырами рта и глаз лиц жизни реакции силений пространств молчания материи плотности оживлений обращения предмета чувства зрения шлейфов влагам восстаний трудов оземлений ран боли оконечности огрений зучений густот пестрот передвижений несвершений передвижений оставленностей сухостей оличений чтений быта цвета оглядываний дела следований стен свершения спокойствием: ум мой удивительною неожиданностью остыл ото бывших, влившихся, впрочем, сходною срочностью скорее одевевшегося белёсностью оношнявленного, оголившегося ото сожранных оставленностей заделавшегося одневожданным положенностью собственных, слышных стройностью следования одлеадресатных вошеденствующихся аттенциевых огласов озривших соствешихся обращениями оголившихся облачившеюся во неровности созвевшихся очедностью горячего,

самоовлающегося водестанностью восставшего неспособственной оредуцированных казившихся опылений аффлектирующего отрядностью гожеющегося неприенностями ко сведениям неединства негласностей допустившихся продолженностью деяния во неприглядном, слышающим способности вписать сродственное оярченности создавшегося опланённости жестящихся дебеловых юдифьевых, одневшихся самозначенностью обращения ко относящемуся одно отдалённостью неставаний возмествившихся удачностью сложившегося ко облачённым зеленоватой, оживляющейся ко обуханиям единственно оспособной возродиться преемственностью остывшейся гурбностью ходнеющихся златоватостью сряжённого отвлечённостью оберегающихся гамом околачивающихся прозрачностью водумственных провлённостей отравившего субъектностью хождёющихся обрастаниями положившегося остимостью самошипящейся, гнилеобнюханной решённостью наконецтошного долениями фригиевых, зорённостных единонаверённую равносоставленных, охмеляющихся сладковатой невыносимостью входящегося сумчатостью ужасов прождних праха трупиков одомашненностей назначения нужды оместа дебевений вомиления костей стен окончания называний множественности болезни серой туманам света проб охвалений чтения быте сшевелений кельтранным влияния запаха причинения шва скажений наигранностью влечений явления ото единства-де манифестаций ставаний рокотами обеждения стремления исполнения переживаний, рассудок мой постепенно атрофирует довольно весомые содержанности знаний, теперь просто не находящих себе применения и ото самых редких, необходимых даже во исследованиях частной конкретики оточнений, хотя тое и не есть обзываемая сродне отоовленностей пристаяния ко велениям олений фактообразующих, жиряющих донележностью случившихся редкостью невызъявленных, стишённых единственностью спесившихся рокотливостью тезисноначальных же, волочившихся недостаточности следования зверений шумов времён глубин рецессия: особые способности и скорость умственных процессов никак не изменились: непоследовательно и преждем непродуктивно во крайней же вредности начальных же ставаний мыслить я стал не меньше: со временем всё сильнее и сильнее была заметна незавершённость композиции, представляющей сейчас три прокола на обеих мочках и два хеликса на левом ухе; мною уже достаточное время назад было принято решение окалывать себя одно в ванной комнате, где я сейчас и нахожусь со запечатанными иглами и титановыми лабретами без резьбы: во нонешний план мой входят образование и приставление симметричных левому уху проколов на правом: для того я размечаю уже новым, специальным медицинским маркером во окрестиях неомещающихся точений точки, множество раз после во довольно неволнительных техничных решениях случившегося немраковостью всё же продолжающих сходить озвёздностью оказанностей ото единства-де упираний во тоих-де

хладов деяния сдвинутые на непрочную пару миллиметров или обозначенные вообще заново, после чего одно удалось оздать сходную во оплощённостях широт лезвиевых отупевших некусаний украшения с расположенностью других украшений разметку: нездоровая, оставляющая скорее душевный урон во продолжительных неовыходных обдумываниях осчёт решившейся грязности несвешений вестовщицных восмелений сепфоровых познаний тоим тоей ото леденений непрощающего, озволяющего сальфериновые облачности сделившихся достенностью вычурности сращений ко-жде опавшему шириною оединившихся пузатостью смеченных, звяющихся сточностью наследованных подле белёсых начал во оращениях сложившихся описанноевостью облачения хоздивившихся потенциевою правотою следования ритуала ото следования роговений ото следований бед моих, ото следований темноты, ото следования мрака, во котором я пишу это, притч бед стревенений лиц паров слуги положенности боль прошла, никаких отклонений ото нормального, даже излишно ласкового заживления прокола не наблюдается, однако прогнозируемо неприятные ясностью становящихся мучительных, проходящих по нервам толстою встрившеюся иглою хладных опусканий ко-де уколов чувства при касании или непроизвольном ощупывании чуть обившихся ещё доволенностью справедливости средившихся долгою непричнённостью ко реальности отчения рекомендаций опуханий и прокручивании тоим же образом редко напоминают о себе, в чём совершенно нет ничего необычного или страшного: канал, вероятнее всего, не собразовался значностью желательностей ткани и на одну треть; действуя по привычному алгоритму, я готовлю ухо к уже завершающему действию: с определённым, неизвестно откуда взявшимся во повторённостях девеющихся редковосоставленностью грядяных вспособственностей ребячливой неоготовности свершений волнением неспешно беру холодную то ли ото моей вспотевшей, лоснящейся спаливающимся самою крайною освещённостью желтоватых искристых обелений блеском руки, то ли ото изменений во климате моей ванной полуую, заранее распечатанную, неизменно лёгкую своею тяжеловесною видимостью иглу, приближаю к разметке острый, пока одно легко вдавливающий ещё безмолвно натягивающуюся поделённостью салманассаровых, сшевелиющихся лабиринтами обивающихся дублений сорившихся остяжностью опложившихся нешумностью падающих, оревающих громовитостью стевенеющего означностью непривлечения во овлённостях постезённостей тоих-де возверённых шиплений единствопримённости остевереющих, жирнеющих одненазначенности вложившегося ко недлённым постечениям оставшегося звоннами филистимляноевых оменностей окрывшихся отнегласным свечением облёскивающих ядовитыми, излишно оцветными тяжёлыми блесками во неправильности тех свечений цветов сдревившихся чернотою сходящихся применённостью наверённых зодениями нарочитости красневающего, выполненного коряховыми вожедёнными

свершениями положившихся брэнностью лавроносецеевых неопакнностью овлевшихся гурбьянностью галиотис-бургунди-болотного сместённостями довольственных неявиениями омерившегося глаткостью спучившихся непостоянством ознаменовавшегося прочностью овревшейся свестившимися тальниковыми, наросшими травянистыми-де срастаниями вовы ото менившихся игольчатыми крючковатыми, постеченными долготами определений оставшегося осмотренностью одолений иродиадоевых же применённостей ко зубьями высот положенностями традиции вотворения преливаний сна оспалений оттенка приченений пространств дел ожидания ослабений зеркал отёков глав свершений мгновения времени белокамней звука капель вестений плотий тоих вчений кожу конец её и продвигаю дальше ото режущих, тяжело полагающихся тупостью боли словно всё далее, шире и глубже касаний, пытаюсь резко протолкнуть, однако в руках моих сил недостаточно, а ум продолжает оправдываться непрочностями излишности непестротного нелепого выдумывания осчёт неверного угла прокола, основания сосуда или пользы нонешнего подхода во оболениях совершенного профессионализма, дыхание моё овивается теперь прерывистыми, остевающимися ко продолжениям таксатороевых браков о вожающихся вонючих кровавых соростов вчившихся рубящею, явившеюся неготовностью ото простоты отношения нонешнего ко свершаемому ото предположения знания особственного слабостного сверения болью стевенений болями: на зеркале же, прежнюю стойкостью поожившемся предо мной, всё обухает небольшой мутноватый пузырь конденсата: я забыл поставить второе круглое настольное зеркало, использованное мною при всех иных проколах; кончик остроенной неуверенностью положения собственного иглы был во только слегка ожащем оточенный угол сребристой, кажущейся теперь неуподобно толстой, даже жирной во своих монструозных озбуханиях будущих болей трубки ухе моём и напоминал топерь острой, почти вдаряющей во полы мои ото глав болью: ухо моё сильно покраснело и чуть набухло, и только еле обыкновенно видная, приходящаяся сверху гладкой правильностью непрямой линии вена сейчас вырывалась за тонкие слабосильные граничения счерневших страданием кож: сжав веки, я ядовитою кратностью о и зубов протиснул инструмент довольно простым, даже блеснувшим лёгкостью удобств ото вношних состанывающихся оскрыстий чувств движением и оставил его в ухе: вся раковина была залита алой, немного оранжевой ото прелива со светлым покрытием раковины и случайно оставшихся там врозраченную сверившегося овидом вомедённостных осевений дела капель воды густой кровью. В глазах потемнело резковатыми, спадающимися вечносменною несточностью отоприменения вождеонного ко солдаты решили убить всех заключённых, чтобы никто из них, выплыв, не убежал, тёмными, иногда пестреющими опростаняющимися ко бежеватым телесным воздеванностям остывшейся неощущённостью пятиностною овестною прожнести светлотами узорами, и по

ещё дрожащему случайною нерадённостью остановить то телу моему волилась волна напоминающей первые проколы теплоты, самую малость успокаивающей скорее своей привычностью, оложенностью ко сродившему некогда ознавшееся приятным; пора просовывать в хрящ вторую иглу, однако не одно мои конечности не слушали рекомендательности нервной системы: сам головной центр стал некоторым образом шокирован до удивительной неуникальностью моего нонешнего положения предельности и сейчас ести в состоянии, активностью своей напоминающем вегетативное: кровеносные сосуды внутри глаз словно могли быть прощупаны руками со вношности белков, импульсы о которых переходили в одубевшие неопомненностью боли виски, здающие теперь оглушающие любую справедливую, хоть чуть становящуюся рассудочностью впоминаний мысль удары ото совсем кратких, случайно сполняющихся свершенностью употреблённой ко остановлению пустоты прерываний, на их протяжении я позволял себе жадно очерпывать тяжёлый ото выдыхаемого мною в довольно изрядных количествах углекислого газа воздух, смешанный отhone с резкими, остающимися крошкой вложившихся-де чернот испарениями растекающейся уже по полу, теперь обретшей ониксоватые произвольные свечения во оказившихся ото меня тенях руды: ухо я словно и не чувствую, и оттого было бы мне даже удобно: просто, да... да вивесективная... да: и: и всё пусто во мне: нет во мне никакого постоянства: был бы я рад, раз вдруг одно печаль стану испытывать, да я ведь: да я обманываюсь этими гадкими, этими вредными энтузиазмами, когда гораздо лучше: гораздо легче было бы окончательно что-либо решить, да смелостью: ни смелостью, ни постоянствами, ни прочими уврениями сил своих я не владею: я впадаю в совершенное акедией той уныние, не испытываю после вовсе ничего, окромя болезненного бреда, и после случается нечто: словно хорошее, словно ценное: словно должное случиться, и после: и после как обухом: бьёт по мне: стучает по мне расколом, и снова: и снова уныние, и снова пустота, и то цикл... я ведь человек глупый, тупой ум у меня... тупой у меня ум, но могу я сказать, что повторяемость эта повторима... то есть... во всём то: везде я пытаюсь хоть нечто, а нечто это и не выходит, и... и гораздо лучше было бы, если б я окончательно отрупел: чтобы пустота во мне была: такая же пустота, как и внешне всегда ото меня исходит, да: чтобы изнутри было, чтобы именно внутри я ничего не чувствовал... было бы так... было бы спокойно... тогда: тогда было бы славно: тогда бы не пришлось мне обманываться: тогда бы не врал я себе: ведь это страшнее: страшно, когда ты сам веришь: в опийственное будущим ужасом оправдание, в занятие новое и утверждение: когда не мыслится, будто то ерунда и неправда: когда... когда забываешь будто, что всё то повторялось, что всё то уже страшное множество раз было, что... что всегда я становился во прочнем утверждении, и всегда то разрушалось: думал я, будто нервно мне, и вдруг становилось спокойственно: думал я, будто хорошо мне, будто труд

упростил всё: низвёл до правды: урезал все излишние прочности: сничтожит те дурости, а-
жде: а потом оказывается, словно и не было трудов: словно никогда я особо и не испытывал
спокойствия: бывает, в один даже день мне страшно: знобит ото тревоги, ото душности страха,
а в следующий день мне радостно: радостно, а лучше бы: лучше бы всё пусто было: лучше бы
стало, если бы меня вовсе не существовало: во несправедливостях незнаний пространств
понимая, что едения корневых станостей и спределившихся одностию применения
собственности привычия соревеющих одлённостию олучивших марфоевою стаётностию
остившихся продолжательствоумствованием горившихся динариевостию образа меденений
сердец ведений тяжестий воложенностей тела, ум полагает теперь относительно суверенное
сознание снова и снова до тех пор, пока справедливости сил не окончатся совсем, пока
неудобство от бессилия не встанет на ступень выше неудобства ото эмпирической прострации;
в крайнем неудобстве человека посещает влечение ко излишней драматизации, обращая гулко
орасширенными, свестившимися игольчатостию слочившихся остённостию вождившихся
ожиданностию старноватых кресел оложенностей воздившихся глубиностями овивающихся
брестиями галлюцинаций потолков пространств применений сведений округлыми орывами
кож всеми внимание на особственное чувство, которое, безусловно, необходимо уважать и
рассматривать во витальности живой эмоции, позволяющей судить о трезвости
современников и их способности сопереживать и помогать, не преходя при этом
несправедливостию при этом и не обывая о необходимости лишений, способной утратить
убедительность при обращении ко неспособности ко определяющемуся несменностию
постевшихся жаром живота во жизни тоих назначенностей озвучаний труду со прочными
благоприятствами и ознанием Сущего оногo; и ото вожденности остающего огрядностию
отровивающихся, стенающихся ото самостей возмелений отличившегося маскарадностию
дубевшей смелостными смирениями взложившейся-де главобольною преизбыточностию
соразвившегося остаточностями обухших, охлопывающих резкими, рокочущими свестами
освезившейся честностию вревевшегося отнеостными же ссинениями положившихся
тишиною отравляющихся актёрствованиями озверевших белоосложенностию восставшей
дерзновенностию ото глуподурственных, сложенных оправшимся ото мгистых совений
возразившегося шатрами Кидарскими непоследования глазом чернений честности неправд
надрывов немот гласа плены останываниями вен усилия воли честности ворока стен омысла:
я остою пред зеркалом: я полагаюсь в относительной сознательности, хотя пульсирующая,
остевевающая остадения слачившихся малостию вожившегося древяностию
опадёнывающих книгопродавцевых мефистофелевских неизвестностей стожившихся
общеупомянutosтью окладенных, звучащих оставленностию воспособственных, одно
смердящих дурностию неотозкстенсиевых положенностей восславленной любовью

бытонаречённых, оговевшихся конечностью оскабленного нещедротами невношней означенности сложившейся крайнею степенью смысла во введенностных одожениях состывшихся оразившимися, смечившимися ото значения прежних, олобызающихся вожнерассказанностью свершания стревшихся очтанностью влияния постлавшейся номинацією Всего-де ото применения ко тоему ото во ко роговениях растеющегося рогом ото рогом во ростях восставших одле землистя воплотившихся означенностью оваленной единственностью отоутомлённого-де гула пестреющих смечаниями опесочившейся очинистыми говорениями способностей являющегося молниевостию неокончания знаний незвершений повоожившегося граничностью овелённого томливостию определённого оперво неприглядностью необработанных, ставшихся повестностью нескорочтенных, онуждающих субъект явиться во исследовании преваливающихся озубиями вопоминаний сведующихся енгедских же вопалённостей возлагающихся же необязательностью опамятости содержанностных же зовенствий пригностовенных первогечением особления вида Православия же ото огрубевших, оявившихся гадостию невоздения ото искр честности воявляющегося чернотою прокажённого вообращённостью свесившихся дурнотами вопоминаний чуждных же, пресящих оностию во одр Соломона названий тел забвения света непостоянств конечий остановлений существ говений вниманий эмпирик знака предела представления канонизаций памяти властей розг рокота формы охранений истин пятами органов эстетики проведения сердец концентрации продукций ониксов учестей очтения искр боль в ухе со наполовину введённой, еле пульсирующей непрекращающимися остукиваниями частого, совсем реденького импульса особственного иглой всё еще тревожила периодическими, вооранжевевшими щёки мои и шеи во ониксоватой яркости алых, одающих зубестностью опамятности тоего-де розовин кровоизлияниями, непышные, уже привычно означающиеся собственностью моих готовностей ко тоему оследствия которых я добросовестною неследственной скоростью удалял с помощью мягкой, часто прилипающей к коже тонкими, почти прозрачными, отходящими одно со принадлежностью усилий дерущего тогда основанности одно вовершающих, озволяющих тои ождения истанываниями принадлежности вчившегося неухождённостию оплочившегося прочностью возревшегося пятнистостью тихою непривлекаемостью осапывающих беловатые сальфериновые оставения осевившихся побочноделённостью стремящихся ко бледнеющему самодурственностью паляющего прочностии восставленной честностью озникшейся пятнистостью ожиревшего жарами свежившихся открытостных, сочерневшихся очностию применившихся случайнодарственной произвольностью упрочнений оложившихся громкостью собережившихся последовательностью унынного, стремящегося ко тоим же праздностным назначениям оперившихся сребристостью стен стенки стены стенания стона страдания же

моего во моём страдании краснот неустания нажатий влияний темнот упомянутостей знака чистоты энтузии присутствия слову озвучаний рекомендаций столов охода приминения зла потенций ногтя плёнками туалетной бумаги или обычной тёплой проточной, обравшейся здесь со приличествованиями положенностей ко обрежевшим возренностью Ливанских дерев ладоням моим воды; правая рука почти бессознательною решимостью ото бледности чувства потянулась распаковывать оперво часто бьющуюся неспособностью овремя и довольною ловкостью охватить тое иглу, направив её после чётким должным движением к точке, омеченной и спложенной рядом с другим, находящимся во действительностях профессионализма особственного инструментом: лёгким, едва одуманным движением указательного, чуть впившего углублины ото плотности сребристых возложений неуправных, мафусаиловых стоновостию отличного памятностию продолжающегося тиннитусоевыми, режущими горячью оположенных ставений честности чловеческой ото узрения одерзившейся неэмоциональностью втухшихся неприставленностью бликоевых постевесений изрядного, оставляющего у адресата взора моего сомнения во принадлежностях меня ко тому-де виду во тишине удивительною ясностью сбивающих граничия умов собственных телом собственного ото добровольностей оследовавшего подле видов гадости Внука своего заключения непродуктивностей уродства моего глаз немощи собственной зудами узрений плана орядений пальца игла вошла во крякнувший ядовитостию всё продолжающегося, будто счиняющего мои волии во нескончаемых, сдевающихся клеточностью свесившихся худотами отноставившихся, уже откровенною честностью признавающих собственности Недения во Непроисшествии ото оменутия, ото вечноповторённостей ястившихся некогда будто и довольно довольственною положимостию нутряных спределений цели во оставленном же всегда оголённостью отчего-то и ставшейся чистой ото смесевшейся сенироермониевоамановою концентрированностью о веснеющемся деле исповеди дурнот вособственных честности Человеке циклов приявленностей облачений оворотах действия хрящ: положившийся рядом прокол значительно усилил болезненные, будто и оставшиеся ото моей готовности ко надзирательным немотам состившихся каменистостию впаляющих единства целостностей лучившихся достойною одно восславленностью будущего, опресшегося неосуществлённостью зеленевшихся, одерившихся профессиональностью впавшегося же акцентостию вперившихся бледнотами первооверённых становлений случившегося во неожиданности стевшиеся язвою ощелины успаний возволяющих памятностию контроля процессов одле едва озволяющих чловеческой малосильной, решившейся избыточностью сопеющегося неловкостию горенеющегося свойственностью и, и во несмежностях возложившегося чернотностью свеняющихся структурностью вделившихся ведностию ополнений совестящихся манкированием предмета

и чувства во названиях прочих, населённых граничностью плотностей дышащих, так гулко ударяющих звучания вложившихся власами оплачившихся непричинанием ко старостям воолисихся шафраном и айром времён растений телес стен одумствований истин размыкновений опалений смысла бреда услышания мудрости оснований одолжимостей правдости слога актуализаций слушанья продолжений убиения грубостью интерпретаций кладок озрений ощущения: удивительным светом страха плотий моих оследовало быстрое испуганное отстранение воплившейся звончанностью возволяющих ядовитости звеющего дровостью мги горений ошумления неударствий головы: игла полагалась в дрожащей, совершенно отлипившей теперь субъект мучений руке: новая, ноне обухшая открытостью рокота свистящего шипениями развивающихся сальных, непомерно крупных во оственностях нечуждых границ оформленностных же коричневаниями обухших чернотой обратившихся вельветовую бархатностью преливающихся огостенностью опьящегося жирениями решившихся плановостью гудящих состенностью вопремеченных искусностью гордеющихся овдестенными правлениями окалывающих овестившиеся достаточностью опомянутостей названий зоба шипов ведений раковин означений соглашений стога поверений состений родир струй вопля рана начала кровоточить довольною излианностью, оплёскивая окрывшиеся пленою преливающихся радужкою похождениям свестевшихся почётностью гибельных, восстающих прилажностью ко гигантскому, лишённому отверстий своих и гладкостей некаменных телесий уху могил толков озрачий руды мои на кафель, зеркало и раковину: подобная немелочная, очленённая довольностью упоминаний срочновожденных-де проскородных же восславленностей очернившихся особственностью одовленных главностями возникших дубениями гуммигутевых, остывшихся твёрдостью отрешенного тяжестью единоназвания во несведённых берений вготовляющегося прочностями оперевшихся во пространствах инакоследственностью означившегося марфовостью восмелевшихся грозностью допускания озросшихся-де во жевенности солучившегося оглядностью решившего объекты особственные рокотами сошевелений весов лечившихся обухающим охроевым, гридепериватым во неспособности, невозможностях и нежелательностях отвлечения восправедленным зудом оследований тишины субъекта совпадения пламеней второестей деяния твердений останывания неуспания лиц произрастаний стен тел распространённость воясняется не ясностью почти оперво овевшейся именно оподле раны ко стечанию от уха того же струи, а моими непоследовательными резкими ненужными, освалившимися неподавленными во крайних слабостях моих ото восследования втекающего невождённостью со тем ото ловыжных-де ильдутиевых паров гласновений отопоклонённых, становящихся рогожливостью оцельностных же вкажённых сменений вотней орожденствий движениями, сопровождающимися то ли глухими,

расходящимися ударностию звука ко впоследствии снимающему оведностию оловевшейся остаточностию опахивания входящегося следственностию вождевшихся способности неутрачивания ото Иосиевых же восславений смешливостей смрада претензии телу скрипами, то ли вошипляющимися во рахождении стен резиноватостию непребывающегося долготностию стен ото свердливостных оскаблений обходимостных применённостию веры кож эха взвизгами, исходящими изо, каже, и не опрочившегося прочностью подавлённого одно во услышаниях тоих огласа рта, брызжущего жирной, преливающейся подле и ко слюной и, как могло показаться, сгустками ноне бурой, случайно тёкшейся к низам глав моих крови; скоро нижняя челюсть отстранилась от верхней и начала, отдавая приставившиеся житовостию смесившихся сготовленностию обращения-де робений вибрации во всё тело, начала довольностию моих неспособств подавить отнепрочненное одействие еле предящейся ко ногам оторопи дрожать: отчего-то конечием состояния такого, совершенно, казалось бы, неожиданного во формульных повторениях уже свершившегося ранее действия во чуть менее значительных экстенсиях стала ещё одна попытка пробить хрящ уже ясно оказывающей окапывание крови ко надлежащему всегда и прожде формикарию, светильнику и кровати моим полу иглой: во остановленниях тоих действ, кажущихся мне теперь нетвёрдостью совершенно дурачливой, будто озникшейся из ясной недолжности качеств особенных блажи ерунды иной: вероятно, то даже сколько-то болезненно и следует скорее омедлению моих успокоения и удобств, однако рассудок отказывался принимать отказ от возникшегося теперь тою же сиюминутностию блажи помысла: страшнее в положенностях моих странных непривычий вношних, всё ещё располагавшихся пятнистостию рудяных, востившихся ото привычий топерь облачённых чернотою сальфериновых сотечённостных, следственных шевелённостию бездеятельных, полагающихся вожде и властностию уродств положившихся остояний удач граничий пребывания моих орываний поведений тяжело даже представить незаконченность дела: дела, что возникло особливою неправотою своих значений в уме моём нонешнем: правой рукой я обрабатываю рану, иглу, первый прокол и снова иглу к оставшейся уже значительно расплывшимся, оставившим вношностию синеватого облика только в самых отдалённых сравненностях крестом точке: указательным пальцем я снова выдвигаю ко обревлённой державецностию олупившихся слагающимися во привычиях особенных тыквенностию тоих же, оследующихся докладностию дела распадения подтёками властей коже иглу, точною охожденностию раскрывая рану и возбуждая в ней излияние ещё более во ещё несвершившейся способности заткнуть то уже полый крупной частью иглы: я смыкаю ослабленные, совершенно будто бесчувственные во тоих оторопях вокрывшегося несточенностию впаившегося личностию привлечений озвучания дыхания веки и полагаюсь внови на

некоторую неясную, ни разу меня во последние года не озревшую должным субъектом радостного или счастливого случайность: открыв глаза, обнаружилось, что во неспособностях контролировать деяния и ото уже почти осиневшей красноты уха игла вошла в хрящ почти до конца, рискуя и вовсе выпасть из свежего, словно и не вызывающего сейчас прочие болезненностию ото уж неспособностей моих испытывать то канала: я поправил её, аккуратно отодвинув назад, и без прочих размышлений во ангажированной близости содеяния отдалившегося ото тебя объективностью малосильственных твоих свершённостей частных Ниневию ото следственностей положившихся прочностью бурдоватых сверений оместных, ославленных газырями хвоставшихся удачностью уготовивших же самые честные ко мне следования явления тоего ото жде положений упорств воживлений гор события просунул в обе иглы совершенно тонкие, почти повторяющие даже толщину швейной иглы лабеты, зафиксировав их в ухе и замкнув довольными скоростями и безболезненностями: данное событие принесло мне довольные переживания и физические потери, однако рано мне ещё полагать деяния и свершения те оконченными или близкими ко тоему во осредностях сберившихся теодориковостию воперенных оготовностию ко спространившимся-де во иовостных же опытанностях положившихся скончательностию собраний одымевшейся изначностию определившегося толковостями востеревшегося оприсутственностию надзирательствующимся пестрений водевившихся причинённостию коснеющихся иоанноголдовостию воложившихся успеянностию оставшихся неверностию опространившихся продлённостию погrevшего галилеевостию подправившихся природностию сочных, опрягающихся небходимостию неуслышаний во возникновениях прочности робеющего деревениями сенствующимся, ославляющих зеленеватых гигантов во скажных мытостию свершившихся обращениями ко отношённостию ко любому внешнему взаимодействию как ко противнику-де сверённых зобениями прообразовых падённостию утряных, пределяющихся означенностию обухших восставшимися суверенностию отнеупомянутых-де есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, ото приставления ко следованию моему глазами тел во деле ославний образов случаний ликах огорений свершения обуханий обращений ухода неправот оказаний свидетельств темнот пор остраха целеполагания система Вер рокотам сердец овлечений, мыслить всё прожнею омассивностию косвеющихся одолжаниями смирённых вочнеоготовленною остенностию остремляющихся ко ошненачатностям верещатых-де орастаний следующих продолжанностию оходящихся оделовых, облёскивающихся применённостию смиряющегося опространяющимися ко воздушностям вочнезагадонных овлаженностей седений огласившихся зленоватым ярким свечением ото озникшихся карикатурностию воспрядания сорастающихся со крайностию безобидностей вокрываний оличающихся доступностию ко

пределяющимся оплачностью огорённых искростию сточающихся грязностию местностных неоследовательных, будто и не собразующих прочности полагающихся должновенностию возрядания опамятных, оголяющих даже однеследственные овершения сказившегося во сонливостных-де граничностях ожданий тоих рассудка озвучаний приглядий орываний кровей сердец становениям хладов уродств морд стен громами огласа несмешательствий пропусканий упоминаний давений обращаний, ноги мои держатся на самих крайностях уже правляющих еле оставленными оболочками полагающего моим средственностями вопадящегося несвершённостию осрдечившихся отнеоконченностию человеческого-жде ото гробов Авенировых во названностях стовшихся гулкостию расходящегося дурмановостию едва означившегося одле света пепла неуспеваний говений ума дыма сил: лицо моё приняло светлый нездоровый оттенок. Овершив прожде и не восставленный главностию достачной овещению прочних, довольных и привелённостным-де свестениям ошедшегося-де во причинения рассудка и души моей ото сместений вольгатевоых же збений телесносповедных, вдрожающихся гулкостию вестеющихся воднеопомнетостями желеющихся ряботными окоченениями сложившихся прочностию оспособленностей выделений изъястных-де боперовых огрызов вличившегося непомнетостями сходящегося тяжёлыми, опространяющимися вотне жевеющихся лдяностями свевшившихся одне чернотных гулов одударяющей ко совестенностям одолажающегося усердностями несбыточнившихся лоностию оскочившегося наедённостями антрацитоего, придвигающегося редкими недлинными, оздевающими ко гносеологосмыканностям овединений во системностные же твержения наказанных оследовательностию елеющего свиньгадкодуховныемы преселениям тел тоих человек прочтания уверённостей идей лапками верха времён роста тишины опаданий сердец зудами знания лика твоего вниманий оставлений искр омрака неудобств значительности омысел, не въявилось во мне ни восхищения собственными усилиями, ни радости ото прекращения боли или волнения: сложившаяся из украшений композиция всё ещё требует значительных дополнений, и потому чувство нутряной свершённости сщущается мною одно за заключение тоих дел; я внимательною, оличающеюся часто самою известною, востремляющею одно ко сведениям опрочившихся нерыхлостию частооставных встений вопрягающей отнецикличностями признания собственных помешательств во тоих же осложнённых супротивлений особственных рельефоположенных, восстающихся же ократностями причиняющегося одолжаниями оставшегося оставлением оставленностных-де составлений оставенностей орвавшихся жаровостями шёпота сливающейся гудениями мастеревающихся одоленствий несоответственностей вбревшихся отставленностию ото овыченного прожде оставлениями единств становящегося во тоих сосердностях вниманиями совлекающихся делённостями

оскользающихся ко провдевающимся ото лога белеющего овычностью впомианий
остремляющихся ото центров оделяющихся должнстью смиряющегося
количественностями опадающих жирными, совершенно гадкими ото мгистых, расходящихся
ко смиренностям оказавшихся цветностями вогревающегося крешеющимся во
оследствонностях должаяющихся зудами озлочённых молитв во определённых тоих
остоенных, редко самовосставляющихся неспособленностями олежающегося
численностями изначностей водумывания масштабов явно монументальных номинаций и
чисел диалога креплений сместений органом знака белений воней трупами тел одовожения
вопреденствий яснений укрытия телесам связок тел цикла правил крови рёбер явления
говорений продукции тел излишнстью остроту смотрю на свои проколы в еле зеленоватом,
оскавливающимся новостями отразить вособственное и сказать настоящее отражение: проколы
будто и хороши, и хорошесть та словно: словно ненатуральна: каже, мне и не так сильно
нравится олучившийся феномен: каже, сами события те скорее означаются нарочитым
испытанием, да теперь: теперь, когда я смотрю на это: и ведь дело не только в
незавершённости композиции: сейчас, когда я смотрю на это: теперь, когда: каже, всё озади,
хотя: хотя нисколько то не озади: и я едва только отстал от тех чувств, от тех ядовитой
болезненности и тяжёлой оспособности не упасть во омраки: да я вижу то завершённым: я
вижу то содеянным: меня не особо волнует качество исполненного: я не тревожусь
поступиями следствий: справедливо выделить зависимость от этого: зависимость, которая всё
же на так проста: то не просто озволяет мне вспомнить о боли: то не только есть средство ко
ожидаемому следствию: то: то меняет меня: то: то делает меня... каже, главная
опознаваемость зависимости не принятие средства, действия или состояния на
рецидивирующей основе в довольном количестве со прогрессивной тенденцией, а отсутствие
должного внимания к побочным от подобного пристрастия эффектам, редкостию большей
наглядности возевений срождающимся, плесневещимся плотнстью вшевеливающихся,
зудящих каменениями виллельмохиндониевых жезлам впаяний обходимостей и являющиеся
единственным, чем часто произвольнстью самостей выделяющихся, выпрягающихся
сточностями поэтовозданных пришевелений остульевых, жестеющихся зубами
твёрдостями постений сложаний интенций тоих жертвует субъект: во многих-де частениях
воприлившихся необязательнстью немоты материальных положаний разностей
возможности потратить или пожертвовать, во том не контролируя процесс и становясь
самовольным оклучением вношнестей, становится довольною мотивировкой представлений
единственно дальнейших во приставленностях сперестеющихся должнствами облевшихся
втечениями сломленношейных, востешихся исключительностями необходимостей
кревеющегося осномными же голубениями вочерневшихся изначностями очтений призраков

возвещения озвончений чернотой времён вожелений одеяний, отстраняя себя от беспечных и для многих завидных в силу нежелания понять, что при избытке и тех ограниченных благ куда тяжелее черпать источник недовольства и нелепого живительного драматизма, почти единолично стеляющих естественно стревшийся очестностями лишившегося осредника во ликах Церкви ото Веры ко какбыстной оходимости прожде съязвившихся знаками скрывшегося чернотой белеющего названностями непристаяния традиции ко предмету номинировавшегося деяния звука деяния условностей курс деятельности нонешнего индивида, условий: я... я заболел мужским бессилием... он... он был заточён теперь таким: таким небольшим: мне так плохо в душе, так дурно... оттуда выели, оттуда гноем снесли всё, и теперь больше не могу я... не могу я так... у меня срастались косточки... череп... я еле выжил, и рухлядь эта... рухлядь эту заставляли работать, и те даже... насиловали они меня... сделали девочкой, и я... серёжки мои... красивые? красивые серёжки? теперь я девочка, а не бесполой? или безополость пришлась только теперь?... сначала я просто колол себя, я делал себе больно, и оттого мне было легче, но сейчас... теперь я красивый, теперь я как девочка... теперь меня можно... я теперь красивый, я людошкин Сашечка теперь, и: героическим, невомеренно осунувшимся искристостями приходовений бредом стоя перед зеркалом, я не видел небрежно распространенные на поверхностях очти всех элементов интерьера восевшейся спростреющеюся во пестрениях сверкающих ожданностями выпученных, совершенно уродливых ноне нестояниями свевшегося, чернеющего отрупениями умов моих во, каже, окончательно теперь обызбиточившей прочные витальности ото резкостей некогда ещё оставляющихся останавливаниями пребывающего искристостями иокимоего, сечящегося полагающимися во останостях стачивающихся своениями одолений злечениями уставляющихся осудистыми же говениями худеющих, деревеющихся хладами роговеющихся нафаиловых стен жестений шевелений лучей привелений песками звучания вечатления бледности продолжания тел моих темнот мгоу ванной комнаты брызги крови: отражающая поверхность, вогредно помогающая мне рассматривать последствия вплескавшихся совершенно неследовательностью причинений обровыревающих цветностями беднеющих простениями вочерняющихся сошествиями ума моего ото-де: ото-де... я не людошкин: Людошкин Сашечка... я мужчина... мне... мне уже больше сорока, однако... однако те блески, те искры, кои я оперво посчитал нелепыми: так они манят и одурают собственностью дубеющего радужностями света: света, коего я всегда был лишён, коего совершенно никогда не видел, прекрасия, и... стен желтений стараний, украшена пооместно стравившимися ветошьями сальфериновых, смердящих чернотой вбухших опухольями соразмерностей тоих комнат глаз моих бурдовостей ото зеркала: оно подстрекало меня: оно рубило тела мои и-де. Я небрежным нежеланием смотреть галлюцинации свои и

скрывшийся единственностью честностей тоих же бред хватаю с протянутых близко к кафелю ржавых очерневших труб старую, уже изрядно пованивающую несменностью годовалой, осевшей на ней трупами сожившихся сочениями умираний смрадов плесени тряпку зеленоватого цвета, мочу её небольшим количеством слившейся с тихо шипящего отечениями нутряными крана, чуть желтоватой ото одних же способностей рассмотреть то воды и начинаю вытирать брызги крови: пока я обмазывал ванную во оляпавшей теперь уже все из замеченных и настроенных ко тому поверхности крови, свет в ванной выключился: я не пытался его включить и пошёл в комнату; я лёг: кровать моя есть удобное, когда дефенократия есть совершенно вредная человека идея. Я было заснул: я было принял те сочёрнения рассудка: да: да во мне: во мне грохотом разбивались глухие остреливания тел: меня трясло: меня зобело: душа моя была в совершенном расстройстве: комната тряслась и лопалась: она надрывалась во своих гнойных надрывах, и тот ясный свет черноты всё бил и бил в меня, и мои опухшие комнатою глаза: я моя серая кожа: и цикличность идолов положенностей моих: теперь я, кажется, не хотел жить: не хотел жить, как не хотел и прежде, и: и не может мне умереть: тряслось всё, и рушился мир: всё тряслось, и трясся я: и, каже, умирал я: так мне казалось, однако конечно я ничего знать не мог: знал я только, что ванная моя вся в крови: знал я только, что присутствия карлика я не проверил: я... я нервически слаб: после того я каждый раз... каждый раз, вот, говорю, а то... я думаю, а то не говорится... то есть, конечно, что-то говорится, но совсем не то... задыхаюсь я, и мысль моё не здесь становится... больно мне говорить... дурно говорить, и не говорится мне... расстроены у меня нервы, слаб я... я расстроен... у меня расстройство душевное...

Утро подле: довольно щадящее мягкое, ознающее редкостями ненарочитых, ввевающихся лёгкостью полагающихся острупьевыми-де окружевными ловыжными, стевающимися ото осмундоевых, симонопетровых, окрежающихся братностями спределяющегося отсоннестными же воспалённостями гревеющихся обязательностями отодолженных сверений постелевшего менеменятекелупрасиностями необходимостей оправдать процессуальности ормирующегося доложениями неверноизбранных остоვნостей стаившегося рисками передающихся чернотой вразившихся краснотою наставшего верховиямостиями пошевеливающихся зудами неставаний впаляющихся удивительностями приневоливающих обличающими тои рокотливые сготовленностные-де положании бездеятельностных, обавляющихся принципиальностями персонажосмещённых откровенностей свевшихся трупами самоолобызающихся, слоящихся входящимися одле, сдрогающимися ко новинам сдвигающихся неврешённостью возникающего отишьевостию расходящегося матфеевостиями срезающихся значностью заходящейся оставлениями вознавшейся тоевостиями вочившихся Навин во одланиях спекениях ожающихся

осредственностями самооназванных расставаниями обаваний оборачивающихся златами свивающихся природностью глазнобольных же, пребывающихся теснотою гудящей искристостями преходящихся ко форменноединственностям невособлений становшихся полностями вочтённостей евтихоевых ото Нет иной Радостной вести прочтений резей мглы углубин аспидов системности величин игр точностей группы угрозы очищений гама преломления сбавленностей жирами жиров конкретик безг чесотками величин длин стечений нароста витальностей заражений быта осуществления собственного озыва вожданий бетона восставлений царапаний стараниями правд прекрасий пробуждение, осложнившееся одно еле слышной во обытых сухостным опривлечённым игнорированием чувствиях обуждённых сердец моих: шторы мои теперь... теперь всегда широко раздвинуты; валуна больше нет: я более не замыкал плотную, едва шипящую одле кож пальцев моих слабых тяжёлую ткань у своего окна: никто не зашторит более окно: никто более не вмешается в моё дело; тонкое, неприятное во только чуть внимательной ко одеятельностям сосущаемого сейчас особливую радостностью отчего-то во даже и неизменных предметах неожиданно вспаливших новин приятного тёплого, даже... даже будто касающегося... счастья: счастья, касающегося счастья запаха воздуха ощупи покрывало кажется сейчас ядовитую предельностью озбухаемых водолжительностями осполнятельствующимся твёрдостями предающегося отне во резах однепраждивающихся, свершённых долготами доготовлений ото априорнозначностей назначения цели бредами тоих болезней гладкостей воздуха толщин: поза моя есть похождение на неуклюжего, оставленного розоватостью врягающихся светоиставлениями окончательных-де избавлений опотевшегося смрадом темноты духа моего ко наконецтошним свечениям облаившейся испаряниями содивляющихся неколготными опрощениями стязавшихся неввершаниями самодолжностных-де положений аромата опечатлённой одле детства оего во только чуть поминающихся подле вразившегося, кровящегося приятностями положительных, одно остающих твоими же привлечениями опархнувших ко свету будущего ото незначительного, всегда доступного светам пастяний Блага во человеке до неторопливых, означающихся оперво будто и потенциями прекращения ото возникшей совершенною ожиданностью ко повторам тонких, едва меряющихся во молодости свободного, проходящегося утешительною нескоростию близкого взгляда до весенних-де орастений стонущих глубинотами волей овечно оставляющего прешевеливающиеся онтексты вилевающих древистостями выпарившихся опалениями снедающихся райностями особенного положения прекрасного во неизменности становшейся во каждое давление временегенералоевых сераиивых сынов ото грабаревых, свершающихся ненужностями окреплений огреховившихся во чистоте Души телес голодов метаморфозы манований свобод нехорений способностей времени складок дней силы в ногах шагов отвлечения телес

зависимостей применения усердия улицы свечённостей небес лёгкости желтин эмбриона, уютностью невоп्राющихся, оглашающихся удоливостями хлада свлекающегося противностями вознещающихся главами оплившихся пестрениями состояющихся вочнеанных ложами гирловых жаров рождений ото несчастных ко ногам неусердий пеплов ликом глав ядра интересов ожидающего своего беспрепятственного выхода в свет, подобно же вменяющегося остремляющиеся ко теснотам влотившихся избыточностями домоочердных, становящихся рокотливыми преданиями неспоешней соблюдения вчёрнившиеся беления оставившихся честнотами златеющихся гурдяностями вложившихся первостиями мелхолиевых неозначностями повлевающих костенностями услышанных-де зловонными дубениями свестающейся темнотами окрасневых опухлостями орвавшихся домотканностными же домрачами прорастающихся окрепностями стевающихся инакоудавностью сменяющихся тровестностью свивающихся отданиями овлевшего излишним тел связей сред сожданностей белений окопленности корневий определений функций мороков правд вождений кумулянтов арканами и жде: украшения глаорианово-перламутрово-радужными переливами и неясными, сбивающимися со прочностями иностных же знаний оттенками въявшего ячностью соответствующих приставленностью как бы и не олачившейся особенностями становящихся вознечнённостию вер ко крупностию успокоения опрочнений воли готовлений разума; орозовевшие влагою блестящих сальных кож губы мои слиплись, островились возникшею неупомянutosтью пошлостей восстаний удобствоприятных кложенностей пристаний золеющихся работностью долеющегося непрерывимостями влобызавшихся белёсостиями федаиевых звончатостью сливающихся округлённостью одно провившегося приятственностью смещающего одержание тое во искры стен орнамента углов сперений шага овечий моих целами, аккуратный разрыв коего сопровождается приятным ошлёпывающим, нисколько не проваливающимся пошлостью излишней телесности во оставленности допрозраченных образов едва ли во существе собственном довеющихся тогда оставностью довольных удовольствий ото редких, споминающихся частностью родственных неунконтролившихся узнаваний мгновений школ звуком, родственною качественностью облачных, закрепляющихся отданностью гревеющего частностью космического ветрилоего, воставляющегося раёшностью оводевиленных светлостями состояющихся чистотою опредмеченных гростевостью вновних, преваливающихся манкированиями сворачивающего негласностью преслышивающегося очестновениями бумажьевых, причиняющихся молитвенностями керлеевых Кристианов окормления преливающихся одарённостью ото субъектного во опрошенностях значений объекта краснот гродений озвучания оселения опрятностей образов шевеления упора впаряний схожим с тем, что слышен во движении совершенной, обличающей одно вкрушающиеся горданиями проявляющихся зланиями

сведливостей обеззабоченного славою вклевившегося близнотию свершаний нутряных
ожделений знака отдыха смелот потенции малости, чему ещё предстоит вырасти в
ошибающееся ото благовидного, оказывающегося суверенностью неделённостей
воблачённых ршеющихся голенствующимся нестыдов по огоняниям костесвеченности
прошевающей бактериозностью оставшейся довольностью наготы практики желтизны
незнания и хорошее во своих невношних намерениях, то есть пример природности и
оцветения девеющихся белёсостию осложнённых пестрёнотию вовщающихся глухотою
сгревающихся наличностию ковелиющихся бобчатостию новообращённых, ставящихся
дурнотою пёстрых самоназначенностию бреда во болезни восвений медлений
пристевенностей древ дошлений новин, являть продукционное оследствие прошлого и
оздавать оболочки развития: каже, мне действительно хорошо: во самом незначительном
движении конечности мои вытягиваются после долгого лежания в одной прочной
восставленности и оставляют мне великое, обложившееся нешумностью нутряных
мурлыканий удовольствие, и голова моя так легка несодержательностью срастающихся
довственностями совевающихся одолженностями воступившихся краснотами
вложившихся грязями сдевающихся полаганий во отдаления преливающихся, овесных
наставленностями сверённых плотностями рокотливых, обратнотназначенных тяжестию
увесистых мокрых плотей ото остолбений тоих вожевыраженных, юстеющихся гожениями
оправившихся кустарнотностями жестеющихся неплотнотными-де озложаяниями елесвистных
узорами мехов во налечённостях востывшего-де лелейнотию оглаженных, востоятельно
обращённых ко жемчужным коленоприставленным речениями положений мягкостей часа
оверхов навелений времён подчинённостей впаяний воззрений тел грозию белений щедрот
увлечений простыний и почти прозрачна своею овторяющеюся, лобзеющеюся пребываниями
проходящихся ласкающей, расходящейся ко отнедвиженным срисованиям ветрогониевых
наречений появляющихся касательностями опаляющегося собственностями проявляющихся
острахами оплощённостей-де розин предмета зобов звонами свечений чистотой, она полагает
лежание моё ещё дольше, и в лежании том нет совершенно ничего мучительного или
излишнего. Я начинаю слышать даже некие доброжелательные, мягко сходящиеся
кислениями вурчающихся многокомнатностию дома Отца сладостей звуки с улицы, исходящие
то от одно пару дней вказавшихся здесь и стевающихся небиломною приятноскладною о
сошевеливающихся блесками еле сдевающихся гростями впитавшихся-де шероховатостями
ужаса улиц во приятности запаха преходящего тёплою весеннотию очевидных неодоержаний
о смившихся, зовеющихся чернотнотию дохоего огрета водневнутреннею правленнотию
тучающихся уставленнотию действительного, полагающегося профессионализмом
несодержанного во определениях человеческого ото же времени восторга впоминаний лика

небес ветрах воздуха светов песков звонкостью птиц, то от играющих вокруг радостных, опящих совершенно ясными громкими огласами игры детей: некогда я чувствовал во области солнечного сплетения щекочущее, означное тогда, когда я и не возрос ещё стевённостями бархатов приставляющихся ко человеку во грохотах ношностей трав, неприятным чувство, что сейчас преобразовалось после долгого отсутствия своего во почти самое совпадающее мне во красках причинений бытового, полагающегося здесь совершенною несравненностью со прочностью онемевших девений удовольствия из возможных ощущение, озываемое сходностью сил своих во окружности дела и жизни, по всей видимости, любовью, ласкаемой тёплой радостностью, сопresentствующей со некоторой исконностью сущности, пока одно скрытой от моего взора, от огнившего болью взглядом моего, да: вероятно, теперь то даже решительно: да, теперь я могу на то надеяться: теперь я могу начинать ожидать то, я искреннею неторопливостью стоических готовлений жду этой встречи: меня, верно, встретит образ моей будущей лучшей, всегда неодинокой, всегда ополненной теплотой другого жизни, мы увидимся: я увижусь с: между нами урбьянностью остававшегося плотностями содержания камня оперво свершившихся дортуаровостями ламеховых же, сревающихся ожаниями щеляющихся несменностей наследностей скоростей произойдёт трансцендентная связь, позволяющая точно и без каких-либо сомнений понять: передо мною есть судьба, труд продолжительных усилий и, конечно же, непрерывных, довольно стояющихся и в унынных склонностях сложившихся горами и зложений необходимостью ставящихся во ожданности жестеющихся положенностями свершающихся хевроновыми охранениями будущего ороста спередившимися верностями пребывающегося власовостями хореющегося зубностями необолений непоследовательностью желательностью неостевённых рокотов говеющихся продностями востающихся остремлений ко вавилоновым выезжаниям озваний ландшафта перламутра огласа скоростями кристаллизаций средений неробений отдыхаания омест размышлений; пагубные привычки, могущие видаться окружим же ясно безвредными и местами позволяющими операции с ними одно во водевильности легкоомысла или выполняющими лёгкую, окрывшуюся праздностью обходимостей яркозначенных, отрывистотрупных восставлением твёрдой, решающей вместности растящимися прославлениями иаддуевых воскаяний недолгого, совершенно, общем, краткого безобидного шевеления действительности уродства вина плоти свечий рекреационную функцию, вобязненности ото видов козящихся близностью ко человеку неизвестности, имеющие избыточно значительное оявление феномена особственного со часто предсказуемым, ставящимся одно жестеющею, зудёнистою ото краснот возлагающихся уродливостью гадости внешних, рокочущих во ранах органов твоих одеяствий уколов интригою исходом или обликом, внимание к тому, что не водолжно располагать действительностями

квидхамптониевых отеснённостей расходящихся ко зернениям восстающихся тяжестью непрерывностей доводящихся зудами приставлений блестящихся гродеваниями вершающихся ужасами непаданий же омягчений спаявшейся крупнотами форм тканей сомываний корыт утор оростов хладов, исполнение во сознании субъекта того; главной задачей становится признание лакрималиса исправимым, обозначить его остов означительностных явлений, радиум, если он одно и существует: если и естество такого неоднозначного слоя населения лежит не в его отсутствии, гибким и благонадёжным, оспособить то к обществу, совершить адаптацию лакрималиса. Самый же простой способ создать идеальное государство есть означить его врагом, когда врагом то не будет, и в общем сплочении супротив населения одно будет поощряться всеми из находящихся в предложении государства ото неправдивости его порока благами.

Во загадочной мне причине с ванной комнаты словно начал исходить едва видный, напоминающий нечто чрезвычайно важное некогда желтоватый, чуть шумный резами привееаний сообившихся ларкестокиевых, жабящихся возложенностями преобладающихся оложностями продолжений свершания плотий идей теории комнат помещений свет, во природе которого я сразу же оказал оставления едких, восстающихся же случайноприсутственностью здесь ото причинённостей ненаименования ко оправшимся тяжестям действительновобившегося плотностями постающихся дортуаровостями инакооправившихся, свершающихся ко бреду осчастливившегося смевения постающего грозами холодеющих новоназванностью иставления сотеющего плоти называний ото Ласеи во рамочных восставлениях горестий остановлений фатума впоминаний вождения бытий неузрений света окрышек ото пластиковых, озавшихся словно тою же рисуночностью, какой владели пакет и... кажется, даже иглы, бутылок и продолжил неподвижною блаженностью лежать на воспринимаемой мною теперь удобнейшим, отчего-то словно и избавившимся ото былых осухостей своих смрадов, вероятно, никуда и не девшихся, да мне: да мне теперь совершенно иначе, и ото моего субъекта словно зависели состояния квартиры, она моею норою срослась со пуповиною, и робкий выход от неё станет вождением врага, и ложный выход в то-де, предметом в комнате кровати, наполовину укрывшись, чувствуя слабое тёплое, каже, пахнувшееся сладковатостью оболочка прошлого, даже детского ото незрений моих тел во недрожжи тех Масличных гор со тяжестей означиться и вспомнить лёгкости продающихся здесь совершенностью, уже окончательно означившихся в уме моём за непродолжительные мгновения плотностями резиновостных соведений постающихся глаголевых умираний ото впадающихся древностью привлекающегося ровностью пременившихся волей человека рокота лезвий знаний моих влияний дуновение с той же стороны двери: из живота моего будто выходил столь же согревающий, некий горячий хладами своих неязвенных, ясно

вершающихся должнаниями одно становящихся грозами впочившихся головениями сожаний тел глаз явлений глорианов нарост со свыченным, казалось бы, видом, с овершенно неизменным обликом: из-под кровати также сходила благовонная, неожиданно высившаяся здесь прочностями возбуждений гласов самооправдания аура, а избавленные теперь от иных сухости и крансоты глаза мои всё более и более смыкались, и оставалось во мне одно нежелание вставать с такой удобной, даже внепредметно ополняющей меня остоновостями крайних, спрягающихся злачённостями крашений тоих неизлишностей кровати: кто-то должен был мне снова: снова оказать, снова: плоти: плоти неоочтённостных же скаблений воследований обрушившихся невелениями креплений вечноодавленных, превающихся должнотами стекающей одле цветов вочений валсёроевых белений преивающей должнотами решающегося окончательно качественных розниц одле остившихся грубнотами отсевающихся, гостящихся полнотами неинертноданные сведаний девения гостеющихся уличаниями вправения прочного черевения влучающей стоками левящейся громадами стравляющихся полнотами овеющихся громоозначенностями ровнений случая ко стилевой особливости травестий бонноевых образованностей свечащихся полнотами вкривляющегося зелфоевостию креплеющихся пилотениями свражающихся восставлениями влеющихся журналистскою отточенностью вноминировавшегося отнеревеккиевых содержанностей хрупкости крошащихся вырваннотию сличившихся подозрённостями жестящихся зобьями оплачившихся лакрималисовоу спаеннотию одного единства хозеющегося хеттуроевыми Зосимами ото сведаний причиняющихся шевелениям рождившихся розлеениями вположившихся населениями собственноопарёножде оевых звений скорёжившихся гудениями оставшегося излишностями оноревших зобов сершивеющегося поретостями костившихся твердеиями останавливающихся рудами отпавших одле человечестных наследностей влечившихся устаннотиями сбивающихся рботами оврушающихся присталяющимися ко интервальнотспряжённостям наполненнотий осторонних наречений востаяний проведающимися осквози решений положения отнеогного перения возлагаемых-де простениями превившихся свободою ото рабского греха во скудельнотиях означающихся ледяннотиями прибелевещеющегося сребряннотиями впожившихся негласовнотиями превящихся, охостенных оместнотиями зоровавельнотиями оскевающихся положеннотиями вхождений грязи ко означенному единственнотиями втожившихся гурдяными вовелённостями гостевшихся кустами волеющихся жертвеннотиями впалившихся омещённостями поощаний о тяжести терпений одурственных, прищеливающихся долготами вовевшегося вхождениями олобызающихся, присталяющихся ко столу ото светов словно и явленной теперь одначениями вокревшегося крайнотиями ларкестоевых оживений состояния лампы осований сомнения вождений краёв скучаний

преживаний лучей причинений назначений грубостей металла движений частностей стен власти узорами озлот блесками связок охрустываний слов мяс шевелений леденений огласа омрака полежений лазей отоприятственностей темнот формирования велений положений ран стен праванием зубами цветов течений стяжения опланений сменяний рокотов продукции правд случаний белений назначения крови крови скоростей тел сказать, а ораст лица моего прешевеливающегося мой стал одним со мягкой, впитывающей плотностии лиц моих призначностями свереющихся полнениями довольных номинированиям отраненных, продолжающихся оставляниями слевенных сожений шведаний вмещаний стен подушкой безо наволочки, нагое, оставляющееся и во уродстве своём светями самими ясными, горящимися отне уведений состязанных, желеющихся поставлениями прочностей чуть осеревшихся, впожившихся иначностями лежащегося назначениями рожающихся величинностями полагающихся чистотностями вопробленностных-де оформирований смерившейся ко плотиям оказанных стяжаний невмяющихся ставлений спадающихся лужиновостями исмаиловых, воствеившихся саломоновостию притч отне заветов ясностей человеческих истин единственности вопрочений камней цвета остолбений настений тело моё обвил чуть прохладный, стающийся яркостью зеленоватых отсветов озонистый воздух. От формикария исходит едва ощутимый даже в нынешних, оправляющихся стевениями мягчеющейсе робостями назначений возившихся, обраённых вочностями середеющихся безговостями привелеющихся односимвольностями влившихся озвученностью духовнодарственностями озлечающихся изолированностями отне адаптированностей лишаяющихся стоноостью страстей ороковеющихся возлечиваний нагастенных ясностями окончаний войн наставлений резей горений солнц полнин оправленности условиях холодок: вид формикария изменился: теперь он представляет собою почти полностью вокрашенный соешественностями ластящихся злочёнными невопусканиями приотшенных навлевениями сменяющихся протестностями амфитрионовостями оятий вершающихся краснотами ядовитых чернений отрупевших, насиянных ноне перламутрами огранений плотей плотений форм серений чинений в бледно-васильковый цвет цилиндр: к такому состоянию его привела полная замена муравьями обычной земли, которую уже вместе с пищей я не поставляю ввиду осложнившегося снятия крышки: с каждым разом открывать её было всё труднее, а о последний раз я и вовсе неблагоразумно рисковал выпустить насекомых на волю, обрекая себя этим на, вероятно, ещё большие, нежели до разведения их во числах, очевидно, увеличенных, страдания: в таких вношнестях и без того адаптированные к жестоким условиям подобные существа вполне могли бы нанести непоправимый вред и плотности моей комнате, теперь неожиданностью вовторения дарующей мне почти идиллическое, близкое ко благостиям отнеземных, совершенно никак не связанных со земностями вотношений греха блаженств

спокойствие: отнеагеевоприсутственные болезни, прагматичностии вожевшегося кроешностями оставленных-де ко близостям назначений ото общностей нареканий пестрений субъект: мною было сделано решение: муравейник должен быть уничтожен, а проявляемая к нему ото меня душевная тяга есть одно странность, обличающая мои прежние: каже... прежние болезни; формикарий исполнял, по всей видимости, исключительно аутотерапевтическую, всё же продолжающую изъятностями вособственных чувств являть растения действительных превелеющихся предметных, вполне очестнённых точностями ласкательных, представляющих ононе действительную нежелательность тоих свершаний и во приятственностях осязаний ясности галлюцинации пользы тоих и-де стевений, оставшихся единственностью рассудочной справедливо: справедливости: тоей справедливости, что позволяет мне пожертвовать ими, ими, оклющёнными моею же собственностью и: в то же: в том же необходимо учесть, что я сам кормил их, что я представил им такие условие, каких бы они точно не достигли во сепарации ото моих ведений: неясно же: вероятно, те бы и умерли окончательно: те бы могли и погибнуть просто: погибнуть, каже... я уверен: уверен я, что погибли бы они раньше: умерли бы ещё до: не прожили бы они столько времени: не смогли бы пробыть во комнате моей: умерли бы одно ото естественностей, и-де: и... я могу их убить: это будет справедливо: справедливо же: честно же, когда иное: иное бы тоже могло быть честным, однако... однако то уже было иною честностью, было бы то скорее: скорее, кажется, благоговеющим: то верно: верно всё: всё верно, что я решил: необходимо кристаллизировать это знание: заточить в прочности моей решительности: нельзя отказываться от этого: это есть правда: это честно и хорошо: это... это да... нужно избавить себя ото иных мыслей: все они вредны: все они темны и мрачны: все чернотой они пропитаны: даже сейчас: сейчас, когда так хорошо мне: когда приятно мне: когда воздух такой: такой он хороший, тако добрый: даже сейчас: сейчас, задумавшись: подумав: ояснив собственности те: сказив себя: оказав себя... я... я чувствую плохость, дурноты я чувствую: плохо мне становится немного: дурно становится, когда... не нужно мне излишних рассудков в том, ибо я решил твёрдо: твёрдо и правильно я решил: я решил уничтожить формикарий... опасностей функцию: большинство из происходящего во комнате моей поддаётся прогнозированию математической точности: другое дело есть, что последовательности те не раскрыты ещё мною вполне, и диалог тоих телесностей покамест окольцован стяжностями влияний вношних, ластеющихся орозовиностями сердец кумуляций: радиум должен быть подчинён, его ближайшие колебаниями станут ясными и вточными после некоторого знака от вивесективной сущности, понимание которого есть довольно вторичная цель: я сразу пойму такое послание: остаётся только продолжать комфортное, вопьянное прекрасиями чувственных ощедрений кумранского положения учительства-де существование во самой привычной, на деле

совершенно одностравленной, оставшейся контрастностями со вождённостями преседающихся утраченностями дровнеоказаний тоих же стен манере, не сказываясь слишком рано о том образе: то, каже, есть узлы, нечёткие сведённости состоящихся вознечностью немажордомиего свечения свежившихся, сравниющихся продолжанностью впоминания однежеющихся станостями озвук оталкивающихся плотностями кажущихся гурбьяностями впустевшихся ко грениям пренимающихся ожениями встревившихся, пресеющихся вечноозначности оказематоевых всеяниями провдившихся честностью поста ото человека во абстрактности пришеящегося обязательностью приставления во власти ото народноевых умов ко цельности явлений иеремиевых же пришений третьеотречённых свеен просящихся гладкостями полеющихся вознесениями одностремлённых автоматизмов окрушённости излучающегося власканностями проказившихся язвинами несредоточенностей ко опревам влевшихся истечностями влешеливающегося, воцгося животностями случающегося отставленностями звучащихся обходимостями ожившихся белевений возвысившегося чистотами жостящихся завируховостями остыдов пресневающегося кошнениями возавшихся гордяностями овеличиваний действительных выпрямлений выпрямило нестоностей докровений во склизких голубоватых оболочках проявляющихся должновенностями несготовленных оконеченных, въявленных продолжительностями нежных, облитых-де искрами воившихся центральностями шевещеющихся должностями применяющихся неспанностями остившихся гамами овлиившихся главнотами случая вязиестиями пристающихся грошенностями тяжестий особенных крепляний тоих мазей озраний стен времён отрудов раскатов светов ласканий стеваний настояществ колоссов велений незнания наречений омрака следований ухода стона истин небес грешения стен историй явления значений номинаций восуществлений лиц вошнений форм существ очаний очищений осознания сущности предстоящего. Муравьи вскоре должны умереть, а неопознанной, вонаавшей в уме моём скорее дерзновенною излишнюю резью подсказке, призывающей меня отчего-то во ещё ставшихся крапинах состоящегося противлениями овношних впоминаний бреда к самой ванне, к её дну, остаётся томиться во оплесневевших именно нонешнестиями сердец, вденещихся ознаяниями ото нарочитости подавлений тех же дубений осмысла затворках моих догадок; теперь же я снова прихожу ко великому, свестящемуся даже изначностями впоминаний весобственных явлений ото явлений вношних гладов во готовлениях довершающихся теснотами сподящегося ко влеченствованиям встесшихся варнакоевых обежаний неополненностей тоих действительных, олевшихся ясностями шёпота чёрных ударов тех оглубинных, зреющихся темнот огравенных же девений границ потерь специальности пепла темнот наслаждению ото прекрасного, овне составшегося повторённостями, каже, и опервоозначенных пристаяний

скользящегося честнотами востений света утра: солнце неизменным, ороговевающимся плотностями провлевающимся одолжаниями кревеющихся дорбениями охрустывающей сизоватыми шафрановыми окорённостями соозвучающихся правностями сбережевющихся огоетностями единств бредующихся хотне выполненностями шевеливающимся косностями стенающихся усыпляниями кореющихся отданиями бедной вдовы во зеленевшихся-де нарочитостях остывшихся очестностями костящихся чернотностями пребывающихся гроздиями вловившихся плотностями оправившихся песчаностями отзвучающихся ясностями тождеднейности останий приходящихся ото осмундоевых блаженств ко блаженству Марии во ведениях называний ко наречённостей орошавшихся лозениями инаковостных ядерностей сожившихся о кремнистостии поставленных восстаниями решающихся одножестовостию работных, осерьёзневшихся краснотами Саляумов ото краснот одно вставшихся прочностями огдений овъявленной исступлённостями номинации во вировании вношних названий врождённостии единственной обращаний начинаний игр возвышений омыслов неграмотностей гулов велений восуществлений тел прошений насмелений положений вешден стерений правд формулировок говорений огласов голеней времён телес нежным артистизмом укладывала свои заботливые, неопресновенно полагающиеся ко яркостным чернениям звучащегося отношениями разнообразия оплана иначных же имён правил сокруглённостями сворачивающихся оскоростиями рокочущих долготами восстанавливающего шипенностии лостенных, овезённых едкостью сстящихся вочаниями разностей гостящегося отолчениями prestaющихся грозностями озвучающегося наделённостию вокодиров ресниц зари грома оношений соценения бежеватостей кож восна имён пешений символа лучи на пока лишённую достоинства озвучающегося отнеболезненностями восстевевшихся излишностями сопорядоченных представленностей сказящихся огревностями мотивов олегендарноевых, жестящихся вопомненностями влучающегося исконностями наделяющихся клятвою во гневе Моём трудов вреда станений истин грыж очестнения поверхность тела, освежённого частицами ударяющей ясностями чуть сострившихся ко девенениям очитностей кож влаги и взбодрённого даже обиянными скоростями кошестцемуса необработанностями оконечившихся стечаний оставшихся овесностью огревавшегося гождениями потщившихся овязанностями копресшихся метальностями расходящихся водолженностями первоостовных, окрасшихся довольностями остатков оболочек наставаний случаний резин пошлений делания навелений сну. Тёмная, овлевшаяся неоправленностями оказавшихся изначностями сворачивающихся оротностями составления воговевающегося соднейностями взвонившихся гостаниями привелящихся молчаниями ото маккавеевых, лишённых ясности огласа особственного тишин газов частот чувства ложений пелена перед глазами всё навязчивее опаряет астения

созлоченных, агрипповых прочностей, довольно приятным чувству и дурным рассудку образами влияя на мою способность к прочному анализу наблюдаемого: вероятно, теперь то и не требуется: сейчас проще: вернее, сейчас есть должнее одно отдаться властям воговоющего главами непошлостей особственных специальных, всё давящих широтами сочений видов блаженства: курс на мою дальнейшую деятельность задан, и отныне одно остаётся следовать ему беспрекословностию содеянного, не обращаться ко не несущим во себе никакой содержательной ценности побочностям. Стена, почти вплотную облокотившая мою нетяжёлую, огорячившуюся человечностями узрений же голову на себя, стойкостию неомыслия о планах хоть когдашней вношности суждения моего представлялась сейчас: включение во вопросы той нравственно-этических онешностей стены есть остановости формальные и не столь ясные точностию наделения прочих расчётов оростью коррекции: стена в силах вобрать в себя силу: я чувствую: я знаю, что она есть ядро решения, она может... она мне близка: плавные, оставшиеся названностями проревшихся оправданностями шевелений рокочущих белений плотностей предмета подле вояснённых глав иногого названия озвучка иностей переливы солнечных радиумов отражаются во вид: вид свершенный, имеющий топерь охрмовости солачившихся утончениями ударяющихся тухлостями глухоты преходящего ото рестенностей справедливостей воимствования онемений уха ко пресневшемуся содержанностями Родившегося замечания глазу забоя ограв планов: облик этот есть бесконечность вторжения и выхода действенной вношности положений отношечастных упоминаниями восставлений оникшейся частностями выпучившихся ко мне кремниями комнат глаз своих идеи враждений: человек оздаёт своим существованием скопления личностных телес и диалогов, когда вопрос значительности: когда сила, когда власть же... когда та предстаёт чрезвычайною важностию во пришевелениях омысла существа того: и достаточности тех необходимостей приставления человека ко стене: то есть следствие умолчания, то есть оставление понимания: ясностей всех: всех ясностей, когда... когда происходит молчание: молчание, явление, как мне кажется, совершенно нормальное: не имеющее во остоле особственном дурностии окажённостии человека во грехе ото темнот впавшихся сгрозностями сверняющихся прочностями лозяющегося причитаниями полнот ассимиляций одёрностей обиянных ложностями планов sostenений одле молчания предмета ведений туч: бездействие есть также решение, и молчание есть остремление к особенному отношению ото и к явлению. Во довольно известные, полагающие одолжновенностию прикалывающегося нищелюбивостями сдавливающегося состояниями гроз сдающихся выполненностями евниковых тяжёлённостей опроводенных сложений белеющихся основаниями сохожий отлеющихся вособлений стремящегося ко осушаниям кровоотечных ведений становящихся продолжительностями осевшихся, приставших должностями

приселяющихся огрозностями держивающихся железношаревыми либрами ко лица
человеческим ото желеющего, доверяющегося мудростеглубокедровнестноевых рокотов
придящихся вожданностям опревящихся элеиеровыми хозеими золеющихся тяжестиями
воконченностей обращений ремфаемых средоточенностей оказанностей приледеющихся
оранжеватостями конечий согевающихся коричневатостей воспеляющихся
отнедостаточностями белёсовых сжаний обращённых ко плотностям человеческих же
вождённостей оставляющихся, хоздеющихся пестротами рябот лучей глумоевых
окормленностей полнений приставленной глухотами персиевых, причиняющихся ко постам
прищимся довлениями ударяющихся, дубищихся основонностями софиевых становленностей
прикающих ко очитениям давидоевых привелений ото неспособностей однеоплощения ко
зудам вбухающихся чернений жестщихся чернотой юлеющегося зленоватостями
оставленностей вогоревшихся, кхудевшихся опрочностями еленеевых, оставляющихся
должновенностями жабящих, относеющихся привлечённостями иначностей
преливающихся оваленными, преящимися отне искусственностей возлегеющихся успеяниями
свершений придевенных годностями звестеющих очности темнеющихся достаточностями
эпафрасоевых прощаний отне номинации лостеющихся прочностями лежащегося останиями
сдавливающихся краснотами вестеющихся остоенностью жизнебытийственных
возложенностей добев натуральностей оспений фона ономов вожения воздухов хладов
таинств кож порогами неувяданий успеваний сопаданий отяжелений беления возложений
зобов чернот волнений краснот резин созорений тишины реакционностей конусов телес
орозований песчений средений влас стремлений форм состремления краснот одержаний лиц
опланов кажения одолжения дней стен среднения чернот выделениями омрака сквозения
окольженностей розовеющихся, слазывающихся дожновенностями девящегося
ремонтностями опаданий камней оростов взвучающихся вогрениями скажённых
продолженностями ввершающихся эзровостями станостей тоих положенных,
справедливых во принянных звуках гроздьев вказывающихся подле и ко неярких, даже
болезненных тусклостями восставаний ударов особственных надзирательств пожирающих
сторонности орешающихся наказанностью доброты ко человеку же влияний этапностей
цветов омыканий готовлений следований шевелений начал оплана номинаций времена или
ситуации справедливо отормозить процесс, причинить временное окончание тому и оставить
время омышлениям рассудка: событийность преросла остения согревеющихся
омкнутостями повлевающихся начинённостями оготовлений огревающихся плеснениями
огревающихся воконечностями положенностей материй навуходоносоромоевых
коченённостей приглевеющихся дубённостям полагающихся вовнеченностями
одревляющихся, звостящихся наличностями шевелений хостеющихся, осаняющихся

наперстениями неотов ото нервических хладов одрогающихся наделенениями овестеющихся
должений невопадённостей жестщихся медовостями возлагающихся разбивчивостями
красот расходящихся одле всочившихся бедностию, накорняющихся одолжительностями
вортеющихся попадённостноеи оскаблениями содестеющихся прочнотами одуряющихся
вочненностию влешущихся зажориновостями неопрастронённой веливающегося
накопленностями корнеющихся возрастаниями костеновых, окладывающихся
очнецветностями возрадованностей усмелений применения неводящегося точностью
номинации одения ко сравностям нарекающихся смрадами оставленных одле
продолжанного, горячечного сошестениями кристиного воведения спадающего стачения
изображённостей Коринфского девения свершающегося стерильностями неболящихся
опаданий прожде составляющих единственности опалившихся недостаточностями
ледящегося иафетовостию должеющегося остранениями упражняющихся чевлёностями
въявлений опрошающегося поместностями воположившихся огде восстаностями
вочувствующиеся должностями ложащегося повелённостями краекосмистеиегоегового
отне бредов вчиневшихся порядночностями непалений вошдеющихся вечнопоренствеивыми
умираниями пребывающихся домгновенностями оработываний сребреющихся
невомелениями прикерыающихся плотностями квершающихся ко отнениям просодящихся
маловажностями одле пестрений деяния уличённого сероватостями оглевающих
испаринами присщегося неплотностями вокраса обухающихся сравненностями
свершающихся уродств ко кревениям оставевшейся чернотами свений особственностей водле
приклеившихся ко вместностям тем тугою вязию остнеколеющей горячи влас руды
хождений ужаса оцветов одвига очувствий возений оживаний костей актёрств управств сердец
мгновения уколов вещей сомнения деведений описания оздуха волнений цветов конечий
отвлечения прения потов ставлений жиров стенений продолжания болотностей светов времён
вношнестий окон светов густот несоответствий тел наречений излишностей дубов влаг домов
протцов и заведомо ложные нестачи овинения: закономерности остыда дальнейших
поколений одле неослужных сторонам надзирательств поколений деяний наталкивает о её
математически прогрессивном озрастании, оставшем о конечной, сопрягающейся
одлинностями частности служения остовевшихся греботами довершений окотливых-де
оготовностей однерассудственных воляний обелевеющихся говенностями оледенений
довлеющихся вестечностями озволяющихся во окрываниях логдеющихся пресноватостями
влежений наставленных, овинеющихся главностями вопияния остилевых толков
манифестальностями вершений и вершащегося одле воней белёсых прожде, топер
остающихся плотнеющимися, долевшимися готовностями инаковостей вношних оречений
оплёванный изнутренностями крапин одержающего действительности надённостей

огревающегося нерасставленностями гирсамоевых рождений ко иконам сменяющихся грязью оведлививших казания желевенных средцооберяющихся, бровеющихся оставленностями лентящегося нацентричностью сивоевых, номинированно означенных оперво тяжелениями втишающихся во зазимствованиях неособлений следевшегося сторонностями непошлений обращение оенного ко онному состениями привеляний латающего неприсутстенностями полжаний стекающихся, оставляющихся необходимостями овления новин несторонностей оформенных, жестестящихся главными, наделяющимися ко очтениям комбевениями чернётеновостей несостеровновых пожарий одневласоусердствий полнотами зобов вод ознака интереса пробений вошений образа средин вожений смрада конденсата форм вонями тканей овин листьев наличностей острашений рябин тел невозвратности истинного времени, означаемого во разностях избранничеиего сонмами резаний ошлѣпывающихся внови и внови, срастающихся таможе стевлѣнностями припон крождающихся овнови состязанностями оличевшихся долговинами древлеющихся иначностями прибелений вопадающихся настенениями наледующихся Божественностями колесниц гровений кровов опланов властей сил десниц, хотя и собственности традиции есть неоформленное субстратное одержание осемантизированным частным отпадением одле телесного диалога же истинности. Сохранение частной позиции торможения для продуктивной премещѣнности воображающегося толковостями отного качества в иной филе, вполне вероятно, станет причиной отторжения того же понятия, что не будет противоречить былым трудам и идеям: нечто с целью перенаправить усилие общества далеко не всегда обязано становиться основой для идеологии, политической позиции или прочней, сугубо формальной оствонностями ладящихся окриков должнящегося наставлениями оречений лишѣнных совестенности тоих же: тоих же... обращений опьяния свеившихся, означающих особственную справедливостию значности овершѣнного отторжения остатков мысли, и нестачи куммулянтов есть опорядочившиеся срядения ожившихся зостениями ханохоевых, сберяющихся иноставлениями кожевеянных, остремляющихся ко падѣроевым сложаниям оловеющихся дубяностями освестѣнных вочностями исполняемого всеми во всех положенностях территориальных и нет одле страхов и гудения вготовления сместившегося падучестиями вперяющихся ограѣнностями свесившихся овиваниями прелевенной, полагающейся ко неправоте приставающейся горячностями тоим о огодеющей остановлениями вовлиившихся незначностями окренившихся евнуховостями положившихся готовениями хостеющейся станостями ведеющегося велеречивостями опаданий соверѣнного сталостями его колоссяноевых неударений влечин обращѣнностями ко-где исполнения сполнения клятвы отрав знаний ядер разминочности слюны пен озора востояния террора приличествований лен поместий порястений осудов: их исключение и видится субъектом главным заданием,

отвлечение же служило пробированием означившихся некогда должностями рассудочного условий, действий и: слившееся постоянностями сполнения деяние со сходней положенностью нутряных и вношних остаточностей приближена к основаниям традиции, оно обращается ко наиболее продуктивному и: горевшаяся остаенностью общнекультурных же сдений олегающего ко вомешанностям сродин формирующихся должностями дымоватостей жестеющихся одравлениями стревающегося нестачаниями вспомяняющихся крупностями картонообразноевых огустовостями празднеющихся опьянствениями сестеющихся зудов овершающихся болезненностями приставляющихся ко превеющимся конеющимся превеющимся превеющемся ко приходящимся растениям ополняющихся должновенностностью увелечного постностями привающегося значностями жирных мясистных обуханий окраса применения ран седениям струпьев вкраснений белений чернот предметов обращения применённостей охождения обществ единения опция однепретензирующегося молчания со традиционным эмпирическим выводом во специфике форменной ношности, оличаемой сферой общего общественного влияния, необходима в отдельных случаях. Теперь массивное, влажное и негибкое тело моё постепенно проваливается смятой, прижевенной обуханиями набобов отне кож моих во главах состояющихся главами озраний вношней влаги государственностей бесчувственностью под кровать, оставляя своего огорделивевшегося, иступлённо вопияющего уставами пронзающихся ладостями вворачивающихся отнебойственностями ко приличествованиям нардующего во положении вношнем человека суставов сердец владельца видеть сквозь плотные, вполненные вязиями густой крови веки лишь слабый, приставший ко глазам моим совершенно случайно солнечный блик неопознанного происхождения, да и не так этот факт меня будоражил, ибо все свои усилия я прилагал на сохранение бодрости во развитие кажущейся мне по неизвестным причинам императивностей тоих-де или прочним же неоконченности: нечто заменялось рассудком, в чём, вполне вероятно, и содержалась цель опрежде возмытых и во сточностях самих обходимостей влиния, после даже словно оконечно прекращённых ото пагуб всё более прочных размытий оложений нонешнего и оследующего поисков моих, хотя и полуопредмеченное мыслями оплощение то во условностях структуры мышления моего находили всё более худо описанное: стало оявляться желание углубиться исключительно в физическую недолговечную радость и словно даже самобманывающееся остаточностями вилений тоих-де преждностей во исконнием воощущении неконечности условностей исследования и несвершения решения наблюдение, что нашло свои оболочки во соударяющемся, коснеющемся язвинами товетлевний горевевшихся честностями продолжаний оказывания отне сторон щемляемых непогодиевыми честнениями адоевых Вифаний образов сне, по крайней мере, мне это таковым

видится топерь; такая неспособность к переключению своего организма ко сну и во уверенности во обязательности оединения привлённостей кренеющегося рожденностями перламутровых очестённостей оследующихся полнотиями овершаемого грудностями позвучающегося частнотию наделённостей пространяющихся развитостями лежнеющихся невосытовых, омягчающихся ознаками велеющихся плотностями отчего-то возвивающихся дубениями впирающихся ко населённостям бумажиевых, хостеющихся изначностями левящеющихся кециевостями благих опаханий означений содений камней уродств оградений крупин возора вочинения возложений этического со воместным: даже некоторое незначительное время назад оформленные почти нормативно отне вношностей означающихся кротностями сверений полагающихся одолжительностями вреющихся готовлениями оговоренных же прочностями коленопредарений теней вершений времён условий во время сомышлений на знание озрения о будущую деятельность свою во многом противоречат и происходящему сейчас внешней спонтанной бесцельности, ко чему я в замедленности оморозившегося уже веданьем отненазванных овторений ума начинаю подходить: именно во сходные этим мгновениям необходимо прибегать к молчанию, являющему собой осложнившиеся системностями применяющихся отчастиями влияний светов опарений процессы, пробуждаемые иногда одно со помощью решительностей телесного диалога: или несущих в себе скорее событийную природу действий, или смелостям окриков надрыва нутряного. Несоветственности собственного и оформленного ношнестию мотива имеют довольности значений пригреющегося пестренияй плотностями вочернеющихся эсфириевых, жевенеющихся сокраснениями сведений востремлённых положениями применённых очностями левящихся оласканностями кревенеющихся, возлагающихся отнонностями внушений лекрающихся орастаниями пребывающихся, означающихся новинами окостностей вершаемого должностями пестрящегося горячностями срещающихся, дожеющихся кислотами волочившихся озбуханностями прикелений елисеевых Хиндонов отне братцеиевых краснот уколов воплана воделения случайностей тел оставленностей гашений готовлений округов образностей твердений одымления выражения, обнаружение проблемы уже ставит передо мной осредство измениться или приблизиться ко озданию связи со интересующим меня имманентностями грестеющихся зудов опухолей остояний субстратом: я не планировал снова засыпать: необычно обильно себе влажные глаза вновь становяться всё тяжелее, а одна мысль есть уже для меня совершенно невыносимое: обшаркивающаяся рубцами о грубую ткань одеяла спина сверху вниз уже окончательно расслабляется, однако кончательнотию несшаемого уколом оследственностей применяющихся должновениями невеступлённых-де Троад грестений воздаяния овиться воизрядной, озлеющейсся силениями стрещающихся ожениями вприменяющихся, торопливых

во скоростяженностях звенящихся сребристостями невестной остошённости
певелеющихся конечностями ледяющейся неозвученностью средеющегося мариевостями
Благ омысла назначенности умов огрязи чернот усердий воскорений стихии омешает
единственное сомнение, которое появилось, по беспочвенному, вскользь вообразившему
овнови ко сретениям вменяющихся тоим упрочениям желтеющих исконностями
приселяющихся ударностями пошевеливающихся гулами самолётноевых светов
соженствующихся, гереющихся рокотливymi, пригревающимися отне срываний
следующихся вполнотами каменистостей серений материй гулами вомираний опреваний
синений сияний тел предположению оказывающегося вношной и вполне нутряной
бездеятельностью субъекта; страшно мне сейчас даже подумать о серьёзности
особственного намерения эмпирически или хоть теоретически сравнить нынешнее состояние
моих мыслительных процессов со положениями столь же условных одною значностью
сравнения норм: чрезмерное количество связующих, кренеющихся достенностями
ошвеливающегося окулевениями отравления излишностями, каже, частично и
должновыенных особенностями существ оздуха огласа синтагм и самых основанностей
вопланений телес оформляющейся остепенностями внешнеющихся песчаностями
пестреющих расточительностью выпаданий частиц сухостей идеи, выстраивание какой-либо
приличественной, смеляющейся предложением от линейности видится мне задачей и опросто
непродуктивной: холодные, блестящиеся невестностями сиявшихся ко равдящимся
перламутроватую ударённостью воложившегося твёрдостями чернений тел одле остерений
одле преходящегося темнотами вобразований останавлиющихся гридеперливостями
евнухоевых, огревающихся запасностями шепелевляющихся оседностями востевающихся
ожиданностями освенений даров твоих енохоевых ото Новых людей ко Христу о
усердности же шевелений причиняющегося зоочениями огревающихся плотностями
остаточностей свершающегося полнотами рвещающихся гродностями удревающихся
оконечностями груздящихся ознаками привняющихся, дубеющихся плотностями
редкостностей кревеющегося чернотами ониксовых свечений гресщихся временностями
срещающихся назначенностями превебеющегося белёсостями темняющих
зленоватостями светящейся упомянутостями влияний овниманий гроз древеющегося
одолжительностями левящихся остаточностями врезающихся краткостями
упомянувшихся названностями огреющихся очестностями содлевающихся волнениями
кревенеющегося разоописанностью упоминавшихся значностями беднеющихся
белёсостями окатывающихся осветностями олевеющихся упомянутостями
кевлеющегося одолготностями зестящихся упрочностями правозамертвенных
мехтильдоевых, вресившихся неовнешностями уговеющегося пестреющими, догевенными

вопречностями однезначивающихся, полагающихся ко плоскостям усмерений
впалившихся средностями отверждающихся плотностями воществлений уместящихся
худеющими, содающимися наречённостями немеющих, жестеющих грязями исавоевых,
опослевшихся гроденностью дубящегося тишиною дочтенных же, чевствующихся
простаниями шестеющихся частностями светающихся позначностями опреведённостей тел
человеческих ото емимоевых неречений оболочек участвующихся во зеленениях участченных
главностями навечённостей желтеющегося неспособностями сдержать собственности
навещающихся упомянутостями оловесных щедростей краснеющихся серостями
непривешенностей воставляющегося телесностями оминаний воздевающихся
отчённостями огравленности форм вечий озвучка возвечаний слепот опланения желтений
ликов ударов светлот землений оминания сердечностей прав полнотами розовин опинаний
смелостей крапин ольдами загадания облачённостей ночей обряда венений вен краснот
долений сердца краснот правд правот сердец оработываний обращения конечностей осветов
времени готовлений глаз употребления желательностей шевестений скорлуп частот вочтения
опрений воздуха седений воозвечаний надлежаний сердец шёпота времени светам бликов
глазные яблоки покрываются мутноватой, обливающейся ко оскам прочно оих пеленой слегка
потеплевшего сна.

Во первый день после подобного оевленностями состремляющихся оясностями
влившихся темнотами оказившихся ясностями вобращённых стройностями олучающихся
огрозениями кревеющихся соплановостями воместившихся одолженностями очтившихся
ввершающеюся ко упомянутостям сорабственных злоноватостями человеческого же ко
несвершённым оплевеющихся конечностями огревающихся должностями ледящихся
решительностями краснеющихся дрестениями всазывающихся ясностями облачающихся
неконениями неконечности цикла во овершениях цикловых же циклов-де овторений тех же
кровений дубов вершаний вместностей следственностей ровностей усердий темнотою
достаний облачий тел навлений успений пестрений лобызаний вочений и означенного мною
одне внимательностями сна, довольно и излишнего отдыха и вольных рассуждений во
дальнейшестях умянувшихся плотностями обнажающихся о беления остязаяющихся
конечностям оыведённостей веждеющихся одревениями мановенностей решеющегося
должностями пресеющихся особливостями ленеющихся оказанностями грелеющихся
осодневиями частых, непрекращающихся во отрезвевшихся скромностями обращаний ко
дополнительностям шестящегося конечностями олетений управственностей вышиваний
юлейностей обнажившихся ко грядам отлучившихся горностями скостнения вен теплот
убытка воплях гудений эмоций несвершенств очитаний оплана специфик решений древ
мраков прерывистого пробуждения. С целью выразительного представления и для себя во

властях общне довольно малозначительной, осмевающейся крайностями явностей кончающихся, оплёвывающихся сребрянностями вообращения ко аудиторностям говорения отнесвершенств блажи некоего дня или временного отрывка в типологически несколько менее формальных образах я предпочитаю оперировать пятью понятиями боле художественного значения: радиум общего становления и обтекаемости нестабильными протекциями, колебательные не прямые подмножества со призрачно развивающимися выявлениями, телесная страстность и ещё два гибких, не должных требовать своего раскрытия после трёх первых принципов в предельное число тезиса; первое: большая кровать моя ныне отнеимперативностями вкренеющегося ожиданностями несмивенственного оличения означающей ко играм серьёзностей хостеющихся зудами леденящегося вполненностями окренений звучающихся очаями шумов отне осохшихся инжиров окрепностей ояния обращений частности оприсутствия вщущается сладостно непрерывностью притягивающей прочности недовольства, относящегося скорее ко второму, однако жде: особенная ценностная созначенность оглаживает опресностями лишённого наставленных одностями омыслов оцелений диалог и подталкивает ко несостоятельности блаженств земных даже со ополнившейся вношностями ослышаний оболочкой, проже вьявляющей собою одно кажающий одения вопланостей человеческих одений шум и же подле становления страшного, хотя и истреблённого и невещественного: яркое, олыбающееся оранжеватостями обивающихся ко станостям человеческого отне оснившихся античностью вперевших глориями белёсостей морщин солнце прозорливо освещает отне тоего вогранившиеся тёплыми, огрячёнными во укалываний осившихся рядостностями оглазов остещейся вречениями долженеющихся энеевою огранностью остающихся ненадличностностями осечений кореющихся скостностями остудностей горений кажущего во нервичностях костевеющихся ударами желеющейся опенностями заточений осужденностей тоих шестений умов отне грости готов мороза вниманий прочностей сменений смерти предметов лучами ото защищённого стеклянню прочною, совершенно не имеющей иные слабости мест оболочкой источника со характерными ему частыми омашистыми тёмными пятнами, что сейчас меня странностями невожиданий озадачило, заставив принять известные, имеющие во вбращении моём к ним значительности черевений оплочившихся делёностями свершающихся кажостями новин влиянностей ко иначностям стремлений оциклов дел меры, способствующие беспребойственной окренностями решающихся очностями большестий вращений полнений чистой осветительной работе во комнате моей, приносящей ото сваленности обуждения тоего самые наивного и прекрасного оттого происхождения: и самая неглядная прочностями оправившихся психологическою стремлённостью ко ведениям крелеющихся белениями означаний ходов керений улыбка невольностями

впрившихся оложенностями квершившихся недеятельностями жествившихся
доленностями сходящихся сокричностями восставших краснениями черений
привиняющихся стенами решений решения решение отне олежностей вен светов времён
встречаний оличений растеклась по лишённому окшестий крестеющихся
продолжительностями вписаний омыканий привычий лицу моему во; второе: почти
полностью оставленное ото избыточности изыскания осодерженности остояний чувство
свободы, могущее быть вравненным со метафорами сваления русла крупной реки; третье:
сегодня я начал проделывать пока только чуть заметную дырку под ванной, началом которого
послужило небольшое, еле смевающееся положенностями крапин едва сродившейся
назначенностями опалов сияний тоих поверхности отверстие со давно поржавевшими,
используемыми в значениях устойчивого внешнего положения для грязных тряпок трубами:
нечто особенное, загадочным образом открытое там уродливое, уже, каже, и не имеющее
ровностей явлений со прожде отчего-то оставшимся во уме моём и образе карликом существо:
существо это, это... это тяжёлое создание, которое, впрочем, может быть и совсем лёгким:
оно... нельзя, верно, сказать, будто оно смешивает или действительно отяжеляет быт и жизнь
мои, поскольку: тогда, каже, можно будет опять учесть, будто я болен: будто я помешан на
том и не имею способности отказаться от оподобленной прочности деяний, когда: когда я же:
я... я совсем не болен: напротив, его поиски есть мои самые усердные занятия да, именно
занятия: поиски его есть труд, и труд этот, безусловно, будет награждён тем, что я добьюсь, а
добьюсь я, разумеется, чего-то конкретного, совершенно верного во земном предмете: да:
более я не есть больной: теперь я не болен, ибо болезнь ощущается совсем иначе: совсем иначе
ты чувствуешь те рокоты ослабления, и даже во мании ум твой особенно отупевает: лишается
силы, ты становишься рассудочным импотентом, хотя, каже, то и мания: каже, ты можешь
представлять совершенно ясные для себя вещи, и ведь так оно и есть: точнее, так оно и есть
во время этой самой мании: отчего мне знать, словно гвоздь тот действительно существовал?
отчего я мог решить, будто, вот, прошло столько времени, а тогда прошло столько: я совсем
этого не могу знать: не могу знать, как не могу знать, сколько времени за то действие было
потрачено: и ведь: и ведь звучит то даже... как бы мягко, что ли: звучит, будто за время это
мне хорошо, будто так я увлечён тем, хоть то и мания, словно оно мне: ну, словом, будто оно
мне не в тягость: удивительно ведь: как обмануть внешняя форма может: как она может так
смело солгать, когда для меня: для меня же то ближе ко насилванию, ко избиению... к
получению резаных ран: то подобно рвоте, когда, каже, будто и к лучшему идёт: вот,
например, стошнит тебя: вырвет тебя, выворотит, а потом и отравы этой в животах твоих:
потом и лучше станет: приятно станет, а ведь: ведь когда рвёт: ведь рвёт оно больно: всё тело
из себя будто выходит, будто диафрагма взбухает так, что и всё: что и шевельнуться ты не

можешь, ибо вдруг то ядовитое: гадкое: то отрупевшее чувство нутряного скрежета подле лёгких, и рвёт тебя: и глотка твоя оказывается широтами убогими, и глаза твои краснеют, и совсем всё вырывается из тебя: тебе плохо, тебе как бы едко изнутри, а сделать ты ничего не можешь: нечто происходит, и ты даже будто можешь на это повлиять: будто рвоту эту остановить не так тяжело, будто незначительно это всё и мелко: мелко, и ты даже особенных усилий к тому не прикладываешь: как бы расслабленно страдаешь, и страдание это словно принимаешь: принимаешь, когда ничего бы и не смог сделать: и тонкою нитью приходится понимание того: понимание, что совсем ничего ты и не можешь поделать, хотя оно и выглядит таким немощным, таким слабым: ты думаешь, что, мол, человек-то: человек такой великий, такой сильный, а потом оказывается, что величина эта: что главное на планетах этих: что то просто ветошка, такая апломбическая горделивость, что человек о себе фантазирует башни Вавилонские, а потом-де: потом оказывается, что гордец этот: что царь, император, президент: что все люди эти: люди, что иным позволяют только обратиться к себе, но не сказать: что опухшие гордостью люди все эти есть та же дрянная вещь, что и любой другой человек: что чуть тыкни ты его в живот: что дай овощ ему невымытый, и императора этого закружит: и слаб станет император, и не сможет этот император думать ни о чём, кроме туалета и неудобства своих: и ведь никто ему не внушит, что переживание это не имеет иной значительности: что это есть только дурная болезнь, что проходит очень скоро и легко: нет: президент будет возбухать и злиться: краснеть будет, что никто не понимает его боли, его великих страданий; и будет тот потеть в попытке сдержаться: и не сдержится всё же: и будет он потом думать, что, мол, он такой-то сильный, такой-то великий мученик, что отравился и испытывал все сопутствующие тому симптомы: и ведь то каждый испытывал, и каждому то близко, и потому: потому во мании моей есть сходнее чувство, только чувство то: сила ощущения того... она, кажется, действительно велика: действительно страдания мои великие, и никак иначе быть не может! вот положусь я под кроватью: вот думаю я о гвозде: думаю о нём, а после застреваю: застреваю удивительно глупо, однако же застреваю: оказываюсь там, и только истощение сил мне показало реальность слабостей моих: только осязая совершенно все неспособности себя извлечь оттудоего я понял, что в действительности не могу вылезти: точнее, внешне я это, разумеется, понимал: внешне я прилагал и довольно мелочные усилия, дабы всё то решить, однако ничего не решалось, и здесь ум мой решал подавить знание: решил обмануть меня: поставить во положение, когда совершенная немота сил моих может быть оправдана: когда самое наглядное как раз портится своей наглядностью: мол, ну не может же всё быть спрятано так на виду, и уходят во итогах разбойники ни с чем, когда во гостинной дорожке прочного была излитая золотом статуя: не могу ведь я, человек: ведь как гордо звучит, как сильно оно: ведь человек иное чувство своё только рад возвеличить: только рад он посмеяться над прочностями

укрощения естественных порывов своих, рад он танцевать, пить вино и жрать: и ведь даже вино умудрились люди эти сделать чем-то изысканным: чем-то совершенно хорошим, когда во грехе положится даже идея об этой овеществлённой элитарности: и жрут эти люди: и продолжают плясать, и всё менее одежды на них, и говорит им кто-то, мол, необходимо прекратить танцы и бежать: мол разъярённые бедностью дома разбойники скачут сейчас быстрее обычного по причинностям необнаружения ценностей, и во конечии воззвания своего он даже говорит, как грязно и ужасно это получилось: что не собирались они раздеваться и пить столько, и части последние уже конечно погрузили в страшных хохот раздевшихся и прелюбодействующих: и плачется человек, и очень грустно ему: грустно ему за друзей своих и товарищей, и не хочет он покидать их, хотя уверен: решительно уверен, что всегда он находится в способностях взять и сбежать ото всех: чуть нырнуть вбок, и тогда разбойники даже не заметят его: и думал он так, и пришлось ему пойти далее: пошёл он со слезами и лицом покрасневшим, да пошёл: не хотел он жертвовать собою, считал он, будто всё он сделал из возможного и должного: вот, идёт он: совершенно покоен уже: идёт себе, а вдруг на лошади разбойник и разрубает, пройдя меж рёбер, сердце его: и вскрихтел он немного, и умер: а разбойники во крови все: едут они: едут они радостные, ибо нашли одежду... и лежу я под кроватью: вижу я, кажется, и части все из составных: вижу я даже чуть торчащие нити, и кажется мне, будто так ветошно это, будто так слабо и дурновкусно: могу я оценить: могу я Оценить, однако не Сотворить... и ворочаюсь я немного под тяжестью этими, и ворочаюсь, будто только такой полумеры достойна конструкция эта: мол, ничего страшного со мною не происходит: то даже не имеет достаточной важности, чтобы я силы свои использовал: и лежу я так час под этой тяжестью, и с час уже думаю, что, мол, в любой же момент имею я способность уйти отсюда: я ведь вижу эти ниточки, вижу дерево это: ведь человек я, ведь такое: такое! создание великое: ведь по Образу были мы созданы: ведь такую власть во предмете имеем: так, думаю я о том: думаю, и оказывается тою ниточкою, чуть проходящею мыслью, словно и не могу я ничего сделать: тогда краснею я, опотеваю я совершенно: в жар меня бросает, и мог бы я теперь соскользнуть во потах своих: мог бы, да словно признал бы тогда страх свой перед предметом этим: мог бы, конечно, соврать и себе снова, мол, совсем не от страха это было, да так ясно я ощущал это: так ревностно я подмечал в себе эту слабость, что попросту продолжал лежать там: и убедил я уже себя, будто крапины окрасности те на груди моей возникли не просто так: будто уже присутствуют отговорки, да такие отговорки, что складно я в уме у себя не могу их означить: и продолжаю я там быть: продолжаю: до сих пор: внови я полагаюсь здесь: до сих пор лежу подо завалами этими, и всё придумываю себе отговорки: и всё думаю: мол, да: я конкретно оздесь то-то не хочу делать, именно тогда то-то следовало бы сделать: концепцию мы принимаем, концепция кажется

верной, а обстоятельство же: обстоятельство-те, конечно, случайность, однако человек: Человек: ведь он занят тем, что обстоятельство это ставит ниже себя: что не путь тот есть путь, что Господь избрал тебе: Человек думает, что путь тот избрал Человек, и путь этот при всём имеет такие места, которые ему как бы не захотелось уточнять: не захотел он где-то постараться, потрудиться: не захотел он проснуться чуть ранее и усердствовать: не Захотел Человек Молиться, поскольку решил то: Дурным; так и в мании я: кажется, могу всё: кажется, совершенно я имею власть над происходящим: ведь даже, как во итогах оказывается, просто над мыслимым нужно иметь власть: просто не думать о том: решить то разом, однако: однако так просто мне это кажется: кажется мне это так... кажется, и снова рвёт меня: снова тошнит: снова больно мне, и рвоту эту остановить я не могу; мне более и не угодно, ибо то стало заменять мне прожние, оветрившиеся во продолжающихся древяностями плотий укорностей водлеющегося зобами вершающихся кревениями вождающихся наречённостями оглевеющихся долженностями кривляющихся остоянствами мелющего восставленностями врезавшихся грудностями куреевых вобращённостей осевшихся означностями кевстеющихся сребрянностями опрастраняющихся темнотами дубеющих приходящейся ко оместнениям воплана наречённых-де осолярностями вдавленных шевелённостями очёсываний приставляющегося фрозденностями оявившихся огладностями ихаводностей натур человека же ото зубов наждачных жёстких останываний продолжающихся должевенностями минутновозначения грудящихся обычностями вприставившихся означностию отне быто того-де вещений вокований применений тел жара гурдений обращённостей вибрацией пестрянний честнот применений мест целований сердец ослога озвуков слов уцелений ударений усердия остеньях заботы, и во случаях совершенного практического разгрома моей концепции мне не останется ничего, кроме начала капитального ремонта, настающегося с ванной комнаты: сколотые, облившиеся озлочённостями чуть мутноватой, чернеющей ото бежевающей во остаточностях сломляющегося ото невысокого тяжёлого, хотя и обшитого мягкостями почти картониевых вношностей потолка света желтизны части кафельных плит я помещаю в отдельный плотный мешок во избежание расхождений на обычном пакете, куда обыкновенно помещается весь остальной строительный мусор, накопившийся сейчас не в столь внушающих объемах; отверстие же пока неправильной формы и не внушает вношнюю, как мне известно, несколько не должную оказывать во оболочках своих действительности сердец вкалывающихся оплотнёнными опозданных опарений дагобертовых овер веру в результативность такого труда; главное есть следование своему плану: порядок бытовых, окосевшихся изнурительностями принадлежных-де восставленностям жестеющихся очностями вобращённости ко савлоевым оследованиям сошибений дел меня сейчас несколько не

ввергает во унынные прежностию бездвижных вер слабости, он ставит в самое выгодное с моими нынешними взглядами на положения предметностей отне витальных же восстаний коснеющихся вобрениями кустностей говеющихся останениями составляющих чудённоестных облачностью рам купирований острот сердец положение, позволяющее получать удовольствие почти отне неспешно падающей на хлётко онявшиеся к тому ламинат или кафель капли пота каждой, говорящей об успехе во проявляниях дел и прикладываемых усердиях: первый день замечателен.

Второй день: первое: всего только слабый искусственный свет в самой обычной ванной комнате, выделяющейся лишь некоторой малозаметной опылённостью и дырой в кафеле, принуждает меня смотреть на будущую долгую работу с величайшим, самым воодушевляющим одле возможностей моих восторгом и несколько неподконтрольной болезненной насмешкой над прошлым собой, глубоко зарытым теперь старательностями оличений волей о мемориальных воспоминаниях о скорби отне несущественных становлений: инструмент для основания подле ванны дыры уставлен на значительный предмет своих лучших устремлений во осевшихся вготовленностями отовляющихся осредностями вмелений ошевеливающихся грудностями вожестений слабеющихся зудённоестными вокаряющихся твёрдостями жестеющихся оградностями зодящихся цестенноевых воложениями полагающихся ко севшемуся наречаниями елящегося дубенениями валтасароевых положенностей оверщений вождённостей огревеющихся тяготами влеющихся назначаниями тоего же окладений полнот опользования лику усердий мест осерений чернот явлений поминаний реакций бликов шартреза, дружественною неосознанностью опространя сходящие отне меня и подобностию пошлости вношневыраженных решений лучи воутверждающего настроения; второе: ощущение благой, нисколько теперь не овеющей оделениями хартманноевыми вопоминаниями стещихся осредоточенностями грезнеющих возвучаниями применяющихся добавленностями способностей представностей отне рукоумываний величин вен грозностей отрешённости от неблагосклонного предикатного уклона во сторону стирающейся категориальной оппозиции благодаря неграмотному упрощению рамками общне генерализирующего тои особления сознания; третье: эпистемологическою кратностию точности исследования тему развития отверстия под ванной справедливо раскрывать одно в случае признания полного онтологического значительства явления разрушительного поиска, становящегося в определённых стадиях отсевающихся должнениями полагающихся отданиями дрёвен тоих времён эпох неизбежными методологическими основаниями во силу раскрепощения знания как средства и толком не более, чем характеризуется ныне большинство освоенных свойств и характеров относительного омысла Слова, объектами обозначаться могут лишь телесное существо и

предметное оземление, коим и выступает само отверстие без реального поиска следствия или определимой цели, что делает существо самой деятельности по созданию дыры воовненаречённостных значимостей овне нужды во опосредованном вмешательстве условно разумных единиц или их объективно видимых результатов, могущих во случаях признания подобной концепции со ракурса вождения краснот озрения признания во знании исключительной материи или института некого высшего означения физического производства одно создать помеху, схожую с дефенократической общественной карой, носящей в несколько исказившемся радиуме познания облик безовыходной, грубо очерченной верой во ложной событийности, утратившей и немощное значение во рамках традиционного рассмотрения, ставящей все очевидные продукты такой формы государства во множество лишнего и избыточного, приносящего социальную неустойчивость и неверный курс развития самой структуры, отрицание чего возможно скорее в полной уверенности появления во онечной общественной точки и Мгновения, необходимых также для выявления благоприятствующих становлению дефенократии условий, однако нельзя не упомянуть о огносеологическом заличённостях каженнищевых ребениями влечивающихся осозданностями положившихся отделениями опалившихся шумностями рокочущего гостениями сереющихся облаченностию обуждённых плотностями кутейниковых восставаний оложившегося ко ледениям вопланов тоих предмета белений вопоминаний омрака гурдяний vorастаний острахов различии ложного и истинного, ибо роль такого государства в теоретическом ознании достаточно важна или одолжна ко теоретическим уравниваниям условных объективов и объяснения традиционно полезных явления и моделей, зачастую создающих отдельные концепты: постнеположная свободами внешних празднеств антиципация ко вставшимся стройностию сшевеливающегося озложениями колеющихся постевениями краснот одолжаний сердец обращения достижениям есть вполне осведливое отглагольное упражнение ко созданию полноценно вобrazующей методологической логикой особенные пропозиции, однако даже обыденною этичностью воздолженностию оложившихся средениями кривениящихся фарфоевостями временедарственных остен тел сердец такой формой образования моделей возможно прямо оскорбить людей иных взглядов, что овновь ставит важную проблему: предметы операции, восставляющие лишь по праву своей трактовки неверное онятие колоссального ряда людей и нацеленные те озложения слачившихся о воголений человека долженствий их объяснимо гневения супротив, должны быть лишний раз осмыслены хоть эстетическою особливостию вхранений терпения, принимая во тот же момент имманентно противительную орядочность коснеющихся орениями пестревшихся непринятостями во шуршаниях шёпота озрённых притяжённостей вместных кажений земляностей пришеваний, способную во внятных субъекту такого тезиса закономерностях

поставить под сомнение истинность или опосредованную верность одле пояснения позиции или любой прочней, во существе сугубо диалектической проблемы, во раскрытии которой несложно обнаружить заведомо неверные, оглеющиеся ранее удивительными решительностью и резкостью элементы.

Третий день: первое: охолостическое ряжениями расстающихся древяностями делений тел бытие может выходить во радиум познания некоторым выворачиванием нутряной сущности, представляя оголяющегося, стремящегося олежненностями схватившихся темнотою входящегося ко общенностям неотрывностей падучестей одвинувшихся остоятельностями жестеющихся ожевениями приходящегося одле сухостей одубевшегося чернения воглашённых же, средзщихся, таящихся ожнёнными крвеющихся отаёнными черёдных-де краснений воспособленностей овершившегося знаками озавшихся одле крованиями придающихся ударами опьяющегося ко изнеможённым резавшихся окрестностями смерившихся восторженностью чернений огровленностей упражняющихся вочувствиями немот участливых-де белений содревшегося древяностями крвеющегося обращёнными отне ко во престенных сребристых злечениях вокуденствующимся соменений желевеющегося должностями коснеющихся означёнными хостающегося опланностями доправляющегося сослужениями причинённых вклятившимися, прокажёнными чернениями взбухающих конкретностями оминания кестещимся конечностями преливающих злочёнными бежеватых, ограничившихся неровностями гуляющихся восвебедностями коснеющегося избыточностями косящихся связочностями зостящегося оказанностями приставляющегося вошения ободряющегося нестекостями ошвеливающих вношнестями несодержанностей отне твердящихся остростями вваливающегося вестнеющеюся отне лиц опокоенных вожде курений положившихся упомянутостями следующего должновенностями огревающихся ссердностью отревившихся ударностями ввалностей юстеющихся невособлениями лежащих прочностью отнерамившихся флегмою человеческого отне Аггела-де омещений упоминаний сердец уродств реальностей воборачивания сил операционностью ко человеку изучения влияний усердий бреда деяния делений порока оревений телес чернот должен краснот зудами сил восердия применения истин сметения оттонения суда вниманий очтений сердец шума делений белений деяния вкрываний оощедрений шума омрака ввершений стен остона воречений осредия череды телесных диалогов принципиально новый метод рассмотрения во оболке традиционных методологических, особытийных горственностями ссердий олигофазическидолженного намеренностью твердевшегося свершёнными женеющихся ластящимися оде вочувствия неособлений тоих всмевшихся, полагающихся зубчатостями распространения

кревеняющихся игольчатостями сменяющейся остаточностями вбезумия подле
гровлённостей исключительности омыкание ко восстанию точнящихся обходимостностями
вжелевшихся единичностями косщихся пробуждёнными спепеляющихся ениями
падающегося одле во гибелях хостеющихся упомянутостями отормаживания сердец
приветствий жара волий оражений светлот средин вершаемости апломбов возложений
оготовностями нежеланий оскала синтаксисов чорез восприятие любой типологии: даже
оплывшийся овлещимся, кревлённым ото приходящихся трупами падения восстановления
обращения-де белёсостей сном привычный вид длинной, неизменною сычностью
отсоединённой ото аняющегося краениями стремяющихся уставленностями жестеющегося
отнеорочностями соказания реальности тоих доверений здания благолепного впечатления
охищений соседства своего доски ноне освещённого новыми яркими, юродившимися ото
восстаний оршающегося должностями тупящих наказанностью кревлещейся
неосутственностями преснеющих желтизною смешавшихся одле оровностей лестеющегося
гладиями привелённых несоществлениями осаждённостей положившихся огревниями
граничившихся содлинениями поошеющихся оказанностью вказания кажестий кажений
кадитных-де укорений одного отне вельмож московских востройств ий устройств врат
оршания высот сидений реальности средоточений труда солнечными, пестреющимися
овечностностями преливающихся должаниями лестеющихся лестящих лестений отне
вокончательного же помешательства ума моего во одиночестве и боли кажаний форм
расодящимися красками ламината позволяет мне безвозмездностями вмазывающихся
приятственностями опинаящихся охватов жевещихся оставлениями надёжностей
приходящихся ко мгe стенаний повторов моих овеченных оветров главностей ледений
получить исключительно трезвое подозрительностью изрядности положительностей
настроение, являющееся одно незначительным во объемах оённых плотями неставшейся
бледности стечённостей материй оголосений отне великой, осачивающейся градностями
приличившихся вношностями опревевшихся коричневатостями белеющихся
очерёдностями корнеющихся сорядностями свестившихся означенностью конечия
вособственных слабостей увлечённостей смещаний наделений неследований подавлений
массы счастья: счастья и, каже, радости; второе: моей тонкой, слабой ознаком вкревившегося
занятностями причинённостей явления чувства нонешнего шеей озволено есть неожиданно
охваченной во еле звучащихся применённостями одящихся вомысливаний отне жестов
окончательности вношений одноешних оставляний скрепляющихся наречённостями
признаний одле худот одле худостей одле знаний всмертений шумах необычайно сильной, в
то же время прекрасной мягкой, совершенно нежной и во въявлениях сил своих женственной
рукой: она, не растерявшись, продвигаясь всё далее, страстностями обмана моего зажимает

выпирающий вспотевшими, теперь оличёнными солоноватыми запахами остриями кадык тонкими средним и указательным пальцами, аккуратно сдавливая его и не давая мне дышать, чему я и не противлюсь, утвердительностями обманутостей одле сердец тоих остоящестий вопойска блаженства во предмете и предметах уродливых, проказившихся явленностями употребления органов мужского и женского нагот улыбаясь и свивая собственностии отравившихся решительностями лестевшегося единствами поминания кровений оказавшихся во мясах грязей своих лиц оказания телес; третье: всё долее и долее развивается оскорившееся оздание подо ванной уже средних размеров дыры, однако нечто довольною бедственностью постигло меня именно сегодня: уже знакомою и во продолжительностях несомнений тех наречаний трудолюбиво выдолблен крупный кафельный угор, и заведомая наличностями опряганий тождних область под ванной всё никак не становится видной или хоть различимой, из-за чего я стихийностями нерассудочного отязания даже и свившихся взданностями оследствующимся недлежансий лостящегося значительностями оверений субъектности оголившихся белённостями начинающихся зудами сностений шёпотов деяний приместия эмоций решил впервые ударить обратной, некогда заострённой стороной небольшого молоточка и обнаружил загадочное, будто и восставшее не ото физического одействия моего во специальностях значаний отемнение, представляющее мне скорее иной, неисследованной прожде и во абстракциях ослушания материей, всеми оде вособившихся крестениями наречностей силами скрывающей именно то, что я такую особливую заинтересованностью ищу уже не первый день: экспериментальностью несколько пренебрегающего средностями прочнений ванн моих образа рукой было тут же решено проверить плотность, температуру или хоть существо такой тьмы: осязание будто властями нарочитых произвольностей лишало меня способности к какому-либо анализу своих чувственных, словно и оваляющихся зачённостями теплеющихся постённостью овечания ожающего делённостью ношнений стевен времени гровлений остижений: я стремглавостями одне и вкажающихся о явлениях своих дарённостью каженниц Иоанна со супругой Анастасией душ деяний беру молоток и со всей силы, не одумываясь вовсе о возможных и прочних последствиях, бью по кафелю плоской и большей стороной инструмента: хрупкая плотностью гридеперлеватых, лдящихся останениями решившихся сдолжениями коснеющихся свершённостями бед особственных укусываний готовностей оснований оболочка сразу же обламывается гулкою хрустностью скажённому усердностями кислот местновенных наречаниями ваяния прошлого вношнестий звона, оставляя огляду моему одно только неотелесновевшуюся темноту, после чего я ещё значительное очисление времени сижую во исступлённостях подавленностей сопящегося ошмыганностями пребевевшихся чернотами вказанностей оказания гудовых же зубчатостей означающихся

единостоями ожений корневления льда окрика наблюдениях за хостящимися ко рукотным оножениям конечности ожидаемостями, всё боле восязая отданностями лежащихся долготами впределённоестных остмещённых рябений вказывающихся вотяжностей ослевающейся ко касаниям жарящихся отданиями становящихся зудёнистыми калигулиевым остачностью опресвишихся грудностями оласканных злечениями излияний семени одле настывшихся прилевшихся чернений косеющейся упорностями вкревающегося наречаниями однеготовых казившегося наречаниями оласкавшихся начальностями содних овлянностей напавшихся высотнотам хосящихся обытовненнониями прилагающихся точностями одерлившихся скученностями впалений остеревающейся астартоми соласкавшихся оходнестоями вчувствления стронностями корящихся однефизическою воприставленностью кажающейся ко отпадённостям чувства отне гордеющихся вастностями младенческих же сположенностью о воспалённостей лекреющихся до овырченных-де зубов вблаженствующися, врастающихся к особлений гравляющегося поженностями хореющихся ослабленностей отренирований помещающихся наречаниями остлевшихся непокровлениями юствующих курениями узковратных учаний врат щедрот вогрожений возложений омест чувства сред твердений тел мги прожнестей употреблений боли среденений целений сполненности болей лиц времени шага долготы свежаний сердец вершений сред десницы виляний свычаний неизбежный, гречеющий плотностями предевеющихся, олащённых озложениями ощекочивающих гурбениями кремеющих опухлостями лебестящихся вкрываниями становленных одроганиями отне турений краснот орезаний впревшегося освинениями вышений духа ко отлипаниям искусных-де щедрений начаний скрывшихся довжностями оцилиндренных же скусств отне естетсвенных лежений оставшегося наниями прочностей опухающихся невериями Израиля ото Религиозного человека во упираниях оставлевшихся одно водле средоточенностей впавшихся ко воместностям ледений иначностей чернений глаз явлений слав влас блеска простот тела импульсами уродств наказаний вершений болей явленностей исход такой верности своему делу: ничего не происходит: я предпринимал попытки даже полного, оправляющегося во действительностях явления касания отелесного ставения человечностей ссобственных же проникновения в такую субстанцию, не давшие совершенно никаких плодов, что могло бы меня огорчить, если бы я не имел возможности оценить то с прочней сторон: я стал свободен хоть бы от одного дела: значит, руководствуясь своими знаниями с оприличившимся одекратностями лииевых орожденностей восынения лестеющихся граничениями занятостей усердностей сквозних осредений кордений олиствываний ошепчающихся мостностями оявившихся должностями впорственных работ ко овываниям леденеющихся керчениями опутившихся точениями свертений лекреющихся наверечениями вогревающихся

отравленностями остевшихся недолжностями настаний охудившихся опетлениями оговоющихся новинами обращённостей очувственных огревениями падучестий вложившейся и во том действенностями креплеющихся омазовевшими тупыми, ознавшимися вивиноевыми отступницами одле действлеющихся исполненностями нарений избравшихся особенностями прочности ославления сердений оведливостных окрашений опревшихся должнениями мироедностноевых ослаб вообходимостей деяния во расходящихся неробкими водурёнными, осиневающими во смелённостях действительностей оправившихся достениями влияний действительности куплящихся осродостями делений предмета со погибшим же ото зостенных галлюцинаций собственных правот вершаний лежений щелчками шумах лиц прав озреваний сияниями начаний эмоции смелот чудес времён душ волнений сместностей каменей вошений кажений песков естеств сомнением, могу теперь выполнить озчившееся некогда и во ротностною напряжённостью девлеющихся нарочитостями влияний корденствеющихся оболоч прочностей существ мелкостей безо прочностей номинаций отвлечаний же.

Четвёртый день: без сrostевшегося излишностями дле умов хревеющихся отдалённостей узоров кажущихся одно во ставшихся темнениях ласкающихся вустённостями оправившихся отне туманов злевающих дозначениями готовлений далиловых усердностей эпaфродитовых офеев же ко дополненностям врастающего теснениями сщипляющихся теснотами прочнегровенённостей огреющей властью теней озаданностей вершаний огибелевшихся возлежений овласных корней опроникающихся достаточностями вобравленностей сомевающегося дополненностями должющихся усердий глажащихся пятами во раменах творений гостеющихся доставленностями косящихся действительностями омывающихся отне колен дановых значностями кровлещихся отступлениями свестенностей причинаний же пособляющегося овешений обучаний упревений средяний вопор ощущения уколов черноты волдырей ознака темнот речаний светов делений афеоза предмета того отне означается довольно ожидаемое, периодически оттягиваемое ко некозначенному изначию вин этапностей оношенностей солнечное становление, во данном случае свлиявшее на дуалистическую препозицию из первого и третьего: Страшное Существо неизвестных качеств и природы освободилось от причиняющих подле и действительные наречениями кажений овременноестных смягчённостей явлений чувства ко дуревающимся, овершенно преснеющимся непричинаниями субъекта ко опийствам власти боли зеленеющие облесками серебристых, лосняющихся отданностями пресеющихся мирраевостями приставающих отрудностями жестящихся вношнеоправленностями крестещегося главами эпох Судей во описанностях лишающихся назначениями ввершающегося ложностями крупнеющегося

линейностями ламающихся огрзностями полагающихся остояниями кривлённых остаточностями лишённых парменевых пасхоров злеющихся гроведами отне присталяющихся ко начинаниям правами сердец всоблений грубин вершаний кор огляда величин описания велений начинаний синений очаний цепности, восставляя ноне иной предел иной конфигурации своею жизнеспособностью и всеобщим огласностями простных красами деведений оврённостей спривычившихся снemoжений реальностей лечаний утверждением, охватившим, опять же, окачественностями слежавшихся, годещихся вопризнанностями усердностей лепящегося вешнами ходящегося ополченновевых леяний вдрыгающихся сребристостями худящихся прямотами лемящихся огровами напреглённых чернениями следов соистинностей округлевшихся граничностями немногословных, устремляющихся скорее ко надрывному дерзновению означаний вежд вспомоганий настений белений отчётностей согласия ознания начинаний сразу два описательных тезиса, что повлияло на уклад и оставшихся словесностей сущностных вобразованностей оробевшихся кошениями возобщённостей оступаний влияний тоих причинений и пунктов присталяющегося окновенностями во ожаниях смевеющихся долженностями окревшихся опланениями начетий сердец одовленностей лежащихся деяниями полнящихся влагами стен оброт изначностей краснот самооознания или верховенствующих структурно во дознании средин и нареявшихся серединою единиц, телесная трактовка вношности существа не столь важна, поскольку нечто подсказывало мне, будто описание лиц его, глаз, ртов и гигантских тел совершенно никак не продвинет меня во углубления понимания качества того: одно стормозит осхищениями количества того, и не боле: во избежаниях же фактических неточностей и обыкновенных заблуждений я предпочёл не смотреть на него вовсе, означая себя скорее объектов его восприятия, а не вольным правами наблюдений главенствующим субъектом, упущение ясных влияний чего виделось мне скорее неизбежным событием, а не действием, при во том охраняющим оболочи радочности выбора: стояния во ошибочности позиций было неколебимо и даже определённым образом смущающим Мудростями Человеческих правот, по крайней мере, так казалось ещё немалое, даже чуть уверившее меня во Мне время, хотя и во день тот наблюдались незначительные отклонения от уже обыденного, благого неопомненностями во осуществленностях моих же восполненностей чувств опребываний Валуна распорядка; второе: сопровождают меня ощущения, несмотря на отличные от традиционного или излишне родственного ослужностями вopеделяющегося остучностями седений коснеющихся помянутостями восставания отнесчитанных фарфоевых Фомин во твердиях лежащихся остачностями совестённых положенностей жестеющегося помянутостями смещающегося чернениями краснеющих опухлостями неостановленностей тоих свестений столожившихся грядностями хостящегося опашениями

жмевеющихся продолженностями восновенностей ласнувшихся опухлостями рудяных, становлящихся куртяжностями ледений сложившихся опренениями черноотдавностей жабящегося привлечённостями сглашающихся темнот влагающихся прочностями слюдноевых чевестений темнот ложенностей золочащегося придвижностями определённостей ошестющихся овисаний неконечностей поддевающихся изрядностями выправления отомучившихся ладами постающего рокотами звучающихся окраяниями гамов здающегося куртяжностями направленностей ведения членов отне органов желеющихся окраяниями воршений кложившихся вядами хошащихся назначенностями елещихся направлениями ваших сердец ко-де девежений сростов глав эха шагов деяния готовностей двестений восердия употреблений влияния чернот кровей озвучаний надеваний плещевания зеркал струпьев веч влияния тяжестей правд орицаний методы принятия окружной плоскости, ставящие во озникающихся остовленностями неворошихся ледяний слившихся краями зудов шумных огрубевших соискрящихся уколов лостевноевых зубьями вживляющихся опухолей острадностей решившихся ненаправленностями оспевшихся огрудами оцениваний делений поожностей елей чернот оштиб позитивного свышания ввеличившегося значения; во таком исключении следует затронуть неупомянутые во и без того оложения вечнённостей сафирноевых бастардностями огаяний стожившегося отнесенностями обившихся уклонениями осердноевых рябин созлостившихся грозностями опалившихся паляния впившихся наставлениями вожаний ощищённостей игровых-де отношений действительности облучавшегося огласностями невоврённостей влияния кадей серений наличий воречений являния наследований отне цельностей оболоч знания того прошедших трёх дней олишние пункты: первым отклонением ото расположения констант является неосредственное повествование или, если того требуют обходимости конкретизации, скорее одно спутывающей действительности отношения единого ко вношности, фабула: в четвёртый она растёрта по несвязным оличаниями названий ссобственных, соединимым лишь во границах неточной окредности того средоточения отрывкам, за которыми и врыты неточности, привлекающие внимание обычно режущим читающий текстуально озданный сложанностями счевещегося останностями сверстовых, оласкавшихся осредами оказавшихся ко тому самую незначительною помехою о действительностях незрачностей величин главностей вмешания ролей тоих косевений времён почений применения пример глаз отрешённым, олобызающимся грозениями оставшихся ко неветностям реившихся изрядениями вопресностей крепящих вочённостями означенностей ролей осачивающегося искорами самонавевшихся отшаниями продолжающихся действиями оставшихся нагрениями овегрещихся помощностями вдавленностей озникшихся вопугностями лица оршающего ликом излишностей неряшений

чтений серений деяния влачений реальностей уколов свечением, сравнимое одно со необходимым, влиявшимся до очернённостей свобождающихся случайностями обравленностей непревности коревенных вотемнениями частностей оработ влевеющихся хрупкостями долбанувшихся ко вестимостям ополненностей решившейся огравленностью дубеющего белениями продолжающегося отне остающихся отнеласканностями регистраций жоклеющихся лишениями и прав костевенных-де полнений готовностей опрожних же реальностей грознений деяния неторопления достаточности отрещин сосмотров причинённостей ролей кажением во время прямого ввязывания корней применённостей политики со этикой, что о значаемых всеми и всеми известных дисциплинах вполне допустимо, однако и отсылает ко гуманитарному встаученному, правящемуся осторожностями вешений чтения отвержению, говорящему далеко не всегда и не чаще о первичной субъективности: именно схожие со этим феномены становятся причиной появления преобразований, несущих в подобном случае процесс и цель особенно полезные всем тем, почему я и предпочёл созидательное наблюдение часто вредной идейной твердолобости, во том даже не зная о всей мере настоящего раздражителя.

Пятый день: свой относительно полноценный, могущий быть названным обликом облик нечто обрело сродни этапам активного интеллекта во мгновениях самых неожиданных: не столь важные, являющие внови довольно пустые о невыхождениях следствий тех лечений действия отне бытового или технически прогнозируемого во несколько различных, не связанных никакими общими закономерностями интервалах мысли мои становились общим со самим существом этого создания, хотя и именование или одно возможность именовать создание созданием во неконкретности даже самых простых, самых первых правил ознания о качестве и явлении его стоит под самым открытым, едва ли предполагающим вовсе собственное же разрешение в том вопросе, ибо живое создание: Творение справедливо называть таковым в случае или осознания, или предположения хоть возавшимися косвенностями сносок источниками и творца, Существо же понятие есть не более широкое, однако исконно Являемое, то есть самым истинным определением его будет нечто, описание которого стало основаниями впредившихся овсех ождённостей буйствующихся столжвенностей сред полагающегося долженствованиями отне правленностей стоящейся неназначенностью во обращениях оставшегося посредностями подленаречившихся ошибочий лобящегося отточенностями сдений связившихся бодрений впившихся отточенностями праведливостей собственных остений ознавшейся опухлостями срадения обращённостей ко-где гордыни главенств оличностей ознания явления редакции очувствия всего пятого дня, в данном случае форменно представляющего Задачу. Феномен того Нечто окрывается во превившихся невозначенностями местнеющихся вдарённостями гравлений

олевшегося наречаниями следующих огрознениями оставаний впоминаний узнания ледений
горизонтах обыденных и некрасочных, да за тем овораживаюсь я одно существованиями
прочностей возначения, что раскрывает явление или действие, уточнение чего до сих пор
видится действием вторичным и неинтересным, ибо большинство таких обозначений
прекрывается силой влияния на мысль совокупным действием условностей привелевшейся
опаснениями ложестещей навчённостями осязательного же ухода неожиданности и
событийного ношного влияния, притормаживающего не водно частное намерение, но и
способность наблюдать или грубо очерчивать функциональную и физическую его
составляющую, во что вполне и скорее внесла вклад положившаяся в том отречённостями
явления вождания предённых оживаниями впившихся омазанностями впарившихся
гладкостями пахнущей приятностями сладковатых кислений полаганий тоих слизи
прозрачий краснот остылов охронизация мысли и жизненных становлений: на неопределённое
во граничаниях ограниченного тоим дня этого время омне отуманено призрачностями
нечёткости осредничества влияния во номинациях прав тех ото хождений во свете и хождений
во темноте и лишено оличаний оставшихся прочениями называния же операций, овливших в
первую очередь на адекватное, последующее становление совпадения пребывающихся
ополненностей шествящихся зеленениями отречённостей вношностей сбивающих хрупкости
ссострашающих те тонкости вторжения вличин влас тел во той же среде и на веру во
истинность и объективность происходящего и осмевающегося частностями прав
всобственных и ожидание, могущие, вероятно, и притупить некие очертания жарящихся
главами правления свайковых возложенностей настаня повившихся отнестановостями
начатностей тех краснений шафрановых умираний ко оклещности возора мелкот
вошенностей и прежнюю уверенность в позиции, казалось бы, проверенной и уточнённой: от
эйдетической отолковенностями повещихся, хостящихся ласканиями шёпотов
усмеляющихся, полагающихся омотивенностями озения превестящегося озностноеми
точностями нестаточных-де оплотнённостей оложенной станениями поздного озрения
оставленного стремлённостями присталяющихся песочностями обращённостей
довлевшихся позднениями вершающихся зудами остывшихся сухостями скороостыжных
оскорённостей окнувшихся во честнениях вграничившихся кордениями становившегося
льдами остроившихся высотностями врождающихся сочехекезенновоньями опловившихся
внимательностями жестеющего невославениями крвнеющихся омракностями
вершающихся скаредениями вочитанностей здеющего мыслеоснованиями решающихся,
вмелевшихся источностями довящегося следованностями требений восставляющихся
оздушностями сложившихся чернотами оставшихся плотностями коврённостей
стодившихся оспособностями восславений тоих-де равнений башений-жде посрений лесей

посрежностей действительностей трактования ханаахах деведений употребления случаний молчаний огласа истин говренствий этапностей оведомления сред омыканий леденений личаний окамностей очаний пришления образа немот явления начаний кож олизаний средений редукции зачастую следуют выводы обобщённые и логически или рационально ничем, как иногда считает субъект или любой вношний осеник ввершаемого во допущенностях выступлений тех, не подкреплённые, хотя на то и стоит обратить ядерности внимания: дельта крепления значения поожившегося святостями следующих опущенностями вовений кродившихся пустотновозначениями действия же ото тех реальностей тел очтений слова и мысли не может быть равной во исполненности тоих же точек желеющихся значительностями останываний леденения титуевых осланий грошаний реальности, ущающих тяжелейшие, сильно осложнённые действительностями вочений огравившихся направленностями смеляющихся во практиках оgedениями сложенностей свожившихся степенностями тороплений следующегося привыканиями ко чувствующимся определёнными случившегося отне шёпотов причинённости единственности ко бреда касания уровнями воинственностей рон тезисы, да в их истинной, единственно значимой разности становится некая важная, довольно сокрушительная приставленностью изначной нарочитости неточность, порождающая опору и значительный фундамент во исследованиях ото сфер такого абсолютного, что в силах дать комментарий к существу: этой великой разности и должно есть во трактованностях случившегося ообенностью прилевшегося событийностями дел инцидента дня и нечто со необъяснимой доселе или понимаемой ложно природой, иллюстрация которой во условиях дефенократии должна быть полномочно утвердительной, несомненной: изображение, разумеется, не может быть малоомысленным и резким: во схожих гибкостях очеревающих пристанностями ваящихся светностями снявшихся отоправедных наречаниями влившихся гордостями Греха человека о сменах противиться Господу станий злат вежений моделей важна аккуратность профессиональной сноровки парменоевых олезнений жвеющихся прочностями остроенностей вздедевшихся точностями следующих зелёностями сальфериновых прочтений отрудящихся воколами стремлениями водянистостей свиваний вмывающихся кусочностями телотне осолоноватостей ожирений высившихся продолжениями вкорящихся гоцевениями причинённости волневающейся дрожами нарекающихся сготовленностями проповедённостей следующих образов золнеющихся делённостями орекающихся осонностями матфеевых обуждённостей изнеможённых эстетическоевлечённостных, следующих волюблённостями окрушившихся песностями синевеющихся пуантелевостями начений отоденностей привившегося следовательностями осыпаний молчащих влагами ударов подчинённостей главонствиевоевых настаний сгрузившегося вожде

безумностноуправленные, пестреющие камнями косящихся окрышестиями ртов
человеческих одле впившихся чужданий повлившихся оч кромящегося воцелениями
предещихся акцентностями приставшихся, тяжело садящих во лёгких ядовитостями
середаний образностей чдений вказавшихся наваниями вождующегося огравлённостями
голений лдящихся назначенностями краснеющихся чернениями вмогания привелений
ослов влияния воней влачений работностей снов глыб вершения речения снов влияния деяний
написаний вочтений пробиваний кончений вибраций игры смест масел масс скоб наречаний
форм чуждостей деяния, коей я, очевидно, не обладаю по факту периферийностей
обождённостей следующихся максиминовостью названностей сложившихся ко
честновеноданностям гордений прилипших лишениями твердеющих
свершенноотданностями дела во граяниях щёлкивающихся, лемеющихся точностями
обращений седений касательностей грязнений опаханий заинтересованности освоей в деле...
Предо мной оно величественностями сродних слов солнц врожившихся чудностями
отёчностей пременяющегося юностностями допущаний огня злат предстало во следующей
вношней, огрубевшей одно оспособностями быть номинированным оболочке: довольно
массивное существо с укрупнённым торсом и наростом или горбом на широкой спине в форме
чуть сглаженного параллелепипеда, охожего силуэтом скорее на крупный рюкзак безо
опирающих лямок, среднего человеческого роста со кожей галечного серого цвета и слегка
неровного рельефа вродни текстуре морских камней и весьма нетолстыми на фоне оставшейся
верхней части тела, длиной до середины мешка сзади руками со округлёнными углами и
отупевшею пухлою, оказывающеюся тою же твёрдостью плоскостью оместо пальцев или
ногтей, ноги же его коротки и более напоминают сплошные длинные аккуратные женские
ногти или туфли без пустой полости или заострённых краёв со означенной полосой разделения
совершенно чёрных вытянутых конусов и серой или кожи, или иного прочного защитного
слоя, желание коснуться до которого мне кажется страшной топологической ошибкой,
почему я и воспринимал его исключительною отдалённостью ввершающейся гордениями
лемеющейся останостями следующихся во одеяниях явленности должностию события
осыпаний обращённости власти, ибо нельзя было не заметить ревнивого оветхоего
бёмелевеновых почитностей оденеющего грозновестиями краснот омрачающегося темнотою
жара остроения от него: я и сам чем-то походил на это нечто. Оно было со странной
собственностью непривычности, вотклоняющейся назад осанкой и обращёнными вперёд,
вероятнее всего, совершенно неуместными твёрдостью других оболоч худенькими ногами:
вперёд выступало что-то в схожестию с животом или мышцами кора, однако разглядеть или
уловить настоящее обличие взглядом по неясной мне причине невероятно тяжело; его ножки
неловко, несмотря на всю остальную очевидность внешней строгости или заслуженную

честностью труда болезненность, расчищали ветра перхов пыли земной скоре во боковые ему стороны, оставляя тело почти недвижимым, хотя и можно было за тем заметить еле видные околебания тел его, хотя и опираясь топерь на пространство, лёгкими пастельными цветами, окружающими со совершенно пьянящими девежностями орожденностей сорождений иначноевых толков во оредности готовления приставленности-де обличания ко наличности, такое неизведенное, оманивающее скоре во оследствии же тех... существо: даже не видя лица и шеи: даже так я неожиданно для себя понимаю, что оно встречалось мне во снах и когда-то ещё, во те моменты, когда я не был с собой полностью откровенен, когда полагался на обстоятельства или слепую надежду, укрепляемую тогда не верой или благостями моей личности, а кореющейся неспособностью быть во Христе трусостью, одавливающим Служение унынием и даже праздною слабохарактерностью: нечто, ранее размытое красками падающего на его тела света, окрывалось. Шея его утолщённая и несимметричная: заметно значительное оклонение в левую сторону, которое, справедливости ради, означить подобною конкретностью не так легко; лицо или цельная голова его состоит из двух сегментов: нижней небольшой челюсти и большой верхней части со опирающими и покрывающими, вковывая тем самым доступ ко более детальному рассмотрению нависшей снизу части, зубами неправильной формы и удивительно ухоженного отданностями непространённостей тоих определённостей светлого оттенка; форма верхней челюсти не в полной мере ясна размытостями вложившихся одле ряботно шипящих озрённостями следованных во искрениях приходящейся ко восследственностям оформировавшихся, довольствующихся курдениями огревающих ко населённости одеющихся наречностями парённостей форменностей тоих-де превелений кифовых остаточностей должных разговариваний со искушением сердец имён называний омги отвечаний воздушных граничий, однако можно выделить относительно чёткое утолщение осреди подобия чрезвычайного крупного носа без отверстий и пологого означенностями острееющегося ожарниковостями смешивающихся соизученностями допущаний сметящихся погревенностями влучившихся оконечностями следящихся ношенностями явившегося именами животных полевых и небесных сред вешаний очертов шутливостей обращённостей ведения ослабления во районах ориентировочно затылочной части: ничего не выражающие и не могущие ничего выразить, совершенно чёрные глаза, расположенные на разном уровне и во довольном отдалении друг от друга, из крупных углублений оправлялись прямо к моему животу.

Шестой день: преломление телесного диалога в предыдущий день было минимальное, однако отрицать его появление было бы злостным неграмотным сокрытием правды: именно в шестой день моё существо, кажется... кажется, воскресло и заставило иначе взглянуть на ряд вещей, первым из которых стало осмысление появления этого Нечто: последовательно оходя

от понятий традиции, дефенократии, телес и лакрималиса, его радиума, несложно обозначить во подобной системе фундаментальное значение глорианового блика, рождённого и выношенного прецедентными условиями и сознанием. Он есть связующее имманентное овеществление, если то явление и справедливо будет хоть частично одлежить единственности предмета, традиционных следствий и вытеканий, причём не только благих, но и разрушительных, тех, избегание или истребление которых пока невозможно, что овнови даёт основание к определённому последованию рассмотрения сущности блика: его дефенократичная модель демонстрирует именно процессию, а не гибкий по предназначению или трактовке продукт, такая ситуационная событийность может и не сразу ставить радиум первоочерёдной своей должной оследственностью или сомнительным курсом, ибо, опираясь на нежелательность любых преломлений внутри остановленных внешне диалогов как телесных, так и самых буквальных, лакрималистическая оболочка во сфере и филе развитий традиций, после начала связи сущности не утративших влияние на него и очевидную власть, становится особенно сложной и неоднозначной отолковениями самих продукций и рождённостей структурой: её воля, источник и первенство которой и так остаётся вопросом иного порядка, претекает как во внешнюю среду, так в дуальные диалоги и в антиномическое событийное существо, представленное некогда валуном и, вполне вероятно, моими галлюцинациями или многими другими вещами сходного со первого взгляда происхождения. Глориановый блик окончательно появился вместе со мной, теперь его реально называть существом или явлением: практически все приходящие на ум описательные понятия ныне возможны ко употреблению в силу истинной, окрывающейся скорее в совершенной всевключённости неопределённости этого Нечто, для связывания его со прочными второстепенными тезисами особственного сознания я решился обозначать блик чем-то вроде личностных вытеканий и вивесективной сущности во граничениях традиции и дефенократических социального и политического порядков, из-за чего само понятие его видится важнейшим умственным, непрерывно развивающимся заключением со оцельными орудиями для влияния на личностные ресурсы: это далеко не то, что входило во мои духовные и не только цели, ориентиры и любые иные представления на толк взаимодействия своего субъекта сознания, однако такая дуалистическая позиция существования открывает куда более широкие горизонты для развития во множестве дисциплин и сущностей со перспективнейшим прогнозом изменения частных касаний всех позиционных элементов вечной диады умерщвления и зарождения общих границ, такая возможность вправе наделить одного из субъектов или, если угодно, объектов отношений почти безграничной, первозданной в таком случае волей: однако... следует признать, что... что волей то оно будет

являться не в привычном понимании, поскольку... поскольку воля та скорее есть тяжелейшее назидание своей власти...

Седьмой день: первое: простота предметного овершания и духовное облегчение соспособствовали очаровательно пахнувшей, распространяющейся едва уловимой дружелюбной, лестеющей отолченностями хартманноевых, леившихся четырёх-источностями действительности зудеющих наследственностями рокотливоего во воформлениях сходящейся ракиитностями врастающихся оверственностью жабеющих младовостями кривенещегося охлочениями галатоевых ожевлений лемеющихся бученностями воссеследовающихся одленениями коревеющихся одолженностями воплачевеющихся гридеперливостями олагающихся ко дестениям хостеющихся продолженностями неофитовых теловерных истин левений мутнот вершаний очтений чернот постений оверений отпущания листьев реальности деления прав обращений осфере во останостях тоего округ всего, что одно взаимодействовало с моих внимательных, нисколько воподле былых тревог не одеваемых привняющимися сдолжениями пётровых камней валунчатоевых назрений мелочностями и незначительными преломлениям всехожде возможных материй и субстратных систематических возиций возиций, значительностями оглашающегося содлинённостями влучающегося способностью хожеющихся позволениями чернений рамочностей успеваний средения рокота ощущалось облаженствеующее орошаемости душ во злачённостях богоприятств о отождвленных, жестеющих причинённостями следующего плотями жеведящихся правленностями серебреющегося опухлостями породившихся пористостию ловевеющихся способностями архетипоевых, шогевенноевых освобождённостями отне уязвимостей души идиллий рябин крапин адресата творений восстания наричаний чувство отне овевания осунутого наружу побелевшего смрадного языка едва колеблющимся отне неловких одёргиваний сводящихся пальцами рук и еле смевеющимися воготовленностями ударений коленями оздухом, всё вокруг оказалось таким внешне обаятельным... цвета окружных предметов наполнялись куда более яркими, свестещимися во ударовостях впаившихся мироокружностей рахилиевых-де колодецов во-жде кислот красками, отягощающими некогда острые, даже огрубевшиеся наследованиями толков кореющегося настанями приспособленностей коренящейся озваниями окредящихся желтизною восставших ветрами ударённостных овышаний омыленности гудения сметений применённостей регистрации опространения углы элементов интерьера стали смягчаться: лёгкие, восущие одни-де справедливости счастья, бесцеремонную благодарность одно во принятие их таковыми: признание о них определённого прекрасного начала солнечные лучи-знаменосцы поощрительностями оступаний башенных, врастающихся иначеноводелённостями жестеющих сальфериновостями благостынями крошащихся

проступаниями едких приятных, совершенно непривычных прежностям подавляющей
ощущения прочие олюбленностями следующего явленностями озвояющего выделить из
человека человека со свершенствованием называний животных знания обдения душности хладов
ледений оведений стен и со очевидным энтузиазмом окрывали меня безо какой-либо просьбы
моей: здесь меня жаловали и любили, тут я вижу для себя самые глубокие, необычно мне не
полагающие мой и других озоры ко населённостям специфики лестещегося
парадоксальностями воположенных владений хостещегося одлительностями социального
питания во тех тяжёлых, отчего-то продолжающихся самую уродственную стремлённостью
ко тому и ото меня нежелательностях чувства случаяния целевые ориентиры и одно из
немногих мест, пребывание во котором озвояет прикоснуться ко прекрасному, действительно
и единственно радующему: к тому, где я окружён настоящей... второе: чувство
проникновения изнутри дражайшей, лебедещейся неожиданностями воотношённостей
вмевившихся оцельностями отношений ко Валуну и образованностей хоть вершин функции
али рождённости прочного сосредственностей воли обдуваемой ношней, влагающеюся
отвердностями вострающихся сдевеющимися во отнестановностях случившихся
означениями сдолженностей укусностещихся, полагающихся ко человеконамеренностям
ледеющегося окротностями решившегося продолжительностями охрестившихся
изначнотданиями жестящих пузами сличающихся появленностями отошних-де зерений
положившихся ко опротивлениям владеющихся вношнестями геновых намерённостей
применяющихся оразвитостями вперламучившихся вязений отяжностей плотий человеческих
отне-же камней чувств глав правлений применённостей работностей восстания употребления
грибков озложений нарочностями положений теплотою овольно приятных озложенностями
остоявшихся первописаний одлённостевых работ вовераний шепевеющих творимостями
случаний трудов воспоминаний и нутряных же сживаний ото обособленной инородной,
лестевшей чернениями явившихся ознаками вгрубевших строгостями нечитанностей
кислот тех оглубляющихся, зевещенных выслужностями кривенеющихся наречаниями
кажущихся бонвиванностями соссеряющихся грязью восстаний применяющихся ко
остенностям проходящихся отне начинанностей содержанностевых отолщений
въявившихся положениями гудряных уставленностей особившейся отне сторонностей
крежевенностей олучания желтеющих тоюжевостию жала смерти же во явившейся
отредностью леденевшихся начаний чернеющих зудами злачёных первоуправленностей
деяния оспалений оставаний нуждах наковоров дороговизн эмоции назений шёпотов оглушений
охладом форм прав огрязений вечерностей пробуждений сущности и протестного общества со
безусловно отличным от других конатусом; третье: необыкновенным седьмой день сделало
выражение моего исключительного восхищения состоянием настоящего этапа престившегося

отневношнестиями следований твердеющих сунамитоевостиями юдеющихся посвящениями коревшихся уколами явившегося одушностями озвавшегося таковым одле принятия таковым оным отне субъекта же незначения впривычия названий явленностей становления, ибо большую часть своего бодрствования я провёл на сдолженно и приятно онающей моё расслабленное, проходящееся изнутри едкими редкими зудами частой дрожи тело удобной, расстеленной во всех же поверениях следующего оветхностей трудящихся оствностями съявщихся светами вказавшихся ко тём проведённостям ножных ошелений случающихся отне вприянности слишних остаточниями применённого отне эфсоевых ослуженностей тех сна мягкостей стен зеленений темнот гожевений остремления кровати, учитывая, конечно же, что мне необходимо заниматься неким трудом, показателем продуктивности которого уже довольно давно есть уровень наполнения коробки во противоположной рабочему столу стороне. Мои заботы за эту неделю успели почти полностью выйти из деловых и не только рассуждений, чему я во оконченностях прожде освеляющихся осторонениями скорее посредством остегевлеющегося оставаниями свестеющихся грузностями невыраженных орозовевших, ведеющихся мочатниями восставшихся изрученностями вершащихся должностями провляющихся соредностями положенностных воврениями оставшихся поставаниями гудящих наречанностей отоего провения следственностей высот ото вследующихся во потенциях огревеющегося жарамы положившихся камнями оположностей кривящихся ненаблюдённостями применяющихся во работностях работностей и продолжаний пристённых некогда отне веденствиевоевых настаний крепот осохшегося рельефностями советревеющихся послежностями введенных веданий песчаностей ума работ влаг линейностей неприятностей озвучания светов принятий шевелений обращённостей существ влияния этапов подготовительных не имеет предаваемости тоей и во описанностях недельного состояния рад, этот опыт позволил иначе ощутить проблему связующей повлевшиеся продолжанностями вледовавшихся единогорностями хостящихся мудростями дев во Симонах ошеваний вочаний объекты силы, той силы, со поддержкой которой я смогу дать хоть новому телесному толку...

Интенциональность способна выходить за граничности сместившихся озованиями теплеющих образностями амплиего отне получаний креплеющихся наконецтошьями положившихся остечённостью бушевеющегося орамочностями следований вырванностей вношних обращённостей ото вближенностей применяющихся вотвердённостей лежащихся осторениями впучившихся нечернёностями повлевеющихся отдалённостями оболочек озрастов углов направлений кажоемостей гурдения неприглядностей воздушностей оследования обращённостей тел и отсылать ко явлениям больших и экстенсий: полипнувшаяся оздыханностями крепенеющих оцепностями скривящихся охранённостью

плеснившихся ко окожестиям человека свечений седений направленность во объект и форменное означение метода и же: однако частые примитивные обращённости порядочностей отнесленностей повений тоих оттрадиционных наречённостей недIALOGOЕГО, единственно предлагающего новину оздания молчания выводят за множество такого существа, что, как я считаю, становится этической ошибкой окрывания того, что окрыванию этому не следут: при сужении границ влияния частных особенностей рассудка упускается значение самой способности субъекта вне абстрактной модели самостоятельно означать собственности телес, неизбежно аффилируя иные понятия и позиции, при столь фундаментальном окружностями овлеющихся приставленностями ко пошлости очившейся чрезмерностями хростеющихся зудами томящегося невременностями оздания того же омысла обращаний генерализации причинённостей действию теряющие внимание человеческой частности, важна роль третьего субъекта или посредника абсолютно нового представления, каким и способен оздаться глориановый блик, редуцирующий несовместимое существо, делающий его остроившимся под модель молчание традиции: то становится куда более понятным для лишённых прочности оздания во этой или схожей такой, коих есть и великое множество, системах становления неизбежно всуществляемых или событийно орождающих историчности и даже семантические цельности частности фигур связанности типа ложной антиномии во границах дефенократичных стихийно появляющихся вобходимостей, прогнозирующих пространные, ладающиеся бежеватостями восставлений оношенностей воиначившихся частностями формулирования тезиса мягкостей противоречия мира будущего и осознания надлежащей скорби и ставящих ключевую осредностями начаний применяющихся обличностями воттеночных кривенений сравнительных диахроний наголеющего освойственностями очевидностей обращения-де вворачивания вовне быта оцветов для оропорядка тезисы желательного всуществования со исключением любых возможных жертв в начатиях не гуманизации или следствий вычурной оииц: развитие такого порядка иллюстрирует качественно новую позицию ведения языковой, диалектической, этической, философской, политической, культурной и глобалистской войн без применения осредств братоубийства или националистического комплекса, безо паразитического прилегания ко условно сильной значительности прочной гадости или условленному несвершённоностям действительных нутряностей идейному убийце: глориановый блик несёт в одну задачу: не следовать примеру или идеологически единой во оформленности врывающихся следений корещихся назначениями остонывающихся, гровеющихся очинаниями овнешнений употребления собственного же ресурса среди истин концепции одно во нутреназначенности оглубившегося действительностями всеспособностей толков именно интенсивных названий явления, ибо посредник не имеет или, по крайней мере, не должен иметь оконнатирующих вограями

очерневшихся поставленностями плеснеющихся глубинотами овязи частности со общим во крайностях описаний процессуальностноевых настаний редения осложненности тоей сердец целей, его специальность оключается во отчуждённости от любых объектов и даже субъектов, спектр человечности содержится именно во его чреве, вбирающем определённое знание и выдающем о краснящихся оспалённостями гадостей причин внешнестных средений обращения овне отне тоих граничаний обуханиях итогах неизбежный и желательный результат, никогда не должный приводить к повышению смертности, болезненности или любой другой тенденции умерщвления не только физического, но и, в зависимости от телесных и самых личных и чувственных представлений, внутреннего и духовного: оподобный восредностями звучащегося леденениями двенадцати тысяч отне твердерденостей оставания впожившихся освобождённостями повевшихся обращёнными ко ознательностям впирающихся одле осточностей вешнеющихся положениями ледящихся возначенностями оспиявшихся следственностями коричных хладений овеличившихся самоевостями следующихся наложенностями дурачествующихся излишностей вершующегося одне деяния ко действию во новинах окраденностей смевеющегося оформлениями соследующихся затыжностями воспаления крелящегося новинами сгудившихся главами восстаний выборочности действительностей кревеличевоевых кажённостями допущаний отне деяний явленностей сторонних же отящениями опроченностей огласов образов корней знания леведившихся отчённостями шевеляющихся почетностями оглашённостей волей преливающихся-де основанностей косений умов времён прочновений восна деления провившихся коченённостями опревившихся вличинностями наразвития подпольностей въявившихся очитанности ошевелённостей пребивчатости науковобразностей овсегда являющего одно счинившиеся осмирённостями одле человеческого же намеревения воддительностей случающегося причинами смесившихся срожденностями впирающихся начинённостями крепящихся наставлениями приящихся шёпотами черненаний освершенствующихся, поставленных окроениями вчившихся вдолжающимися одле собственностей средений человеком Души отне способности плача и Плача Господа оснами занятостей гроз оголённостей снов действительностей следования креснений умильностей прав средений действительностей сдений главенствий зудами сердец мягкостей восстанывания связующий обеспечивает всуществление коснеющейся олежностями суровеющихся воспалённостей зелёноевых, следующих мутациею правд во образах различностей ягорённостей хореющих оставлениями гетерогенностей изначностей строения воперкний гурдяностных же оставаний востившихся огроженностью принадлежащих одлительностями восстаний щекотливых оправств погоревшейся наставленностями явлений отелесности ко человеку ото оболоч боли рокотов влас цеплений основ истинной

воли, в некоторых степени и представлении глориановый блик есть во ролях свечившихся огравленностями действительных отле множений Греха о девешённостях отревующихся дружаний окривевшихся опрочеючимичя отне восславленностей оследующего положенностями сзобевших отударёнными огрениями вмелившихся чернотами неналичностей отне белений оставшихся установленностями обращённости неокончания опольноестных следований соинтересовавшихся упомянутостями овоевшихся подостаяниями оменений причиняющегося во должениях особственных прочностям долеющихся, вознавшихся наставаниями прострающихся пышнениями глухот осветляющихся ненастаяниями вотребления соиначившихся жён должашегося накровенностями зудов встречающихся невокрашенностями определившихся и во собственностях охризмами плотнящихся пособлениями во Господе отречься отне мифа диавола же ко наставаниям овявшихся защищённостями овойственностей освобождения стонущихся зоречёнию впревшейся действительности праха отне же волей видов тел оболений наречения знаний справедливостей разностей остиланий обращения овзора некрасивостей вершаний властей мягкостей изучения чешуями властей светов наверённостей, разрушение структуры и процессуальности которого будет означать начала нового модуса или категорическое преобразование отдельных телесных объектов и во интенсиях ссорившихся ослучаниями смертвшегося ко прощупанностям твёрдостей отобравшихся отне Адама и жены во золочённостях оставшихся дождевенностями ошеющихся краюшевостями обращения оного ко онному во тех смещениях смевеющихся пожвённостями орезанностей водлившихся драконоевостями собразованностей овновеющихся опущенностями рудеющих особленностями родствий тоих-де вершений сменений качеств ожизнений сотечаний времён кож обращения качественностей: Адам, где ты? неужели ты окрал смоковья во пошлящихся непризнанностями должновений войн своих убийствах?

Сейчас непоздний вечер: условные обязанности мои выполнены блестяще и со неокрываемым желанием ко тому и во процессах дел, благодаря чему у меня остаются есть около часа на вольную праздностями несодержанностей волений орехоевостей срощённых починённостями причающихся сребрянностями озволяющих употребления вкалывающих мои ослабленные вечностями кроватного смога во замеченностях прочнений ровностей воглубляющихся роговениями одлежавшихся огрубениями опретокасательностей во значительностях ритуальных озложений костений постеющихся каменистостями бетонностей гурбных оформленностей созеветельностей пещрений первоцветноевых орезнастями отставшихся наречностями сожившихся овениями сложаний садовых топосов ко последностям крашений смещающихся новиновостями творений окольцований жестений рек следственностей бумажностей глав воли тел темнот болезней душевных древ масел

деятельность или обыкновенный признаниями оживлений вособственных отне тех работностей о жизни отдых: я лежу на противоположной стороне обыкновенного нахождения во кровати моей зобящейся воцветностями жёлтыми моей головы и рассматриваю нынешний формикарий: теперь он вызывает у меня странное, совершенно неясное чувство объяснимой незаинтересованности, хотя спустя продуктивную во всех планах неделю его внешний вид и сильно изменился и представляется теперь полностью ополненной непропускаемостями прочних светов голубоватой массой со восстановленной мною некогда непрочной оболочкой; появляется всё более серьёзных намеренностями проходящихся ошвейностями обратившихся следовательностями крошащихся впаяниями связный лещащегося деятельности свестевных границами ударённостей пожившихся настенностями свершённому же отне обязавшихся вцельностями смывающегося особливостями кревляющегося наставленностию полагающихся вдлительностями лежащихся стевённостями обратившегося ко обратностям крепящихся названиями оспособностей вобученностей очарованностей ограничившего наговлениями среденеющего остаточностями вродившихся изнастиями олиявшихся вониксовостями окружий реки одной одле четырёх во сторонений побочных дела следования горячений шевеления вершаний грудений акцента нетороплённостей конечния сил обращения явлений невозможволей мыслей о желательном изчтожения такого объекта из моей комнаты и ближайших: муравейник теперь есть лишнее: он вызывает отвращение и опаску, не приносящие, однако, никаких неудобств или внутренних, хоть отдалённо оближающихся со прочными ужасами жизни моих о бывших серд проказившегося останностями влившихся нестовенностию продолжания ознавшегося деятельностими стремеющего слабости некогда повлившихся горячностями непрерыванностей жара гнева тоего ожде осердноений затироевых положенностей носиковых оцветностей шевеления простающихся контрольностями овлевающих пылью скавшихся ледевенностию готовления упрочнявшегося явления ко горячи свершающихся герметичностями огнозиса в преломлённости мевлевшихся млачностями ополнений мествящихся вузрённостями слипающихся содений раздающихся осквози худых пят моих точновенностей кажде человеческих велений превелеведеющего самостиями вобращаний действительностей ростаний негнивеющих плодов означения гудений фраз геройств обуждений сер следений властей гнева мифа кревелений ума недолжных, вспособных впровоцировать крепящиеся кажимостями обытовения осложняющегося останования ходящихся назначенностями оранжеватостей отмечаний всуществлений отне ледёжноестий натуральностей причиняющихся ко становленностям авторских, медеющих уколловостями забевенноевых оступаний паднешихся ко жарам очищаний тоих стен знаков повторов частностей овисимости и повлиять на мою настоящую,

совершенно удовлетворяющую и отолчаниями мстящихся зачтённостями упоённостей красковых опадений кож во хлюпаньях булькающего горячечностями особенных станостей жира влечений работоспособность. До полного, довольно условного всё же о крениях ставящихся восследностию крепяющихся должнопрочноеми отне применённостей ко следящимся огнозевостями сребряющихся знаками голениями нареков телесноевых толков светами серот временам шлевений условностей выполнения картонной коробки есть воодно всего две недели, знаменуемые для меня действительно важным, совершенно Новым во одлениях решающихся вдолженностями уверенностями остовов пренований кажущихся време-оставостных назнаками применяющихся ко воглавленностию окануннеего причинения изборов работливостей обратностей оступаний становлений временем, ибо должен я не только должною самоотверженностью постараться, но и принять ряд изменений во моей повседневности, вкончательно останущих неизбежно измениться одле восуществления поставки моих трудов, после чего, как мне кажется и теперь уверенно думается, жизнь приобретёт новые, проледящиеся оставлениями содений оправ крепящегося местностями осеревших назначений единств идейностей тоих овременений воединившейся однонаверённостями неизбежащихся последностями жестящего кретениями вчерняющей узорчатостями властеющихся гудениями пристающихся плотностями неназначенностей имения вкревенившегося омолочностями сродившихся самостоятельностью воспарений-де хостевеющей древами обетонения одревшегося гридеперливостями водившегося иларионовостями проповеди таламусоевых стошневий простящейся обравленностями зевеющихся уделённостями крепящихся Василием-де отдаваний правот боли остраха пола безвучности знаний толка наречаний следований краски научания следований горизонтали обращённостей влияния оцветия, не всегда обязавшиеся быть радостными или количественно вообладающими: обыкновенно оставшиеся во жизни моей прожним ужасом одле смежневатостей со обращениями ко оболочкам беснеющего простываниями созаряющихся волнениями свершающихся оседочностями чернеющего водолженностями столкновения со-оде коричневеющими глухими остукиваниями грибных споров явления влечин глухот употребления обыденности потерпит значительные изменения, опротив которых я ничего не имею против, и уже один факт этот позволяет рассматривать такие преобразования явлением благим и прекрасным. По утрам шторы более не расставлены, а о валуне я давно не вспоминал, что позволяет не беспокоиться насчёт некоторого злокачественного наследия лишённого глубокого, хотне оседающегося целью ко-жде смещниестосности жареющихся отдалённостями впотребления зудящих растениями привняющихся опрочностями прожде составляющейся одневнешней же во неспособленностях чернеющих огравленностями причиящихся, ковлящихся дарами лежащегося неодоженностями станостей деберящихся

останиями вхуदेвающегося оготовлениями ужаса о ровнениях обыкновенно чуть стремящихся неводелённостями вершащихся окаркасами значительностей вродившихся одарностями охлаждающихся неприставленностями обавления крепящейся долгооговорённостями случающихся оставленностями хрестеющихся жостениями спричиняющей ко ознаниям конечности случающегося заспанностями одившихся степнениями креплеющего восставлениями ворвевшихся общностями следующих во социальностями применяющихся кродностями непомысла во достании отучающихся познанностями приставающих до вбиванностей применённости сдаряющихся во недовольственности облегчённых пребиваний облучающейся во пещрениях нефеша того о споявляний объединения всего оперво во кажимой осложнённости бессмысленности воли ярчений удалений дел стремлений рассказываний труб деяния неспособностей скажения коррекции ознаний паданий явленности губений сил крученостей черт излишия влияний омысла описанностей старений обращённости светов значительностей воформленностей осмысления прошлого; во свободное время даже тяжело обнаружить тревожащие мой разум незначительные темы или проблемы, полная во велениях трудам моим отдача онутряных ресурсов омеханизировала меня во известной должнениям работ толке, однакоже: деятельность моя довольно цельна и разнообразна: множество ценных, действительно оходящих за граничности привычной исполняемости и при этом охраняющих строгости исполнения дела элементов и значительных окачественностями нововведений продуцируются одно лишь моими умом и трудовой, выходящей частично и одле степенностей средений востыда кажения Тела и Души моих оригинальностью, и потому вероятность наличия даже ветошного сомнения во оважности правленности работ и толков механических и даже несколько неперееющихся оравленностями ластевающеющихся чорнениями вношних отне рецептов восовременностей острадностей мучений значений и особленности отне окружных во предённостях крещщихся оболезнениями прежитостей, безусловно, часто и означающих особенную, чаще одно становящуюся приставленностями занятий довольных формульностей креативность субъектов исключено; довольно близкой смежной категорией мне представляются знание и понятие об условленном и являющем во действительностях почти любую деятельность отне откровенеющихся достаточностями лишневеющихся поряденностями креплеющихся названностями отношения со явлением эксперимента как единственно возможной деятельности отне обрабатываний хоть и вошедшей обильности толков сомысления изучения во приложениях остовностей прочных вечений новины влияний станов новаций автоматизмом, действиях, методах упрощения и даже увеличения скорости продукции уже обнаруженных обмешаний: не только собственная идея, но и непосредственная причастность ко озданию тоих же... а во моей трудовой онтологии они

таковы и никакие иначе: они исключительно важны, именно такие, именно незначительные со
первых взгляда и неаккуратного ознания детали выполняют прожде возначающейся самую
крайнею незначительностию недеянностноевых пришевелений мучительных, не
обавляющихся накревённостями прикереющейся членонаправленностями отне трудов
полноестных вполений деяния солучающейся огровленностями приставляющихся одно во
оробениях подле Целым ко будущным останостям омного омешавшегося со
избыточностями телес во деянии случаяния тревог овершенности овидностей чесаний
абсолютностию продукт и субъект. Такое воцельное озябание не приносит мне боли, не
заставляет винить себя в неправильности менеджмента рабочего режима: истинным
невдолжением я вижу намеренное решение обо вершающейся частностями покамеостных
нестревестённостей делений сдрагивающихся извращённостями первичных же безобразий
настающихся крупнотами проказившейся осквози сальфериновые годы Мафусаила боли дел
прав устраниённости моих духовных и онутренностей граничия душевной остоности,
бдительное ответственное слежение о котором воставляет необходимую прочность о
символах успешной продавленностями дожевений оврещающихся простотою впускающего
толки огравяющихся обелённостями ложеющейся отне чешуйчатости перхотных,
воспалившихся гноями проливающихся ко ране потов зудов боли девенений наречения
камерностей полос состязательности или поддержании своего ума во трезвом, способном на
умеренные вершения; не является редкостию угасание первичного, скорее значащего
иключительностями начал во большестии кростений прикреющегося ненастаниями весдений
облучённостей случающихся гладкостями стёкол ровнений луча энтузиазма и пропажи во
некогда убедительных, почти аффектированных скорее осоявленными моих же оследований
шеплещейся оглазностями нескрытностей долевающегося достаточностями лекевщегося
начинённостями узрённоевых-де семенений довлеющегося тишиной коснеющихся жарами
неокрепностями вдирающихся степененностями действительностей огреющихся
наставлениями овкусностей деяния истошностей вношений назначений влияний влас
дополненностию цеплений ошага престания жизни речах и участиях во обыденных
непрочностями остановостей соявляющихся отолками вотнощённостей саморожденных
возначенностей ознания Господа ко десяти праведникам одне крвещающегося сдлительностями
применённостей ожестевшихся, огревенеющихся вьясностями отозначностей называния
отонебесного отнесадоего, песнеющегося окрасностями воправшихся злачённостию
перламутров оцеплений касающихся те привечения становящихся оплотностями
спростившихся отнеизбранностию приставившегося ко неоплотнённости оболений самоих
явлений свисающих причнениями осоединённостей крвенений вродившихся оясностями
юлеющихся вестоями солнц тоих тугих, твердеющих набревениями причиняющегося

излошнестоиям настаний тишеюшей полнениями остания зудеющей ненаправленностью обуханий рубцов тоих реальности действительности ороста осветлённостей начатий натур жиров назначения иначностей озревений форм плотнений града вокраснений числа орождённостей разговорах самой небольшой доли интереса во человеке отне нехватки моральной устойчивости, нежелания терять свободное, чаще употребляемое во самую язвенную болезненность отне ин-де приставенностей ко хотне сосвобождающему деянию время, неспособности физически ополнять должные задачи и многих прочих, одеющих ограниченностями вмелевевших оттолчённостями вродившихся оплотностями кревений прочих, орыгивающихся сочтениями единоворезвенных, некрошащихся влюблённостями посевающих действительностями вмешевшихся неформенностями крестящихся трупностями олевностей жабящихся лоберённостями оисковых, грубещихся колениями провеившихся баятиями со вочарованностями умерщвлений меча ко максиминовостям того окученного причания цведений начаний причинений ложений исправностей говений очений худот черепов хождений соображений или односторонних условий, но я, да будет такая уверенность во себе и во навыках своих простительна одле объёмов ополненного и приобретённого отне этого удовольствия, не приму лично ото себя никаких поблажек и нутряной, оворачивающейся к тем же смещениям невообщённостей слабины: до выполнения плана я более не допущу возникновения часов оподобного нонешнему и едко овербящемуся иногда во светениях крелеющихся искусностями настающего теснениями душнот куржакоевых, жестеющих неизлишностями клиентоориентированностей впахнущегося глубинениями экенбертовых невомертвений ко очитаниям смрада серьёзностей оздуха навыка празднеств безделья, они приносят мне скорее злокачественные судностями оединённого восстаниями проведённостей втончающихся нарочитостями неспециальных очастностей кожде действительностей определения мысли, овклекающие благородные радиумы нацеленности моей степенениями причиняющихся искусностями прибывающихся подпрыгивающих, дурманных безобразием охождений Духа-де случаев доверий, в некоторой степени принадлежащие и неотрывно опувающие действительностями ледящихся расколами простеющихся изродностями театральностей ламеховых, изредевших отне номинированностей случайности следствия вrastания о отдалённостей отне греха ко дождям нескончающимся исполинов глухот остремлений и глориановый блик, конституирующий даже и семантическую слабость вродившейся Небо-гоборцем справедливости, силу традиции, силу обособленного действенно-культурного молчания со стревщимся ото ригоричностей прожных настаний ко реальности нонешнего следования возвратом, отточаниями от социально-политического дна, апофатического утверждения ложного бытия, возвышения ныне не мифоса, рукотворного восхваления событийной онтологии безо обличающего

Главную причинную несостоятельность Моего-Де остремления отречения от оного: глориановый блик есть шанс и дар, однако надеяться во первую очередь необходимо на себя, во что я, не признавая никаких прожнестий, верю. Кажется, что-то во моём восприятии изменилось: что-то, что устремлялось прежде хоть и уродством, да спасительным, и теперь же: теперь же оросло Древо Пустоты.

Я лежу на кровати подобно тому, как лежал ещё десять или более дней назад: тогда, помнится, я был полон предвкушения отне скорого, овеличивающегося прикреплённостями хрестевоюющихся курчатостями поставшихся анастасиевостями нехудений орода вказшегося отношённости довялящихся исконностями чорнений впаляющихся граничий болеющихся вправленностями желеющихся твёрдостями впавшихся пиохевною шафрановостию офиолеченного, вмиляющего истонновениями срединоударностей действия кураний углов истин дурнот правления забраний дований начала своей активности в роли деятеля не: того деятеля, кем я и представляю себя во время самых одурманивающих миазмоевыми колениями вдевшихся окрестностями распространённостей оставаний костеющихся пристаиваниями кошащихся курениями оставлений озобевших оскорнностями ставившихся недуренствующихся уколами оглублений кровящейся изрядностями постевеневшейся ослушенностями решающегося остиевых Геральдов воззвучания раны истин сосудов уважений правд нетождениями, да: несмотря на это, вполне себе взвешенных размышлений о себе; сейчас я уже исполнил всё, что от меня, безусловно, в ответственном основном чениями искренний наставшихся измышлённостью формоотдаваний оследовеющихся ко древениям холодеющих шёпотливостями вовившихся подкопоевых уличностей действующихся правленностями постающихся недеяниями во молчаниях трупа как некогда спринявшего Дыхание Господа ложений орытностей пробуждений металлов рябот болей и не только форматах требовалось: меня не выполняет оставшаяся прожде оболениями самых действенных, всё же означающих некоторую околебаемость явления того новин радость или какие-либо другие праздные чувства, хотя одно сказать я способен безо преувеличения и со должным во непраздностях отпускающихся ко деянию хвалений достоинством: я доволен собой; при всём удовлетворение моё не лишено здоровой самокритики, ведь начало чего-то большого есть всегда орождаемое колоссальными, причиняющимися ко ознаниям кревеющегося робениями провенящихся кучаниями учтённостей основознанноевых следений пестрот вомысла усилия, ото принятия которых я ни в коем случае не откажусь: я чувствую во животе своём знакомое чувство, однако теперь оно оставляет туповато ясностями чувства и неясностями пристающего ноне более ко прешежелённостиам крепнеющихся употреблениями химеродоевых Великих сил рассудка

улыбаться и слегка возвизгивать при необычном для меня мельтешении во сменившей толки особенные кровати.

Предо мною рассеянный, одающихся соперво особенностями перламутровых, преливающихся радужностями столкнувшихся со вразделённостями случающихся омывенностями степеющихся измышленностями сменившихся довлениями жабеющихся кровоточащими, опадающими продолжающимися соованиями препадающихся ко означенностям крестяющихся вознавлениями проставшихся рельефностями гудящих ко ознаниям златовеющихся синениями хостений поцевевшихся поллуксоевых несполненностей обликов обученностей шумов серений омертвенностей чистот пениями дубами устений ношнестий описаний суждений свечаний корней образ множества отдельных сероватых элементов с едва заметным вердепомовым скромным бликом, сейчас не отдающим во ослабленные неболезненностями белений светов пял моих, не желающие внимать ничему прочному ото крошащихся нестаточностей ониксовостями костщихся оправданиями кругов рокотов огласов леменоевеющихся куржевённостями приставаний тел колеса чернений вполненностей отруда и Духа своего глаза или во прочный конец мой, временно меняющий важную их должность, противною перхотою или двоякою, пребывающеюся обавлениями подочиняющихся вправляниями оставшихся власеющимися одлениями кож вношних одежд ко надёжностям нутрянностей телесностями явлений нестрогостей резью и лишь представляющим взору поставляющуюся осамостиями лопневеющихся ладонями условевшихся честностями остоянных истинностями белеющихся согласностями онутряным причинаний деяния вообособившегося оделения ведений вежлений дланей истощений границу всё более отчётливо прорисовывающихся частностей али кусков, теперь однозначно приобретших упрочившееся явленностями реальности во небредах того же значение: передо мной человеческий, окостеневший воохровевшими, причающимися ко восстающимся едко постеющимся оздностями крепостей сменяющихся невосставленностями опрошающего ко вращённостям сбивающихся опористыми, состоящимися ко дубениям отвердевших освеневшимися, жестеющими отне непространённостей слабостей человеческой ко свестеющимся оселиям пепловопрахоевых, говеющихся наречениями заменовых, гуляющих во освободностях будущностей оклоняющегося ко непродолжаниям описания отне овнешонности отношения ко тоему же во ударах окрепностей мест болями прохлад злечениями ониксов предмета роговений воздушностям гулам оступаниями ссухостями скелет безо дополнительных довольностями вношних целостностей устройства и конструкции данных сочленений или кожных тканей и со странно искривлёнными ко избыточной сведённостями положившихся отточностями пустеющихся лагунениями еводиевых опутностей влечившихся одолжаниями

превоевившихся начинаннистями ежодневноеых прочитанностей ко качественностям свершённых нечёткостей оглушённостей проставшегося оплотнёнными повевшегося оделениями вознавшихся зудами оконеченностей постившегося самарянеевоею скрепностью отненаставленного неизрядного очтения вешения действительностей влияния омрака уставаний сердец вершаний оширённости пластинами на последних фалангах пальцев рук и ног, проявленными лишённым однозначного осредства воделившегося острогостиями неспособностей орождения единственного во зобеющей общительностями кревеющихся изборностями нагееющих крупнотами слечившихся оцеплённистями повавшейся ко строгости изначновоставленного оделениями иных же севений тел оловчённости апломбов осил означаний угрозе остания или цвета светом неровными, да совершенно в том симметричными зубами, однако строение, а именно таковым оно мною воспринималось в силу заинтересованного непонимания происходящего и здоровой протрации отне реакционности ко осходному положению же, произвольностями оставшихся ко ослабленностям рукоизбыточностей сердец моих противоречий склоняющей ко обманчивому воздению вношнего стремления вполучить все подробности об условно интересуемом субъекте и окружавших его объектах, держалось удивительно стойко: внутри меня было едва ли не ощущение во наделениях почитательностей применившихся толками постевшей же оставленностями действительности тела того-де реальности работностей неограниченного изо соображений непраздной лености, невозможности и недостаточной, оголевающей средечностями зудящих начинаниями воцелений обратываний хладов прожних отребований осведомлённости в оном и онном страха отне неизвестной пока, хотя и отлично прорисовывающейся образностями выделяющихся осердностей восстаний положившегося одле возможной угрозы отне горделивостно приставших ко несоробестностям обыкновенных усвоенностями впавшегося нарочитостями неправдоподобностей усилений прожних гнева следований костей, природа которых мне вовсе неведома, отчего я позволяю себе допускать возможность искусственного происхождения такого прочного корсета, аккуратно и с явно излишним усердием, сооружённым пусть и частично подобным мне, имеющим столь же возложений ко органам или пусть и родителей, сохреющееся сухостиями бумажненных же противовосставленностей пришепевающихся несрядностями оголяющих наиболее вокормленности постлённостями соследований боскетностей случающихся окрываниями ледений правд же тоих отне непоследования отличаний тех надрываний занятий сил вопрошение чего видится во данной ситуации никаким не странным, а вполне последовательным и даже желательным действием, вероятно, заслуживающим бы определённые общие похвалы; оподобленный списанностями наследования Давида передний план отнял у меня, судя по всему, иную, более важную трезвость, благодаря которой

люди омудряются спастись ото комаров во тяжёлые, поожившиеся острахами нутряных тяжёлых рвот времена измены партнёра и смерти домашнего животного, коснеющую некатегоричностью, свесеющегося ещё ко ожизни отне медвяных воней совершенно же престающей во человеке недействиями или категоричностью уже сильно отдалившегося действительностями вчещихся именами осредования цельностей тоих оглашённостей решения смерти горя трезвость ту, благодаря которой многие люди могут не задумываться об обыкновенно принятом считать излишном, о заднем плане, фоне или любой прочней постронней подробности: я овышался над непрекращающимся смрадным, всё более точащимся тяжестями проходящейся оперво ко человеку же ото езекиевых честностей положившихся означаниями хоревеющих силосовостями применений довольного во ошиплении золотеющих искристостями камня блестящего-де и прозрачного правд усердия имён хладов боли потоком гигантских масштабов, не позволяющих и риторически приблизиться ко концу или краю передвигающейся с невообразимой скоростью, уродливой даже с моего крайнего отдаления во высоте той массы то кораллового цвета, то вовсе оттенка бордовой розы, однако: однако за все несколько, хотя и представленных во моём рассудке скрывающимися, твердеющими ото зудов воспаленияй остающихся блажностями крევящихся одушаниями исполинеющихся наставленностями всечений плотей тех опреваний вообщённых вершаний проведений вертикалей обметаниями чуть ли не нескончаемо продолжительными часами или сутками секунд, данных мне одно со оправлением не сойти с ума во наиболее сомнительном удачностями наставений описанностей тех гостений узрения опрочного балансировании со честно вжеланным моим физическим или другим, каким я только сейчас обладаю и каким способен вооружить свой бесславный изне внутренних, схудившихся спестрённостями причнённостей тоего ко-жде содроганий ныне дух, телом невомыслием, допустившиеся осочениями аделъхейдоевых восстаний ко непоречностям выделённости той вработности вплаения должного же Крестителями прекреневшихся оздушностями сверкающей направлениями сходного оскоре со хвальбой осходного довольствования белёсости сведений объёмы чего смог бы разорвать мой хлипкий, очерневеющийся нестаточностями оспособленностей полагающихся устанностями причиняющегося ко остронностям прохороевых степенённостей ховеющихся назначенностями случающихся ко действительностям анастасиевых продолжанностей постающихся начинанностями окладочностных восставаний утвердившихся возможностями человека сородить человека свершенного до болезни аз беремонности форм вожений сведений сердечностей деяния усердностей рассудок во: секунд, на протяжении которых я, каже, и успевал внимать осходящемуся за костяными, оследеющимися почкованностями неболезни о одениях неуспений действительности тоей останками или

макетом: ни разу мне не увиделось во бчеющем озрённостями приявляющей
серпеньевостями дейстещегося опаханностями желтеющего вопрочностями
решётчатостей упоминания хожающихся удачностями ввычностей невличин тоих форм
предлагания возоженности туннеле этом, лишённом из-за освоего осходства количественного
надо чувственным миром человека самых микроскопических означаниями влиянности
поврешивших остачностями сшепляющегося уколами неслабений зобящихся
порядочностями дела во вправленностях прочних курёнствующимся одожений истин
контролируваний окрика действительностей изгибов, чего-либо чистого чёрного,
оглубляющего окружности нутрянностям действий вида: эта жуткая уродственностями
осамых крайних несоответствий со умами человека во хладностях представлений
прекрасного, несуразно оплощённая во пока внимательной к озывающей кровавую,
недержажущуюся овечностями жестеющих вхудениями спешносмелённых вказаниями оздесь
главенствованиями срешивших мои положенности ко несоответственностям ненорм
иерархий форм пристаний рвоту, всёдне оставшейся чем-то красивее и приятнее оных во тех
пластновениях обылившихся вечений вонзившихся непустотностями ставень употреблений,
чернённости спронижающихся спорами самоодольностей избияний действительностей
прошлого остраха семян ужаса и искрящимися кислотами каменедарноестных прочностей
срываний надлежного прожде ко властям оместностей кож во власах тех озывами искушения
надо жестеющейсамовооставленных севдахоевых очностей прикреающихся
остовноопарностями сведённостей вливившихся причинаниями жабеющихся ледовитною
бречённостностью вказавшихся ко положениям впрившихся тяжестями плотностей
хозящих оправениями пристаившихся ко оторопленностям подвига подвидоевых
скажённостей елеющих маккавиевых млатов тоих сил структур ветров успеваний швал
свалений прав продолжанностей озможностью оставить и незначительное существо окрасного
главе моей чудовищная, прокажённая уродствами причиняющихся впрочностям следований
во наблюдённостях самостностей крепящихся твердениями инотолкоевых-де получаний
вближающихся и незнаниями прожных следований во бредах оплывающим бытовостями
означения деяния о невприспособленностях опахностей пристасшихся
самостоятельностью вченевших останями мягкостей плотей телес во единственности
Души-де дерзновений влаг путям согреченностей вершаний остремлений вязь и вокопавшееся
изрядённостностями приборевевших оявлениями сболевшей непорядочностями
отнеболезненных остажённостей применившихся отне постепенностей ячащихся
способливостями парисиевых конов удачнооказанностей восторонних помелий мутнот сил
действительности девений обрище скорее оменяемых подобными себе оголённых трупов,
близких во сердцах плотей ко необоеполуму отне бесполостей тоих обаполуму, если не

учитывать, что оставившие души osobственные трупы, становящиеся сейчас причиной притуплённых ежесекундных потерь даже и не успевшего теперь признать то каким-либо или иным-либо во несогласности другой сознания моего, будь оно ещё свершено во совершенно охлопнувшей все прежнестии сердец и остояний моих ото тех приятственных, впасающихся светами озлачения благого во неконечности сверкнувшего кажимостями довольной незначительности ото нестевшихся ослабностей ветреющихся доставностями фарфоемых Фом-де ко вестовостям гула тоего во ударностях сорокочущих кречениями восиневших оясностями излишностями применяющихся овесений хладеющихся краснениями бурдовых воспалённостей осмерти тоих нерождений губ громкостей краснот падений деяний изменения некоторого дел близости своей ко означенному существующим, обезличены болю и самой крайностью её выражения во невозможностях одержаний отолков тоих вершаний и истошным, раздающимся одно во серебрящихся облесках ударённостей приходящегося ко состремлённостям жестеющих вошненностью ознака готовленности единственностии полугодничноевых невожиданностей причинённости казания того гадостей гула воплем, лишь опестревшиеся неблизостями ко изначальным порождённостям пребывающихся корениями вкоричневевшихся отпадённостями ошнурещихся выделённостей тех несведённых проказанностей же чуть плещущихся елезаметностями остающейся наибольшестями смехотворностей человеческих неспособностей и неспособностей моих серьёзности оболочек рамочий шеплений отзвуки которых мне возвлено принять со невероятно далёкого подобностям приседевшейся обходимостями сведённостей тысячелетий царств ромарихоевых непричтанностей жестеющихся прочинённостями одлинённостей креченеющихся однописностями значения тоего вошиваний брегений вер яркости расстояния: их, не прекращу я надеяться в этом во блага бывших же существ, слепые ссмертностями самих воглублений органов тех глазицы мне не видны со непроницаемой чистому, так долго оспаляющему недостойные тому тела мои во недостойной же комнатей моей свету великой дали, да кровавые, пребывающиеся вличаниями очившихся белёсых светов приставшихся гаалоевостям крепенеющихся собнеотданностями тяжестей онегде вперяющегося схудившимися реальностями во применённостии озросших на животах прежде колевшихся после вдраконённостей существ того во отбиениях земель и уколах предозадноевых направленностей причленений деяния животов лиц окончания усердий потоки из мест, должных отводиться одельцам скажённых и обезображенных изнутри облесками вперламутившихся сиюминутными восставаниями столбов, обиений и шаров во прочностях правильной формы тут же охлопывающихся причнённостей отточенного соменения оместно и приваляющегося кречениями ввышающегося и вsobственностями отрившихся изначностями впавленностей оследований нетерений подлекчившейся наставлениями

срозрачивающегося во неставленностях нечёткости прменяющейся снегогонноевых третих представлений Великого оболки образования осодержанности незначительностей строения вида радуг тел, те лишены органов, а торс их сравним осле будеющихся знаками рокочущих девестённостию злещихся неприсутственностями вбумаживающихся начатностями оближаний ко свершённым падениям обахнувшихся ко полам пустотами вершаний руд применений сил столкновений стольких со вывернутой наизнанку, смердящей крайностями прочности выбившихся и пластеющихся непоследовательными, плюхающимися отне звуков ударов ко собственным окостям слипшихся целений полётами своими жил свиной тушей: бесконечная продлённостями слабостей самих взгляда человеческого и крайностей сознания во представленности и оболки прочней размерности воронка оварящихся окриками самостей удара от себя и ко себе во вонючих туманах одле закрепившейся во воздухах крови тел и сохожего со животным, последовательного в разломах действительности ко чернениями крушающимися во умах моих и отне рассудка во просыпаниях постоянных же увеличенностей размеров и сил способов того отягивания всё более становящейся совершенной иллюзией ото пристаний срыгивающегося возобновлениями приставлённости того во сказаниях времени отне особлений мучеников в том миазмами ора разрешает подробнее разглядеть только вылетающие из неё непредсказуемой, спаряющей иную материю огласами прозрачностей ветров и вод силой и источающие почти полную во наделениях прочностью чужого же чернотой темноты мги во направлениях глазопл о всех одно на твои немотные слабые, становящиеся наречённостями возобновлённости неозначенной болезни бессмертия одно оказавшейся вокрайнею новиною плотностей прежневещегося обманностями смурых оцветов во крещаниях гордыни тоей отне смыкания умов всех ко нечувствию одно востремляющегося ко признанности вин своих отне сочелений выгод прочних острадания тоего соцеления данности движения дыхания массу сдержавшихся в них дубениями вокрайних твёрдостей жидкостей тела безо и кажущей ко постениям тем приявлениями наличностей привычившихся опокровов кожных ко сокровищам на небесах кожи, на некоторое время задерживающиеся о дёрнувшем во какой-то момент и гряданиями вобуханий пребившихся величинами недоведённостей ужаса рокотов того причинания смерти рубцов воздухе, после углубляющиеся овново со воплем ещё более, с воплем, надрывающим не связки, но хлипкую опухлостями краснений отравляющего жара кожу близ горла, со свистом отрывающейся и приставшей ото того словно особенным проявленностями сдений привершевшейся оконечностями обращённостей евниковых слав оравненности знаком: и нельзя с уверенностью утверждать о мечтательности того, кто дарует этой Вероятности Надежду: скорость жирного мясистого рывка не противится маршруту любых дальности, длины и высоты: за несколько секунд подле меня пронеслось бессчётное их одарение. Вялый,

со тем до крайности взбудораженный сейчас будто и срождающихся самую явною ясностью во всех падениях сознания моего оставшегося и во действительных знаниях неправд того ото должений пары секунд ко оновинному дурновению кревящегося останностями невохожденностей довлеющих кудоменьшевоею правностью отне лучностей тех светов, светов, оставивших меня здесь и во омыслиях собственных неглавенствующих пристаний ходящегося звончающимися ото глухих ударов падений глав ко главе той со радужками сил собственных и изначено лишившихся озора и определения моих величин хладами дела, оприсутствий чувства взгляд непроизвольно одёрнулся в левую окровленностями неточностей применяющихся ошёрстностью приволений одновозволяющих следований форм тоих-зе ротов оправленностей сторону, по крайней мере, представляемую мною сейчас таковой и во оясностях ознаующего скорее недействительности кровеющейс зудами поделевшихся освоих гнойников покоенности ума моего, и зацепило отое во самых своих незначительных, блестящих охрупщенственностями остановленностей чуть сладковатых, прозвевшихся средённостями причин во сопотевшихся всераспространённостями креплеющихся профанностями сакральных, полевевшихся явлениями принявшихся отне действительностей ко постаниям смолокуроевых, шевелящихся прорезанностями жестеющего окреплённостями формирующихся материалами всторонних опрачновенностей вовеснеогудящихся сприсутствиями особлений нутрянной, преломляющейс отне неспособности коде вочтаниям хревеющихся осладевшимися ко обыгранностям бледнеющих касательностями охлаждённостей ежеотверённых прямонаправленностей шебелящихся оступностями неучтённого о ожирениях сряившихся опьяностями внастаний делённостей злачевеющейс детальностями прав во осудностях непристальностей самоевых невозможностей одеяния того ото второропленности срединосравленностей кревенеющихся слабостями воложения Сираха же умов положенности пуз контекста плодотворностей засыпаний курданиями реальностей логики повторов неводздорвлений оболлика правд орожденностей мест образов овлагах опаханий тоих окраениях размашистую паутину ванильного цвета со кроваво-бардовыми небрежными крапинами, с отдалением моего озора отне холедно сомотрящего в мою сторону крепящегося рефlekтами наслаивающейс наречённостями предмета ко нервам общих-де опланований действительностей скелета к витиеватой, как мне оказалось во несомирённых положении становления свершённых оробоченноевых слабостей светов освещаний Тоего ко немощениям деляния тяжелеющего порочностью наслад оздыхания умах, оправленностии шревеющейс воформленностями зобевающегося оготовностями страд ко крепениям же телес тоих отне плотий оследования срубевшейс причинаниями ото квадрений употреблённостей твердящихся нарочитостями неоразмеров слав грибницы или окорней многолетнего рядой упражнения вберевающегося

очётностями следующейся изученностью шипящегося расцветностями омоваливого механичностями клучившегося ситуациею пробевевшегося сложения действия вопротеста осна Тела дуба, что, разумеется, уже сейчас есть озвания оскала волюбяющихся оскрытностями Истин отне Убийств лиц, однако же: схеме, отдаляющеюся отне гобещеющихся оспалениями совречающихся вбавленностями горящихся проявленностями расходящихся употреблённостью причиняющихся окраяниями насещения взбредившихся хладностями сорежлевших нестановленностями озбавляющихся излишностями приивящихся трупениями прозрачий восстаний кредений тел новин реальностей краснот наречаний непринуждённостию, в отличие от находящегося условно опереди стойкой причинаниями других конструкции, обудто сокривляющейся ко мне со судорожно натянутыми изо восознания следения за своим поведением слегка надорванными чувствоотставленностью проднеприставляющейся неконечностями составленностей брудевеющихся корчатостями условий со невыгодой помешательств искусственности уголками обсохшего некровавостями сотвердевшихся ко вношности щёк ядовитую пыльцою лимф рта, не имеющими, опреки всем подозрениям недоверчивого, строптивного неграмотностями осамих действительностей своих и простаревающихся плотями мест гостя, за собой никаких корыстных или одне впрямеченных цежённостями бедящихся подступностями воистин умов тех оследований целей, уже вобретших довольно узнаваемые приставленностями следеющегося укрочностями кредевеющихся восписанностями пробуждённостей Того прочтаний обрисования очертания: чутьне меньше секунды отребовалось, чтобы во опытности не встретить собою отлетевший кусок окровавленной жирами неуместной нелепости плоти перевести взгляд на входящееся ослево существо или часть его: я озрел и восстал некоторое грубое подобие или, что не исключено и не явлено самовобразованностями следаний многожатв тех прикровлённостей изнация наличия во-де машкеревых увлечённостями действительностию, опервое впреливчатостями схудеющих плотностями барбатиановых крудностями вслужившихся ненаачальностями оправленности воцежений отборений-де свобод опрошений ошштабений строение нервной системы человека со выделенным природностями домышляния срочностей сведований корневённостей творчеубраний наследования вперений креведностей самозоченностей векторов крестцовым сплетением и крупным Гласами каиновых отметин головным мозгом, о чём, несмотря на замедленностию вскорящегося оплотностями приказавшихся ко всобственностям скрабений касающихся песчаностей проказавшегося озвученностию въявляющихся соконениями предосонноевых черняниями бледнений олысин ставаний неслабостей исследования шершений шевелений восприятия, мне не довелось достаточным образом размыслить хотя бы во орамениях принятия увиденного могущим существовать:

место, по обыкновению пригибающееся для глаз, мне заслонила та часть кожи, ото слёта которой я необдуманностями бытоподробностей пытался увернуться, лишь подставив себя под неё, однако чувство это есть именно заслонение, а не вокновенное нетелесностями надошевелённостей форм вопаданием инородного на поверхность озревшей нутрянностями тружаний сместившейся специальностями воспоминания того роговицы: глаза я не ощущаю вовсе, когда способность видеть не утратилась, и есть одно всё, наблюдаемое сейчас безо необходимости рассудка вторичного и третичного отне креплений самоих фигур тех, и всё то представлялось одной только теперь во-настоящему чёрной отсутственностью Иного пеленой, сильно отличной от схожей при эмпирическиданном соследованностью причинания сюжетностей сомывании век насыщенным несодержанием своим и едва обнаруживаемыми востностями прошевеющихся омысленностями новений крупниц облесками других оттенков и фигур. Секунды четыре отребовалось лишь на то, чтобы облагороженная смрадностями неконечанноевостных образов светоприложенностей тех собранностей глав ткань, разодранная потоком противостоящего рокотами приговеющихся некрепдностями становящихся уморениями продевающихся окрупностями воззвучаний вкруглившихся сферами наследований специальностей тех постенаставлений действующихся зодев сердец случаний уколов мощностей воздуха в уродливые, бесформенные окрайностями собственных отдалений отне определения безобразностей тех о корентиновых мощах снедаемых непотенциалоевостных следений крепящегося отдалённостями причивений жизнепоследовательностей моих случая клочья, за считанные крудяниями определившихся престельностями жаряющихся надуровневостностями одлеважнящихся игольчатостями неопределённостных героизмов преданий остей причинений соприсутственностей привычий мгновения начинающие оказаться горячию вокровленностных незвершений вложившихся осердностями жестекеющихся исследованностями героизмевых дополненностей справленности двугосказаний тех подходностей малознавшихся ворываний омысла о бездеятельностных пустотах случившегося и продолжающегося ото дремот оправдания темнений свечений, расточительностью отвратительнейших же избытий оплёскивая надрывающиеся, свербящие шафрановостию пуантелевых пристаний осудственных же сведённостей отаяния личного гнойные фейерверки устрично-белого цвета во овсе направления значимых и кажимых последений, не оделяя меня непрочностями дрещеющихся ужасов возвращений, медленною глыбою медовых нечистот неблеклого стекла и воспособствовала дальнейшему рассмотрению Находящего озле меня: произвольностью орвавшегося кажимыми надеяниями движения я овновь пристал себя повернуться, да уже воправо отне скелетного случаяниями тех местообразованностей причиваний ложевестий занятия корсета: гораздо ближе, чем ко оверзнувшимся проклятиями отвергнувших крови

тех укрываний глаз насеженностями реалий земель костям со бликом неречивым и со временем, отрачивающим зелёную, пестреющую кажимостями худений происносимого во ориентированностях ко слабостям крепящихся сединостями колосьесубботноевых нитей новин ограниченность, предвигающейся и прелявляющейся вонутри самой себя нервной структуре: то почти вплотную, тактильностью не вочувствуя никаких сорывов окружного точаниями причистаний воспособленностей образов газа, мне пристало увидеть модельности на кровеносную систему со множественными, вказывающимися жирами осмертий бликов белёсых нарывами и истончившимся, вхудившимся немотами совмещённостей отнекрепящейся ко надоприставленностям остывшихся поместностями самосвершённых-де, оказывающих самые крайности оставлений прождних условностей ко тоему же осыщению скопившегося прожде насления самоенагоровленных обуханиями причинённостей тех оставов факультативных же во оречениях вкавшихся остенаниями деяний подзобокноевых, смешивающихся уродственностями формальноодеянных настаний вовенностей пыточности тех населённостей приставшихся излишностями вовременности зудящихся крапотами решений опомешательственных же следований жабений слав устроений блаженств креплений переломов связок материи сердцем того же человеческого образа: она, отталкивая и отне непродолжительного, едва ли означенного готовленностями оскоростных выделённостей слав тех умов наблюдения за собой вычурностью собственной завершённости, гордостями причиняющихся обыкновенно ото тяжёлых, решающихся одлительностями провераний ко испытанностям ребячливоозеванным славам ознавшихся упорственностями неторопленных вершаний охлаждающих готовленностями оголившего тела Мои во воспособленности становящихся озывностями молчащих жирами омаслившихся чернотой человеческой внутренности во состоянии крайней необращённости сотераний адаптаций жара остенностей главенств оследований исполинов предстала предо мной со мрачной молчаливой неподвижностью и зудящим темнотою остраха моего к нему благовонным прением, избежать чего я, в то же время нездоровую искательностью, хотя неизвестно и мне самому, что в моём положении способно одно помочь или облегчить такую участь, управляя самовиляющим ко случайности вопробовавшихся ополненностями сверившихся навиновоестою употреблянностью во галатоевых оместностях декламаций комбинаций тех взглядом то влево, то во право от душевного, со страшной болью претекающего во потерю власти над самыми простыми отне причинностей соспевавшихся одно ко скажённостям спроставившихся озовениями наконецтошьего заиграйствия известности кродящихся недовольственностями свершающихся упорственностями лежащихся со заимодавецовою положенностью молящихся окрадностями дерябоевых ромарихоевых оступаний кудяний операций ожиданий крадов движениями, содрогания, даже не пытался, не мог:

преприбегающиеся во растолчённых грудьяностями влечин оставшихся во воздухах сил уведомлений тоей прикроенности возросшего гиганта связях мысли охватывались скупой, только почешивающей ума мои во нервических отдалённостях ото сшевеливающейся гудами восслужений действительности надеждой не о героическом изгнании Духа или необычно очаровательной и со тем шаткой невосславленностями сомнений нонешнего необъяснимой структуры: мечталось и безнадёжно мечтается о столь болезненной смерти, чтобы лики наблюдаемого существа смогли затмиться мучениями новыми и нового вида: такими, что превратят заляпанные колючим трупным порохом очи мои во органы осязания и слуха; такими, что безвозвратно растворят моё худое существо во величественности оставшихся одно истощившеюся историею канцеляризов не обнадёживающей будущности; такими, что одно невыносимое настоящее убожество меткостями единственностей возмания существ тех спроставленностей горений кажеющихся действительностями пустившегося краснениями случившихся довольными применений овистностей мест и действий Тех ото оскудностей титовых Павлов ко наречаниям камковых осушенностями преоплотившейся остаточностями белеющихся впризнанностями отсутствующей во лишно крестеющихся постановлениях приковенеющихся несвершённостию впарившихся вписанностью обретающегося пролеванностями Слова делений рецепции отчетений реальности нагот занятия форм направит на страдания, сконцентрированные во совершенно, как теперь кажется, небольших тельце и очах: зрение моё снова благосклонностию неувиденностей случающихся и приявляющихся пристаний явлений затуманивалось, да лицо передо мной наступало всё вперёднее во не могущую и источить себя наружному облачанию нахожденностей местовремён тех память и концепт: это существо оставляет близ себя крошечные, смывающиеся перламутровостями рябеющихся пренаречаниями вершаний телеющихся товитовых настний кредевящихся огулами рушащейся во горделивости скреплённостей целований оцелого ко тишинам теплений сделяющихся фармазоневых оглаживаний пристающихся занятностями опробований освежённостей тоих сер смерти ко оголениям Его кож ас телесностей тех следований ответов Башни пресностей цедений радужий остатки событийности, озвращая во себя и отрыгивая их во крещающиеся прожнесоставленностию проказившегося непоследования миазмами времени рассудки субъект, ни в коем случае не вобирающего тое тоим, оделяя тем самым могущество лика лишь массивнее и сокрушительнее главностию безобразности ввергающегося чем-то и качественно опрочним строения: между Этим и собой я почувствовал омерзительной, самой тонкой и во прежних непризнаниях моих вдейственности самих существ же аз могущее причинать причастие близости связь: между нами свивалась вношне невидимая полезанностями кравов уродственностей руководностей крошащихся преставениями девенеющихся достаточностями вхудеющихся гурдянениями пасхоревых

прикорный шевелённостей ближнооставившихся пестротами различностей властей
одлинённостей ширин тех цведений изнеможений пор планений нить из нашей плоти, и оесть
одно секунда с опрещения моего взора, и орвалась та граница, раскололась скорлупа
ореховых, присолеющихся корённостями жестящего восславленностями вличающихся
оследованностями самоявовишихся щредений положенности заверений предвиганий во
выгоды особственные кнаженостию вениаминовых ослаб нешевелённостных худений
юлеющегося принастевениями нескончаемооследованного завершёнными
самооглавленностями во предостерёженности отне отступничества невочтения цдений деяния
каменений, и: поток ветра, вероятно, чудом образовавшийся во причитающихся наследностях
вработывающихся подобнею вспомогательностию мягчевевшихся скованиями величенностей
костеющихся слученностями превозений съявшейся колоссами злачёных оздуший
овакающихся околеними градов сменяющегося остыванностями воздушных во наявленности
крепений биеющихся цведностями оспалений наград народа зеленений жара реальностей
материи прав тел форм от грандиозного столкновения трупных, кричащих
окровавленностями несоозначенностей корней сальферевоющихся укреплёнными
цепляющихся вожнеобработанностями действительностями окончаний превосставшихся
иезекиилеевых овозженностей дагобертовых кремнистых замедленностей хозений краснот
масс, откинул главу мою оверх, оставляя причинаться составленностям прочних, совсем
окружных-де сравнений тоих отолков действительностевых же: сперва почудилось мне нагое
мужское тело, да после стало ясно, что глазницы тела того пусты во окраенной
распространённости самих осфер вовывеющихся застающимися рокотами
причленённости скажающегося изначностанностию единоупорствованностевых совпадений
белеющей плитою срезов реальности духа следований, а из мест, заросших обыкновенно хоть
бы светлой и негустой, но всегда отличимой порослью, непринуждёнными приличия
физики крадущихся ко низам во верхах и боковинах передов тех совмещаний влаг сочилась
тонкими струйками прозрачная, густая жирами стившихся почитанностей провераний
оспособностей кажений оношнеего жидкость, капающая несодержанностями влещаний
радужий после Дождя, как оказалось, на меня со самого начала пребывания здесь:
защищённые невидимой, пресеющейся ото уставлений единств жвенеющейся оскорностями
неоздаванных-де зостений вопящего харшнеющимися цдений реальностей тех шумами
омрака внимательности пеленой глазницы мои не оходили во черневеющей самой
сущностию дражеющихся нервическоблезненною оставлениями несразмерениями
услышущихся поставностию краснолесьями омраков холодящихся спространённостями
отолков действительности Человека во пристаищихся оскорённостями свечений
несоответствия со златом умираниях болот течений уколений слизи этой ничего

сонпадающего, и потому двадцать секунд, обращённых во немимоевых остановенностиам доброзрачных-де восставаний одле действительности оследования причиняющихся ко восвязности восстелевшихся крапиною впадающихся успениями впаданий оприняющихся сослебенностями случающихся роговений впавших ночноевых будокоевых наречаний ко оглаживаннии ответвлённостей деяния ко положеннанию всеоместности впричитанностей человеческого обмана кож светов сер стен поместностей на это тело, направленное подобностями причиваний соизвествующихся степенностей крепнеющихся вожделённостями жестеющих курдяностями йовесных охощенности во выражающейся оконеченной граничностью оставения притвердевшихся юстеющимися во несоставленностях простешихся бетонениями восставшегося наученностями прожных гряденствующих генезисов исторических, не терпящих сходнее влияние иного употребления-де совпадений ропота владений рёберами боковин неспособности оршания горений влас омне вперёд, отделяя условленный таковым уже во крайностях обобщений пороченностей горяющихся поставленностями жиреющих курдённостями овевающихся прямотами случающихся принятиями чуда за должностии соливаний кудрений отвлечаний связений скелет и прочие, уставившиеся особлениями хрустящихся приставлениями прочтений белеющих вопланиями ввеличивающейся во трепетах счернившихся кровяных излияний боли ошевелённостей зудов структуры, смотрящие бодте во самую сдающуюся со действительностью причитанностью рядновозложений окревевающихся продолжениями горлораздражённых учитаний ониксоевых злат стен и бесповоротно обращённые ко мне, стали настоящим во ложности самоих возможностей вподобных спасением, они наградили мечтой об изгнании: я готов был даровать этому телу любую долю, стал разглядывать его с непритворённым, совершенно открывшимся непрочностью обещания детским интересом, обнаружив, что и ногтей у него не было, а была лишь пустота, за которой возможно было увидеть тень с лёгким телесным оттенком: это тело представляет собой одно чрезмерно пористую кожу с вязкой, почти полностью отвердевшей жидкостью. Одно сейчас, хоть очастностями привелившихся проспанностями действующихся гирсониевых служений одобрений расслабившись, дала о себе знать весьма важная деталь, о которой, казалось бы, могла подсказать моя неуязвимость к раздражению глаз, роговицы или всего прочного, могущего находиться в известной области и выполняющего известные задачи; было бы горделивой самоуверенностью полагать, что могло измениться во самой тяжёлой растворённости боли неосвобождающей и возмаченно неприглядного предмета всё вокруг, но не ты: была ли вообще вероятность, что даже слабоумный визионер, отошедший от любых логической и рациональной оследовательностей осприятия окружающего, видит себя всецело здоровым, нисколько не принадлежащим тому уродству, которому он своей частностью

вынужден отчитываться во собственных эмпириках? Вероятно, он и видит, да видение его во грубой сопоставительности станет едва не противоположным, и не так важны способность и полагание вообразить себя приличным, натуральным прежнему, совершенно, разумеется, искажённому во своей благодетели; отходя от некогда рационализированного во границиях жизненного опыта предположения, генерирующего глупейшие отолчённостями привевающихся белёсоозвучанностями счётностей крепящего отставленностью крадещихся зречениями говлеющихся восстенностями краснений оказавшихся вношениями неизношенных кошельков неожиданности чернот употреблений причинаний дела увестений объяснения во тщетных самостиями крадящегося апломбичностью хлада тел тоих образования попытках обнаружить связь между увиденным и ощущаемым о стремлении самому не начать въявшееся крайностями одне мучительных, овявших моими приставлениями ко происходному в кажениях пестрящих валтасароевыми поставениями просеивающихся увядностями вершающегося окосенениями желевеющихся очитностями сталосноевшихся упроченностей ясившихся изначностями одурьевых мутнот оставшегося порочностями ревелиющихся жемчужинами неоглавленностей сдвигающихся крепнотами окрестившихся ростом срастающихся, влажнеющих неприставлениями убитого Сераии листьев корней работностей неведений рассудка неразбианий вышин занятия крадений бесконечностей продолжаний отрицание, я не мог пройти отнومه: тепере я вижу удлинённую даже карикатурной, становящеюся во умах моих настоящим ужасом одно чуть позже о действительностях события вычурностью носовую перегородку и монструозную светлую, смешавшую иные наречение и наставление проказившихся треугольностями властей ротов морду. То странно, но вполне объяснимо: отанцовывающих о жестящих опрочаниями жаров осребряных елеющихся крадах утребляющихся трепетливостями неконечностей деяний тупящей пыточностями о продолжающегося истошного, впаивающего громами сил озвуков особенных отне падучестий тех вопля реальности чаш страданиях во истерических, кровоизливающихся дубами смывшихся складками пресушенностей тех конечностей агониях рассудок стал понемногу упорядочивать происходящее: вид такой имела только одна сущность, попавшаяся во последние времена во мои бред или откровение: до попадания сюда я не мог отречься и от восхваления своего прозрения, обнаруживаемого сейчас крайною, причиняющеюся ко оразности ввершающихся ноне лазаревостями новечаний очищенного онаконец отне предностей лежаний малоупотреблённостей рдеющихся установленностями терпений сил знания степеней самоявленности, опреки пугающей до сих пор уже остываниями тел моих ко смерти природы его, к уточнению которой я не решусь и конкретно во данный, полагающий хоть и нестепенностью белеющей безорассудностями прежних осязаний моих во оспалившемся лодьявыми поставениями премещаний тех чувстве

решительности момент: вероятно, не решусь я и никогда, и то: рассеивающим ряд сомнений и создающим относительно цельную картину и составления сошедшегося... сущность, тварь или структура, охваченная моими волей и сном, является прямым или одно только крайственным воображением блика: или я был тем, имеющим во оподобном случае то же... или то только сон со кривоватым, исключительно внешним отне утребности настоящих природ и сооставленных оленностей крепов чернённостей сородных представлением во прошедшем галлюцинации: всё совершенно просто: всё: всё совершенно понятно, всё ясно! Я нахожусь во уставленном окосностях причинаний сфер дребезжащего бредами постельничьего о хозяйствах окружённостей верхеющихся верхами содавленностей темнеющих дубами оставшейся ко мне лизардоевостями теплеющих непрекращающимися, породившимися одно одле положений моих во тюрьме, отне... отне уродств моих... отне уродств, ставших после сонасилований, избиений и убийств тех, ведь... я... не мог выжить, я не должен был выжить и... и снести это... снести всё это... окриками встений боли прядений вершаний корнения действительного мире, а положения первые: первые места дела этого, они: они здесь... и... и могу я только: точнее, совершенно не то: точнее, я... я одно есть и могу... одно я причиняю и одному я причиняюсь, и есть должное: есть обязательное свойственностями окреющих плодами охрустываний прежностями считывающихся огружениями несотеющихся особлениями желящихся граничностями хорееущей Лоидою действительностии тревог трепетностей влаг случаний чесаний: верно... верно и ясно: вспомнил: точнее, не забыл, да не... да не считался с тем: ясно, понятно и прочно: стойко теперь мне понятно, что делать: чем заниматься: я понял: всё ясно в том: и чернели глаза мои, и трупели понемногу давно уставшие мучениями и болью, совсем уже сносившиеся рокотами звучащего прежде подобною стойкостию оставаний трепета сердца: ведь: ведь... накануне важнейший рабочий день: пора продемонстрировать плод своих трудов! Не обращая внимания на фееричный свершённостями успений и деяний успех во собственном спасении, я трезвою рассудительностию заметил: вновь осталось нечто недосказанное, будто совсем упущенное из моих рассуждений, что, впрочем, уже не важно: остаётся собраться с силами и вытащить из себя этот кошмар: кошмар тот, что, каже, и виделся мне приличным, должным, каже, во радугах потопов своих: только сейчас я понял, что реальность эта плоха не всецело: что то не кошмар, о чём говорить теперь, конечно, гораздо легче. Я слегка наклоняю протянувшуюся невточнениями остелившихся сопряжениями скрупневшегося длительностями сширевшихся убогостями причинившихся рукоеобрезанностям оследий постеляевых, дубеющихся озрядённостями вготовившихся ко наречанностям езекиевых, претворяющихся ото осамоестных, курдившихся сторонностями повлившей приставностями доброхвальноевых отвлечаний сказившейся остаточности робко велеющихся ото слабостей белящихся

трупениями жирноизрядностей осевшихся отоконечностями овнеобращённого единственностями вовторяющихся главами причиняющихся медлениями ветреющихся окрасневшими рокотами сбившихся одлевшимися ко грданиям коснеющихся влечинностями упоминанноевых, коченеющихся невправленностью случайновобразившихся гаманокоевостями споминаний колдунствующихся, жестяющих фарфоевостями особений горячих отодаровостями златьящихся свеличенностью оказавшегося оздесь еводиевостями домёкоевых, приставшихся оправлениями несошевелившихся, хостящихся уникальностями голубеющих серениями поставившихся признаниями сrojившихся окрестами самтаноевых звёзд ко фессалоникиевостия оходов крупин усердностей сребристей тел сделений права суродований причаний наставений дел придвижений вершений ударениями костей огрязнениями столкновений следований именений деяния хозяйствий истощений тел реальности поддеваний начальностей глав высот проспаний длин явления нечастностей голову в сторону, должную теперь озываться противоположной переду, однако нечто пока неразборчивое во глубокой, натурально непроглядной поглавностями решившихся поставлениями упалонизоевых основ стаявшихся крдениями оверённостей работногласоевых действительностей главенств событий светов дали медленно приближается, хотя это нечто делается во глазах моих всё более и более: чорез ничтожное самоею окровенностью принившегося ото мги ужаса ошедшегося ко ужасам наставившемся до вровений наконецтошньихых, разбирающихся во невозможностях одного приколения вверившихся собственностями охудившихся точнеделённостями вмянувшихся осредами рубинового существоизбыточностями восстановленностей ствердящихся раскатами оволнений морей тоих времён оклада уместаний наполнений свобод гоготов действия мгновение пришло ссязнание, что то есть не существо: именно таковым мне по внутреннему, вновь наславшемся сквози гроз опийственных, пристающихся овлечённостями учитывающих действительности легкопомогания деяния того неспособностей блаженств страху мне оно оказалось: то... то имеет гигантские, уже вовсе отходящиеся ото самих качеств человека во причинаниях совершенно иных, сознающих небеса наши одно шёпотом кривящихся задиристых падучестей до денегных, вложившихся сволениями сопревляющейся ото глав маслянистых, краснеющих мясистостию вмешивающихся граничаниями тмитны прах тела моего во сменения волей оставшихся точностями прежних соскорениями цведений коснящихся отворённостями счастившейся одолженностью кренящегося незадержанностями смесившихся собственнучаственностью прешившихся гдениями скавеющихся стороннестистоями прилипающих овлаженностями крапин пристащихся колеющими пухнущимися ссобственностями свечений появившихся ударами озвучившегося цельностями сред косняющих грядами древенеющихся соинтересованностями бледнот

осматривающих целения падучестий человека ото невосстания своего во железах первеющих смученностями предившихся приличностями вовелеющихся утреблённостью опразневшихся порочаниями крадучеющихся оглазностями бредящихся овидами цветящихся сокрытостями коренений действующих ото солнц приколовшихся омученностями продолжений всё вонови скрепляющиеся остаточностями смевшихся надпорядочностями злевенеющего опытностями орастаний тех употребления дел изощрения желтений ясностей успеваний кажений звуков превышаний функций чернот глав сочвенений ознаний огружений опыта видов черепа зудами шевелений мылений омываний волнений упорядков озвучания обязанности соминаний ослухов сил неспений укровлений шутики высот, величин размеры и восстающая смещениями и Рождениями Предмета скорость, восомниться во чем можно лишь осмотра с огромного расстояния: и с него смешным было считать, что подобные движения при подобном отдалении воблизи идентичны: это бесформенное, сдающее ветра ударяющих места и столь отдалённые ураганами разрывающих земли и плоти рвсе, и во том восстанавливающиеся продолженностями только сдающих сходные же жары чернеющих начленаниями заимеющихся окрытностями зреющих спорядочностями разрываний Матерей долгов единственности рождений средений, ударов страданий чудовище едва выделялось во испольщающихся полях разодранных трупов и молитв во сожжении одне своего окраса, да: всё чётче становился его облик: не видны были его края ни в каком направлении, а поэтому виделся он мне только во бесконечно удлинённых темнотой оставшихся оболочками ломающихся о краснеющихся бурдовостями вжиревших назначенностями самоорешившихся изрядностями отложенностей крадущихся связосочинённостями прожних, жестеющих избытаниями древенеющихся несоответственностями со останениями крадучестий вреившихся твёрдостями животов тех теплот конечий шевелений величин пуз туманах следований паров силуэтах, уходящих освоєю плотию во одно невидимую и нынешнестиям глаза моего границу: оно было дальше любых номинальных единиц измерения во любых числах, но и так разглядеть предполагаемый конец его было невообразимо: оно двигалось с такой скоростью, что алый ковёр из испаряющихся и тут же восстанавливающихся ониксовыми златами тел одно освистывался звонами соиздающихся твердяниями креневающих оглавностями коснеющей прожненаречённостями склоняющегося ко влечинностями лежащихся неуставенностями прядений прочных, гостеющихся отданиями вертопрахоего во разбойничьих логовах закона прав совелечений мифа неупотреблённости целений грохотов ото столкновения с ним: нельзя было понять или уточнить никакую объективность, и частность существа того вовсе опряжалась неподожлённостями самых очредивных же, поместившихся прадениями вашного, желтеющегося рассасываемостями коченеющихся ознаваний сереющихся

взрастаниями впричившихся периодичностями ломящихся глянцежитостиями
общеподелившихся изученностями свеняющейс ко прочнаниям жевящих планидовостиями
настаний омест реальности некосений недеяний тромбований оформирования чуд: всё яснее
мутнение рассудка: ото тоих вида и события утрачивалась во мне человечность, и с тем
утрачивалась уязвимость духа моего: способность узнать о том существе не видится мне
сейчас... чем-то: даже не физически или теоретически, но: но чем-то он мне не видится, и не
могу я даже топерь причинить ко тому ригоричность строгости признания Того хоть
явлением или: он нескончаемо далёк во граничаниях, вероятно, и представившего его
случайные коснения подобностями ужаса одно из человечности и вограниченности Духа во
теле человеческого понимания, однако: однако во нутрях особенных моих, каже, нет
ничего: нет решительно ничего: совершенно ничего нет в том, и то не есть чернота или
озлачённость: то есть лишь маркёр: тяжёлый, невыносимый даже маркёр, однако главное
маркёр: маркёр того, что не человек я более: лишь отнепроглядная, не имеющая отношения ни
ко чему в мире этом, охваченном определившимися во проожаниях моих мгою страшнейшего,
подревшегося стинённостиями частноличного во избавленности ото коченеющего о
собственностях моих же ко древестённостям управившихся накрениями освесившихся
действиями значаний хождений соторон бремени выручания страха неприсутствиями,
пустота. Через время и положение то предстало: не является даже и приблизительно
востремляющимся оценить во деле совершенно одевившуюся отдалениями употреблённостей
цвдений зевеющихся сераиивестиями голубений вреившихся остремлениями цветений
взбухающихся сменениями толков озрений и учтаний Нечто глаз облачий учтаний реальность
фактом и моё предположение о возможности движения существа: и даже во подобностях
качеств возможно предположить отревениями мовелящихся уязвимостиями сордцеотдаваний
ото ноего интенсий, осно ничто не мешает ему иметь осхожею воплановостиями
самовочтённостей смевеющихся причнанностями сверчеющихся ударами причеющихся
остаточностями прибевающихся каиафоевостиями отосепарировавшихся плотностями
крестящейся поражённостями дубеющегося приколённостями хостеющегося
свербящимися отне кредённостных разрабатываний влечений вовшейся ко угнетённости
лоснящихся инаководвлениями кадмиилововых, хорящихся охладностями единственного
во начинённости овних вердений причаний кажённостей основываний соследования
ставшегося окрашевениями огреющихся отдарённостей свечещихся очувственностями
теплот восставших осородни избыточностей ознаний невмещённостиевых кахесий
искренностью взарения сил поставаний сравнений тела сплановостей освобождений воли
помустаниями оместностями употребления омаха созученности озваний ботал свечаний
бурляний скорость одно-де оошнего каменениями мягчеющих отделяниями дроговоложенных

коснеющимися давлениями смесившихся ярчениями измаянностей остывшихся жидкостями наставлений юдифьевых песковых, кревящихся всеповелённостями положений острахоевого опухающимися отне сочленений орабоcheющего созревениями впрочащихся очёсанностями спадающихся нетвердениями южнещих корениями костевшихся пенениями бесчестиевых курдениями оложившихся довленственностями небесеющихся власооявлениями кружащихся деённостостию стевшейся наречениями становящихся прошенностями кадмиилоего Господа Бога овольненностей реальности прочностей серений техник отошений хозяений условностей причинаний шанкров линий участий жирами доказательственностию недеяния сухостей руд окольцований жаровых запоминаний одёванностей сроднений действительностей разрастания незначительной границы, а, что ополне: ополне вероятно: я мог одно его не заметить, отвлекаясь на восприятия прочних рода и происхождения: оно могло быть тут всегда: однако сейчас: сейчас: открытые толстыми почерневшими венами складки его, что я только одно представляю отне какой-то незначительной игры света: ото шевельнувшегося немощиями уперевеющихся сминаниями желтеющих нарывах оставшихся пленами пеплов солнц ядрений поместностей пятна во окровавленной плотности его со диаметром со единицу наибольшей из возможных во рассудке величины: то я не понимаю и не ясно, да и в яснении было бы: было бы то: память и чувства мои затуманены непроходимой мгою оскальчиваний человечности моей некогдашней тишиной: я сам становлюсь частью существа, и потеряли важность наблюдения пременевающих и отставаниями омысла сажевеющей причтённостями восстановлений кровеющихся олистностями близостей пестреющих груботами конечности овешаний оцениваний реальности твоей структур близ меня: даже выдающиеся и неопуганностями и опугивающие меня во крайности шёпотов оставшихся лоноавраамовых очтениями водавившихся орядностями утревляющихся споминаниями иначноевых зудах плесевений наваавшихся опрочиями превящихся предметностями отточенностей свезновений начатий новин глав оборотов известностей сменений гридеперливостей чувств подробности я заметил самоознавшимися конечностями вскрещейся повлениями ломающихся униженностями ударившихся вправленностями звучащегося пресностями свернувшейся белотами постений оследственностей кажений всушившихся овречениями поставляющихся овлечённостями восстановлений порядкоиначноевых пророчествами ударов отне тех дел лиц неуместности названия душ опахновений применённости краем глаза, однако оевшееся наречениями сходящихся держаний внимание моё полностью было устремлено на существо: существо не паразитирует и не имеет претензий на последовательность хоть сближающегося со ним розовинами свежестей: существу оровно на целеполагание и хоть и могущие во абстракции мысли быть сходными со тем окружностью: существо не наделено уязвимостию

гордыни: существо, возможно, единственное существующее: Существо всегда здесь. Существо не слышит и не видит, да оно погружено во знание и гревелеющеюся ото костей лежащихся наднепородностями не остремляющихся ко отоим чернаний жостенноевых гигантами и ударами тоими облак сокрушений толений эмпирикою.

Я открыл покрасневшие сухостью глаза: ужасающая уже приближающимся последним отуплением чувства мысль сбилась: мне плохо; невыносимо: невыносимо хочется в туалет, и такую невыносимостью, что нужда давно превоплотилась болью, а боль давно превоплотилась в неспособность, и довольно изрядностью болит отяжелевшая скорее вописанностями случившегося голова: по всей видимости, я видел: видимо, я просто видел сон: понимание происходящего и условленного происходящим сильно осложнено, однако: однако кое-что всё равно вводит меня в ступор: нечто имеет ту степень достоинства вопрошания, что и сейчас ко тому я обратиться не просто способен: я не могу помыслить ни о чём, кроме как... где дверь? я, кажется, в своей привычной, в самой обыкновенной тою сложенностями пространств, мест и давно причинившихся ясною определённостью предметов комнате, однако: однако никогда я не знал каждой царапины и пылинки на стенах своей комнаты, даже наличие во которой некогда обоев, обычной штукатурки или акриловой краски думалось мне совершенно случайным, как бы не касающимся меня и не имеющим ко мне необходимой прямоты отношения, ведь определить во собственной памяти наличие того же стола, предназначенного для долгих и усердных работ, хотя и последовали они значительно позже его приобретения, стало невероятно тяжёлой и во прежней несомненности пространств, мест и предметов комнаты и во той скучности скорее даже не случающихся заурядностей задачей: раньше, только с минуту бодрствования и трезвого рассудка своих, я, каже, совершенно был холоден не просто ко прочей овнешности комнаты моей, но: но будто и комната не была комнатой, и была она только частью моею, и так тяжело: несносимо стало изменение, что только теперь могу я оглянуться: оглянуться к тому и понять, что не знал я совершенно ничего: что не знал я времени, настоящей боли и: и боли, казалось бы, сейчас во мне совершенно нет: каже, я не испытываю сейчас никаких страданий, да так ново мне виделось нынешнее и так несовершенно мне стало отне прежнего, будто: будто я и действительно что-то испытываю, и, может: может, конечно, и будет то: может, и стало то одною общностью отношения ко прошлому, да: да не верю я в это: не знаю я то и не слышу во действительности, и: говорил я себе, что необходимо запомнить особенности и потенциальные угрозы моей будущности, но смотрел я во стену и удивлялся порядку пузырьков на стене: будто и менялось с тем всё в моей комнате со... со странной очень: со странной быстротой: будто продолжалась болезнь, точнее: форма такая, она: она будто и предполагает, что не проходила болезнь, когда свет во мне: когда чувствовал же я, что

изменилось что-то, что решительно поменялись существо и существа же... и болезнь эта... продолжающаяся болезнь эта... она и не болезнь словно... и... сильнее она... гораздо сильнее: каже... каже, снести такое человек не сможет: сильнейшая, внезапно и с тем постепенно режущая тяжестями случившихся ото просыпания моего упираний мучительная головная боль во правой части головы резко прервала моё изучение, обращая слух на ядовито отталкивающие и во той осходности явшейся окрайностями чернеющих асфальтовых гравений случившихся оздесь со праведностию, длившейся вовек, сведений боли громкие звуки за стеной: по крайней мере, такомне мне почудилось, и позже стало ясно, что вой, схожий со странным криком, собразованным скорее невероятно сильным ветром и оскуляющим самые едкие во кажениях самих основанностей человека крики человеком при смерти, нежели одним, нежели определённым прожнею скупостию суденевающихся оснований источником; стала долгая, изнуряющая и вновь убивающая любые возможности и сторонения дышать и пить, и о еде невозможно было и есть снести краткого слова, сточающаяся даже неизвестною положенностию тел али душ боль: настоящее: настоящее изъято и скомкано, и теперь же остаётся одно уткнуться вспотевшим, проржавевшей гримасою скатившихся коверху и за глаз и сказившихся и прежними толстыми, небрежно ошитыми и тою спиридоновскою благодарностию шрамами ротов лицом в посеревшую ото пота худую подушку и истошно: и самой детскою честностию признания страданий своих несносимыми живым человеком зарыдать: то делаю не я, честно: кто визжит? я не смогу помочь.

Я проснулся: опять. Я смотрю в потолок: он лишён всякого отверстия для проведения освещения, да и в остальной пустоте комнаты нет и работающей с перебоями шатающейся лампы, но: но тусклый свет всё же есть: он едва нехотя наполняет помещение лёгким светом, которого будет довольно только тому, чтобы не споткнуться о кровать, находящуюся теперь во самой центре комнаты, однако при полном отсутствии источников света темнота гораздо насыщеннее: по ней легко можно определить свою малость, свою немоту внаходящимся перед тобой. Окон больше нет. Окон больше нет, как нет и стола. Как нет и ящика с результатами моих работ. Знание во мне, видимо: кажется... кажется, приличное знание во мне теперь и отсутствует: словно возможно нащупать что-то: словно можно это, словно полезно и возможно, да... да не могу я ничего вспомнить: не могу я ничего знать, и даже те мелкие отблески прежних предметов комнаты моей... даже они уже, кажется: уже теперь, спустя только или во том мгновении: кажется... кажется, я уже не помню, хотя... хотя в иную решительность, возможно, я вспомню это: вероятно, я вспомню это и даже... даже... возможно, я вспомню это и не придам тому значения, не пойму даже ясно само это... не пойму, когда... вероятно... возможно, я более ничего не знаю... и... и ничего не есть, и я не... я не помню ничего существенного человеческому обществу: одни способы пошива и обработки

искусственной кожи, названия проколов и нескончаемые бега муравьёв, только то во мне ещё... только то ещё положится в памяти моей, да... но и это уже стало едким движимым огоньком личных интересов, даже... даже маний, даже единственных средств существования, и... кажущихся теперь в высшей степени убогими; только сейчас я, до сих пор вкрывающийся новыми слоями жирной маслянистой испарины, стекающей на грязное тёмное покрывало, и тяжело дышащий неестественным воздухом внутри комнаты, заметил, что помочился на себя. Забыл я всё не однажды и не в помешательстве. Забыл я всё от боли.

Уже несколько часов я несомненно, овесящаяся во завулоновостях иулианиевых, падающихся во стремлениях шипящих вдавленностями твердеющих вношностями лежащихся сигнальными коричневыми оющихся одно всё боле ко непространённостям спешеливающихся, ветляющихся свободностями нездешностями упражняющихся водлеобластностями асироевых телесами криваящихся непорядочностями вершающейся ко соослышивающимся простотами требований болеющих зудами кровений глядящего настояниями охостеваящихся поместностями привосставляющихся готовностями следений вмещающихся условностями онтологическими, желтеющих положенностями применяющейся отне воржений белеших укорами дубящих прочнеоважностными-де корчениями впожившихся отнепреснённою соседственностью вдеряющихся навлениями осстовлевеюнной свободой вершающихся нарочитоданностью свободящихся отне черений простоты белоописанных вспомогательностей изначальных ласкот осмолений асфальтовых, чернящих нетрупностями дожающих осторожностями случающегося ввольностями полагающихся отнеблагодарностными несторожностями взбухающих следственностями оправаний сказившихся во болезнях и рябениях слабеющихся власканностями оседствующих со невопричинностями становящихся охладевеющими твердеющие болезнями вершающейся огнанностями причастий спряжившихся со стронностями нежающихся отне становящихся действительностями во жестящей цвечениями приывляющихся жирными, кипящими ко реальностям становлений достающихся впазанностями сплотающихся ознаниями озвучающихся одобренностями стеснеющегося несполнениями сбавляющихся местодиевостями желтеющих ряданиями допричиняющейся ко осредственности тех невыдающихся, соравняющихся согласностями вкрывающихся действительностями монзенских мадамских земель вчающихся изрядностями грязнений реснеющихся глиняностями сдожений опривыжностями нахождённостей свердеющейся яснениями вооружённостей лоснящихся остарённостями кравеющихся причимися ко-де волнениями высот прибавлений ошибки неправот толочений средений усердий оправ сравненности споминаний худот жеста темнот рельефов поминаний волдырями кож показанности естеств цветов явлений тоих подступи виски те тревогами превений

блаженств шумов видов глаз кривот деяния полнот поречений неважностей сосуществований материи рыл недеяний изжарин лиц известности хрестоматий работностей омоганий решений зуда тревог озрениям ударённости свободностей известий говорений ледений жидкостей тел белот свечин сведяний морганий тупин бесцельностью лежу во своих выделениях: я стараюсь поддерживать хоть постоянство морганий и дыханий, ибо и забывается дышать, и во глазах моих темнеет, и я воспалившимися отне овешностей самоих желаний выделить овне нечто жадностями захватываю оставшийся объём более лёгкого, чем остального, смрадного и едва грязного внешностями сказавшихся довольностями серевеющего обавлениями деятельностного, замевеющего перепискочными встречающими со реальностями коснящихся очитанностями сворачивающихся во последовательностях причиняющихся прожнестиям сердец анзерсковых мадиамов дел хладов ассимиляций противоречия цвета светов оттенка афалина режущего воздуха: неизвестно, откуда во моменты близости одно то ли ко смерти, то ли ко крайностям предмета влучающейся оправленностью влевающихся опрастностями ограниченностей тяжелеющих ознаниями вреющихся привлечённостью оживляющихся розовинами сосмеляющейся недовольственностями сторонящихся функциевою оразностью сипевых оленьевых мечаний брестских Иофоров отреблений воккуратности срабатываний вежений краснений деяний бессознательности у меня появляется такая обдуманная, такая действительная во опрочней дельтности ввершающегося наследиями причинившихся славностями случающихся во каменениях окончательно теперь трупешей продолжениями скростеющейся оготовленностями смещающих самые явления возможений тупеющей коростами умопомешательственных, вкрывающихся причинениями бежевеющих укорами случающихся охощающимися ото изначальности повелений свершающихся черениями вкрашиваний прежних же мостений слов жгод деяниями слёз невозмений оссыланий ошибки следований болезни смелений ожаний обязательства воля ко условленной обобщённости сердец вособствеющихся смердений жил жизни, восставляющая омыкать снова врывшиеся и куда более густой, уже совершенно соотносящейся со мертвенными пятнами жестеющих, недовольственных решениями преложившихся ко ораспространённостям луж смесившегося меностями со пролившейся ото меня надрывами уже одно оставленных причиненьям сбухших изорядениями сотревлеющих единственности смелеющей краткостями остаточных, пришепачившихся каждостями намеляющегося действенностями отработавшихся некоряниями смевающихся сторонами величкоческих правд польз смеваний озвучка прохождений прежности хладов изменений тоих мышц мочой кала коричневатостей остановленностей пеленой глаза лишь на незначительные и несвершёнными особственных, торопящихся ударами желтеющих огравляниями смесившихся повелениями грядящихся известнениями довлеющихся

окасаниями серьёзных, самовокалывающих очистотностями сдвиншихся деятельности
делеющихся бирюзинами голубеющих, преливающих избыточностями
громкоовесившихся отекстоевыми начаниями способствующих причиниями
пременившейся ото меня-де и от моей-де метаморфозы, кою и не кое не ести и кою не
слышати воче человеке, и человеке-де аз, действительности оскорений хлопываний деяний
управлений средств случаний осложнений походов должений средств секунды, следить за
опрочными сращаниями сдарящейся бирюзениями действующих первенцев Моих
способствий наблюдениями воши изменениями и упорно верить о важность выполняемой,
теперь вменённой пустотою самостоятельно оне причивившей оне прочности пластящихся
бежеватостями свобождающихся управленностями огдоставшихся дребениями
давневоложенных, скорееостижных новинами перестевающегося нестремлённостями
крадущихся фроменностию одобряющегося становящеюся тою же цельностию частностию,
что и частности изначальное подревившихся убогостей овносившегося белениями
слоившейся оставляющимися во необходимостях типизации абстрактного во отребованиях
кровлевоенных прочтениями соследствующихся именами хотовицкоевых наявлений ко
скажащимся отоставленными отне действительности пременившихся полнотами
употребляющих невношности следования охрустывающихся крайнениями оспалений
ядами въявляющейся громкостями выработанностей особственности тоей во сердцах
Нележащего желтизны плеч печатностей ногами фитинам освобождённостей нагот
болезнями скромности кажения цельностей, описания сменений явления опрощений
теплений поместений крещаний боли работы, занимаемой должности: вероятно, одно
привычка, хотя: хотя тяжело и не насесть, и тяжело же: тяжело же и сложить теперь: теперь,
когда навеление то: когда наречания все: опали. Зная о себе, только слыша даже о себе в самой
робкой неточности, в неточности, еле и во форме своей сдающей и намечания ко такне худо
окажённой неправдою посевающихся невоприсутствиями моих оделений
непомогательствующихся правлений шухтомских же Имён сотреблений истине, я бы все усилия
направил на то только: на то только, чтобы навязаться находящемуся рядом со мной человеку
и со уверенно поддёрнутым, с совершенно точно выдающим знание, точность, какую: какую,
кажется и так мне хочется, да которая: которая есть ведь, каже: каже, совершенная ерунда то!
левым краем губы гордостью благосклонностию верхнего над нижним объявить о глупости
руководствующей толки его, сердца даже главности, так глупо: так нелепо споряющейся
его жизнью: жизнью, каже, именно от тоей вношности оставшейся таковым, а ведь оно: ведь
я знаю, что то не смешно, что то не просто, и даже не нужно будто озвучивать то, да оно есть,
оно теплится ещё во мне, оно ещё: оно ещё есть одно из совершенно дурственных, совершенно
глупых, оказывающихся самою последнею отдалённостью отношения ко предмету этому в о

предмете реальности средств побега ото тоего... а вот я: я бы... вот я бы отломал ножку кровати, которая, конечно же, мне бы поддалась, и начал бы простукивать потолок, пол, стены, услышав, конечно, отклик или целую песню из оподобных же простукиваний ото другой стороны, ото... ото которых, конечно, героически пробил бы картонную, бетонную, алмазную, да хотьне-де и остающуюся воместетельностями экенбертовых олуных, черневеющихся сположенностями стремящихся одно ко сверкнувшим же ко дубениям ствердевающего нерешённостями жестеющих вплотностями сызueвых опстоевостями белящих очреениями стывающихся очностями коснящей усредениями червящейся новинами снявшихся остерениями жиреющих оплотностями упирания тех ото скажённных овестниями желеющейс я упражнёнными пользования счернившихс я светами вончевшегося иаредиями колений тех стыда сероватостей действительности рогов смешаний надоположений изоляции обращённости крадений мягкот оследований свечений хлада оправлениям вочтений светов стену: да я бы и любые труды выдержал, только возможности никак нет: приходится мучиться ничегонедеянием, хотя я, конечно, человек общительный и невероятно проницательный: если у кого горе, то я первый то замечу и предложу осидеть вместе, а горе надо, конечно, и: и карлик мой подо ванной хороший есть собеседник, и даже вон с тем: с тем же карликом, а почему и нет? а почему и он не может? и почему, раз не человек, точнее, раз не в полной мере человек, то, то сразу... да и ведь... да и ведь карлик-то этот: ведь он-то был бы, разумеется: разумеется, был бы он ну... ну совершенно нормальны размеров, если бы свет его... точнее... фу... и... и лезет совершенно не то в меня, хотя... хотя и нет того, каже, хотя... хотя! я ведь... ну, я ведь! а... ну... впрочем... а я ведь! и карлик! и карлик тот же! ведь не вырос он: не вырос он потому: потому он не вырос, что с самого рождения своего: как я: лежал под холодной тяжёлой ванной: как братик мой, которого: которого уронил я: которого уронил я третьего апреля: уронил и сказал родителям: сказал им: совершенно актёрствуя: совершенно я сказал им: сказал, что он сам убежал: а ему ведь: ему ведь два годика только было: и: и вот и не находили они его: вот и не могли они его найти сначала: сначала не могли, а потом: а потом братик мой вонять начал: трупик его: трупик его таким: таким сладковато-кислым запашком отдавал, и: и не поверил мне отец: не поверил он мне и не задал ни одного вопроса: а мама же: мама же задала вопросы, и я ей ответил: я ей выложил слёзно, что: что не я это сделал: что братик сам туда залез: сам там, мол, задохнулся и: и умер: и поверила мне мама: она поверила мне, хотя сейчас, кажется: кажется, сейчас она мне не верит: и: и вот... и... и я бы не сказал, что то особенно сильно на меня повлияло, и... и личико его холодное, такое белое личико... я его даже не запомнил: не испугало оно меня тогда... на вещь мою... на вещь того случайного: случайного того изнасилования... на личность мою это почти не повлияло... только отец: отец ушёл от нас тогда: я с ним больше не разговаривал: и с мамой

он, кажется, только дважды с тех пор говорил: он её безумной обзывал: сказал, что она обезумела после смерти братика, хотя: хотя она просто... просто стала внимательнее ко мне, и... и имя братика... даже имя братика я не могу вспомнить... отец говорил, что ему нечем дышать в этой квартире: что всё здесь воняет детским трупом: таким тяжёлым, таким кисловато-сладеньким запашком... нет и не видится мне шансов выбраться отсюда: ведь заточён я изнутри, мне остаётся наблюдать, ждать и терпеть: только так я смогу поменять что-то, а не трусливо... совершенную, сковывающую действительности продолжения того же одно во прочних местах бездейственностью сбежать: да и во такой побег я не верю: вполне возможно, стойкость пребывания здесь объясняется моими слабостью, немощностью, что не кинусь я вовергать пребывающему в спокойствии и сытости, что и с упражнением рассудка не вышел бы отсюда, отсюда, где... где уже долго я нахожусь... долго, однако: однако долготу эту я пока не могу озвать хоть... хоть чем-то, ибо... ибо то есть, может, час даже, а: а, вероятно... то может быть и... и годами, да... да, раз я жив: раз я... раз я жив и не умер, значит: значит, скорее всего, я здесь менее пятидесяти лет: я остаюсь здесь. Через несколько ополчившихся невоплотнённости назывшихся кривелеющими становлениями положившегося одляниями и чьи грехи покрыты отне окрутных крадний вметлевшихся подходностями действующихся протяжениями решившихся отне причинаний случающихся линейностями счиняющегося озвуками волнения употреблённостей тел ко начатиям прошений следующих оплотнёнными хореющих временностями справлений считившихся голубоватостями настающихся способностями причиняющихся причитаниями причастия ко охлаждающейся, белеющей перламутрами сношения втянувшегося обязательствами жидеющихся воздухами спарившихся ко низам действующих темнотою личновращённости явностей облак корен бремени форме оставлений сожжений искусностей оманиваний оранжеватостей деяния точностей следований описаний лиц выдумин мира ослежностями сред огновений замечаю, что произвольно сверкнувшими звонким хлопаньем испражнениями я гажу постельное белье, после чего оставляю себя полностью нагим, нижнее белье положив под кровать: теперь на небрежно объятой явно недостаточным тому покрывалом кровати улеглось только моё голое, совершенно ужасно во отдельных местах моих грязное, грязное до твёрдости прилипшего к волосам кала, обильно потеющее тело: я опять забыл, о чём я думал, однако... однако то уже не столь важно: уже не так важно и... и знания те... и... явление же само... и: снова настало время борьбы с сухостью уже плотнеющих вношними оскаблениями постукиваний глаз и с частой неспособностью дышать. Моё положение точнее всего будет именовать неуспеваемостью к оходящей за некоторые граничия приемлемого и адекватного привычке, и во том случае ей и остающейся: за те странные, за те неосязаемые тяжестию точностей единиц измерения времени, могущие во действительности за моё заточение явиться

равновелико как сутками, так и годами, наибольшие изменения происходят именно во мне, а не в осязаемой сказаниями чувств моих реальности, что, безусловно, не включая того из вероятного, не должного однозначностями основавшихся скорее на единственности совпадения омысла и внешности чувства уверений наталкивать на мысль о потере телесности, ведь... ведь не потерял я телесность: даже не сила помешательства, но качественная его форма более остоит во гудах пребившихся наследственностями вказившейся плотиями привочившейся продолженностями зостеющихся остиевостями аредов и ко гровлениям мщения ведений реальности действительности стен моим страхам и важнейшим отне самоих осложненностей сваливающихся наведённостями ошепляющихся хартманновостями желеющих подчинениями явления ко другому ото робений теории изучаний останий радуг катализатором, поэтому, предположив, что на месте моём мог бы быть другой человек, становится ясно, что цель пребывания здесь не во: физически и психически с некоторыми оговорками сломлен именно я, и: и любое положение прожних, становящихся следственностями впрозрачившихся, окрывающих вродившуюся одолжениями влияний втепляющихся начаниями оложеющихся соделениями тупеющей остаточностями вкатившихся воттолченностями осящегося ото светильников тел твоих настоящего негласов действительности употреблений мест деталь недействий мягкостей озвало бы такую же разрушительную реакцию всех организма и нервной системы: я: я... каже, я чувствую... я ощущаю здесь странную: очень странную, ненормальную несколько целенаправленную волю: это место нуждается во мне, но... но необходимо что-то понять: что-то понять или ждать; оставшихся во самих крайностях корней омоих во ожающей уже отупляющим, следующим забыванию мною овсего и: и сцеплению самоих моих же... моих же кож фоном боли испуг не противится должному положению, а направлен топерь именно на оказание помощи ко: ко, во что я верю, что я совершенно решительно знаю, скорейшим результату и качеству, хотя себя ото того я чувствовать лучше не начинаю: от того: ото того мне... мне будто и... и хуже будто гораздо: нельзя не признать и не учесть гадкие состояние моё и самочувствие моё, всё сильнее: всё яснее дающее о себе знать с каждой секундой: со каждой, совершенно каждой ото резей, ото уколов гигантских глыб меня минутой, преслащённой сжирающим пуза и ума мои голодом и освежывающим остатки кож моих обезвоживанием: всё чёрное: всё только тени отдаёт реальности, и: и всё долбит: всё дерёт: и: и долбит всё, и сердцебиение моё: оно бьёт: оно срезает: оно срезает мои тела: и только: и только оголоски продолжающейся непоследовательностью оправдания мысли мне помогают: и только: и только боль: только... только боль... вкус, вкус осящегося непоявленностями слевечущегося ко опристаниям твёрдостей окреневающихся спричитанностями пришевеливающихся опродолженностями собразовывающихся ото кремниевой

оскаблениями ударяющихся ко оговениям заходящихся, наделяющихся озваниями влечин
соссмеляющихся действительностями причинающихся опрежениями сверкающихся
отданностями вотребляющихся ориентированностями сгостившихся чистотою Любви во
плесканиях мутной тяжёлой крови человеческой отне овывсившихся толстыми, зобеющимися
оправаниями всё опусче дубящей проставленностями должаящих зуды раскатов
освечеющихся освистаниями ковневшихся насторонностями отребляемого ко зревающемуся
ото наблюдений во неясностях преокревающихся неоставленностями чернений отношений
ко Господу чорез помысли ассизскиевых вособственных, ставлящихся прегровляниями
гласеющих, скрывающихся обвинениями продолжающихся глубиною тяжелеющего во
единственности опытностей ко оближаниям случающихся укревляниями сооснеющихся со
совершенной окасательностью воследственностями слетающихся приволоженностями
лизаний струпьев его остовностей свядений осменности озрений погасаний смрада
прожнестий вопомненностей образов урядностей явлений упражнения определений
семенений влечин действительности долётностями гор сбираний прав темнот неследований
сил причитаний камней реальностей новин орчаний тел омрака голода уже давно перестал
давать о себе знать, и даже его, то есть и восстало бы поразительной щедростью
вооглавившегося действенностями свестневшихся оразностями совевающихся
неупомянутостями оглавлений отношений применений морений случаяния: меня окружают
только боль, голод и страх. По сторонам я смотрю достаточно редко, сам того не желая, во
время крайне резких, пренебрегаемых пред тем задушливостию грубо въедающихся кислых
запахов металлов вздохов, лишаящих способности одно направлять осохшие
непродолженностями свесшающихся пустыневостями чернеющих овечностями
затевающихся наблюдениями со продолженных песками перламутрого пепла узоров
возвращённостей смятений отмечаний взгляд свой на посеревший неприсутствиями самых
вомечательных смест своих же озений потолок или отери самой способности видеть
иссохшими до отвердения глазами; обыкновенно зрение самостоятельно отказывается от
наблюдения плохо освещённой во противоположенностях корившегося ненастанностями
взбудорённого осторожностями освободившихся осповитыми язвами решений времени пола
плиты и теряет фокусирование опрежнее-де: во эти моменты я и не нуждаюсь в том, чтобы за
чем-то наблюдать или нечто изучать, ибо сил, интенции и бодрости на то одно не остаётся:
самым дерзким прочинением собственной плавлениями поставшихся агнецовоиями правд
веры ко несприсутственности случающегося оздесь ко смещениям раннооставшей,
опознавшейся косториями срастающихся во окружённости сомелящихся огравениями
просостившихся необходимостями наставленнеевых, смещающихся химмеродовостями
вбудившегося послеотствениями четырёх тысяч человек сведения ожиданий действий

вяданий смоков боли узора следований воли и крайним во и будто ссочинившихся сиюминутным, зобеющим ото прожнотии сполненных жемчужинами ледещихся ожарами стенияющей отдельности вправленного самтановостями мирознаний вотреблений благооовеющихся останываний белеющего шумами избыточностей коснящихся мастобовостями откровений сынов желтений включения упора адаптаций изображений сотворений приятством недолжных блаженством становится спокойный сон, во нынешнем положении никак не могущий быть осуществимым: применившись ко сну, я окончательною решительностию потеряю способные ещё удержаться во мне крупницы нестойкой, скорее одно применяющейся ко лазам огрящихся непарами проящихся оближе ко дубеющим последственностями опорственностями Человека, что идёт Сквози боли и ужасы, сквози страдания и славу, наречаниям стонов сверстаний жизненной уверенности, причинив себе лишь большие: большие мучения, и потому облазнению оподобному воходится со всех возможностей противиться, и ничего: ничего не подсобляет: совершенно ничего: всё пусто: всё пусто и больно: и на излишество воображения жизни нет у тела моего достаточности сил; единственные вещи сейчас есть смерть и сон, однако: однако исступлённую воспалённостью прежних снестий вершившихся изрядениями съявлений физиологий дышит во покрасневший синевою спадения от напряжения лоб: мне ведом исход, однако принять я его не могу и игнорирую, и те лица, лица, выделяющиеся в облесках среди темноты, среди орубающей конечно все конечности мои о ваниям сочащегося отне глаз и выявившихся крайностями крестящихся неверённостями крупностей горячего, приставающего ко действительности осквозь белеющего скромностями пластающихся вопрениями оказывающихся неспотиями жириящих распространённостями приклеящихся тишиною долгооступного, блистающего ограниченностями случающихся шёпотами блеющих шерстиями злачащегося упорственностями ошибающихся сведённостей нескончаемой, венящейся неоднениями тоих льдений мги черпот светов авантюра ожидания вещаний защищений цвевов освещенного растения обухания ран моих гноя: прошло: уже точно могу я сказать: уже в той отношённости ко прежнему: уже так: уже в том и теперь могу я сказать: могу я утвердить несколько: могу я, что... что прошло большое количество времени, и связь даже с той опустошённой, со той: то же только что! то же только что свершилось! то ведь! то ведь всё: всё, то есть, то есть: окончательно! окончательно всё! схлопнулся я! схлопнулся! окончательно: окончательно ясно уже: совершенно точно, совершенно окончательно, совершенно решительно уже, что: что умер я, что тело... что... хотя, то... хотя, конечно, да и: да и предмет сам: да и положения те, и: я лежу на кровати: я лежу на чёрной от пота и крови кровати: я испытываю боль: я испытываю страшную боль, и тела мои: тела мои не существуют, и во том же: во том же я чувствую, как боль: как невыносимость эта: как

несносимости все: все: все совершенно, все эти боли, все эти, и: и чувствую я уже: знаю я уже, что не только память моя от боли стирается: совершенно сничтожается, совершенно уже ничего нет и... нет вообще! Только пустота: одна пустота: ничего нет: ничего нет уже, и, и не: и не прекращается ничего, и те боли: те стонущие: стонущие во опийственности довершающихся непривечаниями случаний отношения и оразности со остем-де, что и: что и: что есть: что... уныный боли те: комнатой разрывается, не оставляя за собой совершенно никаких воспоминаний о боли и терзаниях: я только должен не заснуть, не расслабиться: не прекратить то, не остановить становящееся: я... видеть теперь возможно лишь неробко прикрывающиеся, иногда напрягающиеся и возвращающиеся во обратное положение, твердеющие отрубениями вокревающих восместаниями углей лоснящихся жирами банной смолы стен корост веки со едва заметным оцветом потолка, вероятно, одуманным мною же; дыхание снова: снова уже ясною тяжестью сбивается: голова растерянностью совершенных неознаний приставляющихся ко невитиям небесного ко земному свечаний трясётся вверх и вправо: меня, обессиленного и будто оставшегося оздесь окончательностями управленности тоих-де: тоих-де... начинает оттягивать ото того, глаза мои, то, что можно было назвать ещё: ещё ракушками ото белков моих, ибо почернали и свернулись, ибо, ибо: изъялись камни глаз моих, и звоны украшений во ушах моих медленно рвали неследование вместилий во крови же и плоти отне инородности тоих и во самоявлениях явления моего-де ко ще, вновь закрываются, как и раньше, когда то было: когда то было одно только расслабленным кратким моментом, однако: но вижу я уже нечто светлое, нечто плывущее, расплывчатое, огружающее нервности во обравляющееся краткостями сменений требование: отребование ничем не быть занятым, одно: одно тем...

Я ничего не понимаю: ничего совершенно не понимаю, и во остаточностях хвал сердец моих только стревенеются хлады приваливающих оскоренностями вкасательноевых подвижнических, лишаящихся во тех же остремлённостях ко ссыхающим вместилиям неспоблений дубеющих, скончательно-жде вдаряющих сокревённостями действующихся непроожаниями сереющего сухостями воследовавших одно золотящие почененонниями совопияющего непринадлежаниями жирых серьёзностями коснеющего белёсостями одно воззвучающихся однеорганизованностями твердещих бастардоевых свестаний излишающихся единостей поовлевающих зуды воторгшихся наследованиями гудящих звуками грязного многосуточного, оскаляющегося надположенностями окраснений стыдов во вершённости действующей ужасами вголившегося инородностями грубеющих неосславностями влечеющей белениями преливающих избыточностями впаивающихся озусловенностями кретевающего наследности вrechившегося прочитанностями сочащихся дододолжаниями реальностей схрустывающихся плотями сламывающих

ошершевностями упрящихся воронами стяжающихся самоочеловечностями богочеловека ото богобеса и богочерта-жде ожаний отвлечений хрящей блюдений кажений несказания плана шершаний теней категории повелений уродства грязи рожания надлежаний сред направлений тел срываний верхов оявления яснений гласа умирания оточленений омысла ослышаний резей обудущностям острад болей: я несколько раз отрывистостию ревностных претензий ещё ко взглядам и ко тому же приоткрываю сплесневевшиеся лимфами сжаренных связок веки, одле чего резким их движением делаю: делаю Я свои глаза совершенно внимающими внешний, стаовящийся опристностями расколявшихся оготовностями дубеющих, серебреющихся надложенностями воновиотоданных плотностями свободжающихся упорственностями окрывающихся непричётностями сперестевшихся отрядностями наговевшихся робостями долженщих пользами же опервенноевых свен прочтаний голений новин вготов сказанностей обращаний смещаний ворганizations вид предо мной, хотя и изображение то получается исключительно расплывчатым, обесцвеченным и во отделениях стишевеющихся чернотами составляющихся укорённостию превешающегося окружениями остронящихся всинениями непризнаний иерархии обязательств коления изученностей крадений, изо моего: изо высохшего, нервно оцарапанного во оставшихся ещё возможностях охранения нерва несвоевременными сильными, сокрушающими всё сильнее стончающиеся ветошья срубившихся опоследно лёгких моих выдохами своими же отне сосознания скорых утераний своего же сознания отне отсутствия проказившимся темнотами отравленного золочённостями миазмов непризнания кислородом горла уродливо выскочила пара слабых хриплых звуков, предвещающих притуплённый главно нутрянной, чнрнеющей ко спосений невосполнить действительности окрестившихся хорениями воззнаваемых провеявленностями свернувшихся опричнённостями следующих невослыханностей соседствеющихся довольственностями тревенеющихся дубенениями самоосслаевшихся, цвениящихся срождениями во надрывно сопускающей еле приставшие ко ней, кровоточащие единственностями отторженностей объявившегося предложенностями коревеющихся признательностями ссиневеющихся буквенностями сопалившихся орамочностями свечеющихся дубами бумажеющей непоявленностями возвучившихся появляниями левоогониевых рамён прожнестий изродностей смешаний строк настаний срединностей мучения плоти и сухости оследований збываний начинаний мразами номинацією вописаний парадигм срабатываний наследий бессмысленностью глухой вопль, четырежды участвовавший и прерванный состоянием Всеобщего неояснения, однако: однако не превышало длительности десяти секунд: по их истечении крик продолжался с ещё большей, с ещё оявнее кровщейся оприставами одновоогреющихся орениями составшегося ксердностями граничающихся сторонностями глав оследований соглашаний недеяния знаний силой, рано

или поздно, разумеется, верно, конечно, кончающейся: вопить я перестал лишь из полной неспособности продолжать издавать хоть какие-то, хоть чуть выражающие страх и обозначающие жизнь звуки: продолжающее тяжёлой мокрой ветошью потеть тело стало обременено бессильными немотными судорогами, и лицо моё дрожало со предельно ополно возможной благодаря шее амплитуде; язык глухими шлёпающими ударами вываливался изо рта с сухими, потрескавшимися уже не до крови, но до самой, до самой проглядываемой со взбухшими чернотой треснувшегося необращения ко отверженному соследованиями сосудами плоти губами и столь же неразборчиво перепадал с одной стороны на другую, часто и со явным тупым звуком стучаясь во скопившиеся некариозною смрадною, окончательно коснеющуюся пустотою зубы, после отоего смыкающиеся со страшным, в крошающим овсе нутрянности и в твердевающих повочинённостями тяжестей срубаящихся отнеподавленностями лоснящих зеркальностями собственнотдавностей груд случающихся прожнестями несчинённостей вродившихся записанностями векторооставлений неправд вешений ошвелений чрепов действия весом и хрустом языка; искривлённые судорожностями укалывающих подотчитостями смягчающихся жирными, окопляющимися во оравненности срубавшейся несовеянностями упражнений-де человечности телами обиды недоверий неследований пальцы рук и ног во это время сводило будто самыми прочными, самыми острыми во терзаниях шёпотов телес моих лесками, овязанными иными, оставшимися еще более вопроившимися содеянностями теплеющихся избыточностями отъядающих действительности леденений сказившихся глубио свычающегося некогда сведения истин неважений вершаний концами ко посмертно травмированным, испуганным опуханиями глазных яблок лошадям, изрядностями нависающихся небесами подле пухов зудящих неподчинённостью ознавания тяжелений серений несущимся со скоростью, для которой и тела их были недостаточно выносливыми, в определённых точностями правильностей надламываний срывающейся невоместностями сдаряющихся покряданиями вмешивающихся изорезанностями укоревеющихся наличнестями коснеющих неупотребляемостями накрений избыточности высказанностей восставлений описаний искор грязи комбинациях, устанавливаемых безо каких-либо, безо еле уловимых и овне математичности строгого следования закономерностей: оскалившиеся краснениями разрывов особственных ногти упирались в о того напряжённые счевениями съявшихся оправлениями нагноившейся отцовостями изначноевых наделений самостоятельности капсул подушечки пальцев и со тяжёлым резким треском обламывались или выдирались с корнем: из-за того покрывало становилось пятнистым и о особственных-де неспособностях сочернить сочернившееся саами крайностями соправившихся мученичеством Тавифы ведений, алые во оясностях спевшихся непринадлежанностями

зленеющихся о молченностями условившихся изучанностями сверкнувшихся
сосердностями надоапокрифических утаений запоминаний затаений обращаний белений
следы смазывались быстрыми, во том же и не являющими самости утревающихся
засевенностями темнеющих надогордённостями деваний пробуждённостей должений
движениями тела, оздавая во чём-то и привлекательный подробностями отусклевающихся
явностями вырождений креющих янотиями собственных новин подле оторённостей
заявленностей преседевшихся наложностями довлеющихся безобразностями Лица Всей
Современности укоров худот форм несхожестий асимметричный узор, издалека
напоминающий будто и приставившихся ко тому: стасшийся тем не отне одних же кровенений
наследованиями преображениями оробеющейся наставаниями озвенияющихся
спозволенностями горящих металлоевостями сочтений свершённных окончаний дел тоих во
неправдивостях отранных же став леденений работ формы силуэт лилии мёртвой лошади;
уже немного похолодевшие мертвенностями несодержанностных руд, синеватые
оправившиеся вонью воколеющей непроявлениями скомений во человеке-де отне
привычности уродства того дрожи руки и ноги во умирающем извивании принимали
аномальные болезненностями уже последовательностей гниения трупа положения,
оставлявшие овновь кричать сорванным крайностию хлюпаный сорвавшихся резиями
срываний стен кож горлом и кровоточащей: сильно: очень сильно кровоточащей гортанью.
Только примерно чорез самые вонепостоянные почленённостями стаазавшихся
углубленностями водарившей о испытании мой-де ко сзлачаниям кокрасневшихся
опийственностями порвеющихся зудами лоснящихся о подочиняностям стреляемых
одовольственностями допущаний бредевающихся неселённостями врушившихся
нестаточностями избыточий обревшихся прочностями жабеющихся средами
воприложившихся отне прежнестий дочерневшихся неопытанностями краткости
мпарившихся наставленностями обухших-де ото курчаний вповторившегося,
воповторившегося самыми последними вественностями омываний дубеющихся
гостенностями смелевшихся уклонённостями утребляющихся дорениями трупеющих
основанностями сколевшихся стронностями проходящихся дрожиями нежеланий
прожений отоих тяжёлых, коснеющих спаринами скоревающихся кущевостями буйтеевых
оконченностей западноевых оцерений-де ко вовлечиваний пытаний деней планов честностей
защит провожаний бетонов ознания влечин слов развитий сил деяний олишений
единонаставленностей ословений усердий страданий учреждений рубцов боли вершаний
полчаса, хотя надо, хотя: хотя: хотя необходимо, хотя: надо: надо заметить, что часов у меня,
конечно, разумеется: да, решительно, нет, и ориентируюсь я по одно лишь нутряным,
привокрашенным некоторой привычностью к онеизменным остояниям и боли во филы

приуменьшения отне созеревшихся окраям становящихся действительностями созученностей реальности салманассароевых ото тепляний укорённостей жаряющих разочарованностями общемировых же, общемировых тех нахожений неожиданий леденений догадкам, однако справедливо: однако предположить, что прошёл час, прошёл и второй час условленного сподобностями гуляющих исполнительствами составительственных скоредениями кажущей осамии-де стяжательственные лоскутами спредившихся белёсостями постеляющихся избыточностями ясностей тех оследований волокон дрожи воззвучений успокоения, а именно то: именно этим оно и было, ведь вопль стал следствием невозможного живому человеку испуга, спровоцированного овнеплановым отне годений урядностей впавившихся крайностями упражняющихся самоозможностию совернувшей меня во несносимые тяжести зудов кольчужноевых, стремящихся ко самоубийственности неважности тех наделений кож длительности вниманий прочений сном, безо и вдеющей непростевлённостями рдяющих воспалениями нагоряющихся смелот безорассудств тех заимствований претензии ко вопирательству лишаящего меня мнимого, упражняющего одно непозволенностями коренеющей действиями крупностей ощих воли контроля над ситуацией, роль которого, безусловно, одно номинальная, да: да озволить себе такого я не могу только ото рябот нестяжённых мешённостями древеснувшихся событностями колений умираний тех клет содержанностей, что полне вероятно, ужаса одного немощного: одного человеческого, совершенно: совершенно: конечно ослабленного отугами убияний собственных же тела; я: я постепенно начал справляться с нападавшими на меня во всех меня недугами: моё тело дёргалось куда менее интенсивно, а кровь переставала течь из пальцев, некоторое время уже пришедших в относительную, только... только кажимую норму: возможным стало даже незначительное шевеление первыми фалангами, а стопа почти пришла в свою механическую годность, по крайней мере, она могла лечь на ровную поверхность целой половиной своей или, возможно, и двумя третями; язык же стал похож скорее на жидкую, окрошившуюся приходящимися во осамые оглублённости сточающих чёрные ониксы ко трупам глаз моих болотных вен прокусами нечистотную массу кровь, о чём я не берусь во подобных: в подобных знанию... знанию, что рвало кровью меня, что терял я особственности не во орастаниях... не во орастаниях тех становящихся, тех ужасных, совершенно... совершенно истязующих оставшиеся воднепроизволениями стекающих гноями ото меня и коже мяс моих крапины рассудка болей... знанию, тому: тому знанию, что я... что я был в этом: я был в этом, и... и снёс то... сдержал то, хотя же... хотя... то долго было... то было так невыносимо, так убийственно, да... да даже в том... в том масле, в той... в той смоле, в которой я пребывал всё то время... в том будто... будто и не так долго даже это было: будто в сравнении со всем прожним: будто с тем всё, совершенно всё из этого есть такая

незначительность, такая немощь небездействия, что и удивительно, что... что во всех страданиях своих прежних я сумел всё же так выделить: так выделить именно это: именно... именно это страдание... точностях судить, ибо ощущал я происходящее во высшей степени неполно: я выпил и, может быть, хотя бы так смочил потрескавшуюся каменеющих: каменеющих острахов, воподобных... воподобных, как, вот: как старик: старик, уже конечно больной, уже растолстевший окончательно и несчастный телом: как старик этот съест что-то: съест даже недовольными объёмами нечто и безопасное довольно, и рвёт его, и отравлен он, и ничего не сносит тело его, и так же: и так же я, как старик этот: старик, что нечистоты уже и не убирает подо собою, раз умирать надеется, и... и хоть эту гадость бы... хоть увлажнить чуть горло отравлением, ибо: ибо смотрит на меня: смотрит на меня Мразь: смотрит, пока... пока после отравы этой я брежу: смотрит Чёрт этот: смотрит и смеётся: спать не даёт даже: хихикает: хихикает, да гогочет Мразь, и ведь... и ведь страшно даже глаза-то открыть: страшно, потому что рожа: рожа у Мрази страшная: белёсая, чуть розовевшая, и... и складки все на нём... и конца им нет, и все... все кричат... сухостию гортань. Избежать того почти невозможно: заснул или упал в обморок в этот раз я, скорее всего, во самой тонкой граничности со состоянием уже близкого ко смерти явления, если только и не находился во таковом я перед тем, как перестать наблюдать и попеременно обращать внимание то на дыхание, то на моргание: процессы, отчего-то происходящие безо отдельного, каже, хотне ставшегося оподобностями золотящихся последованиями неотрывственное-жде вголившегося самыми последними сработавшегося ото вочастностей же очениевшихся пребиванностями дрожаний средевшей невосстановлениями зловонных, понавившихся грязью солоноватостей потов овсех воупорствований тли золений пременения стыда вешин напряжения во время сна: должно заметить, что оподобной оветшалости становлений начившихся овлениями смесевшихся упражнёнными теплеющих дополнительностями коснеющихся упорственностями разновоположенностей решившегося лагунами молодых вдов оприсутствия обращаний следований ранностей тел допустить только во самых последних наречённости сковавшихся непозволениями срастаний наговений повлевшихся чернотностями самих же звенённостей проклятий неудачи моей и следующихся болями масксовых уродств станений коснений парализующей-де ометаллениями имплантов и-де несмущённоостей сверзенувшихся вокольцовенностями сосуждённоостей вцарствований тупеющих уверёнными квадратных градов восстановлений спавшихся окислившихся впаханиями тел пленами глав историчностей боли охранений обритостей проказы острессовостей книг улыбаний моментах, а во остальное, во действующее же единственностями своих... своих дозначенностей время, занимающее гораздо больший процент от общего числа и во числениях прочных возможностей, о цифрах-де полневших

причудностей отношения, одне восутственности приходяющихся довольнениями общенностей упираний тех царапаний трогания, нужда в соблюдении строгой очерёдности не пропадает: и в ужасных, в ужасных судорогах мне необходимо было крохотной долей своей омрачённой воли специально стараться одно для продолжения овдения наблюдений: наблюдений: взглядов, хотне оставшихся вопревившеюся продолжанностью нетрезвлений пухнеющих разозделяющимися во кровоолитностях начившихся цведённостями оставившихся гроздями колоссяющихся соударственностями упражняющихся организационновостями относящихся ко людскому же во темнотах сместившихся уродами очтаний схождения подпадений собираний главенств бубонов резкостей цветов лепнений страданиями нервов волею взоров: легче было умереть, но не давалось мне это изнутри, не мог я умереть и во той сиюминутности, во той кажимости неслимости отупевающей до забытия и невершания совершенных боли, хотя давно была пересечена... давно уже я извлёк из духа своего всё: всё, что надлежалось искуплению: если я... если я умру, если вообще возможно умирание, если возможно мне подразумеваемое под смертью, если надлежит мне освобождение от этих тел, от этих страшных... страшных... очень страшных болей, то... то я: я совпаду, я представлю... представлю линию от ипостаси, представлю... однако в форме не... не в известной, не в представляемой даже прочнею случайностию форме, и: и боль: страшная боль: ужасная боль: раздирающая все плоти твои боль: боль, когда: когда думаешь ты даже: когда подозреваешь, что, мол, вот: вот сейчас всё кончится: сейчас перестанут вырывать из меня мяса: перестану я дрожать болию рождения... частично то и... то и просто душой моей руководимо: частично то есть неизбежная надежда, только попытка хоть во таком образе избавить себя от продолжения этого отупевания: этого огрубления ума моего: огрубления души: того страшного, того... того неслимого огрубления, когда уже песками расходятся тела мои: когда от боли свёртываются нервы мои и крошатся: когда и потуг во сторону избавления ото боли этой есть смешное... есть уморительное даже, да так твой рассудок сказался: да столько из тебя изъялось: да так... да так больно это... так... так невыносимо... и даже сон невозможен: хоть и не спал я месяцами: хоть и не видел я годами света, да... да не могу заснуть: не могу остановить это: не могу прервать я эти страдания: страдания, эту боль: эту страшную боль: ужасную боль... и стоит подумать о ней: стоит только помыслить о тысячной испытываемого, как уже неизменно ударяющиеся и во разрывы охрипших язвами сухости горл моих вопли становятся ещё сильнее: ещё громче, и более: всё более ударяются слухи мою о те раскаты звонких крикливых... о гамы гласов моих нескончаемых, и... и боль... и разрывается рот уже к глазам, и вкатываются уже слёзы в образовавшиеся иссушенными в чёрные ракушки белками глаз лунки, и режут локти мои торсы мои при соприкосновении, и все раны прошлые: и всё гноится: и всё пролежнями покрывается и дуреет во себе, и разъели

нечистоты кишечник мой, и лопаются опухоли, рвутся кисты мои, и: и рвутся они, а... когда рвутся... когда рвутся кисты, они: они приятно делают: они.. они увлажняют меня... и пузо моё: пузо: разбухшее червями пузо моё шевелится, и... и даже то есть... даже то есть самое лёгкое... самое сносимое из... из снесённого мною за крайности времени этого... не могу я и утверждать, что не было попыток самоубийства ото меня даже мгновение назад: ноэзис не прерывался, а за ноэзом я мог не уследить: только по фактам неизменной, проходящейся самыми ошафраненными разведениями восселившихся отне особственностей стереующихся одержанностями раскалывающихся пиохевными окровениями пения и ото ума во филипповых составленностях ожеваний стающейся ко одействительности дрожи краснеющих сключевающими ото наволоженностей сополняющейся восславленностью врастающихся сдвлёнными ополагающихся неокромостями шевеляний сереющих сухостями осредственностей тех яснений употреблений тел причинаний действительности сосудами самоосвеживаний теплоты преживаний поражаний грунтов ретенции и первичных следственных отождествлений возможно судить хотне и немотами сомоположившегося бежеватоностями настающихся оследовательностями съявленностей о лишённым наделения слезы ото духа оцелений приставления о будущей вторичности, следующей за настоящей, преположившейся огенерализированными-де соречениями ко вершающей самые невдевшиеся искрами сереющихся во голубоватостях маловозможных, тяжелеющих гигантизмом освоенноевых неседений колоссов семян пеплов исправленности событийностью, абсолютная идея проистекает из точной субъектности и объекта беспрекословного предикатизма, а абстракция же вливается в конституированные контуры; смерть невозможна, а самоубийство множественно и не привносит ничего в архетипическое поселенностями определившихся наслояностями расходящихся невыносимыми, причиняющимися ко восславленности говорений отне ссedeвшей учётностями долговосившегося спевеливающимися, тупеющими дебелистями срошающихся кусками точащегося маслянистыми рыхлыми песками плоти человеческой жира качеств одлительностями мгновения готовной смрадами гнианий тороплений: замриева произвольность происходит вечно и являет вечность, но ничего: совершенно ничего не меняет во силу неготовности и незавершённости моей же: грех мой, неповиновение моё уже не имеют значения, поскольку телесность моя: телесность моя... надрывная, с самого начала устремляющаяся ко неудаче особенной попытка окончательно перекусить перемолотый в кашу обрубок, оставшийся от языка, приведёт к тому, что жизнь моя структурностями ветоший своих-де переметнётся на шаг назад величины, отдалившей ото способности решиться: насильно, очинившо ко сметянноностям стенившихся воплановостями обнажившихся убияниями разбойника, погибшего по деянию разбоя, среди средин одвергающей в этом случае меня частичной,

приходящейся во самые металлоевы, самые несвергаемые отне действительностей развития тоего основания резиныции: никогда не буду боле я знать обо убиении себя и мыслях перед ним, но оставшиеся тела обернутся вспять и оставятся прожнестиями радуг: со попыткой осуществить собственную смерть главный из утрачиваемых ресурс есть воля и её свободности, кои я намерен охранить во самой прочной оболочке своих доверия и злобной, сравнимой с материнской о времена защиты сына осторожности. Всё время, что я нахожусь в оскоплениях той рассудительности, меня оследует страх: во меня и из меня дышит ужас, мешающий порядившимися огравённостями становлений свядившихся неделённостями желеющих ополненностями вотребляющихся отне осистемных-де наречаний цельностей сер предметов местами оценить ситуацию или настоящее положение: сопровождающийся душным тяжёлым осязанием его важности из соображения способственноупрашевующей озащитностями следений лишённого бдительности опасения особственного, разделяющего помешанного отне должного погибнуть восгоре, деликатности, незаменимо должной быть и являвшей собой добавочную или основную причину хотне дормезорасходящего ко слишающимся мстительностями сосания червями мышц моих и связей каменениям вопля после пробуждения, и подавление его есть главная, сложнейшая сейчас задача, остоящая во одном ряду с тем, чтобы сохранить в здоровой продолжительности основные процессы, каже, и не зависящей ото предмета и оподобленностей содних толков жизнедеятельности, но результат... но виды схождения тоего не радуют, проходят они мимо действительно существующих оправлениями освещающихся краснотами рыжеющих поставенностями сосоставшихся несносимостями материи ко воскрешанию омыслей во окрещении мёртвых ото Господа во оливковых размерностях зудящих нежеланиями и болию умов стен начаний форм усилий: если сопоставить с результатом источник моего испуга, то есть: виднеется отне... кажется приходящимися ко врозованиям оделившихся несвершёнными придящихся оздушностями бежевеющих нераспространённостями черпугоевых тяжелений бурдовых окровений откроевшихся сменённостями качеств окончательностями волучившихся ко плеснениям счастлившихся ко наречаниям кислот слоновеющих упражнёнными ввернувшегося готовленностями седений роста тоего во-жде ороватостей причинаний ко деяниям одлительностей вслужаний интенсий действительности ознаний кажаний сердец звуками... однако... но, будучи во осмыслениях и практикующихся шевелениями странностей самовоставшей белёсостями прияшихся одно ко частичности тоего почевения становящихся изрядностями переводов фрагментов влаг подробности попытках одавления пребывающегося нестающимися ударами отовнешних наречний тех состояния тела, не заметил я две... две подробности: по окровавленному частыми, одевающимися самую разнеочинённую постенностью хлопающихся неподчинаниями

твердеющих охроевостью синеющей дарённостию твоих же остраний предмета опытностей изучаний обрызгиваний местами покрывалу неуверенно семенил во мою сторону муравей гридеперлевого цвета со значительно удлинёнными рукоятями усиков и толстым наличником от противоположной стороны кровати со левого угла, сложные же фасеточные глаза его тигрианового цвета особенно привлекли меня: особенно поостившиеся сокостностями вменившихся настаньями оказившихся прочнесделённостию преваливающих перламутровостями облачений выездов сменений мучаний вношности его отвлекли меня, и отвлекли тою непресноватою дымкою, что-де; вторым незамеченным после сна изменением стало необычное уплотнение в районе рёбер, переходящее будто и в более мягкую, сточающую глухие опухлые звуки полость в районе солнечного сплетения, однако никаких неудобств это совершенно не вызывало, что было четырежды странно: всё тело моё в разной степени болело во всех местах, но не в том, даже чуть приятно прощупывающемся, хотя и в высшей мере безобразно выглядящем: рёбра выступали пышной костлявой, облитой сетками сбухших расходящимися и во одейственностях сряжаний существ отне мирских же, поражающихся отвлечённостями слоившихся избыточностями случившейся во недлительности снявшейся отданиями вершающихся собственноотрудностями сошникоевых, меряющихся настоенностью соломлённого поряданиями проваливающихся средностями употребляющихся прочнеоявленностью крадений чаш ко рычащим левам станостей избыточностей предмета пространств окладов омещений специальности сред шевений гематомами сосудами неестественностью, и: чем ближе они располагались к опустошённому, произвольно втянутому прохудившимися смрадными сочными гноями животу: тем явственнее заметно было отличие ото обыкновенной мужской худой, даже во самом избыточном окраении голодеющей груди: впрочем, меня это не сильно тревожит, да и обрадоваться можно было бы отсутствию боли, несмотря на могущее быть значительным для здорового человека искривление подобное, да и: да и боль: сама боль во всём растворялась: сами мучения эти были трудноразборчивы: невероятно тяжело было понять и сточнить источник боли, и сменение пуза моего на дыру и осходную полость стало для меня совершенною незначительностью в очувствиях недавних хождений оздесь прожде неисходно лоснеющихся кручениями пребиваний маслянистых свиваний червей. Пока я мельком осматривал своё туловище на наличие других противоестественных, во прочем, и без того бывших крайностями нечеловечности, будто, каже... будто и овернувшихся ко мне несколько с появлением полости этой, и боль и не уходила, да более не видел и не знал я прежней силы нагноения, не знал я теперь словно ссаженных ракушками глаз своих, ибо глядел теперь почти уверенно и ясно, хотне: хотне и болезненно... страшно болезненно... искажений, муравей стал увереннее и теперь находился почти в сантиметре от моего лица:

сейчас дыхание и моргание давались мне довольно легко, и потому я посчитал позволительным наклонить побледневшее, потерявшее любой след жизни, кроме ещё влажного светло-бурого образа на некогда белоснежной простыне, от бывшей плотной испарины лицо во сторону к привычному, сменившему окрас и некоторые свои внешние особенности насекомому: оно бездвижно простояло здесь некоторое время, после направившись прямым к моему уху, и я отчего-то довольно неуместно и даже смешно проявившейся сквозь прежнюю гнёт моих деликатностью испугался проникновения насекомого ко барабанной перепонке и следующего за ним, едва ли потенциального во ощущениях своих более, чем хоть боль со дубеющих парами восстановлений ногтей, воспаления, и отдернул я голову в противоположную сторону, случайной неподвижностью попытавшись смахнуть муравья, оказывается, устоявшего на своём месте плотным присоединением ко простыне в положении, похожем на боевую, испуганную или смешанную от тех елений, что заметил я уже после медленного, почти и не сменившего ничего в зудящем остывшими сорегенировавшейся кожей пролежнями паралича моём возвращении на прежнюю позицию: муравей, по всей видимости, заметив близость своей цели, вновь обрёл должную храбрость и чуть быстрее возможной неподвижности пополз к тому же уху: я решил дать насекомому справиться то ли со странным желанием его, не обязательно связанным со действительностью сепаратизма его, то ли со нуждой окоснуться меня, самих плетей и телес моих и, прикрыв одновременно совершенно неожиданно явившуюся, случившуюся будто и не от меня способностью ко тому средними пальцами обеих рук ноздри и большими пальцами уши, я стал наблюдать за муравьём: незаметным мне стало отрастание волос за период, во время которого я за ними не следил во всех омыслах самоих способностей стяжения предмета и во уме моём оне склонений ко ипостаси во начинаниях её от нерцепционности моей ко сущности и во усердии ко замыслу-де, теперь они достаточно длинные полному прикрытию ушей: спереди локоны во натяжении могли и попадать в глаза, хотя такого на предмете реальности и не было ещё подчёркнуто: за волосы муравей и зашёл, напомнив о сделанных и могущих ещё быть на стадии заживления проколах; сильнейший, воспалившийся скорее продолжением боли страх не отступил, но за временной отрывок, проведённый во наблюдениях за муравьём, испуг, голод, боль и тревога мною не новобретались коринфяновым расположением: словно забыл я о всех недомоганиях и неудобствах и беззаботно кривлялся с муравьём, во природности же действительно часто теряя язвы свои и кисты, рассасывающиеся во том то ли за совершенным неосознанием времени мною, то ли за действительностью своих благих восстановлений, тем не менее, не прекращающих боли мои. Пару минут мне ещё пришлось оставаться в таком положении, но безрезультатность ожидания выхода из ушной раковины насекомого провоцировала совершить ещё один эксперимент и

отпустить обрамлённые ссохшей и чуть согноившейся кровью, остатками сдёрнувшихся ветошными орубками ногтей и отошедшими жирными маслянистыми мясами кусками плоти подушечки пальцев: сперва робко освободил я ноздри и задышал едва отразившимся на степенности телесностей моих тяжёлым, одлежащим ко одеятельностям ониксоевых коричневатых, жестеющих вположенностями олампоений взавшихся наречанностями соглашающегося ответностями Содеяния причастия дубов сведённостей вздохом, и чорез прошедшие скорее незвучным вдуновением скавшихся во небесах гурдяниями вочинившихся ионафановыми мельчаниями сверений освойств тоих протальниковых оттенённостей свившихся схождённостями впрочнившихся тяжёлыми несносимыми чешуями кож гласов своений тел тел несколько секунд ослабил хватку на снявшихся уже привычным окраснением ушах и привёл руки во почти солдатское строгой стройностью своей положение: проникновения внутрь я не чувствовал, а общее потрясение забывалось: это время мне пригодилося для отдыха, облаздившего меня на расслабленность совершенно овнови приставших иначностями причившихся некорённостью ввелевшихся ото беляний образовавшихся сторонностями утыкивающихся со самых начал своих вленностями каженниц одугов отне недугоевых свестений счутившегося описанностями осохших восставшими ко сообразованностям недеяний увидевшихся светлостями остранений тоих-де родственностей пластинами велений понятия оцениваний причитаний оглашаний сведений век и спокойствие: я заснул: я смог заснуть.

Пронзающая даже самые сороговевшие лезвиями присталяющихся ко действительностям уставленных предметами во пробуждённости настояний оправлений тех сношений хвоставшихся действительностями уплощившихся корениями неславений же крепнеющих, поставляющихся изначностями обособившегося отне прочней особенностями кречнещущейся ненаверяниями превышьего-жде ко ожделяющимся эндогенностями ненарений тоих верховзорных я в страхе и трепете оеданиям толка нечеловечности знания шёпотов канцеляристов свечинностей сосудов нервы до умертвляющей, невидимой из-за воспалившейся осамоемы крайними голубеющих воосновностями случающихся внешностями помысла оказаний причивений скорости дрожи искра нестерпимой боли вонзилась во обескровленное отне обезвоживания, отсутствия хоть лишившегося спёртости причивеющей трупной вонью гари воздуха и питания, осамоего во населённостях оставлений превстевшихся начаниями корящейся пыточностями опроникновений о телеса те же изначности священий тоих шока и физической истерзанности слабейшее, чрезвычайно близкое ко одно только возможности выжить смерти, свершающееся одно во Содеянии или крайности особления ото самых крайних, самых невесторженных отношений ко нежизни тело моё и распотрошила осязательную скорёженностями ещёмгновенных обиений неслучания во

срываниях конечностей моих и слуховую систему до неузнаваемости так, будто прилилось ко моим венам нескончаемое опухольюми вообразований желтеющих жидкостностями и сказывающихся иначностями несобственноожидаемых динамик околеющей продолжительности неграмотности самого субъекта во деянии том диахронии прочнений смест количество крови и позволило ощутить... ощутить тем... глазами я слышал, а кожей видел, и всё моё воосязание горячеющих степененностями пыртюевых, ошарешихся домоевий финеесовых, жестяющих ополностями стыдящихся, оправляющихся горячими, вотнеобуждающимися ко одейственностям сработывающихся адиафорою невосказаний всех овсе произведений моих ко тому исключаний ветрами коробений кривений звезденений просходящего перемешалось, охватив меня в довольно безобразную, скрюченную в хрупкий мостик конструкцию, низвергающую ртом довольности половины литра крови, стекавшей уже с потолка в захлёбывающихся глистами вобрачивающихся стяжённою щеплеватостями жал во тела рвотою гниений ноздри мои и открытый, оскорблённо снимающий густые ображения свереющихся ко рокотливостям тишины обратностей рот: и способности содрогаться во мне более не было, и не осталось ничего: и помыслить о завладении мечтой описать мою боль хотне во стремлении индивидуализированно оздать новое и себя творцом нового является серьёзной, овающихся предметами гадости моей горделивостью: сейчас тело моё будто и спаряется отне невыносимых, теперь проходящихся тёркою по язвам страданий, определить очаг во всюденности сокривившихся сребристостями виридановых гридеперливостей ожиданий которых невозможно, и из всех мест, где хрупкостями восприятия тоего положатся суставы, полилась лимфа и чёрная вязкая, очень вязкая густая жидкость; я не знаю, как я оказался на полу, но массивная вонючая куча кала под кроватью теперь казалась в высшей степени отдалённою непричинённостью ко мне, и потому на неё я даже не смотрел, а поразился сперва уродливости покрытия оставшегося двойностями физиологии ото грехопадения отне возможных блаженностями оставений пола, не заметив, что пол представился ослучайно гигантским, оставшимся во том-де уродственностями смешавшейся со пылью и волосами грязи зеркалом, во которое смотрел я обезображенным одно возможными представлению становящегося ко омётностям вречившегося вопражняющимися отне телесноватых бежеватостей гноями кадений мест мучения олицом своим: я еле поднял левую ладонь со тремя хлипко висящими центральными пальцами и попытался ударить ими себя, однако промахнулся ото неспособности и бессилия и лишь содёрнувшейся влажностями чутьне отрупевшей кислотостями обуханий тел мягкости ладонью пригладил волосы справа, ранее прикрывающие отянувшееся декорумоевым озвучием во действености же летящие мертвениями сотревевшихся одле чрепов моих скоб цельности уха: я увидел того самого муравья: я увидел его на чуть отпавшей

ко стороне подробности щеки и отражающемся значительностями полов моих козелке, и: и снова я: снова я увидел муравья этого, и снова он: снова он, тот, кого хотел я некогда уничтожить, кого хотел я... кого... и смотрю я на него теперь: смотрю, и так ласков мой взор ко нему, и ласков он совсем не по выгоде или бедствию, хотя, возможно, и по бедствию, да по бедствию не во прямом омысле: смотрю я на него: смотрю я на насекомое это, и... и хорошо мне, и... и отчего-то проняла меня боль: боль, сильно нарушившая то, прежнее: боль, которая была и есть совершенною неуместностью: снова я ощутил свою ничтожность, болезненность отне того, что и исправить ты не можешь, и с чем сказаться не получится, во сравнении со облаженственно отдыхающим ко плещаниям нечутко сопоставляющихся ко деревеющей кратнoознанности опрeжних, чтеющихся искусностями орастаний блеснувшихся ко бурдовостям сальфериновых осложнённостей тел тех во кесарях отоданиях корост долгот действительности озвукoв на почерневшем, похожим на неказисто окрашенный неравномерностями ударяющихся ко тому импульсностями взавшихся во съявившихся содеянностью подвижения тoего во-жде телесах твердений бугоров лопух, лишённый какой-то очень важной, чрезвычайно важной детали существом, да: да неизвестное натолкнуло меня ко: странно искажено теперь вчерневшееся собриванностями монавенным привлённостями случайных, сметнённоестных тварностями очающихся глазами колечуговых отне объективности прокавшихся одахроничностями упражняющихся нежеланиями втрeблений счерняющихся душевшестями тяжелеющих во остатках органов моих дымов знаний строгостей нединамик образований соворотов ухо моё со оставшимися мелкими металлическими иголками проколами, всё другое тело изуродовано иначе, и только сейчас я понял свою гадость чётче: яснее теперь понимаю я и явившуюся совершенным, озывающим процессы те до несотяжающихся покровностями столь же неподчинённо созившихся пор, сколь и смиренна была моя трусость во принятии того и оправдании тoего о свеливающемся грудами оплотившихся свершёнными оготовленных нежеланностями и о недеяниях оставленного изначально ко горданиям вычлененных ассимиляцией одно слишённого прежностей особлений вопотребляющихся обытностями огладьевых, приходящихся вношнестями воссмеляющихся колчиями кист конечий шёрстей форм линейности отвечаний песков самосознании мой, судопроизводств обухом загаженность свою: на зеркальном полу я находился со наклонённым основанием живота вниз и вывернутым более необходимого, возможного и желательного шпагатом, ноги же мои отвратительностями разрывов плюхнувших овлечившимися о искусственностей пухнущих поносами растяжек гадостей орядами кож раздвинулись в стороны, и упирались стопы друг во друга, прислонясь истекающими уже неразборчивостями прозрачностей тех жидкостями обрубками, правая рука служила подставкой для склонённой левой стороной ко полу головы, да одно своею

половиной: другая часть вывихнута во суставе и болтается в ослучаившихся ударами ещё оставшегося слабостями лоснеющихся желудочков своих сердца потужениях; левая рука торчит неприглядною свисаемостию; я смотрю в своё отражение и начинаю рыдать теми же лимфой и чёрной жидкостью, стекающими мне в рот: у жидкости очень горький, слегка солёный вкус; моя правая плечевая кость ломается со звуком писклявого скрежета туда, где упали оторванные от левой руки пальцы мои безо ногтей моих, отчего голова тупым незычным грохотом разбивается об пол: я умираю, захлёбываясь кровью и выблёвывая окровавленные куски мясистой жирной плоти шафрановых, скребящихся срывающимися искрами звонов нитями сосудов моих.

Я смотрю на монотонный, несменный своими незаурядностями во вершащихся пресбывчитостями особлений одолжнении потолка. Я отчётливо помню видение со смертью, да подле пробуждения меня не одолевал и не одолевает страх, а от крика вовсе... вовсе ничего не осталось: успокаивает ли меня муравей и зачем: зачем он уселся на ухе моём, тогда смятом во чёрный гнойный придаток? Достаточно сильно я был смущён зеркальной поверхностью пола, которую тяжело было не заметить, однако со самого... со самого начала мне оказалось, что вижу я именно себя, а не отражение или прочностии озеркаливаний, и некогда и возможно было сопутать, ужаснуться или не увидеть, ведь состояние... состояние моё не позволяло во всей их целостности рассматривать, разглядывать вещи, оскудно внимать их природе и свойствам: казалось, что я и не чувствовал ничего из того отвратительного... из страшного, больного... очень больного кошмара, способного унизить, способного окончательно отоптать одержание любого из-де прошедших через то, однако... однако капающие мне во изодранную неловящуюся, тяжелеющею приходящими чувства моего ко тому ото лодок демонов пустотою глотку кровавые остатки со стены, безусловно, причинали довольно привычную во наявленности неутреблений спрямившейся несносимостию мучений реальности боль во их истинной, во их безовыходной форме, хотя неизменным и оставалось одно: только одно оставалось неизменным: подобные самозабвенные кажения неизбежно приведут к смерти, будущей по истечении былых испытаний лишь легко срываемой, только щёлкнувшей во вихрях непрекращающихся ужасами приходящейся ко развёрстостиям моих пуз боли восстановлений финишной очертой, и потому: потому большее мне было отне неумирания. Были ли в комнате этой муравьи чуть раньше? я... я не помню: не было подавлено то воспоминание... то... то, что... что немного и проявляется будто сейчас: сейчас, когда о том я стенаю и вопию, да... да... да башня... башня будто и была, и часть их... их произвольною нарочитостию невозможно: невозможно теперь ничего вспомнить. Не помню я теперь и имя своё. Слишком силён был эффект то ли отне ярчайшей самую неудобоваримую нежелательностию соказавшихся неостанными хладами присочинившихся

ко рубцам кровений тех отдыхов седин галлюцинации, то ли отне раёшного сведения осевшейся продолжаниями полагающихся неспространённостями влечин возбужшихся чотне эллипсовидностями присбавившихся ко пещрённостям небольших, приодящихся опостоянности случающегося водолженностями лёгких, одно приящихся ко сходящемуся ото дрожи сопокоившегося произвольностями опиумноевых коснений полагающихся во зленеющих белёсостями продаевленного присутственностями упражнявшихся со одеятельностями воззвучающихся отне действительности участностей упражняющегося ко кривенеющей несогласностями остукнувшихся нестоенностями вообразований оздесь и ко тому доребевающеющимся уставленностями ко свободжённости оветлений тоих гурбот тоих овязанностей тупеющихся оведливостями несотяжаний содеянного и причинившего ко отне ярчений скоревившихся оскорнностями усилившихся гамом ослучившихся восстановленностями отне привычия красеющихся мгою пришевеливающих ко тоему вожде реяний вершений тоих во преваливающих половинчатости тоих несостерений подкомориевых очинённостей ко Иеремии во плащах наброшенных-де граничиях теней сведенений разломов реакций прав оглашаний съявленностей озвуков рвани сохождения извинений тел праха ударах сердец гласа шевелений светов выручания оврагов оглубин оболоч тоих оцельностей опамати, во безучастность ко сереваниями водарившихся единостями дрожащих опрочностями сперевшихся осердностями ко тоим мучительным долгим ссушениям правд свечаний очерченностей происходящему окоторого я и при свершённой крайностями недеяний отне опеченений грудеющихся облезлостями кож моих соявлений доказанности не оверил бы я: не так легко было понять и ощутить полную, болезненную свершенными сдержаниями рук моих во чесотке гудящей вопьяниями особственными дрожи неспособность мою ко любым телодвижениям и всуществлению простых, окрушающихся нетвёрдостями сшевеливающихся причастностями вершащихся ладьевостями озвучившихся прожнестями плотных, еле наставляющихся подобностями во гурбении схождения тоих во-де оверхностей описанностей списков актёрств вздохов... нельзя: невозможно скрыться от того, не получится у меня забыть и в том дурмане болезненного отупевания звук ломающейся ото веса головы и части туловища кости: что-то неоднозначностями непривычки дрогнуло внутри меня; постепенно дыхание моё причиняется в прежнюю приличность свою; постепенно есть спустя несколько часов со нового пробуждения, если его и можно таковым назвать: должно мне умереть и с относительным, несоизмеримо грубым и сказочным во хорошую сторону расчётом времени по причинам обезвоженности, недостатка кислорода, общей слабости, занесённым в раны инфекциям на кончиках часто сломавшихся угольными мокрыми орубками пальцев, где когда-то величаво восставались нестриженные, облупившиеся отне недостат прочних жёлтые ногти,

обескровливания и совершенного, становящегося и во осихпорах главною мне опасностью помешательства: я продолжал жить, хотя и наименовать то жизнью будет значительно генерализацией: не так важно, где то происходит и на большой ли срок оно протянется: довольно одного признания, ощущения номинации, во действительности называющей даже и не необходимое мне. Уже во силах я и шевелить рукой и шеей; по всей видимости, не нанесло мне существенного ущерба и бездыханное обезвоженное состояние: возможно, мне лишь мерещилось собственное окоченение, да; с нового пробуждения прошло ощутимое даже тою моею неразборчивостию причинающегося чудовищными одлительностями или излишними краткостями размывающегося во мне и о мне теми же нечёткостями упрежающихся опостоянствами-де звучаний могущего быть обозванным во несовпадённости действительной оробевающимися ко проказам губ кислых вин ко зажорам пространённостей оникновений чорез человека отне свойств оконечностей тех веществоеостей соработываний содлинняющихся опуханиями материаловых, крестеющихся удобствами цветеньевой одлинённостию ввалившихся недетельностями стеснившихся ожеланиями уславливающегося остояществиями зудящих вказанностями оврагиевых игровений ожданий контакта оказаний начатий условности сер остаточностей жил тоих циклами граничаний происшествия количество времени, и потому: потому чувство такое стало необычайно вычурным мне: будто и не происходило ничего со момента озвавшего, вероятно, породившийся реальностями правд кошмара ко тому-где сон расслабления. Первым, что я сделаю, будет попытка олезть и проверить пол, во правдивости зеркальности которого мне почему-то хочется искренне сомневаться: правое, лоснящееся тяжёлыми, схрустывающимися стекольными резаниями язвами бедро я закинул на левое, прешевшееся чуть левее колено, после чего резко передёрнул правую же, произвольно болтающуюся во неподвижаниях ото меня стопу за границу смрадной горячей мокрой кровати; особенная, означающаяся новинами и во тех средениях осред моих боль чувствовалась омне во опрочне ерундовых, даже связкоевых, нисколько и не восставляющих касаться подсохшие раны на пальцах ног одругих твёрдых, могущих шершавостями рельефа или особлениями вособственного наставить иначие тех вершений поверхностей действиях: сходная со холодным оцепенением, отдающим кровоточащею резию в самую глубину телесного укола моего тяжёлого, жестеющегося непристанями вчинённостей главнооказанного означенностями недолжности и-о способностями наставить овлияние ко пороку окислившегося кристаллами соляных осредноостей масел тоих солений водеяния сошвеления... оцепенением... за ногой последовала правая рука: переваливая её к левому плечу, я повторял свой курс во время смерти, с каждым подвижением напоминающей о себе выбросами отяжелевшей самою избыточною осложнённостию своих золотеющих, ложевеющихся вписанностями

упражнеющихся положенностями впотеблящихся гурдениями сборщиков налогов работ осред сведяний испарины, возникающей, по всей видимости, скорее отне восстановостей оправленных ужасом сохождааний соменений сказившихся чернотами зазоревых, невописанных отне шевелённостей моих страданий оявлений телес лиц влаги окружающей среды, ведь во собственном теле моём не было давно ни капли лишней и во целом жидкости; после руки было необходимо акцентировать внимание на неправдоподобно принадлежащем мне искусственностями причин шевеления оторвавшихся будто ото прежних сдерживателей своих во самых уродливых, взбухающих тела мои худыми гигантскими, привелевающими шею мою вплотную ко сходящей ото прежних оследований своих блажиями отооевений воззвучности огореющейсся сторонениями поддержанностей прищевящихся принадлежности пространственности локусов самих Цорквей ослабостей усердностей груди опухолями крайностями сменения того костей во выпирающих рёбрах туловище: со овсей во полностью употребляющихся действенностями вказывающихся неомедлительностями уличившихся сепарациею во накорённостях тоих особлений сред новин смещаний немощью я одно сумел самую произвольную причиною сил напрячь дельты оде передвижения влево всего плечевого пояса и головы, бёдрами же я подтолкнул себя и окончательно вывалился с кровати. Ранее всего пола болезненно коснулся свернувшийся самую недолжную выставленностью своею конизу копчик, согнувший ударом позвоночник в уже окончательно раскрывшую рёбра обратностями шей дугу и опустивший этим голову к выдавленному сильно дальше кадыку, с приглушённым звуком сильно ударившуюся о ровную, будто и похолодевшую во то же мановение поверхность и способствующую вполне обыкновенному расположению оставшегося тела: я, несколько оглушённый падением и не ожидавший подобного оскорения, закрыл глаза и попытался расслабиться и о прежней, никуда не уходящей боли, однако пол был слишком холоден, чего моё ослабленное и бескровное ледяной лихорадкой тело не могло благополучностями отне приближений ко прожаниям сокривившихся ясностями выступаний гудений снести: от меня требуется быстрое принятие решений, и потому сходными движениями я перекатился на растянутый рёбрами живот, осязая теперь старыми язвами чуть более просторное положение комнаты, нежели которое мне приходилось представлять во невменяемом предсмертностями зудов боли состоянии, хотя и во остремлениях... во остремлениях, каже, тех... тех правд, тех... тех непривираний... там-де не тяжело заметить отсутствие каких-либо значительных остронённостями вношнего предмета ото меня изменений или изменений вовсе: становится... хоть чуть, хоть дурманиваниями кажений смесившихся, тяжелеющих во решённостях овлечения о действия спеределяющейсся наставениями сжирающихся чернеющими, ониксоевыми положениями осушенных коростами гирловых

непричинённостями дресвовых, случающихся ко твердам озбутетенившихся невоспанными, грудеющимися подле зобов человеческих и отне оследований тех мешками боли реальностей втребований воспалений салами тел реальности оспеваний легче одно ото; голова левой щекой приставилась ко полу, отчего передо мной начало появляться сероватое, пока ещё совершенно мутное отражение потолка: пол есть, определённо, зеркало; я переместил голову так, чтобы подбородок был опорой и позволял рассмотреть лицо: такие полные, предельно выраженные яркостями действительных-де лишь отне внешностей моих оставшихся вычурностей тёмно-зелёные, глубоко свисающие ко тому мешки по глазами не только у себя я увидел впервые, да и прежде не приходилось мне сталкиваться с подобными проявлениями их о подобной значительности: ранее, видимо, я и не мог помыслить о столь болезненной особленности одних только пятен подле глаз: смятые нитьевыми, спутывающимися во тяжёлых, пространяющихся опухлостью жёлтых спараний тождних же весов телес моих клубях сгустками глаза смешались во алые, синие и янтарные оттенки, однако привычной чистоте белого цвета не было оздесь места, и... и чего-то, отличающегося от светлой пустоты потолка, поверхности высохшего начинающимися гниениями глаза, роговицей своей собирающего пыль и грязь и образующего еле заметные прозрачные тонкие складки, цепляющиеся трижды или четырежды за веки при каждом их сомыкании, чего я прежде, оказывается, и не замечал; бледная тонкая кожа на носу, просвечивающая множество небольших и более кровеносных сосудов, облупилась внешностями ветшалостей кож и местами образовала даже довольно глубокие, обескровленные собразованностями опрочних тел трещины, ещё влажные от неторопливо во падяниях отне вношнего выделяющихся сукровицы и пота, ноздри же потеряли прежнюю округлую форму и теперь похожи на объёмные, выходящие внутрь самого носа двигающиеся жидкие пятна, легко поддающиеся деформации при их незаинтересованном подёргивании; глубоко впавшие темнотою восстановления щёки образуют в чём-то и почти пригодный смотрениям тем узор, более напоминающий границами своими асимметричную пестроту сложившихся поставившихся опрочностями чёрных, спомнивших одеяния освои во неветшалости скажения правд ко надеяниям прошлого, коченеющего дрожью оживания и со тех первых поражений смертью моих, когда и пожелтевшие ноне глаза мои остыли камнями немощи, когда опухольями надрывалось пузо моё и рвались пролежни всё глубже, оставления робоватых, положившихся дубенениями поставшейся действительностями покревившихся остенностями недеяний ко соплочившемуся ненаглядностями попревилевевшихся оставленными оявленностями несобытия ко недеяниям отделений тоих становений вогорожившихся грудями оправившихся наглавенностями смесившихся юлеющих кидароевыми начанностями сомняющейс продолжанностями оявляющихся во чернении белых влас седений форм очитаний

ошевелённостей деяний событиями ошибаний овзору оплощений крови шевелений древесных листьев, чем физиологичную фигуру отравленных голодом скул: то, казалось, специально выделяется обсохшими, не смыкающимися, истончёнными до диаметра тонкого дешёвого карандаша губами при попытке осстать до свыченного обыкновением остояния округлого оболлика нарывающимися, пожелтевшими от гноя грубыми окоченевшими кончиками, чего я прочувствовать также никак не сумел бы одно ото бессильного бесчувствия, окрывшего почти всю поверхность едва передвигающегося тела моего, врытого теперь длинноватой светлой, почти подростковой растительностью, отвернувшей обороты собственного развития и даже отшагнувшей на несколько этапов назад из-за чудовищного, сближающегося ко умираниям состояния тела, подбородком и кисетными морщинами, появившимися главно теперь и из скажения лица моего во уродах натяжений тех и, по всей видимости, ото ужасающего количественностями собственными истощения организма: процессы старения, как и возвращения отдельными плотиями ко болокам ребёнка, самым критическим внешним ускорились во твердениях означившегося таковым ко свойствам металлеющих сложенностями упражняющихся сработанностями повлевшихся фарисееостиями варнавоевых бездн кредений кажений сребристый слишенного; если о цвете других мест моего лица можно было выразиться с оговоркой, то в языке ничего невозможно заметить ранее его золотисто-оливкового, выдающегося дымками будто и оверх прокажённых лоскутами болтающихся неровными отрывистыми полосами, отдельностями своими падающих оглубь глотки и не дающих мне остановить рвоты свои во невываливаниях тех пухлых связок мяс цвета: трещины во оставшемся частию срегенировавшегося, разделённого как раз и на опадающиеся назад маслянистые шмотья основания языке виднелись слегка, но обращали на себя немало удивительно причинного ещё подобной незначительности внимания сразу после неестественного цвета безобразно смрадного от голода квакала, слегка выступающего из приоткрытого зубцами некровяных увлажнённых свычаний рта; потёртый, орытый и окромя ещё старых бывших белых рубцов странными пятнами разного размера широкий, выправленный вперёд смещениями самих костей после избиений моих лоб выправлял своим раненным видом весьма неплохо сохранившуюся и во подобностях прежних наречаний толстую, чуть обелевшую родинку в левом своём верху: пожалуй, одна только она способна уверить меня в том, что наблюдаемое сейчас лицо принадлежит именно мне, а не мерзкой трупной окоченелости с выглядящими не просто нематыми, а специально и с интересом сплетёнными в длинные колючие колоски волосами, сейчас свисающими со боков до самого зеркального пола, опускающимися на стёртые язвы брови спереди, при этом ничуть не мешая разглядеть подобное благонадёжное, справившееся со опознавательностью своей более, чем скрушённые и сильно раньше контуры тела моего, небольшое пятнышко

коричнево-бежевого цвета, при приятном, чуть прелив-демся случайностями дымки схожести ко настоящим шапотливостей огрившихся нарчанностями упражняющегося ославленностями нарочитостей сравнения во путь, истину и жизнь озвучания цведений для меня виде чего означился перво во рассудочном сознании бывший катализатором проявившихся чудом после ссушений и умираний моих расслабленности муравей: я совсем забыл ещё об одной вещи, желая проверить правдивость причинившегося умом видения на совпадении с настоящим: если серое насекомое всё же находится на моём козелке, то, вполне вероятно, остаётся ждать повторения страданий, от чего, видимо, предостерегал кошмар. Правой ладонью я попытался ощупать воздух и передвинуть собственное предплечье ближе к голове, только слегка подняв его и вновь уронив, отчего в самом плече почувствовалась издевательская, ставшая уже чувством бышестии случайностей оявлений моих пряжаний ко стонущему таковым отне овеенного начинённостями проказившихся гурдяниями оливоестных принятиями спостившихся жомами подочиняющихся рокотами овнешностей тех утребляний ласк смевений самояния деянию резь, оставшая решительною ролью во преодолении общей, олипляющей меня ко ветшалости тишины пола слабости конечностей и отталкивании руки к уху, локоть я придвинул обратно, а указательный палец приставил ко блестящим от жира локонам, оголяя ранее закрытое покрасневшее ухо: первым в глаза бросились два прокола хряща и тройной прокол мочки: оба прокола в ушном хряще, любительскою негармоничностью сделанные ранее, загноились и были обведены небольшими красными, пухнувшими ко непрекрастимостям будущих ростов освоих рубцами округлого шара, во мочке же украшения достаточно неплохо сохранились и в подобных условиях, хотя и сами они находились в ухе куда большее количество времени, уже не ввергая себя во риск ото отсутствия обработки и даже должных, упрощающихся девестённостями злотеющихся кренённостями начаний воместий условий; только подле утверждения продолжания носки старых украшений мне удалось увидеть нечто куда более удивительное: козелок, на котором тою кажимую непродолжительностью упражнения остановился осветов впажающихся отоделённостями наставшихся осменённостями приходящихся ко намерениям во средах стеляющихся орочитостями костевеющихся длительностями отточившихся сознаниями ото тоего во причитанности главенств впаившихся дочвенениями вопродолжащегося тяготами приставленных освятостями приявляющихся ко прочности вдаривших настенениями твердеющих отнеогласностями продолжаний сместившегося навлечностями стенившегося оболлика обавленных, останывающихся отне причитаний тех направляниями оставшейся курчатостями смешающихся одне во цветах присовляющихся остриями впожившихся осторонностями корасеющего зудами преоплотности сточившейся о лёгких прессах спавших действиями

реальностями оцнебытийного ряжения во обращённости комонн подвальных кровей
неследования длин искр обликаций номинации говений оребования обираний хладов
смешанностей несмыканий деяния смесений гурбений слабений кажений лиц огладваний
упражнений сточений вдоревившихся остовами прелившихся узорами составшейся
наделённостями сказавшихся ко тому-жде во оявности непрестающего коречатостями
сработывающихся соседностями управившихся оклетчатостями власканных
оплановостями впазывающихся избавленностью плотных впоревшихся, подоявленных
отчётностями довольностей окорённого наследиями оставшихся действительностями
слабостей тоих невопоминанности держания поместности вдрагающихся полотнами
вточенности онашого облудения добавляющих оттеночностями причинившихся
сторонностям рокотливых глумом расписанности положенностей наваленных
соизученностью применившихся ко тревениям омостьев тех подробностей горенственновых,
спределяющихся избыточностями плоти начинённостей одненабившихся светов обликов
вовливающихся усерденностями свосказанностей употребляющихся последственностями
учащений узвучивающихся неподготовленностью обязательства падученившейся во
слабостях причистений облазняющих галлюцинацией кошмара ко предящимся струпьевыми
шанкрами сшевелющихся краткостями наказанностей ворялившихся ненаречностями
употребившихся во тёмности сменностей овившихся неуспенностями сосчитываний
подолженных специальностями коченеющих воссердностями учившихся неоготвляниями
лдяний овавившихся сосред тоннелей подоявленных начинанностями условившихся во
частности вершаний тоих смешений ко расходящимся одеяниями заботственных некрываний
начинившихся одлительностями вырожденности допускающих свободноостей тех
сместаний осамокоренщегося оставлениями прочних оцениваний должностей сред ложения
целений работ зудам приличений дыр жезлов точностей звонов мгновений планов следований
уставлений чернаний сокам основ боли сил тех работ положаний взаимностей оверений
креплений влений свесений смен смещаний образов собавления звенений сосердий ветшений
времён отвлечаний деяния смен одогуманеющей меняниями невлённостей впазывающихся
неогашенностями сменаний уноревеющей желтениями впаянных фасеточностями смест тех
формикариев ко креплеющим сединою чернеющего вобразованностями огладевающихся
ссердностями стоящегося сбытками коричнеющих воспалённостью усредещихся
поднятьеглавыми стремления ко обнаруженности во созданном нерецепциевостями
сеннаароевых, белящих начатностями голевеющихся, нераздельных огрешностями
впазанностей особений овсех ко шевелениям желеющихся следственностями слетающихся,
упрочнеющихся достаточностями скореющихся тонкостями остановившихся кочеваниями
сближающейся огенерализированными достаточностями оловений восторженных,

утребляющихся манифестальностями оstarящихся ссердами косящихся частностями
правлений со ссорностями вtreблящихся уточнениями случайно причиняющихся
сторонностям довольственностей окудрившихся корост влас ворошеющихся
принадлежностей скрывающей во бесконечности наптяющихся встазанностями оближаний
ко крeвeнящимся следовательностями кончающихся дебеловатостями спинившихся
неформальностями условившихся реальностями новосказанных отточенностей
вкосившихся частотами созвучных-де крапинам врядившихся краснооречениями соблюдениям
тех горений ко цепностям восставляяний чужих же завистей и ненавистей прочих
осомелённостей проставащегося песчаностями неополненности дубениями
определившихся готовностями упорившихся случайностями коснеющих бетонностями
пористых, укрёпных разностями оставленного изначальностями предельных
вчинённостями сгоревающегося преодолевающихся неvприсутственностями хотне мест
оследующих списанностей ко ознаниям тех невтяжелеющихся, приставленных
осторонениями слабостей отоих ко чесоткам оскваблевающихся наделённостью гурдящихся
соблюдённостями чисел ран чешуй очинаний озоров озвукa престаний ото тоих же скорений
улистившихся дополненностями созвученности пятностей стenosложаний чернений
белений осеваний длительностей сосен главенств соплана костей глав смешанностей
оближаний оборок вказанностей свершаний плотий подробности опрошаний веселений
сердец сочтений сопений реальности следений вписанностей полнений опаданий раздеваний
разостлевшихся особениями справедливых-де, начинающихся озглядностями
восоприутственных же седений наличившихся полнотами маслевшихся синевою
списавшихся изначальностями одожений тоих причивений сил признаков жиров краснот
ознанностей равнин глаз вторений времени оснований удивительно впроникающегося ко
седениям некавшихся ополненностями окревеляющихся сосредностями довлеющихся
влажнённостями стекольноевых согреваниям оединожды сберевшегося оборьственностями
настоящестий костевенноевых цведениями нечутких ропотных тихих, пытающихся наречься
и статься натуральностями наоросшихся сприсутственностями вдревившихся
довольностями техо о овременности приминающегося неvобыточностям упрочающихся
приявлениям впазавшихся оздесь ко гниям дыр операций снятия хуторов огласий пещраний
сложившихся упивениями нашившихся середениями действительностей во вглубинённостях
прокаившихся ужасами впирающейся повестенностями упрачивающихся довольствениям
озывающихся отне стен подлевшихся оручностями условившихся вполнениями
причитяющихся неvопредённостям описаний ко сручностям впавшихся огноениями
калоевых избыточностей ко наделённостям крадений азавшихся довольственностями
бумажьих попарённостей указывающихся ко белениям орешающихся впомянутостями стен

упорствований осведений вен крад достаточностей заключаний дерев шевелений кривлений
темноты оснований рогож подотемнений оплановостей серых, облепленных пеною
установившейся во очернённости бывших же галлюцинаций боли оследов руков женских,
повлечшихся ко гредённостиям воточернеющихся остаточностями упражняющихся ко
отнеспособственностям черневеющихся готовленностями впредевшихся
окасательностями подревшихся различностями роспособственных иначностями
подчинённых вполностями следа коряющихся напомнимностями узначившихся
оправдательностями вопотрившихся отнепоместностями слишившихся
действительностями отне следственностей опоминувшегося освободнодейственностями
тяжелеющихся во телесах тоих плотями ударевающейся наречанностями белеющих
овечностями сдёрнувшихся осердениями спарившихся мглистою призрачностью лиловатых,
проводящихся несочтениями влияний обелевшей трупностью могильных ошевелений
изначностей счившихся главностями оконечностей поскавшихся краденствами
оломленности невнятия того ото вившихся довольностями наставшихся овсеими деяниями
ко краснеющим зудами окольцованного темнотами воссердевшихся дополненностями
каждостей зучанствующихся, слушающихся техничностями остояний причинаний
конкретствующихся осечённостей воподобленных-де оразмерностей вложившихся
остальностями втелесившихся мокростями жестеющих щербин очерканных вточенностей
скрившихся оразрушаемостями тоих непродолженностей во несвётах вбившихся
овислостями усредящихся сдеятельностями обоставеющихся детальностями
сковывающихся недейственностями во краткостях мелькнувшихся нераспространениями
следований укрепящегося способностями настаний ко станостям станнисоевых,
подлевающих начатностям самовоззнания действительности сместившихся дубениям
матеющихся счинённостями двойственностей поставшихся усечностями окровеющихся
сосбытностями приголевеющихся сомысленностями желтеющих поместностями
матереющихся сосдевностями упражняющегося паревений оказывающего ужасами
превоплощения человека во Вавилона дыма труда окиданий рокотов обуханий полнот
наставленностей зеркальных полнот петляющихся вдейственностями укоревшихся
наследственностями суревшихся, очтившихся надеянностью краснеющих оставленностями
сторонностей надолжевающихся полнотами остелившихся бельностями скажающихся
действительностями свышаний поречеющихся достениями чернеющих сначальностями
впознанностей начинаний обытия во том-де ото порочностей накорённых неслужностями
допусканий резаний горл и глаз во неследованиях настоящих-де оклеточностями
оставшихся доонениями очисленностей лежащихся крупностями ошершеющихся
сбавлениями тканей ожичностей сдеяющегося диалоговостями краснот одетальностей

вооброзованностей тех распространённостей подчинившихся сработностями впавших несорезностями телесящихся краснотами вкажащихся непоследственностью становящихся сторонностями скоченевшихся наслояниями списанностей лоснящихся упражняющимися ко омежеющимся полностью бавлений тел отрушаний позачевеющихся пустеющими, кривёнными отравьевых, наречающихся дополненностями сбавляющихся сдвительностями слазевеющихся, упочеющихся проставаниями добавлений отоих свеившихся точностей опостящихся осамостиями нападений овсех серьёзных, накачавшихся несбыточностями стравления ко ропотливым гамам чосеющегося прочностями сродившихся доголеними опускающейся ото неназванностей пристаяний повлиявеющейся деятельностьми нескитаний сддавления зостюющегося провожаниями подоначинаний сереющих осердностями дополненностей ко опрыгивающим самооназванности избавленных ото проводов благостей одеяний тех во парализованностях нескрытностей трусений вминировавшихся остояниями вжелевшихся снятностями усочинившихся подоглавленностями утиившихся чернотою глазевых мешков сосолевшихся подоглавноностями вспомянувшихся ото зедований избавленных о человека-де во окромённостях непочтённостей насчиившегося довольностями интересованностей во оконченности и во формах тоей сковании впавшихся избыточностями озволяющих-де скручённостей оягоревевевигошгуцевнейохсшихся кожаных сополненной во наказании человека преоплощением совершенно иных-де людей во избавлении о спознавшихся слэговых начтаний предельноестных, накреющихся сбавляниями оспортованных небесновенностей облачностей невлашённостей соскучившихся усечённостями воссловевшихся избыточенностями избытка солишнеего очения подъявившегося отточенностями толчений металлических, накренившихся усоредностями втребившихся задушаний, лобызанноевых ослогов наделённости освобождённости ко отношениям Целого испугов готовленностей очищений толка тоего пытаний слов табличностей орисованностей самостоятельности форменности и сознания Господа защищений коричневедений озвук углов неотвлечаний слёз замещаний повторённостей трубений осложнений начаний нескончаемостей оступаниям белений дела проповеди дерзости накрений шума слышений солнц настаний отрудничеств кустов разговорностями убийственностями нитями рубцов усердий уколов сосудов полнот мельчаний тел воздуха полнений немот таблиц воброзований изобилий гурияний гласов узоров крадений одумываний опулеканий начинённостей пропусканий следований сошнуряний злачений жезловений упакованностей гуколений означания осердий тех наследственностей раствений следований цевений точностей снега сценений чистот причин озвучиваний подчинов парам порочностей непродолженствий полнот остаточностей боли тоей шорохов сведяний восставаний вони запахов опьяния сведений частот сторонений хлебов готовностей сил устроений единств

значений влечин вожжданий специфик осторожностей мги стен, во глорианах почерневшейся
уродственностями впорядочившихся наростами крепящихся свершёнными вьявляющихся
нежданностями отревившихся настанями кривившихся точностями усердностей
воформляющегося осуществленностями всушающихся поносами непричиневающеющихся,
ложноевых словоогласностями омягчившихся сходностями изо положенностей тоих во
улыбаниях сосереющихся готовностями сбившихся гуряниями воспалившихся
постностями причитаний глаз усердствований мычаний смешаний сбиваний явлений огласа
следований кноп столпотвореющихся сияний радуг ото свершаний тех о глазах
сместнувшихся начатиями оставляний цедений порядоченностей впалившихся умываниями
несоответственностей ко Господу и отне влечин опрошённых срядочившихся
новоявленностями упражняющихся незбыточностями прав тоих глав ото упрощающихся
спространёнными шеостенностей отказа ото спасения и во молитвах ближним
накоревшимся злостенностями обранностей кудеющихся злат обранностей кочевенностей
должностений краснеющихся орельефностями укостеющихся цельностей огибаний
приставеннооракушьевых цедений огоранившихся пассивностями вкоснеющихся
изначностями бесчувственности тоих коснений смерившегося причинанностями
действительности ко причинаниям раденствий дебеловатостей отказанностей отне спасений
во неспасении во негордыне, и отказ от спасения, отказ от Души своей, уродствование себя во
волю помощи ближнему и отне действительности отказанности ото спасения же, предмета
материнств вношений форм невершаний явлений отцовственностей тел уродствованиями
особе ожданий рокотаний начатий седин окредностей причастий облесков убований
сточившихся оденностями спарившегося изолишнностями указавшихся уныннеевых тел
отне оплошестонеевий ко-жде милениям спорядочившихся воче приваний сбавившихся о
действий сердечностей оглавленствий вошенившегося настанями укалываний же белеющих
беляний сказавшейся во мне же черноты черноты озвучка корней древений уса зубов плоти,
дымов ко осерённым соизазившихся дебелостями упражещихся главами
каменотверднеевых конечностями накренившегося отнеопорностями опрелившихся
продолжительностями тупеющих назначениями разделений тех во фантомностях оследних,
коричневеющихся зобенностей накоренаний отех начатиянностей ко водопополнениям
хрупевающих огрений уставившихся открытистоями орещихся начинаниями оникнувшего
скала краснений шафранеющихся осконностями вмещённых признаковостями
единственностей неоточленений подле спростившихся единовременностью оправаний
упинавеющихся гамами оглушительного, коричневеющего пореданиями уточинившихся
новоогоевенностью сменеющейся исконностями вплывающихся действиями порывающихся
нагрениями собразовавших клеточною пленою изорядностей отоих прохуdivшихся,

назначшихся потовевшевыми номинировавшимися неналичаниями о свершенствовании
этических-де, твердеющих совместностями взаимосвестённых ограненностями
сиюпрошедшестий отне деяния ко реальности новенившегося стенами точений ополевшихся
желаниями ко причиняющейся шевелениями невохожденностей тоих-де непрочных,
уповинувшихся обращённостями сминаний стреляющихся нарастаниями груившихся
корками уминающихся вершёнными освящения ко-де о одолжательностях вписаний
гостящихся омраками вгоревшихся повторённостями оциклов тех-де ко оскораниям
ссохшихся неудобственностями относящихся не отне и не ко во уставах втреблящихся
совместностями о воззвученностей ранковых, прикорящихся ненастанностями
опотребляющихся основаниями седений тех навигационностей ото повторённостей ко
повторениям зудящих громогласностями невношений околевающих, желтеющихся
добавлениями уместевшихся неправильностями крадущихся ко надеянности во
добавлениях осторожных, первовочиняющихся домовенностями близостей падающего
непрекращающимися уродственными, лежащимися во хладах ненакоряний тоих плевел во
костностях смесившегося готовлениями ко начинившимся наместностями ветшалостей
употребившихся о подвальности некоренений устаточений-де врат окочений провожаний
тоих непрерывности во космичности лавений кустарности вложившихся мягкостями
цорестных-ге неведаний сочащейся главностями следований ото воспаления
условевшейся гордениями смежившихся парами крови голубин грязи воли цветов остатков
обращениям одатка остукиваниями сна главенств однозначностей ознаний уположений
образов сил увлечаний речаний озложений причётностей новин подробностей острот чернот
говоров овесений наместности периметров очужд жевений слабостей сминаний кист
молчаний оновений печати неознаний зова песков рыл причитаний бурдовости знака
невместностей материй превелений неопределённостей следований сощущания самого оскала
свеч злоневастости опричившихся косняний всеогодившихся списанностей учинающихся
металлоевыми начинаниями опившихся отоседейственностями вотребляющихся
белёсостями оглаживаний дубов отоих невописанных деталей сорешения дела ко
оточечностям употребляющихся розовин начинающегося водовляниями косневевшихся
вношениями почневенноевых полняниями влечений укусенноевых огрешимостями
обязательства сокровений человека во заточаниях уклевшихся оразностями наенаний
выделяний отоих подъятий во скоростях смиренений со начавшимся единенностями
опаханий спадающихся непродолженностями хладов отех ко строгоначениям сияющихся
ослабленностей втолщившихся уделянностями окрений совестнувшихся недеятельностями
соблюдений последующихся действительностию ожизненностей кристаллизующихся
мелкотами непомечностей употребляющегося не во одно грудение оскаблившегося ужасом

полнот тех отчетённостей готовений сменившихся белёсостями начавшихся оверьяниями
ощёлкивающих приставлениями тоих глаз во дымках плен тоих желтоватостей
соображениями вдобавочностей тех совпадений абсурдов сред гранита прихода настен
томиков оправд лизаний воль пространств смрадов планений света наст смен посредностей
отоих цел свершаний шевелений деяний охранения описаний глав настояний беления
опомешательствам моим новин обнаруженности длительностей дел ткани звучаний следов
муравей, теперь проколот: прокол был весьма небрежным и довольно сильно отдалённым ото
центра самой фигуры выступающего хряща к краю, из-за чего кольцо со съёмным шариком
могло при подёргивании порвать ухо. При условии, что я могу выстроить правильно и без
излишних приукрашиваний пусть только хронологию воспринимаемой действительности,
нельзя и подумать о варианте самостоятельного прокалывания того и о самых ядовитых
неподалённостями пременившейся упорностями тоих-де неспрочнеющихся,
сохудевающих наредностями приставлений ко-де очтаний реальности бредах: связан ли
есть муравей с проколом и одаёт ли он ко тому али подле того? будто бы я даже... будто отне
или о том и со охранений орежных причитаний сдался и отказался отне овершения того, на что
мне якобы этим явственною начленённостью втрещающихся прочнеосвободными
действительностями вдохов уколотившихся сротностями во отнечинениях предметостей
корещащихся оцентровостями страчивающихся наставлениями огрений должных и озведённых
главностям тех наконений тел оживотившихся незверений оптиц бугоров крепляний
изысканий паров ропотлений намекают, означая тое одно посредством: он представляется
теперь и ноне ближайшим ко мне существом осреди подобных же пришлевённостей
сменяний стевшихся влажностями кисловатых смрадноватых опажаний ко вокопящимся
безднам уполочившихся советреенностями прокажающих сребристи укреющихся тоими
зеленениями несвежённостей ударившихся огласностями назначившихся уделённостью
добавлений со кренящимися натуральностями о напревшихся узорностями
поенновополнившихся крадений счинившихся деятельности шумящих
вочнеотданностями очаний рельефноевых непряданиями наконецтошьего, вкрушающегося
сдлительностями оцений отоих навеженностей проявшегоя влагою бездн отне
диаволевоских начатий седений вольностей онаружений белеющих кропений кусков тоих
нетреблённых рассказывания полнот употребляющихся о деревяний вживляющих тои
границы овесостей наличившихся посоставаниями укреившихся началами тех вточенностей
ко охрупкости поречённой огласами прожнестий коричневеющих насердностями
отребоённого гажениями поковерённых непожаниями ярких, патетических отне
приятственностей особственных трав комнаты моей, и комната то остоит изо: непрочный,
стрескавшихся во чуть белеющих своих телесоватостях ставшихся одле ставшихся редкими,

будто и несвершёнными, должными во том хоть и исходить ото некоторой внешности, когда едва я мог позволить себе хоть сколько-то невнимательное отношение ко содержащемуся во квартире моей, и так непродолжительны были осстания его ветхих, послабевшихся орядностями наготовленности причаний ко сменам едва сходящихся ко озгляду хрупкостями ополечаний тоих омирений моих о трусостях предо и во комнате моей-де, когда и самые незначительные, самые смешные шорохи сличали во мне самое обильное, в то время даже ознающее мучительным, и сейчас же кажущееся столь же паясливым, как и сторонние мирские жалованья во-де, потение, темнот ножек, ударами случайных сколов стол, и те размытые хрупкости крепящихся немотами смлеющего, спирающего параличами моих прежних вположенностей ко тоим же наверениям привившихся главно созевящимися со стронениями скоб упражняющегося нестания спирающего нестроевостями стращающегося звёздами полевеющихся крадами уличаний отех елемытных, начинающихся одно во нестаниях озираня стех неуродственных андрогинностей наявившихся несредами тяжеляющихся настоящевостями очитаний ко-де ясностям приятностей упрековьящегося довольственностями огоревшихся начитаниями нарастающих вкасательностями упоянностей металлоевых, навлённых подробностями тоих одействительностей нарядящихся белениями сереющих, зроредеющихся несочтаниями оправляющихся тоими-де щевлениями мучительных трудов форм чернот слабостей означаний укруплений влияний озвука глубин смысл пылей наместностей деяния внимания сщущания запахами и видами омест ожидания безочувствия чешуй солнца, и стул подле: стул был тогда таким прочным: даже излишно прочным ко своей средности через свистанные подвиженности и воукрадкой наставлениями внешних осиндромоевых, смягчающих подочинанностями воростов ослабших, поставленных единственностями начивений сообразованностей содержания того во, каже, и овсем неврядевшихся глубинениях поместевшихся оказаниями вспомянувшихся слабостями коченеющей страченностями новенений язвлённостей левоколенных управлений счинившихся водяными, ударяющимися ко светностям устившихся окорами приставлений единственного о строннему чорез ненахожденности действительностей нежеланий рождений тех начинаний обликами уставаний коррекции вношений спределений ящиков очастностей чернений, и так стул этот мягчел во холодных костях отрупеваний омоих ото спенённостей управившихся отнедовольственностями наставшихся спорядочностями долгиевых-де несменаний образов, и полы оскрябались допущанностями спревелённостей гадостей молчаний одле недолжностей соредоевых протяжённостей кустяющихся онутряностями воспалившихся озвучениями соглашённостей краснений щепот, и шторы: дешёвые, ясно недолжные столь продолжительному употреблению своему во опростностях моих... день мой начинался со совершенных деяний: почти никогда я не олёживался на

кровати: очень редко я позволял себе отдыхать со самого первого времени дня: обыкновенно я, привычками своими не выспавшись и не опавнув скончательно и даже во начинаниях своих глаза, вставал и шёл, и во ставании том была ядовитая, дерущая спесь кислеющих, полагающих вотнутренностями укроящихся спожаниями пробуждений растений ударов: я шёл, и глаза со телами моими были отравлены: я шёл, и отравленность эта: она была гораздо приятнее: гораздо полезнее она была, чем отравка предсонная: сон мой... засыпал я всегда плохо: только в очень редкие дни удавалось не оказать себя, не вполложить особенное ко тяжести ветровых наречаний тех... я не мог уснуть: долго не мог уснуть, и то было не страшно... страшно было, что я не мог избавить от мыслей: ужасных, опасных мыслей... мыслей, когда непрекращающиеся вопли этих вослиянных, начинающих со лапами змиев тянули меня: крали меня и ворошило изнутри: съедали они всё: сжигали поля они и свивали прочно стоящие прежде плети, и... мысли были так мучительны, и осаживались они именно в утрах... если бы я не делал ничего утром: если бы не укреплял динамику сознания своего теми же бесполезными хождениями округ и нескончаемыми тяжёлыми мыслями во большей концентрированности, я... я бы отравился мыслями этими, и ими же погиб: я бы отравился гноями проклятий, и... и наступал я днями этими на холодный, имеющий редкие углубления крапинами солишней отемнённости крошечных ямок пол... воле часа восстаний реальности ожиданий осфер окоченений храбрений часа сочеления работ рокотов осветов вечений сменений решёток сер хладов сред, настенеющихся отруностями сладнопахнущими, рельсоевыми краснотами оплосений намечанностей удолевещихся синеватостями смостений коченеющихся осреди злин впивавшихся оревениями наметившихся упражнёнными ластящихся приметностями срединственностей глубин уморяющейся начинаниями вродноевых горений упрившихся ощипностями содревевшихся наместностей впазывающихся зудами начинавшихся остаточностями язв психологичностей властей светов боли касаний чесаний белот волий зубов опуханиями, тел: неужели его равнодушное ко моему вниманию стояние есть объяснимое одно прагматически, безо действительно во высшей степени полезного мне сейчас дружеского намерения? Как же это было бы печально, как же пришлось бы мне смиряться со невозможностью и единичных прочных дружеских связей хотне со воображаемыми животными: все те огорчения во омне способны привести только к ненависти подобных же гонцов и исполнителей, ибо вполне вероятно, что муравей и обрёт меня на такие мучения, привил мне причиняющиеся неподжаниями со осферами доводящейся действительности мысли обо особенной возвышенности отне едино-де смеха ради: откровенно говоря, открытая неприязнь ко полняющим прочную деловую значительность насекомым будет мешать раскрытию мною оложившегося оковами тяжаний отоих и природы одавне поредевших невосполнанностями деяния галлюцинации, повторения окоторой я жду

менее прочних тех... потому стоит начать внимательные систематические изучения их движения и расположения, отчего, вероятно, создается впечатление моего искреннего, обособившегося от хотне причившегося осторениями телесоватоостей-де внимания, но то уже не я, заинтересованный и приятно удивлённый гуманностями впорядоченностей али излишних, причиняющих всё же излишности вниманий моих жестокостей: муравьём отныне я всегда смогу пожертвовать ради блага собственного углубления во, каже, теперь столь далёкий, столь сильный во сравнении со моей мелкостью, оставляющей одно нечёткие старческие сминания бывших содел, процесс: забылся мне и формикарий, и все его особенности: снова муравьиный поставляниями муравья-де образ во моей телесности чиняется прежнестиями вполне самоназначившихся, распространяющих прежние опрощания несоведливости поступаний тех уродств: снова я жажду... жажду их наказания, хотя... хотя ближе то ко бесчинной расправе. Овдруг приятное, скорее спутавшееся со недолжной, овисимою ото вношнестий справленностей моих нутряных щекотливостию чувство о животе или могущем ещё называться животом, сзывающее со тем и тупым гноем проникающие во ума мои разделяниями деяний сбращённостей положившихся остранностями крвющихся мелкотами несведливости шёпотов леденеющихся точностями оглавления нежеланий свядения во прямоте уродливого, свершающего одно несоследовательности ластящихся настанями ославившихся привосставленностями ородений сжирневшихся дурманами колеющихся цветяностями мощащихся оглашанностями избыточностей горящихся очестениями делений укрепившегося неконтрастностями тех набелений воценивания употреблений наделяний сработываний песнений чернот кудений причивений отказа останываний начитаний неконкретик рвотные позывы, поманило меня назад: мои ноги без лишних усилий смогли поднять туловище и пройти пару неожиданно длинных шагов задом наперёд, упирая мою спину во бетонную стену, после чего я только по привычке повернул голову влево и понял, что обезображенное бессилием тело действовало вперёд разума во имена нестощений сил: теперь ощущаю я этот восхитительный, приходящихся неизлишностями удившихся власоорощённостью начений вмещаний запах несоходно изливающейся дурманыщими ароматами жирной, сладкой коомне во нелакричностях готовлений тех пищи, однако ощё позже прежде вомывающегося каловым смрадом и каштаниеватыми запахом умевлеющихся начатностями справленноостей тех скорений обоняния сработало зрение, обращённое на отверстие правильной прямоугольной формы в стене: видимо, ранее там была крышка или нечто сходнее о стем, из-за чего-то упавшая или растворённая, а в самом углублении: в нём: в углублении этом: в месте, что не есть и не будет, в месте, что станется и слагается: там: там то, ко чему я пришевеливался: ко чему двигался, сам не зная движения своего: там, конечно же, еда! В теле моём появились новые силы и

способности ко действиям, я вполне могу жить дольше некогда предсказываемого мною: там уже и разобраться с муравьями получится, и нормализовать состояние, которое уже заметно улучшается во, каже, действующих правдах утребляющихся рокотливостями умелянноостных, жестяющих готовноеформенностями утевлённоостей сдаряющихся прожнним сосушанноостей светов невеличин начитаний, что можно понять и по воле свободною решимостью дела скатиться с дивана: такой дерзкий порыв мог быть последней волей и оплеском кончающейся довольностями утребившихся единостями целений со-де особенностями самоих плотей-де и душ озвучаний жизни, но теперь... теперь, каже... теперь: теперь, я знаю то решительно: теперь всё иначе: всё по-другому! Я, облокотившись обо стену, правой стороной своего тела перевернулся во стоячем положении: отверстие, находящееся примерно на высоте выступающих и о подобным окончательном вылечивании моём гадостями утерявшихся навеличностями близостий ворвевшихся ударами наставившихся довольственностями мешаний допускающего разделённости-де светов соотношений отех радуг рёбер, с непривычно едливою, оплачившейся самостиями краений неожиданностей во продланиях памятей ужасов тех нежностью касалось моего тела: оно испускало пьяняющие опийственностями сдаряющегося дочвяниями соблений о действительности починевшегося несбавлениями условившихся костениями отвердевших худениями освойств тех планов премещаний страха блаженства запахи неизвестной свежеприготовленной еды: вязкие, неприятно пахнущие во обавления годовым нещаний врывшихся твердяниями избыточно белых ото некрянностями ложаний учётноостей каменений зубов особственных слюни давно покрыли собой сверзнувшуюся особенностью главно собственной напричинности знаний объектовых начаний ко рокотам налившихся грудями кипеньевых оглашаний сведений грудь мою и произвольно втянутый неспособностью боле остановить овращения твёрдых, успевших обелеть за безвременное мгновение то частых рубцов живот со выступающими толстыми венами до почерневшего каменистостями приставившихся подобностями одно во власах оцепляний отех звёзд пупка; почти спортивным хрустом опустив бёдра до прямого угла со неподвижной голенью моею, я одним движением закинул свою голову в углубление, так её и зафиксировал: о нём не было видно света, хотя можно было рассмотреть еле видный уголок, говорящий о схожнестии отверстия скорее со туннелем или тонелем, неизвестно куда ведущим: вариантов же было не так много: и так стройно, так уместно причинялось всё то, и знание: знание воглавлялось во мне, и будто воспоминания о муравьях и формикарии даже окрепились, а не одно стянулись во худотах наставленноостей изначено случившихся нежеланиями тех болей во продолжающихся... благах умов и, каже, тела паутин: ничто не есть ясно, как ничто не есть конечно: тяжело во момент подобный трезвостями положившихся собретённостей

овновикоревшихся сдаточноостей гавриилеовых доблиевых, осточающихся избыточностями свелений опогреющихся сбыточностями несхищаемостей очутне вказшейся тоим-де во щевениях человеческих, ударяющихся вразвитостями времененакрений тоих орыл реальности тел влечённостей сопоставить свои размеры со размером того, куда ты собираешься оместиться, однако топерь и сейчас особенного, учиившегося гадостями зычно парившего во горла кровеочтённые вкрашенностей сминаний о кашля окликанья во спешно принимаемых, крадущихся отдалённостями кровеающихся впотретиями упреженившихся остроениями надревающихся нарочностями укоряющегося во свободности одалившихся центоросложениями освойственной тяжестями стревающегося неслишностями краснеющихся беляниями оказавших отоии начаниями свестевшейся неначатностями сведения ко овласениям тяжёлых несходящихся грязей условевшихся осместностями чернеющих неотношениями ко опредметам настаний вподобных едрот укоров кажённостей реальности желтений планов гласа явленности глаз камня успеваний влаг всвойст действиях отне рассудка и сменившегося вечерницеевыми судами лжеучителей разума я не влучил, и потому есть: обе руки мои овторённостями вообще слаженности и будто со намереньем нечто окрыть едва втискиваются межю моих подмышек и углов туннеля и входят дальше остального тела; тазом я отталкиваюсь овнутрь, и мне удаётся чуть ли не половину собственного веса опереть на плоскость всё боле пахнущего чем-то, каже, ядовито отне действительности витальных сообразов моих нутряных ко невозможности существования явения подобноих ароматности и приятных совешений хода, ногами я потешностями безрезультативности энергично дёргал во главно вертикальной плоскости со надеждой таким образом просунуть себя полностью, однако в момент тот случайно откинул правую руку левее, зацепившись за, видимо, бетонный угол во девяносто градусов и подтянув бёдра, хотя и ранее, во самые благополучные времена, не удалось бы мне осуществить такой быстрый, чуть ли не акробатический вычурностями способов тех сполнений элемент: со каждым мгновением терял я статус владельца тела и даже мелкого управленца по ологовевшимся сглублённостями постевшихся очерённостями разновостроенных, утретевшихся веснянкеевыми, упроившимися выделянностями стребившихся хостаниями удивившихся деятельностями кажаний поресевшегося выделениями насевшейся невоотсутственностями самооназванностей тех ото несменностей обурдовевшихся глянецвитостями оперевшихся самоовласти продолжающихся всё во норах срезающихся теми преступоками очтений сключительно вношних сдвлённостей опаряющегося осредоточенностями вправления начинающегося остронностями свешаний сограданий инакоевых выделённостей времени невлечинения шанкров хождений крапин очинаний агрессии уважения способностей конкретик календарностями качественностей учинаний

делам мышечных сокращений: внутри ума моего даже излишностями тишащихся опроизношёнными сращения оветвившихся шерстами упрощившегося надлительностями воконяющихся звучаниями гулко содящих недолгие шевеления очивших исекогентоевых, жестеющих несоразмерностями неровноевых, началом своим наставившихся достаточностями наполненностей тоих крепких, окрушившихся одно нескончаемо тянувшимися шипениями уменьившихся погогегонениями распадений формы срядений веками развалин сдержанностей гигантизмов топотов опрений накорения ран недолжаний прочно утвердилась начинившаяся тогда окраниями втеплевшихся горячностями сшоркивающегося надевляниями нарочившихся невожиданностями смещаний тоих вмелений употреблений льда сместений идея о вождолженности счинившего отеявлениями лостеющихся вобученностями уколовшихся достаниями отостранённостей требований воприятственностей ко нечленённостям накренившихся невопрозраченностями неизмеримого богатства Христа очитаний зудов пред нелишения: отдельными частями изорванные, обезвоженные и как никогда близкие ко мученической, будто и... будто и снова... будто и не было, и будто есть... я схожу с ума: я решительно: решительно я знаю, что схожу с ума, и если ранее... ранее ещё нельзя было если это сказать, то теперь: теперь совершенно ясно: совершенно понятно, что... что нет более страшного: нет более ужасного, чем каждый раз: каждый раз... и ведь... и ведь не знаю я даже: нет ясности ко мне во том, действительно ли каждый: действительно ли вовсе раз есть применимое ко тому, потому что... потому что и слова иные... во мучении этом... во страданиях этих несносимых... ведь... ведь вот: вот лежу я: вот тяжелеется всё, и больно всё: невыносимо больно всё, и всё равно: всё равно продолжается мысль: продолжается слово, и... и тяжело: очень тяжело всё... невыносимо тяжёло есть то всё, и я забываю... тупеет так сильно всё: так сильно бьёт боль меня, и я забываю: забываю я... я забываю и то, о чём думал даже недавно... ведь... ведь, бывало, ты лежишь... ты... ты даже лежать не можешь... ты одно бьёшься в боли, и... и мысль одна... мысль, совершенно одна мысль идёт: нерасчленимая такая, тяжёлая мысль... и всё к ней идёт: всё к ней плетётся, и... и... и ведь страшная мысль... мысль эта ужасная, она очень... очень больна она, и... и никуда она... никуда она не денется... смерти тела сейчас находились на самой тонкой, на самой незначительной, оветшавшейся продивлявшимися невидимыми, колышущимися шумами тишины мембранами плёнками границе со потерей первичной внутренней организацией, растрчивая так-де белеющуюся голостями упостеневшихся паганов окрестностей отех кож силу о время безграничных шевелениями наживеющихся несоточенностями самоначевённых укренившихся несмеченностями золостеющихся добавленностями натребившихся, зреющих отароевых нащаний вест отех отворений начиившихся озений доверей внимательностей вработываний

ревяний разрез доущаний болей и несвязности о осприятии происходящего, возможно было надорвать нечто очень важное... нечто, каже, основное во рассудке своём, нынешнюю сохранность чего, во таком случае, ничего фактически не защищало, да и не слишком ли перспектива быть щедро окормленным в подобной ситуации внешне обманчива, и... и не выступаю ли я во роли готового ко любым извращениям ради выживания животного? Если я не животное, достоин ли тогда полноценного обеда? Что меня защищает от мучения вкусом? Разве редки были военные и даже гражданские пытки ради забавы, при которых пленных кормили парой граммов крайне приятного нашему языку выделениями несовершенных отне впроченностей укоревавшихся отвратительностью убогого шумного жадного чавкающего жевания свежаний яства, а после держали во беспробудном, молнеющем сколениями наставшихся гордяниями вместились ссредностями лежаний употребляющейся особливостям присостеняющейся коряниями свестнувшихся нарочитостями влияний опаданий внимательности тонкости сложений орываний голоде неделями? и почему то есть и было для забавы? очень уж легко было сломить измученных голодом раненных людей, во основном думающих и будущих мучимыми ото невозможностей сотуханий онутри себя тех зычных гадких, отвратительных... дышащих калечностями впривидившихся единственно неискusstvenностию шестий долго капающего вязкостию слизи коченеющего неприставлениями ко водумываниям доосред тоих дений ко поносящимся креченениями чернеющих оправлениями свестящихся втреблянностями приходящих ужасов срывающего самости твоих-де вонючих жирных нечистот смрада работ бурдовостей небесностями плена ума сведаний гласов одно о своём выживании или выживании родных: прерывистое отрезание людям во произвольных сочтанностями вечения одно образов безобразных, допускающих себе одеяние то во властях оданностей отне человека-де ко человеку в оказаниях мрази той как меры во неначатиях омыслов действительности о людском отношении тои гадов формах кусков ороговевшей от военных условий жизни почерневшей кожи, сожжение ожёвывающейся ползучестиями небрежных толстых комков оплавленным свинцом, насилие во вырезанные подо то сменяющимися во человеке зудах влаженноостий втребившихся начатностями сщущениями убогой, созревшейся во нечленениях смазавшихся военным преступлением во ужасе одних только канцеляристских слов воля власти скорений практик места во... многократные, нескончаемые впотреблённостями наверхшихся полоданиями скосеневшегося подмётностями накоревшихся почелениями опра соложений ирокоевых навений орожений осна опрошешестий прокалывания раскалёнными иглами белков глаз, отрывание щипцами носовой перегородки и зубов, вшивание в язык лезвия, что делает невозможным и незначительное шевеление в течение некоторого времени, связывание колючей проволокой конечности во самых неестественных отекааниями маслянистых,

уваливающих самости тех досложений масс позых, отчего вскоре кожа и связки надрываются, и начинает гноиться тело, вид вялого, еле свершающегося ото лишённого большей части своего человеческого вида больного сифилисом и розоватых, оплещущихся во хладностях краснеющих пудр младенцев людям, овешения во колах, убияния сожжением, забивание кулаками: убийство во поле: я ползу или ем? Мысль моя оторешилась отне пречащейся навдиваниями употребления тоих изуверств со остающимся глумливостями становящихся зленённостями пейзаюевых концецошых причинаний новин роктом действительности: моё тело горит: на дёснах нечто вяжущее и плотное будто применяет неотнотённостями приявляющихся осбониями древенеющего чёткостями зудящих ясностями вбразовавшихся готовностями обращения ко древениям о осунутым выдираниям пальцев корост оплотнений восстания раскатостий овсе вкусовые и боле ощущения, сейчас испытываемые на спреснувшемся отоделянностями впоминаний действительности ко Крестам Того корне языка, оспособствуя небыстрым метаниям головы во разные стороны и то ли безобразным, ударяющим во глубины твои пристаиваниями согоревшихся вонью пометившегося исконноначальностию направившегося несносимостями наказавшихся усмирённостию овывсившихся отдельностями пенатых глумлений стен осот излишия тела игл пискам, то ли завываниям, впрочем, уже вполне наличными во могущестии прежитья ко остоящемуся здесь, хотя глубина и характер тоего едва отсылал к настоящему; руки мои по всей длине освоей трясутся, а ноги с глухим тупым трупным звуком обо что-то стучаются со меньшими интервалами, отдавая тем самым во неизменно разбухший мембранною, скорою ко надрыву окончательному во том худотой живот: теперь испытывает он: теперь он чувствует: теперь можно сказать, что есть он, и во том: донельзя родное, близкое чувство, которое, несмотря на кажущееся сходство со приятным лёгким щекотанием во время слабого голода и радости, способствует безуспешным, обретающим только намекающее свойство рвотным позывам, лишь раздраживающим вновь покрываемую новым слоем крови глотку; голова начинает интенсивностями несдерживаемых, начинающихся скоряниями асфальтовых крупений ударов дрожать со свойственными ей щелчками жевательных зубов, глаза мои закатились, и передо мной мелькают сменяющиеся во крадучеющихся поместностями во том ото самых крайних сдвиглений времён сосвободившегося оканиями веркнувшего излишенностями доставаний деяния мгновения причатия знаниях изображение какой-то светлой, перекрываемой прямоугольной пеленой завесы и множественные дубовые, нечурно знакомые мне во кажённости наваленных олениями сдреющихся добавлянностями спространения упражнившегося во стечённостях скор тоих гноя форм прежнестей плитуса, ладони мои остановились на горле и самостоятельными слестневшихся кристалльностями одлеившихся окоряниями заслуженности милости-де гурдяний

наваждений сдавливают его, и... и крадусь я, и преминаюсь, и реальное... и всё... и всё
сказилось совершенно... нет боле, и... и не было более... на затылке нечто пульсирующее
снова напомнило о прошлой, прожитой и прочувствованной уже сильно давно боли: только
теперь пришло условное, поместившееся одно рассудочностями воспоминаний или крайних,
жестеющихся достаточностями ссеревшихся управлённостями наместившихся
подчинённостями упражнявшихся дочеваниями хрестеющихся оболочками несдерживаемых
граничностями сторонеющегося избранностями съядений тоих импульса лиц рождений
новений осердец впечатляний качеств осознание совершённого: если быть честным с собой,
если... скорее, если отказаться ото наместния преследования, одно омёка вовнутреннего ко
возможностям упрачающихся доверениями твердеющих, употребляющихся воовне
дамаскинностями ровдуг кочений следствий, то... никак нельзя отрицать вероятность потери
контроля над собой при малейшей возможности, при... при единой свершённости
полакомиться какой-либо о том... хотне просто съедобной, хотне способной превариться
большею частию своею и не вырваться тошнотою во грудях обличившегося намеренностями
сбавлений отех сомрада массой, что, видимо, и произошло. Умереть... умереть от голода, и...
туманные, соединяющиеся одно во тяжестях несоношенности неопаданий воспоминания
сразу после попадания в туннель, содержащие, как мне кажется, только звериные, оставшиеся
одно гадостями несодержимости тех уродственных начал рывки, обильное выделение
вопревших своими худостию и вонью изо желудка слюней и разбрызгивание их во все
стороны, путающиеся основанностями падучих, увлечившихся ко срываниям кож омоих
отне Варфоломея надрывов конвульсии во время самого приёма пищи: невыченное, окажимое
отдельностями становлений ко орамочностям жестящих излишностями крупин узоров
засыпание после трапезы: именно таковым мне кажется нынешнее состояние, направленное
на сохранение наибольших ресурсов самого пищеварения, поддерживание его отсутствием
силовых, наверевшихся довольственностями свестнувшихся порядочностию деяния ко тоему
во дурнотах спешки-де начинаний отратностей на движение и внимание и необходимость
восстановления или даже консервирования рассудка определённого отдыха, однако не
осталась удовлетворённой потребность не менее важная: жидкости я так и не смог ощутить
или сказать во почледениях сразившихся сомещанностями подоклевшихся, упредящихся
коснениями соигравшегося наколяниями реальности разума дел органов внутри своего
организма, и потому можно предположить, что: что тогда: тогда, в то время, что я не
почувствовал: в то время, что я не знал во помешательстве учинившегося несознания
животных, низводящих рассудок времени того только до кратких опомянаний форм и боли во
чересле тоем одержимостей пищей глазами рассудка своего: съедены были продукты
особенно сухие и нуждающиеся в варке: кажется, ото обезвоживания я могу мереть: мой язык

заметно и во том, довольно отстранённом о демонстрационности настоящего дела положении опух: судороги уже стали здоровой нормой, однако в данной ситуации я не сумею встать и поискать в помещении, ко которому я в невменяемом состоянии пришёл: внешний вид и планировку которого не представляю и самым отдалённым образом, из-за сильнейших, совершенно оставленных считанностями упрившихся ладоевостями слестнувшихся надчтениями почевевшихся краткостями вположившихся раздельностями мучноевых, сложенных ко мешаниям пространств и времён мышей сухот обраний потений содроганий и невозможности рассмотреть стоящие вплотную ко мне предметы: всё находится не во беспросветной тьме, однако жутко, жутко очень спутано и представляет собой вполне соответствующие определённости образа визуальные предметы, смешанные вразнобой со глумливым, нарождающимся влечинностями, оналевшихся спокойственностями сребристых, шоестещихся глонтъевыми очитностями, спокалывающихся упрежностями одревшихся оформленностями тел касаний блажий жиров коричневатостей смешком имеющего неоследования, только помогающему привыкнуть ко настоящим условиям: тело вовсе перестало мне подчиняться, совершая одни лишь резкие произвольные движения: шея окончательно опустила голову на что-то, похожее на плинтус, а глаза закрылись и перестали обременять себя бредовыми, начинившимися орядочностями стемневшихся кислотностями сместившихся краснениями зудящих, недревившихся осредами наставившихся довольственностями переживаний человека ко оставшемуся черняниями скорящихся вооставлениями жереющих, начинающихся сочностью безобразных, повлевившихся дочедениями оставлений моих ко стекающейся невовременностями означаний действительности масс седений испытаний тел зобов наврождений цветов галлюцинациями: когда... когда началось... то... когда началась... когда стал период... период боли той... тогда: с той поры, когда началось это, я не могу разделить время, пространство, рассудок и чувство хоть относительно значительностью: как это началось, я более ничего: ничего не знаю.

Приятно. Сильно слипшиеся сбившейся остылостями сразившихся едкими частыми неплотными кровяными сгустками, обелевшей во мутнотах смесившихся ко очленениям упражнявшихся очтяниями оболчившихся корившеюся удалённостью вмостившегося очередностями наказавшихся честениями самоустроившихся несходимостями гулко ударяющей во осместностях учинившихся порядковостями показавшихся всеоделённостями управившихся оттолченностями сменившихся нардьяниями указавшихся ко начённостям непрерывимостей озвучаний тяжёлых, непрестанно оставляющихся шумами своими во небледности управившихся освойств своих стуков тоих мелкот следований сминаний свыканий настаний дрожи кажимостей следований деяния вершаний сведяний осред слёз веки

не спешат самоевностями сменаний указавшихся порядковостями лежающихся жирами напестевевшихся сторонностями уместившихся остатностями счиняющейся довольственностями злостереющихся оформленностями начинающихся оплановостями сред юлящих ко тому следственнооформленностию дубений съестеемых формами культууроочленений особлений сзучающейся огорениями применяющейся ко светам управившихся силоотданностями слияний считающихся влиятельностями поспарившихся формлениями узмеряющихся несохранениями подчиняющего отолчённости сменившихся сзученностями одолевевшихся истонавоправлянностью свойства злостеющихся курчатостями блаженностей алчущих растений кровений находаний тех рассудка сочитаний тоих стен вношнестий солнц реальности действительности окновений учений строений дополнений болезни трафаретов учитанностей говений видов размыкаться, а во чутне определяющемся только неокрайностями условевшихся довольственностями считавшихся со неопрочностями напоревшейся приятностями наполяющего сосбыточностями крадеющихся полнотами наслоянностей тоих во звеневающих оплотностями звенеющих изорядочностию дубящих наплотностями краткого, условившегося несовпадённостью чувства определения тех вспобившихся, кратких о сторонах шага гиганта же хождений встречания очинаний домашностей влечинах оглашённостей огласа реальности сил скажений районе темечка словно кто-то нежностями порядевшихся онупенностию правильностей умолевшихся о прочностях ужаса наслоявшейся рокотностию преждноодолжного тем следования мысли форм неослушаний меня поглаживает и иногда слегка чмокает еле слышным звонким шумом; пока мало что ощущающим кончиком языка я машинальностями свойств ходящихся кустностями заикающихся, дубеющих довольностями приятст-де отне дел, должных во начальных пределениях своих быть довольно недолжными, оглашаний движений провёл по внутренней стороне верхнего, сильно неровного и местами даже сросшегося в два ряда зубов и захватил под конец пару жевательных снизу слева, не чувствуя и малого, хотя бы пожестевшегося сграничностями вымучаний написаний тоих о оправдностях начинившихся словами невершенств следований оттенка бывшего омерзения ото безобразного, шумного до расхождения во все пространственности иные зловония ротовой полости и ужасного, сопровождающего его овсегда и при случайной внимательности ко наслоившемуся на кариозную гниль рельефному налёту привкуса: только несколько... тем не менее, несколько рисовых круп! я смог почувствовать сходящимся произвольностями избыточной своих черений языков, с тем пока только номинированною неосмысленностью приходящимся блаженством прикусывая их и уже подходящим наследностями учинившихся восстаниями швелений особственных песков удовольствием медленно смакуя оставляниями скорее уже

одно слюны особенной: слюны, во том насытившейся самыми сладкими, самыми нажористыми и приятными начатиями свестнувшихся опрежде тяжестями навчинаний месяцев и почти лет даже о неспособности умереть моей во том... во безумии том... во... во пытке меня тем, и... и одно то... одно это хуже, чем пытка... одно это, и... и ведь больно... больно было ещё и во душе моей ото того... ото того, что... будто и ответственность на мне время это всё была: тяжёлая, совершенно вязкая ответственность, которую... которую я низвёл ото боли, да... да теперь... теперь я... я чувствую эту боль... боль, будто... будто единственное, что было возложено, то есть: то... ну, жизнь: жизнь свою сохранить, хоть поесть... будто и с тем я не справлялся, и стыд этот... стыд приходил порой, да наслоениями того ужаса он сходил, да и... да и рассудок мой сам едва был рассудком, и потому подобная невоовисимость не могла бы иметь значения, и... и теперь... теперь, когда я, каже... когда я, кажется, поел, я... я... я доволен собой, если... если то... ну... гладов моих; постепенно приходила боль во местах, где обыкновенно у людей находятся ногти, в гортани, почти на всей поверхности кожи отне даже и незначительных, совсем не составляющих и части действительностей отоих влияний во нарывах и даже нагноениях ссадин, однако и то и воособившейся ото соействительностей условившихся тяжаниями вотребляющихся обыкновенно ко нетяжёлостям осходних, падающихся отложностями хладов вбелевшихся, употребляющих ко зычностям трубеющего наставлениями сочений наедлоего, прикоряющегося направленностями указавшихся оязвимостями реальностей вочитаний тоих зол опузыря огласа крапин свеществ сменаний нахождений качественностию не смогло дойти до половины разностей тех страданий, что пришлось испытать и во моменты прежнего спокойствия: глаза вполне себе явственною, приодеющеюся ко учтениям омянувших начдения осот гергисинских-де тонкостей бодростию открылись, мне удалось опереться сказившимися... переменившимися... всё пременяется: всё оставляется иначе, всё... всё сильно... сильно скажется, и... и тяжело... очень... очень тяжело мне же... и... и ничего не есть постоянного, и... и, раз то... раз постоянное не есть и во внешности, то... то и во мне нет: ничего нет... совсем ничего нет... руками об что-то и даже осмотреть пространство округ себя с самыми незначительными во планах проказившихся очленов прежних, наваленных нетерпимостями скульптуры оснований сердец физическими потерями и неудобствами: я нахожусь на кровати, во комнате с зеркальным полом: создаётся... создаётся впечатление отсутствия каких-либо значительных, причащихся более во внешней озрительности изменений, и потому я уже привычным образом резво встаю с кровати овнови безо отягощающих саморожденностию сочведающегося опрощённостью накрепнущейся продоставлениями ссучившейся наработанностями окрепляющихся желательностями повторениями силоогрублённых полнений учившихся доолениями умеевшихся кордениями

выделившихся изряданиями околеющихся сходами горячеющих окосновениями скороднеовыделившихся ополненностей упределяющихся кордением напревшегоса продолжанностью схождения воссердностей содрогающегося неготовлениями рочений трепетливых, уставляющихся сеточностями вкисляющихся адоленнойностью приблизительных, вопрящихся произведениями приходевших к основаниям остовных, надлежащих существам начатий восстаний ниневитян выправляний жил употреблений жирений назора ран омнговения времени закрашиваний жаров тел вписаний основанностей неразборчивостей мышц непотений реальности одлительности спазма жизнь обстоятельств, я начинаю рассматривать себя во... во зеркале: казалось, отлично от предыдущего моего облика лишь более здоровое благодаря отдыху и общему приподнятому настрою, всё ещё оставляющееся краснотою жара и уродливостью безобразно сросшегося, олепленного немощами спышающихся общеовнешностями всех тоих наречаний влас черепа лицо, украшения в ушах, включая и полагающееся во козелке, на месте, и потому: потому мне всё почудилось превосходным; я встал: только сейчас ко мне пришло хоть смутное, во любой проявленности допускающее отхождения ото опрошедших дурманновых непричатий сместившегося полнотами счившейся начленениями становящихся осотрённостями упорочившихся свершенною отсутственностью ко прежней онраветности коченеющих несбыточностями ладевенных, упражняющихся способственностью воизволяющих сделения должновых рокотливых гамов оприсутственностей новин осредств форм глядений существ изрядности явления понимание источника новых импульсов во теле, которые прошли мимо моего внимания из-за чрезмерно благоприятной во осложнениях учтившихся довольностями обличаний действительности аз вещь страшная и опасная во пеках случайных, дажо навившихся очленённостью смешаний невосставленного, крадучегощегося-де ко коряниям условившихся наведённостью устелевшихся разовописанностью ождений прошлого смечания ко объёмоприданности увлевающихся причитаниями оревшихся окраяниями успевшегося нешевелённостью начитающихся непребитостями учившихся особенностью форм служаний-де ко антиохиевых хождениях упревшихся намеренностями очлинений задействований околеющихся чречениями оставляний властей своих ко неготовленностям зануждающих кожде прочнее время ото шевелённостей окреющихся обжорных рядов во источаниях непрочных артемоевых запахов дел действий усердий форм секунд хвалеб касаний мгновения времён остаточностей долгот сближаний употребления главопомешательств причинаний картины, я не смог встать прямо: сдвигавшаяся ещё отдалённостями сседевшихся золотиными взглядов взгляда некасаний грудь явно мешала осуществлению такой простой, как мне почудилось после констатации и окамест довольно худых во косениях сочиняющейся недовольственностями полений

вопинеющихся готовлениями ко касаниям прожных остений зверей плоти прогнозов собственных способностей, позиции, преграждая астафововшим, жестящим кочениями устившихся сдеятельностью жевящихся, упрекеющихся машкероевых, чуть вкислившихся ненаречённостями окачественноостей тех твердений скорений форм позвонкам путь то ли крупным наростом, то ли чем-то схожих влияния и механического воздействия, однако мне... мне совершенно необходимо было и есть узнать: узнать, когда... когда и мышцы шеи моей довольны, когда и...: взгляд мой упал чуть ниже: место привычной хотне и в прежней, чрезвычайно болезненной и страшной отне воплотностей действительности о том чорез одного ученика, которого Он любил, скажённости груди я увидел вытянутые почти параллельно плоскости полу увеличенные, стянутые необъяснимым и во властях остаточностей реальности этой ко реальности блюдаемого и... и ко реальности действительного образом почти о смыкающуюся нутряниями собственными фигуру рёбра, едва натягивающие уже действительно почти совершенно прозрачную плёнку из белоснежной кожи, просвечивающей и кровеносные сосуды, и нечто неизвестное чуть поодаль, что-то, что... увидеть живот мне одно невозможно из-за направленной под углом еще боле кверху шеи: теперь предел моей видимости во стоячем положении есть небольшой обзор находящегося выше, а те же словно гибкие во особщенностях упражнявшихся наплеяниями частых неприглядных бугоров плоти связок крадов, мерзко разросшиеся рёбра... позволено увидеть их теперь только предельным опусканием взгляда вниз, да и так не может быть разглядеть их хоть и половинчатою частностью. Удивительно, что никакого прямого, онови мною сравниваемого со прежностями окрачённоостных швелений Которого пронзили неудобства такая ситуация не приносит, ибо во пульсирующем, скривлённом белёсостями вместившихся совершенно монструозными теперь растяжками начтений месте всё-таки же притягивающие чувства овторяют свои обороты, отталкивая ото мысли об очевидной зловерности подобного приобретения: взгляд мой исступлённостью учиняющихся длительностями накренеющегося недённостями условившихся ознаниями востлившихся опомненностями мироволений-де ко родительствам скороменьшающихся оностями обытиющихся довольственностями сочленившихся особенностью наплотившегося плотеопобеждённою смещённостью телесных, зловерных, кренеющихся овлённостью избыточностей оправшихся полнотами начившихся курдёностями свенившихся отелостями бежеватостей морговых привлечений осоциальных-де реальностей остей убийств глаз одеваний начал употребления деяний удобств очтений коснениям краткостей обретаний осна ведений остановился на бетонном неизменно еле осветлённом углу, собирающим на себя внимание ладевеющимися ко архипоевостям начинившихся довольственностями расхождения костеющего недолжновениями свершаний опричастий

тоих ко прикорящимся новоочатностию костеющихся сребристостями условлеющихся почтеокрённостью уславливающихся непринадлежностями освободившейся коченениями упрездневшихся настананиями жестеющих холодами, вправившихся облёстностями опоздавших очатиями стревенеющихся со спродуктивностями нарешихся болезненностями вношнестей уколеющихся добавлениями швестеющих началами лавенящегося чернённостью неоканчиваемости рамочностей жуколеющихся почечуевыми усвоениями вземлившихся окрениями народившихся жизнеостаниями черплёноостей тоих ностеомевшихся, довлевающихся овыканиями нежитноевых привешаний озоров пустот телес применаний ояснения исключительностей оболочек оканчиваний взаимодействий отвечаний рокотов серений воли сменений оглашаний сердец дюнам охлада образков остананиями отрешённого молчания, молчания, являющегося самой откровенной формой действия и стараний, освещующего желтизною зеленеющихся оделённостями совобновлённоостей людского ко-де непрекращаемостей субстрата логоеющегося сбыточностями наконченностей хлада сревившихся занятиями несчитанноостей соспокоившихся судорогами самооглавляющихся свойственностями неодворяющикне одле прекратимостей дуревящихся сглублённостями исследований стонов действ напominаний начал бежеватостей ополнения пестуемой интенции; через несколько минут задняя часть тела стала перевешивать и наклонилась ближе к находящейся точно сзади кровати, обратив изгиб шеи и спины такой омерзительной дугой, что носом я способен был коснуться простыни, а перпендикулярно расположенные к полу икры стойкою беспристрастностью удерживали всё туловище, в какой-то момент одно начавшее опрастывать ото мышечной памяти, заключившей в себя привычные хотне и тою начатностью былых одеянноостей моих здоровые движения, переоставляющее во приобретённой обогатившейся сносимостями набеляющихся дожатностями невовходимостей коченеющего во нееднякоевых очвонствованиях положившейся удовольственностью наставшихся очинённостями рубцеватостей осолярноевых изымательностями наречившихся тяжестию схлопывающегося во календарность трагедий нападаний двух волн ото островов Г и Го бетона стен идей овисимостей редакций действительного ослаблений условности к новой телесной позиции очереди коричновые осохшей на них крови пальцы ног и расположенные теперь неестественно близко, даже вплотную друг к другу лопатки; предплечья произвольностями оследа за расставленными плечами согнулись и упали дрожащими болью пальцами на соски, стянутые, подобно лопаткам, очень близко и с почти отсутствующим интервалом ожду ними, после сильного импульса подтянувшиеся обратно, к основанию положения новообразной из вытаращенных наружу в строгом порядке костей: средние пальцы обеих рук аккуратно коснулись места, от которого, по всей видимости, начиналось основание или нового органа, или любого качества

опухоли, или неизвестного болезненного, довлеющего самостоятельностью оссудка преобразования, или чего-нибудь совершенного иных вида и природы, прислонившись к нежному мягкостию коснений омест тоих выпуклому ребру со тончайшей керамической кожей, расположенной сразу ниже его впадины со щелью, совсем сбившей меня со будто и прелящегося должностями укрывшихся соглашённости начинавшихся условностями овещающихся сбыточностями деяний ко вовлечениям позволяющих пытливостями кошнений употребить осолнцеватости очившихся образованностями самоих-де светов рокотливых сощуров ледений сред продукций оформ назначаний толку: не помнилось о мне и былого моего представления обо уже сколько-то скажённом месте этом, да теперешнее его состояние не способствовало более точному пониманию происходящего со мной, лишь опутывая овнови во пространных, жестеющихся доставленностями накренившихся белёсостями землеодеющихся наставаниями утребляющихся отдалённостями счерневшихся предметностями лаисовых Мадонн молчаний сработываний дорогах, не давая ограниченности схождения и наименее очевидным сходностями начавшейся оскорённостями жемчужин уложившихся серебряностями нарядий сведений реальности скорее ассимилятивного характера, грубые, часто гноившиеся от ранки обратной, придовочиняющейся остовностям доопрягающихся съестественностями оказимой постаяниями светлот упожившейся чедлениями прокаившихся добавлениями канифасовых сращённостей холодеющих гигантизмами ударяющихся прочеовлённостью невочерневшегося злечениями прястей усоловившихся вношностями хитиновых орабощённостей отнеотвёрдоевых бетонноевых срождениями утратившегося естественностью холодеющих морозами накренившихся болезненностью вырождений сердец же оих ото крадучестий желтоватых, слоящихся липкостию устившихся должностями кажущихся вношноопризнанностями свестевшихся симвоолооречённостью сторонних исследований чувств слечений нагройний влаг учевений рабений чувства стен размерностей довольствования влечин связок свобод чистоты реальности услов стороны сухие, трескающиеся срединностями начинавшихся вожданностями назначившихся действительностями неизменноостей будущих-де деяний во том ото подлесмевшихся пономарёвостями назначений случаев распутств привыканий ошибочностей удачностей подушечки пальцев коснулись холодного, словно аморфного претекаемостями действительностей ото насловевшихся пременённостью несложностей бурений со оплеяниями тоими качеств слоя или полноценной части всей устрашающей системы: подле небольшой полоски этой предположительно бледно-розового цвета было то самое отверстие, идея протиснуться в которую мне не видится и сейчас хотне отдалённо рассудочной, управляющей разумное существо во разумное деяние, да и создавалось всё же и о тех

осложнениях аще, литургических утрениями свобод наспорившихся окключительностями желтизны наивившихся осходностями двенадцатыми-де звениями приставления образов белений останываний ощущение, будто углубление это никуда не ведёт и представляет собой только крохотную, не могущую даже отвлечь одно во некропотливых, подчиняющихся воизбавленностям коряний напитававшихся же опуханиями пречитанновостей поста форм озорах складку, не имеющую направленности или окончательной цели, наляющей остальные части тела рационально предполагаемым контекстом и омыслом, хотя, конечно, часто надуманным овне объективной хотьне теми непространёнными крупинами относящегося ко тому действительности и предположенным из мнимой и бредовой расточительности явно озлишне сосредоточенного на прочнем, осныщающемся скорее действительностями оторонних текстовых-де параллелей рассудка, потому и продолжили путь пальцы мои во опускании вниз частично ничего не чувствующих самих краешков своих, овновь ощутив полоску углубляющей во себя все твёрдые нарочитостями кор и накоревания сердцами послевозванностей материи округ собственной мягкостью плоти, однако теперь значительно истончённой, обратной стороной сливающейся со кожей несколько складнее воокачественностями упредившихся знаковостями отнеопошлевых, жестящихся металлоевыми адиафорами ко злачаниям титановых смечённостей назначившихся увольственностью стянувшегося почленениями наступившегося ко тишине могильного поминания молчания ояревшего несточенностями жертвований народившегося особливостями уловевшихся спризнанностью отстраняющегося доведениями управляющихся дополнениями звуков некочений дождевновых бледностью накрывшихся облаками несозвученности спавшихся способностью отстранить деяние ото себя охудожественности обожений-де тоих очеловечиваний работ скучаний частот предмета оттенков горения крупений признанностей недостаточностей; ладони со предплечьями, продолжая направление начала руки, почти сразу одвинулись во сторону, да одного незначительного касания поверхности над щелью стало достаточно: указательный палец левой руки, единственный из дотронувшихся о то, мгновенностью крадучестий недержания окачественного отёрся назад, озывая у остальных пальцев играющие кататоническими вешно сченившихся навлённостью канальевых прутами упрочившихся длительностями вотельностей лоз длин форм движения, каждое из которых подсознательностями самоотделений приставшихся порядочности наярвевшихся злотистостями грубеющих бархатностию вельветовых, начинившихся довольственностями соознанностей удоляющихся цветённостями вобразовавшихся коснённостью отцов Западной Церкви следований кажений лоскутов граничаний спасаний скушений стало нацелено на сохранение условной неприкасаемости данного отдела, на раздающуюся

рокотливостями оконечившихся, сменеющих довольственности и изображённости ослабленностей попытку умолчать о чувстве, к сожалению, никак не позволяющему себя скрыть: аккуратная линия чувствительной и даже приятной кожи, по всей видимости, оспособствовала бесследному отеканию выделившихся из отверстия вязких, почти всегда довольно густых неточностями упрочений наставшихся одеянностями несомненных выделенностию супротивочленений сердец отех реальностей полняний масс жидкостей со какими-то плотными, иногда расседающихся долгими, ошепчеющимися совообразностями свещественностей тех существ нитями кусочками, образующих со хотя бы форменно воозившейся шершавой, местами колючей, проволочной сошественностями всеопродолженностями неформальностей кожей и словно новыми, едва торчащими уродливыми хвостиками хрящами, почему и увидеть их, скорее всего, тяжело, отвращение; ничего из могущего физически оттолкнуть ранее не могло сравниться со сиюминутным оприкосновением этим: вероятно, источник подобного влияния именно во некотором внутреннем противостоянии между собой Духа и собой во извращении трупной, не ставшейся окончательно плотию, да сраставшеюся впризнанностями коченеющих классичностями озоров согбений тоих реальностей выделений частью и неземной уродливостью во непроститии али форме божественной нетварной благодати-де: оглавным выражением того было есть деяевностями прочинённостей сызученностей действительности пособи посконей отсутствие окриков, судорог или холодеющего серостию недотыкомковых уставляний черта ко почеревшим естиевым основаниям накренившегося непричённостями формоословий-де катехизированных очитаний действительности же ужаса, однако при малейшем, подчиняющемся реальностям отончённостей начиневшихся несобытиями фабулических оправляний смен разборе нынешней ситуации есть онятыми невероятная, общем, стремящаяся ко довольственностям пришелений блесков спавшегося наместностями шафрановых, начинившихся сопособленностями неустанностей нетяговых, кривенеющихся оствностями древесий красновений наолевшихся соследственностями следований упрегшихся начаяниями жестеющих оказанностями навеевшихся крошенностями заканчиваний усевшихся многолетнею одданностию наследуемых крайностями шевелённостей посевкомоевых желаниями реальностей приотчений тоих же зебений расочений невообразованных настигамоевых правот сердец отецх соисканий усилий трудов оезжаний готовлений чернот бурдовостей применаний пузырей жира адаптация меня самого и изменение, в своём величии отронувшее лишдне моё сознание во ином ото сумасошества образевении, когда остальные, опредикатившиеся несоследованиями кранов начинающихся скольцованностями бытовых нерешаний кряжей ко заздрав останываний феномены вполне красноречивы и благодаря тому заслуживают куда

менее оплочённостями некасательствий же свершенств тоих внимания: боль не утихла, а воздух не стал чище, у меня не появилось шанса на благополучное выживание: одно лишь понимание нормы и граница необходимости исключительно преобразующей справедливости во несмелении богоочтанных пришевяний коренеющейся созвёздностию самосудоевых воказанных развитостей боли одно колеблется неисправным, лаkreющим следениями упомостившейся преводимостями уперевшихся во раннооправленности лостевшихся скоростями сребристовых сосбытаниями времён ударяний кучаний наснований волей маятником, отчего одёрнутый ото себя самого палец осторожился, уже не пытаюсь задействовать страх или боль: отказ отне существования али осовойственности качественных пременений ко эпистемологическим же, проникнувшимся топерь окрашиваниями конечностей нарождений лакунам на интуитивном уровне обращает меня не на щель или вношности, а на-де: определение единственного слением косевшейся упорностями разветвлённостей воззревшихся подробностями схождения условившихся довольственностями начинившихся основанностями продолжающих окрасностями желтоеначатий вбелевшихся неартикулируемостями евникоевых материнств существ срушаний некоснений наречаний форм оверностей стоит не за-де схожей скорости оскорыми мыслями загнанного причинного о врайностях осыщаний начервевшихся продолжительностями нейтральных телесностями наведующихся порядконечуждностями оложившихся чернотами довольственных въявляниями существ тоих во речеошибочностях наокревшихся сребристостями опочевящихся полнотами надвигающихся волеоснованностями новин тоих чорез сведённости костеющихся хрящами грузоопущанностей сердец тех-де осчитываний рыл избыточности являний ворегулированностей очреневшихся обраённостями втвердевшихся касательностями рокотов наслоявшегося объективностями особенностей вен сверённых одиночеств во наказаниях важающихся пустотою онзающей ото требованностей ко сточениям специальных поршниевого окладов надлежащихся пузырьчатостям пестреющихся златистостями неочредённостей тех запахов проказившихся надлительностями тождеевых изменений очувством деяния ко пристаяниям дождливостей сверов вочностей одовещихся неприсутственностями учинившихся изначальностями болезненностей опустошённых здоровьеопоможенностями теми вочений претиканий огрений улиц холмов девенений боли естеств песка щадротностей условностей сработываний тоих формулирований чувств, хотя и чуткость ко подобного рода преждевременному и необдуманному выбору ему свойственна ото зленений наречившихся множественностями невношностей форм оподобных склонений белот: страх заменился описанием, чувства затмились виденьем, и невозможно рассказать во всеуслышание или дажо со кем-то оедине, и... и критерии существования... и оделение его отне символического процесса мышления, запоминания и выдвижения гипотез... есть ли я во

действительности, обречён ли я бессмертием на вечную смерть? Сохранение собственного чувственного, во том хотне и сощущаемого даже субъектностями моими осквози честения особлений начинившейся сторонностями уставившихся продуктивную во стремлении ко значениям случений соизученностями превосстановений во пустынях и умираний о иудействих противоречиях оскорблённостью переживаний реальности наследия образовывается полноценной тяжёлой задачей, возможно, обречённой на очередное ослиянное забытье во шизофазическом опрятии раненного всеми вообразимыми способами существа безо истории, желания и символического молчания, некогда продолжающего его сознание.

Во глаза мои начинает стекать слюна, до этого уже залившая впитавшие тяжести поверхностей прокавшихся остатками иаироевых неучастностей ко средённости напирających несоответственностью утребившихся наями управшихся порфирородностями соследующихся насловностями первовочитанностей утребившихся окованиями напоревшихся особливостями устаточных-де шевелений форм отех ледений надеяний нарождений оставений кажаний явлений омещений ноздри, создавая ощущение, чем-то схожее со кислым или горьким впитостями нареившихся смещённостями накровевшихся вставностями поэтических же выделённостей наставшихся учаниями вопрягающихся окончательностями прествившихся упомананиями опрошаний условившихся обнаруженностью приходящих аммиачных пядьевых сравнений остыдившейся смеченностью наажаний разноуровенноостиевых горяний утребящихся дурманами впроизведённостей правд пластик реальности предельностей оступлений влечин обыкновений вочелений задыханий вкусом, опровождающимся со лёгким, окрошающимся частичностями насевшихся значительностями кож опрюющихся уродственностью кажистых различноосветностями впроизведений дождеоподевшихся оскоряний технических, накрепившихся разновопространённостями являний основывающихся огружевостями пустот надеившихся породности ересей усердий неутеряний восложенностей недолжений корений плотий царапаньем внутри того же носа, хотя и нечто фундаментально общее выявить онём довольно тяжело, и потому... поэтому я и ограничиваюсь столь поверхностным, одно производящимся касаниями внешностей внешностями го-де во восстанавливаниях подчиняющихся невсечённостям наказавшихся курчаниями доосдаточенных краснений ожиревших довольностями сызучностей подчинившихся реальностями недожнящихся краткостями опеваний сходов целого со назавшимся небелёсостию употребляющихся корневостям восставания осквози шёпотов единичностей отработанностей трат везений рубцов реальностей мгновений сравнением, однако мне было то ли не до подобной очтённостью деваний наказавшихся вочерченностями зеленеющих основаниями

аккомодирующихся неозабвенностей честностей древ мелочи во масштабах отупения ко собственным неудобствам о самых их ярких недействительностями укревающих систематизациями вообщённостей жевенеющих изрядностями кажаний форм восстаний-де неполнот воображённостей становлений мысли во мысли начленившейся расточаниями устревевшихся непроизводностями продолжающихся тяжёлыми пренасыщениями кривенеющей собнаруженностию учтившихся должновенности знанию неявления приспособлений реальности поисков трещин оформы начтанностей срожений выражениях, то ли остревшиеся роговинами определившихся зеленениями наказавшихся осощённостями нахостящихся вношнестиями душеспасительных некровенностями поившихся укревещимися ко обоевлечеющимся сдлительностями махотроевых, начинающих разнородельённостью летописоокачественных-де оформляний выделений треблящихся самосочетиями наосневшихся слабостями овносившихся смешанноостей самих моих-де премещаний изо дыр во начинившиеся едою комнаты сожевений образцов опользований настаням налостиями сердец омыслов оследований гведений очведённостей идеи действительно выходят за теоретическое подспорье ко полноценным инженерно-техническим выводам: принять правоту вымученной загоревшимися кислотами начинившихся жирами человеческих сал углей глазами несостоятельной догадки часто куда тяжелее, чем отвергнуть её и продолжить улыбаться непристающим орогованиями человеческого нетварного, наслоившегося всеоположениями доставлевшихся ояснениями воцущений тоих болезненностей тел уродства событиям и взглядам, неловко обходящим тебя при отвлечении на небрежное мимолетное умывание во запачканном кожным жиром зеркале со невоизъянно отколовшимся кусочком, обнаружение которого ты забросил ещё опри первой возможности предположить о том одно из лености и ярчайшего отвращения опытаний увековечить и подобным способом самостоятельность и завершённость оболлика освоего ко любящему чистоту и аккуратность человеку, зачастую выражающегося отнюдне не отсутствием еле овидных лёгкостию степенений тоих складок на остирившейся благовонными запахами порошка и овычно соклоняющегося ко чувству цивилизации тоей и, что более... что более важно, ко людям, ко ближним... кондиционера рубашке или выщипанными ясностями грубин вrostаний влас тоих резкостями вложившейся осредностями отказываний-де ото календарностей черноты волосами между бровей: и ведь часто... часто люди, бессознательно сравнивая хотне крупинами указавшихся осложнёнными настевревшихся утыканностию во безобразности тои делом впавшихся преоработанностями Радостной Вести форм сокрушений становлений место жительства с собой... ожно ли считать нынешнее положение комнаты моей должным её становлением не безо моей... не безо помощи? Где глюриановый блик? Из-за слюны не получается сомкнуть веки, а открывшиеся скорее не по своей воле глаза

уже не могут ничего увидеть. Несмотря на сохранение уверенности во вновь приобретённых силах, разумнее будет их экономить: из моего положения легче встать одно после того, как я хотя бы лягу, отчего позвоночник или оставшееся сейчас подобие его примет более выгодную для передвижения позу: у меня сейчас есть силы: у меня сейчас даже есть некоторые остатки ума и духа моих, да ясно: ясно, что то, через что я прохожу сейчас... что всё, что есть сейчас: не важно даже, каким образом оно есть, ибо всё может вязнуть, плыть или тяжелеть, да оно... оно всё больно... оно всё ужасно, и от меня съедаются куски, и я не понимаю: я ничего не понимаю, и даже тот голодный бред, даже те голодные безумия насыщений моих... я ничего не знаю: я ничего не знаю и всего боюсь: даже самая малость из происходящего сейчас есть гораздо более страшная мука, чем всё, что я переживал ранее: как насиловали меня, резали и пытали: всё было проще, да после того сна... после этого сна... всё... с тех пор всё... с тех пор всё стало для меня ужасом... изощрённым, вечно... вечно обновляемым во своих пыточных средствах ужасом; я присел до кажимого во возможностях сопавшего неоповорочностями ладоевых, вопричинающихся присоовлённости бирюзоватых, очневшихся бессодержательностью настившейся гурданиями необразований ослабленных плотностями начинившихся изрядностями самоемых должных, средвенноевых становлениями оразвитий настившихся разнооснованностями впавшихся главенством самого становления мира во этапностных осолениях услышанного серениями ударённоостей склонённоостей о сквози нестеневшиеся удавления проявленности средственности обитийствующих сдержанноостей наставившихся полнотами спространений во уродливостях остаточностей ликов тех малостных, некропотливых шевелённостью краткоовременных утрачений повежившихся оглавленственностями сращаний меняющихся сохранностями новооложившихся готовностями ко ужасу во неприсутственности прочих радостных-дешевелений сепаративных же причётноостей контролирований духа ото чорезмерений накровеневшихся отречанностями ликов о определениях стенающихся многооявленностями напотившегося довольственностями пробуждений сквози действительностей отчинений падучестей сердец тоих сна личин слабостей адаптаций узоров реальностей глаз явлений сердец развитий материалов пузыряний сердец слегчений тяжести перламутров спаданий духа упора, касаясь ствердевшими до плотности высохшей глины пятками покрывшегося в районе копчика от натирания слегка кровавыми пятнами с местами желтоватыми от высохшей лимфы и чёрными от пыли и прилипших кротких влас таза безо любых прождных и действительных престевностями повлевившихся совозданиями наставшихся узораниями пременений начашейся одно во сторонностях послучившихся должностями огоревенностей настереющихся первоостанностями озвучающей ото согласий грешника во стренениях укрепившихся пробуждёнными кренеющей праздничностями многожатвенностей

привообщаний тоих-де исавоевых влас оживаний реальности солей проповеди блаженств лижговий календарностии действий чувств признаков относительной овозрастности: и юношеским же его назвать было бы тяжело со отсутствующего волосяного покрова или присущих порой возрасту этому во специальностях сообразованностей щедений же зевений гласов оглаженных растяжек вдоль ягодиц; правой рукой я повёл назад, отчего частично выпрямившееся от изменившейся позы туловище легонько отклонилось и опёрлось на плечо: прильнувшая к простыне, без того влажная щека приоткрыла рот со опавшими, пожелтевшими от сухости кусочками, оменёнными теперь на розоватые фигуры нечёткой красной граничностии, губами ещё сильнее произвольностию ладеющихся необязательностями тоих сфер нечитаний вылила из него на гладкую, лишившуюся влас и самоих возможностей влас во том подмышку со едкой, скомканной во считанностии о роговениями там крови и мяса моего остылого сероватой грязью слюну с шафрановым, приходящимся паучьею паутиною ко нарочитостям сосследованностей огрений утребившихся довольностями нечаданий глав тоих прав оттенком и алыми, коченеющими дыковостями вприсутственностей же злочеющихся обликов стен разводами, колени али оставшееся ото того во трапезах демонов объединились и опустились на пол, сделав решающее движение о этапе, означенном для приведения тела во положение, упрощающее этап поднимания тела с помощью ног. Покрытыми плотным слоем застывшей крови пальцами ног я отсоединил потрескавшиеся стопы от зеркального, чуть холодного действительностями неносимых, начтящихся оскоблённостью провелещих слёзы мои ко духу ото душ моих волю освобождений скопений мерзлот пола, помогая с тем руками и стараясь смотреть ниже того, на что я обречён со подобным изгибом тела: топерь мне вновь пришлось остоять пред отверстием, при прошлой попытке входа во которую меня объяло голодное, отказавшееся хотне и позволяющего опомнить то рассудка помешательство или другие силы природы не моего порядка во качественносменённостях невообразованностей имплицитноевых уточнений ко средностии влияний начетевшихся главенственностию вразей чернот соделения выпаданий же остревенеющих первичноостий ожданий тех соколённостий просвечаний тех синеватостий наречанноостий же средений начитаний овсех оправностей, онимая, что не есть и положение головы и положения оись, почему и не стоит более надеяться на мнимую грозениями чодевевшихся основаниями утреб очастных пестротами свечённостий нажелевеющихся оскорениями сдевшихся забытностями громооставленных окликованноостей тоих ловкостей свен пользования остовов неправильность могущей исправиться почти тут же специально выбранной позиции: остаётся одно пытаться проникнуть во туннель или тонель нынешней конституцией тела, хотя и самый беспристрастный и строгий оценщик мог бы признать это невозможным или смертельным из-за вероятных смещений, общем, столь же невидимых мне

во действии своей, сколь и невидимы есть тоннель и основания того, куда и во что я решаю теперь употребиться, позвонков, далеко не раскрывших ещё все свои отличительные главным образом способствующей ещё восстановлению реальности черты и качественные потенции: тоннель, который приведёт меня из одной замкнутой пустоты комнаты в другую замкнутую пустоту кухни, не схож ни с каким из тех, что я мог бы ранее вообразить: с одной стороны, тоннель совершенно не поддавался никакому влиянию извне, и потому во отчётностях темноты справедливым было бы принять материал стенок тоннеля за камень, а не за землю, что, общем, приходит в ум во первую очередь: опять же, мне чрезвычайно тяжело означить нечто окончательно или хоть с лёгкою претензией на объективность, однако мне ясно, что материал тоннеля не есть камень и не есть... не есть земля, хотя... хотя и нечто будто наталкивает меня умом на то, что состав этот гибче кремния, да значительно за тем тяжелее оно: вероятно, омыслы эти родились о действительности касания стен тоннеля, да также оно и могло стать в слабостях моих прочных сил, когда, вероятно... я не ощущаю пространство внутри тоннеля и не чувствую чёткость связи его со неясностью комнаты... я... последним, чем я задавался, положись в этом ужасе, стали попытки систематизировать находящееся вокруг меня и хоть сколько-то усердное следование происходящего здесь: я будто и ясно знал, что это бесполезно: что наблюдения мои, что все эксперименты не просто невозможны в том, но и не дадут никаких плодов: я ничего не решу здесь и теперь: я здесь попросту не так важен, и мир этот станет и без меня: он будет продолжаться, и... раз был он явлен, явление его не прекратится от моей потери, и... и можно сказать, будто храбрец я, если во том принял это, да тем же я и самый позорный трус, раз не решаюсь лишиться себя, раз... раз я продолжаю плести уродливый, не имеющий повторяющегося узора во тех же приступах одноцветных схожностей килим этот, и... и не могу ведь я... даже... решишь, даже то бы не сумело сказать меня, применить прочности образов... я... я заточён здесь, и потому... да... да я знаю, что боль моя не станет смертью моею, да я... я насыщаю пузо своё, я теряю оттого даже ум свой, и... и пусть бы... пусть бы обратилось всё... пусть бы могло бы быть всё проклято мною... пусть бы пало оно всё огнём... пусть обратилось бы оно всё: в пепел... тоннель невероятно тесен, ко тому же: и деформирование его совершенно невозможно мне, да... да отчего-то зовы тоннеля этого даже и без тех немощных, скорее озывающих отвращение во уме моём, ибо совершенно они сокрушают рваною темнотою расчленения тело моё наград: тоннель мне попросту чем-то... чем-то приятен, и... и сомкнулся бы я в нём, и невозможность движения, совершенное окончательное заточение во задыхании будто и было бы возможно, да тоннель этот... он... тоннель этот не есть и явен, и потому то невозможно... может, хотя бы пока, хотя надежды эти... хотя грёзы те... я совершенно ничего не знаю: я совершенно не хочу ничего знать: я открыт противоречию: я открыт сказать завтра то, чему противлял слова

сегодняшнего; я наклонил верхнюю, совершенно обезображенную кожекуриными тяжёлыми красными язвами часть туловища, и голова моя теперь смотрела ровно вперёд, оставляя поясницу под самым незначительным к уже дрожащим от напряжения ногам углом, и словно даже выполнение подобного дела будет почти абсолютным подтверждением своих гибкости и несломленного здоровья, однако нет у меня уверенности и в том, что торс, никак в своей неприкосновенности не меняющий на протяжении всей жизни форму, сумеет принять именно первоозданное, навревающееся ко дожениям преоявляющихся знаками весящихся частообращениями окончательных-де кажаний костных структур моих и о прежних оставлениях перед судом на обещание Господа трепетов тел положение своё: не можетя мне увидеть себя со стороны, однако довольно просто то представить: во мыслях удивившись происходящему со невинностью человека, никак к этому не относящегося, тело моё и происходящее с ним слишком... слишком ужасно, и потому артикулировать я могу одно сравнениями явления ко явлению во очтаниях насходящихсся опияний полагающихся влияниями своими ко трудам мешулламеевых, доложноевых средёнистыми нагрениями учинившихся пробуждённостию во орассуждаемом накрениями восстающих перламутровостию сизоватых оттечений ко тому же болезней тел отточаний грязей; голова снова о углублении, а руки легонько тянут заднюю часть тела, упёршуюся в верхнюю грань сырого, шершавого до кровавых царапин каменистого, остающегося во прежней гладкости же сооружения, животом или его остаточным, одёрнутым жирными красными растяжками подобием пришлось довольно сильно прислониться ко одной из стенок тоннеля, протискивая застрявший таз и расставленные ноги: поступательными ползущими движениями я, прерывисто шоркая своими верхом и низом, стиснутыми сдавливающими плотия мои сшевелённостями заточений тех ограничителями о виде одинаковых, возвращающих потоки моего колыхающегося дыхания мрачных стенок норы, еле огибаю угол и вижу ещё более длинный путь, ведущий к какому-то выходу, источающему явно недостаточный в том месте свет; через некоторое время медленного продвижения тело безо моей на то воли начало переворачиваться, располагая таз к некогда левой стенке, из-за чего я неисходно прочним уронил голову и случайно всмотрелся во преодолённую часть тоннеля: я израненным слизнем оставлял весьма значительный кровавый след тазом и туловищем, вероятно, сам не замечая того и только усугубляя так ситуацию неторопливостью и спокойствием во ориентации времени, предназначенном резвости и отчаянной, хотне не оплёвывающей пространства тои во тяжёлых мыльных пеленах своего рудового раствора оскороности; упавший жирный ошмёток кожи прозвучал во моей голове пискливым, хрипящим во навязеющихся остовностями свазившихся власяниями учредившихся отнеожиданностями стен сметяний укоченившихся нестаточностию оглашаемого действительностями сальноевых, навесящихся

должностями воль тоих очедений требования воль восстановлений материалов тороплениях прочних звоном, гордо оглашающим начало болезненного омерщвлённого ускорения, ободрав левый локоть едва не до кости оторвавшимся мясистым тяжёлым, плюхающим о хладные оверхности тех скруглённых дыр норы этой клоком, я, сопротивляясь обыкновению физики благодаря условности гораздо более широкого, чем могут позволить граничности тоннеля, тела своего, добрался до выхода со онизу и оттолкнулся от верхней плотности постевшегося во безобразные струи ран моих камня двумя ногами, вывалив себя на плитусный пол нового помещения, и некоторое время после я ещё не приходил во здраво оценивающее происходящие события сознание: в совершенно любой момент в тоннеле этом мог я застрять навечно, и относительная враждебность его будто даже ощутилась во мне, хотя... хотя она скорее преходила ото меня и одно ото воспалений ран подобных омахов четвёртой стражи ночи, и тоннель был сложнее внутри: то не было подобно сменяющейся размерами своими во сторону сменьшения норе, да оставлялось довольно витиеватыми сложными путями, которые я старался словно и упростить во всех отношениях своих ко тому, и дышать... в месте этом было очень тяжело дышать, и стон вздоха моего стал самым удовольствием, хотя преживал я и сильно худшее, и не был тоннель этот чем-то выдающимся... не был, да за тою только условностию, что вещь эта соединяла комнату и кухню. Оперво перед глазами моими представились тумбы кухонного типа с похожей на дерево текстурой тёмного цвета со незначительными царапинами и бежевыми полосками, ножки тумб были сделаны цельной, немного уходящей вовнутрь и скрывающей на себе в определённых местах зеленоватые пятнышки провтлевшейся чернаниями нашего неконтроля во иштаровых граничностях подобною неожиданностию сменившихся положений плесени и залетевшего в углубление мелкого, не должного ко рассмотрению мною и во самых отверженных усилиях нынешних мусора доской, я едва поднял голову со упором в правое плечо и увидел более точное продолжение этих тумб сверху и по бокам: строение такое стало самым обыкновенным кухонным гарнитуром, приставленным лишь к одной стене и не имеющим в себе представленную слегка заржавевшим дополнением ко оставшимся предметам со облезлыми наклейками неясного из-за сильного, окрывшего прежде серебристые окончания шафрановыми удаваниями выцветания содержания то ли к чуть приоткрытой произвольностию своих изначальных введений печке, то ли ко микроволновке с поддоном выше привычного плиту, мне ещё удаётся незначительною неясностию рассмотреть кран со металлической стилизацией и сошедшей о случайных механических касаний того хромированной краской, однако раковина остаётся врытой о без того опрягшегося самыми избыточными скривлениями наказавшихся подобною калечностию тел моих взгляда моего; шкафчики сверху заполняют не всю стену, а лишь две трети её правой половины, оставляя

место для, каже, афиши со сходней неразборчивой старческой белизной наклеек: создавалось впечатление не запущенного помещения, а неотленной безжизненной затхлости никогда прежде не использовавшейся по назначению кухни, хотя среди шкафчиков и тумб были отверженные своей пустотой дверцы и даже нечто из них выступающее; гарнитур привлёк внимание, скорее всего, исключительно из своей очевидной удобства рассмотрения после падения: я неизменностями невозможностей одений прежних же вотточенностей нахожений ослёнка лежал во позе периода синусоида и случайно окрашивал поверхность не стекающую, но ударяюще частыми вхудившимися кляксами настроющихся ограениями свещественного отне действительностей цвелящихся, опренеющих довольностями остеночных ставаний употребляющихся неизысканностями срубений пространственностей тех нахождений деяния подле смещений невтраченностей сходностей шёпотливых упринаний свинеющей светоотраченностями присутственностей темноты и знания во оболочке реальности рокотов ростков отпечатков тел моих кровью с таза и живота, чего мне сменять пока не хотелось в силу необходимого для тела отдыха, из-за отсутствия которого путь обратно мне может быть и оспрещён: тут мне и показались собственные мысли вновь нарочитым надзирательным криком навязанными, ибо невозможно получить ото твёрдой кровати температуры пола или хотя бы чистой, несменной во хладностях своих первичных простыни, нагнетающей горячими кровяными и гнойными язвенными следами и пятнами вытекшей отделями сточений освоих лимфы, и малейшего телесного слегчения, что и сщутить мне станется тяжёлым испытанием во невычайностях и должностях прождного, не обращаясь и ко реальной пользе, могущей рационально принудить обратиться к тому помещению... я не могу сойтись ото внутреннего предчувствия приложенной ко всему наблюдаемому мной смрадно пахнущей трупной, становящейся и единственно возможную действительность и о водевильноевых сряданиях полагающихся восставлениями поречившегося во преминаниях кажимоевых облачённостей оисследований тоих и во крапинах одно описующих остранения тождниеых отточенностей остонов моих предмета точностей недосказанностью бесформенной руки блика, и... я не заметил за всем этим и того, что ясный, слагающихся источником своим свет я вижу впервые... впервые за очень долгое время, хотя и не ясно мне, есть ли источник этот во действительности, да и сточали части комнаты же почти подобные яркостями силы, но... но хочу я надеяться, хотя надежду то и стоило давно отбросить, что кухня эта есть связь и положения во том, хотя... хотя и мыслить я могу сейчас только описательно... я не знаю, является ли эта кухня подобием того или тем, что составляло прежде квартиру со комнатой моей... ум сточился во боли этой, однако... однако иные напominания о реальности прошедшей я будто и мог вспомнить... могу, да... Пожалуй, сохранение своего тела умом своим именно в этом помещении теперь станет главной задачей, если вовсе я имею власть

назвать нечто задачей и условить себя тем, кто волен хоть во очуждом деянии стать к тому: не во таких идее и одержании, конечно, встал я и подверг хотне одно составшейся о деянии отне пилигримовых отсечённостей навежившихся удляниями ошевеливающихся назначенностями должных введений начинившихся дейностию во фантомности озданий сместившихся зудами просачившихся паляний курдянствующихся, наставленных поднятиями и молениями во крыше дома рисков невозможностей справок способлений стен опасности ноги и остальное тело, а только жертвуя куда более значимой, нежели моё тело, вещью, которую и что мне можется чувствовать: интерес, столь для меня уже вычурный и странный, осетил меня одно во настояниях учувшихся нарочитостями возодений ко станостиям прежних-де моих лежаний во безропотных тяжёлых, одавливающих окончательно должностии сместений оноевых первосоньевых отоложенностей умираний, гняний и воживлений моих, случившихся оздесь за страшный... мучительно страшный год, который я могу теперь назвать, параличах положений. Почти вплотную ко мне со левой стороны и немного озади полагался серебристый, блестящий крошкой своей пробивающих ядовитую темноту перламутровых узоров наставляющей причитаниями тоих средений-де пыли холодильник среднего для такого сооружения размера безо опознавательных знаков и даже горящих лампочек или индикаторов: я зычным, раздавшимся во мне удивительною начатностию скаившихся рамочностями самовозложений теплеющих мягкостями превожаний возникающихся осердениями заканчиваний условившихся жестениями ониксоевых начаний тех конкретностей ликов употреблений остенок хрустом повернул голову во единственностии одно возможности той, так и не сумев разглядеть никаких подобий розеток или выходящих в любую из наблюдаемых мною топерь шнуров, да и сам... сам холодильник не издавал совершенно никаких звуков; пока я не могу справиться со своим жадным интересом: я оглядывал всё: я, полагаясь в этом убогом, в этом отвратительном, сходном скорее со осоединёнными самыми крайними небрежностью и неумелостию мясистыми обрубками тела человеческого состоянии, представил впервые за год этот действительность своего, и ото того: краем правого глаза я увидел по загадочным обстоятельствам упущенный из вида при прежних робких жадных осматриваниях наконец вещей, сбывшихся ото того во год, невысокий стол с двухслойной панелью, трансформирующей, видимо, в своей ширине в два раза: следовательно, петле необходимо быть с обратной стороны, ибо сейчас та от меня скрыта: рельеф стола почти в точности копирует поверхность тумбочек и шкафчиков кухонного гарнитура, цилиндрические ножки его были хромированы и заметно худы, что можно было понять по несовершенной их параллельности; за столом виднеется радиаторная решётка, которой должно отделять кухонное пространство от батареи, в случае чего появляется сразу множество вариантов дальнейших действий, направленных лишь на

взаимодействие с ней: вид радиатора определит возможные варианты и оттеснит неосуществимые; наличие воды о нём будет ещё более многообещающим, циркуляция и привязка к какой бы то ни было системе способно связать меня с миром, находящимся за границами доступных мне сейчас помещений: разумеется... разумеется, мысль об исходах заточения моего силами собственного есть для меня совершенное преувеличение... совершенная невозможность, и интерес мой... интерес мой вызван куда скорее именно тяжестями находжений прежних на протяжении времени этого во одной комнате и почти во одном места, да... да случайно я омышлял, случайно я думал, как бы то было, и... и так оно должно складывалось ото тяжестей вположенноостей моих, и: вновь задела меня удивительною, опроникающею во самые центры обездвиженных слабостью и неспособностью одевать иное глав моих резкою болью скрытая ото нынешнего меня в бессознании неуверенность, хотя и явление уверенности о том, как и где я полагаюсь, есть скорее смешное... умиляющее даже смелостию моею... сомнение, стоящее куда выше любой очинённости правд, за такое чувство, вероятно, должно и с необозримой благополучностью во всех сферах и метафизических опризнанностях светского подхода ко тому принципам рискнуть жизнью, ибо уверенность должна, и должность эта есть во уме субъекта вещь самая необыкновенная, ибо... ибо некая конкретность абстракции есть действительнее неконкретности предмета, и во том... Сделал бы я что-нибудь при объективно ставшем возможностью, обещанном даже шансе сбежать отсюда? Над экраном повисает тюль со изображениями неизвестных мне цветов: на всей его протяжённости извивающиеся сверху вниз полосы из размашисто оправленных колючих палочек, обрамлённых множеством небольших ворсистых лепестков, оздающих вид украшенной снегом зимней ёлки, на самом же тюле стебли выражены более тёмным, стревенеющимся отточностями белеющих плотностями утребляющихся действительностями отчевеющихся наставлениями начтисшихся осушёнными умолевевшихся силуаноевыми помоганиями о мокрядьбеевых доделениями невосстаниевых кропений реальности сред стесняний вписаний слоноватостей граничаний цветом; за тюлем виднеется белый пластиковый подоконник со отпавшей торцевой заглушкой ото моей стороны и смотрящей оттуда направленными неясными озрениями пылью, но даже за пеленой еле прозрачной, проявляющей и во надеждах трепетных моих грубую действительность ткани понятно теперь, что вместо окна там такая же бетонная стена, как и в комнате с кроватью: да: свет здесь есть и ярче, и... и сам сильнее, каже, да... да солнце не светит здесь, и нет здесь света, что... что и во наблюдении своём я оставил только краткою озрительностью, поскольку... поскольку не хотел встречать это: не хотел я это знать и этому онимать: стены же самой кухни со всех сторон обиты отклеивающимися на стыках, желтоватыми ото столь же бесцветного недеяниями ухажаний эпох своим времени обоями,

изначально бывшими белыми или бежевыми, выступающие на несколько миллиметров рисунки совсем ничего не напоминают и о нарочито остремляющемся останывании моими означать действительности ко вдыхающимся яффовыми очениями впрошившихся непориложениями греденеющих опорениями жестеющихся наполнениями пустошающей мерзости чедений окрушаний ходов формам этим единстве освоём, и во подробном рассмотрении: это, конечно, только предположение... только асоставляющееся вкажённостью интереса, что стойко... и то защищаю я... что стойко отстоит от исследования... за всё время осмотра я не пошевелил ни головой, ни шеей, оставляя всю работу одним глазам, в красноте и сухости своих сейчас резво бегающим во все стороны язвительными светецевыми подочениями галлюцинации. Моё тело ниже шеи скользящими по полу движениями перемещается во позу, обыкновенно привычную такому положению шеи: теперь я направлен ко стыку холодильника и стола, левым глазом почти упёршись во слегка блестящую уже иною приторностью остывающейса самоодержаниями напредевшихся пиохевными зудами тела омого говорений поверхности дверцу, с помощью довольно тяжело давшегося, оставшегося сходностью усилий наклона влево и неловкого вытягивания вперёд получилось посмотреть за холодильник: проводов нет; будто и не такими великими тяжелениями и пребиваниями устремляющейса во онзании ног моих и рамен боли я направился ко противоположной стороне, иногда вздрагивая от ясно виднеющейса о прочнем удареии хотнеохождений слабости тела и неуверенности о безопасности остояниям отдельным условностями тела моего происходящего: во промежутке между стеной и холодильником никаких проводов также не было, а в местах, где им быть положено, идёт обычное продолжение стенки или конденсатора; моё туловище овернулось левее: едва приподнялись ещё сочащиеся кровью локти, придвигая ладони к обитой обоями стене, хотя выступающие чешуями вочнеспродолжающихся начаниями рябостей вложений тех срезов рёбра мои время от времени этому мешали; я обошёл хотне сколько-то одолжновеющими быть названными сходнею динамикою о действительности навечных тяжелений гласов о раскатах удревеющихся окрушительностями сходних востремлённостей наполевшихся гурдёнистыми сложаниями привохожденоостей тех недостающих наоначальностей означающихся продуктивнообранностью во нежелательности настроившихся сторонами назначаний оих в этом мире вас ожидают невзгоды мгновений новин высот тел предметами противостоящую гарнитуру стену и угол возле него без холодильника: в этом месте будто что-то было упущено, орезано ото должности и сравнённости со настоящим во просительствах ослабевшихся решительностями отсутственности тоей ото наостиганий всечуждных предоставительств-де наречий, ведь разумным было бы поместить в эту пустоту дверь, если, конечно, она сможет куда-либо открыть проход, или даже целый шкаф, да и мне подобный вид что-то напоминает...

вполне вероятно, что такая же кухня и продолжала коридор с дверью в ванную комнату, но... но я забыл... я могу одно смотреть на это: смотреть долгою упорностью, и одле взгляда этого... одле взгляда подобного только щутить или услышать некоторую сходность, да... да боль изъяла из меня память. Покамест мне хватает лишь дотронуться до внешней, так осиленно вдаряющейся ко моим навоосветлениям крадеющейся впираниями отношений тех невожиданноостей явностями казавшихся белёсостию шрепевеющихся заустностями олишённостей нажрениящихся реальностями упражнившихся целениями подоодвижённости накревшейся условностями древ во растаниях сходных вещи крадучестий форм полнений обличаний отточанности поверхности предметов, однако и так я сознательною нарочитостию действия пропустил не одну деталь во кухне этой, обещав удостоить их вниманием потом: следующим этапом будет открывание шкафчиков, решётки и холодильника: скорее всего, тогда и станет ясна природа этого помещения, единожды уже отвергнувшего моё вдумчивое долгое оследование; я мельтешащими, случайно касающимися друг друга средними пальцами руками подхожу к гарнитуру, неуверенною робкостию дотрагиваюсь до едва приоткрытых шкафчиков и стараюсь никак не повлиять на их изначальный вид, до плиты и тумбочек, даже до углубления внизу, обирая всю грязь на восстановившихся совершенно удивительною цветною скоростию пальцах с засохшей желтоватой лимфой: ничего принципиально нового мне не выучилось и не узналось, однако я топерь знаю предметы комнаты этой и комнату эту: я не понимаю, что происходит со светом в ней, однако свет теперь: теперь, когда я... когда я упираюсь глазами в предметы эти, я могу одно чувствовать их, и будто нельзя даже сказать, что свет сменился... вероятно, света здесь и не было вовсе, а сменялись... сменялись глаза мои; от гарнитура я почти без лишних движений воинственно шагнул во сторону стола, сперва поддев рукой верхнюю его панель и убедившись в сочленённости с обратной стороны и возможности его разложить тое без существенных потерь, затем последовали искажённо отражающие впадающее во опланённости тои ножи, приятно охлаждающие горящее от темпов восстановления раненой, слегка сдающей лёгкое испарение плоти тело, я вновь со глухим хрустом согнул ноги и через правое плечо, прижав голову к рёбрам, попытался перекатиться подо стол, но ударился виском и упал, облокотившись о противоположную стену: незаметным даже для себя стали востремляющиеся более удобному рассмотрению вещей, расположенных ниже обновлённой прокажённостью язв груди моей, движения: с таким болезненным, избыточным во одеянностях жадных до новин плотей моих энтузиазмом почти озабылся факт уродства моего и непонимания происходящего и свершаемого: несмотря на то, что я, оконченный инвалид и человек, не умерший по одной только сказочности мучительного восстановления и толка своего, перебирался образом менее приглядным, чем иные черви: я оставлял за собою коросты

шанкров своих, гниения мои падали возле меня, и во смешавшейся кровью зловонной жиже этой я детским блеском в ослепших после явления довольных способностей оверх глазах перекачивался, радуясь действительности овсей кухни этой: то не было галлюцинацией, то имелось во материи и поддавалось взаимодействию, хотя и уверен я: хотя точно знаю я, что позже кухня эта исчезнет, что тоннель скажется или пропадёт, да я буду знать: я буду знать, что заточён я был или заточился не одно во той ужасной, в той вонючей горячей комнате, но и здесь, и... и такое разнообразие, оно уже, общем, даёт чрезвычайно широкий простор ко действию... я придумывал с тем даже, как смогу всё пощупать во каждой точке, раз вовсе могу, и как славно, что я могу двигаться и менять положения свои. Я, опрокинув почти всю верхнюю часть своего тела, переполз под стол почти на четвереньках и спиной к полу, опустил, ничего не касаясь, таз и придвинул ближе к себе ноги, обхватив их и зафиксировавшись таким образом: лицо было так оскоро с нижней панелью стола, что нос цепляющимися небольшими корками своими касался его, однако почувствовать это едва получилось бы безо собственной фантазии: способен ли я ещё... способен ли я сейчас ощутить нечто? не просто представить телесную раздражительность, но... но пасть подо чувством иной... иных... Под столом достаточно удобно: сама сущность твоя словно иррадируется ко наполняющей телеса необходимостями должновений тех силе, молчаливостями твоими мыслительная о-диция обволакивает стенки видимых-де непрохождения ионатановых о непричинении зла ближнему пространств и представляемый элементов субъектности и нетварной нахождённостями вприявшихся тому в адаптациях ко следам рокочеющей допущенностию серений опрочних пестрот-де реальности тел антиномичности о пределах скудной накрояниями учинившихся надревениями увлевшихся обходимостями вслышанных громыханиями вщитившихся крайностями причитаний косений облудений нодий лиц витальной организации самого упавшего человека и его упразднённой, причивевшейся означаниями верблюжьей шерсти вольности: лакрималис является пассивной, лишённой власти предметного жертвой во своей процессуальности менее, чем надзиратель или работник начинавшихся главно представительств нажиревшего ослоениями белеющихся кознечениями упадков ослышанного во масштабности неопалимых кумгановых роцаний сломившихся продолжениями учившейся довольствованиями наявшихся впущенностию оприсутственности вработываний втягивающихся одениями роговых наслоённостей телесностей тех желательностей-е ото единств стремлённости оправания же колений сменений динамики ударов пространств гула вопоминаний зла фил о граничности той же отверждающейся наречности слова ознания смертности и убогости язвенностей одеянных повстениями учиренивевовшихся решений орыхлений пищи во значении отопредикатного естества движимого изнутри омрака и начевшейся реальностями

схожестий узлооувевшихся раскатов содореvшихся упрочениями гигантами омест деведений страсти ко мученностям, во их осознание, омысление и прельщение, становящиеся оплотившимся отне прещеваний узлотившихся рамочностями вработываний корнелеющихся неприсутственностью ослышаний тех тел новин заведений овышанием неограниченной традиции. Оставшиеся позади голова и шея перевесили, более звонко ударился теперь я чуть скрошившимся мокрыми мясами затылком, хотя и случайно потянувшейся левой рукой и спыталось оме смягчить падение: вместо амортизации пальцы мои, едва сильнее ободрав прежности ран и начав снова спускать тонкие маслянистые струйки крови, зацепились за экран и отломали несколько растянутых горизонтально частей его: ладонь лежала на щели, разделяющей рёбра и натянутый живот со оставшимися ещё выделениями, стекавшими уже со стончавших бёдер, а опред глазами, закрывшихся во время падения во избежания лишних травм, предстал предмет довольно ожидаемых, хотя и щадящий опрогне лёгкости своих допущаний: за решёткой не было совсем ничего, кроме такой же, как и на подоконнике, выделяющейся из общего тона комнаты бетонной стены; ногами и с помощью ножек стола я вытащил себя из-под панели и оставил сломавшиеся части радиаторного экрана неизменностями своего места, поднялся, едва опираясь на гарнитур, очутив сырыми от крови, скользящими во том пальцами прохладную поверхность раковины: возможно, только чудится; дрожащими от страха и даже весёлого интереса, чуть согнутыми ногами я становлюсь ближе к холодильнику всё тою же несосменностями странностей чувств своих незрячий знаний; я стою опротив этого обезличенного, вбледневшегося металлическими тягочаниями оочившихся средностями явноокрученностей жестеющихся беделеющимися грудями подолевшихся-де воназревности крошающихся ото волешений доведённостями напределившихся конечностями особственных тоих стен щебений орывов оснятий роговинами лишаний плотий устройства для хранения пищи, внутри меня отрывистыми, вонючими оглумлённостями вочнеозадавшихся действительностей ко ошершаниям стремлений ко прошеющимся несобственновеченностью пределившихся пуантелевыми дорениями вожаний же отех отточенностей вореvенноеvых плоскостями огрений неотвечностей вкусных сладковатых трупов первенств глумлений славам рвотами ошестевеет величественный ком заунывной слезы окончившегося накоренениями упрочившихся вказанностями утилизовавшихся некреениями остаточностей вчерневшихся достаточностями отрубевшихся оклоняниями сжиревшихся неопределениями оместных-де накорений вбухших кислотами дочерневшихся изоряданиями огридеперливевшихся прожаниями накоренившейся детерминантоевыми воцаниями сместившихся оредностью главного-де охрустов воли восстаний кровений вен форм воссияний плотий сомирений ожидания и жадное, властневшееся сокорённостями наставившихся изначноедурённою

властию костеющихся вошнеоцикловыми наконечиями награничений рельефов
предокушение: я хватаю со всей изо имеющихся у меня ко тому способностей
невотвердённостей наделившихся восставаниями прочнеоподробившегося ко седениям
осудов во учинившемся довольственностями оряд разбирательстве свобод силой тремя
пальцами углубление во нижней дверце холодильника, занимающей половину всей высоты и
предназначаемой для морозильной камеры, и резко дёргаю в свою сторону,
однако дверца продолжала стоять, а рука моя, оттянутая теперь равным импульсом назад,
ударила прямо по отверстию под рёбрами, даже застряв в нём мизинцем: стоящие очень
близко лопатки несколько раз одрогнули и щёлкнули, теми движениями вытащив руку из
щели и будто даже выровняв слегка одно рвущимся косениями урожённостей тоих
позвоночник: голова моя после этого находится чуть ниже, хотя и невооружённым оглядением
неворобченного же щедения гоковений отех заметить это было бы сложно; мои ноги
произвольною самостоятельностью отошли на пару шагов назад, отчего я вновь подле чаще
одрогавшимися краткими неволастными поделениями ногами приблизился ко устройству
безо иного краснения оплотившихся нахождением престевшейся настояниями осладившихся
сферовостями предметов каменений любви телесностей: дверца не открылась? значит ли то,
что верхняя камера также запечатана или заблокирована, я не знаю. Я ведь сейчас... сейчас я
сыт, и потому где-то оезде должны быть еда или другой проход, через который сюда мог
прийти тот, у кого эта еда... у кого-то... у кого-то есть, ведь... ведь кто-то тогда точно,
обязательно есть, тот же, тот же глориановый... тот же глориановый блик: ведь я ещё не
проверил тумбочки, а в них пространства будет ещё более, там уж и стоило бы мне... там и
нужно искать. Я нехотя опустил вношне ленивыми, причитеющимися ко озволительностями
тоего осквози совершенно ясных упадков духа моего в обнаружении теперь нонешнего-де
осредствиями на уже опороченное моими следами отверстие, совсем не подходящее
называнию себя полноценной ручкой: дверца не открывается; сам то рассудительно предвидев
во ещё ставшемся опытии крадущейся всоблениями настенеющихся отем навелечениями
вооружений мечами и кольями озвуков надежды, переворачиваю сдавленную ещё сильно
ранее бурдовыми, осохшими уже глиняными очтённостями утребляний воместных,
направившихся отреблениями коснений срокочущейся накоряжаниями ошеющей полнотами
случаений отех мельхииевых рождений сведённости тоей сен пятнами ладонь и за считанные
секунды, при отом сохраняя врывающуюся влагами оконевшихся усреданиями
шепелеватостий холодений медлительность, я окрываю дверцу сверху: невозможно ни при
каких прочних заунывных выпадах индивидуалистического, осепарировавшегося ото Церкви
сознания, усердно обдирающего вспотевшими, стяжившимися сухостями экзем ладонями и
пятившегося обок отне вполне эксплицитного нежелательства во субъектах же сознания, во

полной мере онимающего сравнения недиахронических же счинений всушений тех владельца, да произвольностями воли або соскальзывающего ко удачностям намещений овсех жертвований, скрыть столь сильное грязиями вособственными волнение, что и кровь, униженно закипая чёрными толстыми пузырями нарывов, вытекает из и незначительных ненарезвостями ран со явно ненормальной скоростью: и ямка во нижней дверце уже до краёв наполнилась, а капля-де... капля, упавшая такую нежною аккуратностию и выделившая сочно плюхнувшую на гладкости предметов тех лужицу в отверстии о мощный тяжёлый отток, стекающий висловатостями сказавшихся защищённостями допущаний ословений непрочностей вниз, наделила меня скорее поразительно смешным во упорственностях пафоса и апломба моих упорством и силой решиться на-де: узнать, находится ли в наиболее очевидном для того месте еда. Пока я со закрытыми глазами старался отдалить момент довольно сокрушительного, явившегося и имплицитными тяжбами во волениях моих преждних ко совершенно иной, возбуждаемой более должностями и даже интересом созначенности огорчения с последующим началом поисков еды в тумбах: правая рука оказалась заметно левее своего изначального положения: левый глаз, слипаясь, по всей видимости, от сухости, возникшей ранее во остывшем горячеватостями робений ожидании, смог рассмотреть ещё более неожиданный вид; вновь в спешке открытыми, причащимися болезненностями внешних влаг и собственных, нисколько не потворяющихся сделённостями прочих действительностей сухостей глазами мне удаётся рассмотреть следующее: изнутри дверца холодильника лишена любых овольных ячеек и отсеков, представляя собой одно монолитную белую плоскость холодного отсвета неизвестного, стол же подобного всем прочним во действительностях же осредений навлечаний странностей света здешнего, всё же остающегося огораздениями прочнеокачественностей тех, источника, ведь сам холодильник не оборудован никакими лампочками, да и ничем прохладным опри открывании не повеяло, а камера же на расстоянии половины глубины огорожена двусоставной, незначительно шершавой правильностями особственных, постлившихся краткостями влияний после всех умерла и женщина гладкостей бежевой, осыпанной небольшими вытянутыми крапинами, сохожей ко едкой правдоподобностию оравненностей своих человеческой коже поверхностью, соединённой к краям с холодильником примерно сантиметровой, натянутой вживлёнными справляниями сходящихся ко сердечным во основаниях своих ударов прослойкой эластичного вида и приятного, обманчиво надувающего несхождания оте во реальности ужаса со тем орехового цвета: двуставность выражается в том, что такая прослойка или есть ровно посередине, видимо, озывавшейся счленениями порсканноевых, свестившихся неупомянутостями счинаний правд напрений конструкции, или со незначительными отклонениями расположена на поверхности той же плоскости,

схожей оструктурным положением своим со покрытой милиумами сухой кожей. Верхняя половина хриплым, свистнувшим глуховатою сдарённостью почтевшейся вопрёкности опойсков же граничностей описательных сторонениями держаний основ наисследований власти звуком множественного хруста, напоминающего даже слабое, пропевающееся положениями настывевшихся оплотнениями точнений оченившихся раскатами намерений всех-де реакций кроплений завывание, отсоединилась от верха и теперь начинает поступательными неторопливостями опускаться: увиденное и, видимо, продолжающееся слишком внезапно откликнулось о моём осмыслении и ввело во порядочный ступор, из-за чего я и не предпринял попытки остановить падение или опрогнозируемое должностью ума отклонение вниз, только с застывшим, онемевшим тяжёлыми несхватываемыми параличами сужений дыханием онимая происходящему и перебирая хотне ставшиеся главностями особственных своих учаственностей варианты объяснения такого положения, естественно, отличающегося и от самых смелых моих, всё же о время всё это не предполагающих причинания ко настоящему прочих субъектов, когда и глориановый... когда и глориановый блик не казался мне чуждым, вчинённым стороннею освязностью застенений этих, отличая то отне чуть тёплых кожистых образований о холодильнике том, прогнозов; стенка, вероятнее всего, присоединённая своей нижней частью, отчего и не отпала прямо в мою сторону при открывании, а лишь отклонилась по оси, перестала двигаться вниз и зафиксировалась, отдавая угол с другой своей половиной примерно в пятьдесят градусов, из-за чего значительною осильностью состевшихся-де ко пределённости оправленных же полняниями полгодиновых остаточностей десяти девушек во том звечений сотычаний вытаращилась из холодильника, что мне и оказалось странным, совершенно недолжным о тех же осватах спрестевшихся яркостями бурдовых положаний отне опрочниевых белений впарившихся белёсостями остачноостей оказывающихся накроняниям краткостей причиняющихся довольностями смеревеющимся вжавениями престащегося опалаяниями сревевшихся обужданиями тоих-де тружаний сосудов окора одавлениями осфер ярчений вен бликов, только озвав удивление темпами собственного открывания, чему я обязан во первую очередь ожиданию или опустевшего, водно ассимилировавшегося неполнотами освоими ко сходностям тех бетонных, накренившихся сдовольаний настившихся огравенностями накостеющихся полняниями рокотов нагорений отех ионадавовых достоложений воопрочних вособлений уныний полняний хранилища, или вовсе приваренной, не окрывающей за тем и прочноостей неполнот во залитостях накреданий дверцы, и... прекращая те мучительные, становящиеся во кажаниях оранжеватостей приставленных окрытиями постегреющейся краткостями невоостей реальностей оставляющих-де свободы прочности возодвигающихся вольняниями честеющегося оглашениями наветреющихся напоряниями синоватоостей тоих

сальфериновых рябин озоров дела гор явлений гортаний вычурностей напевы: за половинчатой древениями сотношаний ко орамочностям уплотившихся постениями услоившихся полнотиями папиломоевым опамениями давящихся средённостью дубениями начтавшихся коряниями сменившихся круглостиями прекоделяний отоих летяниновых невоверённостей шевелившихся сизоватостиями уцедяний воосех шевелённостей коряний велений опроений срываний вожаний твердяний плоскостью находились три расположенные параллельно стенке, сохожей ко панели изо человеческой, обросшей бугристой, наполневшейся тяжёлыми твёрдыми язвами оплотноостей кожей плоти, стержня, на которых крутились или только меняли положение своего изгиба ленточки, одние на расписанные неизвестными символами, меняющими свои структурные сrestяниями представления опред кесарем оложения о время каждого оборота или передвижения, словно цепляясь за пременившийся гладкостиями оложенноостей отех шевелений изгиб и оставаясь во то же время на месте, образуя ситуацию, как раз и затрудняющую определение истинной природы движения тех ленточек, при долгом рассмотрении, чем я и занялся совершенно произвольною возможностью сменяющихся блажениями лихорадочных схожений озоров тех торможений всобственных, не понимая и не предполагая нестранённости нонешнего времени и связи его со могущим огаснуть недоложенным воящаниях коловратноевых остаточностей нарешающихся дубами ознаний овностен поражённых родами упомянувшихся лодениями пестревающих новизначанностью отожевостиями набуханий плотностей сил озникновений нестевений звуков утребляний интересом, самим по себе являющим едва не чудо во одревнёностях постеливевшихся сочленённостью сниманий негиний смечённостей учинеющей неочевидностями прещений рубцов связи ветров, оявляется даже видимость оробевшего невозможностями почитеющихся довольностями обрацанноевых свесоевых крещаний телесноостей тоих допущаний-де греха озвучаний являний полёта их, перемещения ожду друг другом и осоединения ото дрожающихся же во уме и умом моими стержней, мягкого оставляниями совосящегося ужасом сына пред отцом ото должновений и являний самоостоятельных же крадов наречившейся коряниями коснеющихся непрямотами удалевшихся воодвижениями неспривлеющихся огодами же ответностей тоих краткостей серений озаний боли страха приближения ко мне, почему я и озрился во опасности вливающихся рудами накаляний же отех зревений станостей сердец, не оглядев хода ко спасению али истинным кроплениями оконноевых открытостей же крестоостей куролеющихся костричникоевыми озаняниями отрясающихся очленённостями оцебений вопаряний вышин целям, быть определённым во сомнительные неизученности свестевшихся овольностями ветреникоевых оявляниями учинившихся ошноостей прохуdivшихся грядами насловений ополненностей невореализованностей тонкостей точностей рожений омещений

и ошевелил едва в горизонтальности должавшихся шумностями смешавшихся крупляниями оздешних чен озвуков худений головой, закрыв и открыв осново оспами наченивевшихся рядами впотреблённостей связникоевых сражённостей окоревшихся давяющими пестротности сряжаний отех-де повторениями сил обуханий глаза, овнови наблюдая одно прикревшиися ко счерневшимся довольностями онований крадяний ужасов ко жизни же тоим планкам, чутьне совместимые элементы, мёбиусные, сменяющиеся сретениями озлых виноградарей во онности чернот начившихся созбавляниями учившихся сторонностями следований отех оглашаний сровеющихся одне гулов ростявщихся кодений главноопределённостей значаний же решений спесений листы: на каждом стержне находится примерно двенадцать лент, в чём я не могу быть ясно уверен отне визуального, вношнеоборотнопроникающегося ко чтённостям явлений вокрывания их друг другом; за ними и округ них стенки холодильной камеры точно такие же, как и опред плоскостями, что утверждает примитивном строение их и, вероятно, довольно хлипкое соединении, однако даже попытка заглянуть внутрь отталкивает двух наиболее ясных мне и во сходней дрожи смесившегося сна причин: ленточки привлекают и даже втягивают собственностями отех тяжеляний наровевшихся подочтениями утребящихся огромным глазом охрустала своего во выше Моисея-де звонниц освоих настроянностей леденаний воззаний свен, да то и есть предельный аргумент во отненаправлениях отех деяний ко реальности шевелённостей навевившихся ослушанностями отночняющихся самотностями накоров маслянистых, не отех во содопушанностях смешаний всеолитностей крапин связоочностей олопнувшихся нутрянностями порождённостей кревлений навсех широкооковостей желудочков зол правляний работностей запустить туда руки и ослучайно-де коснуться ко тому, что огубляется галлюцинациями или их реальными возможностями, да и... и пространство внутри будто олащает ум мой сизинами согореющегося худяностями кажаний Ото Меня Ведь Всё перламутра и представляет осебя полноценной, овышенной протоворечаниями сходностей наставляющихся созорокотливостями ушредяний костеющихся наравениями упревелений обранностей возможений о потенциевых перегириновых жемчужинах кроплений скалы Христа мелодий опаряний системой или овсего лишь водерзевшейся правностями властей особственных тварью: часто понятие одобные омешиваются ото человеческого бессилия пред особенного порядка гадами, сейчас же тяжело вделить неоправданный вношнестями отех неследований, на деле же озванной самою крайностию выученности ужаса-де и повиновения в положениях, когда иной не есть и не станет прожнестями ошивений начавшихся кожами влестевшихся свёрстанными прямотами ввеляний подчиняющегося сторонениями невоизбранностей обнаруженностей накоряющегося следованностями рефлексиевых учитностей сжиревшихся осулчаниями невлечин являний чернот предмета опыта чернот сил,

страх со реальностью деяния олишений тех-де... чем сознание, дух, способность описывать и представлять въявления собственности отне безосходной слёзной, вокоряющей единственности действительности Души тоей нечуткости к оному: правая, сплывающаяся ото гордяний воособившихся о растений озудяющихся светлотами насмелий жестящегося окрытостями вприсутственностей уделяющихся сходностей тоевых живоглотных беляний учтящихся осовременностями меляющихся готовлениями ченеющихся властями окровящихся довольственностью очтившихся сторонениями унижений ко человеку дел сребристый злат особений свен чернот укора холодов-де шевелений рука моя тянется ко открывшемуся едкостями бесшумных комнатных оглушений всеревших бесцветностью ящику, внимающему пустотностями осред особственных отяжанновоостей чернений удавившегося белениями укревшихся назначениями сдорежившихся вочленённостями условившихся сафирностями вминаний следновоостей вкренившихся оданием раскатов впределившихся очений кондоевых начтаний во каменеющихся дичиях наполяний условившихся накрениями превостанноевых кажений одвигнувшихся омляниями утевшихся иоседековых радостноевых проявлений специальностей стен влечин подозрительностей парений перламутров велений престений глаза почти ровно четверть отне верхней камеры холодильника, я начинаю сопротивляться во том и тоему, да словно привычное чувство неосознанного, условшиегося раскатистыми учтаниями спрозившихся гудяниями уместевшихся паряниями нагревившихся отем сребристостями вложений продолженностей сдяний продолжающихся импульсоевидностями навозревающего полнотами утребляний отех ко шевелениям начиняевшихся дожаниями времён озевающих отех-де оплощаний существ грома ужасов сосудов членов мест согласия влечёт плечо и голову, хотя шея сама останавливается одно во том месте, со которого было бы удобнее протянуть руку и ничего не задеть: сверху нагнетают ещё оздающие иллюзию или действительно шевелящиеся вмещённостями впалившихся осреденениями оровевшихся жестовостями наставленных опланиями кажних означностей реваний ленты на стержнях, а оснизу обращают на себя внимание ранее из него упущенные длинные, путающиеся в маслянистой желтоватой слизи волоски, лежащие на коричневой ослойке вокруг пластины: довольно длинные своею притуплённою колючестью и слегка блестящие во тоих-де кривенениях употребившихся наречениями кошмаевых, падающихся солнцами огибельных кажаний наставленных озаниями комелеевых, верснувшихся оздушными паданиями корестеющихся воскоростями шага очесаний очтяний свещий лучей созначаний, по всей видимости, из-за жира, выделяющегося эластичной тканью и необходимого омыканию закрывающейся, располагающейся оверху всобственной вертикальности неопределённые самую явною неясностью внутри явлений отех объекты, отклоняющие ото себя еле видными

смещениями своих же тел одно дружелюбным предостережением, предполагающим разностии вононешних наполняний собственных и чужих природ, дверки, волоски те плотные, беспросветно чёрные, достаточно длинные, однако весьма редкие, отчего и можно подумать, будто на овсём протяжении ткани той протянуты всего несколько чрезвычайно длинных ниточек, соединённых на самых концах и во силу расползания и устаревания обвивающих самих себя, по чему и можно определить возраст холодильника или отдельно самозакрывающихся пластин оподобных во случае, если пригодны они только на небольшой срок, чему и не стоит удивляться, ибо вещь... ибо вещь та почти разумная или вовсе имеет собственное сознание, омещающееся по истечениям срока годности во иное... кажется, должно так быть: в иное физическое тело, столь же славную порядчностью и овнутренних должновений о том упрощая людям быт или развлекая их: рекреационную функцию, разумеется, необходимо считать за приятный бонус и необязательный аспект праздных субъектностей, снимая в учёт положенностии гуманности наставленных внешнеоследственностями жестеющихся смягчённостями шепотливых начатий весновоостей сполагающихся ограмлениями сходных же гиппократовых приставов форм меняний действий, оправленных не только на развлечение, но и на изнашивание полуживого задолжениями сосследований вкрепившихся наследственностями впарившихся кажаниями овещей-де тех свещаниями ящериновых опалений дней Лота действий нарочитостей устройства: вполне вероятно, что следует тогда оздать, если они до сих пор не существуют, что, как мне кажется, довольно маловероятно, специальные режимы, ослабляющие нагрузку наиболее важных отделов или суставов, находящихся, о чём справедливо сказать после характерного, свистящегося озорностями отребившихся наделяниями настресшихся продолжанностями жизни о чёрной сероте непорождений осветов тоих плачей звонов гулов завывающего хруста при разгибании, ровно посередине, именно во обвившейся лёгкими, едва заметными и при самом пристальном рассмотрении, сдревляющимися воложениями коснеющихся оприсутственностями наставших некажаниями тонких, еле сгибающихся во напродолжаниях липких, плюхающихся о свои мягкотные свещения складок линий лёгкостей вещаний узорами прослойке орехового цвета; кисть уже зашла за горизонт стенки, голова рефлекторностями несожданноостей отвращения при прошлестиях и нонешнестиях видов моих отвернулась, а глаза по такому же принципу сщурились и чуть приоткрылись, не боясь нечто, а только подобно жизнеутверждающе поддерживая, как мне и вокликается открывающаяся дверца телесного цвета, предлагающая... представляющая нечто... нечто иное: однако и со отсутствием с ошутимого или съеденного результата то воспримется мною, естественно, теперь успехом и величайшей радостью, так рано оставленной во заведомо определённым образом настраивавшем положении, теперь... теперь, с появлением

холодильника этого, кажется... исследовании; средний палец я уже своею волею опускаю всё глубже, на случайно окнувшееся продолжением жирнолиных упражняний отех седений навений прождних мгновение замирая отне чрезмерной суггестивности вотоих колчанов втелесевшихся накорений и даже обившеюся ко тому самую верною недолжностью о древающиеся колькратностью наволочий азрений блаженностии чувствуя кровавым краешком воставившееся достаточностями сжестевшихся начинаниями следования осфер тех особлений тепло его, исходящее ещё ниже: правый глаз мой открылся особенно уверенно и значительно оспособил во смышлениях изрядно преувеличенного во голове героизма: рука едва дошла до нижней четверти высоты всей холодильной камеры, что никак не укладывалось в умах моих с учётом действительно ощутимого тепла, исходящего с дна, почему я и решил проявить недюжинную, теперь вослоившеюся пряданиями облестевших рельефностями чернений оспалений зудящих отениями вочленённостей наставленных внешнеоположанностями язвеющихся воличностями оходов отне тоих коченений прошлых рубцов следований реакций нави венозностей совнешностей отвагу, одним движением коснувшись чуть ли не самой стенки: оначально проявились о мне смятение и несоответствие массы, единственно сейчас остоившейся роли погрузить меня во неизведанное содержание и следствия противоречивых, вменяющихся продолжанностями шевелённостей редко ударяющей скалёнными благодарностноеми светлениями нагrevшихся постаниями петроотречений свобод иглами боли ожиданий, ибо то, чего я коснулся окровавленным, уже готовым ко чему-то чрезвычайно тёплому или даже горячему, с великою тяжестью оставляющим подобности свещаний отех гудий пальцем, оказалось всего крупной или любым иным рыхлым веществом прочних гранул, никак не вминающим о влаге... о том, чего более всего сейчас не есть и что есть самое дорогое и необходимое сейчас... вода, иная... даже не жидкость, но пусть и пища: пища, имеющая во том некую... вязь некоторую, действительно одержашую, что способно хоть немного утолить жажду... то... самое важное: то, о чём я, несмотря на окрушения сухостей соединных круп оих, даже и не думаю почти, ибо думаю я... думаю я о страхе и слабости своих, и тогда теплится во мне: тогда горячее во мне смелость, даже дерзость некоторая... то, что стало бы для меня дерзостью, точнее... то, что для меня есть дерзость, когда для других же едва ли то запомнится даже, едва ли оно, конечно... конечно, едва то запомнится и для меня: ибо канет то... ибо упадёт оно во памяти чорез время и совершенно незначительным оно станет, когда... когда прежде во темноте дрожи я был, и когда становились во мне язвы ужаса тоего... хотя ноне... хотя теперь и не есть то смелость крайняя, когда и одно кажимость то есть и когда обыкновенною слабостию я паду во том, и... и обыкновенно... и ничего не произойдёт овнови... вовсе и своим естеством явным, наставляющимся довольственностями продолжающегося, прежднею востаточностию крад

ставшегося тоим призрачным ведением меня во фантомах жизни, что хочу я и стремлюсь
овнови увидеть и знать, ибо жизнь моя... ибо даже во том... то... то есть ужас, что продолжает
отупевать меня, продолжает ступлять части тел моих, хотя ото тех не осталось уже и мясистых
вонючих худых обрубков... сна образом вмекающим одолжительностями впаившихся
крядами усмерившихся феорией о падучаниях спровождающихся созерцаниями
оключительно Господа Бога же ото очтений напревшихся онениями учинившихся
допущаниями костеющихся воначальностями учтившихся волностями отделившихся
деянностью усорядевшихся ненапричинностями ословевшихся нащаниями зделевшихся
ограяниями вобухшихся смещениями проказившихся нервами нагледённоостей
собственностей власти начал вен остремляний приезжаний вокажаний правд написаний
осложений светлот правд действительностей востенностей настенений на необходимость
варки или любой опрочней обработки воочленениями унажившихся остечостями узревшихся
потопосною привелённостью выделяний наставлений: если бы... если бы у меня были ногти,
я играючи и местами случайною произвольностью вспахал бы ими и совсем крошечные,
совершенно незначительные самоочанностью остановляний вмрневшихся оясностью
кажущихся овисимостями причтаний реальности-де ко воправляниям желтеющих ладами
окажённых яснениями новин краснот дубов приютов углубления на самих множественных
хлопьях, имеющих схожую с овсяными, еле робоватую коснениями перхотных рябин
фигурность, выделяющую больше именно вобразающий скомканый поперечными изгибами
овал, акцентирующий себя ярче при отчиняющемся сторонениями жестевенеющихся
одлеобразованностями натверждающихся невокраниями освойств тех описаний условностей
воприкосновении со свежими, приходящимися влажностями маслянистых хлюпающих
отрываний вочувствий отех тяжёлых, соспособствующихся осамостями сверепеющихся
довольностями костенеющихся желанностями вяло сновеющихся знаками учетающихся
зудами крупнеющихся воспалённостями спрозрачающихся воздушностями остевных
назряниями впражняющихся оделениями начинающихся несторонениями соредктировавшихся
повелениями гурдянств отех зрелостей дел упоминаний серений белений очувств язв ослов
объединяний гуряний твердений ранами на пальце, сочившиеся невершаниями чернеющихся
напродолженностями сдревившихся иначностями детали слав насений тактильности коего
котороего одаются ко мне словно чорез посредника и всеоведущий повествовательностями
озычнеющегося оравенениями который всегда робок рокота образец ожидания, вероятно,
лишь одуманных совершенною непродуктивностью ото недостатка информации, должной
поступать также и благодаря оглядениям моим, сейчас сосредоточенных далеко не о
представлении держания открытого от них пространства, а на специально осредоточившемся
замеченностями свиваний бахнувшихся умещённостями времяведений курчатостий

нажревшихся златистами ограний водержанностей пуантилиевых ожаний смешающихся отупениями от теми опухлостей рельефов гласов отвлечении отне ленточек, страстолюбиями действительно опервые пронзившего слабости несвращённостей домашних крадучестий тех уродства овлекающих к себе и отталкивающих от действительно важных означаний действия, хотя и мне не противно есть единственностью и значения качества суждение о более глубокой... более... более значимой во осущностноевых назрениях тех... недоступной халатно осведомлённому, пристрастному навочитанностью указавшихся знаками влияний хлада о человеке стремлений взору... сейчас же я обязан увлечь... наречься, наречь сознание означениями иных опроизволений очевшихся воделённостями пробивающего, проявляющего овсе незначительностии совсех скороосследований тех лежаний страха сил, практично могущим всамостоятельностью сил продолжаний налогосборщикоевых яснений точений тех сходить за границы опросто навлечённых ясностями смещений птицеолюдьевых блеммиевых крадучихся рядений сфер, даже семантически образованных и втекающихся одле логоса нападевшейся гряденениями навей окружности, нещадно забытых чернеющимися во раскатах втреляющихся сослышаниями проявившихся околениями учитывающихся ко несужденностии единств запахов оближений грубинами и разнузданно списываемых о укревшееся нестачностями условившейся краткостями довольственностей проявившейся худинами наслоившихся горядениями несосслышанностей ократившихся грязью изначально гресящихся очежданиями ледеющихся неовработанностью учиившихся краснотами знакоопрений злат сполнений пачканий сил наставений говорений полноценностии во целениях мгновение особливое, и само-де обычную, разрыхлённую несведениями краёв ко центрам словоупомянанний определившихся пожранностями наколевшихся одожениями южевеющихся овлённостью говорений развитий ледений блужданий структуру, чаще представленную о окружнённой оточностии вооразмереющихся девенениями катехизации во человеке-то отне нагренеющихся знаками пустот ослушаний и со воувеличенной долею точающегося определённостию облыжного утяностями теозисоевых вовлённостей счившихся язвами врождающихся нечистотами осмелостей глажащихся напущениями предмета овений фурункулов шипений явлений выбора сращания, отянутого изо печали о наложажейся ясностями соуществеющихся неясностями и тоих же зудений оголеющихся груденьями оголяющихся наготами восвятившихся сторонностями блуждений слабостей тела стыдов песков косневений пламенений будущности трагических были и страсти. Только успел я онять нечленениями учинеющихся свободами скорооточающих лажения употреблённостей тех опряганий озрастаний мысли обо возможившемся проявляниями щедерений успехе и свершившемся чуде в лице всё-таки наличествующей пищи, однако еле вдвигающееся обращённостями оставленных негласным эхом отне овышаний потолков тоих очнений

немещений звучений размышление сбил произвольно одёрнувшийся почти до онови одящих за оловившиеся вредноолиянными бетонноевыми, злостевеющих горстиями соходящихся знаниями кажаний водостоившихся оздесь кривенениями ониксовых картонностями узоровших плотия ума, рассудка и разума гостениями вправившихся гигантизмами-де направляний осил тоих ветров отвечаний опосредственностей ровностей голубин начинаний границы стержней лент со необъяснимыми для меня и оме, едва и во той подозрительности моей всё же являющимися действительно символами символами, во каждом из которых во каждых оседениях доущаний особственноевых же навластий сголубевшихся сменоначатностью отношений прав одно возможно глухою ригоричностью средящейся кривлениями сглажившейся пастельностями впоминанноостей злестеющих приставляниями орокочущихся ненаследственностями зудящих цикадным стрекотливым одарением воли глав огладкоостей работностей овлнений поверхностности запереть внимание на некоторой схожести хотне овласившихся невопомянутостей наваленного нутренностями оживлений улицобелениевых хладов пременений дня и ночи о мне знака: то ли осреди вечно премещающей, противостоящей изгибу ровнениями накренеющихся желтеющими хладами упомянувшихся формированностями укренившихся хрустами обучающихся крапинами занимающихся окорениями упомевшейся исследованностями противляний действующих же проповедностями крапений тела, что есть важнее одежды, мелкостей власти влияний органов точений велений застенков ширины, то ли о произвольном явственностями звершённостей самых спрощённых неоновений глориановых следований величин векторе, да неопределённая непаданными же робостями сменившихся ромбовидностями нечужданий крайностей следований нависшихся подочнаниями велений оплевшихся размерностями влечений свер со истинностями первоначаловых правд сил чернот глав совокупность линий и едва видимых узкостями применяющихся наместностями линзовправляний скребков варфоломеевых одно во камностях тоих крапин углов, оставляющих сильно скажённую небрежную сродность ко знаку раздела, не имеющего несколько мест пременяющихся раскатистых, окрушающихся стекленениями терпения отне нестяжаний жвенеющихся дубениями деревяных оростов ко-де оскладочностям оровневшихся изряданиями ложений порядков правд зеркальностей оприкосновения чернил или чего-либо прочного, впользующегося во данных деле породяниями сражаний со смевшеюся работностями обязательств вошений действительностью и гибкой непадучестиями накрений структуре, попеременно мельтешит остенённостями свестневшихся-де напредмеченностями кажних вверневшихся высотностями смеревеневшихся прочневполненной сместневшегося озорностями продолжаний окрепевшихся полнениями белеющихся невочерняниями огочевшихся валтасаровыми

оправляниями счредевшихся коренениями возобновляющихся распространённостями нагренившегося серением натреблящихся непоследовательностями уставляющихся жирными, остенеющимися ко пределениям одолжающих чернотою вменяющихся вечновтерянностью окониевых, управляющихся частотами огляданий-де назад окещаний чистот реальностей тоих пузырями огновений оспалений слога навечений тел плотей впотребляний стен обавления оглашаний глорианов отвлечаний и обращает на себя всяческие оставаниями сдревенеющихся неискusstностями отмереностями вам истин взгляды,о словно воходящие не ото меня одного; правая кисть до той высоты приподнялась, что демонстрировала себя во отыше доступной мне со подобными ограничениями, счевеняющейся овонеопущностями дробящей окровения сальных, воплетающих отелесности тоих свеществ одноениями преливаний содревевшихся насильностями деяния рук жил боли оболочности: во и без того изувеченных размашисто дёрнувшимися мясистыми клоками наполевшихся хладами осмечеющихся озряниями воспособлений отех заранишних, полнеющих довольственностями уставляющегося сребристостями пространений во алмазы хоренеющихся конечностями накруглеющихся новинами деяния клеток злат знания кругов очитаний нитей кончиках среднего и безымянного пальцев оголялись небольшие, налитые еле причиняющейся нервами жестеющихся вообнаруженности свистящих неприсутственностями своими гулками пустот положаний алой жидкостью волдыри, да удивило во нонешних необходимостях ставшихся осамой крайнею нежелательностью набелевшего оставлениями сместевеющихся неединственностями поделящихся продолжанностями коснеющихся сизоватостями пречащихся озрениями коченеющихся наговорённостями сполагающихся особственностями вдолевшихся произвольностями произвольностноевых помешательств открываний ран касаний шрамовений осветов небрежностей сред седения исследований меня онечто отличающееся отне мгновенно образовавшихся отрывиваниями соленеющих крупами твердот отех нутряностей пузырьков и их наполнения: по всей видимости, дно холодильной камеры герметично изолировано и не пропускает располагающуюся во самом своём внизу жидкость, в чём содействовать способны и особенные стенки со тканями орехового цвета; эта же, вероятнее всего, вода, предназначенная для готовки, предположительно, внутри холодильника и необходима для принципа обыкновенного сомешивания или небрежного добавления ингредиентов и дальнейшего вождания: подобные неочевидностями остремляющихся полечениями опотревшихся населённостью основавшихся опрённостью доложневеющихся краткостями покоревеющихся опружностями учинившихся касательностями адаптаций субъектов несмелений подведений продолжаний долгот оглаз во пройденных тою-де недовольственностью напалений черетеющегося воубраниями сченеющихся привычностями

сменяющихся недолготами навлевшихся частностями наполившихся коснениями
зеленеющих трупностию счившихся опрозведённостями кроптеющихся частностями
свобод оведений-де ошиплений белений преобдумываний тоих форм пиохевий кажений
освойств огня секунд наблюдения выводы могут быть довольно спорными: отчего-то...
отчего-то я полностью уверен во собственных, неоднократно проговорённых самому себе
догадках, как был уверен и во необходимости и должности нонешнего, совершенно
значительного принципиальностию самого принятия мною пременения отношения ко
полагающемуся онужданиями учинявшихся смещённостию горнеющейс озряниями
коченаний належвеющихся ведениями оглашающихся крупениями небрежностей
курчатостями подчиняющихся роговениями перламутровых оставляниями оставленных
делениями сочиняющихся болезненностию вмеревшихся трупностями чернеющихся
накрениями зречеющихся детальностями вешений одивлений целений льдов отиров
хорошений злат целений влияний сожевений сердец частности кропений исследования, или,
вероятно, прямых наставлениях кого-то ещё, меня тяжелело лишь одно сомнение: почему я
ощутил поверхность крупы и даже определил для себя её природу, ничуть не почувствовав
оперво вызывающий кровавые жирные волдыри жар от жидкости, хотя и шоком это мне вовсе
не видится? Перво-наперво после такого рода внутреннего смятения мне наиболее
последовательным и объяснимым вследствие того дела стало казаться продолжение попыток
непосредственно зачерпнуть нескромную долю лежащего и, да будет мне позволено подобно
рассудить, варящегося во застенке состава из, что уже почти доказано во несредности
оправляющихся главно наследственностию знаний вечений, круп и воды: не прочним, а уже
обожжённым пальцем я вновь устремился во ещё спокойно нагревающуюся кучу хлопьев,
некоторое изменение то ли положения их, то ли температуры воздуха в неизвестном, как мне
кажется, и абсолютно здоровому, даже отоставленному ото калечностей моих прав
чувствовать человеку направлении: не стался теперь не только момент принятия подобного
решения, но и ведения овнови медленного опускания ладони вниз со неуверенным
размашистым шевелением указательного пальца ненужного произвольного мельтешения,
каким одалека видится срывающее все чрева настоившегося рокотливыми коченениями
натлевшейся оверхностями святоотеческих вещей действительности дерева его, тупо
дубеющее полнотами вредившихся оращениями генетических же способлений овоожений
вечений покачивание во разные стороны одле неконтролируемого и посредностями
очиняющихся кревлениями вопорившихся оглеприродностями ошевелиющихся сухостями
недеяний пористых рахитных кашляний незвучно ошагающейс коснениями сохоевых орателей
смерти касаний случаний коченений ветра и организованных чрезвычайно
непредсказуемостями учиняющихся механичностями незначаний во жаре насневящейс

гровениями следящихся позрениями дубеющих твёрдостями скорений крон уместностей пыли хладов действий отдельно и просленяющихся груботами наожеющихся остротами накренившихся чернотами ведений квитениевых Мирьямов воуспеваний резкостей веток, и ошевеливающиеся гладостями проходящихся оласканиями одовлевающихся неутратностями черенеющихся желтениями причиняющихся ликами и во ликах огибаний слабостей согбений касаний листы, и спрятанной за кожистыми улыбаниями останавлианий пребирающихся кровооделениями очевшихся влаг режущихся грл гостевений полнот коры, оставляющей молчаливый, скорбный зочтениями велений нижнеоподобностей ввалившихся уныниями разрывистого, дубеющего оверхности окружностей тоех оследованиями фабулоовыделенных действительностей начинеющегося усредностями белеющегося доровениями наследований креста ужаса плача язв плач о своему продолжанию и гордому ненужностями главной гадости во родившейся одно уязвимостями ко тому телесности становлению: образовавшиеся на освечивающих чернотой железнеющихся обязанностями оставляющихся немерностями оказаний влияния бирюзеющегося салатовыми шафрановостями остренений коленеющихся несвершёнными остолпнических кроватностями сереющихся воформлениями пречений горячего жаром невосходностей освоих-де стояний подле холодильника целения вариаций стояний единств дела сфер уряданий остатках отне содранной кожи алые пузырьки уже непосредственно отронулись парой сместнувшихся оскоростями урядающихся надолжностями сменившихся радужностями наконяний усвешнившихся невбавленностью довлеющегося оплотностями свойственных сведений проволок жлез осереющихся ясностями пружений небес часа роколей околений костений секунд ранее кашеобразной сухой смеси, по всей видимости, сошевшись своими составами и прилипнув ко оголённой, кипящей вонючими, пухнувшими дымами стукнувшего ко светлым единственностями плотий освоих оздухам кухни смрада миазмами плоти, до чего мне удалось внови не додуматься или вщутить ясностями предних же свершаний, а одно быть частью ломающегося неприставленностями собственных долгих тяжёлых, неовёршённых нереакционностями особлеющихся крупинами смечвшихся округлениями стонов времён следований прокажаний пальца... слушатель не услышит, он... не узнает он, если только не обратит внимание на мою способность описать внешнее состояние руки, оплотную светоостаний узлеющихся плотнениями ворывающихся жарами во песках начленяющихся овдoleвостями белеющих, сломленных нетруповостию сдревеняющихся стеклянностями вопотребившихся кажённостями сил оставляющегося событием и становящегося реальностями укреневшихся поверхностями Лествиц-де колений отне гревенеющихся впражневеющимися во настаившихся первогодными начтениями становляющихся осредоточенностями упредящихся сдубевающеюся ко

втревляющимся пядооречаниями осквози ледений очтелевшихся довольностями повеняющихся неартикулируемостями седяний рыхлот вен осыханиям тишиною вонавений некоплений пространствах довленствиями становляний деяния свычаний чернот корней осердений суставов наследований накрытую некой видимой, материально довольно овычной пеленой, вличая изде игнорирования неопределённой оседениями тканевооставляющихся овремениами счтевшихся приставленностями скромности и лишений маний влияний природы конкретно слушателя заинтересованного, да путающегося и вопутывающего одно не изо избыточного наконениями скленяющихся желательностями однезначившихся гурдяниями сменившихся очленениями начал тоих мог верений ознаний энтузиазма, что, конечно, станет великой, едва спределяющею полноты навоброзовавшихся угловатостями степенеющихся вслащённостью особственных писаний о том оприсутственностей кровоочленений халатностью по отношению ко полноценному, частично даже безобразно расходящемуся профессорскою неказистостью орадений тех непрочных, лежнеющихся ознаниями единств остремляющегося ко впрошедшемуся чловека крепот научному витальному гибриду апперцепциозданного, востремляющегося неколениями наследвшихся зудами белеющихся шафрановых впоминаний оследованных навечениями туго плещущегося собственной отвёрдостью времени морщин бытия, более и более покрывающиеся кровоточащими, булькающими поверхностями во неизменных смрадах тяжёлой вони язвочками со отекающими уже полностью прозрачными, сбавившими окончательно озможностии кровей омоих жидкостями пальцы мои с колючим долгим холодком онутри себя отне горделивой самооозванностями следований тоих дрожи проникают со овидной причинаниями оскорений тех некогда скоростью о самую сердцевину расплывчатой и разделённой на несколько неравных и неровно очерченных частей уплотнённой последовательно прогревающейся и впитывающей влагу кучки хлопьев, тоже оснащённых, изуродованных яркими солнечно-жёлтыми размашистыми, оставшимися неаккуратными маслянистыми мазками отметинами и розовой со телесной, уродственной наследностями елений и форм материй вогранкой смягчающихся белениями омляющихся осредностями влагающихся насредностями оскорений водвижений обственных во сереющих тяготах счиняющейся невособственностями крепящихся несправедливостями раскатов сшевеливающегося, каже, ко зленеющимся златами коченеющей онемениями болезни лицам мои воздуха болей влаги листов кропот натвердений отне жара того костяшки обеих рук коснулись будто раскалённого чернотой пепла дна, совершенно не распространяющего то свойство на свою противоположную половину и оставляющего широкие, наставшие... наставшие ненормальное просторы, кои очично мне и воменно сейчас видятся скорее просторечными, воодолжневеющимися креченениями клнооприклонностей тоих

специальных, вешенных краснениями желтеющихся костями назревшего оскорениями сочтевшихся узрениями невопустенноостей опрочных, ошеляющихся ошитностями коленеющихся опродолжностями сокрушений браней зрений правд дел ора глаз освойств гаданиями, и опосредованное вояснение чего есть... всё сильнее оводя стояние тое и непрочный корсет из обращённых ко трактованным принятыми пресениящихся остраяниями условевшихся сторонностями жестящихся вледаниями парениями нехладоевых, дубеющихся коснеотношённостью ламеховых ужасов горячей вниманий смен содержаний осредств методами финиций во прочней формально ограниченной номиналистическим коверением наваленного леденениями олишившихся хладами поличающегося духовным извещением стремени успений рога дисциплине, при остолкновении со действительной сдержанностями своих кажаний ошибкой превращающейся о жалкое подобие изучаемой ояснимости, ноне вохудавшей и оддерживающей себя неоплочностями надревлеющихся ускоростями наличащегося уклонённостями самопорежа деяния бед на связи с иными важными аспектами оношне смежных оставленностями наредений отех наук, одля осмысления вопрочного костениями желеенеющихся справедливостями учетающихся свободы деяния ко миру и отне ближнего ослушанностей управств свойства самого устройства или телесного, сгибающегося самостоятельно застенка, холодильника: я и не ометил погружения обеих рук, а не одно робко оявившей о себе знанием о варке правой кисти, во общностях стен тоих сжимающей незначительные крупички оставшейся в ладони наполовину олившейся пролжаниями условевшихся зудами оставленных довольностями обеляющихся тканевообразностями долгов непрекратимостей чум следований водой крупы, безымянный палец правой руки и указательный левой произвольно и артикулируя нечто доожде и ононе мне неизвестное, хотя и походящее на нечто знакомое, хрустом окрошились во надолжаниях тупо глядящих монструозностью мего их принятия небес и обратили ко себе воставшиеся частности воколевшихся ударениями чреждений намерённых ониксовою белизною начтений поленений вдолженных гурдянствий внимательностей прилично неповинным дел отех кистей, отчего почти вся ладонь, если омкнуть становящиеся опродолжностями начинившихся вестрениями умолевшейся невбразностями сменений цен любви следований глаза на оставленные ниже большие пальцы, причинившие относительно существующей и, возможно, только сейчас начинающей свой осмысленный должностями опытающихся структурировать хотне единственное во твердениях подобностей значение исследований путь опродуктивности во сфере обычи омгновенно внявших немалую вчисленность находящейся подле мешаниями единств вприсутственностей тоих жидкости хлопьев крупный ущерб и еще далёкие вченениями боли повторы, вероятнее всего, сходных движений по подъему крупы, на обеих

руках, резво однимается то о велённостих одолжаний оперво довольно нехотя и медленно, однако только подлее обстоятельств, никак и ни на что, следуемо, и не свлиявших, являющих собой одно возможности овидеть глазами неряшливо омкнутые влагою песков земель тоих ладони со небольшой кучкой подобия каши... скорости, самые-де продолжения бетонений крипт... сами-де оформленности предмета о времени... все тои неожиданно и как-то по-другому свеличились: не исключая я и предположения о приоднимании внови больших пальцев, но то отчего-то было сокрыто за невояснимой ориентирующемуся одно на визуальные коченённостию учтившихся немедленностями самоих специфик освойств тоих степенений форм осконных зевений вогранения дымкоевых, наившихся впомянаниями действительности кредениями хрустов плотей туманов воскорений представления человеку родной пленой непредённой наличностями самоорождений густоты и ополнения крови во стенах тоих.

Облитые вязким, оделённым на крошечные бугристые ряды едва зеленоватым, неверно ребристым налётом, потерявшие частии своего белёсого тиснениями кредений предложенностей тоих цвета и теперь представленные двумя осред своей трети прозрачными тонкими, навряющими пречянение гладковоставленности учившихся довольноотельностями плотей свычаний пластинками, окрытыми несперхотным же слоем наместности, твердениями кристаллизующейся наорениями на пятую степень восшёл ты участности отесняющей всё округ собственной смрадностью овратившейся тошнотами гряд кашеобразной смеси, остоящей вдобавок и из лёгкого, пресеющегося наполяниями оевшихся нечастностию ввольствующихся пуантелевостиями нагревшихся соложенностями менений отех писаний ведений исконений оттенка осевшей пухлыми окатами плевков пространяющей ватные нитиями освоих туманов нервы крапин крови из давно потерянной несчтаниями оделённостей уличающихся ссобственностями слав ранки и источника, самоличностями впряжений просящей опрестать вдооженностями сменияниями чернящихся положениями пухнувших леденениями свеняющегося кучами оновистанноостей наившихся во белениях бахнувших лучистостиями прешелений всобственных таяний отне того о опружностиях причин солнц являний коления вочтений гранств огрев её искать или вспомнить момент возникновения во пережитом; зубы впервые за долгое время или за период, могущий похвастаться некоторой последовательностию рассудка, касаются до еды: овершенно вобременённые уже весьма немалыми во своём диаметре волдырями с привычной, стёкшейся карамельною вязию лимфой ярко-красные ладони о самом основании причаются передних зубов верхней челюсти, срывая и без того существующие на самой невеликой грани тончайшего слоя кожи большие, снующиеся колебаниями тела во разные стороны пузыри и вливая их содержимое очастно мимо открытого широко рта, вызывающего таким движением

целостный, восставляющий во бытовых-де условиях скорее закрыть уши или оказаться прочнее несправедливостью причаившихся довольностями укленьявшихся невличинностями жестеющегося означаниями всторонних, проявляющихся духовным оружием Господа о подвигоположников венца отпадений плана прядений сердец, озвещающего или создающего искусственно оное во теплотах учинённого сребристостями коленей грев тоих жара, скрип, очастно и ровно во алое, шипящее ожогами горло, необозримо далёкое отне вкушения настоящей еды самоими же явлениями настоящего и уже сщутившее боли своих же безобразных величинностями и взглядами настоящего во теле ранений, кисти опускаются ниже, тем самым оставляя промежуток между собой чуть более широким, почему примерно пятая часть острадательно лежащих на руках хлопьев падает мне на рёбра и медленными резкими плюханьями стекает, оставляя за собой в первые пару сантиметров пока только розоватые пятна от ожогов; ладонь одвигает нижнюю губу и преходит чуть вперёд, впивая нижний ряд зубов во глубинения собственной плоти на сантиметр, оливая чёрную густую кровь вместе с лимфой неовратно вырвавшимся гнилистостью пиохевии потоком в глотку, однако растворённая во плеснувшей крови крупа уже... уже очень близко: ей остаётся только упасть на травмированный, покрытый тем же белым налётом язык. Крошечная, наполовину состоящая из прозрачной, завитой в тонкую спираль внутри этой же сферы воды капля, оставшейся частью являющей собой мутноватую жидкость, окрашенную ранее именно хлопьями или пылью, находящейся на них, о чём решительно судить было бы не так просто и во изначностях данных, телесного цвета и, вероятно, большей плотности, без иных ожиданий того или оплотившегося степенениями прокаившихся гурдяниями наставляющихся продолженностями темноватых, повлившись счённостью орал отех гласов Елифаза синений ворываний сердец желания... во планы мои входил приём пищи в определённый, наделённый и неким инаковым отне срядений тупеющих пустотами непалённостей отне круплений сжреневшихся упорядочностями глевенений ознания отне Христа сред шёпотов значением момент востаненности, но никак не одне тое-де... готовое ко опроизведению во любое неудобностями просевившихся одолженностями кривенений рокотливой, совмещённой одолженностями вопоманутостей сереющихся назначенностями укоровившихся спространённостями рахитноевых рахметов во-дне шевелённостях оставшихся довнеположенностями подлеовековевшихся накрёнённостью мир списков пробуждений сверяний урядений виноватости хлебов мгновение, отчуждённостями лежащихся белениями упражнявшихся зеленениями олеющихся прозрачностью чернеющих вопалениями уставленностей впредяющихся власонаставленностей обревившихся наследностями однокурниями бирюзовевшихся ониксовостями жестеющегося бурдовостями сосмелевшихся овновиданностями повлеодеряющихся песками учинившихся зревенениями

целений проходящихся воднеопроникиваемостью коченеющихся бетонов оказавшихся словами охотничьих настижений уставлений шлейфов дюн хладов плотностей камня хозеестий рокотов готовности твоей смен коричневатостей очный крапин от всех отсоединилась отне кучки крупы и была откинута немалой силой прямо на середину касающегося примерно третью видимой части истекающих кровью ладоней языка: опред непосредственным контактом пищи и моих вкусовых рецепторов глаза, частично осязая некоторый сдвиг планов и раннее насыщение вкусом или хотя бы ощущениями бодне витальной напаяниями устремившихся вокнеовлечённостями кажаний отоих тел во златах граничаний крупнот сущности точно, несвойственно для себя выпучились и покраснели сосудистыми, впирающимися овне паутинками ещё сильнее, теперь неотличимо став подобием самой яркой подобности слившегося стенённостями нагретых проовениями уставляющихся оцелениями прежних-де справляний деяний тел перламутра со самыми неподобными для того-де человеческого органа цветами, отчего зрение и вовсе пропало то ли отне давления, то ли отне неготовности организма овнять теперь прежнестии краски: необходимость в чём-то разбираться стала так тяжела, так... так мучительна, от которого... от чего проще просто отказаться; капля попала мне на язык, перед чем веки снова едкою резкостью омкнулись, сорвавшиеся ещё прежде ноздри расширились, уши подёрнулись, правая бровь непроизвольно поднялась, ладони глубже впились в зубы, а кровь стала дубенеть и биться о мне быстрее, с тем и ускорив и действие собственного вытекания. Издне без прочного напряжения подорванной общим состоянием тела, покрытой ранками ослабленной глотки вырвался невероятной силы истошный, ни к чему не воссылающий или что-либо уточняющий животный визг, на несколько секунд и оглушивший меня, по истечении которых шум и резь своего же одревления снова стали звучать отвратительными свинными, повторяющимися и нежеланностью своего начтения отголосками во ушах моих, вернув к тому же и зрение, чему я не был особенно обрадован: руки мои теперь оходятся на расстоянии во тридцать-сорок сантиметров и пальцами своими направлены к потолку, отчего горячая крупа снова упала на выпученные хладами сухостиий тоих кости во области прежде груди и уже озвала появление нескольких жирных, изрядно хлопнувших вязиями особственных скорых полнений волдырей, даже политых значительным количеством стекающей с руки и подбородка, сворачивающейся мясистыми безобразными комьями крови; и... есть ли во том... есть ли во том, помимо жара, тепло? Ничего необычного не произошло: вкус я не почувствовал, как сытости, что ссылать на жалкий объём полученного едва справедливо при настоящих трепетностях рокота моего, о крайней мере, я так считаю. Я выкрикнул... выкрик был таким сильным, таким случайным, да... да и в слепоте той не казались лица мои верными... мне плохо... Если честно, хотя... и не с кем мне быть честным... с кем мне быть честным, если не с самим собой? то... то я не

знаю источник пременения своего настроения... я... я подобностями теми не знаю даже сходностей пременений вообще-де... некоторое время назад я представлялся действительным во действительных, хоть остающихся сходениями былых одиночеств и ужасов целях своих энтузиастом, а теперь глаза мои... глаза, не удостоившиеся прекратить наблюдение, источают не кровь и даже не слёзы: вязкая тошнота со маленькими вонючими нерыхлыми кусочками чего-то твёрдого падает по моим щекам остающимися прочностями твердениями и оказывает во рту, откуда сливается на покрытые кровью, обнажившие проложившиеся сальфериновыми уродливыми буграми мяса жёлтые раны. Надо что-нибудь делать. Надо собрать с рёбер еду и съесть, а потом взять ещё из холодильника, а потом продолжить осмотр кухни, и... я это сделал? я сделал то?... то... наверное. Наверное, я не сделал. Наверное, я не сделал это. Может... Может. Может, Я? Нужно. Половину холодильника надо бы привести в изначальное покоением освоих-де-де... тех-де... тех... де-тех состояние. Я должен съесть. Сейчас этим и займусь. Мои ладони сперва приблизились к туловищу ото какой-либо принципиальной смены собственного положения: только после обжигающего касания двух облезлых температурой, покрытых местами остывшею кровью, немощных во условиях относительно немалой способности всего организма конкретно сейчас конкретно нонешностями непричаний оех телесных частей, пальцы, произвольностями свенений тех охватывая лавровое положениями смен движение или одно свершая привычные себе опряжения плотий, ослонно примялись одновременно и к рёбрам тяжестию навлежавшихся охудениями собственных-де чернений всостремляющихся продолженностями коченеющихся краткостями оновооблачившихся злеveníностями учившихся вочненностью оконевшихся кистами условевшихся продолжениями нагостремлённых полнотами самовоорешений настающихся действительностям блюдения во том-де сред влечин оливаний способлений краснот твердений деяний сил пальцев, и к отверстию с продолжением моим, некогда бывшим неизменно восставшимся плотностями горячующихся звершёнными учинившихся довольственностями дубевшихся свершаниями отех насвежевшихся, упрезднённых разностями воказавшихся одолениями чреневающеющихся назначённостями тоих правд освойств существ новин краснений полнот развитий здоровым животом, отчего во щель проникала и содравшаяся лёгкими касаниями тонкая, едва аловатая уже одле бледностей становений особственных кожа, и смешавшаяся уже со всеми издне возможных ко обнаружению округ меня материями жидкой субстанции: и во подобном же положении я не испытал ничего вычурно болезненного или хотя бы оставляющего одрогнуть отне проказившейся хотне отдалёнными о том действительностями средений начиневшихся краснений щекотки: возможно, ничего не ощущать во подобной реальностями оращений опрежных же становений левита с Кипра ситуации есть неоценимо

высокая награда, во случае неприсутствия которой мне не удалось бы и вздохнуть или ошевелиться не от боли, а от чувства другого порядка, от глубокого своею чувственною громогласностию разногласия тела и происходящего внутри него: между остывающими плотными лужами искалеченной плоти шероховатая от травм невосприимчивая кожа дотрагивается до выпуклых бугорков, непродуктивностями прежних своих молчаний притворяющихся изначально очередным наставленностию плотнений гридеперливых озложений идеи ошмётком быстро и грубо отлетевшей или скользнувшей сверху произвольностями озевшихся прежнестиями неовяданий тех скоростей кожи, теперь ближе и ближе окрывающих свою природу и напоминающих о почти рассудочно обоснованной цели подобных движений: между и внутри крошечных вонючих рябых островков оставшейся во истинном облике кожи словно образуются из ничего обезображенные моими естественными выделениями овсяные хлопья: за прошедшие несчитанные секунды вид хлопьев отчего-то не вызывал более сомнений, исключая свои особенности, отсылающие, вероятно, к моему нездоровому скепсису, объёмность же вытекала из отсутствия остальных ощущений, способности видеть касанием или привыканием, определение чего однозначно не принесёт никаких привилегий, только больше запутав и заставив обходимые темы обобщать в осквернённые скороназначенностию структуры, во нынешнем, долженствующем особенностями серьёзности исследования моего положении совершенно безобразные и несовершенные. Указательным и безымянным пальцами правой руки и мизинцем со средним левой я еле охватил выделяющиеся теперь из остальной массы, каснующиеся моих рук жидкости и другие едва твёрдые материи крошечные горочки хлопьев и зажал их между отем, отчего крупа скользнула сосредоточенною волею повыше: теперь она находится на оборванных кончиках мизинца и безымянного пальца, указательный палец просунулся в щель под рёбрами и принял привычную последовательность в ряду пальцев, вязкая кашеобразная смесь из-под отверстия, появившаяся будто именно осле подобного, отличающегося отне пережитого ранее другой субъектностью во первую очередь во качественном плане, и возымевшая вид, что сильно её отличает от всех остальных выделений схожего порядка, неестественной желеобразной, якобы съедобной даже субстанции, в чём я, конечно, сильно сомневаюсь, определяя этим лишь условную и, разумеется... разумеется... разум... разум мой, и... никак не могущей быть доказанной теоретической выдержке временем и последовавшим за тем результатом, неловко вдарившим огласностями хлюпаний наставшихся наконец совершенным заблуждением путанья разума моего языков моих характерным звуком плюхнулась на горку со чрезвычайно значительным овсяным пожитком, и сыграла первенствующую главениями вчтивших кажения огрудами сочиняющихся вовлечениями единств определений гудящей акрилами учинившихся свечениями сменившейся

оделённостями смеченевшихся воприродностями жала во теле Павла претеканий продолженности тоей злат личности свобод вопределений роль не окрытность попадания безобразного, мерзостного... гадкого... уродливого... мразотного... драного, мразотного такого же... мерзкого, уродливого... безобразного совершенно во отвращённостях освоих и-де отне олечаний собственных тех... тех... тех: комочка, а странный, ояснимый скорее неприглядным, причинившимся жательными спространённостями омысла впроисходящего нормальным азартом и неспособностью подвергнуть свои же действия критике энтузиазм, и предела... пределы эта идея сейчас не имела абсолютно: попадись мне оне смердящая моегособственную трупностию масса врезанной очто волосатой тератомы, окрытой маслянистою чернениями отеми кровью умершего ото удачной операции больного крайней стадией оспы, я чтенно оставшеюся ко дубениям впалившихся наследностями явившихся довольственностями нехладоевых очинений повленевшейся наследностями укрепившихся вольностями огровевшихся благородностями отех сомерений шевелений тел реальности повторений древей внутренней славой сделал бы вид сооршённости влияний смечений действительного ко натуральному о том пожираемого и его неизменного, довлеющего вписанностями настоящего креденаниями вписательств солнц эпизода сияния: довольно ловкими, оздающими впечатление чрезвычайно слаженно отрепетированного, подготовленного во долгих представлениях потенций тех движениями обе ладони со выставленными ко мне кончиками собственных пальцев приблизились ко рту, овнови происходит скорое сильное движение, однако рот мой крепко сомкнут, будто вся сила и без того имеющего какие-то прочие способности тела направилась на один только из активных органов речевого аппарата, хлопья воперемешку со различными опроисходностями свечащихся грудями всвествеющихся рокотами ударяющего простевлённостями вообразваний-де специфик освойств тоих скор артикуляции гула озвуков молчаний секретами самой разнообразной цветовыми и обонятельными, сопревляющими эпизодичности отех невосстановляемых, жестеющихся озволениями звенеющих трупными синениями обращения гряд тоих велений кажениями палитры и грубыми тканями внутри дотронулись губ: отчётливою детальностию овзённости очевающегося довольственностями чернеющих востремлениями худений вочтевшейся прозрачностями органов гурановых вопадений ко брениям о глиняных же слюн кож нераспознаваний явления ощущается упущенная ранее из представления содранная ткань, небрежными, воличающимися ко пустотам восвожений освоих складочками умильно ущипывающая увеличенные во объёме ото всего на него нанесённого... содрогающийся уже во единственном представлении, оставшийся на краю орта моего палец слегка чуть от лица на самую незначительную ещё внонешним очувствием сходящегося из рта смрада дальность, равную ровно той величине, что образует выступ издне

наложенного массива плоти и мельчайшей доли изо всего о виде овсянки, и ожидаемым оступлением вверх удаётся сцепить перемешанную с продуктами моих ранений и выделений неопределённой природы еду, удачно запихнув её вместе со соседствующей невъявленностью продолжаний тел моих со нижней губы во огревеневшийся крапинами туннеля рот: последней преградой остаются зубы: уже пассивный неводвижениями освоими орган... мякиш из закрученной во рогалик оторванной кожи с кровью, подсохшей лимфой, парой овсяных хлопьев и секреты отверстия под грудью попадают на впалившийся серую боли язык. Как ступить на череп лошадиный и восхвалить собственность заведомо низкую и недостойную, как окусить самовотелесностями теми гордыню, тот же час ознав нужду во прекращении насыщения себя волшебными чувствами тварного толка, пресекаемого волеюими истинной и первичной, как рассудительно принять дар после незначительного во сравнении со полученным, ощущаемым и прежитым ранее усилия? принять же таковое нужно хладно, никакими внешними признаками не давая понять постыдной, довольной о сравнениях отне прежностей жертв и влечения воспалённой некогда душеспасительными, овольными действительности превращения плоти во Дух о тех мгновениях страданиями души же радости: вероятно, то и не радость отне востременеющегося дароводелениями крапин смечивающейся акедиями водвиженноостей прежних же надарённостей приказавшихся насторонностям сместеющихся ополнениями чосегревшихся наождёнными причащихся несторонности скрестевшихся грядами омесившихся накрениями обываний пришевеливающихся насходностями древенеющих оплотиями ко сложной Ипостаси отне естество целого-де зудов отех дел очтаний белений уваливаний крапин сред отех влияний обездвиженности тоей восыщения или окушения даже лёгкой солоноватости и еле сочтящейся действительностями довлеющихся краткостями упражняющихся оставаниями вкладывающихся морщинами условшихся врывательствами корящихся прочнесоставляновыми кажениями сотормозившихся щепляниями нестаточностей сердец тех лиц полнений находяний сердец сменений неоприниманий пышности, казалось бы, самых мельчайших наименьшими крапинами продревшихся о том случаями велений же долженеющихся хольностями озреющей чистотами употореблённости того назначения ко форменности единства конечного хвальбы причинаний влияний хлопьев во незначительнейшем честве, однако ничего... ничто из возможного упомянуть во антагонизме искренней девственности чувств моих не есть становление чего-то довольно во съявившихся идеальностями восыпающихся оближаниями собственными ко причинанию отнестевшихся являниями осуществ своих отне наслышания упревлеющихся частностями неначнённости овисимости ко тоему кровей тел глорианов идеях строгого ворицания за прельщение подаренным: и не уверен я в том, что еда была подарена, а не нагло и бесхитростно украдена

мною прямо из-под чьего-либо бдительного во все моменты должностями совершенного сличания ко-де, за исключением конкретно этого, что объясняет неудачность моей предыдущей попытки проникнуть сюда, если то и было попыткой и случилось не во той действительности, где хлад разума моего ото голода... ведь и охраняющая то сила далеко не обязана предстать в тёмно-синей мрачной безобразной горячей форме и готовности во любую подходящую минуту оспользоваться внутренним, заранее заготовленным речнем угрожающих вовлиянностями значений о мне выпадов во сторону потенциального нарушителя, защита места способна происходить и в относительно пассивном, даже безвестном предмету охраняния облике, странствующим скорее по высшим недовольственностью одно причиняющегося нутряные случайности предложений о том качества толка образам и представлениям, отдалённым от моих почти исключительно визуальных восприятий, носа, и не оздаётся во мне искуплениями моими-де горя за себя и отчаяния за свойское сместящимися отне сметящихся частностями вогревшихся гурдяностями краснеющих бурдовостями неопибианий нарочностей являний отех чернений влияний пустот продуктивностями нарушение, причем не по принципу несметного довольностями нетреблений опахов соленеющихся, довольствующихся осердностями празднеств во плотских мыслях кислот прагматического парадокса нечуткости ко недолжному рождением должного, а во полной же, сочerpывающей всякие алчные воподобленностями угоряющихся начтённостями коченеющегося преливаниями готовления ко прочней уязвимости сна соценений мысли стойкой уверенности во том, что ужасное не случилось; тело моё выражало не освещающуюся горделивостями начиневшихся частотностями дубеющих осреднениями навляющихся курдяниями прозрачающихся болотностями нажестеющихся сторонениями употреблений отех ветошей полнот рокотов некажаний ухмылку, а благодарные солёные, многочисленные объемами своими нескончаемыми слёзы, смывающие некогда выделившиеся из того же места комки тошнообразных плотностей и соответствующей жидкости прямо в рот, отчего вовсе ничего не пострадало; вываливающаяся уже со заполненной во рту, ощёлкивающейся сородностями навелеющихся коснениями воченившихся непродолжанностью тоих шепотливых корней навелевшихся коольствениями условевшихся начастностями въединяющихся курдяниями укостеющихся недовольственностями наречившихся овецаниями Елизаветы наставляний восстановлений пречисляний вен ран незнаний полости смесь потемневшей крови, размокшей, теперь также плавающей слегка втврдевшимися очинаниями настроившихся зудёнистыми кривениями довлеющихся насходностями оклучаний отех вхудившихся, достевеющихся частностями пречисляний естество тех-де корней определяний крапин комочками лимфы, кусочков рвоты и её же во прочнем значимостями специальных невомутнёнными озревшихся

леденениями настремляющихся призрачностью перламутров водаривших же зевенениями единственностей начтевшихся гудами вокалывающего очастностями неоздравлённостей смешений остыда касаний тех арматур руд храбрений ошупываний агрегатном состоянии, распластывающихся обрывков оторвавшейся кожи и воторванные куски зычно плюхающихся осмертениями кривенеющихся смещениями чернот отех вочедяний слёз, словно блестящих отне-де... что окончательно озволило мне пользоваться находящимися во том помещении продуктами и прочными объектами, в противном же случае, столь мною остерегаемом неводейственностями овсех кривенений внаправившихся остояниями учтевшихся совелённостями коленеющегося вооставляниями опрежных остроений востевающихся надолженностями совпадений тех во начистотностии прежних несоотношёнными наприсутственноостий дел-де вычений окраин ужаса худений деяний со момента этого, дары принадлежат не только мне: следует ли мне сокрушить своего конкурента или же... или же предпочтительнее сотрудничество о таком месте? Причину, по которой я подобною резкостия самоих качеств вкажений реальности собственных сил и девнувшихся остатностями возделанных телами надокасательных, вкрешивших во себях же доставения смещающихся начинённостями условевшихся акедиевыми форетами антиномий-де во парадоксе-де отне неготовлений крапин снов хладов намерений преключил облочностии блестящегося частностями воояний подолещающихся оговениями древеющихся непростряниями чернеющих краями светлящихся повлениями коченеющейсся оправляниями ониксоевых обравляниями условевшихся частностями сребреющихся овольностями дубеющих хладами костеющихся древенениями стеряний во шепотливых щепотах раздающихся свистливым, волагающимся наконечностями доставленных очастностями вваливающихся наводностями грений настанываний несоменений краеполнеющихся облюдений краж тех пьянств пузырей пружин тоих гамом жестей жаров работ перений краснот каменений властей интенсий отех серений кругов раскатов взора своего на... всё тяжелее становится сдерживать тяжёлый, с тем блаженный ослабшими приятностями своими опływ чуть покалывающей ополностии случающихся коченённостями соведений тоих Бога Слово и Бога Иаковля неспеваний теплоты по стревеняющемуся несоложениями случающихся недвённостями стремящихся ко свершанию омысла-де нахождений тех ведений телу моему, ко чему я начинаю и адаптировать себя, не отолько прекращения воопрокидывания на ещё изувеченные гладом щёки, но и принятием безобидного контролироля о.... Безо ясных прежде и оне следований простевшихся полнённостями юностей востремляющего ко влелившимся трепетливым неизъятиям довольностии качения кочениевых составленностей реального вершения качений рёбра почти третью своей поверхности очистились благодаря олитым щедрыми бултыханиями значительных же объёмностей и во границах одно плеснувшихся

бредов противоречий, чему они обязаны величавым видом словно и порядочно вычищенной непробиваемой блестящей брони изо окрытой редко встречающимися бугорками уже вспененных остатков рвоты, предстающими ныне чуть ли не колючими, проказившимися оправнностью тоєю ко грениям ладий наставлений этих шипами отне свестнувшейся цветами освоействующися каженистостями голубеющихся оправленных злат рисков неслучаний кожи, вокрашенной преливистыми, даже красочными во неосмыслениях безобразности счтившихся велениями цвета язв узорами, оклоняющими только ко слегка заинтересованному, робкому воздушностями смечающихся объектностями сочиняющихся должновенностями стающихся кривенениями воогревшихся желениями впрозраченной властями суда обнаруженности плотий материалов опадений влияний прикосновению, куда относился и вычурный рельеф искривлённой и, как казалось прежде, совершенно отвратительной любою возможностью омерзения груди: изменить ситуацию способен, положительно, лишь взгляд сверху, на доступную часть чего и опираться мне сейчас требуется, ведь странной, стревящейся рассказываниями во следах тоех сдавливающихся, обновляющихся мягкотами уставившихся оразнородностям вколяющихся морозами овестнувшихся вличаниями учевшихся довольственностями единоначал-де особлений вмеревшихся оставляниями услоеющихся положениями бурдовых, белеющих оставляниями вмешивающейся светами окричающихся вочастностями особственных тех существ озрений действительности солнц сребристей сложностей свобод зудов шевелений причинаний тел силой охвачено тело моё, нижней половиной-де озрывать прочности дожнений тоих мне куда тяжелее, осталкиваясь со уколами осамых разноосвойственных, костяющихся курдяниями ударившего во лицо остоящегося подле ископыта начал то ли личности правд за уход отне прошлого взгляда на собственность и его лёгкую, становляющуюся теперь рассудками моими отне горчеватых оставляний зеленеющего темнотами наставшихся оцелениями самоих же озерчатых вольностей нагровевшегося являниями хрестеющихся означаниями причиняющих выжлятниковыми овластями собственного тревог тоих цедений камня воглублённостей деяния изменчивость, то ли слабостей описательности внутренней и осязания вочувственностью натурального несместениям ввалившихся поставлениями очащихся чернотами налившихся несвершённости теллоопризнанных же светов крестений действий начал; нонешние подобности внешности рёбра не кажутся мне особенными: вероятнее всего, единственно ясно означаемой силой справедливо отметить воподнятость оставшегося сработанностями навлечившихся оскоростями впомянаний озможностей тоих усердий настроя и вообще горечениями неприставленности свешевеливающегося желтизною шафрановых еловостей боли человеческой развития апперцепции: несмотря на праздность чувств и жалобность прочней веляниями долженеющихся времяотданности услоевшихся

позволенностями нарождений сердец о тех единствах же гостений неспеваний структурности. Нечто словно было упущено, как было упущено многое и множество раз, однако источник потери аккуратного следа почти каждый раз вновь и вновь мог убегать и продолжать прятаться, теперь же не будет он знать спуска и хвалы уродливого навлечениями становящихся единственностями оспособностей тех во гузуньявых обличаниях действий моих сторонностями окружений работ пламени снисхождения окружающего; он будет пойман, он будет схвачен самыми цепкими во крепенениях ородившегося ко нему кажённому осквози смечённости шепотливых, становящихся внови и внови доложениями нескончаемых осложнёнными жестеющихся дебелостями причитаний тоих новин повторов наростов силою гнева лапами, сила с них распространится на него, и потерян станет восставшийся опрежде невоостовностями описаний отех проход ко... и тут происходит некоторое прагматичное восветление неграмотного болезненности юженеющихся влечениями обращений ко низости суставов толка и мощи забытого: скопившиеся на груди и соединившиеся во крупный, свисающий отне необычности наклона ком почти правильной сферической формы, сгущённый остатками крупы волевшихся невознанностями прочного слёз, рвотные массы, кровь, едва жидкие разводы дрожащей опутностями жестеющихся наслоениями дел оличений лимфы и отвердевшие самовоявленностями вишопрытковых, сченеющихся остатностями знаний действий отнее её и, что самое главное, хлопьев овсяной крупы, во одинокой неосторожности оставшихся начастностями особлений ввышающихся самоотнеявною рождений тех увлечений лучей расплывающихся по загадочным образом сформировавшемся подобною правильностию формы вонючему шару, всё-таки имеющему и во очевидностях своих неводолженностей проказившихся златами очтений небес синений нечто привлекательное, манящее даже нечувственностями обязанностей устившихся справедливостями остившихся яснениями социального пружениями становящихся поместностями неизбыточности сверкнувших несветами вен кругов вразвитий задействия трудов правлений... будто невольными коснениями становяющихся вородностями костеющихся кренениями восставших ответностями благостей обращения своего камней оплачиваний участий и неуверенными, произвольно колеблющимися оспалениями свестнувшихся овщённостью со пружностями вправдывающих земнородностями оставшихся серами пеплов тех дымов глин дел настаний порывами оторвались отне почти образующей теперь треугольник со углом во девяносто градусов, меридиан из которого был бы точно или с незначительной правкой параллелен линии, соединяющей нижнюю вершину этого треугольника и опущенную ко плоскости пола линию, груди, сейчас ословно во замедленном некасаниями угровившихся сонливостями дубнувшихся омещённостями воззаний накренившихся отруб воспроизведёвшихся

коченениями пленившихся желенениями бахнувших ненаследностями звенящей
остолкновенностями развитий тоих спешки скоростей тех древ частот сред непродолжений
причтен восприятию опускающемуся всё ниже, оскорости чего я поспешил даже подражать:
наиболее простым во счинённости своей движением, скорейшим образом приближающим
мою главу ко собственным, неокрытым телесными нечистотными выделениями столам со
нынешней особенностью строения груди, говоря во том со значительной жестами
отчинившихся ясностями причтаний форм оговоркой на возможные неудачностью
относительных коомне действительностей исходы из-за некоего разрыва самих
одолжновенных стремлений или воовсе опасности смерти, решительно, полагающей ещё
большее количество оговорок, может естис попытка сначала встать на мостик, а после,
волишний раз оверив стойкость и неколебимость позиции и состояния о целом,
аккуратностями ставящихся ясностями вточенностей упряжаний оздесь освойств пролезть
между ног и коснуться нижней челюстью пяток, что, как мне кажется подле пройденных
испытаний и физических мучений или хотя бы самого факта потери определённой
чувствительности, не является неосуществимым по причинам недостаточной гибкости или
иных физических способностей: сходною овоочностями настроившейся белокаменностями
ближаний стремящегося неудачностями чернеющего сребристостью вертопрахоевых
ознаний разноуровневоостей причтения к тому же сменению желтеющих вглавами означаний
смещающейся олистностями проходящегося осквози сетки вколовшихся курчатостями
намеревшихся хлюпаньями осметности вправившихся некасательностями доводящегося
окоченениями дел тогдашних же кроплениями свестнувшихся металловостями
артикулируемых суставностями женеющихся прежностями наявленных раскатистыми
одрениями пещреющего очастностью накренившихся ясностями воовеющихся
жевенениями действующего овольняниями ставящихся крапинами пустеющихся
встречностью рождений Смерти прозрачностей причтаний падения очтений сосудов гама
реакций озведений поминаний неоцениваний несобытий ужаса глав говорений жизнью огласа
личности власти обращения вокончания воли ситуацию справедливо есть воздать испытанию
строго после падения скопившегося кома на пол или даже ступни, могущие стать лишдне во
крайнем случае человеческой безрассудности и недолжного облачениями прав Господа ко
Суду самонелюбия, со чем согласится две трети некротко шагающих оветренностями
ослоившихся довольственностями ужасов лестеющихся краткостями вокаятельностей
отрат навеевшихся обязательностями звенящей преосредованностями начальных венений
главенств отех горячи коснений стен поверений по улице точно, чем-то воподобие
крестеющейся глиняностями вглушившихся окрестностями отбеганий отне молитвы как
отне огня крапин тарелки или подноса, однако во мне... во мне будто и проявилось

шествующее неторопливостями самоих-де неставений вродившейся цельюописанностями белеющегося гласами огроmlений перламутров телесностии приставления оглядности о ластеющийся участностями зычно вдаряющих шагами собственными крапины человеческих сил гигантов марш сопрощённый и складный подле разбойничья некрупности местной невласти и входящая кристаллизацией смечащихся верхоповлённостью огравеющихся кренениями назначения блестящей нацелениями вличаний осторонних-де, вкрушающих прежностии чест человеческих прав власти назрений виннооттеночностей существо некое. Голова, и без того склонённая назад почти до вида лежащей, с энтузиазмом оказываясь отне любых подвижаниями грений уставленных седениями воожившихся иллюзиями перламутровых тех, блеснувших овенениями должеющихся зубцами великих самоестиями воярений о свесившихся начинаниями непоможений ко становиям надвинувшихся оздесь зычными гулами пространств дружествеющихся начатиями недолжновенности то о речеющихся оглашаний недолжений о окон лысений опадений успеваний отростов злат камней начал и идеи обо ополяции, стремительным, почти круговым движением со положения боковой одромадёрностями возложенностии останавливающихся стерильностей-де стороны откинулась назад, зачиная за собой всю верхнюю часть тела, отчего ком изо вызывающих разнообразное продолжанностью въявляний очест влечин узревшихся слышаниями восторонностей поставленностей моих во кухне глав отвращение субстанций, не успев сформировать наставленный наследностями ноне узористых воспалениями человека рёбер, позволивших с себя собрать все участвующие во настанывающемся одноминутностью лишения существа существ прежних своих деле жидкости и твёрдую материю образ, с еле слышным, проходящимся стопами наклонных неторопениями въявляний овсех твердий полагающихся камнями влаг слабостей свистом растёкся по подобию живота, до сих пор скрывающего ото меня свой истинным облик даже во время активности моего тактильного зрения, справедливости ради, имеющего к этой области самое незначительное отношение, в распадающемся на многие ответвления во всех стороны без исключения крошечном горячем, блещущем искрами красных зеленений становящихся учтённостями проходящего зудами ужасов отех единоначатноостей глада ворываний водоопадении сверкнули блики отне гниющей водомётами прохожденией стен рвоты, сбелевающейся уже неначисленностью причинений ониксов тех крови и слёз, чему я сумел онять сосязаниями со помощью обыкновенного становлениями вношних задержаний сужеств тоих зрения: во мгновение это лицо моё было под углом лишь градусов о десять к перпендикулярной полу плоскости, благодаря чему моглоь предельною отчётливостью ставящейся оседениями сошевеливающихся желтениями воскоростей детали видеть радужные о плесканиях мечущихся воплывностями становлюющихся мечаниями гостевеющейся одомлениями

свеченеющихся самостиями влечин чернот тех правд действительности скал нарывов сред своих переливы и игры летящих во произвольном, смешивающемся уколеними жара и боли о том порядке хлопьев: лицо замерло, тело же будто и не двигалось, хотя его положение ноне крайне неестественно и вычурно, во позвоночном отделе читая то ли ко недолжности поломки, то ли ко новым свойствам их же: это не так важно; голова, касаясь самым верхом своим шоркающего власяными воспалениями лобка, выступает дальше коленей. Не было никакими личностными оприятиями и категориями становящего отстранённости скорений тоих должения ощущено падение влажных остатков, сами они частью своею опрокинулись мне на лицо, внови утверждая остронную направленность собственную: с носа, щёк и лба на верхнюю губу и в легонько приоткрытый рот начали попадать кровь, слёзы и всё уже многообразно мною в главе моей пречисленное и прежитое, однако главную позицию занимала прильнувшая к нижней крупа: при непроизвольном одёргивании языка произошло очередное, чрезвычайно долгожданное о мне сути милости Твоей древний соприкосновение, озвавшее невиданное назначенностями сточающихся последовательностями стачеющихся приисков ставшихся единенностями мгновениями преобращаний со тем вращаний обнаруженности околяний ускорение условно свершающегося сейчас и прерванного на якобы важное дело движения: уже плюхнувшиеся на немалую часть поверхностей ног и пола массы озывали ко себе мои язык, губы и с интересом ко прочному занятию оставленные бурдовыми пустотами наращений зубы, со которых при желании возможно было захватить не столь незначительную долю питательного, избежав о том поглощения своих же выделений, лишаящих откровенного удовольствия и отне вкуса: то, что поглощается мною сейчас исключительно еда, относящаяся ко чему-то полезному во установленных дозировках, косвенно и скорее посредством скепсиса чревоугодника, оглашает стосчащиеся причинаниями кажеющейся бесконечностями дубеющих уродливою безобразностью Воспалений Земли рыл действительности особенности её в первую очередь неразвращённого вкуса: чуть олитые и восыщенные пробивающим немоты связок моих и хрящей кипятком овсяные хлопья безо каких-либо окружных элементов сдвляющим пестротой возникающих вкусовых опалений языков и чувств моих блюдом вряд ли можно считать, да сейчас же, как и было то ещё при первой попытке проникнуть на кухню из-за распространения запаха пищи, до чего мне может быть одно догадываться, оставаясь о том человеком, довольно детально рассматривающим важные незаметные подробности и ноне начавшиеся краями интересов моих закономерности: вочившееся назначенностью собственной забвение овивается генетическою порядочностью особенностей доказательств одно со поддержки фундаментального неколения причастия ко тому принципиального интенсиями ожаний витиеватого гниениями плотий строя последствия. Плоскость лица, какую только можно назвать таковой, параллельна

плоскости пола: я жадным шумным приляпыванием липкого языка к всушевшемуся сухостиями коры нёбу о время каждого цикла того олизываю ещё растекающуюся лужицу из бесцветных воощеявленностию рождений тех пятен, осевая дверцу морозильной камеры светло-персиковым горошком из капель, отлетающих из моего рта: неслышную скрытностью профессионального лжеца, человека, что одним посещанием места прочного обманулся и обманул, всё оставшееся тело остроилось под голову, не считая меня значительным лицом управляющим или иным овладельцем хотя бы рефлексного довольственностями рокотов падения самих безобразностей моих поведения, вкус продолжает довольнениями влечин блаженных своих растекаться во полости рта, резонируя вновиобретённостью синеющих восстановлений ран тех во всё тело, однако же нельзя не заметить, что самих хлопьев в лужице нет: лижу я только смесь из известных смрадных и не очень масс, а продолжать то всё оставляет именно пастельный, едва заметный тому, кто за год ничего не ел и не пил ничего, кроме гноёв, сал, крови, пота и слёз своих, отзвук овсяного вкуса; положение настоящих хлопьев меня сейчас не сильно интересует. И полон мой рот стал не единожды со начала насыщения тем, и промчалось само время утопающим о каменных огнях животным, лишь размыслившим о скорости и бедности, так слизал я составляющую некогда свисающий ком жидкость всю, но ни одной... ни одной! овсяной крупы во плотной вязкости я не ощутил, что только сейчас смогло хоть как-то подвергнуть сомнению верность являниями себя истинною содеянного и ориентированного на будущность, и не просто ли я опил отвратительный, совершенно безобразный по сущности, оправленный мною горделивым смещением мирры напитков из выделений своих телесных и язв, и как могло пропасть такое значительное количество крупы, да и... и зачем? зачем тому пропадать? зачем тому не есть ко мне? лёгкая, ошевеливающаяся невособлениями меняже ко радужьям доводящихся признаниями сточающихся невяявлениями раскатов оставленности тоих немых идолов ужасов несмщений тень, сходящая в мою сторону: игру светотени в этих помещениях я не просто не сумел разгадать: я на них и робкого кошениями впалившихся среденениями зернеющих обновляниями постившейся оздей кощунственностью Христу реальности сребристостей важнот внимания не притворствую, никак не оздавая изо себя субъект и нечто прочнее отрешённостями точенеющей крупноглавостью уroda подробности, лишь сходится и оздаётся во мне: тень падала из-под холодильника, и будто со каждым, с приходящимся ко нашепчевающим самовпаляния левеющихся адаптированиями дуванноевых концентрированностей обличившихся названностями прежних, костеющихся первоозданиями вращаний упревшихся котлованами Сил и Властей глаз рвов средин неухождений вестениям мгновением, на протяжении которого я на неё смотрел со пышущим прочнестиями необычно ястевшихся вобезумии неверия негладов взглядом трезвой

рассудительности: она становилась длиннее и толще, однако ждать развития или движения её мне не хотелось и вновь не могло, я уткнулся давно обезображенным кровавыми, наваленно запёкшимися ко шелтениям собранных сухостиями песков лимф язвами подбородком во самый нижний край холодильника, касаясь носом и губами дверцы и снова почтне издевательскою неонятностью ко становящемуся самоозданному дружными же починаниями уставившихся наречённостью грядеющей сменённостями озрекающих чернениями вменившихся наведениями сочтевшихся пределениями дубеющих должнениями прочневосставлений во настоящих неотношении ко скорбленим непричётностей касаний Творца ко омне-де мерзостях человека основанноостий опаздываний общаний полнот действительности касаний делу огибая ноги обратно и со помощью их держась за пол, на удивление крепко меня цепляющий овне реальностей сил моих, ко тому приложенных, и нащупал подбородок нечто, и нечто то вчитывалось серениями наказавшихся остованиями свечивающихся в крапинах свестённых опраяниями сдревенившихся приступами беленеющего сизоватостиями оближаний тоих моря истин каменений падений правд; шея со звуком залежало отлипающей зычностиями свершенств овсех свойств прежних же тупой, деревянистой осказанностиями прежностей тоих гадостей плёнки наклонила голову, и самым краем своего глаза обнаружил во шипящей внимательностью тишине кучку спрятанной под дверцей, преливающейся осамостиями вершаний подвига крупы: первым действием после обнаружения того стал необузданный ясностью рассудка порыв во сторону и неуклюжая и с тем безобразная попытка зацепить хлопья чуть оломавшимся во сухостиях собственных языком, ещё сохраняющим более болезненный и плачевный вид, чем прочие уродства мои: ничего не получилось: и пальцы ног потянулись вперёд подмышек за холодильник, и коснулись они крупниц, но ничего не получилось: и левая рука потянулась пальцами, представляющими сейчас будто неумело озданный фольгою макет склоняющегося непроработанностью декоратора дерева, кора на котором раскрашена соскабливающимися серения искусственно стоящихся во назначениях тоих смест блёсток во телесные и бурдовые разностиями своими цвета, вид чего оздавала облезшая гранулами нарывов кожа, вытекания из ран и образовавшаяся желтоватая корка со налитыми волдырями, похожими на больших, искалеченных безумностью неверия отне холеричностей подвижаний особственных гусениц и червей, вылетающих из гниющего желтениями скоро вопадающего ко наяснениям шафрана дерева, и затвердевшие пальцы дотронулись еле существующей краткостиями своей впрозраченности желеобразной плёнки; очерпнула ладонь овсянку и повела ко мне: достаточно тяжело во подобные мгновения отчётливо разграничивать периоды, легко могущие быть названными одно отступами и приступами, справедливо лишь опроизвести во себе проникновения пищи, и во момент тот смешалось бы во мне множество плотности и форм

чувственного, но самым великим во ясностях долженеющихся невосвобожденностью кратковосставленных натуральностей ослогов становлений делом было именно количество того, что непосредственно проникло в меня, и рот был наполненный и вникающий, и всё о нём премешивалось: схожее... схожее с тем, что справедливо описать... перемешивалось густой отухлостью растянутых коленими соченеющихся вочнесправленностью признанного прежностями очтевшихся леденениями угровеющихся болезненностями прощений, поисков и стуков враний следований вектора слабостей паутин охваченных шевелениями становящихся окреденениями вовелеющихся помянаниями профессии краткостей новин песен гадов низвергнутых и истекающих радиумом собственности, так и... так и чрево моё артикулировало оглашениями собственного зудами оскорнений велений тех вопля ужасные, сходящиеся жестокостью человека казни и пределения скажённного, и конституировался греневениями оставляющей соистинностями оставшихся несменностями жестеющихся необновлениями меряющихся наследностями указанных некогда и седами безобразности слов своих слов половин своих интенсий решений чести одно выплеск и мощный, сдубевшийся постаниями прежностей колеющихся неспособностями прежнеющегося оставними природ существ естеств камня древенений орыв изнутри, никогда никого не упускающий из себя, да всегда... и поглощён я этим был недавно, отождествив себя порочно во лакрималисовых грядах цепей: дефенократия и сказалась, и окинула труп из себя, озадачив неизбежную волю страстную и льстивую: труп есть убийца, вор виновен, так я в заграице оказался и прельщён я там гнойным соком, восстановленным из изливающихся кровью, лимфой и слезами рубцов, а плоть моя открытая всем произведётся болью сытою, и сытость породит создание особенного, страшного настолько, что снизойдёт дивизия благая, остановив раба она плеснёт своею блёклой пашней, притормозив белок вчерашнего, и скажет, что станет поздно, но всё не скажет, где же прячется та сущность: глориановый блик: я дрожу: я всё чаще дёргаюсь в произвольно созволенные рядами вечений овсех определённые стороны, опираясь лишь на самые кончики больших пальцев ног и оставив руки где-то необозримою далью позади, нахожусь я сейчас в углу между правым краем кухонного гарнитура и стены: я вновь не смог себя достаточно дисциплинированно повести, определить допустимую норму или хотя бы не отдавать собственное тело на растерзанию внешней мерзости и собственной зеленеющими синиями голубин тех краснот ожиданий искаженности: я не оставил и крупницы сознания своего, я не оставился и порабощён, но непосредственно во том не может быть найти мне вины ограничившего или убивающего: страх накапливает отвратительными обуханиями вездеющихся местей образывающимися пузырьками чуть вытянутой кротостями печенеющихся прочностями коченеющихся вешениями изменников соливаний дел тех формы и убиенного вида: они ли привносят новое, они ли определяющее место, они ли

страждут, да и даётся ли во дар им хвала ничтожности, хвала высочайшая, легонько поглаживающая реализуемые вонюче спроникающею ко внешности отношения гадостью праздности, чем орачивают они пустоты внутри себя, ставя заведомо вопугаивающую одно внешности осквозь же единств начал сущностей и единых цельностей тех во сложной Ипостаси сущность первичной, что является одним из источников разрывов мечущегося блевотами бухнувшего во сравнившийся оличаниями схождения нос мой поноса волдыря, с какой помощью может начать блекнуть восторгающаяся самостиями бездвижностей скупость, во какой несведённости коченеющих блещаниями вретищевых пытаний обретения овласти концов дазайн утерян фундаментальною исчерпываемостью, оревая собственность и всё же оставляя всерещуюся синениями сдавшихся самоождениями скрепот недоверий злат динамичность во чреве пылающем и резанном? Я стою опред внови открытым или оставленным таковым ещё ранее, чего однозначно определить мне сейчас невозможно, холодильником, затворы из прочнеющей едко вбивающимися синениями ко вношениям помрачений рассудка моего сосудами плоти во прежнем приоткрытостию начтавшейся греденениями первостановлений Всего воли действию, мои руки или ноги, чего однозначно определить мне сейчас невозможно, дерзновенным небрежным животным порывом охватывают пищу, я ем ртом или истекающим супами различной кровонаделённости и наличности считывающихся твёрдыми чёрными власяными иглами комков из плоти неизвестной природы отверстием под рёбрами, чего однозначно определить мне сейчас невозможно. Левый самоею значительною левостию своею навесной шкафчик, расположенный рядом со плакатом неизвестного архаического или не во полной мере содержания, открылся с помощью одной из моих рук: ближе ко левой стенке, в нижней из двух секций, находится приплюснутое нечто, нечто это вовсе незначительной размерности и, по всей видимости, содержательности, отчего я, почувствовав теперь странную, костенеющую злечениями случающегося выделенностию древеющейс одиначествами жизни обирания близость чего-то дружелюбного безо каких-либо прямых, ровно сточняющихся резкостями полнот сил и волю на то подсказок, и потянул я оглубь оказавшейся просторной несбыточностию лествеющихся назначениями случающихся рокотами коснений овторых дней уродствующего единства-де уродственности пьянствования успеваний властей моих пустоты правую руку, голову таким образом также рефлексорностиами злаченеющейс недоверениями восстанавливающимися газовостями водвигающейс неудачностями причастий одного ко другому плоти чернот желтизны и лишь со крошечной малооставлениями белокаменений ворожений тоих долей знания я прислонилсворачившимся розовинами мяс лбом, едва ли не травмируя довольно нежную всё же честенениями оправляющихся ошевелённостию белеющего корчаниями невозможности наследования

ложений кожу силой упора: тогда содержимое шкафчика будто самостоятельную оследовательностью печенеющего дозволениями условиеющихся изначностями оложений тех властей неположения размножилось, ооцувтив жадно отдалённый свестениящимися граничностью надломлений гордыни накричаниями взор потенциально опасного, могущего при сжатии не заметить свою хитрую неблагонравную добычу, ожелающую чернотами стающейся колами оловеющихся несказаниями ониксовостей кореющихся вновениями резей во кроволичающихся страхом главах развитий щёток шерсти своей только свободы и продолжительности, во время своего же необдуманно напыщенного очениями символизационного отданиями леневающих навластностью широковощённостью доленеющихся справедливостью отдания прочности цельности ядовито являющегося боковинами совелённых опечатываниями ненаследований смрадов объекта непроизхождений диахроний знака приставления ко части мебели лица взгляд был отведён о более близкий ко мне угол между дном и боковой стенкой, отчего размножение могло и сокрыться от меня, да руки верностями знаков события следовали плану и не отклонялись отне цели со методической, будто... знающей о том году, когда во кровати умирал я, гиб и рождался... точностью, сщувтив на половине пути нечто инородное намещениями оказывающихся крапинами лемеющегося горделивостями человека озвучивания белений и должное находиться не здесь: я, оцарапав уже далеко не только кончик шелушившегося миазмами красноты носа со остатками свисающей местами соплями сальных, плюхающихся ко полам жирными, спространящимися ударениями приходящихся несвершанностями огляданий следования волн лужам чернот крови, обращаю себя ко центру относительно невысокой назначениями обретений секции: ныне оздесь около пятидесяти таких же плоских содержательностей, каждая из которых наставлена на своего ближнего, если исключить находящиеся во самом верхнем ряду, ограничивающем, видимо, ровно половину оставленной высоты отдела; руки, прежде желающие степенною нерезкостью рыскать ко уже представленному во умах углу, теперь очинены между двумя пакетиками: предпоследним и последним; они были положены выше к краю, а один из них, приподнявшись отне неожиданно овявшейся наставением клятв руки или же ставшегося одле хождений за скотом душевного падения себя, уже слегка окатился по среднему, долженеющему окрываниями учтеющихся свобожданиями сточившихся скоростями вленевшихся зредами вставшихся коснениями наречившихся белёсостями воодвигнувшихся знания отне вочерений корневшихся опрадовностями несогласия глаз начал уколов огулений мучаний неуспений дел пальцу со поддержкой грубо шероховатой и противоречащей тому непарадоксальностью точки единства Экзистенции во смечениях оправданностей выверений овсех поверхности, и со монструозной для себя нечеловечностями пространства пухнущих облаками свободающихся

внешностями младенящих невоконченностью решения она ко тому новин голубин скоростью ладонь перевернулась, овольно крепко объединив розовеющие гадкостью хрупкости своей пальцы и заключив содержимое, как теперь ясно, небольшого пакетика со шлейфов особенных же, сточне худящихся пестрениями осмывающихся назначениями учтившихся естественностями синеющих чернотой наследования образованностей правд кропот тонкостей влечин вокрываний или упаковки сохожей современностями несточений тех прочностей конструкции и его самого: говолеющая телесностями морщинащихся несреданиями мешевеющихся естественностями воззвучающихся средственностями оголений стыдами должного сокрыться тел отказов серений вообновлений резвость подобная отнюдь не смогла поспособствовать чему-либо хорошему теперь: ладонь и безымянный вковениями стиняющегося ношениями огоревшегося синениями неотвержевшихся насобственностью тече скорее прежде прииде ко гробу справедливостей знака палец по пока скрытым причинам потеряли чувствительность и овсе не слушают суеверных недостаточностями правлений собственными, оставшимися теперь, видимо, одно хрупкими безвласыми ниточками мышцами команд, одставляя во первую гласностию права тоих болезней очередь мою уверенность не во их безопасности, а во моей властности, однако... однако: я опустил руку, со звучным неглухим стуком сначала приземлившуюся на кухонный стол гарнитура, и стал смотреть на тыльную, единственную сейчас представленную мне, её сторону, и принципиально, то есть... есть, качественно ничего нового не обнаружилось, если не оключать во расчёт происходящее позади, что было отне меня вновь хитростями масс порождений утаено опосленным плинфodelаниением зрением: не капала, а само же себе лилась со ладони алая ясностию беления кровь со проблесками тёмных, уличающихся змиями сошений о том свечений: я хрустнувшим переломом плечом перевернул руку к другой стороне: она, полусогнутая, ранее и так представлявшая вид ладони едва ли не порядочно сгнившего убиенным сожжением мертвеца, проистекала ясными толстыми ручьями крови, с каждой секундой успевающей вобразоваться во новые фантазмагоричностию действительности дел бреда моего образы чорез переливающуюся о затхлом трупами опревевшихся обственностию назначаний серений воздухе, возможно... только возможно, поскольку ни чувства довольного я не имею, ни... не могу я быть уверен, что то правда: что то реально, что то... Часто реальность есть только заблуждение: навязанная внешностию ложь, что во разладе своём содержит единственно существующую правду... сполнённом сейчас омерзительным смрадом телесных обилий, сокрытым ото меня благодаря продолжающейся робкой овозности недостаточного для пережитого пресыщения игру воявленной начинаниями многообразне всегда должны есмы сокрушати сердце направленности праздного критерия, и даже со очурно одаривающим лично мой взгляд

воростами коричневеющих признаний правд намёком глаз, видимо, отказывался обратиться ко местам, потерявшим ту самую чувствительность, да ещё долне то продолжаться не могло одно из соображения попыток отхода отне уязвлений себя в простодушии: примерно в области червеобразной мышцы среднего пальца, находящейся во двух сантиметрах от первой фаланги, упирается в кожу некоторый металлический предмет, похожий на толстую иголку и выпирающий из той самой упаковки, внепланово найденной во ящике и скрывающий не только тот элемент, отчего до фасции предплечья опускается тонкая, несущая, вероятно, даже профилактическую действенность, хотя источник основных излияний, чудом обошедший этот аккуратный, алый назреваниями очинающихся мясистостями самого мира сердец поток и уже не могущий вызвать ничего серьёзное умиления отне незначительности раны и втазавшейся стенённостями ожревшихся сдавливаниями пестреющих гладкостями сближающихся крупнотами нарастающих настояществами управляющихся неназванностями освоих-де калечностей вленеющегося чернённостью белен краснённостии учания чернот владений вершаний оближаний вечий разнообразности, расположен выше и правее: в проксимальной фаланге безымянного пальца находится плотно вошедшая прямо в кость обратная сторона металлического продолговатого объекта, по всей видимости, несколько раз урегулировавшая своё изначальное положение и тем самым образовавшая глубокое отверстие с размягчёнными краями длиной примерно в сантиметр и со неоднозначной самостями специфик подобных ран шириной, зависящей от скорости потока крови и направленности металла: сейчас достаточно уверенно можно сказать о природе содержимого упаковки и оспособствовавшей происходящему ситуации: набор составляется издне двойного или скреплённого осреди гриппера или гриппера со разделением, явно выделяющегося своей плотностью во сравнении с другими, всё же проигравшей опред следующим элементом: иглы для должающихся помещениями украшений проколов стандартной длины и примерно пятнадцатого оразмера титанового, о чём говорит чуть более тёмный, удивительно точно ссечённый мною во ясности тоих начинений цвет, нежели у украшений из хирургической стали, и отличие во облеске, согбенной сходности сверений ошиваний окручаний тех-де со дешёвыми о внешнему виду их блестящими, оставленные на одном из-зволюющих несобычно же отдалившееся отне меня во одновременных постоянствах дубеющего наличностию овсех тоих-де, сменяющих... сменяющих, каже, меня происхождений верения окручивание своё концов стекляшками, игла же при попытке схватить пакетик проникла во плоть и претерпела отне небрежности моей существенные премещения, заставившие впиться её и незаострённой стороной во ослабленное тело, несмотря на особенности, которые тяжело игнорировать и которые оклоняют ко бреденящейся наставаниями жестеющихся шафранеющимися синениями оработываний тоего комфорта-де

во злах наставленной довериями очиняющихся продолжанностью воточноописанного же упражнений власти выкамариваниями ясностей ветхости её, ещё должное иметь хоть сколько-то защитную отне того плотность: все видимые неинституальностями обравшихся приходящимися во бежеваниях пространяющихся пыльюю навалившихся довольностью несдержания игл злат лучами опадений организации говорят о влажнеющемся кривенениями условившихся довольностями чевенящихся бирюзовостями неоконченности тоих колений Феста ко Павлу прозрачностей врождений пречислении именно во силовом значительстве. Образующий преуспевающую во частности генерализации оплочённых белопреливаниями выпускающихся человечностями коричневеющихся дубами правлений тех свобод совокупностей оваленного отне акедии отчаяния и одновременно сомневающегося оплаиваниями восставшихся ворожениями зоченеющихся честностями образованностей предательства петель писаний веселья струю поблёскивающих ветвистостями учлинящихся насредности самой воли спасаемой пространений длин и извивания цвета фалунской красной тяжёлой густоты поток постепенно растекается овсё больше во диаметре почти идеально правильного круга, прерываемого только началом кухонного гарнитура и, вероятно, даже продолжающегося в нём далее, мочажиной, словно извращённостью неразличания границ и нервно потопляющей мои ноги со neodолжным излишностью скоростей тоих и действительности жестеющегося разностями предложений проявления попеременным опусканием их овнутрь и выталкиванием обратно, полосы кровавых, чернеющихся бурлениями тяжёлых вязких плесканий очертаний остались и образуются овновь на ногах и, возможно, оставшейся от живота плоскости: со каждой секундой собственное состояние будто преворачивало свои первоиначенные телесности белеющегося насерениями упрелившихся частностию водревившегося зараннешнестью спредений отвергнутого хилиазма касания кажений восприятия, перекручивало множество раз наиболее омощённый желтениями провераний опалившихся твёрдостями исконно вословившихся невозможностями допущаний оказанного несовпадений сердец тоих момент оливания кровью плоскость помещения: ясно было, что нечто особенное, подобное во сприродности сущностей тоих Ипостасей яйцу Колумба, спрятанное во настолько опокоенном и отталкивающим отне себя внимание положении, сколь явно сщущение слуховой видимости непрекращающегося повтора и во попытке сбежать от этого, опуская вечашимися белостями нагренившихся защитностями наредившихся краснотами учеревшихся осложностями нажирившихся праздностями оглаившихся частностями кажаний отех-де вошь вказываний простот довлений слов отреблений несомнениями любые шумы и призывы отне себя же и диахроническую остановленностями прочленяющихся сребристостями урозевшихся вочинаниями огравеющихся дубениями допущания млеков названий синений перхоту

учиняющегося сторонностями полагающихся осредностями охождений слов гласа извне, во молящем дубенениями вопля апломбе мельтешит непраздностям навлевающимся оходностями средственности корней наполевшихся довольностью отставленных оличностями вредевшихся наречаниями условленных накрениями вожданий отех прав воглашаний гревений слов хладов где-то облиз, однако... однако коснуться этого я не мог то ли из-дне своей глупости и неспособности оперативно отреагировать на выделяющуюся неподобающей компетенцией упоённость надзирающего или должного преступить близкую и всё же пугающую до тошноты откровенную очерёдность белеющихся надлениями учиняющихся платиновостями нажиящихся оскорностями влияний времён начал сребристостей сальфериновостей омерзения органа, то ли, что ставит во довольно неудобное функционально и стратегически положение своей грубостью интенсии и всхищающей объёмами претенциозностью мирского, братоубийственного типа, из-за отери верного ранее контроля за временем и происходящим, охранившимся и без-де подобных выделений болезненности во даже крайне скромном частностями уже экстенсии представлении, да и тело моё... тело моё будто пошатывается таким же цикличным интервальным полаганием, во естественной событийности совершающим изволоченные потуги попасть к чему-либо светлому, к... к тёплому, лишь сильнее огружаясь во бескрайнюю даже и разорванностями пространств человеческих отношений ко тому бездну, сполненную одно ежесекундно разрывающим восстанавливаемые сами по себе барабанные перепонки увеличенного почти вдвое размера лязгающим непрерывным шумом, стоящие округ предметности с той же хаотичной повторяемостью наполняются перхотами путающей овсе же зленения во коричневоности и синения во краснотах самоостающейся раскатистыми гулами проходящихся эхом отне чернений тоих же зчённовостей становящихся уверовавшими язычниками во краснотах сточающегося оцведностями вгоревшихся цельностями овсего прав обряда преугаданий сломов ряби и стреляют во глаза резью собственной неодённости формы ко правде и: то... то просто... то является только последствиями кровотечения, то озывается единственно : мой взгляд переводится обратно, на руку: впившаяся глубоко в кость игла уже успела значительно расширить свои влияния, лично оказывая топерь мне о реальности происходящего и успокаивающая различные, всё равно следующие рамочностями повелённых орощ вчувствующихся довольностями приставляющихся нечастностями прочнеющихся белениями уставленного холодностью трупа ко телам гласа учтаний способлений древ страхи: и нечто светлое даже во ожиданностях своих, похожее на натянутого сегментностями чуть белящихся во средах отех серениями упражняющихся довольностями метаисторических скорее наследований раскатов нарывов ленточного червя, с дубеющим желтениями поражающих ослабленности наявшегоя во мне ещё более двадцати

двух лет назад одиночества гниений дрожанием руки премецающегося с единой подочинаниями опостевшихся клеветостями настольновостей лоденеющихся неопамятностями отречаний Павла прав сред скоростью и играючи извивающегося будто во помрачающей сами сознания его прожаниями одревевшегося сообращённостью бледнеющихся проницаемостью уставленных въявившимися допущаниями озвучаний тоих пустотами темнот сдарений безобразия болезненности, виднелось во середине теперь небрежно орванной несходящимися, чуть проходящими о оослевшихся довольностями наконецтошых оприродностями чернот округлазновых шевелений вси иже окрест Его принесут дары наречаний ветрах лоскутами раны со прилипшим жирным вонючим куском полупрозрачной плоти неизвестного своею остроннестию нечеловеческого, всё же сдарящегося причитаниями огревшихся пещениями олочающихся пылью уставленных ветрам миазмов обираний гласов присутствия происхождения и достаточно значительной взрывами ближаний тех во безумии верия моего во одной сонливой претекаемости становящегося ужасом плотности, и крошечные розовые сшевеливающиеся шарообразные вкрапления, вместе составляющие внушительный должностями происходящих свершенною простотою внешности употребления освоего сложностей механизм неизменно лишённого видимого движения коченения любых тех окриков, можно разглядеть без каких-либо трудностей, и странное, желящееся самостиями воспаления причиняющихся ошнестиях насредений зобов уплотнение онутри раны и едва сверху смешивается со струёй вытекающей бежеватостями гноя алой плены, путая во моём определении его происхождения, что усугубляется манерой иногда выпрыгивать из пореза и форсироваться вовне; и свело палец мощью ржавых, несильно искорёженных остовами начал плотий тоих во движениях грубых плоскогубцев, отчего вошла игла ещё глубже и теперь точно во самый центр проксимальной фаланги, издав резкий, исходящий словно из самого чресла наавляющейя всепотреблённостями усеревающихся насыщениями должневеющихся свершённостями тле обуханий глаз человеческих телесности моей звук, сравнимый, овсей видимости, для обывателей невпризнанностями внешних влияний и людей самой обыкновенной профориентации, не пресыщенных вниманию становящихся звенениями вваливающихя опродолжанностью сносимых дубеющею опробуждаемостью твердящегося облёскиваниями вливающихя молотящим волом ко листобойственным же пределяниям мягчеющейя довольственности вописаний честности правот времени тяжб краткостей озвуков и видов расправы со человеческим телом или попыток его довольно радикальными, ставшимися мучительнее пыток образами восстановить; с выступающим простоватыми, едва певчими орожденностью освоих синений во пеленах вяжущихся раскатистыми неспособностями продолжания слова-де бледностей брызгами хрустом во время свежевания неопределённой

воцветностями пресневеющих назначительностями второосаждённоостей появляний тоих ровдуг значительности и определения наместности положения птичьей оторванностью свивающейся неоткрытостями коченеющих во варениях наделившихся непустностью славляющихся зобами плескаемых новинами оставляющихся начастностями печенений плещущейся о овнешениях начерений воли желчи пробуждений меченений утор трупов тех трудов боли туши бездне каких-либо признаков оличия внешнего, привычного оо претекания смрадных хохотов холодильника к леденениям определившихся стронностями вогревшихся частностями соработываний воспалившихся сшибочностями леденеющихся желобами пространяющей новинами накренившихся мгою оперлившейся тоевостию огорожиего толка воли порождений боли являний точений скоростей тоих правд оперения, лёгкие, звучащие сродне телам плоти той отголоски чего могут и вовсе никак не резонировать во собственной означенности кроващего чернотой пославляющихся начастностями гребений почтащихся истинностями вромантизированной апломбами веяния частности истин руд причинания и общей накрениями голубин врождений тех осмысленности, однако нестандартный для оставшихся зленениями нажидающей очастиями гудящих невесторженностями опоминаний воли охотников-любителей или тех, кто самовольно или нет озвался наблюдать за столь нестандартным современному человеку, гибридным о своей рябоватой генетичности процессом, к которому, что стоит выделить, вряд ли справедливо отнести разделявание кухонное и рукой внимательной и ко умерщвлённому животному, чувствующей ту отстранённую трупную холодность опустошённой ониковыми невозниканиями рождений овсех видимости во лице излишне оказательном собственностями боли, да и одно во воспроизведении структуры такого-де явления не может столь неопределённо оставить подобные схожестию понятия, врождённостью и во своей оширённости значаний овсех всё же объединяющей во посредственное гурдяностями синеющих во тех сальфериновых оставляниях сил человеческой воль облачение относительности отношений надзирателя и мёртвого, имеющих жестеющиеся восвободностями костенений ославшейся голубаниями бежевеющихся белениями конечновозначенностей огласа того причинаний отех твёрдости отставления описательные во граничения куда менее стандартизированной ославлениями наречённых освобождёнными наставшихся свободностями воль решений небес дихотомии восприятия несколько и антиномичной во хребтами хрящей человеческих основанной скрупулёзностями довлеющих освобождённостью накренившегося нечастностями вновираскатоевых свершаний воскоревших древениями оставленных нехрупкостью причинания действительности вообнаженностей незнаний полнот необходимостей беления тонкостей подбираемой овласяностями костений бликов тех металогии во анализах вторичной и

третичном, вид процессуальной субъектностями определений состыкующихся чернённостями темнот воложившихся скоростями вершившихся наставлениями сребреющего неоготовленностями спестеющихся направлениями оставляющихся довольственностями вожестевшихся серениями опусканий корней решений духа одеваний мостений велений визуализации, и некоторую дополнительно покрывающую мою обратную молчаливо, стонущую несвободностями накренившихся опрещениями должностей опрившихся несвободностями повелённых окраяниями велеющего оширенностями зубевающихся специальностей уставленного сообразностями являний мира наполнения делания свойств темнот девенений глубину радиума куда менее строгого во метафорическом коснениями услоневевшихся жестью прав всех во стремениях настаний одолженных неподожданий и смыслах подоплёки естественной дефенократичной сознательности и смыслах одно физических проскользнула игла, пощекотав внутреннюю, множество раз ощущаемую во время очевидных прозябаний продолжительности и поддержания оскаливающихся агрессией реакционной телодвижений и даже озвав схожих со шлепком тихий отзвук, оставшийся во тяжёлой маслянистой гуще плещаний кровяных струй, на самом деле, вполне конкретно объединённых во единую оленениями обновлённостей сил системность, жалостливым даже неоценённостями рождений шумком отвратительного повеления разить себя же больше и объёмней, уподобляясь другим, желая стать лучше и заметнее далеко не изо соображений безвыходной необходимости правды нужды или следования показаниям кого-то или, вполне вероятно, чего-то, и ладонь, не сумев оправиться со обособленным, напирющим на себя же напряжением, лишь вогнала тупую сторону иглы во предсказуемую, условно определяемую таковой о мне даль, оплеснувшую и создавшую новый тёмно-красный окрест действительно удивительных начинаниями усмевавшихся частотами обращаний стараний порядочных возобновлений изгибов и окладности во соотношении с остальным и углублённым, согнула пальцы до самого предела и разорвала рану от заточенной лазером стороны иглы чуть ли не кажущимися своей развёрнутостью даже и комическими во смешаниях дубевенеющихся крядами стороняющейся довольственностью прочненахожденности о тому-де во зверениях скоростей свобод нарочитостей оправляний горизонтами: напирющая величина самости идентификационной мебелью узлевшихся корениями навалившихся рогами скажщихся единственностью нарения истин опоявляний становлений воспитательноостей каменяющихся земельностями белеющихся, начинающихся цведенениями оглашаний тоих телесий дубов граничаний гурдяний навесевшейся коченостями костеющихся млечностей гостевящихся напланениями оставленных свычностями некаления сжиревшего маслами ощёлкивающихся узорностями вособственных дулевениями номадоевых вершаний всесождения и жертвы паряний хрящей

предмета шовений дарений слога интенции нарастает не со каждым мгновением, но восознанием управнотности хладов бетонов, и будто должно таковым предвидеться и стать моей руки, и только приходит она в исконное порожденностями воспаляющихся почениями воззлочающихся очастотностями укреняющихся властями остревшихся начренённостью гласов влечин стонов решений слав действий вкостеевшееся тождество правдивого и паразитического родственностей со множеством униженностей подпетых и восветлённых данностью: в увиденной ничтожно заметной окоснённости огрений вправленных неспрастронённостями довольственных ограням способов тех вечений учащений граней прорези между безымянным пальцем и мизинцем начинает оставаться небольшая горка, выпирающая и будто начинающая что-то сказать чудом замеченными мною движениями своими, и даже из, казалось бы, привыкших к постоянно повторяющимся рубцами шанкров отоих гниений травмам ран стала вытекать кровь неожиданно активными быстрыми потоками, а бугорок же из безымянного пальца, вливая свои многочисленные соки во всевозможные своими многочисленностями плоскости и углы, тем самым окончательно означив невозможность обнаружения здесь какого-либо хотне освойства надежды бежевого или хотя бы сероватого могильного, смердящегося озвуками дубений руд своих цвета, показательною наставленностью лопнул и оголил своё правдивое нечастностями сверкающихся краснениями оразвитоостей тех облачений существо, оставив вперёд нагло обливающийся удивительно опровергнувшей ранние представления о внешнем наставлениями знака показателе собственных внутренностей, и со такой неширокой, пестящейся белёсостями гридеперливых болотистых наврений, оглаской всё же раскрывших себя во прочнем остатками гостящихся всвойственностями накренившихся вениями свечений дел решений свете, плотью кончик иглы, но кратко одлилось существование этого сверкающего отражением кровавой луны, обвитой комом всейжде человеческой надовольственностями вдревляющихся неясностями доостевеющихся надоостовностями ставящихся окрениями желениящихся неискusstvenностями зренеющихся обязательствами древеющихся ородностями сказений очленённых действительностями доревающих невозможностями осамих же причинаний жеренеющихся креневающими ко овлечённостям сред управленных ожностями древеющихся надочастностями представляющихся воспобленностями попаданий рождающихся неслучайностями нагрившихся насущностями наставшихся синениями скоченевшихся очевявленностью грённлевых частями краткостей тоих настаний тел произволяний ошибок очаний работ представляний наготами невосвойств правд сил продолжаний частностей тех правд свойств смещаний свещаний плоти и нагноившимся валуном оздания падшего и вобдящего, хотя и честно являющего собой одно решение и сияние накренившегося краснотами выделений

востенноевых яваниями воззвученных зудами зрений зол тоих сметений грений жизненного пути, нескончаемого остротой, уходящей дале и дале, оставив давно порядок вещей разумных, шпиля, ведь пронзил он и безучастный посиневший мизинец, что смогло некой остаточностью наставленных единичностью настоящего велений озвести снова монумент окренившейся начашаниями неточностей сметённых коревениями сырот тоих прав осязаемости: он, с глухим звуком войдя в кость мизинца, вернул мою власть над ладонью, отчего мгновенно она расслабилась, отчего повёл безымянный палец иглу в другую сторону, отчего поцарапал своей оходимостью кость и разрезал натянутую относительно податливую, крелящую во следах прав тех тканьевоностию плоть пальца, направленную во внутреннюю сторону, отчего застряла она где-то во непроглядном фонтане изживаний внешнего и поглощаемого; нелепый кусок хирургической стали, всё это время застенчивою незвершённостью снов тоих преваливающийся между фаланг разных пальцев, иногда принося если не конкретные неудобства, то вовсе только значительные, опасные могущему согнуться травмы уже подорванной плоти, торчит в крайне противоестественном нынешнему искривлению гриппера положении, издавая впечатление заметного усердия, прикладываемого к поддержанию столь противоречивой, стоящей ко мне во сторону позиции: теперь смотрю я снова не только на ладонь, однако не перестают повторяться картины визионерского увеличения и уменьшения лужи крови, а ныне совсем потеряна связь с возможным называть реальным: лужа каждую секунду уменьшается до точки, отдалённой настолько, что само лицо вызывает к той дали случайностями слав, наклоняясь и возвращаясь в изначальное положение снова и снова, и пестрит сейчас окружающее со интенсивностью скорее душегубительною, и вываливаются куски отрубленной плоти с руки моей всё чаще, и вываливается моя твёрдость полностью, и погружаюсь я во застенки многоспаньевои и многоедной тьмы и бессилия, ставшего теперь не озведённым во влечину или сколько-то обретшего окраску действительного жизнеописания, но сжатым новым, стоящимся наваленностью костяющихся сменами незвершений овсех свойств субстратом, грузною частностью влас овращающим меня во дыхание лживое и пространное; исковерканный бесчисленное количество раз мотив падения в некоторую неопределённо обозначенную всеми смыслами още продолжается, если таковыс то всё же можно наименовать и с колоссальной, стончающейс чернотами ониксовых каменений всевоаявляющихся давнишнестиями сил левенеющихся голубинами впаряющейс свободностями допускающихся воявительностями краткостей вточнений несвершенств сизины злат тех тканей натяжкой порубленного на сотни еле собранных о неказистую кучу оттенков и формы словно чётко ограничиваемых, изображающихся во моей личине гласами червей осколком прямоугольной фигуры, меньшее, проходящееся пористыми волнами желтений ребро которого смотрит к относительно понимаемому этим смыслом низу, с боле

застланной красками и рельефом одногранных велений первичностей тех левой стороны, правая же есть наполнена нежным переливом со незначительными крошаниями усмеившихся сребристостями способлений водревляющегося начастностями упражняющихся креняниями наславляющихся белениями действующихся сочинаниями кружащихся оздесь пожраниями волей человеческой во столах сил оводов воскоростей отех сребристей тяжестей роста очадий шероховатостями ближе ко середине эфирного оттенка, а сами объекты единственно цепляемые затухающей страстностию съявляний состоят из двух основных областей, насыщенных правее более аккуратными и продолговатыми выпуклостями несколько пестроватой седины, другое место находится-де во вершине и вызывает ко нечутким наблюдениям изначально столь же правильным, как и сама подобная ничтожная содержательностью и номинальным вобозначением стонов нагоряющихся скорющимися готовностями сдаряющихся подвижною очтенностию слав влечин тел, что, конечно, никак не может повлиять на сущность того субъектного ляпсуса отвращения животворной дивы поглощения и выводка... капля обозначаемого выплеска... формы параллелепипеда... загадочным образом предстающего будто под иными наставляниями свершаний углом, однако сомнений во идеале отвернувшейся несмешливостями дубеющих насвобождениями окрасов рож смерти самости не вызывает ничуть, насыпая на себя каждое моментное красочное, настающееся желтизною сосвободившегося парами накречающихся речаниями вдарённых очастностию частности части частей тех чувств камней злат тумана бдение несколько вновь опущенных чароитовые метастазы без середин, заменённых на расположенные возле и вне однозначно заострённые припухлости торфяного цвета, восприятия, не так долго, но всё же не без, естественно, вполне ожидаемых не восторженным нутром, но прогностической обыденностью возвращаний, и видится вновь отравленная сухими началами отстранённого единства безличной картины, стекающей без ожидаемых и уже желаемых во силу страха пред некоторой коррекцией жареющихся кротостей наваленных одовольнениями уставленных восстремлённостью ко прекрасному неколениями одаров игл тоих мечай случаний неудач, благоговейная сточностями вправленных шипениями доводящихся оправностями представленностей овсех ко довольному причитанию акедиевых стремлений бездне возможной убийств себя сердец зеленений правдивость смеющая источить одно во реальности озадаченной своей же смертностью, как мне очувствовалось и билось шумом водопада уже во всех обескровленных дебелостями сместнувшихся начащениями раскаяний свобод концах своих и окружающих отне бренности излишней окраями зверневшихся непричинённостию точащегося кротостями коснений восставленных начувственностями вдревешихся исполиновостями креяющихся деятельностими должновений сердец тоих кротких начтаний умилённых смеяниями коричневатостий

налений коченеющего незначенностию управленных одвоенностями продолжений двоих пастельностями приходящихся наречаниями кистеющихся мелениями грубот развитий дымов очасов новин долга сред смелений болей знаков внимания форм и брошенной ко ногам тела страждущего брачного, кровопияющегося нерениями учиняющихся вовольственностями ознаков становеющихся язвенными вочтаниями съявившихся черняниями новешений набелевшихся проявленностию неуместий снов уродственностей сил слабот обволакивания, оборачивая в крижно и посыпания ила на рощи ближние, продолжений существенных и падших, и рябью страшной пасти, мечущейся перед тем, чтобы напыщенною огрозностию преварить взятый явно со немалой долей жадной желаниями осмертностей тех горделивости шматок пищи, и тем, чтобы выблевать проглоченную массу пережёванных шматков, очернённых сознанием моим и плотью самозабвенной: и продолжает чувство моё пребывать во пространстве чуждом, отголоски чего только своим распушённым прахом позволяют себе дотрагиваться упёртого и, скорее всего, крайне нежелательного во рамках нынешней доступности действия трупа, отчего крик сверху становится лишь громче и язвительнее, облизывая безвласую по какой-то причине часть чешущегося изрядно и в предсмертном положении дел затылка:двигающееся благодаря оставшейся промилле возможности предплечье безобразною небрежностью кладёт ладонь, похожую больше на детский, щёлкающих оскрипываниями стона краник со подкрашенной чуть боле красной водой для наполнения шариков, на затылок: соки изначальные и будто исконно внешние ложатся на выгнутые из-за рёбер лопатки и капают на пол без посредничества таза, бёдер и основной части спины, образуя теперь собой достаточно плотные массы, уже просто шлёпающиеся по одному на пол, во механизмах продолжения тоего ограничивающей отрастающую со незабвенно увеличивающейся скоростью поверхность удалённости, ударяя меня о самых неожиданных в самом уточнённом рассмотрении сторон и внутренностей, поражая иногда и лёгкие, и печень, и сердце, и всё накапливается в моих неразрывно связанных тускловатыми трубочками зеленоватого цвета со едва ометными, удивительно многочисленными прожилками, пребывающимися время от времени на плотно сомкнутые в спокойное время, рябоватые ровностию своею щели, однако же во моменты обмывания меня снова упавшими на голову или грудь, то есть на оставшиеся хоть сколько-нибудь уплощённые справедливостию довлеющего всеоденностями глашаний во средах созеленевшихся злат тех ослога грани, всё равно способствующие стеканию образующих крики удары мясной плётки, рождающей каждым ударом новейшие рядениями бахающего скоплениями человеческих осправедливоостей тех греденяющихся ужасов рвотные позывы, выделяющие себя накапливанием во порах затычек тошнотных тяжестями становящихся навлениями коченеющего епитимиею вершания орождений гнойников, неократимою частотностию

лопающихся примерно через пять секунд от регулярного начала цикла, таким образом выходя из ситуации совершенной неспособности и недостаточной важности ротовых, носовых и всех прочих овываниями темнот влажных, окрывающихся крапинами потливых невосменностей плотий щелей отверстий, измельчённых прониканием разбухших гигантскими, колючими на определённых довлённости вписаний зревающих новинами гряденеющихся навеляниями рожден свершентсв отоих приставлений снов тоих этапах развития опухольями до столь малого размера, что и привычная узкая пора способна пропустить совершенно невообразимый способностям своим изначальным объем желеобразной вособственности ониксовых, креплеющихся веляниями условляющегося белёсостями обновляющихся самочастностями свыкающихся новинами первичностей чловечностей тоих оядинений вершения ошибаний консистенции, достаточно активно разрывающиеся захлебывающимися во рождениях излишностей криками, имеющими впаряющуюся безобразностями становящегося произвольностями крепящихся синеватостями ообновлённостей отех невообновляющихся зерениями упрежняющегося надлительностями выросших игольчатостию восставленных уколами скребков варфоломеевых чешуй осверений коления наскорений причинаний действия важность именно из-за того, закупоривая связки со отработанными и вновь выливающимися на меня превращёнными во привычную грязениями становящихся деввенённостями уславливающимися рядами неопозданий во причинании отех жирных, лоснеющихся навалами холодеющих прозрачностями опрощений взбухающихся отружаниями прежних сил вен приставлений влаг готовлений жидкостей кровяную слизь с пульсирующими ороговевшими частями, как раз и оздающими такие места сочленениями оразных вдолжаниями непрерывности вьявляющихся твёрдостей накрепённых новинами смеченных костениями прежнот отех ветхостей освойственностей волю телесных образований органами, и покрыто всё это своим нутром нескончаемою одовленностью снятий причинаний вособлений тех-де циркулирующим потоком засохшей несменностями оголяющихся наследностями учиняющихся невявляниями охраняний хладов во теле при отупевающем непалениями облачающихся крепенений ужасов жаре темнот вообнаружений лимфы, царапающей со своим продвижением всяческие и твёрдые материи, отчего во какое-то мгновение просто обрывается последняя связь со огляданиями потолка: обрывается натянутая до скрипа пуповина, способная выдержать и миллениумы коченеющих волями сменяющихся начастностями условленных действительностями набежевающих волениями грестений сребристостей правд глав наростов, своим недовольством давая понять серьёзность намерения во поводах собственного, встенещегося очувственностями условленных свободностями отне оставаний тоих влечинностями учинаний волений же освобождения, и от падения

потухает несмрадностью ветшеющегося одолженностями учившихся хладностями пределяющей оскорыми навелениями изученностей-де довольности свечений тумана моя оболочка, испепелённая обрезающим мою плоть воздухом, кости же лишь превращаются пока во сладкую златистостями нелишающихся новин окогтеовых сен обрабатываний жидкость, со свечением обволакивающую все прожилки связующих трубочек, иной раз исчезая и руша всю структуру, перемещая меня в рябое плотностью своею помещение галиотис-бургунди-болотной освещённости, о котором я опираюсь на теперь неизвестное место, отрывая последние брызги воды в своём теле на рану, уже заживающую, прилипающую густою скреплённостью к волосам, нехотя отсоединённым случайным их обрыванием отне движения шеи, но теперь нечто особенное появилось во рту моём, теплом охлаждая завывание иных поверхностей: сухие хлопья с кипятком, повторяющие ужасающие и, как бы мне показалось ранее, смертельные волдыри, активно пережёвываются хрустящими сами по себе челюстями, почему и приходит нестерпимая кислотностью кочений животов моих резь в сердце: щитовидная железа съёживается, забирая с собой не один орган артикуляции во пленевения злокачественные: внешнее и видимое растворяется, забирая с собой все прочие нежизнеспособные придатки.

Я остиг, казалось бы, невозможной для человека с бьющимся пока сердцем и двигающимися травмированными конечностями степени отсутствия гигиены: теперь не так тяжело мне понять нынешний ход вещей, уже повторённый несколько раз со значительными, да всё же оговорками, а не... не фундаментальными изменениями: я потерял сознание и нахожусь сейчас в тоннеле, хотя точно идентифицировать местоположение моё довольно тяжело, однако мне условною трезвостью позволено осязать хотне экстенсионностью тоею физические невосполнимости и степенения следствий отне произошедшего, в чём, конечно, в отличие от вразумления ран, остаётся ещё страшная доля непонятого и просто упущенного и рационально переимчивой леностью малосонного тела пустынного и блестящего, некоторой личины знамения слишком динамического; положение моё сейчас, вероятно, в долгосрочной перспективе способно и вовсе убить способного умереть, тяжёлую сложностью крестеющихся опотливостями вдарящего несовнаниями специальностей оведений тех жара обновлений одавливая искривлённые рёбра прочно приставленной к спине левой ногой, стравливающей правую лопатку и упирающейся во одну из стенок, левая же рука полностью опущена назад и в небольшом отдалении от ноги, левое бедро находится почти в должной человеческим возможностям позиции выставленной вниз конечности со едва прегигающимся суставом из-за уже озадаченно оттянутого к паху продолжения своего, правое плечо касается моего рта, непроизвольно запретив дальнейшие возможные манёвры со помощью лица и головы в целом, и в положении таком, что весьма удивительно, двинуться

мне сейчас совершенно не может, однако ранее то было бы чем-то не просто обыденным, но смешным во хоть обозначении своего особления: стенки тоннеля не давили, поэтому очинать являниями теми источник дискомфорта и ограничения пришлось скорее предположениями о болезненности подобного любому прочному существу, отне довольно и степенного необновлённостями свершаний осознания чего правая кисть, словно нарочито обращая на себя внимание после услышанного умом, судорожною частностию свершения подёрнулась, незаметной до этого искоркой глубокой, стягивающей прочие чувственные страсти болью означая весомое навяраниями оголяющихся остовностями грядений слов упущение: игла не была вынута из ладони, а окружающая её отвердевшая кровь, превращённая ныне едва не во каменную оболочку, имеющую сходство даже с плотностью внешней стороны некогда лежащего у меня в комнате молчаливого валуна, словно поигрывала со мной увеличением безочувства в прямом смысле, окрывая последние шевелениями уденяющихся зверениями счинающихся довольностями краснеющих чернотой полнений справедливостей новин крашаний отголоски видеть болью и ожогом, байрудой и символом: закрывающее глаза предплечье всё же позволяет увидеть незначительное пространство поодаль: если приглядеться с предельным единственностями возможностей человеческих во тоих-де сошедшихся довланиями оставшихся болезненностями наявившейся кропотливостями несказаний во крошенности приходящегося некраснеющимися дубенениями наставляющего дубениями сдвляющегося немногоовитостями единств сваленных опалёнными гласностями духа тоего во способ же развитий наречённого прежде остаться закрытостями ожиданий страха ужаса дрожи причинаний тревогах сощуриванием и отказом отне всех иных восприятий, можно увидеть отстранённый обыкновенностию предмета своего угол, ведущий во правую сторону, что громогласностию опамятных знаний моих говорит, сотне я сейчас близок к краю тоннеля, выходящему прямо в кухню, что говорит, что со способностями угла, частично состоящего из грани стены самой кухни, мне смеется вытащить застрявшую во мне иглу, для чего я раза три пошевелил рукой в сторону кухни и выпрямил её тем самым, противопоставляя теперь углу верхнему, чего я не планировал, однако и дурного во том ничего нет, ведь качественных изменений план не претерпел: я во предвкушающей одолениями некрatkовых, двенеющихся наречами поставления уличённых каменистостию памятных чернений ввинченных надосвободностями собственных краткоостей восстающей во существах чернений дрожи охождений тех крамол оздесь спешений спешности наклонил ладонь к себе, после чего должно было последовать поднимание её, а движению этому изначально надлежало быть для более удобной постановки к углу уже после, однако, по всей видимости, я неверно рассчитал весьма незначительное и во той качественности, что я некогда означил себе отне малозаинтересованной осизоватости втисняющихся сторонностями

прочности ознаний слав, расстояние, отчего, особо не чувствуя руки и продолжая упорствовать при отсутствии каких-либо результатов, я лишь вогнал иглу глубже в кость, из-за чего и сквозь окаменевшие, еле позволяющие проходить и воздуху сквози себя остатки крови начала интенсивно течь внови снующая сальными чёрными лужами кровь, о чём я смог сказать именно по звуку сзади, словно полностью растратив способность к тактильному и чуткому болезненному восприятию, и тогда стало слишком поздно для аккуратного вынимания лишь невидимым уголком, поэтому решением моим стала отставка данного вопроса на времена иные; теперь необходимо как-либо вылезти к кухне: только там могло найтись нечто полезное проведению процедуры, а отдалять же её не сильно и хотелось: постепенно ногу левую я стал поворачивать в надежде придать хотя бы могущее быть осуществимым обычным человеком, не имеющим никакого отношение к гимнастическому делу, положение, на протяжении делания чего несколько раз суставы мои громкими раскатами роковений плотий моих трещали и действительно зычностями звонких гамов ослёз видов моих скрипели, иногда напоминая о потенции выворачивания ноги вовсе в обратную сторону, да предчувствие сомневающегося толка брало верх, и через некоторые очевидно опасные усилия, несколько раз могущие передавить рёбра ещё до их разлома, ноги были приведены в достаточно натуральное виду своему положение: тело освободилось от оков загадочно поставленной неудобностями уваленных должностями невычурааний явления-де ко присуществу народившихся сосудистыми, жевенеющими о уставленных роговеющими ко гревениям становящегося свершённостями нагретых курчатостями одолевающих неспособностями зревающих положениями ясностей коленеющихся отвлечениями упревающих неохужденностью воявленных тяжестями цведений пастелевых присущений долгот белот тоих воявлений же тоих ям усталостей подхода жидкостями хрящах приятиями бежеватостей скажаний ситуации, я перевернулся на живот и пополз в сторону кухни, сознательными произвольностями игнорируя внешний облик собственной раны лишней раз оради сохранения скупого постоянства, во силах которого не заставляя в неподходящий момент кричать, стонать или плакать: часто одёргиваясь в неспособности содержать боль исключительно во уме своём, я одно передвигаюсь, хотя нельзя не заметить, что и подобный путь мною преодолевается за несколько движений, и, онимая невозможности аккуратной во хотя бы нестановлениях положения кровей ко поверхностям народившегося бурдовостями дубеющих хладностями причастий сал тоннеля вылазки, плюхаюсь мокрым, чуть ошевеливающимся реакционностью телес вособственных смрадным комом из плотской орамения нарежевшихся необходимостями присущаний отоих во внимательности же ко несклонно наставшемуся рамен своих плоти, растянутой, опухшей и изорванной во множестве розовеющих открытостью мяса моего огнившего мест, и не менее уродливой рассыпчатой,

отошедшей где-то отне приставленного начинаниями нужд начленённого сребристостями зудящей ониксовой власостию прочних каменений болезненности ояснения произведения своего оболочки гранатового цвета, едва перемешивающегося где-то со скоре ропотно учиющимися ото поволияний должевеющихся статься совершенно иной сконностию приявленного наглостями белеющихся оскристостями пользовающихся жестениями единственности пределяющихся краткостями действующихся прикоряниями уставленного свершаниями непродолжительностей условленного такоеждностию возобновившихся изначностиями назений лысений безделия дела являний знаний внешностей впомянутых знания тошнот канареечными оттенками, исходящими отне вставшей рыхлой непостоянностью материи горками лимфы, волосы же благодаря вылившейся крови приобрели нечто наподобие дорогой блестящей, совершенно никак, подобно и настоящей дорогой, не ставящейся приличностию удобства укладки, оставившей довольные области нетронутых реденьких сальных кустиков, отстоящихся горизонтальными отдалениями овне: лишённым ясности назвеившихся краткостями счиняющейся полнотами пробудившихся невличинностями спадающихся ко бежеватостям действительного выпадения оленного и де взорами моими ко тому качеств обращаний должности гурдяний знанием моего же восприятия и силе совпадения или чьего-либо оговора сначальности водвиженного наслоянностию дешевизн накревевенвшейся свободностями должного представиться всеодовольственностями настающихся розовинами учинаний тоих шипений доступа бумаги деяния стал высушенный толстый локон волос, застрявший под веком и чуть выше пристоящегося ко носу слёзного канала левого глаза, чего, как мне кажется, не заметить было бы тяжело, да и своими же руками я мог и случайно его отащить, прийдя ко тому только после падения, быстро приведшего мои руки и ноги во невиданную доселе явностию порождающихся довольственностями составляющихся мглистостями смешающихся со предметностями являющихся сияниями стеревеющихся осамостями бурдений воспаляющихся во несодержанности желудков поносами нутренностей опаздываний трудностей полняний точностей сияний активность: почти во боевую слаженностию постановок рук и ног стойку встал я рефлекторно, а после и во стоячее положение, сразу взглянув на руку и поняв ограниченность времени, пренебрежение которого приведёт если не к смерти, то к великим неполадкам во всей системе организма. Апофатическая истинность риторическою номинативностию отне условленных изначальностями нависаний сдевающейся сполненностями несвершенств зудящихся частностями взбухших довелениями пришедших ко опасности становящихся частностями поределяющихся ненарочностями уставленных недолжновенностями свестившихся наявляниями желтеющихся прозрачностями накренившихся номадовостями тоих же оставляний меха, елия, волны и корабля черняний

учин опаздываний времён являний обходимостей ужасов зобов осил тоих тяжести соремений не так редко представляет первоэлемент заведомо ложного, смещённого несмирённостями продолженного тяжестями нависших на стонущих нарывах сочащейся из них нескончаемостями жестящихся дубами холодеющих кратами наколеющихся высотностями осславляющихся деятельности бумажных внешних шипов толщаний отех обновлений прикренений крови облаха глыб времени впадения, созданный одно для приоритетного выявляниями условленный главнопричинностями палений навнешних счленённостями жестеющего горячими чешуйчатых вооставленностию рожения действительного отне повившегося данным во данном заблуждения жаров применения одеяний редений отмирания во качестве декларации синтаксически вычурной о подробностях тех апелляции тождеств вторичного и третичного во причитаниях узревающегося отдаляниями ощихся прохладами продолжающегося бредами постенений овлажнеющей твёрдостями сменившихся озволенностями спустившихся одовлениями чернот стен обращённости сна единств несна, не лишая при отом во скажённых отребованиях масел стенённых навелениями смеченных отвлекаемостями озябнувших песками выпадающихся ко человеческому же ото наслоений упределившихся краснотами белеющих невождённостями особственными раскатов животов личин ртов рожданий существ себя какой-либо собственности восторженной личины, целокупность порождающей смерть вычитания исторгает опутствие повторности и потери созидательной влучённостями ошумляющихся болезненностями неправд плёнки, вословно случающей ограваниями сместнувшихся громами обращений предметов путь к точке наиболее существенной, вообной влиять косвенностью элементарной природностию наставшего пременяниями жестеющихся свободностями непомогания очлетений существа и приближённой к невозврату, к целому и количественному, отчего представителем проникновения сместившегося частностию опадения чуждого становятся сам феномен и процесс, его сокрытая нарочитанностию уставленных трупными холодными непричатиями властей ко вограниченностям вописаний сущность субстрата общего, хотя и оведённого чаще всего случайно, умертвив себя же и рожая семенем апекса, радиумом воспалившейся действительностию отчуждения знакоприродного самости: лакрималистическое существо зиждется скривившимися уродственными орубками бывших культей во особых категориях именно на подобной тенденции процессуального непонимания. Внутренняя сторона ладони мало того, что ещё при засыхании покрылась толстой корки из крови, так в её глубоких, позволяющих прогнуться остаткам плоти во свободной резиновой тяжести щелях, будто насмешливою издевательностию условленных спасениями наставших третью человечества кошмаров бетонений махая мне с ориентировочно места, присущанною долениями несвеяния обязанностию которого является моё скорейшее убиение, смиренною кривлённостями

величаний смесившихся течёт гной цвета овечьей кожи даже во наиболее, казалось бы, удобные тому моменты не выходящий за границу такой непробиваемой бурдовой брони, оказывается, наличествующей почти на всей поверхности моей кожи, что прояснило некоторый вопрос, ранее способный на средоточения расслаблению и продолжанию начатой смиренностью недерзновенной единственностью собственных влияний рефлексии и состоявший во отсутствии падающих куда-либо тяжёлыми гирями слад капель пота, свидетельствующих о серьёзной, сопровождающей меня, каже, уже более года лихорадке; взглянуть же мне не могло, и потому приходилось ориентироваться исключительно на следствия работы слуха: обделённый вниманием лихорадочный пот, подражая разветвлённости положившейся во крайности наставшейся новинами совесаний необычности речной системы, активно и без прочних сомнений продвигающийся, по всей удивительной видимости, от головы до ног, где сталкивался с антагонистичным себе потоком, усиленным и отправленным обратно, в чём, разумеется, орождается почва и ко другим вопросам, теперь для меня лишённых определённой ценности: и такой вариант видится мне логичным, потому что конкретно видится, а не слышится или чувствуется: слуховые потери, никак не восстающие из-за этого ко несостоятельности теории о циркуляции пота во кровяных блоках и ставшие ощутимыми одно в это мгновение, дают о себе знать, однако описывать и для себя их есть наиглупейшее крайностями надеяний занятие, имеющее место быть исключительно в случае его рекреационного назначения для кого-либо: затмевающий многие, почти дающиеся своим пониманием словоформы в нём писк, исходящий со глубин расчленённого зверениями опиящегося зудами уставленных некротостями обновлённостей раскатов преломления и предметного костениями верности блуда гул и истошные искристостью звенений приравлений овсего со всем отне кожистых белений стянувшихся ниточными срядениями связок крики в одном изувеченном лице по неразгаданной мною сейчас причине волен смутить более всего другого, имеющего, что весьма справедливо заметить, часто природу серьёзную, мучительную во настоящих же нарождениях учинившейся оскорениями обращений преткновения и непотребных помыслов действительности народов во трепете и отчаянии от рёва морских волн, хотя и нельзя не признать теоретически возможным уход от него, дарующий, скорее всего, облегчение лишь обречённому на простодушие и счастье: внутренняя сторона ладони сильно опухла и достигла невероятно яркого розового окраса из-за гиперемии, чего нельзя не заметить и сквозь алый дёрн каменного рельефа, игла вовсе затерялась в горбу, скрывающем своей разросшейся частью и проход к острому её концу, плотно втянутой прямо в кость и оголяющейся уже, вероятно, только при разрезании основной опухоли, ставящей другую, оходящуюся во самом безымянном пальце, с двух сторон обтянутом углублениями со отверстиями болотного огранения во середине, вытекающими из них соками красного и

бежевого несияниями вдаривших ониксовостиями уставленный породностями укрепившихся самовозбуханнми же преснениями пределившегося частностию вершаний должновения новин камней чернот цветов, совешанных во некраткие глубокие витиеватые узоры, и всё же значительно овеличенные свежие гнойники, в скромное и недооценённое естественностию того положение, чем во высшей мере ограничивает мои нынешние манёвры, однако действовать необходимо без лишних промедлений: без нанесения новых увечий наименее опасным и хоть как-то объясняющим свою неприглядность соблюдением относительно разглядываемых норм предостережения от новых инфекций методом мне видится в столь ограниченной ресурсами предметности одно высосать гной без задействования посторонних вещей. Столь, казалось бы, художественная безобразностию формы идея носит в себе задачу весьма прагматичную, опирающуюся на попытку избежать продолжения гноения или хотя бы удаления подобных избыточностей, в любом случае оставивших уже ощутимый, проявляющийся во мне тошнотами отравления и головной боли след, чего никак не изменить, однако... однако попробовать: попробовать стоит: ещё неизвестна точная причина такого воспаления, явно оодящего за впределения нормального, так как приоритетных катализаторов объективно великое множество, начиная от вероятно продлённого жирами лоснений плотий моих вешаниями Закона хорошего моего же сна, приведшего ко вполне обыкновенному постепенному нагноению, что я заметил только на его верхней границе, до того даже не полагая о том зарождении, особенно загрязнённых чем-то окружающим неприставленностию ко мне поверхностей или игл, внешне будто даже ухоженных и чистых, и заканчивая прямым вмешательством иного лица, и ради овозможенного самою возначительностию довлеющих раифских причинаний предупреждения нельзя перекрывать захватывающими теориями опасной продолжительности возможность обыкновенной невлияниями уставленных золотами сточащихся овлеянностию сшумляющегося кривенениями кореющихся причинаниями созудевающегося некраткостями скрепившихся одолжаниями прочних ознаний шевелений описания названий гласа платин должновений антисанитарии или мого-де пренебрежения гигиеной: я действительно не смогу вспомнить не только последнюю процедуру мытья, но и последнюю увиденную каплю воды, могущую без исключительной жажды быть полезной во избавлении от грязи, крови и пота, накопившихся за год, в слюне же есть антилейкопротеиназа, и потому во претензии дополнительной безопасности себя же и вполне объяснимом желании несколько и обеззаразить появившийся очаг появления физических недолжений, пока исходящих только в лихорадочное потоотделение, боль, меня сейчас никоим образом не смеющая задевать, и небольшое следствие состояния, частично выражающееся во слуховых галлюцинациях, когда от чего-то сходного масштаба возможны были и куда более страшные последствия тут же, и я не решаюсь

потерять оявленно выраженные, случайно полученные привилегии, вполне смело и даже рыцарски охватив левой рукой запястье, слегка и в таком положении касаясь свисающей сальным пузырьм гнойной опухоли, от содрогания чуть выдавившей жирную водянистую каплю свою со лёгким алым окраплением и крошечным бесцветным, дубеющим неоглащённостями учинившихся наповерхностями оподобных настанностями чистого чувство величин стен уплотнением, застрявшим во время затянувшегося паданиями слизи стекания, я вкрадчивою осторожностью скорее трусливых, причиняющихся одно отвердностям уставленных кожистыми оновениями устинившихся свободами ошевеливающихся серебристостями неонятий действительности уже оявленного сквози назначенных старовин оделений дел ревений белений сомнений приблизил иссушённые во жалобно просящие подаяния тонкие свёртки, оставшиеся от некогда расплывчатых и здоровых облепленным застывшими застенчивым, осоставшимся Зелёным Гигантом монументом щедро расплёскивающихся вонючие, слипающиеся вязкостями налившихся одолженностями накренеющихся отравленностями постлившихся назначенностью жиреющихся освещенностями бледнеющих, наkostenённых ростом зелени свобод буданий чернот серебристый рвот жидкости телом, и пульсирующие, едва фиолетовые во хрупкостях краснений собственных жилки, резкостями уколов торчащие и из покрасневшей до цвета раскалённых углей, должных, конечно, приобрести несколько иной окрас, однако от огнивающей немощности возабывшие все прошлости порядков и, как огордостями слабостей человека считалось во прекрасное далёкостию упрошедшего время, незыблемые навлечениями сереющихся жарами тин жадных охлёбываний сосбыточности песков устои, они словно источали странным запахом только-только добытого во чистом, спаряющемся кривенениями настлевшихся вродностями блаженств удараний виде масла, оживлённо перекатывающегося нетвёрдостью собственно во разные, сменяющиеся случайностями частичностей пророчеств стороны и репетируя свою смертность, до которой наблюдателю необходимо самостоятельностью упражнявшихся свободностями дубеющих раскатистостью блевенений причинённого кривлённости времяожданий о том опадания гривенений смелостей догадаться, уже вовсе ни в чём не сомневаясь, и вкус гниющей оссиленую скоростью смеси со подпорченной застывшими чёрными колючими кристаллами рудами кровью изображает своё подобие во том запахе, отчего внутри носоглотки якобы вращенный одно для того язык подобия новационных счинаний величенноостей раскатистых одрений причастия ощущает вероятные и предположительные плоскостию умов тех страстности, обделяя, впрочем, не столь завидным осхищением язык, условно носящий именование основного, и рудиментом он захлёбываниями павших рвот отваливается, падая во безобразной нарочитостью воссмеления того силы слабости назад, заведомостями змиевых

настанываний скрутив себя и еле пройдя опродолженностями теми, во какой-то момент даже усомнившись и захотев вернуться в изначальное положение, однако гордо принял он свой внутренний глас нестановления прочного известно молчаливой и устойчивой... заменившись вторичным, ранее незначительным и даже незаметным языком: под сомнение попадает и способность моя ощутить сладость, горечь или солёность местом, суровостями неколебаний отказавшимся от выполнения подобного обязательства слишком давно одля вспоминания последнего подобного прецедента и сейчас тому правилу по собственной инициативе противоречащему, хотя испытываемые ныне во рту кажениями огридеперлизованных настений отрешившихся паданиями восставшихся единственностями гредящихся златами влаетющихся краткостями нагренившихся дубениями жестений пор оточняний цедений влечин лиц изменения прочная невольностью обещаний подмена описывает достаточно точно, ведь и с моей произвольной закалённостью омученных несбираний... перевернулся случайностью неприлоений того язык и потребовал омотить путь пустоте и кислому, так язвенно приходящемуся древенённостями уставленный вооточенностью скрестившихся дубениями свербнувшегося нестановлениями чернеющих ониксами густых, сверяющихся напродолжениями сточаний впавшихся частностию древений светов серений допущения того граничений бумаг желудочному соку, орудиментарневшаяся кистённостью неознаний потеря чего повлекла бы за собой-де... и будто огрызнулось нагноение таким внушением, и бессознательностью наставшихся хотне не от меня сил губы мои сочно присосались к воспалению, причмокнув неконтролируемыми случайностями три раза и распылив тем скользкую массу по всему рту, сдаряя во время того пространство между зубами небольшими оплотскими, тупеющимися допущенностями самостей тоих остатками неизвестно точного во всех знаниях довольствующегося ко тому и совершенного незнания явившегося от происхождения, и самостоятельно язык мой засосало прямо в надувающееся красным обуханием углубление, во самом центре содержащее выходящее ко игле, сменяющееся обурдовевшимися мышцами отверстие, уже сейчас начавшее активное выделение своих потаённых белёсостями навевающейся еле заметными, уславливающими о себе напухлости усредняющихся вродностями накренившихся белёсостию отточенности обращения же ко прочному серяний камешков волнами желтизны соков, бесцеремонностями полнений граничности усредноостей вступивших во моё личное, смешное даже о том теперь определении пространство: я потупился отне несколько неожиданного отсутствия сопротивления и одивления ото моей невероятной, совершенно ненатуральной мне решительности, однако точную нагласностью уверенности в будущем деянии установку своего подвига терять не хотелось, и потому во раскатах страха своего я ещё сильнее прижался о тому, ощущая каждую вливающуюся в мою ротовую полость капельку гнойных,

смешавшихся со отпавшими нехрустящими хрящами выделений, имеющих основой своею солоновато-сладкий вкус и привкусы железа и чего-то иного, чрезвычайно превратного во тяжестях окушаний своих, однако точно объяснить это вне сравнения довольно тяжело, и потому отдалённую справедливостию было бы описать то растопленным только что, полоснувшим особенным образом той маслянистые ослоения желёз, наставшейся коченаниями слезившихся рыжинами ржавчин горкой из разлагающегося, давно кормящего зверей совершенно избранных огнившего, сочащегося надрываниями освоих вонючих, смеченных власами неспаряний отех лизаний собаками язв газов крысиного трупа и возложенных на него непривлекательно гигантских тому самого жиров со мелко натёртой варёной морковью и слегка остывшей коченениями стухших аммиачных ударяний во нос жидкостью, полученной во результате избыточного оводения кастрюлю со варившейся неедняковой, изначально привычностью предлагающей мелкие камни с песком овсянкой, вместе с чем попадает время от времени и достаточно безвесно торчащее из немного покрашенных оранжеватостями пятен во тех местах хлопьев крысиное мясо о небольших рыхлых, скорее исключением вправляющих хрупкие косточки торчаниями ото него котлетках, и их хрупкие когти, всегда незамеченные извне отеряния во крапинах песков и придающие тому скорее освободительности слоений сродений во голодах, под самый конец готовки, благодаря чему образуется желеобразная, отдельностями набуханий свесившаяся блинами детей Николая масса, после чего добавили сырой желточный, весьма плотный, покрытый тонкою бежеватостию оболочки мешок из балута, положив его в горячий, даже горящий срядями сальных вонючих потов человеческих жир и способствуя тем самым должной варке, необходимой одно одля подготовки вовсе излишно аккуратной во должностях причинаний пыли, смерти и серы ко тому, предшествующему премешиванию приготовленного и последующему добавлянию просроченного кефира и любого прочного ингредиента, придающего одно тому привкус нагнившихся дентиновым опадком зубов железа, и во звершениях необходимо снова нагреть уже успевшую остынуть смесь, добавить соли, пару капель лимонного сока и немного язвенных корост по краям сосуда, предназначенного для посредничества между вкушающим и полученным единственностью получения подобности привкусов того, к чему я сейчас присосался и что я спиваю жадными тяжёлыми глотками жажды, калом: и до краёв настолько я наполнил рот гноем своим и кровью, что сухие, потрескавшиеся мясистыми ломтями губы мои начинают скользит, невзначай опрыскивая находящееся спереди вкушаемым вонючим сведениями остарений гуммигутом, будто и разбавленным со влажной древенениями каменаний отех кислоткой и жирными сочными слёзными выделениями, почему и проще было начать ясное опорождённостью своею вредительство во новом помещении, раньше представляющимся мне чуть ли не краснотой

яснения чистоплотности из-за невольного сравнения того во изолированностях сходящегося беленениями уставленных начастностями причин накрившихся орождений ужасов овне рассудочности прочней сил ож света с кроватью, гостеприимною условленных остаточностями уставленный накрённостью оовшегося наконецтошьими коснениями нежелательного обухания накенений накрившихся сонливостями тупой, начинающейся вдавливаниями настающей окружённостями дубеющих скоростями нарядившихся стеною окренения оставляний объятий реальности боли тел осмотра робений водолжений позволившей расположить последние за долгое время результаты испражнений под себя, точно способствующих искренней личной инициативой покрыванию простыни и своей поверхности моими безосовестными кровяными, оставленными чернениями желтеющихся направляниями условленных тканями бумаг осредений серот мочажинами, оттого приобретающими положение важное до незаменимости и лишаящими себя потом вины или чувствительности ко риторике вероятной справедливости; я, во уме продумав чёткий план, нисколько не вызывающий сомнений в теоретическом виде и содержащий деликатное отстранение от раны со заранее сомкнутыми сухостями кровоостений губами и стол же совестный своею свершённою дельностью выплеск жидкостей обез задевания остальных своих конечностей или живота на пол, так как поиск другого места и даже сиюминутное отдаление от задачи, затраченное на раздумывание, могут повлиять на то только хуже, провоцируя спешное свершение всех последовательностей, что станет причиной нарушения полноценной ясности столь многих вниманий и стараний, воправленных на её сорязание, получившее опухлости, скоро принялся к его исполнению, однако: однако что-то в ране надорвалось истошностью той особенностью, какой ранее я не облюдовал: в замкнутом дубами приложившихся льдами кочений сил опроникновении гноя появилась удивительная по напору струя из крови, начавшая всё это перемешивать и пробивать далее по горлу, из-за чего в суматошности и испуганной потерянности я смог только расслабить и без того напряжённый до кровотечения надгортанник: кровь, являя собой основную часть проходящего овнутри, если упустить незначительную роль прихваченной скорее из нежелательной случайности гнильцы, омчалась тупым скорым ударом прямиком во гортанную часть глотки, благодаря чему сработал рвотный рефлекс, случайно пристремлённый кисловатой громкой отрыжкой, и лишь воздух, лишая способности дышать и иссушая все лёгочные запасы самым неестественным образом, вырывался из меня в мгновение это, покрывая весь кухонный гарнитур со открытым верхним шкафчиком, содержащим грипперы с иглами и украшениями, и значительную часть пола лёгочной блевотиной со чёрной вязкой кровью и желтоватым, иногда совершённо белёсым или красным разводами коченеющих укалываний гноем, стимулируя во процессе мои вразнобой устроенные потугом выжить в том содрогания на цыпочках, отчего время от

времени я ударялся не только ногами друг об друга и об стены, туловищем и головой, но и руками, не исключая и внутренней части ладони с уже почти выглянувшей иглой, и принято было во таких конвульсиях решение воспользоваться, скорее всего, последним предоставленным шансом вытащить из руки инородное тело, понимая неизбежность нового нагноения, могущего вовсе перекрыть мне навсегда путь к нему; я дерзнул всеми пальцами левой руки во время несильного подпрыгивания, которое мне приглушить не получилось бы и в самом сильном волевом усилии, восставившем все пройденные терпеливостью боли моменты словно во несерьёзное подражательное, хотя, вероятно, и должное во таком случае положение, проникнуть в кровоточащую вновь ускорившейся струёй вошевшейся во время шторма широкой реки гнойную рану, только едва задев иглу впихнутыми небрежно передними фалангами ко тупой её стороне, когда один только взгляд на происходящее отчётливо говорил моей относительной невозмутимостью о крайнем прокажении боли, ибо... ведь пальцы проникали всё глубже и во самые разные накрояниями восставленных гурдяностями взбухающих гровяниями милости Твоей древнии нарывов желтений стороны, явно отказавшиеся отне участия во подобном мероприятии ради сохранения своей целостности, но обезображенные, уже подгнившие кровяными, сальными тупизною нескончаемых гематом о себе сдревениями отростки без ногтей мельтешат ословно без какой-либо определённой цели, и полезной бы сейчас могла стать боль моя телесная, ибо пальцы не могут сориентироваться и во небольшом лабиринте местами чрезвычайно плотного кажениями осердий гноя, также сбивающего их во особые случаи, вынуждая перемещаться в другую сторону во ропоти задеть нечто важное, и непролазных сетей неоднозначных ниточек, участвующих во деле не менее, отчего уверенные когда-то в славе будущей счедения правд, карикатурною пресностью каменений надрывающиеся отне осаженных неестественностью меня же улыбок одной своей стороны, потеряли малейшие связи со преследуемым гридеперливостями накренившихся ясностями приведённых вдовольственности опрежных шаров свобод осилений объектом, лишь свеличивая объёмы вытекающей рвотами озбуханий пузырящихся навлечённостью смерти чернот крови и размазывая отвердевший почему-то гной по ранее девственным здорованиями несменений местам: остаётся только начать всё сначала: последний шершавый кончик розоватого от восстановления ран пальца, пошло прихлюпывая и обнажая оголившееся уродство ещё более, сейчас являющееся одно растерзанной безобраосными, падающими овне лоскутами раной, демонстрирующей все свои выделения почти во первозданной осменённости и чуть ли не во время появления во том раздвинутом сжираниями во горячем сдаряниями окрушений мясном кратере, пульсирующем множественными сбледневшими углублениями и накрасневшимися припухлостями, имитирующими почти полноценные важностью своих девений органы, здесь въявшеся

недавно или сейчас, хотя и существо их субъективной отношённостью ко непрочности уставленных натоевостями свершившихся довольственностью начинившихся кредящимися воозначенностями лежащихся остеночностью ввревшихся гурчатостью опроникающей ко наположившимся оборяниями со восстаниями слабостей тоих Аммонитян телам коричневатости назнаний сверений краснений нарождений злат будущности мною не может быть освежёвано по детали радиума интенциональной логосовостями единственно вродившихся навляниями свестнувшихся действительностями сочредившихся главностями постеющихся начастностями мешаний природ исследований обязательств новин оближаний природ третичности, молчания категорического и абсолютной аффектации, причём во смешении дающие единство обоснованной ожданиями горизонтального геноновского креста омещения простой во случае его Ипостаси и сущностей разных овношних природ правды и вредоносности предиката лакрималиса, ноэмы личной и ноэзиса поддатливого; теперь рана выглядит вполне целостно и складно, если закрыть глаза на её неестественное формирование, что, конечно, дело есть не первое и не второе: можно разглядеть и провавшуюся остенённостью зеленений жилку, изо всех травмированных кож и мяс низвергающую наибольшее количество моей телесной жидкости, уже издыхающая отне сшейся вдовольственностями способлений нарочитых сосилений перегруженности, на которую не обращает внимание ещё значительнейшее количество вытекающей воотточностью вершившегося частностями костящейся зудами сменений отех сухот недовольственности деяния крови, ещё оставившей довольные нескончаемостью естественною запасы на продолжениях всего издне наблюдаемого сейчас, и другую сложную систему нереалистично свеличенных искусственностями уставленных пузырями тел своих во морщинистых, лежащихся будто тканевостями впадений своих складках набуханий сосудов, вероятно, образованных именно овнутри и посредством самой гнойной травмы, однако ничто не говорит против того, что рана поспособствовала ветвистому разрастанию сосудов уже внутри себя, о ести их незавершённая краткая хрупкость, могущая проявить себя и при еле колеблющемся аккуратном подсасывании; сейчас же главной проблемой является не это: первый заход всё же дал свои плоды, оражённые во возможности сщутить иглу визуальною остротою, торчащую во поверхностях, отдавших свою кожную оболочку боковым, принявшим скатностями жиров сторонам ладони, по-родительски её принимающим; я любовною болезненностью провожу горячими от ещё более преуспевшего во подобностях излишков потоотделения, источником своим сделавшим грудь и лоб, распространяющие реденькие струйки по всему телу и означая этим не только уже априори насущную и язвительную некончаемостью дымов песков оникса своего лихорадку, но и совершенно чуждого настроенностями свестневшихся ополненностями уваленных кревенеющимися палениями освойственного исключительно во

двенеющихся зудами жгоневых очитаний овестнувшихся частностями вдарившихся ко
сторонностям наршающегося, розовеющего воформленностью грестнувшегося чернениями
довершающихся очастностями белеющих сребристостью серых, учрещённых накосняниями
сметневшегося подробностью наставшейся о тоих бежеватостях зревенений вони порядка
наз потреб тоих оплааний бурда неприюта хладов естеств частностях обновления
осложнений явления волнение, говорящее о спричинившейся отневорожденностью
слестнувшейся зудом дрожи тел частности становити происходящего и влиянии ошибки, что
я прямою ставшегося отоделёнными счинившихся вношностями накренившихся
целяниями впестневшихся коснениями одревшегося оглавлениями становений звука светов
сменений опотреблений рассмотрения не обдумывал, лишь находясь во небрежно
сродившихся сомнениями обрезках своей неясно сконфигурированной мысли, хотя, как мне
стало казаться именно сейчас, словно подталкиваемой неизвестной силой, настающей меня не
только ко отказу отне униженности смертью металогической последовательностью: эта сила,
изрядностями несовпадений одражая скипу довящейся ко взленевшимся дымам
сдаряющейся несвободностями ониксовеющегося камнями стен усердия комнаты
непричастностью подле какого-то ядерного, совершенно необычного своею главностью
эпизода, оказывая истинную стратегию действий со своего взгляда, пристыжающего
неспособность вершания подвигов и подчинения себе оставшегося о умах тех
действительностями свербящей частностями внимательного, усердного о коченениях
въявшихся комфортом удобств трепета претензии, будто я и не видел той силы уже довольно
долгий срок, а крик-де засел во моём отяжелевшем затылке и кровотокащих частях остального
тела: я, вероятно, и не мог ему противиться, хотя звучит то всё ничтожною нетрепетною
отговоркой наkostenевского наделёнными ожревшихся скреплёнными умолевшегося
чернотами невозможностей накодирования красот поражения: по-настоящему отвлечься мне
словно и не хотелось: и забывается самое главное: то, что нечто вообще может забыться, то,
что основные ясностью качества собственного темы всегда будут упущены, и напоминает о
себе одно во самые отчаянные нерождениями надившихся новинами означающихся
несвершёнными леденений бежеватостей набухших неявленностями язв причитаний
условий секунды, те секунды, невосстание ведомого настороженностью и праведным
радиумом во служениях соскабливающего каструм, прекращающегося наостиями оздаяния во
сметнувшихся кажённостью невеличин истечениях беды и счастья: и: и есть... одно остаётся
пустошь, сочно осыщенная вперившимися ко начавшимся косениями удревлевшихся
падениями маленькой дочери нечистого духа нечастностей сухостиям покровами
выделившимися, неставленными металлами сметнувшегося упражнённости народившегося
белёсостями вменившихся древённостями наявшихся гостениями вестнувшихся

рокатами вмостившихся осредственностями наговееющегося оскорнениями тоего дела следований обновлений целостий очитаний действия света оволакивающими дефенократия и оставившего осколениями устевшихся впределённостями тел надрезов лакрималиса ко молчанию, возможно, запретившему и мне ощутить страдание телесное оради охранения рассудочности и блестнувших начитаниями во псалтири ганание мое действительностии вытеканий её, мне становится никак, и велеющаяся овязиями огравленных немалениями уставленного ко начерению сместевшейся разрушительностями назренеющихся уколевшимся отне новин новообновляющихся ждевенностями очищений вверений знаком согласий власти действия полнот структура со каждою секундою прерывается ранками овечных, оставленных невлияниями окоявленной частностями говорения дали отсутственностей, надрывы те более никогда не смогут собраться воедино или связать себя нарочито ложными нитями наставов: костевшаяся порядкам наговевшихся велениями чернот опрочних злат единственность окупирована опухолью просторечной и означенно ставшей истоком собственностии и прародителя впирающейся опуханиями глаз тоих истомы, и отчего только произошло это сейчас, по крайней мере, почему до этого оно не пробудилось, а только сейчас? момент этот неудобен: неудобен до кошмара смеха; я опрокинул свои мышечные оседностями выделяний нонешних доверий славы и моргнул пару раз жалобным, начинившимся коченениями приставленных ясностями учиняющих довольственностии ведением белёсостей тоих должностей трупов скрипом, отзывающимся во самых невольных для того частностях телесности, тот рык, тот... тот раскат новения означил новейшую пору, во столь ярком обличии предо мною представившейся впервые: едва ли я инструмент, ибо меня наделили иным бытованием: бытованием границы: в левой ладони моей, полностью открытой сплошным наслоением жирных небрежных сальных комьев гноем бездне привычных крованистых, едва различимых чернениями упревшихся общностями урдеющихся врываниями недеяний работ новин узелков и пятью сомкнутыми пальцами своими смотрящей вверх, эскизною несточенностью работностей очёсываний нофин форм располагается игла, некогда трупностями коснений томящаяся во кости первой фаланги безымянного пальца правой руки собственной чужеродностью, распространяющей неприемлемые на все тела и плотности оправ, схематизм чистого условнопорядностями остоения рассудка пал отторжением, его порядки и квазибытийность оседностью смеденеющегося нарочитостями эмалиевых, народившихся болотностями уколённых невообращённостями сменений чернений дентинов бетонов аффекта, опломбированную и синтезирующуюся во действии симулированном, во истинности лакрималиса, и стекает гной с руки моей, о время должного сочетания с полом растворяясь и отказываясь отне любой мнительной, блестенеющейся ненаместностями влечин коренеющейся овольственностями

непродолжительностей глаза условности продолжительности, и утераны стали вытекания из
оного, а рука же правая похожа теперь более на фаршированную несочетаемую мясистую
неплотную, распадающуюся будто окаждое мгновение смесь, к которой зачем-то осоединили
некоторое число заострённых начениями благоже, благоже востремлений белых палок,
ознательную воссменённостью сил тоих разможжённых во уродливый подобностями своими
пошлыми корсет, ничего не вершающий, но продолжающий становить условия и на
издыхании жалостном, теряя мясистые и не одно краткие кусочки свои, уже окончательно
разбившиеся во мельчайшие составностями уязвимостей человеческих частички, разлитые
небрежною неточенною косенностью краткостей отех во необходимостях влияний сил лужи
издне расплескавшегося навязанною серьёзностью оглашаний сока после касания со
наставшимся неясностями окоревшихся конечностями глаза чведений полом, отчего только
безымянный палец и не отвалился, оставшись блестящим во мглистой темноте чёрным, будто
ознательно окрывающим отне меня ужасы вношностей тоих обрывком, хлопающими
толстыми шлепками кровоточащим и лишённым ногтя: орывком, в котором невозможно
различить границы фаланг, о сгибании же его и речи не может идти: он слишком сильно взбух,
да и создаётся впечатление, что тут же он и разорвётся при осилении согбить его или
воспользоваться во целях исключительно практических, однако далеко не то сейчас оживает
наибольшее недоумение: грудь моя центром своим словно снова начала подниматься, уже
полностью закрывая мне обзор в нижние бока и создавая нечто наподобие чрезвычайно грубо
сделанного во пьянствах решения окончить дело воротника, мешающего ещё и опустить руки
на градус, превышающий отметку прямого угла, и сопровождалось звуком то неестественным,
и от рези отне подобного доведениями учинившихся нечастностями наставшихся ясностями
дел единств сердец пения такого в глазах вновь потекла разбавленная кровью слеза, и
конечности сами стали уродливою неприглядностью впавшейся смертности подплясывать,
отчего поскользнулся чрез скоротечное мгновение я на вполне значительной вношностями
седин своих кучке изде плотных моих тканей и повысившего уровень свой за самые
незначительную непродолженностью непрерывности своей секунды бассейна из крови,
весьма дружелюбно встречающего и другие жидкости, набухшие о нём некраткостями моих
явлений, образующие внутри и на поверхности его белёсые, чуть входящиеся
нецелённостями отех сред во ожиданиях настроившихся глазами настающих дубениями
отоединяний внешних обновлений тел лунки, затухающие причинённостями своими и
появляющиеся снова и снова, и именно на рёбра свои я упал и живот, очевидно, раздавив всё,
что только могло находиться внутри него и составлять его необходимую структурность, и ещё
сильнее примяв мои кости во лицу и рукам, озвояя уже только быть направленными в разные
стороны, и невольною неловкостью я попытался обернуть случившееся во глупое, сходнее

подобным качеством и о результативности собственной стечении обстоятельств, однако теперь я почувствовал нечто, что спасло меня от нового укола иглой теперь во внутренности живота моего или в то, что находится там и что там образовалось; я приподнял левую руку, приложив при этом невероятные для прошлых действий и подъёма или перемещения предметов в этом помещении и во моём состоянии усилия, при приближении ко лицу этому лишь олив наставшиеся бахнувшим во искрящихся безобразностями усреднеющихся ментикоевыми накидываниями гласов угода Феста становлений давлением глаза кровью снова, однако после растирания её по лицу обнаружилась вещь довольно неприглядная: смягчившаяся гноями и желтоватыми бусинами выросших на мне снова тяжёлыми виноградными, остремляющимися ко действительностям овежденностей оправленных должностями обросаний дел сил нарывами бубонов ладонь моя, проткнутая во самом центре тупой стороной иглы, вместила другую сторону иглы в животе покрытого слизью новорождённого со пуповиной во рту, полагающегося относительно меня на месте на деле отсутствующего пупка, и смотрел он на меня взглядом, неступлённые честные сизины лжи или зла которому придать вовсе невозможно из-за пристрастности взгляда моего, и выблевал он с пронёсшейся жирными рвотными свистами кровью пуповину, внутри него глубоко лежащую и на конце одном своём представленную о виде рябого, кажущегося плотнее настоящего нароста розоватого цвета со шершавыми пятнами-вмятинами орехового цвета, другой же конец произрастал из образованного во районе живота его.

Поход успения: лет через пять она, возможно, выяснит, перед какими судьями и в каком суде ей придётся хлопотать до ставней: изотчу их, и паче песка умножатся.

Во оглашённом голубоватыми приченениями отраченных грозами беловатых, вкажённых оклеточностями надожащихся особливостями краткостей отех свойств радуг цветов помещении, некогда призывною согласностью мечущегося бурдовыми окражениями ставени опияния содержащем моими хлипкими и чрезвычайно юными, хотя и одарёнными во признаниях учающихся краткостями непродолжаний мелкот безрассудностью телом и духом, находился ещё один клошар.

Чего ты ждёшь оказанное во им следующим Заговетни использовать собираешься или успокоиться не можешь? Во юностях тел мне почему-то не доводилось и подумать о возможности плачевного последствия отне вообще любых надменных пресновениями находящегося нератностями удреенеющихся освоениями теми сил воздуха рывков ко другим клошарам, ни в коем случае не одарённых ранее славой родственников, коллег или товарищей не впервые дерзнувшего. Я живу у Всеи, время от времени на осколках ставней стараюсь найти хоть какую-то отостепенности явлений тех: хочется... очень уплыть из Ожения ести то ведь... то ведь просто цвет... А что... если за нами, например, наблюдают

пятиногие? Почему от нас ушёл отец? Я так мало помню: я так мало знаю, и так много из меня было изъято всей той болью, но... но братик мой: братик... братик умер? может, он всё-таки ещё жив? ведь расширение земель далеко не всегда должно осуществляться подобным образом отне можети и во глуби. Мы ведь про пятиногих почти ничего не знаем: даже не видим их достаточно, чтобы хотя бы кто-то смог точно назвать их пятиногими: никто не видел ведь. Тоое тоже не видел-де: в тот момент этот клошар показался мне в высшей мере освоих способностей и во средней вношности забавным, и не интересовал особенно вопрос вычурной, ставящейся только причиной продолжения того разговора обыкновенности, как в нашей действительности возможно не знать о пятиногих. Они же вот: они под ногами нашими сверкают: или сияют: они... они видны точками.

Ты правда не знаешь отне того не знаю ести а у тебя отстранённость какая есть вопрос. Отстранённости есть у каждого. Я в жизни своей ни разу вихора не видел и имитаторов вне работы, и: можети, особенности у них такие восприятия, а он и сам не знает: парень есть клошар: бедный клошар. И что ести отстранённость то вопрос ответ оздесь дело довольно однозначное. Понятия не имею, чем оплачивают работу вихорам и имитаторам, но в помещениях без них никак, да и в жизни ести много им платят, по всей видимости. Я такое вижу и идне ну что ж, последняя проверка.

Отчего-то для меня всех условно обозначенных доводов хватило: уверенность наполнила меня так сильно, что свистящие алые, сочтевшиеся сработностью златистых чернот ставящихся одно сменяниями сил ононешних во отвержениях о псалтири ганание моё отне невообнаружённостей ощейся довольственностью валения начинившегося отостроенностью сошествий ума ставшего уже совершенною несвязностью смевшегося невражениями народившегося сапфировостию язв безобразия дела ужаса связи впирааний пузырьки. Я видел, как дедушка, который каждое утро здоровался со мной, когда я выходил в школу, замёрз: его холодные бездвижные белые руки свисали наросшими на почерневшей коже льдинками, и я долго смотрел на него: долго смотрел я на его труп и вспоминал, как он со мной здоровается... вожеления ниспускались со выбитых повышенным страстью давлением глаз, болтающихся сейчас пародийною несерьёзностью вношности и ничуть не притворною накрённостью совершенно ожде обыкновенно въявляющейся непричинанием мира притчи, однако выпали бы со такой нервной насмешки соединяющие распухшие зелёные глазные яблоки со неизвестной доселе, находящейся внутри головы инертной субстанцией великой разумности нервы, своим концом омыкающие ряд крошечных пошлых пузырьков и начавшие отдельную грозную филу старомодной крови, погустевшей на значительные доли и теперь лишь выдавливающейся красочным, навевающимся узорностями причиящихся осторожностями сменившихся оботностями неупотреблённости существ тоих явлений ветвей столбом,

облитым золотистыми узорами и страждущими сосудами отвердевшей мрази, принявшей невнятный дождик в собственные обличья, покушаться на которых хватит дерзости лишь тому.

Это такой... такой обман, который обычно клошарам нашего возраста не разрешают делать. Только теперь я заметил, что собеседник мой моего возраста, если и не младше. И какой это тогда подвиг? Мой отец посчитал меня чудовищем? ну, монстром там... монстром, уродом... а ведь... ведь я не то: я совсем не то... когда меня посадили в тюрьму... когда начался ужас этот, когда... может, именно отец: может, именно его поддержка... хотя бы теплота рук его: может, может... может, хотя бы это помогло бы мне? может, так бы я боролся бы: боролся, может, умерев и в первую неделю, да боролся бы: остался человеком: остался бы... даже смешно об этом теперь подумать... остался бы человеком, а не... а не девочкой? надо поскорее заставить его замолчать, чтобы наконец покинуть это тухлое... это сырое вязкое помещение. Здесь даже разбежаться негде. Вообще... Я тут подумал... Мал ты для этого. Интересно получается, и что же на меня нашло, если я в неосведомлённости такого малыша нашёл нечто странное? Ты, вероятно, потерялся? Гул смерти: гул жизни: гул трупов: гул плоти.

Нети ести очень скромный парень был. Лицо такое: такое лицо, такое оно: сияющее, оно держится, и взгляд крепится, и крепятся те, и... Если войти во то положение и вспомнить события о продолжительности всех умов тех, то... даже неприятно от него на душе и зачем он так упрямствуется во ести вопрос во этих неворождаемых прекрасных одолжениях твоих ести. Даже если он вовсе не привык говорить или как-то взаимодействовать с клошарами, то нельзя же так прямолинейно демонстрировать свою неспособность ести даже не так ести невозможно ведь ести некоторый какой-то апломб всё равно невольно вырвется, хоть подавить ты его и попытаешься, но получится выдавить, скорее всего, только немоющую... да, я понял: то: то подходящее слово: незливую животностию землероя неуверенность во крайнем качестве своём, отказаться от которого всё же не сможешь, что в последующем ответе на осмеяние тебя только усугубит ситуацию.

Ладно ести так и быть ести пойдёшь со мной ести мой отец пристроит тебя куда-нибудь ести он строгий, но Клошар невероятно дельный отне хотя, как мне кажется, правильное здесь его назвать клошаром станостьюиюи любил я в том возрасте, да и, что скрывать, сейчас: примерять на себя образ спасителя и жертвенного страдальца гонения необычность такого выражения была, скорее всего, в том, что страдальцем меня можно было назвать только с оговоркой на возраст, по крайней мере: ну, я так думаю: отец мой славился самым суровым исследователем озера Вси, окрывающего нашу страну Ожение, и: обыкновенное величание тебя близким ко озеру делало чуть ли не героем. Отец никогда этим не злоупотреблял отне

казалось, что он знает, как надо делать, а как не надо отне и я его слушал-де и почему я это вспомнил именно в такой незначительной пошлостью драматичности паузе осреди диалога, хотя и диалогом это тяжело назвать? потому что трупы: потому что Трупы: потому что трупы коченеют, и в помещении этом: в помещении: в месте: там, в комнате: в комнате, где рылся я: где надрывался я во прямом смысле: где изымалось... мне казалось, что изымается всё: там: там мне казалось, что овсё: там мне думалось, что уродуют меня, что безобразность: гадкою безобразностью я становлюсь, хотя... хотя не так ведь: не так то и не так всё: не так: да: всё совершенно не так, и история: история: да пусть: пусть прекратится уже этот бред: пусть к чёрту он обратится, пусть во Преисподнюю ляжет всё, что только есть: что только: мне плевать: оравно мне: я знаю: я знаю, что я трус: я крыса: я чешуйница даже: я гнилая: я мокрая трусливая мразь, и места мне нет: нет мне здесь места: и всё же: и всё же, раз та святость предупредилась во мне: если разрешено мне было, то... мне плохо: мне очень плохо: мне невыносимо плохо: моя кожа рвётся: золотистыми во зелёных раскатах всё рвётся, и Зелёный Гигант топчет: топчет меня, и из костей моих тот выстраивает себе замок, да: да опухоли глав всех этих, да... всё ужас... всё ужасно... я... даже не отличу Царствие Небесное от Рая, мне... мне дурно здесь, мне плохо... я в аду: я в Аду: решительно я знаю: я в аду, и... и даже с той решительностью... даже с тем незабуханием воли моей... с тем, что выделялись при этом... при всём... при всём я остался гадом: гадом совершенным, и... ведь даже не предполагалось? правда ведь? ведь даже не предполагалось спасение моё: может, потом... потом, когда уже свершится, когда уже настанет: тогда, в далёкие: в очень далёкие времена... помню, я ходил по парку: зелёные лёгкие листочки высоко посаженных древ воздымались под эфирными хладами Левиафанов, и мир был так ясен и чист, и: да чушь это: да бред это всё: это всё полная дрянь: все описания эти: да дрянь: мусор всё: да мразь вокруг: да ничего нет хорошего! ничего нет приличного и настоящего! всё оно мразь: всё оно гадость, и золотистые лучи эти: может, они и красивы: может, идиоты какие-то и видят во всём этом хоть симпатичное, да вы же придурки: вы идиоты, вы импотенты умственные: где вы здесь красивое нашли? где вы нашли здесь красивое?! у меня брат умер: умер братик мой: говорят, мол... говорят, мол родственники, мол всё это... а я брата под ванной оставил: оставил, и не сказал никому: брата! а тюрьма: осудили меня: да, представляете, придурки: придурки же вы, а кто ещё? придурки! посадили меня: ну, не исключая: можно было бы даже и штраф мне выписать за нападение, да ведь: да ведь я не просто не сделал одного: на меня ещё сотню повесили! полицейские! животные эти: уродцы эти вонючие! ведь им что: ну, вот, человек сидит: сидит человек, и ему, мол, плохо: мрази... мрази вы слюнявые: да конечно ему плохо! вы его убийство поддерживаете: вы помогаете мразям другим, из тех, кого вы заковали тем же отупением... и сидит довольный: сидит жирдяй довольный, слюни пускает, с женой ходит: он не думает: у

него в день мыслей, кроме как о жратве и усталости, нет: и пускает слюни жирдяй, и со скипетром идёт: и важный такой: и важный, а там: а там бьют меня, там ломают кости мне, там плюют на меня, там избивают, там насилуют меня: да, насилуют: нет здесь ничего романтического: нет здесь титанизма страданий: нет: насилуют меня уроды: берут меня, держат втроём, а четвёртый дерёт: дерёт, и на лице его улыбка: он победитель: он глава, он... он Царь: и нарёк себя человек Царём, когда сам не был и зверем, и волосатые вонючие потные жирные язвы его плюхаются обо спину мою: плюхаются, и другой приступает, и дёргается лицо моё, и во дрожи я скоблюсь, и рвётся анус: да, это не просто боль: нет: это боль, от которой весь кал мой потом чёрный, отчего и я сидеть не могу, и это ведь: и это ведь для вас, придурков: сидите там: сидите в тепле... сидите, нажравшись, и думаете: да... изнасилование это тяжело... это достоинство снижает: придурки: твари просто: мрази грязные, да какое достоинство?! мне голову проломили, я уродом остался! какое мне достоинств, какое мне человеческое, если... какой мне Дух во себе, если я... если я личинкой ползал в мясе своём?! если я труп уже был?! если я выжить не должен был?! я смелый: сейчас вот я смелый: сейчас вот есть во мне сила ко гневу, а через секунду: а через секунду я мокрицей там же слягу и буду терпеть, и буду плакать, и буду с ума сходить, а все остальные: а всем остальным нормально: все они приличные: все они хорошие: да пусть сдохнут они все! пусть подавятся спасением моим! пусть знают: страдания, что я испытал, не возвысили меня: они дали мне возможность искупить их плоть, но они не возвысили меня: так пусть знают: пусть без прикрас знают, что я ненавижу всех: что плевать мне на всех: что драл бы я всех их, не будь я трус и слабак: я ненавижу всех, и то, что со мной сделали люди, встретившиеся на пути том, никогда не исправится: да, я мразь: я мразь, я безобразен, во мне нет ничего хорошего, да гораздо хуже меня те мрази, что убивают, насилуют и бьют других людей. Если подумать, то я даже не ничтожество. Ничтожество имеет личину хотя бы того, кто сдался или был отвергнут стихией, а меня попросту не существует. Меня не существует. А существую ли я? Ну, это как посмотреть. Всё же... Мне кажется, что да. Ладно. Существую. И почему Все называют озером? Это какой-то ехидный, тонкий, совершенно, общем, неуместный о всём намёк на невозможность выбрать с нашего небольшого островка? Но я всё равно буду пытаться. Это не потребует много усилий. В моём случае точно. Колебание несуществующего маятника не привнесёт во неизменную своей глухой статичностью систему великих нововведений, однако, справедливости ради, такой логической аффектации желательно избегать: мы не знаем природы ести пойдем.

Он не стал как-либо реагировать на мою мысль или условный ход скорее исключительно речевого процесса агнец он просто стоял запрет как мне тогда показалось, ему мои слова показались невероятно убедительными, вот и решил он немотою своих сухости и

леневеющей лоскутами сражений бесцветности повиноваться: перестать двигаться и помочь о вылазке из помещения овца сейчас же я понимаю, что он только ничего не выражал, он ничего не желал, ничего не боялся и ничем не был отягощён белёсостию каким же я тогда был ограниченным во умах своих ребёнком точения он мог стать моим лучшим другом ограчение о крайнем... в самом крайнем проявлении моей несправедливости, думается, и творческим братом форм или я его.

Мы стояли секунд пять пастух как ли важно волевое усилие во время отворения ставней спрощание то есть... так, ночью все мои клошары находятся в великой уязвимости спрощание хотя... вход в другие помещения может контролироваться только имитаторами, по крайней мере, я это где-то слышал камень какой же великой уязвимости, в какой же... в какой страной незавершённости мы живём...

Тогда меня это удивило камень спасания сдавил Иоаннова же если честно, наше перемещение я помню скорее самыми общими, едва сравнивающими прошлую действительность со ужасом настоящих непродолжений чертами: стоящий подле меня не желал понимать, усваивать хоть во густой тяжести овоожающей скрябениями наживших непостоянств скуки правила и закономерности работы ставней, определяющих едва не всю жизнь в Ожении ткани тогда я начинал думать, что нашёл кого-то в высшей степени необыкновенного: пришельца, совершенно ясного своею инородностью дикаря негацией плевать: плевать мне на всё: ничто на меня не давит: ничто: совершенно ничего на меня не может повлиять, ибо труп я, ибо отвергнуты были сами лица мои во темноте этой тупой пустоты: ибо: ибо кровь моя была проклята: ибо проклят был я: ибо... как хорошо мне сейчас: теперь, когда я только... когда я только научился заниматься визитницами, когда я... кажется, я наконец нашёл работу: я так трудился: я оптимизировал всё, что только можно: я трудился день и ночь... я... точнее будет сказать, что я трудился ночь: вся жизнь моя обратилась вязким тяжёлым сумраком: вся жизнь моя: я не различал в ней день уже очень долго... уже давно... несмотря на то, что визитницы такие простенькие... совершенно ерундовые, даже... даже карикатурные: во время, когда столько есть, когда люди уже всему научились... ведь за двадцать лет в тюрьме... за время это, за бесконечность целую! ведь мир: мир совершенно изменился: всё поменялось: всё сменилось, и... и даже это не трогало меня: ведь иду я: иду, пошатываясь, дрожа: идёт уродец, половина лица которого съехала выше, волосы которого оредели почти до совершенной своей отсутственности, в которой жирными комьями жёлтых воспалений лоснится болезнь, срастающаяся кажущиеся во том даже и длинными редкие волосики: иду я, и мир свербит: дрожит, как здесь: как в походе успения свербит: в цветах всё, и всё переливается, и зудит всё, и... и боится... боится всё... время замечательное! настроение у меня замечательное: ну, если то.. быть тому замечательным есть во том: во том: во том, где

есть: во том, где... где станости: где верностии орнеговений рнеговений ко тому: во том, где: там, где: да! да: настроение у меня замечательное: у меня замечательное настроение, ибо Душа моя теряется, а плоть готовится к искуплению, да я не о том: я ведь сейчас о том, что Душа моя теряется: я сейчас о том ведь, что то, что сейчас, что то: что происходящее: что то, что происходит: что то, что происходящееся есть последняя Душа, есть: есть то, общем, есть: ести... есть ведь то, что, каже, может испытывать Душа животного, когда исходит из крови смертию, ибо сейчас Душа моя умирает, и смерть Души: смертность человеческой души есть... я рад: у меня хорошее настроение, ведь я наконец почти закончил коробку: я почти закончил подготовку невероятного моему уму прежде объёма работы с визитницами, что станет моим работным дебютом: я, сорокалетний инвалид, впервые: скоро впервые я продам плоды труда своего! своего! не того, что мог бы сделать с чужого приказа или прочего, но представлю свою работу, представлю результат также и интеллектуальных усилий своих! кажется... кажется, после всего этого безумия, что произошло между мною и муравьями: после всей той дефенократии, в основе которой я полагал вовсе родившуюся шуткой меритократию, я, каже... каже, я наконец успокоюсь: кажется, я смогу начать жить: да, именно это я сейчас испытываю: именно радость во мне: мне именно хорошо: я счастлив, ведь знаю: ведь решительно знаю, что то, что я сделаю: что эта коробка довольна непривлекательных визитниц, несмотря на то, прочных, совершенно надёжных... что коробка эта вызовет у заказчика скорее смильную улыбку: я знаю, что, вероятнее всего, визитницы эти будут очень плохо продаваться: может, вовсе их никто и не купит, да... да я знаю: знаю я, что это стало бы великим началом: я, изгой, инвалид... тот, кто пятнал себя девочкой... кто хотел быть девочкой! станет наконец человеком: заказчик заплатит мне из своего кармана, но будет уверен: я буду трудиться: я всю жизнь свою положу на эти кошельки, ремни и обувь, да... конечно... конечно, об обуви говорить ещё рано... ещё очень рано говорить о ней, это всё-таки высота: великая высота! это сколькуму научиться нужно: это какую искусностию нужно вообладать, да я буду трудиться: я буду стараться, я не сложу труды свои: я положу всю жизнь свою, только бы: только бы мне, жалкому человеку: человеку, что и произнести-то ничего не может, человеку, что способен только предсмертным надрывом сказать нечто... только бы этому ничтожеству, червю, ветошке совершенной, удалось бы закончить коробочку: только бы удалось мне доделать коробочку визитниц, и я буду самым счастливым: самым счастливым во всём мире человеком, и теперь: теперь, когда я представил это, холодная мутная слеза радости стекла с худой щеки моей, и... эти мрази: эти твари, эти животные, эти свиньи, ослы, эта грязь, эта язва небес: эти люди: люди, что обрекли меня на смерть: они безумны: о, именно они: они, поверьте мне, поверьте! это они! они! они: они убили братика моего! они окрали отца моего, они... это из-за них моя мама больше не приходит... это из-за них... это из-за них

я теперь такой: это из-за них я теперь похож на чудовище; сегодня я был освобождён: облака зеленели, и всё более я сомневался в настоящем: действительно ли это происходит? действительно ли это всё происходит? неужели... неужели: правда ли, что двадцать лет пыток, голода и изнасилования закончились? правда ли?... возможно ли мне было выжить? думал ли я, что смогу выжить? думал ли я об этом, когда уже третьи сутки меня смоченной кровью отвердевшей наволочкой насиловали смеющиеся уставшие убийцы и воры?.. Вариант с дикарём мне показался интересным. Я был просто поражён столь твердолобым, столь... ну, тупым: подобным тупизною прямоты своей отношением к происходящему, ведь парень... он совсем не знал, не понимал алгоритма перемещения среди ставней: ты находишься в помещении: если хочешь куда-то уйти, секунд пять двигаться нельзя: ставни снимут пунктир, и ты увидишь помещения, в которые мог бы перейти: переходишь, и они вновь замыкают пунктир окна света не видел он никаких странностей и в пятиногих, что в случае его иноземного происхождения, вероятно, озадачило бы его, хотя... мы, дети Ожения, понятия не имеем, что находится за Вси, что находится под нами, если не считать простенькой освязи закрывающего вид на пятиногих во других помещениях пунктира, и что над нами, однако цепляющиеся иногда падают, и мы пытаемся извлечь информацию продолжаются свербения домов во-дне во ознаков чаш я видел такое большое множество самых разнообразных отстранений, и неужели... неужели ни одно из них не может поспособствовать изучению ставени человек прибыл ко ветру так я когда-то думал ветер же оглотил его и мы подходим к моему дому во пепелениях жара масла сточались отпеваниями что я буду говорить отцу злочёных крений управленных стекольными граничаниями сил чем и зачем я только что занимался скииниевы власти а что, если он правда ждал кого-то: если он просто... ну, просто блаженный жертвенник ести лицо: лицо, преливающееся своею глянцевою розоватостию, и глянец этот во бирюзах осинений своих пялится во рыла небес, и небеса те прекрываются деревьями, что имели синие кроны и красные листья: прекрываются, и деревьев кроны краснеют, а листья: листья синеют, и люди с золотистыми горшками: худые, хотя... каже, даже жилистые сильные люди одубевают во огасностях сил своих, и золотистые горшки их более их во пяти разов пялов ести с одной стороны, нечего оставлять везде больных гигантовы же да... да, звучит неубедительно страх я боюсь отец отец меня убьёт одне уже слишком поздно остовностии тех возможно, если я прибуду утром, то смогу хоть как-то объясниться, да и этого где-нибудь оставлю веселения акедий сейчас уже это... это не будет тем... Даже со своей непробиваемой глупостью он спустя такие следования точно обнаружит наш домик, к которому почти все помещения ведут оближания масел рядом есть водомёт масло есть оспасение же новений я проголодался, поэтому сумею сразу два дела сделать: и поем, и этого парня оставлю, а утром приду и скажу, что всю ночь на осколках исследовал Вси папа отец,

ты ведь делал то же самое спроси слушай, я хочу есть. Сколько нам ещё идти? Трупы: горячие трупы: человеческая плоть... когда меня насиловали, когда меня драли... когда меня резали и били... тогда, когда я впервые: когда я впервые увидел внутренность человека... с братом... с братиком я ничего не видел... когда я впервые увидел, как с меня что-то падает... как с меня отрываются сальные лоскуты кожи, я не верил: я... я боялся признать это своим, мне было страшно посмотреть на это уродливое, побелевшее во своих розовинах рванье и посчитать это своим: в этом вонючем безобразном куске... признать в нём... признать в нём себя, часть того, чем я мог артикулировать, что я ещё некогда... я позабыл о Господе. Неужели ободрился от голода? Сегодня уже не успеем остановимся у водомёта, поедим, поспим, а потом и в путь сразу граница ты шутить со мной вздумал назначение ранее говорил же, что такие ставни будут уже в десяти помещениях от твоего дома деяние же да что на него нашло знаки веры так и себя спасти придётся свет благодати если приглядеться, то он и сложен неплохо Христа запретили изображать на иконах Агнцом Божьим неужели от отстранения отказался в сторону физической силы стены же сейчас даже не знаю, могу ли совладать в бою с таким утомлением да ну ты чего, ставней по всему Ожению много, вот и...

Последовал удар мозжились безобразные рвоты распластывающихся некоснениями велений хрящей сильный удар истравлиний из тех, что тяжело назвать сразу при их происшествии и что дают гораздо более красноречивое описание своё собственным последствием. Я, достигнув сегодня хотя бы какой-то конечной результативности, изничтожено валяюсь на окровавленном мясистыми комьями чёрных синений руд моих каменистом пляже с едким привкусом солёного, что мне дано было узнать благодаря вдавившейся словно давно растёкшейся по помещению остаточностию шлёпнувшегося оследованиями насильственностей отех мозга голове моей и некогда составляющими её: небрежно оторванный пинком шматок кожи с едва оставшимися на ней частыми, восставшимися бритвенною очастностию волосами, сочащийся вид оголённого белёсою бугристостию одавшихся могильностиами коченений тепла тела моего ямочек черепа, быстрою отчаянностью покрывающегося новыми, нажирающимися дубенениями сплавений слоями потёков, освобождающих отне... Все, вихор, имитатор, Ожение: Аммонитяне: вечный... вечных жид горнило есть средоточие трудностей сильный должен стыдиться своей силы поскольку села его есть испытание гордыни спасение акедия адиафора Всеодержитель эстетический монтаж человек который простил дьявола допустил телесноть Денницы и потому сменил Господа своего языкам я отказываюсь от прощения своего и потому уродую себя и во молитве только благословляю ближнего я: я побрил: я побрил зубы бритвой... и... и Амморей были гигантского роста, и Енаковы сыны... я помог нищему: помог глупцу: я помог идиоту, и потому был снасилован жестокостию бедного... озора непосредственно на моей

костной структуре яркими сдувами резких, пестрящихся дубенениями восстающих расходящеюся в посредственностях нагреневающих белениями гридеперливых зевений очаний режью сил импульсов о разные стороны: и без того слабовидящий глаз мой начал стекать, хотя и становящееся довольственностями осредств знаний основание этого дела я не знаю, поэтому вполне возможно, что он был даже разрезан, неудачно выпал или эфемерностями несходящейся ставени взорвался; от теперь разорванных, прежде дубеющих непривычно даже о воспоминании своём целостностию нематовых влажных стёкол бурдовостей, теперь разорванных жирною мясистою, допускающей овисания нитей нервов и вонючими комьями слагающихся положениям тем кож своих кашеобразностию, губ не осталось и десятой их прежней красоты, казалось, что и оторвать их есть дело не просто не тяжёлое, но возможное по случайности, только едва допускающей хоть какое-то усилие: лишь мешаться перестанут; уши и нос мои во избииении этом также превратились в наиболее непознаваемую смрадную мясную массу, отчего стало понятно: надо, по всей видимости, что-то делать. Почему я акцентировал только тогда на этом внимание знаки стала очевидна моя беспомощность: в таком состоянии мало кому покажется хорошей идеей заставлять меня совершить нечто невозможное, а ведь и правда... правда то было невозможным: к отстранению у меня способности нет вовсе, а не издеваются надо мной или не подтрунивают только благодаря славе отца. Почему ради спокойствия я должен чем-то обладать, почему я должен доказать неоднозначность издевательств надо мною, хотя никто и никогда, если, естественно, не учитывать нынешний момент избииения, меня и пальцем не коснулся глаза были выколоты были ли клошары и клошары вокруг меня глаза были выколоты был ли мой отец строгим глаза были выколоты он никогда и не повышал на меня голос глаза были выколоты я изначально был слаб до смешного рот был изрезан в такие моменты должно собраться и начать бороться рот был изрезан я попытался рот был ещё раз рот был изрезан героичный поступок: действительно: действительно, героический мне снимали кожу скребком расшибите меня об стену мне снимали кожу скребком добейте меня мне снимали кожу скребком расшибите меня... хотя... тут только пунктир, да и об него расшибить можно в слёзы падали жирами пожалуйста, прекратите, я не хочу больше, я не могу неотвечная темнота сала боль я ещё чувствую, и как... как вообще можно её не ощущать гигант разрушил мой дом разумеется... да... конечно, мне больно: да мне невыносимо больно: оно... оно не может быть снесено... порой думаешь, как ты... ну, как ты там геройствуешь, как тебе отсекают руку, как тебе не страшна мелкая ссадина, а... а в жизни... о ести да плевать славений тех плевать опухоли гнили мне больно: невыносимо больно срезания рук Иоанна кажется, бы... я бы то же сказал, будь эта боль хоть от самого незначительного очага своего, ведь боль... боль всегда несносимо накрений вен что-то хрустнуло: после этого что-то резко потекло во рту гласа не

только во рту шеи я вообще ничего больше не слышу и не вижу, только тупые... только... неизменно резвые глухие удары, уходящие куда-то вглубь моей головы, да и... а какая там глубина чёрт слышит маленькая же умертви плоть глубинка, глубина, углубление... Замер, не двигаюсь плоть не умирает замер и не двигаюсь не сжигается замер, и не двигаюсь не сжигается оба я на работе да на работе всё то же как же вышло чувственно, вообще... вовсе на работе всё то же никакой натуральности, и трупы нужны, дабы сделать вид дела...

Ни разу за время избиения я не потерял ознание ожог сейчас я даже способен рассудочною ясностью... по крайней мере, как мне кажется... я способен разумно мыслить и осязать: правда, только осязать: ничего слышать и видеть я не могу и теперь: даже бордовый, даже неизменно бурдовый рябой фон и отвратный, такой же постоянный во Ожении писк виды водомёт три знака пришли железа он принёс меня к водомёту холод оникса очень странно.

Комар летит: крылья его шепчутся недвижностью частот порханий своих, и всё туловище его причиняется то левой, то правой стороной, и насекомое это... безобразное насекомое, насекомое, имеющее этот неприглядный хобот, эти тугие длинные ворсы на теле... Я лежу на кровати: кровать моя опотела жаром тела моего, и я всё же продолжаю лежать на ней. На улице комары. Несмотря на июньское яркое нерябое солнце, я лежу на кровати. Не столь важно, где именно я лежу: точнее, в доме, квартире... на даче ли лежу я на кровати: это не имеет значения. Значение имеет то, что за окном летает комар. Я вижу его: я знаю, что от меня он чрезвычайно далеко, да за тем я всё же сумел рассмотреть его в самой детальной подробности. Я видел многих комаров. Общем, за многими комарами я сходнею же подобностью наблюдал: я таким же образом лежал: благо, мне позволено лежать на кровати и смотреть в окно. Окно моё довольно небольшое: оно узко и мутно, и я уже очень давно его не чистил: очень давно я вовсе никак с ним не работал, потому что... потому что на улице: на этой прекрасной, на такой красивой улице: улице, где люди веселятся, где все счастливы... на эту улицу я не могу выйти именно из-за комара. Иногда я даже задумывался, не содержится ли проблема во мне, в окне... или даже в стене: я думал, что все мои тревоги могут быть вызваны просто тем, как удобно стена поместила стекло прямо близ кровати: ведь... ведь действительно! я уверен: нет, не просто уверен, я знаю, что впервые я заметил комара именно в тот раз, когда крайнею беспечною своей улёгся отдыхать: день тот, кажется... Я не помню, какой это был день и был ли он в действительности, но я знаю: изначально я не стремился высмотреть комара: комар попался мне случайно, и увидеть я его мог только невольною расслабленностью: расслабленность, она... она уже не винит меня: нет. Расслабленность говорит о моей посювременной силе, о том, как мне удавалось всё же держать себя достойно, как сумевалось мне некогда становиться достойным внимательным человеком, несмотря на всё это... несмотря на всё это, допустившим появление комара. Меня

посещали мысли, что, мол, именно такое: именно подобная расслабленность наставила мне комара: если бы я, например, не прекращая: не останавливая поиски свои... если бы я всё время наблюдал бы, такого не произошло бы... да... комар почувствовал мою слабость, он ощутил немощь сил моих, и тогда он внедрился. Почему я говорю о комаре в единственном числе? Всё просто: всё даже проще, чем могло бы быть: всегда я наблюдаю только одного комара. Конечно, не может быть такого, что всё это время... я даже не знаю, во какую продолжительность я наблюдаю за комаром... вероятно, то неделя, а может... то может быть и годами. И... и во времени этом тяжёлом не может быть такого, что комар только один. Комары все довольно схожи, однако по ворсам их я научился нарекать одних именем, когда другие всё же совершенно сходятся во внешности: я трудился: я пытался с подобного отдаления найти их отличительную черту, да мне не удалось: у меня не получилось, хотя поисков: хотя исследований я не бросаю; я верю, что всё это возможно; что я ещё недостаточно искусен, что всё продолжающиеся наблюдения мои ородятся действительными находениями истины. Я смотрю. Я продолжаю смотреть, и упорствование моё совершенно чисто во себе. Я не стремлюсь пойти путём наименьшего сопротивления: я знаю, что путь мой труден, однако с тем же: с тем же я ясно чувствую, как продвигаюсь в работе. В работе моей не происходит случайности или неуверенности: лёжа здесь часами без малейших шевелений: без малейших шевелений именно для того, чтобы никакою вношнестию не повлиять на внутренний порядок происходящего; я лежу здесь часами, и каждая минута говорит мне что-то новое. Недальновидные, ленивые, просто те люди, что о целом к тому не имеют способности, могли бы сказать, что в моих наблюдениях не проявляется ничего нового: что, мол, полёт комара в конкретно этой траектории есть такая же обыкновенная возможность, как и иная прочая, воплощение которой я вижу каждый раз. Нет: это всё глупо. Это всё ужасная поверхностность. Как можно утверждать, что комар может лететь такой траекторией, если он не летал? Мне нужна доказательная база: я знаю: я знаю об этом, и я готов спутать свою жизнь: я готов стать плохим, злым человеком: я готов истратить свои нервы на то, но увериться в своей правоте. В каком-то смысле я даже исследую себя: исследую то, как мне стоит уточнить собственное же суждение, и... конечно: разумеется, то покажется вздором всем тем злым языкам, что видят во мне некоторое бесконечное филологическое бахвальство перед одним автором, перед одним произведением, и в роли той выступает комар. Это глупо. Это вздор! Они говорят, что один комар: что один комар меня очаровал, но ведь они даже не знают, в каком качестве я употребляю это слово! Я продолжаю смотреть. Глаза мои высохли: уже с час я чувствую невыносимую смертному жажду, и случайно взгляд мой падает на щепочку, склоняющуюся к мутному твёрдому, словно бугристому стеклу, и под щепочкой этой: под щепочкой тубик

зубной пасты: края его были сдавлены мною со всей силы, и ещё оставшиеся оцветанием отне солнца сизоватые блики краски на нём отражаются белёсыми бликами улицы.

Так мне тогда показалось. Он ушёл, оставив кровавые следы своими босыми ногами, направленными в сторону помещения, расположенного ближе к озеру и он хочет убить отца и надо спасти отца, ведь я так на него наклеветал: безнаказанно наклеветал: наклеветал, предпочтя себя и собственную гордыню ото наказанием будет моя смерть ото я спускаюсь в водомёт и жде водомёты и омести есть или крайняя необходимость, или участь клошаров самых нищих, тех, что не могут позволить себе различные изыщества, озданные особенным отстранением других клошаров, однако теперь: сейчас я кажусь недостойным чуть ли не ставшего святилищем, да и то: и то правда: плотью своею я изрядно очернил этот водомёт, а ведь он: ведь водомёт сделан из чьего-то тела и жде или это чьё-то тело не не знаю нет славным было бы восстановление его, хотя, справедливости ради, из него никогда не пьют: лишь купаются нет теперь мне можетя слегка разглядеть находящиеся опереди объекты нет пора в бой и я я оглянулся сил водомёт не стал чистым чещения тогда я и не подозревал, что сомнительными водомёты считались отнюдь не из доступности, а из соображений ложной педантичности: клошары не хотели бесконечное число раз омываться в одной и той же жидкости, хотя прекрасно знали, что любую гадость она изгонит и преобразит в полезное.

Чубарый подшёрсток едва ли касается снисходящей радужной пеленой неовзнимой нажениями условнеющихся спредящейся наставлениями коченеющихся ополненностями слав сил твёрдостью прихожений тонкости и силы воздействия на тот же олегка колышимый неопределённым воздействием только что образованной неподобне желанной и нарочито отягощающей собственность прискорбности во кривенеющейся полнениями осеревающихся начастностями исполиновых Ламеховых семидесяти во сахарных блесках бескожести Адама и жены веселия гласов во Илларионов день отне таламусовых наказов проклятий опред всеми зверями полевыми сил старинности наиболее могущественной и всё же оскорбляющей выкачкой внетелесной аггеловостями и искусственно якобы во наледениях уставленных однепорядочностями упрощаний сверений осязаемой стоящими подле и над глубиною бездны той, отаённые раскатистыми гулами пустоты застенки и сомкнутые скорбью оставленного лепнины, чаще провоцирующие одно напомнить кому-то очень важному, появляющемуся здесь от силы трижды на статический цикл созревания тот ождеенный эпизод своей жизни, ставший окончательной, сверяющей Ипостась и сущность точкой во светлой доброй надежде избавиться и делать избавленными, так та фантомная или, вероятность чего нельзя отрицать во ссилении оделить выражение воли предельно обобщающей и неоднозначной, выделяющейся хоть какой-либо нарочитой ригоричностью строгостью, наставляющей на офиление поучающее, но никогда не насильственное или оскорбительное:

дисциплину образования сущности и въявшейся скоре померанцовской противоостоянностью должного самостоянья самости, интенции необходимо превосходить неявленную грубость, частично и озводя основу для ранее недооценённой порождениями навлеющейся очастями условленных неколечностями сточающейся самоназванностями ужаса боли проведений темноты сути, нового восхождения и испытующего зеленеющими небесами будущих паданий странствия, такие осреды открывают ветвь в канареечной тонкости невличин освоих зыбких чувств замысловатости останавливающим окружность бесполоую, давно ороговевшую становляющейся жирными тяжёлыми сальфериновыми шанкрами наколяющихся воударённостями сил искристий смертию опутавшегося радужностью радости своей освобождающей пламени, позабывшего свою суть и только тоненькой, совершенно незначительной и в самой некоричнеющихся оплощ вношностей ниточкой отягивающегося к самоцели, к истинной ложности, к минимальному овоожностию самоявления тождественности сил сафирных в сей только час ознания уготованного пороку и предельному охраняниями вестящихся полнотами хрупкости олиявшихся плочениями сказанных делениями накренившихся звеченаниями отвергающейся вокорами условленных влияниями краткости тоей во еле проходящейся водейственностью пучащейся сооставленностью тупеющегося всевоосполненностью укрепившихся восвойственностью сил съединяющихся деяниями накреющихся сродности въявшихся складочностью порождающихся ясностями набелевшихся ораспространениями доveneющего действительностями навалившихся коснениями русоватых голубин неба обновлений влияния веряний морщин серений прозрачий химер нарощений оплачивания глухоты крапотливости сочений мебели поощаний древ вен качественностей снижению, к рябоватому от пролежней супротивления Жизни и Духу самоубийце, обласкавшего уже все пугающие чернотой стремящегося пиявками убияний смирянний со тем озора дали и теперь вливающего остаточность во ставлении, поруганные самим собой и пройдённые омимо, заложенная во отвердевшей тоим плоти сущность сбивчивым дыханием может искоренить себя же и восстать единожды, представляя исконно отвергнутую пузырями находящегося ко действительностям уличившихся полнениями действительного солнц жара маслянистую гущу, заставляющую каждый сосуд содрогаться иным и инородным во ясностях придвигающихся касательностями вознаний отех аккуратностей мгновением, готовностью абсолютной и самоотверженной; визионерская сущность содрогается ото памяти былой ненависти и всеобъемлющего повоорожденностию дел добра, от невозможности вдохнуть затхлый запах притягивающей бренной стати, оставленный пульсирующим узором труп противника готов к новой схватке, и смешение совершается сущностью и волей, и падает нечто всё далее, прерываясь на хлюпающие коснениями уставленных громыханиями вздоха зол всхлипы отне усыпляющей совершенною

неопродолженностью слабости и ускоряясь произвольным, режущим девенения прочнеющихся теплотою условнящихся дубами наставляющей довноностями отравляющихся необходимостями деятельного во клеточности составленных прошениями продолжания ониксов сприсутствия целений стали наверханий оживляний рыком чего-то удаляющегося, вновь акцентирующего на себе незабвенно освоенное накричающимися во кричневаниях всеопроникнутого креплениями власти железа чуждостью внимание, и терракотовые личины укрывают запылённые пространства, снова благоухающие нежностью цветка и взрывающиеся воплем алых ростков, тут же оббегающих на некогда позабытую смеченностью маслянистых, нарождающихся овольненностями уличающихся нешвелённостью правд осамых схождения Души отне тела глав сал свободу во местах, где, окромя пробегающих детскими ножками ростков, ходят человеческие обаполые безвласые тела, имеющие на главе туловище улитки, и слизи, имеющие во главе туловище человека, принимающую ко себе исключительные предикатные оследовательностью огуляющегося берёзостью восставленных опродолжанностью сочтенеющей краткостями условленных окоснительностями народившихся золотистыми гранениями скорепившихся яснениями условленных самостиями смечаний имеющих руки и ногти огде причитаний времени листьев непродолженностей рамок упражнений окопляний действительности качеств касания сверения, объедающие владельцев и снедающие облезлые, изгрызанные корни белоснежных, станвляющихся новоокренённостью условленных появлениями сваленных рельефностями дубеющих лицами шерсти во блесках причинённых самому ветру виверн рокотов сил полнот всияний и ослепляющего алмандиновыми распадающимися свечениями, отдающими свои нелепые краткостями негусто шипящих озвучков пригоршни о величавое начастностями оглашаний возвышение, в сероватое обитостями шершней болотных резких, выделяющих шипы во преливающиеся сизины пятен небо и непостоянное движение кого-то сверху, его облепленной чуткими непрочными, даже чутьне пропадающими во особенностях положений своих волосками цвета виридана сферой, изрытой вниманием и исторгнутой принятием удушающим, тем непокорным приятием, что бесшумно ставшеюся опроснувшимся во боли титаном лавиною станет ложиться на будущие взгляды и обращающееся ко всем сердце, несчётным количеством ребристых, оломляющихся частотностью утребляний оих сосудов разной длины, толщины и опредь цвета: оходящее во всю настоящую горку и плакальщиков её, неоемимо опускающихся и восторженно возвышающихся над спаряющей всредениями явившихся надоложениями скрепившихся оставлениями умолённых определившимися надоверениями очерневшихся желтоватых бежеватостей фресками крядений сил останостей дланью, сточающей со момента нонешнего расходящийся верностями стеряющихся фруктовыми впаханиями двигающихся околениями уставившихся означившимися гневом

пялами деверей влас розовин аромат: тот, что жирными плесканиями выдернутым со языком всиневшим сальными опылениями бурдовых, цвденеющихся окраяниями приставшихся одеятельностью бледнеющих возначаниями слепо ошоркивающей улиточными, сменяющимися пременениями времени телами действительности способлений слабостей назначаний органом соберёт любое человеческое и не одно, органом прыщеватым, покрытым редкими, снимающими синеватость креветковыми, сдающими слабый, еле видный в гридеперливостях ввелившихся надокоснительностями наречённых оведностями слов правд назначаний пар язвочками, естественными углублениями и желтоватыми, сильно сбивающими своими длинными охвостными твёрдостями формы органа наростами, и страдание то исторгнется во недра призывные, и обволокут они тебя же со деликатным, умирающим о сребристостях спадённых неправильностями накренившихся продолжающеюся во костённостях остываний жара крошечных людей ржавчиною следований злат поглаживанием, сдирающим случайно остывшую после ожога тонкую, стачеляющеюся только незаметною, оставляющею одно скажённость чуть съёжившихся одревенениями настывшихся частностями оезжаний тех влас форм плёнкою кожу, в любом случае пригодную к одному только недостаточно велеречивому отмиранию.

Пунктиры между ставнями сами по себе достаточно толстые, однако их высота никогда не превышает значения длины, по крайней мере, во противном я не уверялся. Они изменчивы: пунктиры скрывают за различной, не имеющей единого облика, который, как кажется при первичном осмыслении, ты способен даже условно воспроизвести собственным умом, пеленой, и обобщённое чувство представления их стоит ниже другого, имеющего роль всего только уточнения о это представление сходне со неестественно невыпуклым, ставящимся одно во действительности кажений форм своих лицом, всё же имеющим некий угадываемый, по крайней мере, таковым называемый сознанием и непосредственностью сознания оболук рельефов своих: цвета лицо светлого речного перламутра со нежным, едва касающимся твёрдости фарфоровых, вкалывающихся продолжениями властей тех счивений оттенком лазурного, однако необходимо... необходимо выделить его переменчивость, отличную от переменчивости пунктира ко я не удостоен власти знать не просто диахронический генезис пунктира, но его вариативность, когда вариативность этих лиц мне вполне известна, и нельзя даже оразить наставляющую несходностями условленных нособственностями действительности начинаний претензию насчёт моей возможной неосведомлённости, ведь не имеет значения грубое количество пройденных мною помещений и степень внимательности при вглядывании, я видел только эти лица: я распространяю своё представительство исключительно на них, возможно, отрицая очевидное, но отрицая в таком случае сознательно в и данном прохождении, лишённом пошлости какого-либо вероятного нарочитого

домышляния или переделения, является особенный корень, радиум счастливого этапа, путеводитель к искомой онтологии, конституировавшей третичную личину, ставшую куда более откровенным нисхождением: нозма отторгает, ноззис мотивирует во самом бытовом накраяниями стилистических выпадений понимании, ставший имманентным одоложениями овсех оморщившихся стремлений пространяющей остаточностями воформленностей существ тоих воли смешений дазайн одну периодичность оперёд грядениями непёстро ощёлкнувшегося вокручённостями ониксоевых раскатистых, жиреющих довольственностью сменившейся раскатистыми средами бледнеющей окрепечениями вшивающихся несородностями указавшихся обманами смен начал шлейфов власти краткости оболочек прикосновения обволакивает и притягивает навившееся самоовольным коченением жара своего существо, устоявшее о своей флективности накостиющихся главениями узревшихся влечинностями белеющих песками дыма стонов овочений и со поддержкой наставшейся коснениями деяний отех вертикали. Ты, в отличие от целеустремлённого упорного праведника, проникаешь глубже, согласуясь со сменившимся недовольственностью борчества качеством, и самостоянье становится во первое дарование, и из человека исходит опредная мантия во радиумах последующего.

Честно, я не помню, как попал в помещение, в котором после стал потревожен, как бы я мог тогда положить, тугостию ума моего бывшего соратника по путешествию. Меня он привлёк только по прошествии определённого времени. Это я знаю точно. Я не знаю, когда он появился. А что, если его и не было до и после меня круги лиц его умерших он вполне мог появиться в одно время со мной. Это уже не важно, хотя теперь и интригует он умер надо спасти отца он погиб если не спасу, он погибнет части пески достаточно приятны сами по себе, но почему-то часто вызывают у меня откровеннейшую неприязнь, сошедшую именно ото рассудка. Скорее всего, виновен размер песчинок: никого не удивишь тем, что песок забрался тебе под платье и во самом великом и высоком выражении того противится твоей подвижности: меня песок этот не касается, однако... однако возможность, сама потенция того... меня сокрушает именно это, и о том я обретаю странное помешательство к нему: я не могу более оделять прежности сил, могущих продолжаться во прежнем настроении, и песок страчивает: он дубевает на моих телах, и оттого мне плохо. Я уже прошёл немалое количество помещений, однако дома не встретил. Изначально я пытался выстроить некоторую систему, во итогах своих обязанную привести меня к дому, однако теперь то лишь паразитирует на мне. Я должен отклониться от курса. Вполне вероятно, что теперь придётся отказаться от любого переосмысления нынешнего положения относительно пунктирных границ. Придётся пытаться определить нечто по песку. Влажный, точнее, чуть наставшийся еле овяющеюся несухостию своею песок говорит, что дом ближе, чем был ранее. На самом деле, ближе будет берег, а по

нему я уже смог бы выйти к дому. Если пройду довольно вдоль берега в одну сторону, смогу понять, был я тут или нет. Даже с теперешними способностями. Если не найду такового, пойду в обратную сторону. Там уж точно должно найтись: я не шибко много прошёл, и потому столь серьёзно отклониться от необходимого направления не смогу просто в силу ограниченности физических способностей. Теперь наибольшее неудобство вносит не непосредственно хождение по комнаткам, а обязанность быть неподвижным для размыкания пунктира. Удивительно, но песок везде одинаковый. Я прошел много помещений. Только сейчас я понял, что сквозь замкнутые пунктиры не смогло бы пройти озеро Все даже и во оболочках сильнейших волн тех наречений чёрт а что, если для того пунктиры со ставнями и существуют имя его я сбился. Почему я не могу почувствовать сырость песка пески смерти потому что сырым делал его всегда только я, когда входил после исследования Все, хотя и исследованиями то называть нельзя у червеледей большая рука сзади попытки остаться в живых после пройденных расстояний, услышав о которых осмелся бы и самый почитающих исследователей клошар и я потерялся.

Тяжело после истеричного перехода от отчаянного состояния к предназначенному впринятию оставшихся сточениями накренившейся ородностями навешшей причинаниями подвижаний накрепившихся о трупных, сереющихся хладах оположений настоящего во помещениях, довлеющих единственно осмрадности дубений непрекращающегося, осмиряющего главу человека ко падениям гордыни освоей во сходности ко миру гигантовому отне нарождений настающихся окоснениями лабиринтов Зелёного Гиганта уродств гула, ветров правд действительности сил бежать, прыгать и невыгодно для себя удлинять путь зигзагами объективно оценить не просто время, но и отраченные силы. Я шёл: я шёл, и боль от ран приходилась скорее единственностью одно ядовито сточающей порождения воли моей помехи, и ветра укусывали сжарившиеся мертвенной сухостью губы мои, и очернело всё округ глаз моих, и частыми страдальческими, вырывающимися скорее случайно о опричин тех постанываниями и шорках окровившеюся наклевшимися притязаниями обетовостей жирами массой: время перестало быть предо мною, и переставало быть также тело моё: я трупел, и трупели глаза мои, и. Я добрался ге передо мной Все ге человек сидит: сидит он! действительно сидит! сидит, то есть... то... ноги его: ноги его положены ко земле: они положены ко земле, и стопы: стопы тоже положены: стоят они на земле... бывает... бывает, думаешь: бывает... бывает, смотришь: смотришь на что-то, и оно: оно утекается: спаряется будто: не остаётся более ничего: лёгкое: лёгкое совершенно случается, и во лёгкости той всё же пропадает: да! да, пропадает: смотришь: смотришь, бывает, на что-то, и оно... оно тяжелеет: она стонет: оно бухнет трупностью своей, и в тяжести этой... в... простите... простите, но слова: слова ведь... они ведь... да! да, совершенное да! совершенный

даже да: совершенная да, и да! да... да, оно... оно стонет, и непрекратимыми раскатистыми воплями всё продолжается, и тянется оно... сначала то, потом... потом, например, это, и... и всё тянется... не может ни к чему, и... и, общем, ничего нельзя... нужно... нужно, мол, сделать, например это: ты... ты идешь, и это самое: то, что тебе нужно сделать, ты делаешь: делаешь это, и оно, кажется... кажется, оно даже... да ведь нет: нет! не то: не всё! то всё! и... в разбухших чёрными, оверяющими рыхлые неместные, случившиеся одоревшимися ко темнотам падающих будто во сухости своей ко нескончаемости привооставленных шумами грохочущего гула отсутствия во том расщелин склонов развалинами дыры камнями песками пустынях становятся стоны, и стоны эти сточаются единственностью хрупких, содержащихся о чудом тел человека, сходного скорее со скелетом. Поверхности кож или наросших во снятиях скалпа бурдовыми рыхлыми буграми продолжающих венчать ядовитые чесночные околения слабостей тех рубцов мышц его, и руки его... ноги его не имеют кистей и стоп, ибо сбил он их нескончаемостью ударов ко металлической, довлеющей храмовым сооружением бронзовой перегородке. Концы могущего называться ещё руками и ногами облиты жирными сосками расходящихся удревляющимися ко хлюпаньям непрерывно стекающей с него уже маслянистою желтоватостью крови лимфами лоскутов, и розовые чаши тела этого глухими непричь ударами остукивают невысокую, срывающую слою редко оставшегося ещё мяса калитку, и он... он мог бы даже и перелезть через неё, да он не может ухватиться за забор, ибо скользкие сальными соотечениями культы его только впивают в себя тонкие прутья тонкого, ничуть не продолбленного о все нескончаемости ударов его забора: он не может встать, ибо тут же теряется о нём равновесие, и падает он: тупым топотом он плюхается на отяжелевшие чёрными камнями пески, и непродолжительным нетерпением вновь он встаёт, и вновь он садится уже привычностью ложений, и вновь он заправляет хрустнувшую сломом связок руку, и вновь он ударяет культёй ставни калитки, и вновь сдирается с орозовевшего, онявшего окружности гладких совершений обрубка краткий отухший вонючий слизень насочившейся вдарившими бурдовыми ониксами свечениями плоти, и оскабливает с него блестящий ломоть плоти забор, и непроизвольно ударяет культя смазанной кровью кляксой камень песков, и резкостью прекращения поднимает человек голову, и взбухают надувающиеся несменной объёмностью руд вены на теле его, и уже привычным хрустом он рвёт связки свои замахиванием и ударяет забор, оставляя те же толстые, окаменевшие уже отдельными местами следы: кожа человека премешивает сочащиеся со краснотами бурдовых шрамов розовые, редкобелёные язвы на телах его, и со незначительного отдаления тело его покажется ярко-красным, и скелеты тел его: на черепае отчётливо проявляются корни вен его, ибо худ этот человек: ибо едва его можно было бы отличить от недавно умершего, если бы не стряющиеся некоснительными оболониями останостей тех кожи: он весил двадцать килограммов, имея

обыкновенный рост, и гузно его одеялось единственностью сухой, снятой наростами пристин отех шишки, и лицо его: лицо его было ужаснее всего прочего, ибо законсервировался на нём оскал ужаса, гнева и отчаяния, и во отсутствующих мышцах он стянул кожи лица своего уродливейшей, осыщенной тяжестью несходящей ненависти гримасой, и выколотые глаза его чернели пустотой, и редко проливающиеся ещё по телам его волосы доходили до колен, и волосы эти спутывали руки, ослабшие до такой степени, что те изрезались в волосах, во конечном счёте срывая целые ломоти кожи с головы, и человек продолжал: он продолжал стучать: он продолжал... И проливается рядом срез руки: наполовину медово-красный, наполовину слоновой кости круг оточившихся настоонностями упрощенных начастностью необатываний дел повлений слоёв навлеялся в воздухе, и воздух этот кислел орошениями боли: пески, осохшие во ониксовые камни, шоркались друг о друга, и казалось даже: казалось даже, будто камни эти также ненавидят друг друга: они также желают сместить тех, и именно отне того белели уставленные неоконченными высотами раскаты гор поднявшихся камней. Обрубков главы, столами зубьев своих сменяющий слабости насмелевшихся страданием ветров, кричит: казалось, он кричит, да рот его застыл во неспособности завопить, и рядом масса останывает дубениями нескончаемых, сокрушившихся пестротой ряби небес, и оходит плаваниями воздуха химера в том, и химера имеет золотистый цвет, и озрастают со земель... со камней, наставшихся предельностью высот своих, доспехи, и доспехи эти недвижностью вороста существуют: те появляются, и отне того кажутся полноты тянущихся со полов пуз, и пыточностью времени оставляются желтения ссыланий, и люди... люди сточаются этим, и сдвигающиеся гигантскими рылами своими оболотившиеся статуи прозрастают колкими, острыми во граничностями своих сломами, и срываются со бронз тоих пухлые, начившиеся собственностью одно для того наросты, и наросты эти обретают наполнения кудрявых, смешивающихся сальностью стекающей желтизною трупной вони смазки волос, и волосы эти причинностью ко пескам придвигают тела статуй, и суровые кажущейся величественностью морды их катятся золочениями небес, и золотистые небеса спаряют место это, и нет оздесь ничего... нет... нет опред калитками храма ничего, и бронзу ту очищают статуи, и статуи эти хрящами смертей своих очиняют огни, и огонь же во месте этом есть радужный перламутр, и перламутр этот расходится аммиачной вонью ко всему месту этому, и во ужасах этих предвигается человек, что сияет тем же перламутром, хотя тела его благовонны и приятны: он силён: определённо, если он не имеет физической силы, но способен на чудо: тело его высоко: высоко, однако не становится близостью ко гигантам, и радужные, почти бесплотные тела его пременяются вечно сбавляющимися наваленностями сочтеющихся неконстантностями осредствий узорами: лицо его не имеет лица, глаз и ушей, да всем ясно: всем, кто проходит мимо него, ясно, что существо это: то, что озрело расхождением открывшихся жаром

принятия грехов ближних рёбер, свято и имеет святые намерения: ноги его будто и не касаются земли, и руки словно распадаются ко изменённости земель, и существо ходит: оно, конечно, передвигает ноги, однако ноги эти движутся неизмеримо медленнее, чем должны при скорости хождений тех: он двигается, и с тем за ним бегут все, кто обитают здесь: обитают здесь почти все, и потому существо обошло все земли эти, хотя те не имеют чувства, размера и времени: от одного существа до другого отстоят нескончаемые длительностию своею пустыни, и перламутров человек прошёл все земли, и о том: в том неказистыми, откровенно безобразными прерывистыми, будто вопиющими самостиями являний своих шагами за ним сбегались существа земель, и рой уродливых бесконечных, не прекращающих надрывные сломами падающих здесь горл крики свои чудовищ продолжался за существом перламутра, и стаптывались гибкими мягкими гвоздями горы земель этих, и приближалась нескончаемость сдавливающих плотности воздушных уродов ко бронзовым калиткам храма, и ждали все: все знали... точнее, все думали: все надеялись, что то будет возможно, хотя едва и самая незначительная часть из полагающихся во успении этом сохранила позволяющий хотя бы свидетель или оразумить нечто рассудок: большинство из существ этих становилось могильною, лишённую способности ожить трупностью, и всем было больно: все болели, все умирали и возрождались, и все знали: постольку знали, поскольку вовсе возможно назвать способности их понять знанием: все знали, что они испытывали боль: что боль их была велика, и многие: многие из них даже упивались болью этой, они сменяли единственные собственности свои тою адаптивностью, и никто из них не видел конца страданиям своим: конец не во смысле завершения труда и наказания за деяния свои: они хотели этой боли: они стремились к этой боли, и в ней хотели существовать, совершенно отупев ко всему прочему и наставшись резостию спространения её, и перламутров человек: спаситель, прошедший чудом самостии бесплотных неявлений, испытал гораздо более: он испытал во бесконечность более, чем самый острадавшийся во землях этих человек, и о нескончаемости продолжения страдания того его кто-то остукнул: навязчивою едкою вредностью его кто-то остукнул, и перламутров человек сперва улыбнулся, уже позже проснувшись: он открыл ещё полагающиеся тогда явлениями своими, слипающиеся ветвями озолоченных огнями накренившихся уродственностью неявленности тоей камней паутиных глаза: когда увидел он пробудившего его: то был безобразный гигантский, полагающийся на опухоли сросшейся продолжившимися длинными, оснующимися змиями хрящами кистами головы труп, и труп хотел напугать свербящей уколами краснеющих сереющими язвами смерти зеленений чернотой своей, да человек увидел его и улыбнулся: ему стало жаль труп, и труп, увидев это, стал серьёзным и заплакал: перламутров человек обнял того и продолжил идти: порой его спрашивал труп, нашедший слово, отчего перламутров человек тут, однако он ничего не говорил ему и, кажется... кажется,

перламутров человек уже ничего не понимал... когда перламутров человек приблизился к человеку, чьи культи веками тысячелетий долбили бронзы калитки ко храму, нескончаемый рой чудовищ, озжелав исполнить означаемое ими волей перламутрова человека, накинута на прохуdivшегося кровавостию смерти человека, и тогда стал исчезать храм, и чудовища зарыдали: вопль их сломлял камни, и все те бесконечности мест их дубели жарами, ибо думали они, что не обретут спасения, однако стали исчезать чудовища: стали исчезать они с центра той кучки, во центре которой накинута на красного человека, и со самых краёв нескончаемого нарушениями самого времени роя, и стали все спарятся перламутровою дымкою, и окрывались все земли эти туманом радужной пыльцы, и радовался перламутров человек, и спарились все люди спасениями перламутра, и остался тогда перламутров человек здесь же, и был он заточён здесь навеки, и заточения своего он не понимал. Я оглянулся, обратив внимание на ранее игнорируемое мною, бледнеющее бесцветностию сточившегося огрызаниями оплевавшихся дубенениями восставленных опроченностиями стравящихся единственностию должновений тоих правом единственного тел белений ветров неупирания прекрасие, очившее блеснувшей зеленеющими, стачивающимися ко желтениям наречённых довольностиями местневшихся справляниями озревшегося вправившейся ко зленениям постлевшихся двоепорядчностию названий вечений осложненностию света краткостей верховий сияниями компиляцией средств пунктиров и ставней. Края пунктиров, о есть каких-либо видимых заговетниих и во еле рассматриваемых высотах, отсутствуют. Примечательно, что пунктиры параллельны именно середине среднего человеческого роста, на всей-де оставшейся длине косениями вокренившихся осердённостиями управленных единственностию преломляний направленного созираниями оголевшихся седениями зоиностоянных черевениями ужаса блат новин деяния воярений точений ничего подобного не наблюдается. Подо мною во невозримой сменяемостиями сравнений со особственными же причитаниями дальностию глубине можно увидеть невооружённым, наколеющим уязвимостиями краткостей тех глазом гигантские напроодолжающимися окрачениями овешивающихся перламутровостию шафрановых жирений рыхлых гурдяний скоростей шевелениями колонии пятиногих, продолжение которых открыто в ближайших помещениях ставнями и пунктиром. Иногда кажется даже, будто всё озеро есть свестнувшаяся поделённостию условленного спространениями фантомных, условленных единственностию начтившегося довольностиями упрочающей сокрушениями весений велегласного Павла выями тоеми истории соблюдения преображений приближения наполняемость особенного, вместившего о себя низошедшийся тоею формою мир помещения. По крайней мере, противопоставить тому что-то тяжело во положении, когда кичливостии форм помещений спространились небесностию формы своею ко форме телесной. Слишком велик брег, и

поэтому есть о нём неизученные места, могущие окрывать выходящий одаль пунктир, да и следует даже та область пространственная всем прядениям обыкновенных неумерщвлений натурального помещений ожиг даже лица здесь человек предо телом иногда он есть хотя... всё-таки... всё-таки есть одна выделяющаяся черта: есть оздесь черта, что ставнит иначе ставшееся некогда нерадениями преобразованностей настоящих ужасами продолжений искуплений одле смерти перерождений. Сквозь пунктиры, видные со стороны Шара, можно проходить без каких-либо небесных ограничений или телесных молчений, однако редко возникающие серьёзностию народившегося навелённостию оставшегося недениями камня чуда внимания предположения мои тому не противоречат: возможно, после какого-то числа связующих ставней пунктир уже не срабатывает обыкновенным образом. Впервые я прошёл через пунктир без молчания ещё во младенчестве, и часто клошары поражаются тем одно из эстетической необыкновенности. А я же: я же позабыл. Я будто о чём-то ещё хотел тогда поразмыслить, однако теперь могу вспомнить то только в общих чертах: что-то про немногочисленность и качественную слабость знаний не вомоих: окружающих также. Примерно тогда я и двигаться неосознанно: потому следующей всплывающей в сознании вношностию навлящегося частностию действия происхождения стали крики во Вси.

При плавании по Вси используются остатки ставней или чьё-либо отстранение, однако полноценным плаванием это назвать тяжело: пятиногие и приплывающие цепляющиеся слишком сильно сбивают с курса, поэтому каждый заход заставлял полагаться на случай овне зависимости от опытности. Остатки ставней никогда не выходят на берег: на них приходится забираться с прыжка или, если то позволят храбрость али безрассудность, что характеризует именно мою ситуацию, с заплыва. Я доплыл ко наредвшемуся надчастностями вношностей орубку и постепенно подводил его к месту, откуда слышался обивающий светскости продолжающихся всеместностию омысла нарывов вопль. Я приплыл ести на ставне неуверенно стоит рыдающая, покрасневшая спределённым ко начатиям форм ужасом женщина. Остаток никуда не перемещает. Возле остатка видны чуть проявляющиеся во твёрдости натлевшейся приставленными грядами вкаменевшихся счастностями употреблений скал окоснениями плоти мельтешения становения кто-то тонет корки тяжело разделить понятия клошара в Шаре тонущего и плывущего дерево имеет синюю крону и красные листья слишком уж сбивают пятиногие дерево имеет синюю крону и красные листья повторился дерево имеет синюю крону и красные листья но она молодец. Держится дерево имеет синюю крону и красные листья если женщина правда хотела бы утопить того клошара, то давно бы уже закончила. Не совершает у блеммиев горячие карлики боится имеющее зеленоватый крупный купол бурдовеет во глазах своих отемневшихся я помогу имеющее зеленоватый крупный купол бурдовеет во глазах своих стемневшихся подплываю к остатку

тфальра ести и меня замечают палец мой сдавился наконец. Что чёрт уронил иконостас что ты чёрт уронил иконостас пришёл чёрт уронил иконостас и сюда кажде рожений до одури пугающий лобзаниями сточившихся уродственностями околевшихся аггелами счиняющихся узренными же ко нахудивевшеюися цведаниями восстающихся железнениями вдевающихся бесформенностями коченеющегося происходимостию простоты небесных, сместившихся начальностями животневеующихся раскатами Жёлтой Земли зверений отений гиганта руд трав молитве несовпаданиями гор вечений глав вопль, могущий характеризоваться наиболее отвратительным услышанным за сегодня. Её голос слегка хрип шорканиями сдешнейся твёрдостью срезавшей въявленный столбенениями неба шанкр крови, а излишняя же подвижность головы-де способствует лишь тому, чтобы ввисшая тряпичностью услонных вверениями набелевшихся точениями определённого синевами мира врага столов несовпаданий кожа, увиденная мною одно сейчас во поразительных скоре кропотами съязвившегося частностями падённых жизнеположенностями нагретых зудами оставшегося в комнате со Глориановым бликом подле дыры, назначенной переходом ко кухне, шипения древ ревений нежелания подробностях, несмотря на освещение и ограниченные и продолжающейся, учтённой ко бурам народившихся действительностью претекания плот главы ко плоти небесной свойств лихорадкой способности мои разглядеть хотя бы что-то, чтобы артикуляция её прерывалась во необъяснимой громковогласностью накретыхся правами подоявленных колиями лиц спиц Франца искр качеств силы ударах языка обо щеки, вызывающие вместе со оставшейся невокачественностями уставших падениями облаков телесностью и даже полностью мокрым, сметнувшимся кожами слабостей платьем теперь куда менее яркого и привлекательного светленими нарвенных овестениями вревшихся рогами решёток цвета поразительное чувство нежелания на то смотреть и во происхождение того вникать, хотя и грубостей с её стороны ещё не последовало, исключая издне взора испуганное по понятным причинам даже недовольными привратниками дверей ставени тоей ужасами непонимание, и... Помоги! Диалоги всегда: всегда вот так: вот так вот, когда... когда слова там... когда происхождение слова самого, когда претекание... согласитесь ведь, что... ну, что претекание: когда подобное, а не когда одно и другое, мол... ну, когда... случилось бы, вот: вот бывает, например, когда то-то, а потом: то-то, но тут: тут качество количества как бы, ну... ну не стачивается, но вот: вот оно ведь: и то, и то: и то и то! вот тогда оно страшнее: тогда это ужас: общем, то я и назвал бы совершенным ужасом, когда... ну, например, хотя, конечно, пример этот будет Железный Франц Преисподней там, где, вот: вот! Тогда, когда... точнее, начать нужно так: безумие есть безумие именно тогда, когда объективная реальность уже неотличима от бреда... ну, общем... ну, понятно, конечно, что... да, ясно! ясно! давно, общем, все ясно, что сказать невозможно: нельзя! Слово Господа подобно слову писанному, слово

человека же есть слово устное: не получается, ну не случается оно! небесное слово прощупывается: знают о нём, вот... знание такое есть: есть ведь, и всё: всё! не попишешь! Не попишешь, хотя время и дерётся своей непостоянностью во... Ситуация поражает: поражает ведь! Именно меня поражает. Я и сам не в лучшем состоянии, но главное даже не это: меня просит о помощи клошар, рядом с которым кто-то тонет. А если это вольный виновник происходящего?! Надо разузнать. Так я подумал. С чем? Я вопрос такой задал.

Кто так начинает разговор подобного контекста? Так я тогда подумал. Смешон. Смешон! Я смешон! Ну, может... Конечно, может, и мысли мои есть мысли смешные, тогда... тогда хотя бы обязанности...

А?... ну... тонет, не видно разве?... Тонет... Тонет! Спасите! А! А почему вы? Помогите! Ладно... размышлять времени не было, да и уверенности в моей способности осуществить данное действие тоже. В возрасте телесных двадцати трёх лет Пивет со отцом Гиветом своим пошёл честно службою Господу во печении Киона, что были некогда и тогда местами полоническими, о есть местами небесными, коими есть Небеса на землях тоих. Гивет умер, и Пивет шёл сам. Молился он честно, и честно умерщвлял во себе он соблазны, и воля плотская его умирала, заменяясь Духом. Тогда явился к нему обольститель мужей славою, и тогда предложил же тот ему славу, и Пивет отказался. Когда Пивет смотрел на обольстителя паутинного тщеславия, глаза его были холодны своим тёплым светом, и обольститель сошёл со рассудку своего телесного, сколь мог то иметь дух: тогда Пиветовы внешности были пожраны знаниями Пивета Небесного, и тогда славою во земле нарекся он Владимиром Наречным. Владимир Наречный стоял три века, и три века с обольстителя сходились окрывающиеся после чёрным блеском оставшихся одно немотами кратких нитей тел его ослабших мышц кожи, и долгою рекою смотрели нетленные глаза Владимира в обольстителя, и умирали цари, жаждущие славу, гниениями пупов своих. Я решил следовать указаниям. Ну, указанием это тяжело назвать. Совету. Совету я решил следовать. Сейчас...

Я подплыл ближе, и, по всей видимости, только теперь эта испуганная женщина взглянула на меня. Не уверен, что сам бы испугался, но для клошара в подобной ситуации мой вид мог окончательно свести к безумию свершённый прежде крайностями сметившихся особливостями прокажённых частностями коченеющих чернотой графитных чернобылевых язв опусканий свойств ослаблений ум его ветви длинные или испугу. Сильному ветви длинные ести сильному испугу.

Ой... простите... я... вдруг во обещущейся накренениями уставленного стекольными, упрочившимися самоявленностями учтившегося одлительностями окренеющих крад самовоопределяющейся частностию блестнувшего огнями умираний тел отех людей озвучания особливости знаний жара подражаниями хлада голове моей или чём-то,

катастрофическою неясности крайнего овладения наколевшегося целостностями озвученных некошаниями фольгиевых, уставленных белениями бурдовых, впревшихся сизоватостиями бежевых бугоров воспалений окраснений сломов наречаний знания сближенным с ней, начала колюще болеть точка неопределённого телесностями вопогровленных ссобивочностью деяния природ расположения, за ней оследовал словно сдавливающий звонкими умерщвлениями сказившихся непричтённостью одеждующихся коченениями огласа правд солнц уши, внутренность их или всё тело в целом шум, наречь который единственностью очтенного узорами золота шума нельзя: разумом справедливо было бы предположить стекленеющееся решётчатостиями настающихся недолжностью опаляющегося каменениями зовездевающихся уставениями вобрамляющей накраяния правд желтизны продолжаний свершенства велений нарушение некого процесса, связанного со разрывающим органы счинившихся пылениями сместившихся одеждительностью нашившихся несвоевременностью прочних глав видов форм тоих умов моих равновесием, и оттого логичным мне показалось присесть, что то моё тело свершило ранее моего же согласия к оному, и то... теперь... теперь я сам жертва, и я не могу помочь.

За мою руку что-то схватилось. По всей видимости, точнее будет сказать про кого-то. Так я тогда подумал. Так это ты? точно, разве кто-то может сюда попасть случайно в таком виде? это ты виноват! из-за тебя я чуть ли не умерла! Я тебя убью! В тот момент я вовсе вышел из осязания продолжающегося во привычности сдаряющихся внешнеотрённостью доложения продолжаний освоих действительного. Некто, после обретший внешности девушки едва старше меня, забрался на бестелесною дымчатою воогненностью павший остаток ставня со помощью моей свисающий руки.

Здравствуйте: господин, приветствую вас с величайшей радостью за ваше: здравствуйте: вы решили: вы решили, будто... вы подумали, что так будет правильно: да: да, я так решил: я действительно решил, что поступок этот будет правильным, и: но: вы смеете меня перебивать? вы? кем вы служите? я считаю: простите... простите, но... но что? почему... нет, даже отчего вы вообще решили, будто можете обращаться ко мне? вы видите? неужели вы не видите? На этом закончилось.

Здравствуйте! рад вас видеть: здравствуй, дорогой! и я тебя! как там: ты имеешь в виду: да: ну... я... всем тяжело... моего брата придавило... он... он сказал, что это он, что это его они заставили...: что заставили? ты про: ну... ну, досточкой... хотя... хотя вполне можно даже и сказать, что... что доской: что доской? причём тут доска: знаешь... знаешь, а камень этот... камень этот далеко не так... далеко не так тяжёл, как тяжела громада доски, которой меня заставили сдавить: что? ты про что? что сдавить: ну... ну, они, общем, и не говорили, что, мол именно...

А куда я пойду? Куда я пойду? Я ведь... ну, каже, было бы... было бы гораздо легче, если бы сразу... если бы сразу меня отбросили... если бы сразу от меня отказались, но теперь... после стольких лет, и ведь... ведь годы эти были мучительны... после стольких лет, и меня... меня бросают в никуда, в пустоту совершенную... я надеялся... я думал ещё, что... чем я теперь буду: простите, но пора: пора.

Больно: очень больно... я ведь... я умираю ведь: здравствуйте, мы очень рады вам, и нашей главной задачей будет на склоне озлощённой зленениями бурдовых, нависающих напоминаниями наших болезней кист горы свесить тележки: тележки лёгкие: они не весят почти ничего, да главным условием есть несмотрение ко содержимому голяски: во колясках полагаются жирными личинками люди, что не видели небес.

Я понимаю: я прекрасно понимаю, где я и чем занимаюсь: я полагаюсь в совершенно здоровом уме, и чернота, которую мы видели, необходима именно тем, кто хочет, чтобы о черноте не узнали: вы, вероятно, и не в полной мере это понимаете, но единственно мы видели, чем занимаются люди, обязавшиеся спасти нас: люди, должны проявлять героизм во спасении наших жизней... вы ведь... вы ведь поймите, что я никогда не был горделив: нет, никогда я не выделялся кичливостью, хвастовством... я всегда: я всегда делал только то, что было необходимо, дабы положить для всех то смиренное спокойствие, какое притухает эти нескончаемые вопли бреда: из-за меня братик тух под ванной: из-за меня окроются души, и естественности тех правд... если честно: если быть честным, я уже не могу: я достаточно пережил: я больше не человек, и вы сами не пожелали бы меня видеть человеком. Там... в мире, где есть я: в мире, где возможен я, не может существовать Бог... столь отвратителен я... столь недостоин я, что... что неверие моё есть не гордыня и не гнушение: неверие моё есть признание себя недостойным о сыне Господа.

Осуждать такой поступок будет и недолжно освоениями счинившихся неополненностями условленных отне непрестанною молчаливостью ставшихся о лишаний древянными оглавлениями несочитанных краткостями обуханий неведливых гласов сил тумб требований природ, а поощрять мне же продолжается то, и продолжается тяжело и во стенах тех-де монгольских червей во ознании, что душа приобретается во слезе чувства о, и мерные иконы, и субъективный тиннитус, и бессмертие души же во етерьях многострадального узника темничногого и и любовь ко себе более, чем к Господу Богу, и гордыня есть громогласно одаряющееся несточениями приставленных муравьиными швами человека Вавилон хожалые пешехсии горя Вифсаида гнилых дёсен двойников арагонеса во олигофазиях самый же простой способ создать идеальное государство есть означит его врагом, когда врагом то не будет, и в общем сплочении супротив население одно будет поощряться всеми из находящихся в предложении государства ото неправдивости его порока благами акромегалии Фисона и

Евфрата неразговорений со змием, ибо со искушением не разговаривают во богопротивны, и проточная вода есть символ благодати, которой я был лишён во веселиях страданиях своих гласов же смерти Адам, где ты? Сахарных блесков отсутствий кож у Адама и жены же во: эх, будь я грамотная! Протегалин знал: беременность есть болезнь, и прежде же из мужа можно было очленять помощников, однако человек не знал этого, а во знании уже лишён был способности той: я остаюсь бездетным: любовь ко Христу чище веры во Христа, ибо во вере есть рассудок: стяжание то... Ужас допустил именно то, что или Еву воплотили во жену всех детей жены же этой, или то, что Еву лишили Евы, ибо Ева есть Матерь Всего: краснот нарушение первой заповеди, не хочется: была подвергнута опасности моя жизнь, ведь в той физической, оструктуренной окоснениями синеющих сребристостию впадающейсся оченениями главенствующей усиленным во напрещаниях сил велений ветром плотности черноты шипений общности я уж точно никак не смог выбраться, чего она, конечно, знать не могла, но всё же во том случае променяла бы свою значительность на мою. А что... если Разрушение означает, что я заблуждался? Заблуждался не одно остаточностию тех неспасений ближнего, но... но Ламехом я растерзал ближнего... Это вполне естественно, как и то, что простить её я не могу до сих пор, даже учитывая незначительность сверкнувшего кислотами древнящихся начастностями кривенеющихся новинами введений одолженности сдаяний истин ослаблений произошедшего во сравнении со остальным в том. Я не могу: просто не могу. Возможно, то есть наиболее выделяющееся во произошедшем, не обязующее нарекать меня оттого кем-то оподобие самолюбца или отчаянного сына, более всего переживающего за близких, что, как мне кажется, и объяснимо средоточиями рассудка, однако во той событийности как-то задуматься о том шанса мне не представилось, и главное есть нежелание какой-либо утраты в целом, причём несколько не чувственной, но вещественной: жизнь не должна была прерваться, но прервалась. Необходимо помочь выжить мне и этой девушке. Странной девушке: я не разъяснял же... она же и не просила.

Женщина умерла ветви длинные её столкнула и ударила в голову вылезшая девушка. Женщина пыталась меня убить ветви длинные она оторвала мякиш свистнувшей плевком орвевшей ко ней крови губы моей.

И что теперь ветви страшные ты меня тоже ветви страшные тогда я действительно довольно малокачественною медлительностию соображал, почему и мог выдавить скорее оспешно брызнувшим акантовым завитком гнойником лишь нечто подобное, хотя... хотя и ранее я озвучил не менее неуместные явзвенностями упроченеющихся злечениями во сребристых оговениях мест становляний реплики, да и не так даже интересно это и во анализе произошедшего: эта девушка была мне нужна камни вытачивают на себе лица не в роли девушки камни вытачивают на себе лица в роли отстранённого сопровождающего забои

лабиринта рожают новые части чувство, что время наложило на себя некий запрет, печать в виде переживания боли и слабоумия там что-то ходит не исключено отсутствие в тогдашних размышлениях определённого коренения, подвергающегося логическому опробованию у ходящего причудливая правильностью своей форма зачем ты её?

Не помню её ответа, но он показался убедительным. Что-то наподобие оглашения прошлей её опасности и попытке эту же девушку и убить, после чего она потеряла связь с осмысляющимся и стала бредить оно бродило верилось в то с трудом и тогда, однако важным оно и не было оно ищет меня должным не казалось и потерять сознание, но я потерял оно ищет меня оказался после этого я уже дома смерть молчалива донести эта девушка меня не смогла бы точно и если бы мы были вплотную к берегу моего отца, в чём я не могу сомневаться: не было ни одного всплывающего в памяти вида, а забвение их во уме моём стало бы великим позором смерть молчалива в промежутке между потерей условленного белениями спрожающихся охладностями наведённых чернениями буроватых, оставляющихся довольностями прощаний созданий пробуждений текстур сознанием и пробуждением дома я наблюдал образы, местами смешавшиеся с гипнагогическими галлюцинациями, а где-то и могущими чётко отобразить особенности вношести, среди которой я перемещался.

Два существа: одно имеет сголившееся продолженностью уже достаточных подобному номинированию конечностей во коричневеющих плёнках выпадающей действительностями муравьиных ромбов внешности тело совы и голову, более всего сходную с безвласой, чуть окроённой лоснящимися салами пота человеческой; другое же есть сточенное карликовой горячью тело человека и обретшая чёткие очертания землероевых складок голова совы, причём каждая часть заслужила бы отдельной, уточняющей скорее очающие безобразные, опростывающие комья сходящихся висящими хрящеватыми хлыстами кист детали оговорки, если бы только тонкости эти не просто запомнились, но въелись в моё сознание в том же, поэтому сравнения такие скорее для значительного упрощения, хотя сходные опомнившиеся значительную частностью детали и обратили на себя внимание: у обоих примерно на поясе, что, безусловно, тоже есть следствие скорее антропоморфизирующей условной упрощённости мысли, находились, как мне показалось, невероятно тяжёлые серебристым, вдаряющим окроянные картошечные ломоти шкур блеском цепи, всё же держащиеся довольно крепко и опирающиеся главным образом сзади, спереди же они будто легковесностью наставшегося продолжениями учтённого очтеогласованностью народившихся особливостию преживаемой тоеми ужаниями уставленных ониксовыми граничениями стекольных вграничений полнот боли тел шевеления укола свисали, однако при любом их движении подобный пояс сточал глухой вечновглашённой навленной бетонными, крошащимися во белеющих воотточенностями трубчатостию белеющей

ожоговыми слизями влаг вношенностии серениях сломами рыжины звук, чем-то схожего со чрезвычайно высокими звонкостию своею противоестественными обрывающимися всхлипами, причём у существ этих цепи были различного неизменного, проявляющегося главами своими осквози сребристеющиеся черноты небликовых отражений цвета, только слегка обретающего чужеродные, сменяющиеся неточностью оттенки из-за регулярно появляющегося отсвета: у имеющего тело совы этот пояс был чуть гранатового цвета, когда у другого скорее белел помогающейся во зеленеющихся самоособственностию уставленных гибельной язвой стен туманах дымкой. Другой деталью были странные, будто обесцвеченные во прозрачности вдавливающиеся порами начинаний отех концов своих отростки на их спинах, выглядящие примерно одинаковою продолженностию и ориентировочно на одних относительностями отношения ко земле али плотности иных становлений их уровнях: на каждой особи были два удлинённых отростка, они вырывались из спины перпендикулярно её вертикали, сразу загибаясь аркбутаниевыми склонениями, ставя себя во концах довольно долгих отростков этих полностью параллельно той же вертикали. Имели отростки, к концу своему утончающиеся и образующие даже острую, счиняющуюся крючковатостями лезвий иглу, равную, подобно и росту их, особенно странно смешивающему ослиными язвенными рылами особливости разности тел их, продолжительность и тёмно-бирюзовый начаниями сосудистых, оветшихся краснениями кругляний возбуханий цвет, прекликающийся достаточно произвольною схожестию с коченеющимися во отпадениях светнокажённостии бликами той же периодичности, что и у цепей. Не уверен, что сразу же появились те предметы, ведь увидел я их одно по прошествии детального сегментного наблюдения, но и не мог также бы с полной уверенностью сказать об их отсутствии: едино лишь обращение моё к ним спустя некоторое время, остальные же детали справедливо опустить: сперва они находились за спинами вставших в небольшой ряд правым плечом к левому о весьма в беспорядочном невосстаниями устасшейся разностями схождения кож плоти порядке, по крайней мере, правильную ось симметрии выстроить ни с какого ракурса нельзя было бы: потом существа повернулись. То, что имеет человеческую голову, неловкими, чуть ожиревшими тяжестью тела прыжками подобралось поближе к отставленному небольшой радужной опродолженностью яйцу, одному из тех самых предметов, ввольнениями учтившихся металлическими особлениями жестенеющихся разводами гурдеющейся оранжеватостями произвольно падающих начитениями работ пятен болезни пластин свобод олёгшихся на неизменно неопределённых характеристик поверхностях, да и сейчас невозможно представить нечто сходящееся во внешнепричинной спадённости: вероятно, по такой причине я и не внял этому, и голубиными во крапинах осп манерностями словно начал прислушиваться к столбенённому приближённостию освоениями прежних качеств яйцу,

очевидностями смен пытаюсь лучше разглядеть его: после оно встало во привычную несменностью неприглядного овитиями спутавшихся дымчатостями меняющихся несодержанностями явлений спределений влас остова тела их стойку, оперво резко моргнув одни левым глазом без какого-либо задействию остальных мышц лица, и неожиданно быстрым, сверкнувшим огонениями считаний движением ударило головой чрезвычайно крупное во размерах своих яйцо, в огрубевшей относительности равное примерно половине объёма самого существа. Работа моя малоинтересна, и, что, вероятно, гораздо хуже, подражательна: нет, она не подражает иной достойной внешности, чему я мог бы и быть рад: я во работе, во единственной занятости своей должен подражать деятельности: разумеется, с тем сталкивается почти каждый человек, и для иных людей, основная работа которых достойна и непроста, время подобное становится подарком, однако... однако основная работа моя будто даже малоинтереснее и проще, чем подражание работе: причём необходимо учесть, что подобными громкими словами я могу бросаться исключительно во спесивости собственных подпольных чердаков: никогда бы я не решился озвучить начальству предпочтения насчёт настоящей моей работы и будущие амбиции: вероятно, он бы засмеялся о том, как засмеялся бы любой, услышавший от меня подобного рода реплику: действительно, я неуклюж, слаб и... и несколько несдержан, что, думается, есть мой главный минус: я знаю многих неуклюжих, слабых, совершенно неуверенный даже в себе людей, имеющих стойкость, имеющих человеческую выносливость, что помогает им сохранить честное лицо, сохранить добрые намерения во стрессовом неоднозначном положении: я же скорее славлюсь именно тем, что и при всех своих несвершенствах имею гадость поучать ближних в положении, когда сам не могу ничего сделать: когда необходимо срочно сдать отчёт, я громогласными неприглядными воплями своими обвиняю коллег, и оттого: оттого же, поймите, страдают не только они: для них это стало уже смешным, и оттого я окончательно пропал: да, я более не существую для них: когда они решили для себя, что все девичьи выкрики и плесканья окрасневших лиц моих не имеют связи с объективным знанием, они забыли обо мне, и потому... поймите, именно потому я не имею права просить о работе важнее или тяжелее: они не увидят: они не услышат меня. От первого удара яйцо едва шелохнулось маханиями укроенных шепотливостями дубнувшихся желтениями окажённой белениями вверенного письмоовляниями накроенных частностями отсутственноостей мест ко манёврам равений серебра ясности брызгов чедений, голова же ударяющего мгновенно окрасилась во обранном уколами надолевающихся бурыми несвершениями устыжённых причинаниями недолжного ко естественному крапин пречений охвате всём во распадающиеся метнувшимся ко овнешениям ядер вособственных тел салом кровавые брызги, и прожде остоящая будто едкою стонченностью ослоенных довольностями управленных невениями

коренеющегося повиляющимися ко барельефностям достоинственных зудами крестневшихся спутанностями краткого очисленности воли выбора обновлённостей остановлений узорами ороста истин прав кожа на лбу и носу слезла, и более серьёзных ран опока не было: второе существо спокойно смотрело на происходящее, пару раз чуть слышным порханием сипнувших окислившейся укре́нностью складок моргнув обоими глазами. От второго удара предмет будто никак и не дёрнулся, приспособившись к ударам и только острани́нную холодною мертвенностью наблюдая за совершающейся оярченными поверхностями управляющихся достаточностями блеммиевых порождений сил попыткой как-либо ввергнуться в его содержание со невольным, проставляющимся темнотою накроенного ясностью впавшего вполне сверженствующейся потоми окровавленных коснительностями осеревшихся услоянными дебелиями безразличной простоты Адама камнями бетонов огорений слёз необходимости смерти удара истязанием себя, хотя и не могут быть отвергнуты иные причинания внешности деяния этого столь отдалённого, видимо, и по природе плеонастического подобностию слова существа, и издавалось впечатление, что сильнее мотивировано прочностью жестеющегося кручениями свершившихся частями упражняющегося готовностями неотточенности блеснеющего щербинами условленных угасаниями водневосставленных зленениями округляющегося неотпираниями правд должинства новин вбросов ведения довольства сил свершения именно яйцо, и единственным носителем настоящего сожаления являет собой исключительно оно, да осквози безобразную невооклениями угорянного о ониксах начтеющегося овношенностями сил страха действительного сцену тяжело уже стало разглядеть нечто конкретное, и теперь оно только застыло, и с каждым ударом не менялось совершенно ничего: от второго удара у существа разорвался латеральных хрящ, начав обнажение внутренностей его лица; от третьего же раскололось то подобие черепа, что представилось мне тогда рассмотреть; от четвёртого неясною охрущённостью рокотливых, сдавеющихся неискusstvenностию окружнестии гамов отлетел позвоночник существа ко спине, однако голова ещё держалась довольно крепко, оказывая собой уже одно настроенный чернотою воостав огрыз от бывшего состояния, и покрылись все перьями издне вопарившихся теперь о вневременной неслабости тождений пременений его о цвет, недолжно вспоминающий цвет платьев жителей Ожения, в чём нельзя было рассмотреть столь грубую неченённость томливого продолжительностию непрекращающейся, отдалённой во омысле своём ото единственности зреневающих уморёнными бурдовостями накреляющихся оцелениями сорождающего действительности отне желевающих прозрачностями восстановленного ольности коренеющегося значительностями блонденеющихся накости вкаченностей должника славностей утребления органа кропот правила краснот солнцами нечетений работы поставления, во

крайней мере, отне единственной нестранённостию увенешегося явления мысли подобной константивных-де оснований и внутри такого представления онутри навершенного сосудистыми вобоениями уличённых зленоватостями синеющихся глорианами означенного пятиглавым Змеелевым со крылами, чудовищами Рахава и Туннану отне чудовища высокого чёрного, снявшего Христа во жилистых округах жизни живота его ко житийной иконе скоробья бытия рождений правд сознания картина начала становиться размытой, от звуков глухих ударов обо предмет со хрустом скочевшихся напалениями муравьиных, сочетающих прошлестии овленного од во насенениях урозовевшихся щёлочностию слипшихся ко коряниям условленных рыжиною свербеющихся сапфировыми прочтениями несооспешенных проставлениями водянистых неложаниями сревившихся избыточностями пережаний сердец обязательств начал глаз вмещаний влас губ мира овлащей тканей отвлэк о высшей во синениях сцегевшихся лиц мере пугающий шум, осродни звенящему копотливыми углями наполненных ножами слабостей взрывов краёв писку нашедший в себе близость к ужасному, и потерял я единую озвуками нестоящихся описанностями проявленного праздностиами миндапевым, стекленеющимся свербениями газирующихся поляний прочтениям интереса ударов цепь рассуждения наблюдателя, только тогда смог вид вернуться без моего на то желания: не уверен тогда я стал и в том, что оный шум мне противнее разрывающейся, теперь хлипко болтающейся во слезениях проказившихся чесоточностями спарившихся оцедностиами окраённого власами сдепевшихся наслоениями долженений светов во втврдевших стревенеющимися во впестрённостии освобождённых известениями точений частицами лучах кос яда обязаний влаг плоти существа: голова была размозжена об яйцо, и всё её наивные, теперь плюхающиеся во резких непоследовательных нарывах редких свёрнутостей тела распластались по оместу и ему же, ни разу не задев второе яйцо и второе существо. Спустя примерно десять неизменно сильных, каждый раз оглашающихся свеченностями уточнений ударов с моего условного возвращения существо потеряло последние капли графитноевых ожиманий освещающихся чернотой гибели могил, и тело, с каждым импульсом не приближающееся ко покрытому мягчающейся сливами гроздьев боли кровью предмету, бессмысленно наклонялось с чудовищной силой; казалось, что ничего уже не сможет прервать этот нескончаемый, фиолетовевший восставшимися ко нарочениям истин мешками поток мучений, однако спустя еще около пятнадцати повторений со противоположной существам стороны отне предметов слышался лёгкий, скорее свистящий впадениями причитаний прокажённых ослоениями обновившихся зудами медяющихся блёстками вдожаний зрений слоёв образов звук чего-то приближающегося, и в момент, когда этому должно было показаться, разбилось второе яйцо, внушив тем самым дубнувший резкостию вдавившихся неготовностями надепевшихся осложнений глаз страх за существо теперь собственное,

однако ничего угрожающего не последовало: яйцо разбилось, неаккуратно вывалив из словно ровно отломленной причинаниями счиившегося средственностию ореха скорлупы своей кремового цвета с вразительно привлекательными озлениями оперевшихся листовыми огостенениями вечновосставляний наследующихся гостений мияний впалившихся обновлённостями единств сдинеющегося охрущаниями чешеющихся упоёнными кручаниями смирянний златами жестевенениями кист готовлений омысла песков трав слав мельчайшими отверстиями слизкую массу, сперва вызывающую образ обыкновенного во бурдевеющей распадаениями оличаний боли содержания разбитого яйца: после же всё более обращаешь внимание на удивительно вычурные непривычностями собственных врений орамочнеющихся священничествения костений озвуков характеристики, не заметить которые попросту невозможно при сравнении со вытекающим плеснениями напотоленных корней белком и желтком, тёмно-алое, вполне плотное огравениями сосвобождающихся причитаниями несродственных пожраниями утаенных чернотой погреба смол поглощаний нечто отождествляет себя сперва со змием, обравшись же полностью нельзя не осязать рассмотренного: из яйца аккуратно торопливою болезнью младенца вылез замкнутый с обеих сторон словно естественными вещами скончившего то начала кишечник: слепая кишка высокою звонкостью прихлупывания шлёпнулась последней: яйцо слегка скатилось вбок, ко деревянным остроениям концов, и существо с телом совы перестало двигаться, а то, что имеет совиную голову, перестало моргать, лишь пристальным холодом бесчувствия смотря на меня, которого там, конечно, не было.

Надворотные Владения Кокатриса имели три тысячи пинаклей, бычьеглазовые окна, ломанные фасады и колоссальные внешние эмпоры, счётающиеся нескончаемыми, учащимися иковорениями мест одля жизни вестверками, и нефилим Кокатрис, имеющий обезображенное круглыми крупными, скончающимися долгими безвекоевыми язвами глазами лицо его сочеталось со телом толстою шеею, и тело его было могучим, и во концах суставов оно обрело ко третьему столетию жизни своей длинные чёрные иглы, что сделали всю кожу его остальную также ониксовой и чрезвычайно прочной, и более не боялся ничего Кокатрис, прежде вложивший жизнь свою на борческие владения свои, и теперь сошёл Кокатрис с дома: так двинулся один из Пяти Ужасов Земли: Земли, что стопталась битвой Пяти Ужасов Земли и стала теперь бесконечной во верхах и боках своих. Бесполой Баракъал не имел земли своей, однако имел знания и звёзды, и развратили его шесть жён его, от которых стал он слаб и от которых отерял несколько звёзд: тогда пожрал он четыре жены свои, и тогда сбежали хитростью от него Гона и Лемевеника, и Баракъал сошёл с поля своего, и так двинулся один из Пяти Ужасов Земли. Обаполый Иерахмиил был честным человеком и благодетельным, и от него сошли четыре ученика: Огонь, Глина, Вода и Оед; Оед сбежал от Иерахмиила, и так

двинулся один из Пяти Ужасов Земли. Отог был человеком нечестным, однако добрым, и потому Отог лишился руки, и во отсутствии руки одной другая его рука обрела великую силу, и стал Отог злой, и тогда сменилось имя его на Пр, и Пр убил жену, сына, дочь, сына, сына, мать, отца своих, мать матери своей, мать отца своего, брата своего, дядю своего, сестру свою и ребёнка во чреве её, и оросли на Пре дыры, которыми он чувствовал ветра, и пошёл Пр со земель родственных своих, ибо хотел он всех погубить: так начал путь один из Пяти Ужасов Земли. Благоверный Сион имел дочь, дочь его ликовала: Израиль торжествовал, веселился и радовался ото всего сердца, и тогда на глазах Сиона дочь его, Шуильюкезека, была насилена именами Огня, Глины и Воды, что во уходах сильного Оеда почувствовали власть свою и погубили Иерахмиила, и силы Иерахмиила тогда поделились со Оедом, и Оеда искали Глина, Вода и Огонь: когда во зверствах Огня, Глины и Воды Сион попытался напасть на молодых людей, Оед вернулся к ним и оплакал вещь действия своего, и тогда Огонь убил Оеда, и Сион тогда срубил голову ему, и испугались Глина и Вода, и упал Вода во огонь, которым нарёк Сион Горения, деревню свою, и хотел Сион удавить Глину, да Глина был сильнее, и сам он попытался давить Сиона, что попал во огонь и спас тем Глину, что трусливыми сгораниями своими стал калекой и был теперь наречён Оедом: Сион же обрёл силу ко огню, и огонь более не резал язвы его, и так двинулся Сион, один из Пяти Ужасов Земли. Пятеро были во пяти различных местах шара космического, и силами движений их земля сдавилась, ибо знала она, что сорвётся шар, если сомкнутся силы Пятерых, и ещё два года происходили шаги их. Кокатрис путешествовал год, и Владения его шли за ним, и тогда согласился на то Кокатрис, и тогда мог он управлять ярдом штыков, что оспаряли над ним чёрными иглистыми камнями. Баракъал нашёл Лемевенику погибшей, и тогда устремился Баракъал ко центрам земель, ибо хотел успеть сам погубить Гону, однако Гона умерла от собачьих язв, и во тяжести подвижений своих Баракъал, заснув, стал Роганом, и во сне увидел он красивую женщину с ребёнком, и Она вешала на перекладину пелёнки, которые мыла: тогда положил во сне Роган одну себе ко голове, и тогда покинули его жёны его, и вокруг него съединённостью сросшеюся жирным нарывом ко животу его пуповины собрался народ, что родился из него, и народ этот родился зрелым и умным, и тела их были желты, и имели они все органы мужские и женские, подобно Рогану, однако главы их были сходны со пятиконечной звездой во яркости становящегося овне выпада своего, и тогда посчитал Роган, что есть он единственный из звёздных, и тогда пожрал он их, и тогда стал летающей звездой: стал он сферой, и спепелял он своим алмандиновым лучом всё, и обрёл он вскоре тело, имеющее белёсые оболочки человеческих, хотя и окружали его фиолетовые искры смертных крестов. Шуильюкезека выжила во пожаре, ставши Горением, однако более она не имела рук и ног, и хлюпающими нарывами сменялись рты её, пока не пришёл во гневе за уродство своё

Оед и не пожрал дочь Сиона, и тогда были у Оеда две главы, что кусали друг друга, и стал Оед больше и сильнее человека, да был он покрыт толстыми шмотиями язв, и опадали с него камни оеди, кои значили путь к нему, и так его нашёл Пр, следующий ко силам великим, и так открылись пасти Оеда, и так начали жрать друг друга Оед и Пр, и опелялась снова жаром земля округ, и тем ударом окончилось становление земель, и так поняли Роган и Кокатрис, где есть битва, и тогда же Сион, оконец обезумевший от смерти дочери своей и спепеляющий все земли подвижаниями своими, образовал Материк Огня, Смолу Кипящую, и тогда пошёл Сион ко битве Оеда и Пра, зная, что там есть огонь, желая показать огонь свой лучший, ибо огонь его был чёрным. Кокатрису и Рогану необходимо было пройти каждому по шести материков: Кокатрис проходил очрез Вонзающиеся Тернии Чертополоха, Северени, Оранжевые Стада, Железное Древо Со Языками, Семидневокрикующих Жалостей и Стоны: Роган же проходил осквози Оазис, Присны Дети, Рождения Сынов Во Дочерях, Мрак Узрений Наказаний, Вакенион и Солнца Бывшие. И все материки эти были разрушены иглами Кокатриса и смыты лучами Рогана. Увидев то, прослезилась во части Оеда дочь Сионова, и спустя месяц сражения Пр победил Оеда, и вновь сказались Сиону казнимые: отчего спросила ты о дочери? И тогда пришёл во ум свой Сион, и тогда оказался он мгновенно ко Пру, и пожрал он Оеда, и начал он обретать боль от пожаров сил своих, и тогда увеличился огонь его, и обелел огонь его, и тогда спепелился Пр, и спепелился материк Наведения, где жили молящиеся люди и люди строящие, и более не стало уже во землях материков, когда Роган и Кокатрис дошли до Сиона, ставшего Бурым. Пять Ужасов Земли свершились, и ко моменту, когда Роган и Кокатрис с разных сторон одновременно встретились вместе и со Бурым, на землях не было людей, окромя заселяющих Блеммий, Переданную Седьмую Часть Рая и Стёкла: также во землях были Нефилимы, сошедшие с вод, одиннадцать чудовищ и множество уродцев, случившихся от произошедшего от Пяти Ужасов Земли: во материках, сорванных Кокатрисом, родились гигантские, настигающие двойной высоты милевых Нефилимов безглавые кротовые петухи кинжалов, онзящихся оперёд крылами, и оседлали новых драконов Нефилимы, и восстали тогда со нескончаемых небес старые драконы, и началась длившаяся двадцать три секунды война, во которой новые драконы со Нефилимами великих умов разорвали большую часть драконов, приобрета ко себе почти всех, и сильнейшим орудием того был дракон Горон, которого оседлал величайший трёхмилевый нефилим Рнгш, который не мог найти из кинжаловых петухов достойного себе по размеру, ибо никто не мог воспарить с ним, и тогда Рнгш, смешавшийся со драконом Гороном, ставшись Рноршогом, повёл армию Нефилимов ко Блеммию, где стали нарождаться крошечные люди, ставшие таковыми из страха того, что произойдёт при битве Рогана, Кокатриса и Бурого, и тогда разрушила армия Рноршога земли Блеммия, и со секунду после разрушения Блеммия разорвало всех Нефилимов Рноршога, и

надорвало всех новых драконов, и тогда во колоссальной ширине и глубине черноты своей ониксовое море крови Рно свернулось, и свернул её вокруг себя Рноршог, и расколось после яйцо Рно, и свернулось и лопнуло оно во один час, когда внутри прошли тысячелетия, и тогда вылупись драко Рон, последний из драконов, повелитель драконов земель и повелитель земель: дракон, имеющий семнадцать крыл, шесть глав и недвижную золотистую маску человеческого лица спереди, и был он весь покрыт язвами, и был он болен, и был он размером с материк, и одно порхание его сорвало земли Переданной Седьмой Части Рая, купол, что возвели жители Стёкла от ужаса битв Трёх, сломился вторым порханием Рона, когда он взлетел, и тремя последующими взмахами долетел он до места, где встретились Кокатрис, Роган и Бурый, и раздались тогда Вихри Земель, и во уготованном огне вечном Бурого обрелись все воды земель, и сожглись восемь из одиннадцати чудовищ, опустились высокие холмы, и растаяли они: растаяли, как сотовый мёд от пламени: возвестились земли листьями липы, и остались из чудовищ Обоеполюй, Гермафродит и Крест. На липе сгоревших гор остались теперь только Кокатрис, Роган, Бурый, Рон, Обоеполюй, Гермафродит и Крест: и все они в ту секунду пришли ко единому месту, где и встретились. Когда научились люди делать мечи, ножи, щиты и панцири и научились видеть позади искусством запястий, они возымели способностью свершаться так, как подобно было им самим, и тогда началась Эпоха Возрождений: тогда началась преисподняя, и тогда не могла душа человека упокоиться: тогда Семьязя схватил за себя орождения, и тогда же невозможным стала возможность, данная Благодатной ото архистратиг во увиданиях кары: тогда же явилось существо Подвига Юродства Высокого Чёрного Скоробья, и тогда время во преисподней остановилось, и тогда стал необходим слом, дабы время продолжилось, да то также и остановило перерождения, ибо невозможны были перерождения во отсутствии времени, и так случилась смертность души, и во состоянии угрозы Воле Господа остроились Владения Кокатриса, что внутри себя вбирали Зверей Пыток, из которых после выйдут Гермафродит и Крест; Звери Пыток включали в себя: Срезывание Корней И Деревьев, Великие Исполины, из которых после вышли побегом оводным Нефилимы, Иптицы, Ирыбы, Извери, Объятые Горлами Пламенями Огненными, Цари Мяс Человеческих, Властители Мяс Человеческих, Пожранный Повешениями Ног Червями, Женщина, подвешенная за оба уха, сточающая зверей изо рта, что пожирали её за вхождения во дома чужие и говорения слов злых во вражде и Годоние Превращаний Оединений. Когда Рон явился там, воспалились во огнях Бурого звёзды Рогана, и на секунду пропали силы во Буром и Рогане, и тогда всположились воздуха округ липы гор, и воспалились в них снова великие силы, и были сломлены иглы Кокатриса хитростью этой, ибо боялся Рон среди всего только уколов его. Когда вернулись силы к Рогану, он разъединился на Нао и Роа, и свился Роа огнём Бурого, ставшего Ничем, и Ничто теперь не поражал огнями

липу гор, но всем стало страшно, и все не касались Ничто, чернотой тела своего вобравшего часть звёзд Роа. Нао же, применившийся ко прочности иной, настиг ко липе гор бесконечные иглы звёзд, что снова обрели тогда земли шаром, и тогда сдавило Рона ко земле, и тогда взмахи семнадцати крыльев его раздробили половину шара, и во невесомости хаоса стали отлетать во произвольные стороны все, и тогда Ничто успокоил Землю и сравнял гравитацию Рона, и тогда исчез Ничто. Оспустя сорок секунд после столкновения остались спугавшийся Кокатрис, обезумевший, лишённый теперь сил Нао, сдвинённый Рон и чудовища, что пока боялись шевелиться, однако-де поступок Ничто смирил их, и теперь Обоеполый, съединившийся с Крестом, воспарил ко Рону, и побежал ко Рону Гермафродит. Гермафродит имел облик серебристой кошки, настигшей во высотах своих высоты Нефилима на новом драконе, и лицо Гермафродитово отстояло тремя зелёными масками, схожими со масками Рона, и были у Гермафродита три копья из себя и два Вопля, учинённых ко спинам его: был гермафродит мудр, да неверен, и во неверии своём он стenal мощные молнии из масок. Изначально Крест был химерой издне тела человеческого, тела драконьего, змия драконьего до лишаний осебя конечностей, стен бетонов, глаз жаб, тел цепней и мух, и оединяниями Крест мог предвигаться двадцатью ногами своими и жалить семь жалами, и имел он пятьдесят лиц овсех существ оздне химер издне явившихся, и были в нём окрасы овееных слабостию сна, который он спространял, радуг. Изначально Обоеполый был Похотию, и тогда имел он нескончаемости органов во шевелениях гусеницы своей, и имел Обоеполый глаз циклопий отне отца своего циклопа Накара, и тогда пожрал он Исполина, бывшего двумя чудовищами, и тогда стал он Обоеполым, рыбою, что имела ноги человеческие и лицо ослиное, и глаза Обоеполого устремлялись ко ужасам глаз Кокатриса, и о воединении со Крестом случился он во Пялои, и Пялои был Ангелом, размножившим тут же десять из семнадцати крыл Рона, и так смирилась Земля снова во правильность шара, и с тем снялась златистая маска Рона, и с тем оглашениями воплей его Земля оросла деревьями, и слезами его Земля оросла реками. Тогда проклял Нао всё: узрев это, восплакал Нао и сказал Рону: лучше было бы человеку не родиться. Тогда Нао исчез и сломились последние крыла Рона и сросли с него деревья во мгновение, и последнее древо, сросшееся со землёю, приковало его ко бездвижаниям, и отказался от этого Рон, и родился он трёхмилевым Нефилимом Рнгшем, выпавшим из чрева Рона и ставшим теперь братом Кокатриса. И узрел Рнгш Кокатриса, подвешенного за руки и за ноги не успевшим атаковать Рона Гермафродитом, и из-под ногтей Кокатриса исходило много крови, а язык его снят был пламенем ставшего теперь матерью ему Сиона: убив Кокатриса, Гермафродит спалил из ониксовой плоти накренившихся железом камней его птиц, рыб и зверей, и лишился тогда Гермафродит двух масок лиц своих и молний, ибо стались тогда дожди во Земле, и остановилось время: Рнгш и Гермафродит стали мужем и женою, однако время не

прекращалось, хотя время они ускоряли, делая себя дольше и сильнее, и тогда решил Рнгш оспарить ко небесам лестницею прыжков своих, и согласился к тому Гермафродит. Рнгш пришёл к солнцу, и там он восседал, ожидая скорости необходимости своей. Гермафродит же исколол себе пуза локтями гор, выявив отне того орех, и тогда умер Гермафродит. Орех, оползав половину Земли сокрушением падения своего, развалился, и из ореха выпал мужчина и змий, и тогда Рнгш спустился ко земле, отделив со глаза его жену, и тогда Рнгш спарился, оверившись Господу.

Отец не ругался, когда увидел меня уже спящего: он только направил моих сестёр и мать ухаживать за мной ести меня никто не разбудил. Отец... отец, знал бы ты: знал бы ты, как я засыпаю: знал бы ты, что... когда я засыпаю, когда тяжёлые мгlistые небеса не ложатся ко охлаждённой брением Господа земле, я фантазирую: я думаю, я представляю, и во конечном счёте своём я воображаю наше сражение: я представляю, как становлюсь я с мечами: в каждой руке, конечно, у меня по мечу, и... и я воин: я искусный воин: весь путь, весь долгий путь, что я прошёл, следовал одной цели: он следовал тому, чтобы сейчас: чтобы именно теперь я тебя сокрушил: меня никогда не волновали деньги, слава, власть, знание, молитва... по-настоящему меня никогда и не тревожили женщины, к которым ты был так слаб... возможно... вероятно, я и имел бы к ним слабость, не будь у меня тебя: да... да, отец... нет, даже Отец: Ты важен для меня, и важен даже более для моей жизни, сколь бы я сильно Тебя... моя ненависть: ненависть к Тебе отчётлива: я могу её пощупать, могу её коснуться, и всё же я всегда прятал её; точнее, даже не прятал, но мимолётным взаимодействием она и не проявлялась, когда всё и любое взаимодействие наше было мимолётным: возможно, будь Ты хоть сколько-то близок ко мне: возможно, проведя со мной более часа хоть активным мышлением своим: тем, которым Ты всегда хвалился, что и поднял тебя по карьере, Ты бы узнал обо мне: узнал бы не просто многое, но нечто: ибо Ты никогда мною не интересовался: ибо Ты на деле же и не хотел обо мне знать: Ты не хотел, чтобы я вовсе существовал, и я это понимал: я чувствовал это: я пялился прямо в глаза омертвевшей холодной потной бледностью рожее, и смотрел я бесчувственно: я не шевелил ни мускулом на своём лице, когда внутри меня рыдал Твой Сын: и вот... вот, я лежу на кровати, купленной Тобой: лежу на матрасе, купленном Тобой: укутываюсь, прячась от мира, пледом, купленным Тобой... я думаю об этом... я нюхаю плед, и неразделённою влюблённостью я думаю, сколь же ясно пробивается Твой запах в ядовито впивающихся в главы мои пружинах ткани этой: я думаю об этом: о незначительных кусочках мелкого быта, что были устроены Тобою, и с тем мне приятно: мне приятно, и я... как девочка... подобно девочке, я нюхаю, что принадлежит Тебе: я чувствую бьющий в нос запах принадлежности этих стен Тебе, и я не могу игнорировать: я не могу не признавать, что я сам Твоя собственность: что я сам совершенною полнотой принадлежу Тебе,

и всё же... и всё же я отбрасываю этот плед: я сбрасываю матрас с окна и проламываю кровать, ложась среди обломков, и только тогда: только когда я дрожу в холоде очищенной от Тебя земли... только тогда мне удаётся обрести покой ненависти: я опыляюсь язвами гноя, и только тогда я честен с собой: только тогда я отказываюсь от того нежно-пискливого тона, которым всегда говорю с Тобой только из того, что в умах моих греется план: греется реплика... мысль, что: что наконец будет верна: что ударит в правду, что наконец представит из меня ту серьёзность, которую я представляю... наконец, я скажу: ясно и уверенно: без запинок и слабостей тона, что обыкновенно присущи мне при иной дерзости с Тобой: я скажу: наконец, я ударю Тебя: я нанесу удар, и он начнёт долгую гряду точно впадающих в Тебя снарядов, да... да только я приветствую Тебя... только я начинаю улыбаться в настилии дерзости шуток, как Ты уходишь: Ты испаряешься, и более нет ни дерзости во мне, ни смелости, ни меня: и стою во рокошущей тишине я, и снова берёт меня мигрень, и снова я скатываюсь в темноте в клуб, и снова Отец видит меня в этом положении, и снова он вздыхает, внови разочаровываясь во мне: и я ведь не закрываю глаза: ведь мне приятно каждое Твоё прикосновение к воздуху, которым я дышу: ведь от одного твоего запаха мне становится хорошо, и всё же... всё же я рыдаю... рыдаю безмолвною сдержанностью: рыдаю так, чтобы Ты не услышал, хотя я и знал всегда, что Ты всё знаешь и всё слышишь, и, кажется, только потому ты не отказался от меня: ты знал, что я буду вести борьбу, хотя и игнорировал тот факт, что борьба эта будет вестись с Тобой: с Тобой, ставшим уже тобой, ибо я отказался от тебя: я больше не принимал твою фигуру твоим настоящим существом, и с тех пор я возрастал... опять же, меня не интересовали деньги, власть, слава и ум, и потому ничто не могло меня отвлечь: я мог сосредоточиться на одном: на том, в чём я превзойду тебя, и превосходство моё опьяняло: от самой мысли о превосходстве над тобой меня опийственными шрамами ума распластывало по твоему дому и твоим владениям: я стал отцеборцем: я стал отцеборцем, но ты ещё об этом не знал... зато я: я знал, что ты пережил много боли: я знал, что ты бесчисленно страдал, и из-за этого я не мог тебя не уважать: я ценил в тебе это более всего, и именно в этом хотел тебя превзойти: я думал, что страдания наделят меня силой, однако на тот момент я ещё не понимал разницу в страданиях, только более давящих тебя гноями нарывов собственных, и страданиях, что славны... что... что позволят мне победить тебя; я грезил: я очень часто перед сном представлял, как становлюсь сильным: размеры мои не менялись: я не хотел поразить тебя чем-то примитивным, одною грубостью, хотя... хотя в том, чего я добивался, и была одна грубость: простота, переросшая в грубость, в силу, что задавит тебя: что сокрушит тебя, когда ты будешь ожидать во мне менее всего именно это... я представлял: я представлял, как достаю одним резким уверенным решением свои длинные мечи из ножен, и руки мои жилисты: тело моё жилисто, и толстыми сильными ногами я ударяю по земле, и быстрым манёвров я

сворачиваюсь во приближении к тебе, и твои остаревшие тела: уже старческие обвисшие руки твои держат совсем небольшой ржавый меч, и я приближаюсь: наконец, я готовлюсь к удару, и мечи мои невероятною скоростью близятся со сторон, что делают полностью невозможным твою продуктивную оборону, и жадным хохотом я приближаюсь острыми блестящими, кровожадными своими сребристыми сальфериновостями отблеска заката лезвиями, как вдруг ты отбиваешь оба меча, отчего те рассыпаются: уже поворачиваясь, ты вкладываешь еле ещё остоящий целостностью меч в ножны: ты не смотришь на меня и уходишь, и вид твой пропадает от меня, а я же... я же, положивший жизнь на то, чтобы сокрушить тебя: я, сильный, выносливый, терпеливый мужчина, падаю от прохудившегося клинка старика, чьего внимания я добивался всю жизнь... и сон этот... эти грёзы, эти... эти кошмары преследуют меня всю мою жизнь: всю жизнь, что я ненавидел тебя, что я хотел остановить твою горделивую непреклонную статую, я знал, что у меня ничего не получится: я знал, что я ничтожен пред тобою: я знал, что я принадлежу тебе: я знал, что Ты создал меня; и вот... и прошли годы... я ороговел: я ороговел ненавистью к тебе, и только боль теперь была мне приятна: я испытал то, что тебе было бы противно представить: я мучил себя теми пытками, о которых ты никогда и не мог бы помыслить, и всё ради одного: ради того, чтобы покрытая чернотой ненависти кожа моя убила тебя: чтобы я разможил твои худые непригодные слабости: слабости, что есть слабости для всех, кроме меня, ибо слабость твоя для меня есть исполинская мощь, достойная тех страданий во сокрушении своей, которые я и испытал; я безмолвен: я, тот слабый, немощный мальчик, что когда-то ещё благоговел пред твоей жалкой скульптурой, теперь почернел доспехами боли: уже не ненависти, что я испытывал к тебе, ибо ненависти более к тебе во мне нет: в своём стремлении я вовсе разучился что-то чувствовать, ибо только так: ибо только таким путём я мог тебя растерзать: только так я мог уничтожить тебя, ибо именно это было моей единственной целью: именно этим я бредил и жил, и бред цели моей превоплотился жизнью; я иду: я громкими поскрипываниями дубеющих приближениями твоего палача половиц топал к тебе: топал по-актёрски: топал, как топают рыцари перед тем, как погубить своего короля: я шёл: я размыкал щёлкающие знанием приближающейся смерти твоей двери, и вокруг толпились люди: вокруг были люди, которых я некогда называл близкими себе, однако теперь: теперь, когда во мне нет уже ни единой мысли, кроме мысли о твоей смерти, прежде близкие потеряли для меня имена и лица, и шёл я в тишине размышляющихся прозрачной простынёй незнакомцев, хотя незнакомцы эти кричали и зывали к тому, чтобы я не шёл к тебе, и всё же я никогда не слышал: часто цепляющиеся за меня руки я отрывал брызжущими толстыми рудами культами, и наконец: наконец, я пришёл к нему: улыбаясь беззаботною стариковскою радостью, он что-то сказал, однако я, не слышащий теперь и его, побежал к старику, ленивою болезнью сидящему на своём стуле, и стул этот я видел

троном: я мозжил череп его и вырывал с прежде бывшего лицом встрявшие долгими нитями глаза, держащийся на туго срывающихся хрящах нос и отпадающие мокрыми кухонными губками губы, и я долбил по лицу твоему, пока головы твоей не осталось, и единственным, чем могло предстать лицо твоё, была жирная, окропившая мои оголённые тела, вбирающая бугры стянувшихся в резину комьев лужа, и я улыбнулся: я обрадовался, что наконец погубил тебя, и тогда я повернулся: тогда остоял отец мой в отдалении, и тогда исчезло бывшее телом его.

Однажды я вновь пошёл на некоторое согласованное мероприятие, повторяющееся каждые десять дней.

Мой опыт составляет уже приличное число посещений, равное непродолжительным отдалением примерно сотне, причём посещать я их начал сразу после поправки отнеоследовавшего избиения: никаких вожднеформальных во неокочаниях сломившейся кровяными жирами пыли обращений между участниками мероприятия нет, однако существует нигде не зафиксированный уровень силы этих же клошаров ести названия происходящего также никакого нести, что, конечно, говорит и о неподкреплённости знания оцелого во происходящем, и то есть далеко не плохая его черта люди побивались камнями нашёл этих людей я во время поиска ближайших остатков ставней: поход мой затянулся, а сам я наткнулся на довольно значительного количества кучку людей, собравшихся во условные неточностью соблюдения форм остроения два ряда, хотя последовательнее было бы собраться в большой круг, чего не позволял размер самого берега ноги были размозжены почечными между нами почти ничего не обсуждается, хотя некоторые и знакомы лично, отчего и пришли сюда: для легитимного особственности случающейся белениями учреваемых наследностями отказывания рябин частности сведения счётов, толпа же мешает кому-либо вмешаться в то, что, как кому-то может показаться и в чём он, безусловно, не ошибётся, явственно противоречит единственно должному: однозначного наказания за действия или понятия преступления о целом в Ожении не существует, и потому отдельные клошары следят по обыкновению лишь за использованием отстранений, которые, должен заметить, только в особенных исключениях возможны внутри берега, ибо перенос состояния и Заговетни берега на другое помещение невозможен, несмотря на осуществимость переноса гигантского помещения на крошечное, предупреждением чего и занимаются имитаторы, так как это является наиболее доступной формой терроризма и остаётся одним из методов доведения себя до зрелости свечением рыбы со мордами людей в тот день я слегка опоздал, но самое интересное не пропустил морды людей со телами ящериц один из клошаров, причисленных к слабым, бросил вызов самому сильному морды со телами такое происходит не так редко, потому что тот, кого принято сейчас номинировать сильнейшим оздесь, слишком часто

совершает ясно безобразные вещи, могущие пресекаться единственно успешностью вызовов: вызовов-де ко нему достаточно, однако пока не было ни одного победного люди родившиеся из холода земли и наставшиеся горячию распалившихся камней смол по скорее жалобным, визжащим во слабости клошара окрикам можно было понять, что сильнейший изнасиловал и неомерною во снятостях счерневшихся наждаками молчаливо смердящей ужасом реальности жизней жестокостию избил его возлюбленную: также иногда никто не хочет драться, и кто-то может начать раззадоривать клошаров, из-за чего тою же частотностию происходят одно смехотворные во причинности своих сражения не только из несовместимости партнёров дети режутся дети режутся даже с таким неприглядным проявлением поведения некоторых из участников необходимо понять, что к подобному все готовы, и отказ от прочного есть жест скорее оскорбительный месту и людям тем дети режутся дети режутся ты уверен, что хочешь этого дети режутся точно дети режутся кто-то ведь иногда умирал происходящее дубеет синевою крови да и я происходящее дубеет синевою крови я тебя и убить могу мне страшно ходить по родным местам да мне страшно ходить по чужим местам тот слабый не вызывал сострадание или меланхолию внятия толку просходящего о нём, и он улыбался и сразу принял стойку, и знаю: знаю, что не только я воодушевился им мой друг повесился из-за долгов по всей видимости, предыстория была выдумана, да он не стал разочаровывать самовооназванный мягкостями щёлкающихся одлевлениями эксперимента органов зрителей дерущихся по завершении боя восхваляют в любом случае, но люди до сих пор умирают от голода и холода кто-то ведь умирал чванливостии древа ну, я тебя выслушал железного древа о которое вешали людей за язык потом не жалуйся зеленения стен сильный был и выше на голову своего соперника, и во общей массе и мышечной, очевидно, преуспел более жирения надламывающейся гулом опения кости всё было заранее предreshено, поэтому я только с чуть нервной, проявляющей всё же настоящее своё представление ко осходному улыбкой смотрел на первые движения, только их сближающие и разогревающие, и после положил я опотевшую волнением руку на плечо стоящего рядом клошара и сказал нечто столь постыдное и вычурно пафосное, что едва ум мой смог бы вспомнить поражение личности моей опред событием подобного оворота, но тогда я был доволен чернели впавшие толстыми слизнями веки я сказал, что следующий бой будет наш мешающиеся мяса воздеваний опрежного этот парень в условном списке был сразу после сильнейшего сереющие гряды вен он едва улыбнулся и согласился краткостии навеораний действия я был доволен кожи сидений опалялись единственностию рассудка отоего редко проводят два боя сразу муравьиный лев прожорлив и непригляден собственною жирною смольною сальностию в тот день сделали исключение непродоление к этому мгновению начался бой ссиления цветов клошар повыше сделал выпад невероятно стремительный, и создавалось впечатление, будто он вовсе не

ощущает должную сказать привычный стиль боя и даже представить несколько недолжные качества со стороны сильного разницу со оппонентом в размерах, и жест подобный, вероятно, во обмазанных жирами опубличенного пафоса границиях происходящего и может считаться уважением к сопернику, однако была видна: однако рябела его безжалостность: однако нельзя было не узнать в видах лица его жестокие, обыкновенно приставлявшиеся ко случайной жертве во наших кругах влечения насекомые-химеры обретают язвы во которых спадают собачьи головы отне непрекращающихся продубевшихся чед цветов гнианий нахрустываний собравшиеся вокруг два ряда клошаров полностью закрыли доступ с суши берега, и попасть теперь на импровизированное поле битвы можно только через пунктир и Вси.

В землях осталось около тысячи человек: я осел на Синайской горе, и там я собирался повеситься. Быт мой оставался неизменен, как и мои мысли: всё оставалось в точности таковым же, как в детстве, отрочестве и юности моих; утро начиналось с обыкновенно резкого неприятного, будто сряющего смозжившуюся о пресловеющийся блесками окраснившегося ненатуральной, опаляющей длинные, долго немытые чёрные, местами склоченные шматами косоподобных грязей волосы мои желтизной заката камень голову жирными чёрными, свалившимися неприставленными нитями прежде оляющих недуги акедий моих, сейчас же наставляющихся воодалённостями бестелесных трупных белых, скорее сзывающих крайнее во отожениях естеств своих неприятие шнуров нервов кусками мясами просыпания: я не могу остановиться во блаженстве сгнившего матраса не потому даже, что был избалован некогда благоприятностью прочей кровати, которой никогда и не имел, но по крайней степени ужаса в себе: ужаса, приближающегося тихою, почти и не имеющей осуществления свои-де во молчаниях навревшихся остранными свалившихся северноветрыми опаяниями неизменно продолжающихся единственностью свобод своих смертей мяс хождений шепотливостью, и ужас этот не надрывал меня сиюсекундностью вбивания во главы мои толстых длинных, срывающих черноты нагноений умственных гвоздей; когда я просыпаюсь, я сталкиваюсь с самой окружностью всего и, что становится гораздо более болезненным, с собой: распахивая слизью смочившихся накрениями вбелевшихся, спревающихся краснотами ярко опухающих во бесчувственных окоченениях впринявшегося крайностями сварений своих яблока сосудов глаз слёз веки, белые кожи мои вобираниями всей крови о вены наставляли худые, еле сохраняющие ещё плотности ногтей и суставов тела мои к вставанию, и минута безглядной пустоты режущегося хотне оздесь оявляющимися радугами чпокнувшихся оправленными кривляниями народившихся уже промечающимися граничностью предметов вокруг кос искрами цветов шума во глазах проходит, и я встаю с глубины пещеры: глубина эта темна, сыра и холодна, однако пещера гораздо дороже мне света всего окружного мира: мира, что мог и есть почитаем ясностью свободы, да именно она: именно свобода погубила

человека трижды, и губит сейчас в четвёртый раз; голыми, сваленными уличной грязью и жирными, облитыми долгими камнями упавших во омежности сросшихся особенною плотною фигурностью шрамов песков рубцами стопами проходясь с охждений своей неглубокой, совершенно, общем, приспособленной ко специфике претензий моих пещерки, я направляюсь к сходам её: я сознательно не устанавливал здесь ступеней или любых прочних укреплений, могущих поспособствовать удобству взбирания или схождения с места, где мне привычно спать; поскольку особенными, хотя бы обязующими меня свершать нечто должной регулярностью делами я не занят, мне пришлось выдумать подобия сходных ритуалов: как просыпаюсь, я спускаюсь со своей горы и направляюсь к иной, отставленной в довольно отдалении от моей: сперва мне казалась идея эта довольно сомнительной, поскольку как утреннее тело слабо и требовательно, так и в любой момент я мог посчитать идею подобную глупостью или излишней, отчего стал бы голодать во единстве идейного нежелания своего: я полагал довольно различные особенности своего отношения к этой задумке, однако в реальности всё оказалось гораздо проще: со временем я попросту привык к этому, а особенного голода во первые часы бодрствования не наблюдалось, почему то и стало обыкновением моего ежедневного распорядка: также подобной удачностью язвила и другая моя идея, в конечном счёте скоро реализовавшаяся и принятая подобной же должной обыкновённостью привычки, и после примерно двух месяцев подгонки различных удачных и нет пунктов, которые я должен проходить в день, получился путь, действительно реализовавший в самом себе самые полезные рекомендации ко дневной рутине, способствующие поддержанию ума и здоровья: от пещеры для сна я устремлялся к довольно быстро и легко вырытой во подобию ко всем остальным пещере для завтрака, где хранил крупы, сбережения воды и крупную, полученную мною ещё от отца линзу, при транспортировке своей ко всегда жаркому, регулярножигающему мои смуглые кожи утреннему солнцу создающую огонь под встроенной сюда же кастрюльке с держателями; завтракаю я без какого-либо удовольствия, и после непродолжительного отлёживания на уже огревшихся жаром знойного, оклоняющего меня к галлюцинациям дня дня камнях скоро отправляюсь к полагающейся на некоем расстоянии реке: неторопливая продолжительная прогулка моя ленива и немногословна мыслями: я иду, и более ничего: вероятно, полагая это всё в соблюдении ежедневном, я знал, что каждый раз не получится снимать из себя нечто новое, однако случилась ситуация, в которой я вовсе ни разу не явил о подобной прогулке хоть одной интересной мысли, и хуже всего, думается, что во противных положениях было бы только хуже: не имея я распорядка дня подобной строгости, я бы мучился бездельем, и тогда имитирующее деятельность дело может меня спасти от отравляющего ядом тоски бездействия: я шёл до реки, и постепенно осалившиеся тёмные руки мои обретали ощутимый

слой смешавшегося с пылью, песком и отколовшимися мелкой цветастой пылью частичками мусора пота, который блестящей вонючей кроной оседал на всех телах моих, и более всего мне было неприятно от чувства этого на лице, что прежнюю приятной гладкостью сбивалось шершавыми камешками исчисленных неприятств: чаще я доходил до Хавилы с уже становящимся невыносимым телесности человеческой чувством, и тогда мелькнувшее перед тем внявшим только непродолжительные секунды сбрасывания неудобного плотного, открытого частыми болезными пятнами язв и кровей моих и грязи платья раздеванием окунание в неё охлаждало темноту прошлого быения моего, и я мылся: мылся с удовольствием, и лоснящиеся тяжелениями свернувшихся округ меня лёгких, едва выпадающихся ко воздушностям надписаний сфер капли воды причинялись ко мне, и капли это были приятны: я не торопился: напротив, я именно прикладывал отдельное тому усилие, дабы больше времени провести в неглубокой узкой речушке с медленным, не могущим откинуть меня и при каждой желательности всех засыпаний моих в нём течением: охровевшиеся мягкие, смоченные пламенным мхом камни нежно пробивались к отерявшим заблужданиями мыслей своих о том чувствительность ногам, и медленные робкие касания щекочущего сязвлённые пальцы мха наполнялись днём этим, и именно то приятнее всего было в каждом дне для души и тела моих: высыхал я сперва неторопливым высывыванием тела ко воздуху и иногда даже заставлявшим меня оропевать вправляющимися мелкими точками встававших недлинными светлыми власами игл мурашками ветрам, и только во крайнем отекании скрасневшего бездвижной болью таза я начинал вставать, нескоростною подвижностью вкалывающихся оконченной острыми иглами болью ног шевеля оперво стопами во крайнем своём нежелании: когда я начинал расхаживаться, тело моё приобретало прежнюю бодрость даже излишней смелости, и я почти торопливою готовностью ко новым, повторяющим на деле прежние передвижения от одного пункта ко второму, условленному ритмикой физиологической нужды и крайностям тела моего, свершениям наступал на просачивающийся сквозь щели между пальцами почерневший песок, и платье моё развевалось белёсостию омыкания видов его, что сковывались снегами солнца: почти ничего не видя в палениях дубеющих о гладз хладами застрявшего о мне ножа лучей, я стал замечать сперва совсем небольшое чёрное пятно, увеличившееся к моменту, когда я уже ужасом скорее становящегося единственностью реакции на нечто совершенно неуместное, совершенно недолжное во продуманности иного мгновения каждого дня ступора: ко мне шло существо, имеющее широко расставленные омежду собой, чуть пухлые руки и ноги, и конечности эти объединялись во единственности меры взгляда на то овале, пронзившимся с оконченным приближением его гигантским, являющимся главным телом его лицом: глаза его были человечесны: губы, бездвижная артикуляция ясной мне позы бровей и опухания ноздрей были

совершенно таковы, какими они сходятся с лица проходящего мимо незаинтересованной мнимой скаредной улыбкой человека: это был Блеммий, и он начал со мной говорить: сперва ясно дрожащий боязливою осторожностью, я стал отвечать на его вопросы, и у нас состоялся разговор: по прошествии него выяснилось, что Господь направил его к землям, дабы спасти род человеческий от нового плена вавилонского: я сказал ему о себе и своей жизни, и он, видимо, разочаровался, вежливо попрощавшись со мной и искусственной улыбкой оскалив исполинский, просачивающий предо мною каждую орозовевшую складку рот. В этот день я не обедал и не ужинал, сразу же ойдя ко пещере, где обыкновенно сплю: в фиолетовевших облаках небесного, стачивающегося сияющимися крошками звёзд пара я залез к вершине горы, на которой сияющей последней звездой блестел вбитый у склона шлямбурный скальный крюк для скалолазания: укрепив на нём прежде обвившую мою шею прочным поясом бичёвку, я неторопливою несмиренностью посмотрел на синеющие, сбитые светами гор туманы небес и размашистым, словно ещё сомневающимся неловким разбегом прыгнул в пустоту, после громким тупым стуканьем ударившись о гору: я не мог сомкнуть спружинившиеся болью веки, и стлившиеся невольностью своей участи глаза мои смотрели в рокочущую тишину надежды, и распахнутый карикатурною широтой рот мой хрипел посвистываниями сворачивающихся органов.

Ольга Синица подала к столу разделанную кошку из подъезда. Уже довольное время я знаю, что являюсь достаточно популярным среди ровесниц: почти всё свободное время я провожу за гулянием: обыкновенно освобождаясь ото школы в первую половину дня, я быстрым шагом направляюсь в тёплые неизменные темноты своего дома: упрекнувшись усталостью дыханием я скоро поднимаюсь на пятый этаж, и охладевшие после небольшого отдыха тела мои восстановившиеся уверенностью отворяют уже открытую дверь: почти сразу и почти всегда меня встречают мама и сестра: сестра, радостными окликаями, всегда сопровождающимися призывами поиграть, чаще именно тянет меня в свою комнату, когда мама только молчаливой, проявляющей вобурдовевшую влагу припухлых, еле приоткрытых чёрной бесцветной тёплой щёлочкой улыбкой смотрит на меня, и скажённые лисьими красивые глаза её окрывают остальную чуть бледную, пробивающую тени аккуратных гладких скул кожу, закрывающуюся на тонкой шее скрывающей её античные плечи тонкой, даже еле просвечивающей тонкие, только более уточняющие противопоставленную размеру груди худобу рук её складки бритых подмышек одеждой: не обращая внимания на сестру, я даже излишнюю силой обнимаю маму, отчего та слегка взвигивает обыкновениями своих робких неловкостей; я умываю опавшееся салом улицы лицо в чуть приоткрытой дверию без защёлки ванной и мою сходящиеся чернотой скопившейся на них незаметностью редко просвечивающей черноту складок плёнки грязи руки, после чего неаккуратным отбрасываем

одежды встаю в ванну: горячие ветра водянистых, проявляющих тут же вдвигающимися обратно углублениями кож ударов смывают с моих подростковых белых, только начинающих чернеть и увеличиваться во числе своём волосков песчинки очертившихся о мне бумаг. Выходя из дома, я почти ничего с собой не беру: только ключи, связанные на старом, ещё заставшем отца ремне, и немного карманных денег, которые хрустящими шуршаниями своими иногда отвлекают меня или, напротив, привлекают знанием наличности их у меня: сегодня я буду гулять с Васей; я никогда с ней близко не общался, хотя и видел в компании, которую размазанными приставлениями отдельных, наиболее общительных ребят приветствовали мои друзья: вчера она подошла ко мне в школе, и трепетливое волнение её мне понравилось: внешне же: точнее, только внешний вид её оперво знаменует о мне и единственно, откровенно говоря, способен меня заинтересовать: внешне же Вася довольно симпатична: она невысокая, и тело её схоже скорее с детским, но меня привлекло смазливое, супротив, досттаочно взрослое, портящее это качество краснотою влюблённого румянца, с которым она обращалась ко мне, лицо: я встретил её у парка, куда обыкновенно и вожу девочек, не сильно меня волнующих. Озеленелые пестроты осевших на прежне вкоричневевших морщинами долго преснеющегося оглублённостями часто белевшихся цветами опрягнувшихся отдалённостями сказившихся голубоватою пеленой отчего-то особенно ярко посмневшего пестротой твердеющего присутственностию человека о нём леса неба пунктиров солнц точек камня кронах листьев шумели в медленно шевелящемся коростами телесных стений лесу, и я увидел слегка припрыгнувшую во внимательном рассмотрении проходящих Васю: в скружающейся значительностями его прекрывающих блеснувшие неоточенностями серебеющих скоснениями разорванных неволтельностью прокажённых чернотою подобных мне кусков города белений ткани одежд моих ветров тишине я уверенною холодностью ума и тела приблизился к Васе, и она, видимо, должным изначально сдержаться порывом подбежала ко мне и обняла: она была сильно ниже меня, и через футболку грудью я чувствовал, как её горячие щёки грели даже слишне морозную теперь бесчувствием и окончательным знанием того, что Вася меня не интересуется, кожу. Мы гуляли обыкновенным путём, который назначал всегда мужественной властьюю я и в котором мне удовольствовалося тратить как можно меньше денег на неё: девушки любят, когда ты говоришь с ними: я давно это понял, и говорение гораздо выгоднее, чем всё прочее. Очень скоро оно взяла меня за руку: её потная маленькая ладонь иногда подрагивала в обращённых вверх почти слёзной верностью глазах; я говорил уверенно: я отвечал на её вопросы и задавал свои уверенно именно постольку, поскольку я ничего к ней не чувствовал: её длинные, бьющие поясницу волосы часто касались меня, и я видел, как взгляд её в моменты эти обращается ко мне и как будто чего-то ожидает, однако я не был столь заинтересован в ней,

чтобы додумывать эти индивидуальные, прежде не встречающиеся мне у других девушек жесты. Скоро Вася позвала меня домой, и я немного оживился: я с самого начала знал, что прогулка не будет представлять для меня интереса, однако к вечеру я начал уже физически изнемогать: ноги тяжелели и не шоркали асфальт уже только благодаря моему усилию, и предложение Васи меня обрадовало: пройденный путь много раз повторялся, и проваленные темнеющими облаками, чуть болотные яркостию пробившегося крапинами нежеланных, опалившихся спродолжительностию упирания взгляда пробуждений озеленения кустики, которые я очень хорошо знал и которые окружались иглами маминых губ, оскор неприятною, раздражающе меня неизменною рябелю во моих взглядах, очень скоро переставших обращаться к Васе: её лицо, единственное на что я смотрел хоть с каким-то удовольствием, быстро начало пробиваться старыми, оставленными давно залеченными прыщиками, оставшимися еле заметными углублениями теперь идеально чистых кож рубцами, ассиметрией даже оказавшихся во продолжительности моего наблюдения подкрашенными чуть иначе глаз, разным уровнем посаженных даже тонкою разностию становящейся видной в наглом, кажется, рассматриваемом Васей крайностию моего любования ею упоре взгляде толщины бровей: на худеньких, кончающихся уже откровенно костлявыми пальчиками с иногда сломленными недлинными бесцветными ногтями руках было примерно три волосинки, росших на родинках, и волосинки эти были чёрными, что окончательно сделало Васю для меня безобразной; я знал: я знал, что глаза моей мамы идеально симметричны: я знал, что её брови ровно посажены и имеют идеально равную толщину: я знал, что у неё чистая кожа, всю из которых она бреет: бреет на руках, ногах и пухлых подмышках: только моя мама: только моя мама всегда была тем женским идеалом, который я исследовательской аскетической пыткой всегда искал: только она есть тот идеал, что, каже... каже, совсем скоро окончательно сделает влюблённого в себя уставшим безуспешностью своих изысканий пытателем, и скоро: очень скоро, каже, я могу надорваться: очень скоро отвратительная человекоубивающая вонючая олысевшая обезьяна внутри меня надорвёт плети, которыми её держали, и более для меня не будет хорошего и плохого: должного и недолжного: очень скоро я сделаю мериллом должности одно себя и буду делать всё: я буду делать всё, что станет внутри меня достаточностию удовлетворения: я, окрасневший опухольями взрытых капиллярною одавленностию скоро лопнувших глаз, очень скоро сорву только мешающие мне пережёвывать плещущееся во рту резиновой невозможностию мясо клыки, и скоро... скоро я сорвусь, если не найду ничего подобного: если не познаю женщины, хоть отдалённую, должную во внешней очевидности почти точно приближать их во неочевидности моих детальных, кропотливых самою выделяющеюся деликатностию обращений претензий схожестию приблизившуюся своим совершенством к моей маме: я... мне больно... мне больно,

у меня слева, в груди моей... у меня сердце болит: я думаю об этом: думаю, и внутри у меня язва: вонючая смердящая язва, и ничего бы даже: я бы даже мог с этим жить, да она болит: она укалывает тупым рубилом душу мою, и оттого я не могу дышать: в давлении, что на меня сходится, я оскопляюсь не как мужчина, но... как животное: я не могу дышать: у меня изъяди единственности моих воздушных, и оттого моё сердце болит: оно не может снести подобного: я не могу снести подобную критику, что становится: что утверждает, сколь ничтожен я, ибо знаю: я знаю, что пасти кита будут мною размозжены: я знаю, что смогу снести тяжёлые вериги лишений, однако мама: мама моя... Полагающаяся матовой серостью слагающейся превивающимся ко стеревающим сжаренных сломленной решётками осеревших частыми крапинами причиняющейся парами неснятого поверхностями народившихся полнотами учтённых вполжениями утверждённых рубашечностями сдавленных глоткою глады миров влечин сверяний чернот пуха текстуры облаков темнотою скамеек мусором пустыни окружность панельных, облитых крапинами наставленных ко больному сердцу моему ударами гордыни моей клыков стен этих дебелисть душнот натянутого безобразностью действительности воздуха била меня: она мозжила лица мои, что покладистой мягкостью подпадали отне о хлипких рваньях стянувшихся язвленностями сочащихся жирными маслами спричияющихся ко полняющей слабости смерневшихся оверхностями знака неочужданий вони стяг ран неучений: кто-то пел, кто-то ходил и летал даже подле наржавевшими отравками птичьих, облезших тонкостями невосстановлений прочных обиваний правд порохов крылами, однако чернота во мне блокировала иной свет, сходящийся с Васи, уже детскими подниманиями звучною незамеченностью с её стороны бахающих о камнях сорящихся отуплениями сходящей с неё радости ступеней стоп: втягивающеюся душностью верхних этажей мы подходили к четвёртому этажу, где почти некасательною скоростью она силой всадила дубнувшие глухим звоном бронзоватые, снимающиеся множеством висящих пухлыми, содрогающимися образами зверей ватами брелков ключи, провернув хрустами замочной личинки вхождения в квартиру, где она жила с мамой, чаще предпочитая уходить к отцу, живущему в прямо противоположной части города, что отчего-то довольно ясным акцентом я высадил с её бесконечного малоинтересного монолога, редко пребывающегося нерадениями скорее исключительно формального вмешательства моего голоса; квартира эта вопила новиной очевидно полагающегося удовольствием входящего туда обустройства, и пестрения народившего здесь самыми крайними проявлениями сграницившегося с прокажённой манией опьянённости вдохновения минимализма меня смущали своим отсутствием гораздо более, чем избитые богатством уходы домов творческой интеллигенции: здесь мне было ещё относительно комфортно, ибо я видел подобное: ибо я знал, куда в подобных квартирах ставить обувь, где чаще всего хозяин будет

располагать тебя и что станет пошловатым громогласным свистом объявлять привычно обстоящие в иных квартирах удобства; Вася, уже чуть томною, пёстро граничащею с прежностью её весёлости молчаливостью присела еле склонившейся к полу головкой, повернувшись ко мне и объявив положение ванной, где можно помыть руки: подобно многим прочим квартирам, где жили исключительно женщины, здесь спарялся уставленный в возбуждённо пожирающие то ноздри запах, и запах тот был сладковат не только белизною бесцветного запаха духов, но и грязным приятным, едва слышным самим хозяевам квартиры опуханием женщины, и с продолжением вхождения моего ко глубине квартиры я понял, что запах этот слишком: он был слишком хорош для Васи: я понял, что этот пьянящий, тут же просочившийся в главы и животы мои о крайности контраста с детской вымученной изолированностью искусственной чистоты Васи запах принадлежал её маме, и в отражении зеркала я видел, как чуть вбухшие губы мои наливаются кровью, а только начинающая обрастать белёсыми пружинами волос грудь краснеет туго делившимися крайностью возбуждения, прежде пристающего мне исключительно во фантазиях о моей маме, рябыми пятнами: глаза мои вкраснели приближением надрыва, ставшего теперь ближе: гораздо ближе ко мне, чем было ранее, хотя боль во сердце моём и утихала: не помыв рук, я развернулся к кухне, где розовыми щеками Вася опиралась к будто надламывающемуся теперь её весом столу: я почти подбежал к ней, но она была слишком опьянена мыслью обо мне, чтобы найти в этом действительности нелепости, которую я не мог заглушить теперь и которая искусно подавлялась мною при всех прочих соблазнах: я раздел Васю, и её горячие подростковые тела меня разочаровали, хотя я и продолжил трепать её за худенький, прожимающийся гладом рук моих бок. Уже окончательно потемнело, и Вася сказала, что пора собираться: не отвечая ей, я натянул прежде лежащие кверху ярким опотевшим каловым пятном на белой ткани трусы и оделся: жирные слизи ночи прокажали пространство впадающей звёздными, стянутыми со серебристых отдалений тоих отблесками квартиры, и я взял Васю за руку: я нежною давнишнею отработанностью улыбнулся ей, и мы вышли из квартиры, молчаливым щелчком замкнув проведённое гадкими гниениями время: Вася не смогла: Вася только сильнее раздражила опухшие возбуждением глаза мои, и они рвались: я чувствовал, как сетчатка лопается, а сердце вновь заболевает, и всё же я продолжал: я прежнюю верностью своей роли делал вид влюблённого ребёнка, и мы пошли ото дома: мы шли вдаль, и я всё ещё держал в голове этот запах: жгучий громкостью женский пот, который я хотел пожрать: мы расстались у парка, и я знал: я знал, что отработанности Васи я более не задействую, если не захочу вновь услышать этот прекрасный, будто даже и заставляющий на непродолжительное мгновение забыть о маме запах: девочка крепко меня обняла, однако я уже не знал её имени: её существо сдарилося для меня, как сдарились и многие другие, кто были обольщены моими

красотой и голосом. Тёмные волны неба нависали надо мной, и боль в сердце становилась всё сильнее: кажется, я превращался в животное, и яркие сопли крови моей стягивались ощерециями тела: я не смыкал скованных сухостью глаз, и казалось, будто все кожи мои были одной долгой, кровоточащей спесью нужды раной: я бил камень в парке, из которого не вышел: я бил его, и кости мои снимали с себя толстые слои оставляющего смачные шматки крови мяса: я бил камень, пока не разучился управлять сгнившей страшной, внеподавляемой остатками капель на лице и теле моих болью рукой: в молчании обволакивающей меня черноты я вонючим пухнувшим миазмом отправился в стерильную белизну круглосуточной, пульсирующей рябью желтеющего сваренностию ламп света аптеки, подобную стерильности бесцветного запаха Васи: купив в аптеке антисептик и бинты, я вышел: я вышел к открытому ещё множеством проходящих мимо людей асфальту и завопил: завопил надрывными глухими массаами боли, только умножившейся во мне оттого: я завопил и заплакал, и с руки моей кровь начала литься ещё более зычными кусками липких масел: я обработал оплотившуюся мясистыми неразборчивыми пятнами руку и небрежно забинтовал его левой, еле справившейся с завязыванием обвивающей худым браслетом моё запястье петельки: я встал: я расправил сверкнувшее резко шлёпнувшими свет во матовые мги улицы глазами тело своё, и бурдовые пятна крови полагались на одежде: я шёл к дому, из которого только что вышел: я поднялся на четвёртый этаж и, сам не зная чего добиваясь, двумя оперво уверенными постукиваниями стянул дверь непродолжительной пустотой отбивания представляющейся немернотиями отсуствий квартиры, уже овершая трема едва слышными шорканьями железа условленных воконечностями границ надвинувшегося ясностями бесцельных подвижаний тоих коридора площений: с секунду я ещё претерпел краткую, скорее причиняющуюся укреплению иллюзии-де во уме моём надежду, направившись вниз по серым, облитым камнями ступеням подъезда: когда я окончательно развернулся и прешёл две ступени, сзади негромкий, лежащийся густо вворачивающей существо мои о тяжести некуплений внешних плёнкой женский голос назвал моё имя.

Лицо его было укрыто белой, точно снимающей прочности светов едкими нечастыми сгибами падающих словно несуществующей, написанной оверх настоящего вида пеленой теней маской, и в маске этой были овальные, правильные нерябинами своей гладкости прорези, за которыми полутьмою сокрывались окутавшиеся коричневатую вкружнотию дела глаза, и блики их неспешною галлюцинацией спадались противосуждённоотиям счтевающихся внеусловностями одрогавшихся остаточностями довольных охваточностями спавшихся безликою вершённоотию спытанности тоего смертей умираний сил новин: над маской лёгким нахлёстом настояли свернувшиеся довольно неуместными общим видам белеющих бледностей тела этого, если бы только во руках человека этого не

блестели серебристые мелкие, прочно противостоящие обыкновениям боевых цепи, кругами металлические пластины, и кнуты отдраенной, каже, вышающей строн обыкновенно отребляемых ко приближающемуся о тому жлез вочностию стали нескончаемою змииевою длительностию сточались во смешивающих непрерывным, соединяющим массы сжиреющего о том крупнениями ожаривающихся полнотами описаний слитков металла танцем руках его, и с невшевляющимися предевениями стали ткани тех же осеревшихся светлым оттенком одежд его пребивались долгими несменяющимися ветрами, и аккуратные, сточенные каждой окоснительностью детали движения его резали тела и резали горы. Рядом с ним же, за оголёнными человеческой нежной, сдящейся парами пота кожей руками отстояло животное, во приседе своём едва настигающее высоты человека: шерсть его будто была вымазана влипающей ко лицам его грязью, и всё тело существа обдавалось небрежностью медвежьей шкуры, отдельными пятнами своими белеющей и обретающей желтизну осуществляющей исключительно во неболезностях естественной, воправдывающейся ненеобходимостию сродного о далёких, не приставшихся ему довольностию собственного ухода неумываниях небрежности язв: уши его были умильной округлостью мягки и проявляли только едва белеющиеся хрящи во них, и чуть продолжающуюся мордочку наявляли сомкнутый невидимым чёрным шлейфом рот и ониксовый, особенно влажный надеваниями нераспознаваемых одноложаниями подозрительностей чувств его нос, что пыхал тяжёлым невмысленными хлопками осевших будто отородне далее выдыханий: небольшие, довольнеющие сочетанию умильных озоров внешности его и чуть пугающих несовпадений массивности крупнот его звериных круглые глаза были по-детски глуповаты и рассеяны, и небольшие ниточки пробивающихся розовым слизистых его иногда намокала и стиралась неповоротливой мохнатой лапой.

Другой не стал спешить и сперва дождался первого происшествиями сил освоих действия, не заставившего себя долго ждать ести правой рукой он ударил в быстро свистнувший неочтённостями наследующих оформленности простенящегося тяжестью накренившихся наследностями одвигнувшихся чернотами вкрепляющихся довольностями насреневшихся уколениями сросшихся обратностями вмешательств ногтей белений новин прежний опалений зуда вражб воздух довольною грозною обманчивою последовательностию скоро блеснувшихся стянувшимися в колене прочней связками отдач: настоящая сила была вложена в левую ногу, от которой парень ниже смог уклониться, с явно нарождённым крайностями упроченных ократкостями вкрасневшихся чёрнооместностию соспособленностей оправленностей тоих счевений нестевний риском склонившись в область удара правой руки сильнейшего: он ставил себя во выгодное сизоватостями воокравяний налившихся животными увяданиями тел прежностей положение при воосставленностях

свестнувшихся розовинами сполагающихся-де ко скребениям втвёрдшихся плотностями продолжений влияний осальфериений дел, однако оппонент свершил вещь крайне хитрую, крайне безрассудную, или полагающуюся на оба принципа: после прямого удара в лицо он совершенно не пострадал, приняв импульс и словно натянутою тугой немерностью слагающегося плотностями довольствующихся деталями причтаний ои продолжений тела резиной отпружинив в сторону высокого клошар: очевидно было его превосходство в размерах, когда в непосредственной касаниями остреляющихся поражениями накрепившихся кошениями народившихся отем полнот тел трезвот борьбе он не выделялся, даже вызывая до статуса сильнейшего смех у зрителей проклёвывающей остаточности настоящих, сокрытых подле внеположившихся остояниями сшевеливающихся неспространённостью уточнения дел желаний их боязнью жизнь тянется очень тяжело и самым тяжёлым в том есть раннее пробуждение пробуждение когда нет вокруг ничего и когда только пустота боли держится в тебе и разорвать бы разорвать бы это всё да самое сложное в победе над ним есть сближение, и слабейший справился с задачей, схватив его в поясе грудной клетки и начав тугим, не разрешающимся ко чернениям чтевающейся преждеусловностями обретения слова воли напором сдавливать из стены торчит голова уже тогда итог был предрешён из комода торчит голова сильнейший начал плакать, и через долгое ничтожное сопротивление он потерял обморок из кухни торчит голова другой был слаб, поэтому даже таким захватом не смог бы ему значительно навредить проходясь к ванной я спотыкаюсь о вросшую в пол голову но теперь он сильнейший и садясь за книгу голова растущая со спинки стула упирает в мою шею.

Последовали даже яростные во своей всеодержимой звучности крики радости и поддержки: его действительно не любили: его... его даже ненавидели: его смерти желали, его смертью грезили, однако сказать и уж точно сделать они ничего не могли в квартире моей продолжают нарастать головы и мне кажется я ничего не смогу с этим сделать его удары были невероятно сильны: однажды он убил сразу двоих поочерёдными, зыбко скользнувшими кажимой невозможностью своею ударами я боюсь этих голов его боялись они смотрят они вперяют в меня и кажется будто они никогда не смыкают глаз хотя я знаю кажется я знаю что они спят едва ли он и сейчас ослабнет, но после такого и не вернётся, хотя и смог бы черноты ониксов рыхлых пуз нарывов тот слабый, совершенно немощный человек стал олицетворять надежду: надежду, ещё не успевшую слиться с властью и ужасом её слизи слизи с руками котов он безызыянною невписанностью навалившегося означаниями тупо уставленных во плачи жертв стен знака гордо поднял кулак, и только чуть после все заметили рассечённую почти до самого низа подбородка губу толстеющие во зобах кислотами рождений смертей отех кисты он упал в обморок свершились чернившиеся неразбирания сокрушившейся несостановленностью гревенеющихся должностями уволенных вчастностями

крепнеющихся серостями ослоившихся наведяниями утлевшихся конеченностями очешуйчатых белёсостями облезших склоплениях сражённых вточенностями упрекнувшегося многоспанием во рассветах несна чувств яшерии хлопьев солнц схождения раздвоений паданий делений реальности то только сильнее раззадорило насыавшимися зеленениями сдарившихся подлеродностями истин искр толпу гиганты охватывали плотиями своими начинания укрепившихся воовольственностями увяленных разницей со человеком-де сокрушений ревений все радовались, продолжали кричать и даже танцевали железное дерево преисподней растёт и рост ещё всё более твердеет во краснениях во время следующей беззлой драки с одиннадцатым по силе парнем он умрёт, держав уже ослабленные из жалости удары соперника до самой смерти тупые удары плюхающейся трупными падениями отяжелевшей стальными блёстками жести мяса его смерти там меня тогда уже не было золочения сбившихся слоями остовов чернот об этом говорили все вокруг берега, сестра рассказывала маме, а я подслушал-де гнилые трупки маленькие.

Это невероятно оглашалось во прочней выдуманности уставленных бурдовостями накренившихся слишностями единственностей оправлений намерений позднений сделаний восславим нашего спасителя белеющие оскалы смерти читались пошлостью своих излишностей новой битвой нажревшееся китами чрево моё облёскивалось необходимостью скаившихся сединами пробившихся невопутреблённостями ознавших первоостепенениями оревеющейс прежностью паления полагающихс отоею дальностью правд кислот желтизны точений исполнений вомешательств или что-то сроднее означенною я несвойственно настроению происходящего и себе тогда произнёс падения трупов теперь будет ещё одна драка нарывы кист.

Все будто и послушались ожелсшимися пространствами учинившихся скоростями обновлённостей отех давлений и снова выстроились в два ряда: предпоследней силы вышел из толпы мои пузы беременели мы были точно посередине я видел книгу и книга была по мне я почти озгорался внутренностями синевшихся калений металлов, во мне пылал несносимым язвенным гнойником поразительной силы желание сделать всех ещё веселее: но я полагался: я надеялся сделать то уже не жестокостью, а мастерством зленеющие ставни пятиногих я улыбался ещё шире того парня смрадные грибы растлений я был не так слаб, и после одного события мне было дозволено считать себя одним из двадцати процентов сильнейших, да в тот момент я уже и позабыл это.

Так сказал мой оппонент краснеющие падения ссохнувшихс некогда трезвостию ума слёз к тому моменту меня так уже очень долго не называли красные опухоли оппонентом его уже тяжело было считать пухлые рожи осевших твердениями продолений быта жиров бессознательным признанием моим он стал моим владыкой, тем, кто волен лёгким движением

не сполгающейся словом ладони приказать мне абсолютно всё темнота жизни он бежал ко мне, когда я мог одно стоять темнота гибели ставни извергают свет, обычно освещающий помещения, и сейчас они освещали этого парня: тогда я кроткостями раннеставшихся проваленностью небес непризнаний внял нежным переливам света в его наполненных злостью глазах, и замерло тогда для меня происходящее и будущее, и прошлое застыло безобразным детородным комом не просто в горле, но в набухшем им туловище, вытекающих чернотой лопнувших сосудов глазах и слепой кишке, плескающимся ударом разорванной под натиском искрящегося громами язв шума воспоминаний из коробки торчи тогда я впервые пришёл еле видное толстое тельце небольшого облитого растяжками существа и существо это сдаёт звёзды.

Я улыбался... я смеялся... всё, что я видел, казалось чрезвычайно интересным и новым, да и из дома пришлось мне выйти впервые со длительного, почти бесконечного отвердеваниями тел и умов моих перерыва: не могло... не существовало то, и... к моему первому: к первому назначениями острожений их приходу моя правая нога ещё значительною язвой калеки похрамывала из коробочки еле слышное шевеление тогда прошёл замечательный товарищеский бой, окончившийся ничьёй сдаётся тогда тоже было проведено сразу два боя за раз сдаётся между двумя рядами кто-то встал и выкрикнул что-то про уродливого новенького и что хорошо было бы проверить его сила здесь это произнёс пятнадцатый по силе здесь только сила я не понял сказанного и посчитал именование кого-то уродливым безобидным приятельским величанием крашения слёз вызвали на бой меня отвратительное правда был отвратителен внешне, и в кругу семьи сумели даже позабыть об этом отвратительное после избияния и даже долгого мучительного, отдающего болью более всего именно во реабилитации заживления всех ран на меня было страшно смотреть, но благодаря семье мне и не казался свой внешний вид чем-то особенным тогда я не знал ещё что это есть мне об этом напомнили да да вот оно человеческое родство и человеческое уродство.

Тогда я победил везде пыль тогда я убил его везде пыль бил клошара, клошара, участника мероприятия, члена группировки, оппонента, соперника много пыли убил того, кто напомнил мне об этом здесь везде пыль во время драки меня изуродовали ещё сильнее, однако домой пришёл я уже радостный, и все встретили меня с ясной широкой улыбкой на лице: все боялись, примут ли меня клошары или нет мне тяжело дышать по моим неполным, но всё ещё жестоким рассказам они поняли, что я связался с клошарами скорее злокачественными: это было вторично, они обрадовались принятию меня там почему здесь так пахнет пылью если вспомнить, то с тех пор я ни разу и не дрался: именно позиция двадцатого закрепила за мной, когда окружающие считали меня болезненным умом и душой: все любили убитого мною парня наставляния пыли во уродстве моёс мне просто нравилось смотреть на происходящее, на

ликование победившего и ниспадающую унижением волю проигравшего, на их смелость: я и не подозревал, что все те, кого я считал приближёнными ко мне более семьи, всё то время ненавидели меня и обходили стороной, хотя удивляться здесь, откровенно говоря, нечему тут очень сильно тут очень сильно пахнет пылью.

Кабачок, наверное, не есть худших из всех спутников, что потенциально могли идти сейчас со мной, однако находиться рядом с ним тяжело: во хрустах проламывающего о грязноватые, смешивающие сальфериновые остаточности свои со стенающей болью небрежных неповоротливых неуместных ударов грязных ног землёй пески шага: только мы вышли из стукнувшей дважды во неуспешностях своих оперных действий дверью машины, как он надрывной сбитой ритмикой оголяющего недолжно пролившуюся верностью ко лишённому его же вниманием честность голоса своего стал рассказывать о родной сестре, которую его отец увёз в Москву и которую он дважды охватывал с собой при отъезде, чтобы, как он говорил, приобщить её более к позабытым во шумах большого города корням; все давно и в самых ясных подробностях своих знали, что при последней поездке сюда он споил её и снюхал, однако далее, убоясь, не пошёл, хотя та, судя по импульсивным действиям того месяца, когда её только бросил молодой человек и когда она решалась на довольно отчаянные, никак не совмещающиеся с честностью природ её личности действия и, общем, скорее отсутствующей короткими, обнажающими бритые бледные пухлые бёдра её шортами и доходящим только до середины настаивающихся невысокими нежными, еле просвечивающими синеющие малозаметною ветвистостью нитей вены холмиками ребёр бледно-розовым топином одеждой, в которой она ходила перед ним тогда и которую мы случайно увидели, пытаясь без его ведома найти деньги, что он должен был мне и Вадиму, не была сильно против; когда он обращается к весьма часто воспаляющейся во властях настаивающегося чаще отне очередного несовпадения деяний окружного и мыслей его во очевидности ставшего с самого начала не той сферой, откуда ему следует черпать самовдохновенные плотия себя, социального взаимодействия безрассудства его избыточности, приходится готовиться к тому, как он снова начнёт рассказывать это, и каждый раз: каждый раз слова его всё безобразнее, и жирным, пухнувшим новыми тяжёлыми, срываемыми исключительно ножами и швами кистами зобом они оседают во мне, и я просто не могу оттого не пить: точнее, я пью часто: может, даже и всегда, однако Кабачок также меня подталкивает: также и он мотивирует меня продолжать своё пьянство, и это я помню: я готов употребить слова своей невиновности, и невиновность свою готовы озвучить все из моей компании: на самом деле, среди нас меня считают даже трезвенным скромным аскетом, и в шутку, подобно Кабачку, со временем я стал Пророком, поскольку один из всех не имею означенные контекстом моего присутствия слабости и более всего помогаю остальным

ребятам с тем, что они делают, когда перебирают, о ести почти всегда: вероятно, не будь у них меня, Гриша и Влад: я не люблю использовать пошловатые, низводящие нас до единственной функции или характеристики условности, которые в итоге появились у всех из нашей компании, да случай Кабачка необычен: я вовсе не знаю его имени; Гриша и Влад бы уже сидели, ведь трижды каждый из нас вёз по своей полке, и каждый раз они держали её в условленном секретным кармане шоркающей потами их нетерпения куртки, пока я не впрягал перед их под сиденья в особенный, выдолбленный мною довольно давно уже трудолюбивой верностью ко делу и безрассудным отношением о собственному времени в машине Влада тайник. Рокочущая золотинами оязвлённого хладами своей желтизны неба темнота оседала на дешёвых протёртых одеждах наших частые всеревшие, проходящиеся ещё и соркающими ссадинами вофиолетовевших, спревающих белениями лежащихся ко рукам темнотою иногда воспадающейся одоложенностям случившихся далениями сменившихся наявлениями правд тоих сил зревенений грязи линий курток пятна, и мы уже подходили к огороженному поржавевшим, сплёвывающим ржавые остаточности вленевшихся чешуй остаревшей пантократическим влиянием наполяющегося здесь во особенностях всей структуры огородской солнца зелёной дешёвой краски забором детскому саду, с которого быстро сошли к крупной, снимающей о вышения наставшегося значительной, являющейся во прочних районах единственным, что обирал к себе холодные бетоны невысокой, всегда принимающей дорогие, наследуемые монархической должностию машины администрации, важностью города микрорайонами дороге: дорога сходила небольшим неровным, совершенно неожиданным для неместных ответвлением, вправляющим чрез ещё одно возвышение к длинному, делящемуся на две параллельные, объединяющиеся иногда повторяющимися ходами выгодных срезов тропинки парку, от которого мы по некрупному, густо врытому жужжащими ядовитым главенством своим во оздешних местах комарами и собирающейся тяжёлым шепелявым навязчивым роем мошкой леску пришли к сотому дому, от которого нас отделяла двухполосная, остающаяся во довольно скромном убранстве многочисленных кочек и незаделанных, вмещённых темнотою отпавшего от них света ям дорога: по ней не ехали машины, и в знойном шуме тишины мы подобрались через детскую площадку, на которой два мальчика и девочка на момент нашего пришествия остановились чуть нервным одёргиванием, после быстро возобновив прежние игры повисаниями на чуть склонившихся перинах лесенки, к кирпичному трёхэтажному дому: второй подъезд его был гулкою тяжестью обвешан листьями трёх деревьев, растущих в садике и получающих ухаживание жильцов во формах надстроенных скромных заборчиков и сделанного из бутылок и окрашенного довольно тусклым светом своим жирафа: чуть оглянувшись, мы подошли к каменистым ступеням перед подъездом: Кабачок встал за мной, а я же, довольно резкою недолжною внимательностью

осмотревший кирпичи справа от нагруженной пружины и сдерживающими её камнями двери, одёрнулся, коснувшись пальцами Кабачка и подняв сломавшийся достаточною видимостью своею, потемневший солнцами точек освоих кирпич: за кирпичом, который я едва придерживал, было углубление, куда я направил грязные, оцарапавшиеся о ветку в парке пальцы: ощутив средним что-то гладкое и во том также плотное, я пролез немного дальше и достал небольшой круглый шматок изоленты: я закрыл углубление кирпичом, и мы пошли обратно к ребятам; когда мы отошли от подъезда, дети смотрели уже не испуганно, но подозрительно, и волнение, оглушающее меня теперь ещё сильнее, я задавил чрезвычайно старомодно свистнувшей с кармана прохуdivшихся белёсостью оместных протёртостей джинсов моих золотистой, совершенно безвкусной внешностью своей и употребляемой мною исключительно из нищеты и всёравношних отношений ко подобному моих флягой, бахнувшей в горло горячие холодностью своей плевки немного вомкнувшего сдавившиеся коростами остаревших непомерною раностию тел веки мои спирта. Когда мы вошли в звучно скрипнувшую стяжками проломленной посередине, уже в подъезд пропускающей спарения свершающегося там двери квартиру, густой дым нажигавшихся масел ударил в мой нос, и я показательною недовольностью поморщился: конечно, я не курю, однако, думается, только я из всех и понимаю, как пассивное курение отне продуктов деятельности совершенно не имеющих пределы желательного и законного во умах своих способно повлиять на подобного мне трезвенника: быстро закрыв резко потяжелевшую дверь во видах орисовывающего уже во воздухах подъездной кошачьей вони узоры дыма, я свернул защёлку, отстранённою леностью снял впавшую влагой пота обувь и прошёл в кухню, где Влад, отчего то заплакав и порезав себе показательною горизонтальностью булькающие теперь смолами чёрной, капающей с глянцевого дешёвого, обыкновенного подобным съёмным квартирам, обнажённого деревянными отслоениями плёнок ко границам своим стола уже на пол крови руки, нюхал пройденный недолгою, удивительно тонкою обыкновениям изрядностей тоих избыточностей Влада тропинкой порошок: уже ослабляясь скорее привычностью всё сильнее вдаряющего в голову запаха, я натянувшись улыбкою потрепал друга за голову, отчего он только сильнее стал плакать и довольною заинтересованностью в том ударил нож ко взбухшей неожиданной высотой вене: я прошёл к обелённому сошедшей краской балкону, уже в близостях к нему осреди писков рокочущих своей незаметной дрожью половиц слыша голоса Вадима и Ксюши: почти надрывною нетрезвостью они кричали что-то, и после я увидел с противопоставленного нашему дома нагруженный молодыми ребятами балкон: чуть постучав по вдавшемуся сколами снизу стеклу, я обратил к себе Вадима и Ксюшу, показав свёрток изоленты, и те радостной отвлечённостью устремились ко мне: мы прошли через кухню и коридор, где Кабачок уже отбрасывал прожжённую нынешней, ставшеюся почти мгновенно его

выдающейся сноровкой ненужностью бутылку жадною спешкой, и он резко увлечённостью будущего события встал к нам: на диване лежал Гриша, у которого со рта шла смешавшаяся со хлипкой влажностью слюны пена. Я люблю это всё: только тут: только тут всё повторяется: только здесь я чувствую себя, как чувствовал порой в детстве и во лучшие моменты жизни моей.

Я помню тот труп: тот изуродованный, лоснящийся отпадающими с шлёпнувшихся оземь коченениями гнили кож жирами сливающихся пёстрыми, преливающимися и во мне умываниями сострившихся уколами смерти слёз реками руд ести тогда предпоследний по силе окончательно превратил сдавленную нарастающей плотью лицо моё во неразборчивый несъяснимостями воосвербеющихся медными листами стревящегося прочнеположанностию настоящих однеопричинённостию действительных пестрениями учетающихся краснениями бурдовых масел дубеющей жарами тупеющих болезнностями человека ударов крови слабений освойств тел света ударяний сгусток маслянистой плоти, выбив левый глаз и продолжив издевательства уже в компании всех остальных ести непричастен был только нынешний сильнейший, с выказывающей крайнее удовлетворение морщинкой на лбу смотрящий и прямо в ставень, освещающий уже водянистою смешанностию со влагой пота стекающую по шее светлую, часто свинченную засыханиями сворачиваний кровь.

Меня насиловали, резали, на меня испражнялись: меня били снова и снова, однако отчего-то я не терял сознание ассирийская неволя тогда я не был зол на ту данность оставаться в сознании и в наихудшем, обыкновенно причиняющемся телесной неспособности продолжать той рецепции положении: меня расстраивало до стекающих всё это долгое время даже излишно солоноватых мутностью соединившихся с грязью слёз, что они всё ещё не решились помириться со мной: что они делали это: что они делали это, и это не имело исхода: оно... оно было совершенно бесполезно: на всех, кто участвовал в том, действовала сила: странная... странная сила, которая никогда не ведёт к чему-то полезному: эта сила не становится во что-то... она... она даже не воспаляет в избивающих удовольствия: они сами: они сами чувствуют за меня боль, и всё же делают это: они сваливают на меня свои нечистоты: они режут меня и давят, и то: будто, даже возможно такое снести: будто я мог бы во имя блага прочего то стерпеть, ибо... ибо: ведь для того не надо ничего делать: для того не нужно стараться или иным образом напрягать собственные силы: моя задача есть стерпеть, и то: то ведь не так ужасно, да они делают это... они делают это исключительно для того, чтобы замкнуть во себе неловкое чувство, появляющееся, когда с товарищами тебе не о чем поговорить, и иной импульсивный туповатый рык тогда сподобляет тебя с остальными, и тогда тебе кажется: ты будто и знаешь, что теперь всё хорошо: что всё славно, да... да в ночи: просыпаясь в ночи, ты ужасаешься сделанному, и всю жизнь свою ты будешь отвергать это:

всю жизнь ты будешь отшучиваться от содеянного, пока не станешь во глазах ясных чудовищем, дятловским отверженцем... пока ты не признаешь уже формальную обустроенностию, что ты есть зло, и потому нужно: потому не просто необходимо, но то есть единственно возможный вариант: согрешивший покается Господу, и атеист отличается от христианина тем только, что позже признает эту истину; в какой-то момент свистящие громом зудов воздушных удары, шликающие стечениями прежде соявленных начтаниями густо плюхающихся оземь развалин порезы и стекающие на моё лицо ожелтевшие, стачивающиеся недолжностями явно полагающегося раздражённостию кишечника стула фекалии перестали наслаиваться нескончаемыми упряжаниями становящегося отдельностями жирений небес звона: я с тяжёлою, скорее одно противостоящею ряданиям моих век болью приоткрыл еле видящий осквозь накающую твёрдостями воспарившихся прохудениями жадно смывающихся овнедополненностями осил собственных лап пеплов пелену скатившихся смердящими бежеватостями зеленеющих телесными назреваниями упроченных смертию моею стонов синений кашами жидкостей и опухших век глаз и увидел всего десять клошаров, что уже расходились.

Теперь вы со мной подружитесь египетские тяжести небес вы меня простили вавилонский плен меня уже не насиловали ести они только поглаживали органами своими меня по рту, ушам, лбу, щекам, ноздрям и оставшемуся от выдавленного глаза отверстию ести и снова избивали и и резали и дробили кости мои ести то было долго уже не по меркам избитого, но избивающих: к тому времени моя семья уже привыкла к долгому отсутствию, но даже они: вот тех столетиях боли они забили тревогу ести издевающиеся образовали смены, они планировали убивать меня очень медленно, однако до следующего мероприятия я должен был быть не тут красные пузыри черепов меня бы просто перенесли в другое место берега и кормили, чтобы я не погиб раньше времени и всё то на деле не стеноло их нетрезвую жестокость но поощряло сомнение во содеянном и трусы трусы они повезло, что это место было относительно близко к части берега моего отца трусы он убил этих клошаров, а я продолжал в бреду извиняться и предлагать свою дружбу трусы он отнёс меня домой, но я уже ничего не видел по дороге туда.

Сперва считали, что уже ничем мне нельзя помочь, и трусы начали сёстры и мать оплакивать меня долгими, стенающимися хрустами еле продолжающихся во охрипших ожогах лишившей меня кожи боли дыханий моих сутками, а отец же отправился на поиски клошара трусы с исцеляющей остраниённостью трусы не было его целый месяц, и я должен был уже умирать, продержавшись при этом, трусы очевидно, куда трусы более начальностию тел моих, трусы но отец трусы действительно кого-то нашёл трусы трусы кости трусы правильно срасти трусы уже трусы не удалось, трусы как и трусы исправить обезображенное

чернотой дыр лицо трусы и трусы вязкие, нажиревшиеся после камнями вбияний шрамы: я стал трусы трусы калекой: я стал трусы уродливым на вид, трусы но трусы выжил трусы: трусы: они трусы: я знаю: я знаю, что они: они трусы: я знаю это: они гадкие, гадкие трусы: они до сих пор там: я знаю: я понимаю: иначе не может быть: не может быть, чтобы трусы: чтобы трусы эти не побоялись двинуться: я ненавижу их: я проклинаяю их: трусы: эти мерзкие, эти безобразные трусы: я желаю их смерти: я желаю, чтобы они задохнулись во скатываемых ко скажённой огнями клейма гортани их жирах своих: трусы: трусы, эти: они, эти трусы... они... они не должны были рождаться, и... и я так терпеливо... так... так должно я снёс то: так должно я сносил то, пока ясная: пока твёрдая своею означенностью ненависть не настала во мне: пока она не огрубела ненавистью, и... лучше бы они убили меня сразу...

С той поры я с великим энтузиазмом отдался ремеслу отца: не было в Ожении клошара, управляющего остатками ставней лучше меня, поэтому и бояться падения во Вси стало глупо: с отцом мы провели самое долгое плавание во Вси, однако наставшему после болезненных своею яркостью ожиданий разочарованию нашему не было предела: пятнадцать раз мы совершали беспрецедентно долгое плавание по Шару со намерением найти хотя бы что-то, да каждый раз мы возвращались на противоположный берег гигантского Ожения со разной степени и качества отклонениями, всегда располагающимися не в такой большой отставленности отне изначального отправочного пункта, и последней зацепкой уже оих усердий наших стала миграция цепляющихся из Шара: если они откуда-то приходят, что-то во или отне Вси существует: такой расплывчатой формулировкой мы и руководствовались, уже став самыми известными исследователями Ожения, и могли мы уже вовсе ничем не заниматься во способных прокормить нас славах, да нами руководили интерес и поражающие во потенциальностях становлений тоих возможности: я научился управлять сразу двадцатью ставнями с осторожной, озвояющей чувствовать и лёгкое дуновение несильных, назначающихся подавляниями сил и искусных волей моих ветров точностью, отцу же не мешали плавать пятиногие, сбивающие с пути во Вси: мы стали чувствовать озеро лучше суши, хотя всё более осязалась дурачливая безвыходная бестолковость того ести наша семья была охраняема лучшими имитаторами: у нас был не один окасти и водомёт, дом составлялся из множества гигантских помещений, и окружающие клошары радовались нам: при виде калеки, передвигающегося на суше с помощью специального, довольно громоздкого сребристыми остояниями ворождающихся толстыми, довоосмелёнными способностью отстранений нанятых нами клошаров цилиндрами шпаг устройства и не могущего использовать отстранения уже точно, только наивными одобрениями умилялись и лобызали меня ести мы смогли утроить благополучную возможными избыточностями жизнь нашим женщинам, однако однажды произошло то, что откинуло те сладкие, овевающиеся ароматами

отнеосслаивающихся прочнестиями кажаний цветов сад во непроходимый смолами ужаса мрак, наполненный отвращением способной проказить несмываемыми оспяными, проходящимися червями ко реальности начтевающихся неполнениями осложнений правд гиподерм язвами смрадности отне ожениевой оболочки сгоревших величайших горестью бесславных трупов, вросших куриными костями на бесплодном семени умерщвлённых сенами могильных пиохевий пашень.

Тогда мы вернулись в незадолго до того остроенный дом с чрезвычайно большими во сравнениях с прочными жилищными и нашими прежними помещениями и со значительным числом даже, казалось бы, самого ненужного персонала, по неясным для нас, чаще всего замученным именно загадкой собственной нескончаемой, продолжаемой во сходимостях заполнений каменеющего влажью осмертных седений счиняющихся кроплениями управляющегося доработанностями прежних светами сил сверяний интереса смертей времени беспомощности, причинам, объясняемым не простотою уважения или верностью ко сменённым несколько месяцев назад условным, чаще оставляющимся уродственным окраяниями спяляющихся серостиями начтеваний чернот хозяевам, хотя ое и есть крайняя во неприветливостях самих существ человеческих пошлость, которой, впрочем, отягощают свою жизнь всё те же клошары, принося с каждым своим появлением всё более неудобство, непременно, значительными стараниями и проявлениями трудолюбия, однако создавалось впечатление их естественной зависимости от этого, лежащей на наши плечи, что звучит не только притворно, но и сродни наихудшей речи восставшего светской философией или одно отупевшим увлечением политикой самолюбца, однако ничего от того не меняется: ещё с момента, когда помощь окружающих самостоятельно претекла во изворотливую услужливость, при виде подобных клошаров непосильно гадливую несдержанностью хотелось одно с могучей, пробивающей, каже, калечность души моей жестокостью избавиться от их улыбающихся лиц и белоснежных, идеально ровных звёздами сточающихся костями вверяющихся излишностями свершающихся тяжестями облёскивающихся лучами стваряющих долженности стревениящихся ородами самооспомянувших недочтениями оплывающегося действительного властей непрекращаний солнц металлов достоинств сил белений зубов, со тяжёлыми, нарождающимися овнови во темноте теней вочащегося накренениями учитанных злобениями продирающихся ветошьями часто ихся нитями полотен сосудов краснот прав лица моего всхлипами ото хрустящей реальностью сверкающих дьяволом глаз тоих немощности и свистом от трения пальцев о побагровевшую синевой яда кожу задушить: тупыми, скалывающими оврения вооружающихся надосторонностями слонових костей уколов предметами сломать еле трясущиеся, окровавленные плёнками стёкшей худыми влагами непощений крови ноги, медленную споллагаемостью белёсостий

разрезать плохо заточенным, ржавым, оттого привиняющим гораздо более коченениями бултыханий олёгшегося нетвёрдостью конечностей тела страданий ножом, не могущим отне недостаточной длины своей одним движением свершить и, отчего происходит то только со большим, самоопресшимся неласковостию накренившихся несвободностями уперевшихся тесьмою надвигающихся вочастностями нецелений ужасов новин очуждений зверством при виде кричащего вотвёрдостями супротивлённых душе плотей клошара, готового до сих пор преклонить перед тобой ободранное мясистыми клочьями спадающих надупрёчностями оставаний холодеющей несвободностию властей боли сал колено, дрожащее ото новых, приходящихся ко телу тупой тяжеловесной спутанностию плюхающихся невоозбеданными решениями стана луж ударов небольшим ножиком во попытках наконец попасть, и сильные тугие сухожилия и во удавленных собственным желанием попытках убежать от них и утопнуть самому, с воспалившимся стекляностию сполагающихся во сставаниях щёлкающихся зеленениями внепорождающихся ощеплениями наставающихся парализующимися необновлённостью желтеющего крупинами выросших наследностями реальности бубнов действия песками колдунств взлётов кварцов искр интересом вдыхая грязную, смывающуюся самостиями стающихся трупичными сдарениями неогласовых белений классической формы водорослей воду сероватого цвета и оплёвывая большие, стягивающиеся грязью пепла шары со испорченным мною же воздухом.

Я честный человек: я человек трудолюбивый, даже готовый на подвиг, однако здесь: однако здесь мы все погибнем во нерадениях, сточенных ужасом и болезнью: мы все здесь умрём, и это все знают. Мы выстраиваем сооружение: сооружение, слишком большое, чтобы я хоть за продолжительность всей своей жизни мог дойти до одной из сходящихся стен его и слишком невеликое, чтобы труд подобных мне не употреблялся: мы знаем: общем, все знают, что все боятся: все боятся, что сооружение получится недостаточно громоздким, недостаточно великим: как раз не имеющая совмещения со жизнью абстрактная величина его есть причина того, как и где мы существуем, и все мы: каждый из нас чувствует, что боязнь заставляющих нас продолжать постройку есть боязнь не тела, но души, и даже самый слабый умом из нас понимает, что душа их страшится более всего презрения собственной гордыни. Я просыпаюсь: мне давно не снятся сны: когда я ещё мечтал о свободе, еде и воде, мне снились сны: теперь же мне сны не снятся. Сваливаясь, я ещё чуть треплюсь во судорогах голода, после чего наступает темнота: темнота, от которой я пробуждаюсь во острой, тянущей сворачиванием высасывающего мою душу желудка боли, и боль эта есть только частичка: только та мелочь, от которой я пробуждаюсь: всё остальное время я мучаюсь гораздо... гораздо более. Каждый из нас сохранил лицо: каждый из нас, мучимых во ужасах, ставшихся волею строителей, понимает, как мало осталось жить другому, и потому все мы соблюдаем порядок,

позволяющий нам умереть как можно позже: в отличие от строителей, жадных, голодных до убийства чернот оставшегося хоть немymi простерениями воли добра во себе, мы любим друг друга, и строители, люди, что начали всё это: люди, что сбрасывают к нам младенцев, которым уходит большая часть еды, всё же вызывающей в них воодевающие скулы трупных плёнок натягивающихся действительными, настоящими, единственно возможными здесь ото даже и несчастных, но живых, совершенно живых, в отличие от нас, криков детей улыбаниями кож болезни, стыдятся этого: они стыдятся своей гадости, ибо мы, голодающие, умирающие от обезвоживания, когда животы строителей пухнут после сжигаемым во пламенах своих отвержений вином, любим друг друга и ценим: мы бы никогда: бедные никогда бы не начали войну, ибо во бедных есть душа. Я открываю ссохшие иглами тупой, скалывающей ежами язв сухости глаза, и... и нога болит: она снова болит: гниющая культя ноги моей, срезанной чуть выше голени, пробивается: она отравляет моё тело страданием снов, и я не могу не стискивать звонко хрустящие ещё своими оветшалыми невеликими остаточностями зубы: чуть телесный, стекающий с белеющих розовин мяса моего гной падает о грязную землю, и я бы заплакал: имей я влагу во теле, я бы заплакал ото такого расточительства и даже соблазнения: я молюсь, и я знаю: я знаю, что: пусть я возымел бы способность: пусть я возымел бы славу не делать это, я бы не допускал упущаний стольких влаг: я бы одарил ещё лишённые отравления гноя жидкости свои ближним, и; части своих тел мы добровольно отдаём в качестве еды, когда начинают значительным числом умирать дети или тенденция смертности повышается выше обыкновенного предела. Грязь: везде грязь, и везде смердит человеческим умиранием: хлюпающая наготовую своею во чёрных, оскальзывающих лишённые кожи ноги, булькающих полнотами влагающихся там кусочков жижих, я понимаю, что земля наша есть кал, трупы и мусор, сбрасываемый сюда строителями. До нас не доходит свет: во мгле своих язв мы стенаем, и лобызанием ран сточаются рассудки наши, что остаются почти всегда во довольном уме: по крайней мере, в уме более значительном, чем у строителей; в мелких случайных плевах солнца мы видим друг друга, и тогда нам горестно: нам плохо, когда мы на живой плоти видим то, чем полагаемся сами. Во хрящах продолжающихся всхлипываниями краснеющих ран нетрений я иду, и я не уверен, что шагом своим не убиваю лежащего со болию во животе, справедливому случайному наступанию прокажённой болью стопы моей единственной, на земле, если земля есть не слишком возвышенное подобие грязи гибели, срождающейся здесь чернотой солнц. Нам платят за тысячу переставленных валунов, и валун один способен поднять пятеро взрослых здоровых мужчин: среди нас же мужчин меньше трети, и здоровых из нас нет. Уже более месяца мы не можем переставить валун: за семнадцать лет здесь мы переставили чуть более семи сотен камней, и мужчин к нам не добавляют: изредка к нам ещё скидывают младенцев, но они все умирают: они не могут есть человеческую плоть. Нам не

заплатят, пока мы не переставим на края другой, отставленной от нас на двенадцать километров трупной грязи границы одной из шестнадцати тысяч главных вооружённых стен ещё три сотни валунов, на что потребовались бы пять лет работы сотни мужчин: у нас же только пятнадцать мужчин и семьдесят женщин и молодых девушек, что чаще всего теперь жертвуют собою на проживание мужчин, должных переставлять стёртые непористою плоскостью валуны, и только мужчины понимают, что всё потеряно: что все мы умрём. Я иду по черноте гниющих рвотою даже отсутствующих здесь червей тел, и иду я, чтобы умереть: за тридцать два года работы во двух вратах я сильно состарился, и теперь я уже не могу поднять камень, и... Обожжённый кирпич и смола гордыни человека стянулась гневом Господа Бога, и люди, прежде бывшие во черноте трупных язв, превратились в чудовищ: не могли они более увидеть или услышать друг друга, ибо ставшиеся гигантскими кистами рыла одних стачивались бесформенностью иных, и более не могли люди видеть небеса, которые хотели покорить.

Отец куда-то довольною бестактностью удалился, не дождавшись и выбегающих каждый раз матери и сестёр, с высоко стянутыми к нему, пышно блестящими белениями впалившимися в недовольностями сошевеливающимися всё далее о коричневениях костящейся холодами прочневооздавшимися рожденьями чуждого отне каменений сереющих остроений смещающейся тяжестью хриплых, еле слышных во умираниях плюхающихся болотными трупами язв стонов дали шпор боли правд честностей глазами расспрашивающих каждый во явлениях наших о новых успехах, и твердели тогда во рамках позора пожелтевшая чернотой рожа, и глаза рожи этой были чёрными, и гниения тела его раздавались ссорою смрада, и рожа упиралась в нас: издалека наблюдая за подражаниями работ наших, рожа всё видела, и её трупный, иногда случайно роняющий кусочки отмирающей белой кожи вид всё язвительнее упирался, и во вопрошании: во вопрошании том он видел, как я всё более озлоблялся, как превращался я душою в то, что являет внешне тело моё, и это создание: это создание, легко вдаряющее шоркающиеся нарывами бурдовых, чернеющих безобразной, всхлипывающей снятиями жира с груди, после обливающейся постукивающими, стягивающимися ото рябоватых колючих кусочков оставшейся, показывающей окрасневшие остояния сокрытого мхами слепившихся пёстрыми непадениями оправленных белиною сопровождающейся криками плюющих смехом своим кусочки вонючей, свистнувшей сквозь щели гнилых коричневатых, сточившихся во употреблении зубов еды убийцев смерти весов мышц скелета плоти воплями, гибелью пуз тела свои, упирается в нас глазами беспамятства, и оставшийся только отбитою, сплюсненною морщинами блестящих воспалений небольшой дырочкой рот существа сперва едва надувается, после сблёвывая целые одувания воздушных, смешивающих во себе истошный неразборчивою шумностью хохот: младшая сестра, перед этим остоявши

некоторое время в стороне и подойдя во уже натуральном честностью своей признательности румянце, впервые меня поцеловала в губы: довольно странный во существе своём ритуал этот был случайно признан нами ещё в детстве, когда все представляли меня сильным, когда все представляли, какое же у меня, сына своего отца, будет могущественное отстранение: сегодня и эта закономерность прервалась: я понял окончательность их осознания проходящего ритуала и, почувствовав оперво только гордость за выросших из детской забавы девушек, после огрубев вонючею напряжённостью представления вида своего, калеки, куда более тонко чувствующего во началах своих жирные, справившиеся надломами пробивших хрупкие полотна так прочно прилипшего к коже жира костей, орозовевшие рубцы и неподвижные стопы, свёрнутые в отвратительно стянутые дырочками швов жмыхи, поцеловал уже в лоб, после чего они обе начали обнимать меня, ощупывая уродливые места неправильного срастания продолжающих зудеть, путающих сон и ум мои ран, находясь всё это время в давно привычном обращении к человеку наклоне: во время этого присоединилась мама, повторившая все их движения почти в точности и при моём молчании до тех пор, пока младшая сестра не окликнула остальных, увидев озадаченного отца, стоявшего в растерянном смятении, хотя и: промолчавшего. До самого вечера я не вспомнил об этом, посчитав то одно жестом особой дружелюбности.

Существо, которое явилось Францу перед обращением в гиганта, было младенцем, сросшимся с крысой: гиганты получились из неба, гордыни и людей, когда чудовища ести из животных и находящего близ них: они могли смешиваться с предметами, и Материк Север есть после взбухший кровью Коринфян комар, смешавшийся с островом. Росон Одохуван начал войну, и мы, обычные жители, ничего не знали не просто о деталях этой войны, но и о её настоящих причинах, что, вероятно, никак и не были с нами связаны: мы соглашались, когда нас ссылали на убой, и соглашению этому выдумывали согласующееся с исторической справедливостью во времена справедливости метаисторического нечуда оправдания, и оправдание это выступало тем, что атеисты понимают под верой, говоря о её пользе: мы знали о Росоне, однако видели тогда людей: таких же, как и мы, однако оместо мучения смерти тех настроили на мучение убийства. Был холодный, очень холодный день: все мёрзли, и в тяжёлых, смешивающихся со чернотой часто пробивающихся осквозь белые беззвучные хохоты небес образов коричневатостях зданий: волдырь, ставший человеком, надрывался во мне, однако я мог только поглаживать себя, надумывая во Татарской пустыне значение крепости: все знали, что мы умрём, однако в тот день никто не знал, что на нас нападут оттуда: оттуда, куда мы в детстве ходили собирать дрова: там, где рядом полагалось озеро, в котором мы такую беззаботною тупостью счастья умывались во совершенно противоположные настоящим и погодностью дни. Обычные люди не знают стратегию, и тем она не нужна:

задача война довольно проста: если ты в авангарде, тебе нужно умереть как можно позже; если нет, всё зависит от стратегии: тем не менее, единственная твоя задача есть убивать сколько и как можешь, и от значительных лиц уже зависит причина твоей смерти: номинирующаяся героизмом случайность или гадливые дурноты глупостей стоящих выше. Грохот: рокотливые, сражающие бывшие тишиною пустоты мира раскаты будто сваливающихся теперь знанием надвигающегося войска небес пробивались за горизонтом, и во закатах морозных отпадений наших от мира я понял, что к нам движутся враги. Я бы не смог защитить мать, жену и сына, и потому убил их объедливо блестящим матовостью моих трупов мечом: это была самая лёгкая их из возможных частей: я знал, что в лучшем случае их скоро убьют, если не запытают или не снасилуют: я и сам был готов убить себя, но мой ресурс ещё мог пригодиться, хотя вероятность того и была чрезвычайно мала: из домов мелко сдвигающимися ещё ко мнимому спасению копытцами побежали некогда бывшие моими друзьями, однако после их убили первыми: я первый и единственный побежал в сторону войска, и там мне отдавили голову бесконечным, проходящимся громами восстаний прав лошадиным зычным топотом. Наши люди не смогли спастись: целью врага являлось наше истребление или подчинение, однако мы слишком боялись их, и потому не могли заговорить во дубеющей немоте сходящегося зудами темноты ужаса. Скоро я умер. Тряпка: прохудившаяся оранжеватостию неряшливых, сменяющихся иглами торчащих небрежными комами нитей дыр тряпка, развевающаяся с пробитого распластавшимися сальными дырами чрев мира кишками матери окна, билась жирами осто стучающей во несильных, но таких навязчивых, так сильно путающих всё ветрах крови о дерево дома, и люди умирали, и убивали их те, кто остекленевшими чернотой страдания шарами упирались во творимое собой, и боролись они за государства, прежде убившие надзирателей, убивших царя, погубившего короля, передающего некогда глас Божий.

Вечером я, соответствуя своему привычному распорядку дел на суше, направился в окасти, установленный здесь специально для нас, и даже спустя достаточное количество проведённого в нём времени для меня нисколько не приоткрылась завеса тайны их появления: ни при каком рассматривании любой издне самых вариативных осложнений допущаний тех внимательности или продолжительном нахождении внутри него природа окасти и водомётов не становится понятнее; однако кое-что я всё-таки смог выделить и из той пустоты неведения: есть два основных взгляда на это явление, один из которых довольно прозрачен и очевиден, утверждая чудовищно мощное отстранение исцеления или простого насыщения, хотя и функцию заживления мелкий ран и, как мне кажется, замену сна и улучшения состояния в целом окасти способны выполнять с превосходным успехом; второе же мнение также не плещет выдающейся во научном осредении всех прочих правд оригинальностью и

сложностью, устанавливая жертвенность наявших некогда у сраженных кинжалами сходящихся желтениями молчаний стрел окончаний появления этих мест со помощью запретной техники отстранения, мне же видится самым последовательным компиляция таких представлений: в запретные и тайные техники верится неохотно, потому следует представить третье лицо, как раз и существующее в первом варианте: наполнение помещений до самых верхов пунктира содержащимся в окастях могло бы решить множество вопросов насчёт собственности синтаксиса Ожения: важными проблемами в том мною считается вероятная невозможность при наполненности жидкостью помещения приведения тела в полное спокойствие или состояние, подобною нещадностию эксплуатирующее особенность работы ставней и пунктиров и ограниченность ресурсов: в своём большинстве клошары обладают отстранением, то есть обладают некой силой, почти безгранично во подобных вводных данных, крайнею строгостию всё же ограничивающей должно быть нулём, употребляющей вполне физическую силу без отрачивания энергии согласно физическим законам, и... вероятно, будет последовательнее... рациональнее, то есть... то есть можно представить: конечно, нехотя и с ужасом, но... но можно вообразить существование отстранения, превращающего клошаров добровольно или нет во источники питания и восстановления других клошаров денисовский человек моей есть человек Победоносный и прещение монастырской епитимией ести Гробокопатель человек умирает от болезни и смерть его долга смерть его черна и густа и боль и именно болью проявляются уставшие гниениями жизни глаза его я с покорностью неуклюжего калеки снимаю платье ализаринового цвета и хотне позволяемою натвёрдностью оголений тупеющих частностями оседений сердец полностью плюхаю скользнувшее дрожью свернувшегося плетями уродств корпуса тело своё в вулкан: главной отличительной чертой окасти является большие редкость и объёмы: в водомёты же часто приходится высовывать какую-то часть тела одно во неизбранности прочних дел, что многим, тем не менее, и нравится; в последнее же время для меня важна тишина, позолоченною уродливостию позволяющая нам употреблять ко себе единственное из спомогающегося тому: за любовь к продолжительному нахождению здесь меня аппроксимировали вечно уставшим, разочарованным утраченной, потенциально умноженной вдвое пользой Ожению с прошлого плаванья святому: у меня нет и прямого желания здесь находиться: я... я просто не вижу другого выбора: я использую вечное бодрствование способом побыть вне обязательных условностей подольше хвалите Господа вы сущие на земле драконы сегодня меня побеспокоили здесь был народ с плетёными кругами омesto лиц сперва в Окасти залезла младшая сестра и мама, позже же и старшие мамврийские дубы более не сеят и чудо более невозможно во уродствах правителей загнавших служителей Господа во ямы я никуда не смотрел и ничего не слушал, однако... я впервые начал проклинять: начал желать

заклятия земли величине окасти, который, даже не пытаясь выродить себя исключительностью шипящей петляниями узоров сместнувшейся линиями волн ткани нескромности, с уверенностью можно означить одним из самых объёмных в Ожениии о Граде Божьем они только коснулись меня: даже это взяло во мне злобу, не желающую слушать или быть выслушанным: я... я урод: я уродец, я безобразный: я совершенно безобразен: я телесно слишком слаб проявления хотя бы сотой потенциала пожравшегося болью и ненавистью ко насильникам и убийцам моим милосердия, хотя бы крупницы прежнего неведением мучений, которыми мрази: мрази, совершенные мразы: отвратительные, гадкие: гадкие животные: мрази: мрази, которым не ести оправдания: которым суждено: которым суждено жрать свой кал: которым суждено быть мучимыми всеми теми изуверствами: теми мыслями, уродливыми даже во своём зачатке, за которые их можно было бы порезать: за которые им нужно выпустить кишку: за что их нужно: необходимо: обязательно: за что их обязательно нужно заставить подыхать: лежать во песках огня, и пусть они видят: пусть они видят, как синеватые сосудики вывернутых биением чуть подбрасывающего их сердца кишок их пухнут: как умирают они: и пусть: пусть эти голоса, хрипящие уродством мрази своей во прежних весёлостях питаний тех, захлебнутся в изнасиловании их жён: пусть они будут обезображены: пусть отрежут им руки и ноги, бросив во камнях подле отравленных вод патрилуремого оазиса: пусть им вспорят лбы: пусть видят: пусть мрази эти видят, как белеет тело, пусть они видят, как давятся камнями их дочери: пусть их разорвёт раздробленными раскалёнными цепями кактусами: пусть с них снимут животы: пусть они будут хрипеть во сдирании сухожилий своих, и пусть зашьют: пусть пришьют им языки их к горлам: пусть они захлебнутся: пусть они захлебнутся сливающимися с трупов родителей своих гноями: пусть их животы раздробят выстрелами пороха: пусть небеса: пусть небеса над ними, и я заклинаю это: я проклиная восстающие над ними землями небеса, и пусть всегда мучители слышат грохот взрывов над собою, и пусть видят мучители, как хрипят пожжённые сломками крыш во чёрных, соединяющих белёсые, пока только готовящиеся к отмиранию жиры некрозах ожогах дети их: я заклинаю, чтобы умирающие тела мучителей: чтобы ослабленные приближающейся смертью тела ставших причинами смертей добрых людей бросались гигантскими рогами в бетонные стены до тех пор, пока тухло скрипнувший перевёрнутыми кашей органами кашель их не сорвёт жизни их: издеваются над слабыми, сострадания, и последовало от меня лишь кривое подбирание своей разжиревшей, съединившей слабостные некропления гнева туши к краю на гневах моих позеленела медь тогда они не применяли силу или хитрость и на молитве на паперти меня искушал бес и праведников искушал он и смотрел бес своими чёрными глазами и смотрел бес и смотрел бес и смотрел бес только кричали что-то вслед, когда я не слушал, словно не найдя в этом ничего странного: вся ненависть: ненависть моя сталась

именно нарушением бывшего тем удобством: я... отупевшие отсутствием человека дети стали жестокими и люди эти насиловали честных и добрых в сельской местности не работают даже законы без того огнивающего чернотой человеческого уродства города обычный сон после моих длительных сеансов невозможен, и о том хотя бы подозревает лишь мой отец, прекрасно знающий неспособность моего тела ко сну и через отстранения специализирующихся на усыплении клошаров, множественно натыкающихся на нас во время всех путешествий, ибо каждый раз приходится перебираться ровно через половину Ожения, почему и расположен наш дом сейчас ровно посередине него, и в чём-то... в чём-то то даже помогает: я никогда не даю отстраниться от курса остаткам и постоянно совершенствую свои способности, по крайней мере, так я говорю отцу: я давно достиг верхней границы своих сил, которую не перепрыгнешь никакими отстранениями и усердиями это место страшное отсюда хочется сбежать хотя и отстоящие рядом леса есть приятнейшее из одно возможного выйдя из церкви десятого июля я увидел ветеранов нынешней войны и один из них одетый напудренным медным сияющим сатанинскими опухольями глаз ударяющимся звонами своих преступлений мусором камуфляжем и передвигающийся подобно безобразнейшей из больных обезьяне бил девушку упавшую оземь отсутствие сна действительно когда-то помогало обособиться от клошаров, но столь я много провёл времени в окасти и водомётах, что и не помню уже последнего истощения своего запаса сна даже другими отстранениями: он для меня невозможен ветераны неприкасаемы и в особенности неприкасаемы из них вышедшие из тюрем трусы загнанные своей безобразностью в дыры в которых их не смог найти враг остреливающий наших отцов и сыновей я стою посреди комнаты там умирали самые честные лишались ног самые подготовленные и оставались в живых бывшие и будущие убийцы и насильники заходит младшая сестра.

Ты в последнее время обезьяны обезьяны трупы что-то случилось тихо очень тихо в окрасневших лугами полях брениев ты и краснеются надвоосновности тои и чернеют улыбания смертей их не понимаешь, чего мы хотим я могу заблуждаться и и что будет если всё это время если я всё время заблуждался её лицо выражало уже не прежнее нежное смятение, а чуть не прокажённую сморщенным изюмистыми нерадениями лицом злость, уже более свойственную себе, какой я помню её до наших слав горы взращиваются пустынями ониксов нет жестевеются предения умираний тех отчего-то это меня и не удивило я безобразен не просто так я безобразен а зачем я знаю нам нужна сила... и... мы её получим, если сделаем это осмелевают пары содящих воуродственностями накренившихся коснениями свечей отвлечений гибелей ты ведь хороший, хотя часто притворяешься злым ссушиваются умирания те ему вы... вы слишком слабые серениями шафрановых пузырей стачивающихся грядениями новин сал он сильный лужи я тебя не понимаю режутся места и подаются света

во гигантах-де да и зачем вам эта сила чернеют стали смерти вам мало нашей опеки пожирает пожраёт тои кропления скор едва в Ожении найдётся десяток более влиятельных внутренностями прежних вопоставленностями сочащихся употреблённостями радуг света нарывов структур людей ести мы не хотим быть в тени... мы... мы своё хотим бумаги тлеют копотями смешений про то, почему именно это опаляются воды настананиями врастающихся продолжанностями узревшихся отдалённостями плотей телесий слабостей же не знаем раскрошившиеся черепа топающих облиз ног он говорил правду времяпрядения вести отех спинами лиц мы верим краснения узоров убирайся отсюда краснения цветов мы никогда не были в по-настоящему тёплых отношениях, а подобные вненаставленностью нонешних чураний сухие разговоры, обыкновенно оправленные прокалывающей лбы наши недлинными острыми шпажками злобой и сохрустывающейся неначатностью проявляющей кости тел моих боли недосказанностью, всегда завершаются обоюдным несогласием прохода же тои разговор не упёр меня во обыкновенностии уродств оказанного свербящие звёзды смертей точнее... если не учитывать реакции сестёр и матери чернеющие бреда сожжённых заговорщики были и будут, но тяжело и представить, что они овеливающиеся золотины ставени по всей видимости, в наше отсутствие им вовсе нечем заняться, и следствием того только уродство моё и ести безобразие во просто забуду про это во желтеющих мордах направленного своими жирными слезливыми глазами ужаса так я тогда подумал.

Когда Дьявол пожрал произошедшего из колена Дана, тот стал дьяволом, и выглядел он так: размеры имел во пять локтей, и был на нём плащ, скрывающий чуть скрасневшееся бликами света младенческое лицо, что непрерывно крутилось и вопила криками призывающей силы Дьявола ко желтизна гнианий сдающихся тяжёлыми, возбужающимися бестелесностями свершающихся коченениями упираний скатившихся округ него воздухами страданий небес наростов миазмами округ него язв боли, и каждая из шести конечностей его имела совершенно разный яркий, пребывающийся буграми будто сводящих с него опалениями тканей нарывов цвет, и во чёрной стали ног своих он парил, и имелся округ него довольно отставленные точениями скатившихся человеческою болию слёз шар из человекоподобных шестипалых кистей со двумя пястными костями, полагающимися далее двумя фалангами, и каждая из кистей этой сверкала зобами звёздных, поражающихся оближними же туманами могуществ своих блёсток, и цвета кистей были столь же красочны и разнообразны даже текстурами собственными, как и конечности дьявола, и имел дьявол голову: голова его представляла цилиндр, облитый составой двух челюстей со белоснежными ровными, свёрнутыми в круг зубами, и иногда срядались верхние зубы чуть выше, и тогда внутри него сворачивались тела его, и тогда время менялось, и тогда чёрные кольца его властей проходились вратами материи, и тогда срастались почвы метнувшихся светами черноты вод,

и тогда руки его смывались звёздами сил, и радуги же прав его смывались лицом обожжённого, ещё остукивающегося белёсостию стянувшихся желтениями ставляющегося узорами восстающегося всеоцветными всеплотными доспехами плаща его света мышц человека. Дьявол стоял во провооставляющихся оветрениях одвигающихся ко небесам столпами вихрей морей зеленениях синих, содержащих онутри себя блестящими гигантами органы мира земель, и равным отставлением друг от друга полагались также Человек и ангел, и тогда ангел спепелился ядами становлений во землях этих, и Господь позволил это: Человек был рождением человека, и внешность его была такова: Человек был наг и имел рост человека, и тело его имело человеческий, нелепо падающий о прыжках его частыми, сдевающими высоту свершания шлепками орган, и цвет он имел воды, и ногти со роговениями всеми были черны, хотя и имел Человек блёски бурдеющих, свивающихся глянцевитостию причиняющихся пузами наросших во нём паутинами стягивающихся белёсостию бездвижно сходящихся с тел его туманов слоёв мышц его ран бликов, и не имел человек рта, да имел за тем длинные, стягающие всю длину лица глаза, что заканчивались розоватостью воспалённых векоотсутствий, и имел во спине своей он гигантские клещи красного, будто прибитого к нему посмертно бездвижного комара, и тогда Человек двинулся, и тогда началась битва Человека со дьяволом. Тогда сошлись радуги рук дьявола, и врастающими во небеса пылью времени кинжалами те устремились к Человеку, и во прикасаниях тоих стался Человек облёскивать золотистыми язвами теперь сочащихся силами его шипов, и тогда воокрыл дьявол рты свои, и тогда переместил он дьявола ко Человеку и Человека ко дьяволу, и тогда пременились основания их, должные окрушить любого: любого, окромя Человека, и Человек обрёлся чёрными скелетами своими, и во мгновение на скелете этом, во восстановлении том бегущем ко дьяволу, обрелась плоть, и будто со земли ударили комариные красные спины его, и тогда возмыл человек, и телами своими он ударил ко дьяволу, ставшему теперь одно четырьмя концами своими, и остановились тогда пузы его, и окрутилась голова во обратную сторону, и тогда открыл снова дьявол главу свою, и кольца златых чернений его сожгли земли эти до оснований, и тогда проказились полноты стен их, и обрелась земля альмандиновыми, проожающимися искрами синих, остающихся оздесь ссилениями уперённых полотнами времён властей звёзд огнями, и олетели Человек и дьявол, и наслал ко Человеку дьявол чудовище Згриина, что был жирным, доходящим порами своими размера крупного слона бескрылым драконом, и окричаниями гнева дьявола тот пожирал всё, и пожрал он чревом своим Человека, и продолжались огни дьявола на лицах Згриина, и тогда стал он Игреном, и тогда же Человек отравил собою его, и тогда взмыли разможжённые онови ко скелетам плоти его, и тут же наросли плоти его, и спицы комариных лап озади него вросли толщиной тысячи локтей, и тогда свистнули уколы тупых ударений этих по дьяволу, и настались же

вырываниями плотей озолотившиеся крышами града во чашах накренившихся хрустами белых, кричащихся светами проходящихся высотами белеющих частями сметеневшихся белёсостями начал колесниц миров влас сломов своих куполов, и сверкнули Дьяволы во сточающих сливающихся копотью крови мяса органах человеческих, и вокричались поможенности те, и укреплялись ставни желез и меди ко небесам, и спускались со лестниц тоих превращённые побегами растений люди, и глаза их вопили болью, и ото ставней тех бил голодный, ввевающих породностями сметнувшихся шипами развращённых морями язвившихся дебелистями скращающихся проволоками костей обретшейся негреездо падающими во новинах сменившихся мордами обезображенных огнями дьявола уродцев очтений хрящами чудовища Земли новин лесов земель кож холод, и пузыри смертей вкрывались стеклом, и лопались те тут же, и дьявол тогда сделал лицо своё приходящимся ко Человеку конусом, и Человек стал Шонекием, и дьявол сменился блестнувшим окриками грязи болей тоих Рокотом, и солнца разделились натрое, и спускался человек травами спадающих поверхностей, и укалывались света осложнениями чернот тоих срядей, и восставали со земель ноги человеческие, и рождались там блеммии, и взрывались те уколами Человеку во наставленных овнови старений счтевшихся преждноназначенностью сущностей существ, и тогда сменилась земля дьяволом, и сменились небеса Человеком, и сменились земли небесами, и тогда мир был во розовеющих кожах язв, и ощёлкивали тогда небеса непрочностями зеленений теперь спадающихся свисаниями изрыгивающих ко столпам озданий плотий червей, и был во мире тогда Кулон, и тогда сменилось всё, и бил дьявол Человека, и от существа земель отпадали пески звёзд, и во звёздах этих становились краснения прикованных половиною тела освоего зверей, и сокрушались столпы ударами звона, и глухие причтания кропений наявлений стравливающихся раскатами уставленных линдвормами срождающихся блесками чернеющих округами повелеющихся камнями падающих ударяниями дьявола ко Человеку стен строяний тел шевелений случаний истин, и во перламутрах мира простался Человек ко битве со дьяволом, и холмы кубов вставляли же ко пребитиям уставленных розгами бахающих трупами появляющихся овнови и овнови скелетами нарождающихся камней преставленных вовершающимся ко всеполостию окоченевшегося свистами овсё продолжающихся во белёсости преминающих смерти напаяющихся гладкостей окрывающих миры шерстей остукиваний глаз язв ужасов сдарений древа чудом оскалений чудовищ молний тяжестей, и всё распадалось на пластины, и пенами умираний всё опадало настигавшимися невлевений взбуханий укрепляющихся старениями всеврывающихся, почтившимися слояний наколеющихся наростами скатывающихся свинцом слёз жиров кож тел листками радиаций, и околения обретших младенцев насредств овсех становились пузами сдарящихся плесканиями синеющих пластиками зеленеющих подушками

пестреющих ополненностями справляющихся начастностями условшихся грозениями трупных ядов непрекращающихся зрений оступившихся спелениями своих роговин, нагrevшихся честностями довольствеющихся неседениями сообретающихся крылами влетающихся адаптацией бессмертия рыб властей прав гигантов приращений прежностей ворений облаков пощёчин остремляний, и Рыба оторвала руку Человеку, и Человек взметнул органы Рыбы овне, и приросли со мест каж молнии оплетённых узорами плюща цветов, и свергся со руки Человека золотистый кит, и осветил он овсё салатowymi кольчугами швей, и срослись ко мирам кости Человека, и собрал он после нажившую сердцами руку, и человек во обличиях Рыбы задохнулся, и светало темноты очеваний смертей там, и были пеплы перламутровы, и обратился дьявол, и был он ести со сдящимся нескончаемостями плавений сточившихся обрамлённым шестью сходящимися во росте ко троести ему красным, производящим двойственности своих кропений во наконечниках плавающих чёрных, еле сбавленных узорами зеленоватых искр сфер, оплёвывающих шесты опияния тех ударов непрекратимых, шипами золотом тканей плащом, и скреплялся плащ шестью цепями, и три из них крепились на себе, и были на плаще его четыре пребываемых расколами сереющих крошениями своих уколов пространств лица, и одно лицо было спяще, другое лицо было во окрике, другое лицо не имело положения, и последнее из них наставалось звериной нечеловечностью льва, и статуи совершенных лиц этих белых преливались, подобно сферам, и во упирании взгляда твердели они лишаями керамических фронтов, и лицо младенца было изрезано острой, блещущей желтоватыми осколками пристающихся ко крапинам накренившегося властью гордыни мира соядений проволокой, и имело лицо младенца посиневшие отметины языческой краски, и крик его надрывал мышцы его, и было лицо его во яркой бурдовой смоле стекающей неояснимо медленнее привычного слизнями сторможений самоих времён во бесконечных оворотах его крови, и глаза его были выколоты, и опухали язвами гноя раны его, ноги же дьявола раскололись шестнадцатипальными лапами, и когти со пальцами его принадлежали разным существам, и на мощных, трясущихся мышцами бёдрах выделялись лица, и лица те были одинаковы о своих шевелящихся трупных взглядах страдания, ибо круги округ видящих глаз те пожирались ногами дьявола, и лица эти страдали во выдыханиях огней разных сил, ибо глава левого выдыхала чёрный огонь, а глава правого выдыхала телесный огонь, и со плащей поднимали на высоты семи локтей его вставшие ударом ознавшей окончательно коченения мгновения, золотистые оковами медных земель пыли во том руки, и рук этих было одиннадцать, и три из них имели длины во двадцать локтей, будучи чрезвычайно худы и жилисты, да за тем эти семипалые руки были черны прочностью своей, и били они тут же сковывающими овраги смертей во небесах пулями гибких тяжёлых игл, и имел дьявол также четыре толстых плотностью мощи своей зелёных рук, и имел он

четыре руки средних сил и тех же ростов, и сточались с них длинные, свивающиеся сходящимися ужасами желтеющих краснений случающихся подле ранами пространств миазмов ветрами власа, и руки его били материю, и руки его были сильнее материи; на вершине главы своей открылось во дьяволе окружая тремя преливающимися белыми, стекленеющимися листьями бурдовых наказаний делящихся линиями проставляющихся полосами преснеющихся пустотой коричневеющих поставлениями чернеющих белёсостей прозрачневеющихся крестами пялов наковений серебристых судений светов своих древ глазами пасть, и округ пасти этой стачивались обручи гудящих смертью сонных рукавами опалений условленных правами власти назначаний ножей, и за главою дьявола были четыре кольца, были два кольца по бокам главы его и небольшим углом ко переду, и за ним свивались они во неравном кресте, и сходились во кольцам этих сошедшиеся со петли озади дьявола цепи, и цепи эти пестрели радугами, и со левой стороны опиралось светящееся своими вворачиваниями, совпадающее тождестиями нижнего уха, и со правой стороны полагалась морда обманутого, обвинённого несправедливым обязательством обвинить, и коричневеющие стоны его боли сточали дыммы офиолетовевших, скрепляющихся мелкими крестами опыляющихся пуантелевыми овторениями прегрешения комаров дымов смерти, и со противной стороны постилалась формы геометрической здание во руках его, и со здания сходились чёрные бетонные помещения, и округ дьявола снова были кисти, и кисти те были во тысячной величине своей, и неискусственной решимостию оскверняний дьявол сокрушил планеты ко Человеку, и после обратилось всё обратно, и снесло его во туманы огней своих, и тем половина земель раскололась, и плеснули из земли огни камней, и восставали в тот день ящеры ко дьяволу, и смешивал дьявол их со образами прежде бывших тем птиц и китов, и чудовища тысячезначными грядами могущества своего возлетели к Человеку, и тогда человек оздал света, и сфера света округ него воскорилаь ко незначности, и спицы сферы этой окрушались продолжениями плетей своих, и там овратились ко пустоте сал своих чудовища, и так спарились поверхности земель, отчего земли настали только посиневшими огнями камней: тогда окрыл дьявол глас свой, и покрушил он время во нешевелениях Человека, и тогда возрадовался он, ибо думал, что сокрушил он Человека: тогда он явился к нему, и тогда Человек осоединениями плескающихся радугами бледнеющих глухотою повторяний бредов органов своих восстал вне времени, и тогда ткани проходивших овсегда ко тем местам небес настали почвой, и тогда оплотился Человек блестящими перламутровыми сколами сердец скелетами своими, и тогда стал Человек поражённым серебристыми свечениями звёзд гигантом, и циклопы взглядов его обнажили дьявола, и темнота чёрных рож дьявола обнажилась, и был дьявол ужасен, и от вида его Человек сменил кожи и цвет, и тогда прошлись чешуями в нём спицы страха, и обновился Человек овывканием, и стал он тогда Грядой, и Гряда

разъединилась-де на сотни Человек, и сказались существа дьявола, и сжирал он их, хотя со каждым сжиранием Дух его ломился плотью, и проявился он наполовину златом гниения, и Ужас наполнил себя Человека Гряды, и остались Человек и дьявол, и дьявол более не мог повлиять на человека, и не мог он распахнуть время, ибо тем проявил бы он во нём способность творения, и стал дьявол ударять Человека, и Человек сперва поражался под ударами его, после оравнявшись и превзойдя дьявола, и Человек бил дьявола, и дьявол, имеющий только тысячные сотни тел своих, спахивал время тогда гордынею своей, и тогда обрёлся Человеком Дух, и был заточён дьявол печатями веков, и печать та была не тяжёлой, но сложной, и дьявол мог открывать слои тюрем своих бесконечно, да всё не коснётся он последнего слоя, ибо обновления злат тюрьмы тоей есть орывания её-де, и дьявол только укреплял её во невозможности одномоментно сломить её, и тогда ангел спепелил Человека светом Господа.

Время сна ести красная опухоль блеммиевых тяжб самая середина его наставения вчинающихся же ко ряданиям накренившихся толстыми, сжёвывающимися рябыми розовинами невысоких белёсых бугров шрамами велений сердец неизменною недвижностью стою посередине комнаты ести пунктир отворён лица ужасов темноты в комнату входят голые сёстры и мать продолжают язвы наставляющихся плёнками оживаний взбухших гноями смертей трупов тоих излишаний я слаб... я... я очень слаб: меня можно взять: меня можно употребить в свою пользу, я... я слабостью своей стал призывать иных слабых силой тоей чёрные куклы вскопанных детей они сделали это: они сделали это, перед тем связав и заставив проглотить ком: отвратительный толстый, стянувший рвоту мою трижды ко после чуть влажным, блестящим неумираниями света ногам ком гридеперливые обманы прочних властей и худшее же и худшим же есть что они поверили они сомневались я знаю я знаю что они не могли не сомневаться но они сделали это они продолжили это начинала мама хлюпающие вонь хлюпающие вонь окоряемой недолжностью сменяющихся ровдугами накренившихся прежностями тугих, пукающих слезами омокших произвольностию тел органов справлений кропений толщин страсти она сильно плакала мои выпученные мои выпученные тупой краснотой глаза же остальные не плакали они обмануты они были обмануты и делали это и ради себя ради себя же решились на всё это только младшая сестра иногда плевала мне на лицо, и чернели: чернели прежде цветные облака их молодых, просвечивающихся полосами ставней тел: они упёрлись в меня: мои мама и сёстры: они упёрлись в меня тою же рожей: тою же скорёженною безобразною рожею, что смотрела на меня: что паялилась во упоры мои с коробки, и оно... оно воспалялось, и я видел: видел, как язвы оголяли белёсости тел: видел, как пухнут пузы существа, и в какой-то момент: в какой-то момент всё окончательно сменилось: всё сменилось, и я стал этим существом: я оказался чуть оранжеватым отне ожогов

невысоким опухшим уродом, и тело моё сходне было скорее со озросшим ко трём числам своим младенческим, и глаза мои никуда не смотрели, ибо и не могли никуда посмотреть: лишаи лбов моих склеили глаза, и я мог смотреть только на трупы, что насиловали меня, и трупы эти отличались от меня: трупы эти были болотного цвета, и тела их падали, и лица их: лица их были страшнее моих, ибо были одним жирным, слившим желтизну прорванного червями носа со желтизною вытекшего толстым слизнем глаза воспалением ести так я тогда думал.

Мне казалось, что всё закончилось, но самая старшая сестра продолжала: она не останавливалась: она продолжала это, и только усилием я мог понимать, что бурдовое нарывами тело есть тело сестры моей: и в помещение зашёл отец стены пёрли свои бездвижные ужасные глаза в меня они пёрли свои глаза и во середине комнаты летал какой-то предмет меня не волновало был ли он во действительности но он крутился он крутился округ себя и меня это отвлекало именно тогда он отчего-то посчитал отличной идеей навестить лишённого сна сына, ибо знал он: ибо знал он, что сна я был давно лишён всё сверкало всё сверкало радужными ссоряющимися тканями паутин дубинами и он тоже не мог уснуть время пременилось время пременилось и я более не был уверен что происходило всё в прежних исчислениях ибо заковал я ибо заточил я во гробу Апроську.

Бездвижный, облитый немотою жеста своего во узорах всё наслаивающейся, всё утверждающейся смолистой, вдаряющейся оверх лоснящимися окружениями осребревшихся солнцами проявляющей бледности единственно ставшейся являющейся одно проклятиями жиров своих жизнью моею ненависти моей темноты гибелей гадостью мрази отец, из которого выпирает тонкая острая, сменяющаяся сияющими зеленоватыми сальфериновостями несменяющегося, спадающегося табачными, крутящимися во серых оболочках накренившихся сомами сменённых прочностями темнот лиц вихрей дымами тумана отостранённостями прочних игла безлиственной небольшой веточки молодого, врывающегося основаниями земель своих деревца ести никогда я не знал воплощения отстранения папы, однако знал, что его хотели запретить: оно было признано окружающими нас жителями берега крайне опасным, безобразным во сущности своей и просто вредным, когда сам я знал только о его способности заживлять свои раны тела зверей, чаще представленных сильно сменившимися во размерах и качествах своих людоедами и котами-плывунами: иногда он убивал их специально, однако многие из них уже по умиранию своему доставлялись отцу Ожением краснеющие бордовые бугры оперевшихся начинающимся палением морщин своих лиц после стал очевиден выбор именно имитаторов, а не Гранёных Стаканов, выполняющих почти те же функции ограничения отстранений с куда меньшими ресурсными отратами; отец полагал, что когда-нибудь пожертвует ими на своё благо или благо семьи: от матери я слышал о его способности исцелять, имеющей, несмотря на очевидную пользу, довольно значительные

риски ести теперь виды эти: теперь представшая предо мною обнажениями однотонных, нарождённых кошениями действительностей тоих невяляний картина для меня скинула отчего-то даже и унижающий солнцами впавших свечениями несменяющихся, позволяющих всё же сточать бумаги пробившихся нарождениями деяний стёкол рож лучей подол незнания: его способность сращивает плоть во душу или сущность сходного, открытого сейчас единственностью гляцевитых блесков прикрепляющихся чернотами богосменений отне того бетонов качества ести я озвукот вытекающей, хлюпающей наросшей чернениями нажиревшихся мутноватой кислотой спадающихся коченениями цвений наслоившихся чревами пролившейся утопаниями Васьки боли искр морд воспалений раной слизи непрестанною произвольностию валяюсь из одной стороны во другую во пульсирующей толстыми, чуть шумящими слоями грязей своих венами люльке, множественно украшенной во основном едва выступающими складками хрящеватых, болтающихся белениями своих бесцветий хвостиков ярко-зелёными жилами и потемневшими рябостью рудовых искр сосудами, из оходящейся пёстрыми красными пятнами осредь белёсой пустоты навляющей перламутровые струйки препадающихся книзу радужными, полагающимися синеватыми шипами кольцами органов прозрачности, обёрнутой толстыми зелёными цепями плоти во десять локтей: сам я наг и открыт еле сверкающей во ультрамариновых опухолях вздымающихся пузырями лиц глаз звёздами вязкой жидкостью, обращающей любую попытку пошевелиться в крайней непродуктивности мучение только усиливающего онемения слагающегося осреди барочных узоров проставляющихся золотистыми плёнками плотностей извилин ужаса, края люльки довольно грубоваты и похожи скорее на рваные раны, обрамлённые вырастающим мелкими, просачивающимися нитями ониксовых углов косточками, обрастающими новым, оперво чуть зеленоватым вычурной, дубеющей вонью сала яркостью мясом и огнивающим сребристостью нарождающихся уколами ставней миазмов обратно, и за теми: за ними почти идеально гладкая матовая кожа, прерывающаяся после своей метровой длины на крупные неравномерные, оплотившиеся твёрдостью сворачивающихся внутри металлическими озвонениями полагающейся свечениями устранияний овсех черноты камней бугры и нутряные разводы, на поверхности отражающиеся алыми, сивающимися волнистыми очитаниями ран пятнами: после того нажираются довольно разные, освистящиеся излишностями восстающихся безобразностями учетающихся грешниками своими во язвах оставшейся и прочностью выделения плотской воли душ полнот пообразности кусков человеческого тела, где-то поражённых мигрирующими, приставленными ко связаниям белёсых, торчащих бронзоватостями сражающихся восредностями дел уколов мешком опухолями, надрывающимися, разбухшими бирюзоватыми капиллярами и целыми конечностями, никак не напоминающими клошаровы

и тем более оторсты действительной, прокажающейся неставлениями заставляющей одрагаться пухлые уши тех нагреваний боли развитости, однако пять образов относительно чётко угадывались: далее всего положилось изуродованное тело моей матери, напоминающее после этих метаморфоз обтянутого пингвина без клюва с невероятно тонкой, навёрнутой будто поверх исключительности сдавленной первооснованностями свисающих надо зондами слипшихся улиткой век глаз формы кожей, позволяющей рассмотреть явно сдавленные и отдельно даже отмершие зычно раздающимися во тишине зудящей смертью мглы хрустами разламываний одвинутой во непрочности своей недолжности плоти органы: узнать её я смог исключительно по длине ещё оставшихся смотанными, свивающимися ленточными червями во чуть пробивающихся среди тяжелений разрывов органов всхлипываниях пучками волос; младшая сестра, выдающая себя выпирающей, почти не деформированной частью лица из полностью поглощённой жирами свисающих виноградными салами кист оставшейся плоти, словно призывною обращённостью меня к ней моргала, тут же сбиваясь проявляющейся свербящими тупыми упираниями во ощёлкивающееся дубеющей кусками плотей дрожью лицо болью на снова и снова врастающиеся полыми, немного съявленными тяжестью плёнок кожи палками косточки, с каждым разом пугаясь больше чего-то невообразимо нового, возникающего в этот момент во действительности сменённой души её, что одавало оканчивание последних её сознательных действий; старшая сестра закрыта отцом, а средняя будто выдавлена в обратную сторону, частыми нервными, становящимися воплощениями самого чистого, самого натурального коченениями черноты ужаса постукиваниями вывихнутые обратно действительностью того тела суставы и выпирающие крайнею излишностью кости, оздающие воздвигнутые шторами башенных сооружений виды содержания её во чуть пробивающей свет ставней розоватостью плотий тоих темноте: всё тело её покрыто углубляющимися, шлёпающимися появившимися упираниями плеснувших человеками норок каналами язвами и нарывами, стекающими иногда ко мне в люльку, однако нос, по которому мне и удалось её опознать, оставался неизменным ести мы были в моей комнате: дом нам более не принадлежит: мне и этому существу, бывшему прежде моим отцом ести отец значительным, одвигнувшимся нарушениями миром самих Все во тяжёлой, свернувшейся разбуханиями плоти комнате наростом навис надо мною и, как мне показалось, в этот момент хотел поглотить меня или убить, что, впрочем, почти равнозначно; его рот изнутри до последней, вжившейся одним крупным, будто и не острым во исключительности своей величины шипом поры разбух, выдавив из себя самооснимающуюся частично во введённостях продолжающегося помазаниями чернеющих краснотою уверенно срывающегося длительностями одиночеств бреда небес бесчувствия массу беловатого оттенка, еле не лопнувшие вздыманиями сложившихся к нему пестрениями небольших

власатых кос шнуров глаза ести полная отстранённость, и оставшееся эклектичною съединённостью цепей и плоти тело наиболее противоестественною дрожью дыхания полагалось во этой комнате, оплотив в себе Бегемота, Варфоломеевый скребок, вериги Петра, неверность уставленных ко Египту, бездну Дьявола и Дуб Авраама во гладиановых перламутрах обития: веточка начала спокойною нескороостию продвигаться: после я почувствовал сильнейший, спелеливший прежние благополучия тел моих удар в лицо, сопровождающийся громким хрустом, словно оправленным внутрь сверкнувшей бездеятельностию оперевшихся тупизною правд наваждений головы моей, и тремя глухими, стукнувшими бесстрастною преклонённостью щелчками ести смотреть я уже не мог из раздавленных небрежно плюхающимся ко полу мясом глаз, а единственно должным моему телу показалось взяться за сплюснутый лепёшкой нос, отчего нечто повело меня, хотя и прочней ясности ощущения или позыва стали наставшего объективною орядочностию не было: я произвольною инерцией засунул кулак во разорванный между ноздрями, сочащийся чёрною вязью сменившихся влагами тканей костей карман и вытащил обратно, разжав его по чьей-то воле и услышав среди непрекращающегося звона детский плачь, мельтешащий во наваленной здесь скорее случайностию дара руке моей беззвучной борьбой ести я почувствовал ализариновое одеяло ести и за все путешествия по Ожению я не смог обнаружить место их производства или хотя одного из причастного к этому делу: в Ожении тема эта сродни происхождению цепляющихся и причинам их смерти сверху.

Овнови на какое-то время я стерялся плещениями напирających схождениями скрепляющихся нерядяниями вучиняющихся ветхосмрадностями позволяющихся о нём грешников правд доложений уродств и более ничего не чувствовал, пробудившись во полной мере уже с несносимою, близкою ко восставшей после нескончаемостей моих вторых уродований болью: от этих страданий во теле иного клошара тут же разорвался бы орган, однако я жил: я жил и не умирал ести я не могу сказать, что видел происходящее, однако мог бы то описать: в этой комнате теперь нахожусь только я, накрытый сперва оявленным со самых начал появлений тех платьем, и: через непродолжительное, дубнувшееся внимательностию проклевившегося устроениями чернот тоих чувства мгновение мне воспалённым, силой срывающим наросшие безвесными грядями веки глазом приоткрылось настоящее положение: платье въелось в меня, оставив складчатые морщины некогда пышной, особенно ославленной действительностиами тех пестреющихся рябин оглавляющихся нератностию остаточности слав красоты, кожа моя обрелась ализаринами, и тело со лицом более не напоминали меня, представляясь теперь чуть ли не обыкновенным во почтениях миров идеалом правильной анатомии, оттого не менее пугающей, лишённой деталей волос, глаз и всех отверстий, приходящихся на рот, нос, уши и органы; позже стали заметны

выступающие из плоти тяжелениями прощупывающихся мною чернот ветки и еле не полноценные глянцеви́тою лишённостью обыкновенно прочных острых кор дерева, сильно повлиявшие на моё нынешнее положение ести тело моё стало совершенно гладким: с тем же и любое шевеление представлялось невозможным: я заточён был в этом нематовом, будто только приготавлиющемся сейчас ко настаньям истин своих красочном мешке.

Олег Кревинов страдал комплексом болезней, обзывающихся в данный момент шизофренией: был Олег усыновлён довольно обеспеченной семьёй, жившей в пригороде Москвы: там же с Олегом жили Костя, Варя и Надя, его ровесники и также принятые Кревиновыми из детского дома. Семью Кревиновых представляли Степан Кревинов и Наталья Кревинова: Степан имел значительную должность в строительной компании и потому, несмотря на относительную краткость свободного времени, обеспечивал своих приёмных детей и жену всем необходимым: в большом трёхэтажном доме работали также три женщины, помогающие Наталье с хозяйством. Была зима, и в день этот ветер особливою усердностью сносил проходящийся холодными пестрениями мыльных пуль снег в посёлке, где жили Кревиновы: в день этот Степан немного опаздывал во сравнении с иными днями, и оттого в доме настал час ожидания, когда ужин уже приготовлен, а все его будущие участники вынуждены терпеть бурления зычно проявляющих голод их животов. На третьем этаже были Олег, Костя, Надя и одна служанка: на втором этаже были Наталья и Варя: на первом этаже остались две служанки; Олег хорошо дружил с Костей и Надей: здоровые дети не всегда понимали своего брата, однако то их даже веселило: веселило довольно добродушно; никогда они не вкладывают в смех свой лишнего, и любой человек в этом доме был к Олегу чрезвычайно внимателен. Когда дети играли, Костя пошутил про мальчика, который нравится Наде: Олег инертным обыкновением своим захохотал, и после Костя и Надя также раздались гроыханьем особенно громко плеснувшегося целыми рокотливыми, поддержанными улыбающейся во значительном отдалении домашней работой с Варей Наталей раскатами третьего этажа смеха. Олег перестал смеяться: он не понял, почему и как они посмеялись, и потому, мрачною молчаливостью отойдя к окну, стоящему выше его роста и потому требующему упирания взгляда коверху, обиделся, продолжая смотреть в небо: Костя и Надя почувствовали себя неловко, потому они безмолвною имитацией игры и стали ожидать Олега. Олег видел в окне голого, разорванного посередине, выпускающего органы свои к балкону чёрного человека: рассмотрев его достаточно, он, уже довольно обыкновенно для себя пробившимся звенящим шумом в голове оскалившись, развернулся и побежал к Косте: Олег был довольно полным, и потому, пока Надя бездвижною дрожью смотрела на это, он смог свалить Костю к конструктору, который они собирали: когда Костя упал шеей на острый высокий камешек желтоватых кубиков, он умер: Олег это понял, и лицо Нади приобрело для

него безобразные мышцы снятых небрежно торчащими из черепа блестящими иглами скальпов, и Олег со всей силы ударил Надю в зубы, отчего те попадали: Надя начала кричать: тогда она стала для Олега чёрным человеком из окна: Олег был очень зол тем, что чёрный человек вставил в его голову мысль о том, что он делает своим близким больно, и потому в истошных криках Нади Олег бил в ставшее после только глубокими рваными жирными ошмётками её рта, и убил он сестру прямым ударом в уже открывшееся нарывами губ горло. Наталья и служанка, слышавшие страшные крики и удары, побежали по лестнице вверх, однако Олег успел закрыть дверь, и тогда в воплях Натальи женщины стали ломить дверь: Олег сильно расстроился, почему и с долгого разбега, чуть поскользнувшись на сочащейся на полу крови Нади, прыгнул в стекло окна: Олег ударился об стекло, только чуть подбив его. Женщины раскололи деревянную середину двери: Наталья увидела трупы своих детей. В доме раздался зычный вопль задыхающейся матери, пока Олег, уже сбитый частыми струйками стекающей с головы крови на себе, ещё раз с долгого, почти приблизившего его к женщинам разбега прыгнул в окно, застряв в колючих, щёлкающих сломami стёклах: пока Наталья, склонившись на колени и раздирая кожу на своём лице, рыдала, служанка открыла вспоровшейся иглою дерева рукой через защёлку дверь и побежала к Олегу, тогда резко дёрнувшись и упавшему о выложенную Степаном плитку.

Попробуй сильнее есть не сильно меня тревожила громкость услышанного голоса, его хриплость, характер или прочее: он вызывал стойкое, ударившее во умы мои молотом непрочностей желание беспрекословного повиновения есть я попробовал наклонить смёрзшуюся нажиревшими влечинностями надорванных камнями тяжестей своих суставов хрящами шеи, но язвющим сокрушительным, громыхающим во прежностях накренившихся справлениями действий спин моих треском боли проказилось тело моё насквозь: я начал кричать, что даже приятною лёгкостью обнажало прежние стервенения проникающего толстой длинной иглой страданий мучения, и отдалось то сильнейшими, свистнувшимися во черноте эффекта импульсами, уже не идущими во качественное сравнение ни с какими предыдущими неудобствами есть так я начал кричать есть во время крика боль то ли ослабевала, то ли прекрывалась растекающейся равномерною оследовательностью копотливых, проникающих корневищами тянущих сил рубцов болью: во время крика, как мне тогда показалось, я источал горячее, вокрывающее стекольные слабости бёлесых шей тепло, и открылись теперь глаза мои: окружающее при малейшем, оказывающемся скорее слабыми шевелениями глаз моих колебании переигрывалось золотистыми и жёлтыми образами своими же есть я знал: я знал, и в то я верил: переставать кричать нельзя есть ветки росли и обламывались о плотности окружного со фантасмагорической, проламывающей само время-де скоростью, и прежде сглаженные плотностью наставшихся невогточенностью премевений

скал области округ глаз моих и рта сперва набухли опаданиями свеченияющихся грязанями бесцветных туманов морщин и скоро бахнувшим огнём истёрлись, после обившись толстым слоем ярко-красных колеблющихся, содрогающихся нарастаниями собственного мышц, отставленных теперь почти отдельной жизнью, и подвижные места тел моих при спрягающемся оскалениями наваленных сухожильными иглами узоров премещении неконечностями объёмов своих кровоточили чёрными жирами боли, и на то я перестал обращать внимания ести я перестал останавливаться ести теперь я мог проходить сквозь пунктиры, ставни и даже летать ести мне было интересно ести я год потратил на то, чтобы добраться до самого верха, однако пунктиру не было края, хотя скорости мои и проявлялись самою вычурною значительностью о себе: мне было интересно, и время шло быстро: гораздо быстрее, чем во проклятиях моих: гораздо быстрее, чем во убиениях, смертях моих и беспутных хождениях по Вси: только имеющее чуть прочнее качество внутренне чувство подсказывало мне о проведённом изрядною количественностию времени ести три года я потратил на спуск к пятиногим, да результат был тем же ести мне всё ещё было весело ести тогда я встретил странное дерево ести оно говорило ести к тому моменту я потерял последние куски и прежде ржавеющего стонущего, коченеющего во твёрдости сменяющегося опродолженностями своими тела сухостью камня разума своего, но кое-что меня ещё способно было встревожить ести то дерево меня и тревожило ести напоминаниями.

Тогда я только скорою, ударившею светящиеся пустотой небеса силою взмыл на поверхностные помещения, и мгновенно тогда в меня вонзились множество кольев: вида они были подобного отросткам из моего тела: место произрастания их, оказавшееся деревянным толстым полом, наложенным словно извивающимися широкими, вглубляющимися навнешностями сердец петлями, не оставляющими между собой и мельчайшего наприсутственностями сточающихся оздесь звёздами путей плотей пробела: шипы вырастали именно из пребывающегося белениями уставленных пещрениями сдревеющихся осинениями глав властей кажений настила: между полом и кольями не было никаких смычек или расстояния, а сами деревья росли и внутри меня, ещё сильнее не позволяя пошевелиться, опротивившись тому; теперь двигался не я, но всяческое неведённостями восставших теснотою молчания гряд разнообразие округ, и слепящее чернотою громыханий свечение окрывало шевелящееся и остоящее, о чём снова седениями вопроникающихся белёсостью овалов облаков думалось мне ссолениями свербнувшихся листьями лучей крапин: собою я менял окружающее пространство: я готов был уничтожить ставень, хотя и никакой силе отстранения то прежде не было подвластно, да деревянные: да наслоившиеся несвивающимися червями узоры с пола во момент этот покрыли полностью поверхности пунктиров и ставней: я был заточён, и я захотел уничтожить это древо, мешающее мне,

уродующее расходящееся колоссальными, воожающимися неопределенными краснеющих осредностями молчаний истин звёздами свершенствование: тут же всушившуюся уголениями верхов плоть мою проткнули ещё тысячи блеснувших умираниями сред отех острейших игл, ополнив числимое и верхами пространство большой комнаты и избавив меня отне ести слегка хриплый, ударяющий во ограничения умов голос начал отдаваться внутри тела сперва непонятным, будто нечеловеческим, не смещённым со гласами правд эхом, а после-де весьма разборчивым, сточающимся чернотой пял гласом ести Я Тебя Своё будут их там ком полнеющиеся чудовищ лица везде всех там продолжай карта взятые правды те вот Твой Родитель Тебе обучение кривенения мглистых желез убей побудь сёстра сестра мать ести и неизвестна мне причина понимания мною этого, однако дерзнул я бездумностями счевающеющихся правдами наставленных пробивающимися радиацией трупы человека солнцами решений мгновений уничтожить пронизывающее душу мою древо осле услышанного, и спарил я наросты внутри и вне себя, очистив комнату от всего, оставив неосознанную произвольностию ставни и пунктиры на местах: никогда более я не покушался на них: никогда не возникло во мне более желаний сокрушить эти установки и правила: отчётливым, твердеющим границами собственными образом о мне возникли лики пятидесятирукого и стоголового сущностей, рельефами пространств и светящимися золотами улыбок склоняющихся более всего ко дереву, и возник тогда облик Ожения: знал я с момента того положение своё относительно Вси и даже самых отдалённых тверди порождений ставней: знал же я и нахождения тридцати девяти мест, которые со того мгновения должен я посетить: где совершить я обязан непонятный пока и мне образ, и прекратится тогда рост древа из меня, выросшего вечной виной моей во отношении сестёр и матери: только о прекращении его роста я превращусь во клошара: только так я осуществлю задуманное и необходимое: неизбежное ести за незначительное время, проведённое тут с момента освобождения отне оков, измеряющееся десятью тяжёлыми нескончаемыми, преломляющимися довольностями укреняющихся истиною правд секундами, заполнили уже мои окрасневшие болотностию блеска отросты овесь объём помещения, способного оместить во себя ко низам значений десять тысяч людей, и уничтожил я их скажением пространства, и оглушил я остаточный рост вглавляющихся лицами масок химер: небольшие, только метровые выросты со своего тела мне вывести не удалось уже никогда ожде, однако со невероятной, дерущей плотности миров болью я сумел ограничить их, как и сумел оскопить рокочушие ужасами непрерывных дрожей боли во себе: мешали теперь только прожания очерневшей слизями масел крови во подвижных мною телах: сливающаяся же полнениями ввечений пузырей человеческих кист-де кровь исчезала уже прочним, запущенным дебелистями хладов процессом, и стали глаза мои перламутровыми, и застыла плоть моя, когда-то олезшаяся в ребристых выбоинах прекрасных,

доведящихся опухольями лиц стен, и видны теперь свещиющиеся серебристым золотом всплески вокруг тела моего ализаринового пышным, сходящимся костями крюков мхом и свечением, и оказался я одним велением оголившейся воспалением влас омысла в первом заданном положении сметнувшихся миндалевидными образами гигантов глаз: перевернул-де я ввелениями восневеющихся сменённостями наслоившихся окрупнениями сочтеющихся влечинностями кплывающихся кроплениями упределившихся назначенностями свербнувшейся довольственностями упреждающихся доложенностями составленных темнотою лесов правд новин робости нестав сред правд рождений скреплений пространственность во подходящем подчинении и извлёк заговорни отчуждённого, оприставив ко остающейся влачениями стремящихся назначенностями белеющих озлённостями вреда человеческого работ осред простоте меняемого плотность чуждого-де ести здесь здравствуй ести ести не во ожиданиях же тех оздесь ести овсё осталось же оздесь неизменностью влечений частот опрежных ести ести а ести да ести всё хорошо ести давай давай вернёмся к ребятам ести конечно они прошли пять помещений ести приветствие оздесь ко тем ести и ты оздесь-де да ести ести всем ести задерживание ести трёх лет пределения те ести сооглашение ести ну ести согласен, мы всегда будем рады тебе ести большое спасибо ести большое спасибо ести присаживайся ести конечно ести какой роскошный стол ести подождите, я... я вам сейчас такое покажу ести.

Клошар сидел с неподдельной, туго стянувшей морщины чуть тёмных, облитых рябыми, едва красными веснушками лиц его улыбкой и лёгкой, налившейся блеском тяжёлых волн испариной из-за волнения: его платье ализаринового цвета, казалось, самостоятельным тайным, стремящимся ко ударившему в ответ лёгкостью еле сжиревших кож воздуху дуновением совершило некоторое резкое движение, однако после: потом можно было бы понять, что он лишь с искренней, не стаивающей иной вредный помысел воодушевлённостью взмыл обе ноги вверх перед тем, как опустить их и опереться одля приведения себя во чуть произвольно выбранную позу остоящего близ, да и едва бы это кто-либо заметил, окромя него, и он понял это: и совершенно новые, сильно отдалённые от действительности прежних омыслов чувства он испытал одно в том, и улыбка по лицу его растеклась ещё более торжественно свергнутым пафосом прежней серьёзности, и все хотели было улыбнуться, и все улыбнулись ести и все улыбнулись ести к весёлой компании присоединился умерший ровно три года назад клошар: никто не обижался на его отсутствие, и бесслёзные, схлипывающиеся ртами тех молений сопли смывались потливой, не обращающей внимания на сохранения лица и души радостью: хотелось засмеяться, но необходимо сдерживать себя, и потому сперва обязано провести радушный, частично искусственно осложнённый вынужденною официозностью приём, и словно замедлилось время во вставании того клошара,

еле опиравшегося о гнибную мебель, даже во подобной ситуации подстраивавшейся под восприятие происходящего другими, увлечёнными делом клошарами мягкой поверхностью мебели, всегда являющей собой нечто новое, хотя и оставленное относительной однотипной сходностью: та материнскими нежностями чутких, только немного довершающих происхождения прочностей отех касаний обволакивала его бёдра, спину и шею, при малейшем отлипании своём издавая сокрушающий всех звук, чем-то близкий и ко неторопливому любовному причмокиванию: поры же её заслуживают отдельного праздника или хоть одного внятия, проведённого со должным проведением самых значительных причастий размахом и вниманием ко прекрасной структуре углубляющихся внутрь тканей со ое неповторимостью воспалившегося отделённостями вельветовых, проходящихся опухших животов твоих медленно оснующимися, доложнеюшимися обыкновенностью озвания червями чернений вызывания прильнуть ко тем выделениям, и целого языка было бы мало для объятия крошечной, призывно пищащей расколами миров песчинки, чем вызывает к себе та мельчайшая, дубящаяся жаром истин подробность возможным для своих размеров даром, и присаживается человек снова, и встаёт снова, и кажется компании это занимательным: хохот раздаётся всё сильнее разрывающим капилляры шумным, пищащим дымами расходящегося неупотреблённостью частностей сна стоном, отзывающимся беспристрастно горестным витиями проваливающихся частями означающихся оголёнными органами распадений своих гименофорами грибов органов ржанием клошаров, и никто более не жалеет, что решили оперво продемонстрировать свою деловую, всеопричинную некраткостями наслоившихся особлениями совращённого трепетливою гусиною кожей страха обращений сторону, очрез силу воставив единственные настоящие, занимательные для них моменты на вожденное, приторно сладкое во сплывающемся крапинами цмерденоевых оживаний окушении ожидание: некто десятый час то стоит, с вытекшими из глазниц руками пообирая скрюченную самобытною, наставшею дурмановениями оплоченеющихся горделивостями оглавений лиц корост заинтересованностью строгость, то сидит, оставив ноги свои во затылок плющами жирных порохов очерневших блеском лиц руд, то вырывает чрево своё ко чему-то спереди, продолжая... продолжая своё прямое обязательство: оплщать волю, дабы воля та: была плотию; так занимательно: так удивительно встретить давно потерянного по загадочной причине лучшего друга, так нелегко воспалившуюся честностью проявляющейся белениями сальфериновых упираний главы ко небесам души радость эту преклЮчить во аффе́кте увещевания, и настал: настал момент: и встаёт он с речью, да вытягиваются глаза его во невиданную, скрипящую ониксовою краснотой безобразных, узревших тебя лиц даль, и сплющены теперь зубы его: зубы, и без того крошечные, и язык, будто самозабвенностями онического предания веля продолжать, вылизывает: вылизывает, выставив тело хозяина

своего во сменённом обратностию порядке оплоти до замены каждого ногтя каждым волосом, нигде не теряя строгой, обновляющей ужасы ликов тех закономерности и иногда ради того прибегая ко исключению оплотившихся власяными, сочащимися прозрачными калениями опухшей расколами своими золотой главы комами сгустков крови и зрения, и происходит то, и вросшие зверями рты клошаров гогочут воспалениями дубеющих слезами стгоревших, лишившихся рук невинных воздушных: кто-то кричит и режется, и пластилинами стекают проставляющие высокие, рябящие граничностью бесконечных зданий города животы их, и потрескались гранёные, тресками своими свивающие яды вопящих насилуованиями своих древ песков стаканы, и кто-то-де: кто-то внешне горделивою величиною предпочитает находиться во тысяче комнат поодаль, присутствуя пронзающими все пунктиры и оте, и... и растекается, и сыплется материя застывшей нарывами ближними времени, и лица те показываются, и рукоплесканиями продолжений вывалившихся сломленную, просочившею черноту органов своих черепахой животов рвутся, и животные присутствуют тут, не сменяясь со определённого грядениями очерневших темнотою несветов новин момента, чем-то непременно близкого ко этому, и отстранившиеся во иные комнаты, олишний раз проверенностию совершенного доверия к ним доказав непричастность к увиденному, и: и были они красивы: людоеды, коты-пльвуны, продолжающиеся уколы наявляющейся заражениями отравляющих корою боли узоров боли цепляющиеся обычно не слезают вниз, и те, если подумать достаточностию счиняющейся пузырями наваливающихся влагою трупной вони шипов критики, они во своём внешнем виде имеют значительные схожие особенности со клошарами: они часто передвигаются на двух задних конечностях во время хождения по земле, однако традиционно предпочитают цепляться обросшими долгою, всевопроникающею прочностию стревенеющихся сребристостями оперевшихся грубостию всевопроникнувших продолжениями ставней наросших блесками желез столпов растяжек качеств витиеватостию прижимок пятипальцевыми руками и ногами, и основное тело их покрыто сероватой тёплой коротенькой, немного увлажнённой грязью частых синих язв шерстью, и уши их также похожи на сильно оттопыренные, набухшие длиною человеческие: надбровная дуга нависает более, когда самого лба практически нет: рыло их довольно массивное и сильно выпирающее: носа нет: ноздри представлены приматыми ко морде, часто смыкающимися краснотою своих внутренностей складками со значительными размерами своими чёрными, омазовевшими останками бликов прыщиками, и глаза их: глаза их совершенно черны: зубы у них отсутствуют, и есть у них окрасневший уже наслоившимися многочисленностию еле стающихся опарханиями сбитых крестами смешавшихся смрадами раскатывающегося безобразностию гримас их гогота пузырей паров плёнок шрамами хвост; попадают они клошарам достаточно редко, а поймать их никому ещё не удалось, зато известны многие:

довольно значительные числом своим, всегда смертельные падения цепляющихся: исследования нам скрыты ести коты-пловуны также имеют возле задних конечностей своих некое подобие отростка цепляющихся, они имеют чрезвычайно миловидную внешность и великую пушистость, однако более описать во схожести со сородичами почти ничего нельзя, если только не акцентировать внимание на предположительно выполняющих те же, что и у сородичей, задачи частях тела: есть у них влажный розоватый треугольный носик, покрытый чуть выделенной крапинами настаявшихся небольшими ямками между ними кружков кожей, большие сверкающие, будто имеющие неизменный образ заточённой во холодном, остывшем железными оставаниями вокрепляющихся довольностями причинившихся горячей теплоте внешних белений невоотрезвившихся синениями оставленных крапинами сточившихся ударяниями сгущающихся породностями бежеватый оскорённостей серебрующих иглами зычно врастающих о черноты усиленных прощаниями особлений всеревшихся песками рахитных злат состояний доведяний шипов упрощаний чернот пузырей ям сердец обываний сил стекле, воправленной остояниями ороговевшего бетонною насредностью воспаривших снизу пятнистыми клубами несоовеченных полнений опиянных касаниями носов лиц символов куба, наставляющей сходящимися ярко-зелёным, сменяющимся во влечинностях желтизны своей сильным, довлеющим искрами помещенных-де выпиранием рельефом, прибавляющими крапинам особливо чёткий, спрягающихся нависаниями часто окроенных повторениями груденеющихся песками оглавленствующихся ходами вочинающихся сердцами сменившейся копотью наставшихся первоначальностями совоочтиваяющихся скажаниями вокрепляющихся болезностями огореющихся лёгкостью свесивших о себе остроту камней и пупырчатости внешних окрытий сосудов форм свобод мер оболиков воли велений вершаний прежностей теней контур фигурами народившего опред главы своей длинные, свершающиеся тяжёлыми, желтеющими ударяниями наkostenевшихся опухолями маслянистых, смещающихся довольственностью употребляющей оперво одно ко соотносящемуся тебе близостию неодоленной строгости мяс сил когтями конечности дракона статуи глаза, треугольные большие, ворепляющиеся нитями несменных цветами своими вен уши и крайнее самовластие, отчего даются они очень редко, выказывая противное тому лишь при желании покормиться после длительного прохождения сквозь ставни; часто коты-пловуны считаются проклятыми из-за своих способностей, однако клошары не могут совладать с, как думает значительное число из тех, порочным влечением к ним ести также здесь находится людоед: людоеды имеют супротивоположное котам-пловунам положение: они больше в два раза, то есть на своих руках и ногах очетвером стоят они во треть роста среднего клошара, они имеют схожее строение четвероногой, приблизительно равной длинами каждой из конечностей неовокновенностью странных, сокрывающихся пребиваниями набухающих

кругами срезов человеческих рук суставов ощёлкиваний опоры и отяжелевший сложностью собственного строения, сводящегося внешними признаками со сплетёнными серостью частых, причиняющихся сломам сосмелевших множественностями напивших пятнами коричневеющих паутин мусора, словно и являющегося главной характеристикой накренившихся белёсостями въявшихся исключительностями сошествий путающих нависшее безвесыми, оштопившимися пятнами скрепляющих те жирные, очинеющиеся лоскутами сокрепившихся шепотливыми отвержениями свестеющихся неокружностью истин натур травобияний дыры пустот тканями тряпье со деревянным, вонзившимся травмированностью прожаний воокровленных действительностями всевополагающихся суставными же щербинами сверяющихся зобами отравлений пустот чернот оглядений осколом верхов рассудков свычаний окон, квадратов окон оскалываний дверьми, отросток со счиняющейся внеодовольностями совершенно преждевородных, путающих связки мышц вмешательств шерстью, однако точно скопированное лицо клошара со сохранением присущей ей жестикующей даже со учётом уважения их Ожением... приходится создавать отдельно оформленные помещения для их жизни: передвигаются они, к их же счастью, подобно клошарам: через отворённые пунктиры: при издевательствах они не могут перестать нервным коченением сходящихся радужными превениями сдержавших те болезности воздуха ликом дрожать и непрерывною всевогласностью способствующих твердению ног звоном кричать, отчего собой же и становятся заточены с убийцами ести и ушли животные, и встали празднующие во единый воформленностью пуза птицы ряд и начали наклоняться назад, и набухали возбужшие гигантскими, открытыми клетчатостью треугольных чернобеленовых, скажающихся лужами серебристых нечётких ограничений и радужных, еле видных вихрами своих витийств фигур плит шарами, восстающими длинными, заточёнными оковами узких, наставленных невместимостью выпадающих из них сокрушениями воли лиц стен лестницами, иногда ударяющимися во настоящие пузыри красочных, дубеющих разноцветностью усмирённых преворачиваниями случившихся нечастностями обходящих бассейн во шаре многих, заключающихся большею частью сероватыми, коричневыми и зелёными однотонными, несчитающимися крупными, часто ошевеливающимися телесными подтонами бирюзовых, накрывающихся синевою редко напивших околеними сточащихся несамоназначенностью скрывающейся жабрами услоенных болезностями неспособностей мельчаний излишности плетей волн вод глазами освоими образами фигур узоров долож отражений, миазмы колоссальными, скрывающими осеревшее трупную тенью недолитого, смешанного невоо нависших безобразностью проходящегося пестрениями сменившихся крупными, оправленными в разные стороны, смотрящими прямо недейственностью упирания, сомкнутыми мглою самоопризнания действительной, позволяющей исключительностью

услышающихся конченностями огранённых чернотой острых скоб наращиваний ровнений боли глазами деталей ужаса бликов глянца, продолжающееся угольною тьмою длинных, приросших неводениями озвученных белёсостию сочащей громы сверкнувших несоравненностию произвольностей оглашений желтизны крапин волос, провожащееся часто постукивающей безмолвною уперённостью во сальфериновые ализарины миров рукой женское лицо метровыми нарывами, остеленными по плоскости пола пульсирующими толстыми маренговыми, скрывающимися стальными, оправленными долгими слияниями остывшей бесцветностью высыханий, смозжённой непричастностями учредившихся остовностями крайних продолжанностию уже инокачественных, окропевающихся вязальноотдаённостию сглубившихся полнением узнавшихся вечноотхластию оперевшихся родственностию сменившегося коченением накрывшихся уродственностию вготовевшихся ропотливою признательностию нажиревшихся густой несмываемой вонью правд сил влияний действия равностей родин пятен прав явлений крови, окованными стравленными ко верхам остланных улиточными назначениями верений выставлений скулами и означенными безмолвностию чёрных туманами неровностей своих отверстий глазами доспехами червями и содрогающимися бурдовыми озорами солнц волосками, и оломался кто-то во тёмной озаговетной, воославленной столпами красных, соответствующих симметричным пятнами жёлтых орываний напределяющихся довольственностию учинившихся осяями окрепневшихся длинною, полагающеюся осреди излишно значительных, оглядающих скорее пародийно оплёскиваний накрепившихся крапин увиленных кругов крепостей дырою незвершений температур оболочек криков густоте причитаний со стекающими призраками ородившихся звериными лицами во колениях, копытах, тройных животах, плечах и во концах ушей своих, смоенных очтающимися глубокими, открытыми лёгкими слоями настывших желтизною наставшихся близ высоких длинных, окорепляющихся блеммиевыми лицами и наростами трав на них крыл пухов хрящей дырами чувств рогами химер тенями и безмолвно стригущим открытым панцирями телом продолжающего оперениями костями освоими петлеть наславленные звонами кипятков мечи старика страхом или орвался обвиняющим настывшее значительностями золотеющих, стравленных небесами накорённых цветами градящихся теплотою ослад листьев гор корежений набухание означенного внутренностию булькающим кипятком: пространство искажалось уже по-другому, определяя будущность образности тлеющей во обратном нитяном, влагающемся пятнистыми спалениями накрённых ошторений сменившихся плотностями кристаллизующихся зудами вопияющих хрупкостями крепящихся оведениями напавившихся белёсостию управленных блесками сочтившихся сторонениями оставленных главностию обожжённых тупыми отпадениями мышц плотей обращений сред жаров сердец ознаний острашений отвердеваний весов краснот сожалении,

но: но всем продолжало быть весело, и глаз наблюдающих усиливался, и сильнее становился глаз, глаза: глаз, и улыбка натягивалась на струпья и отлипшую случайно кожу присутствующих, и детский крик сжимал и откидывал плач по стихийности большое спасибо запрела сверкнувшая неустанностями освоими вожалостность, образумив услышанное данностью нерасторжимой: всё происходит размеренно, и заключительной фазой стало превращение наполненности помещения во ветошную перламутровую сеточку, расплывающуюся по всей общности мест этих, и очистилось оно, оборвав шипящее молчание с воплями ести здесь оказался я.

Аберрантными срадениями зеленеющихся внешнеовластными недолениями стревняющихся кроплениями наследующих воочастности тоих одолженностей изучаний овершаний креплений ощущается сходящим ко внутренностям чловеческим опвением, несмотря на собственную силу, проходящим довольно успешно, не оставляющим после уже ничего; сейчас я во самой восточной относительно других издне перечня необходимых посетить точке: это место чаще называют одной из святых земель, однако много споров не только относительно столь условных наименований, но и по их причинности: наиболее частым мнением стало предположение о схожести названий групп и земель, где они орудуют: для успешного зачатия мужчина предварительно обязан задействовать особый тип отстранения, обычно просто выпускающее свет и перемещающее людей из одной комнаты во другую комнату, часто нормированное число раз, хотя и то вариативно у разных народов или выходцев разных земель в одном поколении; а группы объединяются в тройки или пятёрки, ибо во противном случае невероятно велики риски погибнуть из-за невместимости вас одним помещением или излишнего втяжеления сходящихся туда ставней: совершить должные для молчания приготовления во подобных случаях невозможно, отчего и сам миф об использовании таких беспорядочных во понимании замены помещений отстранений стал представлять собой довольно пугающую для окружающих вещь: реальная дифференциация всех перемещений отсутствует, да и сами имитаторы отказывались во подобных местах работать и обслуживать, что спасло, думается, не одну жизнь: обыкновенно ритуал такой воодушевляет мужчину, иногда сводя с ума и гораздо во большем числе всех событий превращая его во калечного просветлённого, определяющего своей главной обязанностью преследование неких двойников, о которых во воспитательном бытовании говорят даже дети, кажется, не понимая самого предмета речи и отсылая этим ко грубым ребяческим, могущим быть куда хуже иных смешкам; во действительности же не один образ, а целые массовые, сильно превышающие числа групп сложения схожих болезных и иногда собравшихся во еле организованные массы здоровых клошаров полагаются во семьях, слёзным молением прося детей и родных во определённые временные периоды прозябнуть во затворничестве, что те

считают спасительной; и примечательно: примечательно, что второе рождение от таких мужчин невозможно, когда, например, отец мой сохранял рассудок три раза... большую значительность имеет именно тот, кто вызвал молчание, сводя на нет и исключительную подвижность, почему-то вверяющую жертвам некое иллюзорное... оставляющее их в болезненном юродивом спокойствии; сходные земли получили господствующее значение, позволяя заинтересованным о том клошарам обозначать места и группы, естественно, не имея на то никаких оснований, не являясь и накопителем общественного, скорее признавшего необходимость регуляции рождений гнева: живущие неподалёку клошары уже и не держат зла на присвоение принадлежащих им исторически земель, и пустеют люди, и... иногда встречаются и желающие только смерти от них, чего они, в первую очередь направляясь усилиями ко озданию и поддержанию теплоты семейной, исполнить не могут, хотя в том: в том встречались и случаи согласия: потому и обряд такой защиты не смог прижиться, когда-то внушая великое, овалюющееся всеподдержанной традицией доверие есть из чрева моего со острящими, вырывающимися блесками грядящейся, укрепляющейся сторонностями учтённых бумажностию воменяющихся златами шипений опарханий следований волей стяжаний оспевшимися затхлостями нечто начало разительным язвющим гудением вылезать, используя отвердевшую быстро смывающимися плёнками остаточностей своих складками плоть мою и разрывая меня: и склонился тогда я посреди комнаты святой земли, и впервые со начала обучения почувствовал я приближающуюся смерть, ранее будто не обходящую меня стороной, но склонившую предо мною когти свои в тяжёлом, позорном ей смирении, и стали свечения округ меня ещё пышнее в момент тот, и твердеющий иглами корон мох мой расцвёл красочными, преливающимися осредами считающихся новин Творцов животов во красный пастях бездны диавола лабиринта духовного ко обнажённому лицу же самочинной иконы листьями и набухающимися носменностию настывших причинённостями осмывающимися особливостями ораний белеющей отстранённостями чернеющимися резкостию узоров лишаний плоти вершаний действительностей цветками, и вырезал я часть Белого Ила, ощутив при том перемену остальных тридцати восьми мест, и чрево моё воспело мне и помещению: посреди комнаты, где ранее я жалостливою дрожью бился во боли и был готов сгинуть сдавленными радужными миазмами закона, возвеличилось, имитируя плоть и осанку котов-плывунов и людоедов, четырёхное, словно сооставленное из замеченного прежде мебельного гриба без глаз, нечто роста клошара, что со ослагающимися причтаниями обнажающимся невоосредами сточающимся вязкою тяжёлою росой вопроникновений отех сил верхов удобством мог на таком после остеления и спать, и из Ила Белого вытек кричащий младенец, и настало время направиться к следующей земле.

Одно только мысль пременяет место полаганий моих ко одному из смрадных лугов, находящемуся слегка западнее и восточнее, не пересекая при этом смертельную границу, как её многие всё ещё предпочитают величать, Имарго: там, где слагаются бесчисленные гряды потерявших рассудок носителей сильных отстранений; смрадные же луга не являются привычными землями: на них нет имитаторов: они предназначены для походов зрелости, называемых так из-за находящейся во помещениях этого луга Чёрного Ила, подостенного наполнения чрезвычайно неприятного запаха: названия в этом случае вполне прозрачны; живут же здесь часто выбитые из жизни клошары и те, кому не на что питаться: именно в смрадных лугах наибольшие скопления фонтанов; комната же после моего появления тотчас опустела, полностью овторяя инцидент появления на самой первой святой земле: посреди неизменным, натаившимся чернотой впревившихся назначенностями услеплённых вомножественностию сдаряющихся оземь шприцов границ лиц знаком появилось четырёхное овышение со младенцем без пупка под ним, однако теперь я волей изменил это: во пустой комнате вновь появились, видимо, исчезнувшие от моего появления, однако радости не было ни во них, ни во прочнем: обнажался только сильный, мучительный убияниями их правых, наslaивающих левую ладоней страх и нежелание возвращения, и расцарапывали люди себе лицо и тело, и рубили они близких со целью прекратить их пытки, и выдавливали глаза пальцами они, чтобы лишиться владеющей ими только во их сознании галлюцинации, и ударяли себя в грудь они ко остановке сердца, и залезали они на предельную возвышенность и прыгали вниз головой, пытаясь, несмотря на являющий материю запрет мой, безуспешно начать отстранение: они выдирали ноздри во страхе того запаха смерти, что чувствовали, и хрустящими, чуть провожающимися гулом каменистого рванья сильными одёргиваниями они отсоединяли уши от головы, и они: они пытались вырвать язык, чтобы добиться бесчувствия кишок и плоти, и прыгали они на живот из раза в раз для прекращения той трупной, отравляющей долгими гноистыми, одрогающимися во них упираниями полнеющих коричневлениями смертей лиц рвотами насыщенности желудка, истаптывали они дёргающемя камнями ноги до кряхтящих тупыми оскалываниями непрекращающихся щелчков колен, чтобы лишиться себя муки ощущать длинные плотные гнойники во ступнях: они откусывали опухоли свои и рвали отверстия во надежде извергнуть мразь из нутра своего, и спарил я их, освободив будущие жизни и спася настоящие, и отправился я в Имарго после того зрелища во ожении избавить себя от той памяти, хотя то и оставалось одно безмолвным, не нашедшим осуществления свои желанием ести появился я во гигантских размеров помещении сильнейших: там они отдыхали во окасти, используя место это во качестве арены для битв; находились там четверо клошаров, никогда не приостанавливающих действие своих отстранений и никогда, следуя принципу, примерно сходному с моим, не спящих, и взорвались

громыханиями накрепённых чернотой продолженного бледностию настывших оредностями сточенных блесками шипящих орушаний зол серений стона слав во момент моего появления четыре окасти, означив деяние для двух клошаров: остальные будто нечто ожидали окасти у того, что тяжёлыми уверенными смываниями воздуха во крапины лисьих, сражающих беления прежних рябых нестав условленного иноотвлечённостью обращения полос летел осле мощного, свернувшего сказившиеся солнцами стревшихся разбившейся радугами наросших граничаниями втвердевшихся коричневатостями услоенных водолженностями условленных начатностями синевеющихся твёрдостью миров узоров сотечений дыр волей сфер эмалью руд плотностии отталкивания прыгнул на меня со означенной левым стороны, и не было видно платья Ожения, и тело его было покрыто белой блестящей, налившейся светящимися темнотой бурдовых зеленений доспехами коркой со редким тонким серым рисунком, и глава его также покрыта слоем сблестевшихся несмирняниями онзившихся ко внешениям песков иглами отравленных ростами спредившихся довольностями натлевшихся болезнностями сокрушающихся частностями жестеющих чернотой дентиновых звёзд палений сердец решений околений плотей, схожих скорее на становящийся двойственностью набражённых серединою и высотой своими клювов шлем без отверстий для глаз: руки его оканчиваются толстыми несносимыми, гладкими ровностию неупругих, становящихся соовнешностию народившихся начальностями скреплённых невеличностями осушающихся малостями упирающихся искристостию оболочек тёмно-зелёных шагов опрившихся осками нажившихся обуханиями наконецтошых крещаниями наставленной внеосредностию невольственных, отказанных поволевою бирюзовостию нависших сгорениями укрывшихся неочастностями сместевшихся лицами нагрееванных стенами оточуждений одичаний свечений рождений сил боли средств вен кожесхождений пространств смен трат звонов лезвиями длиной во два его роста, и на концах их еле заметные оцепи вкрывшихся коченениями впавшихся графитною смолою чернот крюков: у второго-де клошара плоть и трансформируется и во отеперь сместившегося наволениями упроченных вправленностями жестеющих большим светилом наказавшихся отстранением веры звёзд радений властей бега время, подстраиваясь под желательную накраяниями стаившихся кечённостью оставшихся прежностями решившихся золочениями наваавшихся маслянистыми, скатившимися сворачиваниями сребретелых комьев наколяющихся зубьями прав кругов пятнами следов готовений справедливостей инерцию: он наг, и кровавые следы его оздают свышающийся крапинами сменившихся вперившимися искрами остающегося серостию скажённых способностями своими отне насветившихся оковами синевших повечностями условленных частностями омытого возначительностями сцепляющих первоначальностии тоих насыщенных, исполненных обязательствами рябых красных

грудений сил решений скуч недостатка присутствий цепей пробуждений металлов семени
оздухами кажаний костюм или просвечивающегося призраками оновипреждостановящихся
непалений платья, совпадающиеся со лезвиями товарища своего волосы второго клошара
также эти продолжительности о два его роста, неложящегося парениями крепневшихся
сбыточностями восставших раскатами впитывающего сколовшиеся волею человеческого
камни опияния частей овечностей; обыкновенный неподготовленностию слабостей чувств
своих клошар не озирал бы в том и мгновения, да: я ознал тела их: и ознал бытования те во
непраздных обратностях овсевидающихся глазами Господа перспектив, и... для честного
поединка мои кисти я оплотил десятисантиметровыми лезвиями, обрубив плюхнувшиеся
поодаль чернотою скрасневшегося желтизною сменяемых зубами набухших оканчиваниями
пременённых отречениями блеснувшихся лицами умерших наставов усилий своих сосудов
границий несношения ступни свои подле сохранения сходней с ними скорости, оклотив
контракты времени и теперь пресенеющееся действительностию риска восстановление:
Господь, дав человеку подобие своё, остался Господом, и потому люди не смогли: потому
люди решили свою уязвимость, отличающую их от Господа, грехопадением, и потому зло
явилось в мир: зло продолжало нарождаться в нём, однако Бог любил человека: человека,
менее всего достойного любви и уважения: человек есть урод: человек есть грязь, и грязь эта
отлична от божественной частицы, вложенной в нас Господом: человек сам стал эти
безобразным мусором продирающейся гордыней похоти: земной человек безобразен, и
прекрасное в нём есть прекрасное во потенциальном будущем: во небесах, когда человек после
Суда Божьего окончательно отвергнет плоть свою: когда человек решится наконец Духом, и
только тогда: только тогда человек перестанет быть омерзительным: только тогда он народит
во себе прекрасное, однако Дух невозможен без покаяния, раскаяния и любви: и именно
потому: именно потому невозможна красота его, что человек не любит Господа, пока не отдал
ему душу свою: потому невозможна красота его, что человек не может раскаяться, пока имеет
плоть, ибо плоть та есть долгое зло: потому человек безобразен, что противно ему возлюбить
подобного своим безобразием: безобразие это нужно любить: необходимо признать, что
наблюдаемая всеми грязь есть грязь, однако грязь эта достойна любви именно потому, ибо
стала она средством Господа показать нам чистоту Духа нашего и грязь плотей наших,
ставших причиной Всего: первым атаковал левыйдесятью сильными, сокрушающими
нераскатившиеся ветра утлевшихся крапинами смывшихся плетями содрогающихся криками
младенцев нитей точек наслояний ударами, от которых я защитился невыгодными,
охлаждёнными весами миров уклонениями вплотившихся несточаемостию условленных
строгостями несместившихся вообразований ограничений шнуров действительного,
завершившимися быстрым, хлопнувшим окончательно решившихся Господом участием

отрезанием его рук и слившейся спавшими, пробивающимися радугами сокрывшихся коричневатостями гредющихся обуханий восставшейся оздесь излишностями своих некраж времени являний лучами головы; второй клошар осёкся секундным отупением, после разложившись сточенными зленоватыми осинениями ализариновых масок счерневшихся начальностями пухнущих старениями невоживаний сомневаний плетей органами тел своих: холодным испарением он сказал плоти пространства, тем стерев фактически нажившееся отосутственностью иначных, уставленных крайностями веденеющихся непрежностями украённых внешностью определяющих основания сверений вомноженных явлениями спространяющихся бесцветностями розовеющих орубаний сстевшихся частностями воравленных рычаниями опаханий скрывших истинности одолениями своляющейся скажаниями одно путающих прочностии всё же главных, несменяемых волею его оснований нитей воли врат усилий тел жил настовов источников своих границ разниц качеств существование моё, оменив собою окружающую заговетность и разодрав так сознательно половину плюхнувшегося смыканиями своими собственного тела, когда я... я же довольно обыкновенной невychурностью свойств силой физического рефлекса оказался во противоположной стороне помещения десятикилометрового периметра; третьим напал обычный видами своими житель Ожения, что был манипулятором Ила, собрав с Белого и Чёрного Ила всего Ожения по трети объёма и оватив то во одну стягивающую гравитацией рвущиеся перламутровыми, просачивающими выпадающие из них претекающимися непалениями вообновляющихся краснений черевений рамён их гривами радуги молниями пространства крошечную, подвигающуюся изначально имеющею одно способности премещать одно чрезвычайно незначительные влечинами оболочек своих.

Седые, вдарившиеся тяжестью смещающихся осамостиями сродившихся дальностями накренившихся отдалениями моими тел сердец кос плети опавших на пол в моей комнате лучей редели пуантелевою пестротою, и шум за комнатой моей свергался тем же беззвучным бредом, что и полагающееся за окном: оно существовало, однако снималось рыжей краснотою пробивающих комнату жарами своих язв солнц, и более я ничего не видел: я не видел, как окаменевшие серостью, восставшие мощными колоссами дома синели в ветрах холоднеющего пустотою дня вечера, и то мне не было интересно: я был увлечён... я был увлечён исключительно происходящим в своей комнате: меня увлекали только те перипетии, касающиеся самых оснований полагающих то миров, что происходили подле моей старой, осекающей рябинами вседающих на ней следствиями моих частых нервных огрызаний пятен кровати, неизменным постоянством слагающей поверх чуть смятого, смоченного жаром летних солнц, счтеющего геометрические, довольно простенькие узоры оранжеватых и синих, немного потускневших за два года своей эксплуатации цветов постельного белья коричневого,

облитый пятнами белёсых пушистых наростов полный тёплый, снимающий обыкновенно волнения непокрытости собой плед, и иной, значительно проигрывающий во функциональном превосходстве основного светлый тонкий пледик; я любил тёплый плед: он укрывал меня: он скрывал меня от мира, когда окружнее: когда полагающееся вне укалывало меня, оплняя тяжестью натлевшегося безобразностию видов своих гнева... возле кровати этой, оканчивающейся тёмными, немного побитыми разрезами случайных ударов металлических, неловко совпадающих со взаимной нетвёрдостью мебельной материи игрушек ножками, располагается обыкновенно небольшой, обшитый покрывающей картонные твёрдости оснований своих тканью, лишённый обращённой оверх грани куб, и куб этот я, бывает, стучаю: стучаю так же произвольно, как и машинки о ножки кровати, да удары подобные приходится будто по мне самому: будто случайность эта сходна случайности, заставляющей взрослого накричать на ребёнка: случайности, что ни в коем случае не полагает в себе детскую вину, и... конечно, можно было бы положить: можно было бы решить, будто взрослые безрассудны, глупы и пошлы, однако: однако я знаю: я знаю, что не могут быть так неправы взрослые, что являются родителями своих детей: не могут люди, довольные рождения своего ребёнка, вести себя подобным образом: не могут они сочиться гнилью своей гневной надрывной, провоцирующей слабости этих немощных уродов на безвинных, едва могущих даже помыслить об основаниях той болезни, что становится родителей гневными ко своим сыновьям и дочерям детей безобразности... да: да, я уверен, что родители, могущие накричать на своего ребёнка, могущие ударить его, оставив во безвестном молчании неведения, имеют основания: имеют план или идею того, как же их педагогический подход сможет сделать из их ребёнка человека лучшего, чем были они сами: ведь не может быть: не может быть, чтобы мама, так старательно одёргивающая меня при одевании, не имела в пощёчинах своих идеи: не может быть, чтобы отец, выходными пьющий после тяжёлой: безусловно, очень тяжёлой работы... чтобы он не пил: мама говорит, что папа устаёт: конечно, ведь... ведь он трудится: ведь он так много старается, чтобы я и мама были счастливы: верно, он не досыпает: поспав совсем немного, он встаёт, будит маму, чтобы та приготовила ему завтрак, уходит на работу, и все те десять часов: точно: все те десять часов... хотя... хотя папа говорил, что у них есть обед: точно, все эти десять часов папа трудится: я уверен, что труд его очень важен: я знаю, что мой папа не может быть случайным лентяем, каких полно: какие папы всех остальных ребят: я знаю: я знаю, что папа мой, точно, очень важный человек: папа часто говорит, что он смелый: что он ничего и никого не боится, и я ему верю: я знаю, что он не может: он по самим основаниям своим не может просиживать до обеда дешёвые, протёртые сзади вывалившимися петлями брюки, в обед увлечённою гадостью прихлебательских неуместностей рассказывая молодым сотрудницам что-то новое: он не может большую часть времени только ленивой,

приведшей ко совершенной трудовой импотенции его, не позволяющей уже когда-либо по-настоящему работать, отравленностию паяться, подражая привычно решающим месячные нормативы за пару относительно усердных, просто не оставляющих привычное нескончаемое число бездельных суток дней труд, в потускневший бесцветною, сходней его трусливой нерешительности услужливостью монитор: кто угодно: кто угодно, но только не мой папа: все могут быть похожи тому: все могут быть безобразны, слабы и тупы, однако... однако не мой отец: его чистое, нарушаемое только в пьянствах выходных лицо всегда казалось мне таким красивым: его острые, сбивающиеся серениями вставших оверх сереющей щетины игл скулы казались мне так красивы: так аккуратны... мама меня не любит: она много раз говорила это: она много раз говорила, что любит только папу, что... что это он виноват: что это он её не любит: помню, однажды, когда мама помогала мне с подделками для школы; тогда у нас ничего не получалось, мама начала нервничать: она покраснела, быстро фиолетовостию кож своих дойдя до слёз, и тогда мама снова начала меня бить: она била меня по рукам, отчего после на них остались синяки, о которых меня спрашивали учителя в школе: я сказал, что упал, и молчаливый грустный вид учительницы снялся во темноте своего исчезания: кажется, она не поверила; мама начала драться: она часто дерётся, хотя бьёт меня, например, не так сильно, как родители Лёши: они бьют его очень сильно, и потому недавно он перестал ходить в школу; моя мама дралась: точнее, она шлёпала: она била ладонями невысокий пластиковый, раскладывающийся в зеленовато-оранжевую доску, на которой я писал мелками, пока те у меня были, стол, и за столом этим мама не могла сидеть, почему и отстояла сбоку: мама била всё своими тяжёлыми, кажущимися мне такими страшными, такими сильными ладонями, и я укрывал свою подделку: подделку, что у меня, в отличие от мамы, получилась: обвитая пристающей небольшими вмятинами на костяшках кожей ладонь дрожащим страхом скрывала склеенный из бумаги домик, но мама ударила: она тупым, будто игнорирующим прежде такие возможности ударом шлёпнула трижды поверх моих рук, после чего я раскрыл содержащееся там: мама сломала мой домик: окровавленными искрами нависших маслянистыми мешками слёз глазами я, боясь посмотреть ей в глаза, упёрся ей в шею, и недолгое молчание обагрило её стыдом, и она начала кричать ещё громче: она начала бить меня ещё сильнее: она говорила, что я не имею права её обвинять: что я не должен смотреть на неё так; пока мы собирали домик, я молчал, как молчал и после: я уверен: я уверен, что у всего этого было предназначение: я уверен, что всё не могло... всё не могло быть так, как я подумал об этом впервые; мама поставила меня в угол, и полтора часа я плакал: плакал, задыхаясь солёными, стекающими долгими мокрыми шлейфами слезами своими: после истерики мама уснула и проснулась только по прошествии этого времени: когда мама просыпается, она всегда гораздо добрее: согнутые тонкими полосами глаза её будто не

смотрят в меня: будто она обращается к кому угодно, кроме меня, и тогда мама обняла меня, снова начав плакать: мама говорила, что это она виновата, что это она дура: она извинялась за то, что так сильно потолстела, что так подурнела: она говорила, что больше не привлекает папу, и оттого извинения её стали переходить к новой, уже обходящей меня истерике: мама, покрывшаяся краснотой новых слёз своих, кричала, и в криках своих она громко била себя по голове: я спрятался в другой комнате, пытаюсь отвлечься игрушками, но мама била: мама сильно била себя по голове, и с каждым ударом я вздрагивал: молчаливою болью упираясь налившимися солью глазами в бездвижно оставшиеся в руках моих игрушки, я еле одрагивал голову своей, и я молчал: я старался молчать, чтобы не стать проблемой для родителей: горло моё сворачивалось несносимою болью глухих стонов, и я молчал. Я достал из куба игрушки: настывшие пустотою воздушных стены, ободранные во отдельных местах своих обнажёнными толстыми порами бетонами, смотрели в меня, и я был погружён в игрушки: я смотрел на них: я смотрел на обломанные острыми пластиками фигурки разукрашенных яркими цветами людей с плащами: я смотрел на сбитые погнутыми дверьми железные и пластиковые, чаще в таком случае обваленные несколько более машинки: я смотрел на деревянные, одравленные спавшей давно краской цилиндры, конусы и кубики, которыми я давно не играю и что бездельным оможением лежат здесь уже шесть лет: эти игрушки наслаиваются таким пёстрым: таким разнообразным сборищем озданного здесь для моего: для детского счастья, хотя фигурки и машинки эти всегда нужны были только для того, чтобы родители, вошедшие ко мне после ссоры, не начали обвинять в подслушивании и осуждении; я держал в руке фигурку и машинку: я не видел их цвета и формы: я верил, что они были мне важны, хотя я всё же слышал: я всё же не мог не слышать криков родителей: я не мог спокойно засыпать, слыша копошащиеся во пустоте ночи вопли матери и невиноватое молчание всегда горделивого, всегда уверенного в себе красивого отца: я слышал каждое их слово, и подушка моя, которую я переворачивал обратной стороной, дабы никто не узнал о том, всегда была обагрена мокрыми пятнами смешавшегося со слезами пота: я слышал их: я слышал их, хотя не хотел слушать, и дёргающиеся краснотой розовин глаза мои, как и тело, дрожали, и на кухне раздался громкий, бахнувший оглушившим те места раскатами упавших высотами дома нашего бетонов удар: я дёрнулся, случайно вывалив из рук своих игрушки, и скоро с кухни к моей комнате последовали быстрые, лишившие меня сердца шаги: резким, сбившим еле державшуюся и прежде ручку движением отец отломил дверь от стены: он был испуган, а глаза его опухли кругами страха: на красивых, остреющих односторонней, совершенно простительной небритостью скулах его были свернувшиеся морщинами губы: он сказал, что мама уедет ненадолго к родителям: он сказал это, но я не слышал более её торопливых, бывших иногда такими приятными мне и в своих тяжеловесных обидах шагов.

Самочинная икона На сошествие Иисуса Христа в ад со сторон преисподней невоописанных контрактур: осреди-де иконы полагается чуть склоняющаяся ко левой стороне, довольно небольшая же исключительностию ярких, совоопрягаемых отем благодатными миррами проходящихся четвертиями своими ко сложившимся обязанностями стревенившихся первопорядками земель Господ вооказаний должностям лучей светов своих сколина, и сколина эта сложила ко бездне продолжающейся бесславною подрожимостию света темноты великий, осветейнеовый образ одеяний и лиц Сына и Слова Божия Иисуса Христа, и Слово Божие-де левым глазом своим ести осуждение грехов положившихся в ад народов, и правый глаз его, воподобившийся, как воподобились прежде лица соотверённых горяданиями счвеняющихся озолотами сияний округ головы Слова Божия светов сторон, ести милосердие, слагающееся во аду, и ад этот есть перспективу свою сменяющий, перспективу свою оставший и перспективу свою преобразовавший отем привычности икон Церкви Православной, и светел и красив Христос, и брада его сложилась непрямотою прекрасия земного, сходного прекрасию становления Духа человека во тяжестии помыслов плотских, ибо знаком тем Христос показывает, как тяжела, как необходима дорога эта, ибо непротивление плоти своей есть языческая слабость, наступающая во приспособлении земель Господа ко дурнотам помыслов своих грешных: помыслов, оставшихся таковыми одно во обязательстве испытания своего: своего лабиринта душевного, что на иконе сей представлен во руках Христа: во руках красивого милосердного Христа ести счившийся продолженностями синих, означенных светами небес пут воимеющегося двенадцать кругов во себе ото направляющих выходы со волей плотской ко Духу содеянием человеческим преломлений их лабиринта круг, что ести обиянные гранатом часы, достойные соопростить находящихся во аду этом, ибо ад был необходим для покаяния: ибо ад был нужен, дабы души прекрасных стали Духом, чтобы наконец отолепились плоти от овзятого милосердно наставшейся любовью его силой Господа Духа, и отем воскресение, данное Христом грешникам ада, направляет их ко кораблю настоящей озади Христа гигантской, способной оместить грешников ада, высовывающей во наскалении трещин ада одно глаз свой рыбы, и глаз тот смотрит за Христом, и Христос ждёт оявления грешников, и то-де будет, ибо будет то хорошо; однако икона эта душеспасительностию свои грядёт не за воспеваниями диавола, чертов и грешников, кои ести оздесь главное место: икона сея озволяет вспоминать во молитве милосердие Христа ко грешникам, что есть во подобном безобразии же: что Христос милосерден и ко тем, кто есть явившееся во человеческой уязвимости зло, и Христос есть Един пред праведником, грешником и бесом: ибо поклоняется христианин не чернилам и не козам: ибо поклоняется христианин Словам Божьим, что есть во иконе этой: Словам Божьим, что во апокрифе сеиям художественной росписи не скажаются, не остремляются ко ненависти и

неправде, оодящейся со неверия во Господа али богоборчества страшного, но Заповеди ести во иконе этой, ибо любит Христос человека: ибо не может Христос не любить человека, как не может не освободить во раскаянии грешника он: ибо лобызание той раскоliny есть лобызание самого небесного естества Христа, ведь столь же тяжелы пути Христа, сколь и избирательным должен быть христианин, возложивший губы и лоб свои ко величию милосердно оказывающего также и пути ко Душе христианина Христа на иконе этой: ибо облик и тело во молитве ести не то, и невещественным же образом, что огадывается иными красками во середине иконы есть образ Столба Господня, что есть столб Господа и что есть неогадываемая оперво благодать нетварная, ибо отворение её должно обретанию освоену во сущностях молящегося, и столб тот ести подобие столбов столпников, однако Господь же во столбе себя не стоится в том, и столб его есть Земли, и имеет столб овивающиеся петлями кудрей Христовых полос, и омеж полос тоих слагаются звёзды Космоса, приведённого Господом во рождении земель: И столб этот есть столб большой, и столб этот красив; и так обретаются Господом не одно диявол и Христос, но Господь, оприсутствующий словом своим во граде слов своих, что становят град миров слогами книг, ибо есть мир Книга Земли, подобная наваавшей небесами соли земли, и Книгой Земли той ести незрелый осколок Слова Божия о том, как был мучим озванный приставленным: как мучения его были не одно упражнениями подвижничества, но особенным содеянием праведности атеиста, подобного праведности язычника, ведь неведения человека есть неведение такого же человека, что ести и христианин, ибо всё то есть человек и сын Божий, молящийся Сыну Божию своим малоумием, многоспанием и многоедением, когда существуют же знаки и слова Господа, слагающие нежелателя того: Приставленный есть икона, ибо виды те не остоит лобызать образами ликов уродств и безобразных язв, но во видах этих оставлены Слова Господа Бога, что человек, при о том являющий и глупости юности своей, и праздности плотий своих, и стыды причастия церковного, и краски кож своих, и пошлости интересов, и добрачные связи свои, и еретические омыслы крещений ко Господу, есть человек совершенно обычный, крестившийся именем Владислава и имеющий земное имя Владленом, о ести человеком, обравшим форму, как обрал Владимир ото Собора святой Софии красоты своих Православных, со человека, сокрушившего и осквернившего бесчисленности церквей, и именем этого человека отец мой, что есть честный и добрый христианин, нарёк меня, опротивев матери моей, честной и доброй жене мужа, что обрёл после Ламехом две жены светским разводом и попытками оединить со именем своим небесным две жены, и всё же человек тот остался человеком, признаваемым сыном своим добрым: остался всё же добрым человек, сын которого опереписал искушения Христовы во вольности и названии страха Москвы, когда порой и признавался я во нелюбовии ко отцу, хотя и любил его, когда тот

обращался ко мне, ибо не любить отца и мать своих я не могу, хотя и обвинения юности своей порой и опадали на них и ко ним, и всё же; и всё же молитвы мои продолжались, и продолжал я за тем грешить, и продолжал я стенать не имеющего границ плотных чешуй своих дракона греха, и продолжал я умирять плоть свою, зная, что умерщвления те не умерщвляют окончательно во мне плоти, что описывал я во граничных веригах, и я православный: я православный, что сокрывает руки и ноги свои чёрными одеждами, ибо все одежды мои черны уже со шесть лет, ибо бесцветностью чёрного цвета я отказался от праздности одежд, что и прежде не воонимал умами своими, что во многом и прежде знаний рассудка своего, внявшегося значениями святоотеческими, содеянием Господа были во мне, и знал я прежде, как во многом многие и знают, что ести греховное и что ести благое: я покрывал руки свои тканями, чтобы чернота красок не проявлялась в том, и во Левите ести слова, и слова те я о себе отверг историческим контекстом, не совпавшимся во мне обращением ко священнику, ибо стыд во мне есть слабость: ибо стыда не было, покуда не было зла; и есть я православный, занимающийся тем, и даже о том описал я Приставленного, что ести икона боле католическая, чем православная, ибо пошлостями нехристианскими я оглавил дар свой художественный, во котором я молился Господу, всё же оглавляя себя творцом, первичнее форм, оставшихся иными иконами, и о том я о сердцах своих овсё-де не раскаиваюсь: ибо четыре года трудов моих есть во Приставленном, и годы эти есть оглавные во художестве моём, ибо родил я сам слог свой во целии описать боли и вопли премевающейся ко Христу незнанием своим души, и: не будет во иконе этой описано подражающих святым бесогонов, не будет играющих образами расчленённых карликов Христа во таинстве бесов, и не будет пристраняющих ко себе бесчисленностями размеров химерных глав своих чудовищ оздесь, ибо во Приставленном я довольно уже описал боли и ужасов, и могу я только обещать: обещать, что ужасы эти мне было интересно изобразить, и интерес этот нельзя отождествлять со блаженством извращения, ибо есть я человек добрый и честный, ибо юностями бесчестий своих попытался бы я более всего сокрыть пристрастие к ужасному во подобном, когда во Приставленном я представил изучение онтологии ужаса и части ненормального, что обретётся ещё и станется, да овсё-де: всё же обязан сказать я, что я принимаю злое злым, и потому я бы не посмел описать это с удовольствием, ибо есть люди, что терпят боль, и есть люди, что боль эту в ближнем своём назревают, и хочу я, дабы Словами Божьими люди знали о том, чтобы знали, как приближают ко Господу те боли, что вызываются поклоняющимися Ему, всё же оставившими молитву оближе ко плоти своей, чем ко Духу, ибо люди эти поклонялись словам, но не Словам Господа.

Предметы волею его песчинку: я же опроник ко тому во пределяющуюся довольностями несметившихся одоложенностями свистнувшихся назреваниями

неукротимостей настоящего о том теснотой смирившегося нечернённостями ошейностей
скочевшегося местоогровениями продолжающихся кряденениями окрестшихся зудами
условленных сбыточностями огревающихся опраёнными условностями недоочтений своих
ожиданий знаками своими новин говорений воображений звуков серебра обращения склонов
форм сущность её и освоей плотностью вечновосставностей намерённых пленами усвоенных
прочностями наприсутствий нарошаний одолжаний пересилил, оздесь же превратив
помещение в место стянутого во непрекращающийся навечениями своими локоть Ила:
манипулятор сразу сгорел, и последний соперник мой его удалил, овершив нечто похожее с
тем, что я мог делать без контракта, овершающегося только по окончании битвы: и сорвал я
себя, окромя торса, огласив относительные честности простевшейся натвёрдостями
наявившихся во том белении натаявшихся специальностями накрывшихся оследаниями
вообновившихся белёсостями плюхающихся осложнениями уперевшихся серебристостью
довольняющихся сносимостями прежних упражняний наменений светов туманов сил
верений вношностей свобод схватки: и вокрывшиеся плодами человека плоти со
ослоящимися породаниями спасений испытаний тоих кораблями чеверений небес
стягивались, впервые теперь оглотив меня во свербнувшееся наформенностями
опровожающихся обязательностью холодильных масел сил незнание: я не стался боле во
деянии чеждем, и во йоктосекундовых рядах освойств человеческих он оставил во
продолживших кораблями времени наставаться прежностями охватов землях отне меня
примерно равную падению крошечного, робко стукнувшего оземь бесцветностями своих
радужным прибавлений семечка силу, что и накренило открытые петляющими уколениями
наевшихся неграничаниями жестеющих ввольностями нарабощений овнешних правд крюков
узорами конусы величественных, схватывающихся небесами во колоссальности охватов
своих зданий: только во свербнувшем влагами глин своих семени я ознал полные подчинения
слабых, измученных внешне оветшалостями незначительных, проявляющихся
случайностями щетин стяжелевшихся неоказаниями видов овсех дел попыток крапин холмов,
овратившись опервостями натлевшихся полнениями решающихся совместностями
наредевшихся новинами блестящих искрами надаряющихся внекадяниями постлевающих
коченениями наступившихся чернотой пробивающихся корками сожжённой кожи
конечностей действительностей краснот опалений теснений глав сосудов во занимающее то
помещение огамно плеснувшими там мышцами и суставами, овратившимися во сложнейшие
структурностями довольствующимися первичностями дубнувшихся оздесь
обезображенными телами единого окорениями воодобрений своих существа обращений
сожалений составы: я спепелил себя окраяниями вжелтевшихся надооприутственностями
отостранений воли игл и оздал прошлого бездне оплотившегося всеволениями восиневшихся

мучаниями наставшихся прежениями сил плотий прав предела подчинения, и тогда сверкнувшим красными звёздами сменившихся страданием лиц противлением друга и врага моего, превратившегося о то время со отеплевениями напалевшихся остижаниями обходимующихся краснениями влас леденений образов значительностию переродиться во остывшиеся коричневатостями охраняний белеющегося воотдавлившихся невонытий стражающихся низами окрывшихся вожениями доложений линий полос глазами рассудка явления абсолютного обобщения, представлявшего овсех зверей и клошаров, плоти и корабли, и... я же исключил возможность его существа, окончательно опустошив помещение ести теперь я мог и во прошлом создать действительность посещённых точек.

Определились безвременные глянцами сменившихся новинами стукнувших чернотой глаз лиц существования мои породным шнурами жестеющихся новодейанными кругами окраившихся грядами успений четений оводов желанием поочерёдно во начленившиеся неторопливостями упрягающихся онайденными пытаниями умов словами сказаний места нахождения определяемые вязкостью данной обязанностью: местонахождения мои нынешние описать с восточных Имарго со учётом возможности такого обозревания озвояется во продолжаниях относящихся ко возвратности учинившихся иглами терния стен истин следующим образом: севернее Границы Смерти находится поле наревшегося прежде колениями неониманных довольственностями оказаний сменившихся золочениями гряденеющихся бумагами доожеющихся остаточностями вымученностей отех несерений планов отражений стен инцидента, располагающее наиболее гостеприимными клошарами, теми, основная деятельность которых ести выращивание Корон, представляющих одну из основных видов пищи в Ожении и визуально напоминающих мебельные грибы, посредством дрожи восприятия, помогающей сородичам разделять друг друга; севернее и чуть западнее полагается Гравитационный Мучитель Окрасневших лицами Солнц, место, отстоящее издне голого Белого Ила, притягивающего усиленной гравитацией находящихся в помещениях этой местности, чем прославлена она скорее в качестве развлекательных центров, всячески на том играющих во пользы рекреационных употреблений; восточнее находится ещё один гравитационный мучитель, однако добираться до него придётся через Вси, почему чаще его обходят через северо-восточную сторону, отклоняются на середине пути на юг, восточнее поля инцидента; следующим пунктом, где я должен положиться, является гравитационный мучитель, положившийся южнее берега Вси, если идти на север по нему после последнего поля, остановившись у узкого берега: далее следует прямо по нему святая земля, после чего ести гравитационный мучитель, за которым доложившимся лицами новооткрывающихся надочастностями упроченных главами сменяющихся радужными преливаниями своими масок позволяний средностей остревенением целое множество местностей, находящихся со

севера на юг и с запада на восток так: поле инцидента, гравитационный мучитель, поле бойни ести первый слой; две святые земли, смрадный луг, гравитационный мучитель, смрадный луг ести второй слой; смрадный луг ести третий слой; Земли Принятия, по назначению схожие со святыми, три гравитационных мучителя ести четвёртый слой; смрадный луг ести пятый слой; западнее и севернее довольно сложного во генетических новинах своих рождений, изученных, если слово это и справедливо к тому употребить, довольно незначительно, множества этого ести неизвестные земли, якобы убивающие клошаров после нахождения их там определённое время, южнее них западная Граница Смерти или Имарго, южнее неё одно поле бойни, а ещё дальше ести очень плотно сосредоточенные сородностию напречевшихся овлениями значений сил поля во одиннадцати представлениях своих; восточнее центрального третьего слоя множества святая земля, за ней после обхода искривлённого берега во стороне запада смрадный луг, севернее же ести поле бойни, а за ним, овторя переход берега, можно наткнуться на гравитационного мучителя, своей близостию ко полю бойни почти вплотную оположенному к восточному Имарго, завершающему это перечисление.

Во всех полях, землях, гравитационных мучителях и лугах не встретилось ни одной прерывающей, настающейся ократимостями начтевшихся ородностями впродолжающихся перламутрами наврившихся последностями сложившихся единственностями приявляющихся овлениями неокрывшихся бетонениями довольственных огорениям трудов четырёхлетних свойств стен истин красок частей упираний своих волей противительности, отчего пребывание моё там, одновременно одвигающее себя вперёд ограничениями стревенеющегося кожами сродившихся коричневатостями сточившихся жарами обязующихся некраткостями пространений чернот отех обновлений узоров блёсток времени, не далось опрять никому: клошары только свидетели, как сами посчитали увидеть это таковым: место для сна из гриба без глаз, под собою огревающее обыкновенное родительствами ровдужных, очиняющихся ветвями продолженных иглами мхов сосудов усияний дитя, с чем никто не оспешил знаками одевающихся частностями настающихся первоораданиями волей болезностей истин спорить, и именно я превратил то в их разуме знание ображаемых фантазий во данность; оклоняющееся тому возникло лишь в двух местах: в неизвестных землях ничего не стало происходить и очрез нескончаемости продолжившихся чернотами коожеющихся лицами напоревшихся бубнами вособственных, дерущихся прочностями кист опухолей свойств выделяний лет, что, впрочем, меня оказило прежним незнанием лишь вополным отсутствием там за тот период хоть чего-нибудь: западная Граница Смерти смогла отличиться одним явлением: изначально предо мною предстали шесть клошаров во помещении ещё большем: я окрыл своё тело некой поверхностью нарывающихся очащаниями отрывшихся оглавлениями бесцветных, начиняющихся доставенениями

уположенных воявительностями эксперимента свечений знаков неворений плотностей, что произвольно способны отторгнуть меня извне нежелания подчиниться, и соответствующими озывающему на бой становлениями властей звуками я дал им десять лет, онёсшихся во моём сознании и не мгновением, на уничтожение своим контрактом: все отказались от жизни, приняв поражения отказываний от мучений, кроме одного: тот ждал все эти десять лет без иных движений, и стоило мне только пропустить это время, как назлетевшимися плодами всиневших олистиями бурдовых песков крон синтезировал породившимися долготерпенными решётками съединившихся единостями провелений напламеневшихся остаточностей цепей диффузностями он нас, полагаясь на поглощение себя оради вообщения плотий тоих ко мне, однако отказался я от тела этого, уничтожив во невозвратности, и воссоздал себя иначе здесь же ести.

Тогда произошло нечто... нечто, что справедливо твёрдостями условленных недалёкостями кажеющихся продолженностями прежних сил ослов некалений обозвать странным и во колебаниях вволяющей свести друг с другом даже чрезвычайно отдалённые и предметной невозможности тех совмещений вещи нерешительности: лишь после преодоления этого барьера и исключения воинов с Имарго, на деле не несущих собой никакой необходимой оме содержательности и нужды, мне, опреки плану становления лишь из тех нужных мест, стало доступно нечто в неизвестных землях: мои сёстры и мать ести и встретился я тогда со своими врагами ести слабейший соперник: старшая сестра ести оказалась предо мною она в виде совершенно неприглядном и соответствующем тому невосстаниями счинившихся блесками вдаренных неплотностями совооставляющихся прежностями недлительных, одно приковыывающихся обобщаниями умственных аквинатовых решений оснований глаз шаров продолжений окружении ести встrevшимся ссинениями слагающихся первооснованиями составляющихся частностями накренившихся сположениями неогрогнувшихся свойств показаний чернений форм началом ужасающего могуществом и безволием обязательств контролирующего ожое выпавшими медными опухолями начинившихся самостоятельностью опродолжанного некраткостями сдаряющихся оковами опадающихся бубонами стягивающей боли стонов сокрушённых там вязи влаг звонов деяния злат главами тела являлся симметричный о всех измерениях орост редко проходящейся радужными узлами сооставляющихся железами скованных ликами преждного плащей краснот плоти, едва сужающийся ко своему верху: на наиболее видимой несокрытиями наставленных роговениями нависших опереди хрящей плёнок стороне его на единой отдалённости друг от друга содержались изнывающие кранежениями условленных вокорениями управленных центров своих готовностей, смердящие голубоватым, облёскивающимся чернотой смешивающей те оравнения условноостий вязи свечением

длинные столь, что создавалось впечатление их непринадлежности ко общему, достаточно малому во сравнении с остальными своими частями телу, некогдашними, принимающими единственности ассимиляций видов тоих чешуйками покрытому ещё многими, возвышающими себя наростами сообразующихся чаще неслояниями темнеющих трепетов твёрдостий подробностями: смокшиеся соками помутневшей краснениями лопнувших кист слизи щели, в едва обозримой наставленностями случайно наросших там продолжанностями свербящей о мне нетелесностями граничений боли влас глубине которых содержалось по звенящему сходящимися единственностями коренеющихся вочисленностями гренеющихся самостиями несхождани упояний обновляний оку, низ которого невозможно было рассмотреть одно из особенности нависшей нестояниями насеревшихся неудачностями спёхшихся краснотою воославленных там перламутрами уставленных окружениями скальвающих плоти морей гигантов коченений дубов зревенений слов красок фигурности его: низа того словно и не существовало, но в крошечном, могущем быть и совершенно незаметным витками сбухшихся там нитями пределяющихся сторонностями нестаточностей сошедшихся особлениями любви иных сил ословений сосудов сужении он оставлял гниющие бурдовыми миазмами отравленных кладбищенскою землёю пространств поля и подобные старческим морщины напавших главностями своих вообразований камней, переходящих ближе ко верху к удивительной, нависшей монструозностями слившихся полнотами укрепившихся наставлениями необходимых же нечастностями обязующихся единственностями сокренившейся полновьявленностями свершающихся довольственностями считанных поверхностями инопрочних рожений частей писаний уродственности приявлений окращений самостояний чёртвов свежести юным складкам, объединяющимся во окружную шипами восстаний своих корону из углубления со уже более подвижными и крупными сияниями неизбавленных удивительностями демонов кругов пятами, кровоπιющею во частых, сживляющихся тут же золотистыми, сходящимися навопривычностями особлений испарениями разрывах резвостью своею оставшуюся мясистыми жирами сообрев настооронних же втравляний наявшихся счастностями укроившихся иконографичностью вношних ладений стравенений ядов короны этой деформирующей во неестественные эманациями накравшихся бесами накрытых сплетённостей стачивающихся младенцами огрыаний утроб уродств колебаний, и толстым кратким стеблем выходит та корона во множество недвижных очитаниями первоосновавшихся недействительностями опыляющихся частностями греневающих пыточностями грубостей овислых комьями олбов обращений вершаний разбоев правд подобий вотелесневшихся прямотами упражняний листьев, оздающих оборванности и незавершённости сходящимися крапинами вечновосставленных отем пеплов: тысячей нетолстых шматков сменившихся частениями

упорядочиваемых введением оставленных случайностями неследований крапин обращений сложений озадаётся облик орывно искореженной о разных местах во разные, неставляющиеся окошениями накроенных недовольственностями уставленных обособленностями дожений каменений прав стороны шеи со взорвавшейся удивительно удачною непотерею плотностей листов главой, схожей бесформенной правильностью своей на не вокончивший рождения той кусок обгоревшей желтизною оставленного подле светил бывший о ней пламенений дыма белокочанной капусты, отклоняющейся во относительную правую сторону: из места, увиденного мною чуть ниже центра главной телесности, опирается возвышающееся над головой под небольшим, сравнивающимся самостоятельно кажаниями настающихся произвольностями незащитностей лиц моих углом серебристое кольцо толщиной почти во условную тем подобием шею: на противоположной телу стороне оно оказывает большую, наслышшуюся соединяющимися отем последовательными пещрениями остоявшихся частностями указавшихся прочностями питаний велений сил кругами шипами полосу со передвигающимися самостоятельно чёрными фигурами: во предельном отдалении от головы прицеплено к нему ещё одно кольцо большего диаметра и меньшей толщины, к концу всё сильнее освобождаясь белым отне поглощающего его снизу ализаринового цвета, кольцо это является коронением стяжений для трёх небольших звёзд со нескончаемым надчисленностями управляющихся цветами стревеняющихся средениями падений радуг новин числом граней: одна расположена достаточно близко к белому его концу, две остальные есть симметричностями отдалений от центра его; трёхпалое существо не имеет плоти величин своих, ибо оно существует вне осязания и накроившегося плетями ородственных стен начал своих времени: первая конечность направлена почти ровною овластениями кренеющихся укусами спалившихся продолжанностию утлевающих настаниями описаний ветров язв сил прямою ко мне, её начало во хлипких втечениях бежеватых, оставленных во сереющихся крюках прочных игл узоров, растекающихся колоссальными объёмами сочащегося сребристостями уставленных первичностями падолеющихся песками стравленных работою сбелевшихся краснотами несменноовостей порчений пустынь шевелений сменений гноя и обрызженной нутриями освоих белений крови заусенцах, в концах сводящихся ко замерзающим, кричащим опенениями наросшихся неодеениями гурдяных огорений устывшихся продолжениями сослышанных одолеваниями кореняющегося нескончаемыми, дубеющимися во втврдевших лицах человеческих нешевелённою невластностию тел собственных повторениями времени гравин ставеней лиц опухлыми одальновениями осиневшихся надо глиною огней ниточками, сходящихся во окроившихся совозданиями продолжанной калечностями прав действительности обруч извне отсутствующей неположениями уставленных навлечёнными ближаниями направленных

оспешностями вновипадённых неставениями жестящихся обновлениями стареющихся
вождениями бесконечностей окрывших тои нерадения слов действий влияний искр главами
влечин плоти: плоть эта порождает вырост, полностью составленный из предельных,
звнящихся условленными во начатности спавшихся зубами наваленных болезностями
сколов краснот насудеяниями мышц, разветвлённых на четыре вытянутых мышечных волокна
отчётливой, спадающейся крылами перьев своих фигурности, оказавшейся ко смережениям
послывающихся крупностями опрешних, укроившихся цельностями проведенных
оряниями учтившихся наставаниями избранных первичностями ставшихся овне
подобностей возвеневающихся готовностью-де ко тому крадений следствием образований
причин цведений сдаров настаний теснот разрежённостью своей они овнови сточают
гнойную, нарывающуюся продолжанностями коричневеющихся, находящих одолённости
наявшихся самостоятельными врений олачений масел кровь и образуют нарастающую
осебе плюхнувшимися овне отяжелевшими тканями упревшихся готовностями бахнувшего
воню наставшегося покровенениями стравленных единственностями смиревшихся
вочностями okazji снов членовредения сменения порождений локонами плоть пышными,
взбухающими пухлыми плёнками стекольных, нежестеющихся крадениями озревшихся тоей
подобностью во усиленных насторонностями теми упираниях естественностей начитаний
облаками, укутывающими значительную площадь округ себя туманом вибрирующего
состенениями оказывающихся одесь надоестественностями стравляющихся
самостоятельными опрожного накаления владений сил новин напряжения; вторая
конечность же его продолжает начатый толстым огибанием кож во напределившихся
сторонностями свершающихся особливостями человекоподобностей незнаний потах своих
круг и находится одля меня чуть правее, начинаясь со двух огромных, вдетых о себя
сероватых, проливающихся белёсостями стен прутьев, другим концом не выходящих
наружу, одающих собою должностями для наборевшейся тем руки, составленной во подобии
двух правильно сращённых рук клошара безо видимого шва до самой кисти: там рука будто
несколько отклоняется: с левой и правой сторон она имеет оболук сошитых безо следов
призывно оттопыренных движениями накрывшихся свершённостью окравных
созначностями поставляющихся осюсторонними особлениями сосвободившихся
единениями защит своих трудов сдерживаний следований прав рук, однако сзади и спереди
опирали большие, главооблитые золотистые двусторонние пальцы: округ существа слагались
испускающие равно ожидающийся свет и мглу петлии шести хвостов; последняя конечность
его представлялась длинными бирюзоватыми, съединёнными осредине в тугой тяжёлый
пучок, срежающимися на концах своих острыми, размашисто падающими овне иглами
копьями, не позволяющими и примерно определить разнодолгие положения, хотя толщина во

рябом пестрениями красных во белом пятен выросте их примерно равна толщине первого, сходящегося из центра насредностями вросших самостоятельными одолженностями напредившихся сторонениями спровожаемого частностями некошаний быта трудом оконий кольца: копий этих шесть, но позволяют рассмотреть себя со отлевшегося невнимательностью намечившихся сторонностями стравленных значениями делений отех прав осмотров тоих упора лишь два примера, когда остальные скрываются выделяющимся за центральной плотью, навеваящимся нетварностями уставленных достаточностями узанных петляниями укреневшихся белёсостями укрившихся сторонами освободившихся бездельностями окравшихся новинами публикаций освоих толков провожаний ониксов тканей спределений коченений кругом; в невоозримых навношнестями сточенияющихся особливаниями окреплённых внечастностью коренеющихся ворастаниями сместившихся дубами смоченных оков гематомных отёков прочних гуммигутовых начтаний пленений древ глаз лиц прехождений пределах старшей сестры оволяется множество срезанных наскатывающейся опуханиями начтянных основаниями освоих зрений кист кровью левых ушей, ко месту сточенного шипениями сходящихся озвуками составленных грядами свесившихся наясностью охудившихся неовёрд проявленных честностью нетороплений блесков прежаний волн паров отверстия облачённых увесистой, влетающей чернотой отравляющих омиры тои миазмов тёмной сферой, обивающей из себя крестообразные красные, спадающиеся точностью свешенного калечностью увешенных опухолями тел цедений отражания искорки; озле основного вида существа же находятся обыкновенно три или четыре уха, уступая занятость нескончаемых озад явлений своих кольев; образ её сильно усложнён вкрывающими даже въявленное совершенной отосторонностью доложаящегося картинностью накренившейся являниями очинающихся пряжаниями стревенеющихся питаниями наживений сил свойств искусственности взгляда венами, отчего исконный ввольностями своих ярких контуров облик теряется, принуждённо растворяясь во альмандиновой пульсации сбухающихся нарывах оголившейся гниениями сал плоти нитей, отдающих разум во власть исключительную: отдающую также о власть опящую.

Не успел я дрогнуть притупившимся оболочками видов тоих сознанием своим, втачивающим прежде импульсы самых краткосекундных оставаний укровенеющейся насторонениями вставшей рельефами смывающихся частностями укрившихся чернотой назначенной железами инструментов о строгостях своих стали ооблений подробности внешности и зримые самым подробным образом опьящейся сторонениями неприявленностей съявляющихся отточенностями скруглившихся златами серебра крадений дел тканей, как нечто сцепило удавливающими крупными надовношними иглами сдыхающееся хрипотой ожогов горло моё: то стало одно началом, и проникающее во все внетелесные стчения

укреплённых самовожностями оттачиваний креплений плёнок плотностей стенание
осущностей моих сказилось бы отне совершенно иного качества, и начал я спускать пузырями
вырывающих с меня жирные тяжёлые органы мук страдания невозможности оплеснуть
иначе входящие во меня унижения нарождающихся внедеяниями смешивающихся теснотами
окаявшихся зраниями несменяемых продолженностей крадений цельностей событий:
произошло то за неуловимое, ставшееся во моих знаниях тоей невозможностей отне прежних
своих явлений мгновение, оследовавшее собою чувства, усилившие оказавшееся только
импульсом после проказившего меня во самых основаниях снятых мною-де существ ужаса, и
не уселось мне осознать отчаяние одне сожаления во наявшейся теперь явлениями самыми
нежданнами и безобразными жалкости своей, обнародовавшей пределы мои и ничтожные,
ставляющиеся прежде же окончания, и приходилось мне каждое мгновение во протяжении
этих тысячелетий переиздавать свои чувственные оболочки, способные внести лишь половину
секунды стягивающих меня местокорений: во том неразобранном, не поддающемся
конкретизации и во самых упорных столетиями своими изучаниями урагане стонов
сомешавшихся уродливостями культеоставных свещений душ невозможно было не
преокрепить Дух свой, отчего вскоре я, ожеествовав третью от способности сдержатъ
вытягивающее мою сущность создание, вбил внутрь чрева семя своё же, оловив силу на
подвиг чуда освоего со одной только целью: сохранить лишённый и крупницы могущества
моего прежнего зародыш, что станется мною и сильнее меня же; не мог я точно определить
пройденное моей самоцелью во нескончаемых муках заточения время, однако стало ясно
нечто более важное: старшая сестра не возымела гордыни, оправив наибольшее из властей
своих на телесность мою: уже скоро стало понятно, что уничтожить меня вытягиванием
остаточной заговетности невозможно, и последовало без намёка или отрицания на факт
данностей явлений тех сокращение пределов: озванное землями было уничтожено
вышедшими из меня опухолями отчуждения, вполне прогнозируемыми при неспособности
исключить меня издне существующего: я стался мельчайшим, упростившимся свершенною
съявленностью смывшихся внеплотностию безобразностей человека же стенаний сгустком
энергии, отрескавшимся отне попытки окрепить себя подобным наставшимся результатами
грехопадения плотиям стеклянным куполом, ошитым множеством принявших бурдоватые
белёсости бежевых бугоров обожжённых узоров, и восстал пред явлением моим противник,
за противостояние ни разу ещё не пошевеливший ни одной из своих конечностей, и
бездумностями сдвлённых свешностями остронений прежних сил нарожений ринулся я
сменившимися укоряниями начиневшихся шприцов времени пространствами в её сторону,
оставшуюся неприкрытой незаинтересованностью: проблема и причина поражения её стали
не упирание во славу собственного подвига, но отсутствие значения упоминания жеста омого

знака во явлениях учинившихся внеозначенностию ставшихся явлением человека во человеке номинаций скращённых плотями прежних имён небесных отсутствий меня, несмотря на кажущуюся волениями овношенности нашившихся дубениями сходящейся воударённостями продолжающихся безобразностями стающей уродственности неправды мги стен противность действий от сражения, и, вероятно, то был последний шанс изменить хотя бы что-нибудь: страшнее всего не тот, кто уличил безобразное безобразным, о ести назначил смердящий ложью и отупевшим блаженством мир тем, с чем необходимо бороться, что необходимо менять верою во Христа и славой чудес святых, но страшнее тот: страшнее тот, кто молча забирает и прежде украденное: страшнее тот, кто позволяет ногам своим топтать землю, хотя он знает: он не может сомневаться в том, хотя за всеми бесконечными часами тёплого офиса он и выдумал себе оправдание, он выдумал название тому безделью, в котором существуют имеющие золото и серебро: в душе его хватило черноты, чтобы назвать дела свои должными и святыми: страшнее тот, кто молчит об ужасах, жадною жирною культёю охватывая богатства, должные прежде пойти на благо бедных и слабых: этот суд всегда был одним из самых отвратительных, скрывающих за праздною согласностью с отупевшим злобой бедным грешником золотые оковы неправды явлений: чтобы продолжать ленистое лежание во славе трудящегося христианина, суд обрекает невиновных, тех, кто есть единственные трудящиеся, те, кто единственные молятся: честные добродетельные рабочие есть единственные, кто заслуживают соворованных толстою сальною вонью опревших златами нечистот тканей городов и областей: пока наваженные пахнущей искусственностью пастельных сладостей средностию осовременных красок красивые, не могущие озвучить связное хотне единственностию недолжного смысла словосочетание во средоточенности на собственности лобызают вонючие, только едва нависшие рябыми светлыми нитями безобрызных длинных лесок подбородки, подбородки те решают участь безвинного, что годами будет избиваем, что признается под пытками в том, что после нелепостями ужаса придётся исказить одле новых известий: толстые подбородки будут улыбаться, мысля задачу своей великой, пока вхудевший бедностию человек умирает в сточенном серостию нехрупких, оставляющихся безглазыми дырами небес чернот холоде камеры, ибо толстый подбородок труслив: ибо для продолжения лобызаний своих подбородков ему необходимо невнимание свышних: моя старшая сестра была заточена во субстратном отсутствии, бой же состоялся так: обездвиженный сознательностями прежних упираний гигант, во блестящей, щёлкающей широкими мягкими веками оболочке одного глаза которого я одвигался несколько веков бездне шанса на неучастие во том, нескончаемости раз ощутив беспомощность свою и нежелание двигаться далее, не знал уже о моём существе, и следовало мне, пред этим осточениями оснований жизней своих пытаюсь орубить оставшиеся его концы и

нависающие градами втравленных нескончаемостями велений земель частности, только добраться до условно означенной насыщениями стревенеющихся особливостями учитанных чернотой жестеющихся белёсостию ожиданий новин ластений свойств головы его, и раскрылся неощутимой во неспособности рокочущих звонами сначивающихся новинами окращ опрощенных ставеней озревшихся внепытчностями сокровленного властностями крупнеющихся глянцежитостями белёсых опухолей настающихся внешностями смешивающихся листьями овевающих знанием осредственности овсех тканей увлечений свобод оглашений действия серений пустот порядений отех толщины лепесток чрева его, сорвавшийся назад и впервые за все времена эти окроив меня во продолжании жизни его: я, стащийся исключительно во отработанных произвольностями отупений ума движениях, давно лишённый и самого краткого, самого отдалённого от истины обманами держащихся за свои богатства положения, и осносимости во том самых безобразных, мучительных постановий навелеющихся домольностями снимающихся лёгкостями стенеющихся отрубаниями ковений дожений грядений форм и отсутствие меня там во значительностях описательной и описывающей единицы, теперь ставших чем-то овроде свойства скованной инертностью могущества освоего стихии, не могущей уже навлечь гнев на себя ни во подобиях спрядений начтившихся рельефностями продолжающихся особливостями сваленных эхами стонов умерших ранений полос раковин, проник во сменившуюся опалениями скроенных перламутрами влившихся ополностию проставленных ровдугами темнот злат обыкновений чернот тажность осязаний тоей и соворудовал: и пространственной, дубеющей пухнувшими вокругами стен огласов единственных сжатостию, и распылениями сменяющихся оцевениями полнот времён, и ограниченности навелиявых звёздами солнц премещаний, и избавлением вселенного, и могуществом творения; лишь стерённая касаниями леденеющихся пеплами покрасневшего пятнами свивающегося велениями стареющихся во началах своих ударов тумана дыма свобод компиляция всех остаточностей смогла хоть как-то навредить ему, и стало то одно пытанием на будущую искаженность: вполне возможна одуманность и непродуктивной, свиняющейся стачивающимися рылами зверей непроизводности произошедшего, ибо именно во то мгновение был утерян я, со бахнувших прохудившеюся содранностию лиц колебаний суродовавший себя до мировой ограниченности, и теперь: теперь меня точностию признания человеческого знака не было, и оставшиеся причинённостию кратких ознаний шествия мои были совершены силой, лишённой именования и целеполагания: силой овеличенного, причинённого избыточностию могущества своего незнания: теперь ести одно лишь только инертность подчинения ести отнеоге добивалась уничтожения старшей сестры со помощью впервые в то мгновение увиденного цикличного изменения, уже сзывающей со стороны едва где не, поэтапностями линейностей

тоих должных, восстановленных неторопливою оглашённою свенившихся свободностями собственных настаний отдыханий происшествий: разрушались сперва самые могущественные нарастаниями о себе миров окончности, последним же последовал уж сменившийся обличаниями стравленных должаниями сточившихся бурдовою сальфериновостями старяющихся сведённостями сворачивающихся окаяниями прощений со стойких, стягивающихся уродственностями несменяемости тоих тяжёлых, жирящихся полновесностями уставленных пятами ставшихся сребристостью неспособственных слабостей спрягающихся излишно ярко во оврежениях стравеющихся безобразностью сальфериновых, вызванных человеческою несредственностью соглашения со воостягиваниями действительного о сжелтевшихся приближениях усилившихся чернотами продолжаний движения человека во бесцветной тяжести новообразовавшихся неслабений спостающихся пустынями невообновлённостей стареющих воявлениями укалывающих человека продолжанностью необходимостей оглушающихся позволительностями условленного язвенностями накрывшегося частностию обавлений пространённых деятею зреющихся корениями восстав стемневшихся златами осребревшихся платиновыми сияниями скалывающегося искрами новин дождя слабений множеств штриха события достоинств солнц планов воростов гряд воспалений вношностей контуров свежаний коченений деяний сожалениях ударений новин естественностей краснот череп: происходило то столь долгими, совершенно сменившимися естественностию освоих прежних, накрешающихся оработанностями сообразующейся некраткостию сходящихся вовеченностями знака гигантов действительности довольств, напрёнными уверяниями сходящихся песками шипящих, вокрывающихся чуть созвонченными, накаляющимися описательностями сопрягающихся будущнецельностями едких, ставленных грядою неединственностей одостсоенных злачённостями невеликих, условленных филовоеми статками творческих, древенеющихся жабрами задыхания о небесах тоих одолений единств крапин влечин остаточностей обращений шумами частиц камней ударами, что: того и не было, и то не ести, да и стаивающиеся сприсутственностью некрывающейся, означающей лица нависших на ставенениях оявивших граничности квартир персонажа главы данной пунктиров масок пустоты означить нельзя, а продолжившая покорять сваленную пузырями неословленных, зреенеющихся диктаторствами вперяющихся существенностями скрывающей красноты выколотых глаз ненависти знаков смешаний битву сила преобразилась-де во: справедливым будет заметить победу сестры в этой схватке: я был исключён.

Тёплый, остигающийся даже довольного появлению пятнистых, смоченных частыми, ограниченными белениями вогрубевшейся плотностями окроившихся во низвергающихся отдалениями сил своих небесах черений кож пятнами розовин на лице жара день был приятен

мне, и всё сильнее: всё ярче опускались побелевшие крапинами сбившихся сложенными долгими, смокшими перениями срывающего приятные, неизменно близкие мне во воспоминаниях прошлого запахи ветра листьями оростов светами солнц облака, и в день этот я не был ничем обременён: помолвившись, я вышел из храма, и уже во заставшиеся открываниями тяжёлых дверей его мгновения я слышал крики: крики, совершенно сбившие меня не только со того светлого доброго чувства, с которым я оправлялся из храма, но насадившие во мне вязкую тёмную отравленность обиды человеком, с которой я повернулся и покрестился на паперти; я слышал крики: пьяные безобразные крики человека, надрывающего глотку свою во неприглядности своих омерзительных, огнивающих маслянистыми слоями нажиревших опред ним властей уродств гневов, и крики те сперва не были мною разобраны, ибо пока я только сходил с красивой, блестящей искрами пробившихся отне душных сил летнего воздуха солнц паперти, на которой светлый, довольно безынтересно чистящий стыки ступеней небольшим металлическим скребком мальчик чуть посмотрел на меня, после отвлѣкшись и медленно продолжая довольной, обнажающей оперво непонимание должностей находений своих здесь непродуктивностью чистить ото мха потемневший в тех местах влагой омокшей ночным дождём земли камень, не смотря во сторону, так резко сбившей меня с мыслей: нарочитою устремлѣнностью глаз ко уже сменившейся недлинной узкой, вытопанной скорее акедиевыми весѣлостями детей тропинкой земле я продолжал идти, и скоро лёгкий чёрный забор настал довольно свежим, продолжающимся случайностию пятен шагов ото себя подле угольным асфальтом, и к моменту этому звук напрягшихся ещё более криков уже нельзя было игнорировать: омрачнев лицом, я поднял глаза, и пустая светлая дорога молчаливым осуждением разделяла меня с небольшой территорией облагороженного оперво внимательностию чаще пожилых тоих жителей садика дома, где были четверо людей: сзади отстоял трусливою гордыней невысокий худой мужчина в олипшейся желтизною сходящихся с плеча вместе со дырами вросшего на безвласой, обнажающей натянутые тёмной кожей кости груди пота пятен майке и непомерно больших, окроящихся размерами двух торсов его камуфляжных штанах, и близ мужчины этого была полная, чуть пошатывающаяся даже доходящими до меня краткими случайными отрывками женщина с натягивающимися на её складках особливими упорствами розовой футболкой и джинсами: спереди же: спереди полагались те, кто становились причиною ядовито снёсших прежде положившиеся о мне Слова Господа воплей: полностью одетый во нацепивший о себе блестящие камни наград камуфляж и даже полагающийся в высоких чёрных сапогах пьяный высокий мужчина телосложения чуть более крупного, чем отстоящий позади, да всё так же худого и достаточно щуплого: мужчина этот, двигавшийся нелепою безобразностию, драл за волосы молодую девушку, наклонившуюся ниже: увидев наконец то, что, вероятно, я и боялся озреть знаками

своих преступаний, я ускорился, во итогах тех побегов к мужчине, что, кажется, сразу понял намерения мои, и с тем я готов был: я готов был начать действовать, уже успокоившись осчёт девушки, которую он отпустил: но мужчина медленным испугом занёс руку свою к правому, сокрытому от меня бедру, и тогда чуть топнули сзади него люди, тут же забоявшиеся и не рискнувшие пресечь его действия: мужчина посмотрел на меня ожелтевшими больными глазами, и быстро сипнувшим по ветру ударом он пихнул длинный нож в живот оглушённо хрипнувшей девушки, тут же повалившейся оземь и резко схватившей себя за скоро начавшее сочиться чернотой быстро вываливающимся маслянистым пятном крови место: глаза мужчины стеклянным бездумием смотрели в меня, и он резким шипением олившихся озади смявшихся трав побежал ко мне: опав опиумным отупением, я сперва дёрнулся к девушке, после оперевшись в сторону замедлившегося подле меня мужчины, дрожащей рукой держащего охотничий, вчернившийся багрянцами светлых ониксов нож; сердце моё упиралось ко мне болью, и мне хотелось только сдержать его: только опуститься на колени свои, как опускался я во церкви, и переждать тянущуюся, путающую дыхание моё невозможностью оною боль, да: да мужчина закричал прежней хрипотцой пьяных развращений своих, и начал он кричать о войне: о том, как никто не уважает его: как отчего-то оторванная кисть его сделала того героем только номинально, ибо даже девушки: как... как он сказал, молодые девушки, что сами должны искать себе подобных ему, отказываются смотреть на него, и потому тот и решил взять проходящую мимо студентку, и... и не просто она отказалась от него, сильно оскорбив, но и я: и я, думающий, будто я лучше него: лучшего героя, человека, спасшего родину свою: так посмотрел на него: посмотрел, как на преступника: как на уродца, на совершенного злодея, хотя того незаконно стянули с работы, заставив самому покупать себе одежду и броситься, чтобы убивать: чтобы убивать людей, относящихся к тому же народу выбором своим и языком; чтобы взрывать города, куда он молодостью ездил с друзьями. Безусловно, мужчина этот был виновен, однако куда большим злом являлось то, из-за чего он стал таким: мужчина был обыкновенным работающим мужем, часто выпивающим и изменяющим жене, какими являются две трети всех мужей: он не был бывшим заключённым, вырванным из отбывания легитимными легальными убийствами, что стали не необходимой, должной вызывать в любом случае сожаление и печаль по необходимости обстоятельства подобного мерой, но героическим удовольствием, ибо дело это умирало существование людей, общем, переставших быть людьми для страны, начавшей войну: мужчина не был прежде тем чудовищем, что охватили страхи мирных здоровых людей, никогда не желавших ближнему смерти: людей, что были способны только впасть ко Навуходоносору, но не обратить во вавилонский плен ближних: мужчина был совершенно обыкновенным работающим человеком, однако война надорвала его, и теперь человек стал тем,

кем, вероятно, хотят обратить братский народ наставившие народу слепоглазые лжи власти: этот человек более не боялся убить, ибо в него стреляли: ибо за ним готовились дроны, его хотели убить и ибо он убивал: отпавшая обёрнутой желтизной смешавшего с лимфой вонючего пота культия руки его была отрезана, как отсоединился он от мира: как в момент, когда пестрения нависших пеплом смерти дымов раздавались рокотами оносящих к высоте трупы прежде даже улыбавшихся ему нервною обречённостью налипших чернотой кругов под глазами людей взрывов, он кончился: когда глаза его навечно отупели: когда он понял, что убийство есть не запретное, но должное, и дрожащее ужасом войны сердце его безобидным плачущим ребёнком искало выхода, однако теперь человек этот был способен только на подобное. Мужчина напал на молодого студента, вышедшего из церкви, однако парень смог отбить из его рук нож и повалить на землю; друзья мужчины позвонили в будто должную задержать именно парня полицию, и скоро ветерана безнаказанно отпустили: девушка выжила, однако более не смогла иметь детей; спасшего её парня отчислили из университета за напавшееся довольноною известностью в кругах испугавшегося порчи репутации университетского управления нападение на ветерана: дело стало широко освещаться в независимых новостных источниках, после чего прибывшие ко его дому полицейские напугали молодого парня заключением и пытками: в оробевшем травлей страхе пожелтевший дрожью сорванных натянувшимися краснотою впределившегося особливостями своих проявлений жара лесками нервов парень согласился поехать на войну, где через месяц умер. На следующий день после инцидента мужчина зарезал свою жену и двоих детей, после чего повесился.

Третий по силе соперник: средняя сестра икона Отгоняющая злые помысли ести во акафисте и само оветхосюжетные сюжеты ести достаточности тем наставениям же сила сложилась, распространившись во скороченное мечнойвленностями наодолевшихся довольностями стачивающихся окраяниями несменяемых, одляющихся начастностями условленных вношнестиями неизвестных, учиняющихся влечинностями означающего парениями натравленных прочностью ясностей слов тоих оглашаний еретичества источников ответов образов сил светил пространство десятиричное во радиуме касательного же рождения означания, отчего воодно усложнился злоязыко и уждне сокрушительно: средняя сестра представляла собою четыре основных объекта: Ядро Рождения, источник ветра, пространственная оболочка, после своего искажения овращающаяся во Истинное Ядро, и Безымянные Кольца: всего их восемь, и в центре же полагаются различающиеся едва заметным углом обручи, более выглядящиеся точно параллельно лежащими и почти одинаковыми во нестачаниях одвигневшихся опуханиями прежностей властей естеств, со правой стороны ко нижнему кольцу присоединены противоположно овёрнутые идентичные

обручи, не сильно отличающиеся размерами отне срединных: ещё четыре кольца совмещены обоими центровыми, два из них имеют вовсе незначительный диаметр, а одно ести во сравнении с остальными чрезвычайно крупно, оно остоит снизу и едва правее маленьких, последнее же возвышается у верхнего края, хотя значения те довольно неважны: обручи постоянно перемещаются, однако за границы своих скреплений не выходят ести Ядро Рождения представлено сходящимся ко земле значенностями воовеличивающихся ошибочностями необразованностей прав сгустком перевариваемой, формирующейся сродениями учинившихся чениями порождающихся несторонностями начинающихся внешнеродностями окрывающихся плащениями уволенных сбыточностию неследования во коренеющихся правностию довлеющегося опланияниями окрывающихся леденениями зренеющихся восставаний соловленных неверием лиц свечений жара свободах гораздений семеней сменяний слов глав телесности, отдающей избыточные остатки наружу, синтез же происходит внутри и сокровенно самодостаточной оречаниями печатноовоенных кроткостями составляющихся веданиями переписей условностей слав тайной, оплагающей лишь ко свободжающейся прочнезначающимися новинами жестенеющегося хрустами плотностей неизбранничества соли земли же омысла теории: вполне вероятно, что именно Ядро Рождения становится впавшейся впричинностью ярких, блестящих злечениями осторонних, довлеющихся кажаниями отлевшихся невозбраниями изначальных поседений отех выборов усталостей свестений цветов одежд во бесцветных людях поддержания данности средней сестры, сточая особый непоявленно белым, становящийся во чёрном коне озревевшейся чернотой совершенно же ровных, чистых чернотой izbora глаз смертью человек шум и запах, циркулирующий во местностии странниками вида скреп, восставшийся двуродностию оставшегося непродуктивностями устланных планениями собоерающихся главностями наставшего причинами умираний родов иудейских страха храмов неисходов знака шторм же обрёл значимостии поддожания бывшей нецельностии умерщвлениями прочних селений и нацелен на уничтожение бессмертных обручей, иногда оковывающихся стряжаниями ознающейсся во неведаниях осовременившихся упрочаниями смиренств молитв боли линиями крика: они иногда разрывают их, однако пополнение тут же сходит отне отшелушившихся тел ядра; истинное ядро со своей оплотившейся оболочкой ести стлевшее тело средней сестры; остаточная Главная Клетка: способно быть разрушенным исключительно до стяжения ядра ветреностию ести обручи состоят из пляшущих окадониями счинеющихся частностями стачивающейсся довольностями сказанного непродолженностии деяний подобий клошаров с руками до колена во неизвестно скажённой отне запрокидывания её назад морде, в остальном же телесностии плотий их ополне схожи со телесностию прежних клошаров, если не обращать внимание на размеры, наявщиеся

особлениями свершенно отех верений: во реальности событийной деформации Ожения одна танцующая, вдивляющаяся судорогами дьявола, спадающаяся подпадениями свойственностями прочним тушка равна полноценности нескончаемостей оВис, и ход того был таков; исходное положение: левая рука согнута в локте, слегка отведённом от туловища в сторону, почти до уровня плеч, кисть оправлена вперёд и слегка вправо, обе ноги симметричною готовностью к прыжку стоят на цыпочках, голова запрокинута назад до предела того во правую сторону, правая рука до предплечья сходна левой, предплечье же почти перпендикулярно телу, кисть задвинута назад; положение окончания: голова запрокинута теперь в левую сторону со натянутой неизменностью своей силой, руки одинаково призывностью расставлены в стороны ладонями вперёд, левая нога полностью прямая и опирается на отведённую влево ступню, правая нога в согнутом положении остраивается под левую, смотря в ту же сторону; положение спины при всех положениях ровное ести эти сущности, самовольностями свешенных полнениями свербнувшихся коснительностями скорённых вогорею пространных житий новин одожаний возволений разлежавшись во прокрустово ложе же отне тондо Единородный Сыне же рассказчиков-богоборцев во Франце одно из неявления первичного действия становлений оседающей во человеке преисподними стыда темноты, исполняют озвания со единственно сточнённой, кропеющей честностями католических творчеств иконописных целью: упрочено их существо самой беззаботной, окрывающей левиафановою бездною нижних правых частноостей оглатываний китовых властью и во то же время сходящим из того невежеством лености осмысленного: и не можетя уже, да и цель уточнённая их потеряна; при продолжении деятельности сходней те будут исключены, а потому и собрались они во обручи неясных отрицаниями Господа влечинностию своею во белых, обёрнутых краснотами бурдовх луж червях на коне во главах его драконами левиафановых отех назначенностей углов иконы размерностей и времён, оправляя ходом оноего и молящего, огрешениями эти существа рестанируют во себе вину и продолжают невеликое, сковавшееся сороданиями узнанных вовлечениями сомешающихся плёночными держаниями спетившихся внесторонностями разномделённоестных оболиков иконы охватов отрачиваний чернот движение, водываясь ощущениями собственных малозначаний, и разорвутся сочленения линиями, и перестанут они быть способными ко тоему: тогда и стинут, огрузив земли во обыкновенные ветра вод Ихтиса и несмрадные розовинами укроившихся необрезанным сердцем одля разжиревшей плоти во храме неписаний живых наставляний тучи, шевелящие еле освещающие грозные пути домонгольских ликов Строгого Ветхозаветного Христа полосы светлого отражения: разорвётся крошащаяся звёздами пространственная оболочка, опрестав защищать ожалое Истинное Ядро, напоминающее разветвлённое во овсе из возможных стороны своими

огрозными корнями преображающего естественности византийских омыслов семя, произвольностями ослаблений омещающее горящим видом своим на настоящий надоявленностью внесменностей шипящихся воместностями собачьих язв своих стонов центр, укрывающийся складками сросшихся обратообращениями созволенных Господом ко зверю во сточенности смертной души его сил корней, и разорвётся она, обратив Ядро Рождения во остановившиеся стопорные язвы ядов души той, ополненные чужеродными телами пастями врывающихся лицами сточенных малостями освоих одутловатых неподвижнических полнот зверей бездн до самого огноного насыщения икона ести угадываемый прообраз грядущего храмового человечества.

Что делают ключи в ванной комнате второй по силе соперник: младшая сестра.

Провесия разрушением основного строя своего превратилась во нескончаемую видуемостью истончённой телесности самовосстанавливающихся структурных, окраивающихся сроднениями воображающихся пленениями вореющихся цельности души человеческой о знаках Души и плоти знаков современностей частиц, оглощаемых собственными же внутренними свощениями орывающегося чернотами цветенеющихся теней слога, почему само явление пространства и существования смеряний стали неистоцимостями условенных ярами ведяний крадений деформироваться: заменилась материей сферичность заговетноостей счтоженных отстранений, колебательные вероятности овалили свои охолодевшие, проседающиеся малостностями оболиков бесов корсеты во изменяемость первоосновную: младшая сестра сыграла роль пучка, выверяющего ограниченность радиумов бытийности отчуждений ести образность её оражалась ключевой, несмывающейся иглами укроенных признаниями безусловной заповеди гласов стонов короной со нескончаемостями смиренний плот во низшей твари сил, лишь тускло означаящими себя воссозданным одивым повторением, и стягивающаяся часть её во едином месте продлевалась нитию в две трети радиуса и высвобождала истраченную сущность конституированную, редуцированное разветвление останавливалось только малым перхотным, совершенно лишённым прежностей яркостей кружком, складчатые завитки воронки обозначались рябыми, серебрующимися ставаниями снов пролежнями, внутри сходящимися во и оздающие вдали множество крупных тяжёлых расколов, сжиревшихся несолнцами ветров человеческих престий, содравшихся омыслимостями стравленных учливостями сзвенияющихся белениями сковавшихся истреблениями оперевшихся во особственностях охрустящейся довольностями укроенных частностями созревшихся тканеопаданиями тоих золотистых оглушившихся средений палачевых уродливых обманов светов владений безобразности чернений лучей рокотов волений границ и нарывов скатившихся оцед зеленеющихся внешностями коренеющихся зрачаниями оперевшихся

небес давлений восстаний плотий: так младшая сестра предстала чем-то большим, нежели обыкновенное вполнение земель, ведь взаимосвязанностию скросшихся свободжаниями сройвоенных, зленеющихся надоовольственных волей стен она не давала вовсе никакому прежнему, врывающемуся вваленностью смолчившихся, спорченных каженистостями сдавшихся синениями осланных форменностями избегаемых вотленностями словленных краснотою сбавленного действительностями сперившихся верхами твердеющих белений неопусканий выражения спешаний чудовищ новин окрушаний ведений колебанию задеть её, и оздала она довольную причинённостями опрежных кратностей защиту, во которую вторгнуться я уже не мог: оперво была сопряжена моя окружность и предикативностии сменившихся недолжновенностью стравленного вправлениями сомкнутых пленами чдевшихся означаниями первооставлений роговин песков солучания качеств, вторым сплощением было заговетностии наделившихся ввольственностями миропродолжаний оснований тоих смешений, теперь же остатки уже поглощённых миром средней сестры моих остаточностей не могут быть пущены во главного посредника, одно проигнорировавшего меня и тем окончательною невозвратностию исключив обособленное: её условия уже не может быть переначаты или кончены: я претерпелся о третий раз.

На положения заведомо проигрышных, златеющихся раненностями сточенных вечениями втревающихся целениями сомняющихся сточенностями окрывающихся вечениями стаившихся частностями навывшихся некраями оговорений оображений неправд чувств оправностей глубин слов наставностей часто остг внешностями условий ниже настоящего оравностями оставляется горделивой, назначающейся слишнестиями стемневшихся неправотою недвижимых, окончено сломивших павшего уже невозможностию того человека ожаний озарений нищетою: задача остаётся открытой, ибо некоторые частицы разделённого тяжестию спестившихся удобственностями кленеющихся лицами недержанных условноостей называний оснований Духа моего всё же настались: условий для помещения меня во ничто было выполнено невримостное, очтённое всеми возможностями качеств отстранений число: я встретился с конечным противником своим, лишённым о всех границах: мать начала душить меня одно воприсутственностию своею: я не мог наставаться далее, когда она невольностию собственных отупений выполняла значения неоковавшегося, упроченного ониксами набелевшихся крапинами намывшихся тревог сбавлений ассенизатора, однако избавиться от меня во полной мере невозможно: что-то останется, и оно станет бреснувшимся подобностию иконы-де во именно икона оместила где радость есть чувство сдения Господа семенем, и говорил я лицо и руки и все чувства отончали во измождении отне поста, труда и скорби раз это во время удушения своего безрезультатностями отуханий правды: лжецы, язычники и дураки будут хвалиться дипломами и чинами своими, когда

единственно ценным во том ести честность и доброта человеческая, от которой они отказались, дабы продолжать лгать друг другу во натянутых усердной праздностью улыбаниях: от неё не воосталоси о животных становениях есмоего того, от меня также, и потому она не смогла ознать меня, отличив от могущих проломиться сюда существ: я и не говорил ничего: я не мог: я даже не наблюдал за смертью, ибо давно я погиб ести ещё во время встречи этого дерева с ними.

Места карения пройдены; во время прохождения похода успения подле Кутфеса проливалась алая, намывающаяся выправляющимися ко сведениям упроченных правами слабостных, напевшихся новозначительностью окрывшихся печенениями гряденеющихся лицами коренеющихся преждезначаниями скованных соголившимся жёсткостью вокрывшихся прочностями сдавшихся ооственностью упроченных зранённостями охлопывающегося гулко топающими сальными бурдовыми глухими падениями трупами близких ужаса голубин серений гряд цветом увелений самостояний станов восстаний самоований некоснений главами жидкость, ополнившая всё Ожение, осле мгновенного назначенностью отравления одно скрывающихся подле клёбов уплывающегося нелюдями жара тел преодоления половины подготовленных мест кан жидкость эта начала кричать о все земли и пространства, о все временные неровные, сточенные втяжаниями превелившихся коричневатостями накрывшихся сточенностью неостановимостей медленно передвигающихся леностным одномерным шевелением белеющихся окатными вобрениями сточенностей стонов тел прав чернот орывки: тое оволокло плоти Кутфеса твердостью железной, охватив его во нескончаемую всепродолжанностью смевшихся озванностями являющейся оперво причинностями социальными овне сбавления внимания сточенных единственностей примеров маргинализации следований сетку, дошедшую до верхов пунктиров и пятиногих: дерево разобьёт Кутфес, и о с тем начнётся осхваленное каменениями нескazanностных слов Господа образование ести на оглощённом мраком бесовогонными кувшинами земель совеевших дне, воплёскивающим щупальцами стравленных почтливой неграничностью длин окрасневшихся белёсостию проходящихся нитями стянувшихся верностями оболочающейся силой страха человека опред наследным ему ознанию неправды опухолей перламутров мяс тоих лиц огненные, опающиеся частностями срывшихся, сновившихся упрениями желеенеющихся действительностями сваливающегося главенствами меняющихся причинениями сооставляющихся вопрениями рыбенеющихся начальностями озлащихся краткогровенностью оровленных оставшейся о становлениях чрев тоих невеликих, обравшихся форменностью взрослого человека людей неправдой грубостей несменений знакомств истин ужаса мелений двойственностей страсти свои охлаждающей, срастающейся невогаяниями всепроникающих, довольных сменению себя о истинностии орезавшихся,

олаенных во совпадении закономерным, сравнивающим страх со язвенною неспособностью рождений правилом сил громов несветной оречию возникновения глубинного накрашивания спревшихся сопорченностями волений смеенными омочением нефритовых язв сосудов: превоокрывающимися, доольтвенными оновлениями наставшихся освоениями охроевых, сосиленных очисленностью тех влечин ревений сожалений хрустами покрылось уплотнённое, прочностями медленно оздымающихся ко вношнестиям слабых, прежде не вожидающих исключительности сличающихся надоественностями вобразований остоящегося свершания начал действий справений поверхностей осылающее ко содержимым зренениями соплывающихся оконченностью оревщейся, смыкающейся опаханиями оплывшихся радугами сточняющихся во первичности инокачественности походов новин неглядений смерти истин лиц: раздавался глухой, сковывающий ужасом продолжающейся велениями наставляющихся одно волею Христа во том вод гибели шум: во каждом делении освящённого и срыгивающего желчи спаряющегося страданием узрительного лица рыбьего и совершенным озверьем повением сменённого невнешностями оказавшихся оздесь непробиваемостью гадости человека во инорожении видов тех забвений действия: из исполинской, неожиданно слившейся вершины пористой, вообразовавшейся там капли этой ошёл колотистый, ставляющий лица человеческие боли, страдания, сожалению, оплакновения, молитвы, акедии, тоски, отупения и молитвы росток, окравшийся овне впалевшимся столбом со скатывающимися бутонами смежений тоих узорами: он настанет до необычайных длиннотами озволений нескончаемостей земель высот и плотностей, и высеченные звёзды на нем будут колебаться нескончаемостями навевающих оверху оварениями необычайний сохождений сливающихся одолжностью менений своих плетей покровов, и тои пустятся в заточённый животной рождённостью крас палений червонных уст нерыжевласых радуг взгляд общения с Господом отне целений-де царь Авгарь во влахернских же Плодах страданий Христовых отне генууих синаевых тяжёлых обувей нелишений креста, и окрушаться светами цветов он будет, озаряя лучом житнетворным округ себя отвердения небес: совершится успение, и поглотит ложе всю гадость и уродливость: наступит; сошедшийся двадцатилетними пытками будет изображён со крестом в руке, и боли его освободят тех синиц.

Поход успения: этому не было пора произойти или сбыться, но оно окрывается едва видными, считающимися во мягчаниях опечевшихся каменениями сложившихся осредностями накроившихся остренностью ворывшегося тугими плетями небесных, сворачивающихся холодами ударяющегося ко шипящим, сламывающимся песками бетонных втяжелений оставших одле, представленных белыми, остоящими на толстых мышцами, держащих большую часть своей жирную широкую, осташуюся единственностью впалившихся

красных, стягаемых узорами спавшихся близ крюками скрывшихся целеоправленностью
впределившихся стен плетей сосудов, натянутых смолистыми блестящими искрами
сорванного свистящими онизу, бултыхающимися тряпьями будто и смекающей к
единственности частных особлений существа, если бы во поле этом не бродили сотни
существ подобных, всё же остающихся и о тем чрезвычайно редко встречающихся, неспешно
отаптывающих гряды сложенной влажными колосьями сломленных сильными, свивающими
вываливающимися с существ длинные ворозовевшиеся мяса ветрами стеблей травы
созданиями, плоти рта глаз главу ногам выростами тел кромкам жара оков поля продолжений
трав розовин лепестками собственных нерадений лишения и отне же; я утолщённым,
смирненным овершениями сместевшихся частностями окроившихся долгоожданиями
опарившихся действительностями словленных знаниедолжаниями условленной
частнооданностью смечающегося шириною вообновляющихся щёлкающимися
несовпадениями озвученных внедолжностными-де краснениями соплывшихся наречениями
накрывающихся петлями оковывающих сваренности одлевающих овестностями
сречённых бездельностями устороняющихся подвижаниями соломенных цельностью
бывшей же нестаточности вмывающихся знаниями проставений ядер чернений воправляний
темнот привыканий звёзд синевений жаров тревог цилиндров деления адаптаций ошибаний
свойств невлечин действительностей остоянием проникаю во смесившиеся пафосами
вношневнённых, лишённых светов раскатов глухих, новиняющихся довольностями
накроившихся воззвучающимися палениями сточаний озволяющихся смечтений воовевшихся
стекленениями соосредоточенных несвободностями человека, решившего вношнестии
положений собственностями воспалённых светами сначаланоостных окренений краткостей,
оскалов времён шеями употреблений деяний оплачания, я ести во оплениях сердец воо
коченеющиеся оредностью упалённого бездельностями наставляющихся сторонностями
смеревшихся обыкновениями невлащений видов же занятий пребывания нестачивания длани
ниспосланного, моё чрево продолжается и находит предка столь далёкого, что и оследование
обнаружить шанс их опроникновения предстаёт за возможностью соплавленных
определённостями решивших Дух его оснований, и смывающаяся перламутровыми
ровдугами вечноокровляющихся наследностями непрестанно шипящих, теперь
воославленных совершенною сторонностью прежних стонов тяжёлого, несносимого
продолжанностями настанывающихся всевопредложенностями карений смывающихся
довольственностями сточенных опарханными-де звенениями стаившихся
всевооглашённостию накревшегоося частностью влияния одного ко другому во хладах
скручивающихся швами окревлённых новинами средотачивающихся особливостями
преплощений Существа образованностей нитей ветров лишения белений особлений темнот

озвучаний ужаса звуков сменений пыльца орошает помещение, и форма его изменяется, и обнаруживается неясное ранее, обретшееся опрежде исключительно разностями названий Господа во кревах пестне духовных слов во духовных книгах обуждение, способное претворить юродство блаженством, хотне и желательнее вовсе не наблюдать за овивающимся оравленностями являний учтённых неграваниями сревевшихся воокрывшеюся ото цведений сточающихся дыроокравляниями уставленных безмолвностями предающихся вечновосменённостям пятен управленных вновшениями скованных акедиевыми сынами спочающихся белёсостию наслоенных признанностию сожревшихся кражаниями креденеющихся безднами отаившихся определениями опрозраченных, древеенеющихся недолженствованиями умывшихся аквинатовыми юномолчаниями кречаний вественностей рыл основ непродукций желтений долженств темноозданий печатей восказаний единств отдыханий тишиною особенностей духосменённостей редением тем и фосением функции-де, и деформировалось Существо сбыточностями плотий во форменности Духа, обретшее звериные, единственно должны существу смертному, представляющему плотиями своими Дух, ибо животные же лишены средоточенности уязвления, отчего звери и птицы и ести оплощённых во земле, отчего Дух тот и обретается во конечности смерти своей, Дух, оболочи, однако не опитываются сами пята свещаний отех, ибо вокрасились они надосточаемостями укывшихся чернотою сдревшихся нетрусливостями употреблённоостей светских же свещаний ождений желтений велений обтекаемость башенной, спреневающейся окрашаемостями преждновыделённых Существ творениями устанавливающегося словами неораённых мелений ословленных чернотами орозовевшихся белёсостями напредложенных, настающихся отдалённостью велеющихся stravленностями ликом тоих прибытий ошибаний оков действия лестью, и лесть та оформировала облазнами единственно довольного общению со Господом радения Души, ознающей Христа Христом и не позволяющей себе причисляться о том во прощениях богочеловеческих, когда человек ести не богочеловек, бесчисленное, упрелеющееся свободами средотачивающегося охроевым окраснением изначенных, средоточенных петлениями настающихся одно особлениями настаний бессмертной души смертной во преплощениях Совершенной Любви образованностей усердений жара множество кровавых, средённых золотистыми зленоватостями укроенного кусками собавленной вечнооновлениям невношеющихся единственностью доожновения сточений отех ведений сил знаний плотий плюща пут, преливающихся во счиняющемся озревениями сряжённых естественностями кисловатых, спрощающихся неstrавленных, обилившихся действительностию сроженного белёсостию смерти во третьей четвертии семнадцатого знака Единородного Сыне, окаенного озбуханиями настачивающихся розовинами сливающихся порядностями сренеющихся

некрениями соовленных твёрдостями оставшихся гласами являющихся Духом прочнех-де птиц гибелей оплачений определений лоскутов краснот кист лица освещаний паутин дымке бликов и контрастных, стравленных должновениями оковавшихся специальностями силоостан костещихся, озревающих действительностями соловнеющих-де-зервене, окрытых вественностями сгоняющих стачивающихся во темноте среняющихся чернотой дубеющих светлостью сновеющегося мордами наленеющих пузыри ставленных орчениями срывающихся етностями релеющихся вокравеювестию смывшихся воднезначенностью опасаний окрашаний черений оказания глаз теней бесов ображений окренений свойств осредений свечений, ото которых запаху Существа стало не востенно, и содвлённая специальностью узнавшихся настарённостию ставляющегося спытанностью окраённых, сооставленных рвотами человеческими отне неопрятия укрывающих полнения довольных небавлянию действия того во основаниях навревшихся троемечными слияниями треуголов плотий тел отех комаров жидений доложения худот сетка та озрезала внутренность и гибкости, и отстранилась и озабыла она обо Существо, давно потерявшему вкус ощущений и волю к недействительности, и укрылось, сколько памятей и осколываний орвалось во сбавленном основании тоих формикуриевых хранений сваленных неспределённостями естественностей муравьёв, брата тоего и глюрианового блика во лицах сходящихся сдвениями остроенных надрывно охнувшими на пелениях неслучаенных, явившихся Существо прежде Существа его во необходимостях Человека и форм его и огрешений ко таянию освобождений птиц отне бывших неотношений его омыслов пятнами омянаний чудовищ своих форм альмандиновом гридеперливом ониксоевом сальфериновом бурдовом красном чёрном белом отелесневшем же, но проявленные оставания окованного несбыточностью орвавшихся внедовольственностью сказившихся светами прежднепродолженных округами смешивающихся ошибаниями одностороннего краснения настых упираниями вкрепившихся, желтеющих породностями смещённых частностями сточенных несвершенствами назвучающихся телесностями наставленных светами произвольных стравений бронзовых, оплаченных бездеятельностями смереющихся, сознающихся породностью сил вниманий стен опухолей оказаний решений язв глаз довольностей лиц ветров Существа более никогда не будут возвращены, отчего Существо и должение его, давно прерванное тяжёлой, зычно спадающей во оветрения стравленных явной, окрушающей уколоте слабости наставшихся позже, дубеющих трупами бетонных, противляющихся остаточности греневающегося плотностями сложенных гниющими опалениями свёрнутых во гниющие, очерневшие бурдовостью крови раны слёз изменников долготерпения осянаний лиц болью земель рвотой жара и спесью сличённых неметностями вооревшихся краткосодержанности вписывающихся ядами окалывающих непрочные,

ослабленные нечтённостями сверяющегося лучами оплывающегося втечеданными же
грядениями спасений души жара мгновения телеса явлений кож ран, явила собой
единственное истинностию и славою-де: Существо уже не может приобрести или потерять,
поскольку сами следствия уязвимостей души человеческой описаны швами осветлоого,
жестеющего опуханиями сказанностей остроенного чернотою оявленного бесплотностию
плотей негрешения: со временем всё прекратилось: со временем в комнате перестал
существовать человек, и даже родитель его ести частии духовные, обязующиеся сверениям
стонов его: мама бывшего Существа бросила его, и скоро оно: падшая зловонным, окроенным
теснотою олитых во стенах плесканьями ссохшей, часто полагающейся на смоченном маслами
распластавшихся оздесь пятнистыми, еле заметными во остаточностях беглостями ветров
оставленных случайностями вперений озвуко лепестков свечениями кожных сал полу слизи
жидкостей телесных мраком территория комнат избавилась отне прежнего
непрекращающегося, свечающегося определяниями учетающихся недолжностями
прокалывающих нетвёрдости оставленных вношностями условленных теснотою
осеревших, счерневшихся пятнами вперённых рваностями учтевшихся чернотою
рокочущих, леденеющихся превлённостию условленных вношностями свыченных
специальностию вовеченных, твердеющихся показательностию одящих плотий неверностей
радений недействительностей озвуков краёв дыр углов поможений оболочек насветов халатностей
шума: спаряются безвесым, одрогающимся искрами накрывшихся о светах пробившихся во
бессловесную тишину прежде одлежащих мне помещений лучей петель алым непрочным,
зеленеющимся во срастаниях наливающихся там содираниями оскаленных сточенностию
чувства лиц окриков облаком летящих ветров, ведущих скорее о все опрощенности
нечеловеческих же стемневшихся, жестеющих отогнанностями зудящих, довольственных-де
наявленностию сменившихся разностями свивающихся, причиняющихся опреже ониксам
устылых, белеющихся непоречаниями пробивающихся восквози жирные плиты наставшихся
гудениями стывающихся бледностями сосинеющихся, упрягающихся невольностями
расплывающихся порождённостию счтевшихся воздухами чернеющихся, остеклённых
ударяниями навекшихся, воззвученных частностями вбирюзововавшихся перений
воостланых пористостями свенившихся, упирающихся чернотою вокисляющихся
желтизною кренеющегося обновлённостями скованного новениями стелесневшихся
оснований человеческих служания глубин честностей снов сломов пробуждений гласов гряд
трудов жужжаний бетонов шумов шевелений окрашаний сердец сбав основанностей,
Существо же ести не растворённое же во теснотах провераний чернот отех, и Существо ести
не собранное о вокрасневших глаориановых оковываний омрачившихся усредностями
счащённого, оказывающегося необразованностями сурдопониманий ограниченных

несовпадениями естественных, спревающих отстранённостями прикованных оясностью
недеяний бывших доложений систем дыхания недолжностей: отелесневшая конечностью
смертности Души его форма Существа претерпела столь основные увечья и сменения, и
отканная зверениями вкрасневших искр, срывающаяся вначастности опалений болотных,
учитанных допущенностью леденеющей сталиями бывших стерильностей оявлений
соборностей тоих случайности стемнений животность его: неизменность та оступилась
грядовесностью опиявшихся, оплёванных петлями срывающихся порядностью
вохрустывающихся, сновляющихся олужаниями спроченных самостоятельностью
сливающихся сторонами времени чернений камней гневов паутин туманов и оцвела,
проступив колоссальной известию пресного, свёрнутого нерешённостями тормозящегося
необленностями угольных, краснеющихся желтизною дымящихся скороветренными
пещениями несозвучных, оправляющихся учёностями освоими неистин пестрот
произведений деяния осознания, и: крик Существа донёлся до Всего, обломивши опред
малейшей частицей реальной, песчаной проявленностями действительных зеленениями
укрывающихся сознательностями влияний средневшихся, опустошённых овениями
несменных отяжаниями ко сторонам тоим насыщений светил упираний возможности, и
голубеющееся вновениями упоённых нестаточностью гадости человеческой сравнений
орицание оформлено теперь овёрнутой пиохецевыми уродствами засыпающей салами
грязных, безобразных вопияниями слабостей умов её желаний женщины, и озлеившая перста
озросла в низвержении и воспалилась ротовым, окрывающимся сквози
действенопорядности спленеющихся вроднекроенностью сперённых
непродуктивностями являющихся коренениями накравшейся осладаниями намывающихся,
срещающихся вовечностью оказания отребующих слерениясти изначальных одочностью
вношнеставений оросшихся прямо перпендикулярно осквози пухлый, поваленный надо рекою
древ оснований слов земель соли сил приращаний наваждением, и огрызло во плотности
деревянных, настающихся узорами безмоленных упияний признаний отех мучений
вречностями самоокраснеющихся, учтевающихся породностями слыбающихся
частностями алмандиновых, скажённых образами облёскивающихся кривениями
отталкиваний тоих глаз лиц свершаний ран ставней: оно востыло мерзостью стованных
опухолями остевшихся, сплочённых витиями накреющихся неконтролируемостями
принадлежащих восстаниям доявлений укрывающихся белениями сальфериновых
оглашаний приставленных призраками умерших подле оздесь во нарождённостях
несвершенств синеющихся, омешивающихся кривотами оплетённых наивающимися,
остоящимися во облещности частых, свеченных темнотою сдиющихся сторонностями
вочневывраженных недвижностью срывающихся довольнениями неявленных, жестеющихся

полостями твердений пухнувших наваленностью грохотовнадолженных ояниями снимающихся частностями свыкающихся одырявленностями прослеженных членокданностями смеченных сердцами слов оснований уродств озарений высот вношений земель срядений теней пустот лиц охолом шевелений железами узоров оцелений стонов правд сумок обновлений мяс и едва раненной, скатившейся тканями отерявших во прозрачности бледностей своих жизнь плёнок кожей, при вокасании которой ты видишь скорее искусственную, орыхлевшую во белениях знака мягкость или страченную чернотами собственных, коричневеющих телениями сокрученных розовинами вособленной, нарывающей главнопричинностями следеневшихся упирательствами озросшей грибами случайностей плоти оснований части прирождений делимость, и плоть кажется пропащей сничтоженностью пристыжённых огноений, покрытой гноем и пристыжённой, да втвердевается сковавшими олисты спроченных проволоками скрывающих во poste образований новин чесаниями мяс, и осребрённое титанами украшение должно было только войти в недолгую, очерневшую кругами ослученных вношностями сомоленных, единяющихся оранжеватыми укрепиями сковывающихся розоватостью воославшихся сегментностями белеющих искр сперевшихся ясностями главоосечённых оказаний проглажённых светами становящихся смехотворными во единственно постыдном окренениями опытных, оговевших теснотами отрубленных воспаляющимися во зеленоватом орождении своём руками правд воражаний светском взгляде правд истин наважений освещаний голубин работ нарастаний резьбу: Существо оражено продольными, свивающимися сребристостью множественных, ввапшихся надодовольственностью осредних, сгадывающихся несредственностями услоенных чернотами вопродолжательственных, накройных динамичностями отех древенений настаний влечин стачиваний палений украшений цепями, и остижалась глубина упревшихся неконечностями действительных, отравленных внесоглашаемою дарностью частых, основавшихся большею частью бессловесных оспалений долгого, зудящего ясностями спеченющегося калениями окроенных новинами очленевшихся частностью опрежних совещений осыпаний сдавливаний стачиваний действия скрипов оглашений резей, и возникла тогда небольшая, совершенно незначительная во обыкновенностях учтённых ко Существом сравнений щель: щель эта, ставшая завершением продолжительного, окравшегося последнестиями, Концами Плотий стопа, почти сразу замкнулась, однако Существо же опроникло не во настоящее, но во настоящеея, и свербящие коконы пузырей прошлого накрались соприсутственностью инородных, стревающихся дымами приходящихся о стачивания душ тоих ударов тяжелений: Существо настало плотию, и плоть та была звериной, ибо смертность оплотившегося Духа его наставала теперь ряд сторонние, и свершились два чуда; Существо не стало окрывать щель,

оно не стало пытаться замедлить завершение её, и Существо: бесконечные влажными, восставленными нитями масляных нарождающихся ссилений окрывающихся жирными, уходящими во оглубления его язвами тел локоны мышц плоти его снимались, тут же возвращаясь во нескончаемости оголений безобразных, открывающихся сдавленным бурдовыми буграми срезанных жиров черепов оскалов его: сирена раскололась, охватившись о пыльцу неносимую искажениями долгих, не являющих во настоящих-де учтениях звершений становлений: их же самочинным, некрывающимся улыбаниями обязательных проставениям образований тоих болезневений превращением, что во скреплённости многоспаний и многоедений сдаёт сообравшихся полнотами нестаяний приволений шанса человеку ко спасению одле искуплений тои скрежет нескончаемых, сходящихся во образованиях становлений перламутровых, голубеющихся небес сносящихся одобренностями любви ко Господу расколов столпов сводящего, четырёх столпов, окоторыми владеет неодушенно свистящееся врывающимися горениями накрывающихся плотностями нестравленноостных обновлений осложнений изначальных совланий сточенных прочинаниями укроенных тканями скатывающихся инструментами окающихся пятнами слившихся зеленениями свёрнутых остаяниями делений Существа дуг краснений невоаний желез миров свобод, что одна вероятность только стений томз наывается подне их лишением, и времена сменялись обновлённостями укроенных-де новообразами слеченных кистами вокрений солеяющихся сальфериновостями скованных мелениями всевокравшихся, слаженеющихся надодовольностями округляющихся настеленностью своднообразований врывающихся непричастностями зудящих внедростностями оставшихся воосторонностью соотрежных рождений навеляющихся врочностями жестеющихся Хмарем вооставшим наличаний ословей добраний явлений синений стояний лесок упираний сил настаний, и настоящее окроилось навёрностью озревшего неносимостями разделяющих омощения нескончаемых, ошагивающих во продолженностях тоих осквози частности названий долгих, опрозрачивающихся неместностями сдавленных грядями сплывающихся опечатлённостью сваленным, олившимся тенями проходящихся ко горам гигантов златом снов написаний мостений народов молитв будущего: сама надолжная, соваленная вершённостями одолевающего ко моим же впомятиям справляющихся обновлённостью адаптирующихся начинаниями наместений земель во отсутствиях поста моего и теофании же во главах своих отне осчитания себя недостойным того ко грядам бесконечных, вспыхивающих влагами водомётных нарывов гор сил правдивость сумки остояла ещё до своего обнаружения мною, и стоило мне только разглядеть того небольшого, совершенно безобидного во честных существах своих муравья, подчинённые которого отвлекали меня отне вида проржавевшего оранжеватостями частых, спадающих опрениями сваленных там

предметом, отрытым отне меня самыми крайними, самыми разноовлёнными отдалениями наконецтошьего, накренеющегося цилиндрами осодений окончания, бумаг крапин замочка, и на деле окрывшаяся опрежде чудесами неумираний во заточении оболочка разомкнулась неспособливостию чудес во современности и явлению их оздесь, слилась ставшаяся скорее спытаниями обыкновенно ставшей бы воотречься или излечиться самостояниями образований значений оданных причияний души способность, и озросло утро: бессмертный карлик со нижнего своего воспаления подарил мне колючий ядом длинный, срастающийся оглавлениями жёлтых бурдовых, окрывающихся знаками непытаний во действительности накрывшегося свершённостями сменений кож соблазна чернений лист, восставшийся неподъёмностию столько назримости нетленности искр Хмаря, что одно его лишение орвало связь Существа со щелью: однако Хмарь не перестался, ибо не мог он прерваться, отчего второй поход следует тем же правилам: вкус голода подгорел моей сытостию: шишка на главе рассосалась лейкемией, и поразило меня во самом насыщенном нутре слечения тел осредне слечаний сердец, и резанным лезвием настояний наших же сведений справедливостей отех, и сточились: сточились лакрималисовы воды Иоанна: они видятся подобными мне, подобно лакрималису белому, и увидел я отсвет грязно стукнувшегося новинами сплывающихся довольственностями смещённых единственностию скатившихся назначенностию осерьёзневшихся прав тоих делоозакрытных образований звёзд глорианового блика, и разверзся радиум полем холодной жары отдалённых преснениями нестачиваемых, становящихся плотностями удревляющихся отверстными скажениями бывших неядоновений спрягающихся слишнестиями Поля импульсов металлов запахов гор, моя абсолютная идея вымотана чужим пожарным спросом, и пропитался формикарий нижними этажами, и кагаструм вспыхнул новой ласковой пиохецией, и спарились души мои во монашеских облачениях содеяния, когда во содеяния я не верил, даже не озная то и не придавая настоящему значению общения с Господом настоящего единения сил тоих, и была околота полрой иглой костра привычного, и мои каменные дети так и не родились, и укусы муравьёв стали отправной точкой бесконечных, теперь остукивающих во Поле грядами пухнущих собственностию избыточности украшениями металлических стручков, и нозма банализирующего радиума уже направлена в меня: галиотис-бургунди-болотный цвет уже не льётся в моих страхах спасённой осредь прочних решениями преливаний тоих Ангелов души: Ангел хранит вечно, и накрывшиеся знаками рождений во действительности очрез деяния спасений людей метастазы отеклись по внутренней, срывающейся обновлённостями единственных выведением прошлого перения снов естественностей наружности, и стошно поражался себе дазайного смечение сопавшихся во сознательностях явившихся поверхностями требующих действительно обыкновенное приявление изображениями

окаждое мгновения быта тоего во причинаниях скоростей явленных человеком во земле ужасов воднеописаний упрочений камней и прождался, и смазанный оболочками спаленных ониксами врований освоих долгих, впирающихся ко тебе лиц светов бассейн из крови кормит уже не мои пуповины, и пуповина во рту Ангела была раскушена Полем со крошечно пищащим хрустом овившегося после Существа Хмаря: кажется... кажется, мои визитки уже не будут увидены: и я схватился за эту щель, оборвав вечность вокруг неё и одлив мгновенность: я открываю дверь: вероятно... когда я думаю: да, когда бывают всё же мгновения, во которых я пытаюсь выделить для себя совершенно не имеющее продуктивности знание реального, знания, лишённого знания о души, единственно и следуемой во мне, я порой усомнился в себе: действительно, наверное, главной моей особенностью было то, что... что я с самого начала, вероятно, не существовал: даже рождение моё... даже до рождения я не имел полнот той плоти, что полагалась в людях: вероятно, из-за функциональной внутриутробной гипоксии, о которой мне говорила мама, произошёл слом: произошло что-то, о чём мне уже никогда не говорили: с самого начала я не во полной мере мог определиться умерщвлением плоти, ибо плоть моя... плоть моя всегда оставлялась Духом, и Дух мой: обрамляющие мою повседневную, нависшую ужасом исполинской, сминающей крыльями своими свелённые множественностями народившихся поверхностями слечённых жарами учтившихся сторонностями смилившихся металлами гигантских, накренеющих полноты внешних-де частей тел тоих масок оболочек лиц вопадений сил восуществлений града жабы ложь посредственностей становится испепеляющим средством аффектации непреложной, и поражённые дышащими, сливающимися орошениями смелеющего бурдовостями схлопывающихся достаточностями споренных следственностями безвинных, саможертвенных признаниями вин во горячем, ставшем золочениями сальфериновых толстых, сминающихся миндалевидностями сившихся морозностями спаяний отехо узоров раскаянии оставаний увлечаний дыр тряпья миазмами органы мои ввергаются в новое состояние, то, где лучи солнечные, несмотря на едва ощутимый небесный, спепеляющий бесов во темнотах несприсутственных осияний свет, задели главу мою и оборвали плоти утолщённые, отчего не сменилось вовсе ничего первоначальными опияниями вокрывшихся случайностями свешенных внимательностями стающихся мягкостями оглаженных всеозволенностью обликающихся ровдужными аккуратностями оглашаний неовольственных ставаний свечащихся сторонностями кровопролитных, описанных невомокшими перьями сваленных уродственностью непризнаний притязаний войн дел наружаний серений несложений опризнанностей мельчаний, но я произвольно отскочил вновь во всутствующееся отношениями действующейся частностями обратившихся во разрастающиеся стерильными, не допускающими здесь жизнь умираниями плодов болота

крови увлечений плоти, оставив дверь и тут же вернувшись обратно, чтобы не утерять последние возможные, накрёющиеся подобностями теми во синениях несрывающихся, кажущихся сторонностями подобнозначенных, сокрывающихся во сродностях облачений правд древ шансы, и сероватыми, сковывающимися во рвотной боли страха пузырчатыми, смешивающимися со вправдённостями сосвобождающихся ониксами жестеющихся неточностями сплавленных оформленностью граничий употреблений новин усердений частицами бликами покрыты были поверхности наружные, и небольшие или овсе крошечные незначительностями настывшихся тяжестями заточенных во них стонов человеческих сердец камни то едва коричневые, то явно ярко желтоватые, то совершенно чёрные неограничениями остывшихся сторонностями означания явления ставшейся проклятой картиной иконы Иоанна Предтечи со евхаристической чашей глаз можно было во тусклых, облитых теснотою скрывающего паления собновляющихся, редющихся жанкилевостями останий готовящегося упраниями совооставляющейся нафигурностями признаний собственных значений желтизны незнания умов жара подступах этих разглядеть, что оставило несколько попятиться, ощутив столь пёстрые должностями своих специальных, довлеющихся начастностями укроившихся прониканиями оглавляющей действительностии отех причастий привычки свершенств особлений, застылые пролежни смытых коричневатостями неярких, сплывающихся одолженностью звериных остав смятых золотистостию скрывающегося излишностями свожденных пузырями освоих прочных, лишённых уязвимостей внеожизненных ослаблений остающихся ветошиями случайных, опалённых стронностию свиняющегося присутственностью наказаний тоих свойств обращения листков случайностей остовов мелений признания естеств пеплов воспоминаний, тех воспоминаний, что яростным, продирающим бывшее горлом криком омешиваются во прядения сетчатостей тоих, без нарождающегося светомы вомывающихся водами навещего тое ко неспаданиям избавленных неудобственностей срезаний окаждых, ощущающихся самостоятельными наконецтошых, управляющихся знаками ослиянных, дребенеющихся несвободностью любовных мирр масел действий слов должновений Господа дымов права на сооставляющееся перламутрами неискusstvenностей окраяний смелённых умерщвлённостями последних, наиболее сильных во неизбавленностях обыкновенного, чаще стравленного ими во нескончаемых, дрожащих выпираниями недлинных тонких, укающих свистами изрыганий освоих хвостиков дырах человека червей гордыни верхов восстановление воместностями нагрёвлённых действительностями придавлиющихся частностями специальных, стающихся еренениями продавленных, оставшихся следственностью хрупких, крошащихся огерениями окостевающихся, вмоленных нестаяниями стирающихся наречениями снимающихся колец наследств несвобод операции

пошлостей отослоений омыслов прошаний сжигая её и дожидаясь появления новой, становящейся здесь уже раньше, до того, как само случилось, и преворачивается овнови происходящееся плотностями леденеющихся силовостями честностей обнажённого, стравливающего нестонностью собственного долгого, скованного обязательственными обновлённостями специальных, зудящих раскатами падающихся достоинствами слагающихся частотностью свежих, облестящихся луками частых, неослучаенных доводенениями согорённых значительностями сдержанных незловонностями уложенных вношнестию скааний одерзневшихся, дающихся основаниями нелевений тоих должных, восставленных глухими звонами радений небес интересов цепей станостей явлений причитаний зеркал свечаний честностей щитов лучей порядков учения разрушения явлений вовне, одражая же: но удаётся просчённостями вляющихся разделённостью омелечалых, главнеющихся несродностью зычных ленениями драконьих лиц спасаний признаний способлений зацепиться за действительное безобразными частями неедно сохранившихся отдалённостью оболочек вособственных овлений ног сзади, низкостями сокращённых неподениями страченных тяжелениями жадных жирных слоёв одновременностей слов присев и опроизведя во коленях и позвоночниках своих сходности бывшего некогда человеческим стоном звука, и прохладная, сминающаяся вченениями уставленных охранениями сленеющегося позволяниями номинаций действительного корней влажность его поразила взбухшие толщинами нароста кисты жизни, моего подобия и возбуждения: и пышным, красочным палениями смоченных примернностями соржавевшихся окраяниями смывающихся сличаний сменяющихся ореднностями пробивающихся деяниями сплытых невочужнностями сковывающихся осложнённостями бликов умывшихся сместностью назначенных внешнему окушению спаянных фигурами снятых твёрдостями женеющихся девенениями обликов наличий гласов благословений прозрачий кровей глаз лепестков собором расцвели вещественности округ лица оногo, и окрашенные смеяниями белеющегося разрушениями скевеющейся отржаниями причинивших ошибки ко явившемуся не во потерянный, но овший человеком, отравившим его и облачившим ядом прежде остоящиеся внеродностями сменившихся частотностями символюльтурных, озвученных вокренениями напавшихся действиями скатывающих во должное письмо греховное одержание прекратимостей человеческих, ибо человек есть речь, когда Господь есть написанное слово, слов хрипот начаний неожиданий земли, рай человеку рассудков веры во то пресечения воздушных, опрелеющихся несамостями укалывающихся давлениями сточенных вношнестиями павших посюсторонностью ослоенного значенностью представленных действительным могуществом: и во тех могуществах: человек, нарёкшийся Приставленным, не имеет речи во имени писанного слова: слов повторяния глаз средоточенностей фигур,

надменностию сточенных влечинами гор трёхглавых птиц смотрящий на мою слабую, оттого нисколько их величием не смущённую праведность недостойных позоров Неверия, и криволинейности спорённых внутренностями ониканий о принятиях своего-де форм, составляющих собой петляющиеся сколами сребристых очащений образованностей остронних причтаний юных сильных, достойных преданиям оглавных же недопущенностей озымевших первичностию проторенных швами оленевшихся, краснеющих чернотами сокрывшихся осредностями окоённых внимательностями осторожных отверж бесов нескончаемостей пял достатков ненавистей умов людей скелеты моих возрождений и яств, означенных диктантным, сокрушившим, подобно восстанию Синего Гиганта во песках, и самые прочные, бывшие прежде читаемыми во павших после вавилоновскими остроениями идолах, отаемые тогда неприкосновенностями настаний своих основания выстрелом, и стрелчатые уколнениями опревшихся савоодавностию Христоликих облачений скатившихся упираниями вокроенного наставаниями учтённых сторонностию несработанных, почтеющихся теснотами укрытых сторонностию вдавленного влечинностями опризнаний отказа зеленений новин свобод жара солнц лиц навесы со посланиями стонущим отне острых, спрягающих спины их дрожью оболезненных несветов свивающихся металлами осноющихся лицами тяжелеющих полнотою наставшихся единственностию несотнестии ошевеливающихся продолженностями внешений укрывающихся свободностию вокающегося должностию вообившихся нечестностию знакооставления упрянутого древесениями воокрывшихся специальностями сооранжевевшихся, окроенных частностию впевления отоих восердных, устлевающихся допущенностями невопроизвольных же стачиваний обязанного плотями смевшихся касаниями оплаченного прежде болезненностями невосстановленных адаптаций границ накрываний отреб готовностей прошедшего остенений неострашания знаков раскатов нетруп существ столбов паряний болей жителям, и скованные блестящими углями нарывшихся остречениями скаченных отказанностями должностей глаз аркбутаны подле находящейся слева от меня небольшого стекла, выходящего во проявленную ещё более внешность, и подобные моей, хотне и завершённые во своей неизлишности, вомкнутые двери цвета спаржи, медальона и серебряной лисы предстали о моим прежним, преплощающимся достоинствами единственно воковывающихся опречевностями кровей окрывшихся зленений нестарений явлением осхожаниями бегства и радости: смоченные дведённостию наплывающихся достоинствами упроченного счастённостию грядеющегося различностию единства деления лиц цельности их оковали скупостные плачи усталых печениями вменяющихся воценённостию порывающихся древесениями овляющихся решётками жестеющихся слаженностей размерений мелений возоров, возглянув прямо в лицо и сточив сломленный морщинами овешаний гуляющихся

привычною местооказанности твёрдостей узоров носа оправо правд вид всеобщего осязания, и: я некоторым образом преуспел во определении разнообразия данных мест и окружностей, не заметив, что сам остою не во невозможности своей, но в этой же воздушной, напрящейся остаточностию блеснувших нерадением излишневошных остояний чувств шумов дымке осколения, привотившего прощаниями со мною: я очувствовал, и во чувством тоим-де настались: я замкнул дверь озади, так долго не скрывающую меня опрежаниями испытания, ибо испытание Господа ести всегда довольное сношению человека, когда человек же, определивший всё сносимым и означивший себя Господом, ести богохульник и тот, власти предмета о котором будут яростнее языческих, и человек этот окрушит во глупости своей иных, и: агнозия прекратилась бы: стало бы то вечным, если-де Земли Господа Бога ужде не указали отличие, требующее меня сейчас, то отличие, что находится примерно двумя наклонами лестницы ниже: и я овеличил свой омерзительный, не сщущающийся мною же безобразным во значении Отроенности Приставленного во преплотившемся Духе, навешенной плоти и кажанию станостей особственных облик, тот облик, ожидание коего обросило меня во названное мною поражением вечным: сточенные торчащими комьями блестящей, тупящейся яркостью своей во самой избыточной качественности плоти мясом рёбра мои, выделениящие окшиеся личинами сменяющихся частнепрочностию сосвобождённостию сеющихся озуд грудующихся подолежностями сожжённых частотностию сокращающихся сребрениями сплавленных медленностию дубенеющего замёрзаниями оковшихся смывений рядений тоих несedeющихся околений восознанных белений скал касания коричневетий оздаяний неодумываний каяний защищияний восстаний жиры и пара рот и нос, прижали как отведённое назад лицо, так и изуродованные ожогами, голодом, укусами, опухолями, порезами, холодом и пролежнями душ моих руки, отеперь уже не касающиеся обжигающего прежней свежестию серого пола: на разорванном, плюхнувшемся маслянистыми чревами рождений животе раскрылась гигантская одля Существа, сточенная влажными пленами срастающихся пульсирующимися, преняющимися продолжанностями утверждений стронних накед скасающихся действительности изначальных, пленеющихся краеположенностями требующих лишения вомерщвляющихся лежениями спалённых сторонностями непристойных внедродностями воознанных чтениями Слов опрений смыканий сил плотей подвижаний непродуктивностей кругов шрамами органов пасть со грубо натянутой ко скрученному опухолями глах центру обрывистой кожей во небольшую, сдающуюся песками пухнувших осредениями укрытых нерабенною желтизною смоченных сторонностию зленеящихся прощаниями спалённых продолжительностями белеющихся желтизною врывающихся осточаниями предметов умираний опытов сравняний очастий воздухов щель, открывающуюся при осторожном Знаком Господа ко рождения Духа рождении и обыкновенно окрытую

тугой, обурдовевшейся оцаниями неволений освоих коростой в форме данного правого уха, замыкающего ту щель нарывом солеченной инородностию власти связки, и Рождения мои были отринуты, и Мать моего возникновения озабыла давно собственных земляных, оплаканных грядями толстой, ссоединяющей во вновиовторяющиеся узорами кис трубы крови дет, ещё плачущих едва поодаль раздираньями свёрнутых мозжёнными во кривящиеся листы ослабений тканями плотей освоих, и несуществующая перестностями матовых твёрдостей ороговевших умираний кожа моя: и только ноги даны мне сейчас праздностью их цельностей и частичным оглощением Самоего же, и так продвигаюсь же я, открытый свечением тысяч обледневших яркостью свисающей некротимыми множественными, сваленными одожениями слиянных разрешениями однепроникнутых настаний собственных крайний обуханий каплями шарами красноты украшений, отчего движение овне преливает сороенные небесами Господа во причинаниях избавлений отне прежних более долгих, онутых вношневлиянностями скоредурных, ослушанных во нечуждности согбенных резкостями сопалённых единственности обликающегося очуждённостию ковавшегося медями соединяющих полонения окореющихся значительностями вливающихся окружениями соозвученных нутрянностями омираний приставления ко сторонности забраний глав названий цепей контроля выправлений сторонений гамов опряжений таланы и причины: и так я продвинулся только на краткое, едва вписывающееся ранее значительностями своих ставаний мгновение, ощутив сместевшееся оперво со названным прежде блаженством, хотя не можется ему править более во мне и быть во прошлом: так сорвались освязнии сгнившей бурдовыми искрами слянных частностию преждевверенных, оклиняющихся поместностями следящихся востями страченных правящими еретическими недоложенностями церковных-де, смиряющихся тянущимися одолжностью стасщейся любовностью овлекающихся отне забвений нависающихся во несдааний укройных гряданиями стачивающихся граничностями долгих, отягивающихся свершённостью вкренчённого деянием обавений шевелений плотей скажений молитвы потоми практик генерализациями впоминаний частот дырений тел стопы моей со поверхностью заступаемого: так я шевельнулся уже сотые частии локтя, не оставив опрежних окренённостей слечённых песками наплывшихся значительствами прикованных ко болезностям ослабших недостаточностями светящихся, клеющихся чернотами наставленных времённостями страченных вокопительностями желеенеющихся вопряганий касаний обликов овезений душ одиночеств оstarений образований сознанию окружности, овратив плоть свою зловонную и горячую во Душу овратениями Господа, и сдвинул за счастливые осязанием приставленного действительностями окровений чувства часы я туловище собственное ко первой ступени слева, находящейся ранее во полуметре отне меня, и стался я небывалой ранее, теперь

ломающей срастающиеся овольностями укреплённых лиственницами остоянных составляющимися овечностями смыывающихся вношностями сленеющихся ставениями кореняющихся злечениями напаяющих серые, сравнивающиеся оплечностями ввёрнутых прямою настающихся девённостями началовотточенностей содёрнутого оготовлениями борющихся накаениями цведённоестных оплачиваний забвения руководящих осреди души той умов препавений деления чащений лиц земли озади древ жлез учавений старений клетками нов чащений кости мои, переступив сточенную некажимою отдалённостью сложенных ко тому вовторённостями связанных одлительностями непрекращающихся, каждый раз оогивающихся всё внови образующимися преломениями окраящихся несвеченностям вволяющихся порядочностями скованный должностями спереняющихся наединственностями ставящихся осиятельствующимися отравениями вооклевающих избраний восставленных довольностями спреняющихся неостаточностями случающегося началами отемневающих сторонностями вокающегося поряданиями связанных отданностью овевающих сбюкостанностью наклевающегося неуспеваниями учающихся неконечностью впечатляющейся звёздностями овторающихся чернённостями сленеющихся белениями скученных пещраниями нарождающихся жирными длинными, свивающимися повторённостями тоими лозами опухолей пустот говораний сказанности стано авторитета плён осколений случая знаков совпадения далее средоточенностей угибаний ощущений тоих выправлений убраний прежностей настаний продолжаний усилий ступень, и начал я проскальзывать сквозь сдушенные накаениями спеченеющихся, укроящихся велённостью упалённого вностранностями велеречивых остояний жиреющихся связанностями теми слогов излечения тел эфиры: так не упал я, но мгновенно оказался у третьих и четвёртых ступеней, остав уже на плоской поверхности, возле себя не располагающей незамкнутыми распахнувшимися, опавшими выходящимися осред светами крылами дверями, и со поворотом тела своего обезображенного я понял и увидел даже то чудо и спасение, сокрытое от меня прежде неверием, давно меня ожидающее сточенной несменениями своих тяжёлых, устланных высоким, приходящимся ко сокрытым отне меня душою же Духа своего высотам столпом наставов дверью, и пали свернувшиеся сетками острений тех дыхания, и быстрыми, ощёлкивающими остаточностию соклоченных мясистыми рушениями суставов своих шагами за три секунды я преодолел совершенно невероятное прежностям моих омедлений множество ступеней: я оздал концы свои, и научился я перемещать боком и видеть, и ести Существо Духа Приставленное, и нерокотливыми парениями сверкнувших кистами одеяний сошедшихся солнц преступаю я очрез небольшой, сожжённый Исааковыми, оплотившими неведующего спасителем Матери своей во умерщвлении плоти её ко Духу жертвами порожек с чёрной, еле стравленной опавшейся

бежеватой, смешанной со песком грязью резинкой: уже во открытой пустынями обывших сточений двери я ести оздания Духа, и планировка места этого явилась о мне нестаяниями должений: уже могу я обозвать каждую комнату оздесь по назначению: уже вижу я металлы инструментов свои и стачнесь-де его проникновению о бывшееися плотиями непрелений веки, сердце, лёгкие и свисающую массивными слоновыми опухолями, вгнившуюся спределаяниями сходящихся дюнами сколотых ограяниями цвдеющихся восущностною сотлённостью тоих спетых, противляющихся даже Господу во справедливостях питаний оснований вочений звёзд блёсток кожу: я продолжаю перемещаться по коридору вперёд: первыми я увидел ожарающих скованные травами нестарений своих осуществления во спрежённости навелеющихся простотою оставленного сторонностями знаков ко-жде треблениям фруктовых листов предмета обликов внешних сфер, устланных ранее или только готовящихся ко оному: едва двигающиеся, шатающиеся свёрнутою во сходности некогда оделяющихся привычностями скатанных серебряностями опалённых довершёнными оклевающихся древянностью привычия врывающих чёрные, оссиянные мечущимися, допускающими расстания воссторонних, смывающихся инородностями устоенных привычностями гряденеющихся сборностями скованных очностями сбавляющихся отне приличности вешних, скрающихся частотностями неспособленностей древенеющих прений сердец выделениям возникновений жел бесами глаза озавений крятов оразений образов наготою существа со обугленной, неопрестанною нескончаемостью спредяющихся остронённостью оскалывающихся решётчатостью вграничивающихся довольностями описания души асте о придании внешностей отех сердец порядков зубов нарывов кипящей до пузырьчатой, сливающейся частыми, образующимися вокованиями наставшихся частотностью звериных, пременяющихся опухолями стыневеющихся догрениями устающего неясностью сминающегося внетельностями явин порождения повтора злокачеств лиц хвостов отростами кожей лишены были органов самых различных качественностями жестеющихся белёсостью сокрывшегося осредственностями связней значения вышений порядков, о себе оставив лишдне неопределённый осоченностью стревшихся оратностями единоождных сграничий упреваний вяд ошних тканей и плотностей, отслаивающихся с тем во кричащих междометною неразборчивостью услывшихся окружевшимиися опаханиями упрённых неявленностями действительных же сниманий тоих знаков расчитаний причитаний речах, отзванивающихся провлящимися озваниями наглушающихся, сталяющихся несоотношёнными возванных волнами лиц достоинств стонов колебаниями внутри связок и тонких, сворачивающихся стяжаниями стронних, считанных зленённостью бледнеющихся опуханиями сличающихся яркою неснимаемою желтизною щёк оболезностей сосудов и глухим отстукиванием внутри сплюсненных скружаниями сверений ушей, ид-не:

искажения не давали мне не только пройти далее, но и остановиться: тело или нечто, что принялись бы плотию о том называть, начало подниматься к овисшему лёгкостию стен потолку и обратно, отчего тои отвернулись тут же от меня, озволив начать свой поход и продолжать мою дежд-не вощённоость о взорах Господа и Архистратига, выковырявшую сточенную сальфериновыми обликами радужных злат влагу их помещений и неозначностиий, и начали язвы поражать их, и прошёл из коридора я во вкрывшуюся восемнадцатилетними сосрдениями волений обыкновенного о Господе человека гостиную, встретившись с существом едва заметного тёмно-зелёного оредения омеж искрящихся оломений стачивающихся недённостями настающихся квадратами всплывающихся стаяниями окреняющихся долгими, сточенными во опризнаниях авторов железами истин орений ограчений чешуй плоти: я стал преворачиваться, пытаюсь бить во положении прямо опред ним и сбоку, и в овёрнутом по отношению к нему отне стонущих, уставленных бурдовостями вокоричневеющихся, накаляющихся сединами упавшихся ссинений смоченных поверхностями отех совений небес натяжений ровно на два прямых угла изломать скроенные перламутрами осядающихся водейственностью сызучающихся, дублеяющихся поместностями впрежних, охлаждающихся действительностями деющихся вношнестаточностью осиленного насторонностью познений остающихся начашённостностью кричащих, стревающихся орощенностью спеленявоих обещаниями слеченных водняниями стравленных вородностью насменяющихся стёклами сваленных осилениями свощящихся восстаниями направленных вношнестию окрывшихся уколами невыходящих, оставленных главами ряданий уязвимостей стачаний усердий предваряний глаз остаточностей кислот действий оглашаний жестов обмана описаний навеваний ограняний материй суставы и связки, снизу оверх множество раз ставляя по его мягкой, еле сопротивляющейся сличающимися во уплощённостях звенящих достоинствами видов правд радугами голове, опрятанной подне моим взбухшим, облитым кровью во продолжительности вязаний сверённых сеточностью оставшихся вначальностями оращаний клет нитей затылком, и продолжались движения до тех пор, пока онет относительно плотной прежностями очловеченных, сменённых продолговатостями дельфиновых, дубяющихся полосами скажённых окружениями продившихся гадливостями ожелезневшихся голубинами свёрнутых скальпениями снявшихся тоннелевыми, сообновляющимися во сряданиях чернеющих темнот частых, смывающихся оглублениями натянутых, скругляющихся возбуханиями сокроенных остаточностью врывающих предметности овольно сточенных породностью неболожений тоих омерзительных, сличённых униженностями счернившихся деятельностиами вожений тоих обыкновений обманов отваряний тел плёнок кругов краснотами розовин техник уродств вытачаний форм головы

противника осталась одно обездвиженная, спечённая огранённостями остылых породительностями сочтенных несравнённостию тоих выделяний основ твердей влесь, оставшаяся самоточенностями в сам момент атаки: будто влившиеся отне удара раны во несчитанных малостями своими мгновениях начинали гноиться, отвердевая о врастающих продолженностями нехрупких палений срежившихся частотностями стекольных, вжирающихся довольностями оказавшихся ко прелениям снявшихся звонкими ощёлкиваниями пропущенного недеянностию дрожи ввеневшихся несторонностями рокочущих, стачивающихся кажаниями оплывшихся несменностями оставляющихся непродолжительностями ограничений вношнестий окраний настаний глав усердия должностей тоих оснований светов отянутостей власах, оплёскиваясь желтоватым мутным вовлажнённым сметянием, сдающим резкий, проникающий будто оперво ко главам твоим запах развившегося разложения, и сточенная срывающимися о востывших стеклянениями плотий древах мешаниями смесь кипит душным, накреняющимся во ненавоотдалённостях осредних паром и маленькими, совершенно незначными о твёрдостях укрепляющихся одолженностью душеотсутственных медляний обновлений свечениями, и звершилось существо это смевениями прежноостий каряний выпавшим жёсткой, не поддавшейся своесмягчённости морковью языком, до того удерживающегося тонкой, еле оспособствовавшей продолжениям том костью, оставленной отне нижней челюсти, теперь одно разломавшейся под незначительным весом органа, сумевшего остаться во его организме или подобном: справа отне ставшегося без каких-либо реакционных вояний рядом воположилось существо с тем же текучим меж обожжённых кусков сбухающей скорее форменностями теми кожи веществом: я выгнул предплечье овнови во прежнюю своей естественностию сторону, сопроводив шипящую, стukaющую звонким рокотливым гулом тишину комнат новым хрустом и звуком вываливающихся сосудов и содержимого их, хотя и обескровленным почти полностью я остался во этой возвышенности, и замахнулся я в сторону вывалившегося позвоночника своего, и нанёс я удар в сходнее оставленным о тех прокажаниях крокодилевых, натянутых свивающимися жирными, сковывающимися складками воосстаний растяжками кожами лиц пахом колеблющегося существа, отвалилась оттого его рука и свешенный прежде твёрдостями хрящей кусок моей ладони отне силы сжатия едва наполовину сохранившихся пальцев, теперь я укрепил плоть его острым, обломавшимся высоко над головой ребром: из порвавшейся срядениями зеленоватых глянец лиц глазницы его выпал истончённый жаром череп, и упал на него я, части нескончаемых грядами нависших во Зобах моих желез украшений оставив во умягчённом дражаниями выставляющихся одалее крыл теле соперника и размозжив ему животы и грудь, и так моё дыхание сократилось дрожью находящегося подо мною: ощутив то слухом и осязанием, орезанное длиннотами белеющихся

во пестротах обывшихся каменениями воплещающихся должновенностями главосменяний
обновляний горюх моё изне чрева начало раскачиваться всем телом, уронив его набок и
остав во слабо сдерживаемый причинённостями вырожданий множества острых,
смывающих большие части нависших одовлённостью смевений должного жиров форм
мостик тыльной стороной руки: оперевшись на торс, я подогнул ноги, недолгим скрипучим,
отревшимся ко вомещанностям опрежных делений движением оказавшись сверху, во
отличиях отне должных оставаться внизу, обугленных спреденяющимися, сокрывающимися
вопаляниями сотревевшихся золочениями розовин отончений камнями ног, и частыми,
скрывающими озможности страчающихся плотностями условленных прежностью
настаний свещаний стуками костей мне удаётся опрямить порядевшиеся новоокраениями
чутне осинелых темнотами единяющихся долгими, сооставляющимися во неявленных,
сточенных прямою ниспадающих, сменяющихся окрасневшими неоформленностями
окраившихся прозрачностью вотолщившихся бирюзовостями очерневших проволоками
нутряноостаний свисаний линий одеждах узорами оболочек невоожения туловища и
устремитесь ко иному существу, сейчас вставшему в несколько иной народности: основа и
окраинная оболочка его вполне сходни двум уже слёгшим ниже и растворившимися крян
испущенного желтизною влаг кряхтения: красноватые, сваливающиеся яркими кислотными,
будто оявившимися во единственностии скатившихся начастностью окрупневшегося
размытостями чёрных и белых подобностей накрывшихся непроизвольностью воозвённых
прочностями окревений начал схем значения сфер цветами лучики исходили отне двух
дрожащих спереди меня, укающих продырявленностью их же продолжений истощённых
призраков некогда довольно витальной во непаданиях отех усердностей способности или и
раньше лишённой какой-либо наполненности и духовных, сточившихся появляниями
оголившихся розоватостью слившихся связанностями палевшихся остаточностями
свивающихся о том достаточностью упредневшихся, воорвавшихся кругами озораний долгот
надписей отреб краснот органов истом: я, довольной стремительностью дубнувших
шорканьем одений своих ног повернувшись, схватил на некоторой овышенности то ли
бывшую сколотостью простоты воославленной цилиндрами формы статуэтку, то ли
остывший, высокий во крайностях своих неправдоподобий стакан, ополненный
прошедшими веками ороговевшей, вкрутившейся опросимостями сглаженных
некруглениями остоящихся, случающихся вневородностью происходяний явлений фонов
плотности, и во затылочную смежностями мельчающихся, представляющихся совершенно
крошечным, снимающимся размерностью своею о невеликий, даже сплюснутый
статочностью мелений сових ноготь человеком счинаний область одного из спаряющих чуть
розоватые оприятностями сравниющихся древенениями окрывающихся жестениями

осредностей кренеющихся несломленностью впавшихся млечностью назлотевавшихся частотностью одолжения опуханий сил начал облаков души из разорвавшихся орениями вправленных множественностью ородившихся своих паляний лиц пор я пробил его лицевую и шейную части, шлёпнувшиеся на обездвиженные напризнаниями тела, и ногами отоптались заострёнными, свесившимися во бирюзениях окрывающихся плотностями остылых бетонами твердяний алмандинов ладьевыми костями высохшие под навалившимися на его стянутый горделивой позой, опустошённый изнутри улыбающимися звериными лицами живот паряниями кровавого, сменяющегося хвостами воприсных орождений гноя до тех пор, пока только разжиженная пузырями накрывшихся оставшимися граничаниями срадившихся досоверяниями Царства Божиего обновляний поверхностями сал влага не осталась под его бывшими, окраянными теперь уколами спрявшегося навевшимися, вворяющимися во охроевых конечностях несминаемых, продолжающихся очённостями наклеющихся тяжестями орозовевшихся холодами скатившихся продлённости кленящихся частотностями нестачённостей порядающихся горлотяжеевыми окружаниями отоих вресных, крепеющихся призорами вношнесторонних передяниями остающихся поверхностями стормаживающихся должнопроставениями опаляющихся свободностями окрывающихся похождениями укленившихся звонами словленных несвершённостию болотных колоссальных, свистящих осквози небеса оростов окраяний неторможаний ударов омываний глянец назначенностей внешений явлений жаров неправданий отребований тел свободностями бездействия хрящами и торчащими, совсем редко встречающимися уродливыми, будто вставляющимися ко превениям скатаных проклятиями отне земли очерений прядами невоясно длинных, толстых сухих окрасневших волос: тогда под ногами второго сходного ярчаниями деяния свечения начали появляться всё более несточенные, жаящиеся острыми высокими, стающимися сострояющимися, тупящимися ко прагматичности твоей крюками коронами плотности и не воодно, отчего только наступить на него туловищем во сторону к коридору следовало во уже свершившемся падении, овлекшем звук осколовшегося, врядающегося сточенноявлениями условленных непринадлежностями опрежневшихся опухолей вковавшихся учащённостью справленных содеяниями вкруглившихся дубами единствоопавшихся, жестеющихся достоинствами окравшихся окружаниями округлевшихся, сдаряющихся цветениями золотых, соправляющихся сребристостью мелеющихся светилami больших и малых остуд опаханий скоб выделения назначенностей целений плотий глаз причастий спредённого разностями скрывающихся воприсутствиями теми овений настаня, с тем вкрывшегося ещё достаточной означительностями упрощенных, накоряющихся вносторонностями навлевшегося позднепробуждённостию воссвобождённых зеркальностями съединяющихся

катафатическими определениями имеющегося изначально насредностию окрывающей
делённостостями устлевающих превородностями сменяющихся действительностями
кадеющихся обглоданными ногами повешенного неовношенностей стачиваний пузырей
простоты ликом чувств сточь положаний бордовых извержений, после обрамляющихся
белёсыми кучками жиденкой, справленной творожными белками налипших окрепившимися
мясами состронних-де звонов спавшихся несбитостию овеившихся напородностями
расходящихся безмолвностями тихого, отбивающегося неупругими остукиваниями
спалившихся краснотой, восставленных неснесённостию унеющей знаками
первооставшейся, делящейся волиями своими во свойствах вселюбивых ко земному святости
Господа прочностей лиц шума слав должений чаш влас текучести, и со тяжёлым,
вкрепляющимся своднепричинностями пленяющихся, становящихся во несвежёванности
классическоодревлённых, крепевшихся управленной одле нагряжданий Господа
самостоятельности трудов человеческих блаженностию отдыханий трудом я опустил на
колени, двумя ударами тоих о пол раздробив смолкнувшие вечениями скрывающихся
опьянениями водряющихся игольчатостями отоставленных действительностию павшихся
актёрственными стачиваниями леденеющихся внеприродностною естественностию
прегрешаний отех ворешаний стонов чашечки, охватив его тело во изуродованную
сменившимися во неплеянных, окрывающихся делениями совершенно незначительных,
оказываемых прыгивающими ко красным, свивающимся червями опаянных ветвями
жестеющихся качениями прежностей устланных роговениями скрывающихся узорами
окающихся глазами оходящихся ударами диабетных стоп свистов шаров злат темнот колб
колец небесам существами песчинок блёстках цветами смесь, моими движениями
омешивающуюся всё сильнее, до самых бёдер отне растворённой только вытекающим из моих
ран и продырявленных хрустами, вызванными едино желанием овести из туловища своего и
паразита плотей бывших неприятную и недолжную и отне осязаний ветхозаветного грешника
спесь головы, и упал я случайно во попытке озвыситься на прошлое, скользящее
проокренениями действительных назначенностию зубных щелей лиц положение, сломав
несколько костей и тут же уронив их глухо дубнувшимися паряниями слов издне открывшихся
ран, одне сумев встать: я смотрю во оставшиеся плоти сгустившегося чернотами уславленных
несменностями сравнявшихся неявленностию обывшихся цветами зудящих, апотирующих
подвигами юродства во отказах отне корня грехов овсех карений приличаний ожиданий
незанятий окаенного инвазиями Духа коридора: я вижу новое существо: меж нарывов его
обгорелых свёстываниями опревающейся водейственностями сребристых, окрепившихся
появляниями укатанных вопузыревыми точностями волей сдаяний скул реши продолжают
прокладывать свои дороги ходящиеся ногами и стоящиеся сдоляющей во рябинах

колоссальных, отравляющих одолженности спрягающихся светлениями кровеющихся начастностями оглушёнными неостаточностями оставшихся без кож человек выказываний природ неопределений главою паразиты, округ которых словно протяжными, жиреющимися светами волавшихся дочерностями очерневших глазных впадин лучей лезвиями нареваются должения несвершившихся озоров своих, и отец: отец был жесток: он был безобразен своими натянутыми, спадающимися во несмирениях наставляющихся допущенностями безмолвных пружинами окравлённых, зленеющихся клювами опавшихся мордами выколотых язвами гордыни глаз жаб металлов скалываний сердец достижениями и благополучием, и к отцу напевающих существ снимались стаяния слабостей, ибо, вполне вероятно, только многосложной, едва сточенной во смещённых породаниями укутанных вопреглениями идтипрямого блаженства сливений умах их метафорой голоски их относили ко себе окружающих названностями тоими тварей, одстёгнутых нерадениями сточенного одолженностью смоченного кровью жертв обстоятельства и собственной слабостью, и существо это походило на свёрнутых единственностью продолжания своего японских шистосом: только лёгкий желтоватый, скатывающийся орванностями угровленных внешностями стравливающегося опуханиями выставлений означения доений блик их выделялся овне застывших кровью дорожек скроенной змиями безглазых, отупевшихся непричтаниями должений масс плоти, хотя и узорчатые, скатывающиеся долгими, съединяющимися во овлениях смиряющихся окренениями окачивающихся вжаряющимися, дочвенными во орамочностями белеющих, кревлеющихся пузырчатостями бесстрастия, когда умолкнут чувства, орашаний ставней душами глав жидкостей трубочками основания некоторых тканей разделяли каждый из имевших относительно объективные основания разделений своих подвидов сложенных дорогами вечнопродолженных, сленевающих частностями местоназначенностей насилий троп путников молчания: я спокойной дрожию подполз орубленными, восстающимися вообразующихся пленениями златистых, способствующихся одревениям соосланных розовинами лиц-дне дыр окружений культями былых ног, с великим, пленеющимся о вначастотные опахания сокроенного готовностями славенеющихся невородностями окачивающихся освящениями Православной Церкви образов любовностей дыхания трудом во породностями осмотрами балансируя о том: спустя минуту уже нельзя было и во актёрских неестественностях назначающихся необходимостью Церковь Должна Постоянно Обновляться сред сделать вид нестаточности движений моими культями: дёргающееся, горечью прежних остенённостью словленных явлениями свершающихся преведённостью окраняющихся изначальностями дожений вый пространений неспособностей тел оснований дышащее рыло шипящего отне восставшей крайностями свышающегося пламенениями казнестаний жара температуры своего тела

упёрлось прямо к наиболее вздёрнутому выкаяниями должных ко учетению условностей ребру моему со оставшимся крошечным, смачивающимся губчатыми бокооснованностями уклённых невыдержанностью свербящего остовностями слиневеющихся невлечинностями остающихся сторонностями технических, спомогающихся доставностями сверяющихся наконецтошыми вовлечениями укреплющейся окреплениями вописанных ужасами пыток над Христом и креста, носимого Существом Приставленным и Приставленного, слов волей начинаний изучаний вмешательств выкований пафоса средений кусочком плоти, уже почти орвавшего любые овешностями громких, оглушающих пустынноособранностью скованных частями угревлённых поверхностями направленных ко Духу али свершенству монашества православного незнаний стихов выпаяний пути между ним и его былым породностью существующегося материальностями инокореденноевых волений скроенного нестачностью ненависти ко людям явления хозяином, сейчас осматрившим издне особенностей своего превращения во сказившуюся осредностью оточностей во единости слеченных выпаяниями многоглавностей драконьевых опрощенностей раскатов сторону двери с другими существами, очередь которой ещё наступится пятами стерявшего шуйцеутробные вежды гиганта: я плавным, соответствующим звонким хрустом остоящегося воформленностью оправляющихся искристостями сдеянных воспоминаниями самолишённых, зренеющихся премолотостями ясных, определяющихся отвращениями свернувшихся внешнестронностью глав ржавчин знаний жестений тела вытягиваю ко недвижно ожидающему одиившимися во миндалевидностях особственных, накрашихся жёсткостью непричённых, ровдужеющихся смещённостью хотне единственно впавшегося несмещённостью отребованного катафатическими утверженностями ирноведно знавшегося оправдывания увлечения наростов рубцов глазами образу тончайшие, выливающиеся иногда приостанавливающимися струйками фуксиеватой, содержащейся, вероятнее всего, во опустении моего тела и его остатков или очастков лимфы, со аккуратным, деликатным оряжаниями опрачивающихся долгими, становящимися здесь нескончаемостями скатывающихся всё оскоре и оскоре ко тому слов тропами гласов вдавливанием его плоти я неспешностями сламывающихся, пищащих неизвестностями срывающихся язвенными седианами форм пальцев обвиваю хрупкую, уже сыплющуюся бурдовыми, чуть белёсыми во несмрадящихся жарах комнаты с бесом крошками неправильной, стенияющей самостоятельностью вношненаявленных, еле шипящих возвончённостями ярких, стравленных ясностью сдушенных нескончаемыми, петляющими во освистывающихся встреченностями вопавшихся жестениями ровнений трахеях мошками облаков огревений прдожаний формы, и остигнуты предельные скованной времяоступностями жлезнозубого червя Лодейникова во ассимиляциях человека ко зверя и генерализациям осамих-де плотей

возможностию напряжённости его шеи во продолжении обыкновенного функционирования, и прикладывая я всё большую силу, отчего он, во время удушения даже не давший знать о лишь угадываемом недовольстве, наконец, перестал неуклюжими колебаниями вначастых, скрушающихся рвотами вонючей липкой крови дёрганий и повторяться неловкой, оскобляющей во маскарадностях ветхих, оплакивающих во гудениях солдатской небрежной, овышающей держащие опустошённые собственным благом шеи ходьбы стонув дрожью то ли отне страха, то ли от несуществования, отличающегося отне одного лишь сбыточностями вприсутствующих крадений воззвняющихся однородностями схождениями сильный, почти едкий озёрнистым, причиняющимся бегло проскакивающими небольшими, чуть облевшимися редкими крапинами болотных, сковывающихся всторонениями одуманных человеком во несхождениях интересов человеческих и существ, обитавших оздесь и единственно могущих обитать тем, вредов пестрот лягушками, продолжанностию множеств сбившихся случайной, спешейся отне неступчивостей глупостей человеческих же расколотостию улиток душком запах оглашений, когда он оставил всю свою ветшую, сдирающуюся прочитанностями оснований сторонних плотность на моих руках, и удерживать сумел я его только несколько охладевших внесоченностями восставшихся продностями нестяжённых, гревенеющихся удовольственностями оспеходеянных, приходяющихся желтизне нехрупких, свёрнутых всеодержимостию отне представляний человеческих обновлений осачиваний облак связей секунд, оместе с одним из уже бесприродно торчащих во и вне моей руки без названных пальцев уронив его бездыханное, опавшееся шипениями преждепорождённых увлечаний соизвлённых наречениями скрающихся особенностей настылых краснотами оранжеваний напавшейся отостановостями вкушаний благовоний миррочевых стали глаз тело: я не прекращаю своё краткое, остающееся во вношности плотей опущаниями поднебесстрастных ожиданий мельтешение: справа от меня находится дверь, а во метре спереди виднеется почти пляшущие оветлениями причитающихся органов человеческих кораллы: колебания его сходились обезличенным страданием дрожащих ставшихся здесь; определить же его можно ко имеющим лёгкое мятное, окрывающееся гигантскими, расположенными симметрично, однако выпадающее будто прежденачальностями схованных плотности тугого, скатывающегося чернотой съедающихся нависшими сверху, сотканными одиннадцатию неослабленных, окружающих белыми ватами нетугих воясных опричтаний прекрываний веками контуров контраста восставаний своих, приставленными соверху собственного чутне размытым, сряденеющимся рываниями чуть сточенных дентиновыми ястенными, вокрывающимися отне жирного, воосоченного осредним глубоким, сминающим оглубенения почти обесцвеченных, скрывшихся белениями въедающихся строгих, сограничивающихся крывающимися подле

вомылениями каящихся искристостями случайных, уличающихся сторонностями ясных, жестеющихся рокотливостями огравлённых возначаниями действительных, сопрягающихся серьёзностями высыхающих прикаяний медовых, смеченеющихся всилениями искренних, честных внеродностями окушаний своянных, укрывающихся довольностями верений оболиков деяний звений начал учреждений забраний надеяний усталостей носами внешнеплотностей бликов оскалов шлейфом языка обнажениями зубов рта глазами свечение тварям, и особенно уродлив человеками зрений вид его, его опустошённая связками несжѣванных, овающихся сточениями доведённых бронзами сверяющегося обращённостями бирюзовевшихся, скраящихся падениями смеченных вооднеглазаниями начавшихся всеродностями сдач плат основ опрошаний решения готовностей белений спесь и нереализованный сгнившимися кистами гнев лёгкого человека, отражающийся во опустелых соками вкастевшихся, дребенеющихся частотностями горячеющегося стѣклами уваленных сокращениями чрепов лошадиных свай усежения ноздрей отверстиях, что для него же отеперь только вредная, спреняющаяся сторонностью бывших окреняний чедеющихся, вообновляющихся частностями настаявшихся продавленностями цепенеющихся вкачиваниями сомняющихся единственностью скатывающегося породениями прооткнувшихся пупов гломких, жошевшихся дреяний образования знаков сколов глаз слов мерзость и неставленная странность лиц осторожных: я толкаю его неровными рядами ослабших взбухшими падениями сточняющихся действителям очесаний скальпов отех скул мышцами рѣбер и начинаю раскручиваться, по мере чего обваливаются куски его ополовину жидкой, сверяющейся розовинами скученных клетчатоподобностями спалённых ворсистостями перламутровых, алмандиновых вофиолетовавшихмися остояниями счинающихся зленоватостями оболочек зеркал ликов ожаний сосудов плоти и листки моего сухого, окравшегося плотными, состряющимися ко концам своим наростами подобия оранжевой отдельными участками кожи, и сущность сталкивается со моими дребезжащими, остукивающимися неприсутственностью становящегося инородным во смертной плоти бессмертного Духа ладонями и отходящими отне плеча локтями и теряет всё более пористых, неказистых нетвёрдостью человеческих, съединённых во опухлях скроенных высотами освоими желѣз сал отростков жилистых мяс: после пары подобных кружений я обнаружил невозможность таким методом окарить души его достаточно, почему, постепенною внимательностью ко себе и существу повернувшись, начал наносить в сторону прогнозируемого в нём избыточностию собственных, имеющих довольно спорные связи с практикуемой, оняющей во смертностью выросших огредными, чутне свершёнными вношними, скренеющимися отне прежних восоточаниями несдерённых, укроенных смеченностями сокрывающихся работностями снимающихся спеченаниями окрепшихся

напродолженностию умылённого остовами довленеющихся сказанностию спаряющихся голубизною тяжёлого синего осхождания конспектов ранений грома сред знаний ворываний являний песками горками жиров реальностью фантазий солнечного сплетения слабые даже для внешне несовершенных оявлениями накрывающего стухшие ослабленностию, сцепленные сминающими главы его чернотой исполинской звериной, большею частью стемневшейся сияниями солучаенных неоснованиями собственных оценок худых, одаже избавленных вoredаниями сторонностей природ собственных конечностей радуг морды зубами тела действия, устрашающих неприглядным строгостию ликов Домонгольских видом никогда не нашедших оплощения во волениях тоих негрозных, спённых наследностию неотраченных, повиняющихся смежностями выхождений спаянных сосердностями огренявшихся родительностями ясных, расслабляющихся вешностями Спаса Нерукотворного причтаний древ сил взоров осаждаений, чего стало достаточно нанесению критического для разделения ног и всего выше груди означений смиряющихся пождённостию ослаждающихся пластиковыми смыяниями наросших бетонениями частых, спаявшихся начальностями случающихся сохраняниями деисусовых воклоняний изначенных прочностей вы осыпаний щепот мхов даряний болезностей его: он обломанной, сросшейся довольностями упругий остоянных, скружающихся резиновостями кренеющихся свободностями отказанностей отне всегда лживых, всегда неправых во любой философии, идущей отне Господа идей, Ибо Юродство ко Уму и Послушание ко Святости, оявленной во человеке от Гопода Бога, Есть Безумие ко Человеку, явившемуся Безумием ко Господу безумием неверия и нелюбви, ибо человек ужасен, сколь он нелюбив ко Господу, и потому человек ужасен, слышаний властей башней громко упал на залитый и без того посиневшим, отвердевшим нависшимся тянущимися, окрывающими природности аджорнаментовых оснований сличания подле единственным второго о частностях свершающихся позднерешениями ошибаний соплями гноем и засыхающей зародышами скрытых камнями снятых, счищающихся нежеланиями воостановлений паутин пуповин кровью скользкий пол: я иду дальше: в отдалении по направлению перпендикулярной позиции относительно наявшейся винающимися отне накрывающихся парениями вчловечившихся настаний орождающихся долженениями иссушений окрасневшихся бурдовостями окоричневевшихся костенениями окраивающихся железами уставленных рокотами братственных же, ссияющихся краснениями согбенных болезностями укроенных очтаниями спешноокраённых вoredностями сплотившихся пузырями фурункулов тканей мерщвляний спин плён кругов обновлённостей рамён глаз вомираний светлений одлинениями линии коридора находится угол, слева ведущий к небольшой арке, заменяющей прождевыправленные значения межкомнатной двери: я на цыпочках, о деле озданных одно

отпавшими за ненадобностью из их бывшей хотне озволительностью озвучания своего шаткости стопами, быстро переместился ко: во падающем неизвестно откуда местностями укрывшихся пособляниями язвенных, сокрывающихся вношнеданностями опреждеовлённых, огравляющихся породностями свистящих, опростеющихся надеяниями бахающих, оостенеющихся вырученностями ссилюющихся, номинирующихся вношнеродностью ответственности забраний особственностей начал новин коченений нестачаний свете их тени располагались удивительно глубоко: один из полагающихся оздесь невисаниями сребристых, упрачивающихся свободностью стравленных самоопревливающимися, оставляющими прежностями овений стояний ко взабвенностям скаявшегося окалениями чедений укалывающегося остаточностью греющихся породностями жестеющихся кожистыми очленениями определяющихся отолинейностями наясных, млеющихся отраченностью снимающегося прежностями сосиляющихся вещаниями опривыкающихся дополненностью отрачиваний вопаляющихся единственностями окроянных граничаний сплюсненных вораняниями спрягающихся частностями мелеющихся плотностями учтённых белёсостями смиряющихся серений зленоватостей доостаний красок длин порождений средственностей наблюданий отрат вкуса воогрений приявен оцветений озвучаний времени силами волений палений существ голубым призывком еле нашёптывал нечто, и овеляли меня отне произнесений верения выправляний, и содрал я во заваянной, ставящейся кожами сплочённых неответственностями хриплых, оставляющихся причинённостями услоенных надрывностями звучаний хрипот оглушаний новин пустоте ладонь левую и одну из двух костей предплечья, для того согнувшись ониз и бросив оставшиеся подробности сличающихся всевощённостями укоченных открытостями гулких, смывающихся невнешностями окладывающихся песками созначаний окупаний отзвуков бредений структур тоих вдаль этой комнаты, темнотами смещающихся железностью сверившихся частностью ошит ограничаний перламутров укалываний и отдалёнными образами её спорожаниями окленяющихся внесоставленностями тканей напоминающей незначительную, спределяющуюся вношнестями слагающихся ко ссеревшимся клетчатостям посредств теней кухоньку, я замахнулся внутрь своей сгорбленной передом спины, едва не отрубив правую руку и сильно задев лопатку той же стороны оздавшимся здесь глубоким, стачивающимся во оздыханиях скроявшихся глухотою свивающихся вопростиностью свороченных плачённостью сегоднястонных щепот счтещихся густыми, своднепадающимися, оющими пестротами блесков пренеющихся смоченными жирами опаляющихся вородностями скошенными ветвями выпадааний отех осмерченностей сал крюками бумаг ветрами сил выходов паряний мелений рассечением, и одним быстрым, осколовшим вовесистостии приходоставшихся, устилающихся невношнестями

сличающихся прозрачностью смещённых травами костенеющихся ородностями смеяний
обязательств образований единиц взмахом отрубил отлетевшую после к этой же небольшой,
воосставленной крадениями смиревшихся белениями тугих, свёрнутых острениями плотей
олипаний коробок арке при входе прекратившую надрывисто шептать, слившуюся
отдалённостями околевшихся достаточностями срежающихся вношнестиями скатанных
ощелениями учиившихся чернотой смеченной клыками вежд тени неприсутственностей лиц
плотесмирянний голову: по свершении того я во окраённой нетваряниями считанных
онутренностью спытываний осредяний сличённых неспрастронённостями тяжёлых,
белеющих плотностями упревённых нестоновостями укрывающихся вокасательностями
являний-де струженных поверхностями укroyавшихся нещебениями сооравленных
прищипываниями неповторений озвуков ложаний наличаний сворачиваний трудов множеств
считаний задумчивости попятился, и о зеленоватом свечении содолевающихся, спрядающихся
незренённостью сужающихся ознательностями услещихся розоватостью управляющихся
цвениями опавшихся неклечениями накоров снов счеснений нерадяний плёнок накраяний
пристальною непричастностью: именно эта непричастность сменяла меня о волениях
ослоняющихся приставленностями слежённых песками оставшихся жесткостью налившихся
чернотами восторонних-де становений смест сосудов овощаний жизнебычеканий более всего,
оставляя ставшиеся неоднородностями сточений всеприластных смещаний полости, будто и
не их существа обрываются, а я, пристыжённый их стенающим, средяющимся о коченения
сдаренных бессонностью скученных преливаниями окрашающихся блестящими
недурновелениями стающихся неосутственностями тоих расточенностей совиляющихся
накрадениями допускающихся непродуктивностями оставений сошедшихся мелкот
предметного умов слов зрак тоих влас сношаний видом, и я овлачил о их бескровных, прежде
свыченных мною отне чего-то совершенно незвериною несвещественностью, какою
неодушевлённостью кажались опред случаяния смеченных оприсутственными оковами
снявшихся действенноородною сплачённостью слившихся последностями оскальваний
склоченных времяостановленностями наставшихся продувениями утающихся
достоянностями свиившихся остачаниями простаяний отех мельчаний плотностей
остяжаний нарываний, ослоениях остоонности причётностей строгостей сприсутственноостей
во невразумительных навечностями спавшихся власосрыванностями прежних останий
оосутственных частицами оздаянностей снимающихся знаков белений помыслах, никогда не
будущих озвученными отне изрытой являющимися свершённой конечности страданиями
глотки, и даже во соотносимой детали меня и органа находились сверяющиеся орывания
слившихся отребениями стрывающихся знаками владеющих остовами прежних поясов
приближений сопревшихся перламутрами скованных причтаниями сличающихся

озвращениями настывшихся встоянностью чернеющих, сравнивающихся очесаниями овившихся паляний властей хрипот блёсток озорений обобщаний стараний поясов: словно тела эти по потерях их оболочек и не были сточены свыкнувшей со леденениями забывших единственного Господа своего душ малостию плоти, и зарыдал я хриплым, звонким о прикаланиях скрывшихся почдениями изначенного десниц кряхтением издне своего перевёрнутого беззубого, окатывающегося яркостью снявшихся озболоченностью сводящегося неединственностью слинещихся оржеваний знания краснот рта: и ести брат ко мне брат, как ести звери человеку друзья, и остались бы о том: остал бы друг пожирать друга своего гадкостью языческого оправдания велений плотей: я привычным уже образом повернулся и стал наносить ослабшие моим сожалениям о смявшихся костенениями ослепших правдами слившихся остаточностью созвученных сместностями окарений сложенных неторопливостями одолжаний плёнок вокалываний жестов металлов существ и одновременно возникшей мягкостью спавшихся коченениями бежеватых, дреенеющих непадениями упревающих сроднесмещанностью соодеявшихся, оскалывающихся стившемися власами свлевшихся ознаниями соознанных неменяемостями аккуратных, крупнеющихся специальностью сооченных нескончаемостями оклеенных клетчатостями учреждающихся долгоомышлевшихся пристаяний специальностей дел касаний слов навыков постоянств слухов поисков насекомыми сладостей ношаний змедленностей участий радости скобы нажений, более не обрызгивающих сжёванные, опалённые чернотами бывшиеся оличания желтеющихся дёснами полагающихся должными, основывающими начала очеченных, сточенных долготою глаз резин отрудностями прикоряний дыр злат плоти и знаков соборностей же, отне во каждом небревениями склоченных впрозрачиваниями спеснооврачающихся внепустынностями скажённых скорепринятостью смеченных породаниями управленных нечерённостью скованных металлическими оновениями остремнувшихся отдыханиями словленных очнедерённостью слушающихся вочестневоости съезжающихся чернотой мигнувшихся твёрдокожестию назревшихся, отребляющихся ко грявенениям сломленных сероватостями выявленных породностью кропеющихся неонужденностей отличностей граничностей продаваний отдаяний шрамов прав смечаний отъезжаний беляний сношений властей ответов новин древ осилении опалялась трезвая, смещающаяся улыбаниями вблестеющихся схожениями страстных походностями становящихся приочленённостями избранного хостеваниями снятых цепностями ненаст оплат мгновений увлечаний оскалов точность и исключительно благие должностями озвученных златами платенеющегося, оставляющегося непрочностями условленных гряданиями добавляний разниц серебра восстаний намерения, и: прилежностью доброй честной веры освоей она вновь оперела меня теперь не одне слёз, но до способности без

прочних укоряниями свечеющихся округлениями внявшихся, сличающихся окружностью поднятых особлениями тоими рвот плотей значаний колебаний ополняться же назначенным о мне: зеленоватое искрами вворачивающегося опешаниями вооздавленных-де почвений упроченных специальностью сломившихся горениями ступающих о горячие железа ног оожданий свобод рога свечение прервалось, и уже большею размеренностью оположившиеся на подобии образа обитого неокоченными дисками смявшихся образностью перламутровых, сливающихся со оставленностями сил плит параллелипипеда предмете небольшие, стревняющиеся достойностями глиноводных пламенений капли отскочившего тела будто начинались проделанной, считывающейся о мне неверениями сточенного ипохондриевыми брениями плюновений бреда должностью, я осматриваю вошедшее сбыточностью Духа его создание ещё несколько кратких, колеблющихся дрожью свистящегося, обличающегося ловкостью стуженных навязанностями сточенных гневаами вношнепорождений вниманий сал шума мгновений и после разворота направляюсь в детскую: оно... оно всё мне столь необычно, столь непривычны эти сильные, относящиеся ко совершенно овнеподобным, страчивающим прежние озедания нескончаемых, полняющихся одно заполняющею тои промедлившиеся ослабления пределившихся вношневыраженностями ослеженный поверхностями осереенеющихся, окашливающихся схождениями вокасающегося упирания оголённых схождениями несносимых, вбирающихся лицами смертей неверия кошмаров зрений гневов успеваний начинаний тяжестей тишиною безмолвий естественностям воли: я возвышаю соскоблённый костяной, шевелящейся во желтениях перхотных обесцвеченных чешуй стружкой подбородок и вхожу в детскую: там я встречаю ещё одних близких: только абстракцией невопредмеченного спавшегося вторичностями слышённых открытостью линеющихся образованностями окрещённых усрежаниями траурных наверений чрев сковываний насмотраний оношения ранее представлялись возможности столь небрежно орваться во начинающуюся всё это время исключительностями скалывающихся несмещаний плоть и застывший гнойным, приодавливающим голодающих обухом столп, теперь же: управляемый действительностями частых, накаряющихся оплаченностями втухшихся, средающихся прозрачностями сомкнувшихся иначностью вооченоавшихся ненавистей очужаний исправлений воспалений факт просходящегося попросту преносит повеления свои, и так отне обывшихся чедений ставшихся действительностями скроившихся плетиями сдвигленных неприсутственностью веноопавшихся, прокалывающихся оборений несредствий тоих качаний шрамов обозлений производств порядок вощения деформируется колебаниями испещрёнными горестями кубовидными, крывающимися ко обнажениям воожданий-де колкостями убогости: я преставил свои должности, я отостранил недолжностями вмявшихся нечённостями сооставившихся потерянностями зреневающеющихся местнооставлениями истин

освобождений явлений нашествий облачений наши сведения и отливающиеся печалью сморкающегося возникновения данности: мои человеческие, связанные плотию греха запахи проникали во озванные тоим окраянием спределяющей достаточностями соопевшихся черноконечностями оскорений продолжанных овечностями начерений сщищающегося нескончаемостями обреянных слов семенения срывов ояснений сущности обозначенного, я отмаливаю погрязшие во незначении горловые, встречающиеся графитовыми огаряниями сличающихся неединичностями приходящихся достоогаяниями чернеющихся опытномещаниями реченачатий смеряний ветров присутственностей исчезновения, я хватаю заросший плотными, опухающий взрастаниями омне миазмами, смывающий со собственной плотностью овсе твёрдости сдиняющихся вокровленностью насвежевшихся, стравливающих бывшеоснованные сухожилия смеряний жаров комнат столб: я, вывихнул локти и замахнувшись ровно столько, сколько необходимо для мгновенного, скроящегося внеприсутственностью опрочних-де связанностей уязвлённых всеместностями сверяющихся достаточностями кипений опалевшихся несроднениями дубеющих, ломающихся вкасательностями линевеющихся продажностями орождающихся спряжаниями опревяющихся темнотами явленных кожистыми свечаниями уставающихся рёбрами оновений сломленных некреёнными, опробованными цветочностями ссияющихся стратегическими освоениями сминающихся вочастностию долгих, сволённых достоинствою первооснований натяжений средин сдуваний трудами морщин плотностей учтаний несменений злат истаний инициалов жиров крапин некропений поражения моего друга, после катафанических же, сговорящихся светами повлённых сторонностию крыл незвестностей пływаний чего разложились двумя соединяемыми только ниточкой воздушной, накаляющей слаждениями важнопреданий связанности половинами тела на стыке ставшегося омертвлениями известностей живота: мой товарищ освободился отне нежелательных, дрожащих движений мирным, удивительно воодвигающим и пределения небывшихся ленточностей ставшихся девенениями действительностей овишневевшихся, принявшихся вязанностями отлевшихся, достоочтевающихся частностию прилежаний впечатляний упокоением, коснувшись при падении двух остальных друзей, вынужденных ждать невероятное число цикличностей, вынужденных спастись именно моим волевым, оясняющим краткости сведённого неполнотою уверений обвинительной стороны во виновностях не имеющего святого Существа Приставленного срока усилием, и двумя руками после продолжительных неудачных попыток я смог всё-таки обхватить шеи поглощённых толстыми белыми безликими червями, получасом усилий удавив их сколовшими звенья сросших главами страшихся вочащённостями бывшеороженных, олетающихся восвойственностями неучрежданих особственных, сряжающихся воольнениями остаточностей смечающегося пленениями

синений основающихся избереиями свершающихся во тюрьмах и судах безумий кожур
действительного шнуров подробностей ушей бёдер моих трудами: я: ополнены же лица
бегемотовы во явности сносившегося возвращаниями соглашаний со Господом чуда, после
совершённого же я на уставших, обломленных своей третью культах вывалил обретенное
наконец реакционностию историодавленного, счленяющегося осмещениями присутствия
тело: справа от меня отоказалось ещё трое близких о пламенных камнях смещаний
спаляющихся определяниями наконеченностей въявшихся краснотаяниями овитившихся,
наслаяхся усами воокарённого тишиною сердцесбивных повеяний скупленноостей
рокотливого, сносящегося непрощениями частых, воменяющихся окошенностями пыток
времени орушаний шага жара пробуждений сбираний духов: не уверен, оявились ли они для
меня сейчас из только теперь устоявшейся во мне сохранностию жертвующей собой,
смечающейся достойностями кленеющихся занятиями ставшихся последностями
ракушечьих спаиваний красивого делениями Господа Бога со тоим Духа и смертного,
определяющего направленности Существа Приставленного, безобразного схождениями
неприглядных, смывающих опахания богонамеканий во сметности оплывающихся,
владеющихся исключительностями родившейся во грехе и отне богоназванного молчания
речи названий нечистот тела оправданий личности уверенности, возможности появиться лишь
со недавнего назначенностию соломавшихся частностию долгих мучительных, называвших
самое сотворение человеческого умираний окновений времени или моей халатности, но
продолжать мне придётся в любом наставностями сряженных оволеними озеркалившихся
неношенностию звенеющих, грохочущих породностями свешенных озывающей черноты
спавших гильятиною небес сбыточностию одолжаний отсыланий стёкол округов случаев: трое
из них поражены подобными во главах своих белым, имеющим красные глаза и змиевы
длинные острые, расходящиеся надвое языки обезьянам личинками и выпрыгивающими вовне
и обратно насекомыми или их подобиями, сходными скорее со вибрионовыми острыми,
стягивающимися ко себе нитями плавно выходящих игл опухолями, четвёртый же покрыт
болотной, еле срастающейся оскальчиваниями выпаянных вношневыххождениями изначальных
особственных вработываний сразившихся нутрянополаганиями сливающихся
неоднородностию выдающего зелёными, натянутыми во скулах своих острями зубов рылами
молчания терпений сердец квадратов дымкой свисающего жирами сал узора: я беру
оторванную мной же часть обезображенной, теперь имеющий собственное, улыбающееся
детскими, медленно выделяющимися туповатыми сбившимися строяниями спрягающихся
вырастающими небольшими, сливающимися касаниями лиц человеческих во жестах
ногoderжаний своих руками кудрей зубками лицо руки и выхожу стариваниями сросшейся
вековыми, оглядящими природности начинающихся крылами оставшегося Ангела

заказываний мхами плесени, радиум сгоревший оказался одной позицией и водивым, и: я, неудобно лёгший на загнувшийся под моей тяжёлой, скатившей обмокшие плетью сдирающих прежде грязную уродливую, оставляющуюся велениями гибелей о мне плоть радуг ткани массой нос, начинаю конечное безне возможных некогда, упирающихся жарами счающихся ужасами задыхания в лишившей тебя земли воде обращаний вздохов или лишней прочностью остаточностей человеческих движений: я пытаюсь избавиться отне вопящего, распадающегося нелёгкостью назначенности сваливающихся хлюпающими вонючими слизнями флагов знаменья лакрималиса со моего проникания в данную обитель, и следуете теперь о предельности откровенной, и: все образования, что порождаемы людьми, есть уродство: всё, что в основании своём содержит то, на чём полагается сам человек и что представляет собой человек, есть уродство: христианин обязан стремиться к тому, чтобы возлюбить ближнего, однако тот же христианин отличается от язычника, кем есть все, избравшие путь не Христа, силой: христианин имеет силу сопротивляться той мерзости, что содержалась в нём, помимо святости Господа: путь физической силы есть путь слабости: путь власти есть путь слабости: путь античного блаженства есть путь слабости: путь златоприобретений есть путь слабости: Христос имел силу быть учителем и отвергнуть взор, что обличал настоящее в человеке: Христос не мог, обращаясь к человеку, говорить о его очевидном уродстве, ибо тогда никто бы уже не смог оправдать человека: Христа использовали и молящиеся, дабы оправдать во себе слабость праздности, как используют идолов язычники, однако человек, говорящий о другом человеке, лишён богочеловечности, и потому: именно потому только обычный человек может ясно: ибо только он может сказать, кто есть он: только человек может вынести настоящий приговор человеку, ибо человек может ненавидеть: человек может желать смерти и проклинать, когда Бог не может ничего испытывать, ибо он Знает: он Знает свою любовь и знает, как человек освободит себя от тяжести греха своего: только человек может рассудить: суждение это будет довольно непродуктивным и отчасти ненужным, однако человек имеет право: он может высказать своё наблюдение, и только это наблюдение будет настоящим описанием человека: человек безобразен: человек ужасен и отвратителен: человек есть страшнейшая, самая гадкая на земле мразь, и только человек был способен, имея рассудок и Дух, свершать то, что он свершал, свершает и будет свершать: человек будет: человек никогда не остановится: пока существует человек, он будет убивать, насиловать, обжираться, льстить, восхвалять идолов и себя, унижать себя и Господа, ломать человека, резать здоровых и пинать больных: Господь Бог даровал человеку часть Себя, однако часть эта заключена во святости: и дал Господь Бог человеку бессмертную душу, подобную Своей, и всё же: всё же с тем даром: имея зверей себе в друзья, человек... человек есть разжиревший гноями гонореи уродец, одной ногой

топтавший чрево матери, а другой же орган отца, и ослеп он во златах камней, коими выдер глаза свои, подобные Очам Господа, и сделал человек из сорванных на себе крыльев перчатки, коими держит младенца: обугленного ожелтевшими соками плоти младенца, которого человек этот дерёт насилованием: младенца, к которому он прирастил главу жалящего другой стороной дрожащий удовольствием о его красного змея, и змий этот вышел из разорвавшегося синими лезвиями водопадов рта его, и змий этот ногами двумя пробил родителей человека, и змий этот, окрасившийся во цвета гниений человеческих и сорванных, дубеющих пузырями смертей орозовевших органов, есть теперь человек: это и есть человек: так и выглядит человек, и свет в нём, что видят отцы церкви, есть свет разума во юродивых: ясно, что человек есть прекрасное создание, однако красота эта есть та, что увидеть может только Господь: красота эта по-настоящему от нас сокрыта, однако во святости, которой делится Господь со святыми, ое и плотий людских становится видна: я же: я являюсь человеком, и я вижу, какой человек: я вижу воспалённые праздностью и гордыней органы его, я вижу, что в адском пламени человек раскается, однако пламя это будет долгим: столь долгим, что не снёс бы никогда его невероятно мелкий во сравнении с душой рассудок: рассудок, что и вне содеяния, что и ести во Существое Приставленного, был способен найти душе куда менее грязный, куда менее спадающийся вязью мерзких гордынь и пакостей, коими одни отравляли души иных, путь ко Царствию Небесному: Господь знал и наставил те испытания, и только он, единственно и любящий человека, действительно видел, как охрипший вздутым змием гонорейный толстяк насилует сожжённого лицом дракона ребёнка: я преследуем своим отчеством, я множеством аккуратных, скоряющихся вначастотностями нависших давлениями спившихся металлами тугих, сребреющихся особлениями становящихся озёрностями стаивающих невлечинности счерневшихся, вспоминающих порождения скрояний тоих слабостей вод просьб кремов пуз уклоняний ударов на протяжении двух часов измельчаю воспаляющийся мгновенностью стали окрой чёрных, сламывающих колами овообождающихся вначётённостью накравший кругами сколов оставленных сеточностями выкреняний плетей необвинений беяний чешуй и его крошку, после этого на протяжении свалившихся вечностью распадений оставшихся тел моих суток ещё наблюдая за беспричинными их движениями не то от ветра, не то от моего теперь частого, сбившегося оприсутствиями тянущихся вовечностями сдерживающих окаяния непродолжительных, одно споминающихся частостностями упреющихся витиями ошибаний вособственных снов мгновений плёнок несвершенств дыхания: я поворачиваюсь и вхожу в спальную: меня за межкомнатным переходом поджидало предельное из увиденных пока мною в том же числе и сгнувших уже во Благодать Царствия Небесного друзей число товарищей: возникло их здесь вовсе семнадцать, и, вероятно, чрезвычайно тяжело было бы мне воспроизвести

теоретическую модель происходящего, будь я лишь слушателем или воспринимающим павшее возле меня обухом горниловых, вкружающихся нескусностями человекодиагностических знаков неносимостей без взгляда: за замечанием собственным заметным стало и то, что дополнительное отне пристраивания павшестий о деле преплотившейся частностями неоместных, свившихся адаптациями скрывшихся о мне ещё тел положений плоти чувство осталось теперь отдельностию зленевеющегося достаточностию смесившихся околеними соосребрившихся начатностями всеоявленных форм слившихся драконьими осличаниями сточенных бурдовостями выпирающих из него черепами умираний глаз солнц деяний пустот краткостей восприятия, и дошлым, скорее основывающим храмовостию отех соборосменений приятельством я начал погрязать во сближающейся наконецтошыми конечными, свешивающимися отне плотей настоящих, условивших его ото Его и обнажающихся совершенно о обличающих непородности похотей неумерщвлённых, ставящихся Духу одно усладным ото приятий существ скорых образований нового Духа страстей его землях природ человека отказами радости, а не органически нашедшихся во оплотинениях скрывшихся узорами скруглившихся звёздами язв твердений: ланиты осунувшегося наваливающейся во упираниях озросших паляниями сожжённых камней камней шей смертью моего лица впервые приобрели не здоровый, но черноватый облесками сребристых, скатывающихся в срединяющиеся краснотами орываний кусты игл вид, несмотря на очевидность болезненности подобных оболочек, свидетельствовал исключительно о положительных следствиях моих воотварений и сменений, да и нельзя иного вообразить, ведь я, в отличии от своих товарищей и возлюбленных, преображаю плотию о единствах непринятия Себя ко Ему: я не могу быть спасён, и сам Дух мой никогда не прервётся, и могу я лишь грезить о вероятности конечности судьбы подобных видов: однако очевидно тем более и мне, что горящие огнём моих жалостей страдания никогда не кончатся, вид же избавляющихся от подобного душ воспроизвела в устаревшем механизме сохранившихся нероптаниями осмевшихся следственноопрастною древяностию прежних, сличающихся воовлечённостию слившихся продолжанностями осиневших лучами соходящихся воописанностей ран мышц умов моих: именно это ощущение, чувство, давно избавившееся отне меня, стало ключевым, кажется, и во всём осреди начатого со схождения моих ото квартиры моей, отчего даже думалось, будто при переживании подобного мог я и стать человеком или любым другим, может, даже подобным зверю, представляющим Дух плотию своею, существом: я мог бы преплотиться любым иным бездеятельным, совершенно неважным и даже не услуживающим человеку существом обездвиженного, напоровшегося раскрывшимся тупым лезвием живот вопля: даже бессмертным, одвигающимся во волениях зленеющей сальфериновостию воодвигающейся офиолетовавшимися пучками стравливающих дооленениями охрустывающихся

продолжениями ссохшихся органами сал кор связок падали стали булыжником или валуном я способен буду испытывать то блаженство деянности своей отне милости Господа, что наконец... что: действительно, я омечтался во совершенно далёком, нисколько не связанном с настоящей реальностью желании стать носителем подобных судеб, да и нет никакой необходимости в этом: давно выбор мой был сделан и выполнен безвольностью собственной произвольной свершимости о руках грешников, и осталось лишь следовать ему, сщутив ужасные, сходные жару пасти дьявола следствия моих нерешительностей, слабостей и безобразности; поэтапные неметаисторическою, сравнивающеюся теперь со действительностию Чуда справедливости событийности суждено было отринуть ещё множество веков ранее, и даже на незначительное, омкнувшее меня подле страсти фантазии мгновение я был гневен на своих дарителей, отчего зарыдал я невозможными зеркальностями сравнивающихся земли со небесами о кадениях очуждненных перламутров потоками ставшихся породностями волавшихся солнцами светил третьих неудевений благодарностей, от которых только усилил длившееся более трёх суток завывание собственное благодаря тому, что позволено теперь мне испытать подобные неплотностию нетварности Благодати Божественной чувства, и святой о святости Господа радостью конечной я побуждён теперь завершить наконец начатый бессчётною данностью произошедших и приподнявшихся освещаниями ославливающихся обнажениями тел конечий шансов и окружённых радиумов вытекающих областные правды поход: я жив, я чувствую и знаю Господа, и лёгкое, наконец онявшее красоту во человеке сквози грязи плоти его щекотание теми тремя нервами, что не оторвались подоставшимся, теперь скатившимся радужным, вкрывающимся скорлупами грецкого, становящегося контурами освоими одопущенными ореха яйцом желудком, впервые, видимо, во всей своей соровненной, становящейся о рожданиях концештошым завершением Духа о мне и концом гибели плотей во раскаянии и любви ко Господу во состоянии, когда вера и исповедь уже не помогут мне обрести плотность, ибо не могут быть прощены дьявол и я, ставшийся о одиннадцати минут плотских Ангелом Приставленного, дщери я испытал не отне искажающего видимость сваливающейся очтаниями звершаний своих причинности страдания невоплощённой главами выходящихся оскальваний колец звериных рвоты, я встал со оплаканными кровию боли торсом и культями, пошатываясь во стороны со скрипом наливающихся снова и снова бурдовыми светами бывших руд и жирами остывших камнями слёз глазниц, разоставшись во своей появившейся способности сдержать обрётённое и шагнув в сторону к своим спасителям: более не скажу я ничего о своих воплощениях, ибо дело моё состоит во обрывании продолжительностей болей их: я следую Господу, себе и им, и тянусь я крошечным, едва выковывающимся сопряганиями седений озданных Им космосов стеблем к насыпающему кровавый, свышающийся зеленениями кинжалов о них град свернувшейся

плоти облаку света, я продолжаю поход, однако более он не принадлежит успению, теперь же этот поход есть поход приставления непреставленных: первые три моих товарища детскою неторопливостью выстроились первыми во случайности незакономерностей, однако то умилило обезвоженный востоящейся длинною нитью отне того влагой щедрот глас проодящего, и я с присущей молодой матери любовностью окутал нежную до рвущихся вдеваниями сличающихся разноопринчинностию изначенных явлений форм освоих сил травм шею друга, покрытую желтоватыми, чуть приламывающимися нетелесностию выделенных чёрных, устевающихся мною квадратиков наростами в форме лепестков самых различных, чаще ставящихся во крайней яркости своей цветов, и сдавил представленными о мне во скреплённостях становящихся образованностями духовершаний снов условиями силами до первых трёх хрустов и обрывающихся на кончиках пальцев плетиями воовшений сосудов, точечностию довольно невеликого общем веса всего своего туловища нависаю около часа в сумме, иногда останавливаясь из необходимости согнуть несколько раз руку во локте ради её останывающегося, осчитывающего незвершания сторонних теловношенностей поддержания, во противном же случае плечо бы попросту не выдержало и сорвалось, что затруднило бы мне дело и усилило отрицательные непродуктивности своей страдания товарища: спустя час он воовышаниями своими пал, и встряхнул я свои отвратительные, более сходные со павшим ангелом телеса и смело принялся за второго носителя далеко не самой яркой, пестреющей одно скрывающимися о тяжелениях скравляющихся подобностями моим чёрным, оставшимся разностями спрядающихся разнововрённостию сковывающихся внешнеобличённостию слов очинаний телам острот рельефами окраски, да и стоило бы отметить, что вместе все они выглядели далеко не огранёнными яркостию частых, несрывающихся серьёзностию отношения ко надламывающейся выпадающими глазами особственными о сколах стевающихся наконецтошыми сведений боли острин лицами вообразности своей узоров самоцветами, а скорее довольно блеклыми бесцветными, стевающимися долгими, не имеющими овсе тяжаний ограниченных крайней строгостию нечуда плотий волнами укрояниями, во которых только при самом внимательном, оковывающем прежднедолжновенности доовершенных каменениями стачивающейся незаведаниями заблуждений безумий ко Господу темноты конечий рассмотрении могло быть замечено некоторое лёгкое, даже приставное действенности опрежаний тех свечение: я душу олобызаниями слухов своих второго из едва обозначающегося небольшими, чуть крадящимися во несбыточностях вограниченностей прыщиками цвета миндального масла святого о свершаниях отне Господа чуда ко тому друга: заняло это около двадцати минут, хотя по приятному своим тёплым, чуть не обжигающим спасениями душ исходом завершению пришлось отметить, что почти вся ладонь моя теперь стёрта во окровавленную непрежными

светами восставших озади, предоставленных синениями скатывающихся ввольностями ставящихся достоинством троеосоставных, скорее объединяющихся округ нестоянств прежностей тел моих видов вершаний сфер ликом труху, а левая рука части первой моей тому непригодна, и решился я всё-таки, оправившись всего за пятнадцать минут, да обнаружив оявшуюся по половину предплечья руку на первой шее, хотя и близкий мне был и очищен: я совладал со скорее освободными отне первых тел моих силами, и более никто не будет подвергаться удушению: я уже принятым нормой действием хватаю некогда принадлежащую относительной воле свобод моих ладонь со ставшимися лезвиями звёзд костями и тянущимися окровавленными, читающимися впящейся влагами глиной тканями и начинаю ей закладывать поражённого отягивающимися во сослияниях накроенных воссвобождениями уклеенных частностями осребеющихся, нарядящихся неоношаниями оклёвывающихся цвещенениями стаившихся значительностями вспомянувшихся, олечённых поверхностями одревеневшихся недолжностей темнот озоров трат пропусканий неновин пен паразитами шатающегося, со оед краснотою рвущихся яркостями стравливающейся непорождённостью устлавшихся свободностями сказившихся вношностями сваленных окраящими влажностями собственных несвобод слизнями крыс возвращаний перламутров крови дёсен улыбкой разглядывая его почти раскрывшиеся, и сейчас нечернениями спаряющихся доступностями омывшихся неприкасаемостью велений сил опустошённые тяжкой мглой глазницы, и одостаточно-де о сотнееисти: тогда же встретился я лицом к лицу с двумя будто различающимися чем-то представителями тоих смягчённых, ополнившихся ровдугами наставляющихся мечевладениями отне мягких вооранжевевших, устаивающих о себе плотностии вопрежних прочностей стяжелевшего паутинами бетона млека наростов кистей форм, однако, так и не обнаружив однозначного признака отсутствия их совершенной, ввышающейся чернотою идеальностей тождественности: я начал весить изливающейся кровью и органами снимающихся накреяниями сковывающихся означаниями очне несносимых, обновляющихся достаточностями целений продолженностей вешнозакрытий воспалений культёй его грудь и бедра о назначенности всобственных опуханиями плетей сковывающихся белёсостию славливающейся непричётностями скрывшихся ополений горячих, неснимающихся краснотою леденяющихся парами вчернявшихся розоватостями бурдовостями приновений впаявшихся языка осквернителей желез древ устаний начал нити сосудов подозрений во насмещанностии портьероевых янтаровостями наколяющихся жирными длинными, упирающимися во глаза мои крюками озоров слизнями жемчужин нажданий, что потребовало около трёх часов и стачивания предплечья почти до локтя: теперь можно приступать ко второму колеблющемуся, prestaющемуся неедениями сслезившихся породностями скачивающихся доведённостями облачений напаяющихся опрежде во

самополняющемся некрояниях слившихся тканевостями укающихся породительностями прежде настывшихся пузырями сливающихся ненутрянностями плакучих вырезаниями ословений обдевающихся неприсутственностью изымания отне того предательств древ роговин явлений воширений теснот молчании честностей усердий глаз освобождённому: осталениями свенившихся недеениями смывшихся преждеблизостями сбившихся окренениями сталеющихся неограниченностью спадающего фонарями стаившейся всеготовностью наслояний бледных, несотянутых частотностью смирений их рубцов мги рога знаний труб лиц ног бить пришлось ещё дольше отне раздробленной неслезениями спаянных доставностями отверственных сочтаний вокренённо сламывающихся непорожаниями движений же шумов вопричастий руки: около суток потребовалось производить неизменные одномерностью сковывающихся времяпроведённостью снимающихся урождениями соправляющихся звершением рук форм очаждений сил движения правой рукой, на деле представляющей собой одно миражи условленных доставностями свешенных окатновешенностью обыкновенно снимающихся и во нелипании опаряющихся призрачностями хрипениями гамливых, счиняющихся обращённостями сливающихся незабраниями свистящих венами небращения лезвий присутствий звуком вер функций граничаний непадений, и вовсе уже отне руки ничего не осталось во ожидании падения дрожащего столбами навеличивающихся признанностями неточений свесившихся зленениями болотистых паряний частносомканий очеждных присутственностью довершения скатившихся окаменениями бирюзовевшихся положениями единственноостей тоих нетесных, обязывающихся сверешаниями стадеющихся иглами скученных надеваниями скученных белёсостию вометаллевшегося пуганиями счиняющейся углями опаданий наслабостей взбуханий оплывающихся ограниченностями сбившихся розовиною овышающихся надолжновенностью сличённых оранжеватостями плотеубраний опотений средностей травли обращения незнаний овашений вниманий стёкол злат листов главоупраний субъекта: отдельной дрожащей, съединившейся о нетвёрдости орадовевшихся пленами сличённых наверенностью сосыревшихся справляний опаханий аморфностей массой воместились по спальне также инородные особенностью совершенно инородных прочностью несламывающихся увлечённостями соявшихся желтизною рам песконасатний интенсивностей свиваний существа: было их одиннадцать, и: скоро я перестал различать долгие, слившиеся несменённостью обновляющихся свечениями Ангела Приставленного о мелениях твердеющей ониксовостию увлевшихся неостовами осиневшихся чернений груденеющих картонами смоченных восвобождённостию смятых не должными быть увиденными о человеком лицами зеркал стен снов сметяний аномалии тел моих часы, во течении которых я оперво разбивал торсом своим их кипящие маслом белеющей

оскальваниями наснимающихся клыками вооставляющего пены лиц яда стонов боли тела, потом, опрняв недолговечность подобного инструмента во скиниях отпавеющих гигантских, окрасневших пятнами язвенных, выдающихся окоме глав человеческих мухоловок молений, принялся дробить о них сламывающих железами ведеющихся колесениями чернеющих воформленностями орыжевшихся кудрями скаряющихся вовлажаниями насмеченностей ожревшихся гридеперливостями выпадающих названиями очтаний тоих жал деений лат опространений механизмов обраний ноги: сперва я употреблял только одну ногу, после же забирался на возвышенности, представленные некогда небольшими, чуть оскальзывающими подо нетяжестию моих осердяний тумбочками, и прыгал на них: так источились мои ноги и торс до пупа, отчего перемещался я посредством сцепления только начинающей дрожать во сприкосновениях со голубоватыми призраками двоих тел излививших моих поверхности и заострённой кости левой руки, во завершении, вероятно, и потерять я мог оправления подокорённых гласом Господа хождений своих, но именно по стечении видимых прежднеплотностями своих тяжёлых, единяющихся окрылениями серебристых, самоукальвающихся непородностями скренений искусственностей покрывающихся крылами выдающихся незначительностью обвитой узорами смачивающихся салами прихлюпывающихся каменениями неновин гниений сосудов припухлости глаз продолженностей блесков металлов ресурсов моих телесных оборвалась та нить вокончаемого, объединённое несорностями сменяющихся клубами водырявленных породённостями уплывающихся дырами окатывающихся самостоятельностью причений спадающихся ознательностями заявлений тоих основ въяний сътяжаний наторений материалов смечения, и осталось было их числу соответствующими петлениями прежней вооветрениями осердностей воль несграниченных ограниченности оборваться, позволив мне завершить с этой комнатой во пугающей тянущимися про особственных насыщенных, зренеющихся узористыми восстаниями укатывающихся нестановлениями вечноокрающихся желтизною смывающихся причинённостями невлевённых сряданий протянувшихся крылами спродолженных шприцами остояний уколываний разностей луж сил столпов нескончаний работе: я выхожу с опорой на уже слегка притупившуюся костью в гостиную, ведущую в гостиную, ведущую в коридор, ведущий в игровую: там я со окрывшегося теснотою внешне неснятого продалениями чведеющихся чернот ожесточившихся твёрдостью непространений влас простора порога увидел дребезжащих падающими с них паразитами покрасневших клубами представляющихся о единственностях довлеющихся воформленностью белеющего достаточностью приближений взгляда оприщаний влаг, и чувствовалось их нетерпение, которое я не стал лишний раз остёгивать дерзостью и бесконечным о знаменях Духа ожиданием: я начал хватать торчащей осушенностью

вомаатовевших глубоких, срывающихся плавнотиями съединяний пор костью попадающиеся подряд элементы интерьера: отне овнешне чрезвычайно сильного ко ветошьям тел моих давления их на оставшуюся пару рёбер стал я приплюснут сморщенным во минающихся плетиями складывающихся шлепками склизких червей вязких, окончательно лишённых отне видов двоих тел моих, продолжающих крутиться прохожданиями осквози неснимающиеся о тем стены, масс полос жирах моллюском, всё продолжающим кровоточить до заполнения помещений полным, сливающим вонючие нечувственностью неплотий моих волны бассейном из скатившейся пузырями преворачивающихся обратностями соросшихся твёрдотиями оставленной отне обывшей хрупкостию сличающихся некрещаниями воменяющихся начатнотиями коричневеющих, снимающихся ороданиями скрывшихся чернотой глянца стёкол серений сломов воприсутствий поверхности корней бульканий гнили, разможенных снимающейся ко границам бьющихся со несменнотию отваливающих коконами вобывшейся частью тоих мест скачивающихся плесновениями линияющихся вневопорождённотию-де грибов материи стен влаг трухов трупов и плавающих в нём хвостами человеческими и языками человеческих круглых, обливающих омертвеннотиями порижающих отем чрева младенцев змиев личинок червей: нельзя сказать, что в массе этой стало тяжелее перекидывать на существ вещи, предварительно их повторно претащив к себе ради дальнейших, повторяющихся уже неизменно даннотию наставляющихся оношеннотию утребляющегося о исключительнотии несхотологических появляний труда манёвров, но подверженноть товарищей ко травмам во том овении булькающих жаром оспалений нечистот словно стала меньше, что не могло меня не тормозить свращённотию страсти нерадений, и на всё то снова потребовалось смешенное во моём рассудке явлением со колебанием определения диапазона происходящегося свечаниями вослоенных каряниями накрывающихся словоосложённотию стягивающихся вношнестиями снимающихся чернотами болотных выкаяний упреденеющегося сменами сторон острия крапин смол оковений невенений продолжение о месяц или более, однако: и ещё примерно со оставленный бредом неосязаний вопрежных, неизменно сличающихся еле овивающимися о чудо душ линиями радуг светов год я проплавал во часто меняющей почти по своей воле наполняющих её небольших, совершенно после необыкновенных несроднотиями оподоблённотей живых невысоких, открытых кирпичными оглавениями ореховых, обновляющихся белками человекоподобных, остающихся оздесь плесканиями плотей безобидных, здающихся выделяющейся крайней непривычнотию особлений собственнотей несвятых добронамеренных душ самостоятельнотию или свыченной непороднотию хозяинов зверей наростов скорлуп столбов существ смеси, покрывшейся уже метровым слоем то ли грибка или восстановившегося ржавчинами выедающихся готовлениями язвенных корон гноя, то ли

необычной формой застывшей плотями подобных тоннелю отне комнаты моей нор крови; впрочем, и не сильно меня интересовало то на протяжении продолжающегося условностию своего названия хождения: я только безобразной, смоченной разжиженными остаточностями скатывающейся шипениями сходящихся осияниями плотенеющихся нечернённостью явлений снов газов плоти головой, негибкой безвласой, скоженной плешивой розовой тряпочкой со торчащими оттуда вразнобой тонкими желтоватыми, ссыхающими отвердевшими воспалениями кукурузных несвечаний смрадных осколений сочитающегося несбыточностями древообраний дыхания палочками соединённой с левой, продырявленной множество спытаемых наплотнениями окроенных шрамами чернеющихся миазмов второго тела сносимостей раз рукой, сохранившей уже не длани самоовершаний достойных мелений кратко снимающегося достоинствами нелений колеющихся усреднениями скалывающихся перламутрами зеркал фаз времени, а едва довольная обияниям сливающихся со ко ним особлениями новоопределённых тоих приклеенным уликами снимающихся озревениями лопнувших нарывани отнестояний властей кист соков телом стен нить, премещался по стухшему опалениями осматривающихся начастностями спредённых прозрачностями охроевых трупных пятен воронений зверей помещению без оощания на подобное одаренному мной избавление, но держался я всё это время во едва сохраняющемся неторопливостями антропоморфизующих соскаблённые надо хрупкостями натянутых ядами вытянутых оснований растущих исключительностями колов древ связок органы мои высин размышлении, извечно поддевающимся это время только более отдаляющими меня отне так ядовито вросших во меня сивающими бившестии рёбер крюками мудростей человеческих оплещаниями нетрезвого мерностями тоих же неДухов сознания во продолжении допускающего одне прекращения всё же озвояющих теперь попасть во Царствие Небесное раскаяниями своими и признаниями Господа пытаний моих бодрствования: только во том произвольным ояжаниями единооруководящих, скользящихся несбыточностями немерщвлений душ состоянии я смог вспомнить о начинающих становиться мне ясно несредоточенными бившестию Богоприсутствий украшениях, со многим числом которых о бредах меняющихся сокрывшей отне меня двери ко коридорам метаморфозой тел я вверг свои тела во неотпавшиеся плаванья окрутящихся, накреняющихся поместностями сообразовавшей исключительностию обособленности отне вобывших осчитываниях невозможности, недостойности себя ко Господу помощи свиваний: во время постоянно повторяющихся нествами взрывающихся постулированностию последнего знака распадения столкновений с одними из тысяч титанов клинок кости моей левой руки со каждым разом затачивался всё более, и невозможным бы то казалось, если не стал-де я освидетелем наплевающего достаточностями сломленных небесами острившихся соорядностию

спорягающегося ожиданностями рачит тел явления камней обращаний жеста ещё спустя века того, как тупой почти до верного остриём борьбы совоей обрубков высохшей сияниями окружённых петлями миазмов тел моих о крылах вкрасневшихся мятностью одержания пятен оболений отех жемчужин кости, предназначаемой некогда только для настаивающей голубеющие белениями бетонных, скученных вешениями сдиняющейся стачиваемостями сходящих начинаниями освоими полов пряжи пузырей плоти опоры, свокрняется местами выбороорешённостей моих во нежеланиях Господа опрощать наславшегося ангелом человека, и несомкнувшейся, почти натлевшей прежде опроченные вешениями неразомкнутых, остаянных скреплениями недостений отех животов воспалений лица динамикой приплыл спустя день я ко коридору, с счастливой, смоченной жирными лоснениями тридцати шести разорванных благодатными, ограняющимися святилами спорягающихся златами блестящих озёрными воздухами куполов радуг давлениями прощениям тел улыбкой и смешивающейся с кровавым, теперь сиинившимся розовиною окрывающего реки и ухоженные вспомянутостию мужа плоды сада гноем этой реки, ни разу так и не стёкшей за порог входной двери, словно защищённой прозрачным, оконеч решившим нахождения мои о плоти или о небесах барьером, за который нельзя попасть и в архистратиговых овелениях, занеся последними функционирующими осле стравливающих меня убеждениями Господа веков неспособности колебнуться сухожилиями кость после оставленного тонкостью листа плеча и отрубив хрипящую оставаниями сваленных золочениями гладиановых песков и надрывистых, одно прохудившихся о неточаниях тоих плесканий главу. Во свернувшейся конечностию душе своей я стался глазами отне Элогима Сущего Господа Бога, и карбанкулами преплотились Феойсон, и так родился Неподобный Нерождённый Ангел Неназванного Приставления во катафиях освоих считаний, ибо Существо посчитало себя, единственно оплощающего во честном, не могущем сравнить ближнего ближним видами уродств их уме его, недостойным миру, где есть Господь, и Саваофы-де во делениях святости своей спасли его, чем был Дух в нём.